stratum plus
Археология и культурная антропология
№2. 2014

E-ISSN: 1857-3533
Категория B

ОТ КАРПАТ ДО КАВКАЗА: КОНСТРУКЦИИ КУЛЬТУРЫ

Поздний бронзовый век Северного Причерноморья
Неолитизация Европы: новые факты и гипотезы
Генетические корни носителей трипольской культуры
Антропоморфные изображения в культуре Прекукутень-Триполье

Редколлегия номера:
Игорь В. Манзура (ответственный редактор),
Станислав В. Церна (зам. отв. редактора)

САНКТ-ПЕТЕРБУРГ КИШИНЕВ ОДЕССА БУХАРЕСТ **2014**

E-ISSN: 1857-3533
Category B

Stratum plus. Nr. 2.
Archaeology and Cultural Anthropology

From Carpathians to Caucasus: Constructions of Culture

Late Bronze Age of the North-Western Black Sea Area
Neolithisation of Europe: New Facts and Hypotheses
Genetical Roots of the Tripolye Population
Anthropomorphic Representations in the Precucuteni-Tripolye Culture

Volume Editorial Board: **Igor V. Manzura** (Editor-in-Charge),
Stanislav V. Țerna (Associate Editor)

Saint Petersburg. Kishinev. Odessa. Bucharest.
2014

Stratum plus. Nr. 2.
Arheologie și antropologie culturală

De la Carpați la Caucaz: construcții de cultură

Epoca bronzului târziu în spațiul Nord-Vest Pontic
Neolitizarea Europei: noi date și ipoteze
Rădăcinile genetice ale purtătorilor culturii Tripolie
Reprezentări antropomorfe în cultura Precucuteni-Tripolie

Colegiul de redacție a volumului: **Igor V. Manzura** (redactor responsabil),
Stanislav V. Țerna (redactor adjunct)

Sankt Petersburg. Chișinău. Odesa. București.
2014

High Anthropological School
Высшая Антропологическая Школа

Editor-in-Chief — doctor of history **Mark E. Tkachuk**

Coordinating Editor — doctor of history **Roman A. Rabinovici**
Responsible Secretary — doctor of history **Leonid A. Mosionjnic**

Administration and promoting — **Alexander N. Burean**

Founder — **Alexei S. Tulbure**

Editorial Advisory Board:

M. B. Shchukin. *Through the Decision of the Senate of the High Anthropological School and Stratum plus editorial board, the name of Mark B. Shchukin shall be recorded forever in the list of editors of this journal in memory of his outstanding merits.*

G. Atanasov — doctor of historical sciences (Regional History Museum, Silistra, Bulgaria).
M. Babeş — doctor of history (Institute of Archaeology "Vasile Pârvan", Bucharest, Romania).
S. Beletsky — doctor of historical sciences (Institute for the History of Material Culture of the Russian Academy of Sciences, Saint Petersburg, Russia).
Yu. Berezkin — professor, doctor of historical sciences (Peter the Great Museum of Anthropology and Ethnography, Russian Academy of Sciences (the Kunstkamera), Saint Petersburg, Russia).
V. Borshevich — doctor habilitat of physical-mathematical sciences (Moldovan Branch of the UN International Academy of Informatization, Kishinev, Moldova).
I. Bruyako — doctor of historical sciences (Odessa Archaeological Museum of Ukraine National Academy of Sciences, Odessa, Ukraine).
V. Cavruc — doctor of history (Eastern Carpathians National Museum, Sfântu Gheorghe, Romania).
S. Covalenco — doctor of history (Institute of Cultural Heritage of the Academy of Sciences of Moldova, Kishinev, Moldova).
V. Dergacev — doctor habilitat of history (Institute of Cultural Heritage of the Academy of Sciences of Moldova, Kishinev, Moldova).
A. Dobrolyubsky — doctor of historical sciences (South Ukraine Pedagogical University, Odessa, Ukraine).
E. Girya — candidate of historical sciences (Institute for the History of Material Culture of the Russian Academy of Sciences, Saint Petersburg, Russia).
B. Govedarica — professor, doctor habilitat (Free University of Berlin, Berlin, Germany).
S. Hansen — professor, doctor habilitat (German Archaeological Institute, Eurasia Department, Berlin, Germany).
M. Kazansky — doctor of historical sciences (CNRS — French National Center for Scientific Research, Center for Studies in History and Civilization of Byzantium, Paris, France).
V. Kirilko — candidate of historical sciences (Crimea Branch of the Archaeology Institute of the National Academy of Sciences of Ukraine, Simferopol, Ukraine).
A. Kovalev — member correspondent of the German Archaeological Institute, leader of Central Asian International Archaeological Expedition (Saint Petersburg State University, Saint Petersburg, Russia).
I. Manzura — doctor of history (High Anthropological School University, Kishinev, Moldova).
K. Marchenko — doctor of historical sciences (Institute for the History of Material Culture of the Russian Academy of Sciences, Saint Petersburg, Russia).
S. Monachov — doctor of historical sciences (Institute of Archeology and Cultural Heritage of the N. G. Chernyshevsky Saratov State University, Saratov, Russia).
V. Myts — candidate of historical sciences (The State Hermitage Muzeum, Saint Petersburg, Russia).
E. Nicolae — doctor of history (Institute of Archaeology "Vasile Pârvan", Bucharest, Romania).
L. Nikolova — PhD, professor (International Institute of Anthropology, Salt Lake City, USA).
K. Randsborg — professor in archaeology (University of Copenhagen, Copenhagen, Denmark).
N. Russev — doctor habilitat of history (High Anthropological School University, Kishinev, Moldova).
O. Sharov — doctor of historical sciences (Institute for the History of Material Culture of the Russian Academy of Sciences, Saint Petersburg, Russia).
P. Shuvalov — candidate of historical sciences (Saint Petersburg State University, Saint Petersburg, Russia).
O. Shcheglova — candidate of historical sciences (Institute for the History of Material Culture of the Russian Academy of Sciences, Saint Petersburg, Russia).
N. Telnov — doctor of history (Institute of Cultural Heritage of the Academy of Sciences of Moldova, Kishinev, Moldova).
L. Vishnyatsky — doctor of historical sciences (Institute for the History of Material Culture of the Russian Academy of Sciences, Saint Petersburg, Russia).
V. Zuev — candidate of historical sciences (Saint Petersburg, Russia).

Address: Zimbrului St. 10a, Kishinev, MD-2024, Republic of Moldova
High Anthropological School University, "Stratum plus" Journal.
Tel./fax: (+373 22) 92-66-63; **E-mail:** stratumplus@gmail.com; **E-shop:** www.e-anthropology.com

Redactor şef — doctor în istorie **Mark E. Tkachuk**

Redactor coordonator — doctor în istorie **Roman A. Rabinovici**
Secretar responsabil — doctor în istorie **Leonid A. Mosionjnic**

Administrare şi promovare — **Alexander N. Burean**

Fondator — **Alexei S. Tulbure**

Colegiul redacțional:

M. B. Shchukin. *Prin Decizia Senatului Universității „Şcoala Antropologică Superioară” şi a redacției revistei „Stratum plus”, în memoria meritelor savantului de seamă Mark B. Shchukin, numele său a fost înscris pe veci în componența colegiului redacțional.*

G. Atanasov — doctor în ştiințe istorice (Muzeul regional de istorie, Silistra, Bulgaria).
M. Babeş — doctor în istorie (Institutul de arheologie „Vasile Pârvan”, Bucureşti, România).
S. Beletsky — doctor în ştiințe istorice (Institutul de istorie a culturii materiale, Academia de Ştiințe a Rusiei, Sankt Petersburg, Rusia).
Yu. Berezkin — profesor, doctor în ştiințe istorice (Muzeul de antropologie şi etnografie „Petru cel Mare” al Academiei de Ştiințe a Rusiei (Kunstkamera), Sankt Petersburg, Rusia).
V. Borşevici — doctor habilitat în fizică şi matematică (Filiala Republicii Moldova al Academiei internaționale de informatizare pe lîngă ONU, Chişinău, Moldova).
I. Bruyako — doctor în ştiințe istorice (Museul de arheologie din Odesa, Academia Națională de Ştiințe a Ucrainei, Odesa, Ucraina).
V. Cavruc — doctor în istorie (Muzeul Național al Carpaților Răsăriteni, Sfântu Gheorghe, România).
S. Covalenco — doctor în istorie (Institutul patrimoniului cultural al Academiei de Ştiințe a Moldovei, Chişinău, Moldova).
V. Dergacev — doctor habilitat în istorie (Institutul patrimoniului cultural al Academiei de Ştiințe a Moldovei, Chişinău, Moldova).
A. Dobrolyubsky — doctor în ştiințe istorice (Universitatea pedagogică din Ucraina de Sud, Odesa, Ucraina).
E. Girya — candidat în ştiințe istorice (Institutul de istorie a culturii materiale, Academia de Ştiințe a Rusiei, Sankt Petersburg, Rusia).
B. Govedarica — profesor universitar, doctor habilitat, (Universitatea Liberă din Berlin, Germania).
S. Hansen — profesor universitar, doctor habilitat (Institutul German de Arheologie, Departamentul de Eurazie, Berlin, Germania).
M. Kazanski — doctor în ştiințe istorice (Centrul Național pentru Cercetări Ştiințifice din Franța, Centrul pentru Studii în Istorie şi Civilizație Bizantină, Paris, Franța).
V. Kirilko — candidat în ştiințe istorice (Institutul de arheologie, filiala Crimeea, al Academiei Naționale de Ştiințe din Ucraina, Simferopol, Ucraina).
A. Kovalev — membru corespondent al Institutului German de Arheologie, conducător al Expediției arheologice internaționale în Azia Centrală (Universitatea de Stat din Sankt Petersburg, Rusia).
I. Manzura — doctor în istorie (Universitatea „Şcoala Antropologică Superioară”, Chişinău, Moldova).
K. Marchenko — doctor în ştiințe istorice (Institutul de istorie a culturii materiale, Academia de Ştiințe a Rusiei, Sankt Petersburg, Rusia).
S. Monachov — doctor în ştiințe istorice (Institutul de arheologie şi patrimoniul cultural, Universitatea de Stat din Saratov „N. G. Cernîşevskii”, Saratov, Rusia).
V. Myts — candidat în ştiințe istorice (Muzeul de Stat Hermitage, Sankt Petersburg, Rusia).
E. Nicolae — doctor în istorie (Institutul de arheologie „Vasile Pârvan”, Bucureşti, România).
L. Nikolova — doctor, professor (Institutul Internațional de Antropologie, Salt Lake City, SUA).
K. Randsborg — profesor în arheologie (Universitatea din Copenhaga, Copenhaga, Danemarca).
N. Russev — doctor habilitat în istorie (Universitatea „Şcoala Antropologică Superioară”, Chişinău, Moldova).
O. Sharov — doctor în ştiințe istorice (Institutul de istorie a culturii materiale, Academia de Ştiințe a Rusiei, Sankt Petersburg, Rusia).
P. Shuvalov — candidat în ştiințe istorice (Universitatea de Stat din Sankt Petersburg, Rusia).
O. Shcheglova — candidat în ştiințe istorice (Institutul de istorie a culturii materiale, Academia de Ştiințe a Rusiei, Sankt Petersburg, Rusia).
N. Telnov — doctor în istorie (Institutul patrimoniului cultural al Academiei de Ştiințe a Moldovei, Chişinău, Moldova).
L. Vishnyatsky — doctor în ştiințe istorice (Institutul de istorie a culturii materiale, Academia de Ştiințe a Rusiei, Sankt Petersburg, Rusia).
V. Zuev — candidat în ştiințe istorice (Sankt Petersburg, Rusia).

Adresa: str. Zimbrului 10a, Chişinău, MD-2024, Moldova
Universitatea „Şcoala Antropologică Superioară”, revista „Stratum plus”.
Tel./fax: (+373 22) 92-66-63; **E-mail:** stratumplus@gmail.com; **E-shop:** www.e-anthropology.com

Главный редактор — доктор истории **Марк Е. Ткачук**

Редактор-координатор — доктор истории **Роман А. Рабинович**
Ответственный секретарь — доктор истории **Леонид А. Мосионжник**

Управление и продвижение — **Александр Н. Бурян**

Основатель журнала — **Алексей С. Тулбуре**

Редколлегия:

М. Б. Щукин. *Решением Сената университета «Высшая антропологическая школа» и редакции журнала «Stratum plus» имя Марка Борисовича Щукина в память о его выдающихся заслугах навсегда вписано в состав редколлегии этого издания.*

Г. Г. Атанасов — доктор исторических наук (Региональный исторический музей, Силистра, Болгария).
М. Бабеш — доктор истории (Институт археологии «Василе Пырван», Бухарест, Румыния).
С. В. Белецкий — доктор исторических наук (Институт истории материальной культуры Российской Академии наук, Санкт-Петербург, Россия).
Ю. Е. Березкин — профессор, доктор исторических наук (Музей антропологии и этнографии имени Петра Великого Российской Академии наук (Кунсткамера), Санкт-Петербург, Россия).
В. И. Боршевич — доктор хабилитат физико-математических наук (Молдавское отделение Международной Академии информатизации при ООН, Кишинёв, Молдова).
И. В. Бруяко — доктор исторических наук (Одесский археологический музей Национальной Академии наук Украины, Одесса, Украина).
Л. Б. Вишняцкий — доктор исторических наук (Институт истории материальной культуры Российской Академии наук, Санкт-Петербург, Россия).
Е. Ю. Гиря — кандидат исторических наук (Институт истории материальной культуры Российской Академии наук, Санкт-Петербург, Россия).
Б. Говедарица — профессор, доктор хабилитат (Свободный университет Берлина, Берлин, Германия).
В. А. Дергачев — доктор хабилитат истории (Институт культурного наследия Академии наук Республики Молдова, Кишинев, Молдова).
А. О. Добролюбский — доктор исторических наук (Южноукраинский педагогический университет, Одесса, Украина).
В. Ю. Зуев — кандидат исторических наук (Санкт-Петербург, Россия).
В. Каврук — доктор истории (Национальный музей Восточных Карпат, Сфынту-Георге, Румыния).
М. Казанский — доктор исторических наук (Национальный центр научных исследований, Центр по изучению истории и цивилизации Византии, Париж, Франция).
В. П. Кирилко — кандидат исторических наук (Крымский филиал Института археологии Национальной Академии наук Украины, Симферополь, Украина).
А. А. Ковалев — член-корреспондент Немецкого Археологического института, руководитель Центрально-Азиатской международной археологической экспедиции (Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия).
С. И. Коваленко — доктор истории (Институт культурного наследия Академии наук Республики Молдова, Кишинев, Молдова).
И. В. Манзура — доктор истории (Университет «Высшая антропологическая школа», Кишинев, Молдова).
К. К. Марченко — доктор исторических наук (Институт истории материальной культуры Российской Академии наук, Санкт-Петербург, Россия).
С. Ю. Монахов — доктор исторических наук (Институт археологии и культурного наследия Саратовского государственного университета им. Н. Г. Чернышевского, Саратов, Россия).
В. Л. Мыц — кандидат исторических наук (Государственный Эрмитаж, Санкт-Петербург, Россия).
Л. Николова — доктор, профессор (Международный Институт антропологии, Солт-Лейк-Сити, США).
Е. Николае — доктор истории (Институт археологии «Василе Пырван», Бухарест, Румыния).
К. Рандсборг — профессор археологии (Копенгагенский университет, Копенгаген, Дания).
Н. Д. Руссев — доктор хабилитат истории (Университет «Высшая антропологическая школа», Кишинев, Молдова).
Н. П. Тельнов — доктор истории (Институт культурного наследия Академии наук Республики Молдова, Кишинев, Молдова).
С. Ханзен — профессор, доктор хабилитат (Немецкий археологический институт, Евразийское отделение, Берлин, Германия).
О. В. Шаров — доктор исторических наук (Институт истории материальной культуры Российской Академии наук, Санкт-Петербург, Россия).
П. В. Шувалов — кандидат исторических наук (Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия).
О. А. Щеглова — кандидат исторических наук (Институт истории материальной культуры Российской Академии наук, Санкт-Петербург, Россия).

Адрес: ул. Зимбрулуй 10а, Кишинев, MD-2024, Республика Молдова
Университет «Высшая антропологическая школа», журнал «Stratum plus».
Тел./факс: (+373 22) 92-66-63; **E-mail:** stratumplus@gmail.com; **E-shop:** www.e-anthropology.com

Издан при поддержке
Ольги Витальевны Свиридовой,
Олега Алексеевича Тюренкова
и Алексея Александровича Рыбалко

Stratum plus. Археология и культурная антропология (сокращенно *Stratum plus*) — международный рецензируемый научный журнал, посвященный актуальным проблемам археологии и культурной антропологии. Издается университетом «Высшая антропологическая школа» с 1999 года. Выходит на русском языке.

Тематика публикаций журнала не ограничена ни регионально, ни хронологически. Публикуемые материалы — результаты аналитических исследований, интерпретации, качественная публикация новых источников. Помимо материалов по археологии и культурной антропологии, принимаются к публикации материалы по истории, этнологии, нумизматике, эпиграфике и другим вспомогательным историческим дисциплинам.

Журнал выходит шесть раз в год в виде тематических номеров, каждый из которых посвящается отдельной исторической эпохе. Последний, 6-й номер годового цикла включает статьи по нумизматике и эпиграфике разных периодов, а также статьи по культурной антропологии, этнологии, истории позднего средневековья и начала нового времени. Каждый вышедший номер имеет свое собственное уникальное название, характеризующее содержание номера.

Электронная версия журнала (e-ISSN 1857-3533) доступна на сайте **www.e-anthropology.com**. Здесь же можно ознакомиться с полным архивом журнала.

Stratum plus. Archaeology and Cultural Anthropology (abridged as *Stratum plus*) is an international peer-reviewed academic journal covering topical issues of archaeology and cultural anthropology, published by the High Anthropological School University since 1999. The journal comes out in the Russian language. All papers are supplemented by abstracts in English, Russian and Moldovan languages.

Subjects are not limited either regionally or chronologically. They include results of analytical research, interpretations or a high-quality publication of new sources. Contributions on history, ethnology, numismatics, epigraphics and other auxilliary historical disciplines are accepted along with papers on archaeology and cultural anthropology.

The Journal comes out six times a year in subject-oriented volumes dedicated to a specific historical age. The last, the sixth issue includes papers on numismatics and epigraphics of different periods, as well as papers on cultural anthropology, ethnology, history of late Middle Ages and early New Time. Each volume has its own unique title relevant to its content.

Online journal (e-ISSN 1857-3533) and **full archive** are available on **www.e-anthropology.com**.

Все права защищены.
© Университет «Высшая антропологическая школа», Р. Р. «Stratum plus», журнал «Stratum plus. Археология и культурная антропология»
© Обложка: Д. А. Топал
Редактор материалов на английском языке: Ю. Д. Тимотина
Перевод на государственный язык Республики Молдова: С. Церна
Технический координатор: Ж. Б. Кроитор
Оригинал-макет: Д. А. Топал, Л. А. Мосионжник, Г. В. Засыпкина
Редактор карт: Л. А. Мосионжник
Корректор: Г. В. Засыпкина

Статьи этого журнала доступны учреждениям-подписчикам базы данных EBSCOhost.com
Содержание номеров журнала доступно также и в научной базе данных Elibrary.ru

Article level content of this publication is available to subscribing institutions via EBSCOhost.com databases
Article level content of this publication is also available via Elibrary.ru scientific databases

СОДЕРЖАНИЕ

МОНОГРАФИЯ В ЖУРНАЛЕ

Ю. А. Черниенко (*Одесса, Украина*). Сабатиновская культура в системе древностей бронзового века юга Восточной Европы 15

Введение 16
Глава 1. Сабатиновская культура и некоторые культурные образования посткатакомбного блока 40
Глава 2. Сабатиновская культура и западные «классические» культуры бронзового века . 46
Глава 3. Сабатиновская культура и срубная культурно-историческая общность 50
Глава 4. Культуры Сабатиновка и Ноуа 82
Литература 88
References 102

ОТ АЛЬФЁЛЬДА ДО НИЖНЕГО ДОНА: НЕОЛИТИЗАЦИЯ ЕВРОПЫ

Э. Банффи *(Будапешт, Венгрия)*. Начало оседлого образа жизни в западной части Карпатского бассейна и роль первых земледельцев Задунавья в европейском неолите 115

М. Т. Товкайло (*Киев, Украина*). Неолитизация Юго-Западной Украины в свете новых исследований поселения Гард 183

А. Ф. Горелик *(Бохум, Германия)*, А. В. Цыбрий, В. В. Цыбрий *(Ростов-на-Дону, Россия)*. О чем поведали череп тура, топор и женские статуэтки? (К проблеме начальной неолитизации Нижнего Подонья) 247

ТРИПОЛЬСКИЙ МИР В ЕВРОПЕЙСКОЙ ПРЕИСТОРИИ

Й. Мюллер, Р. Хофманн *(Киль, Германия)*, К. Рассманн *(Франкфурт-на-Майне, Германия)*, К. Мишка *(Киль, Германия)*, М. Ю. Видейко, Н. Б. Бурдо (*Киев, Украина*). Майданецкое: исследования по обновленному плану поселения 285

А. Г. Никитин *(Аллендейл, США)*. Генетические корни трипольцев: что мы узнали после восьми лет исследований 303

К.-Э. Урсу, К. Апараскивей *(Сучава, Румыния)*. Сосуды со стилизованными антропоморфными изображениями из ареала Прекукутень-Триполье А. Некоторые соображения 309

ИССЛЕДОВАНИЯ И ПУБЛИКАЦИИ

И. С. Никитенко (*Днепропетровск, Украина***), С. Д. Лысенко (***Киев, Украина***). Результаты минералого-петрографического анализа изделий из камня могильника Малополовецкое-3 и поселения Малополовецкое-2А (Киевская область)** **333**

С. Н. Кореневский (*Москва, Россия***), С. Б. Бурков (***Кисловодск, Россия***). Погребения эпохи энеолита и начала бронзового века из раскопок в Чеченской Республике 1988 и 1991 гг.** **345**

Список сокращений. **363**

Авторам «*Stratum plus***»** **365**

CONTENTS

MONOGRAPH INSIDE THE JOURNAL

Yu. A. Chernienko (*Odessa, Ukraine*). The Sabatinovka Culture in the System of the Bronze Age Antiquities of the South of the Eastern Europe 15

FROM ALFÖLD TO LOWER DON: NEOLITHISATION OF EUROPE

E. Bánffy *(Budapest, Hungary)*. The Beginnings of Sedentary Life in the Western Carpathian Basin — the Role of First Transdanubian Farmers in the European Neolithic 115

M. T. Tovkaylo (*Kiev, Ukraine*). Neolithization of South-West Ukraine in the Light of New Researches of Gard Settlement 183

A. F. Gorelik *(Bochum, Germany)*, A. V. Tsybriy, V. V. Tsybriy *(Rostov-on-Don, Russia)*. What did the Skull of Aurochs, an Axe and Female Statuettes Tell Us about? (On the problem of the initial neolithisation on the Lower Don) 247

THE TRIPOLIAN WORLD IN EUROPEAN PREHISTORY

J. Müller, R. Hofmann *(Kiel, Germany)*, K. Rassmann *(Frankfurt am Main, Germany)*, C. Mischka *(Kiel, Germany)*, M. Yu. Videyko, N. B. Burdo (*Kiev, Ukraine*). Maydanetskoe: Investigations, Based on Updated Plan 285

A. G. Nikitin *(Allendale, USA)*. The Genetic Roots of Tripolians: Summarizing Eight Years of Research 303

C.-E. Ursu, C. Aparaschivei *(Suceava, Romania)*. A Few Considerations on Some of the Ceramic Vessels Decorated with Stylized Anthropomorphic Representations, from Precucuteni-Tripolye A Area. 309

RESEARCH AND PUBLICATIONS

I. S. Nikitenko (*Dnepropetrovsk, Ukraine*), S. D. Lysenko (*Kiev, Ukraine*). Results of the Mineralogical and Petrographic Analysis of Stone Goods from the Burial Ground Malopolovetskoye-3 and the Settlement Malopolovetskoye-2A (Kiev Region) 333

S. N. Korenevskiy (*Moscow, Russia*), S. B. Burkov (*Kislovodsk, Russia*). Copper and Early Bronze Age burials from the excavations carried out in 1988 and 1991 in Chechen Republic 345

List of Abbreviations 363

Submissions 370

CUPRINS

MONOGRAFIE ÎN REVISTĂ

Yu. A. Chernienko (*Odesa, Ucraina***). Cultura Sabatinovka în sistemul vestigiilor bronzului târziu din sudul Europei de Est 15**

DE LA ALFÖLD LA DONUL DE JOS: NEOLITIZAREA EUROPEI

E. Bánffy *(Budapesta, Ungaria)***. Începuturile vieții sedentare în vestul Bazinului Carpatic — rolul primilor agricultori din Transdanubia în neoliticul european 115**

M. T. Tovkaylo (*Kiev, Ucraina***). Neolitizarea Ucrainei de Sud-Vest în lumina noilor cercetări pe situl de la Gard 183**

A. F. Gorelik *(Bochum, Germania)***, A. V. Tsybriy, V. V. Tsybriy** *(Rostov-pe-Don, Rusia)***. Despre ce ne-au comunicat craniul unui bour, un topor şi câteva figurine feminine? (Contribuții la problema neolitizării inițiale a Donului de Jos) 247**

LUMEA TRIPOLIANĂ ÎN PREISTORIA EUROPEI

J. Müller, R. Hofmann *(Kiel, Germania)***, K. Rassmann** *(Frankfurt pe Main, Germania)***, C. Mischka** *(Kiel, Germania)***, M. Yu. Videyko, N. B. Burdo (***Kiev, Ucraina***). Maidanetskoe: cercetări în baza noului plan al aşezării. . 285**

A. G. Nikitin *(Allendale, SUA)***. Rădăcinile genetice ale populației tripoliene: ce am aflat după opt ani de cercetare 303**

C.-E. Ursu, C. Aparaschivei *(Suceava, România)***. Vase cu reprezentări antropomorfe stilizate din arealul Precucuteni-Tripolie A. Câteva considerații 309**

CERCETĂRI ŞI PUBLICAȚII

I. S. Nikitenko (*Dniepropetrovsk, Ucraina***), S. D. Lysenko (***Kiev, Ucraina***). Rezultatele analizei mineralogico-petrografice a pieselor din piatră din necropola Malopolovețkoe-3 şi de pe aşezarea Malopolovețkoe-2A (regiunea Kiev) 333**

S. N. Korenevskiy (*Moscova, Rusia***), S. B. Burkov (***Kislovodsk, Rusia***). Morminte din epoca cuprului şi bronzului timpuriu descoperite în timpul săpăturilor arheologice din anii 1988 şi 1991 de pe teritoriul Republicii Cecene 345**

Listă de abrevieri 363

Submissions 370

Монография в журнале

Monograph
Monografie

Ю. А. Черниенко

Сабатиновская культура в системе древностей бронзового века юга Восточной Европы

Keywords: Sabatinovka culture, Berezhnovsko-Maevskaia Srubnaya culture, Babino, Noua, genesis.

Cuvinte cheie: cultura Sabatinovka, cultura Berejnovsko-Maevskaia de tip Srubnaia, Babino, Noua, geneză.

Ключевые слова: сабатиновская культура, бережновско-маевская срубная культура, Бабино, Ноуа, генезис.

Yu. A. Chernienko

The Sabatinovka Culture in the System of the Bronze Age Antiquities of the South of the Eastern Europe

The monograph is dedicated to the Sabatinovka culture, the problems of its genesis and the tendencies of the development of its relations with the neighbouring cultural entities. The recognition of the independent Sabatinovka culture stretched out surprisingly for a long time did not put an end in the discussion of the problem of the relationship of this culture with some other cultural entities of the South of the Eastern Europe. Some issues of the historiography of the problem and of the source base are analyzed. The author defends unhesitatingly the traditional point of view according to which only the late Srubnaya antiquities correspond to the Sabatinovka time, whereas the earlier ones correlate with the previous time of Babino antiquities (Borodino treasure). I oppose decisively the attempts of the complete synchronization of the Srubnaya cultural-historical community or even the Berezhnovsko-Maevskaia Srubnaya culture with the Sabatinovka culture. The foundations for supporting those researchers who see not only horizontal but also genetic relations of the Sabatinovka culture with the Srubnaya cultural-historical community (especially with the BMZC) are offered (with active use of the data on burial sites). In my opinion, the appropriate genetic links are not confined only to the participation of the Babino population in the formation of the Sabatinovka culture and the Srubnaya antiquities which many authors write about but have their roots in the times of the interaction between the carriers of the Berezhnovka type of the Early Srubnaya culture and the population of the Babino cultural circle. Although we can talk about some genetic relationship between the Sabatinovka and Noua cultures, the latter falls significantly from the unity of the funeral rites of the Late Bronze Age on the vast territory. I join with those researchers who explain the unity of the material culture of the same two entities primarily by horizontal (economic) relations.

Yu. A. Chernienko

Cultura Sabatinovka în sistemul vestigiilor bronzului târziu din sudul Europei de Est

Monografia este dedicată culturii Sabatinovka, problemelor genezei acesteia şi tendinţelor evoluţiei legăturilor cu complexele culturale vecine. Recunoaşterea culturii Sabatinovka în calitate de o entitate independentă, deşi a durat surprinzător de mult, nu a pus punct la problema relaţiei dintre aceasta şi unele alte culturi din sudul Europei de Est. În studiu sunt analizate mai multe aspecte ce ţin de istoriografia şi sursele acestei probleme. Autorul este un adept ferm al viziunii tradiţionale, conform căreia doar vestigiile târzii de tip Srubnaia pot fi încadrate în perioada de existenţă a culturii Sabatinovka, vestigiile mai timpurii fiind sincrone cu cultura Babino (de tipul tezaurului de la Borodino). De asemenea, autorul este împotriva sincronizării complete a complexului Srubnaia sau chiar a culturii Berejnovsko-Maevskaia de tip Srubnaia cu cultura Sabatinovka şi consideră, că doar siturile tardive corespund celor de tip Sabatinovka. Autorul prezintă (atrăgând pe larg datele despre complexele funerare) argumente în favoarea opiniei acelor cercetători, care identifică legături nu doar orizontale, ci şi genetice dintre Sabatinovka şi complexul Srubnaia, îndeosebi cultura Berejnovsko-Maevskaia. Legăturile genetice nu se reduc doar la participarea culturii ceramicii cu brâie în relief în formarea culturilor Sabatinovka şi Berejnovsko-Maevskaia (mai exact, la participarea în acest proces a culturilor înrudite din cercul Babino, în formarea culturii Berejnovsko-Maevskaia predominând cultura Dnepro-Donskaia de tip Babino, iar în formarea culturii Sabatinovka — cultura Dnepro-Dnestrovskaia de tip Babino), ci îşi au rădăcinile încă în interferenţa purtătorilor tipului Berejnovsk al culturii Srubnaia timpurii şi a culturilor cercului Babino. Cu toate că putem vorbi despre o filiaţie oarecare genetică a culturilor Sabatinovka şi Noua, ritul funerar al celei din urmă diferă clar de cel caracteristic pentru acest larg teritoriu în bronzul târziu. Autorul se alătură acelor cercetători, care explică unitatea culturii materiale a acestor două formaţiuni prin efectul interrelaţiilor de tip orizontal.

Ю. А. Черниенко

Сабатиновская культура в системе древностей бронзового века юга Восточной Европы

Монография посвящена сабатиновской культуре, проблемам ее генезиса и тенденциям развития связей с соседними культурными образованиями. Растянувшееся на удивление надолго признание самостоятельной сабатиновской культуры не поставило точку в решении проблемы ее соотношения с некоторыми другими культурными образованиями

© *Stratum plus*. Археология и культурная антропология.

© Ю. А. Черниенко, 2014.

юга Восточной Европы. Проанализированы некоторые вопросы историографии проблемы, источниковедческой базы. Автор решительно отстаивает традиционную точку зрения, согласно которой, с сабатиновским временем соотносятся только поздние срубные древности (горизонты), тогда как ранние — с предшествующим временем бабинских древностей (Бородинского клада), выступает против попыток полной синхронизации с сабатиновской культурой срубной культурно-исторической общности или даже бережновско-маевской срубной культуры, именно поздние памятники которой в наибольшей мере соответствуют сабатиновским. Предлагаются (с активным использованием данных по погребальным памятникам) основания для поддержки тех исследователей, которые усматривают не только горизонтальные, но и генетические связи Сабатиновки со срубной культурно-исторической общностью, особенно с БМСК. Последние, на мой взгляд, не сводятся только к участию культуры многоваликовой керамики в формировании как сабатиновской культуры, так и БМСК (или, точнее, к участию в нем родственных культур круга Бабино: в формировании БМСК — главным образом Днепро-Донской бабинской культуры, в сложении сабатиновской — Днепро-Прутской бабинской), а уходят своими корнями еще во времена взаимодействия между носителями бережновского типа раннесрубной культуры и культур круга Бабино. Хотя можно говорить о некотором генетическом родстве культур сабатиновской и Ноуа, последняя довольно заметно выпадает из единства на огромной территории погребального обряда эпохи поздней бронзы. Я присоединяюсь к тем исследователям, которые объясняют единство материальной культуры этих же двух образований главным образом горизонтальными связями.

Посвящаю светлой памяти моего отца — инженера-конструктора Черниенко Андрея Гавриловича (1936—2006)

Введение

Растянувшееся на удивительно долгое время признание самостоятельной сабатиновской культуры отнюдь не поставило точку в решении проблемы ее соотношения с некоторыми другими культурными образованиями юга Восточной Европы. Кажется, последним из специалистов в соответствующей области названную культуру признал В. А. Колотухин (2003: 60; ср., напр.: Колотухин 1996: 65—69 и сл.; Моргунова 2004; Кузьмина 2008: 4). Достойно удивления, что не одно десятилетие многие исследователи были в плену точки зрения московского археолога О. А. Кривцовой-Граковой, руководившей раскопками в основном памятников Поволжья и Приуралья и лишь впоследствии — работами на известном поселении на Белозерском лимане (Кривцова-Гракова 1955: 10 и сл.; 1947; 1951; Предисловие 1951: 6). Разработанная исследовательницей миграционная концепция (итоговый вариант см.: Кривцова-Гракова 1955) в какой-то мере созвучна с позицией В. А. Городцова (1927: 616 и сл.) [1]. Как уже не раз указывалось в литературе, построения были основаны на скудной в количественном и качественном отношениях источниковедческой базе. Взгляды с позиции специалиста по бронзовому веку Волго-Уралья наложили соответствующий отпечаток и на работы последователей О. А. Кривцовой-Граковой касательно других регионов. На эти моменты уже обращали внимание исследователи (Отрощенко 2001б: 113, 136—138; Гершкович 2001—2002: 599—600; Черняков 1985: 14). Ограниченными были представления О. А. Кривцовой-Граковой (1955: 84—86 и сл.) о не учитывавшихся в упрощенной схеме происхождения сабатиновских древностей т. н. «памятниках катакомбной (позднекатакомбной) культуры», якобы постепенно сменявшихся срубными. Позднее определенные из древностей, считавшихся некогда катакомбными, были выделены в отдельную культуру многоваликовой керамики (Березанская 1960) и, в приморской полосе части Крыма, в каменско-ливенцовскую группу (Братченко 1985а). Концепция О. А. Кривцовой-Граковой противоречила мнениям полевых исследователей памятников позднего бронзового века Южной Украины, связывавших последние с культурой местного населения (Гершкович 2000: 154; 2001—2002: 598—600; Gerškovič 1999: 3; Черняков 1985: 5 и сл.; 1975: 6; 1976: 69; Шарафутдинова 1968: 19; 1975: 5—6; 1982: 8).

Взгляды авторитетной исследовательницы оставались живучими, несмотря даже на то, что относительная и абсолютная хронология выделенных ею белозерского и сабатиновского этапов срубной культуры, «а вследствие этого... историческая интерпретация этих ступеней оказались неправильными» (Тереножкин

[1] В. А. Городцов, однако, не считал возможным относить к выделенной им же срубной культуре ни какие-либо погребения Одесского кургана (см.: Черняков 1976: 67; 1985: 9; Березанская и др. 1986: 83), ни предметы металлопроизводства, которые он считал более поздними, чем эта культура, и принадлежавшими киммерийцам, а ныне относящиеся к эпохе поздней бронзы (см., напр.: Гершкович 2001—2002: 599; Шарафутдинова 1968: 29), причем многие (получается, как будто бы тоже вовлеченные В. А. Городцовым в попытку «определить круг древностей, отличных от срубных» (Гершкович 2001—2002: 599)) — чаще к срубной культурно-исторической общности.

Рис. 1. Ареал сабатиновской культуры и ее культурное окружение.

Fig. 1. The area of the Sabatinovka culture and its cultural environment.

1976: 13[2]). Ведь в результате дальнейшего развития белозерской керамики, характеризовавшейся практически лишь на основе находок на эпонимном поселении, даже по обособленному пути, сабатиновские древности стать менее схожими, чем первые, со срубными Поволжья обоих рассматривавшихся этапов (Кривцова-Гракова 1955) не могли. Еще накануне выхода в свет приведенной только что монографии исследовательницы раскопками в Ушкалке был стратиграфически доказан хронологический приоритет сабатиновских памятников относительно древностей белозерского времени, а не наоборот, как казалось О. А. Кривцовой-Граковой (см., напр.: Телегін 1961).

Позднее постепенно становилось ясным, что формирование древностей, как считалось (в соответствии с наиболее распространенным ныне пониманием, неправомерно), типа поселения на Белозерском лимане, сведений о которых становилось все больше, происходило на основе сабатиновских традиций (Телегін 1961: 14; Тереножкин 1961: 192—193; Лесков 1967а). По мнению О. А. Кривцовой-Граковой, сабатиновские памятники сохраняли лишь слабые черты ранней срубной культуры Поволжья (Кривцова-Гракова 1955: 117 и сл.), а значит, надо полагать, в контексте большей, чем считала О. А. Кривцова-Гракова, хронологической близости сабатиновского этапа с раннесрубной культурой (см., напр.: Тереножкин 1965), по меньшей мере, имеющих намного меньше, чем керамика Белозерского поселения[3], шансов на происхождение непосредственно на основе срубной культуры. Я. П. Гершкович даже считает, что О. А. Кривцова-Гракова, не сумев вывести сабатиновский этап, в отличие от белозерского, непосредственно из срубной культуры (Гершкович 1997: 125; 2001—2002: 600; Gerškovič 1999: 4), тем самым косвенно признала самобытность сабатиновского комплекса (Гершкович 2000: 155). Однако этого на са-

[2] Впрочем, здесь, по всей видимости, имелся в виду другой аспект.

[3] Эта керамика и показалась О. А. Кривцовой-Граковой, по всей видимости, из-за большего сходства с раннесрубной, чем отмеченное для сабатиновской посуды, древнее последней. На самом деле это сходство объясняется большей культурно-генетической близостью к срубным древностям Белозерского поселения (Березанская и др. 1986: 151—152), чем керамики сабатиновской культуры. Впрочем, А. М. Лесков выделил на этом поселении и материалы, скорее всего, раннесабатиновского времени (Лесков 1975а: 13; 1975б: 6).

юга Восточной Европы. Проанализированы некоторые вопросы историографии проблемы, источниковедческой базы. Автор решительно отстаивает традиционную точку зрения, согласно которой, с сабатиновским временем соотносятся только поздние срубные древности (горизонты), тогда как ранние — с предшествующим временем бабинских древностей (Бородинского клада), выступает против попыток полной синхронизации с сабатиновской культурой срубной культурно-исторической общности или даже бережновско-маевской срубной культуры, именно поздние памятники которой в наибольшей мере соответствуют сабатиновским. Предлагаются (с активным использованием данных по погребальным памятникам) основания для поддержки тех исследователей, которые усматривают не только горизонтальные, но и генетические связи Сабатиновки со срубной культурно-исторической общностью, особенно с БМСК. Последние, на мой взгляд, не сводятся только к участию культуры многоваликовой керамики в формировании как сабатиновской культуры, так и БМСК (или, точнее, к участию в нем родственных культур круга Бабино: в формировании БМСК — главным образом днепро-донской бабинской культуры, в сложении сабатиновской — днепро-прутской бабинской), а уходят своими корнями еще во времена взаимодействия между носителями бережновского типа раннесрубной культуры и культур круга Бабино. Хотя можно говорить о некотором генетическом родстве культур сабатиновской и Ноуа, последняя довольно заметно выпадает из единства на огромной территории погребального обряда эпохи поздней бронзы. Автор присоединяется к тем исследователям, которые объясняют единство материальной культуры этих же двух образований главным образом горизонтальными связями.

Посвящаю светлой памяти моего отца — инженера-конструктора Черниенко Андрея Гавриловича (1936—2006)

Введение

Растянувшееся на удивительно долгое время признание самостоятельной сабатиновской культуры отнюдь не поставило точку в решении проблемы ее соотношения с некоторыми другими культурными образованиями юга Восточной Европы. Кажется, последним из специалистов в соответствующей области названную культуру признал В. А. Колотухин (2003: 60; ср., напр.: Колотухин 1996: 65—69 и сл.; Моргунова 2004; Кузьмина 2008: 4). Достойно удивления, что не одно десятилетие многие исследователи были в плену точки зрения московского археолога О. А. Кривцовой-Граковой, руководившей раскопками в основном памятников Поволжья и Приуралья и лишь впоследствии — работами на известном поселении на Белозерском лимане (Кривцова-Гракова 1955: 10 и сл.; 1947; 1951; Предисловие 1951: 6). Разработанная исследовательницей миграционная концепция (итоговый вариант см.: Кривцова-Гракова 1955) в какой-то мере созвучна с позицией В. А. Городцова (1927: 616 и сл.) [1]. Как уже не раз указывалось в литературе, построения были основаны на скудной в количественном и качественном отношениях источниковедческой базе. Взгляды с позиции специалиста по бронзовому веку Волго-Уралья наложили соответствующий отпечаток и на работы последователей О. А. Кривцовой-Граковой касательно других регионов. На эти моменты уже обращали внимание исследователи (Отрощенко 2001б: 113, 136—138; Гершкович 2001—2002: 599—600; Черняков 1985: 14). Ограниченными были представления О. А. Кривцовой-Граковой (1955: 84—86 и сл.) о не учитывавшихся в упрощенной схеме происхождения сабатиновских древностей т. н. «памятниках катакомбной (позднекатакомбной) культуры», якобы постепенно сменявшихся срубными. Позднее определенные из древностей, считавшихся некогда катакомбными, были выделены в отдельную культуру многоваликовой керамики (Березанская 1960) и, в приморской полосе части Крыма, в каменско-ливенцовскую группу (Братченко 1985а). Концепция О. А. Кривцовой-Граковой противоречила мнениям полевых исследователей памятников позднего бронзового века Южной Украины, связывавших последние с культурой местного населения (Гершкович 2000: 154; 2001—2002: 598—600; Gerškovič 1999: 3; Черняков 1985: 5 и сл.; 1975: 6; 1976: 69; Шарафутдинова 1968: 19; 1975: 5—6; 1982: 8).

Взгляды авторитетной исследовательницы оставались живучими, несмотря даже на то, что относительная и абсолютная хронология выделенных ею белозерского и сабатиновского этапов срубной культуры, «а вследствие этого... историческая интерпретация этих ступеней оказались неправильными» (Тереножкин

[1] В. А. Городцов, однако, не считал возможным относить к выделенной им же срубной культуре ни какие-либо погребения Одесского кургана (см.: Черняков 1976: 67; 1985: 9; Березанская и др. 1986: 83), ни предметы металлопроизводства, которые он считал более поздними, чем эта культура, и принадлежавшими киммерийцам, а ныне относящиеся к эпохе поздней бронзы (см., напр.: Гершкович 2001—2002: 599; Шарафутдинова 1968: 29), причем многие (получается, как будто бы тоже вовлеченные В. А. Городцовым в попытку «определить круг древностей, отличных от срубных» (Гершкович 2001—2002: 599)) — чаще к срубной культурно-исторической общности.

ОКВК даже сформировалась на основе срубно-андроновской общности (2012: 314). Однако Е. Н. Черных не исключает удревнения начала ранней фазы постсейминского хронологического горизонта Евразийской металлургической провинции, или (что хронологически равнозначно) горизонта культур валиковой керамики, вплоть до XV/XIV вв. до н. э. (1983: 87, 90, 95), т. е. как будто бы до начала сабатиновского времени (Gerškovič 1999: 85, 90—92).

Вполне вероятно, что ОКВК не сложилась единовременно на всей огромной территории. Нельзя исключать «запаздывание» в восточной части или же нестыковки в региональных хронологических схемах (Горбов 1995а: 65; 1993: 93; ср.: Черных 1983: 82; Гершкович 1998: 69; Горбов 2001: 151[6]). Не способствует пониманию хронологии горизонта КВК упоминаемое в качестве общего явления, характерного для восточной и т. н. контактной зон КВК, «наличие целого ряда больших и малых грунтовых могильников и, в какой-то мере, отказ от подкурганного обряда захоронения», что «в культурах контактной зоны было выражено ярче», вместо практически обязательного для предшествующего периода подкурганного обряда, и появление большого количества «вытянутых захоронений... вместо скорченных, господствующих в предшествующее время» (Черных 1983: 93). Это, по существу, противоречит предложенному в той же работе (см. выше) включению сабатиновской культуры с, главным образом, впускными в курганы скорченными погребениями[7] в контактную зону ОКВК. Но Е. Н. Черных упоминает в качестве объединения, предшествующего рассматриваемой общности в ее контактной зоне, культуру многоваликовой керамики, некоторые формы посуды которой «морфологически достаточно близки тем, что развились здесь в последующей сабатиновской культуре, входившей уже в общность КВК» (Черных 1983: 96). Более того, по мнению исследователя, ранней фазе этой общности, за исключением восточной зоны, четко соответствует смена новыми культурами (в частности, сабатиновской) предшествующих (Черных 1983: 95). Поэтому непонятно, почему Я. П. Гершкович пишет о включении сабатиновской культуры в общность КВК, «начиная где-то с ее (сабатиновской культуры. — *Ю. Ч.*) второго этапа» (Гершкович 1998: 69). Как бы там ни было, «Евразия эпохи поздней бронзы предстает не как конгломерат разношерстных культур, а в качестве целостной функциональной системы, разные части которой взаимозависимы и взаимодополняют друг друга» (Лысенко 2002: 102), что, разумеется, не следует преувеличивать.

По мнению В. А. Дергачева и В. С. Бочкарева, на стыке взаимодействия Волго-Уральского и Карпато-Дунайского очагов культурогенеза[8] в результате сильного давления с востока на второй из этих очагов в Восточном Прикарпатье, Северном Причерноморье и Нижнем Подунавье (Добрудже) формируется единый культурный блок. Последний объединяет сходные (что предопределено едиными восточноевропейскими культурными элементами) так называемые синкретичные, несущие в себе черты как волго-уральских, так и местных, карпатских, или нижнедунайских традиций, но в то же время относительно самостоятельные, своеобразные культуры (что обусловлено местными субстратами): Сабатиновка, Ноуа и Кослоджень (Бочкарев 1995а: 25; Дергачев, Бочкарев 2002: 11 и сл.). На мой взгляд, В. С. Бочкарев иногда несколько преувеличивает роль Волго-Уральского очага культурогенеза в истории Восточной Европы (Бочкарев 1991: 25, 27; 1993: 43; 1995а: 18, 27; 1995б: 123; 2013: 56; Дергачев, Бочкарев 2002: 13)[9], некоторые другие исследователи — роль Карпато-Днепровского (Отрощенко та ін. 2008: 222—223; Клочко 2006: 307). В то же время Я. П. Гершкович несколько

[6] В основном ли к рубежу позднего и финального бронзового века относится сложение общности валиковой керамики? Не правомерно ли это главным образом по отношению к ее восточной зоне — да и то не ко всей, а к восточной части?

[7] Впрочем, связывать их с курганным обрядом можно лишь относительно (см., напр.: Черняков 1985: 143). У некоторых исследователей впускные погребения скорее ассоциируются с грунтовым обрядом (см., напр.: Литвиненко 1990: 81; Крушельницька 2006: 99—100; Агульников 2008: 136).

[8] В последнее время выделяют также Карпато-Днепровский и Днепро-Донецкий очаги культурогенеза (см., напр.: Отрощенко та ін. 2008: 222—225; Клочко 2006: 307; Иванова и др. 2012: 172—173), самостоятельный очаг культурогенеза в Северном Причерноморье (Gerškovič 1998: 324), что, с одной стороны, отражает тривиальную истину о том, что генезис археологической культуры происходит в основном в пределах ареала последней, с другой — недооценивает роль первотолчков (на примере, в частности, приведенном В. В. Отрощенко (1996),— пассионарных). Видимо, следует учитывать первичные и вторичные (локальные) очаги культурогенеза (см.: Литвиненко 2009а: 63—64, 89, 90; 2009б: 24; 2011: 171, 172; ср., напр.: Клочко 2006: 307).

[9] Похоже, это заметили также А. Д. Пряхин (1996: 3) и В. В. Отрощенко (2002: 27).

недооценивает значение Волго-Уральского очага в формировании сабатиновской культуры (Gerškovič 1998: 324; Гершкович 1998: 63, 66).

Мнение Р. А. Литвиненко (2009а: 90) о том, что волго-уральский импульс, под действием которого, в частности, происходило сложение культурного комплекса Ноуа-Сабатиновка, был на соответствующем этапе ослаблен и дополнен западными влияниями, с моей точки зрения, справедливо. В предшествующее время воздействие Волго-Уральского очага культурогенеза на Северное Причерноморье было сильнее (см., напр.: Дергачев, Бочкарев 2002: 12—14, 307; Бочкарев 1991: 26; 1995а: 20—22, 27; Кузьмина, Шарафутдинова 1995: 229; Sava 1998: 306; 2002a: 159 ff.; 2003: 47) и в немалой степени предопределило процесс упомянутого сложения (Сава 1994: 30; Sava 1998: 306; 2002a: 173—174, 223, 245; 2003: 3, 54). А уж до Трансильвании и Балкан доходили лишь отдельные импульсы этого очага (Дергачев, Бочкарев 2002: 13).

О том, что волго-уральские импульсы доходили до носителей сабатиновской культуры с самого начала ее существования, а то и сыграли некоторую роль в формировании этой культуры, говорят, в частности, находки, прежде всего на ее поселениях, в т. ч. (чаще) раннего этапа, не только готовых бронзовых изделий, аналогичных или типологически восходящих к восточным образцам, но и форм для литья подобных предметов. В. И. Клочко относит поселение Капуловка в Днепровском Надпорожье с найденной там формой для литья ранних двуушковых кельтов, характерных для лобойковской металлургической традиции, к бережновско-маевской культуре, как и многих таких изделий указанной традиции, но не, например, аналогичного из клада Христич, относимого тем же автором к сабатиновской группе вооружения (Клочко 2006: 180—182, 195; 220, рис. 78: 9; 231, рис. 89). И это несмотря на то, что этот клад относится к культуре Ноуа (см., напр.: Дергачев 2011: 254—255 и сл., рис. 156: 53), а не к сабатиновской. Не фигурирующая в приведенной работе В. И. Клочко форма для отливки, в частности, типологически раннего двуушкового кельта со скалы Кременчук не имеет никакого (даже территориального) отношения к бережновско-маевскому контексту, относясь, как и поселение Капуловка, к сабатиновской культуре (Ушурелу 2010: 28; 25, рис. 1: 2, 3; 27, карта 1: 2, 3; Сикорский и др. 1997: 66—68; Дергачев, Бочкарев 2002: 105—107; 13, рис. 1; 23—24, карта 2; 316, табл. 106 С).

Как заметил А. М. Лесков, количество находок предметов металлопроизводства, типологически связанных с Волго-Уральем, в Причерноморье исчисляется единицами (Leskov 1981: 28). Если быть точнее, то речь должна идти о таких предметах, которые имеют более или менее непосредственную соответствующую связь. Так, на мой взгляд, сходство абсолютного большинства ранних кельтов Северного Причерноморья и соседних территорий, имеющих по два ушка (очень редко, в т. ч. для лобойковской группы таких изделий (см., напр.: Клочко 2006: 231, рис. 89; ср.: Дергачев 2011: 248) — по одному), с сейминскими и дербеденовскими весьма относительно. При этом обычно исследователи, хотя и не все одинаковым образом, связывают по происхождению эти типы изделий (ср.: Клочко, Козыменко 2011: 162). Для сравнения стоит подчеркнуть, что кижировские кельты не оставляют никаких сомнений в генетической преемственности от сейминских (Черных, Кузьминых 1989; Бочкарев 2010б: 121). Поэтому, полагаю, точку зрения В. И. Клочко об общности происхождения лобойковской, сабатиновской, кардашинской и сейминской металлургических традиций (Березанская и др. 1994: 124) (в частности, втульчатых топоров-кельтов эпохи поздней бронзы — от их прототипов из ареала культур шнуровой керамики: см., напр.: Клочко 2006: 142, 145—146 [10]) нельзя считать случайным экспромтом. Скептическое отношение к тому, что оловянистые бронзы и техника литья тонкостенных втульчатых орудий стали использоваться в Северном Причерноморье в результате волго-уральских импульсов, тоже объяснимо (Клочко 2006: 141—142, 174). Однако все же можно предположить, что сам факт наличия ушек у кельтов (в каком бы то ни было количестве), как и у наконечников копий, фиксирующийся для разных эпох и регионов, в т. ч. в лобойковско-голоуровских комплексах, может восходить, в конечном счете, к сейминско-турбинским традициям (подробно см.: Черниенко 2013). Некоторые исследователи считают, что на базе двуушковых кельтов восточных традиций и некоторых одноушковых в Нижнем Подунавье возникли безушковые кельты (см., напр.: Дергачев 2010: 129). По поводу наличия/отсутствия типолого-генетической связи между ножами с ромбиче-

[10] Один из наиболее ранних (по мнению В. И. Клочко и А. В. Козыменко, 2200—1700 гг. до н. э.) кельтов с «закрытой» втулкой, место находки которого неизвестно, имеется в частной коллекции А. В. Козыменко (Клочко, Козыменко 2011: 2, 156; 27, илл. 24).

ским плоским упором Поволжья и Северного Причерноморья существуют разногласия (ср., напр.: Шарафутдинова 1992б: 38—39 и Березанская и др. 1986: 47). В последнем известны немногочисленные ножи, чрезвычайно близкие к поволжским (ср., напр.: Черных 1976: 118—119; 238, табл. XXXV: 19, 23 и Кривцова-Гракова 1955: 55, рис. 12: 7, 8) (в т. ч. в Поднепровье и восточнее — с едва намеченным ромбическим расширением в основании лезвия и намечающимся перехватом, вплоть до едва заметных указанных деталей — см., напр.: Шарафутдинова 1982: 58—60, 64—65, 116—117), пусть наряду с многочисленными несколько отличными [11] (см., напр.: Шарафутдинова 1992б: 38—39; Березанская и др. 1986: 47). Следовательно, население Северного Причерноморья было знакомо с соответствующими восточными традициями и, на мой взгляд, вполне могло несколько видоизменить именно их (ср., напр.: Клочко 2006: 150, 185). Причем, видимо, это было начато носителями срубных традиций еще в предсабатиновское время (см., напр.: Березанская и др. 1986: 103).

В ареале сабатиновской культуры (рис. 1) концентрация предметов, связанных с волго-уральскими традициями металлопроизводства, а также образцов меди химических групп волго-камской, волго-уральской и медистых песчаников, отмечается лишь в Поднепровье (Дергачев 1997: 13 и сл.; 79, карта 4: I; 84, карта 6: I; Черных 1976: 32 и сл.; рис. 26—31). Это зона совместного нахождения поселений сабатиновской культуры и срубных погребений (Березанская, Шарафутдинова 1985: 491), в т. ч. сабатиновского времени, а также стыка Красномаяцкого и Лобойковского очагов металлообработки и, шире, Европейской и Евразийской металлургических провинций. Сколько-нибудь представительные комплексные находки литейных форм сабатиновского времени с территорий, достоверно входящих в ареал одноименной культуры (рис. 1), демонстрируют господство красномаяцких традиций металлопроизводства, а не восточных по происхождению (лобойковских или иных) [12]. Не является исключением Малокопаневская литейная мастерская (см., напр.: Черных 1972: 28; 1976: 140 и сл.), где представлены типы, с которыми как нельзя лучше демонстрируют генетическую связь или, по меньшей мере, близость многие более поздние бронзовые изделия соответствующих категорий или негативы и, более того, комплексы предметов металлопроизводства, особенно литейных форм, относящиеся к сабатиновской культуре (см., напр.: Дергачев 2011: 211—217 и сл.) [13] и/или Красномаяцкой группе (см., напр.: Гершкович 2005—2009). Но ряд исследователей считает, что первая представляет лобойковско-голоуровские традиции и т. п., на основании практически лишь ее ранней хронологической позиции (Дергачев 2011: 216 и сл.; Uşurelu 2010b: 29, 32, 47, 60; Bočkarev, Leskov 1980: 69—74 ff.). А это, в свою очередь, как бы придает убедительность восприятию лобойковско-голоуровской и красномаяцкой, или связываемой с сабатиновской культурой, обычно (прямо или косвенно) с поздними горизонтами, металлургии фактически как двух последовательных генетически связанных фаз в рамках одной археологической культуры. В историографическом прошлом обе эти мнимые фазы связывались со срубной культурой (Bočkarev, Leskov 1980), а теперь иногда с сабатиновской (Uşurelu 2006; 2010b; Дергачев 2011: 213—216, 251; Бочкарев 2010б: 167—169; 1995б: 117—122 и сл). Впрочем, подобная разница в атрибуции комплексов лобойковско-голоуровского типа практически не меняет дела, когда они считаются связующим звеном между раннесрубными и раннесабатиновскими традициями металлопроизводства, т. к. на этом, в частности, основании сабатиновская культура порой напрямую генетически связывается со срубной и т. п. (Дергачев 1997: 17—20 и сл.). В последнее время В. А. Дергачев (2011) относит лобойковско-голоуровскую металлургию в основном к предсабатиновскому времени, а то и к одноименной культуре, но, опять же, считает, что от соответствующих традиций

[11] Один из таких ножей найден при раскопках в слое раннего этапа сабатиновской культуры поселения Мерены II (Sava 2002b: 71, 83, 91; 72, fig. 3: 8).

[12] Интересно, что именно на соответствующих территориях А. М. Лесков, категорически отрицавший самостоятельную сабатиновскую культуру, некогда локализовал первый из основных центров Северопричерноморского очага металлообработки сабатиновского времени, причем именно там усмотрел определенные черты западной металлургии (Лесков 1975а: 41; 1975б: 21; ср., напр.: Бочкарев 2010б: 169). А это считается присущим именно Красномаяцкому очагу металлообработки (в частности, одноименной группе литейных форм (Bočkarev, Leskov 1980: 74)), принадлежность которого в наибольшей степени к сабатиновской культуре уже вряд ли может вызывать сомнения (Бочкарев 1995б: 117—121).

[13] Здесь и далее имеются в виду предметы каких бы то ни было категорий, найденные исключительно на территориях, которые достоверно входят в ареал названной культуры (ср., напр.: Uşurelu 2010b: 28—33 ff.).

произошли многие категории бронзовых изделий, в большей или меньшей степени свойственные сабатиновской (в частности) культуре. Однако, во-первых, по времени Малокопаневский комплекс близок также и I горизонту литейных форм Новокиевской мастерской (см., напр.: Гершкович 1998: 84), как будто бы никем не относимых к Голоуровской группе и т. п. Во-вторых, с лобойковско-голоуровскими традициями (но не только с ними!) Малокопаневский комплекс сближают лишь негативы ножа с кольцевым упором (как, впрочем, и с красномаяцкими: Клочко 2006: 147 и сл.), тесел, хотя подобные последним фигурируют и среди материалов сабатиновской культуры, в т. ч. в комплексах групп (субфазы) Красный Маяк и Добрянка, по Е. Ушурелу (Uşurelu 2010b: 28—33 ff.), и сам факт наличия ушек у отливавшихся в Малокопаневской мастерской кельтов и наконечников дротиков (см. выше). Впрочем, вероятно, по происхождению тип ножей с кольцевым упором связан с лобойковско-голоуровскими традициями (в частности, распространение подобных изделий в Днепро-Донском междуречье (Ромашко 1997: 53)). Что касается конкретно данного предположения, то оно во многом соответствует взглядам, в частности, В. А. Дергачева, но в варианте влияния лобойковско-голоуровских, а не непосредственно раннесрубных металлургических традиций на свойственные культурам Сабатиновка, Ноуа и Кослоджень (Дергачев 2011: 238—239 и сл.). Все же остальные характеристики отливавшихся в Малокопаневской мастерской предметов соответствуют красномаяцким (или рышештско-красномаяцко-дичевским) традициям, во всяком случае, в гораздо большей степени, чем лобойковско-голоуровским. Это наличие у кельта, в корреляционных таблицах (Bočkarev, Leskov 1980: Taf. 19; Uşurelu 2010b: 28, fig.1; 29, tab. 1) вообще не учтенного, несмотря на чрезвычайную диагностическую важность, «пещерки» и лишь одного ушка, максимальное расширение узкого листовидного острия наконечника дротика в средней части, кинжал конечного типологического разряда Н-51, по классификации Е. Н. Черных, отметившего условную близость последнего из упомянутых предметов к красномаяцким (1976: 123—124 и сл.), полностью литые долота [14].

Правда, сами изделия некоторых красномаяцких типов имеют то или иное отношение к восточным металлургическим традициям, в т. ч. нередко к лобойковским (ср., напр.: Черных 1976: 181, 201; Gerškovič 1999: 6), чему посвящена специальная работа (Черниенко 2013). Так, выше упоминались свойственные, в частности, последним элементы в изделиях Малокопаневской мастерской. Но, по моему, в частности, мнению, нет оснований связывать изготовление носителями сабатиновской культуры большинства наконечников копий и дротиков, особенно сабатиновской (красномаяцкой) линии развития, по В. И. Клочко, и некоторых кинжалов с внешними воздействиями с востока (ср., напр.: Кривцова-Гракова 1955: 143—144, 146; Bočkarev, Leskov 1980: 61, 70) и со Среднего Поднепровья (ср., напр.: Дергачев 2011: 248, 267, 275). В. А. Дергачев в приведенной мографии прямо не указал, какие именно наконечники копий сабатиновской культуры он считает аналогиями или вариациями соответствующих изделий типа Лобойковка-Голоуров. Коль скоро идет речь о лобойковско-голоуровских наконечниках с ушком, то для названной культуры под соответствующим как будто бы должен подразумеваться проиллюстрированный негатив наконечника дротика на одной из литейных форм Малокопаневской мастерской, некоторые другие матрицы которой исследователь непосредственно относит к культуре Сабатиновка (Дергачев 2011: 248, рис. 157: 77, 79, 80, 85). Но, на мой взгляд, только (или главным образом) оно и сближает этот единственный известный мне, да и то в негативе, достоверно относящийся к последней наконечник дротика с ушком с лобойковско-голоуровскими традициями. Более древний наконечник копья из Бородинского клада сближает с ними не только это (ср., напр.: Дергачев 2011: 248, рис. 157: 72 и Клочко 2006: 140; 162, рис. 62: 3), но в целом близость к сейминским (Клочко 2006: 139—140 и сл.). Это нашло отражение, в частности, в такой номенклатуре, как наконечники копий «бородинско-сейминского типа» (Черняков 2002: 49). По моему мнению, как это ни удивительно, из всех известных мне найденных в ареале сабатиновской культуры надежно датирующихся наконечников копий и дротиков по форме, пропорциям и т. п. более всего напоминает некоторые лобойковско-голоуровские наконечник дротика из Никопольского клада, относящийся к дунайским типам и свидетельствующий о связях сабатиновской культуры с Карпатским регионом (ср., напр.: Клочко 2006: 179; 216, рис. 74: 19 и Дергачев 2011: 248, рис. 157: 72). Но, тем не менее, этот предмет проявляет определенное сходство с восточноевропейскими изделиями сейми-

[14] Подробнее см.: Черниенко 2013.

ского и более позднего хронологических горизонтов. То же относится, в частности, и к негативу подобного наконечника на литейной форме с Новозагорского поселения (Южная Болгария), выпадающей из основного комплекса раннебронзового века этого памятника (Черных 1978а: 163; 151, рис. 82: 3), но, пожалуй, в большей степени — к некоторым наконечникам и соответствующим негативам, найденным в ареалах культур Ноуа и Кослоджень (см., напр.: Дергачев 2011: 235; 234, рис. 149: 1—3; 248—249, рис. 157: 13 [15], 30, 31, 72).

Не связаны с восточными традициями и серпы варианта Чут типа Хелештень, представленные, в частности, негативами на литейной форме из Андровского клада (см., напр.: Дергачев, Бочкарев 2002: 250—256, 346), а также практически все бронзовые украшения сабатиновской культуры, представленные, в том числе, негативами на литейных формах Красномаяцкого очага металлообработки (Березанская и др. 1986: 108—110; Шарафутдинова И.Н. 1987; Лисенко 2006). По мнению В.А. Дергачева, форма серпов типа Хелештень, «как стало очевидно после открытия мастерской из Днепрово-Каменки... впервые была выработана в Поднепровье» (Дергачев 2011: 250) «в мастерских культуры Сабатиновка» (Дергачев 2012: 157; ср.: Дергачев, Бочкарев 2002: 253 и сл.). Думаю, что возможно разве что соответствующее предположение в отношении серпов варианта Чут этого типа. Но и в данном случае определенное влияние культуры Ноуа отметать не следует.

Серпы варианта Чут, по данным В.А. Дергачева и В.С. Бочкарева, представлены в ее ареале (на восточной периферии) лишь двумя готовыми изделиями, а сабатиновской культуры — кроме подобных последним, несколькими негативами на литейных формах. Гораздо больше серпов варианта Хелештень того же типа, матрицы для литья которых, датирующиеся сабатиновским временем, в ареале одноименной культуры мне неизвестны, да и соответствующие готовые изделия там встречаются заметно реже, чем в ареале культуры Ноуа (Дергачев, Бочкарев 2002: 239—254 и сл.). Что касается хронологической позиции Днепрово-Каменского комплекса литейных форм, где имеется, в частности, негатив серпа варианта Чут (Гершкович 2005—2009; Uşurelu 2010b: 28—33 ff.; Дергачев 2011: 227—231 и сл.), то мне представляется наиболее взвешенным мнение Я.П. Гершковича. Хотя псалий из Ингульского клада, как и представленные негативами на двух из литейных форм Андровского, имеет прототипы в лице соответствующих костяных и роговых изделий, бытовавших, в частности, в Уральском регионе (в отличие, как будто бы, от отливавшихся в Новокиевской мастерской: Gerškovič 1999: 83—84), генетических связей с восточными традициями металлопроизводства псалии сабатиновской культуры не демонстрируют (Черняков 1983: 37—38 и сл.; 1985: 123). Для того, чтобы однозначно считать типологической основой для тесел, характерных, в частности, для красномаяцких и лобойковско-голоуровских традиций, тесла, свойственные раннесрубной культуре (Leskov 1981: 57; Bočkarev, Leskov 1980: 66), а прямым и непосредственным источником для тесел сабатиновской культуры — такие же изделия Среднего Поднепровья (Дергачев 2011: 248 и сл.), серьезных оснований, на мой взгляд, нет. Сам А.М. Лесков отнес тесла к числу изделий простейших форм (Leskov 1981: 59). Благодаря простоте такие изделия имеют широчайшее распространение во времени и пространстве (см., напр.: Leskov 1981: 57). Хотя, в соответствии с результатами метрического анализа, тесла сабатиновского времени из ареала одноименной культуры и Среднего Поднепровья относятся не к костромскому-рыбаковскому, а к лобойковско-ульяновскому типу, параметры последнего имеет и как минимум одно тесло из Рыбаковского клада (Дергачев 2011: 215—216, рис. 135). А этот клад не имеет ни культурного, ни территориального отношения к лобойковской металлургии, а относится к Днепро-Прутской бабинской культуре — непосредственному предку сабатиновской, в ареале которой он и был найден. В.И. Клочко отмечает близость по форме тесла, входящего в состав клада позднего бронзового века, найденного между селами Козырка и Червоное Парутино Очаковского р-на Николаевской обл., теслам типа «Рыбаковка», при некоторых отличиях (Клочко, Козыменко 2011: 162).

В комплексах Голоуров и Деревянное (Среднее Поднепровье), литейные формы которых отнесены к Голоуровской группе (Bočkarev, Leskov 1980), в отличие от представительных комплексных находок литейных форм с территорий, достоверно входя-

[15] Впрочем, конечно, наконечник копья из клада Одэиле-Подарь гораздо больше похож на соответствующее изделие из погребения тшинецкого культурного круга (в современном понимании, в частности, С.Д. Лысенко) у с. Нетишин Хмельницкой обл. (см., напр.: Дергачев 2011: 235; 234, рис. 149: 1, 4; 248—249, рис. 157: 13, 87).

щих в ареал сабатиновской культуры, как известно, доминируют лобойковские традиции. В свое время А. М. Лесков локализовал памятники Лобойковского типа именно в Среднем Поднепровье — во втором (в целом несколько более архаичном) из выделявшихся исследователем основных центров Северопричерноморского очага металлообработки сабатиновского времени (Лесков 1975а: 41—44) [16]. Господствовавшими там, по мнению ряда археологов, следует считать «традиции Волго-Уральского очага металлообработки» (Лесков 1975а: 42; 1975б: 21). По крайней мере, на мой взгляд, в данном случае это мнение более близко к истине, чем почти такое же — по отношению к вышеупомянутому «первому центру Северопричерноморского очага металлообработки». Среди представительных комплексных находок матриц рассматриваемого периода из Среднего Поднепровья лишь Днепрово-Каменский комплекс литейных форм не содержит определимых типов изделий, представленных в лобойковской металлургии, но при этом не представленных в красномаяцкой. В этом плане эта одна из самых южных в регионе комплексных находок предметов металлопроизводства (Гершкович 2005—2009) отличается почти от всех находок литейных форм определимых групп сабатиновского времени в Среднем Поднепровье, особенно если исключить северную часть, выходящую за пределы Лобойковского очага металлообработки, тем более — Красномаяцкого.

Лишь с тяготеющей к Среднему Поднепровью р. Чут происходит комплекс из двух форм для отливки серпов (Гершкович 2005—2009: 579 и сл., рис. 2: 7; Дергачев, Бочкарев 2002: 251) рышештско-красномаяцких традиций (см., напр.: Бочкарев 1995б: 120—121). Этот, опять же, один из самых южных в этом регионе пунктов находок предметов металлопроизводства, к тому же находится, по-видимому, на северной окраине ареала сабатиновской культуры (Дергачев 2011: 247, рис. 156: III, 76). Даже одно лишь наличие формы для отливки двуушковых кельтов с арковидной фаской в таком комплексе, каким представляется днепрово-каменский (Гершкович 2005—2009: 582, рис. 6: 3; 584, рис. 8: 8), позволяет согласиться с мнением об отношении соответствующего типа изделий сабатиновского времени, характерных для Поднепровья (см., напр.: Uşurelu 2010b: 28—33 ff.), к Красномаяцкому очагу (Gerškovič 1999: 63, 64; Taf. 49: 3, 8; Dergaciov 2013: 14) и в основном лишь по количеству ушек — к лобойковско-голоуровским традициям (Бочкарев 2010б: 168—169) [17]. Судя по фрагменту негатива на обломке литейной формы, подобные, возможно, двуушковые, кельты отливались в мастерской «Ингуло-Красномаяцкого» (ср., напр.: Бочкарев 2010б: 167) очага металлообработки (Шарафутдинова 1990: 82) на поселении Высшетарасовка (Klochko 1993: 37; 112, fig. 22: 6). Эти изделия отличаются от некоторых из производившихся в Красномаяцкой литейной мастерской (см., напр.: Черняков 1965: 102—105, 117; 103, рис. 8: 1, 5; 118, рис. 14: 1, 2), главным образом, количеством ушек. Рассмотренные только что типы кельтов не представлены в лобойковско-голоуровских комплексах (см., напр.: Uşurelu 2010b: 28—33 ff.).

Несколько сложнее обстоит дело с менее представительными находками литейных форм. Однако среди матриц из Среднего Поднепровья (исключая, опять же, северную часть) сабатиновского, по всей видимости, времени, кроме уже приводившихся Днепрово-Каменского комплекса и литейных форм с побережья р. Чут, насколько мне известно, еще лишь три матрицы содержат негативы предметов, не связанных с лобойковско-голоуровскими традициями. Одна из них — матрица для литья украшения в виде овальной бляхи из Иванковичей, подобной, например, отливавшимся в Красномаяцкой и Новокиевской мастерских. Но на другой стороне той же литейной формы имеется негатив наконечника дротика, представляющего именно названные традиции (Клочко 2006: 194; 229, рис. 87: 20), хотя В. С. Бочкарев и А. М. Лесков и отнесли последнюю только к Красномаяцкой группе (Bočkarev, Leskov 1980: №118). Вторая находка — матрица для отливки колец из Козинцев, возможно, составлявших, как в Солонецком кладе, вместе с треугольной рамкой часть сложной ажурной подвески, подобной, в частности, отливавшимся в Красномаяцкой и Высшетарасовской мастерских (Шарафутдинова 1987: 75—76; рис. 4: 2, 4, 5, 6). Третья находка — это матрица для изготовления булавок с шаровидными головками с поселения Чикаловка (Шарафутдинова И. Н.

[16] Впрочем, своеобразие среднеднепровского центра бронзолитейного производства конца бронзового века было замечено еще раньше (см., напр.: Березанська 1964: 26).

[17] Надо понимать, в приведенных здесь работах В. А. Дергачева и В. С. Бочкарева имеются в виду двуушковые кельты, прежде всего, с арковидными фасками.

1987: 75—76; рис. 3: 1). Подобные булавки связаны с традициями карпатского культурного ареала, в понимании В.И. Клочко (2003), или же с зарождавшейся в данном случае, похоже, на основе последних кардашинской традицией.

«Комплексная литейная форма из Вязовки может относиться как ко II, так и к III группам», т.е., в понимании Е.Н. Черных, как к кардашинской, так и к «завадово-лобойковской» традициям (Черных 1976: 140 и др.). Сюда следует добавить красномаяцкую группу. Однако, если ножи с кольцевым упором, как уже указывалось, характерны как для лобойковского, так и для красномаяцкого очага металлообработки, то бритвы — в гораздо большей степени для первого из названных очагов (Отрощенко 2001б: 161, 162; Отрощенко, Рассамакін 1997). В красномаяцкой металлургии последняя из упомянутых категорий, насколько мне известно, представлена лишь негативом бритвы с подобным упором на одной из литейных форм комплекса Волошское I (Bočkarev, Leskov 1980: 12 ff.).

В Мазепинцах (или Заречье) найдены всего две литейные формы. Одна предназначена для изготовления раннего двуушкового кельта [18], типичного для лобойковско-голоуровских традиций. Лишь позднее имела место эволюция производства подобных изделий в рамках красномаяцкого очага металлообработки, а также в белозерское время (Ушурелу 2010: 62—63; Uşurelu 2010b: 28—33 ff.). Другая форма предназначалась для отливки ножа с кольцевым упором, опять же, характерного как для лобойковско-голоуровской, так и для красномаяцкой металлургии. Е.Н. Черных (1976: 135 и сл.) условно отнес обе эти матрицы к «завадово-лобойковской» группе комплексов.

Однако более пестрая картина наблюдается на территориях, достоверно входивших в ареал сабатиновской культуры. Негативы на литейных формах из слоя этой культуры (Гершкович 1998: 64 и сл.; ср.: Клочко 2006: 194) поселения Златополь дают возможность связать с лобойковско-голоуровскими традициями наконечники копий, отливавшиеся в одной из этих матриц (Клочко 2006: 194; 230, рис. 88: 7). Им нет близких аналогий среди изделий, представляющих сугубо красномаяцкую линию развития этого вида оружия (Клочко 2006: 177). Негативу подвески, по форме напомнившему В.С. Бочкареву и А.М. Лескову негатив бритвы на одной из литейных форм комплекса Голоуровской группы Деревянное (Bočkarev, Leskov 1980: 27, 28; Taf. 12: 105, 108), И.Н. Шарафутдинова (1987: 79; 71, рис. 1: 12, 13) находит аналогии среди матриц Красномаяцкой и Андровской литейных мастерских (ср.: Bočkarev, Leskov 1980: Taf. 17; Taf. 20, Karte 2; Taf.21, Karte 3; Taf. 22, Karte 6; Шарафутдинова И.Н. 1990: 82). Остальные фрагменты вряд ли типологически определимы. На литейных формах (включая крышку) с поселения, как выяснялось выше, сабатиновской культуры Капуловка, которые И.Н. Шарафутдинова (1990: 82) однозначно связывает с «Ингуло-Красномаяцким» очагом, а В.С. Бочкарев, А.М. Лесков, Е. Ушурелу отнесли к Голоуровской группе (Bočkarev, Leskov 1980: 69—72 ff.; Uşurelu 2010b: 28—30, 32 ff.), представлены следующие определимые типы изделий: серп варианта Кабаково типа Дербедень (по классификации В.А. Дергачева и В.С. Бочкарева), не представленного в комплексах Красномаяцкой группы [19], и кельт уже упомянутого варианта «б» кабаковского типа, характерные для лобойковско-голоуровских комплексов (Дергачев, Бочкарев 2002: 94—99, 107, 315; Клочко 2006: 195, 231; Черных 1976: 82, 84 и сл.), а также полностью литое долото (Bočkarev, Leskov 1980: №102а).

КТР Т-22, к которому относятся подобные долота, Е.Н. Черных считает одним из сквозных, индифферентных к группам комплексов (1976: 140), но, думается, это не совсем так. Исходное звено прогрессировавшего производства долот — полностью кованые — известно не на украинской и соседних территориях, а восточнее, где бытовали и более совершенные и поздние — изготовлявшиеся с помощью и литья, и ковки и полностью литые (см., напр.: Кривцова-Гракова 1955: 60, 62), как и на Украине и западнее. Поэтому версия, согласно которой традиция изготовления долот, предусматривавшая сочетание литья и ковки, была принесена в Поднепровье с востока (Leskov 1981: 57—58 ff.; Клочко 2006: 196), представляется вполне логичной [20]. Правда, кованое долото входит в состав Рыбаковского клада периода средней бронзы, но оно совсем другого типа и происхо-

[18] Вариант «б» кабаковского типа по В.И. Клочко (2006: 195; 231, рис. 89: 6).

[19] В.А. Дергачев (2011: 248), когда писал о лобойковско-голоуровских типах изделий или их модификациях (включая серпы), характерных «для всех очагов культур» блока Сабатиновка-Ноуа-Косложень, почему-то не учел соответствующие серпы, свойственные культуре Сабатиновка.

[20] О восточном происхождении полностью литых долот позднебронзового века Северного Причерноморья и соседних территорий см.: Uşurelu 2010a: 7 ff.; Дергачев 2011: 218.

ждения — северокавказского (Лесков 1967a: 167—168, рис. 14: 8).

В комплексах, относящихся к сабатиновской культуре и/или к Красномаяцкой группе, известны лишь полностью литые долота или соответствующие негативы (Uşurelu 2010a: 8 ff.; 2010b: 28—33 ff.; ср.: Клочко 2006: 183). В то же время единственная, вероятно, известная на территории Украины матрица для литья долот, втулки которых затем отковывали, входит в состав комплекса Голоуровской мастерской, а соответствующие готовые бронзовые изделия (втульчатые клевцы типа «Лобойково», по номенклатуре В. И. Клочко) — в частности, в состав Лобойковского клада (Leskov 1981; Клочко 2006: 183, 196)[21]. Литейные формы для изготовления полностью литых долот, которые я мог бы однозначно отнести к Голоуровской группе, мне неизвестны (ср., напр.: Uşurelu 2010b: 28—33 ff). В типичных комплексах этой группы, прежде всего, Голоуров и Деревянное, они отсутствуют. Поэтому, несмотря на то, что полностью литые долота входят в состав таких кладов, как Трехизбенский и Благовещенский, содержавших вещи лобойковских типов, а также известны по нескольким внекомплексным находкам в Среднем Поднепровье (Leskov 1981: 12—15 ff.; Uşurelu 2010b: 29—31, 33 ff.; Черных 1976: 108—110 и сл.), их производство в рамках Лобойковского очага металлообработки (Березанская и др. 1994: 122—124; Клочко, Козыменко 2011: 162), как и сочетание красномаяцкой и лобойковской металлургических традиций во втульчатых клевцах (Березанская и др. 1994: 119), на мой взгляд, пока проблематично. Ведь внекомплексные находки полностью литых долот в Среднем Поднепровье могут представлять импорт, как и долото из Трехизбенского клада, или же быть связаны с тшинецким культурным кругом, в настоящее время не рассматриваемым в рамках как лобойковско-голоуровской, так и красномаяцкой металлургии (Клочко, Козыменко 2011: 160). К этому кругу относится литейная форма для изготовления, в частности, таких долот с поселения Зазимье (тоже Среднее Поднепровье) (Березанская и др. 1994: 117, 118; 116, рис. 33: 15).

Кинжал, представленный негативом на одной из литейных форм с поселения сабатиновской культуры Мариновка (Дергачев, Бочкарев 2002: 12, рис. 1), олицетворяет один из этапов линии развития (Клочко 2006: 186; 225, рис. 83: 1) «так называемых традиционно кинжалов-мечей «красномаяцкого» типа» (Дергачев 2011: 222—230 и сл.). Аналогичных изделий нет в типичных лобойковско-голоуровских комплексах (ср.: Bočkarev, Leskov 1980: 69—72 ff.; Uşurelu 2010b: 28—32 ff.). На той же матрице вырезан негатив наконечника копья (Дергачев 2011: 225, рис. 143: 20; 226, рис. 144: 6), связываемый с сабатиновской (красномаяцкой) линией развития, отличной от сейминской, представленной, в частности, в Лобойковском металлургическом центре (Клочко 2006: 177, 178, 193—194; 217, рис. 75: 7[22]). На другой матрице с того же поселения, сохранившейся частично, имеется негатив серпа Волго-Уральской группы, довольно широко представленной в лобойковско-голоуровских комплексах, но не в типичных красномаяцких (Дергачев, Бочкарев 2002).

Некоторые единичные литейные формы, найденные на территориях, достоверно входящих в ареал сабатиновской культуры, относятся к Голоуровской группе или содержат негативы предметов, типологически близких к лобойковско-голоуровским и не представленных на матрицах красномаяцкой группы (Bočkarev, Leskov 1980: №111, 122; Клочко 2006: 195; 231, рис. 89: 5). Такова, например, литейная форма с негативом, в частности, раннего двуушкового кельта из слоя сабатиновской культуры на скале Кременчук (Дергачев, Бочкарев 2002: 107; 316, табл. 106: С 1; Сикорский и др. 1997: 66, 67[23]). Кинжалы заградовско-

[21] На отличие втулок долот «типа Лобойково» «из кованого свернутого листа... от цельнолитых втулок, характерных для позднебронзовых долот Северо-Западного Причерноморья», обратили внимание также С. Церна и Д. Топал (Церна, Топал 2013: 198).

[22] Ср. этот рисунок и, напр.: Bočkarev, Leskov 1980: Taf. 12: 97a; Дергачев 2011: 225, рис. 143: 20; 226, рис. 144: 6.

[23] На той же литейной форме имеется и частично сохранившийся негатив серпа варианта Гарбузовка типа Перелюб Волго-Уральской группы (см., напр.: Дергачев, Бочкарев 2002: 106—107; 105, табл. 37: 495; 316, табл. 106: С 2 (495)), представленной в лобойковско-голоуровских комплексах, но не в типичных красномаяцких (см. выше). Однако ни в тех, ни в других нет серпов названного типа и соответствующих негативов. При этом большинство мест находок сравнительно малочисленных серпов варианта Гарбузовка (соответствующая литейная форма лишь одна — приведенная) тяготеет к ареалу сабатиновской культуры (а обломок одного происходит с поселения последней Яблоня II: см., напр.: Сикорский и др. 1997: 64, 68), с которой, «по всей вероятности, связаны» данные орудия, в отличие от варианта Перелюб одноименного типа (Дергачев, Бочкарев 2002: 100—107, 316, 344). Утверждение о том, что серпы варианта Гарбузовка возникли в Лобойковско-Дербеденовской металлообрабатывающей зоне (Дергачев, Бочкарев 2002: 300), на мой взгляд, доказать пока нечем. Очевидно, к типам металлических изделий сабатиновской культуры, которые «не могут

го типа, по В.И. Клочко (2006: 186), представленные, в частности, негативом на литейной форме с одноименного поселения, представляют продолжение линии развития ножей с кольцевым упором (ср.: Дергачев 2011: 222, 225—230, 249). Последние и тесла, представленные, в том числе, негативом на той же матрице, характерны как для Красномаяцкого, так и для Лобойковского очага металлообработки (см. выше) (ср.: Bočkarev, Leskov 1980: Taf. 17: 131; Taf. 22, Karte 6). Но тесла, отливавшиеся в первой, отличаются от других наличием продольного валика (Bočkarev, Leskov 1980: 32; Taf. 14: 131b). На литейной форме из Дудчан и на ряде других единичных матриц (или их частей) с территорий, достоверно входящих в ареал сабатиновской культуры, и с большей или меньшей долей уверенности соответственно датируемых, лобойковско-голоуровские типы, которые не соответствуют также и красномаяцким традициям металлопроизводства, не представлены (разумеется, среди определимых) (Bočkarev, Leskov 1980: №69, 70 и др.; Gerškovič 1999: 63, 64; Taf. 49; Клочко 2006: 176—177, 192—193 [24]; 216, рис. 74: 14, 15, 17, 21; 229, рис. 87: 16; Шарафутдинова И.Н. 1987: 76—78, 83; 71, рис. 1: 3) [25].

Не удивительно, что клады готовых бронзовых изделий сабатиновского времени демонстрируют еще менее четкое территориальное распределение традиций, представляемых этими изделиями (Дергачев 2011: 247, рис. 156; ср.: Gerškovič 1999: 60—61). Первые «нельзя брать за основу при выделении очагов металлообработки. Бронзовые изделия во многих кладах Северного Причерноморья представлены из разных мест и не отражают развитие металлообработки в данном районе» (Сикорский и др. 1997: 68). Так, даже в Лобойковском кладе, например, имеются ножи КТР Н-12, по Е.Н. Черных, которые, исходя из отсутствия соответствующих негативов на литейных формах Голоуровской группы, распространения готовых изделий в памятниках различных культур и того, что в комплексах Лобойковской группы этот КТР представлен лишь двумя ножами из названного клада (Черных 1976: 115 и сл.), нельзя сколько-нибудь уверенно или однозначно связать с традициями, которые принято называть лобойковско-голоуровскими (ср.: Черных 1976: 191—193). Вообще, в этом кладе есть много вещей (Leskov 1981: Taf. 2: 14, 15, 19—27, 31—37; 3: 1—41, 43—47, 49—65), которые по тем или иным причинам трудно связать с определенным очагом металлообработки. Наверное, те из соответствующих типов, которые представлены в первом многочисленными изделиями, логичнее всего отнести к Лобойковскому очагу.

Клад Маячки, найденный в Среднем Поднепровье, включает кельты исключительно балкано-карпатского (а то и более западного) происхождения (Черных 1976: 73—74 и сл.; Дергачев 2011) и, возможно, серп варианта Гарбузовка типа Перелюб Волго-Уральской группы (Дергачев, Бочкарев 2002: 106; 23—24, карта 2: 492; 100, карта 9; 105, рис. 37: 492). Как уже указывалось, подобные серпы не могут быть связаны с комплексами определенных групп или же с конкретным очагом металлообработки. Клад, найденный у с. Сосновка Кировоградской обл., территориально тяготеющего к Среднему Поднепровью, составляют четыре кельта типа Рышешть. Впрочем, этот один из самых южных в регионе пунктов находок предметов металлопроизводства, по-видимому, расположен на северной окраине ареала сабатиновской культуры (Дергачев 2010). Один из двух двуушковых кельтов, составляющих Мельниковский клад, можно считать модификацией кельтов лобойковско-голоуровских типов (Дергачев 2011: 248, рис. 157: 90). В другом изделии соответствующие черты

быть связаны с комплексами определенных групп» (Черных 1976: 147), следует относить и последние из упомянутых серпов.

[24] Отнесение формы для литья наконечников стрел из сабатиновского слоя Кировского поселения к лобойковской металлургии ничем не обосновывается.

[25] Об определенном отношении изделий с кольцевым или близким к таковому упором и двуушковых кельтов с арковидными или близкими к таковым фасками, представленных негативами (или сохранившимися фрагментами), имеющимися и на этих литейных формах (или частях последних) (см., напр.: Bočkarev, Leskov 1980: №99, 132; Gerškovič 1999: 63; Taf. 49: 1, 3, 5, 8), к лобойковско-голоуровским традициям см. выше. На литейной форме из Дудчан вырезаны, в частности, негативы таких оригинальных металлических изделий, как острога, гарпун, довольно необычный клевец (?) (Gerškovič 1999: 63; Taf. 49: 2, 4, 6, 7, 9; ср., напр.: Гершкович 2005—2009: 587). Надежным признаком местного производства бронзовых наконечников стрел в силу их специфической функции и малых размеров, на мой взгляд, могут быть именно находки матриц для их литья. Соответствующие типы наконечников стрел сабатиновской культуры не могут быть связаны с комплексами определенных групп (ср.: Клочко 2006: 192). Первые не имеют отношения к восточным традициям металлопроизводства (хотя трехлопастные и похожие на соответствующие негативу на одной из литейных форм с Кировского поселения костяные наконечники стрел найдены на Ливенцовском поселении на нижнем Дону), большинство из известных представляют местные традиции (см., напр.: Клочко 2006: 176, 177, 192).

(Дергачев 2011: 248, рис. 157: 94), как и вообще в двуушковых кельтах с арковидными фасками, сочетаются с элементами красномаяцких (или, точнее, рышештско-красномаяцко-дичевских) и кардашинских металлургических традиций (Клочко 2006: 181). Впрочем, датировка клада вызывает разночтения (Leskov 1981: 17—18 ff.; Uşurelu 2010b: 30 ff.; Березанская и др. 1986: 138; Ушурелу 2010: 30 и сл.). Другие клады готовых бронзовых изделий сабатиновского времени из Среднего Поднепровья, исключая север, выходящий за пределы Лобойковского очага металлообработки, и комплексы тшинецкого культурного круга, как будто бы не содержат предметов, далеких от лобойковско-голоуровских традиций. Но первые могут включать изделия, характерные также и, разумеется, для красномаяцкой металлургии (см., напр.: Uşurelu 2010b: 29—30 ff.).

Отнесение Бородаевского и Старобыковского кладов к комплексам типа Лобойковка-Голоуров (Дергачев 2011: 247, рис. 156: 96, 98) я считаю в некоторой степени условным. По поводу первого из этих кладов то же пишет и Е. Н. Черных (1976: 140). Для знаковых комплексов названного типа, если исходить из классификации В. А. Дергачева и В. С. Бочкарева, единственной характерной разновидностью серпов, судя и по литейным формам, является вариант Кабаково типа Дербедень Волго-Уральской серии/группы (см. выше; ср.: Ушурелу 2010: 59—60). Матрицы для отливки прототипов таких орудий — серпов типа Ибракаево той же серии/группы, по классификации В. А. Дергачева и В. С. Бочкарева, насколько мне известно, не найдены в Поднепровье и вообще западнее Северского Подонцовья (Дергачев, Бочкарев 2002: 79—85 и сл.). Отмечено немало внекомплексных находок готовых серпов типа Ибракаево в Среднем Поднепровье, но в основном не Волго-Донского варианта, орудия которого составляют Бородаевский клад, а Среднеднепровского (Дергачев, Бочкарев 2002: 59—61 и сл.).

Можно предполагать местное производство серпов из этого клада, как и, может быть, двух серпов из Старобыковского, на основании химических групп меди (Черных 1976: 92—95, 285), а одного из упомянутой пары, отнесенного В. А. Дергачевым и В. С. Бочкаревым к Среднеднепровскому варианту типа Ибракаево, как и орудий Бородаевского клада, — также и по одноименному региону концентрации мест находок серпов этого варианта (см.: Дергачев, Бочкарев 2002: 59—61 и сл.). В какой-то мере серпы типов Ибракаево и Дербедень сближает, помимо прочего, культурная среда, в которой они были распространены. Следует, в частности, учесть, что обломок серпа варианта Кабаково типа Дербедень найден в одном из срубных слоев Ильичевского поселения (по Т. А. Шаповалову — в сабатиновском II) (см., напр.: Шаповалов 1976: 164), а Кабаковский клад — в типично срубном сосуде (см., напр.: Черных 1976: 148), что соответствует основной культурной принадлежности серпов типа Ибракаево. Оба типа, так или иначе, связаны с Волго-Уральским очагом культурогенеза, с Лобойковско-Дербеденовской металлообрабатывающей зоной (Дергачев, Бочкарев 2002: 61—99 и сл.). Исходя из определенных сведений (Дергачев, Бочкарев 2002: 300), можно сказать, что на основе поздних серпов типа Ибракаево развились лобойковско-дербеденовские традиции изготовления данной категории орудий.

Е. Н. Черных отнес один серп из Бородаевского клада к КТР С-16, характерному для Лобойковского очага металлообработки (1976: 94 и сл.). С лобойковско-голоуровским очагом связывает серпы типа Ибракаево Е. Ушурелу (2010: 59—60). Всего лишь 3 серпа В. А. Дергачев и В. С. Бочкарев относят к варианту Старо-Быково типа Гречихино Волго-Уральской серии/группы, считая эти готовые орудия из Поднепровья одной из «мутационных» разновидностей серпов типа Ибракаево и связывая последний и тип Гречихино с населением срубной культуры (Дергачев, Бочкарев 2002). Учитывая соответствующие происхождение и культурную принадлежность первых, отсутствие оснований для отрицания того, что эти серпы произведены в Поднепровье, и сведений о конкретном культурном контексте соответствующего производства [26], не представляется возможным противопоставить серпы рассматриваемого варианта лобойковско-дербеденовским традициям. Во всяком случае, от рышештско-красномаяцких традиций металлопроизводства серпы ти-

[26] Старобыковский клад найден в глубинных районах Днепровской лесостепи, в ареале тшинецкого культурного круга, по мнению А. М. Лескова, в значительном удалении от основных центров металлообработки позднесрубных племен, чем исследователь объяснил архаичный облик форм и типов вещей, входящих в состав этого клада (Leskov 1981). Один серп варианта Старо-Быково, или КТР С-12, попал (возможно, случайно) вместе с вещами в основном западных, в т. ч. ноуа-сабатиновских, традиций в состав Авраамовского клада, найденного в Нижнем Поднепровье, и сам изготовлен «из металла группы Пб, связанной с западом» (Черных 1976 : 178 и др.; Дергачев, Бочкарев 2002: 116, 118).

пов Гречихино и Ибракаево гораздо более далеки. Если реконструкция неполностью сохранившегося ножа из Старобыковского клада (Дергачев, Бочкарев 2002: 314, табл. 104: А 1) верна, а входившее в состав последнего, но не сохранившееся долото действительно было произведено посредством и литья, и ковки (Leskov 1981: 38), то подобные изделия присущи (в том числе) лобойковско-голоуровским традициям, в отличие от красномаяцких (см. выше). Тесла же, подобные входящему в состав Старобыковского клада (Leskov 1981: 6 ff.), характерны, в частности, для лобойковско-голоуровской и красномаяцкой металлургии (см. выше).

С Бородаевского и Авраамовского комплексов начато рассмотрение кладов готовых бронзовых изделий сабатиновского времени, найденных на территориях, достоверно входящих в ареал одноименной культуры. Вещи только лобойковско-голоуровских традиций, типы которых непосредственно не представлены в красномаяцкой металлургии, входят в состав Борисовского, в т. ч., возможно, и крюк, условно отнесенный Е. Н. Черных к КТР Р-2 (1976), и Нижнехортицкого кладов (Uşurelu 2010b: 28—33 ff.). «Клад изделий лобойковской металлургии» найден между селами Козырка и Червоное Парутино Очаковского р-на Николаевской обл. (Клочко, Козыменко 2011: 162; 45, илл. 55; 46, илл. 56). Мне трудно согласиться лишь с тем, что и «весьма необычное тесло» связывается именно с названной металлургией, тем более учитывая то, что В. И. Клочко отмечает близость изделия по форме теслам типа Рыбаковка (Клочко, Козыменко 2011: 162; 45, илл. 55; 46, илл. 56; Дергачев 2011: 248 и сл., рис. 156: 71). Это должно, как минимум, не исключать местного — степного — непосредственного происхождения типа, представленного теслом из рассматриваемого клада.

Ульяновский клад составляют тесло, нож с ромбическим расширением, отделяющим клинок от черенка, аналогии которому представлены в Лобойковском кладе и негативом на одной из литейных форм Голоуровского комплекса, а также серп и обломок еще одного (Leskov 1981: 15—16 ff.) типа Ибракаево (целый — Волго-Донского варианта) (Дергачев, Бочкарев 2002: 72, 78), близкие лобойковско-голоуровским традициям, но, как и нож, не красномаяцким. Тесла, как уже неоднократно указывалось, представлены и в лобойковской, и в красномаяцкой металлургии. Елисеевичский клад состоит из крупного кинжала с кольцевидным упором и большей части серпа (Leskov 1981: 13 ff.) варианта С1 типа Сосновая Маза уральской группы волго-уральской серии (Дергачев, Бочкарев 2002: 55), который, если исходить из соответствующей классификации, сближает с лобойковско-голоуровскими традициями разве что серия, не представленная в типичных красномаяцких комплексах (см. выше; ср., напр.: Leskov 1981: 13—14, 40—41). Кольцевидный упор характерен и для лобойковско-голоуровской, и для красномаяцкой металлургии, но по размерам, особенно длине, кинжал из Елисеевичей ближе к кинжалам красномаяцкой линии развития, в понимании, например, В. И. Клочко (2006: 185—186), особенно типа Заградовка-Добрянка, в соответствии с группировкой В. А. Дергачева (2011: 225—230). Характерные для лобойковско-голоуровских комплексов подобные изделия отличаются меньшими размерами (Березанская и др. 1986: 106).

Серп варианта С2 типа Сосновая Маза, «возможно, происходит из клада, найденного у бывшего села Блюменфельд Никопольского р-на» Днепропетровской обл. (Дергачев, Бочкарев 2002: 56). Вещи Благовещенского клада, кроме полностью литого долота, связанного скорее с красномаяцкими традициями, чем с лобойковско-голоуровскими, представляют, в частности, последние (Клочко 2006: 195; 231, рис. 89: 11, 12) или, шире, лобойковско-дербеденовские традиции (Ушурелу 2010). Но соответствующие типы, за указанным исключением, не представлены в типичных красномаяцких комплексах (Uşurelu 2010b: 28—33 ff. [27]). Некоторые изделия из Солонецкого клада слишком широко распространены, чтобы ограничивать их рамками конкретных традиций. За исключением ножей, предметы из этого клада, отнесенного Е. Н. Черных к ингуло-красномаяцкой группе, судя по распространению подобных (Черных 1976: 73 и сл.), соответствуют, в частности, традициям рышештско-красномаяцко-дичевской металлообрабатывающей зоны (в понимании Е. Ушурелу — Uşurelu 2006: 20 и сл.), но не лобойковско-голоуровским. По отношению к малочисленным находкам ножей КТР Н-2, один из которых входит в состав того же клада (Черных 1976: 111 и сл.), на мой взгляд, можно осторожно

[27] В этой работе не учтено наличие в Благовещенском кладе упомянутого долота, что неоправданно способствует однозначному восприятию этого комплекса как лобойковско-голоуровского (см., напр., Дергачев 2011: 247 и сл.).

предполагать примерно то же самое. Выше уже рассматривались ножи КТР Н-12 и Н-36, которые имеются и в Солонецком кладе (Черных 1976: 115 и сл.). Черешковые ножи КТР Н-8, по Е. Н. Черных (1976: 114 и сл.), или «катакомбного типа» (Тереножкин 1965: 68, 69), относятся к числу орудий простейших форм. Вероятно, ножи КТР Н-10, основное количество аналогий которым найдено в Волго-Уралье, при том, что известны находки первых на срубных поселениях Донбасса (Черных 1976: 114—115 и сл.), относятся к восточным по происхождению традициям. Но при отсутствии находок в Северном Причерноморье и на соседних территориях форм для отливки таких орудий наличие четырех ножей КТР Н-8 и одного — КТР Н-10 в Лобойковском кладе не может быть доказательством принадлежности этих типов к характеризующим лобойковско-голоуровские традиции. В то же время, наличие соответственно трех и одного ножей этих КТР в Солонецком кладе и даже малочисленных экземпляров типа Н-10 в балканокарпатских областях, в т. ч. одного — в кладе Шпэлнака, не доказывает того, что эти типы могут считаться характерными для рышештско-красномаяцких традиций металлопроизводства. К сожалению, невозможно доказать и связь находок ножей КТР Н-8, Н-10 и Н-12 (по 1 экз.) на поселении Высшетарасовка (см., напр.: Черных 1976: 114—115 и сл.) с комплексом функционировавшей там мастерской Красномаяцкого очага металлообработки (Шарафутдинова 1990: 82). Принадлежность к последнему орудий КТР Н-10 мне кажется все же более правдоподобной, чем к Лобойковскому, к которому разве что может иметь отношение единственный такой нож в составе соответствующего комплекса — Лобойковского клада. В Солонецкий комплекс входят и «кавказские кинжалы типа Рутхи» (Тереножкин 1965: 68, 69).

Вообще, в кладах сабатиновского времени, найденных в ареале одноименной культуры, представлены, в т. ч. могут сочетаться, предметы разных по происхождению традиций, как, тем не менее, относительно близких (см., напр.: Дергачев 2011: 247, рис. 156), так и не являющихся таковыми. Так, выше затрагивался Авраамовский клад, который, помимо прочего, содержит уникальный цельный браслет из толстой пластины (Шарафутдинова 1987: 81—82). Более или менее оригинальные вещи есть и в некоторых других кладах. Например, в состав Дремайловского клада входит уникальная для Причерноморья чаша, другие же изделия (Leskov 1981: 16 ff.), на мой взгляд, вполне соответствуют сабатиновским (красномаяцким) металлургическим традициям, или таковым линиям развития бронзовых изделий. Это наконечники копий дремайловского типа, подобные представленным, в частности, негативами на литейных формах Новокиевской мастерской (Клочко 2006: 177, 178), полностью литое долото. Двуушковый кельт из Дремайловского клада, правда, соединяет в себе названные, лобойковские и кардашинские традиции (Клочко 2006: 181).

В Щетковском кладе вместе с серией нижнедунайских бронз — двойными секирами и серпами типа Сафаалан — имеется серп варианта Гарбузовка, восточного по происхождению, свойственного сабатиновской культуре (Дергачев, Бочкарев 2002: 106—107, 258—259), но не увязываемого с комплексами предметов металлопроизводства определенных групп (см. выше).

В других известных мне кладах готовых бронзовых изделий сабатиновского времени, найденных на территориях, достоверно входящих в ареал одноименной культуры, судя по определимым типам вещей, как будто бы нет таких свойственных Лобойковскому очагу металлообработки предметов, которые нельзя считать соответствующими и традициям рышештско-красномаяцко-дичевской металлообрабатывающей зоны. С последними и связаны многие такие типы, представленные в большинстве таковых же кладов. Хотя, например, наконечник дротика из Никопольского клада, как уже отмечалось, на мой взгляд, обнаруживает некоторое сходство с определенными из сейминских и голоуровских изделий. В некоторых из указанных кладов есть неоднократно рассматривавшиеся в данном контексте ножи-кинжалы с кольцевым упором или части последних (Leskov 1981: 18 ff.; Клюшинцев 1995: 17 и сл., рис. 19: 3; Черняков 1964: 129—130, 133, рис. 1). Многие изделия таких кладов представляют западные (юго-западные) по происхождению традиции (см., напр.: Черных 1976: 180—183 и др.). Среди первых — серпы типа Гермэнешть восточно-карпатской группы, происхождение которых ряд исследователей рассматривает как результат подражания формам серпов волго-уральской серии (конкретнее, вариант Гарбузовка типа Перелюб — как прототип варианта Гермэнешть одноименного типа) (Дергачев, Бочкарев 2002: 102 и сл.; Дергачев 1997: 30—33 и сл.; 2011: 250; Ушурелу 2010: 60). На мой взгляд, даже сходство сравнительно многочисленных серпов варианта Гермэнешть, особенно из ареала

культуры Ноуа, т. е. древнейших, с малочисленными серпами варианта Гарбузовка, особенно найденными восточнее этого ареала [28], и даже судя по полностью сохранившимся рукояточным частям, далеко не столь близко (материалов для сравнений более чем достаточно в монографии: Дергачев, Бочкарев 2002), чтобы согласиться с приведенной точкой зрения. Кроме общих для всех серпов морфологических черт, сравниваемые орудия сближает в основном сам факт наличия крюков. Различия же очевидны и для В. А. Дергачева и В. С. Бочкарева (Дергачев, Бочкарев 2002: 188, 237). Кроме того, если началу культуры Ноуа действительно соответствуют и распространение в Балкано-Карпатском регионе кельтов лобойковской группы (см., напр.: Бочкарев 2010а: 123), одновременных серпам с кованым крюком, в т. ч. варианта Гарбузовка, и возникновение серпов варианта Гермэнешть (Дергачев 2011; Дергачев, Бочкарев 2002: 13 и сл.), то тогда, по крайней мере, часть серпов варианта Гарбузовка, которые, как и первые, считаются непосредственно предшествовавшими серпам варианта Гермэнешть, и древнейшие из последних окажутся сосуществовавшими, причем преимущественно на разных территориях (Дергачев, Бочкарев 2002: 12—13 и сл.). Мнение М. Рошки о крюкастых серпах Карпатской зоны как о специфических, оригинальных изделиях, если только не соглашаться с мыслью об их трансильванском происхождении и влиянии на формирование крюкастых серпов юга Восточной Европы (см., напр.: Дергачев, Бочкарев 2002: 189, 236), мне представляется более близким к истине.

К раннесабатиновскому времени относится клад, состоящий из вещей кавказского происхождения, найденный в насыпи кургана №16/1982 у с. Крыловка в Крыму (Колотухин 2003: 45, 56; 131, рис. 64: 24, 25).

Нет ничего удивительного в интенсивности проникновений лобойковских традиций на территорию сабатиновской культуры (Красномаяцкого очага металлообработки) в результате соответствующих контактов (Гершкович 2001—2002: 605—606; ср., напр.: Сикорский и др. 1997: 68; Ушурелу 2010: 51, сн. 6), заметной и по находкам одиночных бронзовых изделий на соответствующих поселениях (см., напр.: Сикорский и др. 1997: 68). В силу того же, между лобойковско-голоуровской и красномаяцкой металлургией близкого времени есть частичное сходство, вырабатывались и синкретические типы (см. выше), в некоторых комплексах сочетаются типы одноименных групп (см., напр.: Клочко 2006: 198), вплоть до упоминавшегося выше изготовления негативов изделий одной и другой соответствующих традиций неодинакового происхождения на одной и той же литейной форме, вопреки утверждению Е. Ушурелу (Ушурелу 2010: 62, сн. 12). А более частое сочетание в комплексах типов изделий, присущих Красномаяцкому, Рышештскому и Дичевскому очагам металлообработки, чем лобойковско-голоуровских и, например, красномаяцких типов, может объясняться вполне закономерной большей интенсивностью контактов в пределах одной и той же металлообрабатывающей зоны, чем между двумя соседними: рышештско-красномаяцко-дичевской, по выражению самого Е. Ушурелу (Uşurelu 2006: 20, 29—31), и лобойковско-дербеденовской. Ведь любая металлообрабатывающая зона и объединяла наиболее сходные очаги (Бочкарев 1995б: 120—123). К счастью, по меньшей мере, для абсолютного большинства исследователей очевидна хронологическая близость Малокопаневской литейной мастерской с лобойковско-голоуровскими комплексами (на мой взгляд, вопрос в том, со всеми ли) и более ранняя хронологическая позиция последней по отношению к несомненно красномаяцким. Если разделять точку зрения о большей типологической близости этой мастерской к красномаяцким комплексам [29], чем к лобойковско-голоуровским (см. выше), то становление Красномаяцкого очага металлообработки синхронно функционированию Лобойковского (пусть, может быть, не самым ранним комплексам последнего). Тем более, что к раннесабатиновскому времени также относятся, как и яркие лобойковско-голоуровские комплексы, I горизонт негативов

[28] Дабы не возникало сомнений в восточном по отношению к тому же ареалу происхождении соответствующих орудий, сравниваемых с серпами варианта Гермэнешть. Первые могут возникнуть, например, по отношению к серпам, входящим в состав кладов Делень и Одэиле-Подарь, выделяющимся среди остальных изделий, отнесенных к варианту Гарбузовка, особенностями, сближающими указанные предметы из названных кладов с серпами варианта Гермэнешть. Упомянутыми особенностями два серпа, составляющие клад Поенешть, относящиеся к типу Ибракаево (к которому, кстати, отнесены и некоторые более, чем серпы варианта Гарбузовка, сходные с серпами варианта Гермэнешть, особенно орудие из Ильдеряково (Дергачев, Бочкарев 2002: 77, табл. 22: 305)), выделяются среди большинства других серпов волго-уральской серии.

[29] Кажется, никто не должен возражать против того, что что различия между этими объектами сопоставления имеют стадиально-хронологический характер.

Новокиевской литейной мастерской Красномаяцкого очага металлообработки и поселения Мариновка (Лесков 1975б: 16—17; Gerškovič 1999: 72, 88; ср.: Дергачев 2011: 228 и сл. [30]), на одной из двух найденных матриц с которого вырезаны негативы изделий красномаяцких типов, Златополь, на котором найдена, в частности, литейная форма с негативом подвески, аналогичной отливавшимся, в том числе, в Красномаяцкой мастерской, и Капуловка, на котором найден, в частности, обломок матрицы с фрагментом негатива (в том числе) долота (Bočkarev, Leskov 1980). Процесс изготовления последнего предусматривал только литье, что соответствует красномаяцким традициям (см. выше).

Сложнее судить о функционировании Лобойковского очага металлообработки после раннесабатиновского периода. Например, если принять мнение о «постзлатопольской» традиции изготовления наконечников копий и дротиков белозерского времени или соответствующих синкретических типах как о результате эволюции производства наконечников златопольского типа лобойковской металлургической традиции (Клочко 2006: 194, 213) или вообще о преемственности между лобойковской и завадовской металлургией (Ромашко 2013: 217), то, в соответствии с этим, данный очаг должен был существовать и после раннесабатиновского периода (Gerškovič 1999: 74; Клочко 2006: 215) [31]. В. С. Бочкарев и А. М. Лесков отнесли уже упоминавшуюся литейную форму из Иванковичей с негативом, в частности, наконечника дротика, по В. И. Клочко, типа Златополь — лобойковской группы (Клочко 2006: 194; 229, рис. 87: 20), к позднесабатиновскому времени (Bočkarev, Leskov 1980: 29—30, 62).

Я не исключаю и определенного воздействия, в том числе, Лобойковского очага металлообработки на само формирование Красномаяцкого, о чем я, правда, сколько-нибудь серьезно могу судить лишь по ножам с кольцевым упором. Вряд ли можно считать убедительным возражение В. И. Клочко (2006: 185—186) против традиционной концепции происхождения таких изделий от срубных ножей с плоским упором. Оно строится на том лишь основании, что на одной из литейных форм Малокопаневской мастерской, отнесенной исследователем, вопреки мнению большинства других, к культуре многоваликовой керамики, негатив ножа с кольцевым упором, соответствующий срубным ножам, был изготовлен раньше негатива кинжала Бородинского типа.

Во-первых, начало производства указанных срубных ножей, как и кинжал из Бородинского клада, относится к досабатиновскому времени (см., напр.: Клочко 2006: 146—147 и сл.). Во-вторых, Е. Н. Черных, справедливо, на мой взгляд, возражая против зачастую чрезмерного сближения с этим кинжалом того, что известен по литейной форме из Малых Копаней, выделил последний, гораздо более близкий к некоторым кинжалам, отливавшимся в красномаяцких литейных формах, в отдельный КТР — Н-51 (Черных 1976: 123—124). Впрочем, это как будто бы не противоречит наличию генетической связи между всеми этими кинжалами (Черняков 2002: 45 и сл.; Клочко 2006: 147 и сл.). На мой взгляд, кинжал указанного КТР в большей степени, чем к бородинскому, близок к представленному негативом на литейной форме из мастерской Мариновка, который В. И. Клочко рассматривает как дальнейшее развитие соответствующей линии в Северном Причерноморье, уже в рамках сабатиновской культуры (Клочко 2006: 146—147, 186; 167, рис. 67: 1, 2; 225, рис. 83: 1) [32], в т. ч., по всей вероятности, и по времени. Тогда, разумеется, не может выходить за те же культурно-хронологические рамки

[30] Во всяком случае, на мой, в частности, взгляд, отливавшийся в одной из матриц с этого памятника кинжал (Дергачев 2011: 248, рис. 157: 102) по общей конфигурации более близок к изготовлявшимся в Малокопаневской литейной мастерской, чем к более поздним (в основном) кинжалам-мечам с простым дуговидным перекрестием — в частности, к отливавшимся в Волошском (Дергачев 2011: 224, рис. 142: 10—12; 225, рис. 143; ср.: Клочко 2006: 186 и Дергачев 2011: 227—228; 226, рис. 144: 5 А, С; 230, рис. 145: 5 А, С).

[31] И противоречий здесь тому, что в иной среде могла происходить другая эволюция лобойковско-голоуровских или сходных традиций, результаты которой синхронны комплексам групп Красный Маяк и Добрянка (Uşurelu 2010b: 50, 51), я не вижу.

[32] Во всяком случае, кинжалы, представленные негативами на литейных формах из Малых Копаней и Мариновки, в отличие от бородинского, имеют дуговидные перекрестия (что для ряда исследователей является типообразующим признаком касательно подобного оружия (см., напр.: Шарафутдинова 1982: 125; Черняков 2002: 42—45)), хотя и довольно слабо выраженные, особенно малокопаневский. Ярко выраженное дуговидное перекрестие имеет, в частности, кинжал, представленный негативами на створках литейной формы из Днепрово-Каменского комплекса и по форме клинка более близкий к бородинскому и малокопаневскому (Гершкович 2005—2009: 581 и сл., рис. 5: 2; 584, рис. 8: 11), чем к мариновскому.

и негатив кинжала с кольцевым упором на той же матрице из Малокопаневской мастерской, несмотря на отмеченную выше разницу во времени изготовления с другим рассматриваемым негативом на первой. Что же касается мнения о том, что срубные ножи с плоским ромбическим перекрестием и кинжалы с кольцевым упором якобы относятся к независимым и синхронным очагам металлообработки и поэтому не являются генетически связанными, то в Лобойковском очаге представлены упомянутые кинжалы, ножи с небольшим расширением, сформированным путем ковки черенка, с точки зрения некоторых исследователей, переходные от первых к кинжалам с кольцевым упором, и, как и в срубном [33] (Литвиненко 1999б: 16—17), ножи с четким перекрестием (см., напр.: Черных 1976). Уже это (но не только) считать данные очаги независимыми (см., напр.: Литвиненко 1999б: 16) не позволяет (см., напр.: Черных 1976: 191—193 и др.). В. А. Дергачев даже воспринимает практически как одно явление «кинжалы с уплощенным или кольцевидным упором» (Дергачев 2011: 248). На территории Дичевского очага металлообработки также бытовали эти изделия [34] и оригинальные кинжалы-мечи (условно — типа Попово) с уплощенным, подромбовидным упором, который рассматривается как результат восприятия и модификации срубных традиций (см., напр.: Дергачев 2011: 222 и сл.). По мнению В. А. Дергачева, с кинжалом из Сливенского округа близко сходны по оформлению уплощенного упора и конфигурации клинка некоторые изделия, в частности, из Лобойковского клада (Дергачев 2011: 231, в т. ч. и ссылки на иллюстрации), иногда воспринимаемые как переходные от кинжалов-ножей с ромбическим перекрестием к подобным с кольцевым упором (см. выше). На мой взгляд, хотя сливенский нож-кинжал несколько отличен от лобойковских, его перекрестие со свисающими, «клювовидными» концами (Черных 1978а: 234—236) может восприниматься как переходное от четких ромбовидных перекрестий не только к дуговидным у кинжалов-мечей (о которых — ниже), но и, вероятно, к кольцевым упорам. Во всяком случае, оно сопоставимо с последними по высоте, меньшей, чем у более четких ромбических перекрестий (Дергачев 2011: 223, рис. 141: 3—5, 8—13), а с имеющимися у мечей, отливавшихся в Красномаяцкой мастерской, — и по конфигурации (в фасе) (Дергачев 2011: 223, рис. 141: 9; 224, рис. 142: 10, 11).

Так можно ли считать Дичевский очаг металлообработки (тем более — Красномаяцкий) совершенно независимым от Лобойковского и даже срубного? Считаю логичным предположить, что трансформация ромбовидного или близкого к таковому перекрестия в кольцевой упор впервые произошла в рамках Лобойковского очага. Ведь, во-первых, для последнего более характерны, чем для Дичевского, изделия с ромбовидным перекрестием, как и с кольцевым упором, свойственным (в более или менее четких вариантах) и бритвам (Дергачев 2011: 237, рис. 151: 1—3, 6—11, 13), весьма показательным именно для лобойковской металлургии (см. выше), и известно больше типологически промежуточных вещей (ср., напр.: Дергачев 2011: 222 и сл. и Черных 1976: 118—122 и сл.).

Во-вторых, восточнее территории Лобойковского очага металлообработки бронзовые изделия с кольцевым упором и особенно соответствующие литейные формы встречаются заметно реже (см., напр.: Подобед и др. 2009: 3—6; 11, рис. 1). В-третьих, мне известен лишь один достоверно происходящий из слоя (комплекса) сабатиновской культуры нож с ромбовидным перекрестием — с поселения Мерены II (Sava 2002b: 71, 83, 91; 72, fig. 3: 8). Е. Н. Черных, правда, упоминает о ноже КТР Н-32 «с позднебронзового пос. Бадарьянка Белгород-Днестровского р-на» (Черных 1976: 119, 277) Одесской обл. Вероятно, не без влияния Лобойковского очага металлообработки носители культуры Кослоджень стали производить изделия с ромбовидным или близким к таковому перекрестием (Дергачев 2011: 229, 231, 248—249) и оно также и в рамках Дичевского очага трансформировалось в кольцевой упор. Тогда вряд ли без влияния лобойковской металлургии стали производить ножи-кинжалы (не говоря уже о бритвах) с таким упором в рамках Красномаяцкого очага. Полагаю, что временной разрыв между древнейшими красномаяцкими (ныне, видимо, представленными негативом на матрице Малокопаневской мастерской) и лобойковскими ножами с кольцевым упором вряд ли может быть большим (см. Черниенко 2013, а также ниже). На мой взгляд, в контексте

[33] Этот очаг частично предшествовал Лобойковскому (см., напр.: Черных 1978б: 55, рис. 2; 56, рис. 3; Klochko 1993: 58—59, 72—73; ср.: Клочко, Козыменко 2011: 45, 162).

[34] Там, правда, такие кинжалы известны в заметно меньшем количестве, чем в зоне деятельности Лобойковского очага металлообработки.

соответствующей частичной преемственности между лобойковской и красномаяцкой металлургией и следует воспринимать эту мастерскую, которую Е. Н. Черных не случайно давно отнес, пусть даже условно, к ингуло-красномаяцкой группе комплексов, или одноименному очагу металлообработки (Черных 1972: 28; 1976: 140, 178, 182).

При этом далеко не полное совпадение территорий соответствующих очагов, при том, что Красномаяцкий, в отличие от Лобойковского, почти оптимально соответствует ареалу сабатиновской культуры, в пользу объяснения довольно заметных различий между соответствующими традициями лишь причинами стадиально-хронологического порядка не свидетельствует: «различия в типологическом составе (наборе) инвентаря каждой из групп могут в определенных случаях объясняться не только хронологией, но и географическим местоположением, особенно существенным для III группы комплексов», т. е., по Е. Н. Черных, «завадово-лобойковской» (Черных 1976: 144). Доказать исключительную «срубность» Лобойковского очага металлообработки уже невозможно (Гершкович 2003: 34) — он многокомпонентен в культурном отношении (Гершкович 2000: 156; 2001—2002: 605). Проблема северо-западных границ срубной культурно-исторической общности и соотношения с ними литейных мастерских Голоуров, Деревянное, Мазепинцы (Заречье) и некоторых других пунктов находок может считаться открытой (Отрощенко, Рассамакін 1997: 25) до сих пор. Но с типологической точки зрения связь лобойковско-голоуровской металлургии с этой общностью (Ушурелу 2010: 51 и сл., рис. 5: 1; 34, карта 4: 1; Uşurelu 2010b: 44; Отрощенко, Рассамакін 1997) (прежде всего — с бережновско-маевской срубной культурой: Отрощенко 2001б: 160—162, 171), причем в большей степени, чем с сабатиновской культурой (Черных 1976), представляется вполне очевидной [35]. Но и отрывать полностью сабатиновскую культуру от лобойковской металлургии не следует (Черных 1972: 30, 31, 38; 1976: 84 и сл.). Это не зависит от того, относить ли сабатиновские поселения (или слои), на которых найдены изделия лобойковско-голоуровских или близких к таковым типов, к бережновско-маевской срубной культуре (Отрощенко 2004: 167), не включая соответствующие территории в ареал сабатиновской культуры (Клочко 2006: 155 и сл.), или же однозначно связывать с «Ингуло-Красномаяцким» очагом мастерские Капуловка и Златополь (Шарафутдинова И. Н. 1990: 82). Металлопроизводство сабатиновской культуры раннего этапа изучено слабо и в основном по находкам в восточной части ее ареала. Но некоторые из них говорят о функционировании и там в то время Лобойковского очага металлообработки. Это особенно касается определенных негативов на литейных формах из слоев названных культуры и этапа поселений Златополь (ср.: Черных 1976: 156) и Капуловка (см. выше). Приводившийся выше негатив кельта на матрице из соответствующего слоя со скалы Кременчук позволяет, прежде всего, то же говорить и о центральной части данного ареала [36].

Я попытался показать некоторое воздействие лобойковско-голоуровских традиций на становление Красномаяцкого очага металлообработки. В этом контексте уместно также рассмотреть довольно сложную связь с восточными традициями большинства кинжалов-мечей, традиционно относимых к «красномаяцкому» типу (Дергачев 2011: 222 и сл.). Кинжал из известного Борисовского погребения воина проявляет наибольшую среди названных изделий близость (по общей форме и особенно перехвату) к кинжалам более архаичных типов Н-30/32, по классификации Е. Н. Черных (Черняков 2002: 43—44). Кинжалы КТР Н-51, по Е. Н. Черных, отливавшиеся в Малокопаневской мастерской (Черных 1976: 123—124 и сл.) и генетически связанные с типом кинжала, входящего в состав Бородинского клада [37], к другим тради-

[35] Лобойковский и Красномаяцкий очаги металлообработки сближает еще и изготовление литейных форм в основном из камня (об исключениях см., напр.: Сикорский и др. 1997: 69). Было бы удивительно, если бы лобойковские мастера не использовали хлорито-талько-амфиболитовые породы, скорее всего, криворожского происхождения, выходы которых имеются и в Поднепровье (Шарафутдинова 1982: 136). Но чем дальше на восток от Днепра, тем реже встречаются срубные каменные литейные формы и чаще — глиняные.

[36] Поэтому подсчет доли «срубных изделий из кладов на территории сабатиновской культуры» (Березанская и др. 1986: 102) на самом деле затруднен в связи с проблематичной культурной атрибуцией тех характерных лобойковско-голоуровских типов, которые представлены и на поселениях сабатиновской культуры негативами на литейных формах или готовыми бронзовыми предметами.

[37] Соответствующую линию развития некоторые исследователи начинают с определенных восточносредиземноморских кинжалов и мечей (см. о ней, напр.: Клочко 2006: 147, 185, 186; Черняков 2002; ср., напр.: Шишлина 2013: 160, 166, 167).

циям, как мне кажется, отношения не имеют. Но, пожалуй, все остальные кинжалы-мечи с дуговидными перекрестиями («красномаяцкого» типа), на мой взгляд [38], олицетворяют продолжение как неоднократно упоминавшейся выше линии развития типа бородинского кинжала, так и двух других линий. Одна идет от мечей горизонта Хайдушамшон-Апа через кинжалы-мечи, отливавшиеся в мастерской Побит Камык (Черных 1978а: 257, 259; ср.: Клочко 2006: 184). Еще одна линия связана с трансформацией ромбовидных и близких к таковым перекрестий, присущих, в частности, срубным (и лобойковско-голоуровским) ножам, кинжалу-ножу «типичной раннесрубной формы из СВ Болгарии» и кинжалам-мечам типа Попово (Дергачев 2011: 222 и сл.), в дуговидные перекрестия кинжалов-мечей «красномаяцкого» типа [39]. Промежуточная стадия этой трансформации, как уже упоминалось, представлена перекрестием со свисающими, «клювовидными» концами кинжала из Сливенского округа, к тому же близкого по форме клинка к упоминавшемуся борисовскому кинжалу (Черняков 2002: 44). Интересно, что переход от восточного по происхождению ромбовидного перекрестия к дуговидному не произошел в рамках Лобойковского очага металлообработки, в комплексах которого последнее неизвестно. Да и вообще, систему вооружения этого очага отличает от присущих сабатиновской культуре традиций, в частности, сам факт отсутствия мечей (Клочко 1987: 75). Это тем более относится к большинству более восточных очагов бронзового века Европы (Черных 1978б). В рамках некоторых из них разве что бытовали кинжалы-мечи с дуговидным перекрестием типа Сосновая Маза (Дергачев 2011: 227). Попытки вывести «красномаяцкий» тип кинжалов-мечей из ножей-кинжалов с кольцевым или близким к таковому упором (Черняков 2002: 43—44, 48; Клочко 2006: 184; Кривцова-Гракова 1955: 141), по-моему, выглядят не столь убедительными [40].

Налицо результаты влияния на металлургию раннего этапа сабатиновской культуры, в т. ч. на красномаяцкую, и других восточных по происхождению традиций — это, прежде всего, производство долот, серпов варианта Гарбузовка. Е. Н. Черных одним из первых обратил внимание на то, что в период поздней бронзы «в Северном Причерноморье возникает металлообработка, зависимая от Балкано-Карпат», определявшаяся развитием металлургии в них, на совпадение огромного большинства руководящих форм «ингуло-красномаяцкого» очага металлообработки и Карпатского горно-металлургического центра (1972; 1976). Но считать основной роль западного импульса в возникновении этого очага (Черных 1972: 36, 38; 1976: 181—184 и сл.; Бочкарев 2010б: 167—168), на мой взгляд, все же нельзя. Таковая не распространялась на все составляющие металлопроизводства сабатиновской культуры, учитывая, в частности, вывод Е. Н. Черных: «Памятники сабатиновского облика, кроме ингуло-красномаяцкого металла, не в меньшей степени связаны и с находками завадово-лобойковской группы» (Черных 1972: 30; ср.: Бочкарев 1995б: 117). Правда, как представляется, это относится, главным образом, к раннесабатиновскому времени, которым Е. Н. Черных вообще не датировал в известной монографии (1976) «завадово-лобойковский» очаг металлообработки. Впрочем, в дальнейшем уже в рамках Красномаяцкого очага происходила эволюция производства двуушковых кельтов лобойковско-голоуровских традиций. Изготавливались и синкретические изделия, а также стали отливать бритвы, судя по комплексу Волошское I, относящемуся к позднесабатиновскому времени (Bočkarev, Leskov 1980: 11 ff.), кельты с лобным ушком восточных (но не связанных с лобойковско-голоуровскими) традиций (Uşurelu 2011). Продолжали производить ножи-кинжалы с кольцевым упором,кинжалы-мечисдуговиднымперекрестием,

[38] Реконструкция перекрестия кинжала, представленного фрагментами негатива на распиленной литейной форме, входящей в комплекс Новокиевской мастерской (Клочко 2006: 184; 223, рис. 81: 13), как дуговидного, очень близкого имеющимся у некоторых мечей «красномаяцкого» типа (Дергачев 2011: 225, рис. 143: 17), не соответствует негативу. Скорее продолжали линию развития кинжалов (боевых ножей) с кольцевым упором типа, который ряд исследователей также именует красномаяцким (см., напр.: Клочко 2006: 185—186), чем относятся к упомянутым кинжалам-мечам, кинжалы типа Заградовка-Добрянка, в соответствии с группировкой В. А. Дергачева (2011: 222, 225—230, 249).

[39] Среди древнейших из последних окажутся, опять же, отливавшиеся в мастерской Побит Камык (Клочко 2006: 184; Дергачев 2011: 228—229 и сл.), а также, что в данном контексте особенно интересно, кинжал, представленный негативом на литейной форме с поселения раннего этапа сабатиновской культуры Мариновка (см. выше).

[40] На кинжалы-мечи, имеющие не только дуговидное перекрестие, но и кольцевой упор на черенке (Клочко 2006: 186—187; 225, рис. 83: 5—7), соответствующий скептицизм не распространяется (Leskov 1981: 64).

полностью литые долота (Bočkarev, Leskov 1980: 11—12 ff.). Все это, конечно, к пересмотру границ и хронологических рамок Красномаяцкого и Лобойковского очагов металлообработки (Ушурелу 2010: 51, сн. 6) не обязывает и не должно склонять к выводу о безусловной генетической соподчиненности сабатиновской культуры срубной, а, скорее всего, является свидетельством постоянных и продолжительных контактов разнокультурных групп населения (Gerškovič 1999: 74). Но то же самое не противоречит суждениям о наличии определенного генетического родства между сабатиновскими и срубными древностями.

Следует учитывать, что металлургия сабатиновской культуры, в т. ч. красномаяцкая, могла унаследовать некоторые традиции, которые, по меньшей мере, были знакомы предшествовавшему местному бабинскому населению. Это, по всей вероятности, производство, прежде всего, изделий элементарных форм: простейших ножей (Погребова 1960: 88; 83, рис. 7: 4), тесел, шильев и пр., а также, возможно, снабжение ушками наконечников дротиков, изготовление сходных с входящим в состав Бородинского клада кинжалов (см. выше) и, может быть, булавок с ромбическим щитком (Березанская и др. 1986: 108; Шишлина 2013: 158—159). Литье последних в рамках Красномаяцкого очага металлообработки засвидетельствовано находкой Днепрово-Каменского комплекса, в состав которого входит соответствующая литейная форма (Гершкович 2005—2009). По всей видимости, собственные инновации в сабатиновской, в т. ч. красномаяцкой, металлургии изначально представлены формами большинства наконечников копий и дротиков (Клочко 2006: 177, 178; 162, рис. 62: 5; 217, рис. 75: 3, 7). Вероятно, «пещерка» с одной стороны кельта, представленного негативами на створках одной из литейных форм Малокопаневской мастерской, отражает влияние на раннесабатиновскую металлургию со стороны культуры Ноуа (Шарафутдинова 1982: 110 и сл., рис. 41: 1, 6; 148, рис. 59: 12) или Кослоджень. Вероятнее всего, к раннесабатиновскому времени относятся Щетковский и Козорезовский клады, состоящие в основном из северобалканских бронз (Leskov 1981: 87, nota 241).

В дальнейшем обилие западных и юго-западных влияний (Uşurelu 2010b: 48, 51—54, 56; Бочкарев 1995б: 120—121) и особенно импортов (Дергачев 2011: 247 и сл.; Новикова 1976: 28 и сл.) попросту затмило остальные традиции, которым следовали литейщики сабатиновской культуры. Иногда карпато-балканский импульс воспринимают как обратный, инспирированный влиянием восточного металлопроизводства на Карпато-Дунайский регион (Бочкарев 2010б: 167—168), возводя соответствующие западные типы изделий к восточным по происхождению прототипам, в большинстве случаев в той или иной мере близким к лобойковско-голоуровским (Uşurelu 2010b: 48—51, 54).

Нетрудно заметить, что для специалистов по металлопроизводству сильное давление с востока на Карпато-Дунайский очаг культурогенеза в основном стоит за группами сравнительно немногочисленных, главным образом, отлитых изделий Делень, Одэиле-Подарь и Попгруево, по Е. Ушурелу (Uşurelu 2010b: 36—43 ff.). Среди них наиболее многочисленной категорией являются двуушковые кельты лобойковско-голоуровского облика, которых по последним данным насчитывается порядка полутора десятков (Дергачев 2011: 84). Если В. А. Дергачев отказался от установления слишком жесткой связи между металлическими изделиями и процесами культурогенеза (Дергачев 2010: 129 и сл..), то В. С. Бочкарев склонен оценивать процесс «продвижения» кельтов в западном направлении не как пример классической диффузии, а как явление, напрямую связанное с крупными культурно-историческими изменениями, в т. ч. с образованием культурного блока «сабатиновка-ноуа-кослоджени» (Бочкарев 2010а: 123)[41]. Но, кроме указанной ограниченной численности, важно то, что сами двуушковые кельты в Карпато-Днестровском регионе и Подунавье не получают дальнейшего развития и после раннесабатиновского времени почти не использовались (Ушурелу 2010), хотя многие более поздние типы кельтов этих территорий связывают с ними по происхождению (см., напр.: Uşurelu 2010b: 48—51).

При этом в Северном Причерноморье наблюдается эволюция двуушковых кельтов не только в рамках сабатиновской культуры, но и в белозерское время, когда такие орудия были связаны более всего с одноименной культурой (см., напр.: Ушурелу 2010). Что касается

[41] Здесь уместно еще раз обратить внимание на то, что В. С. Бочкарев и В. А. Дергачев в работах, разница во времени публикации которых не слишком велика, связывают начало культуры Ноуа с появлением (по крайней мере, в соответствующем ареале) то двуушковых кельтов, то серпов варианта Гермэнешть, т. е. с неодновременными, по мнению тех же исследователей, ситуациями (подробнее см. выше).

Дичевского очага металлообработки, то внедренные на этапе его формирования, в частности, ножи-кинжалы и кинжалы-мечи «красномаяцкого» типа[42] в дальнейшем вышли из производства и употребления (Дергачев 2011: 251—252, 269, 277), чего не скажешь о Рышештском и особенно Красномаяцком очагах (Uşurelu 2010b: 28—43 ff.). Даже *a priori* в силу географического фактора представляется вполне логичным, что восточные традиции имели большее значение для металлургии сабатиновской культуры, чем для металлопроизводства культур Ноуа и Кослоджень. Это разве что не относится к наконечникам копий и дротиков, представленным в комплексах разных этапов культур только что упомянутой пары, более похожим по форме на лобойковско-голоуровские и сейминские, чем большинство из достоверно относящихся к сабатиновской культуре (Petrescu-Dîmboviţa 1977: 178, pl. 16: 3; 19: 9, 10 etc.). После раннесабатиновского времени носители культур Сабатиновка, Ноуа и Кослоджень использовали бритвы и желобчатые долота, причем В.А. Дергачев склонен считать, что некоторые бритвы, найденные в ареалах культур Ноуа и Кослоджень, древнее литейной мастерской Волошское I (Дергачев 2011; Uşurelu 2010: 28—43 ff.).

Для того чтобы считать вышеупомянутые группы сравнительно немногочисленных изделий Делень, Одэиле-Подарь и Попгруево, в которых представлены типы, подвергшиеся эволюции в процессе дальнейшего производства, результатом восприятия населением культур Ноуа и Кослоджень традиций именно сабатиновской культуры, да еще и на генетическом уровне (Uşurelu 2006; 2010b: 46—53, 56—59), последние (в данном случае — в основном лобойковско-голоуровские), на мой взгляд, должны быть хотя бы относительно равномерно представлены по всему ареалу культуры, претендующей на роль донора. А этого, по нынешним данным, за сабатиновской культурой не наблюдается. Более того, именно на западных территориях, достоверно входящих в ареал последней и ближайших к ареалам культур Ноуа и Кослоджень, найдено чрезвычайно мало изделий лобойковско-голоуровских или близких к таковым типов, не могущих считаться присущими также и красномаяцкой металлургии (Черных 1976; Дергачев 1997: 82, 84; Sava 2002b: 71, 83, 91; 72, fig. 3: 8)[43]. К тому же с лобойковско-голоуровской металлургией в большей степени связана бережновско-маевская срубная культура, чем сабатиновская.

На мой взгляд, экономические связи между носителями культур Сабатиновка, Ноуа и Кослоджень были настолько тесными, что зачастую очень трудно, если вообще возможно, определить, какое именно население и у кого впервые переняло ту или иную из традиций металлопроизводства, отражающих специфику именно рышештско-красномаяцко-дичевской металлообрабатывающей зоны. Традиции эти в целом едины, но с заметными особенностями, присущими каждой из этих культур (Дергачев 2011: 226—230 и сл.; Бочкарев 1995б: 120—121). С мнением о восприятии Рышештским очагом металлообработки от Красномаяцкого некоторых типов наконечников копий (Бочкарев 1995б: 121), пожалуй, можно согласиться, т.к. соответствующие таковым дремайловского типа (Клочко 2006: 178), в т.ч. ранним (Gerškovič 1999: 62, 69, 72; Taf. 39: 4, 5), или в той или иной мере сходные в комплексах первого из этих очагов, а также в ареале культуры Кослоджень как будто бы появляются позднее (Uşurelu 2010b: 35—38 ff.). Само собой, металлопроизводство подчеркивает своеобразие как сабатиновской, так и других археологических культур.

Одной из особенностей современной историографии рассматриваемых проблем является отсутствие сколько-нибудь активного ведения дискуссий. Исследователи, обосновывая свои позиции, зачастую практически не реагируют на альтернативные точки зрения своих современников. Поэтому со стороны разные мнения выглядят научно равноценными, хотя, на мой взгляд, таковыми не являются, т.к. соотношение сильных и слабых сторон в различных концепциях неодинаково. Это определяет необходимость проанализировать различные точки зрения, выявить в них приемлемые положения. В то же время против некоторых позиций ряда исследователей, нередко активно отстаиваемых, на мой взгляд, необходимо возразить. В восполнении

[42] Как указывалось выше, происхождение этих изделий так или иначе связано с восточными традициями.

[43] В этом плане дистанция между остриями стрелок I и хвостами стрелок II заметно большая, чем соответствующие между стрелками других пар (начиная со II), на одной из карт (Дергачев 1997: 102) представляется мне не такой уж случайной. Можно, правда, и приблизить хвосты стрелок II к остриям стрелок I (но не наоборот), т.е. к Поднепровью, имея в виду не столько культурно-генетические процессы, сколько возможность относительно дальних связей населения культур Ноуа и Кослоджень.

такого пробела в историографии вопроса, как дефицит убедительных соответствующих возражений, я вижу одну из немаловажных целей настоящей работы.

Переходя к проблемам соотношения сабатиновской культуры с предшествующими (полностью или частично) культурными образованиями и, значит, к вопросам культурогенеза, отмечу, что авторы следуют разным приоритетам при выборе источников для разработки этой темы. Осознавая всю сложность общеизвестной проблемы погребальных памятников названной культуры, особенно на востоке ареала последней (Тощев 2007: 173, 191; Колотухин 2003: 54—55; Sava 2003: 37; Sava, Agulnikov 2003: 113 и сл.)[44], полагаю, как и ряд других исследователей, что именно погребения являются наиболее информативным источником для вопросов культурогенеза. Эта категория памятников отражает действия этногенетических факторов сложения археологической культуры, причем лишь с определенного этапа этнических контактов (Яровой и др. 2002: 319). В понимании В. И. Каврука, эти факторы должны рассматриваться с учетом этногенетической значимости тех или иных специфических признаков культур по погребальному обряду и связей между последними (Каврук 1988: 2, 8, 10—11; см. также, напр.: Пьянков 2010: 83). Не игнорирую, но считаю менее выразительными в указанном контексте признаки других категорий, которые могут быть интерпретированы как свидетельствующие не обязательно именно об общих или различных происхождении и/или этнографических особенностях, но также, возможно, как о сходной, так и о различной «исторической ориентации» (Гершкович 1998: 81) носителей тех или иных культур, о контактах[45] и других формах «общения и взаимодействия человеческих коллективов» (Изотова 2000: 112). Если эти древности и отражают действия факторов сложения археологической культуры, то в основном, на мой взгляд, внеэтногенетических. Это касается, прежде всего, материальной культуры, элементы которой зачастую заимствуются и широко распространяются в различных (в т. ч. генетически) культурных образованиях[46], в отличие от погребальной идеологии, воплощенной в обряде (Черносвитов 1989: 23). Это также может относиться к «зольникам»[47], алтарям, глиняным хлебцам, фигуркам животных, не говоря уже о данных по сельскому хозяйству (ср.: Gershkovich 2003: 309—312, 314)[48]. Так, из работ Я. П. Гершковича (1997: 125 и сл.; 2000: 155—156; 2001—2002: 605; Gerškovič 1999: 58, 59, 90—92) остается не вполне ясным, почему синкретизм, прослеживаемый на срубных и сабатиновских материалах, можно объяснить, главным образом, горизонтальной ориентацией двух различных типологических рядов (т. е. контактами, заимствованиями и т. п.), а сходство материальной культуры именно в блоке Сабатиновка-Ноуа-Кослоджень больше располагает к поиску общего компонента сложения культур, чем к объяснению теми же горизонтальными связями (ср., напр.: Сава, Кайзер 2011: 235—239). Тем более что первый не приводит гибридной не только срубно-сабатиновской керамики, которая бы демонстрировала эволюцию

[44] Как заметил Р. А. Литвиненко (2009а: 75), видимо, в основном из-за этого многие исследователи предпочитают для разработки даже проблемы генезиса сабатиновской культуры другие источники. В контексте проблемы погребений этой культуры следует указать и на то, что ситуация с установленным их стратиграфическим соотношением с бабинскими захоронениями обстоит гораздо хуже, чем это пытается представить Е. Н. Сава (Савва 1992: 48—53) (даже если выразиться осторожнее: упомянутое соотношение между погребениями выделенных исследователем первой и второй групп, в частности, что касается ориентировок костяков и керамического инвентаря). Единственный относительно достоверно известный мне случай установленного такого соотношения — курган 1 у с. Румянцево, где классическое бабинское погребение 12 находилось под раннесабатиновским погребением 11 (Агульников, Бубулич 1998: 138—141). Как будто бы в кургане 6 у с. Казаклия основное захоронение бабинское (Савва 1992: 190) (безынвентарное, с северной ориентировкой скелета), а среди впускных есть погребение с горшком, более характерным для сабатиновского времени. Но с публикацией материалов, если таковая имеется, я не знаком. Соответствующую информацию мне любезно предоставил С. М. Агульников, за что я ему благодарен.

[45] Впрочем, контакты бывают разными и в определенных ситуациях могут быть внеэтногенетическими факторами сложения археологических культур, а собственно этнические — и этногенетическими (Каврук 1988: 2).

[46] Особого отношения требует в целом близкое сходство памятников ряда культур (Каврук 1988: 5), даже если последнее более заметно по материальной культуре.

[47] Интерпретация наиболее тщательно и квалифицированно исследованных «зольников» — на поселении культуры Ноуа Одая-Мичурин (Сава, Кайзер 2011: 426—434 и др.) — вообще не располагает к тому, чтобы сколько-нибудь непосредственно увязывать их с проблемами культурогенеза и межкультурных связей.

[48] Примеры системного подхода к использованию данных по погребальному обряду и материальной культуре для культурогенетических построений см.: Козенкова 1990: 76, 82—85, 88; Колотухин 1988: 13, 15—17; 1990: 107—110; 1996: 68—71.

срубных керамических традиций и их переход в сабатиновские, но и, скажем, монтеоровско-сабатиновской или ноуа-сабатиновской. Разве что взгляды Я. П. Гершковича на относительную хронологию срубных и сабатиновских древностей (см. ниже) позволяют ему делать культурогенетические построения на основании контактов КМК с культурами Тей, Монтеору, но не со срубной общностью. Впрочем, нужно признать, что даже при самых оптимистичных подсчетах известных в Северо-Западном Причерноморье погребений сабатиновской культуры (Ванчугов 2013: 300), их число не соответствует количеству проживающего на этой территории сабатиновского населения и, следовательно, не отображает полностью практиковавшийся погребальный обряд.

Историография проблемы соотношения компонентов сложения сабатиновской культуры настолько насыщенна, что уже можно написать и обзор историографических обзоров, среди которых есть и соответствующие специальные работы (Черняков 1976; Гершкович 2000; 2001—2002; Матвієнко 2008; Moldoveanu 2011) [49].

Сразу, однако, отмечу, что я в общем присоединяюсь к убедительно, на мой взгляд, обоснованной точке зрения Р. А. Литвиненко. Основные истоки сабатиновской культуры следует видеть в Днепро-Днестровском и, очевидно, Днестровско-Прутском локальных вариантах Днепро-Прутской бабинской культуры, что не отрицает участия в процессе генезиса первой других компонентов, как восточных (срубного [50], а также связанного с каменской культурой Крыма), так и западных (Монтеору, Витенберг) (Литвиненко 2009а: 75—76, 90; 2009б: 21 и сл.). Указанное участие обусловило локальную специфику упомянутого процесса (Литвиненко 2009б: 25). Фактически эта позиция восходит к относительно традиционным точкам зрения И. Н. Шарафутдиновой (Березанская и др. 1986: 114—115; аналогичное мнение см., напр.: Матвієнко 2009: 186), в свое время не исключавшей участия в сложении культур сабатиновской и Ноуа также и белопотоцкой группы комаровской культуры (Шарафутдинова 1968: 33—34; похожее мнение см., напр.: Сава 1994), Я. П. Гершковича (1989б: 114—115; Gerškovič 1999: 87). В какой-то мере близкую позицию занимал и Н. Я. Мерперт (1985: 8).

Синкретизм сабатиновской культуры не должен подлежать сомнению (Дергачев, Бочкарев 2002: 11, 13—14, 302; Sava 1994; Протоколы заседаний... 1995; Шарафутдинова 1997; Толочко та ін. 2000: 41; Братченко 2006: 230, сн. 10; Матвієнко 2008; Moldoveanu 2011; ср., напр.: Гершкович 1998: 63, 66). Но, к сожалению, в литературе встречаются отрицания того или иного компонента ее сложения (или даже не одного): бабинского (Лесков 1967б: 18; 1970: 55—57; Колотухин 2003: 59, 60), срубного (Березанская 1982: 207; 1990: 103 и сл.; 1997; Черняков 1984: 40; Гершкович 1998: 62, 89; Кузьмина 2008: 197; Ванчугов 2013: 294), западных (Лесков 1970: 57; Дергачев 1986: 186). Вопреки справедливому предостережению Я. П. Гершковича (1989б: 113), иногда преувеличивается или даже абсолютизируется роль в генезисе сабатиновской культуры бабинского (Березанская 1990: 103; Березанская, Шарафутдинова 1985: 499; Ванчугов, Иванова 2013: 339) либо срубного (см., напр.: Лесков 1970: 57; Шарафутдинова 1992б: 39; 1991; Sava 1994: 143; Дергачев 1997; Массон 1998: 263, 267; Чубур 2000: гл. 3. 2; Колотухин 2003: 53; Uşurelu 2006: 12) компонента. Е. Н. Сава стремится свести к минимуму роль «западных элементов» в формировании культуры Сабатиновка (Sava 2003: 46; Сава, Кайзер 2011: 235—239). Все это требует критического анализа.

---

[49] Краткие систематизации точек зрения см., напр.: Колотухин 2003: 7, 9—10; Савва 2003: 148.

[50] Этот компонент попытался конкретизировать Г. Н. Тощев, предположив на основе исследования материалов Крыма возможность генетической связи сабатиновских племен, в частности, с носителями бережновско-маевской срубной культуры (Тощев 2007: 211).

[51] Только левенцовский компонент (Литвиненко 2009а: 76; 2009б: 25), на мой взгляд, следует исключить. Статус культуры, называемой каменской (Кислый 2005; Кислий 2006) или каменско-планерской (Тощев 2005: 143; 2007: 171, 211), был не так давно присвоен (ср.: Березанская 1998: 61) каменскому типу памятников (о последнем см., напр.: Кислый 1997: 134, 137; Гершкович 1997: 143; ср.: Гершкович 1997: 142), в свое время выделенному из культурной группы, называвшейся каменско-левенцовской (Братченко 1985а). Это устаревшее, по моему, в частности, мнению, название имеет место и в некоторых современных работах (Колотухин 2003: 27, 50; Братченко 2006: 167 и сл.; Литвиненко 2009а: 75, 76; 2009б: 25; ср., напр.: Литвиненко 2000а: 69; 2009а: 90; 2009б: 16). Забегая вперед, подчеркну, что давно замечено, что керамика с сабатиновскими чертами, появление которой на поселениях Восточного Крыма «обусловлено эволюцией керамических типов позднекатакомбного облика», в материалах нижнедонских поселений типа Левенцовской крепости (или же «ливенцовской» группы (Литвиненко 2000а: 69)) не прослеживается (Кислый, Гершкович 1989), например, сосуды с одним валиком у самого венчика (Братченко 2006: 208).

Глава 1.
Сабатиновская культура и некоторые культурные образования посткатакомбного блока

В последнее время достаточно прямо отрицал вклад бабинского населения в формирование сабатиновской культуры лишь В. А. Колотухин, пытавшийся подтвердить применительно к Крыму (Колотухин 2003: 59—60; ср.: Дергачев 1997: 19) давнее заключение А. М. Лескова о том, что сабатиновские памятники «хронологически не смыкаются с многоваликовыми, а значит, и не могут быть производными от них» (Лесков 1967б: 18; 1970: 55—57). Впрочем, В. А. Колотухин усматривал в многоваликовых и катакомбных комплексах прототипы ряду форм погребальной керамики позднего бронзового века полуострова, с которой, по мнению исследователя, генетически связана поселенческая посуда (сабатиновская и белозерская) (Колотухин 2003: 23 и сл.). С точки зрения В. А. Колотухина (2003: 60 и др.), сабатиновская культура сложилась «в результате взаимодействия местного, преимущественно позднекатакомбного, и пришлого, срубного этнических компонентов», причем роль последнего в этнокультурных процессах начала позднебронзового века была ведущей.

Вероятно, для Крыма и регионов севернее него приведенное хронологическое соотношение между бабинскими и сабатиновскими древностями можно допустить, хотя этот вопрос, на мой взгляд, окончательно не решен. Так, Г. Н. Тощев пишет о том, что выделенные в пределах Крыма линии развития, связанные с каменско-планерской и бабинской культурами, были прерваны проникновением из степного Причерноморья носителей бережновско-маевской срубной культуры, возможно, хронологически стыковавшейся с населением, представленным погребениями евпаторийской группы (Тощев 2007: 186 и сл.). В то же время, речь идет о генетической связи сабатиновской культуры, считающейся автохтонной для Крыма и сосуществовавшей со срубными памятниками, с предшествовавшими различными группами культурно-исторической общности многоваликовой керамики и, возможно, бережновско-маевской срубной культурой (Тощев 2007: 194, 211, 213). Последние два из упомянутых культурных образований на кратковременном отрезке сосуществования (на раннем из представленных в Крыму этапов БМСК) тесно контактировали между собой в степной зоне (Тощев 2007: 186, 211)[52]. Г. Н. Тощев пишет и о поглощении племенами БМСК населения КИОМК степной части полуострова (Тощев 2007: 213) и об их же слиянии между собой (Тощев 2007: 194, 215). Немногочисленные факты стратиграфии всегда демонстрируют более позднюю позицию срубных погребений по отношению к захоронениям периода КИОМК (Тощев 2007: 163 и сл.). Но связь с комплексом единственного обнаруженного в кургане 8 бабинского погребения 1 (Тощев 2007: 167; 168, рис. 88: 14; Колтухов и др. 1994: 99; ср.: Тощев 2007: 186), судя хотя бы по меридиональной ориентировке каменного ящика и фрагментов остроребёрного сосуда срубного облика с прочерченным геометрическим орнаментом[53], и типичного бабинского горшка с двумя валиками (Колтухов и др. 1994: 99, 98, рис. 50: 1—4; Тощев 2007: 186) может, на мой взгляд, предположительно указывать на частичное сосуществование бабинского и срубного населения или, может быть, на происходившее и в Крыму формирование бережновско-маевской срубной культуры (ср.: Колотухин 2003: 26, 53; Тощев 2007: 186, 194, 211), вероятно, на основе днепро-прутской бабинской культуры. Впрочем, также не следует забывать о чертах изначального сходства бабинских и раннесрубных древностей (см., напр.: Шарафутдинова 1995в: 124), к которым относится и прочерченный орнамент из треугольников вершинами к устью сосуда (Братченко 1977: 16), в усложненном виде представленный и на приведенном остроребёрном горшке, казалось бы, срубного облика. Тем более что пропорции этого горшка все-таки точно неизвестны.

Однако общеизвестно, что на западе бабинского ареала, где не выделяется предсабатиновский горизонт срубных древностей, бабинские памятники хронологически стыкуются с сабатиновскими. Если признавать (см., напр.: Чмихов, Черняков 1988: 104, 107), по крайней мере, для части степного Поднепровья, выделенную И. Н. Шарафутдиновой,

[52] На это сосуществование, по мнению Г. Н. Тощева, указывают сочетания «различных инокультурных признаков (конструктивные особенности, инвентарь)».

[53] Хотя высота не реконструируется, но, по моему предположению, горшок, скорее всего, был невысоких пропорций, характерных для срубных сосудов с четко выраженными острыми ребрами.

хотя и неудачно названную вовнигской[54], группу погребений, отнесенных исследовательницей к позднемноговаликовым (предсабатиновским), но не включать туда памятники маевского типа, относящиеся все-таки к срубной культурно-исторической общности, то и первые хронологически стыкуются с сабатиновской культурой (Шарафутдинова 1982; 1975: 11—13, 21; Савва 1992: 147 и сл.; 1988: 17). А погребения №1 и 3 кургана на горе Клементьева в Крыму, справедливо[55] отнесенные Г.Н. Тощевым к культурно-исторической общности многоваликовой керамики (Тощев 2007: 169; 168, рис. 88: 7—9), сам В.А. Колотухин отнес к предсабатиновскому этапу, хотя и не сделал однозначного выбора в пользу отнесения этих захоронений к КМК или к срубным, обратив внимание на отличие керамики из тех же могил «от происходящей с расположенного рядом поселения культуры многоваликовой керамики Планерское I» (Колотухин 1990: 105—106; 1996: 52—53; 1988: 12)[56].

Я допускаю возможные особенности сложения сабатиновских древностей Крыма[57]. Тем не менее, полагаю, что оно происходило не изолированно, а при взаимодействии с населением других частей ареала формировавшейся сабатиновской культуры, в т.ч. с носителями Днепро-Прутской бабинской культуры, как бы ни опосредованно привносились в крымскую среду западные по отношению к Поднепровью культурные элементы (ср.: Колотухин 2003: 60 и Kushtan 2013). Приведенная мысль об упомянутом сложении, во всяком случае, может относиться к востоку полуострова. Находящееся там Кировское поселение является единственным в Крыму, на котором достоверно выявлен раннесабатиновский горизонт. Не возражая против наличия там этого горизонта, по поводу аналогичной датировки поселения Бурун-Эли на основании наличия обломков горшков с раздутым туловом и валиком непосредственно под венчиком (Колотухин 2003: 55—56) отмечу следующее. Существенное количество горшков с таким профилем традиционно считается, в т.ч. для Кировского поселения (см.: Лесков 1970: 18—21, 23; 1975а: 27—29), поздним явлением в пределах эпохи поздней бронзы, а учитывая указанное расположение валика, — в пределах сабатиновского времени (ср.: Kushtan 2013: 86). Правда, для каменско-планерских поселений (по В.А. Колотухину, «для горизонта КМК») подобные горшки тоже характерны, что и послужило основанием для мнения о близкой хронологии первых и поселения Бурун-Эли (Колотухин 2003: 55—56). Малочисленность банок на крымских поселениях сабатиновской культуры (либо в соответствующих слоях или керамических коллекциях), за исключением Кировского (Колотухин 2003: 55), на мой взгляд, не способствует достоверному выделению раннего горизонта этой культуры на тех же поселениях, кроме только что названного[58].

Другой аргумент отрицания вклада бабинского населения в формирование сабатиновской культуры — существенное несовпадение ареалов обоих образований (Лесков 1967б: 18) — позднее был, на мой взгляд, снят тем, что далеко не все из выделявшихся бабинских территориальных либо культурных групп[59] признавались участвовавшими в сложении первой (Березанская и др. 1986: 154; Гершкович 1989б: 113—114; Литвиненко 2009а: 75—77, 90; 2009б: 25; Ромашко 2013: 25).

В поисках возможных погребальных памятников, тем или иным образом связывавшихся в монографии В.А. Колотухина с катакомбным (позднекатакомбным) населением, которые хоть как-то ассоциируются с упоминавшимся выше представлением автора книги о местном компоненте сложения сабатиновского горизонта, сталкиваемся с весьма

[54] Я разделяю один из вариантов пересмотренной культурно-хронологической атрибуции поселения Вовниги (Гершкович и др. 1987: 155; Березанская, Шарафутдинова 1985: 490, 492; ср.: Шарафутдинова 1982: 18 и сл.; 1975: 7 и сл.; Шарафутдінова 1964: 168).

[55] По поводу одного из сосудов из погребения №3 и аналогичной керамики см. ниже.

[56] Впрочем, см. выше по поводу каменско-планерской культуры, названной, в частности, по этому поселению.

[57] Не исключено, что в дальнейшем, при расширении источниковой базы, соответствующие вопросы будут решаться для разных территорий Крыма по-своему. Особенности могли быть, в частности, вызваны постепенным, по мнению Г.Н. Тощева (2007: 211 и сл.), освоением срубниками Крыма, начиная со степных районов.

[58] Правда, соответствующая традиционная периодизация керамических комплексов эпохи поздней бронзы (см., напр.: Лесков 1975а: 27—29; Черняков 1985: 82—83) все еще не подтверждена подробными публикациями (которых попросту нет) стратифицированных сабатиновских поселений, раскопанных большими площадями (кратко некоторые данные см.: Клюшинцев 1993а: 12, 13; 1993б: 36, 142; 1995: 15), не считая анализа материалов поселения Кирово по штыкам (Лесков 1970: 16—28, 48, 58—59; Деопик 1970).

[59] Впрочем, точку зрения о гомогенности культуры многоваликовой керамики см., напр.: Шарафутдинова Э.С. 1987: 40—41; Савва 1992; Субботин 2013: 291; Ванчугов, Иванова 2013: 338. По поводу такой точки зрения см., напр.: Литвиненко 2008; 2009а: 52 и сл.; 2009в: 139, 140, 143—145.

спорными (Тощев 2004: 250, сн. 1) «далеко идущими выводами» (Тощев 2007: 199, сн. 97) В. А. Колотухина (2003: 19 и сл.). Высоко оценивая весомый вклад последнего в исследования и обобщения археологических памятников Крыма, вынужден отметить, что, вопреки этим выводам, рассмотренные погребения в катакомбах и подбоях, как и вытянутые захоронения, содержали инвентарь, не являющийся специфически срубным [60], а также вряд ли занимали более позднюю стратиграфическую позицию по отношению к комплексам, которые можно было бы достоверно отнести к срубным. Так, на мой взгляд, сосуд из впускного погребения №3 кургана №11/1985 у с. Григорьевка (Колотухин 2003: 19—20; 71, рис. 4; 73, рис. 6: 1, 2; 74, рис. 7: 5, 6) больше похож на бабинский, чем на срубный, чему как будто бы не противоречит и все остальное, связанное с этим захоронением (Колотухин 2003: 73, рис. 6: 3; 74, рис. 7: 7, 7а, 8). Основное погребение кургана №22/1985му того же села, в отличие от пяти впускных (в основном слабо скорченных), четко изображенных на общем плане, не подлежит культурной атрибуции, какими бы ни были, по мнению В. А. Колотухина, впускные захоронения (Колотухин 2003: 87, рис. 20: 2). Сосуд из основного (?) слабо скорченного погребения №1 кургана №10/1985 у того же села [61] с вытянутыми впускными (?) захоронениями (Колотухин 2003: 70, рис. 3; 72, рис. 1: 4) типичен для сабатиновского (особенно раннесабатиновского) времени, но изредка похожие встречаются в бабинских погребениях (см., напр.: Савва 1992: 72, рис. 25: 10; 97, рис. 36: 5; 106, рис. 42: 12; 108, рис. 43: 10; Субботин 2013: 287, рис. 67: 1, 7). С другой стороны, на мой взгляд, требует уточнения культурная атрибуция вытянутых захоронений (ср.: Колотухин 2003: 51; Отрощенко 2001б: 104, 107—108).

В данном случае, по крайней мере, большинство спорных погребений «смешанного» и катакомбно-многоваликового типов, по В. А. Колотухину (2003: 59), можно счесть бабинскими, убедительно доказать хотя бы частичную синхронность которых со срубными в Крыму не удается. Не раз отмечавшийся исследователем синкретизм первых относится, таким образом, к культурогенезу более раннего времени, чем рассматриваемое мною в настоящей работе. С другой стороны, если срубный керамический комплекс изначально включал в себя катакомбно-многоваликовые элементы (Колотухин 2003: 53) [62], то они могли проявиться в любой части соответствующего ареала, безотносительно к контактам.

Таким образом, В. А. Колотухиным приведено недостаточно оснований для чрезмерного удревнения в Крыму срубных памятников [63], искусственного занижения численности поздних бабинских погребений в Крыму в результате иной культурной атрибуции ряда последних и, значит, роли соответствующего компонента в сложении там же сабатиновской культуры. То же можно сказать по поводу хронологического отдаления, в понимании В. А. Колотухина, не единой монолитной культуры многоваликовой керамики, а хронологического горизонта крымских погребений с различными или «размытыми» культурными признаками, представляющих местный субстрат (Колотухин2003: 59) [64], от сабатиновских поселений.

[60] Как, например, универсальные (Савва 1992: 115) банки, ничего не дающие для датировки комплексов, что для одного случая отметил и В. А. Колотухин (2003: 20), или сосуды (Колотухин 2003: 84, рис. 17: 4; 85, рис. 18: 4), для которых как бы промежуточным по форме и пропорциям, на мой взгляд, является асимметричный горшок из бабинского погребения Никольское 7/35 (см.: Савва 1992: 82, рис. 30: 2). Один из приведенных крымских горшков тоже асимметричный — что, кстати, характерно для бабинских сосудов типа VI по классификации Е. Н. Савы (Савва 1992: 34; 35, рис. 8: VI; 111, рис. 45: 1, 6). Сосуд из погребения 4 кургана «Азов» (Самар 1998: 78, рис. 2: 6) отличается от горшка из погребения 17 кургана №23/1973 у с. Токарево не только наличием орнамента, но и пропорциями и очертанием ребра (Колотухин 2003: 20, рис. 17: 4). Этим токаревский сосуд, на мой взгляд, ближе к упомянутому горшку из Никольского. Весьма своеобразный горшок из погребения Суворовское 16/20 (Колотухин 2003: 52, рис. 29: 3) по форме куда более, чем на сосуд из погребения Бородаевка II 1/11 (Памятники срубной культуры... 1993: 139, табл. 9: 30), похож на сосуд с могильника культуры Ноуа Островец (Балагури 1985: 484—485, рис. 130: 7) (из чего, конечно, не следует делать далеко идущие выводы) и даже на некоторые из проиллюстрированных В. А. Колотухиным (2003: 94, рис. 27: 6, 7, 10). На одно явное недоразумение указал Г. Н. Тощев (2007: 199, сн. 97).

[61] Впрочем, погребения именно этого кургана В. А. Колотухин в монографии (2003) не атрибутирует.

[62] Сложность проблемы возможности непосредственной или же только опосредованной преемственности традиций между катакомбной и срубной культурно-историческими общностями (см., напр.: Дремов 2011) в какой-то мере отражают своеобразные понятия «позднe(пост)катакомбного» населения и одноименной культурной подосновы раннесрубных памятников (Юдин, Матюхин 2006: 68, 72; Пряхин 2011: 66).

[63] Возможно, не без того, чтобы придать большую убедительность версии о ведущей роли в формировании там сабатиновской культуры срубного компонента, как уже будто бы успевшего укорениться на полуострове за соответствующий промежуток времени.

[64] Т. е., в соответствии с другими представлениями, основного количества бабинских захоронений Крыма.

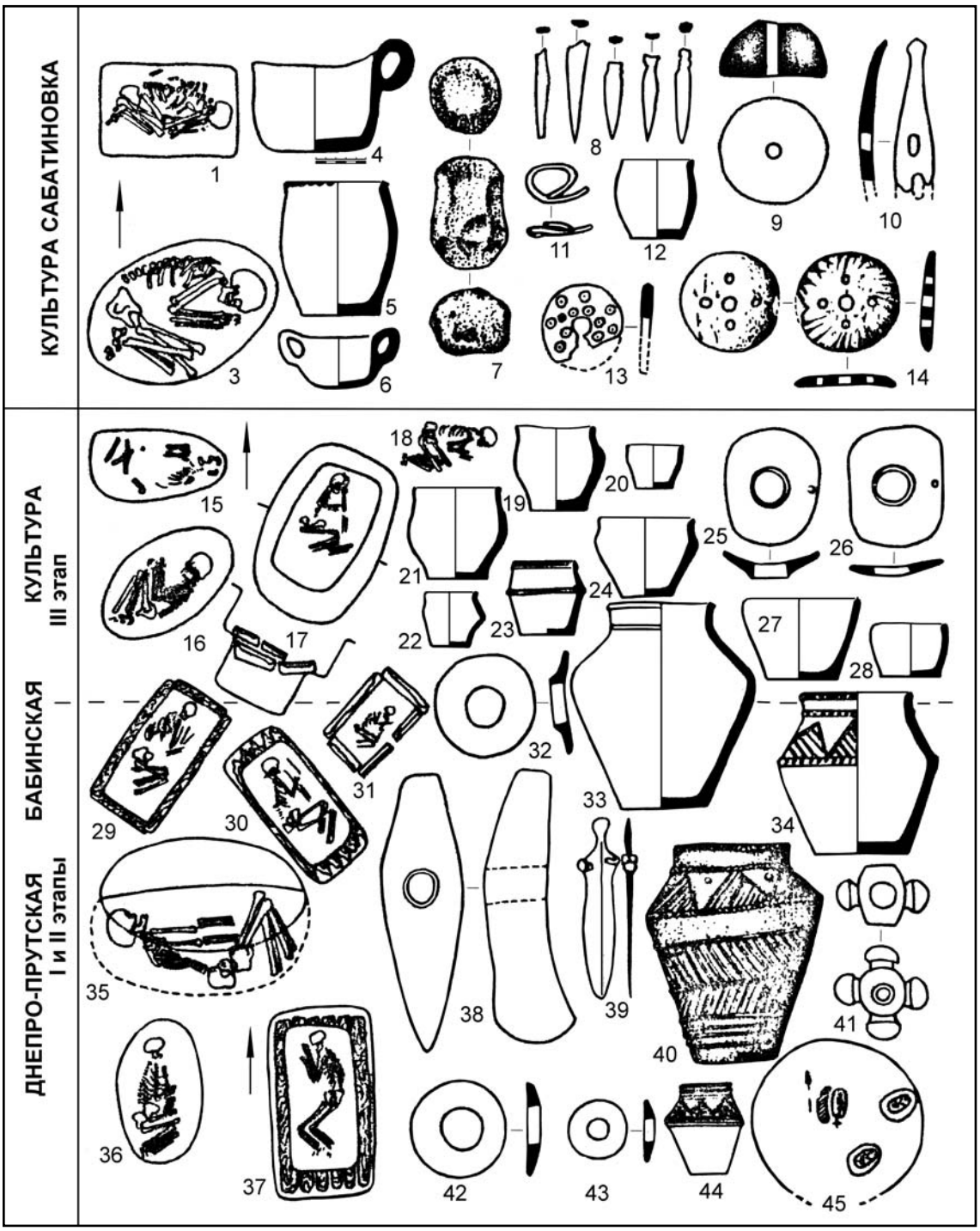

Рис. 2. Основные черты погребального обряда, категории и типы инвентаря, характерные для культуры Сабатиновка (1, 3—14) и Днестровско-Прутского варианта ДПБК (15—45) (по Савва 1992: 51, рис. 14, с учетом концепции культурного круга Бабино Р.А. Литвиненко; изъята позиция 2, т.к. южная ориентировка погребенных для сабатиновской культуры не характерна).

Fig. 2. The main features of the funeral ritual, the categories and the types of the inventory which are characteristic for the Sabatinovka culture (1, 3—14) and the Dniester-Prut variant of the DPBC (15—45) (after Савва 1992: 51, рис. 14, considering R.A. Litvinenko's concept of the Babino Cultural Circle; position 2 is removed because the southern orientation of skeletons is not characteristic for the Sabatinovka culture burials).

В свое время неудачный подбор иллюстративного материала для концептуальной статьи И.Н. Шарафутдиновой (1968), произвольные реконструкции керамики, художественно-технические погрешности сыграли на руку для критики А.М. Лесковым, в частности, мнения о преемственной связи раннесабатиновского керамического комплекса с многоваликовой

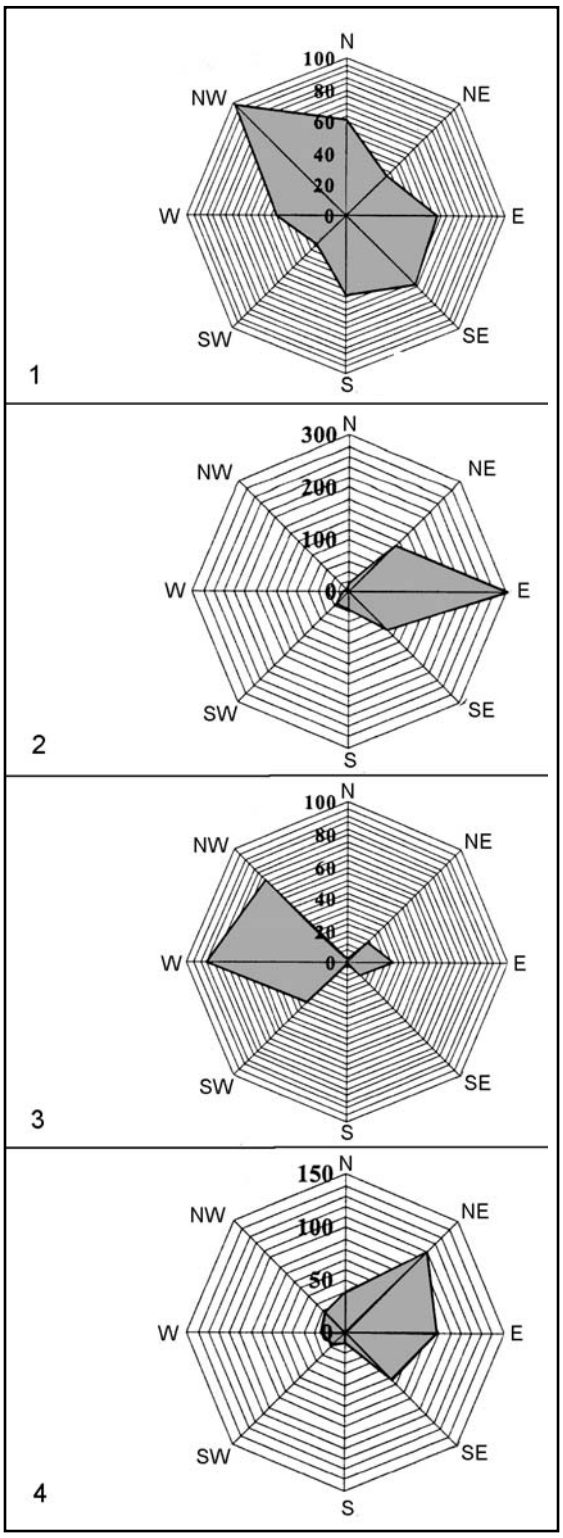

Рис. 3. Обобщенные сведения об ориентировке погребенных: 1 — культуры Ноуа; 2 — культуры Сабатиновка; 3 — культуры Монтеору; 4 — культурного круга Бабино (по Sava, Agulnikov 2003, с учетом концепции культурного круга Бабино Р.А. Литвиненко).

Fig. 3. The generalized information on the orientation of skeletons in burials of: 1 — the Noua culture; 2 — the Sabatinovka culture; 3 — the Monteoru culture; 4 — the Babino Cultural Circle (after Sava, Agulnikov 2003, considering R.A. Litvinenko's concept of the Babino Cultural Circle).

керамикой (Лесков 1970: 55—57). Опуская подробности моего несогласия с некоторыми частными моментами этой критики, практически ничего не дающие для решения проблемы, отмечу, что, вопреки утверждениям А.М. Лескова (1970: 57), многим вариантам всех выделенных им типов банок и горшков Кировского поселения можно найти более или менее близкие аналогии среди керамики из бабинских погребений, поселений, со скалы Кременчук (в т.ч. из бабинского слоя). Упущением А.М. Лескова следует считать то, что он не прокомментировал отмеченную И.Н. Шарафутдиновой (1968: 34) преемственность в сабатиновской и бабинской традициях погребального обряда, считая, как отмечалось выше, что соответствующие памятники хронологически не смыкаются. Правда, в то время малочисленность опубликованных материалов соответствующих погребений Северо-Западного Причерноморья привела к тому, что исследовательница указала лишь немногие и второстепенные черты сходства между погребальными памятниками сравниваемых культур. К тому же эти черты присущи также срубным памятникам.

Со временем именно единство погребального обряда культур сабатиновской и многоваликовой керамики (рис. 2—4) стало едва ли не самым убедительным доказательством их (как справедливо подчеркивает в последнее время Р.А. Литвиненко, — первой и Днепро-Прутской бабинской) генетической связи (Березанская и др. 1986: 115; Дергачев 1986: 185—186; Литвиненко 1991: 132; 2009а: 75—76; ср.: Колотухин 2003: 10). Кстати, этот неоспоримый факт вряд ли можно было бы сколько-нибудь убедительно доказать, используя такие материалы, как столовая керамика, украшения (Лисенко 2006), предметы металлопроизводства другого рода [65], если только отнесение некоторыми исследователями к культуре (хронологическому горизонту) многоваликовой керамики Малокопаневской литейной мастерской (Черняков 1996: 60; Клочко 2006: 140—141 и сл.; Иванова и др. 2012: 169—170) не разделять, а Бородинский клад считать отражением начала новых (Клочко 2006: 141), не собственно бабинских (Братченко 2006: 296) металлургических традиций. Неизвестны и бабинские зольники. Так

[65] Впрочем, в свое время, вероятно, именно это (см.: Дергачев 1997: 12—14, 19—20) побудило В.А. Дергачева к очередному пересмотру своей позиции по определению основного компонента сложения сабатиновской культуры (см., напр.: Дергачев 1986: 185—186; 1997: 17—19, 44—45, 51, 62).

настолько ли принципиальны для проблемы генетического родства сабатиновских и срубных древностей факт различия соответствующих столовых сосудов (Gerškovič 1999: 75, 77, 81—82; Гершкович 1997: 143), украшений (Березанская и др. 1986: 109—110; Шарафутдинова И.Н. 1987: 84; Лисенко 2006), зольников (Гершкович 2004б: 110; 2009: 331, 332), разногласия в сопоставлениях сабатиновской и срубной металлургии (Gerškovič 1999: 72, 74, 75)? Следует учитывать и закономерность, определяющую степень и сферы сходства между генетически связанными археологическими культурами, сменяющими одна другую (Каврук 1988: 2, 7—8) или, может быть, не только стыкующимися, но и пересекающимися хронологически.

Исследователи, признающие вклад бабинских древностей в формирование сабатиновской культуры, по-разному оценивают его степень, причем некоторые меняли свою точку зрения (Савва 1988; 1992; 2003; Сава 1994; Sava 1998; 2002а; 2003; Дергачев 1973; 1986; 1987; 1997; Дергачев, Бочкарев 2002; Dergaciov 2010; Шарафутдинова 1991; 1997).

Против преемственности между каменской, или каменско-планерской, культурой и сабатиновскими древностями я категорически не возражаю. Точнее, против определенного вклада каменских традиций, судя по сведениям В.Д. Рыбаловой (1974: 38 и сл.), в сложение керамического комплекса сабатиновской культуры (рис. 5) [66], быть может, опосредованного, т.к. еще нельзя считать окончательно установленным хронологическое соотношение каменско-планерской культуры с бабинскими древностями (Гершкович 1997: 141, 143), а значит, и с сабатиновскими (Кислый 1990: 21—22; Колотухин 2003: 50; 1996: 66—67). Во всяком случае, досрубное хронологическое положение каменских памятников (Чмихов, Черняков 1988: 106; Гершкович 1997: 139; Кислый, Гершкович 1989: 112; Gerškovič 1999: 78), в соответствии с моей, в частности, позицией, означает наличие хронологического разрыва между ними и ранним этапом сабатиновской культуры, тем более с учетом мнения о прерывании с приходом в Крым срубников определенных процессов, связанных, по выражению Г.Н. Тощева, с каменско-планерской линией развития (Тощев 2007: 211, 213, 215; Колотухин 2003: 60) [67]. Стоит обратить внимание и на замеченное В.В. Отрощенко (2001б: 107—108) сходство каменских погребальных комплексов именно с ранними погребениями КМК. Поселение Каменка до сих пор иногда связывают «с позднекатакомбным (или финальнокатакомбным) временем» (Рогудеев 2012: 266, 271). Еще более принципиальным представляется отсутствие сколько-нибудь заметной близости в погребальном обряде каменско-планерской и сабатиновской культур. Кроме того, «формирование сабатиновской культуры не могло быть ограничено территорией только Крымского п-ова» (Гершкович 1997: 143).

Исключительно спонтанную трансформацию одной археологической культуры в другую представить сложно (Березанская и др. 1986: 43) [68]. Не была такой и трансформация

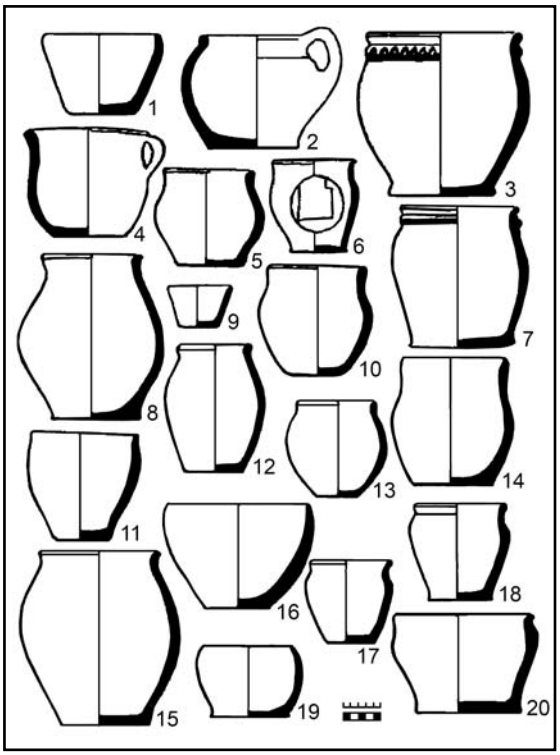

Рис. 4. Керамика из погребений сабатиновской культуры (по Черняков 1985).

Fig. 4. The pottery from the Sabatinovka culture burials (after Черняков 1985).

[66] В.А. Колотухин не считал этот вклад значимым (1996: 66—68; 2003: 50, 59, 60).

[67] Впрочем, В.А. Колотухин (1996: 67) считал на основании наличия на поселениях Каменка, Планерское и Челки керамики раннесабатиновского облика, что «в хронологической шкале крымские памятники должны занимать промежуточное положение между памятниками типа Бабино III и раннесабатиновскими».

[68] Как сложный процесс представляет себе происхождение археологических культур В.С. Бочкарев (см.: Кузьмина, Шарафутдинова 1995: 223—224).

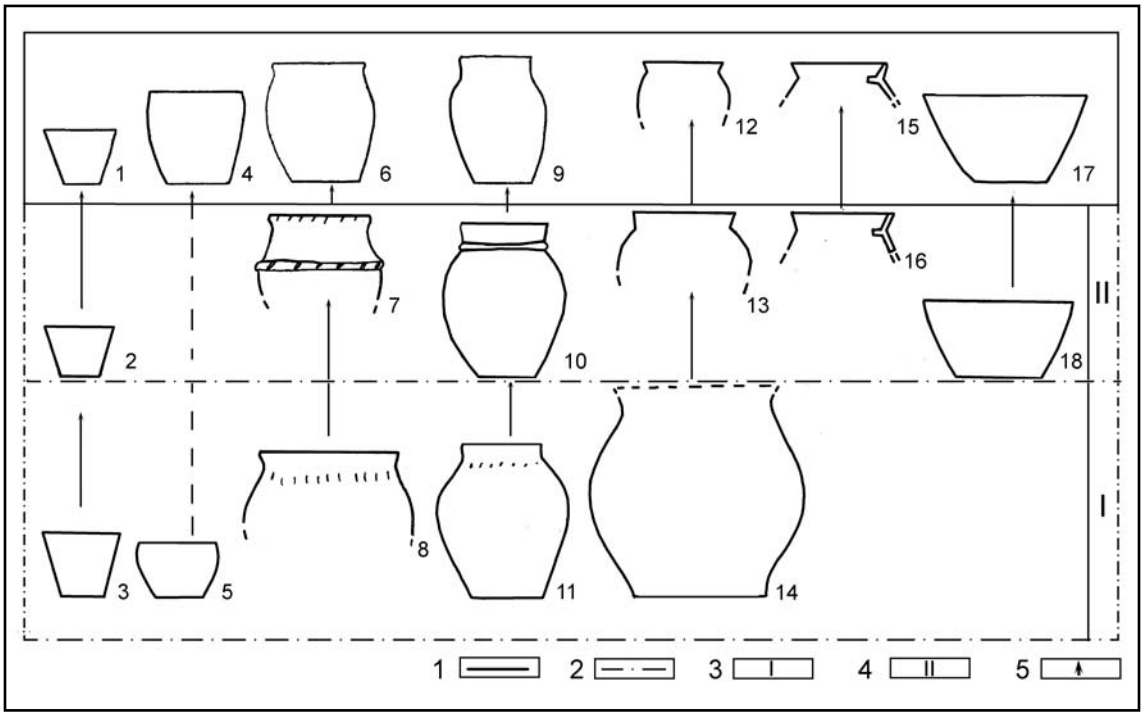

Рис. 5. Основные формы сабатиновской керамики и их каменско-планерские прототипы.
Условные обозначения: 1 — сабатиновские формы; 2 — каменско-планерские формы; 3 — первый период каменско-планерской культуры; 4 — второй период каменско-планерской культуры; 5 — предполагаемая линия эволюции каменско-планерской посуды (по Гершкович 1997, с учетом современной (по Г.Н. Тощеву) терминологии).

Fig. 5. Main pottery types of Sabatinovka culture and its Kamenka-Planerskoe prototypes. The legend: 1 — the Sabatinovka forms; 2 — the Kamenka-Planerskoe forms; 3 — the first period of the Kamenka-Planerskoe culture; 4 — the second period of the Kamenka-Planerskoe culture; 5 — the estimated line of the evolution of the Kamenka-Planerskoe dishes (after Гершкович 1997, considering the modern (after G.N. Toschev) terminology).

Днепро-Прутской бабинской культуры в сабатиновскую (ср., напр.: Березанская, Шарафутдинова 1985: 499; Березанская 1990: 103; Ванчугов, Иванова 2013: 339), которая осуществлялась при тесном и сложном взаимодействии ДПБК с культурами Монтеору, бережновско-маевской срубной и, может быть, некоторыми другими.

Глава 2.
Сабатиновская культура и западные «классические» культуры бронзового века

Версия о наличии общих западных компонентов сложения культур Ноуа и Сабатиновка возникла как одно из объяснений сходства этих культур (см., напр.: Florescu 1964: 185 ff.; 1967; Шарафутдинова 1968: 34). Так, А.К. Флореску объединил близкородственные, по его мнению, группы (культуры) Ноуа и Сабатиновка в более или менее единообразный культурный комплекс (феномен) (ср.: Березанская, Шарафутдинова 1985: 490; Uşurelu 2006: 9) с близкими (иногда почти до тождества) экономической структурой, типами поселений, керамикой, орудиями труда и т.д. Первый рассматривал образование этого комплекса как результат синтеза культур Монтеору, Витенберг, Белопоток-Костиш и западной группы катакомбной культуры[69]. Исследователь отметил, помимо прочего, признаки сильного влияния культуры Ноуа на группу Сабатиновка (конкретнее — соответствующего западного течения или западного компонента сложения группы Сабатиновка[70]), в частности, наличие в обе-

[69] По-видимому, под этой группой следует иметь в виду днепро-прутскую бабинскую культуру, в современном понимании Р.А. Литвиненко и др. (ср.: Черняков 1985: 17).

[70] Конечно, в соответствии с представлением о том, что культура Ноуа сложилась на несколько десятков лет позже, чем группа Сабатиновка (Florescu 1964: 189, 200, 207, 214), участие этого западного компонента

их сходной столовой керамики. Он предположил, что одним из общих западных компонентов формирования комплекса Ноуа-Сабатиновка была культура Тей (Florescu 1964; 1967).

По мнению И. Н. Шарафутдиновой, значительное сходство культур Сабатиновка и Ноуа нельзя объяснить только их взаимовлияниями, а позволяет предположить наличие, помимо прочего, общей западной подосновы [71] (Шарафутдинова 1968: 34; Березанская и др. 1986: 114—115). Против наличия такой подосновы прямо возразили лишь А. М. Лесков и В. А. Дергачев. Первый — «потому, что, в отличие от культуры Ноуа, сабатиновские памятники... возникают на основе дальнейшего развития раннесрубных племен... ассимилирующих местное население предшествовавшей поры, известное по памятникам культуры многоваликовой керамики... Кроме того... исследования археологов и антропологов приводят специалистов к выводу о заметном влиянии срубной культуры Северного Причерноморья на сложение культуры Ноуа» (Лесков 1970: 57). Тесные связи сабатиновских племен с носителями культуры Ноуа, наряду с отрывом населения Северного Причерноморья от коренной территории срубников, обусловили, по мнению А. М. Лескова, специфику сабатиновского локального варианта срубной культуры (Лесков 1970: 57—58). Как, в частности, следует из вышеизложенного, явные местные корни и в то же время синкретизм сабатиновской культуры не позволяют в настоящее время принять столь упрощенное обоснование. По мнению В. А. Дергачева, «именно в восточном — раннесрубном компоненте обнаруживается... единая культурная подоснова, роднящая сабатиновскую культуру как с собственно срубной, так и с западными культурами Ноуа и Косложени и нашедшая отражение в едином для перечисленных культур горизонте керамики с валиковой орнаментацией» (Дергачев 1986: 186) [72]. Наличие на посе-

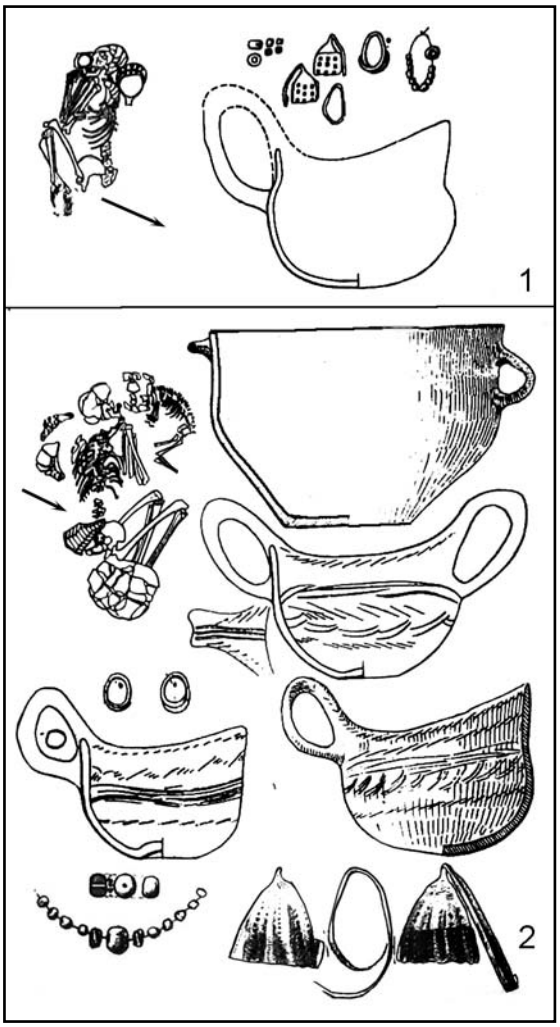

Рис. 6. Культура Монтеору. Сэрата Монтеору, могильник 4. 1 — погребение 122; 2 — погребение 35a-b (по Motzoi-Chicideanu 2011).

Fig. 6. The Monteoru culture. Sărata Monteoru, burial ground 4. 1 — burial 122; 2 — burial 35a-b (after Motzoi-Chicideanu 2011).

лениях сабатиновской культуры столовой керамики «ноуавского типа» и единство типов бронзовых изделий для культур Сабатиновка, Ноуа, а отчасти и Косложени, «следует рассматривать как результат интенсивных связей и взаимовлияний, включая этнические» (Дергачев 1986: 186).

Сравнение погребальных памятников культур Монтеору и сабатиновской (см., напр.: Федоров, Полевой 1973: 74—75; Савва 1992; Sava 1998; 2003; Sava, Agulnikov 2003; Черняков 1996; Крушельницька 2006: 102) (рис. 2—4; 6) в целом как будто бы не подтверждает мнение о наличии общей запад-

могло иметь место не у истоков формирования сабатиновской культуры, а несколько позже.

[71] В одном из предложенных вариантов — это культура Монтеору.

[72] На мой взгляд, прежде всего от днепро-прутской бабинской культуры, испытавшей довольно длительное прямое или опосредованное воздействие со стороны срубного населения, культурами сабатиновской и Ноуа в разной степени была унаследована упомянутая раннесрубная (в широком хронологическом смысле — Лєсков 1971: 406—413) культурная подоснова. Мое мнение по поводу сложения комплекса кухонной керамики, характерной для II периода бережновско-маевской срубной культуры и для культур сабатиновской, Ноуа и Кослоджень, см. ниже.

ной подосновы в виде культуры Монтеору для культур Сабатиновка и Ноуа, хотя скорченные на левом боку костяки с руками, согнутыми в локтях, и кистями, поднесенными к лицу, известны и в погребениях последней (Гершкович и др. 1987: 151). То же характерно, в частности, для сабатиновских захоронений, как, впрочем, и для бабинских (Черняков 1985: 130—131, 136). С другой стороны, вполне, на мой взгляд, естественно, что в том смысле, что «взаимодействие между носителями КМК и культурой Монтеору было одним из существенных факторов культурной интеграции Северного Причерноморья и Карпатского бассейна» (Каврук 1988: 17; Винокур, Телегін 2008: 128; Гудкова и др. 1991: 11—13), общий компонент культур Ноуа, Кослоджень и сабатиновской, объясняющий наличие уже на самых ранних памятниках последней столовой посуды карпато-дунайского происхождения, представляется вполне ожидаемым (Гершкович 1997: 143; Gerškovič 1999: 81—82, 87 [73]; ср.: Sava 2003: 10 [74]; Сава, Кайзер 2011: 235—239). В более широком смысле можно говорить об определенном влиянии Карпато-Дунайского (или Балкано-Карпатского) очага культурогенеза на бабинскую культуру (днепро-прутскую) (Иванова и др. 2012: 178).

Е. Н. Сава, отводящий культуре Монтеору пассивную роль в якобы сомнительных односторонних контактах между ней и КМК и выразивший сомнения в существовании бабинских грунтовых могильников вообще и под непосредственным влиянием культуры Монтеору — в частности, как ни пытался, не может полностью отрицать наличие керамики ранних фаз культуры Монтеору в Днестровско-Прутском междуречье и некоторых черт последней в КМК (Савва 1992; 1988: 11—12, 21—23; ср.: Савва 1990: 33; Субботин 2000: 385; 2013: 291). В частности, в этой, по-видимому, связи он не может полностью отрицать и роль культур Монтеору, Комаров/Костиша и Витенберг в формировании культурного комплекса Ноуа-Сабатиновка (см., напр.: Сава 1994: 29; Sava 2002a: 11; 1994: 154; Сава, Кайзер 2011: 235—239).

Некоторые исследователи считают, что «чистые» типы инокультурных сосудов в комплексах отражают «культурные контакты, в то время как генетические процессы предполагают синкретические — смешанные типы» (Дергачев 1986: 143; Савва 1992: 168). На мой взгляд, первая часть этого утверждения должна относиться, прежде всего, к находкам на поселениях, например, керамики культуры Монтеору в Усатово (Черняков 1975: 18; 1979; Березанская и др. 1986: 114). С другой стороны, синкретизм материальных форм может отражать межкультурные связи различного рода (Козенкова 1982). Инокультурный инвентарь в погребениях — это уже не просто результат заимствования, т. к. имеет отношение к обрядовой области (Левицкий 2002: 194). Поэтому, с моей точки зрения, даже такое иногда фиксируемое частичное внесение изменений в типичные погребальные нормы, характеризующиеся наибольшим среди традиций консерватизмом, как помещение в бабинские и сабатиновские погребения несвойственной таким комплексам посуды, в той или иной мере характерной для культуры Монтеору [75], пусть в основном в зоне соответствующих непосредственных контактов, необъяснимо просто последними, а обусловлено именно генетическими процессами (см., напр.: Ванчугов 1990: 128; Левицкий 2002: 194) [76]. Такая керамика в бабинских погребениях свидетельствует о влиянии культуры Монтеору не на формирование (Савва 1992: 11 и сл.), но на развитие ДПБК (ср., напр.: Черняков 1975: 16) в связи с проникновением в среду последней носителей культуры Монтеору (по аналогичному поводу см., напр.: Левицкий 2002: 194), говорит, «вероятно, о взаимном смешении населения этих культур» (Черняков 1996: 61—62).

Яркий пример синкретичного сосуда дало погребение Нерушай 9/61, отнесенное в большинстве работ, в которых оно фигурирует, к культуре или времени многоваликовой керамики (Шмаглий, Черняков 1970: 27, 109—110; 20, рис. 14: 2; 28, рис. 21: 3; Черняков 1985: 130—132; Черняков, Тощев 1985: 24—27; Дергачев 1986: 136, 137; Савва

[73] Вопреки утверждениям Е. Н. Сава и Е. Ушурелу (Савва 2003: 148; Sava 2003: 10; Ушурелу 2010: 61, сн.10), Я. П. Гершкович не считает исключительно западным происхождение сабатиновской культуры, хотя и включает ее с культурами Ноуа и Кослоджень в состав одной культурно-исторической области и ищет общий западный компонент (Гершкович 1998: 61, 66; 1989б: 114—115).

[74] В свою очередь, ср., напр.: Гершкович 1997: 137.

[75] Даже если эта посуда импортная (Sava 1998: 298; Sava, Agulnikov 2003: 123, 125, 127).

[76] Ведь о захоронениях «аристократии» с присущим ей «культурным космополитизмом» в данном случае речь не идет (см., напр.: Бочкарев 1982: 20, 21).

1992: 169)[77]. Форма этого сосуда характерна для бабинской керамики (ср.: Братченко 1977б: 14, сн. 1) типа VI, по классификации Е.Н. Сава (1992: 34; 35, рис. 8: 6). Помимо прочего, «культурная атрибуция опирается на... знание исходных, т.е. более ранних форм сосудов» (Шарафутдинова 1995в: 131). Такие формы для сосудов, по конфигурации более или менее сходных с рассматриваемым, известны по керамике из бабинских погребений (Шарафутдинова 1995в: 127—129; 134, рис. 2: 1, 18—20, 22; 137, рис. 4: 3, 6, 8—11). Специфически срубной для сосуда из Нерушая, на мой взгляд, является только орнаментация. Хотя резной (прочерченный) орнамент бабинской посуде далеко не чужд (Тощев 1986б: 95—97; Субботин 2013: 286 и сл.), но кресты все же из срубного мира (аналогии см., напр.: Литвиненко 1999б: 20, рис. 13; Седова 2000: 237, рис. 11: 13, 15; Мочалов 2008: 151, рис. 57: 8). Лощение, по мнению авторов одной статьи, сближает этот сосуд с культурой Монтеору (Черняков, Тощев 1985: 25; см. также: Черняков 1975: 21; ср.: Савва 1992: 155)[78].

Вероятно, позднее роль культуры Монтеору в культурных процессах в Северо-Западном Причерноморье увеличилась. Этим, по-видимому, и были обусловлены обычай иногда помещать в погребения сабатиновской культуры столовую посуду западного происхождения (рис. 2: 6)[79] (см., напр.: Савва 1992: 53—58 и др.; Sava 1998: 283—286, 298; 2002a: 154, 156; Sava, Agulnikov 2003: 123—127) и факт помещения в захоронение сабатиновской культуры кольца с накладывающимися концами, изготовленного из круглой в сечении проволоки (рис. 2: 11), аналогичного характерным для заключительных фаз культуры Монтеору (Савва 1992: 58). Гораздо больший удельный вес подобной посуды на памятниках сабатиновской культуры (особенно на поселениях, где первая устойчиво является частью керамического комплекса — ср.: Sava 2003; Сава, Кайзер 2011: 238), чем днепро-прутской бабинской, — одно из главных различий между этими культурами (ср.: Романюк, Черняков 2008: 167).

По мнению Я.П. Гершковича, источником для появления одного из вариантов сабатиновских чаш могла быть культура Тей (фаза II) (Gerškovič 1999: 82).

Версия, в соответствии с которой «единецкая культура, непосредственно или через культуру Костиша... была для Ноуа-Сабатиновки источником такой формы керамики, как черпаки» (Романчук 2011: 198), представляется мне убедительной. При этом более предпочтительным — вариант опосредованной передачи соответствующей традиции — через тшинецкий культурный круг. Как следует из вышеизложенного, принципиально не столько заимствование формы посуды, сколько следование сабатиновцев (нечасто и только в Днестровско-Прутском междуречье) традиции помещения черпаков в погребения (см., напр.: Ванчугов 2000: 43—45, 48—50) (рис. 2: 4; 4: 2, 4). Последняя характерна для комаровской культуры (или линии развития ТКК — см., напр.: Лисенко 2001), которую иногда вместе с культурой Костиша включают в одно образование (Березанская 1985: 429 и сл.). Засвидетельствован и факт подобного воздействия со стороны комаровской культуры раннего этапа на погребальные нормы днепро-бугского варианта днепро-прутской бабинской культуры (Разумов и др. 2012).

---

[77] В.В. Отрощенко относит этот комплекс к раннесабатиновскому времени, т.к. на Левобережье погребения с керамикой, якобы подобной, в частности, сосуду из Нерушая, перекрывают позднейшие захоронения КМК (Отрощенко 2001б: 164—165; см. также: Sava, Agulnikov 2003: 127). Поскольку В.В. Отрощенко (2001б: 110—111) допускает более позднюю верхнюю дату последней на Правобережной Украине и в Молдове, по сравнению с другими регионами, то, учитывая и проблему «шага стратиграфии», я не вижу здесь противоречия тому, что погребение Нерушай 9/61 можно отнести к позднейшим памятникам Днепро-Прутской бабинской культуры. Именно к срубному типу и к Левобережью (Отрощенко 2001б: 164—165) может иметь отношение разве что орнамент (кресты). К Левобережью и вообще к срубному типу (Отрощенко 2001б; Шмаглий, Черняков 1970: 109), на мой взгляд, вряд ли имеет какое-то отношение и лощеный сосуд из Марицыно (Черняков 1985: 133, рис. 68: 14) (скорее — к культуре Монтеору).

[78] Во всяком случае, для срубной погребальной керамики (тем более — для бабинской) лощение гораздо менее характерно (см., напр.: Литвиненко 2000б: 85; Семенова 2001: 279; ср.: Колотухин 2003: 23), если при этом не считать, например, довольно часто встречающегося псевдолощения внешней поверхности посуды из поздних срубных погребений Северо-Восточного Приазовья (см.: Литвиненко 1999б: 17). По мнению В.Н. Горбова, «исходно для керамической традиции срубной культуры лощение не характерно» (Горбов 1995б: 89).

[79] Хотя распространение такой керамики в сабатиновском погребальном инвентаре (в отличие от такового культуры Ноуа — Sava 1998: 279 ff.; 2002a; Крушельницька 2006: 115), было ограниченным, причем имело место в основном в Днестровско-Прутском междуречье (ср.: Sava 2003: 27, 46; Агульников 2002: 176—177).

Глава 3.
Сабатиновская культура и срубная культурно-историческая общность

С вопросами соотношения, в особенности генетической связи, между сабатиновскими и срубными древностями, все еще недостаточно полно выясненными (Gerškovič 1999: 6—7), связано больше всего разногласий (Кузьмина 2008: 197): от возникновения сабатиновской культуры на срубной основе (Шарафутдинова 1992б: 39; 1991; Массон 1998: 263; Чубур 2000: гл. 3. 2; Колотухин 2003: 53—56, 59, 60) до полного отсутствия каких-либо генетических связей. Версию об этом отсутствии довел до крайности Я. П. Гершкович, видящий в сабатиновской культуре, «равно как и во всем комплексе Ноуа-Сабатиновка-Кослоджень, своеобразный антипод СКИО» (Гершкович 2004а: 47; Gershkovich 2003: 307, 309). Но подобного не предполагалось при выделении самостоятельной сабатиновской культуры, а нередко — и позднее (Шарафутдинова 1968; Шмаглий, Черняков 1970; Черняков 1975; Березанская и др. 1986: 114—115; Гершкович 1982; 1989б; Шарафутдинова 1992а; 1997). В свое время Н. Я. Мерперт предостерегал от отрыва взаимосвязанных территориальных группировок позднебронзового века юга Восточной Европы и примыкающих с востока территорий «(вплоть до выделенных в отдельные культуры) от срубной культурно-исторической области», обратив внимание на погребальный ритуал как на особенно показательное выражение достаточно сложной и многосторонней системы связей, объединяющей все варианты (Мерперт 1985: 9; о подобных мнениях см. также, напр.: Черняков 1985: 129, 143; Gerškovič 1998: 317). Однако противопоставление сабатиновских древностей срубным, сыгравшее положительную роль на тернистом пути признания самостоятельной сабатиновской культуры, стало в работах некоторых исследователей, как справедливо отметил В. В. Отрощенко (2001б: 177), преувеличенным.

Так, по мнению С. С. Березанской, этническая принадлежность сабатиновской и белозерской культур «должна рассматриваться изолированно от срубной» (Березанская 1982: 207)[80]. Когда самостоятельность сабатиновской культуры была уже многими признана, исследовательница назвала носителей этой культуры чужеродными для срубных племен группами населения (Березанская 1987: 40; 1990: 103, 114; похожее мнение см.: Гершкович 1998: 62). По мнению С. С. Березанской, сабатиновская культура, обособленная от срубной и, «несомненно, родственная с культурами Ноуа и Кослоджени, принадлежит, очевидно, к иному», чем срубная общность, этническому кругу древних племен (Березанская 1990: 108). Эти две культуры, «совершенно различные» по характеру ареалов и расселения[81], поселков, домостроительства, по керамике, характеру и уровню металлургии и других ремесел, изделиям из камня, сельскому хозяйству, этнической принадлежности, по общему уровню культуры и развития, в некоторой степени — по идеологии, а также по роли в исторических процессах, происходивших на Украине в древности (Березанская 1997), в ходе различного рода контактов при очевидной более активной позиции сабатиновской культуры приобретали некоторые сходные черты в материальной и духовной культуре (Березанская 1987; 1990: 80—81 и сл.). Близость погребальных памятников сравниваемых культур исследовательница связывает со стадиальным характером распространившегося в середине II тыс. до н. э. на очень широкой территории Европы и Азии погребального обряда подкурганных захоронений со скорченными костяками в грунтовых ямах (Березанская 1997: 5; см. также: Литвиненко 1991: 132; 2009а: 75).

И. Т. Черняков, некогда не отрицавший даже «более значительного участия или влияния племен срубной культуры на формирование сабатиновской культуры» по сравнению с местным субстратом или западными соседями (Шмаглий, Черняков 1970: 113), позднее счел возможным «считать доказанным... существование самостоятельной сабатиновской культуры, не связанной по своему происхождению со срубной культурой Поволжья» (Черняков 1984: 40)[82]. Исследователю «каза-

[80] Но в той же работе исследовательница рассматривает белозерские древности, вслед за А. И. Тереножкиным и А. М. Лесковым, в рамках одноименного этапа срубной культуры (Березанская 1982: 94).

[81] О подобном пишет и Я. П. Гершкович (Gershkovich 2003: 309).

[82] См. также: Ванчугов, Черняков 1984: 6—7; Ванчугов 1987: 115; 1990: 9; 2013: 294; Klochko 1993: 51; Черняков 1997: 32, 33; 2010: 119; Гершкович 1998: 89; 2003: 33; Gershkovich 2003: 309; Матвієнко 2008: 94; Ромашко 2013: 25.

лось, что срубная и сабатиновская культуры, хотя и имеют общего очень далекого предка, но возникли совершенно на разной основе, что не исключает определенной связи между ними, особенно в районах восточнее Днепра» (Черняков 1985: 16; в определенной мере сходное мнение см., напр.: Gerškovič 1999: 77).

Некоторые исследователи, отмечая отсутствие генетических связей между сабатиновской и срубной культурами, ссылались даже и на те работы, в которых об этом отсутствии не пишется. Противопоставление сабатиновских древностей срубным выглядит не столь резким в работах В. Н. Горбова (1993; 1994а; 1995а; 1995б; 1997а; 2000; 1996б).

В дополнение и уточнение к насыщенной историографии проблемы отмечу следующее. Исследователи не раз приводили утверждение В. Д. Рыбаловой (1974: 39) о том, что «керамика обоих этапов Каменского поселения... отражает единую линию развития многоваликовой керамики, не обнаруживая даже на позднем этапе значительных следов влияния срубной культуры» (Кислый, Гершкович 1989: 112; Гершкович 1997: 141; Gerškovič 1999: 78). Однако почему-то не обращается внимание на то, что «положение изменилось... в последующий (третий) период жизни поселения» Каменка (Рыбалова 1974: 39). «Несомненно... что второй этап поселения отражает процесс отмирания многоваликовой керамики и начало формирования культуры позднебронзового века. Этот процесс в Восточном Крыму протекает в условиях постепенного сближения местной культуры со срубной» (Рыбалова 1974: 49). Такое территориальное ограничение является сугубо контекстуальным: статья специально посвящена публикации материалов поселения Каменка, расположенного в упомянутом регионе. Аналогичная ситуация в тот же период имела место и на других территориях Северного Причерноморья (см., напр.: Рыбалова 1978). Культура позднебронзового века Восточного Крыма не была названа сабатиновской, как обычно атрибутируются ныне поселения соответствующего времени в этом регионе (ср., напр.: Ромашко 1995: 129—132; Клочко 2006: 155, 175, 192; Колев 2008: 224 и сл.; Березанская 1990: 84, 114; Горбов 1997а: 154, 156; 1995а: 66), вероятно, потому, что В. Д. Рыбалова локализовала сабатиновскую культуру на Ингуле, Южном Буге и Днестре (Рыбалова 1961: 81).

Разные страницы несколько противоречивой монографии И. Н. Шарафутдиновой (1982: 9, 157) исследователи восприняли неодинаково. И. Т. Черняков заметил несколько противоречий, которые, как он считал, сама исследовательница объяснила еще в кандидатской диссертации [83] культурным своеобразием степного Поднепровья (Черняков 1985: 14—15). Но он же увидел на последней странице книги И. Н. Шарафутдиновой доказательство того, что сабатиновская культура не связана «по своему происхождению со срубной культурой Поволжья» (Черняков 1984: 40). Е. Е. Кузьмина даже назвала эту идею ныне общепризнанной, хотя даже в работах И. Н. Шарафутдиновой, на которые сослались и она, и И. Т. Черняков (Кузьмина 2008: 197; Черняков 1984: 40), об отсутствии соответствующей генетической связи не написано. Я. П. Гершкович увидел в начале той же монографии (см. также: Шарафутдинова 1975: 24) шаг назад (Гершкович 2001—2002: 601; ср.: Лесков 1975а: 6—7) или, что мне представляется более предпочтительным, компромиссное объяснение характера сабатиновских памятников (Gerškovič 1999: 5). И. Н. Шарафутдинова стремилась систематизировать погребальные памятники в ареале, занятом синхронными им поселениями сабатиновской культуры, в т. ч. погребения степного Поднепровья «с инвентарем, близким или идентичным со срубными погребениями Северского Донца и Приазовья, что дает исследователям основание относить эти памятники к срубной культуре» [84] (Березанская, Шарафутдинова 1985: 491), в рамках одной с упомянутыми поселениями культуры или группы (исключением, пожалуй, являются «погребения срубной культуры... раннесабатиновского времени» (Шарафутдинова 1982: 58)). В то же время исследовательница, по всей видимости, хотела соотнести первые с позднесрубными памятниками более восточных регионов. Возможно, поэтому И. Н. Шарафутдинова [85] проявила колебания, придя к возможности выделения сабатиновских памятников в особую, достаточно своеобразную группу в пределах позднесрубной культурной общности (Шарафутдинова 1975: 24; 1982: 9) [86] или же сабати-

[83] Ее публикацией фактически и явилась приведенная монография.

[84] Но это не свидетельствует о той же культурной принадлежности поселений собственно степного Поднепровья того же времени.

[85] В. В. Отрощенко (2009б: 104) справедливо назвал ее матерью сабатиновской культуры.

[86] На мой взгляд, это (или т. п. — см., напр.: Агульников 2010: 191) не лишено смысла, учитывая близость (ср., напр.: Гершкович 2003: 33) сабатиновского и позднесрубного погребальных обрядов, а также в немалой степени (см., напр.: Горбов 1995б: 88—90; Протоколы заседаний... 1995: 86) — материальной культуры (по-

новских памятников Степного Поднепровья — в особую, достаточно своеобразную культуру (Шарафутдинова 1982: 157).

Позднее та же исследовательница попыталась разделить погребальные памятники предсабатиновского (кроме бабинских) и сабатиновского времени степного Поднепровья на две группы (Березанская и др. 1986: 87, 94). Первая — впускные погребения и плоские могильники (в частности, захоронения с каменными закладами) с инвентарем в виде сосудов преимущественно баночных форм, изредка орнаментированных валиком под венчиком, а также встречающихся характерных для срубной культуры остроребериых горшков, расположенные у рек, вблизи поселений и сохраняющие, по мнению И. Н. Шарафутдиновой, древние местные традиции. Вторая группа — курганы с основными и впускными погребениями с банками, остроребериыми сосудами с геометрическим орнаментом и ножами с ромбическим расширением у черенка, расположенные в междуречьях, в маловодных и малонаселенных степях Левобережья и отчасти Правобережья (до Ингульца) и возведенные, как полагает исследовательница, срубными скотоводческими племенами в пред- и раннесабатиновское время. «Взаимодействие этих групп населения с разным укладом определило восточный вариант сабатиновской культуры. Уже в период расцвета сабатиновской культуры черты срубной стираются, а западные распространяются до Северского Донца и Приазовья» (Березанская и др. 1986: 94).

Остановлюсь на основных особенностях современной историографии проблемы. Многие исследователи предпочли сравнивать сабатиновские древности со срубными (да и с культурой Ноуа) в основном по материальной культуре, зачастую по поселенческим комплексам. Так, В. Н. Горбовым основательно проведено сравнение сабатиновских и срубных комплексов по важнейшим категориям последней, «исключая металлообработку, требующую специального рассмотрения» (Горбов 1995б: 88). При этом культурных индикаторов оказалось сравнительно немного (Горбов 1995б: 88—90). «Сравнение на уровне “наличие-отсутствие” не работает. Необходим поиск концептуальных “мелочей”» (Горбов 1995б: 90). Вообще же, что касается материальной культуры, то, на мой взгляд, наибольший интерес для рассматриваемого аспекта представляет сравнение сабатиновского и срубного каменного домостроительства. Если сабатиновское имеет собственную историю и предысторию, то срубное — это лишь приспособление использования имеющегося строительного материала (камня) к срубно-андроновской земляночной традиции домостроительства в некоторых частях ареала срубной культурно-исторической общности на определенных этапах (Горбов 1989: 122; 1995а: 54, 57; 1997а; 1997б; Горбов, Усачук 2001: 216; Бровендер 2001а: 346—347). Сама земляночная традиция была обусловлена дефицитом камня на исконно срубных территориях. Но она была одним из факторов, изначально сформировавших менталитет срубников, отличный от менталитета сабатиновцев (можно даже говорить о различной этнопсихологии). Даже на территориях с достатком камня срубники придали ему (вместо дерева) сугубо изолирующую функцию (Горбов 1995а: 57; 1997а; 1997б: 7; 2000: 55; Горбов, Усачук 2001: 216; Бровендер 2001а: 346). Конечно, это не значит, что срубные линии развития никогда и ни в чем не пересеклись и не сблизились с культурами круга Бабино [87] и сабатиновской. Впрочем, что касается сабатиновского каменного домостроительства, то, если детальные обобщающие обзоры существуют в достаточном количестве, как это заметил В. Н. Горбов (1997а: 145; 1997б: 6), то, на мой взгляд, для характеристики каменных конструкций по дихотомическому принципу не хватает частных наблюдений, таких, как на срубных поселениях (Горбов 1997а: 150, 158; 147, рис. 1: 2; 157, рис. 6; Горбов, Мимоход 1999: 35; 68,

добную позицию см., напр.: Ковалева 1981а: 24; Мерперт 1985: 9; Березанская и др. 1986: 151, 152; ср., напр.: Алексеев и др. 1993: 68; Гершкович 1997: 125; Gerškovič 1999: 87, 90—92). Тем более что культурно-историческая общность и т. п. образования — реальность еще более субъективная, чем археологическая культура. Первая может включать и разные по происхождению культуры (Гершкович 2003: 32). Вспомним в этом же контексте концепцию общности культур валиковой керамики (Черных 1983). Допустив возможность локализации эпицентра распространения обряда скорченного на боку положения умерших в пределах восточных по отношению к Северному Причерноморью территорий (Gerškovič 1998: 323; 1999: 46), Я. П. Гершкович тем самым не опроверг такое основание для включения сабатиновской культуры в состав СКИО (я бы сделал и другой акцент — для подтверждения наличия определенной генетической связи между соответствующими древностями), как сходство сабатиновского и срубного погребального обряда (Gerškovič 1998: 317).

[87] Так, Ю. М. Бровендер даже предположительно рассматривает применение камня в домостроительстве срубниками на правобережье Северского Донца, при сохранении традиции деревянного строительства на левобережье, как синтез многоваликовой (каменной) и срубной (деревянной) строительных традиций (Бровендер 2001а: 346—347).

рис. 20: 2). Некоторые моменты на последних убедительно свидетельствуют о том, что каменные конструкции не были несущими, а лишь облицовывали стенки котлованов и наземные (дерновые?) стены (Горбов 1997а: 150, 152; 147, рис. 1: 2; 153, рис. 4: 2; 157, рис. 6; Горбов, Мимоход 1999: 35; 68, рис. 20: 2). Последнее обстоятельство, конечно, не следует абсолютизировать (см.: Горбов 1997а: 145, 146, 154; 1989: 121; 1997б: 7; Бровендер 2001а: 346). Жесткая причинно-следственная связь между несущим характером каменных конструкций, с одной стороны, и тенденцией к подпрямоугольной в плане форме помещений и хорошо выполненными углами, с другой (Горбов 1997а: 145, 154), — это, вероятно, преувеличение. Такие углы и конфигурация, полагаю, возможны и при сугубо облицовочной (изолирующей) функции камня (Бровендер 2001а: 343, 345—346). Мощные кладки тоже присущи не только сабатиновским (по мнению В.Н. Горбова, несущим) каменным конструкциям, но и облицовкам котлованов, например, на поселениях бегазы-дандыбаевской культуры (Горбов 1997а: 145 и сл.; 1997б: 6; 2000: 55). Разве что при наличии контрфорсов, непосредственно примыкающих к каменным кладкам (углам) части сабатиновских построек, вообразить наличие дерновых стен несколько сложнее. А вот маломощные орфостатные основания однослойных кладок внешних стен сабатиновского строительного комплекса (или блока) поселения Пересадовка I (см.: Погребова 1960: 76—83, 86—90) считать цоколями самостоятельных несущих конструкций (Крыжицкий 1982: 123) нельзя (анализ подобных ситуаций см., напр.: Горбов 1997а: 150, 156). Возможно, это не единственный для поселений сабатиновской культуры пример сугубо облицовочной функции камней (Фоменко и др. 1997: 139; Фоменко та ін. 2007: 405—407).

Другой особенностью историографии проблемы является то, что не всегда из работ можно понять, сравниваются ли с сабатиновской культурой, в том числе, покровские древности, которые при какой бы то ни было культурной атрибуции всегда стояли особняком по отношению к остальным срубным. Понятно, что если сравнивает исследователь, не считающий покровские памятники срубными, то он считает соответствующую оговорку излишней. Я.П. Гершкович пытался сравнивать в контексте культурогенеза сабатиновскую кухонную посуду с керамикой, в частности, Мосоловского поселения (Гершкович 1997: 139; Gerškovič 1998: 320; 1999: 75, 77), которое считается эталонным для покровской (или покровско-мосоловской (Отрощенко 2003: 47—50), а то и мосоловской срубной культуры (Отрощенко 1997: 72; 2002: 16, 25). Впрочем, это соответствует мнению Я.П. Гершковича об участии КМК (в Среднем Подонцовье — в качестве местной основы) в сложении ПСК (Гершкович 2005: 178—179; 1998: 63; Братченко, Гершкович 2003: 274; ср., напр.: Бочкарев 1995а; Синюк, Козмирчук 1995; Отрощенко 2009а; Литвиненко 2010). Якобы именно это и формирование сабатиновской культуры на основе некоторых вариантов КМК не могло не обеспечить определенного сходства срубных и сабатиновских древностей (Гершкович 1998: 63, 66). Меньшие отличия по канонам погребального обряда между сабатиновской и бережновско-маевской срубной культурами, чем даже между последней и ПСК (Отрощенко 2001б: 176, 177), должно побуждать к дифференцированным сравнениям и других категорий сабатиновских древностей с культурами срубной общности. При этом некоторые авторы из культур последней для сравнений и выводов справедливо предпочитают БМСК (Бровендер 2001а: 345; Тощев 2007: 211). ПСК же, безусловно, мало схожа, особенно памятники ее I периода, с сабатиновской культурой, а также (в целом) с культурами круга Бабино (Gerškovič 1999: 75, 77; 1998: 320, 324; Гершкович 1997: 139; Бочкарев 1995а: 26; ср.: Братченко 1977: 16; Березанская и др. 1986: 43), особенно с ДПБК. Хотя все же отмечается определенная близость первой и с сабатиновской культурой (Гершкович 1997: 139; 1998: 66, 84; Gerškovič 1998: 320; 1999: 75, 77), и с бабинскими древностями (Gerškovič 1998: 324; Братченко 1977: 16; Синюк, Козмирчук 1995: 62, 64—66; Васильев и др. 1995: 36—37; Кузнецов, Семенова 2000: 134).

Не всегда понятно из работ и то, сравнивается сабатиновская культура со срубными древностями в целом или только с синхронными ей. Собственно говоря, необходимо сравнивать как с последними, так и с предшествующими, но дифференцированно и с разными целями. Так, например, В.Н. Горбов в основном сравнивает древности синхронных этапов западного и восточного кругов культур валиковой керамики, в частности, сабатиновскую культуру — с синхронными последней срубными горизонтами, но иногда прослеживает истоки различий между соответствующими древностями в досабатиновских срубных объектах и артефактах (Горбов 1995а; 1995б; 1989; 1993; 1994а; 1997а; 1997б; 2000; 1996б; Чубатенко, Горбов 1994; Горбов, Усачук 2001). Конечно, в работах исследователей, считаю-

щих сабатиновские и срубные древности полностью синхронными, подобные разграничения ожидать бессмысленно.

Решение вопроса об участии срубного компонента в генезисе сабатиновской культуры во многом зависит от правильного установления хронологического соотношения соответствующих древностей. Позиция Я. П. Гершковича (Gerškovič 1999: 75, 77, 85) — ярчайшее тому свидетельство. Если сабатиновская культура полностью синхронна срубной культурно-исторической общности, то не удивительно сведение их генетического родства, объяснения сходства не более, чем к участию КМК в сложении срубной (Синюк, Козмирчук 1995; Гершкович 1998; 2005; Братченко, Гершкович 2003; ср., напр.: Бочкарев 1995а; Отрощенко 2009а; Литвиненко 2010) (покровской срубной) и сабатиновской культур (Гершкович 1998: 66; Литвиненко 1991: 132). Соответственно, полная синхронизация сабатиновской и бережновско-маевской срубной культур (Гершкович 1996: 23; Отрощенко 2001б: 162—166 и сл.; Клочко 2006: 8, 174; Куштан 2007: 14—17, 21; Ванчугов 2013: 315), имеющих сходство в погребальном обряде, даже большее, чем последняя и ПСК, входившие в одну (срубную) культурно-историческую общность, неизбежно сводит генетическое родство культур первой из упомянутых в этой фразе пар не более, чем ко вкладу КМК в сложение сабатиновской и бережновско-маевской срубной культур (Отрощенко 2001б: 176, 177; ср.: Отрощенко 1991: 49). Точнее — к участию в этом процессе родственных культур круга Бабино: в формировании бережновско-маевской срубной культуры — днепро-донской (в основном) бабинской, а сабатиновской — степных вариантов днепро-прутской бабинской культуры (об этом участии см.: Литвиненко 2009а: 73—77, 90; 2009б: 19, 25; 2010: 47—49; 2011: 170).

О. А. Кривцова-Гракова относила белозерские и сабатиновские древности ко второму периоду срубной культуры, как и хвалынский период последней в Нижнем Поволжье, считавшемся исследовательницей прародиной срубников, а появление срубной культуры в Крыму — к концу второго периода (Кривцова-Гракова 1955).

Д. Я. Телегин, доказав хронологический приоритет сабатиновского этапа по сравнению с белозерским, лишь поменял местами абсолютные даты соответствующих групп памятников (Телегин 1961: 14). Хронологическое соотношение сабатиновских и белозерских древностей, вместе взятых, как с первым, так и со вторым периодом срубной культуры Нижнего Поволжья, не изменилось. Это, в частности, было закреплено в итоговой для соответствующего времени периодизации А. И. Тереножкина (1965; 1976: 17 и сл.).

В создававшихся на все более расширявшейся базе данных (см., напр.: Отрощенко 2002: 7), в т. ч. стратиграфических (а не просто в результате слепого следования, как господствовавшей аксиоме, гипотезе авторитетной исследовательницы О. А. Кривцовой-Граковой [88]), региональных и межрегиональных периодизациях и в работах другого характера, исходя из принципа наибольшего сходства, с сабатиновским (или же с сабатиновским и белозерским) временем соотносились (а нередко соотносятся и поныне) только поздние срубные горизонты, тогда как ранние — с предшествующим временем бабинских древностей (Бородинского клада). Так, Е. Н. Сава (Савва 2003: 149) справедливо считает: «Согласно типологическому анализу всех категорий археологического материала, комплекс культур ноуа-сабатиновка синхронизируется... с... поздними фазами срубной культуры...» . Правда, с признанием самостоятельной сабатиновской культуры, особенно в варианте отсутствия генетической связи со срубной общностью, основания для хронологической соподчиненности сабатиновских древностей срубным, в соответствии с логикой О. А. Кривцовой-Граковой [89], казалось бы, отпали (Гершкович 1998: 81, 84; 2003: 33). И последствия не заставили себя долго ждать. Находки булавки кипрского типа и костяных псалиев времени венгерского BIII именно на поселениях старшей сабатиновской группы позволили Н. Н. Чередниченко ставить вопрос об удревнении ранней Сабатиновки до раннесрубного времени (Березанская и др. 1986: 50, 77).

Правда, еще раньше Е. Н. Черных частично синхронизировал производство раннесрубного времени с «ингуло-красномаяцким» очагом сабатиновского времени и вместе с тем почти полностью — с сейминским хронологическим горизонтом Волго-Уралья, в который попадают и металлические формы раннесрубных памятников этого региона

[88] Впрочем, может быть, некоторых археологов в этом уличают (Gerškovič 1999: 4, 5, 60, 61; Гершкович 2001—2002: 598—604; Отрощенко 2001б: 113, 136—138; 2002: 1, 7, 20, 27) в какой-то мере справедливо.

[89] Согласно этой логике, древнейшие памятники срубной культуры на прародине последней должны быть старше, чем в районах, куда срубники мигрировали (см., напр.: Отрощенко 2001б: 113).

(Черных 1976: 151—158 и сл.; рис. 58; 1978а: 75—76; 55, рис. 2; 56, рис. 3; 73, рис. 10; 74, рис. 11). Основания же для ограничения временем не ранее появления в Поднепровье металла западных химических групп — карпато-трансильванской и правобережной, «т. е., по всей вероятности, XIII в. до н. э.», представляющих «производство раннесрубного типа» ножей КТР Н-30/32 и серпов КТР С-14 (Черных 1976: 94, 157—158 и сл. [90]), на хронологию тех орудий этих же КТР, что изготовлены из металла восточных групп, на мой взгляд, распространяться не должны (ср., напр.: Gerškovič 1999: 60). Тем более находка ножа типа Н-30/34 в Сэрата-Монтеору (этап II-b), в соответствии с былыми представлениями, говорила о проникновении срубных элементов куда западнее «еще во время, предшествующее культуре ноа, с которой обычно связываются клады ингуло-красномаяцкого типа» (Черных 1976: 176 и др.). В таком случае, трудно предположить, что Е. Н. Черных мог бы допускать синхронность всех аналогичных ножей из Северного Причерноморья времени действия «ингуло-красномаяцкого» очага металлообработки. Синхронизация «производства раннего “волго-уральского толчка” с ранним периодом деятельности» названного очага на том основании, что в «комплексе Авраамовского клада, принадлежавшего литейщикам ингуло-красномаяцкого типа, есть мелкий серп, условно отнесенный к типу С-12, изготовленный из металла группы Пб, связанной с западом», как и на типологическом основании (Черных 1976: 176, 178), на мой взгляд, далеко не бесспорна [91]. Тем более что и Е. Н. Черных не ограничил датировку даже абсолютно всех прототипов подобных изделий — серпов КТР С-14 — сейминским хронологическим горизонтом (Черных 1976: 92, 94, 158, 176). В. А. Дергачев и В. С. Бочкарев не случайно затрудняются твердо датировать серпы варианта Старо-Быково, по классификации этих авторов, в т. ч. из Авраамовского клада (Дергачев, Бочкарев 2002: 86, 116, 118; 12, рис. 1; 325—327, рис. 57). Такие серпы неизвестны на востоке и считаются производными по отношению к более, как правило, крупным и тяжелым, часть которых предположительно существовала в раннесабатиновское время, — подражанием или одной из миниатюрных «мутационных» разновидностей (Черных 1976: 92 и сл.; Дергачев, Бочкарев 2002; Leskov 1981: 6, 40). Тем более, что, в соответствии с эффектом актуализации начала, общая эволюция, в частности, серпов заключалась в постепенном переходе от крупноразмерных — более тяжелых — изделий к предметам малых размеров — более легким (см. об этом относительно серпов, напр.: Дергачев 2011: 183—185 и сл.). В свое время Е. Н. Черных склонялся к необходимости понижения датировок, в частности, и «ингуло-красномаяцкого», и (по принципу цепной реакции) срубного, и более древних очагов (Черных 1978а: 257—259, 261, 273) [92].

Публикуя Новокиевскую литейную мастерскую, исследователи на основании находок на одноименном поселении не самого раннего, как судили авторы по керамике, этапа сабатиновской культуры литейных форм XV—XIV вв. до н. э. предложили удревнить дату раннесабатиновского периода с возможной синхронизацией последнего с раннесрубной культурой (Гершкович и др. 1987: 150—157). И хотя позднее Я. П. Гершкович выявил в коллекции и керамику раннего этапа сабатиновской культуры (возможно, конца последнего), соответствующую по времени I горизонту негативов (Гершкович 1997: 137; 140, рис. 8; 1998: 84 [93]; 2002: 84, 87; Gerškovič 1999: 59), толчок уже был дан. Указанное выявление практически ничего не изменило во взглядах данного исследователя (Гершкович 1996: 22—23; 1998; 2001—2002; 2003; 2004а; Gerškovič 1999: 60 ff.; Gershkovich 2003; 2011). Сходную позицию по поводу хронологического соотношения сабатиновских и срубных древностей заняли С. С. Березанская (1987: 39;

[90] Причем такие орудия отнесены не только к одноименному горизонту, но и, предположительно, к более позднему времени.

[91] Опустим здесь проблему географии исходного района подразумеваемого «толчка».

[92] Кстати, подобный подход (см. также, напр.: Чмихов, Черняков 1988: 108—110, 118; ср.: там же: 119) не нарушает, на мой взгляд, хронологическую колонку бронзового века на юге Восточной Европы, вопреки опасениям Э. С. Шарафутдиновой (1992а: 218; 1997: 38), оправданным лишь в случае удревнения отдельно взятой сабатиновской культуры. По поводу попыток связать с культурой многоваликовой керамики (или с соответствующим периодом) Малокопаневскую литейную мастерскую и зарождение сабатиновских (красномаяцких) металлургических традиций (Клочко 2006: 140—141 и сл.; Черняков 1996: 60; Иванова и др. 2012: 169—170; ср., напр.: Черняков 1980: 59; 1985: 104, 146; 97, рис. 45: 9—11), против одной из которых я уже возражал выше, см. подробно ниже.

[93] К тому же упомянутый горизонт был признан более поздним, чем матрицы из Малых Копаней, и отнесен «к середине или даже концу раннесабатиновского периода» — условно к середине или концу XV в. до н. э.

1990: 84, 99—103, 107, 110 [94]; 1997: 4), И. Н. Шарафутдинова (1989: 256), а также (постепенно) Н. Н. Чередниченко (1997: 29; ср.: Березанская и др. 1986: 50, 77) и И. Т. Черняков (1997: 31—32; ср.: Чмихов, Черняков 1988: 118, 119).

Против удревнения сабатиновской культуры и синхронизации ее с раннесрубной, отрицания связи первой со срубной культурой позднего этапа и мнения о том, что сабатиновская культура чужда срубной, выступила Э. С. Шарафутдинова (1992а: 218; 1997: 38). Заслуживают внимания, на мой взгляд, такие аргументы, как отсутствие в сабатиновской культуре дисковидных псалиев с шипами, характерных для раннесрубного горизонта (там же; см. также, напр.: Бровендер 2008: 199—200; ср.: Колев 2008: 225), и наличие ножей с кольцевым упором в комплексах именно позднесрубной и сабатиновской культур (Шарафутдинова 1992а: 218; 1997: 38; ср.: Березанская и др. 1986: 64).

Как бы ни датировались такие ножи, в основном нижнюю хронологическую границу не опускают ниже раннесабатиновского времени (Подобед и др. 2009: 5—8; Гершкович и др. 1987: 151; Берестнев 2001: 112, 113), за одним известным мне явным [95] исключением (Шарафутдинова 1982: 122). Другое дело — разнобой в абсолютных датах раннесабатиновского периода, а также отнесение Н. Н. Чередниченко к старшей ступени архаического периода срубной культуры, И. Н. Шарафутдиновой, В. А. Дергачевым — в частности, к предсабатиновскому времени, а В. И. Клочко, И. Т. Черняковым — к культуре (хронологическому горизонту) многоваликовой керамики тех или иных кладов с подобными кинжалами или соответствующими литейными формами, как и вообще упомянутая атрибуция В. А. Дергачевым большей части комплексов типа Лобойковка-Голоуров (Черняков 1996: 60; Шарафутдинова 1982: 113 и др.; Березанская и др. 1986: 64; Клочко 2006: 140—141 и сл.; Дергачев 2011: 215 и сл.; Дергачев, Бочкарев 2002: 16—17, рис. 2;). Вряд ли можно считать оправданной, во всяком случае, соответствующую датировку большинства из подвергшихся спектральному анализу бронзовых изделий Лобойковской группы. Не без оснований считается, что металл, связанный с производящими центрами Балкано-Карпатской горно-металлургической области, черты которого в наборе примесей к меди смешанной химической группы левобережной, главным образом и использовавшейся литейщиками Лобойковского очага металлообработки, отразились, прежде всего (ср., напр.: Клочко, Козыменко 2011: 159, 161; Хардинг 2013: 173—174), не мог поступать в Поднепровье и на соседние территории столь рано — до образования, по Е. Н. Черных (1976), «ингуло-красномаяцкого» очага металлообработки [96]. Иными словами, — до появления в Северопонтийском регионе предметов металлопроизводства, свидетельствующих о связях, в частности, работавших там литейщиков с западными и придавших (в том числе) своеобразие материальному комплексу именно сабатиновской культуры (Черных 1976) [97]. Вероятно, не следует опускать ниже раннесабатиновского времени и даты абсолютного большинства соответствующих литейных форм (см., напр.: Клочко 2006) голоуровской группы. По мнению Е. Н. Черных, именно набор «весьма выразительных форм бронзовых орудий и литейных форм, соответствующих в основном продукции ингуло-красномаяцкого и лобойковского очагов в Северном Причерноморье», определяет время сложения общности культур валиковой керамики (Черных 1983: 95 [98]). По поводу попыток свя-

[94] Исследовательница до конца не выдерживает занятую позицию по поводу полной синхронизации сабатиновских и срубных древностей, будучи вынуждена признать, что срубная культура частично сосуществует с КМК (Березанская 1990: 98, 104, 110—114; 1998), о синхронности которой с раннесабатиновскими памятниками нет данных (см., напр.: Савва 1992: 175) не только в Днестровско-Прутском междуречье. Под непосредственным контактом сабатиновской культуры с КМК (Гершкович 1998: 84) разве что может подразумеваться хронологический стык между ними. «Взаимовлияние КМК, раннесабатиновской, раннесрубной, культур Монтеору и Ноуа» (Агульников, Бубулич 1998: 141) (всех вместе) исключено, т. к. не все они синхронны. «По всей вероятности», одновременность совершения погребений Дойна 1/3 и 1/4, одно из которых сопровождалось бабинским сосудом, другое — вероятно, сабатиновским (Агульников, Бубулич 1998: 138, 140, 141), практически ничем не обосновывается.

[95] Да и то если верить сохранившимся, в отличие от самого предмета, сведениям В. А. Городцова.

[96] Только литейщики последнего, по мнению Е. Н. Черных, могли поставлять в Северное Причерноморье такой металл. В еще большей степени это относится к металлу западных групп — карпато-трансильванской и правобережной, возможно, применявшемуся изредка мастерами именно названного очага (не только некогда искусственно объединенного с последним Е. Н. Черных Завадовского).

[97] Такой вариант (сугубо археологическая точка зрения) более соответствует современному пониманию, если отвлечься от вопроса о происхождении самих мастеров Красномаяцкого очага металлообработки.

[98] Этот набор является одним из хроноиндикаторов ранней фазы названной общности, которой, за ис-

зать с культурой многоваликовой керамики (или с соответствующим периодом) Малокопаневскую литейную мастерскую и зарождение сабатиновских (красномаяцких) металлургических традиций, помимо затронутого выше, отмечу следующее. Наличие на втулке наконечника дротика, представленного негативом на одной из матриц этой мастерской, ушка, аналогичного имеющимся на копьях сейминского типа, сколько-нибудь надежным архаическим признаком считаться (Клочко 2006: 140—141; 162, рис. 62: 5) не может. Так, литейная форма с негативом, в частности, наконечника дротика с ушком была найдена при раскопках поселения белозерской культуры Дикий Сад (Горбенко 2008: 88; 87, рис. 1: 25, 30). В свое время ряду исследователей казалось проблематичным датировать кельты раньше, чем XIII в. до н. э. (Черных 1978а: 257; ср., напр.: Лесков 1967а: 164—167 и сл.). На этом фоне отнесение к досабатиновскому времени неоднократно упоминавшегося малокопаневского негатива кельта (Клочко 2006: 145[99], 146; 166, рис. 66: 13) представляется слишком смелым вариантом решения некогда существовавшей, но уже давно продвинутой к разрешению проблемы якобы длительного хронологического разрыва между производством втульчатых (проушных) топоров, характерных для названного горизонта[100], и кельтов, характерных для позднего бронзового века (по поводу нее и соответствующих орудий см., напр.: Черных 1978а). Серьезных препятствий для датировки как начала производства кельтов ранее, чем XIII в. до н. э., так и продолжения использования втульчатых топоров позже, чем XVI в. до н. э., на самом деле не было еще до введения в оборот комплексов, в которых (в виде готовых бронзовых изделий или негативов) втульчатые топоры или рапиры типа эгейских и т. п. сочетались с кельтами (включая «втульчатый кельт-долото») (Черных 1978а), порой и более поздними, чем отливавшиеся в Малых Копанях. Подобное сочетание вполне естественно для типов, бытовавших долго, и для кладов длительного накопления, из которых определенные могут и должны быть отнесены одновременно к разным периодам или подпериодам (в отличие от времени зарытия кладов), в т. ч. некоторые Дичевского очага металлообработки[101] (Дергачев 2011: 172—176, 219, 250—254). Формы бронзовых орудий типа Хайдушамшон-Апа и связанных с последними развивались и позднее одноименного горизонта, поэтому и изготовление втульчатых топоров (представителей этих форм) могло продолжаться (Черных 1978а: 259). И оно действительно продолжалось, в т. ч. в период расцвета сабатиновской культуры, хотя нельзя сказать, что подобные топоры со временем не изменялись (Черняков 1985: 104, 122; 116, рис. 159: 1). Наиболее надежно культурно-хронологически атрибутированными считаются комплексы литейных форм, достоверно привязанные к хорошо исследованным культурным слоям, например, литейная мастерская с матрицами с негативами, в частности, кинжалов с кольцевыми упорами на поселении сабатиновской культуры Новокиевка (Gerškovič 1999: 61—62; Гершкович 2001—2002: 603—604), а также готовые орудия из погребений — закрытых комплексов (Подобед и др. 2009: 6—7). Какие бы западные изделия ни были одновременны рассматриваемым (Gerškovič 1999: 6), а также, к примеру, как бы ни датировался кинжал с кольцевидным упором из «так называемого комплекса из Березки в Молдавии» (Черняков 1985: 104, 111, 113; см. также Дергачев 1975: 66—68, 75—77), в контексте анализируемой проблемы важно наличие последних в срубных комплексах только позднего периода и в сабатиновских.

В том же контексте, на мой взгляд, сохраняет актуальность замечание: «Нам пока не представлена логическая система доказательств с привлечением новых материалов, которая отрицала бы хронологические построения и периодизацию, предложенные А. И. Тереножкиным, В. С. Бочкаревым, А. М. Лесковым и др.» (Шарафутдинова 1991: 194; ср., напр.: Гершкович 1993: 10; Gerškovič 1999: 77, 85). Не считает возможным согласиться с попытками пересмотра нижней даты сабатиновской культуры и В. В. Цимиданов,

ключением восточной зоны, четко соответствует смена новыми культурами (в частности, сабатиновской) предшествующих.

[99] Аналогии этому негативу имеются в составе мастерской Побит Камык вместе с формами для литья центральноевропейских проушных топоров с удлиненным обухом, встречающихся якобы только в кладах горизонта Хайдушамшон, а однотипные кельты — в составе клада Дичево вместе с лезвием рапиры переднеазиатского типа, типологически близкой к раннеэгейским рапирам.

[100] В частности, КТР Т-16, по Е. Н. Черных.

[101] Последние, в частности, Попгруево (с безушковым кельтом, близким к одноушковым, отливавшимся в Малых Копанях), как, впрочем, и клад Рышешть, к «многоваликовому» времени (Клочко 2006: 146, 181), конечно, не относятся (во всяком случае, момент депонирования).

синхронизируя с последней лишь позднесрубный этап (Цимиданов 2004: 94).

Большое значение, с моей точки зрения, имеет выделение В. В. Отрощенко в рамках срубной культурно-исторической общности покровской (покровско-мосоловской) и бережновско-маевской срубных культур (Отрощенко 1994а; 1994б; 2000; 2001б; 2002 и др.; Толочко та ін. 2000; Отрощенко та ін. 2008 и т. д.), хотя всеобщего признания это не получило (Шарафутдинова 2003: 126; Лопатин 2010: 225—228 и сл.). По мнению автора соответствующей концепции, раньше складывается покровская срубная культура, приоритет первого периода которой по отношению к сабатиновской культуре В. В. Отрощенко доказал (2001б), на мой взгляд, вполне убедительно. Несомненно, только лишь стратиграфические примеры, свидетельствующие о сосуществовании носителей ПСК и бабинского населения (Отрощенко 2001б: 96, 123, 125, 152; 2002: 17; о соответствующих непосредственных контактах см. также, напр.: Горбов 2001: 147, 151 [102]; Горбов, Усачук 2001) [103], убедительнее любых доводов против аргументов Я. П. Гершковича «в пользу» синхронности раннего этапа сабатиновской культуры и раннесрубного хронологического горизонта, которому соответствует покровская керамика (Гершкович 1996: 23). Имеются в виду, в том числе, сопоставления фрагментов сосудов со шнуровым и прочерченным орнаментом [104] и сходных без него покровского облика (ср., напр.: Отрощенко 2001б: 164; Савва 1992: 37, рис. 9: 3) со срубного поселения Безыменное I и из горизонта раннего этапа сабатиновской культуры поселения Златополь (Гершкович 1998: 61—63 [105] и сл., рис. 1). Бережновско-маевскую срубную культуру В. В. Отрощенко полностью синхронизирует с сабатиновской (2001б: 162—166 и сл.; Ванчугов 2013: 315). Более ранним временем датированы только памятники слабо насыщенного так называемого протобережновского горизонта (Отрощенко 2001б: 125—127; 2002: 14, 15, 17, 27), косвенно (судя по контексту) отнесенные к бережновско-маевской срубной культуре (Отрощенко 2001б: 66, 125—126, 133; 2002: 14; ср., напр.: Лопатин 2010: 229, 231). По мнению В. В. Отрощенко, практически полный выход из употребления костяных пряжек культур многоваликовой керамики и покровской срубной произошел на межкультурном уровне ко времени формирования сабатиновской и бережновско-маевской срубной культур, а потому служит ярким хронологическим показателем (Отрощенко 2001б: 164). Данный исследователь, в противовес некоторым другим мнениям, делит и бережновско-маевскую срубную, и сабатиновскую культуры на два периода (Отрощенко 2001б [106]). Исследователь считает важной для синхронизации раннего периода бережновско-маевской и сабатиновской культур находку типологически позднего, по его мнению, ножа срубного типа на поселении Мерень II, который, как он утверждает, Е. Н. Сава не совсем точно относит к предсабатиновскому этапу (Отрощенко 2001б: 160—162, 171 [107]). На основании приводимых параллелей некоторым артефактам и обряду погребения у с. Степовое, относящимся к сабатиновской культуре, в памятниках, по мнению В. В. Отрощенко, второго периода БМСК и синхронных последнему культур развитый период сабатиновской куль-

[102] «К настоящему времени непосредственный контакт пришлого покровского и многоваликового населения, кажется, не вызывает сомнений». Но все же, вероятно, не у всех.

[103] В свое время Я. П. Гершкович выделил слой «срубно-многоваликового времени» на поселении Диброва (Гершкович 1990: 38; ср.: Гершкович 1995: 37; 1998: 63). Если на этом конкретном памятнике многоваликовая и срубная керамика может быть и асинхронной или первая — не относиться к культурному кругу Бабино, то вообще соответствующий хронологический горизонт древностей выделяется, в т. ч. в современных работах (Куштан 2002: 182; 2007: 15, 20—22). Возражение по поводу выделения подобной синкретической хронологической группы по погребальным памятникам см.: Отрощенко 2001б: 148—149; ср.: Литвиненко 2000б: 82—83.

[104] На самом деле он не является спецификой именно раннесрубного горизонта (Шаповалов 1976: 160—164, 166—168) и встречается на керамике сабатиновской культуры не только раннего этапа (Черняков 1985: 55, 64—69, 71, 75; Гершкович 1998: 65, рис. 2: 1).

[105] Хотя и для Я. П. Гершковича очевидно, что присутствие разновременных находок на поселении Златополь очевидно, а на других — не исключается..

[106] Причем В. В. Отрощенко замечает определенное соответствие двух периодов БМСК раннему и развитому периодам сабатиновской культуры, абсолютные даты которых (соответствующих по хронологической последовательности), по мнению исследователя, совпадают. На попытку отнести памятники периода «Сабатиновка-III» к белозерской культуре (Отрощенко 2001б: 163, 174—175) мне уже приходилось реагировать (Черниенко 2009: 390).

[107] Соответствующее утверждение аргументируется тем, что десятки аналогичных ножей выявлены в погребениях первого периода БМСК. Да и в составе Лобойковского клада, который В. С. Бочкарев и А. М. Лесков отнесли к раннесабатиновскому периоду, есть подобные ножи, а также и вещи, имеющие, по мнению В. В. Отрощенко, аналогии и среди находок из погребений ее второго периода.

туры синхронизируется со вторым периодом БМСК (Отрощенко 2001б: 171—174). С точки зрения исследователя, термин «предсабатиновский этап», которым фактически называют позднюю фазу раннесрубной культуры, ныне тоже требующей дополнительного толкования, по отношению к памятникам срубной общности Днепро-Донского ареала использовать нецелесообразно (Отрощенко 2001б: 156—157) [108]. По мнению ученого, без этого термина, за которым якобы стоят другие (досрубные и досабатиновские) культуры (КМК, ДВАК), можно обойтись (Отрощенко 2001б: 157). Если даже предположить наличие «предсабатиновских» памятников там, где нет сабатиновской культуры, то невозможно выявить стратиграфическую позицию последних по отношению к комплексам Сабатиновки, т.е. существует, по крайней мере, теоретически, возможность синхронизации предсабатиновских памятников с собственно сабатиновскими в пределах эпохи поздней бронзы (Отрощенко 2001б: 157). Уточнение Э.С. Шарафутдиновой того, что одним из признаков предсабатиновского этапа является посуда, изготовленная по андроновско-федоровским образцам, позволяет В.В. Отрощенко синхронизировать, по многочисленным стратиграфическим наблюдениям, так называемый предсабатиновский этап срубной культуры со вторым (заключительным) периодом БМСК и, соответственно, со вторым (развитым) этапом сабатиновской культуры (Отрощенко 2001б: 157) [109].

Сложнее В.В. Отрощенко оценить ситуацию в Поднепровье, для которого, как он утверждает, В.С. Бочкарев и А.М. Лесков в совместных тезисах не называют эталонных предсабатиновских памятников (Отрощенко 2001б: 157). Широкое присутствие на западе обозначенного В.В. Отрощенко ареала БМСК, входящем, по мнению большинства исследователей, в ареал поселений сабатиновской культуры [110], погребальных сооружений первой этот археолог может объяснить, только учитывая общую генетическую подоснову (КМК) для сабатиновской и бережновско-маевской срубной культур (Отрощенко 2001б: 175—177) [111].

Вместе с тем, В.В. Отрощенко (2001б: 126—127) пишет о сабатиновских влияниях, которыми отмечены погребения БМСК только второго периода. Именно памятники последнего исследователь считает возможным включить в новую для того времени общность КВК, где, по Е.Н. Черных, ключевой выглядит так называемая срубно-хвалынская культура (Отрощенко 2002: 22). Последняя, в частности, по мнению В.В. Отрощенко, распадается на несколько разновременных групп памятников, отдельные из которых относятся к БМСК-II (Отрощенко 2002: 22). Как уже указывалось, В.В. Отрощенко допускает более позднюю верхнюю хронологическую границу КМК для памятников Правобережной Украины и Молдовы по сравнению с другими частями ареала этой культуры (Отрощенко 2001б: 110—111; ср., напр.: Гершкович 1996: 22—23; 1998: 84). По мнению первого, именно к западу от Днепра, вне зоны покровских проникновений и влияний, КМК эволюционировала в сабатиновскую культуру, а восточнее на базе субстрата КМК при взаимодействии с населением ПСК сформировалась БМСК (Отрощенко 2002: 18). Следовательно, ученый тем самым допускает и несколько более позднее время становления сабатиновской культуры, по сравнению с периодом формирования БМСК.

Надо понимать, бережновский локальный вариант БМСК сложился раньше, чем маевский (и, наверное, ее степановский тип). Во всяком случае, по мнению В.В. Отрощенко (1993: 82; 2001б: 124), к южному ареалу срубной общности логично присоединить погребения бережновского типа из Нижнего Поволжья, где обряд с восточной ориентировкой умерших имеет стратиграфически выделенное древнейшее звено и собственную линию развития, не говоря уже о ранней хронологической позиции так называемых протобережновских памятников. В свое время исследователь, подхватив идею двух линий развития срубной культуры (Васильев и др. 1993: 68), считал, что таковая зоны сте-

[108] По отношению к ним такая терминология является чужой, а в периодизации памятников сабатиновской культуры предсабатиновский этап отсутствует.

[109] Как отметил Я.П. Гершкович, предсабатиновский этап, в таком случае, станет предбелозерским.

[110] Некоторым исследователям как-то удается выделять там и соответствующие погребения (см., напр.: Отрощенко 2005: 108), как отмечено также выше и ниже. Проблему восточных границ сабатиновской культуры В.В. Отрощенко еще не так давно считал открытой (2001б: 147; ср.: Отрощенко 2002: 2, 18).

[111] С учетом демографического взрыва в XIV—XIII вв. до н.э. (т.е. во второй период БМСК и Сабатиновки — см., напр.: Отрощенко 2001б: 159, 162, 163) и отсутствия свидетельств каких-либо серьезных военных столкновений. Упомянутая общая подоснова, по мнению В.В. Отрощенко, и обусловила сходство погребальных ритуалов сабатиновской и бережновско-маевской срубной культур.

пей и полупустыни (бережновская линия развития) складывается при непосредственном участии ранней КМК (Отрощенко 1994б: 31). Согласно же монографии, погребения первого периода БМСК (классические) хронологически следуют за комплексами второго (позднего) периода КМК (Отрощенко 2001б: 126—127). В одной из работ В. В. Отрощенко пишет о том, что активность покровского населения на раннем этапе развития привела к переплетению двух линий развития в зоне активных контактов: линии степной (классической) срубной культуры, обозначенной бабинской общностью и БМСК, и покровской линии, выросшей на другом субстрате (Синташта — Потаповка — доно-волжская абашевская культура) (Отрощенко 2009а: 72) [112]. На мой взгляд, не вполне корректное включение в линию развития одной культуры двух разных культурных образований можно понимать в случае не просто хронологического стыка между бабинской общностью и БМСК, переплетавшейся с покровским населением раннего этапа, а их взаимодействия. Во всяком случае, это с хронологической точки зрения соответствует приведенному выше положению из более ранних тезисов (Отрощенко 1994б: 31).

Имеющееся в литературе предположение о более длительном существовании КМК в крайне западном ареале последней создало у Я. П. Гершковича впечатление искусственного «дотягивания» верхних дат этой культуры до традиционных датировок последующих — Ноуа и сабатиновской — в соответствии с «заколдованным кругом» взаимных привязок (Гершкович 1996: 22—23; 1998: 84). По мнению Р. А. Литвиненко, количественное соотношение ранних и поздних памятников по каждой из двух бабинских культур (днепро-донской и днепро-прутской) наталкивает на мысль о том, что пик развития локальных групп ДПБК приходился на этапы упадка и конца ДДБК (периоды IIБ-III) (Литвиненко 2009б: 15 [113]; 2009в: 144). Ранее обращалось внимание на то, «что дольше всего КМК просуществовала... в тех областях, которые не достигла ранняя волна миграции покровской срубной культуры», в т. ч. в Северо-Западном Причерноморье (Литвиненко 1996: 68). Э. С. Шарафутдинова (1995в: 127—128, 132) объясняет множество вариаций форм керамики со сравнительно многочисленных погребальных памятников (в отличие от Нижнего Подонья и Прикубанья) и наиболее широкое распространение одной из разновидностей слабо профилированных степных сосудов именно в юго-западной части ареала КМК более длительным существованием последней в Северо-Западном Причерноморье.

Соглашаясь с тем, что эволюция бабинских и срубных «остроребериых сосудов... в общем, шла в одном направлении» (Рыбалова 1974: 45), с приведенными выше доказательствами В. В. Отрощенко хронологического приоритета первого периода покровской срубной культуры перед сабатиновской и доводами Э. С. Шарафутдиновой против синхронизации сабатиновской культуры с раннесрубной, отмечу следующее. На мой взгляд, погребения сабатиновской культуры наиболее соответствуют захоронениям II периода БМСК, или же III стратиграфического горизонта (этапа) срубных погребальных комплексов Северского Донца, по периодизации Р. А. Литвиненко [114] (ср., напр.: Отрощенко 2001б: 277, мал. 31 и Литвиненко 2000б: 90, рис. 4) (рис. 2; 4; 7), и Северо-Восточного Приазовья (Литвиненко 1999б: 17, 19, 20). Именно комплексы этого горизонта последнего отнесены «к т. н. “сабатиновскому” этапу» и синхронизированы с памятниками Левобережного Предстепья V горизонта, по И. Ф. Ковалевой, и позднесрубной культуры Нижнего Подонья, по Э. С. Шарафутдиновой (Литвиненко 1999б: 17, 19). Последняя синхронизировала раннюю часть позднесрубных древностей, в частности, Приазовья и (памятники сабатиновского этапа) Нижнего Подонья, а также почти полностью позднесрубную культуру Северского Донца и Среднего Подонья с сабатиновской культурой (Шарафутдинова 1995в: 140). Исходя из разнообразных сведений многочисленных авторов, кроме общих для культур круга Бабино, сабатиновской и бережновско-маевской срубной черт погребального обряда [115] и баночной формы многих сосудов, характерной также и для культур по-

[112] Это вылилось в образование грандиозной срубной общности.

[113] Показательны также исключительный стратиграфический приоритет погребений последней перед захоронениями ДПБК (14 случаев) и количественное соотношение ранних и поздних типов пряжек в одной и в другой культуре круга Бабино.

[114] Она, по справедливой оценке В. В. Отрощенко (2001б: 155), оптимальная по фактажу, по сравнению с периодизациями срубной общности во всех других регионах ареала последней.

[115] Наиболее распространенный вариант — скорченные на левом боку костяки в позе адорации (пусть не всегда кисти рук строго у лица), ориентированные головой на восток, в т. ч. с отклонениями (чаще — с небольшими) (рис. 2: 1, 3, 15, 18, 31; 3: 2, 4; 7).

кровской срубной и Ноуа [116] (рис. 2: 5, 12, 20, 23, 27, 28; 4: 1, 9, 11, 16, 19; 7; 9), срубные погребения выделенного позднего стратиграфического горизонта и захоронения сабатиновской культуры сближают:

— усилившееся единообразие и упрощенность погребального обряда;

— широкая практика впускных без досыпок погребений при редкости основных (особенно последней из упомянутых культур) (ср., напр.: Лесков 1970: 49—50);

— утрата у большинства сосудов (особенно из погребений сабатиновской культуры) выраженной ребристости (более характерна округлобокость), обедненность (а нередко, особенно для сабатиновской культуры, — и отсутствие) декора, отсутствие орнамента в виде оттисков зубчатого штампа [117], впрочем, редкого и для II, по Р. А. Литвиненко (см. ниже), горизонта срубных погребений, и особенно для керамики днепро-прутской бабинской культуры (рис. 2; 4; 7; 8);

— заметное увеличение в погребениях БМСК (во всяком случае, в западной части ареала) II периода, в понимании В. В. Отрощенко, и сабатиновской культуры, по сравнению с погребальным инвентарем предшествующего времени, доли одноваликового орнамента и горшков высоких пропорций с плавным, относительно равномерным профилем [118], чаще всего неорнаментированных, реже — с одинарными валиками (рис. 4: 6, 7, 14, 15), гораздо более широко распространенных на синхронных поселениях и в срубных тризнах;

— в целом относительная бедность погребений — редкое наличие среди погребального инвентаря (особенно сабатиновской культуры) металлических и других некерамических изделий, преобладание безынвентарных погребений сабатиновской культуры и появление в соответствующее время аналогичных в срубной культурно-исторической общности и пр.

Указанные характеристики [119], исходя из данных многих исследователей, отличают срубные погребения III, по Р. А. Литвиненко (V, по И. Ф. Ковалевой, и т. п.), горизонта (этапа) от погребальных комплексов I периода БМСК (II горизонта (этапа) срубных погребений Северского Донца (ср., напр.: Отрощенко 2001б: 277, мал. 31 [120] и Литвиненко 2000б: 90, рис. 4) (рис. 7) и Северо-Восточного Приазовья — развитого, или «предсабатиновского» (Литвиненко 1999б: 15—17, 19, 20; ср.: Отрощенко 2001б: 155—157) — и т. п.). Последний из названных горизонтов синхронизируется, в частности, с памятниками Нижнего Подонья раннесрубной (предсабатиновского этапа) культуры (Литвиненко 1999б: 19; ср.: Ромашко 2013: 25), по периодизации Э. С. Шарафутдиновой (1990б: 48, 49, 51; 1995в: 140). Те же характеристики в определенной степени, с некоторыми оговорками (см. ниже), отличают захоронения сабатиновской культуры от погребальных комплексов днепро-прутской бабинской (рис. 2; 4), а некоторые сближают поздние из упомянутых в этом абзаце групп памятников с частью погребений культуры Ноуа (рис. 2; 4; 7; 9). С этим, судя по некоторым сведениям (см., напр.: Отрощенко 2001б: 142—144, 270, мал. 24: 1—5, 7—10, 13—15, 19, 20, 22; Неретин 2008: 32—33), можно в какой-то

---

[116] Часть погребений последней (рис. 3: 1) и многие захоронения II периода ПСК совершены по вышеуказанному обряду.

[117] За исключением кубков федоровского облика, насколько мне известно, только один из которых найден в погребении сабатиновской культуры в Северо-Западном Причерноморье — у с. Степовое (см., напр.: Отрощенко 2001б: 174, 176).

[118] Т. е., в моем понимании, без сколько-нибудь выраженных перегибов как тулова, так и горла.

[119] Разумеется, кроме вышеупомянутых общих для ряда культур.

[120] Данный исследователь наиболее универсальным критерием культурной дифференциации погребений срубной общности считает ориентировку (северную — для ПСК, восточную — для БМСК, для обеих — отклонения к северо-востоку) (Отрощенко 2002: 12, 26, 32). Поэтому, на мой взгляд, вполне логично отнесение В. В. Отрощенко по крайней мере некоторых из погребений, выделенных Р. А. Литвиненко в I этап (как видно из иллюстраций, погребение с северо-западной ориентировкой костяка и наиболее характерный инвентарь), к покровской срубной культуре-I. Полагаю, что по аналогии следует отнести к покровским срубные погребения Северо-Восточного Приазовья выделенного Р. А. Литвиненко I стратиграфического горизонта (этапа) с северной с отклонениями ориентировкой (учитывая размытость немногочисленных слабо выраженных покровских элементов (см.: Литвиненко 1999б: 14—15, 19, 21) — к не самым ранним даже в пределах Украины) (о покровских памятниках Северного Приазовья см., напр.: Литвиненко 1996: 68; Самар 1998: 75—77, 79—82; Горбов, Усачук 2001; Цимиданов 2004: 95). И только погребения с восточной ориентировкой (вероятно, более поздние в пределах I горизонта (Литвиненко 1999б: 8, рис. 4: Балашовка к. 1 (4, 6)) можно отнести к наиболее ранним захоронениям бережновско-маевской срубной культуры или же к так называемым переходным, в понимании Э. С. Шарафутдиновой (1995а: 103; 1995б: 86; ср.: Литвиненко 1999б: 14, 15, 19, 21; 1992а: 11). Срубные погребения Северо-Восточного Приазовья II и III стратиграфических горизонтов (Литвиненко 1999б: 15—20) В. В. Отрощенко (2001б: 155) относит к маевскому локальному варианту БМСК, что, на мой взгляд, вполне справедливо.

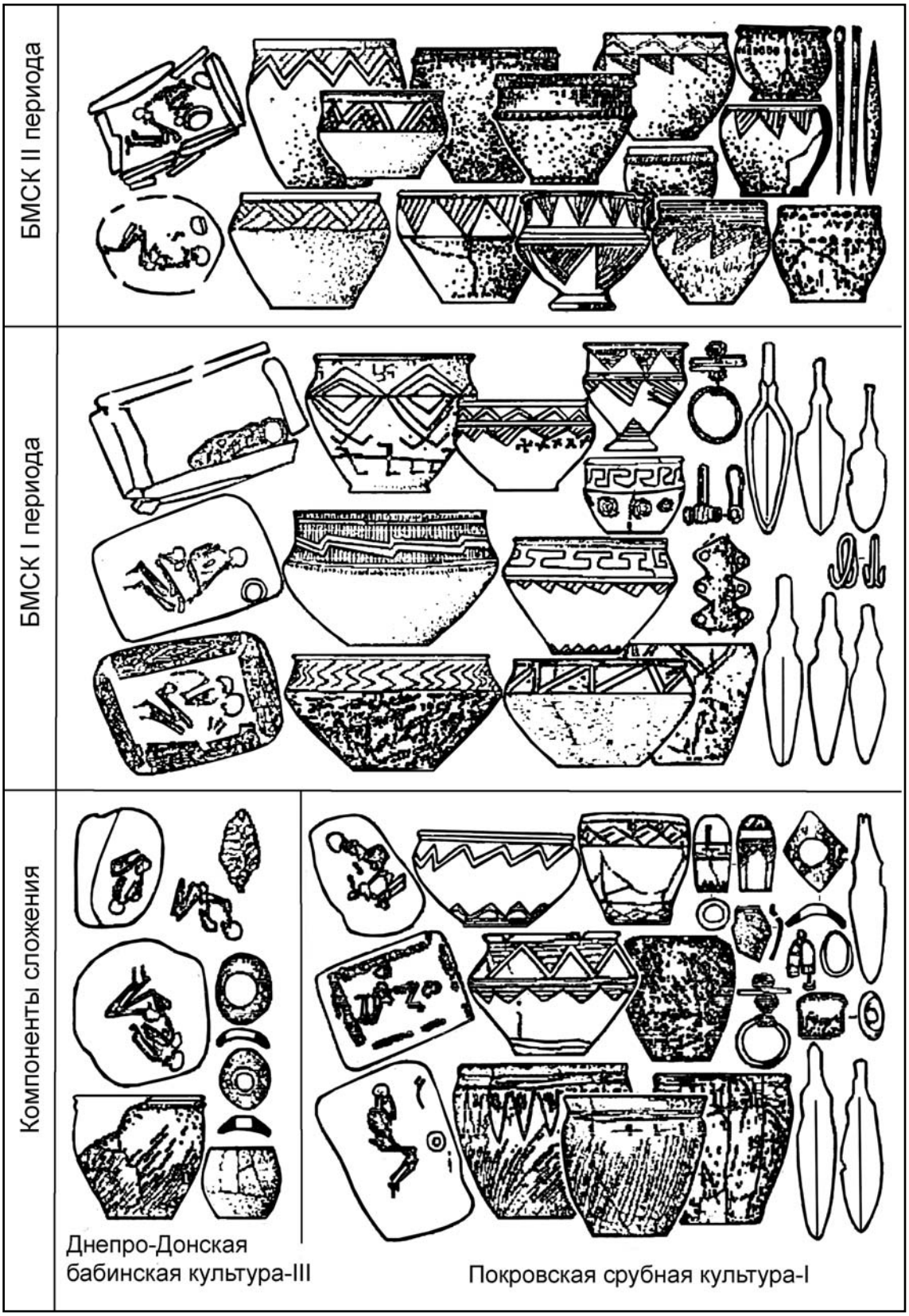

Рис. 7. Периодизация погребений срубной КИО Северскодонетчины (по Отрощенко 2001б, с учетом концепции культурного круга Бабино Р.А. Литвиненко).

Fig. 7. The periodization of the burials of the Srubnaya cultural-historical community of the Seversky Donets region (after Отрощенко 2001б, considering R.A. Litvinenko's concept of the Babino Cultural Circle).

мере сопоставить, на мой взгляд, и эволюцию керамики в рамках ПСК-II.

Как я пытался показать выше, самому В.В. Отрощенко не удалось последовательно выдержать его точку зрения о полной синхронности сабатиновской и бережновско-маевской срубной культур. Допустим, можно обойтись без термина «предсабатиновский», который, впрочем, на мой взгляд, удобен для межрегиональной синхронизации и не уместен в периодизации сабатиновской культуры, т.к. соответствующий этап выходит по крайней мере за хронологические рамки последней [121]. Но это еще не опровергает соответствующую хронологическую позицию срубной «классики», в частности, хотя бы части первого периода БМСК, а не ДВАК и не КМК в целом (а только ДПБК позднего этапа). От ошибки не застрахован ни один специалист, но это не значит, что не нужно пытаться сопоставлять хронологические горизонты разных территорий и культур. Если посуда федоровско-андроновских образцов появляется в погребениях второго периода БМСК (ср., напр.: Литвиненко 2000б: 85), то тогда первая не является признаком предсабатиновского этапа, который, однако, не становится из-за этого синхронным второму периоду БМСК, или предбелозерским. Рассматриваемый этап В.В. Отрощенко обозначает, в частности, термином «срубная “классика”» («классический»), объединяя этим понятием первый период БМСК и второй период ПСК (Отрощенко 2001б: 126—127, 140, 143; ср., напр.: Гершкович 2005: 179; Лопатин 2010: 230—231), но особо выделяя в последнем более выразительную начальную фазу. Признаком первого, по мнению самого же исследователя, становятся остроребериые пышно орнаментированные сосуды (Отрощенко 2001б: 143). Таковые, имеющие (зачастую) четко выраженные ребра, отличаются от подобных бабинских, в частности, как правило, более низкими пропорциями (ср., напр.: Рижов та ін. 2002: 151; 170, рис. 10: 4, 12; Братченко 2006: 225; Ковалева и др. 1981: 23; 39, рис. 5: 6).

Приводившееся выше утверждение В.Д. Рыбаловой (1974: 45) в целом верно. Но сосуды бабинских типов с более или менее четко выраженными острыми ребрами и/или относительно богатой орнаментацией сопровождали погребения, по сведениям Р.А. Литвиненко, II (среднего) этапа днестровско-прутского локального варианта днепро-прутской (Литвиненко 2009б: 14), раннего стратиграфического горизонта днепродонской бабинской культуры Восточного Надазовья (Литвиненко 1996: 69, рис. 1: 2, 6), по другим данным — в основном захоронения раннего (по двухступенчатой периодизации) периода КМК (Савва 1988: 13—19; 1992; Шарафутдинова 1995в: 126—131; Отрощенко 2001б: 109) (рис. 2: 34, 40). Периодизация Р.А. Литвиненко как будто бы предполагает некоторый хронологический разрыв между I (ранним) этапом ДДБК и II (средним) этапом днестровско-прутского варианта ДПБК (см.: Литвиненко 2009б: 12—15, 25, 26, 31). Поэтому соответствующая асинхронность «классических» сосудов двух культур круга Бабино представляется маловероятной, а версии Е.Н. Сава, Э.С. Шарафутдиновой и В.В. Отрощенко, с этой точки зрения, — более предпочтительными. По словам последнего из упомянутых исследователей, иногда кажется, что на позднем этапе КМК утрачивает даже многоваликовую орнаментацию, соответствующие сосуды можно найти разве что в тризнах (Отрощенко 2001б: 110; см. также: Савва 1992: 157). Для керамического инвентаря поздних бабинских погребений, в т.ч. Северо-Западного Причерноморья, характерны невыразительные банки, а также простые горшковидные сосуды [122] расплывчатых очертаний, невысоких пропорций, зачастую с округленными боками (рис. 2: 19—24, 27, 28; 7), очень редко орнаментированные, да и то весьма бедно [123], реже — миски (Савва 1988; 1992; Шарафутдинова 1995в; Отрощенко 2001б; Литвиненко 2009б; Иванова и др. 2012; 2011а; 2011б; Ванчугов, Иванова 2013) [124]. Подобные, в частности, горшки сопровождали и погребения бережновско-маевской срубной [125], особенно позднего горизонта (Литвиненко 1999б: 6—9 и сл.; 2000б: 85—90; Отрощенко 2002:

[121] И.Н. Шарафутдинова выделила позднемноговаликовую (т.н. «вовнижскую», или предсабатиновскую) группу (горизонт) памятников (Шарафутдинова 1975: 7—9 и сл.; 1982: 17—18 и сл.; Отрощенко 2004: 166—167; 2009а: 70—71 и т.д.), оказавшуюся, правда, эклектичной.

[122] В частности, с корпусами, более или менее близкими к биконическим.

[123] Простыми прочерченными линиями, одинарным валиком, насечками, пальцевыми или/и ногтевыми вдавлениями.

[124] Об обеднении орнаментации на бабинской керамике позднего этапа см. также: Куштан 2006.

[125] Правда, на таких горшках этой культуры орнамент, в т.ч. более выразительный, встречается чаще.

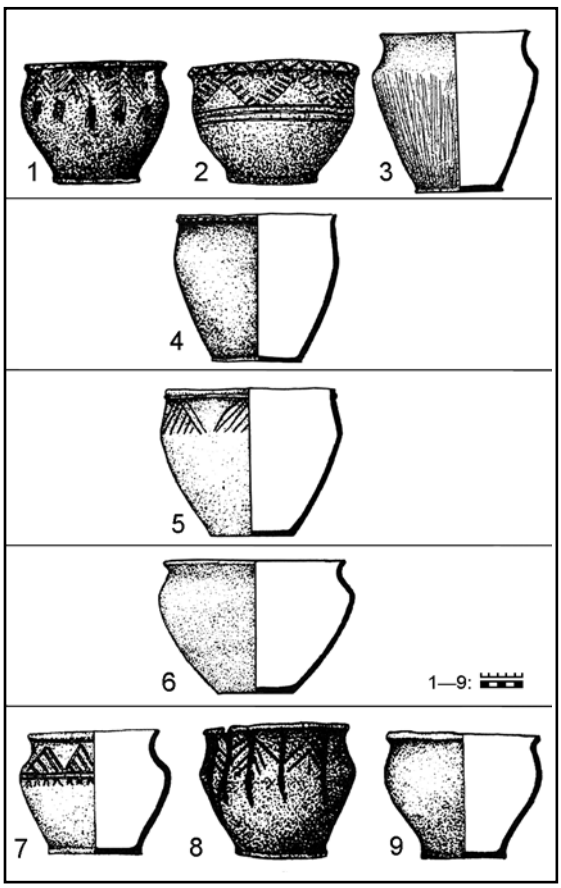

Рис. 8. Стратиграфическая колонка керамики из погребений бережновско-маевской срубной культуры кургана 11 у с. Петро-Михайловка Запорожской обл. (на основе Ляшко и др. 2004).

Fig. 8. The stratigraphic column of the pottery from the Berezhnovsko-Maevskaia Srubnaya culture burials of tumulus 11 near v. Petro-Michailovka in Zaporozhye region (adapted from Ляшко и др. 2004).

19) (рис. 7; 8), и сабатиновской (Черняков 1985: 136—140, 144; Ванчугов 1999; 2000; Савва 1992; Sava, Agulnikov 2003) (рис. 4: 5, 10, 17, 18, 20) культур. Еще в поздних бабинских погребальных памятниках, даже, в какой-то мере, начиная со II (среднего) этапа как днепро-донской, так и днепро-прутской (во всяком случае, днестровско-прутского варианта) бабинской культуры, наблюдаются упрощение и тенденция к усилению единообразия погребального обряда (Литвиненко 2007; 2009б: 13, 14; Ванчугов, Иванова 2013: 338—339) [126], в частности, уменьшение доли основных захоронений, в Днестровско-Прутском междуречье и на раннем этапе отнюдь не многочисленных. По данным многих авторов, впускные погребения характерны для сабатиновской культуры (хоть основных и мало, но как будто бы больше, чем таковых же позднего этапа днестровско-прутского варианта ДПБК), в меньшей степени — для второго периода БМСК. Многим бабинским погребениям свойственно отсутствие керамики (см., напр.: Шарафутдинова Э. С. 1987: 28, 31) и даже вообще инвентаря (в особенности ранним — см., напр.: Отрощенко 2001б: 85, 90, 102; хотя для днепро-бугского лесостепного варианта ДПБК, видимо, в близкой степени — и последующим, как и отсутствие лепной посуды — для могил ДДБК) (Шарафутдинова 1995в: 130; Литвиненко 1998: 97; 2007: 161, 169; 2009б: 7—14, 31; 2009в: 143) [127]. Если в погребениях ДДБК обеднение инвентаря началось еще в период IБ, то в захоронения днестровско-прутского локального варианта ДПБК, наоборот, керамику почти не помещали на I этапе (см., напр.: Шарафутдинова 1995в: 130; Литвиненко 2007: 169, прим. 45; 2009б: 7—14 [128]).

При этом в Днестровско-Прутском междуречье, по данным Р. А. Литвиненко (2009б: 10), 52,8% бабинских погребений сопровождалось инвентарем, а 36,6% — керамикой (судя по другой работе, — 47,7%: Литвиненко 2007: 169, прим. 45), а по сведениям Е. Н. Сава (1992: 142), только захоронений с керамикой — 55%. По подсчетам В. В. Отрощенко, керамика сопровождала примерно 40% могил сабатиновской культуры Правобережной Украины (Отрощенко 1994б: 32) или Николаевской области (Отрощенко 2002: 12), а на одно погребение БМСК в среднем приходится 0,9 сосуда (Отрощенко 2002: 12). Причем выше подчеркивалось наличие именно поздних срубных безынвентарных захоронений. В любом случае, если не считать I этапа днестровско-прутского варианта ДПБК, доля ее безынвентарных погребений в Северо-Западном Причерноморье (см. также, напр.: Иванова и др. 2012: 164) как будто бы соизмерима с указанным процентом таковых же сабатиновской культуры Правобережной Украины

[126] Впрочем, известны и поздние элитные бабинские погребения (Отрощенко 2001б: 110; Иванова и др. 2011а: 129; 2011б: 75—76; 2012: 169; Ванчугов, Иванова 2013: 339).

[127] Особенно если не считать пряжек, которые скорее можно рассматривать как деталь одежды (убранства) (Черняков 1985: 89, 134; Отрощенко 2001б: 75; Иванова и др. 2011а: 130; 2011б: 76; 2012: 165; ср.: Иванова и др. 2011а: 129; Ванчугов, Иванова 2013: 338—339).

[128] В общем же, среди последних чаще, чем на других территориях культурного круга Бабино, встречаются инвентарные (разве что за исключением в целом малочисленных памятников евпаторийской периферийной группы), в т. ч. с керамикой (конкретнее см. ниже).

или Николаевской области[129]. Но больше доля таких — в ДПБК за пределами Северо-Западного Причерноморья, а погребений без керамики — кроме того, также в ДДБК и евпаторийской группе. Безынвентарные же захоронения БМСК встречаются гораздо реже. Некерамический инвентарь (не считая пряжек), в т. ч. металлический, более разнообразен и встречается чаще в погребениях днепро-донской, чем днепро-прутской бабинской культуры (см., напр.: Литвиненко 2007; 2009в: 144). Причем наблюдается количественное и качественное обеднение первого от раннего времени к позднему, в т. ч. в Северо-Западном Причерноморье (Савва 1988; 1992: 50 и сл.; Отрощенко 2001б: 109—110; Литвиненко 2009б; Иванова и др. 2011а; 2011б; 2012: 164; Ванчугов, Иванова 2013) (рис. 2). Правда, среди поздних бабинских погребений, в т. ч. Днестровско-Прутского междуречья, случаются отдельные комплексы с престижными вещами, но, в отличие от ранних погребений, сопровождавшихся наборами вещей, поздние содержат одну вещь, хотя иногда и весьма ценную (см., напр.: Отрощенко 2001б: 110; Иванова и др. 2011а: 129). Погребения сабатиновской культуры с некерамическим инвентарем, не отличающимся разнообразием, встречаются реже, чем в целом бабинские захоронения с подобным инвентарем, но, пожалуй, чаще, чем такие поздние бабинские комплексы (не считая погребений с пряжками) Северо-Западного Причерноморья (Савва 1988; 1992; Шарафутдинова 1992а; 1997; Ванчугов 1999; 2000; Иванова и др. 2012: 164; Ванчугов, Иванова 2013) (рис. 2). Увеличение доли горшков высоких пропорций с плавным профилем и одноваликовой орнаментации в сабатиновской культуре по сравнению даже с поздней бабинской керамикой несомненно (Савва 1988: 8—11, 15—16; 1992: 49—51 и сл.; Sava 1998: 290, Abb. 19; Черняков 1985: 132, 133, 136—140; Литвиненко 1999б: 15—20). Т. о., в основном в одном направлении шла эволюция как остроребердных бабинских и классических срубных сосудов (Рыбалова 1974: 45), так и определенных погребальных норм от днепро-прутской бабинской культуры к сабатиновской и от первого ко второму периоду бережновско-маевской срубной культуры. Но синхронизировать представляется возможным в основном результат этого процесса — близкие не только по обряду, но в значительной мере и по инвентарю погребения сабатиновской и второго периода бережновско-маевской срубной культуры (а также часть захоронений культур Ноуа и в какой-то степени — покровской срубной конца второго периода) (см. выше). Сам же процесс происходил главным образом асинхронно у носителей ДПБК и БМСК. Так, деградация формы и орнамента остроребердной бабинской посуды, тенденция к упрощению и единообразию погребального обряда в культурах круга Бабино началась еще до оформления, по крайней мере, маевского варианта БМСК. А изменения доли погребений с некерамическим инвентарем (не считая пряжек), а также основных от раннего этапа ДПБК (во всяком случае, днестровско-прутского варианта) до сабатиновского времени не являлись поступательным процессом.

В Поднепровье и восточнее в поздних комплексах культур круга Бабино, как указывалось выше, фиксируются деградация формы и орнамента остроребердных сосудов, упрощение и тенденция к единообразию погребального обряда, в частности, уменьшение доли основных погребений, количественное и качественное обеднение погребального инвентаря. А затем, по мнению, в частности, В. В. Отрощенко (1997: 72; 2001б; 2002: 15 и сл.) и Р. А. Литвиненко (1991: 132; 2009а: 73—75; 2009б: 19, 25, 30, 32; 2010: 47—49), в результате взаимодействия этих культур (прежде всего, ДДБК — ср.: Шерстюк 2012) с ПСК формируется БМСК. Для первого периода последней снова становятся характерными пышно орнаментированные остроребердные (в т. ч. с четко выраженными ребрами) сосуды, особенно в погребениях, среди которых практически все — с инвентарем, причем порой с весьма представительным, в т. ч. с металлическим (рис. 7; 8: 7, 8), много основных (Ковалева 1981а: 56; Шарафутдинова 1997; Литвиненко 1999б; 2000б; Отрощенко 2001б; Цимиданов 2004: 98—99, 106—109). Все это, если синхронность (даже частичная) второго периода БМСК и поздних памятников ДПБК (тем более ДДБК) исключается (по данным стратиграфии), может свидетельствовать о следующем.

Во-первых, только на основе культур круга Бабино позднего этапа и покровской срубной первого периода, для указанных фаз которых богато орнаментированные остроребердные сосуды не являлись достаточно характерными (Савва 1988: 8, 9, 16; 1992: 51 и сл.; Шарафутдинова 1995в; Отрощенко 2001б; Малов 1992; Куштан 2006; Литвиненко 2009б: 14) (рис. 2; 7), маевский вариант (не говоря уже о бережновском) БМСК, для погребений пер-

[129] Возможно, сабатиновских безынвентарных захоронений в процентном отношении все-таки больше.

вого периода которой такая керамика, как только что указывалось, гораздо более характерна, сформироваться [130], на мой взгляд, не мог. Остроребериые (или близкие к ним) сосуды, сравнительно богато орнаментированные, весьма характерны для памятников бережновского типа раннесрубной культуры (Мыськов 1991). Носители погребальных традиций, связанных с соответствующей линией развития, принимали участие в формировании, в частности, памятников маевского типа (в понимании И. Ф. Ковалевой), этнокультурной картины эпохи поздней бронзы в соседних с последними и несколько более отдаленных регионах (Берестнев 1997; 2001: 89, 100, 262, 263), т. е. маевского варианта БМСК (ср.: Мыськов 1991: 162, 163; Юдин 1996; 2010: 354, 356; Отрощенко 2009а: 72; см. ниже). Яркие захоронения последнего наиболее соответствуют модели именно бережновской группы погребений (Отрощенко 2001б: 120).

Во-вторых, изменения в погребальных нормах, в частности, в инвентаре, БМСК происходили при тесном взаимодействии в ее I период с ДПБК [131], как и генезис сабатиновской культуры, вероятно, сложение комплекса кухонной керамики, характерной для БМСК-II и культур сабатиновской, Ноуа, Кослоджень, и т. д.

Полагаю, не обязательно жестко синхронизировать практически полный выход из употребления пряжек, характерных для культур покровской срубной первого периода и круга Бабино, как это делает В. В. Отрощенко (2001б: 164). Единичные находки костяных пряжек на поселениях культур сабатиновской и Ноуа, а также наличие таких же изделий, но из створок раковин моллюсков, в погребениях ПСК второй фазы развития в Приуралье (Отрощенко 2001б: 75, 79, 129, 135, 164), на мой взгляд, могут указывать на постепенность и неравномерность упомянутого процесса во времени и в пространстве. С другой стороны, следует учитывать то, что пряжки почти не встречаются в довольно многочисленных бабинских погребениях Днестровско-Прутского междуречья с керамикой, по разработкам Е. Н. Сава, наиболее позднего для соответствующей культуры (VII) типа, характерной и для сабатиновской культуры (1992: 40 и сл.). Нож срубного типа с поселения Мерень II иметь важное значение для синхронизации раннего периода бережновско-маевской и сабатиновской культур (Отрощенко 2001б: 171) не может. Подобные ножи имеют широкую датировку (Березанская и др. 1986: 103) и сами по себе не могут помочь определить, с каким именно периодом БМСК следует синхронизировать ранний этап сабатиновской культуры. Конечно, слой бронзового века названного поселения и, соответственно, нож, происходящий оттуда, к предсабатиновскому времени не относятся (Sava 2002b: 83, 84, 90, 91), как и Лобойковский клад, в составе которого есть похожие ножи. Но аргументировать подобное утверждение по отношению к рассматриваемому орудию с поселения Мерень II тем, что десятки аналогичных ножей выявлены в погребениях первого периода БМСК, на том этапе логико-аналитической процедуры, когда еще только предпринимается попытка опровергнуть отнесение названного периода к предсабатиновскому времени (Отрощенко 2001б: 171), на мой взгляд, неправомерно. Зато показательно, что В. В. Отрощенко, не отрицая датировку Лобойковского клада раннесабатиновским периодом, отмечает, что комплекс содержит и вещи, имеющие аналогии среди находок из погребений второго периода БМСК (Отрощенко 2001б: 171).

Приведение параллелей некоторым артефактам и обряду погребения у с. Степовое, относящимся к сабатиновской культуре, в памятниках, по мнению ученого, второго периода БМСК и синхронных последнему культур полную синхронность развитого периода сабатиновской культуры со вторым периодом БМСК (Отрощенко 2001б: 171—174) не доказывает [132]. Частичная же несомненна при каком бы то ни было хронологическом соотношении первого периода БМСК с сабатиновской культурой.

Итак, на мой взгляд, подтверждается цитировавшееся выше мнение Э. С. Шарафутдиновой относительно проблемы периодизации и

[130] Даже с учетом того, что соответствующий процесс мог начаться под влиянием еще доно-волжской абашевской культуры (см., напр.: Литвиненко 2009а: 74—75).

[131] Определенные черты позднего этапа последней проявились в БМСК II периода (см.: Савва 1992; Шарафутдинова 1995в; 1992а; 1997; Отрощенко 2001б: 109—110; 277, мал. 31; 2002; Литвиненко 1990; 1999б; 2000б; 2009б; Куштан 2006; ср.: Отрощенко 2001б: 116, 148; Цимиданов 2004: 106—107, 109) (рис. 2; 7; 8).

[132] Тем более что исследователь не пытался доказать датировку приводимых им с этой целью материалов сабатиновских поселений именно вторым периодом соответствующей культуры, если не считать синхронизации одного из сабатиновских погребений в кургане в районе поселения той же культуры у с. Степовое со вторым периодом БМСК.

синхронизации сабатиновской культуры (Шарафутдинова 1991: 194). Если достоверных данных о непосредственном предшествовании срубных древностей сабатиновским, в частности, в Нижнем Поднепровье и в Северо-Западном Приазовье, нет (Гершкович 1993: 10; Gerškovič 1999: 77, 85), то оснований для полной синхронизации сабатиновской культуры со срубной культурно-исторической общностью или даже только с бережновско-маевской срубной культурой, с моей точки зрения, куда меньше. Сабатиновская культура может считаться даже частично предшествовавшей СКИО разве что при включении в первую памятников «так называемой культуры многоваликовой керамики» (Романюк, Черняков 2008: 167).

Не является в этом плане исключением и зона совместного нахождения срубных погребений и поселений сабатиновской культуры — Нижнее Поднепровье и примыкающие территории, включая Крым. В вопросах о территориально-хронологическом распределении срубных захоронений в этой зоне среди исследователей не было и нет единства. В литературе встречаются варианты от отнесения самых ранних срубных погребений на этих территориях к покровской срубной культуре (Колотухин 2003: 20, 51—52, 60; Ляшко и др. 2004) [133] и даже хронологической стыковки (чуть ли не синхронизации) с позднекатакомбным периодом (Шилов 1982: 16, 20—21 [134]) до датировки таких же захоронений сабатиновским временем (Отрощенко 1978: 84; 1981; Литвиненко 1994: 29; Цимиданов 2004: 95, 130, 171—174 [135]). Кроме того, встречается синхронизация раннего этапа сабатиновской культуры с раннесрубным хронологическим горизонтом, которому соответствует покровская керамика (Гершкович 1998: 66, 84). Несмотря на упоминания о данных стратиграфии могильников нижнего Поднепровья, в т. ч. связанных с погребениями эпохи поздней бронзы (Лесков 1975а: 54; 1975б: 27—28; Шарафутдинова 1975: 11 и сл.; 1982: 150; Шилов 1982: 2 и сл.; Березанская 1990: 99), выразительных примеров стратиграфического соотношения захоронений сабатиновского и (срубных) предшествующего периодов ни в собственно степном Поднепровье, ни, тем более, в Крыму я почти не знаю (см. также, напр.: Ольховский, Отрощенко 1991: 121). В основном есть данные о стратиграфическом приоритете бабинских погребений перед срубными (Шарафутдинова 1975: 21; 1982: 150).

Вопреки утверждению В. В. Отрощенко о том, что В. С. Бочкарев и А. М. Лесков в совместных тезисах не назвали эталонных срубных комплексов Поднепровья предсабатиновского времени (Отрощенко 2001б: 157), названные два соавтора отнесли к соответствующему этапу клад из Бородаевки (Бочкарев, Лесков 1978: 24). Правда, с такой датировкой данного комплекса, как и вообще большинства изделий лобойковско-голоуровских традиций, согласиться трудно. Но в вышедшей несколько позднее монографии А. М. Лескова еще и проиллюстрированы ножи из погребений указанной культурно-хронологической принадлежности курганов «Долгая могила» и в районе Каховки (Leskov 1981: Taf. 15: 4, 5). Срубные погребения предсабатиновского времени в степном Поднепровье «были» известны и В. В. Отрощенко (1977: 13—14). Важно отметить, что последние, как бы они ни датировались исследователями, кажется, только Н. Н. Чередниченко (1997: 29), надо полагать, попытался отнести к сабатиновской культуре.

Наличие аналогий погребениям срубного (срубно-сабатиновского) облика степного Поднепровья и примыкающих территорий, включая Крым, среди срубных захоронений Северо-Восточного Приазовья и Северского Подонцовья и II, и III горизонта (этапа), по Р. А. Литвиненко (1999б: 6—11, 15—19; 2000б: 84—86, 90), говорит о наличии в восточной части ареала поселений сабатиновской культуры погребальных комплексов бережновско-маевской срубной культуры и первого, и второго периода. Количество погребений покровской срубной культуры в том же ареале, на мой взгляд, пренебрежимо мало: например, Ясиноватое II 12/11 (Ляшко и др. 2004: 29; 110, рис. 37: 10 [136]), возможно, Солдатово 3/6 (Колотухин 2003: 20, 60; 85, рис. 18: 1, 6) [137]. Конечно, нельзя

[133] Эта культура на территории Украины представлена только первым периодом (Отрощенко 2001б: 156), за исключением, может быть, левобережья Северского Подонцовья (см.: Бровендер 2001б: 19, 21, 22; 2007).

[134] Справедливую критику диссертации Ю. А. Шилова см.: Отрощенко 2001а: 40, 42; 2001б: 9, 10.

[135] За исключением некоторых раннесрубных (предсабатиновского времени) погребений, прежде всего Днепро-Молочанского региона.

[136] Аналогию орнаменту на сосуде см., напр.: Мочалов 2008: 189, рис. 65-а: 1.

[137] Ср.: Колотухин 2003: 20, 51—52, 60; Отрощенко 2004: 163—164; Ляшко и др. 2004: 5—10, 38, 47. Впрочем, выше по течению Днепра единичные покровские погребения известны еще западнее (Горбов, Литвиненко 1998: 74), а рейды соответствующего населения

какие-либо ситуации механически «переносить» на другие регионы (Отрощенко 2001б: 109, 130), но вряд ли есть основания предполагать существенную разницу в хронологических изменениях в комплексах БМСК Крыма, нижнего Поднепровья, юго-западной части Левобережной Украины и, может быть, юго-восточной части Правобережной, с одной стороны, и соседних, в частности, с востока, территорий, — с другой.

В очень интересном стратифицированном кургане 11 у с. Петро-Михайловка в Днепровском Надпорожье только одно погребение БМСК с округлотелым невысоким неорнаментированным горшком занимало раннюю стратиграфическую позицию (рис. 8: 9). Погребения с горшками более высоких пропорций без сколько-нибудь выраженных острых ребер, в т. ч. с одинарными валиками под самыми краями венцов, занимали только поздние позиции (рис. 8: 3—5) [138]. Горшки же с более или менее четко выраженными острыми ребрами сопровождали исключительно ранние погребения, причем неорнаментированный остроребериый — более позднее, чем подобные орнаментированные (рис. 8: 6—8) (Ляшко и др. 2004: 67—71, 154—158). Стратиграфия погребальных комплексов БМСК, а именно, курганов №11 у с. Петро-Михайловка и №6 группы Рясные Могилы (Отрощенко 1977: 14) в Днепровском Надпорожье, в целом отражает те же тенденции, что и стратиграфические колонки погребений этой же культуры в Северо-Восточном Приазовье и Северском Подонцовье [139]. Значит, в восточной части территории распространения поселений сабатиновской культуры, по моему глубокому убеждению, этим поселениям предшествуют срубные погребения. Более того, с каким бы трудом это ни воспринималось, срубные погребения даже сосуществуют с этими поселениями, тем более, что среди последних есть раннесабатиновские [140].

Среди разработок коллегами рассмотренной только что проблемы следует выделить работу В. А. Колотухина (2003: 23—26, 54, 55, 60). Он писал «о более раннем возрасте, по крайней мере, основной массы инвентарных подкурганных погребений Крыма по сравнению с известными нам к настоящему времени поселениями» позднебронзового века (Колотухин 2003: 54, 60). Принципиальное значение имеет сведение об отсутствии на последних в Крыму остроребериых сосудов, аналогичных происходящим из подкурганных погребений, в т. ч. этого полуострова (Колотухин 2003: 55), фрагменты которых изредка встречаются даже на сабатиновских поселениях Поингулья и Северо-Западного Причерноморья (Гершкович 1997: 139). В таком случае, действительно, трудно себе представить сколько-нибудь длительное сосуществование срубников с поселениями сабатиновской культуры в Крыму.

Есть мнение о том, что срубные памятники полуострова характеризуют оба периода развития БМСК, преимущественно поздний (см., напр.: Тощев 2007: 186). Также считается, как упоминалось выше, что комплексы БМСК сосуществовали с различными группами культурно-исторической общности многоваликовой керамики, а позднее (как и в Нижнем Поднепровье) — с памятниками сабатиновской культуры (Тощев 2007). Слияние последних, отразившееся в погребальном обряде и материальном оформлении, также не исключается (Тощев 2007: 194, 215). Дальнейшее развитие в эпоху поздней бронзы, по мнению Г. Н. Тощева, показывает преобладание в Крыму сабатиновской линии (Тощев 2007: 211, 213). Если вспомнить о том, что на полуострове ранний горизонт сабати-

фиксируются вплоть до Верхнего Поднестровья и даже в Нижнем Подунавье (Клочко 2006: 153, 157, 307). Наличие погребений ПСК, пусть немногочисленных, в Днепровском Надпорожье (ср., напр.: Литвиненко 2009б: 19; Цимиданов 2004: 95), Северном Приазовье, возможно, даже в Крыму оснований для поддержки мнений о различии в хронологии срубных древностей Левобережного Днепровского Предстепья и соседних степных регионов, выраженных некогда (Шарафутдинова Э. С. 1990а: 39; Литвиненко 1994: 29), во всяком случае, сколько-нибудь существенном, не дает.

[138] Причем горшок наиболее высоких (правда, с высоко поднятым намечающимся, судя по иллюстрации, ребром), неорнаментированный, напоминающий бабинские корчаги (о последних см., напр.: Литвиненко 1999а) и сосуд из погребения Кырнэцень 7/8, отнесенного к сабатиновской культуре, который, однако, украшен валиком (Агульников, Малюкевич 2010: 176; 177: рис. 2: 1), сопровождал одно из самых поздних срубных погребений (рис. 8: 3).

[139] Не поддаются столь однозначной интерпретации выразительные стратиграфические ситуации, связанные со срубной погребальной посудой Приорелья, расположенного сравнительно недалеко от Надпорожья (Ковалева и др. 1981: 27, 28, 32, 33; 41, рис. 7: 4, 7, 8; 42, рис. 8: 4, 5; 44, рис. 10: 15, 16; 1981б: 78, 80, 84; Ковалева, Волкобой 1978: 34; 40, 43, табл. 3: 4—7).

[140] Более того, В. А. Дергачев в работе, посвященной «изложению результатов простого рабочего эксперимента» — культурологического рассмотрения кельтов и серпов, выразил мнение (надо понимать, также рабочее) о том, что генезис сабатиновской культуры связывается преимущественно с районами Среднего Поднепровья, а также с Порожистой частью Днепра (Дергачев 1997). По поводу раннего этапа сабатиновской культуры в Крыму см. выше.

новской культуры достоверно выявлен лишь на Кировском поселении, то указанные точки зрения В. А. Колотухина и Г. Н. Тощева могут и не противоречить друг другу.

Иногда считается, что на этом памятнике типично срубной керамики больше, чем на других поселениях степной Левобережной Украины (вероятно, имеются в виду относящиеся к сабатиновской культуре. — *Ю. Ч.*), что якобы говорит о наличии срубников в среде последней (Березанская 1990: 84, 114; Колотухин 2003: 8—9). Керамика с восточными чертами в комплексе Кировского поселения присутствует (ср.: Колотухин 2003: 60). Методика исследования и фиксации этого памятника, учета и анализа материала вызвала у некоторых специалистов трудности в культурно-хронологической атрибуции керамики и даже скептическое отношение к мнению о наличии белозерского горизонта на поселении (Черняков и др. 1986а: 52—53). В. А. Колотухин все же выделял соответствующий материал среди добытого там, а также яму белозерского времени (Колотухин 2003: 56). В. В. Отрощенко, отметив наличие на Кировском поселении участков с в основном сабатиновскими и в основном белозерскими материалами и жилищно-хозяйственными комплексами, показал присутствие там белозерского горизонта (Березанская и др. 1986: 123—125, 133—135, 147), на мой взгляд, вполне убедительно. Исходя из сведений В. В. Отрощенко и В. А. Колотухина, происходящими из комплексов белозерского времени этого памятника (Березанская и др. 1986: 123, 147; Колотухин 2003: 56) можно считать два сосуда и часть третьего из тех, которые орнаментированы в восточных традициях (Лесков 1970: 14, рис. 7: 1—3). Среди конкретных экземпляров посуды с Кировского поселения, отнесенных А. М. Лесковым к белозерскому этапу, есть фрагменты сосуда с валиком, расчлененным насечками, выполненными зубчатым штампом (Лесков 1971: 77, 79, 81, рис. 3: 4), т. е. орнаментированным в традициях восточных культур (Горбов 1995б: 89—90). Культурно-хронологическая атрибуция других сосудов, представленных в материалах раскопок первого, орнаментированных в восточных традициях (Лесков 1970: 17, рис. 9: 10, 14; 18, рис. 10: 19; 20, рис. 11: 6, 7; 21, рис. 12: 7, 10; 22, рис. 13: 8; 28, рис. 19: 4), по публикациям не ясна. Так что связь орнаментации некоторых сосудов с Кировского поселения в срубных традициях (см., напр.: Лесков 1970: 17, рис. 9: 10, 14; 21, рис. 12: 10; 22, рис. 13: 8) с сабатиновскими горизонтами проблематична. Вместе с тем, именно белозерский горизонт поселения Златополь дал яркую коллекцию керамики с несколькими аналогиями рассматриваемой орнаментации в восточных традициях, что соответствует особенностям общей этнокультурной ситуации того периода (Гершкович 1998). Это, конечно, не значит, что срубники не жили в Восточном Крыму, скажем, в раннесабатиновское время. Но вряд ли их сосуществование с жителями Кировского поселения сабатиновского периода на небольшом расстоянии от этого поселка было сколько-нибудь длительным. Во всяком случае, соответствующее активное взаимодействие не доказано. По сведениям Я. П. Гершковича, отсутствуют типично срубные образцы посуды на сабатиновских поселениях степного междуречья Молочной и Днепра, отдаленных от последнего и Азовского моря, но там эти памятники изучены гораздо хуже, чем в Крыму, за исключением Новокиевского поселения (Гершкович 1997: 135 и сл.; 2002; Gerškovič 1999: 21—38).

Атрибуция большей частью исследователей, даже с признанием самостоятельной сабатиновской культуры, синхронных ей погребений в степном Поднепровье и в примыкающих регионах, включая Крым, как срубных, в противовес, например, тому, что, в соответствии с многими культурно-хронологическими таблицами, а иногда и с текстами, она в восточной части своего ареала якобы сменяет срубную (Дергачев 1986: рис. 54; Дергачев, Бочкарев 2002: 12, рис. 1; Качалова 1993: 14), на мой взгляд, оправдывается:

— наличием на погребальной посуде даже поздних (в пределах рассматриваемых периодов) форм шнурового орнамента, отсутствующего на погребальной керамике сабатиновской культуры Северо-Западного Причерноморья;

— широкой распространенностью на керамике упомянутых форм в погребениях степного Поднепровья и примыкающих регионов резного (прочерченного) орнамента, не характерного для керамического инвентаря сабатиновских захоронений Северо-Западного Причерноморья, особенно для горшков[141] (учитывая широкое распространение указанных способов орнаментации посуды среди достоверно срубных погребальных комплексов);

— отсутствием в Северо-Восточном Причерноморье погребений со столовой керамикой типа Монтеору IIa-IIb-Бэлинтешть-

[141] Редкие случаи см., напр.: Sava, Agulnikov 2003: 128, fig. 7; 129, fig. 8; Агульников, Малюкевич 2010: 176; 175, рис. 1: 11; ср.: Ванчугов 1993: 35.

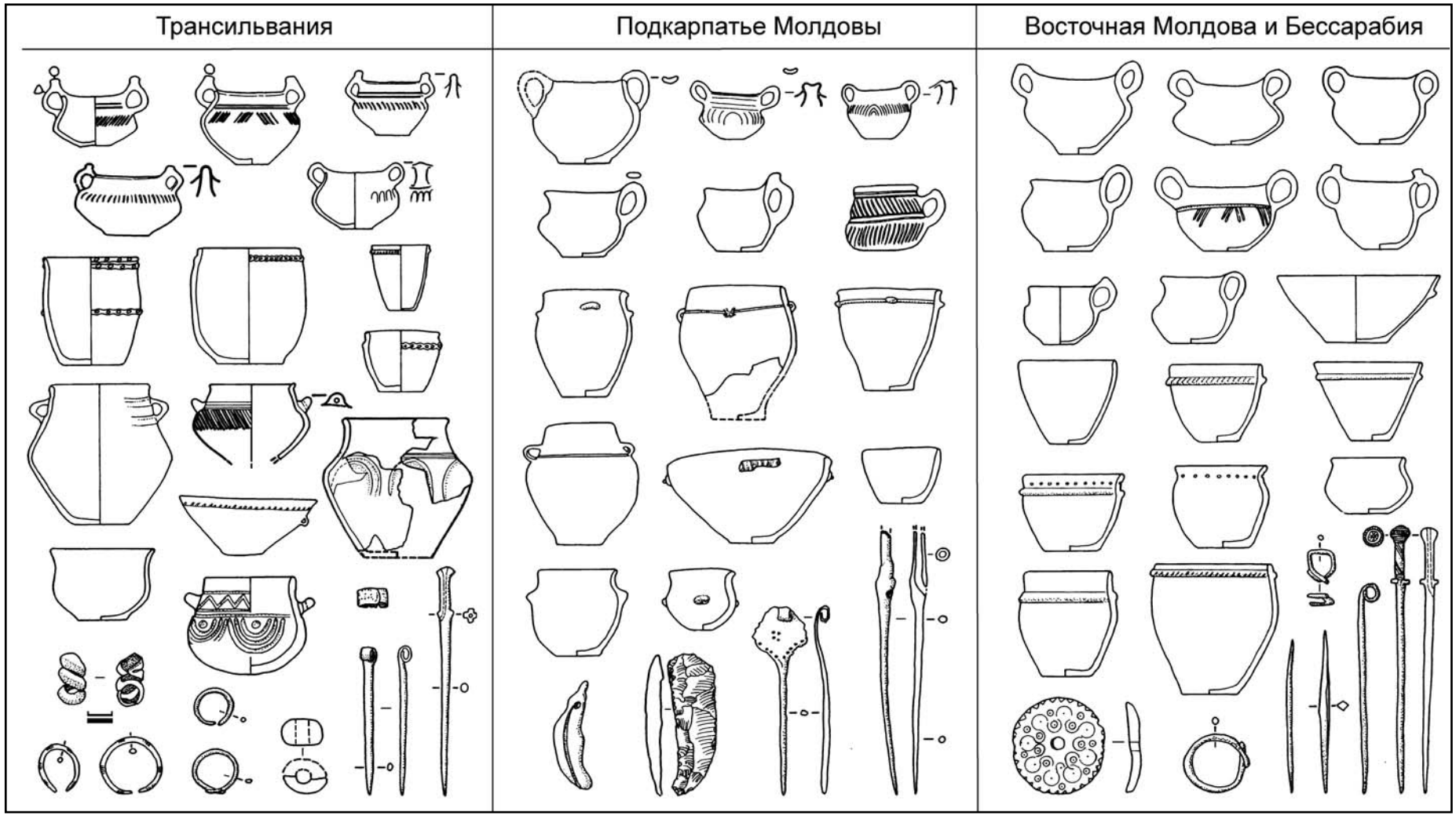

Рис. 9. Основные категории и типы инвентаря, характерные для локальных вариантов культуры Ноуа (по Sava 2002a).

Fig. 9. The main categories of the inventory which are characteristic for the local variants of the Noua culture (after Sava 2002a).

Чойнаж [142]. Сабатиновскими соответствующие погребения последнего из упомянутых регионов можно называть скорее в хронологическом смысле (Шарафутдинова 1975: 13, 24; 1982: 47 и сл.; ср.: Sava 1998: 299, note 24; 303; 2003: 15, 37, 39; Sava, Agulnikov 2003: 114) [143]. Это, конечно, не должно означать отсутствие в восточной части ареала сабатиновской культуры погребений носителей последней (Тощев 2007: 191), но достоверно идентифицировать их там, на мой, в частности, взгляд, пока не представляется возможным (Колотухин 2003: 54—55). Даже в тех погребениях Степного Поднепровья, которые И.Н. Шарафутдинова связала с местной, сабатиновской группой населения, встречаются остроребериые сосуды, характерные для срубных памятников (Березанская и др. 1986: 94). А «сугубо сабатиновской» керамики практически не существует, тем более погребальной (Литвиненко 1991: 133) — в основном кухонной (ср.: Агульников 2002: 176—177; Sava 2003: 27), тождественной (как, впрочем, и большинство поселенческой — ср.: Клюшинцев 1995: 16; Ванчугов и др. 1991: 61) определенным вариантам таковой же позднесрубной посуды (Горбов 1995б: 89—90; Протоколы... 1995: 86). Если и правомерно считать некоторые элементы на отдельных кухонных сосудах со срубных поселений именно сабатиновскими (Гершкович 1998: 69, 72), то первые явно имеют частный характер.

Сторонники полной синхронизации сабатиновской культуры со срубной общностью или с БМСК практически не отреагировали на такие наблюдения оппонентов, как сходство сабатиновских древностей именно с позднесрубными. Но есть все же позиция, с которой, казалось бы, можно возразить против убедительности соответствующего довода в пользу синхронности сабатиновской культуры только поздней части БМСК. В свое время Я.П. Гершкович (1996: 22) предлагал применять термин «предсабатиновский» «не в традиционном значении, а как этап» (пласт срубных памятников), «непосредственно предшествующий началу проникновения на восток сабатиновских элементов» и хронологически соответствующий первому периоду сабатиновской культуры. Позиция С.С. Березанской по поводу времени начала контактов между срубным и сабатиновским населением крайне противоречива (Березанская 1990: 36, 84, 98, 103, 104, 110—114). Если отсутствие свидетельств сабатиновского влияния на восток именно для первого периода сабатиновской культуры (Гершкович 1996: 22, 23; 1998: 66, 69; 2003: 34) можно было бы доказать, то, наверное, это могло бы объяснить указанные выше существенные различия в погребальном инвентаре и некоторых нормах обряда «предсабатиновских» срубных погребений и якобы синхронных захоронений сабатиновской культуры. Теоретически соответствующие нормы могли приобрести сходство позднее, когда упомянутые влияния уже имели место. Однако мне трудно представить, как при нынешней слабой изученности памятников раннего этапа сабатиновской культуры и их специфики, по сравнению с более поздними однокультурными и особенно с синхронными срубными, по отсутствию сабатиновских черт в каком бы то ни было слое (горизонте) срубного поселения определить, какому периоду сабатиновской культуры это хронологически соответствует. Также непонятно, как определить, в какой период сабатиновской культуры началось ее влияние на срубные древности при появлении соответствующих свидетельств на каком бы то ни было этапе первых. Можно ли по той или иной численности западных или гибридных черт в срубных древностях достоверно определить, с какого именно периода сабатиновской культуры началось ее воздействие на последние (Гершкович 1998: 69)? Если считать какую-то посуду характерной именно для позднего периода сабатиновской культуры, то аналогии ей появляются на срубных памятниках в достаточно позднем горизонте последних и, со-

---

[142] Может быть, исключением является погребение кургана №9 у с. Орехово с сосудом, как мне кажется (судя по иллюстрациям), монтеоровского (см. также: Черняков 1996: 61—62) облика (Телегін та ін. 1984: 50—52; 51, рис. 6; Березанская, Чередниченко 1985: 464—465, рис. 125).

[143] Если же, к примеру, Г.Н. Тощев относит некоторые погребения в Крыму к сабатиновской культуре (2007: 191—193; рис. 100: 15—19) на основании наличия одинарных валиков под самыми краями венчиков сопровождающих первые сосудов, то такая керамика встречается и в срубных захоронениях предсабатиновского и сабатиновского (а может быть, также и белозерского) времени (Литвиненко 1999б; Цимиданов 2004: 94—95, 110; Полидович, Цимиданов 1994: 45, 46), а также в бабинских (см., напр.: Тощев 1986б: 215, рис. 29: 7—10; ср., напр.: Березанская 1990: 79—81, 112, 114). Настораживает относительная редкость в степном Поднепровье и примыкающих регионах безынвентарных погребений сабатиновского времени, столь характерных для одноименной культуры в Северо-Западном Причерноморье. Возможно, имеют место, в частности, разные научные традиции, в соответствии с которыми скорченные безынвентарные погребения без выразительного стратиграфического контекста в последнем из упомянутых регионов чаще относят к сабатиновским, а в более восточных — обычно к бабинским.

ответственно, на сравнительно позднем этапе срубно-сабатиновских связей (Гершкович 1997: 143; 1998: 72) и, на мой взгляд, не могут помочь установить, к какому периоду сабатиновской культуры относится начало влияния последней на восток. Показательно, что II горизонт срубных поселений Северо-Восточного Приазовья автор раскопок сначала соотносил с развитой сабатиновкой (Горбов, Привалова 1989: 37; см. также: Гершкович 1998: 66), потом — с так называемым I сабатиновским горизонтом Ильичевки (Горбов 1991: 119), затем датировал, не всегда вполне уверенно, предсабатиновским (по всей видимости, в традиционном понимании) временем (Горбов 1993: 90; 1994б: 71; 1995а: 54; 1996б: 14; 1997а: 150; 2001: 151). После самого начала 90-х гг. В. Н. Горбов уже больше не рискует какой бы то ни было горизонт памятников Восточного Надазовья синхронизировать с ранним этапом сабатиновской культуры (ср.: Гершкович 1996: 22; 1998: 66). При этом в работах В. Н. Горбова не ощущается сколько-нибудь существенных трудностей с датировкой I горизонта срубных древностей региона (безусловно, досабатиновским временем), как в только что приведенных, так и в других исследованиях (Горбов 1992; 1994в; 1996а; 2000; 2001; Чубатенко, Горбов 1994; Герасименко, Горбов 1996; ср.: Гершкович 1998: 66, 84).

Как можно объяснить отсутствие именно на раннем этапе сабатиновской культуры ее влияния на восток, если, по мнению Я. П. Гершковича, Подонцовье и Северо-Восточное Приазовье всегда были открыты для западных (в эпоху поздней бронзы — сабатиновских) влияний, а «подоснова срубно-сабатиновских контактов была заложена еще в непосредственно предшествующем этим культурам периоде» (Гершкович 1998: 66)? Предположительно исследователь отчасти объясняет не очень интенсивный на первых этапах характер контактов срубной и сабатиновской культур в Нижнем Поднепровье — Северо-Восточном Приазовье — Подонцовье неираноязычной принадлежностью сабатиновцев, в отличие от срубников (Гершкович 1998: 61, 89). Но даже если согласиться с этим, то почему это не помешало более значительному, по мнению того же археолога, проникновению срубных элементов на запад, фиксирующихся на поселениях сабатиновской культуры, начиная с ее раннего этапа (Гершкович 1996: 23; 1997; 1998: 66 и сл.; 2002: 85; Geršković 1999: 58—59 ff.)? И так ли сильно отличалась ситуация с языковыми особенностями населения тех же территорий в предшествующий период установления, по мнению Я. П. Гершковича, связей между ними, а также между более отдаленными друг от друга областями (Гершкович 1998: 66)? Фиксируются и черты сабатиновских влияний в погребениях БМСК, но только ее второго периода (Отрощенко 2001б: 126—127). Наконец, даже если согласиться с отсутствием влияния сабатиновской культуры на восток на ее первом этапе, то это еще могло бы объяснить существенные отличия инвентаря и некоторых норм обряда якобы синхронных части ее погребений и захоронений БМСК первого периода, локализованных за пределами, но никак не в пределах ареала сабатиновской культуры.

Непосредственное предшествование сабатиновской культуре на части ее территории, а затем и сосуществование с ней погребений бережновско-маевской срубной культуры, по моему мнению, делают нереальным отсутствие всяких генетических связей между этими культурами. Я разделяю системный подход к проблемам культурогенеза. Следует учитывать и постепенные миграции с востока на протяжении длительного времени (Sava 2002a: 222—223 ff.), если в полном смысле единую культурно-генетическую среду реципиентов (Сава 1994: 29; Sava 2002a: 222 ff.; Колев 2000: 252) и не создавшие, то, во всяком случае, способствовавшие сближению населения и культур [144].

Также не следует забывать о наличии далекого общего предка сабатиновской культуры и срубной культурно-исторической общности (Черняков 1985: 16, 82) или даже населения позднего бронзового века лесостепи и степи от Восточных Карпат до Поволжья, но особенно степной зоны Северного Причерноморья (Сава 1994: 29; Sava 1998: 302—303; 2002a: 11), об участии покровской срубной культуры в формировании бережновско-маевской. Однако не случайно, на мой взгляд, ставится вопрос (на материалах Крыма) о непосредственном участии в сложении сабатиновской культуры именно БМСК (Тощев 2007: 211). Полагаю, далеко не последнее значение имеет здесь сходство погребального обряда этих культур и отличия последнего от погребальных норм ПСК.

[144] Так, об определенной близости по тем или иным причинам культур многоваликовой керамики, абашевской и памятников синташтинского типа, а также племен КМК и срубных (в т. ч. покровских), ряда черт позднеполтавкинской керамики и некоторых форм многоваликовой см., напр.: Братченко 1977: 16; Березанская и др. 1986: 37, 43, 46; Васильев и др. 1995: 36—37; Синюк, Козмирчук 1995: 62, 64—66; Шарафутдинова 1995в: 124; Кузнецов, Семенова 2000: 134.

Немаловажным для проблем культурогенеза является вопрос о происхождении керамического комплекса, в т. ч., конечно, и сабатиновского (Гершкович 1997; 1998: 66; Gerškovič 1999: 74 ff.; Sava 1998: 279—292). Но сходная между собой сабатиновская и срубная, особенно позднесрубная [145], кухонная посуда связана фактически с «горшечно-баночной» традицией (Gerškovič 1999: 77), как и аналогичная керамика культур Ноуа и Кослоджень (Сава, Кайзер 2011: 234—235). Поэтому можно лишь говорить о примерах сосудов заведомо сходных форм, в т. ч. горшков (на примеры которых здесь и подобраны ссылки), на срубных (Ромашко 2013: 214—215), вплоть до покровских раннесрубных погребений лесостепного Волго-Уралья и части более западных ранних захоронений (Шарафутдинова 2000: 103; Мочалов 2005: 120, 125, рис. 2: Г-I; ср.: Березанская 1990: 79—81, 84), и сабатиновских (Sava 1998: 279 ff.; Ромашко 2013: 215) памятниках, как, впрочем, и на бабинских (Субботин 2013: 287, рис. 67: 1, 6, 7; ср.: Березанская 1990: 112), каменско-планерских (Гершкович 1997: 139, 141, 142), культуры Ноуа (Sava 1998: 279 ff.), в погребениях лолинской культуры (Мимоход 2013: 14, 17, 18) [146], в комплексах малоловецкого горизонта Среднего Поднепровья (Лисенко 2002: 166 и сл.) и т. д. (рис. 2: 19, 21, 22, 24; 4: 3—8, 10, 12—15, 17, 18, 20; 5: 6—16; 7; 8: 1, 2, 4, 5, 9; 9), в тех или иных количествах (Гершкович 1998: 66, 69, 72; 2003: 33[147]). Некоторые горшки могут считаться промежуточными между предсабатиновскими срубными и типичными как сабатиновскими (Колотухин 2003: 54; 86, рис. 19: 9; ср.: Гершкович 1997: 125, 137; Gerškovič 1999: 75, 77), так и позднесрубными. В западном происхождении сабатиновской столовой посуды сомнений нет, но сходство материальной культуры можно объяснять по-разному.

Проблема происхождения погребального обряда сабатиновской культуры, которую, кстати, некогда обошел А. М. Лесков, состоит, в частности, в сходстве погребений последней не только с бережновско-маевскими, в т. ч. предсабатиновского времени, но и с бабинскими (Колотухин 2003: 10), в основном поздними. Есть мнения о стадиальном характере распространенного на очень широкой территории Евразии [148] удивительно простого и единообразного (Бочкарев 1982: 21) или даже единого (Дремов 2000: 124) обряда подкурганных захоронений в ямах со скорченными на боку костяками с ориентацией в восточном полукруге (Литвиненко 1991: 132). С точки зрения Р. А. Литвиненко, это проявление общей тенденции позднебронзового века (Литвиненко 2009а: 75), а по мнению И. И. Дремова, — даже первой мировой (условно — протоарийской) религии (Дремов 2000: 124). Конечно, это не должно давать повод для отрицания того, что сабатиновское население унаследовало этот обряд от носителей традиций ДПБК (Литвиненко 2009а: 75). Даже признание эпицентра распространения того же обряда в пределах восточных по отношению к Северному Причерноморью территорий не может аннулировать выводы о местных корнях в сложении культур, носители которых этот обряд практиковали (Gerškovič 1998: 323; 1999: 46).

Тем не менее, немаловажно то, что набор ранее упомянутых признаков появился не сра-

[145] Сравнения предшествовавшей срубной керамики и посуды сабатиновской культуры см., напр.: Горбов 1993: 90—91; Гершкович 1997: 139; Gerškovič 1998: 320; 1999: 75, 77; Колотухин 2003: 54, 55, 60. Но ведь, как это отчасти отражено выше, в целом от первой довольно заметно отличается и позднесрубная керамика (см., напр.: Березанская и др. 1986: 63—65, 81; Березанская 1990: 10—11 и сл.; Горбов 1991; 1993; 1995а; 1995б; Горбов, Усачук 1993; Усачук, Горбов 1990; Кабанова 1996; Берестнев 2001: 100—105, 108—116; Отрощенко 2002: 19, 24), хотя и в несколько меньшей степени, чем сабатиновская (рис. 2; 4; 7; 8).

[146] Последняя стала, по мнению Р. А. Мимохода, «генетической подосновой распространения на территории Центральной Калмыкии и Ставрополья местного варианта бережновско-маевской срубной культуры» (2013: 22).

[147] При подобном сходстве (для сабатиновского (в особенности) времени — не только отдельных сосудов или типов, но и комплексов кухонной посуды в целом) далеко не всегда можно обозначить конкретную зону первичного сосредоточения общих черт керамики, т. е. однозначно связать последнее с памятниками культуры сабатиновской или Ноуа (Гершкович 2003: 33) либо срубными, а для предшествующего времени (касательно и прототипов упомянутых черт) — с бабинскими, каменско-планерскими или срубными памятниками. В случае признания полной синхронности сабатиновской культуры и СКИО логично было бы говорить именно о бабинском, а на части Крыма — возможно, о каменско-планерском, т. е. в обоих случаях — о посткатакомбном, истоке, например, сабатиновских банок. Но в ситуации, когда на части территории Левобережной Украины сабатиновским древностям непосредственно предшествовали не бабинские, а срубные, среди которых банок тоже предостаточно, соответствующий вопрос не решается столь однозначно. Кроме того, среди признаков срубного воздействия на бабинскую обрядность иногда называют «возрастание процента баночных форм» в бабинских погребениях (Субботин 2013: 291).

[148] Кстати, эта территория пределами евразийской металлургической провинции (Бочкарев 1995б: 123) не ограничивается.

зу на всем пространстве, на котором потом распространился. Базовая обрядовая группа бабинских погребений только днепро-бугского лесостепного варианта ДПБК, по мнению Р. А. Литвиненко, на всем протяжении его существования характеризуется восточной ориентировкой скелетов, лежащих на левом боку, с согнутыми в локтях под острым углом обеими руками (Литвиненко 2009б: 14—15, 25 [149]; ср., напр.: Лисенко 2001). Но широкое распространение набора элементов погребального обряда, характерного, помимо прочих, для сабатиновской культуры, среди носителей культур круга Бабино [150] и в синкретических, КМК — срубных, погребениях исследователи связали с взаимодействием (скрещиванием) культуры многоваликовой керамики со срубной или даже слиянием с бабинским населением срубников, мигрировавших с востока [151]. Среди последних были и довольно активные носители бережновского типа раннесрубной культуры (Берестнев 1997; 2001: 100—104 и сл.) [152]. С этим типом в Поволжье, в частности, В. В. Отрощенко связывает древнейшее звено и собственную линию развития обряда с восточной ориентировкой умерших (1993: 82; 2001б: 124; ср.: Юдин, Матюхин 2006: 66).

Не углубляясь в дискуссию о культурно-хронологическом соотношении бережновских и покровских (срубных и покровских) памятников, чему посвящена обширная литература, констатирую здесь свое мнение об убедительности соответствующих данных стратиграфии, свидетельствующих о различной последовательности совершения погребений соответствующей эпохи с восточной и северной ориентировками (Качалова 1979: 33, 35; 30—31, рис. 2; 38, рис. 5), о предшествовании раннесрубного погребения бережновского типа классическому срубному захоронению (Потапов, Шеф 2011: 173 и сл., рис. 2: 1). Среди раннесрубных памятников Нижнего Поволжья исследователи выделяют и могильники смешанного типа со слабо выраженными, по мнению этих археологов, покровскими проявлениями, в состав которых могут входить объекты как с покровскими чертами, так и без таковых (Юдин, Матюхин 2006: 68, 70—73 [153]). Есть основание для синхронизации поселения бережновского типа раннесрубной культуры Сухая Мечетка IV (Мыськов 1991: 154—156) с такими комплексами срубной архаики конца первого этапа покровской срубной культуры, по В. В. Отрощенко, как землянка 5 поселения у хут. Ляпичева и жилище №2 Ильичевского поселения (Горбов 1992: 101; 1994в: 16; 2001: 148, 150). Поэтому версия о частичном сосуществовании и взаимодействии, в частности, в восточноукраинской лесостепи, населения, оставившего памятники, в той или иной мере соответствующие древнейшим первой из указанных в этом абзаце групп, с бабинским (Берестнев 2001: 69 и сл. [154]; 1997; Ковалева 1981а: 76) представляется относительно достоверной.

[149] Причем к этой обрядовой группе, начиная со II этапа, прибавлялись дополнительные.

[150] Это произошло в относительно позднее время, особенно широкое распространение восточной ориентировки и сильной скорченности костяков (Шарафутдинова 1995в: 126—130; Литвиненко 2000б: 83; 2002: 82—83; 2009б: 12—15, 26).

[151] Учитывая важность этой точки зрения, ныне, к сожалению, теряющей популярность, подробно привожу всю замеченную мною соответствующую библиографию: Шарафутдинова 1975: 21, 24; 1982: 54, 56, 65, 105, 142, 150—151, 157; Горлач 1979: 61; Ковалева 1981а: 19—20, 42, 77; Ковальова, Волкобой 1976: 18, 19, 21; Елисеев, Клюшинцев 1982: 76, 77; Братченко 1985б: 453; Привалов 1989: 32; Савва 1992: 157, 158; Sava 1998: 302; Алексеев и др. 1993: 64; Субботин 2013: 291. О подобном взаимодействии см. также, напр.: Шилов 1982: 21. Упомянутая миграция по времени приблизительно соответствует вышеуказанному (Литвиненко 2009а: 74—75).

[152] Предложена схема, не предусматривающая так называемой второй волны проникновения из Поволжья в Подонцовье носителей абашевских или покровских традиций (см., напр.: Братченко, Гершкович 2003: 274—275; Гершкович 2005: 178—179), но не затрагивающая вопроса о происхождении памятников бережновского типа раннесрубной культуры на территории Восточной Украины.

[153] Эти комплексы содержат одновременные или хронологически близкие захоронения — в одном кургане только основных (количественно преобладающих) погребений (Дремов 2011) может быть несколько десятков. Правда, я бы скорее согласился с отнесением могильников Кочетное и Золотая Гора к покровским, учитывая присущие первым соответствующие признаки (Юдин, Матюхин 2006: 68; Малов 2007: 42; 2012: 97; Лопатин 2010: 101, 226—227; Дергачев, Бочкарев 2002: 41) и немногочисленность погребений с восточной ориентировкой и остроребериых сосудов, особенно богато орнаментированных, при наличии бережновских проявлений (ср., напр: Юдин, Матюхин 2006: 68, 70—72; Юдин 2010: 346, 353). Но в контексте рассматриваемой проблематики важны свидетельства взаимодействия соответствующих синхронных традиций (линий развития). «В одном погребении может присутствовать покровская, покровско-абашевская и срубная керамика»,— пишет Н. М. Малов, связывая это, правда, с культурной трансформацией, отраженной в комплексах покровско-срубной нижневолжской стадии (Малов 2012: 96—98).

[154] Из рассмотренных примеров стратиграфического приоритета погребений 3-й обрядовой группы перед бабинскими считаю убедительным (судя по тексту и приведенным иллюстрациям лишь непосредственно

С. И. Берестнев относит лишь немногочисленные погребения восточноукраинской лесостепи с восточной ориентировкой умерших к «общности многоваликовой керамики», да и там последние уложены на правый бок (Берестнев 2001: 63—64)[155]. Но, учитывая устоявшуюся концепцию о вытеснении срубниками (или носителями абашевско-покровских традиций, для раннего этапа — доно-волжской абашевской культуры) значительной части бабинского населения в западном направлении, подобная ситуация в периферийных районах ареала ДДБК (Литвиненко 2009а: 71—73; 2011: 173), на мой взгляд, не противоречит предположению о связи широкого распространения, по крайней мере, той же ориентировки в основной части ареала культур круга Бабино с взаимодействием с бабинским населением рассматривавшегося выше бережновского[156]. «Трансформация... в сторону приземистости» бабинских сосудов, имеющих разве что «остаток традиционного ребра» (Шарафутдинова 1995в: 127, 130, 131, рис. 4: 3, 6, 8—10), вероятно, также могла быть связана с воздействием срубников[157]. Ведь для раннесрубной керамики с корпусами, более или менее близкими к биконическим, которая была более широко распространена на памятниках бережновского типа, характерны в основном невысокие пропорции. Как следует, в частности, из вышеизложенного, «изменение... в сторону упрощения формы и орнаментации» бабинских сосудов (Шарафутдинова 1995б: 131) опережало таковое же у срубных. Керамика, представляющая конечное звено в цепи указанных изменений, сопровождала также сабатиновские и позднесрубные погребения (Савва 1992: 51—53, 115—116; 35, рис. 8: VI, VII), о чем уже упоминалось выше.

В сабатиновскую культуру трансформировалась ДПБК, обогащенная компонентами БМСК I периода, в т. ч. маевского варианта (с поправками на нынешние термины см.: Братченко 1977: 16; Шарафутдинова 1975: 21, 24; 1982: 54, 56 и сл.; Савва 1992: 157; Sava 1998: 301—302, 305; 2003: 47). Это, на мой взгляд, выражается, в частности, в наличии в поздних бабинских погребениях, в т. ч. с восточной ориентировкой, сосудов с более или менее четко выраженными острыми ребрами невысоких, в отличие от характерной бабинской керамики с такими ребрами[158], пропорций, характерных для срубных остроребериых сосудов, причем иногда с валиками: двумя (Тощев 1986б: 210, 224, рис. 24: 4, 6; 2007: 169; 168, рис. 88: 7, 8[159]) или, судя по нечеткой фотографии (Шарафутдинова 1982: 56, рис. 19: 5), одним (Отрощенко 2004: 167[160]; ср.: Шарафутдинова 1982: 144—145,

комплексов) соответствующее мнение только по поводу кургана 1 группы «А» у с. Красная Гусаровка.

[155] Возможное отнесение к бабинским некоторых погребений с восточной ориентировкой умерших, уложенных на левый бок, вряд ли существенно увеличит количество захоронений соответствующей культурной принадлежности с этой ориентировкой в указанном регионе. С. И. Берестневу известен лишь один случай прямой стратиграфии бабинских погребений разных обрядовых групп в восточноукраинской лесостепи: наиболее позднее из первых — с восточной ориентировкой костяка (Берестнев 2001: 63—65). Зато свидетельствами взаимодействия бабинского и бережновского населения является наличие в бабинских захоронениях керамики, в которой как минимум в системе орнаментации отражена срубная специфика, причем, учитывая раннесрубное время (Берестнев 2001: 69, 155; 210, рис. 51: 4—7; 212, рис. 53: 1, 2) (в узком смысле (Лєсков 1971: 406—407), т. е. раньше срубной «классики»),— скорее бережновская (аналогии см., напр.: Мыськов 1991), чем покровская (Малов 1992: 149; Отрощенко 2001б). Во всяком случае, мне неизвестно такого, чтобы крайне малочисленные срубные погребения с южной или западной ориентировкой костяков (Памятники срубной культуры... 1993: 23, 53, 57, 65) сопровождались керамикой, подобной только что рассмотренной.

[156] Конечно, нельзя полностью исключать связи того же распространения с носителями днепро-бугского лесостепного варианта ДПБК. Впрочем, некоторые исследователи сочли возможным выводить обряд бабинских и сабатиновских погребений Северо-Западного Причерноморья, за исключением восточной ориентировки умерших, а также некоторые формы керамики из соответствующих элементов местных культур (см., напр.: Дергачев 1986: 140—142, 185; Шмаглий, Черняков 1970: 97—99 и сл.; Черняков 1985: 81, 82, 143, 144).

[157] В понимании Е. Н. Сава — «увеличение процента сосудов баночных форм», в частности, типа VII (Савва 1992: 34—36, 157), в соответствии с данным контекстом.

[158] Кроме разве что бесшейной (Рижов та ін. 2002: 151; 170, рис. 10: 4, 12; Братченко 2006: 225), а также некоторых весьма своеобразных сосудов (Ковалева и др. 1981: 23; 39, рис. 5: 6).

[159] Ср. датировку и см. по поводу культурной атрибуции данного комплекса: Колотухин 1988: 12; 1990: 96—97, 105—106; 1996: 52—53; Тощев 2007: 193.

[160] Отнесение выделяющегося среди бабинских и отличающегося от типичных захоронений БМСК сравнительно богатым набором инвентаря погребения Кичкас А 26/3, в котором, на мой взгляд, проявление именно ее признаков сводится лишь к упомянутому мною, в отличие от бабинских черт, указанных, в частности, В. В. Отрощенко, к первой я не разделяю. К точке зрения о существовании бабинских длинных курганов и соответствующих досыпок (Шарафутдинова 1982: 56; Литвиненко 1992б: 146; 2009а; 2009б; 2009в; 2010; Макаревич 2007; 2009; 2010; Мельник, Стеблина 2012) не так давно присоединился и В. В. Отрощенко (Отрощенко та ін. 2008: 295). Нож, по форме клинка

рис. 58: 86; Братченко 1971: 337, рис. 94) [161]. Такие горшки с одинарными валиками встречаются и в позднесрубных погребениях (см., напр.: Плешивенко 1995: 156; 150, рис. 3: 5), а аналогичные сосуды, но без орнамента — в срубных захоронениях разного времени (в поздних — реже) (Литвиненко 1999б: 14, 15; 8, рис. 4: 5, 6; 9, рис. 5: 11; 20, рис. 13), изредка — в погребениях сабатиновской культуры (см., напр.: Ванчугов 2000: 49; 43, рис. 1: 11). Подостроребериые же сосуды низких пропорций, подобные двухваликовому, сопровождавшему погребение Кичкас А 26/3 (Шарафутдинова 1982: 56, рис. 19: 3; 144—145, рис. 58: 84), но с одинарными валиками не часто, но встречаются в срубных и, что особенно важно для анализируемой проблемы, в сабатиновских (Ванчугов 2000: 49; 48, рис. 3: 10; ср.: Субботин 2013: 288; 287, рис. 67: 3) погребениях. В смысле вышеизложенного, позднебабинские комплексы с подобными сосудами можно также считать как бы промежуточными между срубно-бабинскими («смешанными») и позднесрубно-сабатиновскими (в определенной мере едиными), т. е. предсабатиновскими (Шарафутдинова 1982: 142; Колотухин 1988: 12; 1990: 105—106; 1996: 52—53) не только в хронологическом плане.

Интересно, что инвентарные (т. е. наиболее достоверные) погребения сабатиновской культуры по характерной степени скорченности костяков (средней, но приближающейся к сильной, и сильной) как будто бы ближе к захоронениям БМСК I периода, во всяком случае, II стратиграфического горизонта срубных погребений Восточного Надазовья, чем к поздним погребальным памятникам днестровско-прутского и днепро-днестровского вариантов ДПБК (Левицкий 1995: 164—165; Литвиненко 1999б: 15, 20; 2009б: 8, 13—14; Ванчугов 2013: 304; ср., напр.: Sava, Agulnikov 2003: 113, 121; 119, fig. 2: 4). Это позволяет ставить вопрос и о непосредственном вкладе БМСК в сложение сабатиновской культуры (ср.: Ванчугов 2000: 47—48).

Еще более важным в этом плане представляется следующее. Сабатиновская культура унаследовала в основном обычай восточной ориентировки погребенных, характерный как для поздних бабинских погребений, так и для БМСК, и практически не переняла традицию южной ориентировки (Черняков 1985: 136; Ванчугов 1999: 61; Sava, Agulnikov 2003: 122, fig. 3: 2; ср.: Савва 1992: 49—52; Агульников 2004а: 7). Последняя, справедливо включенная в число «восточных» для культуры Ноуа традиций (Sava 2002a), в предсабатиновское время была характерной в основном для днепро-днестровского локального варианта днепро-прутской бабинской культуры, наряду с восточной ориентировкой (Литвиненко 2009б: 13—15 и сл.; 2009в: 143), считающегося базовым субстратом в формировании сабатиновской культуры (Литвиненко 2009а: 75—76). В то же время, южная ориентировка не характерна для срубных погребений (Отрощенко 2002: 12, 16, 19, 26, 32). Культура Ноуа унаследовала же, в частности, как восточную ориентировку, так и южную (Sava 2002a: 135—140 ff.) [162]. Здесь явно сказалась роль именно БМСК в формировании сабатиновской культуры, несравненно большая, чем в становлении культуры Ноуа, для которой основным из восточных генетических компонентов был бабинский (Каврук 1988: 12, 17; Cavruc 1990). Непосредственный вклад БМСК в сложение сабатиновской культуры особенно реален для той части территории Левобережной Украины, где ранние погребения БМСК, а не поздние бабинские памятники непосредственно предшествовали поселениям сабатиновской культуры (ср., напр. Gerškovič 1999: 75, 77, 85, 90—92). Но в силу невозможности идентифицировать там погребения последней, отсутствия срубных поселений предсабатиновского, в частности, времени, трудностей культурологического сопоставления поселенческих и погребальных памятников и определенного сходства погребальных комплексов раннего периода БМСК с поздними бабинскими рассмотреть это конкретно я не вижу возможностей.

В результате тесного и сложного взаимодействия БМСК и ДПБК не только произошла трансформация последней в сабатиновскую культуру, но и первая изменилась настолько, что, например, Ю. И. Колев отказывает позднесрубным памятникам в праве на существование даже в западной части ареала СКИО, относя соответствующие комплексы, вклю-

аналогичный сопровождавшему рассматриваемое погребение (Шарафутдинова 1982: 56, рис. 19: 1; 144—145, рис. 58: 87), найден в позднем бабинском погребении Куконештий Векь 9/28 (Савва 1992: 46—47, 138, 145; 51, рис. 14: 39; 137, рис. 60: 1) (рис. 2: 39).

[161] Другой пример — орнамент в виде крестов на упоминавшемся выше сосуде из бабинского погребения Нерушай 9/61 — типично срубный.

[162] Учитывается то, что участие Днепро-Днестровского варианта ДПБК в генезисе культуры Ноуа, хоть и меньшее, чем Днестровско-Прутского, к которому относятся и редкие для позднего этапа погребения с южной ориентировкой костяков (Литвиненко 2009б: 14), не отрицается (Литвиненко 2009а: 76).

чая материалы Лобойковского очага металлообработки, а также некоторые другие, относимые другими исследователями чаще всего к сабатиновской и/или белозерской культуре, к ивановской культуре (Колев 2000: 251—253; 2008: 210 и сл.; ср., напр.: Отрощенко 2002: 26; Ромашко 2013: 32—33, 222). Для анализируемой проблемы, однако, важнее довольно высокая степень близости, проявляющаяся, прежде всего, в синхронных погребальных памятниках сабатиновской и бережновско-маевской срубной культур (см. выше), явившаяся в значительной мере результатом предшествующего тесного взаимодействия ДПБК и БМСК. Именно в этом я вижу главную сущность генетического родства сабатиновской и бережновско-маевской срубной культур. Вероятно, соответствующее сходство их памятников даже побудило Н.Н. Чередниченко к отнесению последних, вплоть до Дона, к сабатиновской культуре или, учитывая все же наличие неоднородности, к двум культурам: западносабатиновской и восточносабатиновской (Чередниченко 1997: 29 [163]; предпосылки такого подхода см.: Березанская и др. 1986: 50 и сл.). Различия между срубными древностями, даже Южной Украины, или памятниками левобережной группы, по Н.Н. Чередниченко (1997: 29), и собственно сабатиновскими все же имеются (Горбов 1995а). Так, единичность грунтовых могильников сабатиновской культуры (Шарафутдинова 1968: 22, 33; Агульников 2008; 2001), если вообще признавать наличие таковых (Sava 2003: 37; Sava, Agulnikov 2003: 120), отличает ее и от срубной культурно-исторической общности, и от культуры Ноуа (ср., напр.: Шарафутдинова 1968: 33; Лесков 1970: 50). Да и вряд ли поздние [164] из упомянутых срубных памятников, не говоря уже о ранних, больше отличаются от синхронных однокультурных, расположенных восточнее Дона [165], чем от собственно сабатиновской культуры (Отрощенко 1994а; 2001б; 2002; 2009а: 71, 72).

Данные антропологии по анализируемой проблематике нельзя считать окончательными, тем более, что еще не так давно С.П. Сегеда писал, что антропологический состав носителей сабатиновской культуры не выяснен (Толочко та ін. 2000: 260). По мнению исследователя, антропологический состав населения середины II тысячелетия до н.э. и ближайших следующих столетий от Днестра до Урала (в понимании С.П. Сегеды, срубного) был довольно однородным (ср.: Круц 1997: 539) и по многим признакам занимает промежуточное положение между антропологическими характеристиками местного населения КМК и срубников Поволжья [166] с преобладанием на определенных территориях того или иного из указанных компонентов, что говорит о соответствующих взаимодействии и результате (Толочко та ін. 2000: 260; Сегеда 2005: 318; см. также: Круц 1984: 92; 1985: 533; 1997: 539). По сведениям С.И. Круц, обработавшей антропологические материалы Степного Приднепровья, причем срубные — только Левобережного (Круц 1997: 538), последние ближе к срубной антропологической серии Среднего Поволжья, чем Нижнего (Круц 1984: 92). Мне неизвестна представительность выборки антропологического материала эпохи поздней бронзы Буго-Днестровского междуречья и Побужья. Но, по сведениям И.Н. Шарафутдиновой, какие-то материалы погребений этого времени из Одесской и Николаевской областей (причем не бабинских) в распоряжении антропологов были (Шарафутдинова 1982: 83).

Итак, не может быть речи о перерастании какой-либо из срубных культур в сабатиновскую, как и культуры Монтеору. Срубные древности, сами демонстрирующие как минимум две линии развития (Отрощенко 2009а: 72), основным генетическим ядром сабатиновской культуры, на мой взгляд, не являются, как и западные культуры. В отличие от этих срубных линий, ни одну из которых основной для генезиса сабатиновской культуры (Шарафутдинова 1991: 194), с моей, в част-

---

[163] Утверждение об отсутствии в степном регионе Северного Причерноморья поселений с остроребериой керамикой (аргумент для «исключения» из этого региона срубной культуры) не соответствует действительности (см. о таких, напр.: Кривцова-Гракова 1955: 100, 110; Граков 1977: 120—121; Горбов, Привалова 1989: 36—38). Наличие в степи «отдельных погребений с остроребериыми сосудами» для Н.Н. Чередниченко «не является показателем распространения на этой территории самой срубной культуры»; они, надо полагать, были включены в число памятников «сабатиновской культуры, начало которых синхронно раннесрубным» (Чередниченко 1997: 29). Но в Северо-Восточном Причерноморье такие погребения далеко не «отдельные».

[164] В соответствующее время срубные грунтовые могильники были более широко распространены, чем в предшествующее (Березанская, Чередниченко 1985: 467; Березанская и др. 1986: 76; Шарафутдинова 1997: 37).

[165] Впрочем, Н.Н. Чередниченко считал срубные поселения Поволжья и Среднего Дона только ранними (Березанская и др. 1986: 81).

[166] Как я понимаю, синхронных последней, в отличие от антропологически однородных на огромной территории поздних.

ности, точки зрения, назвать нельзя, как и сводить таковой по преимуществу к Волго-Уральскому очагу культурогенеза [167], можно также выделить, скажем, днепро-прутско-сабатиновскую (ср., напр.: Отрощенко 2001б: 163; Литвиненко 2009б: 19, 25), переплетавшуюся, однако, с линией развития степной (классической) срубной культуры, в понимании В. В. Отрощенко (2009а: 72). Относительно немногочисленные среди срубных мигрантов носители бережновского типа раннесрубной культуры, вероятно, способствовали широкому распространению в культурах круга Бабино норм погребального обряда, которые были характерны для бережновско-маевской срубной и сабатиновской культур, во всяком случае, восточной ориентировки погребенных — почти наверняка.

Большое значение имело сближение ДПБК с БМСК. Степные локальные варианты ДПБК трансформировались в сабатиновскую культуру, будучи обогащенными компонентом БМСК, а последняя заметно видоизменилась под влиянием первой. Результатом была впечатляющая близость бережновско-маевской срубной (прежде всего, второго периода) и сабатиновской культур, особенно их погребальных памятников. В этом, собственно говоря, и состоит генетическое родство указанных культур. Можно констатировать процесс их сближения (Гершкович 1997: 143; 1998: 69, 72 [168]; ср.: Березанская и др. 1986: 4) [169], для Восточного Крыма — предположить слияние (Тощев 2007: 194, 215), для других частей полуострова — ассимиляцию БМСК бабинским населением (ср.: Тощев 2007: 213, 215) [170] либо же, скорее [171], сабатиновцами [172], в целом для Крыма — возобладание сабатиновской линии развития (Тощев 2007: 211, 213, 215). Но БМСК второго периода, в частности, территории Украины, сохраняла традиционные восточные связи [173], а у сабатиновской преобладали западные [174] (Гершкович 1998: 61, 69; Клочко 2006: 245). Такие различия в исторической ориентации, вероятно, предопределили сохранение специфики и собственную эволюцию каждой из тех же двух культур и в какой-то мере их дивергенцию (ср., напр.: Бочкарев 1993: 43). Так, федоровско-черкаскульские влияния на сабатиновской культуре (по мнению Я. П. Гершковича, в ее третий период: Гершкович 1998: 72) отразились в несравненно меньшей мере, чем на бережновско-маевской срубной. В этом контексте, на мой взгляд, особенно показательно увеличение, по данным, в частности, В. В. Отрощенко, среди позднейших погребений последней количества кремаций (Отрощенко 2001б: 155 и сл.; 2002: 19), нехарактерных для сабатиновской культуры (Шарафутдинова 1997: 38). Подобное в особенности, характерные для локальных типов-вариантов одной и той же археологической культуры, с моей, в частности, точки зрения, не укладывается (ср., напр.: Шарафутдинова 1991). В основном (не считая рассмотренных выше особенностей проблематичной ситуации в Крыму) соглашусь с Я. П. Гершковичем: «Ни проникновение сабатиновских элементов на восток, ни срубных... на запад, в Поднепровье и далее, не привели ни к существенному их изменению, ни к симбиозу, ни к ассимиляции той или другой» (Гершкович 1998: 69; ср., напр.: Березанская 1997: 6; Алексеев и др. 1993: 65—67; Отрощенко, Рассамакін 1997: 25).

---

[167] В соответствии с подходом, продемонстрированным в некоторых работах (см., напр.: Бочкарев 1993: 43; 1995б: 120—123).

[168] Можно добавить, например, постепенный выход из употребления позднесрубным населением остроребериых сосудов (см., напр.: Берестнев 2001: 115), характерных для более ранних срубных памятников, но не для сабатиновской культуры.

[169] Тем более, что на довольно значительной общей территории рассматриваемые культуры сосуществовали, по крайней мере, какое-то время.

[170] Возможное следствие этого — формирование и там сабатиновской культуры (Колотухин 2003: 60; Тощев 2007: 194, 211, 213).

[171] Возможно, при обратном варианте (Тощев 2007: 213, 215) или формировании и в Крыму БМСК (ср., напр.: Колотухин 2003: 53, 60; Тощев 2007: 194 и сл.) на основе бабинских древностей, ПСК, пусть представленной в Крыму пока крайне малочисленными погребениями, и, возможно, каменско-планерской культуры (с поправками на нынешнюю терминологию см.: Литвиненко 1991: 132. Впрочем, там же под участием «каменско-ливенцовской» группы памятников «в формировании как СК, так и СРК» участие конкретно каменских древностей Крыма, в отличие от ливенцовских, в сложении срубных может и не подразумеваться).

[172] Такое мнение относительно Левобережной Украины см.: Березанская 1997: 6. В таком случае носители сабатиновской культуры появились на большей части Крымского полуострова, учитывая также отсутствие достоверных памятников ее раннего этапа и аргументы против сколько-нибудь длительного сосуществования срубников с сабатиновскими поселениями (см. выше), позже, чем в других частях своего ареала.

[173] Может быть, в частности, из-за потребности в олове восточных месторождений (Куштан 2011: 21; 2012б).

[174] Может быть, в частности, из интереса к западным источникам металла (Дергачев 1997: 45).

Исторические судьбы сабатиновской культуры, трансформировавшейся в белозерскую, и БМСК были различны (Шарафутдинова 1991: 194; ср.: Отрощенко 2002: 23). В финальном бронзовом веке различия между «западными» и «восточными» культурами валиковой керамики становятся наиболее существенными (Горбов 1995б: 90; 1996б: 21). Еще с позднесабатиновского времени имело место формирование чуть ли не «в общеевразийском масштабе» новых «археологических культур широкого территориального диапазона» — «комплекса (котла) с проявлениями различного происхождения (применительно к... территории Украины — восточного, северо-восточного и западного)» (Гершкович 1998: 61, 70—85, 89; 2001; 2003: 29, 33—34, 217—219; Куштан 2006; 2007: 9—10, 14—18; ср.: Ромашко 1996: 67; 2013: 29 и сл.). Но так называемый процесс гальштатизации гораздо меньше повлиял на срубные (постсрубные) древности, чем на трансформацию сабатиновской культуры в белозерскую и развитие последней. Поэтому западные элементы гораздо более ощутимы в белозерской культуре, в т. ч. и в Поднепровье (Гершкович 1998: 81; 2001: 70), чем в более восточных древностях. И, наоборот, в ней меньше, чем в последних, восточных и северо-восточных элементов (в т. ч. и в Поднепровье, которым в основном ограничено на западе распространение этих элементов в заключительный период эпохи поздней бронзы: Гершкович 1998: 75—85; 2001: 70). Можно согласиться с отнесением сабатиновской и срубной (даже бережновско-маевской) культур к разным мирам (Горбов 1995б: 87), но в отношении БМСК главным образом — в плане исторической ориентации.

На мой взгляд, не было в этом отношении исключением и степное Поднепровье (ср.: Березанская и др. 1986: 94; Березанская 1997: 6). Как уже указывалось, И. Н. Шарафутдинова считает, что там сабатиновская и срубная группы населения сосуществовали лишь «какое-то время», что определило восточный вариант сабатиновской культуры. В период расцвета последней черты срубной культуры стираются, а западные распространяются до Северского Донца и Приазовья (Березанская и др. 1986: 94) [175].

Такая версия воспринимается как бы вполне логично, т. к. легче вообразить сосуществование носителей разных культур на одной территории до начала демографического взрыва, который и произошел именно в упомянутый период расцвета (Черниенко 1992: 30; Отрощенко 2001б: 163, 176; Ванчугов, Иванова 2013: 340; ср., напр.: Горбов 2000: 56; Sava 2003: 33). Раннесабатиновских поселений в Поднепровье, как и везде, известно мало. Но нигде, в т. ч. в названном регионе, погребения как БМСК второго периода, так и сабатиновской культуры не дают выразительных фактов внутренней стратиграфии (Литвиненко 1999б: 17, 19; Отрощенко 2001б: 164). К тому же, я не уверен в правильности объяснения происхождения поселений богуславско-белозерской культуры, в современном понимании В. А. Ромашко (2013), именно переселениями с востока (Шарафутдинова 1975; 1982: 41; Березанская и др. 1986: 151—152; Горбов 1994б; 1996б; 1997а; Горбов, Литвиненко 1998; Ромашко 2002), а не основанием потомками местных носителей БМСК, известных нам в собственно степном Поднепровье практически только по погребениям (ср.: Ромашко 2013: 218—219, 222—226, 232). В. В. Цимиданов ранее считал, что «в степях к западу от р. Молочная на срубной подоснове сложилась новая — белозерская культура» (2004: 110; ср.: Подобед, Цимиданов 2010: 109) Поэтому вопрос о длительности сосуществования срубного и сабатиновского населения в названном регионе, на мой взгляд, остается открытым. Факт ассимиляции сабатиновскими племенами, распространившимися на Левобережье, носителей срубных традиций (Березанская 1997: 6) также не доказан.

Конечно, нельзя считать окончательно выясненной рассматривавшуюся выше ситуацию в Крыму. На поселениях всех этапов сабатиновской культуры, в частности, степного Поднепровья, в небольшом количестве встречается специфически срубная керамика, отражающая, скорее всего, наличие горизонтальных связей между соответствующим населением (Гершкович 1997: 125 и сл.), но вряд ли возможно установить, были это контакты сабатиновцев со срубниками степного Поднепровья или соседних территорий. Поскольку кухонная посуда всех этапов сабатиновской культуры в основном тождественна определенным разновидностям таковой же срубной, то саму постановку вопроса о постепенной утрате сабатиновской культурой срубных черт (Березанская и др. 1986: 94; Алексеев и др. 1993: 67) я считаю неправомерной. В частности, типологическая сопоставимость с сабатиновской кухонной посу-

[175] Примерно о том же в масштабах большей части Северного Причерноморья см.: Алексеев и др. 1993: 65—67.

дой поздней поволжской срубной (Алексеев и др. 1993: 65—66), и не только поволжской, в позднесабатиновское время не утрачивается. Это касается и позднесабатиновского поселения Вороновка II, материалы которого поэтому утрату сабатиновской культурой срубных черт (Алексеев и др. 1993: 67) не показывают.

Кроме того, с упомянутой поволжской посудой в Северном Причерноморье сопоставима не только сабатиновская, но и кухонная керамика позднесрубных памятников Азово-Донецкого региона, а также из позднесрубных погребений Крыма, степного Поднепровья и примыкающих территорий. Строго говоря, рассматриваемую кухонную керамику называть срубной чертой в сабатиновской культуре, конечно, нельзя. Близкие комплексы кухонной посуды сабатиновского (позднесрубного) времени сформировались на огромной территории в результате, в частности, рассмотренных выше культурно-исторических процессов предшествующего периода. Предложена схема эволюции каменско-планерской кухонной керамики в сабатиновскую (Gerškovič 1999: 78—81) (рис. 5). При желании последнюю можно вывести даже не типологически, а найти прямые аналогии ей среди керамики ранннесрубных, в т. ч. предсабатиновских, памятников. Некоторые соответствующие примеры рассматривались выше, в т. ч. известные Я. П. Гершковичу (1997: 139). В различном соотношении типов кухонной посуды, приемах и типах орнаментации керамики в срубных и сабатиновских комплексах (Гершкович 1997: 139), как и в каменско-планерских и сабатиновских, нет ничего удивительного, тем более что есть аналогии среди неорнаментированных сосудов. Кроме того, существует мнение об участии, хотя и неравнозначном, по современной терминологии, каменско-планерской культуры в формировании как сабатиновской культуры, так и срубной (Литвиненко 1991: 132). Такой подход не удивляет, если учесть, что практически все типы керамики, выведенные из каменско-планерской (Гершкович 1997: 142, рис. 9: условное обозначение 1) (рис. 5: условное обозначение 1), имеются и на срубных памятниках. Тогда об утрате каких срубных черт в сабатиновской культуре по мере роста ее самобытности идет речь (Березанская и др. 1986: 94; Алексеев и др. 1993: 67)? Очевидно, А. Ю. Алексеев и его соавторы заметили утверждение исследователей поселения Вороновка II (Алексеев и др. 1993: 67): «Какие-либо признаки керамики срубной культуры отсутствуют» (Ванчугов и др. 1991: 61).

Работа с материалом позволяет говорить об отдельных специфически срубных (точнее — восточных) проявлениях и на этом памятнике. Но они не должны быть поводом для соответствующих концепций генезиса сабатиновской культуры (Гершкович 1997: 125, 139; 1998: 66; 2000: 155; 2001—2002: 605; 1996: 23; Gerškovič 1999: 75—77), равно как отсутствие этих проявлений среди имеющихся в распоряжении материалов ряда сабатиновских поселений — поводом для каких-либо суждений об эволюции, или стирании, срубных черт в сабатиновской культуре. С другой стороны, не следует забывать и о том, что сама БМСК несколько изменялась во времени, утрачивая некоторые традиционные черты, в т. ч. и в течение позднего периода, когда, например, «постепенно выходят из употребления остроребериые... чаши» (Берестнев 2001: 115).

Попытки считать срубными (ср., напр.: Погребова 1960: 89; Гершкович 1989а: 53) поселения или слои сабатиновской культуры Обиточная-12 (Ромашко 1995: 130—132), Обиточная-20, Змеевка (Ромашко 2000: 136), Вовниги (Отрощенко 2004: 167; 2009а: 71; Клочко 2006: 195; Бровендер 2010: 218), Кирово, Пересадовка I, Ушкалка (Клочко 2006: 155, 175, 192), Златополь (Клочко 2006: 194), Капуловка (Клочко 2006: 195), Мариновка (Дергачев, Бочкарев 2002: 12, рис. 1), с моей точки зрения, не выдерживают критики ввиду мизерного количества специфически срубной керамики на поселениях позднебронзового века соответствующих регионов, встречающегося и на поселениях сабатиновской культуры Поингулья и Северо-Западного Причерноморья. Что касается отнесения В. А. Ромашко памятников «типа Обиточная-12-Павлоград» к этапу степного варианта срубной культуры Украины, можно отметить следующее. При несомненном сходстве комплексов эпонимных поселений, включая отсутствие лощеной посуды, на Павлоградском есть хотя бы немногочисленные специфически срубные проявления (Ромашко 1995: 122—132; 118, рис. 3: 3, 15; 120, рис. 5: 4, 5, 9, 10; 1994: 54), тогда как в публикации керамики с поселения Обиточная-12 (Кривцова-Гракова 1955: 151—154) последних не видно. При этом следует учесть, что шнуровой орнамент, представленный лишь на одном фрагменте сосуда с поселения Обиточная-12 (Кривцова-Гракова 1955: 154; 153, рис. 37: 17), характерен как для срубной керамики (Гершкович 1998: 66), так и для каменской, изредка встречаясь в керамических комплексах сабатиновской культуры (Гершкович 1997: 139, 141).

К последней уже давно отнесены памятники обиточненского типа (Погребова 1960: 89; Гершкович 1989а: 53). Поселение Обиточная-12, собственно, находится недалеко от ареала срубных поселений. А вот многослойное поселение Новорозановка II, которое, по мнению авторов исследований, по слою эпохи поздней бронзы близко памятникам не сабатиновского типа, а обиточненским, при раскопках которого также не выявлены столовая посуда западного типа и заметные по публикации специфически срубные черты [176], находится в Поингулье (Шапошникова, Неприна 1977: 52, 63—65), т.е., по моему убеждению, за пределами ареала срубной КИО (рис. 1).

С другой стороны, подобная ситуация наблюдается со срубной, по мнению А.С. Беляева, керамикой с поселения у с. Осиповка Днепропетровской обл., расположенного в пограничье степи и лесостепи Поднепровья, в долине р. Орели (Бєляєв 1977), т.е. в регионе, который чаще всего не включают в ареал сабатиновской культуры. Полагаю, отсутствие столовой посуды западного типа на поселениях Обиточная-12 и Новорозановка II можно объяснить столь ранней хронологической позицией этих памятников в системе сабатиновских древностей, что влияние западных культур (Монтеору, Ноуа, Кослоджень) еще не успело достигнуть относительно далеких от их ареала территорий. В Днепровском же предстепье, на мой взгляд, при наличии трудно объяснимых ситуаций, обнаруживаются примерно те же, что и на других территориях ареала БМСК, по крайней мере, западных, основные тенденции в эволюции позднесрубного поселенческого керамического комплекса, раннесабатиновскую (по времени) стадию которого представляет, в частности, поселение Павлоград (Ромашко 1994: 55; 1995: 128—130, 132; Мухопад, Ромашко 1992: 12).

Как уже указывалось, постепенно выходит из употребления остроребериая посуда, которая не выявлена при раскопках ряда позднесрубных поселений, например, Зимогорье (Пробейголова, Красильников 2010: 345), Николаевка (ср.: Привалова, Привалов 1987: 102), нескольких поселений в Нижнем Подонье (Шарафутдинова 1985: 162, 163, 167—168), срубного горизонта поселения Осиповка (Бєляєв 1977: 44), хотя, с другой стороны, встречается даже на некоторых постсрубных памятниках (Ромашко 2013: 214—215). В довольно поздних слоях некоторых срубных поселений появляется незначительное количество столовой керамики западного происхождения (Гершкович 1997: 143; 1998: 69, 72; Куштан 2012а: рис. 3: 6).

К сожалению, проблема культурно-хронологической атрибуции поселения Чикаловка, находящегося на юге лесостепного Поднепровья, на границе с предстепьем (Куштан 2006: 259), для меня пока остается открытой. Видимо, прав Д.П. Куштан, датирующий основной материал памятника не ранее позднесабатиновского времени, вопреки традиционному отнесению поселения в целом к раннему этапу сабатиновской культуры (Куштан 2006). Но по данным, которыми я располагаю, вряд ли можно однозначно решить, является этот материал хотя бы относительно целостным поликультурным комплексом «позднесабатиновского-раннебелозерского (или раннебелогрудовского) времени» (Гершкович 2005—2009: 588), т.е. переходного, или представляет два хронологических горизонта. Мало «типично сабатиновской посуды» в первом горизонте (Гершкович 2005—2009: 588) среди столовой керамики (Шарафутдінова 1964: 162 и сл., рис. 4: 7, 12; 5: 6, 7), часть которой не может быть датирована соответствующим образом (Куштан 2006). Типичнейшие для сабатиновской культуры «хлебцы», найденные в значительном количестве на Чикаловском поселении, как и некоторые сосуды (Куштан 2006), могут быть связаны и с белогрудовской культурой, а каменные яйцевидные предметы, подобные чикаловским, известны и для белозерского времени (Шарафутдінова 1964: 155, 156, 165, 166; 156, рис. 2 В; 163, рис. 6: 12—14; 164, рис. 7: 2—4, 6; Шарафутдинова 1982). Довольно заметна доля керамики восточного происхождения в рассматриваемой коллекции (ср.: Шарафутдінова 1964: 168), причем характерной для позднесрубных комплексов (Куштан 2006: рис. 1: 5; 2: 7, 11; 4: 5; 5: 9; 6: 4, 5, 13). Полагаю, не исключено, что условно позднесабатиновский (по времени) материал с поселения Чикаловка, если, конечно, он не составляет вместе с условно раннебелозерским по времени материалом целостного комплекса переходного периода, представляет один из позднейших комплексов бережновско-маевской срубной культуры (ср.: Ромашко 2013: 272; 392, 519, рис. 1: 85).

[176] «Некоторые венчики имеют воротничковидные уступы», характерные для керамики катакомбного времени Степного Поднепровья, но, если имеются в виду фрагменты, подобные проиллюстрированному (Шапошникова, Неприна 1977: 63; 64, рис. 7: 4), отличные от срубных, в частности, воротничков.

Глава 4.
Культуры Сабатиновка и Ноуа

Объяснение близости культур Сабатиновка, Ноуа и Кослоджень давно перестали сводить к контактам между их носителями (Шарафутдинова 1968; Березанская и др. 1986; Дергачев 1986; Тощев 1986а; Каврук 1988). Выше уже рассматривалась проблема общей западной подосновы. Упоминалась и точка зрения А. К. Флореску о влиянии культуры Ноуа на сложение сабатиновской. С похожими мнениями, выраженными некогда И. Н. Шарафутдиновой (1966: 30) и Е. Н. Черных (1976: 172—173), согласуется представление данных исследователей об относительной хронологии этих двух культур или типов памятников (Черных 1976: 158, рис. 58; Шарафутдинова 1982: 152), отличное от точек зрения большинства других специалистов. А. К. Флореску, отталкиваясь от концепции О. А. Кривцовой-Граковой, тесно связывал генезис культурного комплекса Ноуа-Сабатиновка (культуры Ноуа — в меньшей степени) с переселением из Волго-Донского междуречья на запад носителей срубной (срубно-хвалынской) культуры, частично затронувшим часть территории современной Румынии и почти полностью уничтожившим автохтонный культурный фонд в Северном Причерноморье (Florescu 1964; 1967) [177]. Некоторые исследователи уже давно понимали, что вклад срубных древностей в формирование культуры Ноуа [178] был меньшим, чем в сложение сабатиновских памятников, хотя и в контексте устаревшей концепции происхождения последних (Florescu 1964; Смирнова 1969; Лесков 1970: 57; Leskov 1981; ср., напр.: Sava 2002a: 238—240, 243—245; Сава, Кайзер 2011: 235—236). На мой взгляд, именно указанной в предыдущей фразе разницей можно объяснить то, что сабатиновская культура практически не унаследовала от предков традицию южной ориентировки погребенных, а восприняла в основном обычай восточной ориентации, характерный как для бережновско-маевской срубной культуры, так и для поздних бабинских погребений. В то же время культура Ноуа унаследовала, в частности, как восточную ориентировку, так и южную, характерную не для срубных захоронений, а для поздних погребений в основном днепро-днестровского варианта ДПБК.

Версии о том или ином участии сабатиновского компонента в формировании культуры Ноуа фактически уходят корнями еще в те времена, когда самостоятельная сабатиновская культура была признана еще далеко не всеми специалистами (Смирнова 1967; 1972; Балагурі 1971; Morintz 1978: 158, 202; Leskov 1981: 87, 98; Балагури 1985; Крушельницька 1985: 31). Веские основания для синхронизации начала сложения культур сабатиновской и Ноуа, близкое сходство между сабатиновскими и бабинскими памятниками и другие результаты исследований привели В. И. Каврука к заключениям, что: «Погребальные памятники культуры Ноуа занимают в целом промежуточное положение между погребальными памятниками культуры Монтеору и КМК»; «Основными генетическими субстратами культуры Ноуа были культура Монтеору и КМК. При этом роль КМК в восточной части ареала культуры Ноуа была выше, чем к западу от Прута, где в культуре Ноуа обнаруживается больше черт культуры Монтеору... Сходство между культурами эпохи поздней бронзы Северного Причерноморья, Нижнего Подунавья и Карпато-Днестровья было обусловлено прежде всего экономическими факторами. В то же время представляется вполне вероятным, что это сходство было вызвано также некоторой общностью происхождения этих культур (носители КМК при-

[177] Хотя, как указывалось выше, исследователь рассматривал этот генезис как результат синтеза западной группы катакомбной культуры и западных культур среднего бронзового века.

[178] Интересный в этом плане пример см.: Отрощенко 2001б: 170. Но я бы не стал подтверждать новыми материалами именно предположение А. К. Флореску, слишком жестко увязывавшего, отталкиваясь от концепции О. А. Кривцовой-Граковой (см. также, напр.: Черняков 1985: 16—17; Cavruc 1990: 125; Гершкович 2001—2002: 600), генезис культурного комплекса Ноуа-Сабатиновка со срубной миграцией на запад (Florescu 1964: 176 ff.), представления о которой с 1960-х гг. существенно изменились (Отрощенко 2002), и придававшего слишком мало значения в сложении сабатиновской культуры местному субстрату (ср.: Черняков 1985: 17). Между тем, В. И. Каврук удалось опровергнуть фактически только версию о позднесрубном компоненте сложения культуры Ноуа, которой придерживался ряд исследователей (Балагурі 1971: 393; Смирнова 1972: 31), но не о срубном вообще (Cavruc 1990: 125). До территории формирования культуры Ноуа в каком-то виде могли доходить срубные импульсы. Есть, например, свидетельства военных походов носителей бережновско-маевской срубной культуры в Прикарпатье (Клочко 2006: 155), которые могли осуществляться и накануне упомянутого формирования (как еще раньше в тот же и соседние регионы — походы племен покровской срубной культуры (Клочко 2006: 153, 157, 307)). Правда, мнение В. И. Клочко по поводу хронологического соотношения первой с культурами сабатиновской и Ноуа (Клочко 2006: 8, 174) отличается от разделяемого мною.

нимали участие в сложении культур: сабатиновской, Ноуа... возможно, Кослоджени; культура Монтеору была одной из основ сложения культуры Ноуа... и возможно, Кослоджени)» (Каврук 1988: 6—7, 12, 17; Cavruc 1990).

В основном присоединяюсь к этой позиции [179], фактически соответствующей давним выводам Г.И. Смирновой (1969: 64, 66 [180]), с отличиями, обусловленными главным образом устаревшей культурной атрибуцией могильника Калфа. При этом учитываются и хронологические ограничения существования булавок кипрского типа, отдельные из которых были найдены на поселениях культуры Ноуа (Бочкарев 2009: рис. 6: Б 1) и Сабатиновка I (Florescu 1964; Березанская и др. 1986: 77, 88, 97, 108; 109, рис. 33: 21). Видимо, главным образом, различия по признакам, характеризующим ориентировку скелетов и инвентарь погребений культур Ноуа и Сабатиновка, позволили объяснить их сходство, чрезвычайно близкое в материальной культуре, прежде всего экономическими факторами. А некоторой генетической общностью этих культур, общим компонентом сложения которых была КМК, объясняется сходство поз погребенных носителей культур многоваликовой керамики и Ноуа (Каврук 1988: 8—9, 17).

Но, как уже отчасти упоминалось, вероятно, сходство металлургии культур Ноуа и Кослоджень на раннем этапе не с бабинской, а с раннесабатиновской позволило в свое время В.А. Дергачеву прийти к следующему заключению. Отдельные раннесабатиновские группы населения, очевидно, из интереса к западным источникам металла, проникли в Восточное Прикарпатье и Нижнее Подунавье и содействовали формированию комплексов металлопроизводства культур Ноуа и Косложень и самих последних [181], имевших обусловленную восточным фактором того же рода общую подоснову с культурой Сабатиновка, выразившуюся в том числе и в распространении в этих регионах кельтов типа Лобойковка-Голоуров (Дергачев 1997: 17, 18, 36—37, 45 [182]; см. также: Uşurelu 2006; 2010b: 46—53, 56—59; ср., напр.: Бочкарев 1990: 5). Однако, как уже указывалось, вряд ли группы сравнительно немногочисленных изделий Делень, Одэиле-Подарь и Попгруево (по Е. Ушурелу — см. Uşurelu 2010b: 36—43 ff.), производство которых в дальнейшем подверглось эволюции, можно считать результатом восприятия населением культур Ноуа и Кослоджень традиций именно сабатиновской культуры, или же генетических связей между обозначенными культурными формированиями.

Не возражая против мнения многих исследователей о заметном участии «восточных» элементов (бабинских, срубных) в генезисе культурного комплекса Ноуа-Сабатиновка, полагаю, что вклад бабинских древностей в сложении культур Ноуа, особенно к западу от Прута, и Сабатиновка далеко не равнозначен (Тощев 1982: 17; Каврук 1988: 10—12, 17; Gerškovič 1998: 324; Sava 1998; 2002a; Сава, Кайзер 2011: 235—236; Литвиненко 2009a: 75—76; Uşurelu 2010b: 47). Первая «западной формой» культуры Сабатиновка (Савва 2003: 149) не является (Березанская, Шарафутдинова 1985: 490; Иванова 2004: 38). Также не может быть и речи о «другой интерпретации» западного варианта сабатиновской культуры (Черных 1983: 83; Дергачев 1986: 174, рис. 49: г-32; 1997: 47—48; Nicic 2008: 272; Литвиненко 2009a: 90), учитывая, прежде всего, принципиальные, на мой взгляд, различия в погребальных памятниках тех же двух культур (Florescu 1964; Дергачев 1986; Каврук 1988; Ванчугов 1990: 127, 129; Sava 2002a; Sava, Agulnikov 2003; ср.: Sava 1998: 297; 2003: 27, 46; Крушельницька 2006: 99—101; Агульников 2008: 124) [183]. С моей точки зрения, именно указанные памятники, относящиеся к культуре Ноуа, довольно заметно выпадают из неоднократно упоминавшейся, в частности, Е.Н. Сава, унификации «погребального обряда в эпоху поздней бронзы от Подунавья до Каспийских степей» (Sava 2002a: 239, 244), «но особенно в степной зоне Северного

[179] Кроме того, я присоединяюсь к исследователям, предполагающим участие культуры Монтеору в формировании сабатиновской.

[180] Важно подчеркнуть, что погребальный инвентарь культуры Ноуа, среди которого преобладает керамика автохтонного (для ареала первой) происхождения, характеризует таковое же происхождение не только соответствующей материальной культуры, но и, что не отметила Г.И. Смирнова, духовной (в данном случае — норм погребального обряда).

[181] В.И. Каврук даже считает подобную точку зрения ныне почти общепринятой (Cavruc 2013: 6).

[182] Относительно свободное межареальное передвижение носителей этих культур обеспечило обмен идеями, взаимное производство и распространение общих для них типов металлических предметов, получение сабатиновским населением, отчасти, многих восточнокарпатских и нижнедунайских готовых бронзовых изделий.

[183] Сдвигающееся в последнее время с мертвой точки изучение погребальных памятников культуры Кослоджень (Constantin et al. 2013) не показывает их сколько-нибудь близкого сходства с таковыми сабатиновской культуры (ср., напр.: Савва 2003: 148).

Причерноморья» (Сава 1994: 29), несмотря на «однородность практически во всех компонентах материальной культуры... в комплексе культур Ноуа-Сабатиновка» (Савва 2003: 149) (ср.: Sava 2002a: 239, 244). Несоответствие такой унификации выражается, прежде всего, в неустойчивой ориентировке умерших в погребениях культуры Ноуа при общем преобладании северо-западной, сближающей последние с погребальным обрядом культуры Монтеору, а не восточных (рис. 3) (Sava, Agulnikov 2003: 122, fig. 3; 2003: 41; ср. Sava 2002a: 140 ff.). Существенно и то, что наиболее характерным погребальным инвентарем для культуры Ноуа является столовая керамика, относящаяся (по крайней мере, морфологически) к «западным» традициям, с которыми связаны и некоторые сосуды, не относящиеся к столовым, из захоронений культуры Ноуа (Sava 2002a; ср., напр.: Агульников 2008: 124). Аналогии таким сосудам отсутствовали в известных мне могилах сабатиновской культуры, хотя подобные некоторым более или менее редко встречались в бабинских и срубных. Наконец, достоверно не известно ни одного основного курганного погребения культуры Ноуа (ср., напр.: Федоров, Полевой 1973: 88 и Sava 2002a: 114; 128, Karte 3: 11). По мнению Е. Н. Савва, «преобладание канфаросов и чаш в погребениях указывает на то, что эти типы сосудов воспринимались носителями культуры Ноуа как престижная категория погребального инвентаря» (Sava 2002a: 238) [184]. Напрашивается противопоставление: ни сабатиновское, ни, тем более, бабинское и срубное население не воспринимало подобную посуду указанным образом [185], а чаще помещало в погребения кухонную керамику (ср.: Sava 2003: 27). Срубники, правда, нередко использовали в качестве погребального инвентаря столовые сосуды, но совершенно другие, как иным было и вообще понятие о парадной посуде (Ковальова, Волкобой 1976: 16, 18—19; Gerškovič 1999: 75). Если при этом учесть, что по количеству находок столовой керамики западного типа на поселениях сабатиновская культура не столь существенно, как по находкам соответствующего погребального инвентаря, уступает культуре Ноуа (Сава, Кайзер 2011: 235; ср.: там же: 238) [186], то можно говорить о разных идеологических представлениях и даже разной этнопсихологии.

Интересно, что по некоторым чертам культура Ноуа в большей степени отличается от сабатиновской, чем от бережновско-маевской срубной. Так, как известно, для культуры Ноуа характерны в основном бескурганные могильники, как и для БМСК, но в отличие от сабатиновской культуры, что уже затрагивалось выше [187]. Большинство погребений культуры Ноуа, как и срубных, сопровождалось инвентарем, в отличие от большей части сабатиновских (Sava 2002a; Отрощенко 2002: 12; Sava, Agulnikov 2003: 113, 122, 124). Для керамики сабатиновской культуры, в частности, погребальной, не характерен геометрический (Бруяко 2005: 16), вообще прочерченный орнамент, чего не скажешь о посуде культур Кослоджень (Ванчугов 1993: 29—33, 35, 38), Ноуа (Sava 2002a: 36—42 ff.), а также о срубной (Березанская, Чередниченко 1985: 467) (рис. 7—9). Вообще, керамика культуры Ноуа

[184] Именно в ареале культуры Ноуа (не восточнее) традиции изготовления двуручных ваз уходят корнями в очень древние времена (Смирнова 1972: 31; Sava 2002a: 157, 222), хотя технологически такие сосуды этой культуры отличаются от своих прототипов (см., напр.: Сава, Кайзер 2011: 236—237).

[185] Или наоборот, носители сабатиновской культуры воспринимали ее именно так (Sava 1998: 283), но только если предположительно иметь в виду, что престижную посуду помещали в нерядовые погребения, однако тогда этого нельзя сказать насчет культуры Ноуа.

[186] По мнению Е. Н. Сава, такие формы, как чаши и канфаросы, на поселениях типа Ноуа-Сабатиновка встречаются редко (Sava 2003: 27).

[187] Как уже отмечалось, впускные в курганы погребения у некоторых исследователей скорее ассоциируются с грунтовым обрядом. Вполне возможно, что соответствующее население воспринимало при этом курганы как часть ландшафта. Но если носители культуры Ноуа, располагавшие могильники на возвышенностях (плато, холмах) (Sava 2002a: 48 ff.), исходя из имеющихся ныне данных, предпочитали, в отличие от населения сабатиновской культуры, не использовать древние курганы для совершения захоронений, то и соответствующее различие носит, вероятно, этнопсихологический характер. Кроме того, курганно-грунтовые некрополи и одиночные курганы с впускными погребениями культуры Ноуа известны главным образом (по поводу исключений см., напр.: Дергачев 1986: 158) на востоке ее ареала (Sava 2002a), где жило смешанное по культурному составу население (Отрощенко 2001б: 170). Судя по подписи к иллюстрации (Отрощенко 2001б: 281, мал. 35), в курган 3 у с. Бурланешты были впущены погребения сабатиновской культуры, а рядом исследованы грунтовые захоронения культуры Ноуа (ср.: Отрощенко 2001б: 170). В расположенном южнее (совсем близко к ареалу сабатиновской культуры) могильнике культуры Ноуа Кирилень (Sava 2002a: 57—60; Taf. 21—32), на мой взгляд, еще заметнее, что будто бы, чем ближе к серединам курганов, тем, как правило, погребения по различным признакам ближе к типичным сабатиновским, а в полах и особенно за пределами насыпей преобладают отличные от типичных сабатиновских. В самом северном курганно-грунтовом некрополе культуры Ноуа — Перерыта (Sava 2002a: 61—70; Taf. 34—63) — подобное можно разве что обнаружить на уровне тенденции. Тем не менее, я не рискнул бы объяснять это столь упрощенно, как В. В. Отрощенко в упомянутой подписи к иллюстрации.

орнаментировалась чаще и разнообразнее, чем сабатиновская (Nicic 2008; Парцингер 2013: 41, 42). Е.Н. Сава выделил 13 основных типов погребальной керамики культуры Ноуа (Sava 2002a: 25—35 ff.) и всего 8 — сабатиновской культуры (Sava, Agulnikov 2003: 123—129, 132, 133). И все это не помешало ему охарактеризовать главные элементы погребального обряда комплекса Ноуа-Сабатиновка как типологически гомогенные (Sava 2003: 46). Во введении рассматривались некоторые особенности металлопроизводства культур сабатиновской, Ноуа и Кослоджень. Сабатиновская культура, при всем ее своеобразии, и срубная общность представляют древнейшие великие степные общества (Массон 1998: 262—264, 267), как, впрочем, и культуры круга Бабино. То же вряд ли можно сказать о культуре Ноуа, несмотря на наличие определенных степных элементов (Березанская и др. 1986: 114). Соответственно, археологической культуры Ноуа-Сабатиновка-Кослоджень (Куштан 2006: 259) или Ноуа-Сабатиновка (Сава, Кайзер 2011: 6 и др.), по моему убеждению, нет. Слово «тип» к комплексу культур Ноуа-Сабатиновка (Sava 2003: 27; Сава, Кайзер 2011: 6, 441; Sîrbu 2012; 2013), на мой взгляд, также не подходит. Обычно под первым подразумевается часть археологической культуры или совокупность древностей, в силу тех или иных обстоятельств «не дотягивающая» до статуса культуры.

Е.Н. Сава, справедливо утверждая о бесспорном значении «восточных» элементов (КМК, срубных) в генезисе блока культур Ноуа-Сабатиновка (Sava 2003), считает, как и его единомышленники, что и в культуре Ноуа более значимы «восточные» черты, а не «западные» элементы (Sava 1998: 269—272 ff.; Сава, Кайзер 2011: 234—239; Uşurelu 2010b: 47; Motzoi-Chicideanu 2011: 693). Причем, по его мнению, объем последних «в восточной части ареала (Бессарабия) минимальный, однако доля “восточных” элементов в западной части ареала (Трансильвания) весьма значительна», «“западные” традиции (Монтеору, Витенберг, Комаров/Костиша) выявляются только в некоторых керамических формах и системах орнамента, а “восточные”... присутствуют не только в керамическом комплексе, но и во всех остальных элементах погребального обряда — ориентировке и положении погребенных, форме погребальных сооружений и т.д.» (Sava 2002a: 238—240 etc.) [188]. Однако, на мой взгляд, добротная публикация материалов (Sava 2002a) скорее подтверждает выводы, давно сделанные Г.И. Смирновой (1969: 64, 66), устаревшие фактически лишь в части культурной атрибуции могильника Калфа и обоснованно скорректированные В.И. Кавруком.

Ориентировка умерших, преобладающая в погребениях культуры Ноуа, более сближает последнюю с культурой Монтеору, а не с восточными культурными образованиями периода, непосредственно предшествовавшего становлению культуры Ноуа. Принципиальным представляется то, что северо-западная ориентировка наиболее часта и на самом восточном могильнике культуры Ноуа — Кирилень, хотя существенная часть костяков ориентирована на восточный сектор и на север (Sava 2002a: 57—60; 126, Karte 1: 3; 127, Karte 2; 137, Abb. 25; Taf. 21—32; ср.: Sava 2002a: 136, 224). Абсолютно преобладает ориентировка погребенных в западном направлении, в основном на северо-запад, в могильнике Островец на Ивано-Франковщине, а также среди захоронений в Пруто-Сиретском междуречье (Sava 2002a: 73—97 ff.). Правда, на могильнике Перерыта преобладает восточная ориентировка скелетов, хотя существенная часть погребенных ориентирована в юго-западный сектор, на бескурганном могильнике Старые Бедражи — юго-восточная, в Бурланештах — южная, что обеспечило преобладание ориентировки в юго-восточный сектор в целом по Днестровско-Прутскому междуречью (Sava 2002a: 48—57 ff.). Преобладает ориентировка костяков в восточном секторе, особенно восточная и юго-восточная, в погребениях культуры Ноуа в Трансильвании (Sava 2002a: 98—110 ff.; 2003: 41), что, пожалуй, в наибольшей степени согласуется с приведенной концепцией Е.Н. Сава.

В отличие от культур круга Бабино и срубной общности, для культуры Ноуа столовая керамика «западного» происхождения является наиболее характерным инвентарем в погребениях, среди которых, к тому же, достоверно неизвестно ни одного основного в кургане. Судя по картам (Sava 2002a: 197—208, Karten 4—16, 21—26) [189], зона контактов культуры Ноуа с западными соседями не обнаруживает сколько-нибудь существенных преимуществ по количеству находок в погребениях сосудов какого-либо из более или менее

[188] В то же время Е.Н. Сава считает универсальными или характерными как для восточных, так и для западных культурных образований положение и степень скорченности погребенных, некоторые типы погребальных сооружений и пр. (Sava 2002a: 131—135 ff.).

[189] По поводу происхождения черпаков комплекса культур Ноуа-Сабатиновка см. выше.

распространенных вариантов, прямо связываемых Е. Н. Сава с «западными» культурами, а некоторых в захоронениях найдено даже больше на востоке ареала последней (ср.: Sava 2002a: 152 ff.). На картах распространения орнаментов, связываемых исследователем с «западными» культурами (Sava 2002a: 208, Karte 27; 209, Karten 28, 29; 211, Karten 32, 33; 212, Karte 34), только один из относительно распространенных узоров — в виде каннелюр (KLV E4) — выделяется тем, что содержится в основном на сосудах, найденных, за одним исключением, на западной окраине ареала культуры Ноуа (ср.: Sava 2002a: 192, 226, 232, 238, 243). На концентрацию сосудов из погребений и орнаментов типов (вариантов), находящих, по мнению Е. Н. Сава, прямые аналогии в культурах многоваликовой керамики, срубной, сабатиновской, именно в восточной зоне ареала культуры Ноуа исследователь указывает и в тексте (Sava 2002a: 157—164 ff.). Следует отметить, что наколы и особенно проколы не являются характерными для сабатиновской (ср.: Sava 2002a: 171) (тем более погребальной) и бабинской керамики. Срубной посуде они более свойственны. Но такой орнамент характерен и для комаровской культуры (Дергачев 1986: 150—152; Sava 2002a: 171). Сосуды из погребений культуры Ноуа с таким орнаментом найдены в основном в зоне ее непосредственных контактов именно с комаровской культурой (Sava 2002a: 171; 209, Karte 29), и соответствующее происхождение такого орнамента в этой культуре, на мой взгляд, наиболее вероятно (ср.: Sava 2002a: 221, 226, 232, 238, 243).

Грунтовые погребения присущи Днепро-Прутской бабинской культуре, что Е. Н. Сава отрицает, и срубной культурно-исторической общности, не говоря о курганных комплексах, но, в отличие от культуры Ноуа, не преобладание бескурганных. Правда, основная концентрация курганно-грунтовых некрополей и одиночных курганов с погребениями культуры Ноуа наблюдается именно на той территории, где, как и поблизости, известны бабинские не только курганные погребения, но и грунтовые могильники (Дергачев 1986: 128; 123, рис. 30; Sava 2002a: 5, 53—71 ff.). Если и можно допускать неоднозначность происхождения бескурганного обряда захоронений культуры Ноуа, то происхождение обычая впуска погребений в более древние курганы следует связывать в основном с ДПБК, но последний не характерен для большей части ареала культуры Ноуа. Таким образом, на мой взгляд, «восточные» черты больше проявляются на востоке ареала культуры Ноуа, а объем «западных» элементов даже там, в первоначальном, по мнению Е. Н. Сава, ареале культуры Ноуа (Sava 2002a: 226, 233, 238, 240, 243), отнюдь не минимальный (Круц 1997: 540). Причем последние присущи не только керамике, но и, как видим, в значительной степени ориентировке погребенных. Более того, «западные» элементы налицо, хотя и в меньшем объеме, и в памятниках сабатиновской культуры (Сава, Кайзер 2011: 235—239), в т. ч. в ранних (Гершкович 1997: 143), включая часть погребений Днестровско-Прутского междуречья. По мнению Е. Н. Сава, в памятниках культур Ноуа и тем более Сабатиновка свидетельств, которые бы указывали на наличие элементов или культурно-типологических влияний, например, культуры Витенберг или Монтеору, очень мало (Sava 2003: 46; Сава, Кайзер 2011: 235—239; ср., напр.: Бочкарев 2009: 363). Что ж, во всяком случае, тем самым исследователь признает, что таких свидетельств больше в памятниках культуры Ноуа, чем в сабатиновских. На мой взгляд, разницей в соотношении вклада «восточных» и «западных» элементов в формирование тех же двух культур в основном и обусловлены различия между последними. Разделяя, как уже отмечалось, системный подход к проблемам культурогенеза, я, тем не менее, против того, чтобы процессы сложения культур сабатиновской и Ноуа рассматривать в полном единстве.

По сведениям И. Т. Чернякова, антропология подтверждает «археологические данные о связи населения позднебронзового века Северо-Западного Причерноморья с населением более раннего времени, об антропологической близости племен сабатиновской культуры и культуры Ноуа» (Черняков 1985: 144) [190]. В отличие от степей Приднепровья, на крайнем юго-западе Северного Причерноморья в эпоху средней и поздней бронзы, по мнению С. И. Круц, локализовались массивные протоевропейцы [191]. При этом население восточных районов культуры Ноуа сформировалось

[190] Правда, в работе, на которую при этом сослался И. Т. Черняков, с краниологическими материалами из погребений культуры Ноуа сравниваются черепа из захоронений ямной и катакомбной культур, а не сабатиновской (Зиневич 1970: 166—167). Из обработанных Г. П. Зиневич краниологических материалов, приводимых в ее статье, малочисленные происходят из погребений эпохи поздней бронзы, которые, на мой взгляд, не могут достоверно считаться сабатиновскими.

[191] Не исключено, что имеются в виду только носители Днепро-Прутской бабинской культуры разных ее этапов (см. также: Сегеда 2005: 319) или, в том числе, антропологические материалы из погребений, не поддающихся точной культурной атрибуции (то ли бабинских, то ли сабатиновских).

на базе групп КМК Буджакских степей (Круц 1997: 537—540; Сегеда 2005: 319). Но роль соответствующего восточного компонента убывает в западном направлении; на западе ареала культуры Ноуа распространены западные антропологические элементы, которым присущи признаки, характерные для культуры Монтеору (Великанова 1975: 38, 44, 48, 50; Круц 1997: 539—540). Сравнительно немногочисленные довольно плохо сохранившиеся краниологические серии из могильников ДПБК Калфа и культуры Ноуа Старые Бедражи, в отличие от вышеупоминавшихся приднепровских тех же периодов, более близки к срубным черепам Нижнего Поволжья [192], чем Среднего (Великанова 1975: 32, 38; Шарафутдинова 1982: 85; ср.: Круц 1985: 533). Измерены два черепа из бабинских погребений кургана, исследованного недавно в степном Буго-Днестровском междуречье: один небольших размеров, грацильный, другой массивный (Литвинова 2012: 245, 246).

Хотя и можно говорить о генетическом родстве культур Сабатиновка и Ноуа, в целом погребальные памятники последней выпадают из того единства погребального обряда, которое демонстрируют памятники той же категории сабатиновской и бережновско-маевской срубной культур. Но чуть ли не однородна, хотя и не тождественна, материальная культура в пределах блока Сабатиновка-Ноуа-Кослоджень, чего не скажешь о первой в отношении сабатиновской и бережновско-маевской срубной культур. На мой взгляд, это характеризует в основном горизонтальные связи или контакты. О том, что таковые между культурами сабатиновской и Ноуа со временем крепли, наиболее ярко свидетельствует сближение их металлургии в относительно поздние периоды (Leskov 1981: 86—88). Обычно считается, что на сабатиновских поселениях со временем возрастает доля столовой посуды (Черняков 1985: 82—84; Ромашко 2013: 224) западного, как уже неоднократно указывалось, происхождения, т. е. характерной, в частности, для культуры Ноуа.

Долго не происходило слияния культур сабатиновской и Ноуа. Есть основания предполагать переселение накануне периода финальной бронзы части носителей культуры Ноуа на восток [193], смешение с остатками сабатиновского населения и ее участие в формировании белозерской культуры. В последней, возможно, в результате этого распространяются южная ориентировка погребенных, грунтовые и курганно-грунтовые могильники, появление в погребениях столовой посуды [194]. Наблюдается и определенная антропологическая близость носителей культур Ноуа и белозерской (Черниенко 2009: 387, там же библиография; Мелюкова 1979; Ванчугов, Иванова 2013: 341). Недавно В. А. Подобед и В. В. Цимиданов высказали мысль о том, что белозерская культура связана «своим происхождением в большей степени с западными культурами (прежде всего, Ноуа)... чем со срубной и сабатиновской» (Подобед, Цимиданов 2010: 109). И хотя в работах, на которые при этом сослались эти авторы, точно такого не написано, версия заслуживает внимания. Ведь большинство тех элементов белозерской культуры, которые обычно считаются наследием сабатиновской, присущи и культуре Ноуа. Но среди наследия последней в белозерской культуре есть элементы, отсутствующие в сабатиновской культуре. Например, А. Ничик выделяет в белозерской культуре 24 элемента орнамента традиции Ноуа, 20 — Косложень и лишь 13 — культуры Сабатиновка (Nicic 2008: 108 ff.). Не претендуя ни в коей мере на окончательное решение рассмотренных проблем, надеюсь обратить на них более серьезное внимание коллег.

---

[192] С. И. Круц выделяет по антропологическому составу из всех срубников соответствующее население этого региона и Приазовья (Круц 1997: 539; см. также, напр.: Литвиненко 1992а: 12—13).

[193] И. Т. Черняков, отнесясь скептически к объяснению Л. А. Новиковой обилия кладов западного происхождения в Северном Причерноморье продвижением туда племен культуры Ноуа, сам в той же самой монографии не исключал вытеснения фракийцами части населения этой культуры «на территорию родственных им племен сабатиновской культуры в Северо-Западном Причерноморье» (Черняков 1985: 18, 150). На мой взгляд, фактически проблема сводится лишь к тому, связано упомянутое обилие с уже начавшимся переселением носителей культуры Ноуа на сабатиновскую территорию или еще не с ним.

[194] Эти черты, нехарактерные для сабатиновской культуры, как бы подчеркивают вмешательство именно другой культуры, а не другого локального варианта той же. Как известно, не обошлось здесь и без культур раннего гальштата. Упомянутые и другие существенные изменения, происшедшие в эпоху финальной бронзы, не позволяют В. В. Отрощенко видеть какую-либо постепенность перехода от сабатиновского погребального обряда к белозерскому (Отрощенко 2001б: 181). Немногочисленные выделенные погребальные комплексы, имеющие черты как сабатиновской, так и белозерской культуры (Агульников 2002: 177—180), по мнению С. М. Агульникова (2004б: 50), смешанные сабатиновско-белозерские, на мой взгляд, говорят лишь о том, что этот переход не мог быть мгновенным. Интерпретация первых как «взаимовлияния» этих культур (Агульников 2002: 177, 180) некорректна, т. к. влияние белозерской культуры на более раннюю сабатиновскую исключено.

Литература

Агульников С. М. 1998. Погребальные комплексы культуры многоваликовой керамики междуречья Кагул-Прут. В: Тощев Г. Н. (отв. ред.). *Проблемы изучения катакомбной культурно-исторической общности (ККИО) и культурно-исторической общности многоваликовой керамики (КИОМК).* Запорожье: ЗГУ, 65—70.

Агульников С. М. 2001. Погребения эпохи бронзы на поселении культуры Гумельница у пгт. Тараклия. *ССПК* IX, 87—94.

Агульников С. М. 2002. Погребальные комплексы позднесабатиновского-раннебелозерского времени в Пруто-Днестровском междуречье. В: Яровой Е. В. (отв. ред.). *Древнейшие общности земледельцев и скотоводов Северного Причерноморья (V тыс. до н. э. — V век н. э.).* Мат-лы III Междунар. конф. Тирасполь: НИЛ «Археология» ПГКУ, 176—181.

Агульников С. М. 2004а. Компоненты культуры Ноуа в белозерской погребальной обрядности. *ССПК* XI, 3—10.

Агульников С. 2004б. Формирование погребального обряда белозерской культуры в Северо-Западном Причерноморье. В: Niculiță I., Zanoci A., Postică Iu. (red.). *Thracians and Circumpontic World.* IXth International Congress of Thracology. Rezumate — Summaries, 6—11 sept. 2004, Chişinău — Vadul lui Vodă. Chişinău: Reclama, 49—51.

Агульников С. М. 2008. Могильник сабатиновской культуры в кургане 1 у с. Твардица (некоторые проблемы погребального обряда периода поздней бронзы Пруто-Днестровского междуречья). *Revista Arheologică S. N.* IV (2), 124—138.

Агульников С. М. 2010. Некоторые особенности погребального обряда Белозерской культуры Северо-Западного Причерноморья. В: Яровой Е. В. (отв. ред.). *Индоевропейская история в свете новых исследований.* (Сб. тр. конф. памяти проф. В. А. Сафронова). Москва: МГОУ, 183—192.

Агульников С. М., Бубулич В. Г. 1998. Погребения финального этапа эпохи средней бронзы степной зоны Р. Молдова. В: Тощев Г. Н. (отв. ред.). *Проблемы изучения катакомбной культурно-исторической общности (ККИО) и культурно-исторической общности многоваликовой керамики (КИОМК).* Запорожье: ЗГУ, 135—142.

Агульников С. М., Малюкевич А. Е. 2010. Погребальные комплексы сабатиновской культуры в курганах Днестровского Правобережья. В: Яровой Е. В. (отв. ред.). *Индоевропейская история в свете новых исследований.* (Сб. тр. конф. памяти проф. В. А. Сафронова). Москва: МГОУ, 173—182.

Алексеев и др. 1993: Алексеев А. Ю., Качалова Н. К., Тохтасьев С. Р. 1993. Киммерийцы: этнокультурная принадежность. *Публикации Информационно-исследовательского института «Ермаков». Малая серия* 1. Санкт-Петербург: Информационно-исследовательский институт «Ермаков».

Балагурі Е. А. 1971. Культура Ноа. В: Телегін Д. Я. (відп. ред.). *Археологія Української РСР.* Т. І. Київ: Наукова думка, 385—393.

Балагури Э. А. 1985. Культура Ноа. В: Телегин Д. Я. (отв. ред.). *Археология Украинской ССР.* Т. 1. Киев: Наукова думка, 481—489.

Бєляєв О. С. 1977. Розкопки поселення доби бронзи поблизу с. Йосипівка. *Археологія* 22, 40—48.

Березанская С. С. 1960. Об одной из групп памятников средней бронзы на Украине. *СА* (4), 26—41.

Березанская С. С. 1982. *Северная Украина в эпоху бронзы.* Киев: Наукова думка.

Березанская С. С. 1985. Комаровская культура. В: Телегин Д. Я. (отв. ред.). *Археология Украинской ССР.* Т. 1. Киев: Наукова думка, 428—437.

Березанская С. С. 1987. Культурно-хронологические взаимоотношения между сабатиновской и срубной культурами на территории Украины. В: Шилов В. П. (отв. ред.). *Задачи советской археологии в свете решений XXVII съезда КПСС.* Тез. докл. Всесоюзной конф. Суздаль, 1987 г. Москва: Наука, 38—40.

Березанская С. С. 1990. *Усово озеро. Поселение срубной культуры на Северском Донце.* Киев: Наукова думка.

Березанская С. С. 1997. Сравнительная характеристика сабатиновской и срубной культур на территории Украины. В: Клюшинцев В. Н. (сост. и ред.). *Сабатиновская и срубная культуры: проблемы взаимосвязей востока и запада в эпоху поздней бронзы.* Тез. докл. I-го Всесоюзного полевого сем. 10—18 сентября 1990 г. Киев; Николаев; Южноукраинск: Международный информационный центр, 4—6.

Березанская С. С. 1998. КМК — культура или керамический стиль. В: Тощев Г. Н. (отв. ред.). *Проблемы изучения катакомбной культурно-исторической общности (ККИО) и культурно-исторической общности многоваликовой керамики (КИОМК).* Запорожье: ЗГУ, 60—65.

Березанская и др. 1986: Березанская С. С., Отрощенко В. В., Чередниченко Н. Н., Шарафутдинова И. Н. 1986. *Культуры эпохи бронзы на территории Украины.* Киев: Наукова думка.

Березанская и др. 1994: Березанская С. С., Цвек Е. В., Клочко В. И., Ляшко С. Н. 1994. *Ремесло эпохи энеолита — бронзы на Украине.* Киев: Наукова думка.

Березанская С. С., Чередниченко Н. Н. 1985. Срубная культура. В: Телегин Д. Я. (отв. ред.). *Археология Украинской ССР.* Т. 1. Киев: Наукова думка, 462—473.

Березанская С. С., Шарафутдинова И. Н. 1985. Сабатиновская культура. В: Телегин Д. Я. (отв. ред.). *Археология Украинской ССР.* Т. 1. Киев: Наукова думка, 489—499.

Березанська С. С. 1964. *Бронзовий вік на Україні.* Київ: Наукова думка.

Березанська С. С., Отрощенко В. В. 1997. Етнічний склад населення. В: Станко В. Н. (відп. ред.). *Давня історія України.* Т. 1 (II). Київ: Наукова думка, 387—422.

Берестнев С. И. 1997. К проблеме соотношения культур эпохи бронзы в Восточноукраинской лесостепи. В: *Проблемы истории и археологии Украины. К 140-летию со дня рожд. акад. Д. И. Багалея.* Тез. докл. науч. конф. 16—18 апреля 1997 г. Харьков: АО «Бизнес Информ». URL: *bronza-li*b.n*a*r*o*d.r*u/b/berestnev1997.html*. Дата обращения 12.11.2013 г.

Берестнев С. И. 2001. *Восточноукраинская лесостепь в эпоху средней и поздней бронзы (II тыс. до н. э.).* Харьков: ПФ Амет.

Бочкарев В. С. 1982. Развитие общества и прогресс систем вооружения. (По материалам поры поздней бронзы юга Восточной Европы). В: Аракелян Б. Н., Массон В. М., Ханзадян Э. В.

Литература

(редколл.). *Культурный прогресс в эпоху бронзы и раннего железа* (20—24 октября 1982 г.). Тез. докл. Всесоюзного симп., посв. 60-летию образования СССР. Ереван: АН Арм. ССР, 19—22.

Бочкарев В.С. 1990. Факторы развития металлообрабатывающего производства южной половины Восточной Европы в эпоху поздней бронзы. В: Кершнер-Горбунова Н.Г., Качалова Н.К. (ред. колл.). *Проблемы древней истории Северного Причерноморья и Средней Азии (эпоха бронзы и раннего железа).* Краткие тез. докл. науч. конф., посв. 90-летию со дня рожд. Б.А. Латынина. Ленинград: Государственный Эрмитаж, 4—5.

Бочкарев В.С. 1991. Волго-Уральский очаг культурогенеза эпохи поздней бронзы. В: Массон В.М. (отв. ред.). *Социогенез и культурогенез в историческом аспекте.* Мат-лы методолог. сем. ИИМК АН СССР. Санкт-Петербург: ИИМК АН СССР, 24—27.

Бочкарев В.С. 1993. Концептуальные основы хронологии эпохи поздней бронзы южной половины Восточной Европы. В: Массон В.М., Бочкарев В.С. (отв. ред.). Новые открытия и методологические основы археологической хронологии. Тез. докл. конф. *Археологические изыскания* 7. Санкт-Петербург, 42—43.

Бочкарев В.С. 1995а. Карпато-дунайский и волго-уральский очаги культурогенеза. В: Бочкарев В.С. (отв. ред.). Конвергенция и дивергенция в развитии культур эпохи энеолита — бронзы Средней и Восточной Европы. Мат-лы конф. 21—25 августа 1995 г., Саратов. *Археологические изыскания* 25. Санкт-Петербург, 18—29.

Бочкарев В.С. 1995б. Культурогенез и развитие металлопроизводства в эпоху поздней бронзы. (По материалам южной половины Восточной Европы). В: Васильев И.Б. (отв. ред.). *Древние индо-иранские культуры Волго-Уралья (II тыс. до н.э.). Межвуз. сб. науч. тр.* Самара: СамГПУ, 114—123.

Бочкарев В.С. 2009. Металлические булавки с кольцевидной головкой эпохи поздней бронзы из юго-западного региона Восточной Европы. В: Васильев С.А. (отв. ред.). *С.Н. Бибиков и первобытная археология.* Санкт-Петербург: ИИМК РАН, 357—365.

Бочкарев В.С. 2010а. Металлические топоры-кельты Европы эпохи поздней бронзы. В: Бочкарев В.С. *Культурогенез и древнее металлопроизводство Восточной Европы.* Санкт-Петербург: Инфо Ол, 119—123.

Бочкарев В.С. 2010б. Северопонтийское металлопроизводство эпохи поздней бронзы. В: Бочкарев В.С. *Культурогенез и древнее металлопроизводство Восточной Европы.* Санкт-Петербург: Инфо Ол, 164—171.

Бочкарев В. 2013. Эпоха бронзы в Восточной Европе. В: Пиотровский Ю.Ю. (науч. ред.). *Бронзовый век. Европа без границ. Четвертое — первое тысячелетия до н.э. Каталог выставки.* Санкт-Петербург: Чистый лист, 47—64.

Бочкарев В.С., Лесков А.М. 1978. О хронологическом соотношении памятников эпохи поздней бронзы Северного Причерноморья с Подоньем, Поволжьем и Северным Кавказом. В: Басин С.Г., Васильев И.Б., Качалова Н.К., Кубарев Е.М., Матвеева Г.И., Мерперт Н.Я., Пряхин А.Д., Шилов В.П. (ред. колл.). Древние культуры Поволжья и Приуралья. *Научные труды* 221. Куйбышев: Куйбышев. гос. пед. ин-т им. В.В. Куйбышева, 23—26.

Братченко С.Н. 1971. Пам'ятки багатоваликової керамики. В: Телегін Д.Я. (відп. ред.). *Археологія Української РСР.* Т.I. Київ: Наукова думка, 334—343.

Братченко С.Н. 1977. Погребения срубной культуры. В: Телегин Д.Я. (отв. ред.). *Вильнянские курганы в Днепровском Надпорожье.* Киев: Наукова думка, 12—17.

Братченко С.Н. 1985а. Каменско-ливенцовская группа памятников. В: Телегин Д.Я. (отв. ред.). *Археология Украинской ССР.* Т.1. Киев: Наукова думка, 458—462.

Братченко С.Н. 1985б. Культура многоваликовой керамики. В: Телегин Д.Я. (отв. ред.). *Археология Украинской ССР.* Т.1. Киев: Наукова думка, 451—458.

Братченко С.Н. 2006. Левенцовская крепость. Памятник культуры бронзового века. *Матеріали та дослідження з археології Східної України. Зб. наук. праць* 6. Луганськ, 32—340.

Братченко С.Н., Гершкович Я.П. 2003. Бахмутовская курганная группа. *Материалы и исследования по археологии Восточной Украины. Сб. науч. тр.* 1. Луганск, 247—277.

Бровендер Ю.М. 2001а. Домостроительство населения бережновско-маевской срубной культуры Донецкого кряжа. В: Колев Ю.И. (отв. ред.). *Бронзовый век Восточной Европы: характеристика культур, хронология и периодизация.* Мат-лы междунар. науч. конф. «К столетию периодизации В.А. Городцова бронзового века южной половины Восточной Европы» 23—28 апреля 2001 г. Самара: ООО «НТЦ», 341—347.

Бровендер Ю.М. 2001б. Итоги исследований поселений срубной общности в среднем течении Северского Донца. В: *Эпоха бронзы Доно-Донецкого региона.* Мат-лы 5-го Укр.-Росс. полевого археол. сем. Киев — Воронеж, 18—23. URL: bronza-lib.narod.ru/b/brovender2001.htm. Дата обращения 12.11.2013 г.

Бровендер Ю.М. 2007. Находки деталей конской упряжи в контексте Донецкого горно-металлургического центра эпохи поздней бронзы. *Матеріали та дослідження з археології Східної України* 7, 224—234.

Бровендер Ю.М. 2008. Новые свидетельства о колесницах срубной общности на Северском Донце. В: Василенко А.И. (авт. проекта). *Происхождение и распространение колесничества. Сб. науч. ст.* Луганск: Глобус, 197—203.

Бровендер Ю.М. 2010. Поселение Червонэ озеро-3 Донецкого горно-металлургического центра эпохи бронзы. *Донецький археологічний збірник* 13/14, 203—221.

Бруяко И.В. 2005. *Ранние кочевники в Европе X—V вв. до Р.Х.* Кишинев: Высшая антропологическая школа.

Ванчугов В.П. 1987. Памятники тудоровского типа в Северо-Западном Причерноморье. (К вопросу о белозерской культуре). В: Артеменко И.И. (отв. ред.). *Межплеменные связи эпохи бронзы на территории Украины. Сб. науч. тр.* Киев: Наукова думка, 114—131.

Ванчугов В.П. 1990. *Белозерские памятники в Северо-Западном Причерноморье. Проблема формирования белозерской культуры.* Киев: Наукова думка.

Ванчугов В.П. 1993. Керамика с прочерченным орнаментом из памятников поздней бронзы Северо-Западного Причерноморья. В: Ванчугов В.П. (отв. ред.). *Древности Причерноморских степей.* Киев: Наукова думка, 28—39.

Ванчугов В.П. 1999. О погребениях сабатиновской

культуры в Днестро-Дунайском междуречье. *КС ОАО*, 58—62.

Ванчугов В. П. 2000. Проблема погребального обряда сабатиновской культуры в Северо-Западном Причерноморье. *Археологія та етнологія Східної Європи: матеріали і дослідження*. Зб. наук. робіт, присв. 135-річчю ОДУ ім. І. І. Мечникова. Одеса, 39—56.

Ванчугов В. П. 2013. Сабатиновская культура. В: Бруяко И. В., Самойлова Т. Л. (отв. ред.). *Древние культуры Северо-Западного Причерноморья (к 95-летию НАНУ)*. Одесса: СМИЛ, 293—315.

Ванчугов В. П., Иванова С. В. 2013. Бронзовый век Северо-Западного Причерноморья. Историко-археологический очерк. В: Бруяко И. В., Самойлова Т. Л. (отв. ред.). *Древние культуры Северо-Западного Причерноморья (к 95-летию НАНУ)*. Одесса: СМИЛ, 335—342.

Ванчугов В. П., Черняков И. Т. 1984. Северо-Западное Причерноморье на рубеже эпох бронзы и железа. В: Черняков И. Т. (отв. ред.). *Ранний железный век Северо-Западного Причерноморья*. Киев: Наукова думка, 5—24.

Ванчугов и др. 1991: Ванчугов В. П., Загинайло А. Г., Кушнир В. Г., Петренко В. Г. 1991. *Вороновка II. Поселение позднего бронзового века в Северо-Западном Причерноморье*. Киев: Наукова думка.

Васильев и др. 1993: Васильев И. Б., Кузнецов П. Ф., Семенова А. П. 1993. Периодизация культур бронзового века Волго-Уральского региона. В: Массон В. М., Бочкарев В. С. (отв. ред.). Новые открытия и методологические основы археологической хронологии. Тез. докл. конф. *Археологические изыскания* 7. Санкт-Петербург, 66—68.

Васильев и др. 1995: Васильев И. Б., Кузнецов П. Ф., Семенова А. П. 1995. Памятники потаповского типа в лесостепном Поволжье. (Краткое изложение концепции). В: Васильев И. Б. (отв. ред.). *Древние индо-иранские культуры Волго-Уралья (II тыс. до н. э.). Межвуз. сб. науч. тр.* Самара: СамГПУ, 5—37.

Васильев и др. 2000: Васильев И. Б., Кузнецов П. Ф., Турецкий М. А. 2000. Ямная и полтавкинская культуры. В: Кабитов И. С. (гл. ред.). *История Самарского Поволжья с древнейших времен до наших дней. Бронзовый век* I. Самара: Самарский науч. центр РАН, 6—64.

Великанова М. С. 1975. *Палеоантропология Прутско-Днестровского междуречья*. Москва: Наука.

Винокур І. С., Телегін Д. Я. 2008. *Археологія України. Підручник для студентів історичних спеціальностей вищих навчальних закладів*. Вид. друге, доповнене і перероблене. Тернопіль: Навчальна книга — Богдан.

Герасименко Н. П., Горбов В. Н. 1996. Хроностратиграфия и палеоэкология эпохи бронзы Северо-Восточного Приазовья. В: Горбов В. Н. (гл. ред.). *Северо-Восточное Приазовье в системе евразийских древностей (энеолит — бронзовый век)* II. Мат-лы междунар. конф. Донецк: ДонГУ, 47—49.

Гершкович Я. П. 1982. Культурно-хронологические группы погребений эпохи средней-поздней бронзы кургана у с. Пришиб. В: Телегин Д. Я. (отв. ред.). *Материалы по хронологии археологических памятников Украины*. Киев: Наукова думка, 46—61.

Гершкович Я. П. 1989а. К вопросу о памятниках «обиточненского» типа. В: Толочко П. П. (відп. ред.). *Проблеми історії та археології давнього населення Української РСР*. Тези доп. XX Респ. конф. Одеса, жовтень 1989 р. Київ: Наукова думка, 52—53.

Гершкович Я. П. 1989б. К проблеме сложения сабатиновской культуры. В: Колесник А. В., Дегерменджи С. М., Дубовская О. Р. (отв.). *Проблемы охраны и исследования памятников археологии в Донбассе*. Тез. докл. науч.-практ. сем. 19—21 апреля 1989 г. Донецк: Донецкая городская типография, 113—115.

Гершкович Я. П. 1990. К вопросу о появлении чернолесской керамики на поселениях бондарихинской культуры в бассейне Северского Донца. В: Бровендер Ю. М. (отв. ред.). *Проблемы исследования памятников археологии Северского Донца*. Тез. докл. обл. науч.-практ. конф., Луганск, ноябрь 1990 г. Луганск: Луганская правда, 57—59.

Гершкович Я. П. 1993. *Сабатинівська культура Нижнього Подніпров´я та Північно-Західного Приазов'я*. Автореф. дис. ... канд. іст. наук. Київ.

Гершкович Я. П. 1995. О характере заселения Среднего Подонцовья в эпоху поздней бронзы. В: Отрощенко В. В., Пряхин А. Д. (отв. ред.). *Эпоха бронзы Доно-Донецкого региона* (материалы украинско-российского полевого археолог. сем.). С. Капитаново, 13—14 июля 1995 г. Луганск, 37—38.

Гершкович Я. П. 1996. К проблеме соотношения региональных схем периодизации поздней бронзы Нижнего Поднепровья, Северо-Восточного Приазовья и Подонцовья. В: *Доно-Донецкий регион в системе древностей эпохи бронзы восточноевропейской степи и лесостепи*. Тез. докл. и мат. российско-украинской науч. конф. и второго украинско-российского полевого сем 2. Воронеж: Воронежск. ун-т, 22—24.

Гершкович Я. П. 1997. Происхождение и эволюция сабатиновского керамического комплекса. *Археологический альманах* 6, 125—144.

Гершкович Я. П. 1998. Этнокультурные связи в эпоху поздней бронзы в свете хронологического соотношения памятников (Нижнее Поднепровье — Северо-Восточное Приазовье — Подонцовье). *Археологический альманах* 7, 61—92.

Гершкович Я. П. 2000. Историографический комментарий к проблеме сабатиновской культуры. В: *Срубная культурно-историческая общность в системе древностей эпохи бронзы евразийской степи и лесостепи*. Мат-лы междунар. науч. конф. Воронеж: ВГУ, 153—156.

Гершкович Я. П. 2001. Взаимодействие археологических культур в заключительный период эпохи поздней бронзы на Юго-Западе Восточной Европы. В: Моргунова Н. Л. (отв. ред.). *XV Уральское археологическое совещание*. Тез. докл. междунар. науч. конф., 17—21 апр. 2001 г. Оренбург: ООО «Оренбургская губерния», 69—71.

Гершкович Я. П. 2001—2002. Парадоксы в историографии сабатиновской культуры. *Stratum plus* (2), 598—607.

Гершкович Я. П. 2002. Новокиївське поселення. В: Оленковський М. П. (відп. ред.). *Археологічна збірка* 2. Херсон: ВАТ «Вид-во „Наддніпрянська правда"», 83—87.

Гершкович Я. П. 2003. Взаємозв´язки населення степу та лісостепу України за доби пізньої бронзи. *Археологія* (3), 32—40.

Гершкович Я. П. 2004а. Проблемы археологической и исторической классификации сабатиновской культуры. В: Niculiţă I., Zanoci A., Postică Iu.

Литература

(red.). *Thracians and Circumpontic World.* IX-th International Congress of Thracology. Rezumate — Summaries, 6—11 sept. 2004, Chişinău —Vadul lui Vodă. Chişinău: Reclama, 46—47.

Гершкович Я.П. 2004б. Феномен зольников белогрудовского типа. *РА* (4), 104—113.

Гершкович Я.П. 2005. Пізньоабашевська та покровська ланки в періодизаціх культур бронзового віку Східної Європи. В: Отрощенко В.В. (відп. ред.). *На пошану Софії Станіславівни Березанської. Зб. наук. праць.* Київ: Шлях, 177—180.

Гершкович Я.П. 2005—2009. Днепровокаменский комплекс литейных форм эпохи поздней бронзы из Среднего Поднепровья. *Stratum plus* (2), 578—590.

Гершкович Я.П. 2009. Зольники белогрудовского типа — сложные монументальные структуры эпохи поздней бронзы. *Археологический альманах* 20, 327—332.

Гершкович и др. 1987: Гершкович Я.П., Клочко В.И., Евдокимов Г.Л. 1987. Новокиевская литейная мастерская и проблемы хронологии сабатиновских памятников Нижнего Поднепровья. *СА* (2), 142—158.

Горбенко К.В. 2008. Археологічні дослідження степового городища доби фінальної бронзи «Дикий Сад». *КС ОАО*, 85—90.

Горбов В.Н. 1989. О применении камня в домостроительстве срубной культуры Северо-Восточного Приазовья. В: Колесник А.В., Дегерменджи С.М., Дубовская О.Р. (отв.). *Проблемы охраны и исследования памятников археологии в Донбассе.* Тез. докл. науч.-практ. сем. 19—21 апреля 1989 г. Донецк: Донецкая городская типография, 120—123.

Горбов В.Н. 1991. Некоторые итоги исследований поселений срубной культуры в Северо-Восточном Приазовье. В: Яровой Е.В. (отв. ред.). *Древнейшие общности земледельцев и скотоводов Северного Причерноморья (V тыс. до н.э. — V в.н.э.).* Мат-лы междунар. конф. Кишинев 10—14 декабря 1990 г. Киев: РИО Республиканской ассоциации молодых ученых и специалистов АН УССР, 119—120.

Горбов В.Н. 1992. Новые данные о поселении Ляпичев хутор и некоторые проблемы изучения срубных поселений Приазовья. В: Михеев В.К. (гл. ред.). *История и археология Слободской Украины.* Тез. докл. и сообщ. Всеукраинской конф., посв. 90-летию XII Археол. съезда. Харьков, 100—102.

Горбов В.Н. 1993. Поселенческие комплексы Приазовья в системе синхронизации западного и восточного кругов культур валиковой керамики. В: Массон В.М., Бочкарев В.С. (отв. ред.). Новые открытия и методологические основы археологической хронологии. Тез. докл. конф. *Археологические изыскания* 7. Санкт-Петербург, 90—93.

Горбов В.Н. 1994а. Об одной категории керамики позднего бронзового века. В: Яровой Е.В. (отв. ред.). *Древнейшие общности земледельцев и скотоводов Северного Причерноморья V тыс. до н.э. — V в.н.э.* Мат-лы Междунар. археол. конф. 10—14 октября 1994 г. Тирасполь: НИЛ «Археология» ПГКУ, 130—133.

Горбов В.Н. 1994б. О верхней границе существования срубной культуры в Приазовье. В: Малов Н.М. (отв. ред.). *Срубная культурно-историческая область.* Мат-лы III Рыковских чтений октябрь 1994 г. Саратов: Сарат. ун-т, 70—74.

Горбов В.Н. 1994в. О раннесрубных поселенческих памятниках Донбасса. В: Ковалева И.Ф. (отв. ред.). *Проблемы хронологии культур энеолита — бронзового века Украины и юга Восточной Европы.* Тез. докл. междунар. конф. Днепропетровск: ДГУ, 15—17.

Горбов В.Н. 1995а. К проблеме культурной атрибуции поселения на Белозерском лимане. В: Бочкарев В.С. (отв. ред.). Конвергенция и дивергенция в развитии культур эпохи энеолита — бронзы Средней и Восточной Европы II. Мат-лы конф. и дискуссии 21—25 августа 1995 г., Саратов. *Археологические изыскания* 25 (II). Санкт-Петербург, 52—72.

Горбов В.Н. 1995б. Сабатиновская культура: возвращаясь к культурным индикаторам. В: Бочкарев В.С. (отв. ред.). Конвергенция и дивергенция в развитии культур эпохи энеолита — бронзы Средней и Восточной Европы. Мат-лы конф. 21—25 августа 1995 г., Саратов. *Археологические изыскания* 25. Санкт-Петербург, 87—90.

Горбов В.Н. 1996а. Раннесрубные поселенческие комплексы северо-восточного Приазовья. В: *Доно-Донецкий регион в системе древностей эпохи бронзы восточноевропейской степи и лесостепи.* Тез. докл. и мат. конф. Воронеж: Воронежск. ун-т, 66—69.

Горбов В.Н. 1996б. Финал бронзового века Северо-Восточного Приазовья и некоторые проблемы региональных различий. В: Горбов В.Н. (гл. ред.). *Северо-Восточное Приазовье в системе евразийских древностей (энеолит — бронзовый век).* II.Мат-лы междунар. конф. Донецк: ДонГУ, 13—21.

Горбов В.Н. 1997а. Две традиции применения камня в домостроительстве бронзового века. *Археологический альманах* 6, 145—162.

Горбов В.Н. 1997б. О различиях срубного и сабатиновского каменного домостроительства. В: Клюшинцев В.Н. (сост. и ред.). *Сабатиновская и срубная культуры: проблемы взаимосвязей востока и запада в эпоху поздней бронзы.* Тез. докл. I-го Всесоюзного полевого сем. 10—18 сентября 1990 г. Киев; Николаев; Южноукраинск: Международный Информационный Центр, 6—7.

Горбов В.Н. 2000. Особенности домостроительства и планиграфии поселений позднего бронзового века в условиях степной зоны. В: Крыжицкий С.Д. (науч. ред.). *Археология и древняя архитектура Левобережной Украины и смежных территорий.* Донецк: Східний видавничий дім, 55—59.

Горбов В.Н. 2001. Парадоксы поселения у хутора Ляпичев. В: Добров П.В., Беспалов Н.Е., Носков В.А., Кузьмина Е.Е., Пряхин А.Д., Хенаи Х.А., Ежов В.И., Лаврин Г.И., Кравец В.И., Мирошниченко А.А. (ред. колл.). *Проблемы археологии и архитектуры* 1. *Археология*. Донецк; Макеевка: Журнал «Донбасс»; Национальный союз писателей Украины, 145—170.

Горбов В.Н., Литвиненко Р.А. 1998. К вопросу о населении бассейна р. Ворсклы в конце бронзового века. *Проблеми археології Подніпров´я. Міжвуз. зб. наук. праць* 1. Дніпропетровськ, 69—79.

Горбов В.Н., Мимоход Р.А. 1999. Культовые комплексы на поселениях срубной культуры Северо-Восточного Приазовья. В: Усачук А.Н. (отв. ред.). *Древности Северо-Восточного Приазовья.* Донецк: Украинский культурологический центр, 24—69.

Горбов В. Н., Привалова О. Я. 1989. Поселения срубной культуры Северо-Восточного Приазовья. В: Колесник А. В., Дегерменджи С. М., Дубовская О. Р. (отв.). *Проблемы охраны и исследования памятников археологии в Донбассе*. Тез. докл. науч.-практ. сем. 19—21 апреля 1989 г. Донецк: Донецкая городская типография, 35—38.

Горбов В. Н., Усачук А. Н. 1993. О некоторых орудиях гончарного производства в эпоху бронзы. *Древнее Причерноморье. КС ОАО*, 38—41.

Горбов В. Н., Усачук А. Н. 2001. О контакте архаичной срубной и позднемноговаликовой культур на Приазовской возвышенности. В: Колев Ю. И. (отв. ред.). *Бронзовый век Восточной Европы: характеристика культур, хронология и периодизация*. Мат-лы междунар. науч. конф. «К столетию периодизации В. А. Городцова бронзового века южной половины Восточной Европы». 23—28 апреля 2001 г. Самара: ООО «НТЦ», 213—220.

Горлач Н. В. 1979. Памятники культуры многоваликовой керамики в междуречье Орели и Самары. В: Моруженко А. А. (отв. ред.). *Проблемы эпохи бронзы юга Восточной Европы*. Тез. докл. конф. 3—6 декабря 1979 г. Донецк: ДонГУ, 60—62.

Городцов В. 1927. Бронзовый век на территории СССР. В: Шмидт О. Ю. (гл. ред.). *Большая советская энциклопедия* Т. VII. Москва: Советская энциклопедия, 610—625.

Граков Б. Н. 1977. *Ранний железный век. (Культуры Западной и Юго-Восточной Европы)*. Москва: Московский ун-т.

Гудкова и др. 1991: Гудкова А. В., Охотников С. Б., Субботин Л. В., Черняков И. Т. 1991. *Археологические памятники Одесской области (справочник)*. Одесса.

Деопик Д. В. 1970. Классификация и статистический анализ керамического комплекса поселения у с. Кирово. В: Лесков А. М. (отв. ред.). *Древности Восточного Крыма. (Предскифский период и скифы)*. Киев: Наукова думка, 60—96.

Дергачев В. А. 1973. *Памятники эпохи бронзы*. АК МССР 3.

Дергачев В. А. 1975. *Бронзовые предметы XIII—VIII вв. до н. э. из Днестровско-Прутского междуречья*. Кишинев: Штиинца.

Дергачев В. А. 1986. *Молдавия и соседние территории в эпоху бронзы*. Кишинев: Штиинца.

Дергачев В. А. 1987. Эпоха бронзы. Начало разложения первобытнообщинного строя. В: Янин В. Л. (отв. ред.). *История Молдавской ССР*. Т. I (III). Кишинев: Картя Молдовеняскэ, 67—98.

Дергачев В. А. 1997. *Металлические изделия. К проблеме генезиса культур раннего гальштата Карпато-Данубио-Нордпонтийского региона*. Кишинев: Типография Академии наук.

Дергачев В. А. 2010. *Топоры-кельты поздней бронзы Карпато-Подунавья* 1. *Одноушковые кельты с арковидными фасками*. Кишинев: Tipografia Centrală.

Дергачев В. А. 2011. *Топоры-кельты поздней бронзы Карпато-Подунавья* 2. *Кельты и серпы Нижнего Подунавья*. Кишинев: Tipografia Centrală.

Дергачев В. 2012. Клад поздней бронзы из села Баху в Республике Молдова. *Revista Arheologică, S. N.* VIII (1—2), 154—160.

Дергачев В. А., Бочкарев В. С. 2002. *Металлические серпы поздней бронзы Восточной Европы*. Кишинев: Высшая антропологическая школа.

Дремов И. И. 2000. Эволюция религиозных представлений древних индоевропейцев Поволжья (по материалам погребальных обрядов). В: Юдин А. И. (отв.). *Взаимодействие и развитие древних культур южного пограничья Европы и Азии*. Мат-лы междунар. науч. конф., посв. 100-летию со дня рожд. И. В. Синицына (1900—1972). Саратов — Энгельс, 14—18 мая 2000 г. Саратов: Саратовский ун-т, 121—125.

Дремов И. И. 2011. *Погребальные памятники конца средней и начала поздней бронзы степного Поволжья*. Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. Ижевск. URL: *v4.ud*su.r*u/files/1304268371.pdf*. Дата обращения 12.11.2013 г.

Елисеев В. Ф., Клюшинцев В. Н. 1982. Погребения с костяными пряжками в междуречье Ингульца и Тилигула. В: Телегин Д. Я. (отв. ред.). *Материалы по хронологии археологических памятников Украины*. Киев: Наукова думка, 71—80.

Зиневич Г. П. 1970. Краниологические материалы эпохи энеолита — ранней бронзы в Северо-Западном Причерноморье. *МАСП* 6, 156—167.

Иванова С. В. 2004. Сабатиновская культура — срубная культура: контакты на западе степного Причерноморья. *Археологические памятники Оренбуржья* VI, 38—45.

Иванова и др. 2011а: Иванова С. В., Киосак Д. В., Виноградова Е. И. 2011. Модели жизнедеятельности населения Северо-Западного Причерноморья и климатические аномалии (6000—2000 лет до н. э.). *Stratum plus* (2), 101—140.

Иванова и др. 2011 б: Иванова С., Киосак Д., Виноградова Е. 2011. *Палеоэкология и культурная динамика. Голоцен Северо-Западного Причерноморья*. Саарбрюкен: Lambert Academic Publishing.

Иванова и др. 2012: Иванова С. В., Островерхов А. С., Савельев О. К., Остапенко П. В. 2012. *Очерки истории и археологии Днестро-Бугского междуречья*. Киев: КНТ.

Изотова М. А. 2000. К вопросу о позднеандроновском (федоровском) компоненте в срубной среде. В: Юдин А. И. (отв.). *Взаимодействие и развитие древних культур южного пограничья Европы и Азии*. Мат-лы междунар. науч. конф., посв. 100-летию со дня рожд. И. В. Синицына (1900—1972). Саратов — Энгельс, 14—18 мая 2000 г. Саратов: Саратовский ун-т, 109—112.

Ильюков Л. С. 2012. Археологические памятники бассейна Нижнего Дона в эпоху поздней бронзы. В: Чибилев А. А. (предс. ред. совета). *Степи Северной Евразии*. Мат-лы VI междунар. симп. и VIII междунар. школы-сем. «Геоэкологические проблемы степных регионов». Оренбург: ИПК «Газпромпечать»; ООО «Оренбурггазпромсервис», 314—316.

Кабанова Е. В. 1996. Опыт применения статистических методов для анализа керамики поселений Северо-Восточного Приазовья. В: Горбов В. Н. (гл. ред.). *Северо-Восточное Приазовье в системе евразийских древностей (энеолит — бронзовый век)* II. Мат-лы междунар. конф. Донецк: ДонГУ, 41—47.

Каврук В. И. 1988. *Культура Ноуа. Опыт этногенетической реконструкции*. Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. Москва.

Качалова Н. К. 1979. Стратиграфические горизонты Бережновских могильников. *АСГЭ* 20, 28—38.

Качалова Н. К. 1993. Срубная культура Волго-Уральского междуречья. Природная среда, история изучения, проблематика. В: Качалова Н. К. (науч. ред.). *Памятники срубной культуры: Волго-Уральское междуречье* I. САИ В1—10. Саратов, 3—18.

Кислый А. Е. 1990. Об относительной хронологии

Литература

каменско-ливенцовских памятников. В: Шапошникова О.Г. (отв. ред.). *Проблемы изучения катакомбной культурно-исторической общности.* Тез. докл. Всесоюзного сем. Запорожье, 20—22. URL: *bronza-li*b.nar*od.ru/k/kislyj1990.html*. Дата обращения 12.11.2013 г.

Кислый А.Е. 1997. Исследование поселений Каменского типа в Восточном Крыму. *Археологические исследования в Крыму. 1994 год.* Симферополь, 34—37.

Кислый А.Е. 2005. Население и памятники каменской культуры Восточного Крыма. *Stratum plus* 2003—2004 (2), 93—126.

Кислий О.Є. 2006. Основні риси кам´янської культури Східного Криму. *Археологія* (3), 21—34.

Кислый А.Е., Гершкович Я.П. 1989. О некоторых особенностях керамики каменско-ливенцовской культурной группы. В: Колесник А.В., Дегерменджи С.М., Дубовская О.Р. (отв.). *Проблемы охраны и исследования памятников археологии в Донбассе.* Тез. докл. науч.-практ. сем. 19—21 апреля 1989 г. Донецк: Донецкая городская типография, 112—113.

Клочко В.И. 1987. Система вооружения Лобойковского очата металлообработки. В: Дегерменджи С.М., Колесник А.В., Дубовская О.Р. (отв.). *Проблемы охраны и исследования памятников археологии в Донбассе.* Тез. докл. обл. науч.-практ. сем. 23—24 апреля 1987 г. Донецк: Донецкий областной краеведческий музей, 73—75.

Клочко В.И. 2003. Металлические изделия Гордиевского могильника и проблемы культурогенеза на Правобережной Украине во II тыс. до Р.Х. В: Дудкін В.П. (гол. ред.). *Археометрія та охорона історико-культурної спадщини.* URL: http://www.myslenedrevo.com.ua/studies/arox/2003/klochko.html. Дата обращения 29.09.2010.

Клочко В.І. 2006. *Озброєння та військова справа давнього населення України (5000—900 рр. до Р.Х.).* Київ: АртЕк.

Клочко В.И., Козыменко А.В. 2011. *Наш недавний бронзовый век.* Киев: Ґенеза.

Клюшинцев В.Н. 1993а. *Поселения сабатиновской культуры Степного Побужья.* Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. Киев.

Клюшинцев В.Н. 1993б. *Поселения сабатиновской культуры Степного Побужья.* Дисс. ... канд. ист. наук. Киев.

Клюшинцев В.Н. 1995. *Поселения земледельцев и скотоводов позднего бронзового века Гранитно-Степного Побужья.* Киев; Южноукраинск: Тираж.

Ковалева И.Ф. 1981а. *Север Степного Поднепровья в среднем бронзовом веке (по данным погребального обряда).* Учеб. пособие. Днепропетровск: ДГУ.

Ковалева И.Ф. 1981б. Стратифицированные срубные курганы Приорелья. В: Ковалева И.Ф. (отв. ред.). *Степное Поднепровье в бронзовом и раннем железном веках.* Сб. науч. тр. Днепропетровск: ДГУ, 77—84.

Ковалева И.Ф., Волкобой С.С. 1978. Срубные курганные могильники Нижнего Приорелья. *Курганные древности Степного Поднепровья III—I тыс. до н.э.* Сб. науч. тр. Днепропетровск, 32—45.

Ковалева и др. 1981: Ковалева И.Ф., Ромашко В.А., Чернявская Н.В., Христан А.М. 1981. Раскопки курганных могильников бронзового века Среднего Приорелья. В: Ковалева И.Ф. (отв. ред.). *Степное Поднепровье в бронзовом и раннем железном веках.* Сб. науч. тр. Днепропетровск: ДГУ, 19—44.

Ковальова І.Ф., Волкобой С.С. 1976. Маївський локальний варіант зрубної культури. *Археологія* 20, 3—22.

Козенкова В.И. 1982. Синкретизм материальных форм как проявление культурного прогресса. (На примерах кобанской культуры Кавказа). В: Аракелян Б.Н., Массон В.М., Ханзадян Э.В. (редколл.). *Культурный прогресс в эпоху бронзы и раннего железа.* Тез. докл. Всесоюзного симп., посв. 60-летию образования СССР. Ереван: АН Армянской ССР, 114—115.

Козенкова В.И. 1990. Хронология кобанской культуры: достижения, опыт, уточнения, нерешенные проблемы. *СА* (3), 64—92.

Колев Ю.И. 2000. Заключительный этап эпохи бронзы в Поволжье. В: Кабитов И.С. (гл. ред.). *История Самарского Поволжья с древнейших времен до наших дней. Бронзовый век* VII. Самара: Самарский научный центр РАН, 242—301.

Колев Ю.И. 2008. Ивановская культура позднего бронзового века: основные черты и проблемы исследования. В: Сташенков Д.А. (отв. ред.). *Актуальные проблемы археологии Урала и Поволжья.* Самара: Глагол, 208—240.

Колотухин В.А. 1988. *Население Предгорного и Горного Крыма в конце II — первой половине I тыс. до н.э.* Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. Киев.

Колотухин В.А. 1990. Кизил-кобинская культура: генетические корни и условия формирования. *СА* (3), 93—112.

Колотухин В.А. 1996. Горный Крым в эпоху поздней бронзы — начале железного века. (Этнокультурные процессы). *Материалы по археологии Крыма.* Киев: Южногородские ведомости.

Колотухин В.А. 2003. *Поздний бронзовый век Крыма.* Киев: Стилос.

Колтухов и др. 1994: Колтухов С.Г., Кислый А.Е., Тощев Г.Н. 1994. *Курганные древности Крыма (по материалам раскопок Северо-Крымской экспедиции в 1991—1992 гг.).* Запорожье: Днепровский металлург.

Кривцова-Гракова О.А. 1947. Алексеевское поселение и могильник. В: Рубинштейн Н.Л. (отв. ред.). Археологический сборник. *Труды ГИМ* XVII, 57—172.

Кривцова-Гракова О.А. 1951. Садчиковское поселение. (Раскопки 1948 г.). *МИА* 21, 152—181.

Кривцова-Гракова О.А. 1955. *Степное Поволжье и Причерноморье в эпоху поздней бронзы.* МИА 46.

Круц С.И. 1984. *Палеоантропологические исследования Степного Приднепровья (эпоха бронзы).* Киев: Наукова думка.

Круц С.И. 1985. Антропологический состав населения территории Украины в эпоху камня, меди и бронзы. В: Телегин Д.Я. (отв. ред.). *Археология Украинской ССР.* Т.1. Киев: Наукова думка, 527—535.

Круц С.І. 1997. Антропологічний склад населення. В: Станко В.Н. (відп. ред.). *Давня історія України.* Т. 1 (II). Київ: Наукова думка, 529—544.

Крушельницька Л.І. 1985. *Взаємозв'язки населення Прикарпаття і Волині з племенами Східної і Центральної Європи (рубіж епох бронзи і заліза).* Київ: Наукова думка.

Крушельницька Л.І. 2006. *Культура Ноа на землях України.* Львів: Львівська наукова бібліотека ім.В. Стефаника НАН України.

Крыжицкий С.Д. 1982. *Жилые дома античных городов Северного Причерноморья (VI в. до н.э. — IV в.н.э.).* Киев: Наукова думка.

Кузнецов П. Ф., Семенова А. П. 2000. Памятники Потаповского типа. В: Кабитов И. С. (гл. ред.). *История Самарского Поволжья с древнейших времен до наших дней. Бронзовый век.* Гл. IV. Самара: Изд. Самарского научного центра РАН, 122—151.

Кузьмина Е. Е. 2008. *Арии — путь на юг.* Москва; Санкт-Петербург: Летний сад.

Кузьмина О. В., Шарафутдинова Э. С. 1995. Хроника семинара «Проблемы перехода от эпохи средней брозы к эпохе поздней бронзы в Волго-Уралье». В: Васильев И. Б. (отв. ред.). *Древние индо-иранские культуры Волго-Уралья (II тыс. до н. э.).* Межвуз. сб. науч. тр. Самара: СамГПУ, 208—230.

Куштан Д. П. 2002. Периодизация памятников эпохи поздней бронзы Среднего Поднепровья. В: Яровой Е. В. (отв. ред.). *Древнейшие общности земледельцев и скотоводов Северного Причерноморья (V тыс. до н. э. — V век н. э.).* Мат-лы III Междунар. конф. Тирасполь: НИЛ «Археология» ПГУ, 182—184.

Куштан Д. П. 2006. Проблема культурної атрибуції Чикалівського поселення доби пізньої бронзи. *Матеріали та дослідження з археології Східної України.* 5. Зб. наук. праць. Луганськ, 259—272. URL: www.arheolog-ck.ru/?p=2818. Дата обращения 12.11.2013 г.

Куштан Д. П. 2007. *Населення південної частини Лісостепового Подніпров'я за доби пізньої бронзи.* Автореф. дис. ... канд. іст. наук. Київ. URL: www.irbis-nbuv.gov.ua/9/cgiirbis_64.exe?..; www.arheolog-ck.ru/?p=588. Дата обращения 12.11.2013 г.

Куштан Д. П. 2011. Трансевразийский «оловянный» путь эпохи поздней бронзы. В: Алекшин В. А., Бочкарев В. С. (отв. ред.). *Переход от эпохи бронзы к эпохе железа в Северной Евразии.* Матлы Круглого стола 23—24 июня 2011 г. Санкт-Петербург, 19—21.

Куштан Д. П. 2012а. Поселення доби пізньої бронзи Луківка на півдні Лісостепового Побужжя. В: *Проблеми дослідження пам'яток археології Східної України (пам'яті С. Н. Братченка).* III Луганська міжнар. істор.-археолог. конф. 13—15 листопада 2012 р. Луганськ: ЛОКМ, 252—261. URL: *www.arheolog-ck.ru/? p=5259*. Дата обращения 12.11.2013 г.

Куштан Д. П. 2012б. Трансъевразийский «оловянный» путь эпохи поздней бронзы. *Российский археологический ежегодник* (2), 284—300. URL: www.arheolog-ck.ru/?p=5211. Дата обращения 12.11.2013 г.

Левицкий О. Г. 1995. Погребальный комплекс сабатиновской культуры у с. Кырнэцень. *ДСПК* V, 159—165.

Левицкий О. Г. 2002. Раннегальштатские общности и культура Белозерка в Северном Причерноморье — о диалоге миров. В: Кетрару Н. А. (отв. ред.). *Северное Причерноморье: от энеолита к античности.* Тирасполь: НИЛ «Археология» ПГУ, 180—205.

Лесков А. М. 1967а. О северопричерноморском очаге металлообработки в эпоху поздней бронзы. В: Лесков А. М., Мерперт Н. Я. (отв. ред.). *Памятники эпохи бронзы юга Европейской части СССР.* Киев: Наукова думка, 143—178.

Лесков А. М. 1967б. Раскопки курганов на юге Херсонщины и некоторые вопросы истории племен бронзового века Северного Причерноморья. В: Лесков А. М., Мерперт Н. Я. (отв. ред.). *Памятники эпохи бронзы юга Европейской части СССР.* Киев: Наукова думка, 7—19.

Лесков А. М. 1970. Кировское поселение. В: Лесков А. М. (отв. ред.). *Древности Восточного Крыма. (Предскифский период и скифы).* Киев: Наукова думка, 7—59.

Лесков А. М. 1971. Предскифский период в степях Северного Причерноморья. *МИА* 177, 75—91.

Лесков А. М. 1975а. *Заключительный этап бронзового века на Юге Украины.* Автореф. дисс. ... док. ист. наук. Москва.

Лесков А. М. 1975б. *Предскифский период на Юге Украины.* Автореф. дисс. ... д-ра ист. наук. Москва.

Лєсков О. М. 1971. Зрубна культура. В: Телегін Д. Я. (відп. ред.). *Археологія Української РСР.* Т. I. Київ: Наукова думка, 404—428.

Лисенко С. Д. 2001. *Середнє Подніпров'я за доби пізньої бронзи.* Автореф. дис. ... канд. іст. наук. Київ. URL: *disser.com.ua/contents/29054.html*. Дата обращения 02.09.2009 г.

Лисенко С. 2002. Середнє Подніпров'я за доби пізньої бронзи. *Записки Наукового товариства імені Шевченка* CCXLIV. *Праці Археологічної комісії.* Львів, 155—178.

Лисенко С. С. 2006. *Прикраси населення України доби пізньої бронзи.* Автореф. дис. ... канд. іст. наук. Київ.

Литвиненко Р. А. 1990. О курганном обряде в эпоху средней и поздней бронзы Донеччины. В: Бровендер Ю. М. (отв.). *Проблемы исследования памятников археологии Северского Донца.* Тез. докл. обл. науч.-практ. конф., ноябрь 1990 г. Луганск: Луганская правда, 80—83.

Литвиненко Р. А. 1991. К вопросу о погребальном обряде сабатиновской культуры. В: Яровой Е. В. (отв. ред.). *Древнейшие общности земледельцев и скотоводов Северного Причерноморья (V тыс. до н. э. — V в. н. э.).* Мат-лы междунар. конф. Кишинев 10—14 декабря 1990 г. Киев: РИО Республиканской ассоциации молодых ученых и специалистов АН УССР, 131—133.

Литвиненко Р. А. 1992а. Культурная ситуация в Донбассе середины II тыс. до н. э. *Материалы археологического семинара* 1, 10—13.

Литвиненко Р. А. 1992б. О степени преемственности погребального обряда предсрубного горизонта и срубной культуры в бассейне Северского Донца. В: Михеев В. К. (гл. ред.). *История и археология Слободской Украины.* Тез. докл. и сообщ. Всеукраинской конф., посв. 90-летию XII Археол. съезда. Харьков, 145—147.

Литвиненко Р. А. 1994. О раннем горизонте погребений срубной культуры Северо-Восточного Приазовья. В: Ковалева И. Ф. (отв. ред.). *Проблемы хронологии культур энеолита — бронзового века Украины и юга Восточной Европы.* Тез. докл. междунар. конф. Днепропетровск: ДГУ, 28—29.

Литвиненко Р. А. 1996. К оценке культуры многоваликовой керамики Восточного Надазовья. В: Горбов В. Н. (гл. ред.). *Северо-Восточное Приазовье в системе евразийских древностей (энеолит — бронзовый век)* I. Мат-лы междунар. конф. Донецк: ДонГУ, 65—71.

Литвиненко Р. А. 1998. Погребения КМК с производственным инвентарем. В: Тощев Г. Н. (отв. ред.). *Проблемы изучения катакомбной культурно-исторической общности (ККИО) и культурно-исторической общности многоваликовой керамики (КИОМК).* Запорожье: ЗГУ, 97—105.

Литвиненко Р. А. 1999а. Об одном типе посуды культуры многоваликовой керамики (КМК). В: *Етнічна історія та культура населення Степу та*

Литература

Лісостепу Євразії (від кам'яного віку по раннє середньовіччя). Мат. міжнар. археол. конф. Дніпропетровськ: Нова ідеологія, 83—86. URL: bronza-lib.narod.ru/litvinenko.html. Дата обращения 12.11.2013 г.

Литвиненко Р.А. 1999б. Периодизация срубных могильников Северо-Восточного Приазовья. В: Усачук А.Н. (отв. ред.). *Древности Северо-Восточного Приазовья.* Донецк: Украинский культурологический центр, 4—23.

Литвиненко Р.А. 2000а. О появлении КМК в бассейне Нижнего Дона. В: Юдин А.И. (отв.). *Взаимодействие и развитие древних культур южного пограничья Европы и Азии.* Мат-лы междунар. науч. конф., посв. 100-летию со дня рожд. И.В. Синицына (1900—1972). Саратов; Энгельс, 14—18 мая 2000 г. Саратов: Саратовский ун-т, 67—71.

Литвиненко Р.А. 2000б. Периодизация срубных древностей Доно-Донецкого региона (по погребальным памятникам Северского Донца). В: *Срубная культурно-историческая общность в системе древностей эпохи бронзы евразийской степи и лесостепи.* Мат-лы междунар. науч. конф. Воронеж: ВГУ, 81—90.

Литвиненко Р.А. 2002. Культура Бабино (многоваликовой керамики) и проблемы бронзового века бассейна Дона. *Археологические памятники Восточной Европы.* Воронеж: ВГПУ, 75—85.

Литвиненко Р.О. 2007. Статево-вікова диференціація в поховальному обряді бабинських культур. *Матеріали та дослідження з археології Східної України* 7, 156—172.

Литвиненко Р.О. 2008. Пам'ятки типу Бабине III: від культури до культурного кола. В: Лихолобова З.Г. (гол. ред.). *Нові сторінки історії Донбасу.* Кн. 15/16. Донецьк: ДонНУ, 342—354.

Литвиненко Р.О. 2009а. Ґенеза, розвиток та історична доля культурного кола Бабине. *Матеріали та дослідження з археології Східної України* 9, 44—90.

Литвиненко Р.О. 2009б. *Культурне коло Бабине (за матеріалами поховальних пам'яток).* Автореф. дис. ... д-ра іст. наук. Київ.

Литвиненко Р.О. 2009в. Методика культурно-таксономічного групування пам'яток бабинського типу. *Вісник Донецького національного університету* (1) *(*серия Б. Гуманітарні науки), 141—150.

Литвиненко Р.О. 2010. До витоків архітектури довгих могил Надчорномор'я. *Донецький археологічний збірник* 13/14, 30—66.

Литвиненко Р.О. 2011. Культурне коло Бабине: досвід культурологічних досліджень в археології. *Історичні і політологічні дослідження* (1—2 (47—48)), 169—178.

Литвинова Л.В. 2012. Антропологический материал из курганного могильника у с. Вапнярка. В: Иванова С.В., Островерхов А.С., Савельев О.К., Остапенко П.В. *Очерки истории и археологии Днестро-Бугского междуречья.* Прил. 2. Киев: КНТ, 242—255.

Лопатин В.А. 2010. *Смеловский могильник: модель локального культурогенеза в степном Заволжье (середина II тыс. до н.э.).* Саратов: Наука.

Лысенко С.Д. 2002. К вопросу о локализации коммуникаций эпохи поздней бронзы в Правобережной лесостепи. В: Литвиненко В.Ф., Щедрова Г.П., Бодрухин В.М., Довжук І.В. (ред. кол.). *Історична наука: проблеми розвитку.* Мат. Міжнар. наук. конф. 17—18 травня 2002 р. секція «Археологія». Луганськ: СНУ ім.В. Даля, 104—111.

Ляшко и др. 2004: Ляшко С.Н., Попандопуло З.Х., Дровосекова О.В. 2004. *Курганные могильники Днепровского Надпорожья (Ясиноватое, Днепровка, Петро-Михайловка).* Запорожье: Дикое Поле.

Макаревич А.В. 2007. Нагальні завдання вивчення видовжених курганних споруд. *Магістеріум* 27, 35—39.

Макаревич А.В. 2009. Довгі могили бабинської спільноти. *Магістеріум* 36, 27—33.

Макаревич А.В. 2010. Довгі могили доби пізньої бронзи на теренах України. В: Д'ячков С.В. (відп. за випуск). *Проблеми історії та археології України.* Мат. VII Міжнар. наук. конф. (Харків, 28—29 жовтня 2010 р.). Харків: ТОВ «НТМТ», 19—20.

Малов Н.М. 1992. Памятники покровского типа восточноевропейских степей. В: Михеев В.К. (гл. ред.). *История и археология Слободской Украины.* Тез. докл. и сообщ. Всеукраинской конф., посв. 90-летию XII Археол. съезда. Харьков, 149—150.

Малов Н.М. 2007. Покровская культура начала эпохи поздней бронзы в северных районах Нижнего Поволжья: по материалам поселений срубной культурно-исторической области. *АВЕС* 5, 34—92.

Малов Н.М. 2012. Культурогенез в эпоху поздней бронзы Нижнего Поволжья. *Известия Саратовского университета* 12. Серия История. Международные отношения (1), 95—101.

Массон В.М. 1998. Эпоха древнейших великих степных обществ. *Археологические вести* 5, 255—267.

Матвієнко Л.В. 2008. Степове Побужжя на зламі II-I тис. до н.е.: історія дослідження проблеми. *Наукові праці: Науково-методичний журнал* 83 (70). Миколаїв: МДГУ ім.П. Могили, 92—96.

Матвієнко Л.В. 2009. Сабатинівські поселення Степового Побужжя в цивілізаційному просторі. *Гілея* 23, 185—190.

Мельник О.О., Стеблина І.О. 2012. До питання про архітектуру «Довгих могил». *Проблеми археології Подніпров'я. Наук. міжвуз. зб. з проблем археології та давньої історії.* Дніпропетровськ, 71—85.

Мелюкова А.И. 1979. *Скифия и фракийский мир.* Москва: Наука.

Мерперт Н.Я. 1985. Срубная культурно-историческая область (к постановке вопроса). В: Басин С.Г. (отв. ред.). *Срубная культурно-историческая общность. (Проблемы формирования и периодизации).* Межвуз. сб. науч. тр. Куйбышев: КуйбГПИ, 3—10.

Мимоход Р.А. 2013. *Лолинская культура. Северо-западный Прикаспий на рубеже среднего и позднего периодов бронзового века.* Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. Москва.

Моргунова Н.Л. 2004. Предисловие. *Археологические памятники Оренбуржья* VI. Оренбург.

Мочалов О.Д. 2005. Типология керамики раннего этапа срубной культуры лесостепного Волго-Уралья. В: Тормозова Л.И., Романова С.Н. (ред.). II Городцовские чтения. Мат-лы науч. конф., посв. 100-летию деятельности В.А. Городцова в ГИМ. Апрель 2003 г. *Труды ГИМ* 145. Москва, 116—134.

Мочалов О.Д. 2008. *Керамика погребальных памятников эпохи бронзы лесостепи Волго-Уральского междуречья.* Самара: СамГПУ.

Мухопад С.Е., Ромашко В.А. 1992. Работы Самарского

отряда экспедиции ДГУ. *Археологический вестник* 3, 12—13.

Мыськов Е. П. 1991. К проблеме периодизации памятников срубной культуры Нижнего Поволжья и Волго-Донского междуречья. *СА* (4), 145—163.

Мыськов Е. П. 1997. Раннесрубные памятники Нижнего Поволжья и проблема их формирования. В: Клюшинцев В. Н. (сост. и ред.). *Сабатиновская и срубная культуры: проблемы взаимосвязей востока и запада в эпоху поздней бронзы.* Тез. докл. I-го Всесоюзного полевого сем. 10—18 сентября 1990 г. Киев; Николаев; Южноукраинск: Международный Информационный центр, 82—83.

Неретин И. И. 2008. О покровском типе памятников. *Научные труды преподавателей и студентов исторического факультета* 3. Воронеж, 29—35.

Новикова Л. А. 1976. Западные связи северопричерноморского очага металлообработки в эпоху поздней бронзы. *СА* (3), 25—57.

Ольховский В. С., Отрощенко В. В. 1991. Курганное святилище эпохи бронзы в Крыму. *ДСПК* II, 111—125.

Отрощенко В. В. 1977. Катакомбные и срубные курганы в окрестностях с. Балки. В: Бидзиля В. И. (отв. ред.). *Курганные могильники Рясные Могилы и Носаки. (Предварительная публикация).* Киев: Наукова думка, 5—15.

Отрощенко В. В. 1978. Могильники степного Поднепровья (2-я половина II тыс. до н. э.). В: Басин С. Г., Васильев И. Б., Качалова Н. К., Кубарев Е. М., Матвеева Г. И., Мерперт Н. Я., Пряхин А. Д., Шилов В. П. (ред. колл.). Древние культуры Поволжья и Приуралья. *Научные труды* 221. Куйбышев: Куйбышевский ГПУ им. В. В. Куйбышева, 84—85.

Отрощенко В. В. 1981. *Срубная культура Степного Поднепровья (по материалам погребальных памятников).* Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. Киев.

Отрощенко В. В. 1991. Степи Причорномор´я в епоху енеоліту та бронзи. В: Толочко П. П., Мурзін В. Ю. (авт.-упоряд.). *Золото степу. Археологія України.* Київ: Ін-т археології НАН України, Археологічний музей (Шлезвіг), 43—50.

Отрощенко В. В. 1993. К вопросу об относительной хронологии классических погребений бережновского типа. В: Массон В. М., Бочкарев В. С. (отв. ред.). *Новые открытия и методологические основы археологической хронологии. Археологические изыскания* 7. Санкт-Петербург, 81—83.

Отрощенко В. В. 1994а. О двух линиях развития культур племен срубной общности. В: Тощев (отв. ред.). *Проблемы скифо-сарматской археологии Северного Причерноморья* II. Тез. докл. Междунар. конф., посв. 95-летию со дня рожд. проф. Б. Н. Гракова. Запорожье: ИПК «Запоріжжя», 150—153.

Отрощенко В. 1994б. Тенденции развития погребальной обрядности на юге Восточной Европы (XVI—VIII вв. до н. э.). В: Niculiţă I. (red.). *Simpozion internaţional. Masivul traco-cimerian. Probleme actuale.* Chişinău: Universitatea de Stat din Moldova, 31—32.

Отрощенко В. В. 1996. Южноуральский очаг культурогенеза на оси пассионарных толчков. В: *Доно-Донецкий регион в системе древностей эпохи бронзы восточноевропейской степи и лесостепи* 2. Тез. докл. и мат. российско-украинской науч. конф. и второго украинско-российского полевого сем. Воронеж: Воронежск. ун-т, 29—31.

Отрощенко В. В. 1997. К вопросу о покровской срубной культуре. В: Юдин А. И. (науч. ред.). *Эпоха бронзы и ранний железный век в истории племен южнорусских степей.* Мат-лы междунар. науч. конф., посв. 100-летию со дня рожд. П. Д. Рау (1897—1997). Энгельс, 12—17 мая 1997 г. Саратов: СГПИ, 70—72.

Отрощенко В. В. 2000. О культурах срубной общности. В: *Срубная культурно-историческая общность в системе древностей эпохи бронзы евразийской степи и лесостепи.* Мат-лы междунар. науч. конф. Воронеж: ВГУ, 10—14.

Отрощенко В. В. 2001а. К попыткам ревизии культурно-хронологической схемы В. А. Городцова. В: Колев Ю. И. (отв. ред.). *Бронзовый век Восточной Европы: характеристика культур, хронология и периодизация.* Мат-лы междунар. науч. конф. «К столетию периодизации В. А. Городцова бронзового века южной половины Восточной Европы» 23—28 апреля 2001 г. Самара: ООО «НТЦ», 39—42.

Отрощенко В. В. 2001б. *Проблеми періодизації культур середньої та пізньої бронзи півдня Східної Європи (культурно-стратиграфічні зіставлення).* Київ: Інститут археології НАН України.

Отрощенко В. В. 2002. *Історія племен зрубної спільності.* Автореф. дис. ... д-ра іст. наук. Київ.

Отрощенко В. В. 2003. Культури зрубної спільности та гірничо-металургійні центри. В: *Проблеми гірничої археології.* Мат. I-го Картамиського польового археологічного семінару (7—8 серпня 2002 р.). Алчевськ: ДГМІ, 47—51.

Отрощенко В. В. 2004. Вільнянські кургани в контексті генези бережнівсько-маївської зрубної культури. В: Ляшко С. Н., Попандопуло З. Х., Дровосекова О. В. *Курганные могильники Днепровского Надпорожья (Ясиноватое, Днепровка, Петро-Михайловка).* Запорожье: Дикое Поле, 163—167.

Отрощенко В. В. 2005. Етнічні процеси на теренах України за доби бронзи. В: Скрипник Г. А. (відп. ред.). *Етнічна та етнокультурна історія України* 1 (II). Київ: Наукова думка, 69—120.

Отрощенко В. В. 2009а. До історіографії виділення бережнівсько-маївської зрубної культури. *Проблеми археології Подніпров'я. Наук. міжвуз. зб. з проблем археології, давньої історії та етнографії.* Дніпропетровськ, 70—74.

Отрощенко В. В. 2009б. До ювілею Ірини Миколаївни Шарафутдінової. *Археологія* (4), 104—105.

Отрощенко В. В., Рассамакін Ю. Я. 1997. З приводу культурної належності комплексів лобойківсько-дербеденівської зони металообробки. В: Клюшинцев В. Н. (сост. и ред.). *Сабатиновская и срубная культуры: проблемы взаимосвязей востока и запада в эпоху поздней бронзы.* Тез. докл. I-го Всесоюзного полевого сем. 10—18 сентября 1990 г. Киев; Николаев; Южноукраинск: Международный информационный центр, 23—25.

Отрощенко та ін. 2008: Отрощенко В. В., Рассамакін Ю. Я., Черних Л. А., Гершкович Я. П. 2008. Доба бронзи на теренах України. В: Зубанов В. О., Толстоухов А. В. (авт., кер. проекту). *Україна: хронологія розвитку* 1. Київ: КВІЦ, 219—331.

Памятники срубной культуры... 1993: Качалова Н. К. (науч. ред.). 1993. *Памятники срубной культуры: Волго-Уральское междуречье.* САИ В1—10. Т. I. Саратов.

Парцингер Г. 2013. Особенности культурных взаимосвязей от Волги до Рейна в эпоху бронзы. В:

Литература

Пиотровский Ю.Ю. (науч. ред.). *Бронзовый век. Европа без границ. Четвертое — первое тысячелетия до н.э. Каталог выставки.* Санкт-Петербург: Чистый лист, 23—45.

Плешивенко А.Г. 1995. Курганный могильник у с. Конские Раздоры. *ДСПК* V, 143—159.

Погребова Н.Н. 1960. Пересадовское поселение на Ингуле. *СА* (4), 76—90.

Подобед и др. 2009: Подобед В.А., Усачук А.Н., Цимиданов В.В. 2009. Ножи эпохи поздней бронзы с кольцевым упором из Центральной Азии и Сибири и их западные аналогии. *Древности Сибири и Центральной Азии* 13—14 (1—2), 3—16.

Подобед В.А., Цимиданов В.В. 2010. Погребения с шильями и иглами в культурах Восточной Европы эпохи поздней бронзы и предскифского времени (степь и лесостепь). *Донецький археологічний збірник* 13/14, 98—120.

Полидович Ю.Б., Цимиданов В.В. 1994. О наиболее поздних погребениях срубной культуры. В: Ковалева И.Ф. (отв. ред.). *Проблемы хронологии культур энеолита — бронзового века Украины и юга Восточной Европы.* Тез. докл. междунар. конф. Днепропетровск: ДГУ, 28—29.

Потапов В.В., Шеф А.В. 2011. Курган эпохи поздней бронзы в нижнем течении реки Чир. *Донецький археологічний збірник* 15, 171—183.

Предисловие. 1951. *МИА* 21, 5—6.

Привалов А.И. 1989. К вопросу о культуре многоваликовой керамики в Донецкой области. В: Колесник А.В., Дегерменджи С.М., Дубовская О.Р. (отв.). *Проблемы охраны и исследования памятников археологии в Донбассе.* Тез. докл. науч.-практ. сем. Донецк: Донецкая городская типография, 30—32.

Привалова О.Я., Привалов А.И. 1987. Поселение эпохи поздней бронзы у с. Николаевка в Северном Приазовье. В: Шапошникова О.Г. (отв. ред.). *Древнейшие скотоводы степей юга Украины.* Киев: Наукова думка, 94—107.

Пробейголова А.С., Красильников К.И. 2010. Раскопки поселения поздней бронзы возле г. Зимогорье на р. Лугань. *АДУ* 2009. Київ; Луцьк, 343—345.

Протоколы заседаний... 1995: Протоколы заседаний конференции «Конвергенция и дивергенция в развитии культур эпохи энеолита — бронзы Средней и Восточной Европы». В: Бочкарев В.С. (отв. ред.). 1995. Конвергенция и дивергенция в развитии культур эпохи энеолита — бронзы Средней и Восточной Европы II. Мат-лы конф. и дискуссии 21—25 августа 1995 г., Саратов. *Археологические изыскания* 25 (II). Санкт-Петербург, 73—95.

Пряхин А.Д. 1996. Вступительное слово. В: *Доно-Донецкий регион в системе древностей эпохи бронзы восточноевропейской степи и лесостепи.* Тез. докл. и мат. конф. Воронеж: Воронежский ун-т, 3—4.

Пряхин А.Д. 2011. Памятники покровского типа на современном этапе изучения. *Вестник Воронежского государственного университета.* Серия: История. Политология. Социология (1), 62—74.

Пряхин А.Д. 2012. К обоснованию целесообразности закрепления за одной из культур срубной культурно-исторической общности названия «мосоловская срубная культура». В: Д'ячков С.В. (відп.). *Проблеми історії та археології України.* Мат. VIII Міжнар. наук. конф. 9—10 листопада 2012 р.). Харків: ТОВ «НТМТ», 18—19.

Пьянков И.В. 2010. По поводу «киммерийской проблемы». В: Сапрыкин С.Ю. (гл. ред.). *Восток, Европа, Америка в древности. Сб. науч. тр. XVI Сергеевских чтений. Труды исторического факультета МГУ* 49. Сер. 2. *Исторические исследования* 18. Москва, 76—85.

Пятых Г.Г. 1989. О появлении в срубной культуре характерной особенности погребального обряда. *ABEC.* Межвуз. науч. сб., 136—137.

Разумов и др. 2012: Разумов С., Лысенко С., Косько А. 2012. Бабинское погребение с чашей у с. Пороги на Днестре. В: Гуржій О.І., Даниленко В.М., Кульчицький С.В., Тригуб П.М., Шлитюк М.М., Шкварець В.П., Шкляж Й.М., Черних Г.Г. (ред.), Макушенко Я.С. (відп.). *Аркасівські читання.* Мат. II Міжнар. наук.-практ. конф. 27—28 квітня 2012 р. Миколаїв: МНУ ім. В.О. Сухомлинського, 84—87.

Рижов та ін. 2002: Рижов С.М., Бурдо Н.Б., Відейко М.Ю., Магомедов Б.В. 2002. *Давня кераміка України. Археологічні джерела та реконструкції* I. Київ: Інститут археології НАН України.

Рогудеев В. 2012. Бычья упряжь и проблема происхождения колесничества в южнорусских степях. *Revista Arheologică S.N.* VIII (1—2), 266—274.

Романчук А.А. 2011. Горизонт Солончень-Хлиная, единецкая культура и другие проблемы генезиса Сахарна-Солончень: еще один шаг к продуктивной дискуссии. *Stratum plus* (2), 187—206.

Романюк В.П., Черняков И.Т. 2008. *Что было на месте Одессы?* Киев: Автограф.

Ромашко В.А. 1994. Поселение позднего бронзового века в Среднем Присамарье. В: Ковалева И.Ф. (отв. ред.). *Проблемы хронологии культур энеолита — бронзового века Украины и юга Восточной Европы.* Тез. докл. междунар. конф. Днепропетровск: ДГУ, 53—55.

Ромашко В.А. 1995. Павлоградское поселение эпохи бронзы (к вопросу о территории распространения и культурной принадлежности памятников обиточненского типа). *Проблемы археологии Поднепровья.* Межвуз. сб. науч. тр. Днепропетровск, 114—134.

Ромашко В.А. 1996. О контактной зоне культур валиковой керамики. В: Горбов В.Н. (гл. ред.). *Северо-Восточное Приазовье в системе евразийских древностей (энеолит — бронзовый век)* II. Матлы междунар. конф. Донецк: ДонГУ, 66—69.

Ромашко В.А. 1997. К выделению нового типа кинжалов позднего бронзового века. *Древности* (1996), 50—55.

Ромашко В.А. 2000. Типология сооружений срубно-белозерской культуры Украины. В: Маріна З.П. (відп. ред.). *Labores pariunt honores. Спец. вип. міжвуз. зб. наук. праць «Проблеми археології Подніпров'я».* Дніпропетровськ: Дніпропетровский ун-т, 134—143.

Ромашко В.А. 2002. Поселение позднего бронзового века у с. Шолохово на р. Базувлук. *Проблеми археології Подніпров'я.* Зб. наук. праць. Дніпропетровськ, 91—99.

Ромашко В.А. 2013. *Заключительный этап позднего бронзового века Левобережной Украины (по материалам богуславско-белозерской культуры).* Киев: КНТ.

Рыбалова В.Д. 1961. О связях Правобережной лесостепной Украины с Центральной Европой в эпоху бронзы и раннего железа. В: Гайдукевич В.Ф. (отв. ред.). *Исследования по археологии СССР. Сб. ст. в честь проф. М.И. Артамонова.* Ленинград: Ленинградский гос. ун-т, 80—95.

Рыбалова В.Д. 1974. Поселение Каменка в Восточном Крыму. *АСГЭ* 16, 19—49.

Рыбалова В. Д. 1978. Сабатиновские поселения реки Синюхи и некоторые проблемы поздней бронзы. *Проблемы археологии* II. Ленинград, 61—67.

Савва Е. Н. 1988. *Культура многоваликовой керамики Днестровско-Прутского междуречья. (Культурно-историческая характеристика, периодизация, хронология).* Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. Ленинград.

Савва Е. Н. 1990. Некоторые аспекты генезиса, периодизации и хронологии культуры многоваликовой керамики Днестровско-Прутского междуречья. В: Кершнер-Горбунова Н. Г., Качалова Н. К. (ред. колл.). *Проблемы древней истории Северного Причерноморья и Средней Азии (эпоха бронзы и раннего железа).* Краткие тез. докл. науч. конф., посв. 90-летию со дня рожд. Б. А. Латынина. Ленинград: ГЭ, 32—34.

Савва Е. Н. 1992. *Культура многоваликовой керамики Днестровско-Прутского междуречья (по материалам погребального обряда).* Кишинев: Штиинца.

Савва Е. Н. 1994. Очерк о культурогенезисе культуры Ноуа и ее роли в сложении раннегальштатских культур. В: Niculiţă I. (red.). *Simpozion internaţional. Masivul traco-cimerian. Probleme actuale.* Chişinău: Universitatea de Stat din Moldova, 29—30.

Савва Е. Н. 2003. Культурно-хронологическое соотношение комплекса культур Ноуа-Сабатиновка с культурами Карпато-Подунавья. В: Шишлина Н. И. (отв. ред.). *Чтения, посвященные 100-летию деятельности Василия Алексеевича Городцова в Государственном Историческом музее* I. Тез. конф. Москва: ГИМ, 147—149.

Сава Е., Кайзер Э. 2011. Поселение с «зольниками» у села Одая-Мичурин, Республика Молдова. Археологические и естественнонаучные исследования. *Biblioteca Tyragetia* XIX. Chişinău: “Bons Offices” SRL.

Самар В. А. 1998. Верхняя хронологическая граница КМК и Покровская культура Северного Приазовья. В: Тощев Г. Н. (отв. ред.). *Проблемы изучения катакомбной культурно-исторической общности (ККИО) и культурно-исторической общности многоваликовой керамики (КИОМК).* Запорожье: ЗГУ, 75—83.

Сегеда С. П. 2005. Етнічна історія давнього та середньовічного населення України за даними антропології. В: Скрипник Г. А. (відп. ред.). *Етнічна та етнокультурна історія України.* Т. 1 (II). Київ: Наукова думка, 297—350.

Седова М. С. 2000. Поселения срубной культуры. В: Кабитов И. С. (гл. ред.). *История Самарского Поволжья с древнейших времен до наших дней. Бронзовый век* VI. Самара: Самарский научный центр РАН, 209—241.

Семенова А. П. 2001. Основные тенденции развития керамики покровского и развитого этапов срубной культуры лесостепного Поволжья (по данным погребальных памятников). В: Колев Ю. И. (отв. ред.). *Бронзовый век Восточной Европы: характеристика культур, хронология и периодизация.* Мат. междунар. науч. конф. «К столетию периодизации В. А. Городцова бронзового века южной половины Восточной Европы» 23—28 апреля 2001 г. Самара: ООО «НТЦ», 273—279.

Сикорский и др. 1997: Сикорский А. А., Елисеев В. Ф., Клюшинцев В. Н. 1997. Новые материалы по металлообработке эпохи поздней бронзы междуречья Тилигула и Ингульца. В: Клюшинцев В. Н. (сост. и ред.). *Сабатиновская и срубная культуры: проблемы взаимосвязей востока и запада в эпоху поздней бронзы.* Тез. докл. I-го Всесоюзного полевого сем. 10—18 сентября 1990 г. Киев; Николаев; Южноукраинск: Международный информационный центр, 64—69.

Синюк А. Т., Козмирчук И. А. 1995. Некоторые аспекты изучения абашевской культуры в бассейне Дона. (По материалам погребений). В: Васильев И. Б. (отв. ред.). *Древние индо-иранские культуры Волго-Уралья (II тыс. до н. э.).* Межвуз. сб. науч. тр. Самара: СамГПУ, 37—72.

Смирнова Г. И. 1967. Могильник культуры Ноа у с. Старые Бедражи в Молдавии. *КСИА АН СССР* 112, 66—74.

Смирнова Г. И. 1969. Новый могильник культуры Ноа у с. Старые Бедражи на Пруте. *АСГЭ* 11, 48—71.

Смирнова Г. И. 1972. Новые исследования поселения Магала. *АСГЭ* 14, 12—31.

Субботин Л. В. 2000. Северо-Западное Причерноморье в эпоху ранней и средней бронзы. *Stratum plus* (2), 350—387.

Телегин Д. Я. 1959. Оскольская экспедиция 1955—1956 годов. *КСИА АН УССР* 8, 72—79.

Телегін Д. Я. 1961. Питання відносної хронології пам´яток пізньої бронзи Нижнього Подніпров´я. *Археологія* XII, 3—15.

Телегін та ін. 1984: Телегін Д. Я., Терпиловський Р. В., Козловський А. Я., Пустовалов С. Ж. 1984. Оріхівські кургани на Дніпропетровщині. *Археологія* 47, 45—57.

Тереножкин А. И. 1961. *Предскифский период на Днепровском Правобережье.* Киев: АН УССР.

Тереножкин А. И. 1965. Основы хронологии предскифского периода. *СА* (1), 63—85.

Тереножкин А. И. 1976. *Киммерийцы.* Киев: Наукова думка.

Толочко та ін. 2000: Толочко П. П., Козак Д. Н., Моця О. П., Мурзін В. Ю., Отрощенко В. В., Сегеда С. П. 2000. *Етнічна історія давньої України.* Київ: Інститут археології НАН України.

Тощев Г. Н. 1982. *Средний период бронзового века Северо-Западного Причерноморья.* Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. Киев.

Тощев Г. Н. 1986а. Западные связи культуры многоваликовой керамики в Северо-Западном Причерноморье. В: Станко В. Н. (отв. ред.). *Исследования по археологии Северо-Западного Причерноморья.* Киев: Наукова думка, 104—115.

Тощев Г. Н. 1986б. *Средний период бронзового века Юго-Запада СССР.* Запорожье: Запорожский гос. ун-т. Деп. в ИНИОН АН СССР 19.06.87 г., №29903.

Тощев Г. Н. 2004. Погребальные памятники СКИО в Крыму. *ССПК* XI, 250—253.

Тощев Г. Н. 2005. Период КИОМК Крыма. В: Отрощенко В. В. (відп. ред.). *На пошану Софії Станіславівни Березанської.* Зб. наук. праць. Київ: Шлях, 143—148.

Тощев Г. Н. 2007. *Крым в эпоху бронзы.* Запорожье: ЗНУ.

Усачук А. Н., Горбов В. Н. 1990. Об изучении способов обработки керамики позднего бронзового века (постановка вопроса). В: Ванчугов В. П. (отв. ред.). *Проблемы истории и археологии Нижнего Поднестровья* II. *Археология*. Тез. докл. и сообщ. науч.-практ. истор.-краев. конф. Белгород-Днестровский, 107—109.

Ушурелу Е. 2010. Генезис и эволюция двуушковых топоров-кельтов Восточной Европы эпохи поздней бронзы. *Revista Arheologică S.N.* V (1), 22—67.

Литература

Федоров Г.Б., Полевой Л.Л. 1973. *Археология Румынии.* Москва: Наука.

Фоменко и др. 1997: Фоменко В.Н., Елисеев В.Ф., Шевченко Н.П. 1997. Раскопки поселения эпохи поздней бронзы Щуцкое-I на р. Бакшале. *АДУ* 1993 року. Київ, 138—139.

Фоменко та ін. 2007: Фоменко В.М., Товкайло М.Т., Требух О.О. 1997. Дослідження Миколаївської експедиції на Південному Бузі. *АДУ 2005—2007 рр.* Київ; Запоріжжя, 405—408.

Хардинг Э. 2013. Дальние связи Европы в эпоху бронзы. В: Пиотровский Ю.Ю. (науч. ред.). *Бронзовый век. Европа без границ. Четвертое — первое тысячелетия до н.э. Каталог выставки.* Санкт-Петербург: Чистый лист, 170—181.

Церна С., Топал Д. 2013. Два новых клада и единичные находки металлических изделий эпохи бронзы — раннего гальштатта с территории Республики Молдова. *Tyragetia S.N.* VII [XXII] (1), 189—204.

Цимиданов В.В. 2004. *Социальная структура срубного общества.* Донецк: ИА НАНУ.

Чередниченко Н.Н. 1997. О культурном и хронологическом взаимоотношении срубной и сабатиновской культур. В: Клюшинцев В.Н. (сост. и ред.). *Сабатиновская и срубная культуры: проблемы взаимосвязей востока и запада в эпоху поздней бронзы.* Тез. докл. I-го Всесоюзного полевого сем. 10—18 сентября 1990 г. Киев; Николаев; Южноукраинск: Международный информационный центр, 28—29.

Черниенко Ю.А. 1992. О системе расселения в Северо-Западном Причерноморье позднего бронзового века. В: Ванчугов В.П. (отв. ред.). *Северо-Западное Причерноморье: ритмы культурогенеза.* Тез. докл. сем. Одесса: Гортипография Одесского обполиграфиздата, 30—32.

Черниенко Ю.А. 2009. Владимир Петрович Ванчугов — исследователь древностей позднего бронзового века Северного Причерноморья. *МАСП* 9, 382—397.

Черниенко Ю.А. 2013. К вопросу о роли восточных традиций в красномаяцкой металлургии. *Revista Arheologică*, SN IX (1—2), в печати.

Черносвитов П.Ю. 1989. Погребальный обряд и биогеоценология. В: Щапова Ю.Л. (отв. ред.). *Комплексные методы исследования археологических источников.* Мат-лы к V совещанию. Москва: Ротапринт Института механики МГУ, 22—23.

Черных Е.Н. 1972. *История металлургии Восточной Европы в позднем бронзовом веке.* Автореф. дисс. ... д-ра ист. наук. Москва.

Черных Е.Н. 1976. *Древняя металлообработка на Юго-Западе СССР.* Москва: Наука.

Черных Е.Н. 1978а. *Горное дело и металлургия в древнейшей Болгарии.* София: БАН.

Черных Е.Н. 1978б. Металлургические провинции и периодизация эпохи раннего металла на территории СССР. *СА* (4), 53—82.

Черных Е.Н. 1983. Проблема общности культур валиковой керамики в степях Евразии. В: Зданович Г.Б. (отв. ред.). *Бронзовый век степной полосы Урало-Иртышского междуречья.* Челябинск: Башкирский ун-т, 81—99.

Черных Е.Н., Кузьминых С.В. 1989. *Древняя металлургия Северной Евразии (сейминско-турбинский феномен).* Москва: Наука.

Черняков И.Т. 1964. Новые находки предметов поздней бронзы в Северо-Западном Причерноморье. *КС ОГАМ* 1962 года, 128—134.

Черняков И.Т. 1965. Красномаяцкий клад литейщика. *КС ОГАМ* за 1963 год, 87—123.

Черняков И.Т. 1975. *Племена Северо-Западного Причерноморья в позднем бронзовом веке. 2-я половина II тыс. до н.э...* Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. Киев.

Черняков И.Т. 1976. Начало изучения эпохи энеолита и бронзы в Северо-Западном Причерноморье. *МАСП* 8, 61—69.

Черняков И.Т. 1979. Материалы бронзового века из верхнего слоя Усатовского поселения. В: Патокова Э.Ф. *Усатовское поселение и могильники.* Приложение 2. Киев: Наукова думка, 177—180.

Черняков И.Т. 1980. Бородинский культурно-хронологический горизонт в памятниках Северо-Западного Причерноморья. В: Генинг В.Ф. (отв. ред.). *АИУ в 1978—1979 гг.* Тез. докл. XVIII конф. ИА АН УССР. Днепропетровск: Днепропетровское обл. управление по делам издательств, полиграфии и книжной торговли, 58—59.

Черняков И.Т. 1983. Древнейшие металлические псалии позднебронзового века в Северном Причерноморье. В: Дзис-Райко Г.А. (отв. ред.). *Материалы по археологии Северного Причерноморья.* Киев: Наукова думка, 32—47.

Черняков И.Т. 1984. Связи сабатиновских племен Северо-Западного Причерноморья с Восточным Средиземноморьем (по керамическим находкам). В: Дзис-Райко Г.А. (отв. ред.). *Северное Причерноморье (материалы по археологии).* Сб. науч. тр. Киев: Наукова думка, 34—42.

Черняков И.Т. 1985. *Северо-Западное Причерноморье во второй половине II тысячелетия до н.э.* Киев: Наукова думка.

Черняков И.Т. 1996. Культура многоваликовой керамики — восточный ареал Балкано-Дунайского очага культурогенеза. В: Горбов В.Н. (гл. ред.). *Северо-Восточное Приазовье в системе евразийских древностей (энеолит — бронзовый век)* I. Мат-лы междунар. конф. Донецк: ДонГУ, 59—64.

Черняков И.Т. 1997. Сабатиновская культура — северо-восточная ойкумена балкано-карпатских культур. В: Клюшинцев В.Н. (сост. и ред.). *Сабатиновская и срубная культуры: проблемы взаимосвязей востока и запада в эпоху поздней бронзы.* Тез. докл. I-го Всесоюзного полевого сем. 10—18 сентября 1990 г. Киев; Николаев; Южноукраинск: Международный информационный центр, 31—33.

Черняков И.Т. 2002. К истории развития вооружения II тыс. до н.э. в Юго-Восточной Европе и Средиземноморье. *Карпатика* 15. Ужгород, 39—60.

Черняков І.Т. 2010. «Дикий Сад», Гомер, Геродот, Троя, ахейці та кіммерійці (коментар одного археологічного відкриття в Україні). *Праці центру пам´яткознавства* 17. Київ, 116—122.

Черняков И.Т., Тощев Г.Н. 1985. Культурно-хронологические особенности курганных погребений эпохи бронзы Нижнего Дуная. В: Станко В.Н. (отв. ред.). *Новые материалы по археологии Северо-Западного Причерноморья.* Сб. науч. тр. Киев: Наукова думка, 5—31.

Черняков и др. 1986а: Черняков И.Т., Ванчугов В.П., Кушнир В.Г. 1986. Древнейшие бронзовые наконечники стрел Северного Причерноморья. *СА* (2), 47—55.

Черняков и др. 1986б: Черняков И.Т., Станко В.Н., Гудкова А.В. 1986. Холмские курганы. В: Станко В.Н. (отв. ред.). *Исследования по археологии Северо-Западного Причерноморья.* Киев: Наукова думка, 53—96.

Чмихов М. О., Черняков І. Т. 1988. *Хронологія археологічних пам'яток епохи міді-бронзи на території України.* Київ: НМК ВО.

Чубатенко И. А., Горбов В. Н. 1994. Данные о росте специализации керамического производства срубного населения Приазовья. В: Малов Н. М. (отв. ред.). *Срубная культурно-историческая область.* Мат-лы III Рыковских чтений октябрь 1994 г. Саратов: Саратовский ун-т, 57—62.

Чубур А. А. 2000. Эпоха раннего металла. *Курский край* 2. Курск: КГПУ.

Шаповалов Т. А. 1976. Поселение срубной культуры у с. Ильичевка на Северском Донце. В: Березанская С. С., Отрощенко В. В., Телегин Д. Я. (ред. колл.). *Энеолит и бронзовый век Украины. Исследования и материалы.* Киев: Наукова думка, 150—172.

Шапошникова О. Г., Неприна В. И. 1977. Новорозановское многослойное поселение. В: Шапошникова О. Г. (отв. ред.). *Древности Поингулья.* Киев: Наукова думка, 52—65.

Шарафутдінова І. М. 1964. Поселення епохи пізньої бронзи поблизу Кременчука. *Археологія* XVII, 153—169.

Шарафутдинова И. Н. 1966. К вопросу о сабатиновской культуре. В: *Пленум Института археологии 1966 г. Секция неолит и бронзовый век.* Тез. докл. Москва: ИА АН СССР, 29—30.

Шарафутдинова И. Н. 1968. К вопросу о сабатиновской культуре. *СА* (3), 16—34.

Шарафутдинова И. Н. 1975. *Племена Степного Поднепровья в эпоху поздней бронзы.* Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. Киев.

Шарафутдинова И. Н. 1982. *Степное Поднепровье в эпоху поздней бронзы.* Киев: Наукова думка.

Шарафутдинова И. Н. 1987. Бронзовые украшения сабатиновской культуры. (К вопросу о контактах). В: Артеменко И. И. (отв. ред.). *Межплеменные связи эпохи бронзы на территории Украины.* Киев: Наукова думка, 69—86.

Шарафутдинова И. Н. 1989. Новое в исследовании сабатиновской культуры. В: Толочко П. П. (відп. ред.). *Проблеми історії та археології давнього населення Української РСР.* Тези доп. XX Респ. конф. Одеса, жовтень 1989 р. Київ: Наукова думка, 256—257.

Шарафутдинова И. Н. 1990. О металлообрабатывающем производстве на сабатиновских поселениях. В: Оленковский Н. П. (отв. ред.). *Проблемы первобытной археологии Северного Причерноморья (к 100-летию основания Херсонского музея древностей)* I. Тез. докл. юбил. конф., октябрь 1990 года. Херсон: Мн. уч. Херсонской областной библиотеки им. Горького, 82—83.

Шарафутдинова Э. С. 1985. Периодизация срубной культуры Нижнего Подонья. В: Басин С. Г. (отв. ред.). *Срубная культурно-историческая общность. (Проблемы формирования и периодизации).* Межвуз. сб. науч. тр. Куйбышев: КуйбГПИ, 146—183.

Шарафутдинова Э. С. 1987. Погребения культуры многоваликовой керамики на Нижнем Дону (вопросы генезиса и периодизации). В: Ковалева И. Ф. (отв. ред.). *Памятники бронзового и раннего железного веков Поднепровья.* Днепропетровск: ДГУ, 27—47.

Шарафутдинова Э. С. 1990а. Нижнедонские памятники культуры многоваликовой керамики (КМК) в системе древностей Юго-Восточной Европы. В: Кершнер-Горбунова Н. Г., Качалова Н. К. (ред. колл.). *Проблемы древней истории Северного Причерноморья и Средней Азии (эпоха бронзы и раннего железа).* Краткие тез. докл. науч. конф., посв. 90-летию со дня рожд. Б. А. Латынина. Ленинград: Государственный Эрмитаж, 38—39.

Шарафутдинова Э. С. 1990б. Эпоха поздней бронзы Предкавказских степей (Нижнее Подонье и Северо-Западное Предкавказье). *Известия Северо-Кавказского научного центра высшей школы* 4 (72), 47—52.

Шарафутдинова Э. С. 1991. Памятники конца эпохи поздней бронзы на Нижнем Дону и степном Прикубанье. *СА* (1), 184—196.

Шарафутдинова Э. С. 1992а. К вопросу о соотношении срубной и сабатиновской культур. В: Михеев В. К. (гл. ред.). *История и археология Слободской Украины.* Тез. докл. и сообщ. Всеукраинской конф., посв. 90-летию XII Археол. съезда. Харьков, 217—218.

Шарафутдинова Э. С. 1992б. Локально-хронологические особенности срубной культуры Нижнего Подонья (по материалам погребений). В: Ванчугов В. П. (отв. ред.). *Северо-Западное Причерноморье: ритмы культурогенеза.* Тез. докл. сем. Одесса: Гортипография Одесского облполиграфиздата, 37—39.

Шарафутдинова Э. С. 1995а. Начальный этап эпохи поздней бронзы в Нижнем Подонье и на Северском Донце. *Донские древности* 4, 93—116.

Шарафутдинова Э. С. 1995б. Начальный этап эпохи поздней бронзы в Нижнем Подонье. В: Бочкарев В. С. (отв. ред.). Конвергенция и дивергенция в развитии культур эпохи энеолита — бронзы Средней и Восточной Европы. Мат-лы конф. 21—25 августа 1995 г. *Археологические изыскания* 25. Санкт-Петербург, 83—87.

Шарафутдинова Э. С. 1995в. Тенденции в развитии посуды в культуре многоваликовой керамики (КМК). (По материалам погребений). В: Васильев И. Б. (отв. ред.). *Древние индо-иранские культуры Волго-Уралья (II тыс. до н. э.).* Межвуз. сб. науч. тр. Самара: СамГУ, 124—140.

Шарафутдинова Э. С. 1996. О восточной и северо-восточной границах распространения памятников бабинской культуры (КМК). В: Горбов В. Н. (гл. ред.). *Северо-Восточное Приазовье в системе евразийских древностей (энеолит — бронзовый век)* I. Мат-лы междунар. конф. Донецк: ДонГУ, 56—59.

Шарафутдинова Э. С. 1997. О культурно-хронологическом соотношении срубных и сабатиновских древностей. В: Клюшинцев В. Н. (сост. и ред.). *Сабатиновская и срубная культуры: проблемы взаимосвязей востока и запада в эпоху поздней бронзы.* Тез. докл. I-го Всесоюзного полевого сем. 10—18 сентября 1990 г. Киев; Николаев; Южноукраинск: Международный информационный центр, 37—38.

Шарафутдинова Э. С. 2000. Могильники начала эпохи поздней бронзы на верхнем Чире (Подонье). В: Юдин А. И. (отв.). *Взаимодействие и развитие древних культур южного пограничья Европы и Азии.* Мат-лы междунар. науч. конф., посв. 100-летию со дня рожд. И. В. Синицына (1900—1972). Саратов: Саратовский ун-т, 102—105.

Шарафутдинова Э. С. 2003. К вопросу о связи погребений покровского культурного типа и срубной культуры. В: Шишлина Н. И. (отв. ред.). *Чтения, посвященные 100-летию деятельности Василия Алексеевича Городцова в Государственном*

Литература

Историческом музее I. Тез. конф. Москва: ГИМ, 125—126.

Шерстюк В.В. 2012. Поховальні комплекси зрубного часу нижньої течії Псла. В: Д'ячков С.В. (відп.). *Проблеми історії та археології України.* Мат. VIII Міжнар. наук. конф. Харків, 9—10 листопада 2012 р. Харків: ТОВ «НТМТ», 22.

Шилов Ю.А. 1982. *Нижнее Поднепровье в середине III — середине II тыс. до н.э. (исследование культурно-исторического процесса).* Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. Киев.

Шишлина Н. 2013. Бородинский клад: продолжение поиска. В: Пиотровский Ю.Ю. (науч. ред.). *Бронзовый век. Европа без границ. Четвертое — первое тысячелетия до н.э. Каталог выставки.* Санкт-Петербург: Чистый лист, 156—169.

Шмаглий Н.М., Черняков И.Т. 1970. Курганы степной части междуречья Дуная и Днестра (1964—1966 гг.). *МАСП* 6, 5—129.

Юдин А.И. 1996. О типах памятников срубной культуры Нижнего Поволжья на этапе ее формирования. В: *Абашевская культурно-историческая общность в системе древностей эпохи бронзы степи и лесостепи Евразии.* Тез. докл. Тамбов, 46—48.

Юдин А.И. 2010. Памятники бережновского типа раннесрубной культуры Нижнего Поволжья. В: Василенко А.И. (сост., отв.). *Проблемы охраны и изучения памятников археологии степной зоны Восточной Европы. Сборник научных статей и мемориальных работ, посвященных памяти луганских археологов.* Луганск: Глобус, 345—356.

Юдин А.И., Матюхин А.Д. 2006. *Раннесрубные курганные могильники Золотая Гора и Кочетное.* Саратов: Научная книга.

Яровой и др. 2002: Яровой Е.В., Кашуба М.Т., Махортых С.В. 2002. Киммерийский курган у пгт. Слободзея. В: Кетрару Н.А. (отв. ред.). *Северное Причерноморье: от энеолита к античности (Сборник научных статей).* Тирасполь: НИЛ «Археология» ПГУ, 279—343.

Bočkarev V.S., Leskov A.M. 1980. *Jung- und spätbronzezeitliche Gussformen im nördlichen Schwarzmeergebiet*. PBF XIX/1. München: Beck.

Burtănescu F. 2002. About a group of "outstreched" burials with Middle Bronze Age grave goods in southeastern Romania. In: Яровой Е.В. (отв. ред.). *Древнейшие общности земледельцев и скотоводов Северного Причерноморья (V тыс. до н.э. — V век н.э.).* Мат-лы III Междунар. конф. Тирасполь: НИЛ «Археология» ПГУ, 157—163.

Cavruc V. 1990. Noi contribuţii la problema genezei şi atribuţiei etnice a civilizaţiei Noua. *Sympozia Thracologica* 8, 125—126.

Cavruc V. 2013. Impactul noilor datări C14 asupra reconstituirii evoluţiilor culturale pe parcursul epocii bronzului în Europa de Sud-Est. In: Ciobanu L., Condraticova L., Grădinaru N., Vornic V. (red.). *Conferinţa ştiinţifică cu participare internaţională "Probleme actuale ale arheologiei, etnologiei şi studiului artelor", ediţia a V-a, Chişinău, 22—24 mai 2013.* Rez. comunic. Chişinău: Profesional Service, 6—7.

Constantin etc. 2013: Constantin N., Dobrinescu C.I., Bodolică V. 2013. Late Bronze Age Ritual Pit Discovered in Cernavodă, Constanţa County. In: Sîrbu V., Schuster C. (chief eds.). *The 12th International Congress of Thracology. Târgovişte 10th—14th September 2013. The Thracians and their Neighbours in the Bronze and Iron Ages.* Programme, Reports and Abstracts. Brăila: S.C. Paper Print Invest S.A., 55.

Dergaciov V. 2010. Evoluţia comunităţilor patriarhale. Epoca bronzului. In: Dergaciov V. (resp. şi red. ştiinţ.). *Istoria Moldovei. Epoca preistorică şi antică (până în sec. V).* Cap. 4. Chişinău: Î. S.F.E.-P. "Tipografia Centrală", 265—312.

Dergaciov V. 2013. Cu privire la originea şi evoluţia topoarelor-celt din epoca bronzului. In: Ciobanu L., Condraticova L., Grădinaru N., Vornic V. (red.). *Conferinţa ştiinţifică cu participare internaţională "Probleme actuale ale arheologiei, etnologiei şi studiului artelor", ediţia a V-a, Chişinău, 22—24 mai 2013*. Rez. comunic. Chişinău: Profesional Service, 12—15.

Florescu A.C. 1964. Contribuţii la cunoaşterea culturii Noua. *AM* II—II, 143—216.

Florescu A.C. 1967. Sur les problèmes du bronze tardif Carpato-Danubian et Nord-Quest Pontique. *Dačia* N.S. XI, 59—94.

Gershkovich Ya.P. 1993. On the eastern boundary of the Noua-Sabatinovka-Coslogeni Cultural Complex. *Culture et civilization au bas Danube* X, 15—22.

Gershkovich Ya.P. 2003. Farmers and Pastoralists of the Pontic Lowland during the Late Bronze Age. In: Levine M.A., Renfrew C., Boyle K. (ed.). *Prehistoric Steppe Adaptation and the Horse. McDonald Institute Monograph.* Ch.20. Cambrige: McDonald Institute for Archaeological Research, 307—317.

Gershkovich Ya.P. 2011. Global Causes of Some Local Phenomena during the Late Bronze Age in the Nothern Pontic Steppe. In: Sava E., Govedarica B., Hänsel B. (Hrsg.) *Der Schwarzmeerraum vom Äneolithikum bis in die Früheisenzeit (5000—500 v. Chr.). B.2. Globale Entwicklung versus Lokalgeschehen.* Internationale Fachtagung von Humboldtianern für Humboldtianer im Humboldt-Kolleg in Chişinău, Moldavien (4.—8. Oktober 2010). *PAS* 27. Rahden/Westf., 166—177.

Gerškovič J.P. 1998. Westliche Impulse bei der Formierung des Kulturkomplexes „Noua-Sabatinovka-Coslogeni". In: Hänsel B., Machnik J. (Hrsq.). *Das Karpatenbecken und die Osteuropäische Steppe. Nomadenbewegungen und Kulturaustausch in der vorchristlichen Metallzeiten (4000—500 v. Chr.)*. Südosteuropa-Schriften 20; PAS 12. Rahden: Leidorf, 317—324.

Gerškovič J.P. 1999. Zur Studien spätbronzezeitlichen Sabatinovka-Kultur am unteren Dnepr und an der Westküste des Azovischen Meeres. *Archäologie in Eurasien* 7. Berlin: Leidorf.

Klochko V.I. 1993. Weapons of the tribes of the Nothern Pontic zone in the 16th— 10th centuries B.C. *Baltic-Pontic studies* 1. Poznań: Uniwersytet im. Adama Mickiewicza.

Kushtan D. 2013. Carpathian-Danubian Region and Crimea: the Cultural Links in Bronze Age. In: Sîrbu V., Schuster C. (chief eds.). *The 12th International Congress of Thracology. Târgovişte 10th—14th September 2013. The Thracians and their Neighbours in the Bronze and Iron Ages.* Programme, Reports and Abstracts. Brăila: S.C. Paper Print Invest S.A., 86—87.

Leskov A.M. 1981. *Jüng- und spätbronzezeitliche Depotfunde im nördlichen Schwarzmeergebiet I (Depots mit einheinmischen Formen)*. PBF XX/5. München: Beck.

Moldoveanu V. 2011. Consideraţii privind geneza complexului cultural Noua — Sabatinovka — Coslogeni. In: Михайлуца М.І. (відп. ред.). *Південь України: етноісторичний, мовний, культурний та релігійний виміри.* Мат. III Міжнар. наук. конф., присвяч. 70-й річниці героїчної оборони Одеси (м. Одеса, 15—16 квітня 2011 р.). Одеса: ВМВ, 119—125.

Morintz S. 1978. *Contribuţii arheologice la istoria tracilor timpurii. I. Epoca bronzului în spaţiul carpato-balcanic*. Biblioteca de arheologie XXXIV. Bucureşti: Editura Academiei Republicii Socialiste România.

Motzoi-Chicideanu I. 2011. *Obiceiuri funerare în Epoca Bronzului la Dunărea Mijlocie şi Inferioară.* Vol. 1. Bucureşti: Editura Academiei Române.

Nicic A. 2008. *Interferenţe cultural-cronologice în nord-vestul Pontului Euxin la finele mil. II — începutul mil. I a. Chr*. Biblioteca Tyragetia XV. Chişinău.

Petrescu-Dîmboviţa M. 1977. *Depozitele de bronzuri din România*. Biblioteca de arheologie XXX. Bucureşti: Editura Academiei Republicii Socialiste România.

Sava E. 1994. Epoca Bronzului — perioada mijlocie şi târzie, sec. XVII—XII î. e. n. *Thraco-Dacica* XV (1—2), 141—158.

Sava E. 1998. Die Rolle der „östlichen" und „westlichen" Elemente bei der Genese des Kulturkomplexes Noua-Sabatinovka. (Nach den Materialen des Prut-Dnestr-Zwischenstromgebiets). In: Hänsel B., Machnik J. (Hrsq.). *Das Karpatenbecken und die Osteuropäische Steppe. Nomadenbewegungen und Kulturaustausch in der vorchristlichen Metallzeiten (4000—500 v. Chr.)*. Südosteuropa-Schriften 20; PAS 12. Rahden: Leidorf, 267—312.

Sava E. 2002a. *Die Bestattungen der Noua-Kultur. Ein Beitrag zur Erforschung spätbronzezeitlicher Bestattungsriten zwischen Dnestr und Westkarpaten*. PAS 19. Kiel: Oetker-Voges.

Sava E. 2002b. Materiale din epoca bronzului târziu din aşezarea Mereni. *AM* XXV, 69—92.

Sava E. 2003. *Interferenţe cultural-cronologice în epoca bronzului târziu din spaţiul Carpato-Nistrean (complexul cultural Noua-Sabatinovka).* Autoreferat al tezei de doctor habilitat în ştiinţe istorice. Chişinău.

Sava E., Agulnikov S. 2003. Contribuţii noi la definirea ritului funerar în cultura Sabatinovka. In: Sava E. (red. şef). *Interferenţe cultural-cronologice în spaţiul nord-pontic.* Chişinău: Centrul Ed.-poligr. al USM, 113—138.

Sîrbu M. 2012. Piese din lut descoperite în aşezărilor de tip Noua-Sabatinovka din spaţiul Carpato-Nistrean. *Tyragetia* S. N. VI [XXI] (1), 91—109.

Sîrbu M. 2013. Piese litice descoperite in aşezările Noua-Sabatinovka din spaţiul pruto-nistrean. *Tyragetia* S. N. VII [XXII] (1), 163—189.

Uşurelu E. 2006. *Relaţiile culturale ale comunităţilor bronzului târziu din spaţiul Carpato-nistrean (în baza pieselor de metal).* Autoreferat al tezei de doctor în ştiinţe istorice. Chişinău. URL: www.scribd.com/doc/120611436/Usurelu-E. Дата обращения 15.10.2010 г.

Uşurelu E. 2010a. Apariţia şi evoluţia dălţilor cu toc de înmănuşare longitudinal în epoca bronzului din Europa de Est. *Revista Arheologică*, S. N. VI (2), 5—23.

Uşurelu E. 2010b. Cronologia complexelor ce ţin de prelucrarea metalelor în perioada târzie a epocii bronzului din spaţiul Carpato-Dunăreano-Nord-Pontic I. *Revista Arheologică*, S. N. VI (1), 24—70.

Uşurelu E. 2011. Apariţia şi evoluţia topoarelor-celt cu urechiuşă frontală în epoca bronzului din Europa de Est. *Revista Arheologică*, S. N. VII (1—2), 47—54.

References

Agulnikov, S. M. 1998. In *Problemy izucheniia katakombnoi kul'turno-istoricheskoi obshchnosti (KKIO) i kul'turno-istoricheskoi obshchnosti mnogovalikovoi keramiki (KIOMK) (Problems of research of Katakombnaia cultural-historical complex (KKIO) and Mnogovalikovaia cultural-historical complex (KIOMK)).* Zaporozhye: ZGU, 65—70 (in Russian).

Agulnikov, S. M. 2001. In *Drevnosti stepnogo Prichernomor'ia i Kryma (Antiquities of the steppe zone in Northern pontic and Crimea)* IX, 87—94 (in Russian).

Agulnikov, S. M. 2002. In *Drevneishie obshchnosti zemledel'tsev i skotovodov Severnogo Prichernomor'ia (V tys. do n. e. — V vek n. e.) (The most ancient communities of farmers and stock-breeders of the Northern Pontic (5th millennium BC — 5th century AD)).* Tiraspol: NIL "Arkheologiia" PGKU, 176—181 (in Russian).

Agulnikov, S. M. 2004a. In *Drevnosti stepnogo Prichernomor'ia i Kryma (Antiquities of the steppe zone in Northern pontic and Crimea)* IX, 3—10 (in Russian).

Agulnikov, S. 2004b. In *Thracians and Circumpontic World.* IXth International Congress of Thracology. Chişinău: Reclama, 49—51 (in Russian).

Agulnikov, S. M. 2008. In *Revista Arheologică*, Seria Nouă IV (2), 124—138 (in Russian).

Agulnikov S. M., 2010. In *Indoevropeiskaia istoriia v svete novykh issledovanii (Indo-European history in the light of new discoveries).* Moscow: MGOU, 183—192 (in Russian).

Agulnikov, S. M., Bubulich, V. G. 1998. In *Problemy izucheniia katakombnoi kul'turno-istoricheskoi obshchnosti (KKIO) i kul'turno-istoricheskoi obshchnosti mnogovalikovoi keramiki (KIOMK) (Problems of research of Katakombnaia cultural-historical complex (KKIO) and Mnogovalikovaia cultural-historical complex (KIOMK)).* Zaporozhye: ZGU, 135—142 (in Russian).

Agulnikov, S. M., Malyukevich, A. E. 2010. In *Indoevropeiskaia istoriia v svete novykh issledovanii.* Moscow: MGOU, 173—182 (in Russian).

Alekseev, A. Yu., Kachalova, N. K., Tokhtas'ev, S. R. 1993. In *Publikatsii Informatsionno-issledovatel'skogo instituta „Ermakov» (Publications of the informational and research institute "Ermakov").* *Malaia seriia* 1. Saint Petersburg: Informatsionno-issledovatel'skii institut "Ermakov" (in Russian).

Balaguri, E. A. 1971. In *Arkheolohiya Ukraïns'koï RSR (Archaeology of the Ukrainian SSR).* Vol. I. Kiev: Naukova dumka, 385—393 (in Ukrainian).

Balaguri, E. A. 1985. In *Arkheologiia Ukrainskoi SSR (Archaeology of the Ukrainian SSR).* Vol. 1. Kiev: Naukova dumka, 481—489 (in Russian).

Belyaev, O. S. 1977. In *Arkheolohiya (Archaeology)* 22, 40—48 (in Ukrainian).

Berezanskaya, S. S. 1960. In *Sovetskaia Arkheologiia (Soviet Archaeology)* (4), 26—41 (in Russian).

Berezanskaya, S. S. 1982. *Severnaia Ukraina v epokhu bronzy (Northern Ukraine in Bronze Age).* Kiev: Naukova dumka (in Russian).

Berezanskaya, S. S. 1985. In *Arkheologiia Ukrainskoi SSR (Archaeology of the Ukrainian SSR).* Vol. 1. Kiev: Naukova dumka, 428—437 (in Russian).

Berezanskaya, S. S. 1987. In *Zadachi sovetskoi arkheologii v svete reshenii XXVII s"ezda KPSS (Objectives of the Soviet archaeology in the light of the decisions of the XXVII Communist Party Congress).* Moscow: Nauka, 38—40 (in Russian).

Berezanskaya, S. S. 1990. *Usovo ozero. Poselenie srubnoi kul'tury na Severskom Dontse (Usovo ozero. A settlement of the Srubnaya culture on Severskii Donets).* Kiev: Naukova dumka (in Russian).

Berezanskaya, S. S. 1997. In *Sabatinovskaia i srubnaia kul'tury: problemy vzaimosviazei vostoka i zapada v epokhu pozdnei bronzy (Sabatinovka and Srubnaya cultures: problems of interrelations between East and West in Late Bronze Age).* Kiev; Nikolaev; Yuzhnoukrainsk: Mezhdunarodnyi Informatsionnyi Tsentr, 4—6 (in Russian).

Berezanskaya, S. S. 1998. In *Problemy izucheniia katakombnoi kul'turno-istoricheskoi obshchnosti (KKIO) i kul'turno-istoricheskoi obshchnosti mnogovalikovoi keramiki (KIOMK) (Problems of research of Katakombnaia cultural-historical complex (KKIO) and Mnogovalikovaia cultural-historical complex (KIOMK)).* Zaporozhye: ZGU, 60—65 (in Russian).

References

Berezanskaya, S. S., Otroshchenko, V. V., Cherednichenko, N. N., Sharafutdinova, I. N. 1986. *Kul'tury epokhi bronzy na territorii Ukrainy (Bronze Age cultures on the territory of Ukraine)*. Kiev: Naukova dumka (in Russian).

Berezanskaya, S. S., Tsvek, E. V., Klochko, V. I., Liashko, S. N. 1994. *Remeslo epokhi eneolita — bronzy na Ukraine (Eneolithic — Bronze Age crafts in Ukraine)*. Kiev: Naukova dumka (in Russian).

Berezanskaya, S. S., Cherednichenko, N. N. 1985. In *Arkheologiia Ukrainskoi SSR (Archaeology of the Ukrainian SSR)*. Vol. 1. Kiev: Naukova dumka, 462—473 (in Russian).

Berezanskaya, S. S., Sharafutdinova, I. N. 1985. In *Arkheologiia Ukrainskoi SSR (Archaeology of the Ukrainian SSR)*. Vol. 1. Kiev: Naukova dumka, 489—499 (in Russian).

Berezanskaya, S. S. 1964. *Bronzovyj vik na Ukraïni (Bronze Age in Ukraine)*. Kiev: Naukova dumka (in Ukrainian).

Berezanskaya, S. S., Otroshchenko, V. V. 1997. In *Davnya istoriya Ukraïny (Ancient history of Ukraine)*. Vol. 1 (II). Kiev: Naukova dumka, 387—422 (in Ukrainian).

Berestnev, S. I. 1997. In *Problemy istorii i arkheologii Ukrainy (Problems of history and archaeology of Ukraine)*. Kharkov: AO "Biznes Inform". URL: bronza-lib.narod.ru/b/berestnev1997.html. Date of access 12.11.2013 (in Russian).

Berestnev, S. I. 2001. *Vostochnoukrainskaia lesostep' v epokhu srednei i pozdnei bronzy (II tys. do n. e.) (The forest-steppe zone of the Eastern Ukraine in Middle and Late Bronze Age (II millennium BC))*. Kharkov: PF Amet (in Russian).

Bochkarev, V. S. 1982. In *Kul'turnyi progress v epokhu bronzy i rannego zheleza (Cultural progress in the Bronze and early Iron Age)*. Erevan: AN Armianskoi SSR, 19—22 (in Russian).

Bochkarev, V. S. 1990. In *Problemy drevnei istorii Severnogo Prichernomor'ia i Srednei Azii (epokha bronzy i rannego zheleza) (Problems of the ancient history of Northern Pontic and Central Asia regions (Bronze and Early Iron ages))*. Leningrad: Gosudarstvennyi Ermitazh, 4—5 (in Russian).

Bochkarev, V. S. 1991. In *Sotsiogenez i kul'turogenez v istoricheskom aspekte (Sociogenesis and cultural genesis in historical aspect)*. Saint Petersburg: IIMK, 24—27 (in Russian).

Bochkarev, V. S. 1993. In *Arkheologicheskie izyskaniia* (*Archaeological studies*) 7. Saint Petersburg, 42—43 (in Russian).

Bochkarev, V. S. 1995a. In *Arkheologicheskie izyskaniia (Archaeological studies)* 25. Saint Petersburg, 18—29 (in Russian).

Bochkarev, V. S. 1995b. In *Drevnie indo-iranskie kul'tury Volgo-Ural'ia (II tys. do n. e.) (Ancient Indo-Iranian cultures between Volga and Ural (II millennium BC))*. Samara: SamGPU, 114—123 (in Russian).

Bochkarev, V. S. 2009. In *S. N. Bibikov i pervobytnaia arkheologiia (S. N. Bibikov and the archaeology of prehistory)*. Saint Petersburg: IIMK, 357—365 (in Russian).

Bochkarev, V. S. 2010a. In *Kul'turogenez i drevnee metalloproizvodstvo Vostochnoi Evropy (Cultural genesis and metal production of Eastern Europe)*. Saint Petersburg: Info Ol, 119—123 (in Russian).

Bochkarev, V. S. 2010b. In *Kul'turogenez i drevnee metalloproizvodstvo Vostochnoi Evropy (Cultural genesis and metal production of Eastern Europe)*. Saint Petersburg: Info Ol, 164—171 (in Russian).

Bochkarev, V. 2013. In *Bronzovyi vek. Evropa bez granits. Chetvertoe — pervoe tysiacheletiia do n. e. Katalog vystavki (Bronze Age. Europe without borders. IV—I millennia BC. Exhibition catalogue)*. Saint Petersburg: Chistyi list, 47—64 (in Russian).

Bochkarev, V. S., Leskov, A. M. 1978. In *Nauchnye trudy (Scientific works)* 221. Kuibyshev: KGPI, 23—26 (in Russian).

Bratchenko, S. N. 1971. In *Arkheolohiya Ukraïns'koï RSR (Archaeology of the Ukrainian SSR)*. Vol. I. Kiev: Naukova dumka, 334—343 (in Ukrainian).

Bratchenko, S. N. 1977. In *Vil'nianskie kurgany v Dneprovskom Nadporozh'e (Vilno barrows in the Dnieper Nadporozhie)*. Kiev: Naukova dumka, 12—17 (in Russian).

Bratchenko, S. N. 1985. In *Arkheologiia Ukrainskoi SSR (Archaeology of the Ukrainian SSR)* Vol. 1. Kiev: Naukova dumka, 458—462.

Bratchenko, S. N. 1985. In *Arkheologiia Ukrainskoi SSR (Archaeology of the Ukrainian SSR)*. Vol. 1. Kiev: Naukova dumka, 451—458 (in Russian).

Bratchenko, S. N. 2006. In *Materialy ta doslidzhennya z arkheolohiï Skhidnoï Ukraïny (Materials and researches in the archaeology of Eastern Ukraine)* 6. Lugansk, 32—340 (in Russian).

Bratchenko, S. N., Gershkovich, Ia. P. 2003. In *Materialy i issledovaniia po arkheologii Vostochnoi Ukrainy (Materials and researches in the archaeology of Eastern Ukraine)* 1. Lugansk, 247—277 (in Russian).

Brovender, Iu. M. 2001a. In *Bronzovyi vek Vostochnoi Evropy: kharakteristika kul'tur, khronologiia i periodizatsiia (Bronze Age of Eastern Europe: characteristics of cultures, chronology and periodization)*. Samara: OOO "NTTs", 341—347 (in Russian).

Brovender, Yu. M. 2001b. In *Epokha bronzy Dono-Donetskogo regiona (Bronze Age of the Don-Donets region)*. URL: bronza-lib.narod.ru/b/brovender2001.htm. Date of inquiry 12.11.2013 (in Russian).

Brovender, Yu. M. 2007. In *Materialy ta doslidzhennya z arkheolohiï Skhidnoï Ukraïny (Materials and researches in the archaeology of Eastern Ukraine)* 7, 224—234 (in Russian).

Brovender, Yu. M. 2008. In *Proiskhozhdenie i rasprostranenie kolesnichestva (Origin and spreading of chariots)*. Lugansk: Globus, 197—203 (in Russian).

Brovender, Yu. M. 2010. In *Donets'kyj arkheolohichnyj zbirnyk (Donetsk archaeological compilation)* 13/14, 203—221 (in Russian).

Bruyako, I. V. 2005. *Rannie kochevniki v Evrope X — V vv. do R. Kh. (Early Nomads in Europe (10th—5th cc. BC))* Kishinev: Vysshaia antropologicheskaia shkola (in Russian).

Vanchugov, V. P. 1987. In *Mezhplemennye sviazi epokhi bronzy na territorii Ukrainy (Bronze Age intertribal connections on the territory of Ukraine)*. Kiev: Naukova dumka, 114—131 (in Russian).

Vanchugov, V. P. 1990. *Belozerskie pamiatniki v Severo-Zapadnom Prichernomor'e. Problema formirovaniia belozerskoi kul'tury (Belozerka sites in North-Western Pontic region. The problem of formation of Belozerka culture)*. Kiev: Naukova dumka (in Russian).

Vanchugov, V. P. 1993. In *Drevnosti Prichernomorskikh stepei (Antiquities of the Northern Pontic steppes)*. Kiev: Naukova dumka, 28—39 (in Russian).

Vanchugov, V. P. 1999. In *Kratkie soobshcheniia Odesskogo arkheologicheskogo obshchestva (Brief reports of the Odessa Archaeological Society)*, 58—62 (in Russian).

Vanchugov, V. P. 2000. In *Arkheolohiya ta etnolohiya Skhidnoï Yevropy: materialy i doslidzhennya (Archaeology and ethnology of Eastern Europe: materials and researches)*. Odessa, 39—56 (in Russian).

Vanchugov, V. P. 2013. In *Drevnie kul'tury Severo-Zapadnogo Prichernomor'ia (k 95-letiiu Natsional'noi akademii nauk Ukrainy) (Ancient cultures of the North-Western Pontic region (to the anniversary of 95 years from the foundation of the National Academy of Sciences of Ukraine))*. Odessa: SMIL, 293—315 (in Russian).

Vanchugov, V. P., Ivanova, S. V. 2013. In *Drevnie kul'tury Severo-Zapadnogo Prichernomor'ia (k 95-letiiu Natsional'noi Akademii nauk Ukrainy) (Ancient cultures of North-West Pontic region (to the anniversary of 95 years from the foundation of the National Academy of Sciences of Ukraine))*. Odessa: SMIL, 335—342 (in Russian).

Vanchugov, V. P., Chernyakov, I. T. 1984. In *Rannii zheleznyi vek Severo-Zapadnogo Prichernomor'ia (Early Iron Age of the North-Western Pontic region)*. Kiev: Naukova dumka, 5—24 (in Russian).

Vanchugov, V. P., Zaginailo, A. G., Kushnir, V. G., Petrenko, V. G. 1991. *Voronovka II. Poselenie pozdnego bronzovogo veka v Severo-Zapadnom Prichernomor'e (Voronovka II. A settlement of the Late Bronze Age in North-Western Pontic region)*. Kiev: Naukova dumka (in Russian).

Vasiliev, I. B., Kuznetsov, P. F., Semenova, A. P. 1993. In *Arkheologicheskie izyskaniia (Archaeological studies)* 7. Saint Petersburg, 66—68 (in Russian).

Vasiliev, I. B., Kuznetsov, P. F., Semenova, A. P. 1995. In *Drevnie indo-iranskie kul'tury Volgo-Ural'ia (II tys. do n. e.) (Ancient Indo-Iranian cultures between Volga and Ural (II millennium BC))*. Samara: SamGPU, 5—37 (in Russian).

Vasiliev, I. B., Kuznetsov, P. F., Turetsky, M. A. 2000. In *Istoriia Samarskogo Povolzh'ia s drevneishikh vremen do nashikh dnei. Bronzovyi vek (History of the Samara Volga region from the most ancient to modern times. Bronze Age)*. Gl. I. Samara: Samarskii nauchnyi tsentr RAN, 6—64 (in Russian).

Velikanova, M. S. 1975. *Paleoantropologiia Prutsko-Dnestrovskogo*

mezhdurech'ia (Paleoanthropology of the Prut-Dniester interfluve). Moscow: Nauka (in Russian).

Vinokur, I. S., Telegin, D. Ya. 2008. *Arkheolohiya Ukraïny. Pidruchnyk dlya studentiv istorychnykh spetsial'nostej vyshchykh navchal'nykh zakladiv (Archaeology of Ukraine. A course book for the students of historical specialities of the high educational institutions).* Ternopol: Navchal'na knyha — Bohdan (in Ukrainian).

Gerasimenko, N. P., Gorbov, V. N. 1996. In *Severo-Vostochnoe Priazov'e v sisteme evraziiskikh drevnostei (eneolit — bronzovyi vek) (North-Western Azov region in the system of Eurasian antiquities (Eneolithic — Bronze Age))* II. Donetsk: DonGU, 47—49 (in Russian).

Gershkovich, Ya. P. 1982. In *Materialy po khronologii arkheologicheskikh pamiatnikov Ukrainy (Materials to the chronology of the archaeological sites in Ukraine).* Kiev: Naukova dumka, 46—61 (in Russian).

Gershkovich, Ya. P. 1989. In *Problemy istorii ta arkheolohii davn'oho naselennya Ukraïns'koï RSR (Problems of history and archaeology of the ancient population of Ukrainian SSR).* Kiev: Naukova dumka, 52—53 (in Russian).

Gershkovich, Ya. P. 1989. In *Problemy okhrany i issledovaniia pamiatnikov arkheologii v Donbasse (Problems of protection and investigation of archaeological sites in Donbass).* Donetsk: Donetskaia gorodskaia tipografiia, 113—115 (in Russian).

Gershkovich, Ya. P. 1990. In *Problemy issledovaniia pamiatnikov arkheologii Severskogo Dontsa (Problems of the investigation of archaeological sites of Severskii Donets region).* Lugansk: Luganskaia pravda, 57—59 (in Russian).

Gershkovich, Ya. P. 1993. *Sabatynivs'ka kul'tura Nyzhn'oho Podniprov´ya ta Pivnichno-Zakhidnoho Pryazov'ya (The Sabatinovka culture of Lower Dnieper and North-Western Azov regions).* PhD thesis. Kiev (in Ukrainian).

Gershkovich, Ya. P. 1995. In *Epokha bronzy Dono-Donetskogo regiona* (*Bronze Age of Don-Donetsk region*). Lugansk, 37—38 (in Russian).

Gershkovich, Ya. P. 1996. In *Dono-Donetskii region v sisteme drevnostei epokhi bronzy vostochnoevropeiskoi stepi i lesostepi (Don-Donets region in the system of Bronze Age antiquities of East-European steppe and forest-steppe regions)* (2). Voronezh: Voronezhskii universitet, 22—24 (in Russian).

Gershkovich, Ya. P. 1997. In *Arkheologicheskii al'manakh* 6, 125—144 (in Russian).

Gershkovich, Ya. P. 1998. In *Arkheologicheskii al'manakh* 7, 61—92 (in Russian).

Gershkovich, Ya. P. 2000. In *Srubnaia kul'turno-istoricheskaia obshchnost' v sisteme drevnostei epokhi bronzy evraziiskoi stepi i lesostepi (Srubnaya cultural-historical complex in the system of Bronze Age antiquities of Eurasian steppe and forest-steppe regions).* Mat. mezhdunar. nauch. konf. Voronezh: Voronezhskii gosudarstvennyi universitet, 153—156 (in Russian).

Gershkovich, Ya. P. 2001. In *XV Ural'skoe arkheologicheskoe soveshchanie (XV Ural archaeological consultation).* Orenburg: OOO "Orenburgskaia guberniia", 69—71 (in Russian).

Gershkovich, Ya. P. 2001—2002. In *Stratum plus. Arkheologiia i kul'turnaia antropologiia (Stratum plus. Archaeology and Cultural Anthropology)* (2), 598—607 (in Russian).

Gershkovich, Ya. P. 2002. In *Arkheolohichna zbirka (Archaeological compilation)* 2. Kherson: VAT "Vyd–vo "Naddnipryans'ka pravda", 83—87 (in Ukrainian).

Gershkovich, Ya. P. 2003. In *Arkheolohiya (Archaeology)* (3), 32—40 (in Ukrainian).

Gershkovich, Ya. P. 2004. In *Thracians and Circumpontic World.* Chişinău: Reclama, 46—47 (in Russian).

Gershkovich, Ya. P. 2004. In *Rossiiskaia arkheologiia (Russian Archaeology)* (4), 104—113 (in Russian).

Gershkovich, Ya. P. 2005. In *Na poshanu Sofiï Stanislavivny Berezans'koï (In honor of Sofia Stanislavovna Berezanskaia).* Kiev: Shlyakh, 177—180 (in Ukrainian).

Gershkovich, Ia. P. 2005—2009. In *Stratum plus. Arkheologiia i kul'turnaia antropologiia (Stratum plus. Archaeology and Cultural Anthropology)* (2), 578—590 (in Russian).

Gershkovich, Ya. P. 2009. In *Arkheologicheskii al'manakh* 20, 327—332 (in Russian).

Gershkovich, Ya. P., Klochko, V. I., Evdokimov, G. L. 1987. In *Sovetskaia arkheologiia (Soviet Archaeology)* (2), 142—158 (in Russian).

Gorbenko, K. V. 2008. In *Kratkie soobshcheniia Odesskogo arkheologicheskogo obshchestva (Brief reports of the Odessa Archaeological Society)*, 85—90 (in Ukrainian).

Gorbov, V. N. 1989. In *Problemy okhrany i issledovaniia pamiatnikov arkheologii v Donbasse (Problems of protection and investigation of archaeological sites in Donbass).* Donetsk: Donetskaia gorodskaia tipografiia, 120—123 (in Russian).

Gorbov, V. N. 1991. In *Drevneishie obshchnosti zemledel'tsev i skotovodov Severnogo Prichernomor'ia (V tys. do n. e. — V v. n. e.) (The most ancient communities of farmers and stock-breeders of the Northern Pontic (5th millennium BC — 5th century AD)).* Kiev: RIO Respublikanskoi assotsiatsii molodykh uchenykh i spetsialistov AN USSR, 119—120 (in Russian).

Gorbov, V. N. 1992. In *Istoriia i arkheologiia Slobodskoi Ukrainy (History and archaeology of Slobodskaia Ukraine).* Kharkov, 100—102 (in Russian).

Gorbov, V. N. 1993. In *Arkheologicheskie izyskaniia (Archaeological studies)* 7. Saint Petersburg, 90—93 (in Russian).

Gorbov, V. N. 1994. In *Drevneishie obshchnosti zemledel'tsev i skotovodov Severnogo Prichernomor'ia V tys. do n. e. — V v. n. e. (The most ancient communities of farmers and stock-breeders of the Northern Pontic (5th millennium BC — 5th century AD)).* Tiraspol: NIL "Arkheologiia" PGKU, 130—133 (in Russian).

Gorbov, V. N. 1994. In *Srubnaia kul'turno-istoricheskaia oblast' (Srubnaya cultural and historical entity).* Saratov: Saratovskii universitet, 70—74 (in Russian).

Gorbov, V. N. 1994. In *Problemy khronologii kul'tur eneolita — bronzovogo veka Ukrainy i iuga Vostochnoi Evropy (Problems of chronology of Eneolithic — Bronze Age cultures of Ukraine and South of Eastern Europe).* Dnepropetrovsk: DGU, 15—17 (in Russian).

Gorbov, V. N. 1995. In *Arkheologicheskie izyskaniia (Archaeological studies)* 25 (II). Saint Petersburg, 52—72 (in Russian).

Gorbov, V. N. 1995. In Saratov. *Arkheologicheskie izyskaniia (Archaeological studies)* 25. Saint Petersburg, 87—90 (in Russian).

Gorbov, V. N. 1996. In *Dono-Donetskii region v sisteme drevnostei epokhi bronzy vostochnoevropeiskoi stepi i lesostepi (Don-Donets region in the system of Bronze Age antiquities of East-European steppe and forest-steppe regions).* Voronezh: Voronezhskii universitet, 66—69 (in Russian).

Gorbov, V. N. 1996. In *Severo-Vostochnoe Priazov'e v sisteme evraziiskikh drevnostei (eneolit — bronzovyi vek) (North-Western Azov region in the system of Eurasian antiquities (Eneolithic — Bronze age)).* P. II. Donetsk: DonGU, 13—21 (in Russian).

Gorbov, V. N. 1997. In *Arkheologicheskii al'manakh (Archaeological almanac)* 6, 145—162 (in Russian).

Gorbov, V. N. 1997. In *Sabatinovskaia i srubnaia kul'tury: problemy vzaimosviazei vostoka i zapada v epokhu pozdnei bronzy (Sabatinovka and Srubnaya cultures: problems of interrelations between East and West in Late Bronze Age).* Kiev; Nikolaev; Yuzhnoukrainsk: Mezhdunarodnyi Informatsionnyi Tsentr, 6—7 (in Russian).

Gorbov, V. N. 2000. In *Arkheologiia i drevniaia arkhitektura Levoberezhnoi Ukrainy i smezhnykh territorii (Archaeology and ancient architecture of Left Bank Ukraine and adjacent territories).* Donetsk: Skhidnii vidavnichii dim, 55—59 (in Russian).

Gorbov, V. N. 2001. In *Problemy arkheologii i arkhitektury (Problems of archaeology and architecture).* Vol. 1. *Arkheologiia (Archaeology).* Donetsk; Makeevka: Zhurnal "Donbass"; Natsional'nyi soiuz pisatelei Ukrainy, 145—170 (in Russian).

Gorbov, V. N., Litvinenko, R. A. 1998. In *Problemy arkheolohiï Podniprov´ya (Problems of the archaeology of Dnepr region)* 1. Dnepropetrovsk, 69—79 (in Russian).

Gorbov, V. N., Mimokhod, R. A. 1999. In *Drevnosti Severo-Vostochnogo Priazov'ia (Antiquities of North-Eastern Azov region).* Donetsk: Ukrainskii kul'turologicheskii tsentr, 24—69 (in Russian).

Gorbov, V. N., Privalova, O. Ya. 1989. In *Problemy okhrany i issledovaniia pamiatnikov arkheologii v Donbasse (Problems of protection and investigation of archaeological sites in Donbass).* Donetsk: Donetskaia gorodskaia tipografiia, 35—38 (in Russian).

Gorbov, V. N., Usachuk, A. N. 1993. In *Drevnee Prichernomor'e (Ancient Pontic region). Kratkie soobshcheniia Odesskogo arkheologicheskogo obshchestva (Brief reports of the*

References

Odessa Archaeological Society), 38—41 (in Russian).

Gorbov, V. N., Usachuk, A. N. 2001. In *Bronzovyi vek Vostochnoi Evropy: kharakteristika kul'tur, khronologiia i periodizatsiia (Bronze Age of Eastern Europe: characteristics of cultures, chronology and periodization).* Samara: OOO "NTTs", 213—220 (in Russian).

Gorlach, N. V. 1979. In *Problemy epokhi bronzy iuga Vostochnoi Evropy (Problems of Bronze Age of the South of Eastern Europe).* Donetsk: DonGU, 60—62 (in Russian).

Gorodtsov, V. 1927. In *Bol'shaia sovetskaia entsiklopediia (Great Soviet Encyclopedia)* VII. Moscow: Sovetskaia entsiklopediia, 610—625 (in Russian).

Grakov, B. N. 1977. *Rannii zheleznyi vek. (Kul'tury Zapadnoi i Iugo-Vostochnoi Evropy) (Early Iron Age. (Cultures of Western and South-Eastern Europe)).* Moscow: MGU (in Russian).

Gudkova, A. V., Okhotnikov, S. B., Subbotin, L. V., Chernyakov, I. T. 1991. *Arkheologicheskie pamiatniki Odesskoi oblasti (spravochnik) (Archaeological sites of Odessa region (handbook)).* Odessa (in Russian).

Deopik, D. V. 1970. In *Drevnosti Vostochnogo Kryma. (Predskifskii period i skify) (Antiquities of Eastern Crimea. (Pre-Scythian period and Scythians)).* Kiev: Naukova dumka, 60—96 (in Russian).

Dergachev, V. A. 1973. *Pamiatniki epokhi bronzy (Bronze Age sites).* Arkheologicheskaia karta Moldavskoi SSR (Archaeological map of Moldavian SSR) 3 (in Russian).

Dergachev, V. A. 1975. *Bronzovye predmety XIII—VIII vv. do n. e. iz Dnestrovsko-Prutskogo mezhdurech'ia (Bronze items of the 13th—8th centuries BC from the Dniester-Prut interfluve).* Kishinev: Shtiintsa (in Russian).

Dergachev, V. A. 1986. *Moldaviia i sosednie territorii v epokhu bronzy (Moldavia and neighbored territories in the Bronze Age).* Kishinev: Shtiintsa (in Russian).

Dergachev, V. A. 1987. In *Istoriia Moldavskoi SSR (History of Moldavian SSR)* I. Kishinev: Kartia Moldoveniaske, 67—98 (in Russian).

Dergachev, V. A. 1997. *Metallicheskie izdeliia. K probleme genezisa kul'tur rannego gal'shtata Karpato-Danubio-Nordpontiiskogo regiona (Metallic items. To the problem of the genezis of Early Halstattian cultures of Carpathian-Danubian-Northern Pontic region).* Chişinău: Tipografiia Akademii nauk (in Russian).

Dergachev, V. A. 2010. *Topory-kel'ty pozdnei bronzy Karpato-Podunav'ia.* Vyp. 1. *Odnoushkovye kel'ty s arkovidnymi faskami (Socketed axes of the Late Bronze Age from Carpathian-Danubian region.* Vol. 1. *One-eyed socketed axes with arcuate facets).* Kishinev: Tipografia Centrală (in Russian).

Dergachev, V. A. 2011. *Topory-kel'ty pozdnei bronzy Karpato-Podunav'ia.* Vyp. 2. *Kel'ty i serpy Nizhnego Podunav'ia (Socketed axes of the Late Bronze Age from Carpathian-Danubian region.* Vol. 2. *Socketed axes and sickles of Lower Danube region).* Kishinev: Tipografia Centrală (in Russian).

Dergachev, V. 2012. In *Revista Arheologică.* Seria Nouă. VIII (1—2), 154—160 (in Russian).

Dergachev, V. A., Bochkarev, V. S. 2002. *Metallicheskie serpy pozdnei bronzy Vostochnoi Evropy (Metal Sickles of the Late Bronze Age in Eastern Europe).* Kishinev: Vysshaia Antropologicheskaia Shkola (in Russian).

Dremov, I. I. 2000. In *Vzaimodeistvie i razvitie drevnikh kul'tur iuzhnogo pogranich'ia Evropy i Azii (Interaction and development of ancient cultures of southern border zone between Europe and Asia).* Saratov: Saratovskii universitet, 121—125 (in Russian).

Dremov, I. I. 2011. *Pogrebal'nye pamiatniki kontsa srednei i nachala pozdnei bronzy stepnogo Povolzh'ia (Burial sites of the Late Middle and Early Late Bronze Age of steppe Volga region).* PhD thesis. Izhevsk. URL: *v4.ud*su.ru/*files/1304268371.pdf*. Date of access 12.11.2013 (in Russian).

Eliseev, V. F., Klyushintsev, V. N. 1982. In *Materialy po khronologii arkheologicheskikh pamiatnikov Ukrainy (Materials to the chronology of the archaeological sites in Ukraine).* Kiev: Naukova dumka, 71—80 (in Russian).

Zinevich, G. P. 1970. In *Materialy po arkheologii Severnogo Prichernomor'ia (Materials on the archaeology of Northern Pontic area)* 6, 156—167 (in Russian).

Ivanova, S. V. 2004. In *Arkheologicheskie pamiatniki Orenburzh'ia (Archaeological sites of Orenburg region)* VI, 38—45 (in Russian).

Ivanova, S. V., Kiosak, D. V., Vinogradova, E. I. 2011: In *Stratum plus. Arkheologiia i kul'turnaia antropologiia (Stratum plus. Archaeology and Cultural Anthropology)* (2), 101—140 (in Russian).

Ivanova, S. V., Kiosak, D. V., Vinogradova, E. I. 2011. *Paleoekologiia i kul'turnaia dinamika. Golotsen Severo-Zapadnogo Prichernomor'ia (Paleoecology and cultural dynamics. Holocene of North-Western Pontic region).* Saarbrücken: Lambert Academic Publishing (in Russian).

Ivanova, S. V., Ostroverkhov, A. S., Savel'ev, O. K., Ostapenko, P. V. 2012. *Ocherki istorii i arkheologii Dnestro-Bugskogo mezhdurech'ia (Essays on history and archaeology of Dniester-Bug interfluve).* Kiev: KNT (in Russian).

Izotova, M. A. 2000. In *Vzaimodeistvie i razvitie drevnikh kul'tur iuzhnogo pogranich'ia Evropy i Azii (Interaction and development of ancient cultures of southern border zone between Europe and Asia).* Saratov: Saratovskii universitet, 109—112 (in Russian).

Ilyukov, L. S. 2012. In *Stepi Severnoi Evrazii (Steppes of Northern Eurasia).* Orenburg: IPK "Gazprompechat'"; OOO "Orenburggazpromservis", 314—316 (in Russian).

Kabanova, E. V. 1996. In *Severo-Vostochnoe Priazov'e v sisteme evraziiskikh drevnostei (eneolit — bronzovyi vek) (North-Western Azov region in the system of Eurasian antiquities (Eneolithic — Bronze age))* II. Donetsk: DonGU, 41—47 (in Russian).

Kavruk, V. I. 1988. *Kul'tura Noua. Opyt etnogeneticheskoi rekonstruktsii (The Noua culture. An attempt of ethnogenetical reconstruction).* Moscow (in Russian).

Kachalova, N. K. 1979. In *Arheologicheskii sbornik Gosudarstvennogo Ermitazha (Archeological Bulletin of the State Hermitage Museum)* 20, 28—38 (in Russian).

Kachalova, N. K. 1993. In *Pamiatniki srubnoi kul'tury: Volgo-Ural'skoe mezhdurech'e (Srubnaya culture sites: Volga-Ural interfluve).* Svod Arkheologicheskikh Istochnikov (Corpus of Archaeological Sources) V1—10. Vol. I. Saratov, 3—18 (in Russian).

Kislyi, A. E. 1990. In *Problemy izucheniia katakombnoi kul'turno-istoricheskoi obshchnosti (Problems of research of Katakombnaia cultural-historical complex).* Zaporozhye, 20—22. URL: bronza-lib.narod.ru/k/kislyj1990.html. Date of access 12.11.2013 (in Russian).

Kislyi, A. E. 1997. In *Arkheologicheskie issledovaniia v Krymu. 1994 god (Archaeological investigations in Crimea. 1994).* Simferopol, 34—37 (in Russian).

Kislyi, A. E. 2005. In *Stratum plus. Arkheologiia i kul'turnaia antropologiia (Stratum plus. Archaeology and Cultural Anthropology)* 2003—2004 (2), 93—126 (in Russian).

Kyslyj, A. E. 2006. In *Arkheolohiya (Archaeology)* (3), 21—34 (in Ukrainian).

Kislyi, A. E., Gershkovich, Ya. P. 1989. In *Problemy okhrany i issledovaniia pamiatnikov arkheologii v Donbasse (Problems of protection and investigation of archaeological sites in Donbass).* Donetsk: Donetskaia gorodskaia tipografiia, 112—113 (in Russian).

Klochko, V. I. 1987. In *Problemy okhrany i issledovaniia pamiatnikov arkheologii v Donbasse (Problems of protection and investigation of archaeological sites in Donbass).* Donetsk: Donetskii oblastnoi kraevedcheskii muzei, 73—75 (in Russian).

Klochko, V. I. 2003. In *Arkheometriya ta okhorona istoryko-kul'turnoï spadshchyny (Archaeometry and protection of cultural-historical heritage).* URL: http://www.myslenedrevo.com.ua/studies/arox/2003/klochko.html. Date of access 29.09.2010 (in Russian).

Klochko, V. I. 2006. *Ozbroyennya ta vijs'kova sprava davn'oho naselennya Ukraïny (5000—900 rr. do R. Kh.) (Armament and warfare of the ancient population of Ukraine (5000—900 BC)).* Kiev: ArtEk (in Ukrainian).

Klochko, V. I., Kozymenko, A. V. 2011. *Nash nedavnii bronzovyi vek (Our recent Bronze Age).* Kiev: Ґeneza (in Russian).

Klyushintsev, V. N. 1993. *Poseleniia sabatinovskoi kul'tury Stepnogo Pobuzh'ia (Settlements of Sabatinovka culture from the Steppe Bug area).* PhD thesis. Kiev (in Russian).

Klyushintsev, V. N. 1993. *Poseleniia sabatinovskoi kul'tury Stepnogo Pobuzh'ia (Settlements of Sabatinovka culture from the Steppe Bug area).* PhD diss. Kiev (in Russian).

Kliushintsev, V. N. 1995. *Poseleniia zemledel'tsev i skotovodov pozdnego bronzovogo veka Granitno-Stepnogo Pobuzh'ia (Settlements of farmers and stock breeders of the Late Bronze age from the Granit-Steppe Bug region).* Kiev; Yuzhnoukrainsk: Tirazh (in Russian).

Kovaleva, I. F. 1981. *Sever Stepnogo Podneprov'ia v srednem*

bronzovom veke (po dannym pogrebal'nogo obriada). Ucheb. posobie (The northern part of middle Dnieper region in Eneolithic and Bronze age). Dnepropetrovsk: DGU (in Russian).

Kovaleva, I. F. 1981. In *Stepnoe Podneprov'e v bronzovom i rannem zheleznom vekakh (Steppe Dnieper region in the Bronze and Early Iron ages).* Dnepropetrovsk: DGU, 77—84 (in Russian).

Kovaleva, I. F., Volkoboi, S. S. 1978. In *Kurgannye drevnosti Stepnogo Podneprov'ia III—I tys. do n. e. (Barrow antiquities of the Steppe Dnieper region in the 3rd—1st millennia BC).* Dnepropetrovsk, 32—45 (in Russian).

Kovaleva, I. F., Romashko, V. A., Chernyavskaya, N. V., Khristan, A. M. 1981. In *Stepnoe Podneprov'e v bronzovom i rannem zheleznom vekakh (Steppe Dnieper region in the Bronze and Early Iron ages).* Dnepropetrovsk: DGU, 19—44 (in Russian).

Kovaleva, I. F., Volkoboi, S. S. 1976. In *Arkheolohiya (Archaeology)* 20, 3—22 (in Ukrainian).

Kozenkova, V. I. 1982. In *Kul'turnyi progress v epokhu bronzy i rannego zheleza (Cultural progress in the Bronze and early Iron Age).* Erevan: AN Armianskoi SSR, 114—115 (in Russian).

Kozenkova, V. I. 1990. In *Sovetskaia arkheologiia (Soviet Archaeology)* (3), 64—92 (in Russian).

Kolev, Yu. I. 2000. In *Istoriia Samarskogo Povolzh'ia s drevneishikh vremen do nashikh dnei. Bronzovyi vek (History of the Samara Volga region from the most ancient to modern times. Bronze Age).* Gl. VII. Samara: Samarskii nauchnyi tsentr RAN, 242—301 (in Russian).

Kolev, Yu. I. 2008. In *Aktual'nye problemy arkheologii Urala i Povolzh'ia (Actual archaeological problems of Ural and Volga regions).* Samara: Glagol, 208—240 (in Russian).

Kolotukhin, V. A. 1988. *Naselenie Predgornogo i Gornogo Kryma v kontse II — pervoi polovine I tys. do n. e. (Population of the submontane and montane Crimea in the Late 2nd — first half of 1st millennium BC).* PhD thesis. Kiev (in Russian).

Kolotukhin, V. A. 1990. In *Sovetskaia arkheologiia (Soviet Archaeology)* (3), 93—112 (in Russian).

Kolotukhin, V. A. 1996. In *Materialy po arkheologii Kryma (Materials for the archaeology of Crimes).* Kiev: Iuzhnogorodskie vedomosti (in Russian).

Kolotukhin, V. A. 2003. *Pozdnii bronzovyi vek Kryma (Late Bronze Age of Crimea).* Kiev: Stilos (in Russian).

Koltukhov, S. G., Kislyi, A. E., Toshchev, G. N. 1994. *Kurgannye drevnosti Kryma (po materialam raskopok Severo-Krymskoi ekspeditsii v 1991—1992 gg.) (Barrow antiquities of Crimea (according to the materials from excavations of the Northern Crimea expedition in 1991—1992)).* Zaporozhye: Dneprovskii metallurg (in Russian).

Krivtsova-Grakova, O. A. 1947. In *Trudy Gosudarstvennogo Istoricheskogo muzeia (Proceedings of the State Historical Museum)* XVII, 57—172 (in Russian).

Krivtsova-Grakova, O. A. 1951. In *Materialy i issledovaniia po arkheologii SSSR (Materials and researces on the archaeology of USSR)* 21, 152—181 (in Russian).

Krivtsova-Grakova, O. A. 1955. *Stepnoe Povolzh'e i Prichernomor'e v epokhu pozdnei bronzy (Steppe Volga and Black Sea region in Late Bronze Age).* Materialy i issledovaniia po arkheologii SSSR (Materials and researces on the archaeology of USSR) 46 (in Russian).

Kruts, S. I. 1984. *Paleoantropologicheskie issledovaniia Stepnogo Pridneprov'ia (epokha bronzy) (Paleoanthropological investigations of Steppe Dnieper region (Bronze Age)).* Kiev: Naukova dumka (in Russian).

Kruts, S. I. 1985. In *Arkheologiia Ukrainskoi SSR (Archaeology of the Ukrainian SSR)* 1. Kiev: Naukova dumka, 527—535 (in Russian).

Kruts, S. I. 1997. In *Davnya istoriya Ukraïny (Ancient history of Ukraine).* Vol. 1 (II). Kiev: Naukova dumka, 529—544 (in Ukrainian).

Krushelnytskaya, L. I. 1985. *Vzayemozv'yazky naselennya Prykarpattya i Volyni z plemenamy Skhidnoï i Tsentral'noï Yevropy (rubizh epokh bronzy i zaliza) (Interrelations between the population of the Carpathian Region and Volhynia and the tribes Eastern and Central Europe (limit of Bronze and Iron ages)).* Kiev: Naukova dumka.

Krushelnytskaya, L. I. 2006. *Kul'tura Noa na zemlyakh Ukraïny (Noua culture on Ukrainian lands).* Lvov: Lvivs'ka naukova biblioteka im. V. Stefanyka NAN Ukraïny (in Ukrainian).

Kryzhitsky, S. D. 1982. *Zhilye doma antichnykh gorodov Severnogo Prichernomor'ia (VI v. do n. e. — IV v. n. e.) (The living houses from the ancient cities of Northern Pontic region (6th century BC — 4th century AD)).* Kiev: Naukova dumka (in Russian).

Kuznetsov, P. F., Semenova, A. P. 2000. In *Istoriia Samarskogo Povolzh'ia s drevneishikh vremen do nashikh dnei. Bronzovyi vek (History of the Samara Volga region from the most ancient to modern times. Bronze Age).* Samara: Samarskogo nauchnogo tsentra RAN, 122—151 (in Russian).

Kuzmina, E. E. 2008. *Arii — put' na iug (Aryans — path towards south).* Moscow; Saint Petersburg: Letnii sad (in Russian).

Kuzmina, O. V., Sharafutdinova, E. S. 1995. In *Drevnie indo-iranskie kul'tury Volgo-Ural'ia (II tys. do n. e.) (Ancient Indo-Iranian cultures between Volga and Ural (2nd millennium BC)).* Samara: SamGPU, 208—230 (in Russian).

Kushtan, D. P. 2002. In *Drevneishie obshchnosti zemledel'tsev i skotovodov Severnogo Prichernomor'ia (V tys. do n. e. — V vek n. e.) (The most ancient communities of farmers and stock-breeders of the Northern Pontic (5th millennium BC — 5th century AD)).* Tiraspol: Nauchno-issledovatel'skaia laboratoriia "Arkheologiia" PGU im. T. G. Shevchenko, 182—184 (in Russian).

Kushtan, D. P. 2006. In *Materialy ta doslidzhennya z arkheolohiï Skhidnoï Ukraïny (Materials and researches in the archaeology of Eastern Ukraine)* 5. Luhans'k, 259—272. URL: www.arheolog-ck.ru/? p=2818. Date of access 12.11.2013 (in Ukrainian).

Kushtan, D. P. 2007. *Naselennya pivdennoï chastyny Lisostepovoho Podniprov'ya za doby pizn'oï bronzy (Population of the Southern part of the forest-steppe Dnieper region in the Late Bronze age).* PhD thesis. Kiev. URL: www.irbis-nbuv.gov.ua/9/cgiirbis_64.exe?..; www.arheolog-ck.ru/? p=588. Date of access 12.11.2013 (in Ukrainian).

Kushtan, D. P. 2011. In *Perekhod ot epokhi bronzy k epokhe zheleza v Severnoi Evrazii (The transition from Bronze to Iron age in Northern Eurasia).* Saint Petersburg, 19—21 (in Russian).

Kushtan, D. P. 2012a. In *Problemy doslidzhennya pam'yatok arkheolohiï Skhidnoï Ukraïny (Problems of investigation of archaeological sites of Eastern Ukraine).* Luhans'k: LOKM, 252—261. URL: www.arheolog-ck.ru/? p=5259. Date of access 12.11.2013 (in Ukrainian).

Kushtan, D. P. 2012b. In *Rossiiskii arkheologicheskii ezhegodnik (Russian archaeological annual)* (2), 284—300. URL: www.arheolog-ck.ru/? p=5211. Date of access 12.11.2013 (in Russian).

Levitki, O. G. 1995. In *Drevnosti Stepnogo Prichernomor'ia i Kryma (Antiquities of the steppe zone in Northern Pontic and Crimea)* V, 159—165 (in Russian).

Levitki, O. G. 2002. In *Severnoe Prichernomor'e: ot eneolita k antichnosti (Northern Pontic region: from Eneolithic to Antiquity).* Tiraspol: NIL "Arkheologiia" PGU im. T. G. Shevchenko, 180—205 (in Russian).

Leskov, A. M. 1967a. In *Pamiatniki epokhi bronzy iuga Evropeiskoi chasti SSSR (Bronze Age sites from the south of the European part of USSR).* Kiev: Naukova dumka, 143—178 (in Russian).

Leskov, A. M. 1967b. In *Pamiatniki epokhi bronzy iuga Evropeiskoi chasti SSSR (Bronze Age sites from the south of the European part of USSR).* Kiev: Naukova dumka, 7—19 (in Russian).

Leskov, A. M. 1970. In *Drevnosti Vostochnogo Kryma. (Predskifskii period i skify) (Antiquities of Eastern Crimea. (Pre-Scythian period and Scythians)).* Kiev: Naukova dumka, 7—59 (in Russian).

Leskov, A. M. 1971. In *Materialy i issledovaniia po arkheologii SSSR (Materials and researces on the archaeology of USSR)* 177, 75—91 (in Russian).

Leskov, A. M. 1975. *Zakliuchitel'nyi etap bronzovogo veka na Iuge Ukrainy (Final stage of Bronze age in Southern Ukraine).* PhD thesis. Moscow (in Russian).

Leskov, A. M. 1975. *Predskifskii period na Iuge Ukrainy (Pre-Scythian period in Southern Ukraine).* PhD thesis. Moscow (in Russian).

Leskov, A. M. 1971. In *Arkheolohiya Ukraïns'koï RSR (Archaeology of the Ukrainian SSR)* I. Kiev: Naukova dumka, 404—428 (in Ukrainian).

Lysenko, S. D. 2001. *Serednye Podniprov'ya za doby pizn'oï bronzy (Middle Dnieper region in Late Bronze age).* PhD thesis. Kiev. URL: disser.com.ua/contents/29054.html. Date of access 02.09.2009 (in Ukrainian).

References

Lysenko, S. D. 2002. In *Zapysky Naukovoho tovarystva imeni Shevchenka (Proceedings of the scientific society "T.H. Shevchenko")* SSXLIV: Pratsi Arkheolohichnoï komisiï. Lvov, 155—178 (in Ukrainian).

Lysenko, S. S. 2006. *Prykrasy naselennya Ukraïny doby pizn'oï bronzy (Prykrasy naselennya Ukraïny doby pizn'oï bronzy).* PhD thesis. Kiev (in Ukrainian).

Litvinenko, R. A. 1990. In *Problemy issledovaniia pamiatnikov arkheologii Severskogo Dontsa (Problems of the investigation of archaeological sites of Severskii Donets region).* Lugansk: Luganskaia pravda, 80—83 (in Russian).

Litvinenko, R. A. 1991. In *Drevneishie obshchnosti zemledel'tsev i skotovodov Severnogo Prichernomor'ia (V tys. do n.e. — V v.n.e.) (The most ancient communities of farmers and stock-breeders of the Northern Pontic (5th millennium BC — 5th century AD)).* Kiev: RIO Respublikanskoi assotsiatsii molodykh uchenykh i spetsialistov AN USSR, 131—133 (in Russian).

Litvinenko, R. A. 1992. In *Materialy arkheologicheskogo seminara (Materials of the archaeological seminar)* 1, 10—13 (in Russian).

Litvinenko, R. A. 1992. In *Istoriia i arkheologiia Slobodskoi Ukrainy (History and archaeology of Slobodskaia Ukraine).* Kharkov, 145—147 (in Russian).

Litvinenko, R. A. 1994. In *Problemy khronologii kul'tur eneolita — bronzovogo veka Ukrainy i iuga Vostochnoi Evropy (Problems of chronology of Eneolithic — Bronze Age cultures of Ukraine and South of Eastern Europe).* Dnepropetrovsk: DGU, 28—29 (in Russian).

Litvinenko, R. A. 1996. In *Severo-Vostochnoe Priazov'e v sisteme evraziiskikh drevnostei (eneolit — bronzovyi vek) (North-Western Azov region in the system of Eurasian antiquities (Eneolithic — Bronze age)).* P. I. Donetsk: DonGU, 65—71 (in Russian).

Litvinenko, R. A. 1998. In *Problemy izucheniia katakombnoi kul'turno-istoricheskoi obshchnosti (KKIO) i kul'turno-istoricheskoi obshchnosti mnogovalikovoi keramiki (KIOMK) (Problems of research of Katakombnaia cultural-historical complex (KKIO) and Mnogovalikovaia cultural-historical complex (KIOMK)).* Zaporozhye: ZGU, 97—105 (in Russian).

Litvinenko, R. A. 1999. In *Etnichna istoriya ta kul'tura naselennya Stepu ta Lisostepu Yevraziï (vid kam'yanoho viku po rannye seredn'ovichchya) (Ethnical history and culture of the population of the European steppe and forest-steppe (from Stone age to Early Middle age)).* Dnepropetrovsk: Nova ideolohiya, 83—86. URL: bronza-lib.narod.ru/litvinenko.html. Date of access 12.11.2013 (in Russian).

Litvinenko, R. A. 1999. In *Drevnosti Severo-Vostochnogo Priazov'ia (Antiquities of North-Eastern Azov region).* Donetsk: Ukrainskii kul'turologicheskii tsentr, 4—23 (in Russian).

Litvinenko, R. A. 2000. In *Vzaimodeistvie i razvitie drevnikh kul'tur iuzhnogo pogranich'ia Evropy i Azii (Interaction and development of ancient cultures of southern border zone between Europe and Asia).* Saratov: Saratovskii universitet, 67—71 (in Russian).

Litvinenko, R. A. 2000. In *Srubnaia kul'turno-istoricheskaia obshchnost' v sisteme drevnostei epokhi bronzy evraziiskoi stepi i lesostepi (Srubnaya cultural-historical complex in the system of Bronze Age antiquities of Eurasian steppe and forest-steppe regions).* Voronezh: Voronezhskii gosudarstvennyi universitet, 81—90 (in Russian).

Litvinenko, R. A. 2002. In *Arkheologicheskie pamiatniki Vostochnoi Evropy (Archaeological sites of Eastern Europe).* Voronezh: VGPU, 75—85 (in Russian).

Litvinenko, R. A. 2007. In *Materialy ta doslidzhennya z arkheolohiï Skhidnoï Ukraïny (Materials and researches in the archaeology of Eastern Ukraine)* 7, 156—172 (in Ukrainian).

Litvinenko, R. A. 2008. In *Novi storinky istoriï Donbasu (New pages from the history of Donbas).* Book 15/16. Donetsk: DonNU, 342—354.

Litvinenko, R. A. 2009. In *Materialy ta doslidzhennya z arkheolohiï Skhidnoï Ukraïny (Materials and researches in the archaeology of Eastern Ukraine)* 9, 44—90 (in Ukrainian).

Litvinenko, R. A. 2009. *Kul'turne kolo Babyne (za materialamy pokhoval'nykh pam´yatok) (Babino cultural circle (basing on the material from funerary sites)).* PhD thesis. Kiev (in Ukrainian).

Litvinenko, R. A. 2009. In *Visnyk Donets'koho natsional'noho universytetu (Bulletin of Donetsk State University).* Ser. B: Humanitarni nauky (1), 141—150 (in Ukrainian).

Litvinenko, R. A. 2010. In *Donets'kyj arkheolohichnyj zbirnyk (Donetsk archaeological compilation)* 13/14, 30—66 (in Ukrainian).

Litvinenko, R. A. 2011. In *Istorychni i politolohichni doslidzhennya (Historical and polytological investigations)* (1—2 (47—48)), 169—178 (in Ukrainian).

Litvinova, L. V. 2012. In *Ocherki istorii i arkheologii Dnestro-Bugskogo mezhdurech'ia (Essays on history and archaeology of Dniester-Bug interfluve).* Supplement 2. Kiev: KNT, 242—255 (in Russian).

Lopatin, V. A. 2010. *Smelovskii mogil'nik: model' lokal'nogo kul'turogeneza v stepnom Zavolzh'e (seredina II tys. do n. e.) (Smelovo necropolis: a model of local culture genesis in the steppe Trans-volga region (middle of 2nd millennium BC)).* Saratov: Nauka (in Russian).

Lysenko, S. D. 2002. In *Istorychna nauka: problemy rozvytku (Historical science: problems of development).* Lugansk: SNU im. V. Dalya, 104—111 (in Russian).

Lyashko, S. N., Popandopulo, Z. Kh., Drovosekova, O. V. 2004. *Kurgannye mogil'niki Dneprovskogo Nadporozh'ia (Iasinovatoe, Dneprovka, Petro-Mikhailovka) (Barrow necropolises of the Dnieper Nadporozhie region (Yasinovatoe, Dneprovka, Petro-Mihailovka)).* Zaporozhye: Dikoe Pole (in Russian).

Makarevich, A. V. 2007. In *Mahisterium (Magisterium)* 27, 35—39 (in Ukrainian).

Makarevich, A. V. 2009. In *Mahisterium (Magisterium)* 36, 27—33 (in Ukrainian).

Makarevich, A. V. 2010. In *Problemy istoriï ta arkheolohiï Ukraïny (Problems of history and archaeology of Ukraine).* Kharkov: TOV "NTMT", 19—20 (in Ukrainian).

Malov, N. M. 1992. In *Istoriia i arkheologiia Slobodskoi Ukrainy (History and archaeology of Slobodskaia Ukraine).* Kharkov, 149—150 (in Russian).

Malov, N. M. 2007. In *Arkheologiia vostochno-evropeiskoi stepi (Archaeology of East-European steppe)* 5, 34—92 (in Russian).

Malov, N. M. 2012. In *Izvestiia Saratovskogo universiteta (Reports of the Saratov university)* 12. *Novaia seriia. Istoriia. Mezhdunarodnye otnosheniia (New series. History. International relations)* (1), 95—101 (in Russian).

Masson, V. M. 1998. In *Arkheologicheskie vesti (Archaeological news)* 5, 255—267 (in Russian).

Matviyenko, L. V. 2008. In *Naukovi pratsi: Naukovo-metodychnyj zhurnal (Scientific works: scientific and methodical journal)* 83. Issue 70. Nikolaev: MDHU im. P. Mohyly, 92—96 (in Ukrainian).

Matviyenko, L. V. 2009. In *Hileya (Hylea)* 23, 185—190 (in Ukrainian).

Melnyk, O. O., Steblina, I. O. 2012. In *Problemy arkheolohiï Podniprov'ya (Problems of the archaeology of Dnieper region).* Dnepropetrovsk, 71—85 (in Ukrainian).

Melyukova, A. I. 1979. *Skifiia i frakiiskii mir (Scythia and Thracian world).* Moscow: Nauka (in Russian).

Merpert, N. Ya. 1985. In *Srubnaia kul'turno-istoricheskaia obshchnost'. (Problemy formirovaniia i periodizatsii) (Srubnaya cultural and historical entity. (Problems of formation and periodization)). Mezhvuz. sb. nauch. tr.* Kuibyshev: KuibGPI, 3—10 (in Russian).

Mimokhod, R. A. 2013. *Lolinskaia kul'tura. Severo-zapadnyi Prikaspii na rubezhe srednego i pozdnego periodov bronzovogo veka (Lolinskaia culture. North-western Caspian region on the border of Middle and Late periods of the Bronze age).* PhD thesis. Moscow.

Morgunova, N. L. 2004. In *Arkheologicheskie pamiatniki Orenburzh'ia (Archaeological sites of Orenburg region)* VI. Orenburg (in Russian).

Mochalov, O. D. 2005. In *Trudy Gosudarstvennogo Istoricheskogo muzeia (Proceedings of the State Historical Museum)* 145. Moscow, 116—134 (in Russian).

Mochalov, O. D. 2008. *Keramika pogrebal'nykh pamiatnikov epokhi bronzy lesostepi Volgo-Ural'skogo mezhdurech'ia (Pottery from Bronze age funeral sites in the forest-steppe zone of the Volga-Ural interfluve).* Samara: SamGPU (in Russian).

Mukhopad, S. E., Romashko, V. A. 1992. In *Arkheologicheskii vestnik (Archaeological bulletin*) 3, 12—13 (in Russian).

Mys'kov, E. P. 1991. In *Sovetskaia arkheologiia (Soviet Archaeology)* (4), 145—163 (in Russian).

Mys'kov, E. P. 1997. In *Sabatinovskaia i srubnaia kul'tury: problemy vzaimosviazei vostoka i zapada v epokhu*

pozdnei bronzy (Sabatinovka and Srubnaya cultures: problems of interrelations between East and West in Late Bronze Age). Kiev; Nikolaev; Yuzhnoukrainsk: Mezhdunarodnyi Informatsionnyi Tsentr, 82—83 (in Russian).

Neretin, I. I. 2008. In *Nauchnye trudy prepodavatelei i studentov istoricheskogo fakul'teta (Scientific works of the lecturers and students of the Historical department)* 3. Voronezh, 29—35 (in Russian).

Novikova, L. A. 1976. In *Sovetskaia arkheologiia (Soviet Archaeology)* (3), 25—57 (in Russian).

Olkhovskii, V. S., Otroshchenko V. V. 1991. In *Drevnosti Stepnogo Prichernomor'ia i Kryma (Antiquities of the steppe zone in Northern Pontic and Crimea)* II, 111—125 (in Russian).

Otroshchenko, V. V. 1977. In *Kurgannye mogil'niki Riasnye Mogily i Nosaki. (Predvaritel'naia publikatsiia) (Barrow necropolises Riasnye Moghily and Nosaki (preliminary publication)).* Kiev: Naukova dumka, 5—15 (in Russian).

Otroshchenko, V. V. 1978. In *Nauchnye trudy (Scientific works)* 221. Kuybyshev: Kuybyshevskii GPI, 84—85 (in Russian).

Otroshchenko, V. V. 1981. *Srubnaia kul'tura Stepnogo Podneprov'ia (po materialam pogrebal'nykh pamiatnikov) (Srubnaya culture of the steppe Dnieper region (basing on the material from funeral sites)).* Kiev (in Russian).

Otroshchenko, V. V. 1991. In *Zoloto stepu. Arkheolohiya Ukraïny (Gold of steppes. Archaeology of Ukraine).* Kiev: In-t arkheolohiï NAN Ukraïny; Arkheolohichnyj muzej (Shlezvih), 43—50 (in Ukrainian).

Otroshchenko, V. V. 1993. In *Arkheologicheskie izyskaniia (Archaeological studies)* 7. Saint Petersburg, 81—83 (in Russian).

Otroshchenko, V. V. 1994. In *Problemy skifo-sarmatskoi arkheologii Severnogo Prichernomor'ia (Problems of Scythian-Sarmatian archaeology of the Northern Pontic region).* II. Zaporozhye: IPK "Zaporizhzhia", 150—153 (in Russian).

Otroshchenko, V. 1994. In *Simpozion internațional. Masivul traco-cimerian. Probleme actuale.* Chișinău: Universitatea de Stat din Moldova, 31—32 (in Russian).

Otroshchenko, V. V. 1996. In *Dono-Donetskii region v sisteme drevnostei epokhi bronzy vostochnoevropeiskoi stepi i lesostepi (Don-Donets region in the system of Bronze Age antiquities of East-European steppe and forest-steppe regions)* (2). Voronezh: Voronezhskii universitet, 29—31 (in Russian).

Otroshchenko, V. V. 1997. In *Epokha bronzy i rannii zheleznyi vek v istorii plemen iuzhnorusskikh stepei (Bronze and Early Iron ages in the history of the tribes of the Southern Russian steppes).* Saratov: SGPI, 70—72 (in Russian).

Otroshchenko, V. V. 2000. In *Srubnaia kul'turno-istoricheskaia obshchnost' v sisteme drevnostei epokhi bronzy evraziiskoi stepi i lesostepi (Srubnaya cultural-historical complex in the system of Bronze Age antiquities of Eurasian steppe and forest-steppe regions).* Voronezh: Voronezhskii gosudarstvennyi universitet, 10—14 (in Russian).

Otroshchenko, V. V. 2001. In *Bronzovyi vek Vostochnoi Evropy: kharakteristika kul'tur, khronologiia i periodizatsiia (Bronze Age of Eastern Europe: characteristics of cultures, chronology and periodization).* Samara: OOO "NTTs", 39—42 (in Russian).

Otroshchenko, V. V. 2001. *Problemy periodyzatsiï kul'tur seredn'oï ta pizn'oï bronzy pivdnya Skhidnoï Yevropy (kul'turno-stratyhrafichni zistavlennya) (Problems of periodization of Middle and Bronze Age cultures of the South of Eastern Europe (cultural and stratigraphical comparison)).* Kiev: IA NAN Ukraïny (in Ukrainian).

Otroshchenko, V. V. 2002. *Istoriya plemen zrubnoï spil'nosti (History of Srubnaya culture tribes).* Doc. Diss. Kiev (in Ukrainian).

Otroshchenko, V. V. 2003. In *Problemy hirnychoï arkheolohiï (Problems of montane archaeology).* Alchevsk: DHMI, 47—51 (in Ukrainian).

Otroshchenko, V. V. 2004. In *Kurgannye mogil'niki Dneprovskogo Nadporozh'ia(Iasinovatoe,Dneprovka,Petro-Mikhailovka) (Barrow necropolises of the Dnieper Nadporozhie region (Iasinovatoe, Dneprovka, Petro-Mihailovka)).* Zaporozhye: Dikoe Pole, 163—167 (in Ukrainian).

Otroshchenko, V. V. 2005. In *Etnichna ta etnokul'turna istoriya Ukraïny (Ethnical and ethnocultural history of Ukraine)* 1. Book II. P. 2. Kiev: Naukova dumka, 69—120 (in Ukrainian).

Otroshchenko, V. V. 2009. In *Problemy arkheolohiï Podniprov'ya (Problems of the archaeology of Dnieper region).* Dnepropetrovsk, 70—74 (in Ukrainian).

Otroshchenko, V. V. 2009. In *Arkheolohiya (Archaeology)* (4), 104—105 (in Ukrainian).

Otroshchenko, V. V., Rassamakin, Yu. Ya. 1997. In *Sabatinovskaia i srubnaia kul'tury: problemy vzaimosviazei vostoka i zapada v epokhu pozdnei bronzy (Sabatinovka and Srubnaya cultures: problems of interrelations between East and West in Late Bronze Age).* Kiev; Nikolaev; Yuzhnoukrainsk: Mezhdunarodnyi Informatsionnyi Tsentr, 23—25 (in Ukrainian).

Otroshchenko, V. V., Rassamakin, Yu. Ya., Chernykh, L. A., Gershkovich, Ya. P. 2008. In *Ukraïna: khronolohiya rozvytku (Ukraine: chronology of development).* Vol. 1. Kiev: KVITs, 219—331 (in Ukrainian).

Kachalova, N. K. (nauch. red.) 1993. *Pamiatniki srubnoi kul'tury: Volgo-Ural'skoe mezhdurech'e (Srubnaya culture sites: Volga-Ural interfluve).* Svod arkheologicheskikh istochnikov (Corpus of Archaeological Sources) V1—10. Vol. I. Saratov (in Russian).

Partsinger, G. 2013. In *Bronzovyi vek. Evropa bez granits. Chetvertoe — pervoe tysiacheletiia do n.e. Katalog vystavki (Bronze Age. Europe without borders. 4th—1st millennia BC. Exhibition catalogue).* Saint Petersburg: Chistyi list, 23—45 (in Russian).

Pleshivenko, A. G. 1995. In *Drevnosti Stepnogo Prichernomor'ia i Kryma (Antiquities of the steppe zone in Northern Pontic and Crimea)* V, 143—159 (in Russian).

Pogrebova, N. N. 1960. In *Sovetskaia arkheologiia (Soviet Archaeology)* (4), 76—90 (in Russian).

Podobed, V. A., Usachuk, A. N., Tsimidanov, V. V. 2009. In *Drevnosti Sibiri i Tsentral'noi Azii (Antiquities of Siberia and Central Asia)* 13—14 (1—2), 3—16.

Podobed, V. A., Tsimidanov, V. V. 2010. In *Donets'kyj arkheolohichnyj zbirnyk (Donetsk archaeological compilation)* 13/14, 98—120 (in Russian).

Polidovich, Yu. B., Tsimidanov, V. V. 1994. In *Problemy khronologii kul'tur eneolita — bronzovogo veka Ukrainy i iuga Vostochnoi Evropy (Problems of chronology of Eneolithic — Bronze Age cultures of Ukraine and South of Eastern Europe).* Dnepropetrovsk: DGU, 28—29 (in Russian).

Potapov, V. V., Shef, A. V. 2011. In *Donets'kyj arkheolohichnyj zbirnyk (Donetsk archaeological compilation)* 15, 171—183 (in Russian).

Predislovie (Foreword) 1951. In *Materialy i issledovaniia po arkheologii SSSR (Materials and researces on the archaeology of USSR)* 21, 5—6 (in Russian).

Privalov, A. I. 1989. In *Problemy okhrany i issledovaniia pamiatnikov arkheologii v Donbasse (Problems of protection and investigation of archaeological sites in Donbass).* Donetsk: Donetskaia gorodskaia tipografiia, 30—32 (in Russian).

Privalova, O. Ya., Privalov, A. I. 1987. In *Drevneishie skotovody stepei iuga Ukrainy (Most ancient cattle-breeders of the steppes of southern Ukraine).* Kiev: Naukova dumka, 94—107 (in Russian).

Probeygolova, A. S., Krasilnikov, K. I. 2010. In *Arkheolohichni doslidzhennya v Ukraïni 2009 (Archaeological researches in Ukraine in 2009).* Kiev; Lutsk, 343—345 (in Russian).

Protokoly zasedanii... 1995. In *Arkheologicheskie izyskaniia (Archaeological studies)* 25 (II). Saint Petersburg, 73—95 (in Russian).

Pryakhin, A. D. 1996. In *Dono-Donetskii region v sisteme drevnostei epokhi bronzy vostochnoevropeiskoi stepi i lesostepi (Don-Donets region in the system of Bronze Age antiquities of East-European steppe and forest-steppe regions).* Voronezh: Voronezhskii universitet, 3—4 (in Russian).

Pryakhin, A. D. 2011. In *Vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriia: Istoriia. Politologiia. Sotsiologiia (Bulletin of Voronezh State University. Series: History. Politology. Sociology)* (1), 62—74 (in Russian).

Pryakhin, A. D. 2012. In *Problemy istoriï ta arkheolohiï Ukraïny (Problems of history and archaeology of Ukraine).* Kharkov: TOV "NTMT", 18—19 (in Russian).

Pyankov, I. V. 2010. In *Trudy istoricheskogo fakul'teta Moskovskogo gosudarstvennogo universiteta (Works of the Historical department of the Moscow State University)* 49. Seria (Series) 2. *Istoricheskie issledovaniia (Historical researches)* 18. Moscow, 76—85 (in Russian).

Pyatykh, G. G. 1989. In *Arkheologiia vostochno-evropeiskoi stepi (Archaeology of East-European steppe)* 136—137 (in

References

Russian).

Razumov, S., Lysenko, S., Kosko, A. 2012. In *Arkasivs'ki chytannya (Arkasiv readings).* Nikolaev: MNU, 84—87 (in Russian).

Ryzhov, S. M., Burdo, N. B., Videyko, M. Yu., Magomedov, B. V. 2002. *Davnya keramika Ukraïny. Arkheolohichni dzherela ta rekonstruktsiï (Ancient pottery of Ukraine. Archaeological sources and reconstructions).* P. I. Kiev: Instytut arkheolohiï NAN Ukraïny (in Ukrainian).

Rogudeev, V. 2012. In *Revista Arheologică, Seria Nouă* VIII (1—2), 266—274 (in Russian).

Romanchuk, A. A. 2011. In *Stratum plus. Arkheologiia i kul'turnaia antropologiia (Stratum plus. Archaeology and Cultural Anthropology)* (2), 187—206 (in Russian).

Romanyuk, V. P., Chernyakov, I. T. 2008. *Chto bylo na meste Odessy? (What was on the place of Odessa?*) Kiev: Avtograf (in Russian).

Romashko, V. A. 1994. In *Problemy khronologii kul'tur eneolita — bronzovogo veka Ukrainy i iuga Vostochnoi Evropy (Problems of chronology of Eneolithic — Bronze Age cultures of Ukraine and South of Eastern Europe).* Dnepropetrovsk: DGU, 53—55 (in Russian).

Romashko, V. A. 1995. In *Problemy arkheologii Podneprov'ia (Problems of the archaeology of Dnieper region).* Dnepropetrovsk, 114—134 (in Russian).

Romashko, V. A. 1996. In *Severo-Vostochnoe Priazov'e v sisteme evraziiskikh drevnostei (eneolit — bronzovyi vek) (North-Western Azov region in the system of Eurasian antiquities (Eneolithic — Bronze Age)).* P. II. Donetsk: DonGU, 66—69 (in Russian).

Romashko, V. A. 1997. In *Drevnosti (Antiquities)* 1996, 50—55 (in Russian).

Romashko, V. A. 2000. In *Labores pariunt honores. Spetsial'nyi vypusk „Problemy arkheolohiï Podniprov´ya» (Labores pariunt honores. Special issue "Problems of the archaeology of Dnieper region").* Dnepropetrovsk: Dnipropetrovs'kii universitet, 134—143 (in Russian).

Romashko, V. A. 2002. In *Problemy arkheolohiï Podniprov'ya (Problems of the archaeology of Dnieper region).* Dnepropetrovsk, 91—99 (in Russian).

Romashko, V. A. 2013. *Zakliuchitel'nyi etap pozdnego bronzovogo veka Levoberezhnoi Ukrainy (po materialam boguslavsko-belozerskoi kul'tury) (Final stage of the Late Bronze age of Left Bank Ukraine (basing on the materials of the Boguslavsko-Belozerskaia culture)).* Kiev: KNT (in Russian).

Rybalova, V. D. 1961. In *Issledovaniia po arkheologii SSSR (Researches into archaeology of USSR).* Leningrad: LGU, 80—95 (in Russian).

Rybalova, V. D. 1974. In *Arheologicheskii sbornik Gosudarstvennogo Ermitazha (Archeological Bulletin of the State Hermitage Museum)* 16, 19—49 (in Russian).

Rybalova, V. D. 1978. In *Problemy arkheologii (Problems of the archaeology)* II. Leningrad, 61—67 (in Russian).

Savva, E. N. 1988. *Kul'tura mnogovalikovoi keramiki Dnestrovsko-Prutskogo mezhdurech'ia. (Kul'turno-istoricheskaia kharakteristika, periodizatsiia, khronologiia) (Mnogovalikovaya culture of the Dniester-Prut interfluve. (Cultural and historical characteristic, periodization, chronology)).* PhD thesis. Leningrad (in Russian).

Savva, E. N. 1990. In *Problemy drevnei istorii Severnogo Prichernomor'ia i Srednei Azii (epokha bronzy i rannego zheleza) (Problems of the ancient history of Northern Pontic and Central Asia regions (Bronze and Early Iron ages)).* Leningrad: Gosudarstvennyi Ermitazh, 32—34 (in Russian).

Savva, E. N. 1992. *Kul'tura mnogovalikovoi keramiki Dnestrovsko-Prutskogo mezhdurech'ia (po materialam pogrebal'nogo obriada) Mnogovalikovaya culture of the Dniester-Prut interfluve (basing on the materials of the funerary rite).* Kishinev: Shtiintsa (in Russian).

Savva, E. N. 1994. In *Simpozion internaţional. Masivul traco-cimerian. Probleme actuale.* Chişinău: Universitatea de Stat din Moldova, 29—30 (in Russian).

Savva, E. N. 2003. In *Chteniia, posviashchennye 100-letiiu deiatel'nosti Vasiliia Alekseevicha Gorodtsova v Gosudarstvennom Istoricheskom muzee (Readings to the anniversary of 100 years from the beginning of activity of Vasilii Alekseevici Gorodtsov in the State Historical Museum).* P. I. Moscow: GIM, 147—149 (in Russian).

Sava, E., Kaiser, E. 2011. In *Biblioteca Tyragetia* XIX. Chişinău: "Bons Offices" SRL (in Russian).

Samar, V. A. 1998. In *Problemy izucheniia katakombnoi kul'turno-istoricheskoi obshchnosti (KKIO) i kul'turno-istoricheskoi obshchnosti mnogovalikovoi keramiki (KIOMK) (Problems of research of Katakombnaia cultural-historical complex (KKIO) and Mnogovalikovaia cultural-historical complex (KIOMK)).* Zaporozhye: Zaporozhskii gosudarstvennyi universitet, 75—83 (in Russian).

Seheda, S. P. 2005. In *Etnichna ta etnokul'turna istoriya Ukraïny (Ethnical and ethnocultural history of Ukraine)* 1. Book II. P. 11. Kiev: Naukova dumka, 297—350 (in Ukrainian).

Sedova, M. S. 2000. In *Istoriia Samarskogo Povolzh'ia s drevneishikh vremen do nashikh dnei. Bronzovyi vek (History of the Samara Volga region from the most ancient to modern times. Bronze Age).* Samara: Samarskogo nauchnogo tsentra RAN, 209—241 (in Russian).

Semenova, A. P. 2001. In *Bronzovyi vek Vostochnoi Evropy: kharakteristika kul'tur, khronologiia i periodizatsiia (Bronze Age of Eastern Europe: characteristics of cultures, chronology and periodization).* Samara: OOO "NTTs", 273—279 (in Russian).

Sikorskii, A. A., Eliseev, V. F., Klyushintsev, V. N. 1997. In *Sabatinovskaia i srubnaia kul'tury: problemy vzaimosviazei vostoka i zapada v epokhu pozdnei bronzy (Sabatinovka and Srubnaya cultures: problems of interrelations between East and West in Late Bronze Age).* Kiev; Nikolaev; Yuzhnoukrainsk: "Mezhdunarodnyi Informatsionnyi Tsentr", 64—69 (in Russian).

Sinyuk, A. T., Kozmirchuk, I. A. 1995. In *Drevnie indo-iranskie kul'tury Volgo-Ural'ia (II tys. do n.e.) (Ancient Indo-Iranian cultures between Volga and Ural (2nd millennium BC)).* Samara: SamGPU, 37—72 (in Russian).

Smirnova, G. I. 1967. In *Kratkie soobshcheniia Instituta arkheologii Akademii nauk SSSR (Brief reports of the Institute of Archaeology of the Academy of Sciences of USSR)* 112, 66—74 (in Russian).

Smirnova, G. I. 1969. In *Arheologicheskii sbornik Gosudarstvennogo Ermitazha (Archeological Bulletin of the State Hermitage Museum)* 11, 48—71 (in Russian).

Smirnova, G. I. 1972. In *Arheologicheskii sbornik Gosudarstvennogo Ermitazha (Archeological Bulletin of the State Hermitage Museum)* 14, 12—31 (in Russian).

Subbotin, L. V. 2000. In *Stratum plus. Arkheologiia i kul'turnaia antropologiia (Stratum plus. Archaeology and Cultural Anthropology)* (2), 350—387 (in Russian).

Telegin, D. Ya. 1959. In *Kratkie soobshcheniia Instituta arkheologii Akademii nauk Ukrainskoi SSR (Brief reports of the Institute of Archaeology of the Academy of Sciences of Ukrainian SSR)* 8, 72—79 (in Russian).

Telegin, D. Ya. 1961. In *Arkheolohiya (Archaeology)* XII, 3—15 (in Ukrainian).

Telegin, D. Ya., Terpilovskii, R. V., Kozlovskii, A. Ya., Pustovalov, S. Zh. 1984. In *Arkheolohiya (Archaeology)* 47, 45—57 (in Ukrainian).

Terenozhkin, A. I. 1961. *Predskifskii period na Dneprovskom Pravoberezh'e (Pre-Scathian period on the Right Bank Dnieper region).* Kiev: AN USSR (in Russian).

Terenozhkin, A. I. 1965. In *Sovetskaia arkheologiia (Soviet Archaeology)* (1), 63—85 (in Russian).

Terenozhkin, A. I. 1976. *Kimmeriitsy (Cimmerians).* Kiev: Naukova dumka (in Russian).

Tolochko, P. P., Kozak, D. N., Motsia, O. P., Murzin, V. Yu., Otroshchenko, V. V., Segeda, S. P. 2000. *Etnichna istoriya davn'oï Ukraïny (Ethnical history of Ancient Ukraine).* Kiev: Instytut arkheolohiï NAN Ukraïny (in Ukrainian).

Toshchev, G. N. 1982. *Srednii period bronzovogo veka Severo-Zapadnogo Prichernomor'ia (Middle period of the Bronze Age of the North-Western Pontic region).* Avtoref. diss. ... kand. ist. nauk. Kiev (in Russian).

Toshchev, G. N. 1986. In *Issledovaniia po arkheologii Severo-Zapadnogo Prichernomor'ia (Researches into archaeology of the North-Western Pontic region).* Kiev: Naukova dumka, 104—115 (in Russian).

Toshchev, G. N. 1986. *Srednii period bronzovogo veka Iugo-Zapada SSSR (Middle period of the Bronze Age of the South-West of USSR).* Zaporozhye: Zaporozhskii gosudarstvennyi universitet. Archive INION AN SSSR. 19.06.87. №29903 (in Russian).

Toshchev, G. N. 2004. In *Starozhytnosti stepovoho Prychornomor'ya i Krymu (Antiquities of the steppe zone in Northern pontic and Crimea)* XI, 250—253 (in Russian).

Toshchev, H. N. 2005. In *Na poshanu Sofiï Stanislavivny Berezans'koï (In honor of Sofia Stanislavovna Berezanskaia).* Kiev: Shlyakh, 143—148 (in Russian).

Toshchev, G. N. 2007. *Krym v epokhu bronzy (Crimea in the Bronze Age).* Zaporozhye: ZNU (in Russian).

Usachuk, A. N., Gorbov, V. N. 1990. In *Problemy istorii i arkheologii Nizhnego Podnestrov'ia (Problems of history and archaeology of Lower Dniester region)* II. *Arkheologiia (Archaeology)*. Belgorod-Dnestrovsky, 107—109 (in Russian).

Uşurelu, E. 2010. In *Revista Arheologică S. N.* V (1), 22—67 (in Russian).

Fedorov, G. B., Polevoi, L. L. 1973. *Arkheologiia Rumynii (Archaeology of Romania).* Moscow: Nauka (in Russian).

Fomenko, V. N., Eliseev, V. F., Shevchenko, N. P. 1997. In *Arkheolohichni doslidzhennya v Ukraïni 1993 roku* (*Archaeological researches in Ukraine in 1993*). Kiev, 138—139 (in Russian).

Fomenko, V. M., Tovkaylo, M. T., Trebukh, O. O. 1997. In *Arkheolohichni doslidzhennya v Ukraïni 2005—2007 rr.* (*Archaeological researches in Ukraine in 2005—2007*) Kiev; Zaporozhye, 405—408 (in Ukrainian).

Garding, E. 2013. In *Bronzovyi vek. Evropa bez granits. Chetvertoe — pervoe tysiacheletiia do n. e. Katalog vystavki (Bronze Age. Europe without borders. 4th—1st millennia BC. Exhibition catalogue).* Saint Petersburg: Chistyi list, 170—181 (in Russian).

Ţerna, S., Topal, D. 2013. In *Tyragetia, Seria Nouă* VII [XXII] (1), 189—204 (in Russian).

Tsimidanov, V. V. 2004. *Sotsial'naia struktura srubnogo obshchestv (Social structure of the Srubnaya society).* Donetsk: Institut arkheologii NAN Ukrainy (in Russian).

Cherednichenko, N. N. 1997. In *Sabatinovskaia i srubnaia kul'tury: problemy vzaimosviazei vostoka i zapada v epokhu pozdnei bronzy (Sabatinovka and Srubnaya cultures: problems of interrelations between East and West in Late Bronze Age).* Kiev; Nikolaev; Yuzhnoukrainsk: Mezhdunarodnyi Informatsionnyi Tsentr, 28—29 (in Russian).

Chernienko, Yu. A. 1992. In *Severo-Zapadnoe Prichernomor'e: ritmy kul'turogeneza (North-Western Pontic region: rhythms of culture genesis).* Odessa: Gortipografiia Odesskogo oblpoligrafizdata, 30—32 (in Russian).

Chernienko, Yu. A. 2009. In *Materialy po arkheologii Severnogo Prichernomor'ia (Materials on the archaeology of Northern Pontic area)* 9, 382—397 (in Russian).

Chernienko, Yu. A. 2013. In *Revista Arheologică, Seria Nouă* IX (1—2), in print (in Russian).

Chernosvitov, P. Yu. 1989. In *Kompleksnye metody issledovaniia arkheologicheskikh istochnikov (Complex methods of the investigation of archaeological sources).* Moscow: Institut mekhaniki MGU, 22—23 (in Russian).

Chernykh, E. N. 1972. *Istoriia metallurgii Vostochnoi Evropy v pozdnem bronzovom veke (History of metallurgy of Eastern Europe in Late Bronze age).* PhD thesis. Moscow (in Russian).

Chernykh, E. N. 1976. *Drevniaia metalloobrabotka na Iugo-Zapade SSSR (Ancient metalworking in South-West of USSR).* Moscow: Nauka (in Russian).

Chernykh, E. N. 1978. *Gornoe delo i metallurgiia v drevneishei Bolgarii (Mining and metallurgy in prehistoric Bulgaria).* Sofiia: BAN (in Russian).

Chernykh, E. N. 1978. In *Sovetskaia arkheologiia (Soviet Archaeology)* (4), 53—82 (in Russian).

Chernykh, E. N. 1983. In *Bronzovyi vek stepnoi polosy Uralo-Irtyshskogo mezhdurech'ia (Bronze Age of the steppe zone of the Ural-Irtysh interfluve).* Chelyabinsk: Bashkirskii universitet, 81—99 (in Russian).

Chernykh, E. N., Kuzminykh, S. V. 1989. *Drevniaia metallurgiia Severnoi Evrazii (seiminsko-turbinskii fenomen) (Ancient metallurgy of Northern Eurasia (seimino-turbino phenomenon)).* Moscow: Nauka (in Russian).

Chernyakov, I. T. 1964. In *Kratkie soobshcheniia Odesskogo gosudarstvennogo arkheologicheskogo muzeia 1962 goda (Brief reports on the field archaeological investigations of Odessa State Archaeological Museum in 1962)*, 128—134 (in Russian).

Chernyakov, I. T. 1965. In *Kratkie soobshcheniia Odesskogo gosudarstvennogo arkheologicheskogo muzeia 1963 goda (Brief reports on the field archaeological investigations of Odessa State Archaeological Museum in 1963)*, 87—123 (in Russian).

Chernyakov, I. T. 1975. *Plemena Severo-Zapadnogo Prichernomor'ia v pozdnem bronzovom veke (2-ia polovina II tys. do n. e.) (Tribes of North-West Pontic region in Late Bronze age (second half of 2nd millenium BC)).* PhD thesis. Kiev (in Russian).

Chernyakov, I. T. 1976. In *Materialy po arkheologii Severnogo Prichernomor'ia (Materials on the archaeology of Northern Pontic area)* 8, 61—69 (in Russian).

Chernyakov, I. T. 1979. In Patokova, E. F. *Usatovskoe poselenie i mogil'niki (Usatovo settlement and necropolises).* Suppl. 2. Kiev: Naukova dumka, 177—180 (in Russian).

Chernyakov, I. T. 1980. In *AIU v 1978—1979 gg. (Archaeological researches in Ukraine 1978—1979)* Dnepropetrovsk: Dnepropetrovskoe obl. upravlenie po delam izdatel'stv, poligrafii i knizhnoi torgovli, 58—59 (in Russian).

Chernyakov, I. T. 1983. In *Materialy po arkheologii Severnogo Prichernomor'ia (Materials on the archaeology of Northern Pontic area).* Kiev: Naukova dumka, 32—47 (in Russian).

Chernyakov, I. T. 1984. In *Severnoe Prichernomor'e (materialy po arkheologii) (Northern Pontic region (materials on archaeology)).* Kiev: Naukova dumka, 34—42 (in Russian).

Chernyakov, I. T. 1985. *Severo-Zapadnoe Prichernomor'e vo vtoroi polovine II tysiacheletiia do n. e. (North-Western Pontic region in the second half of the 2nd mil. BC).* Kiev: Naukova dumka (in Russian).

Chernyakov, I. T. 1996. In *Severo-Vostochnoe Priazov'e v sisteme evraziiskikh drevnostei (eneolit — bronzovyi vek) (North-Western Azov region in the system of Eurasian antiquities (Eneolithic — Bronze Age)).* P. I. Donetsk: DonGU, 59—64 (in Russian).

Chernyakov, I. T. 1997. In *Sabatinovskaia i srubnaia kul'tury: problemy vzaimosviazei vostoka i zapada v epokhu pozdnei bronzy (Sabatinovka and Srubnaya cultures: problems of interrelations between East and West in Late Bronze Age).* Kiev; Nikolaev; Yuzhnoukrainsk: Mezhdunarodnyi Informatsionnyi Tsentr, 31—33 (in Russian).

Chernyakov, I. T. 2002. In *Karpatika (Carpatica)* 15. Uzhgorod, 39—60 (in Russian).

Chernyakov I. T. 2010. In *Pratsi tsentru pam´yatkoznavstva (Works of the center for monument studies)* 17. Kiev, 116—122 (in Ukrainian).

Chernyakov, I. T., Toshchev, G. N. 1985. In *Novye materialy po arkheologii Severo-Zapadnogo Prichernomor'ia (New materials on the archaeology of North-western Pontic region).* Kiev: Naukova dumka, 5—31 (in Russian).

Chernyakov, I. T., Vanchugov, V. P., Kushnir, V. G. 1986. In *Sovetskaia arkheologiia (Soviet Archaeology)* (2), 47—55 (in Russian).

Chernyakov, I. T., Stanko, V. N., Gudkova, A. V. 1986. In *Issledovaniia po arkheologii Severo-Zapadnogo Prichernomor'ia (Researches into archaeology of the North-Western Pontic region)ia.* Kiev: Naukova dumka, 53—96 (in Russian).

Chmykhov, M. O., Chernyakov, I. T. 1988. *Khronolohiya arkheolohichnykh pam'yatok epokhy midi-bronzy na terytorii Ukraïny (Chronology of Copper and Bronze age archaeological sites on the territory of Ukraine).* Kiev: NMK VO (in Russian).

Chubatenko, I. A., Gorbov, V. N. 1994. In *Srubnaia kul'turno-istoricheskaia oblast' (Srubnaya cultural-historical entity).* Saratov: Saratovskii universitet, 57—62 (in Russian).

Chubur, A. A. 2000. In *Kurskii krai (Kursk region)* 2. Kursk: KGPU (in Russian).

Shapovalov, T. A. 1976. In *Eneolit i bronzovyi vek Ukrainy. Issledovaniia i materialy (Eneolithic and Bronze Age of Ukraine. Investigations and materials).* Kiev: Naukova dumka, 150—172 (in Russian).

Shaposhnikova, O. G., Neprina, V. I. 1977. In *Drevnosti Poingul'ia (Antiquities of the Ingul region).* Kiev: Naukova dumka, 52—65 (in Russian).

Sharafutdinova, I. N. 1966. In *Plenum Instituta arkheologii 1966 g. Sektsiia neolit i bronzovyi vek (Plenary session of the Institute of archaeology in 1966. Neolithic and Bronze age).* Moscow: IA AN SSSR, 29—30 (in Russian).

Sharafutdinova, I. N. 1968. In *Sovetskaia arkheologiia (Soviet Archaeology)* (3), 16—34 (in Russian).

Sharafutdinova, I. N. 1975. *Plemena Stepnogo Podneprov'ia v epokhu pozdnei bronzy (Tribes of steppe Dnieper region in the Late Bronze age).* PhD thesis. Kiev (in Russian).

Sharafutdinova, I. N. 1982. *Stepnoe Podneprov'e v epokhu pozdnei bronzy (Steppe Dnieper region in the Late Bronze age).* Kiev: Naukova dumka (in Russian).

Sharafutdinova, I. N. 1987. In *Mezhplemennye sviazi epokhi bronzy*

References

na territorii Ukrainy (Intertribal connections in the Bronze Age on the territory of Ukraine). Kiev: Naukova dumka, 69—86 (in Russian).

Sharafutdinova, Y. N. 1989. In *Problemy istorii ta arkheolohii davn'oho naselennya Ukraïns'koï RSR (Problems of history and archaeology of the ancient population of Ukrainian SSR).* Kiev: Naukova dumka, 256—257 (in Russian).

Sharafutdinova, I. N. 1990. In *Problemy pervobytnoi arkheologii Severnogo Prichernomor'ia (k 100-letiiu osnovaniia Khersonskogo muzeia drevnostei) (Problems of prehistoric archaeology of Northern Pontic region (to the anniversary of 100 years from the foundation of Kherson museum of antiquities)).* Kherson: Khersonskaya oblastnaya biblioteka im. Gor'kogo, 82—83 (in Russian).

Sharafutdinova, E. S. 1985. In *Srubnaia kul'turno-istoricheskaia obshchnost'. (Problemy formirovaniia i periodizatsii) (Srubnaya cultural and historical entity. (Problems of formation and periodization)).* Kuybyshev: KuibGPI, 146—183 (in Russian).

Sharafutdinova, E. S. 1987. In *Pamiatniki bronzovogo i rannego zheleznogo vekov Podneprov'ia (Bronze and Early Iron age sites of Dnieper region).* Dnepropetrovsk: DGU, 27—47 (in Russian).

Sharafutdinova, E. S. 1990. In *Problemy drevnei istorii Severnogo Prichernomor'ia i Srednei Azii (epokha bronzy i rannego zheleza) (Problems of the ancient history of Northern Pontic and Central Asia regions (Bronze and Early Iron ages)).* Leningrad: Gosudarstvennyi Ermitazh, 38—39 (in Russian).

Sharafutdinova, E. S. 1990. In *Izvestiia Severo-Kavkazskogo nauchnogo tsentra vysshei shkoly (Reports of the North-Caucasian high school scientific centre)* 4 (72, 47—52 (in Russian).

Sharafutdinova, E. S. 1991. In *Sovetskaia arkheologiia (Soviet Archaeology)* (1), 184—196 (in Russian).

Sharafutdinova, E. S. 1992. In *Istoriia i arkheologiia Slobodskoi Ukrainy (History and archaeology of Slobodskaia Ukraine).* Kharkov, 217—218 (in Russian).

Sharafutdinova, E. S. 1992. In *Severo-Zapadnoe Prichernomor'e: ritmy kul'turogeneza (North-Western Pontic region: rhythms of culture genesis).* Odessa: Gortipografiia Odesskogo oblpoligrafizdata, 37—39 (in Russian).

Sharafutdinova, E. S. 1995. In *Donskie drevnosti (Don antiquities)* 4, 93—116 (in Russian).

Sharafutdinova, E. S. 1995. In *Arkheologicheskie izyskaniia (Archaeological studies)* 25. Saint Petersburg, 83—87 (in Russian).

Sharafutdinova, E. S. 1995. In *Drevnie indo-iranskie kul'tury Volgo-Ural'ia (II tys. do n.e.) (Ancient Indo-Iranian cultures between Volga and Ural (2nd millennium BC)).* Samara: SamGU, 124—140 (in Russian).

Sharafutdinova, E. S. 1996. In *Severo-Vostochnoe Priazov'e v sisteme evraziiskikh drevnostei (eneolit — bronzovyi vek) (North-Western Azov region in the system of Eurasian antiquities (Eneolithic — Bronze age)).* P. I. Donetsk: DonGU, 56—59 (in Russian).

Sharafutdinova, E. S. 1997. In *Sabatinovskaia i srubnaia kul'tury: problemy vzaimosviazei vostoka i zapada v epokhu pozdnei bronzy (Sabatinovka and Srubnaya cultures: problems of interrelations between East and West in Late Bronze Age).* Kiev; Nikolaev; Yuzhnoukrainsk: Mezhdunarodnyi Informatsionnyi Tsentr, 37—38 (in Russian).

Sharafutdinova, E. S. 2000. In *Vzaimodeistvie i razvitie drevnikh kul'tur iuzhnogo pogranich'ia Evropy i Azii (Interaction and development of ancient cultures of southern border zone between Europe and Asia).* Saratov: Saratovskii universitet, 102—105 (in Russian).

Sharafutdinova, E. S. 2003. In *Chteniia, posviashchennye 100-letiiu deiatel'nosti Vasiliia Alekseevicha Gorodtsova v Gosudarstvennom Istoricheskom muzee (Readings to the anniversary of 100 years from the beginning of activity of Vasilii Alekseevici Gorodtsov in the State Historical Museum).* P. I. Moscow: GIM, 125—126 (in Russian).

Sharafutdinova, I. M. 1964. In *Arkheolohiya (Archaeology)* XVII, 153—169 (in Ukrainian).

Sherstyuk, V. V. 2012. In *Problemy istorii ta arkheolohii Ukraïny (Problems of history and archaeology of Ukraine).* Kharkov: TOV "NTMT", 22 (in Ukrainian).

Shilov, Yu. A. 1982. *Nizhnee Podneprov'e v seredine III — seredine II tys. do n. e. (issledovanie kul'turno-istoricheskogo protsessa) (Lower Dnieper region in the middle of 3rd — middle of 2nd millennia BC (a study of the cultural-historical process).* PhD thesis. Kiev (in Russian).

Shishlina, N. 2013. In *Bronzovyi vek. Evropa bez granits. Chetvertoe — pervoe tysiacheletiia do n. e. Katalog vystavki (Bronze Age. Europe without borders. 4th—1st millennia BC. Exhibition catalogue).* Saint Petersburg: Chistyi list, 156—169 (in Russian).

Shmagliy, N. M., Chernyakov, I. T. 1970. In *Materialy po arkheologii Severnogo Prichernomor'ia (Materials on the archaeology of Northern Pontic area)* 6, 5—129 (in Russian).

Yudin, A. I. 1996. In *Abashevskaia kul'turno-istoricheskaia obshchnost' v sisteme drevnostei epokhi bronzy stepi i lesostepi Evrazii (Abashevo cultural-historical complex in the system of Bronze Age antiquities of steppe and forest-steppe regions of Eurasia).* Tambov, 46—48 (in Russian).

Yudin, A. I. 2010. In *Problemy okhrany i izucheniia pamiatnikov arkheologii stepnoi zony Vostochnoi Evropy (sbornik nauchnykh statei i memorial'nykh rabot, posviashchennykh pamiati luganskikh arkheologov) (Problems of protection and study of archaeological sites of the steppe zone of Eastern Europe (a compilation of scientific articles and memorial works in remembrance of Lugansk archaeologists)).* Lugansk: Globus, 345—356 (in Russian).

Yudin, A. I., Matioukhin, A. D. 2006. *Rannesrubnye kurgannye mogil'niki Zolotaia Gora i Kochetnoe (Early Srubnaya barrow necropolises Zolotaia Gora and Kochetnoie).* Saratov: Nauchnaia kniga (in Russian).

Yarovoi, E. V., Kashuba, M. T., Makhortykh, S. V. 2002. In *Severnoe Prichernomor'e: ot eneolita k antichnosti (Northern Pontic region: from Eneolithic to Antiquity).* Tiraspol: NIL "Arkheologiia" PGU, 279—343 (in Russian).

Bočkarev, V. S., Leskov, A. M. 1980. *Jung- und spätbronzezeitliche Gussformen im nördlichen Schwarzmeergebiet.* PBF XIX/1. München: Beck.

Burtănescu, F. 2002. About a group of "outstreched" burials with Middle Bronze Age grave goods in south-eastern Romania. In: Yarovoi, E. V. (ed.). *Drevneishie obshchnosti zemledel'tsev i skotovodov Severnogo Prichernomor'ia (V tys. do n. e. — V vek n. e.) (The most ancient communities of farmers and stock-breeders of the Northern Pontic (5th millennium BC — 5th century AD)).* Tiraspol: NIL "Arkheologiia" PGU, 157—163.

Cavruc, V. 1990. Noi contribuţii la problema genezei şi atribuţiei etnice a civilizaţiei Noua. *Sympozia Thracologica* 8, 125—126.

Cavruc, V. 2013. Impactul noilor datări C14 asupra reconstituirii evoluţiilor culturale pe parcursul epocii bronzului în Europa de Sud-Est. In: Ciobanu L., Condraticova L., Grădinaru N., Vornic V. (red.). *Conferinţa ştiinţifică cu participare internaţională "Probleme actuale ale arheologiei, etnologiei şi studiului artelor", ediţia a V-a, Chişinău, 22—24 mai 2013.* Rez. comunic. Chişinău: Profesional Service, 6—7.

Constantin, N., Dobrinescu, C. I., Bodolică, V. 2013. Late Bronze Age Ritual Pit Discovered in Cernavodă, Constanţa County. In: Sîrbu V., Schuster C. (chief eds.). *The 12th International Congress of Thracology. Târgovişte 10th—14th September 2013. The Thracians and their Neighbours in the Bronze and Iron Ages.* Programme, Reports and Abstracts. Brăila: S. C. Paper Print Invest S. A., 55.

Dergaciov, V. 2010. Evoluţia comunităţilor patriarhale. Epoca bronzului. In: Dergaciov V. (resp. şi red. ştiinţ.). *Istoria Moldovei. Epoca preistorică şi antică (până în sec. V).* Cap. 4. Chişinău: Î. S. F. E.-P. "Tipografia Centrală", 265—312.

Dergaciov, V. 2013. Cu privire la originea şi evoluţia topoarelor-celt din epoca bronzului. In: Ciobanu L., Condraticova L., Grădinaru N., Vornic V. (red.). *Conferinţa ştiinţifică cu participare internaţională "Probleme actuale ale arheologiei, etnologiei şi studiului artelor", ediţia a V-a, Chişinău, 22—24 mai 2013.* Rez. comunic. Chişinău: Profesional Service, 12—15.

Florescu, A. C. 1964. Contribuţii la cunoaşterea culturii Noua. *AM* II—II, 143—216.

Florescu, A. C. 1967. Sur les problèmes du bronze tardif Carpato-Danubian et Nord-Quest Pontique. *Dačia* N. S. XI, 59—94.

Gershkovich, Ya. P. 1993. On the eastern boundary of the Noua-Sabatinovka-Coslogeni Cultural Complex. *Culture et civilization au bas Danube* X, 15—22.

Gershkovich, Ya. P. 2003. Farmers and Pastoralists of the Pontic

Lowland during the Late Bronze Age. In: Levine M. A., Renfrew C., Boyle K. (ed.). *Prehistoric Steppe Adaptation and the Horse. McDonald Institute Monograph.* Ch.20. Cambrige: McDonald Institute for Archaeological Research, 307—317.

Gershkovich, Ya. P. 2011. Global Causes of Some Local Phenomena during the Late Bronze Age in the Nothern Pontic Steppe. In: Sava E., Govedarica B., Hänsel B. (Hrsg.) *Der Schwarzmeerraum vom Äneolithikum bis in die Früheisenzeit (5000—500 v. Chr.). B.2. Globale Entwicklung versus Lokalgeschehen*. Internationale Fachtagung von Humboldtianern für Humboldtianer im Humboldt-Kolleg in Chişinău, Moldavien (4. — 8. Oktober 2010). *PAS* 27. Rahden/Westf., 166—177.

Gerškovič, J. P. 1998. Westliche Impulse bei der Formierung des Kulturkomplexes „Noua-Sabatinovka-Coslogeni". In: Hänsel B., Machnik J. (Hrsq.). *Das Karpatenbecken und die Osteuropäische Steppe. Nomadenbewegungen und Kulturaustausch in der vorchristlichen Metallzeiten (4000—500 v. Chr.)*. Südosteuropa-Schriften 20; PAS 12. Rahden: Leidorf, 317—324.

Gerškovič, J. P. 1999. Zur Studien spätbronzezeitlichen Sabatinovka-Kultur am unteren Dnepr und an der Westküste des Azovischen Meeres. *Archäologie in Eurasien* 7. Berlin: Leidorf.

Klochko, V. I. 1993. Weapons of the tribes of the Nothern Pontic zone in the 16th—10th centuries B. C. *Baltic-Pontic studies* 1. Poznań: Uniwersytet im. Adama Mickiewicza.

Kushtan, D. 2013. Carpathian-Danubian Region and Crimea: the Cultural Links in Bronze Age. In: Sîrbu V., Schuster C. (chief eds.). *The 12th International Congress of Thracology. Târgovişte 10th—14th September 2013. The Thracians and their Neighbours in the Bronze and Iron Ages.* Programme, Reports and Abstracts. Brăila: S. C. Paper Print Invest S. A., 86—87.

Leskov, A. M. 1981. *Jüng- und spätbronzezeitliche Depotfunde im nördlichen Schwarzmeergebiet I (Depots mit einheinmischen Formen)*. PBF XX/5. München: Beck.

Moldoveanu, V. 2011. Consideraţii privind geneza complexului cultural Noua — Sabatinovka — Coslogeni. In: Mihailuţa M.I. (ed.). *Pivden' Ukraïny: etnoistorychnyj, movnyj, kul'turnyj ta relihijnyj vymiry (South of Ukraine: etnohistorical, linguistic, cultural and religious world)* Odessa: BMB, 119—125.

Morintz, S. 1978. *Contribuţii arheologice la istoria tracilor timpurii. I. Epoca bronzului în spaţiul carpato-balcanic*. Biblioteca de arheologie XXXIV. Bucureşti: Editura Academiei Republicii Socialiste România.

Motzoi-Chicideanu, I. 2011. *Obiceiuri funerare în Epoca Bronzului la Dunărea Mijlocie şi Inferioară*. Vol. 1. Bucureşti: Editura Academiei Române.

Nicic, A. 2008. *Interferenţe cultural-cronologice în nord-vestul Pontului Euxin la finele mil. II — începutul mil. I a. Chr*. Biblioteca Tyragetia XV. Chişinău.

Petrescu-Dîmboviţa, M. 1977. *Depozitele de bronzuri din România*. Biblioteca de arheologie XXX. Bucureşti: Editura Academiei Republicii Socialiste România.

Sava, E. 1994. Epoca Bronzului — perioada mijlocie şi târzie, sec. XVII—XII î. e. n. *Thraco-Dacica* XV (1—2), 141—158.

Sava, E. 1998. Die Rolle der „östlichen" und „westlichen" Elemente bei der Genese des Kulturkomplexes Noua-Sabatinovka. (Nach den Materialen des Prut-Dnestr-Zwischenstrom-gebiets). In: Hänsel B., Machnik J. (Hrsq.). *Das Karpaten-becken und die Osteuropäische Steppe. Nomaden-bewegungen und Kulturaustausch in der vorchristlichen Metallzeiten (4000—500 v. Chr.)*. Südosteuropa-Schriften (20); *PAS* 12. Rahden: Leidorf, 267—312.

Sava, E. 2002a. *Die Bestattungen der Noua-Kultur. Ein Beitrag zur Erforschung spätbronzezeitlicher Bestattungsriten zwischen Dnestr und Westkarpaten*. PAS 19. Kiel: Oetker-Voges.

Sava, E. 2002b. Materiale din epoca bronzului târziu din aşezarea Mereni. *AM* XXV, 69—92.

Sava, E. 2003. *Interferenţe cultural-cronologice în epoca bronzului târziu din spaţiul Carpato-Nistrean (complexul cultural Noua-Sabatinovka)*. Autoreferat al tezei de doctor habilitat în ştiinţe istorice. Chişinău.

Sava, E., Agulnikov, S. 2003. Contribuţii noi la definirea ritului funerar în cultura Sabatinovka. In: Sava E. (red. şef). *Interferenţe cultural-cronologice în spaţiul nord-pontic*. Chişinău: Centrul Ed.-poligr. al USM, 113—138.

Sîrbu, M. 2012. Piese din lut descoperite în aşezările de tip Noua-Sabatinovka din spaţiul Carpato-Nistrean. *Tyragetia* S. N. VI [XXI] (1), 91—109.

Sîrbu, M. 2013. Piese litice descoperite in aşezările Noua-Sabatinovka din spaţiul pruto-nistrean. *Tyragetia S. N.* VII [XXII] (1), 163—189.

Uşurelu, E. 2006. *Relaţiile culturale ale comunităţilor bronzului târziu din spaţiul Carpato-nistrean (în baza pieselor de metal)*. Autoreferat al tezei de doctor în ştiinţe istorice. Chişinău. URL: www.scribd.com/doc/120611436/Usurelu-E. Date of access 15.10.2010 г.

Uşurelu, E. 2010. Apariţia şi evoluţia dălţilor cu toc de înmănuşare longitudinal în epoca bronzului din Europa de Est. *Revista Arheologică*, S. N. VI (2), 5—23.

Uşurelu, E. 2010. Cronologia complexelor ce ţin de prelucrarea metalelor în perioada târzie a epocii bronzului din spaţiul Carpato-Dunăreano-Nord-Pontic I. *Revista Arheologică*, S. N. VI (1), 24—70.

Uşurelu, E. 2011. Apariţia şi evoluţia topoarelor-celt cu urechiuşă frontală în epoca bronzului din Europa de Est. *Revista Arheologică*, S. N. VII (1—2), 47—54.

Монография поступила в номер 5 февраля 2013 г.

Yuriy Chernienko (Odessa, Ukraine). Odessa Archaeological Museum of National Academy of Science of Ukraine [1].

Yuriy Chernienko (Odesa, Ucraina). Muzeul de Arheologie din Odesa al Academiei de Ştiinţe a Ucrainei.

Черниенко Юрий Андреевич (Одесса, Украина). Одесский археологический музей Национальной Академии наук Украины.

E-mail: oama1825@mail.ru

Address: [1] Lanzheronovskaya St. 4, Odessa, 65026, Ukraine

От Альфёльда до Нижнего Дона: неолитизация Европы

From Alföld to Lower Don: neolithisation of Europe
De la Alföld la Donul de Jos: neolitizarea Europei

Э. Банффи

Начало оседлого образа жизни в западной части Карпатского бассейна и роль первых земледельцев Задунавья в европейском неолите

Keywords: Central Europe, Carpathian Basin, Neolithic Transition, Early Neolithic, spread of farming.

Cuvinte cheie: Europa Centrală, Bazinul Carpatic, tranziția la neolitic, neolitic timpuriu, răspândirea agriculturii.

Ключевые слова: Центральная Европа, Карпатский бассейн, переход к неолиту, ранний неолит, распространение земледелия.

E. Bánffy

The Beginnings of Sedentary Life in the Western Carpathian Basin — the Role of First Transdanubian Farmers in the European Neolithic

The Carpathian Basin has been considered to be the venue of the last transformation to sedentary lifestyle from the Balkans towards Central Europe. Nevertheless, this region shows up remarkable differences, both in terms of the scenarios and the history of the first Neolithic communities as well as of their descendents. Whilst the Körös and Alföld LBK groups in eastern Hungary proved to remain stable in a gradually stratifying society, the Transdanubian Starčevo and LBK groups soon distributed in vast regions of Europe, between the Paris Basin and Little Poland. This study is meant to shed light on the possible reasons, and intends to summarise the results of an intensive research work into the Neolithic transition that has been done in the last 15 years.

E. Bánffy

Începuturile vieții sedentare în vestul Bazinului Carpatic — rolul primilor agricultori din Transdanubia în neoliticul european

Tradițional, Bazinul Carpatic era considerat arena ultimelor transformări spre un mod sedentar de viață, în răspândirea acestuia din Balcani în Europa Centrală. Cu toate acestea, regiunea respectivă se remarcă prin existența unor diferențe notorii, atât în scenariul schimbărilor parvenite, cât și în istoria primelor comunități neolitice și a urmașilor acestora. În timp ce grupurile Körös și cele liniare Alföld din Ungaria de Est evoluau stabil în direcția formării unei societăți stratificate, comunitățile ceramicii liniare și Starčevo din Transdanubia s-au răspândit destul de rapid peste teritorii largi din Europa, de la Bazinul Parisului în Polonia Mică. Prezentul studiu enumeră posibilele cauze ale acestor procese, dar și oferă o trecere în revistă a intenselor cercetări ale fenomenului de tranziție la neolitic, realizate în ultimii 15 ani.

Э. Банффи

Начало оседлого образа жизни в западной части Карпатского бассейна и роль первых земледельцев Задунавья в европейском неолите

Карпатский бассейн традиционно считался местом, где произошли последние изменения на пути перехода к оседлому образу жизни, который распространялся с территории Балкан в Центральную Европу. Вместе с тем, этот регион показывает значительные различия, как с точки зрения характера изменений, так и истории развития первых неолитических общин и их потомков. В то время как группы Кёрёш и Альфёльдской КЛЛК на востоке Венгрии эволюционировали стабильным путем к обществу с постепенно развивающейся стратификацией, задунайские группы Старчево и КЛЛК достаточно быстро распространились по обширному пространству Европы от Парижского бассейна до Малой Польши. В данной работе представлены возможные причины, стоящие за этими процессами, а также дается обзор интенсивных исследований по проблеме неолитизации, проведенных за последние 15 лет.

1. Введение. Мозаичный характер перехода к неолиту в Карпатском бассейне и агро-экологический барьер

Данное исследование является обзором интенсивных разработок проблемы перехода к неолиту, проведенных за последние 15 лет. Целью работы является показать различия между восточно-венгерской равниной (Альфёльдом) и Задунавьем (Дунантулем) в контексте их различной роли в неолитизации Европы.

Прежде всего, автор этих строк стремится доказать, что процесс неолитизации проходил достаточно неровно и неравномерно в от-

© *Stratum plus*. Археология и культурная антропология.

© Э. Банффи, 2014.

© Перевод статьи с английского языка: С. В. Церна, 2014.

дельных регионах, даже в таких небольших, как современная Венгрия. Точка зрения середины XX столетия, рассматривавшая неолитизацию в качестве простого, быстрого процесса, другими словами — «неолитической революции», во многом являлась отражением «социалистической» истории исследования. Теория быстрого перехода к оседлому образу жизни и производства пищи как не только революционного, но и эволюционного шага, достаточно хорошо перекликалась с основными положениями социалистической пропаганды относительно победоносного завоевания природы человеком, а также с идеями об общем ходе прогресса от первобытности к технологическим новшествам. Однако в свете исследований последних десятилетий эта картина выглядит далеко не столь просто. Наоборот, она стала более содержательной, а по своей мозаичной, сложносоставной сути — аналогичной другим процессам культурных изменений в преистории, да и в истории в целом.

В данной работе несколько более подробно будут представлены три новых памятника, один из которых относится к культуре Кёрёш, другой — Старчево, а третий представляет собой новую, переходную фазу к формированию центрально-европейской культуры линейно-ленточной керамики (КЛЛК). Кроме того, мы попытаемся доказать, что неолит Центральной Европы практически целиком происходит от западных, т. е. задунайских, культурных и генетических составляющих. Поэтому настоящая работы сфокусирована в основном на территории возможного региона последней трансформации: Балатонских болотах и холмах Центрального Задунавья.

Экологическое подразделение Карпатского бассейна

Группы, поселившиеся в южной части Карпатского бассейна между 6000 и 5500 до н. э. и принесшие оседлость и производящее хозяйство в данный регион, имели общее балканское происхождение, но резко отличались друг от друга по характеру заселения территории. Двумя основными действующими лицами являлись культура Кёрёш в Альфёльде и в пойме Дуная (между Дунаем и Тисой) и культура Старчево на правом берегу Дуная и в Задунавье (Дунантуле) до Балатонской возвышенности (рис. 1). Географические и экологические условия на территории между Балатоном, поймой Дуная и Северной низменностью в Восточной Венгрии стали препятствием на пути расселения первых земледельцев. Эта зона, проходящая с западо-юго-запада на северо-северо-восток, выступила в роли своеобразной заставы на пути диффузии земледельческих общин, замедляя их расселение и задержав дальнейшее продвижение этих групп на несколько поколений.

Новые данные из исследований 1990-х годов, датированные с помощью методов палеоэкологии и геоархеологии, в сочетании с радиокарбонными датировками, убедительно показали, что для Карпатского бассейна в конце четвертичного периода была характерна мозаичная структура с точки зрения климатических условий, растительности и характера почв (Sümegi 2004). С учетом того, что данная мозаичная структура существовала уже к концу мезолита и началу неолитического периода, становится достаточно очевидным, что эти условия окружающей среды оказали значительное воздействие на распределение и характер освоения Карпатского бассейна ранненеолитическими культурами. Климатический и биогеографический рубеж, получивший название «Центральноевропейско-балканский агроэкологический барьер» (ЦЕБАЭБ) (Sümegi, Kertész 2001), обозначил самую северную границу распространения влияния балканской среды в Карпатском бассейне (рис. 2).

Песчанистая почва являлась лишь одним из факторов, приведших к возникновению данного барьера. Ограниченность знаний человеческих общин в области земледелия также сыграла свою роль в образовании агроэкологической границы, маркирующей распространение производящего хозяйства. Эта граница просуществовала столетия, пока ранние земледельцы не научились ее преодолевать, т. е. успешно адаптироваться к регионам с менее благоприятными условиями для ведения хозяйства.

Модель ЦЕБАЭБ оказала огромное влияние на особенности распространения земледельческих культур в Карпатском бассейне и, в более широком смысле, на последующие социальные и культурные траектории развития в Центральной Европе. Барьер повлиял на последующее развитие оседлых, производящих культур и предстал в качестве скорее зоны взаимодействия и стимулирования контактов, чем разделения между пришлыми земледельцами и местными собирателями (Banffy, Sümegi 2012).

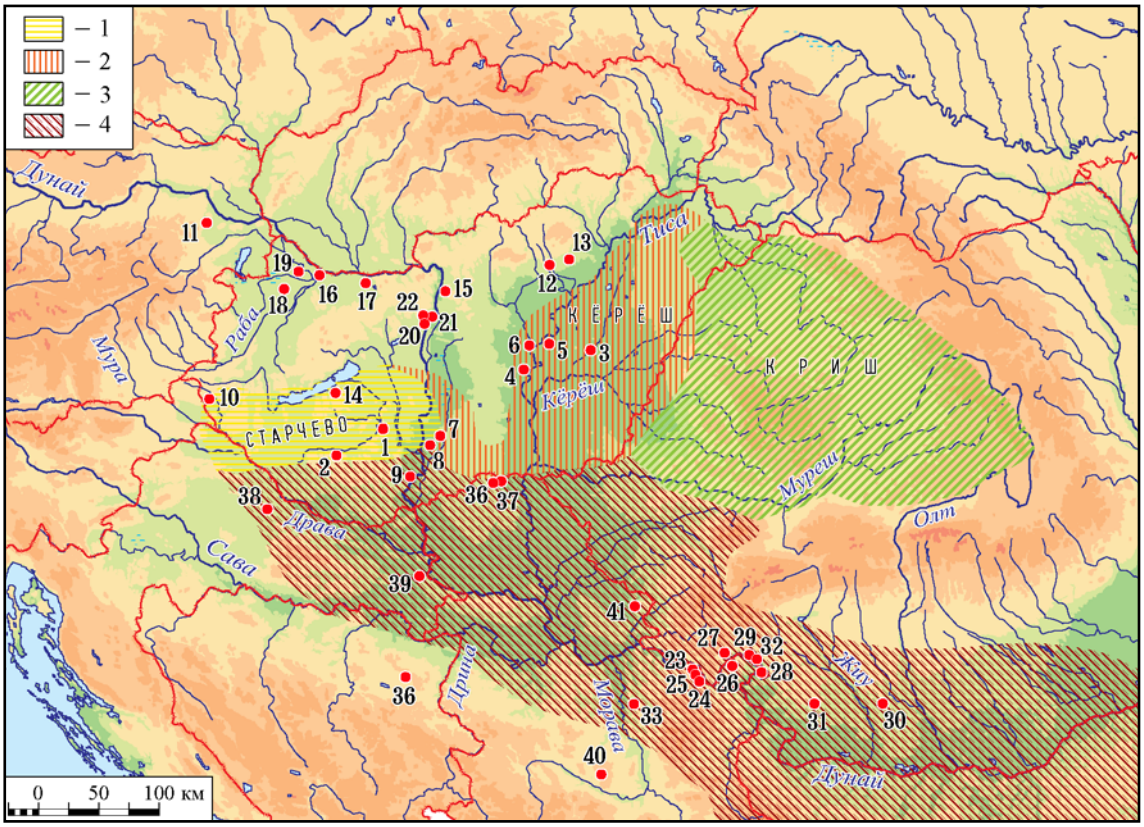

Рис. 1. Карпатский бассейн в раннем неолите (первая половина VI тысячелетия до н. э.). 1 — культура Старчево; 2 — культура Кёрёш; 3 — культура Криш; 4 — область с производящим хозяйством.

Fig. 1. The Carpathian Basin in the Early Neolithic (first half of 6th Mill. BC). 1 — Starčevo culture; 2 — Körös culture; 3 — Criş culture; 4 — region with production economies.

Мозаичная природа распространения культур

На протяжении десятилетий было известно, что южная часть современной Венгрии была заселена двумя северными разновидностями балканского ранненеолитического комплекса: культурой Старчево в Задунавье и культурой Кёрёш в Потисье. В то же время имеются определенные указания на то, что культура Кёрёш, а не Старчево, была распространена в южной части песчанистого региона между Дунаем и Тисой. Также было известно, что к северу от указанной границы появилась культура ранней линейно-ленточной керамики (далее — КЛЛК), а многочисленные сходные элементы в керамике и другом инвентаре позволили предположить, что данная культура (по крайней мере, частично) образовалась под влиянием культур Кёрёш и Старчево.

Проблемы абсолютной хронологии

В современной Венгрии абсолютных дат для мезолита очень мало. Так, отсутствие датировок является большим недостатком раскопок в Ясшаге. В Задунавье полевые работы в Регёй продолжаются и по сей день, а образцы для датирования должны браться из четких закрытых археологических контекстов, что объясняет задержку с определением возраста. Существует лишь один продатированный образец, взятый из гарпуна, обнаруженного на территории бывшего болота в Шаррет, в восточном Задунавье (Eichmann, Kertész, Marton 2010: fig. 1); его отнесли к раннему мезолиту, но точная датировка остается неопубликованной. С точки зрения проблемы перехода к неолиту, позднемезолитические даты были бы очень полезны, но, к сожалению, на данный момент таких датировок не существует.

В первой фазе раннего неолита производящее хозяйство распространилось вместе с носителями культуры Старчево с территории Греции на север через центральные Балканы, появившись в юго-западной Венгрии около 6000 cal. BC, а в восточной Венгрии — около 5800 cal. BC (Whittle et al. 2002: 93; Oross, Siklósi 2012; Bánffy 2004: 308; Bánffy et al. 2010).

В Задунавье ряд относительно-хронологических и археологических данных, похоже, поддерживает идею синхронного обитания

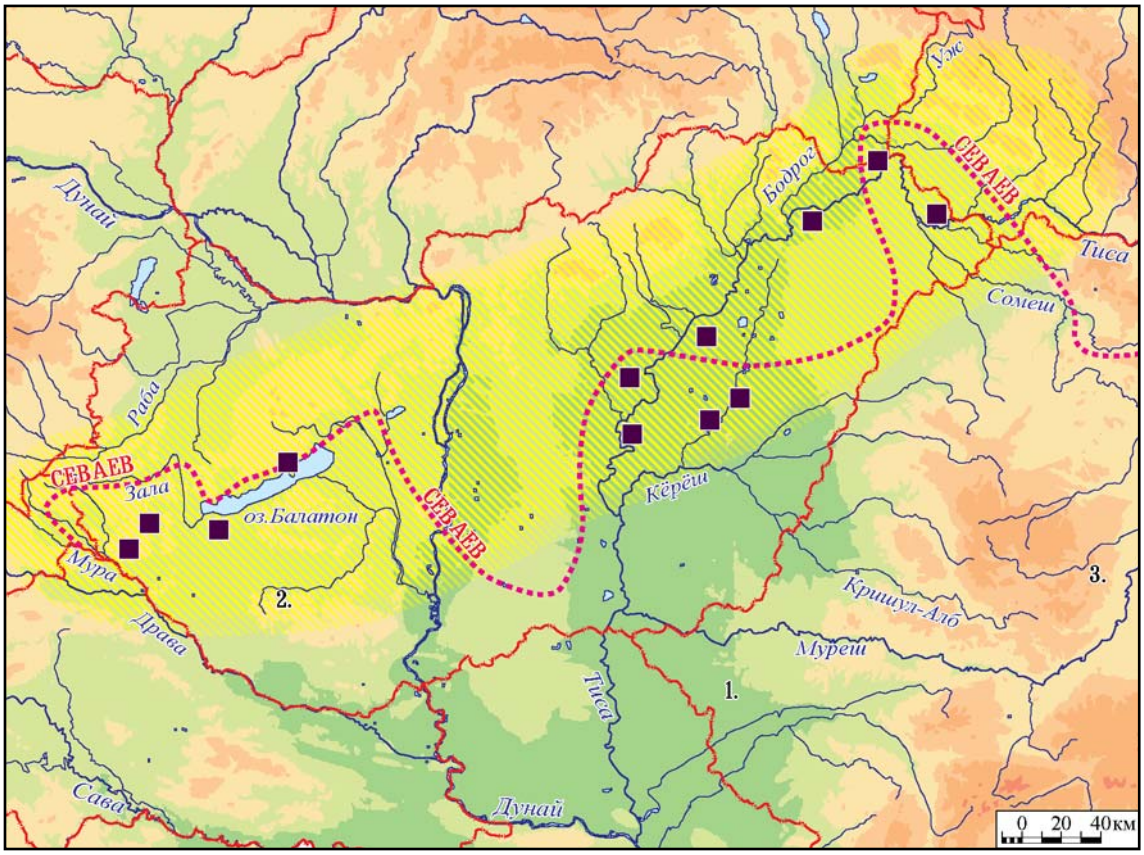

Рис. 2. Центральноевропейско-Балканский агро-экологический барьер (ЦЕБАЭБ) в Карпатском бассейне, с указанием раннеолитических культур и памятников. 1 — ареал культуры Кёрёш; 2 — ареал культуры Старчево; 3 — ареал культуры Криш. Квадратами обозначены крайние поселения вдоль ЦЕБАЭБ.

Fig. 2. The Central European-Balkanic Agro-Ecological Barrier (CEBAEB) in the Carpathian Basin, with Early Neolithic cultures and sites indicated. 1 — Körös culture distribution area; 2 — Starčevo culture distribution area; 3 — Criş culture distribution area. Squares: marginal sites along the CEBAEB.

носителей традиций позднего мезолита (?) и, очевидно, носителей культур Старчево и начальной фазы КЛЛК. Сейчас в нашем распоряжении есть несколько радиокарбонных дат, которые также указывают на возможное сосуществование этих групп во время переходного периода. Часть этих дат происходит с памятников культуры Старчево, в то время как дата из Вёрш указывает на середину 55-го столетия до н. э. (Kalicz et al. 2002). Самые ранние даты с поселения Старчево в Альшоньек-Батасек относятся к 58-му столетию cal. BC, а большинство из них связано с концом 57-го — 56-м столетием cal. BC (эти даты будут опубликованы вместе с результатами совместной программы Университета Майнца и Института археологии в Будапеште по изучению ДНК). Определенно, в будущем следует исследовать и другие комплексы позднего Старчево из памятников вокруг Балатона, рассматривая их в контексте радиокарбонных датировок фазы становления КЛЛК. Пока что подобные образцы были взяты лишь с памятника Сентдьёрдьвёльдь-Питьердомб, но наиболее ранние датировки, похоже, относятся ко времени, когда расположенное неподалеку поселение Вёрш ещё продолжало функционировать (Stadler et al. 2005).

2. Вариации моделей неолитизации: Восточная и Центральная Венгрия

Самые ранние признаки производящего хозяйства в юго-восточной Европе датируются концом VII тыс. cal. BC., а в центральной и северной Европе — серединой VI тыс. cal. BC. Распространение земледелия по континентальной Европе может быть разделено на эти две фазы, каждая из которых традиционно определялась по первому появлению керамики в сочетании с хозяйством, основанном на одомашненных растениях и животных. Между юго-восточной и северной частью Центральной Европы Карпатский регион предстает в качестве буферной зоны. Наряду с описанным географическим положением, он

формирует буферную зону и между двумя фазами распространения земледелия, характеристики которых частично отличаются друг от друга.

Другая важная проблема изучения перехода к земледелию касается терминологии, используемой для описания путей данного перехода, а также его концептуализации. Термин «поздний мезолит» относится к последним охотникам и собирателям, которые питались дикими растениями и животными, и, в целом, связан с появлением первых неолитических общин с производящим хозяйством. На широкой шкале возможных механизмов взаимодействия миграция и адаптация представляются двумя противоположными крайностями (Zvelebil 2000: 57—58). Наличие разрыва между доземледельческими и земледельческими общинами подразумевает колонизацию (о которой пишут *миграционисты* или *диффузионисты*), в то время как непрерывность указывает на восприятие и адаптацию (в защиту этой теории выступают *автохтонисты*). По моему мнению, настоящая работа способна доказать — по крайней мере, для Карпатского бассейна, — что наиболее приемлемой является средняя между этими двумя крайностями концепция, а именно точка зрения *интеграционистов*.

Как происхождение, так и характеристики процесса перехода от присваивающего к производящему хозяйству являются неоднородными в различных регионах. На юге культура Кёрёш появилась в начале VI тыс. до н. э. и распространилась вверх по Северному Альфёльду до реки Тиса. И местные, и пришлые группы приняли участие в процессе перехода к земледелию и оседлости в период ранней КЛЛК и во время их последующего развития в позднем неолите. В дальнейшем, мы рассмотрим различные регионы от границ Украины и Румынии до Австрии, выявляя различные сценарии и пытаясь обнаружить различные модели неолитизации в каждом из них.

Преднеолитический период в Альфёльде

В ходе систематических разведывательных работ Роберт Кертес обнаружил настоящее гнездо сосредоточения мезолитических поселений в регионе Ясшаг, на северных окраинах Альфёльда, в основном вдоль рек Тарна и Задьва. (рис. 3) Возле населенных пунктов Ясберень и Ястелек было исследовано четыре памятника (Kertész 1994;

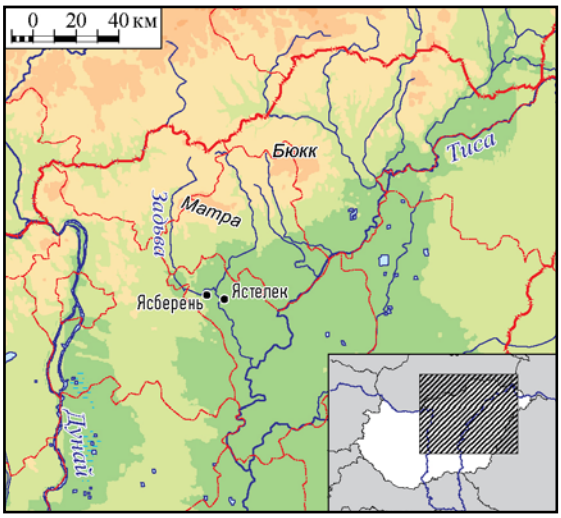

Рис. 3. Северная часть междуречья Дуная и Тисы (Ясшаг).

Fig. 3. The Northern part of the Danube-Tisza interfluve area (Jászság).

1996). Каменный инвентарь и стратиграфические наблюдения позволили разделить мезолит Ясшага на две фазы: раннемезолитическую Ясберень I и позднюю Ястелек I (Kertész 2002). Историческая реконструкция условий окружающей среды, проведенная для каждой фазы, предоставила важные данные для лучшего понимания периода, непосредственно предшествующего неолиту (Sümegi 2003).

Северо-восточная часть Альфёльда (рис. 4) отличается от срединных северных окраин, по крайней мере, на данном этапе исследований. Бассейны рек Береттьо (Быркэу), Шебеш-Кёрёш (Кришул-Репеде) и Чёрный Кёрёш представляют собой сложный ландшафт, изобилующий болотами. Хотя позднемезолитические каменные изделия — предшествующие оседлому заселению — известны вплоть до западной Румынии, археологические следы каких-либо поселений здесь отсутствуют.

Анализ древней окружающей среды, тем не менее, предоставил некоторые данные о вероятности донеолитической расчистки и выжигания лесов, создания путей и проходов сквозь лесные массивы и т. д.; например, в болотистой местности Баторлигет или в топких местах у села Чарода (Sümegi 2003: 21—22, fig. 1; Sümegi, Gulyás 2004).

Около 8400 cal. BC липа уступила место дубу в качестве доминирующего вида (Willis et al. 1995), что указывает на облесение и установление умеренного климата с возросшим количеством осадков. Схожую карти-

Рис. 4. Северо-восточная часть Альфёльда. 1 — донеолитические памятники; 2 — памятники культуры Кёрёш-Криш; 3 — памятники ранней Альфёльдской культуры линейно-ленточной керамики (Сатмар II).

Fig. 4. The North Eastern part of the Great Hungarian Plain (Alföld). 1 — pre-Neolithic sites; 2 — Körös-Cris sites; 3 — early Alföld LBK (Szatmár II) sites.

ну дает и изучение моллюсков (Sümegi 2003: 21). Под действием солнечного света в подлесках начали произрастать различные кустарники: ягодные и, в особенности, лесной орех. Благоприятные изменения ландшафта, по всей видимости, усиливались небольшими расчистками кустарниковых зон, на что указывают находки с некоторых европейских памятников (Zvelebil 1986; 2000; Gronenborn 1999).

Донеолитические «тарденуазские» человеческие сообщества могли иногда останавливаться и временно основывать небольшие поселения, перемещаясь дальше со сменой времен года или следуя за миграцией диких стад вдоль постоянно меняющихся речных русел (Maxim 1999). Анализ каменного инвентаря различных поселений в Трансильвании и Парциуме[1] (Румыния), таких, как Чумешть (Чомакёз), Гура Бачулуй (Бачи Торок), Ливада, Иклод-Ла Дороайе, Морешть (Маломфальва), Лец и др. — позволил З. Максим прийти к выводу, что долины рек и возвышенности были заселены тарденуазскими группами в тот момент, когда первые «цивилизационные» инновации достигли этого региона (Maxim 1999: 27—30, 221—222). Различные типы каменных артефактов четко указывают на присутствие здесь местного населения до появления первых земледельческих групп. Ю. Паул считал локальный вклад достаточно весомым для того, чтобы выявить культуру «Прекриш», основываясь на аналогиях с Балканами (Paul 1995: 62—67).

Северо-восточная часть Альфёльда претерпела значительные изменения на рубеже VII—VI тыс. ВС. С этого времени и далее наблюдается снижение доли древесной пыльцы в профилях. Это, в сочетании с широким распространением пашенных сорняков, указывает на отступление лесов и, соответственно, на рост значения человеческой деятельности в изменении ландшафта (Willis et al. 1995). Помимо лесных расчисток, в этой зоне наблюдаются следы прокладки «охотничьих троп», а также имеются указания на кормление животных листьями деревьев, собранными летом (Sümegi 1998; 1999). Все эти данные, в сочетании с радиокарбонным датированием археологических комплексов, вполне недвусмысленно указывают на время заселения первыми переселенцами из юго-восточной Европы заболоченной местности между реками Самош (Сомеш) и Береттьо (Быркэу). Кремневый инвентарь из донеолитического памятника Тарпа-Марки Танья дополняет эту картину (Kertész 1994).

Неолитизация и группы населения раннего/среднего неолита в северных регионах Альфёльда

Судя по основным характеристикам распространения неолита на Балканах, можно предположить, что неолитические группы, продвигавшиеся на территорию исторической Молдавии (через Банат, долину Олта и Трансильванию), пошли по иному пути, чем те, которые продвигались к западу от устья Моравы. Похоже, Альфёльд близок именно к этому, восточному типу перехода к неолиту.

В последние десятилетия были высказаны различные, порой противоречивые точки зрения относительно неолитизации Альфёльда. Поначалу считалось, что этот регион не был заселен человеком в позднем мезолите, а первые земледельцы прибыли в своего рода «вакуум» (Gábori 1981).

[1] Парциум — так в XV—XVII вв. называли часть Венгерского королевства, отошедшую к Трансильванскому княжеству и охватывавшую примерно район современной венгерско-румынской границы от Дебрецена и Арада на западе до гор Бихор на востоке. — *Прим. ред.*

В 1982 г. Я. Маккай выступил с совершенно новой концепцией. Он предположил, что своеобразный контур северной границы ареала культур Кёрёш и Старчево на территории Карпатского бассейна, противоречащий расположению различных природных преград, обусловлен враждебностью местных охотников и собирателей (Makkay 1982: 23). В конце 1980-х гг. открытие упомянутых выше мезолитических памятников в зоне Ясшаг между Дунаем и Тисой создало впечатление, что предположение Маккай о наличии местного населения является, в целом, правильным, хотя в свое время он не мог привести какие-либо аргументы в пользу своей идеи. Также возможно, что это население не было представлено во всех регионах Альфёльда равномерно, не говоря уже о том, что интенсивность контактов с прибывшими группами могла быть тоже разной.

Ситуация еще более усложняется, если учитывать, что до сих пор Ясшаг является единственным регионом, в котором удалось доказать наличие мезолита.

В середине XX в. исследования ранненеолитического периода в Восточной Венгрии, в частности, в Альфёльде и на Верхней Тисе (рис. 5), были столь интенсивными, что уже начиная с 1976 г. стали появляться первые обобщающие работы (Kalicz, Makkay 1977; Raczky 1988; Kurucz 1989; Nagy 1998). Еще несколько десятилетий тому назад Н. Калиц и Я. Маккай указали, что памятники старшей «группы Сатмар» в Надьэчед, Тисабездед, Тисавальк, Тисачеге, Эбеш, Ибрань и Чумешть (Чомакёз) в долинах рек Береттьо и Самош, в области Эрмеллек и в регионе Верхней Тисы не могут быть должным образом исследованы без допущения возможности интенсивных контактов с Трансильванией (Kalicz, Makkay 1972: 78; 1977; Makkay 1982; Domboróczki, Raczky 2010; Kalicz 2011; 2012). Элементы Кёрёш преобладали над признаками КЛЛК в посуде ранней Альфёльдской линейной керамики (АЛК — Сатмар II) из Надьэчед-Петерзуг и Тисабездед-Шервапа (Kalicz, Makkay 1977: 20). Основываясь на этих элементах, Н. Калиц и Я. Маккай отнесли эти памятники вместе с Мехтелек и Хомородул де Сус (Фельшёхомород) к выделенной ими группе «Сатмар I» (так они называли эту восточную группу ранней КЛЛК; сегодня это обозначение больше не используется) (Kalicz, Makkay 1972: 92; 1976: 22). Позже материалы из раскопок на памятнике Кётелек-Хусаршарок позволили П. Рацки отметить, что инвентарь группы Сатмар II «содержал многие формальные и орнаментальные элементы, происхождение которых может быть связано лишь с трансильванским ответвлением культуры Кёрёш» (Raczky 1983; 1986: 31; 1988: 27). Таким образом, возникло предположение, что группа Сатмар II, в качестве самой ранней фазы АЛК, происходит от контактов между поздними образованиями раннего неолита: Кёрёш в Альфёльде и культурой Криш.

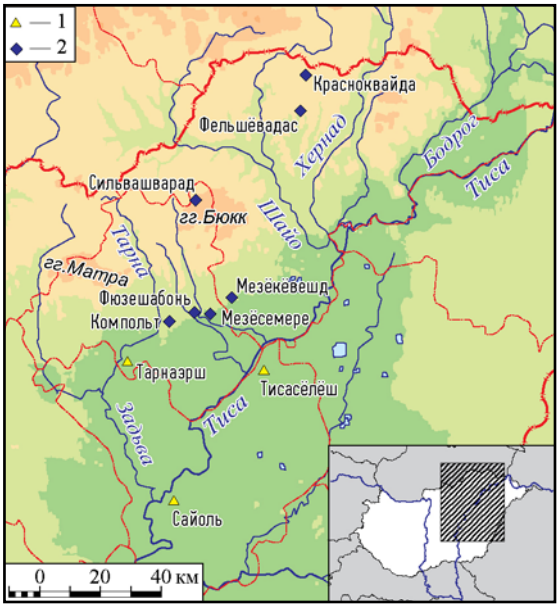

Рис. 5. Северная часть Альфёльда. 1 — памятники культуры Кёрёш; 2 — памятники ранней Альфёльдской культуры линейно-ленточной керамики (Сатмар II).

Fig. 5. The Northern part of the Great Hungarian Plain (Alföld). 1 — Körös sites; 2 — early Alföld LBK (Szatmár II) sites.

Данная гипотеза позже подтвердилась исследованиями регионов меньших размеров, таких, как Ньиршег в северо-восточной Венгрии (Kurucz 1989; Starnini 1994). Поселения ранней АЛК отсутствуют между этой территорией и западнее, в сторону Хортобадь. К. Куруц отметил, что находки с ранних поселений Сатмарской низменности (вплоть до Самошшайи) отличались от более западных комплексов настолько, что «любая генетическая связь между ними является весьма маловероятной» (Kurucz 1989: 15). Последующие исследования данного региона полностью подтверждают это наблюдение. В среднем неолите эта местность очерчивала область обитания «группы расписной керамики региона Эстар-Самош», которая являлась единственной группой с расписной посудой огромного комплекса КЛЛК.

В северном Альфёльде, между Ясшаг и северо-восточной частью региона, сформировалась контактная зона, соединяющая эту низменность с Матрой и горами Бюкк. Здесь

отмечается сильная генетическая связь между ранними поселениями АЛК и культурой Кёрёш.

В этой пограничной зоне между низиной и горными областями постепенное появление поселений ранней КЛЛК вдоль северной границы Альфёльда привело Ласло Домбороцки к выводу, что формирование КЛЛК (т.е. переход к неолиту) в этой области произошло практически без какого-либо участия иных групп, кроме позднекёрёшских. На основе своих наблюдений Домбороцки выдвинул предположение, что местные племена охотников-собирателей, которые могли обитать на границе Альфёльда, вероятно отошли в сторону гор, и лишь на более поздней фазе восточновенгерского неолита они начали слияние с КЛЛК: конкретно их следы можно обнаружить в группах Тисадоб и Сильмег развитой КЛЛК (Domboróczki 2003). Этот вывод также был подтвержден антропологическим изучением некоторых погребений данных групп (Zoffmann 2000).

В самом деле, группы Тисадоб, Сильмег и Бюкк формируются в Северных горах. Их возможное местное мезолитическое происхождение является весьма важным предположением, которое нуждается в хорошей аргументации. Однако, прежде чем далее рассматривать данный вопрос, следует обратить пристальное внимание на некоторые моменты. Таковыми являются признаки более ранних контактов с КЛЛК или же обособленного развития типов и орнаментации посуды. Некоторые из них, в самом деле, чужды КЛЛК, в то время как другие нововведения в керамике могут быть также обнаружены в группах, расположенных южнее (например, Сакалхат), делая, таким образом, сомнительным их изолированное высотное происхождение. После основополагающей монографии Калица и Маккай (Kalicz, Makkay 1977) и некоторых последующих небольших обобщающих работ (Kurucz 1989; Nagy 1998), сейчас в распоряжении ученых есть новые данные относительно этих групп и их слияния с другими поздними образованиями КЛЛК в северо-восточной Венгрии. Помимо открытия новых памятников вдоль автотрассы М-3, таких, как Фюзешабонь, Мезёсемере, Мезёкёвешд и Компольт (Domboróczki 1997; 2003; Kalicz, Koós 1997; 2000; Bánffy et al. 1997; Bánffy 1999), стали известны также настоящие горные поселения (Csengeri 2003; 2004; Bánffy 2000a). Другой важной проблемой является система обмена, которая рассматривается в качестве основы для контактов между Альфёльдом и предполагаемым населением нагорья. В этом контексте очень важны исследования Е. Бачкаи и К.Т. Биро, которые дают новую информацию о сырье, происхождении и типологических характеристиках продуктов расщепления камня в КЛЛК.

Другим связующим звеном, указывающим на кёрёшские истоки АЛК, является эволюция культовых предметов. В недавних раскопках в северном Альфёльде был обнаружены многочисленные специфические фигурки животных, а также статуэтки, изображающие существа со смешанными признаками (кентавры) (Фюзешабонь: Domboróczki 1996; 1997; Мезёкёвешд: Kalicz, Koós 1997). Эти находки ранней КЛЛК могут быть напрямую связаны с культурой Кёрёш (Domboróczki 2003: 39), наряду с известными ранее кросскультурными культовыми предметами, такими, как фигурки быков или алтарики на четырех ножках, которые уже интерпретировались в качестве свидетельств влияния Кёрёш на АЛК (Kalicz, Raczky 1981; Kutzián 1944). Знаменитые фигурки из Мехтелек также могут отражать связь между фигуративным искусством юго-восточной Европы и ранней АЛК, где тоже известны плоские фигурки (Kalicz 2011; 2012). Можно также предположить, что «живучесть» некоторых типов культовых предметов связана с сохранением определенных элементов в ритуальной и культовой деятельности.

Анализ архитектурных традиций позволил обнаружить дополнительные признаки, свидетельствующие в пользу выделения альфёльдского пути развития. Жилища раннего неолита юго-восточной Европы были небольших размеров. Обычно они обладали скорее квадратной, чем прямоугольной планировкой и не снабжались внутренней столбовой структурой, что указывает на достаточно легкую крышу. В постройке жилищ использовалось больше глины, чем дерева (Lenneis 1997; 2000; Bánffy 2013a).

Пространство за пределами жилища играло не меньшую роль, чем неразделенное пространство внутри домов, в котором изредка содержалось по очагу. Восточнее Тисы общины Кёрёш следовали этой юго-восточной традиции строительства домов: несмотря на предположение, что жилища Кёрёш на самом деле представляют собой самую раннюю, центральную секцию домов КЛЛК (Meier-Arendt 1989), мы не обнаружили какие-либо признаки, подтверждающие это. Типичные жилища из Сайоль-Фельшёфёльд отличаются, как по форме, так и по ориентации от направленных на север, массивных длинных домов КЛЛК, построенных с применением большо-

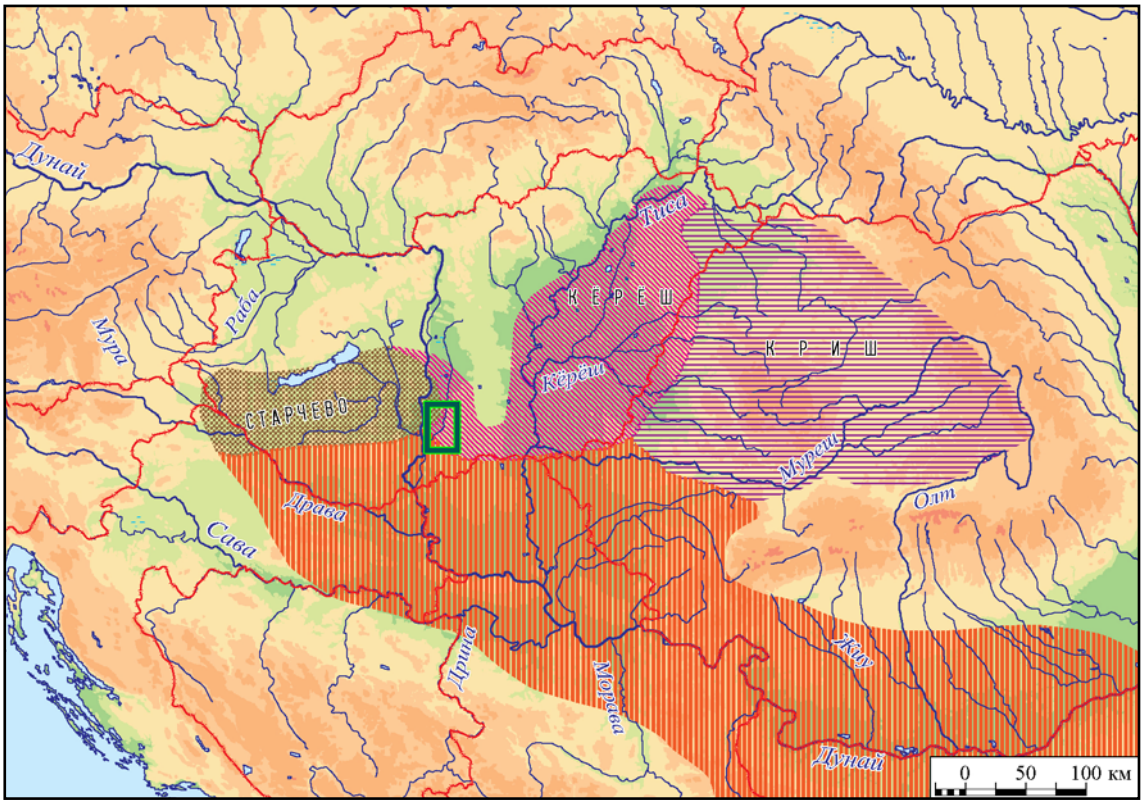

Рис. 6. Область плотного заселения в ареале Кёрёш у Дуная, обозначенная рамкой.

Fig. 6. The dense Körös settlement area at the Danube, marked by frame.

го количества дерева (Raczky 1977; Horváth 1989).

Помимо архитектуры, керамики, данных физической антропологии и сходства культовых предметов, существуют и другие новые данные, которые делают прямое воздействие культуры Кёрёш на формирование Альфёльдской КЛЛК весьма вероятным. Речь идет об абсолютной хронологии. Новые даты для поздней Кёрёш и ранней Альфёльдской КЛЛК (Сатмар II) указывают на четкое наложение в течение определенного периода (Whittle et al. 2002; Domboróczki 2003), таким образом, делая прямые контакты вероятными для этой части восточной Венгрии.

Подведём итоги. В Северном Альфёльде имеются три района, в которых отмечен поэтапный переход к неолиту. В находящемся на северо-востоке Ясшаге есть прямые свидетельства существования как позднемезолитических групп, так и отдельных поселений культуры Кёрёш, хотя контакты между этими двумя общностями пока остаются на уровне гипотезы. На Верхней Тисе, где Альфёльд граничит с горами Матра и Бюкк, были прослежены следы распространения культуры Кёрёш. Согласно последним данным, мезолитическое население не играло какой-либо существенной роли в сложении раннего неолита этого района. Группы охотников-собирателей могли отступить к горам, контактируя с группами КЛЛК лишь на развитой фазе последней — эта рабочая гипотеза должна быть проверена в ходе будущих исследований. На северно-восточной окраине Альфёльда существование мезолитического населения может быть отчасти подтверждено результатами естественнонаучных исследований, в том числе кремневого комплекса различных памятников. Наличие прямого контакта с ранненеолитическими племенами является вероятным, несмотря на то, что прямые свидетельства пока что отсутствуют. В данном случае, первое неолитическое воздействие осуществлялось скорее восточным ответвлением Криш культуры Кёрёш, чем ее Альфёльдским вариантом. При современном состоянии исследований, вышеупомянутые три территории отображают три различных варианты процесса неолитизации.

Поселения культуры Кёрёш у Дуная, в Южной Венгрии

Далее, мы представим весьма неожиданный, недавно исследованный феномен, вместе с публикацией находок с одного памятника, которые оставались необработанными и неизвестными научной общественности на про-

тяжении многих лет. Речь идет о неожиданно плотной группе поселений, располагающихся значительно западнее исконного ареала культуры Кёрёш (рис. 6). В Венгрии, в южной части междуречья Дуная и Тисы, такие поселения известны еще с середины прошлого столетия. Они были открыты возле современной границы с Сербией, в центральной южной части Альфёльда. Тем не менее, пока остается неясным, имели ли отношение памятники данной зоны к развитию поселений Старчево южнее, в районах Бачка и Срем в Воеводине, в Сербии. Это привело к появлению не совсем четких и противоречивых точек зрения относительно границы Кёрёш-Старчево в Воеводине (Kalicz 1965; Trogmayer 1968; Brukner 1974: 428—429 и карта 28; Horváth 1989: 15). Исследователи предполагали наличие то чисто кёрёшских, то смешанных поселений вдоль Дуная к югу от современной границы с Венгрией.

Публикация придунайского поселения в Донья-Браньевина не упростила решение этой проблемы, поскольку автор раскопок усмотрел две различные фазы Старчево и Кёрёш, наличие которых остается неподтвержденным, так как наиболее важные керамические находки практически не были опубликованы (Karmanski 2005, с предшествующей литературой). Единственным специалистом, который сделал какие-либо выводы из этой работы, стал Янош Маккай, и ранее выступавший в пользу нерасчленимой природы комплекса Кёрёш-Старчево (Makkay 1982: 18—20 и сноска 42). Эта точка зрения, однако, была с тех пор отклонена рядом исследователей, которые указали на значительные различия между типами поселений, образом жизни и материальной культурой этих двух образований (Brukner 1966; Dimitrijević 1974; Raczky 1976; Kalicz 2000; Bánffy 2004). Пока что вопрос о существовании границы между этими культурами вдоль венгерского участка Дуная остается открытым (Bánffy 2012; Bánffy, в печати).

Фактом является то, что к северу от границы между Сербией и Венгрией географическое распределение поселений вдоль Дуная неоднородно. Есть концентрация поселений в небольшой болотистой области Шаркёз, вблизи от дунайской аллювиальной поймы. Далее к югу известны лишь спорадические поселения (Вашкут-Хиешелькерт: Kutzián 1944: 9, Plate 13, 14, a-b). Возможно, подобное распределение является случайным и концентрация поселений в окрестностях Калочи отражает неравномерную интенсивность исследования территории. Подобное объяснение, тем не менее, маловероятно. Интенсивные разведки в окрестностях Байи не привели к открытию поселений Кёрёш такой же плотности. С другой стороны, многочисленные памятники Кёрёш были обнаружены в ходе разведок в регионе Калоча Шаркёз в 1960-х и 1970-х годах. Основываясь на этом хорошо исследованном регионе, можно заключить, что носители культуры Кёрёш плотно заселяли эту пойменную приречную область (Vadász 1967). Принимая во внимание многократные обследования и опубликованный краткий обзор исследований археологов медье (области) Бач-Кишкун (Wicker et al. 2001), уже нельзя говорить о незаселенных песчаных дюнах в окрестностях Калочи. Детальные топографические исследования в одном-единственном селе Хомокмедь привели к открытию почти 20 памятников, относимых к культуре Кёрёш (Tóth 1998: Fig. 13). Дополнительные разведки, проведенные в начале 2000-х гг. автором этих строк и международной группой с участием немецких и венгерских преисториков (Йорг Петраш, Кристиан Фрирдлих, Эстер Банффи, Розалия Куштар), расширили список этих поселений. Более 50 памятников культуры Кёрёш стали известны в обширной области, охватывающей исключительно аллювиальную равнину округа Калоча возле Дуная (рис. 7). До сих пор не удалось обнаружить ни одного важного памятника вне долин двух главных рек. Отсутствуют также признаки интенсивного заселения общинами культуры Кёрёш правого берега Тисы. Можно предположить альтернативный путь их распространения с юга на север вдоль Дуная. Эта гипотеза, тем не менее, не подтверждается сравнением с инвентарем ранненеолитических памятников Воеводины. В отличие от явного присутствия культуры Старчево в этом регионе, географические распространение поселений Кёрёш не установлено (Brukner 1974; Bogdanović 1988; Leković 1988; 1995; Karmanski 2005). По имеющимся в настоящий момент данным, переселение с юга вверх по течению Дуная маловероятно. Таким образом, имеющаяся информация не позволяет говорить о каких-либо южных связях.

Пример 1. Сакмар-Кишюлеш: поселение культуры Кёрёш на Дунае

Поселение культуры Кёрёш у Сакмар-Кишюлеш, самое северное из поселений данной культуры, является единственным раскопанным памятником. Полевые исследования проводились в 1976—1977 гг., но, за исклю-

чением небольшого отчета (Bognár-Kutzián 1977), результаты работ остаются неопубликованными. Материалы с памятника войдут в находящуюся в печати монографию о ранненеолитических поселениях региона (Bánffy, в печати).

Глубокая вспашка сильно разрушила всю площадь памятника (рис. 8); к тому же на всех трех квадратах раскопанного пространства слой раннего неолита был поврежден комплексами последующих исторических эпох. Участок «В» сохранился лучше остальных, именно на нем было сделано большинство стратиграфических наблюдений (рис. 9).

Были обнаружены участки со скоплениями обмазки, раковин мидий, вместе с богатым керамическим инвентарем, многочисленными костями животных и остатками злаков. Под этим материалом были расчищены следы глиняной обмазки — возможно, остатки пола. Эти находки могут рассматриваться в качестве развала жилища с глиняным полом, хотя информация, к сожалению, очень отрывочна. На другом раскопанном участке были обнаружены возможные остатки архитектурных деталей. Помимо большого количества обмазки, некоторые стратиграфические наблюдения также могут указывать на наличие жилища. Среди остатков сильно обожженного очага был расчищен череп оленя, находившийся на плоской глиняной платформе (рис. 10). На самых нижних уровнях были зафиксированы ямы, которые могли служить для добычи глины в начале функционирования поселения.

Что касается архитектуры, то можно предположить наличие домов со стенами, обмазанными глиной, судя по большому количеству фрагментов обмазки с заглаженной поверхностью и с отпечатками прутьев (рис. 11; 12). Также заметно, что глиняная масса содержала относительно большое количество растительных примесей: шелуху от семян и остатки стеблей. Эти примеры отражают тенденцию использования самых близких и доступных исходных материалов для возведения стен. Среди материалов, использовавшихся в качестве отощителей на других поселениях, ракушка встречается довольно редко (рис. 11: 11). Тем не менее, она была выявлена в некоторых кусках обмазки из Сакмар. Это может объясняться наличием многочисленных раковин мидии вокруг данного берегового поселения, а также их присутствием среди пищевых хозяйственных отбросов.

В одном случае в глине содержался отпечаток бруса или бревна; возможно, этот кусок обмазки укреплял крышу сооружения.

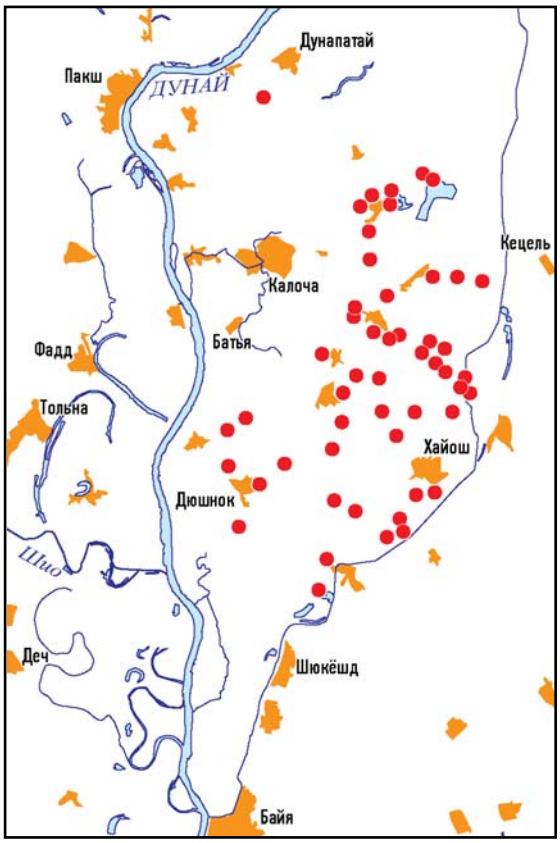

Рис. 7. Памятники Кёрёш в придунайской пойменной долине.

Fig. 7. Körös sites on the Danube alluvial plain.

На некоторых кусках обмазки были обнаружены отпечатки человеческих пальцев. Одна сторона фрагментов обмазки была обычно гладкой, в то время как другая содержала отпечатки плетня в виде прутьев или соломы (рис. 11: 3, 7, 8; 12: 5), при толщине стен около 8—12 см. Также были замечены следы ремонта стен путем покрытия их слоями глины. В некоторых случаях эта подмазка отслоилась в виде пластинок толщиной в 2—3 мм (рис. 12: 2).

В составе глины, используемой для ремонта, растительных примесей не обнаружено. Наблюдения над составом покрытия стен других жилищ раннего неолита (Nikolov 1989: 19; Carneiro, Mateiciucová 2007; Szakmány, Gherdán, Starnini 2004; 2006) выявили в ее структуре смесь из хорошо отмученной глины и навоза. Некоторые угловые детали (рис. 12: 6—7) могли относиться к конструкции очагов или печей.

На поверхности большей части сохранившихся фрагментов обмазки отсутствуют какие-либо следы горения — следовательно, если постройка и была повреждена огнем, то была разрушена лишь внутренняя плетеная структура, а глиняная часть конструкции сте-

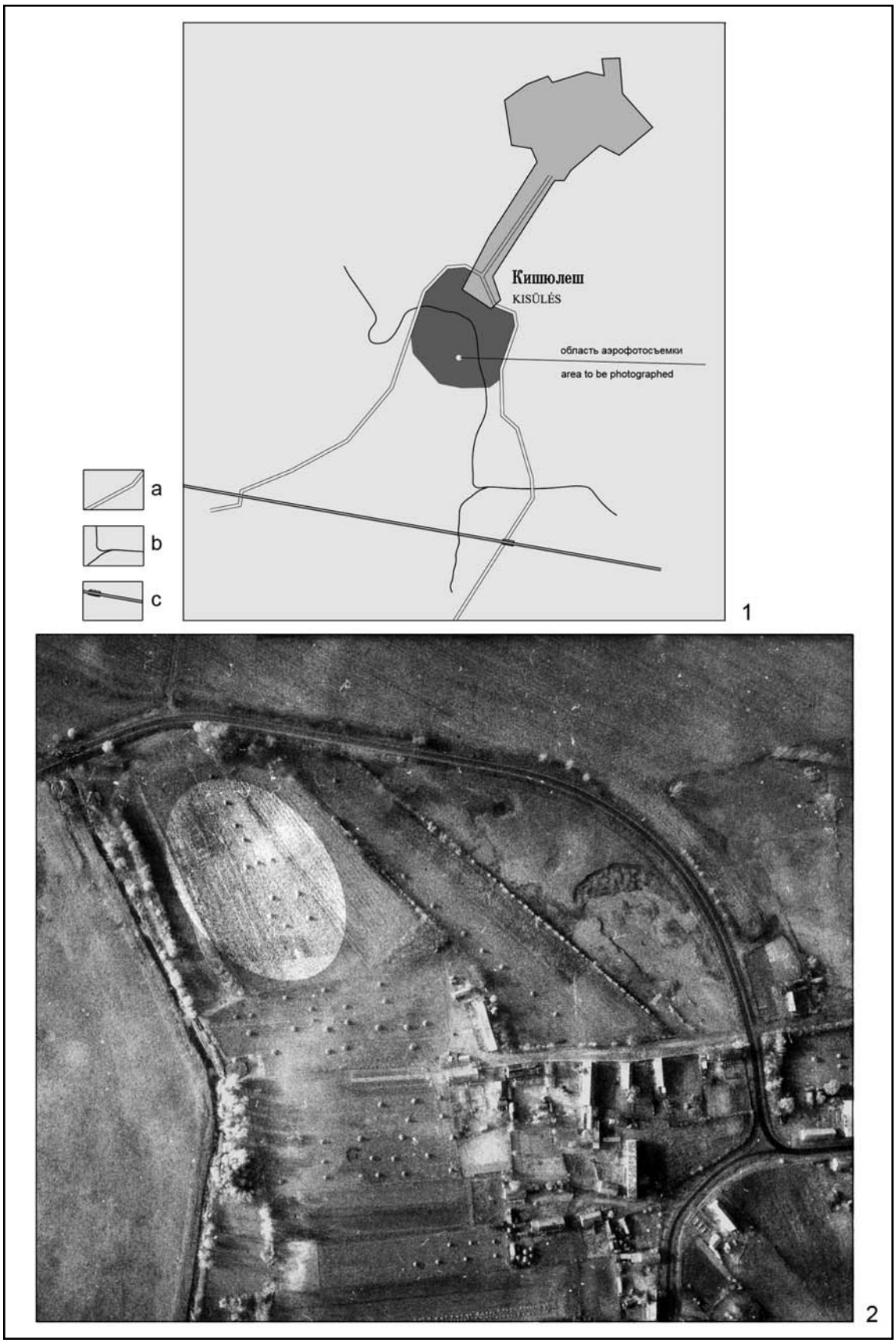

Рис. 8. Аэрофотосъемка поселения Кишюлеш. 1 — расположение поселения Кишюлеш возле села Сакмар: a — шоссе, b — канал, c — железная дорога и станция; 2 — аэрофотоснимок поселения 1970-х гг.

Fig. 8. Aerosurveying of the Kisülés site. 1 — the location of the Kisülés site near the vilage Szakmár: a — landroad, b — channel, c — railroad, train stop; 2 — aerial photo of the settlement from 1970s.

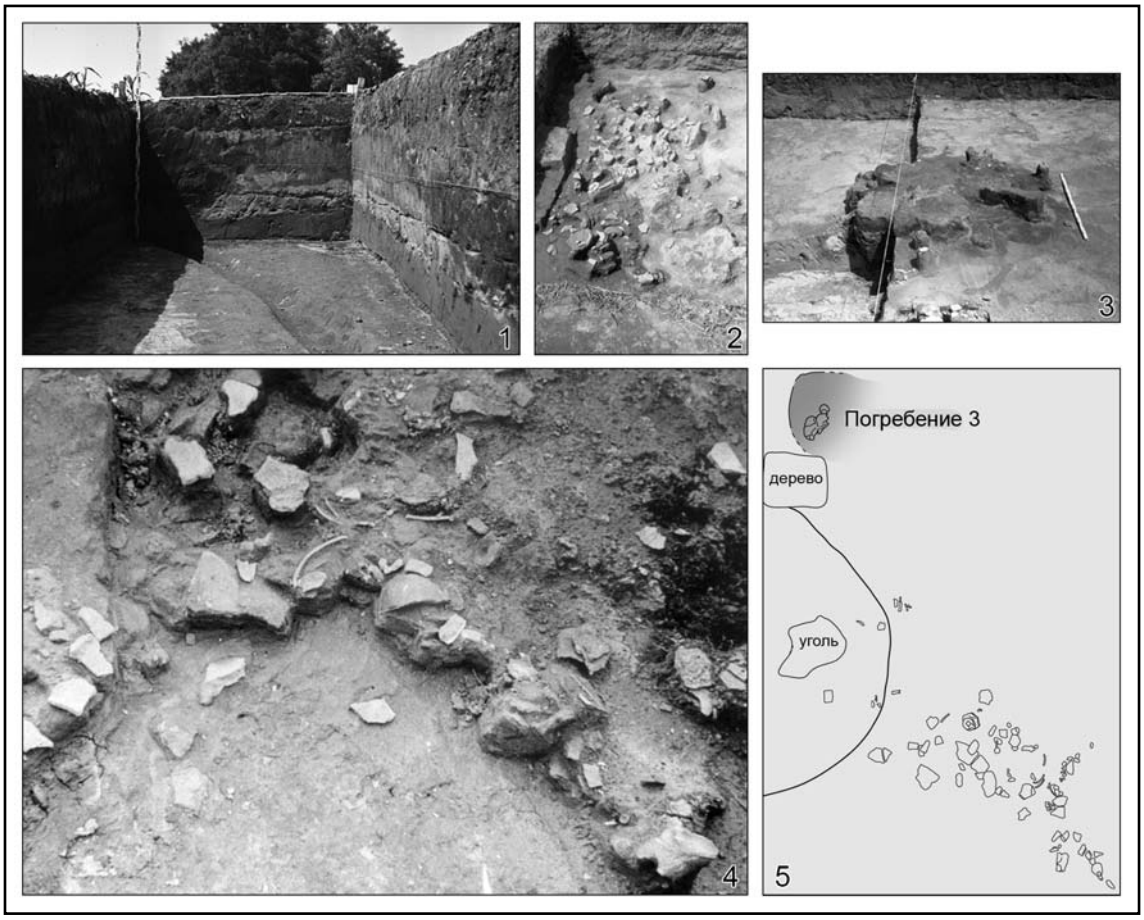

Рис. 9. Сакмар-Кишюлеш, участок «В». 1 — стратиграфия; 2 — скопление обмазки; 3 — очаг; 4, 5 — погребение 3.

Fig. 9. Szakmár-Kisülés, area "B". 1 — stratigraphy; 2 — wattle and daub debris; 3 — fireplace; 4, 5 — grave 3.

ны не была затронута. Постройка (постройки?), некогда находившаяся на поселении, не погибла в пожаре — она могла попасть под воздействие лишь небольшого сосредоточенного горения (Whittle, Bartosiewicz 2007: 731; Whittle 2010: 193).

На поселении было обнаружено трупоположение со скорченным скелетом без инвентаря (погребение 4), а также, что более важно, погребение ребенка (№3) с инвентарем (рис. 9: 4, 5). Плохо сохранившийся скелет маленького ребенка лежал в неглубокой яме, округлый контур которой удалось зафиксировать почти полностью. Череп младенца был раздавлен, поэтому изначально были замечены лишь некоторые посткраниальные кости. Наблюдения над положением *in situ* фрагментов черепа и остатков грудины указывают на то, что ребенок лежал на спине; тем не менее, не удалось установить, находился ли скелет в скорченном положении. Возле погребенного обнаружена небрежно изготовленная небольшая низкая чаша с выделенным днищем (рис. 13: 1). Положение сосуда четко указывает на его принадлежность к погребальному инвентарю — это достаточно редкое явление в захоронениях культуры Кёрёш.

В связи с давностью раскопок, находки довольно немногочисленны. Количественный анализ реставрированных сосудов (рис. 13) и сохранившихся керамических фрагментов невозможен. Тем не менее, имеющийся в наличии материал свидетельствует об отсутствии монохромной посуды с красноватым ангобом или белой краской на красной основе, которые указывали бы на конкретную фазу. Остатки биконических сосудов также отсутствуют. Эти признаки позволяют расположить инвентарь из Сакмар где-то между начальной и финальной фазами культуры Кёрёш. Остается вопросом, допускает ли керамический материал более точную стилистическую датировку в рамках этого периода.

Большинство находок представлено керамикой. Температура обжига при производстве может быть установлена на основа-

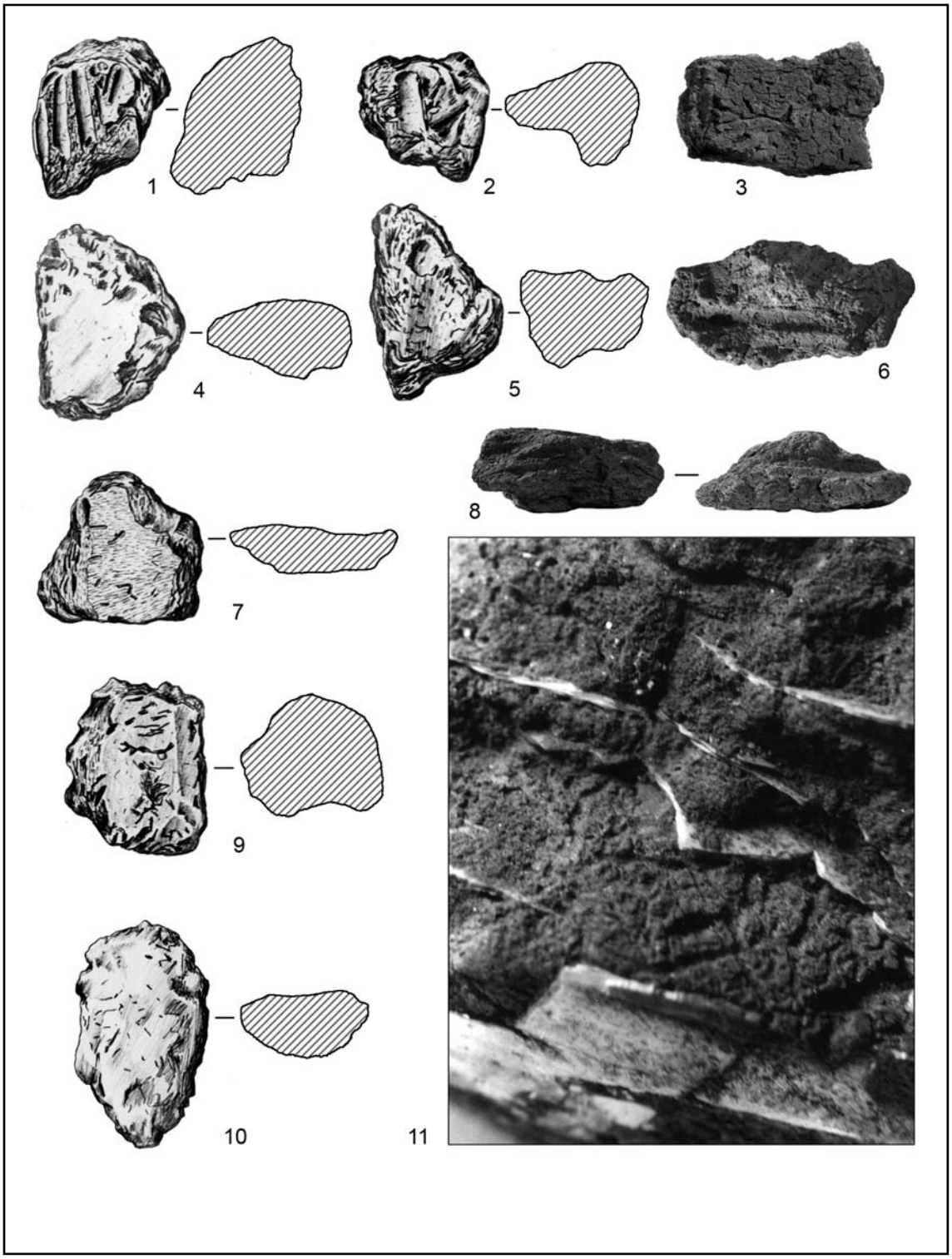

Рис. 10. Сакмар-Кишюлеш: план и профиль очага с черепом благородного оленя. 1 — слой гумуса; 2 — серовато-коричневый слой; 3 — желтый грунт. Условные обозначения: a — слой гумуса; b — красная обмазка; c — заглаженный желтоватый участок; d — керамика; e — ракушка.

Fig. 10. Szakmár-Kisülés: surface and profile of a fireplace with a red deer skull . 1 — humus layer; 2 — greyish brown layer; 3 — yellow subsoil. Legend: a — black burnt spot; b — red daub; c — yellowish plastered spot; d — pottery; e — shell.

нии структуры черепков в изломе: внешняя и внутренняя поверхности красноватого цвета с черной прослойкой посередине. Согласно экспериментальным данным, подобная структура указывает на низкую температуру обжига — не более 550—650°C. В целом, считается, что температуры при производстве раннеолитической керамики не превышали 750°C

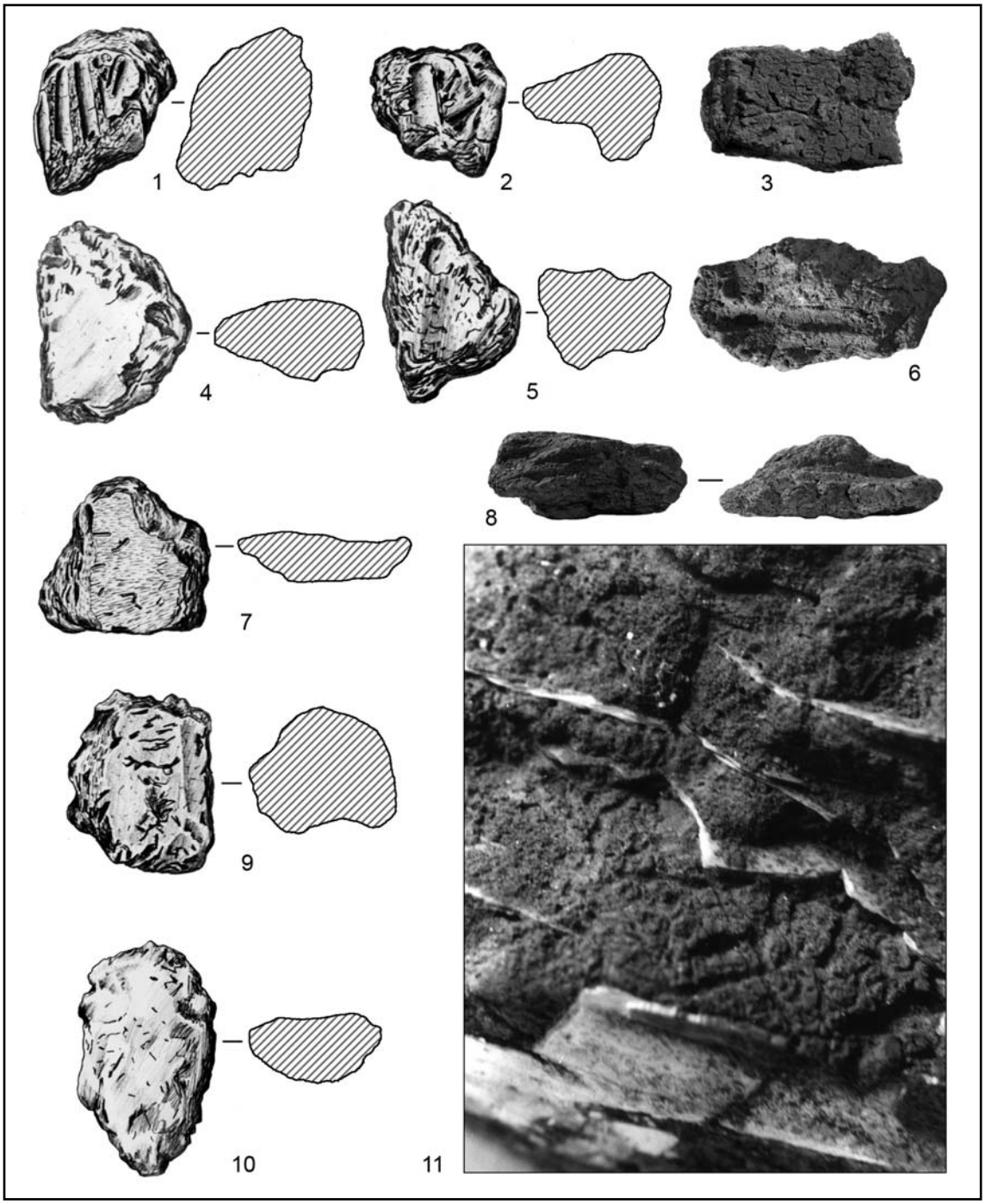

Рис. 11. Сакмар-Кишюлеш: 1—10 — фрагменты обмазки; 11 — обмазка с примесью раковин.

Fig. 11. Szakmár-Kisülés: 1—10 — daub fragments; 11 — shell-tempered daub.

(Manson 1995; Yiouni 1996: 70; Bánffy 2004: 220—221).

Сохранившаяся выборка керамики с поселения позволяет произвести анализ лишь в ограниченной мере. Среди имеющихся мисок биконические формы отсутствуют (рис. 14: 1, 2). Известно несколько находок сосудов на полых, цилиндрических и слегка конических поддонах (рис. 15: 2, 4, 6). Поддоны чаще сочетались со сферическими, а не кубковидными мисками. Среди этих несколько более высоких поддонов некоторые обладали слегка выгнутыми стенками (рис. 15: 3). На одном из конических поддонов, в средней части, присутствует пара противопоставленных друг другу овальных отверстий (рис. 15: 1) — довольно редкое явление в керамическом инвентаре культуры Кёрёш.

Набор отреставрированных сосудов содержит одноручную кружку (рис. 13: 2). Это

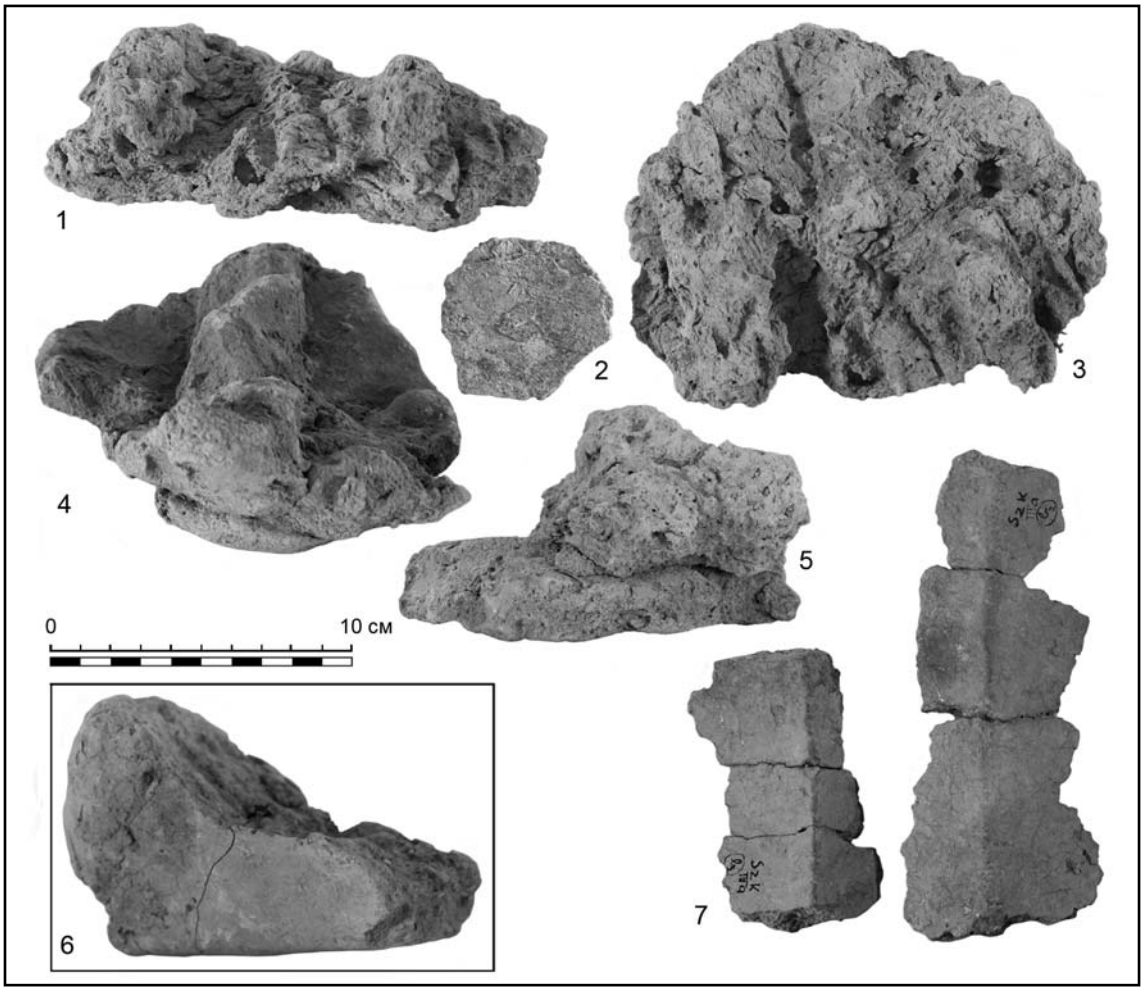

Рис. 12. Сакмар-Кишюлеш: 1—5 — фрагменты стен жилища; 6—7 — элементы конструкции очагов (?).

Fig. 12. Szakmár-Kisülés: 1—5 — structured elements of house walls; 6—7 — structured elements of fireplaces (?).

толстостенное изделие *продолговатой* формы с овальным венчиком, выделяющееся наличием двух небольших, округлых декоративных налепов у основания ручки на каждой стороне. Вместе с другими фрагментами кружек, небольшая отреставрированная кружка из погребения №3, а также более небрежно изготовленная одноручная кружка, показывают, что этот тип сосудов обладал ассиметричной, несколько вытянутой горловиной и слегка выгнутыми стенками (рис. 13: 1).

Большинство кухонных горшков и сосудов для хранения припасов имеет сферическую форму. Первую их группу образуют так называемые шаровидные сосуды (рис. 13: 5). Небольшой кувшин, напоминающий по своей форме плетеную корзиночку, носимую на спине, мог использоваться для хранения жидкостей (доступная здесь реконструкция не показывает, что его тулово было несколько асимметричным и могло быть снабжено несколькими наклонными ручками; рис. 13: 3). Относительно высокая амфора с выгнутым наружу венчиком также могла использоваться для хранения чего-либо (рис. 13: 4). Другие сосуды для хранения припасов характеризуются толстыми, цилиндрическими или слегка расширяющимися стенками (рис. 15: 4). На основе некоторых фрагментов можно предположить, что отдельные сферические горшки устанавливались на керамические кольца или даже невысокие конические поддоны. В отдельную подгруппу сферической посуды входят *приземистые сферические сосуды*. Боковая стенки одного из таких сосудов из Сакмар была украшена налепом и врезным решетчатым орнаментом (рис. 14: 3).

Верхний край плоских венчиков сосудов часто украшался пальцевыми вдавлениями или сочетанием ногтевых защипов и пальцевых вдавлений. Подобные мотивы встречаются в основном на кухонной керамике и посуде для хранения припасов, но иногда в такой же

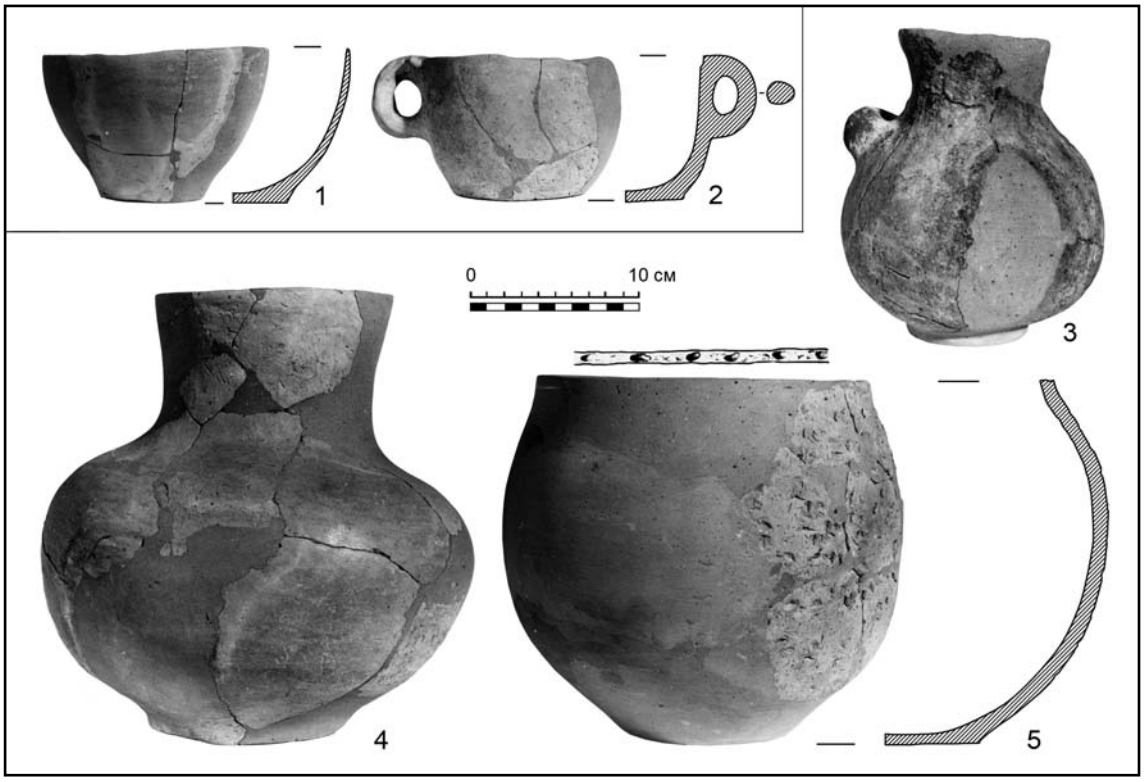

Рис. 13. Сакмар-Кишюлеш, отреставрированные сосуды. 1 — сосуд из погребения 3; 2 — кружка с ручкой; 3 — небольшой кувшин в форме корзиночки; 4 — амфора; 5 — шаровидный сосуд.

Fig. 13. Szakmár-Kisülés, restored vessels. 1 — vessel from grave 3; 2 — handled cup; 3 — small jar (panier vessel?); 4 — amphora; 5 — globular vessel.

манере орнаментировались и венчики мисок (рис. 13: 5).

Врезная сетка также заметна на толстых основаниях многих сосудов (рис. 14: 6). В одном случае был обнаружен крестовидный знак. На других сосудах беспорядочные на первый взгляд врезные линии, похоже, образуют мотив, который иногда появляется как на керамике Кёрёш, так и Старчево, и который ждет своей интерпретации (рис. 14: 5). Поскольку эти линии не нанесены на видимую часть посуды, их нельзя причислить к орнаменту, предназначенному для показа. С другой стороны, их повторяемость указывает на неслучайный характер данного феномена.

Защипы также могли образовывать сложные узоры, такие, как «колос», состоящий из рядов защипов (рис. 16: 3). Из раскопок в Сакмар происходит лишь один черепок, орнаментированный не ногтем, а, скорее, небольшой ракушкой с зубчатым краем (рис. 16: 7). Хотя такой декор в культуре Кёрёш встречается редко, он широко известен в Адриатическом регионе. В то же время он известен на поселении культуры Кёрёш в Эчегфальва (Oross 2007: 27, 25.3). Часто встречаются и неглубокие или сводчатые сетчатые мотивы (рис. 16: 9—10).

Широко применялся барботин, как правило, на сосудах для хранения припасов (рис. 16: 1—2). Похоже, эти сосуды покрывались слоем жидкой глины со значительной примесью половы (рис. 16: 8). Часто встречается валиковый орнамент с применением пальцевых вдавлений или защипов. Подобные мотивы наносились горизонтально, вокруг венчика или тулова сосуда, иногда образуя сложные структуры (рис. 16: 12). Диагональные валики с пальцевыми вдавлениями украшали одну из мисок (рис. 14: 1). Стилистический спектр пластичного орнамента включает плоские диски, расположенные на стенке сосуда (рис. 16: 11).

Помимо приземистых округлых грузил для сетей (рис. 16: 13), следует упомянуть находки отдельных крупных глиняных предметов весом свыше 2 кг. Среди фигуративных находок наиболее примечательны зооморфные алтарики, а также алтарики на трех и четырех ножках (рис. 17).

Обзор ранненеолитического заселения левобережья Дуная показывает наличие небольшого региона, Калоча Шаркёз, в котором плотность памятников может быть сопостав-

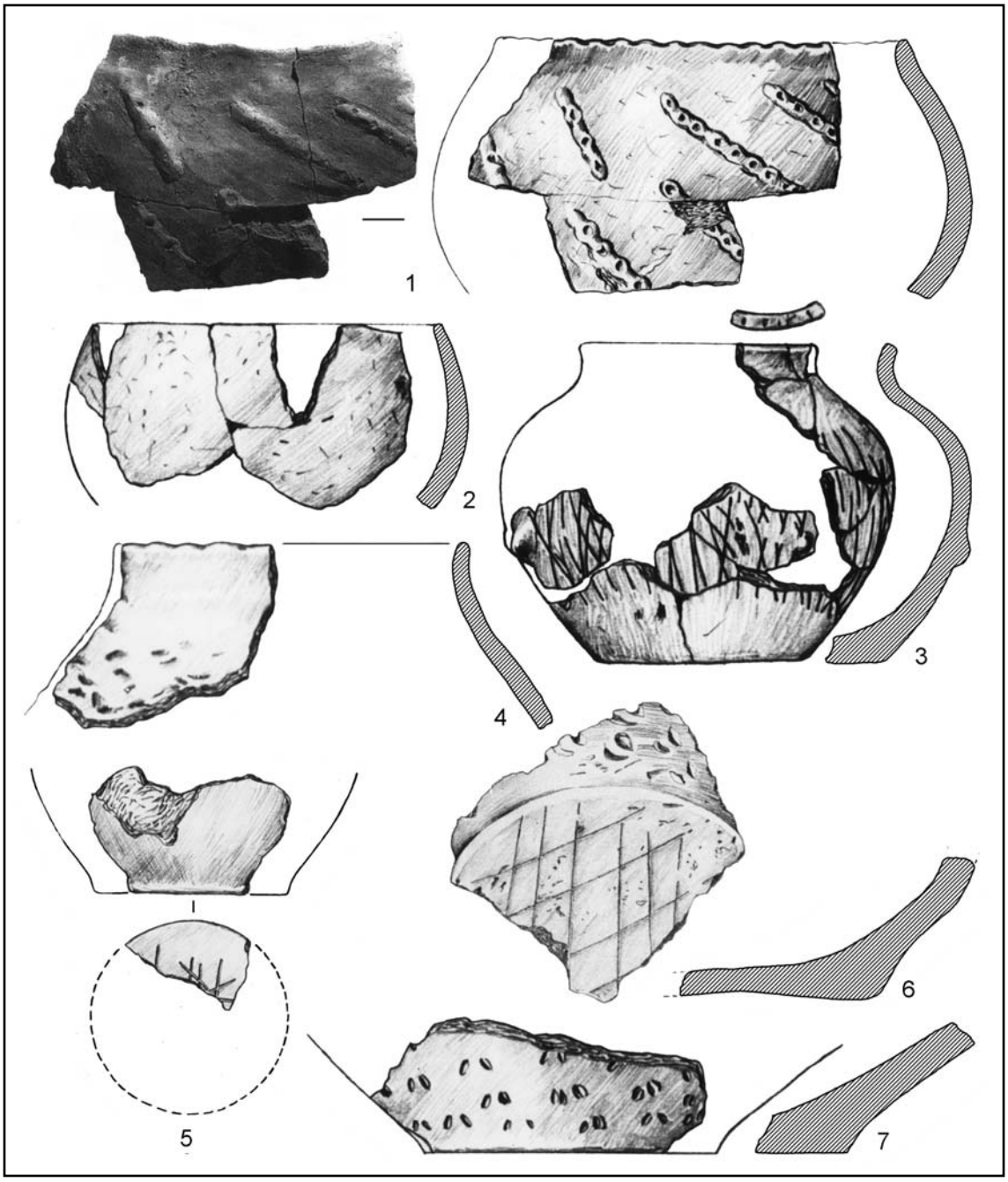

Рис. 14. Сакмар-Кишюлеш, фрагменты мисок и кухонных сосудов. 1, 2 — миски; 3 — уплощенный шаровидный сосуд; 4 — фрагмент венчика сосуда для хранения припасов; 5—7 — днища сосудов.

Fig. 14. Szakmár-Kisülés, fragments of bowls and cooking vessels. 1, 2 — bowls; 3 — flattened globular vessel; 4 — rim fragment of a storage jar; 5—7 — pot base.

лена с ситуацией на юге Альфёльда. Несмотря на начальный этап исследований, важно отметить, что, несмотря на возможную плотность поселений раннего неолита на левобережье Дуная, до сих пор неизвестен ни один памятник культуры Кёрёш к северу от Сакмар в данном регионе. Это наблюдение важно для разрешения более широкой проблемы неолитизации Карпатского бассейна. А именно, если общности с кёрёшским инвентарем не продвинулись к северу от области Калоча Шаркёз, то мезолитическое население из региона Ясшаг (см. выше) не могло ознакомиться с земледелием этим путем.

Находки из Сакмар-Кишюлеш и Файс-Гарадомб, а также с других памятников региона Калоча Шаркёз, похоже, наиболее близки к инвентарю памятников культуры Кёрёш

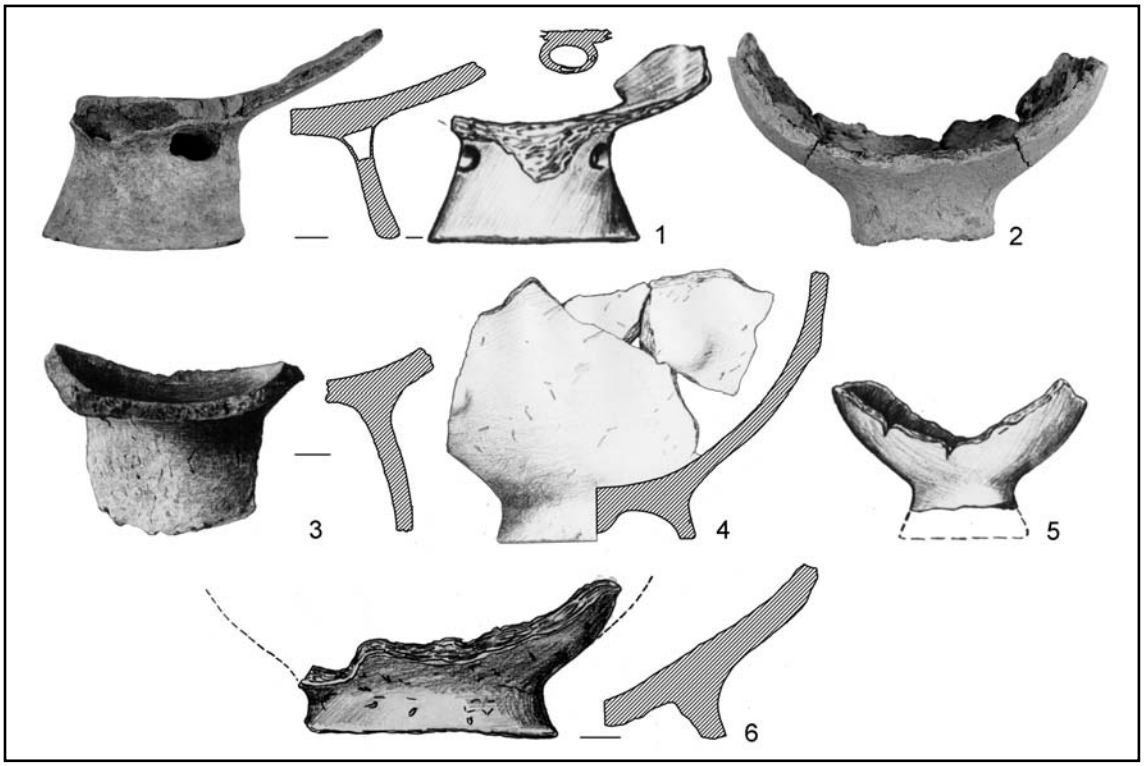

Рис. 15. Сакмар-Кишюлеш, фрагменты сосудов на поддонах. 1 — фрагмент сосуда с перфорированным поддоном; 2, 4, 6 — кольцевые поддоны; 3 — высокий изогнутый поддон; 4 — низкий конический поддон.

Fig. 15. Szakmár-Kisülés, fragments of pedestalled vessels. 1 — fragment of a perforated pedestalled vessel; 2, 4, 6 — foot ring; 3 — higher, curved pedestal; 4 — low conical pedestal.

с юга Альфёльда (большинство аналогий основывается на фрагментах керамики из поверхностных сборов). Если предполагать наличие связей с регионом Сегед и долинами реки Кёрёш, то возникает вопрос: почему рассматриваемые поселения вытянуты вдоль Дуная, а не Тисы? Возможное объяснение этому феномену было предоставлено исследованиями по археологии окружающей среды. Эти разработки показали, что большую часть территории к северо-западу от Сегеда занимали заболоченные земли. Они заполняли промежутки между песчаниками, расположенными по линии северо-запад — юго-восток, согласно направлению преобладающих ветров. Такие местообитания существуют даже сегодня в рассматриваемой здесь области, вдоль ручья Мать и в виде заболоченный местности вблизи от Часартёльтеш и болота Вёрёш (Красного) близ Хайоша (Sümegi 2005; Szalontai 2012, Knipl, Sümegi в печати). Эти древние обводненные участки могли служить своего рода коридорами по направлению к пойме Дуная, расчленённой заводями. Подобное местообитание могло предоставить природные условия для расселения, сравнимые с условиями пойм Тисы и Кёрёша.

3. Вариации моделей неолитизации: Западная Венгрия

Преднеолитический период в Задунавье

Большинство памятников Задунавья, относимых к мезолиту, датировалось на основании каменного инвентаря, в основном происходящего с поверхности. Лишь некоторые памятники раскапывались в прошлом, например, Сёдлигет-Вац (Gábori 1968) и Сексард-Паланк (Vértes 1962). В последние годы Вильям Айхманн и Тибор Мартон систематически пересмотрели считающиеся мезолитическими памятники, а также провели шурфовки и новые раскопки (Bánffy et al. 2007) (рис. 18).

Эти исследования в юго-западном Задунавье были начаты в 2003 году. В среднем течении реки Капош было открыто несколько потенциально мезолитических памятников, представляющих собой разрозненные скопления каменных орудий без неолитической или энеолитической керамики, расположенных вдоль стариц реки.

В 2005 году был начат другой проект, который состоял в исследовании отдельных

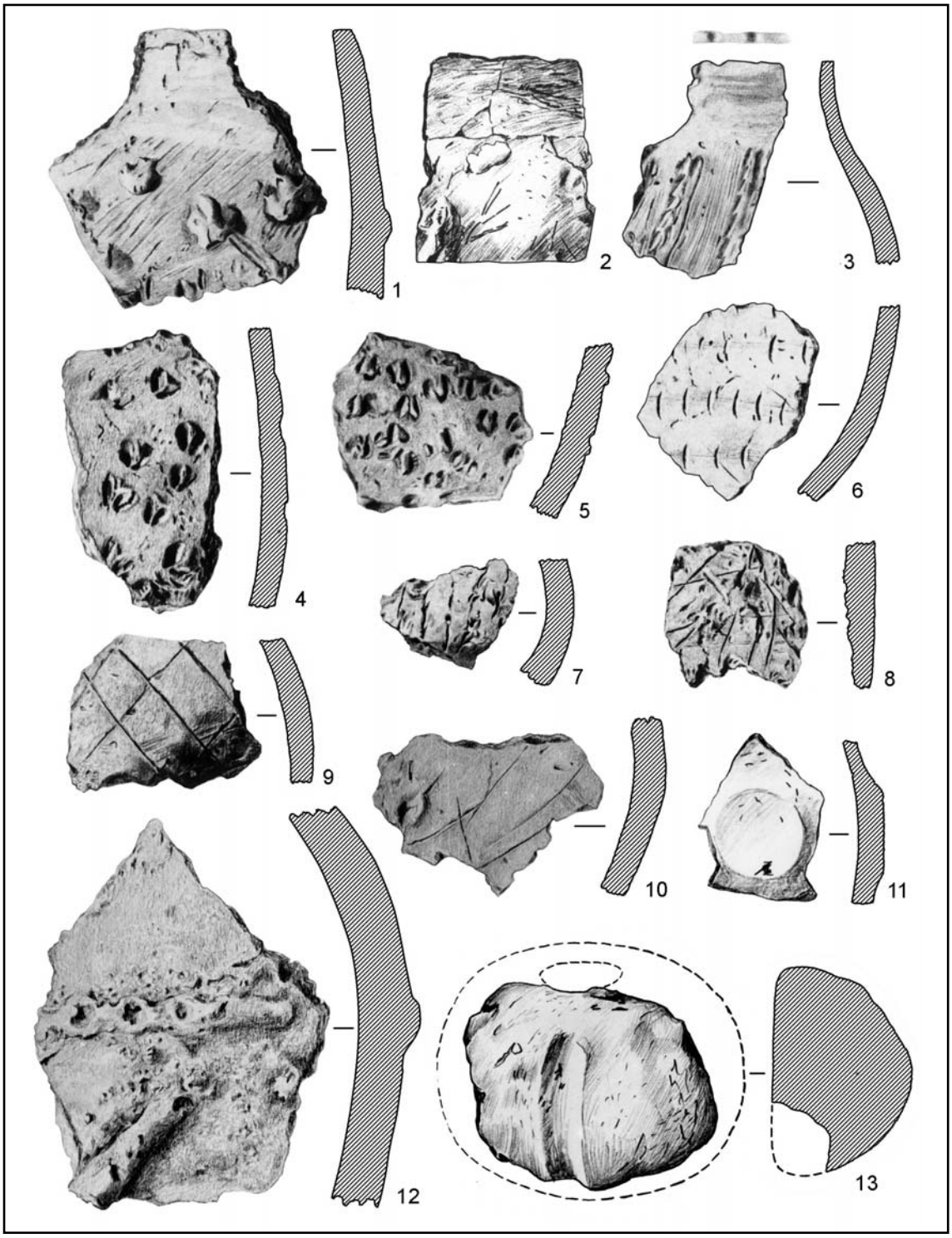

Рис. 16. Сакмар-Кишюлеш: типы декора и грузило. 1, 2, 8 — барботин; 3 — «колос»; 4—6 — защипы; 7 — орнамент, нанесенный раковиной; 9, 10 — сетка из врезных линий (решетка); 11 — плоский налеп; 12 — валики с пальцевыми вдавлениями; 13 — грузило для сети.

Fig. 16. Szakmár-Kisülés: decorations and sinker. 1, 2, 8 — barbotine decoration; 3 — spike motif; 4—6 — nail and pinched decoration; 7 — mussel decoration; 9, 10 — incised net motif (lattice pattern); 11 — flat knob; 12 — applied ribs with finger incisions; 13 — sinker for fishing nets.

особенно перспективных памятников к югу от озера Балатон с целью выявления возможных мезолитических комплексов (Marton 2003) и взаимоотношений между позднемезолитическими — ранненеолитическими (Старчево) группами. Проект предусматривал как исследования на поверхности памятников, так и их раскопки. Работа на памятнике Регёй 2

еще не завершена, но первые результаты уже были введены в научный оборот; в частности, были опубликованы каменные орудия, включающие трапеции и косые треугольники (Bánffy et al. 2007). Раскопки также позволили выявить округлое сооружение, которое может интерпретироваться в качестве хижины; работы, как мы надеемся, будут продолжены в запланированном порядке.

Другой памятник, исследованный возле Регёй, дал многочисленные каменные артефакты, среди которых примечательна высокая доля радиоляритов из горных районов Баконь (Сентгаль) и Мечек, а также два кусочка обсидиана, происходящие из северо-восточных регионов Карпатского бассейна. Типологически среди находок выделяются многочисленные, частично ретушированные микропластины и геометрические микролиты. На некоторых артефактах при рассмотрении под микроскопом заметен характерный блеск, что указывает на их использование в качестве вкладышей для серпов, которыми, вероятно, резали камыш, траву и другие растения. Раскопки на этом памятнике также позволили выявить округлый комплекс (хижину) (Eichmann et al. 2010). Дальнейшие исследования позволят закончить изучение этого сооружения, каменные орудия которого залегают *in situ*.

Находки, полученные в ходе работы по трем исследовательским проектам в западном Задунавье и в регионе озера Балатон, свидетельствуют, что эти территории являлись частью пограничной зоны между присваивающими и производящими сообществами середины VI тыс. до н. э. и дали начало длительному процессу взаимодействия между местными группами охотников-собирателей и носителями культуры Старчево, пришедшими с юга.

Если предположить наличие любых преднеолитических (то есть позднемезолитических) групп охотников-собирателей, проживавших на обширных территориях в Задунавье, то эти группы в середине VI тыс. до н. э. явно должны были столкнуться с совершенно новыми экологическими условиями. Так, в некоторые периоды озеро Балатон разделялось на два или три озера меньших размеров с чистой, холодной водой; когда климат стал теплее и влажнее, природные дамбы были прорваны, и даже север бассейна Тапольца стал частью озера (рис. 19). В такие периоды озеро разливалось и занимало территорию расположенных севернее и южнее, до реки Капош, долин, иногда вплоть до Дравы (Cserny 1992—93). В конце мезолита уровень воды

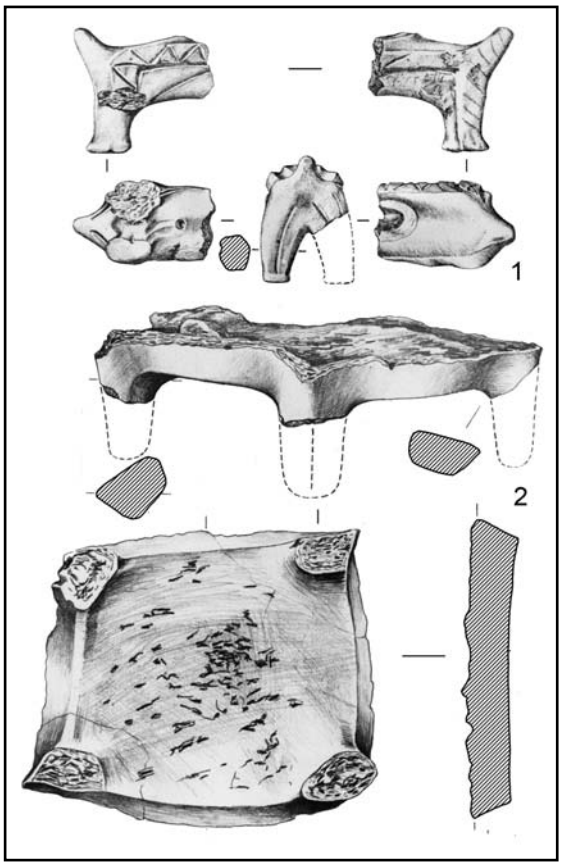

Рис. 17. Фигуративные находки. 1 — фрагмент зооморфного алтарика; 2 — прямоугольный алтарик.

Fig. 17. Figural finds. 1 — fragment of a zoomorphic altarpiece; 2 — rectangular altarpiece.

в озере был достаточно низок, существенно поднявшись лишь к 5500—5400 cal. BC. Наступление более влажного климата и подъем уровня воды в озере означает, что людям пришлось покинуть низкие берега и речные террасы, следуя за повышением уровня воды озера Балатон.

Несмотря на отсутствие хорошо исследованных мезолитических памятников в регионе, их наличие в Задунавье отчасти подтверждается некоторыми признаками. Подобным указанием являются свидетельства преднеолитического выжигания лесов (рис. 20), следы которого были обнаружены в Сентдьёрдьвёльдь, возле поселения Питьердомб. Образцы почвы, взятые из полузатопленных, заболоченных берегов речки Сентдьёрдь, протекающей возле поселения, указали на преднамеренное выжигание лесов около 8771 BP (7936—7821 cal. BC) (Cserny, Nagy-Bodor 2005). Горелая органика и мелкомасштабная эрозия в данной местности показывает, что выжигание проводилось достаточно часто, примерно каждые 15—30 лет. Это явление подтверждается данными палинологии (Medzichradszky 2001;

Рис. 18. Преисторическая шахта по добыче красного радиолярита в Сентгаль и место раскопок мезолита в Регёй.

Fig. 18. Trandanubia, indicating the red radiolarite prehistoric mine at Szentgál and the current mesolithic excavation at Regöly.

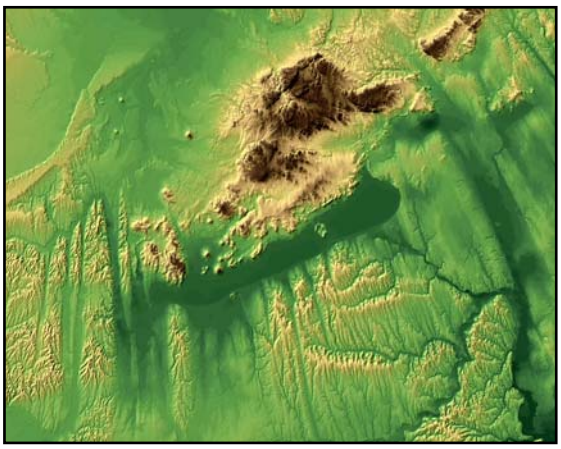

Рис. 19. Спутниковая фотография региона озера Балатон. Глубокие участки находились под водой в VI тыс. до н. э.

Fig. 19. Satellite image of the Lake Balaton region. Deep areas were filled with water in the 6th mill. BC.

Füzes 1989; Zólyomi 1980; Nagy-Bodor 1988; Berzsényi-Dálnoky 2005; Juhász 2002).

Палинологические профиля бассейна Балатона и болотистой части региона Малый Балатон указывают, что в середине VI тыс. до н. э. произошел резкий рост доли лесного ореха и что около 5600 (т. е. непосредственно перед распространением КЛЛК) орех составлял 55% существующих древесных видов (Juhász 2002; 2005) (рис. 21). Ботанические анализы показали, что юго-западное Задунавье представляло собой рефугиум для ореха во время последнего ледникового периода, и что отсюда он распространился в другие части Карпатского бассейна. Все же сложно объяснить эту внезапную широкомасштабную экспансию вида без предположения об активном человеческом воздействии на окружающую среду. Представляется весьма вероятным, что интенсивный рост ореха был вызван расчисткой леса, которая создавала небольшие свободные участки, где могло произрастать это теплолюбивое дерево, дающее питательные и долго хранящиеся плоды. Сравнение частоты встречаемости ореха и злаков в палинологических диаграммах является очень показательным: они обратно пропорциональны. Рост пыльцы злаков сопровождается понижением количества пыльцы ореха в отложениях.

В качестве еще одного указания на мезолитическое присутствие следует упомянуть находку преднеолитической лодки возле Кестей. Безусловно, она использовалась в те времена, когда береговая линия проходила в той области — предположительно, еще в мезолите (Bakay et al. 1966: 76). Наконец, отметим археологические свидетельства, такие, как давно уже находимые во время разведок микролитические трапеции и другие типы позднемезолитических орудий. Их датировка, на основе типологических особенностей, никогда не ставилась под сомнение (Mészáros 1948; Pusztai 1957; Dobosi 1972; Biró 1991). Долина реки Капош и бассейн Важонь, находящиеся севернее Балатона у рудника Сентгаль, особенно богаты подобными находками. Почти все обследованные до сих пор каменные орудия были изготовлены из красного радиолярита, происходящего из гор Баконь (рис. 22).

Распространение Старчево в Южном Задунавье

В неолитизации Задунавья решающую роль сыграла группа земледельцев-мигрантов, прибывшая с юга, из треугольника Дунай-Драва и, вероятно, переправившаяся через Драву с территории современной Хорватии (рис. 23). Носители культуры Старчево распространились в южной части Задунавья, включая Балатон, которая стала контактной зоной между переселенцами с Балкан и местным населением, принявшими участие в формировании КЛЛК.

Первым специалистом, который указал на присутствие Старчево в Южном Задунавье,

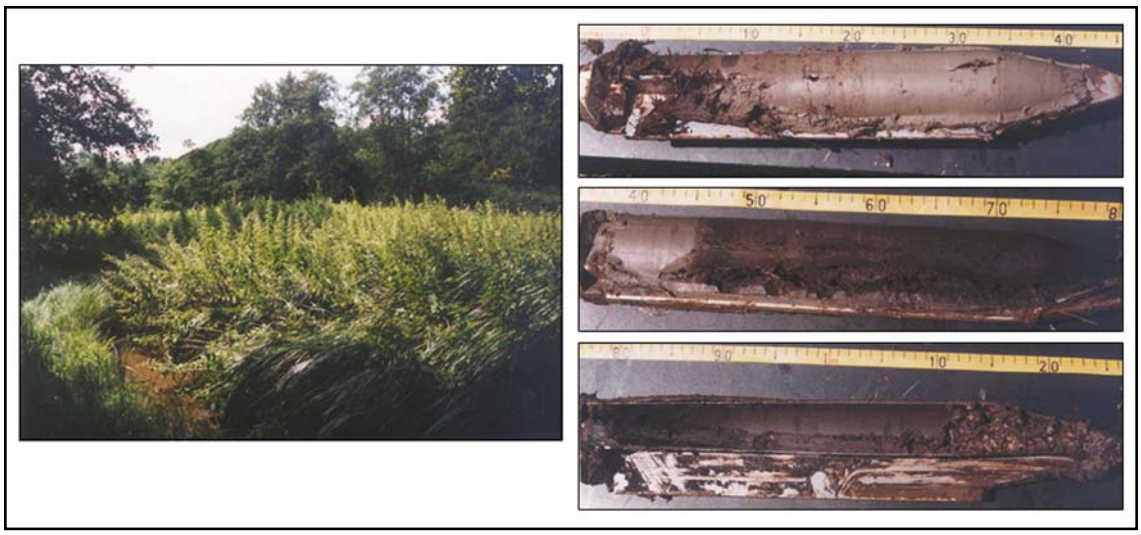

Рис. 20. Следы донеолитического выжигания лесов из бурений в Западном Задунавье.

Fig. 20. Traces of pre-Neolithic burning from corings in West-Transdanubia.

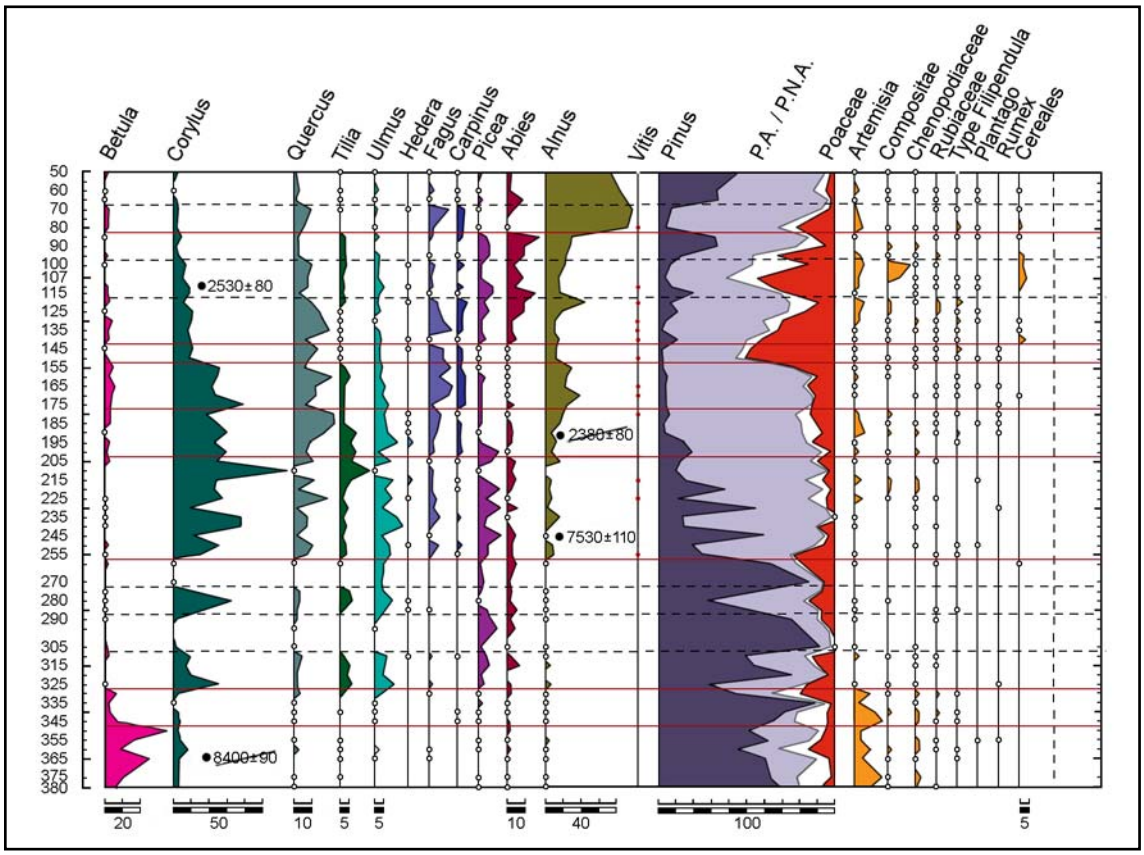

Рис. 21. Палинологическая секвенция из Балатонских болот.

Fig. 21. The pollen sequence from the Balaton marshland.

был Нандор Калиц, опубликовавший всю информацию по данному поселению в одной книге (Kalicz 1990). За последние два десятилетия были также опубликованы материалы с некоторых других памятников поздней фазы, датируемых серединой VI тыс. до н. э. (Simon 1996; Bánffy 2001; Kalicz et al. 2007; Regenye 2008). Все эти памятники представляли собой небольшие поселения с разрозненными ямами, полностью, таким образом, соответствуя картине, обрисованной Калицем.

Настоящим сюрпризом стало открытие и исследование памятника Старчево, проведенное между 2006 и 2009 гг. в ходе авто-

Рис. 22. Красный радиолярит из Балатонской возвышенности, гор Баконь, Сентгаль и окрестностей.

Fig. 22. Red radiolarite from the Balaton Uplands, Bakony mountains, Szentgál and vicinity.

магистрального проекта в юго-восточном Задунавье, когда были обнаружены многие неолитические местонахождения. При этом поселение и погребения из Альшоньек-Батасек сами по себе намного крупнее и значительнее, чем все остальные 30 памятников Старчево, известные до сих пор в Задунавье.

Пример 2. Поселение и погребения Старчево в Альшоньек-Батасек, юго-восточное Задунавье

Этот памятник находится в Южной Венгрии, располагаясь вдоль Дуная. Условия окружающей среды и особенности адаптации культуры Старчево здесь, на юго-восточном краю Задунавья, очень похожи на условия левобережья Дуная, плотно заселенного группами Кёрёш. Вплоть до холмов Сексарда правый берег Дуная представляет собой затапливаемую пойму с пойменными озерами, которые часто оказываются под водой в дождливое время (Willis et al. 2000). Таким образом, памятник располагается в пограничной зоне (рис. 24), которая часто сложна для проживания, но благоприятна для контактов между различными группами населения и жизненными укладами.

В этом контексте удивительно отсутствие взаимодействия между носителями культуры Кёрёш на левобережье Дуная и группами Старчево со стороны Задунавья. Оба берега Дуная характеризуются очень схожими геоморфологическими и гидрологическими условиями. Приречный регион Шаркёз представлял собой достаточно однородный ландшафт до работ по регулированию речного русла —

Рис. 23. Памятники культуры Старчево в Северной Хорватии, Западной Сербии и Западной Венгрии (Задунавье). 1 — Мёж; 2 — Сексард; 3 — Альшоньек; 4 — Сюр; 5 — Донья-Браньевина; 6 — Сентдьёрдьвёльдь.

Fig. 23. Starčevo sites in Northern Croatia, Western Serbia and in Western Hungary (Transdanubia). 1 — Mőzs; 2 — Szekszárd; 3 — Alsonyék; 4 — Szür; 5 — Donja Branjevina; 6 — Szentgyörgyvölgy.

т. е., возможно, и в VI тыс. до н. э. Здесь следует напомнить, что носители традиций культуры Старчево селились в очень похожих условиях к югу от региона Шаркёз, в северо-восточной Хорватии, где болотистый лёсс доминирует на границе с регулярно затапливаемыми наносными почвами, на высоте в 90—200 метров (Šparica 2007: 25). Поселения культуры Старчево были также выявлены на высоких плато Срема (Petrović 1976: 11; 1985: 13), напоминая расположение синхронных памятников в регионе Сексард.

Несмотря на очень похожий, если не идентичный ландшафт, как мы видели выше, левый берег Дуная был очень плотно заселен исключительно носителями культуры Кёрёш. Интересно, что эти две группы — Кёрёш и Старчево, — изначально очень близкие, здесь не контактировали между собой. Пока не совсем понятно, чем объясняется данный феномен — изменениями в групповой иден-

Рис. 24. Пограничный ландшафт: пойма Дуная примыкает к задунайским холмам (по Bánffy et al. 2010).

Fig. 24. A marginal landscape: the Danubian alluvial plain meeting the Transdanubian hillslopes (after Bánffy et al. 2010).

тичности с нарастающим отдалением друг от друга, или же небольшой хронологической разницей (Bánffy 2013b) (рис. 25).

Различное развитие этих групп прослеживается в расположении и предпочтениях при выборе мест для основания поселений. В ходе миграции на северные Балканы обе культуры (Кёрёш и Старчево) адаптировались к меняющимся условиям экологии и окружающей среды: плотно расположенные памятники культуры Кёрёш находятся за пределами водных местообитаний, в то время как более редкие поселения Старчево встречаются в разнообразной среде, в том числе на водоразделах вдали от воды. Необходимо подчеркнуть, что группы населения культуры Старчево заселяли как долины, так и холмистые участки южного Задунавья.

Огромное поселение в Альшоньек было раскопано не более чем на одну треть, но даже на этой площади удалось исследовать более 400 комплексов, которые четко относятся к культуре Старчево (Bánffy et al. 2010). Этот чрезвычайно богатый комплекс сооружений и находок указывает на то, что ранний неолит вдоль Дуная в юго-восточном Задунавье на самом деле находит много общего с восточнославонским регионом распространения культуры, т. е. с регионом, ограниченным Дунаем, Дравой и Савой. Похоже, оба региона относятся к одной культурной общности.

Большинство раскопанных объектов представляет собой ямы разнообразных размеров и различной формы. Выделяются ямы меньших размеров, шириной 4—8 метров, с круглыми или овальными очертаниями. Другой тип ям представляет собой нерегулярную систему углублений разнообразной формы, как в верхней части, так и у дна. Подобная конфигурация могла быть результатом многофункционального и длительного использования, сначала для добычи глины, а затем для выброса отходов (рис. 26). В неглубоком и единообразном заполнении не удалось зафиксировать какие-либо напластования, но все ямы содержали скопления обмазки — вероятно, остатки домов. Из этих ям происходит большинство находок: помимо многочисленной керамики и иногда фигурок, они содержали разнообразный набор костей животных, рыбы и раковин моллюсков. В некоторых ямах содержался толстый слой раковин — возможно, остатки богатых трапез (рис. 27). Все эти объекты способны предоставить информацию о хозяйстве и пищевых стратегиях населения Старчево на данном памятнике.

Яма 800 (рис. 26), неправильной формы, достигала размера в 40 м, с глубиной от 1 до 3 м. В яме содержалось не менее 20 печей. Они залегали неравномерно, формируя две условные группы (возможно, производственные места) на разных глубинах и с различной степенью сохранности: группа печей, находившихся глубже остальных, испытала на себе воздействие подземных вод. Положение печей, вместе с анализом находок, способно помочь с точной датировкой комплекса.

Было исследовано около 20 ровиков в форме буквы U, иногда со столбовыми ямками, или части таких ровиков; они не образовывали какую-либо систему и, вероятно, обладали различным назначением, определить

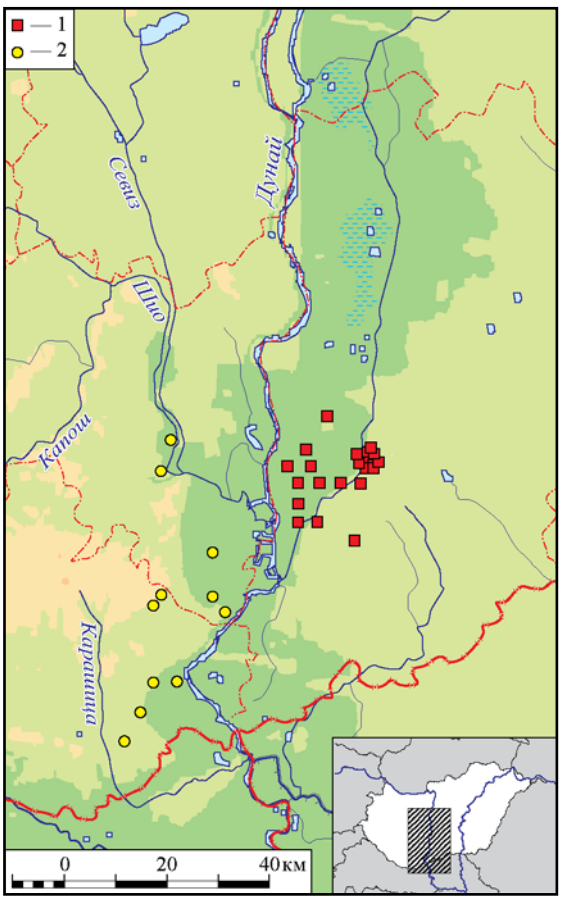

Рис. 25. Памятники типа Кёрёш (1) и Старчево (2) (включая Альшоньек-Батасек) вдоль Дуная (по Bánffy et al. 2010).

Fig. 25. Körös sites (1) and Starčevo sites (2) (including Alsónyék-Bátaszék) along the Danube (after Bánffy et al. 2010).

которое сейчас не представляется возможным. Некоторые располагались параллельно друг другу и зачастую заканчивались в яме больших размеров — по всей видимости, они могли использоваться для отвода дождевой воды. Другие ровики могли иметь оградительные функции.

Сложно представить себе такое огромное поселение без наземных жилищ, на наличие которых указывает большое количество кусков обмазки. Остается предположить, что, к сожалению, участок, где они были расположены, остался не раскопанным.

Всего было обнаружено около 60 печей, часть которых была углублена в землю. Около половины из них имели овальную форму, остальные были удлиненными и цилиндрическими, похожими на трубы.

Овальные печи, вероятно, использовались для приготовления пищи. Обычно они впущены глубоко в ямы и могут встречаться группами (рис. 28). Особый подтип этих печей обладал своего рода вытяжными трубами, направленными вверх (рис. 29). Возле отдельных печей находились ямы с золой, в которых довольно часто встречались разрозненные кости человека или даже целые скелеты в анатомическом порядке.

Удлиненные, трубовидные печи представляют собой второй тип печей культуры Старчево на поселении (рис. 30). В некоторых случаях они достаточно быстро переставали использоваться — возможно, из-за конструктивного брака. Внутри них встречаются фрагменты сосудов больших размеров.

К культуре Старчево с уверенностью отнесено 20 погребений. Еще 10 могут датироваться тем же временем с определенной долей вероятности. Из этих костяков были взяты образцы для датировок по ^{14}C. В целом, расположение погребений на поселении довольно беспорядочно, но в некоторых случаях выделяются группы из 2—3 находящихся близко друг к другу скелетов, которые могли быть взаимосвязаны. Некоторые погребения были совершены в неглубоких ямах или возле печей. Эти захоронения сложно считать тщательными. В яме 800, упомянутой выше, были разбросаны несколько черепов, а также многочисленные кости. Многие скелеты были обнаружены в необычном, скрученном положении. Непотревоженные костяки, как правило, были скорчены, но ни один из них не лежал по какой-либо строгой ориентировке. Погребальный инвентарь отсутствовал, за исключением небольшого сосуда, положенного в руки одного их погребенных.

Похоже, погребения возле печей довольно многочисленны. Некоторые скелеты были обнаружены внутри или под печами, или даже перед печными отверстиями (рис. 31). В отдельных случаях лежащим на нагреваемой площадке телам придавалось сильно скорченное или даже «свернутое» положение, чтобы они поместились внутри печи. Ни в одном случае на этих скелетах не были обнаружены следы огня: на момент совершения погребений все эти печи больше не использовались. Подобный погребальный контекст нуждается в интерпретации, так как этот обычай, определенно, имел большое значение для общины Старчево из Альшоньек.

Количество и значение керамики огромно, в особенности при сравнении с известными до сих пор находками из других задунайских поселений культуры Старчево (Kalicz 1990: 83). Обычно в керамике карпатского раннего неолита наблюдаются обильные органические примеси (в основном дресва), а сама она красного или коричневого цвета, иногда с более темной верхней частью (рис. 32: 1—7).

Рис. 26. Поселение культуры Старчево в Альшоньек-Батасек: обширная система ям и печей (включая яму 800) (по Bánffy et al. 2010).

Fig. 26. The Starčevo settlement at Alsónyék-Bátaszék: extended system of pits and hearths (including pit 800) (after Bánffy et al. 2010).

Рис. 27. Альшоньек-Батасек: скопление раковин (по Bánffy et al. 2010).

Fig. 27. Alsónyék-Bátaszék: a pile of mussels (after Bánffy et al. 2010).

Структура черепка в изломе, с черной средней частью, указывает на использование низкотемпературного обжига. Часто встречается ангоб и заглаживание поверхности.

Среди сосудов меньших размеров встречаются глубокие миски с полукруглым, биконическим и S-видным профилем (рис. 32: 3—7), часто на низких поддонах или даже кольцах. Сосуды с резким профилем имели вогнутую верхнюю часть (рис. 33: 7). Этот признак хорошо известен в керамике поздней Старчево и формативной КЛЛК (напр.,

Рис. 28. Альшоньек-Батасек: печи, впущенные в ямы (по Bánffy et al. 2010).

Fig. 28. Alsónyék-Bátaszék: subterranean ovens, dug inside pit walls (after Bánffy et al. 2010).

Рис. 29. Альшоньек-Батасек: печи с вытяжными трубами, впущенные в ямы (по Bánffy et al. 2010).

Fig. 29. Alsónyék-Bátaszék: subterranean oven with airing tubes, dug inside pit-walls (after Bánffy et al. 2010).

из Сентдьёрдьвёльдь-Питьердомб) (Bánffy 2004: 226).

Сосуды больших размеров имеют шаровидное тулово с цилиндрической или полусферической горловиной. Часто встречаются крупные полусферические миски. Сходные фрагменты известны из комплексов задунайской формативной КЛЛК и восходят к традициям Старчево (Bánffy 2004: 117, 123). На всей поверхности шаровидных сосудов, как правило, присутствует рассыпанный или, чаще, каннелированный барботин, во многих случаях сочетающийся с рядами пальцевых вдавлений. Относительно редко встречаются организованный барботин, защипы, врезные линии или сетка.

Значительная часть керамики является расписной. Чаще всего используются спиралевидные мотивы, указывающие на позднюю датировку в рамках культуры Старчево (рис. 33: 3—10). В некоторых случаях спиральный орнамент нанесен черной краской на красный фон; есть также фрагменты, на которых черные или коричневые спиралевидные фигуры снабжены белой каймой по обеим сторонам (рис. 33: 1, 2). На территории Венгрии это первая полихромная керамика с раскопок памятника Старчево. До этого был известен лишь один похожий фрагмент — находка с поверхности поселения в Задунавье (Kalicz, Makkay 1972).

На поселении было обнаружено значительное количество глиняных фигурок. Самым ча-

Рис. 30. Альшоньек-Батасек: трубовидные печи на поверхности (по Bánffy et al. 2010).

Fig. 30. Alsónyék-Bátaszék: tubular surface ovens (after Bánffy et al. 2010).

Рис. 31. Альшоньек-Батасек: погребения в печах, впущенных в ямы (по Bánffy et al. 2010).

Fig. 31. Alsónyék-Bátaszék: burials inside ovens, dug inside pit walls (after Bánffy et al. 2010).

сто встречающимся типом являются фрагменты стеатопигичных статуэток (рис. 34: 4—9), изготовленных из двух половинок, соединенных с помощью небольшой деревянной палочки внутри, на присутствие которой указывает маленькое отверстие на внутренней стороне (рис. 34: 5). Одна из фигурок была окрашена красной краской (рис. 34: 7). Уникальной является верхняя часть статуэтки, покрытой красным ангобом (рис. 35).

Из зооморфных изображений были обнаружены многочисленные и разнообразные т.н. алтарики в виде животных, иногда с сосудом, расположенным на спине животного (рис. 36). Помимо следов разбитого «сосуда», примечательно очень глубокое отверстие в зооморфном теле. Отметим также голову животного на одном из концов фигурки, похожую на другие изображения голов на алтариках Старчево. Чрезвычайно интересно, что еще две, скорее всего, аналогичные головки находились на противоположном окончании фигурки. Похоже, выдвинутая ранее гипотеза, согласно которой такие изображения четко соотносятся с прямоугольными алтарями с головой животного на каждой из сторон (Bánffy 2002: 55—56), на этот раз подкрепляется выдающейся находкой, не с двумя или четырьмя, а с тремя головами. Помимо зооморфных типов, часто встречаются и обычные для раннего неолита глиняные алтари.

Достаточно обширна коллекция каменных орудий, состоящая из пластин микролитических и средних размеров (часто со следами использования на поверхности). Сырье для большинства из этих орудий происходит из близлежащих гор Мечек. Некоторые находки из радиолярита происходят из Балатонской возвышенности, как правило, из области Сентгаль (Biró, Regenye 2007: 264). В некоторых случаях был обнаружен токайский обсидиан, который довольно часто встречает-

Рис. 32. Альшоньек-Батасек: фрагменты керамики (по Bánffy et al. 2010).

Fig. 32. Alsónyék-Bátaszék: pottery fragments (after Bánffy et al. 2010).

ся во всем ареале распространения культуры Старчево, включая территории Сербии и Хорватии (Tripković 2004: 165, 172). Помимо кремня, есть многочисленные орудия из шлифованного камня и кости.

Для более точного датирования и построения внутренней хронологии, помимо анализа керамики, будут использованы датировки AMS ^{14}C, образцы для которых были взяты в основном из погребений Старчево.

Процесс неолитизации в Западном Задунавье

Последние исследования неолита западного Задунавья и находки, полученные в ходе работ по трем микрорегиональным проектам, сделали более чем вероятными выводы о принадлежности восточного Задунавья и Балатона к пограничной зоне в середине VI тыс. до н. э. и о формировании длительных взаимодействий между местными группами охотников-собирателей и переселенцами Старчево с юга (рис. 37). Археологическое наследие этих общин Старчево было, тем не менее, во многом отличным от комплексов типа Альшоньек. Эти поселения разрозненны, небольших размеров, с малочисленными находками, зачастую неважного качества (Kalicz et al. 1998). Они, скорее всего, носят маргинальный характер и оконтуривают северную границу этой обширной северобалканской культуры.

Вероятно, существовавшее позднемезолитическое растениеводство расширилось в сторону выращивания окультуренных растений после контактов с группами Старчево, и тогда местное население также начало копиро-

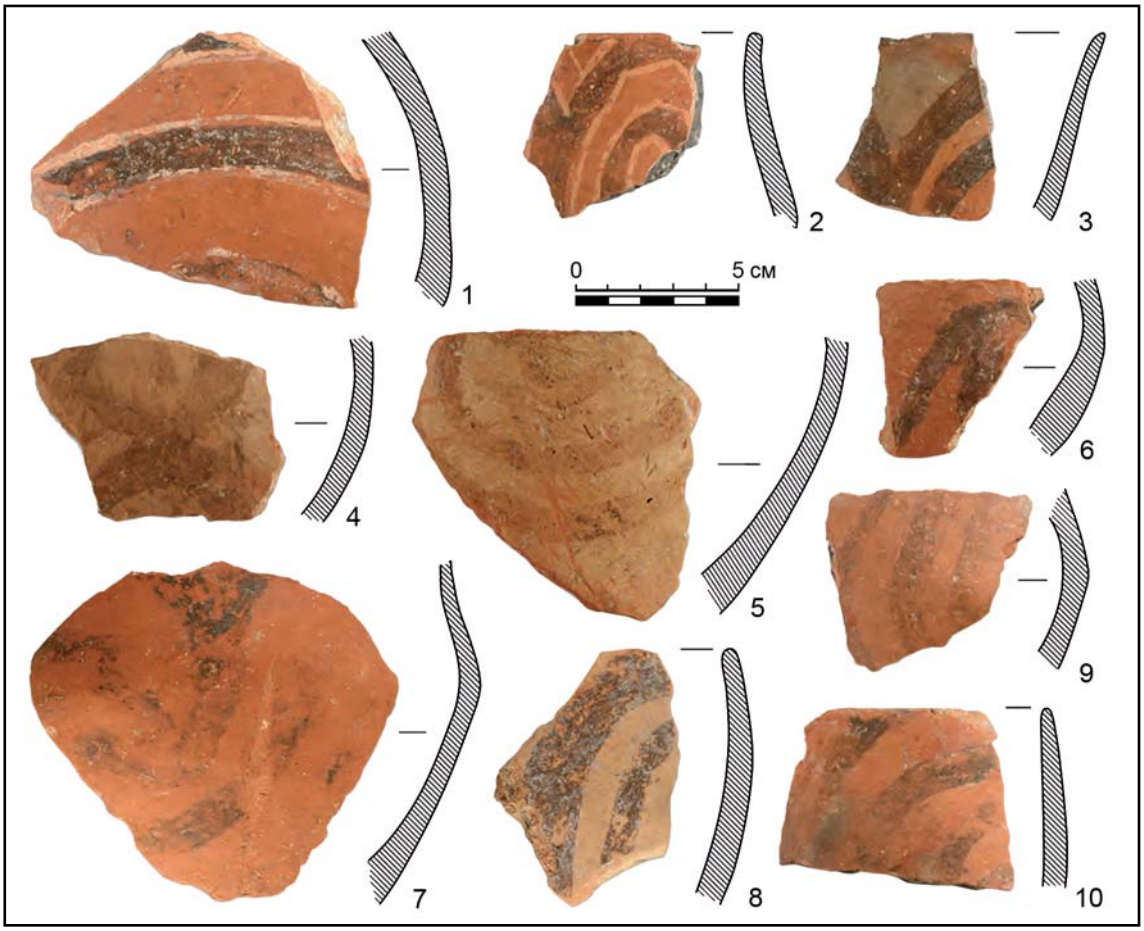

Рис. 33. Альшоньек-Батасек: черный и полихромный расписной орнамент на сосудах (по Bánffy et al. 2010).

Fig. 33. Alsónyék-Bátaszék: black and polichrome painted decorations on vessels (after Bánffy et al. 2010).

вать посуду иммигрантов. Результатом взаимодействий между этими двумя группами явилось появление генетически смешанного населения, которое вскоре колонизировало северное Задунавье вдоль долин Марцаль, Рабы и Дуная. Позже это население продвинулось дальше по Дунаю в восточную Австрию, юго-западную Словакию, южную Моравию и в самое сердце Центральной Европы, где оно сыграло активную роль в распространении оседлого, земледельческого образа жизни (рис. 38).

Адаптация к изменяющимся условиям являлась как выбором, так и суровой необходимостью для всех. Приспособление к холодному и влажному альпийско-атлантическому климату Задунавья с его сильными снегопадами в зимнее время наверняка стало серьезным испытанием для балканских иммигрантов. Такие памятники, как Питьердомб и Гелленхаза, а также, вероятно, Брунн II возле Вены, находки с которых имеют корни в традициях Старчево, указывают, что это население смогло приспособиться к новым условиям. С другой стороны, отдельные группы Старчево селились также и в болотистой местности вдоль озера Балатон, представляющей собой не менее серьезный вызов переселенцам с юга. Поселения в Вёрш-Мариаассоньсигет и Тихань-Апатии отображают этот второй тип адаптации (Kalicz et al. 1998; Regenye 2008).

Подъем уровня воды в Балатоне привел к тому, что все некогда существовавшие на его берегах мезолитические поселения сейчас затоплены (Zatykó et al. 2007). Пристальное рассмотрение расположения множества ранненеолитических памятников вокруг озера показывает, что они находились непосредственно вдоль измененной береговой линии, в болотистой местности или на островках в тот период, когда уровень воды был выше, чем сегодня (рис. 39). В целом, подобное расположение поселений повторяет мезолитическое. Все они находятся непосредственно возле воды, в непригодных для земледелия условиях. Таким образом, представляется возможным, что большинство из 65 известных поселений, располагающихся прямо на берегу в заболоченной местности, были на самом деле засе-

Рис. 34. Альшоньек-Батасек: фрагменты стеатопигичных женских фигурок (по Bánffy et al. 2010).

Fig. 34. Alsónyék-Bátaszék: fragments of steatopyg female figurines (after Bánffy et al. 2010).

лены общностями охотников-собирателей, и что немногочисленные группы балканских иммигрантов принимали решение поселиться именно в этих зонах, находившихся под контролем местного населения. Если события развивались таким образом, то часть «исчезнувшего» мезолитического населения оказывается найденной. Подобный сценарий также подразумевает преимущественно мирные отношения между группами Старчево и аборигенным населением.

Как ни странно, несмотря на расположение памятников в непригодной для выращивания растений среде, макроботанические находки с поселений самой ранней фазы указывают на присутствие достаточно большого разнообразия культивируемых видов. Помимо однозернянки (*Triticum monococcum*) и спельты (*Triticum diococcum*), образцы из Питьердомб содержали остатки мягкой пшеницы (*Triticum aestivum*) и ячменя (*Hordeum vulgare*), а также съедобную обыкновенную марь (*Chenopodium album*). Количество остатков этих видов было немногочисленным, в каждом случае не более 20. Это может указывать, что растениеводство в западном Задунавье и в окрестностях Балатона не превышало мезолитического уровня: спектр растений, выращиваемых на открытых пространствах между жилищами и на узких полосах вдоль берега, попросту расширялся за счет видов, перенятых от общин Старчево вместе с навыками их культивации. Несмотря на то, что внедрение домашних растений привнесло *качественные* изменения, это не привело к количественным изменениям на ранней ступени неолитизации, в особенности в отношении образа жизни.

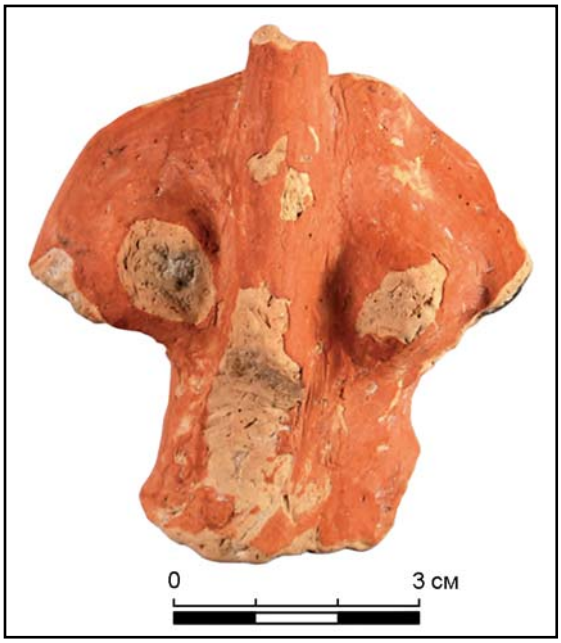

Рис. 35. Альшоньек-Батасек: фрагмент женской фигурки с красноватым ангобом (по Bánffy et al. 2010).

Fig. 35. Alsónyék-Bátaszék: fragment of a red slipped female figurine (after Bánffy et al. 2010).

Рис. 36. Альшоньек-Батасек: фрагмент зооморфного алтарика (по Bánffy et al. 2010).

Fig. 36. Alsónyék-Bátaszék: fragment of a zoomorphic altarpiece (after Bánffy et al. 2010).

Мезолитическое влияние можно предполагать и для ранних традиций домостроительства (Bánffy 2013a). Немногочисленные известные памятники указывают на то, что мезолитические постройки Задунавья не отличались от традиций, присутствующих в других областях Центральной Европы. При том, что отсутствуют какие-либо данные о наличии землянок в мезолите, обнаруженные сооружения часто имеют четкое северное направление. Возможно, в будущем будут обнаружены небольшие временные стоянки или же более долговременные стойбища с жилищами

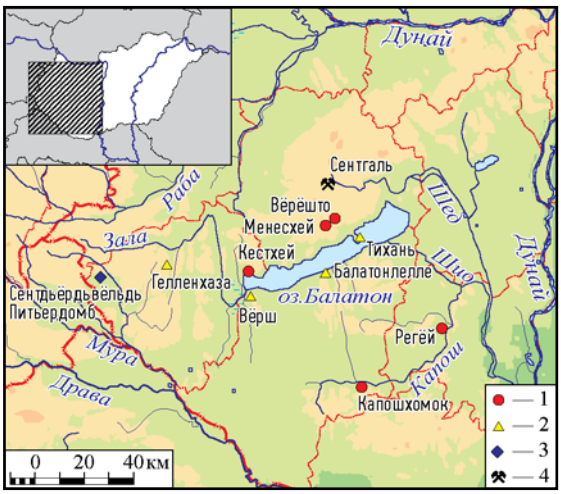

Рис. 37. Карта Задунавья: 1 — мезолитические памятники; 2 — памятники Старчево; 3 — поселение формативной КЛЛК в Сентдьёрдьвёльдь-Питьердомб; 4 — место добычи кремня в Сентгаль.

Fig. 37. Transdanubia: 1 — Mesolithic sites; 2 — Starčevo sites; 3 — the formative LBK site at Szentgyörgyvölgy-Pityerdomb; 4 — mine of Szentgál.

вдоль западного берега озера Балатон (возможно, некоторые затопленные поселения) и среди холмов Зала. Северное ориентирование ранних жилищ КЛЛК может быть также связано с предшествующими, позднемезолитическими центральноевропейскими представлениями, поскольку самые ранние дома времени формативной КЛЛК направлены строго на север. Но эта традиция может быть прослежена только в наиболее ранней архитектуре Задунавья и Центральной Европы. Это является аргументом в пользу дунантульского происхождения длинных домов КЛЛК.

На ранней фазе дома КЛЛК были однокомнатными, с более поздними пристройками с севера и юга. Учитывая большие размеры жилищ, они были снабжены плотными рядами столбов. Как внутри жилища, так и в ямах снаружи (которые, вероятно, снабжались своеобразной защитной крышей, особенно в северной части), концентрировалась разнообразная деятельность. Эти особенности должны объясняться прежде всего климатическими причинами, при второстепенной роли культурных традиций.

Контакты и взаимодействия между местными охотниками-собирателями позднего мезолита и иммигрантами с Балкан, так же как и сформировавшиеся на этой основе общины, смогли быть впервые засвидетельствованы, когда в западном Задунавье был обнаружен памятник, на котором были представлены следы всех этих трех типов населения.

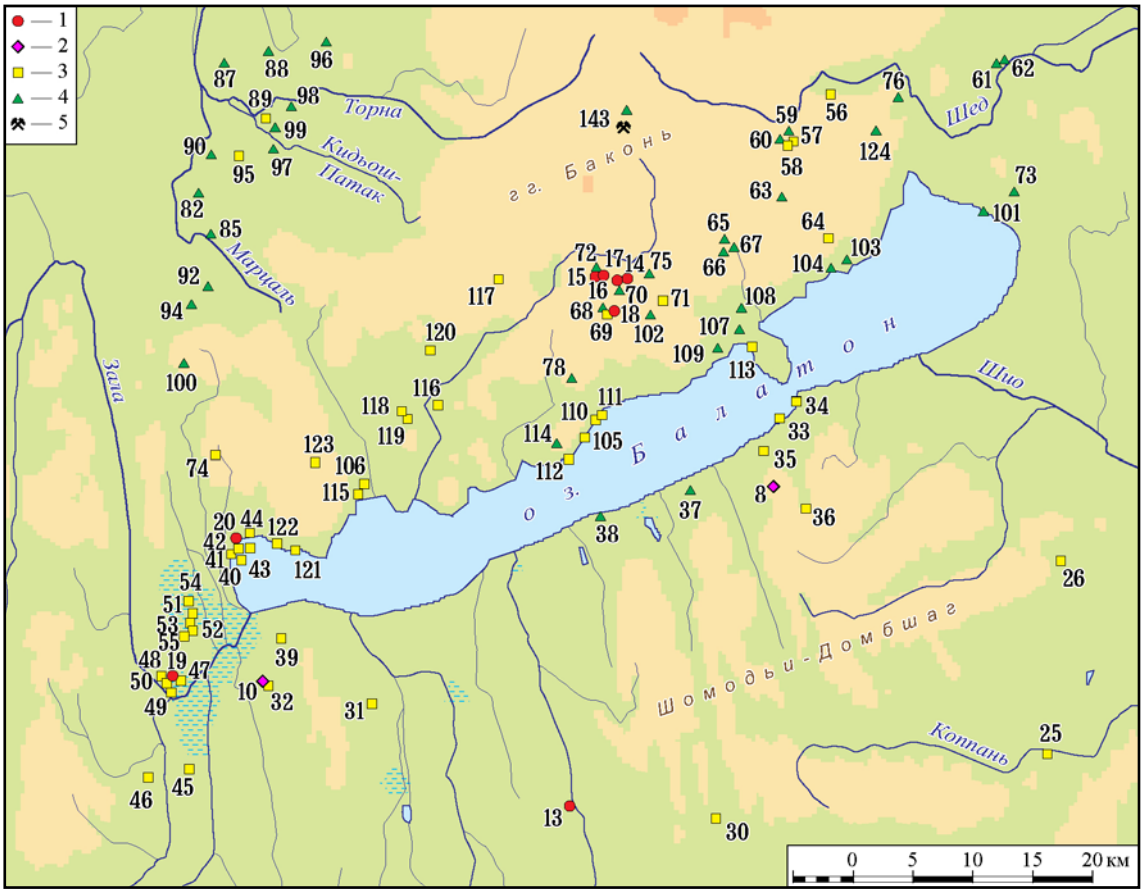

Рис. 38. Взаимодействие различных групп у озера Балатон. 1 — мезолит; 2 — Старчево; 3 — формативная КЛЛК; 4 — развитая КЛЛК; 5 — места добычи сырья.

Fig. 38. Result of interaction of different groups in the Balaton region. 1 — Mesolithic sites; 2 — Starčevo sites; 3 — formative LBK sites; 4 — developed LBK sites; 5 — mines.

Пример 3. Открытие наиболее ранней, формативной фазы КЛЛК в Сентдьёрдьвёльдь-Питьердомб

Далее будут представлены комплексы и находки с памятника, который стал первым представителем новой и прежде неизвестной фазы — формативной КЛЛК. После обнаружения Сентдьёрдьвёльдь-Питьердомб появилась возможность идентификации десятков поселений, относящихся к той же формативной фазе КЛЛК в регионе Балатон — тех, которые раньше относили либо к культуре Старчево, либо к ранней КЛЛК. В этом смысле поселение Питьердомб дало ответы на многие вопросы, связанные с переходом от балканского раннего неолита к КЛЛК и, вместе с тем, с неолитизацией Центральной Европы.

Это поселение предоставило поразительную смесь трех культурных компонентов. Во-первых, это настоящие центральноевропейские длинные дома. Во-вторых, это, судя по всему, подлинные керамические типы и орнаментация Старчево с очень незначительным количеством признаков КЛЛК. Наконец, в качестве третьего компонента можно назвать каменный инвентарь, обнаруживающий большое сходство с кремневой индустрией позднего мезолита, сырье для которого добывалось исключительно на Балатонской возвышенности (сентгальский радиолярит), на расстоянии около 200 км.

Поселение Сентдьёрдьвёльдь-Питьердомб было открыто в долине р. Керка, недалеко от границы со Словенией (рис. 37). Памятник расположен на высоте в 220 метров на склоне холма, который спускается к затапливаемому болотистому пространству, пересекаемому извилистым потоком Сентдьёрдь.

Поверхностный обзор площади поселения выявил два отдельных скопления археологических остатков. Это наблюдение подтвердилось раскопками, которые покрыли примерно 1000 кв.м., что соответствует настоящей площади небольшого поселения (рис. 40). На плане эти два скопления отмечены фигурами без заливки. Каждая из этих двух зон содержала остатки жилища, ям по добыче гли-

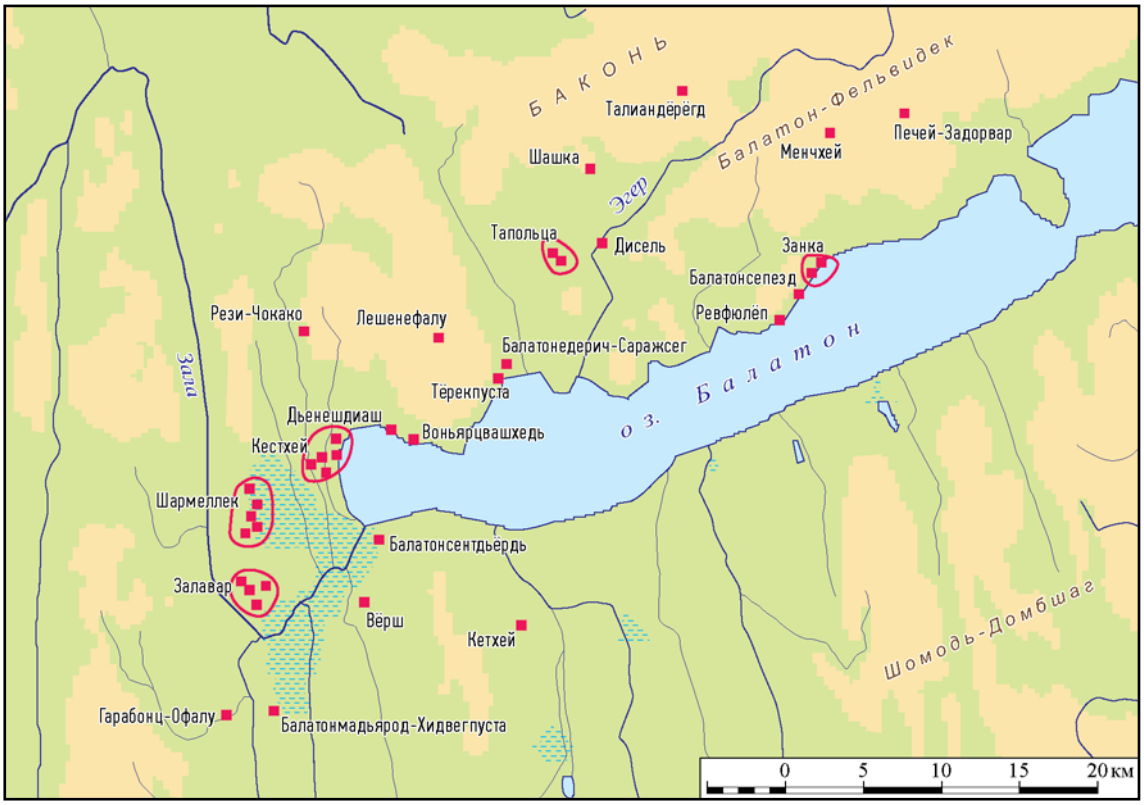

Рис. 39. Расположение недавно обнаруженных памятников формативной КЛЛК у озера Балатон.

Fig. 39. Location of newely identified formative LBK sites around Lake Balaton.

ны, мусорных ям и очагов. Места концентрации археологических комплексов или жилищ находились на расстоянии 33 м друг от друга и ни внимательный поверхностный осмотр, ни дополнительные шурфовки не позволили открыть какие-либо новые сооружения на этом пустом пространстве (рис. 41).

На основе обнаруженных находок и сооружений относительную хронологию этих жилищ установить не удалось. Следовательно, существует возможность, что жилища не использовались в одно и то же время. Специалистами неоднократно высказывалось предположение, что дома самых ранних поселений КЛЛК заселялись максимум на два поколения, т. е. жилище могло существовать 15—20 лет. Значит, теоретически возможно, что и в Питьердомб, после разрушения старого, было построено новое жилище. Тем не менее, более вероятным является одновременное существование этих двух домов, каждый из которых был заселен членами малой семьи. Это соответствует типичной структуре заселения пространства на этапе формативной КЛЛК: чаще это широкая цепь усадеб, иногда расположенных достаточно далеко друг от друга, а не крупные закрытые поселения.

Одновременность существования этих двух жилищ не исключается и расстоянием между ними. Мы знаем, что ранние поселения КЛЛК характеризуются достаточно крупными свободными пространствами между жилищами. На поселении в Лангвайлер, например, два одновременных жилища располагались на расстоянии в 66 метров друг от друга; в Мохельнице расстояние между ранними жилищами варьировало от 10 до 25 метров; в Гологлавах, в восточной Чехии, три жилища ранней КЛЛК разделяли пространства от 35 до 40 метров (Lüning 1982: 147—148; Coudart 1998: 108; Stäuble 1994; 1997; Tichy 1998: 50; Pavlů 1981; Pavlů, Vokolek 1992: 83—84). Учитывая эти параллели, расстояние в 33 метра между жилищами в Питьердомб не кажется столь большим.

Другим аргументом в пользу синхронности жилищ является объем рабочей силы, необходимой для их постройки. Так, мы можем предположить, что в каждом жилище проживало 8—10 человек (см. размеры жилищ на рис. 42—44). По подсчетам И. Люнинга, в Питьердомб, где сохранилась лишь средняя часть жилищ, центральные балки весили около 500 кг, а для поднятия такого веса необходимы усилия семи или восьми человек (Lüning 1982). Для выкапывания ям по добыче глины необходима такая же рабочая сила.

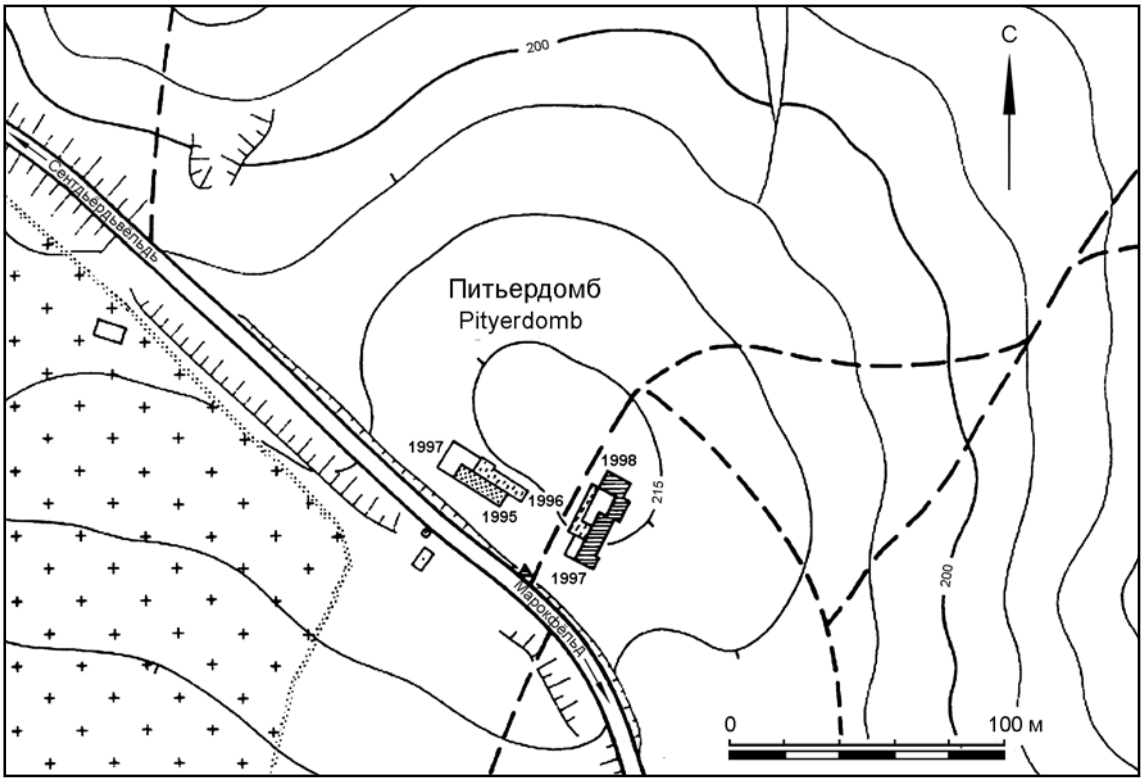

Рис. 40. Сентдьёрдьвёльдь-Питьердомб. План местности вокруг поселения с обозначением раскопанных площадей.

Fig. 40. Szentgyörgyvölgy-Pityerdomb. Contour map showing the excavated area.

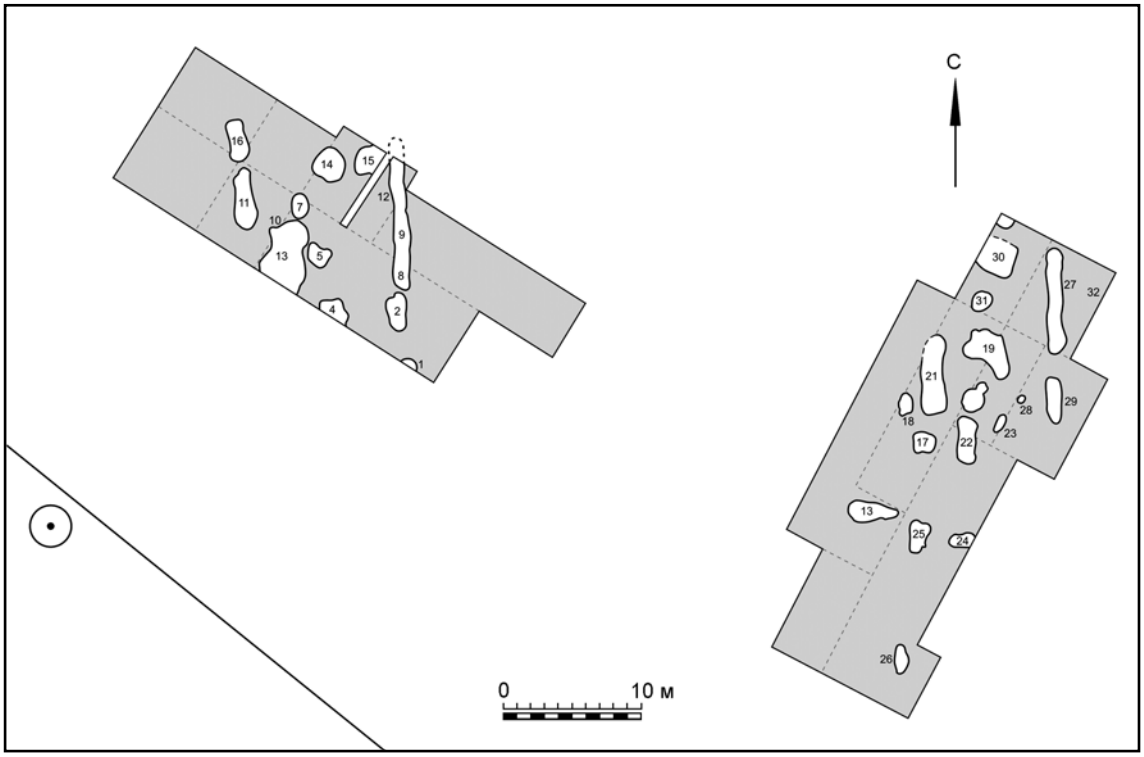

Рис. 41. Сентдьёрдьвёльдь-Питьердомб. Остатки двух жилищ.

Fig. 41. Szentgyörgyvölgy- Pityerdomb. Remains of the two houses.

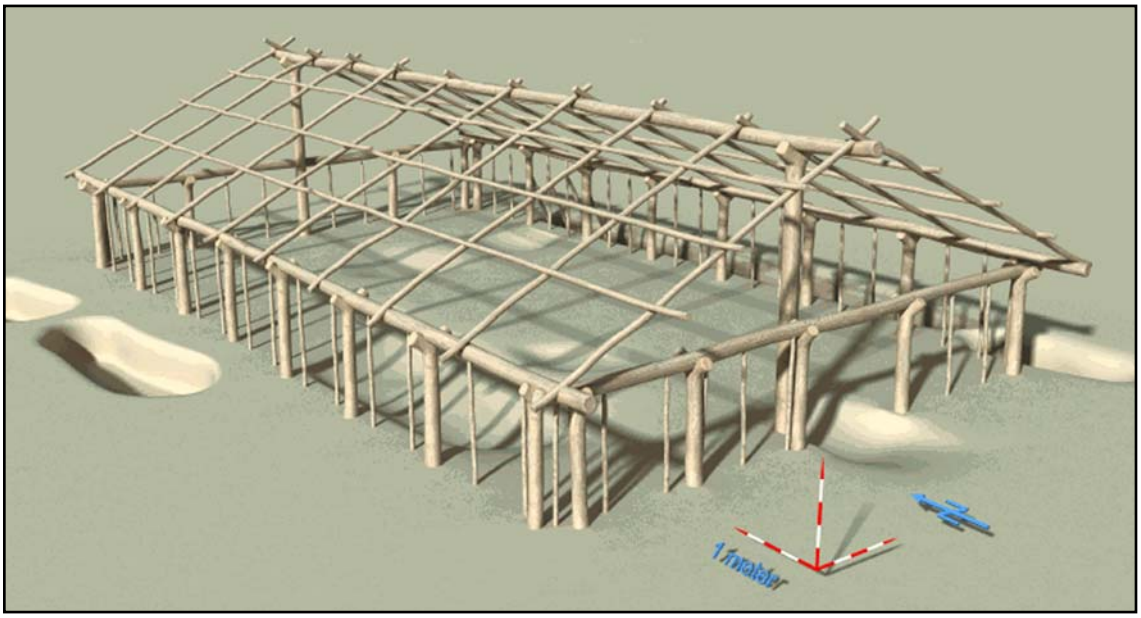

Рис. 42. Сентдьёрдьвёльдь-Питьердомб. Реконструкция строительства жилища 1.

Fig. 42. Szentgyörgyvölgy-Pityerdomb. Reconstructing of the building process of House I.

Рис. 43. Сентдьёрдьвёльдь-Питьердомб. Реконструкция строительства жилища 1.

Fig. 43. Szentgyörgyvölgy-Pityerdomb. Reconstructing of the building process of House 1.

В раскопе I было обнаружено 15 углубленных объектов. За исключением располагавшегося поодаль объекта 1, положение которого не определено надежно, все остальные связаны с одной постройкой: объекты 2, 8, 9 и 12, а также 11 и 16 были частью длинной ямы, направленной на север (рис. 45). Вероятно, эти ямы маркируют протяженность жилища; другими словами, обитаемая часть постройки была ограничена пространством между этими сооружениями. Учитывая, что расстояние между внутренними стенками этих ям состав-

Рис. 44. Сентдьёрдьвёльдь-Питьердомб. Реконструкция жилища 1.

Fig. 44. Szentgyörgyvölgy-Pityerdomb. Reconstruction of House 1.

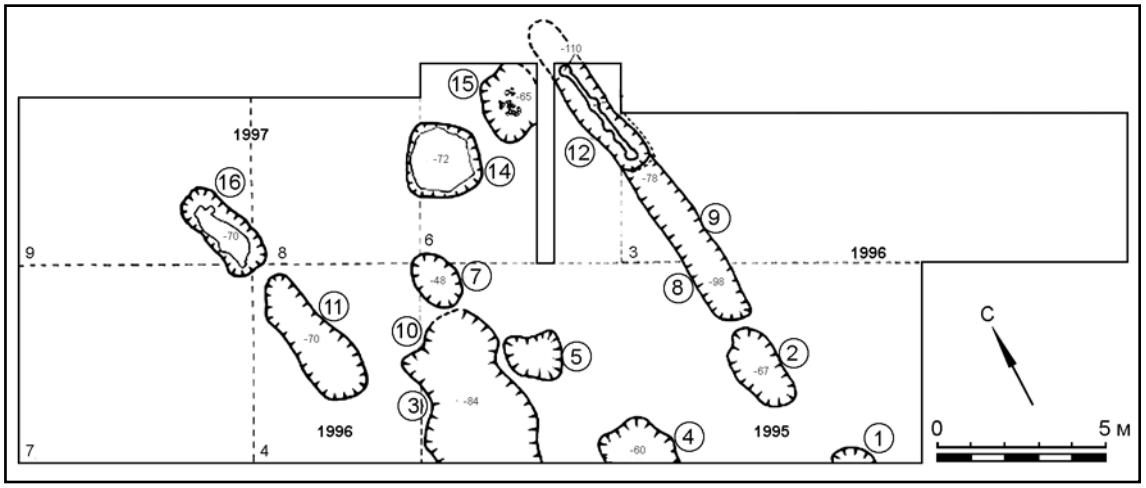

Рис. 45. Сентдьёрдьвёльдь-Питьердомб. Объекты, связанные с жилищем 1.

Fig. 45. Szentgyörgyvölgy-Pityerdomb. Features of House 1.

ляло 9,5 м, ширина дома не могла превышать это значение, хотя ширина в 8—8,5 м является более предпочтительной. Вход в жилище располагался с южной стороны, не очень далеко от тройной столбовой ямы (объект 4).

Это сооружение представляло собой глубокую, неправильной формы яму, которая содержала столбовые ямки от трех крупных столбов. В заполнении столбовых ямок были обнаружены следы обугленного дерева. К сожалению, пространство к югу не могло быть исследовано из-за деревьев и кустов возле дороги, но в ходе земляных работ мы имели возможность следить за выемкой грунта, который не содержал каких-либо археологических слоев, включений или находок. Похоже, объект 4 и столбовые ямки маркируют южный край дома, который, в таком случае, имел ширину 8 м и длину 13—14 м.

Длинные ямы обладали четкой стратиграфией. Их дно было достаточно быстро заполнено слоем грунта толщиной примерно в 30 см, вероятно, в ходе строительства жилища. Этот слой почти не содержал археологических находок. Далее, ямы были перекрыты остатками обмазки жилища, большая часть

Рис. 46. Сентдьёрдьвёльдь-Питьердомб: a-f — раскопки длинной траншеи жилища 1.

Fig. 46. Szentgyörgyvölgy-Pityerdomb: a-f — excavating the long ditch of House 1.

которой обрушилась на восточные длинные ямы, сохраняя материал *in situ* (рис. 46).

Объекты внутри жилища были неглубокие, неправильной формы. Тем не менее, у них была одна общая черта с длинными ямами, а именно, схожая структура заполнения. Под обмазкой было обнаружено большое количество находок: множество каменных орудий и фрагментов керамики, а также несколько целых сосудов, лежавших горизонтально на уплотненном слое. Вероятно, этот слой можно рассматривать в качестве пола жилища или поверхности обитания поселения. К сожалению, пол не подвергся воздействию огня, за исключением отдельных участков в 1—2 кв. м, и сохранился довольно плохо.

Похоже, небольшие ямки, обнаруженные за пределами жилища I в Питьердомб, также служили для столбов, поддерживающих навес крыши (Lüning 1988: 290—292). Однако, только одна сторона крыши поддерживалась дополнительными столбами — вероятно, она сильно провисла и нуждалась в ремонте (Lüning 1997).

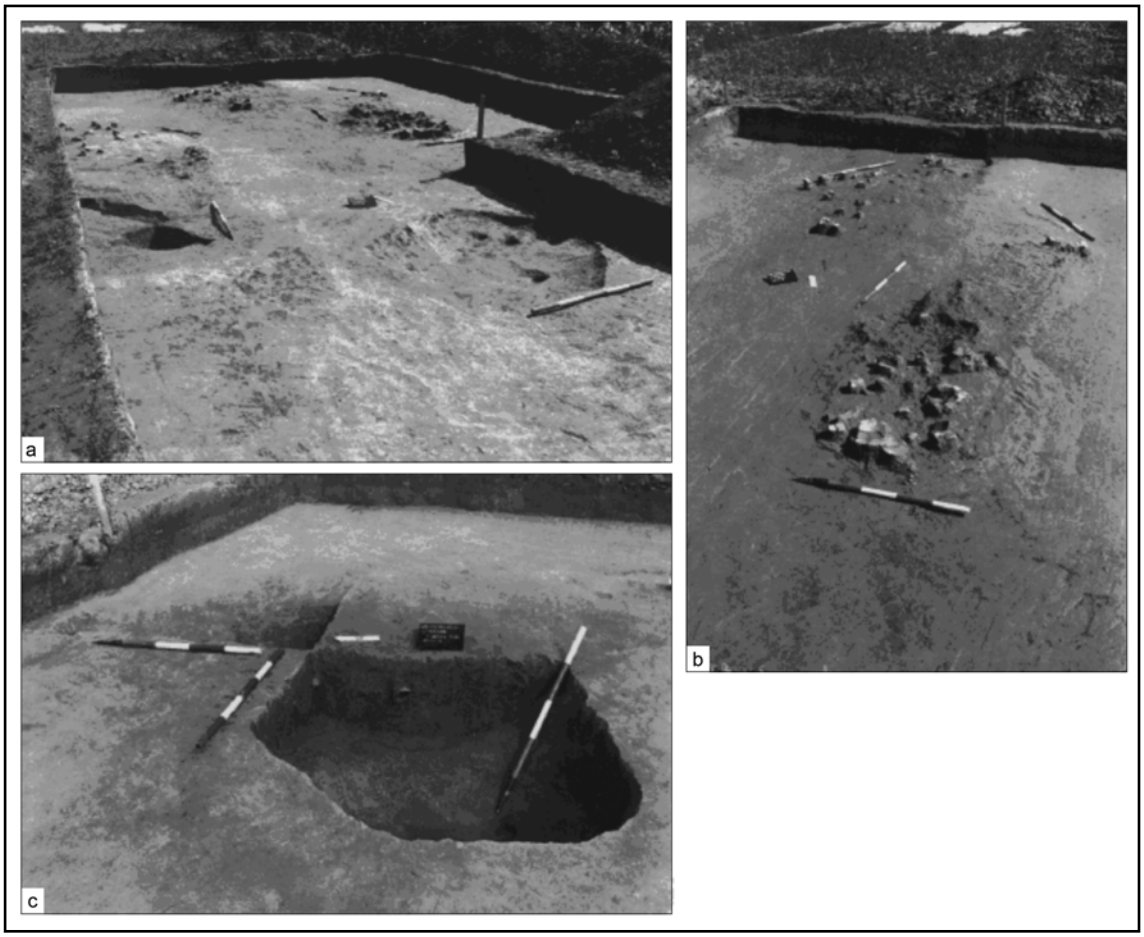

Рис. 47. Сентдьёрдьвёльдь-Питьердомб: a-c — скопления обмазки в раскопе II.

Fig. 47. Szentgyörgyvölgy-Pityerdomb: a-c — surface of excavation II with burnt patches of daub.

Интерпретация жилища №2 более проблематична; в особенности это касается четырех объектов, которые не могли быть частью дома (рис. 47). В то же время, судя по их расположению, они также не могли относиться и к какому-то другому (третьему) жилищу.

Несомненным указанием на то, что определенные виды деятельности проводились во дворе, вне жилища, является находка открытого очага (объект 18) возле западной стороны дома (рис. 48). Его толстый, сильно, до красного цвета, обожженный под лежал под золистым слоем, перемешанным с углем.

Объект 17 представлял собой округлую неглубокую яму, находящуюся недалеко от юго-западного угла дома. Вдоль одной из ее сторон присутствовал ряд небольших, глубоких ямок — вероятно, для ножек конструкции типа стойки или небольшой скамьи. Относительно однородное заполнение ямы содержало много угля и большое количество каменных орудий, включая несколько нуклеусов и множество мелких отщепов. Очевидно, речь идет о своего рода мастерской. Е. Леннейс уже указала, что подобные ямы-мастерские часто находятся у юго-западного угла ранних жилищ КЛЛК (Lenneis 1989: 33).

С жилищем №2 можно связать следующие объекты: 21 на западной стороне, 27 и 29 на восточной стороне (эти длинные, направленные на север ямы маркировали продольные стороны жилища) и 22 у южной оконечности жилища. Из-за отсутствия адекватного финансирования и хронической нехватки времени нам не удалось исследовать северную часть жилища, которая, судя по находкам с поверхности, была нарушена эрозией. Тем не менее, обнаруженные там фрагменты обмазки и другие находки указывают, что длина постройки составляла не более 13—15 м, а ширина — около 7 м, судя по расстоянию в 7,60 м между ямами за пределами жилища (рис. 49).

Внутри жилища был обнаружен объект 20, представляющий собой тщательно построенный очаг, который, вероятно, использовался на протяжении достаточно длительного времени. Его под, сильно обожженный, имел

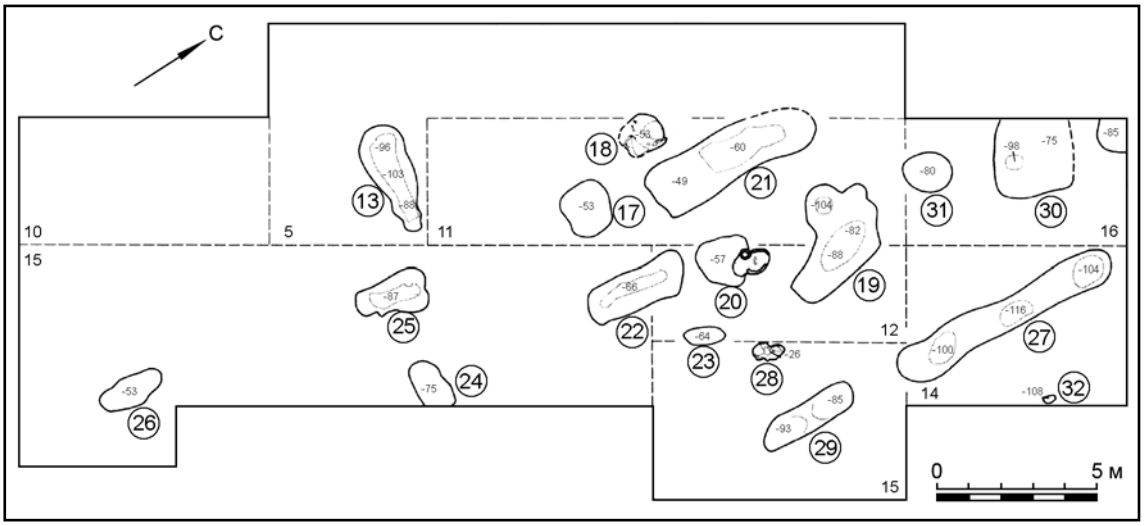

Рис. 48. Сентдьёрдьвёльдь-Питьердомб. Объекты в раскопе II.

Fig. 48. Szentgyörgyvölgy-Pityerdomb. Features of Surface II.

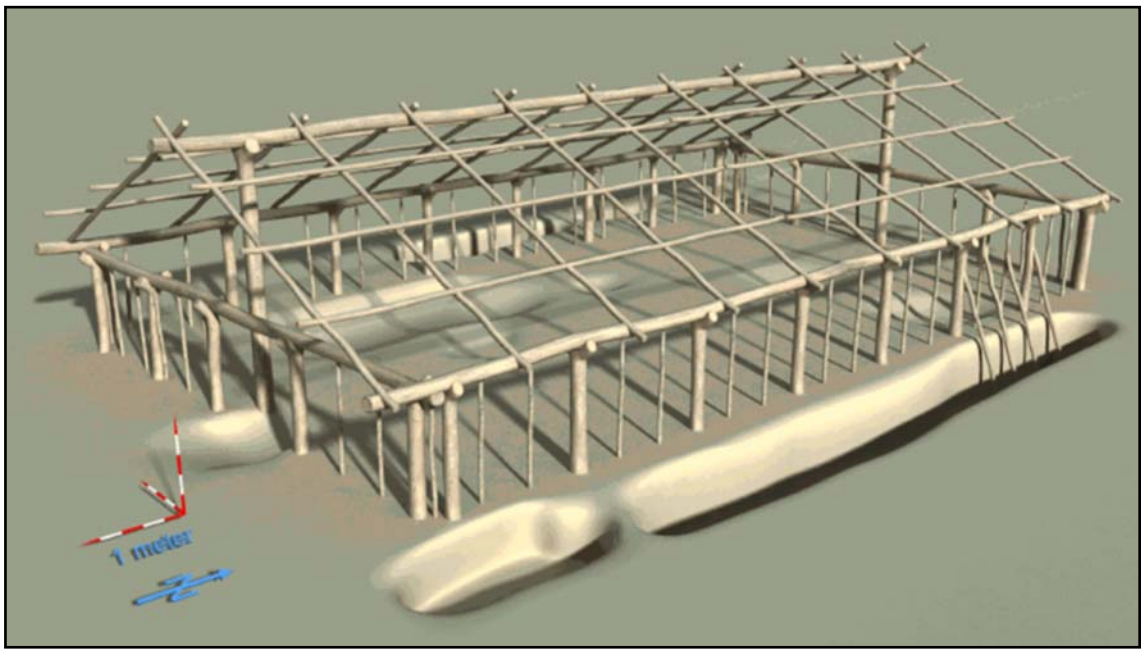

Рис. 49. Сентдьёрдьвёльдь-Питьердомб. Реконструкция строительства жилища 2.

Fig. 49. Szentgyörgyvölgy-Pityerdomb. Reconstructing of the building of House 2.

ободок высотой в 6—8 см. Перед очагом располагалась крупная и глубокая яма с золой (рис. 50).

Это жилище и объекты вокруг него следует интерпретировать примерно таким же образом, как и жилище 1. Ряд длинных, направленных на север ям, находящихся на расстоянии в 7,60 м друг от друга, был выкопан для добычи глины перед постройкой жилища. Это указывает на ширину постройки — около 7 м. Впоследствии эти ямы служили для отвода воды, а также защищали стены дома от грызунов и других животных. И в этом случае северо-восточная часть жилища нуждалась в дополнительном укреплении, на что указывает несколько небольших столбовых ямок внутри длинной ямы. Вероятно, это объясняется преобладающим направлением ветра, который наносил больше повреждений крыше на той стороне, или же воздействием дождевой воды. С другой стороны, возведение опоры, поддерживающей край крыши именно с той стороны, могло просто отражать некую архитектурную традицию.

Жилище №2 выделяется наличием двух очагов: одного во дворе с западной сторо-

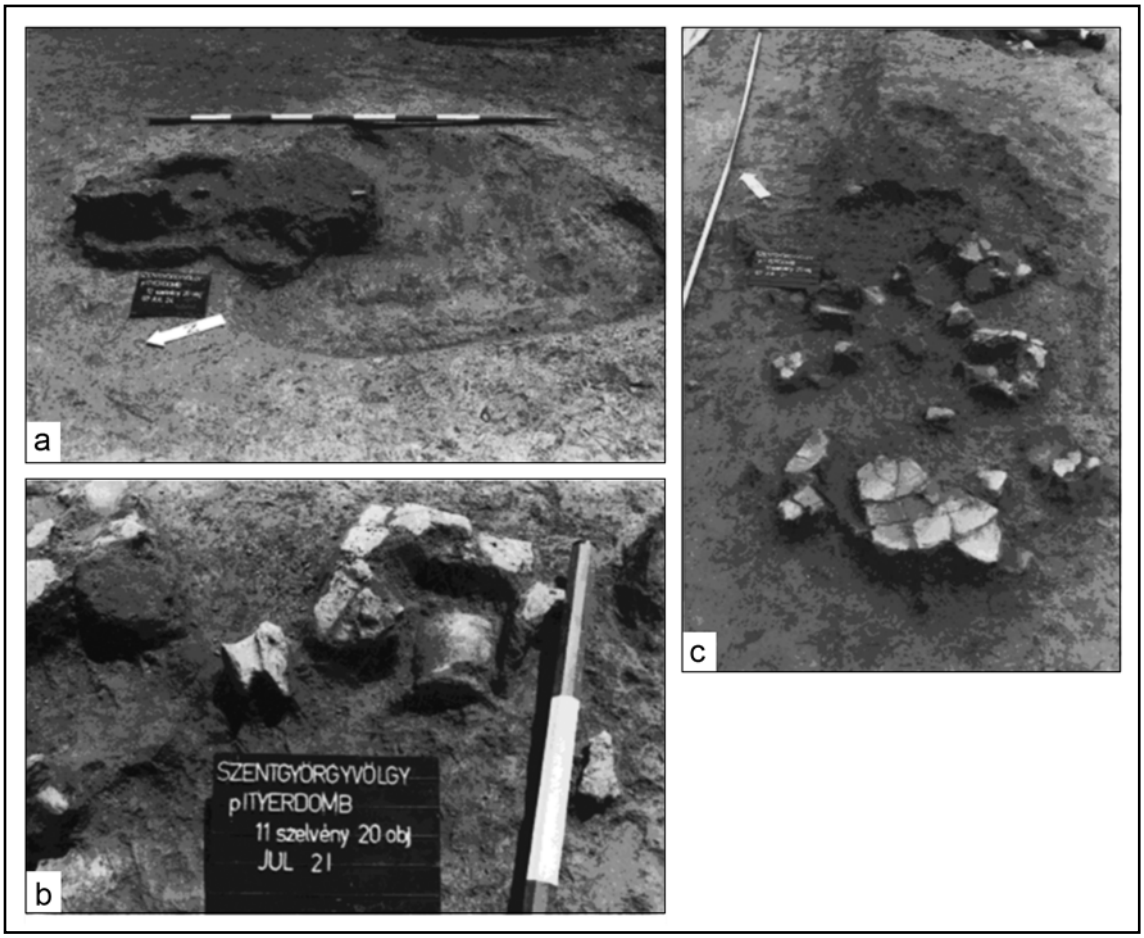

Рис. 50. Сентдьёрдьвёльдь-Питьердомб: a-c — очаг внутри жилища 2.

Fig. 50. Szentgyörgyvölgy-Pityerdomb: a-c — the fireplace inside House 2.

ны дома, другого — у южного входа в дом. Похоже, второй очаг использовался достаточно долго. Вероятно, огонь этого очага мог стать причиной возгорания деревянных конструкций, которое привело к разрушению крыши и всего дома. Большое количество обугленных фрагментов дерева (остатки крыши?) находилось в нижнем слое обмазки. Образцы дерева, взятые из объекта 20, показали присутствие дикой черешни, которая могла быть использована для изготовления небольшой мебели (скамьи?) или в качестве дров для последнего огня. Дуб и бук также присутствовали среди образцов, собранных вокруг объекта 20; эти виды дерева могли происходить с обрушившейся крыши.

Разрушивший жилище пожар был очень быстрым и интенсивным. Стены и крыша обрушились на сосуды и каменные орудия, лежавшие внутри постройки. Очевидно, многие сосуды были разбиты именно таким образом.

На основании размеров описанные жилые постройки могут быть причислены к средним «*Bauten*» или небольшим «*Kleinbauten*» по типологии жилищ КЛЛК Центральной Европы, составленной П. Ж. Р. Моддерман (Modderman 1972). Ближайшие параллели можно обнаружить на поселениях Розенбург, Штрёген и Брунн/Гебирге-Вольфхольц II в Нижней Австрии (Lenneis et al. 1996; Lenneis 1995; Stadler 1999; 2005; Stadler-Kotova 2010). Хорошие аналогии удлиненным ямам для добычи глины, расположенным вдоль стен, известны из Брунн II, Шванфельд, Ванг и Брухенбрюкен в Германии (Lüning, Modderman 1982; Lüning 1984; Lüning 1987; Stäuble 1997: 5—66).

Таким образом, раскопанные в Питьердомб жилища соответствуют постройкам, известным на других памятниках ранней КЛЛК в Центральной Европе (рис. 51).

Для изготовления керамики с обоих раскопов использовалась сходная технология (рис. 52). В большинстве случаев в качестве оттощителей применялись дресва и песок; иногда гончары добавляли в тесто ша-

Рис. 51. Сентдьёрдьвёльдь-Питьердомб. Реконструкция поселения.

Fig. 51. Szentgyörgyvölgy-Pityerdomb. Reconstruction of the site.

мот. Некоторые горшки были довольно низкого качества: обжиг был плохим, а сушили их, похоже, на солнце. Только десять фрагментов происходят от тщательно изготовленных сосудов, тесто которых не содержало органических примесей; остальная керамика (всего с памятника получено около 15000 фрагментов) была изготовлена с примесью песка и дресвы.

Использование дресвы в качестве оттощителя было неизвестно в раннем неолите Юго-Восточной Европы — например, в Греции, — и появилось только в культурах Кёрёш-Криш и Старчево на севере данного культурного ареала. На многих поселениях поздней фазы культуры Старчево наблюдается сокращение использования органических оттощителей (Radovanović 1996: 319), в то время как в Славонии и Задунавье дресва широко применялась вплоть до финальной фазы (спиралевидной В). Примечателен цвет керамики из Питьердомб — светло-красный или кирпичный: это означает, что сосуды обжигались с доступом кислорода, что характерно для большинства ранненеолитической керамики. В изломе большинство черепков были многослойными, с серединой черного цвета и красной внутренней и внешней поверхностью, что характерно для низкотемпературного обжига, не более 550—650°C (Minichreiter 1992). В целом, считается, что температура обжига ранненеолитической керамики не превышала 700°C (Yiouni 1996: 70; Manson 1995).

Достаточно многочисленна посуда с красноватым ангобом, большая часть которой была тщательно заглажена (рис. 53). Изначально пропорция керамики такого типа была выше, учитывая то, что кислотная почва зачастую полностью разрушила поверхность сосудов. Во многих случаях это затронуло не только ангоб, но и орнамент (спирали) черного цвета. Иногда внутри сосудов заметен осадок в виде черного слоя (рис. 59). Помимо т. н. столовой посуды, красный ангоб часто покрывал внешнюю, а иногда и внутреннюю, поверхность кухонной керамики.

Среди мисок встречаются экземпляры с более или менее ребристым профилем (рис. 54; 55). Важным признаком является выгнутая верхняя часть. Известны и миски с S-видным или полуокруглым профилем, а также, весьма редко, округлые кружки. В большом количестве представлены сосуды на поддонах двух типов: высокие конические и низкие, напоминающие кольцевую подставку (рис. 56). Профили кружек довольно разнообразны, они имитируют формы мисок. Есть и настоящие тонкостенные миниатюрные сосуды, часто покрытые темно-красным ангобом. Помимо вышеупомянутого типа кувшина, все описанные типы керамики известны по другим поздним памятникам Старчево в Задунавье.

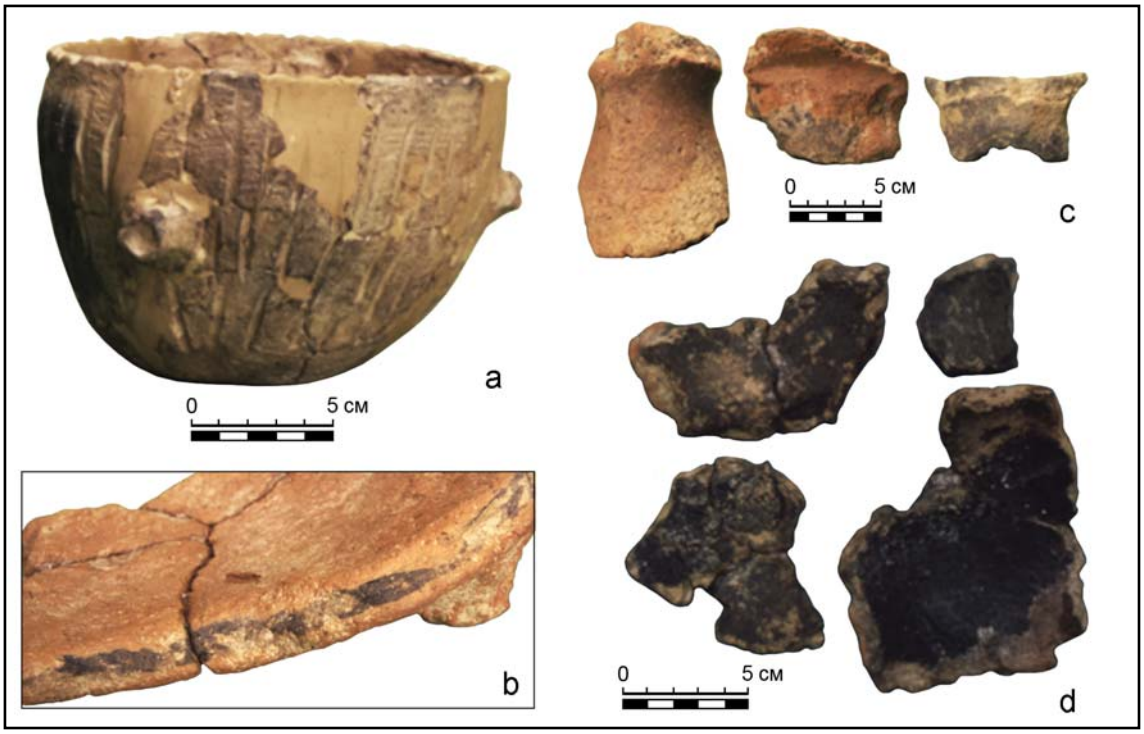

Рис. 52. Сентдьёрдьвёльдь-Питьердомб: a-d — образцы технологии изготовления керамики.

Fig. 52. Szentgyörgyvölgy-Pityerdomb: a-d — models of the technique of pottery-making.

Среди горшков и других сосудов для хранения припасов, выделяется сосуд удлиненно-яйцевидной формы с длинным горлом (рис. 57), аналогии которому известны на недалеко расположенном поселении в Гелленхаза. Горшки часто покрыты барботином типа «Schlickwurf» или декором других, описанных выше, типов (углубленные линии или другие мотивы, пальцевые вдавления). Встречаются налепы, одиночные или парные, которые часто снабжены пальцевым вдавлением в верхней части или разделены нарезками. Кухонная керамика нередко орнаментирована линейным декором, нанесенным ногтевыми отпечатками (рис. 58). Чрезвычайно редко встречаются мотивы из трех параллельных линий или спиральных, волютообразных фигур (рис. 59).

Хотя поверхность посуды сильно разрушена кислотностью почвы, можно отметить достаточно большое количество тонкостенной столовой керамики (рис. 60). С типологической точки зрения это небольшие миски и кружки, нередко с ребристым профилем. Часто верхняя часть сосудов вогнута. Там, где это сохранилось, внутренняя и внешняя поверхность столовой посуды тщательно заглажена. Следует также отметить, что на многих подобных сосудах присутствует своеобразный темно-красный ангоб, характерный для балканской культуры Караново I—II, а также для культур Кёрёш-Криш и Старчево.

Другим важным типом декора являются тщательно отполированные линии («einpolierte Ware»), которые часто образуют концентрические круги, дуги или небольшие сегменты на ребре биконических мисок (рис. 61). Согласно Н. Калиц, эта орнаментация появляется только в поздней Кёрёш-Старчево и в ранней задунайской КЛЛК (Kalicz 1994; 1995).

Итак, керамические типы достаточно близки к посуде Северных Балкан. Тем не менее, существуют определенные мелкие различия, которые указывают на начало новой эры на северной периферии ареала Старчево (рис. 62—64). Важным отличием от других ранних поселений КЛЛК в Задунавье является процент керамики с линейным орнаментом. По сравнению с традиционно называемой «ранней КЛЛК», т.е. с фазой Бичке (Makkay 1978; Kalicz-Schreiber, Kalicz 1992; 1995), в Питьердомб линейный орнамент присутствует не более чем на 0,5% всего керамического инвентаря.

Находкой культового характера можно считать фрагмент сосуда со спиралевидным, «волютным» орнаментом, на котором имеется ручка в виде поднятой вверх человеческой ладони (рис. 65). Вероятно, сосуд принадлежал к категории антропоморфных и имел две руч-

Рис. 53. Сентдьёрдьвёльдь-Питьердомб. Керамика с красным ангобом.

Fig. 53. Szentgyörgyvölgy-Pityerdomb. Pottery — red slipped ware.

Рис. 54. Сентдьёрдьвёльдь-Питьердомб. Керамика с ребристым профилем.

Fig. 54. Szentgyörgyvölgy-Pityerdomb. Pottery — carinated ware.

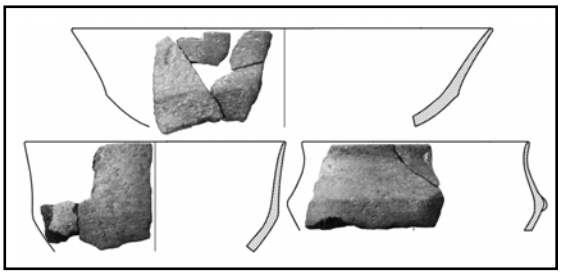

Рис. 55. Сентдьёрдьвёльдь-Питьердомб. Керамика с ребристым профилем.

Fig. 55. Szentgyörgyvölgy-Pityerdomb. Pottery — carinated ware.

ки, расположенные симметрично по обеим сторонам. Такие сосуды типичны для ранней КЛЛК. Другой фрагмент, в виде человеческой ноги, с заглаженной поверхностью и изящным линейным орнаментом, можно сопоставить с антропоморфными сосудами с ножками традиции Старчево из Мостонга I, II и Донья Браньевина (Karmanski 1977: Pl. 33; 1990: Pls. 1/1, 4/1—9); Чирчя (Nica 1977: fig. 12/3); Островул Голу (Lazarovici 1979: Pl. X/27).

Уникальной находкой является практически целая глиняная фигурка крупного рогатого животного — скорее всего, быка (рис. 66; 67). Изящный, асимметричный орнамент в сочетании с ранненеолитическими иконографическими деталями и темно-красной заглаженной

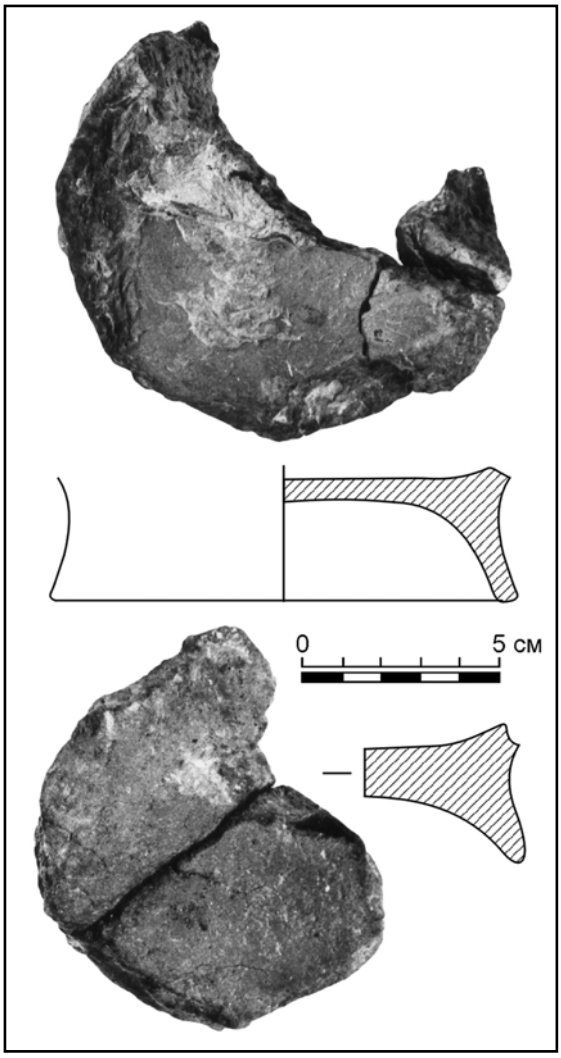

Рис. 56. Сентдьёрдьвёльдь-Питьердомб. Керамика, поддоны.

Fig. 56. Szentgyörgyvölgy-Pityerdomb. Pottery — pedestals.

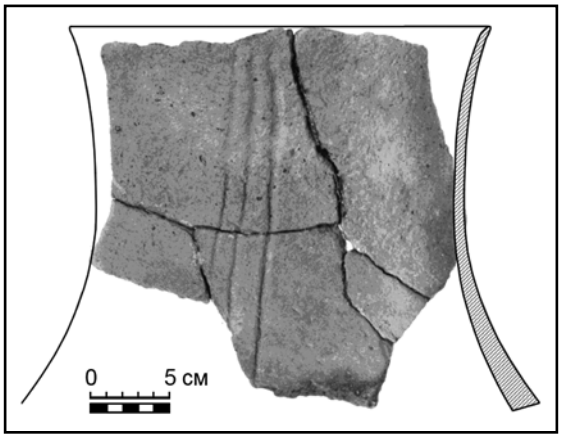

Рис. 57. Сентдьёрдьвёльдь-Питьердомб. Сосуд с длинным горлом.

Fig. 57. Szentgyörgyvölgy-Pityerdomb. Pottery — storage vessel with a long neck.

Рис. 58. Сентдьёрдьвёльдь-Питьердомб. Сосуд с линейным «дождевым» декором.

Fig. 58. Szentgyörgyvölgy-Pityerdomb. Pottery — vessel with linear "rain" pattern.

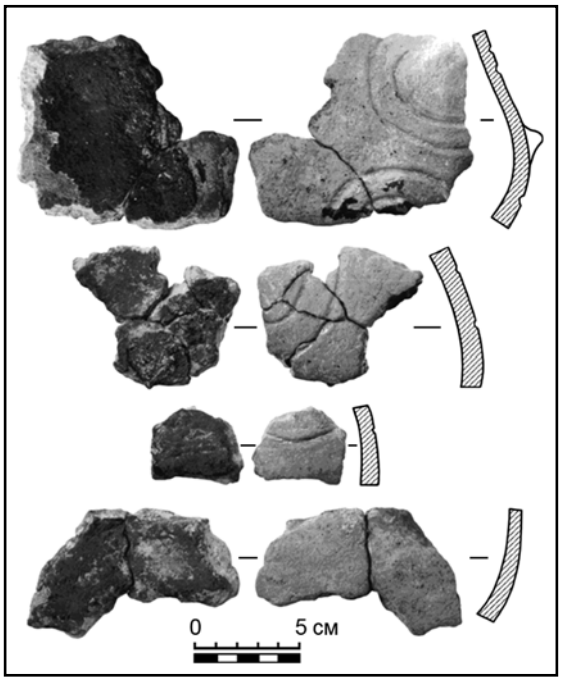

Рис. 59. Сентдьёрдьвёльдь-Питьердомб. Керамика с линейными спиральными мотивами.

Fig. 59. Szentgyörgyvölgy-Pityerdomb. Pottery — linear spiral motifs.

поверхностью, возможно, символизирует формирование нового, центрально-европейского восприятия ранненеолитических традиций Балкан (Stanković 1989—1990; Ciobotaru 1998: Pls. 1/9, 10).

Наибольшее типологическое сходство с керамикой из Питьердомб демонстрируют находки из близлежащих поселений Гелленхаза и Вёрш. Это сходство, равно как и географическая близость, может указывать не только на синхронность памятников, но и на на-

Рис. 60. Сентдьёрдьвёльдь-Питьердомб. Столовая керамика.

Fig. 60. Szentgyörgyvölgy-Pityerdomb. Pottery — fine ware.

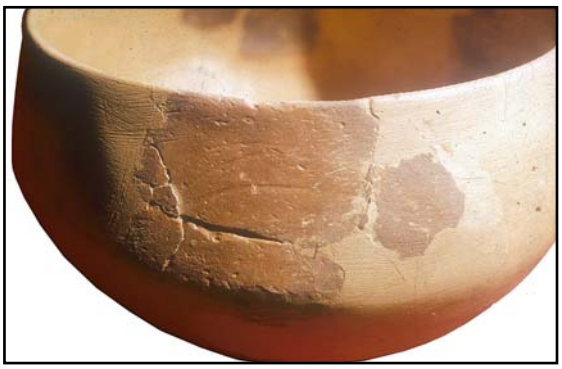

Рис. 61. Сентдьёрдьвёльдь-Питьердомб. Полированные линии на керамике.

Fig. 61. Szentgyörgyvölgy-Pityerdomb. Pottery — smooth incised linear motifs on fine ware.

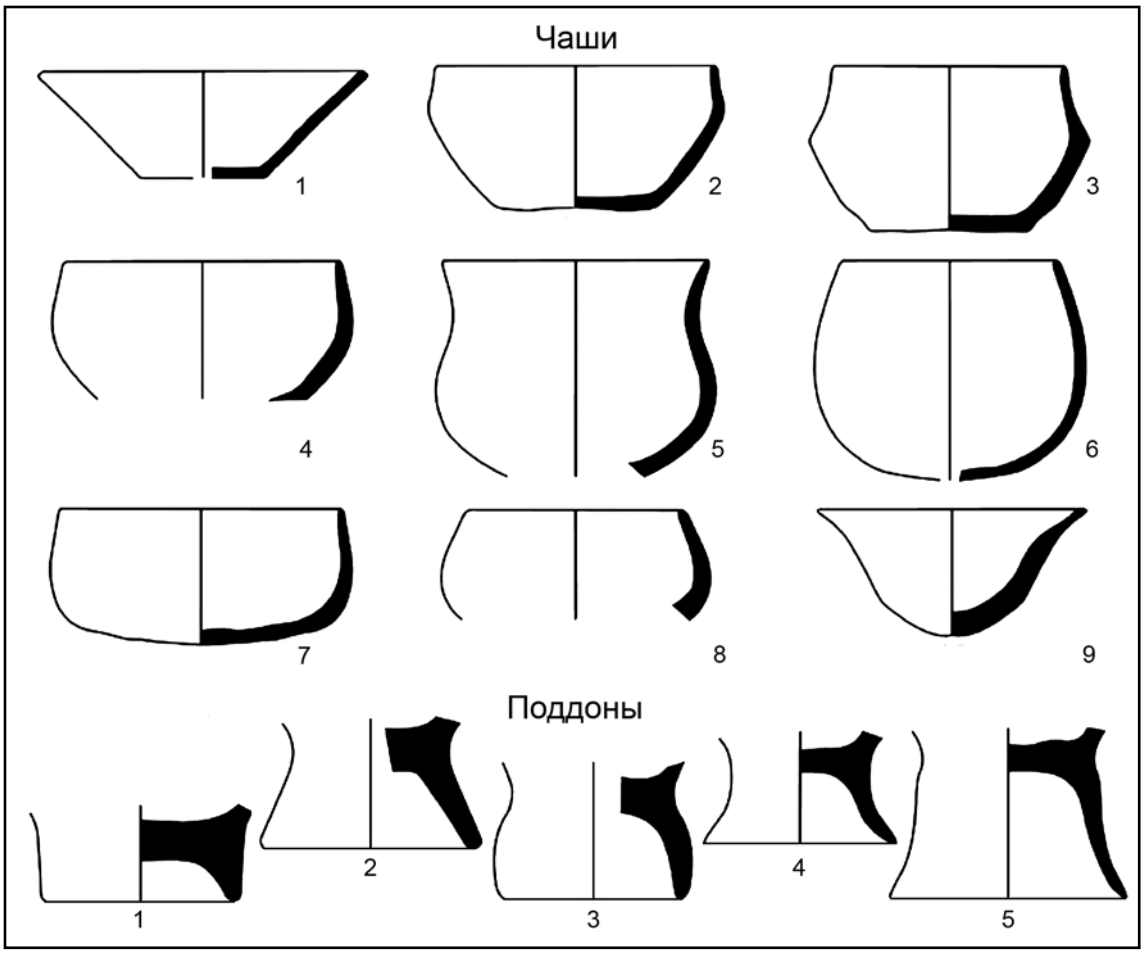

Рис. 62. Сентдьёрдьвёльдь-Питьердомб. Типология керамики. Чаши и поддоны.

Fig. 62. Szentgyörgyvölgy-Pityerdomb. Pottery — typological chart. Bowls and pedestals.

личие живых контактов между носителями традиций поздней Старчево и населением из Питьердомб.

Возможно, к этой группе относится и поселение Брунн II возле Вены, которое можно считать самым ранним памятником КЛЛК. Здесь некоторые признаки (как, например, форма жилищ) напоминают типы КЛЛК, но линейная орнаментация на керамике отсутствует (Stadler, Kotova 2010). Не следует исключать, что различия между двумя поздними территориальными группами Старчево и, соответ-

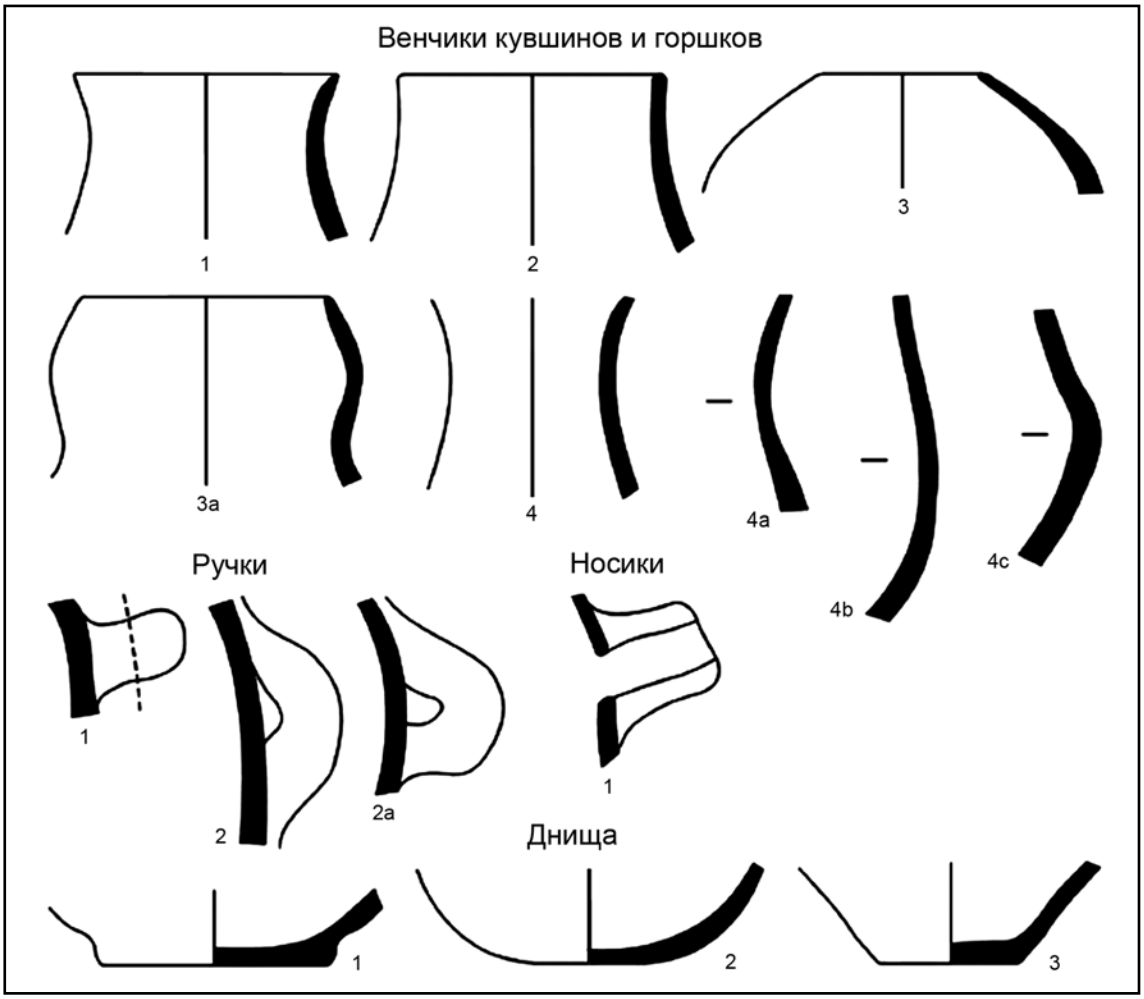

Рис. 63. Сентдьёрдьвёльдь-Питьердомб. Типология керамики. Венчики кувшинов и горшков, ручки, носики, днища.

Fig. 63. Szentgyörgyvölgy-Pityerdomb. Pottery — typological chart. Rims of storage jars and pots; handles; vessel spouts; vessel bases.

ственно, переходные комплексы на северной периферии вызваны присутствием мезолитических групп в данном регионе. Это присутствие пока не может быть доказано прямым путем, но упомянутые выше критерии указывают на участие таких групп в процессе неолитизации к северу от ареала Старчево.

Как уже указывалось, весь многочисленный каменный инвентарь происходит из преисторической шахты в Сентгаль возле Веспрема, в северо-восточном Задунавье. В целом, набор каменных орудий имеет микролитический облик, с выраженными мезолитическими чертами (Biró 2005) (рис. 68; 69). Учитывая большое количество нуклеусов и отщепов, а также исследованный объект к юго-западу от жилища №2 (вероятно, мастерская по обработке кремня), камень, похоже, мог импортироваться в виде сырья из шахты Сентгаль в Питьердомб, где он подвергался дальнейшей обработке.

Учитывая, что камень из Сентгаль использовался уже в позднем мезолите (что подтверждается находками из Южного Задунавья и даже из далекой Южной Моравии), а также на всех поселениях культуры Старчево от озера Балатон к реке Драва, можно предположить, что главным показателем, а возможно, и главной причиной процесса неолитизации Западного Задунавья явилась именно необходимость в развитии обменных и культурных связей, существовавших уже среди местных охотников-собирателей до прихода переселенцев с Балкан. Принимая во внимание очень быстрое распространение ранних групп КЛЛК, можно предположить наличие уже существовавших, преднеолитических, хорошо известных маршрутов, которые повторно использовались смешанным населением, состоявшим из старчевских переселенцев и местных охотников-собирателей. Таким образом, в этом регионе можно отметить существование

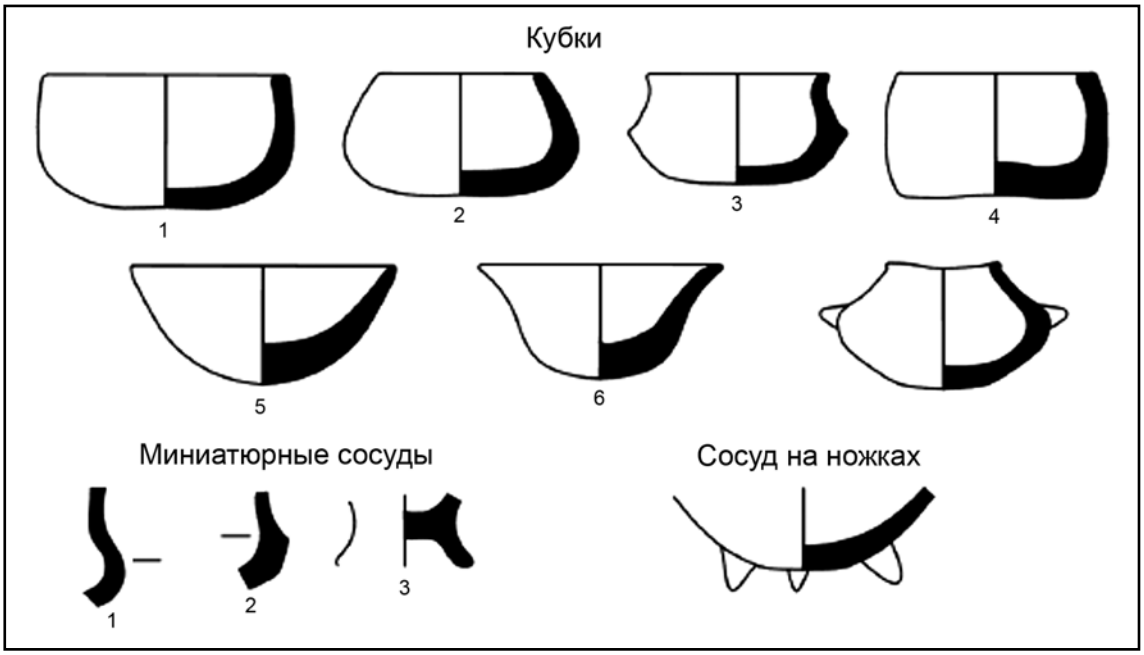

Рис. 64. Сентдьёрдьвёльдь-Питьердомб. Типология керамики.

Fig. 64. Szentgyörgyvölgy-Pityerdomb. Pottery — typological chart.

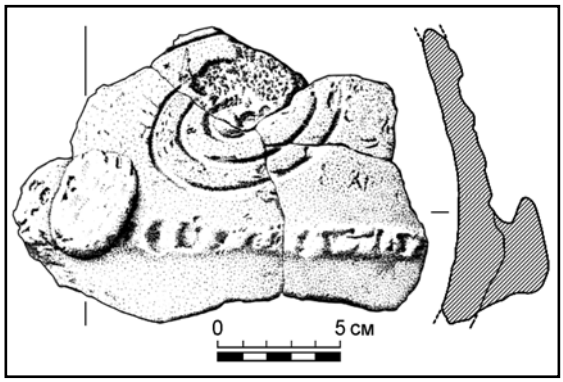

Рис. 65. Сентдьёрдьвёльдь-Питьердомб. Фрагмент антропоморфного сосуда.

Fig. 65. Szentgyörgyvölgy-Pityerdomb. Fragment of an anthropomorfic vessel.

Рис. 66. Сентдьёрдьвёльдь-Питьердомб. Зооморфная фигурка.

Fig. 66. Szentgyörgyvölgy-Pityerdomb. Figure of a bovide animal.

контактной зоны и долговременных обменных, а также других форм взаимоотношений. Раскопки на поселении в Сентдьёрдьвёльдь-Питьердомб стали первыми крупными исследованиями, позволившими изучить детали данных процессов.

Проблемы неолитизации Восточного и Северного Задунавья

Большинство поселений медье Фейер в северо-восточном Задунавье, опубликованных Яношем Маккай (Makkay 1970), относится к развитым фазам (рис. 70). Единственным более ранним исключением является Бичке, которое Я. Маккай сделал эпонимным для ранней КЛЛК Задунавья. Тем не менее, похоже, оно не представляет собой первоначальную, самую раннюю фазу культуры. На территории Задунавья есть некоторые регионы, где присутствует как самая ранняя керамика типа Шармеллек-Питьердомб, так и несколько более поздняя посуда типа Бичке. Однако следует принимать во внимание, что этот феномен может отображать географические различия. На протяжении десятилетий старшая КЛЛК в северо-восточном Задунавье была представлена лишь материалом типа Бичке, пока Рожой Калиц-Шрайбер и Нандором

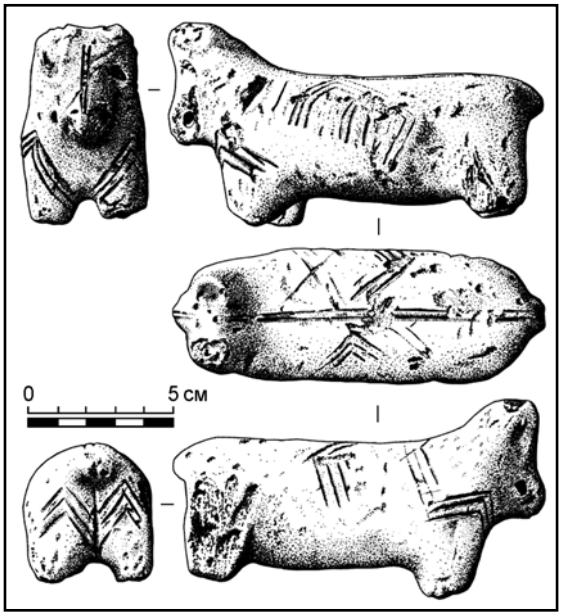

Рис. 67. Сентдьёрдьвёльдь-Питьердомб. Зооморфная фигурка.

Fig. 67. Szentgyörgyvölgy-Pityerdomb. Figure of a bovide animal.

Калиц не был исследован памятник еще более ранней КЛЛК (Kalicz-Schreiber, Kalicz 1992; Kalicz, Kalicz-Schreiber 2002) (рис. 71). Речь идет о поселении Будапешт-Араньхедьи ут, располагавшемся в болотистой придунайской низменности в Аквинкуме, в северной Буде. Интересно, что количество известных поселений старшей КЛЛК не увеличивается со временем. Топографическое описание регионов Эстергом и Дорог не содержит каких-либо находок керамики ранней КЛЛК (Horváth, Kelemen, Torma 1979). Как мы увидим, схожая ситуация прослеживается и вдоль северного берега Дуная, в юго-западной Словакии. Поселения данного типа отсутствуют как возле Дуная, так и в области Чаллокёз на самой последней карте, которую опубликовал Юрай Павук в 1994 г. (Pavúk 1994: 147). В данный момент причины подобного хиатуса остаются загадочными. Контакты между поселениями КЛЛК в Бургенланде и Нижней Австрии и Задунавьем показывают, что основной маршрут миграции должен был проходить по долине Дуная. Остается надеяться, что будущие исследования позволят разрешить этот вопрос.

В связи с этими наблюдениями следует упомянуть гипотезу о ходе неолитизации юго-западной Словакии, предложенную Павуком. Его взгляды, неизменные на протяжении многих десятилетий (Pavúk 2004; 2013), сегодня могут быть оспорены на основании следующих аргументов. Принимая раннюю теорию Я. Лихардуса о «прото-КЛЛК» (Lichardus 1972), Ю. Павук сделал два предположения (Pavúk 1962; 1972; 1980a; 1980b; 1994, 2013). Первое из них гласило, что тип общества и образ жизни КЛЛК зародился в юго-восточной Словакии. Другой, более причудливый, аспект его тезисов связан со временем появления линейной керамики. Ю. Павук отделял развитие КЛЛК от культурных и этнических импульсов с Балкан, как для Альфёльда, так и для Задунавья (последний регион представляет больший интерес благодаря своей близости к Словакии). По мнению Ю. Павука, переход к неолиту и начало использования керамики происходили не только совершенно обособленно от культуры Кёрёш-Старчево (и, соответственно, от влияния последней на бассейн Нитры), но и произошли намного раньше поздней фазы Старчево, а именно в период, соответствующий ранней/классической Старчево. Ю. Павук отнес неоспоримые сходные элементы между Старчево и КЛЛК на счет более поздней, южной экспансии групп из бассейна Нитры, в ходе которой носители КЛЛК взаимодействовали с группами Старчево спиралевидной фазы В в Задунавье. Чтобы доказать сложность и длительность процесса, он разделил раннюю фазу КЛЛК в западной Словакии на четыре подфазы: Ньитра, Гурбаново, Биня и Милановце (Pavúk 1980a: 40—47). Мягко говоря, подобная категоризация является неясной и сомнительной, поскольку основывается лишь на технологии изготовления и достаточно редких орнаментальных мотивах на посуде. Только в Биня была обнаружена столовая керамика биконических форм; на всех остальных поселениях преобладает толстостенная кухонная посуда. На основании одной лишь кухонной керамики построение подробной типологической классификации и разделение хронологических горизонтов является проблематичным, если даже вообще возможным.

В отличие от нескольких десятков черепков, охарактеризованных Ю. Павуком, Отто Трогмайер исследовал десятки тысяч фрагментов керамики, но не смог построить внутреннюю хронологию культуры Кёрёш (Trogmayer 1968). Неразрешенность вопроса о внутренней хронологии Кёрёш является одной из «больших задолженностей» венгерских преисторических исследований. Изучение Марией Кладдерс посуды КЛЛК привело к сходному результату: по ее мнению, различия имеют под собой региональную, а не хронологическую основу (Cladders 1995).

Следует также указать, что большая часть рассматриваемой керамики происходит

Рис. 68. Сентдьёрдьвёльдь-Питьердомб. Каменные орудия.

Fig. 68. Szentgyörgyvölgy-Pityerdomb. Chipped stone implements.

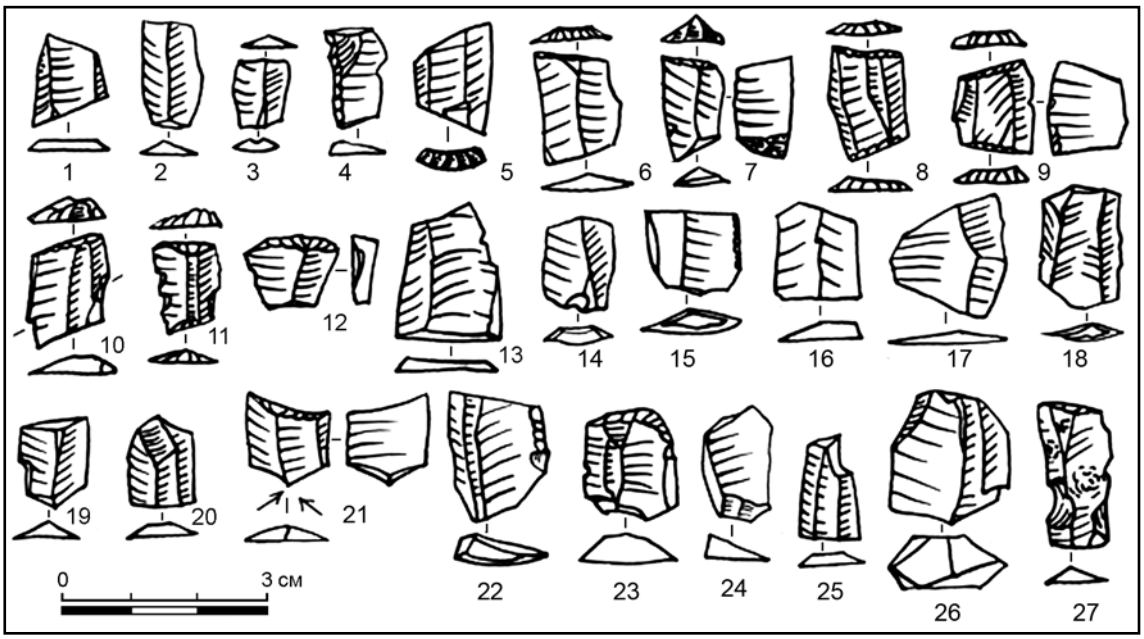

Рис. 69. Сентдьёрдьвёльдь-Питьердомб. Каменные орудия.

Fig. 69. Szentgyörgyvölgy-Pityerdomb. Chipped stone implements.

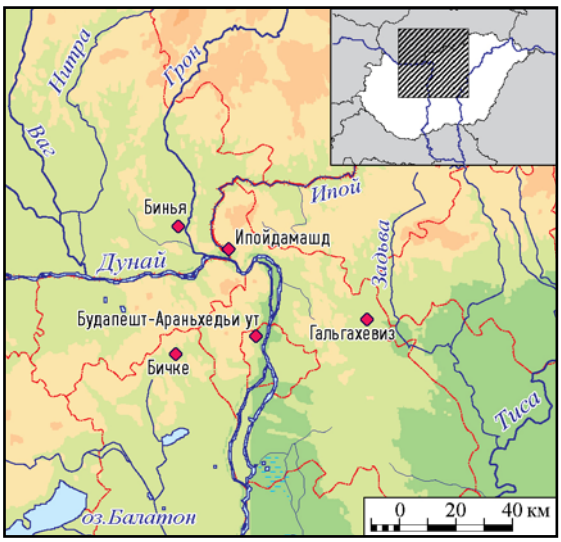

Рис. 70. Поселения КЛЛК на Северном Дунае.

Fig. 70. The distribution of LBK sites at the Northern Danube area.

из небольших шурфов или из немногих ям, открытых в ходе маломасштабных раскопок; лишь некоторые комплексы являются закрытыми, а «фаза Гурбаново» выделена исключительно на основе немногочисленных находок с поверхности.

Сравнительно недавно Йорг Петраш рассмотрел проблему «прародины» КЛЛК с точки зрения демографии (Petrasch 2001). По его подсчетам, в северном Задунавье, юго-западной Словакии и нижней Австрии в начале неолитической эпохи могло проживать не более пяти тысяч человек. Петраш заключил, что этот регион мог являться скорее своеобразной остановкой на пути экспансии КЛЛК, чем отправной точкой. Он также указал, что КЛЛК, вероятно, образовалась в регионах Зала, Баконь и южной части области вокруг озера Фертё (Нёйзидлер-Зе); то есть в западном Задунавье (Petrasch 2001: 17).

По моему мнению, несмотря на ошибочную датировку, Ю. Павук был прав в одном аспекте: керамические комплексы, состоящие из небольших, стертых фрагментов плохого качества, могут и в самом деле рассматриваться в качестве наследия культуры местного населения, по аналогии с такими же находками вокруг озера Балатон. Однако это население вряд ли пришло к изготовлению керамики самостоятельно; более вероятным является заимствование этой инновации, вместе с другими элементами неолитического комплекса, от неких групп, располагавшихся на окраине ареала Старчево или, скорее, от групп, образовавшихся вследствие смешения между южными переселенцами и местными сообществами. Керамику типа Нитра все же следует связывать с ранней посудой КЛЛК в Балатоне, где отсутствие столовой керамики и какой-либо орнаментации также наблюдается на ряде поселений, например, Шармеллек, Ревфюлёп, Балатонсепезд, Тапольца-Плебаниакерт. Вероятно, вследствие определенных культурных влияний на территорию Задунавья, проживающие в северной части Кишальфёльда аборигенные группы также попытались изготовлять керамику.

Недавно фрагменты керамики ранней КЛЛК, схожей с посудой из Будапешта-Араньхедьи ут, были также обнаружены и к востоку от Дуная, на поселении Гальгахевиз (Kalicz, Kalicz-Schreiber 2002: 29—30). К северу от Дуная, восточнее гор Бёржёнь, профиль сосуда ранней КЛЛК был обнаружен в Ипойдамашд — к сожалению, на поверхности поселения (Torma 1993: 111, памятник 9/4 и Pl. 1). За исключением этого единственного черепка, все другие фрагменты керамики КЛЛК относятся к «нотной» фазе или к фазе Желиз! В данный момент эти разрозненные находки не способны предоставить ответы на вопросы, связанные с неолитизацией северо-восточного Задунавья. Наоборот, эти данные поднимают новые вопросы: о гипотетических контактах между задунайской КЛЛК и поздним мезолитом — ранним неолитом области Ясшаг, а также относительно возможных контактов с группой Сатмар II, т. е. с наиболее ранней КЛЛК на отрогах Матра и Бюкк Альфёльда. Определенно, даже для постановки более адекватных вопросов, мы нуждаемся в намного большем количестве данных, не говоря уже об ответах на эти вопросы.

Возможные причины отличий

Первым и наиболее адекватным объяснением различных путей перехода к неолиту является следующее: даже в пределах небольшого региона разные модели неолитизации встречаются в различной объеме и подразумевают различную степень коммуникации с местными племенами (рис. 72). Существует два региона: долина Дравы и окраина Альфёльда у гор Бюкк-Матра, где интенсивные миграции с юга обеспечили преобладание переселенцев над местным населением, чье участие в формировании неолитического комплекса было слабым. Другой крайностью данного процесса являлась область Ясшаг, по крайней мере, согласно нашим сегодняшним знаниям. Здесь присутствие аборигенного населения бесспорно, но, в свою очередь, настоящих по-

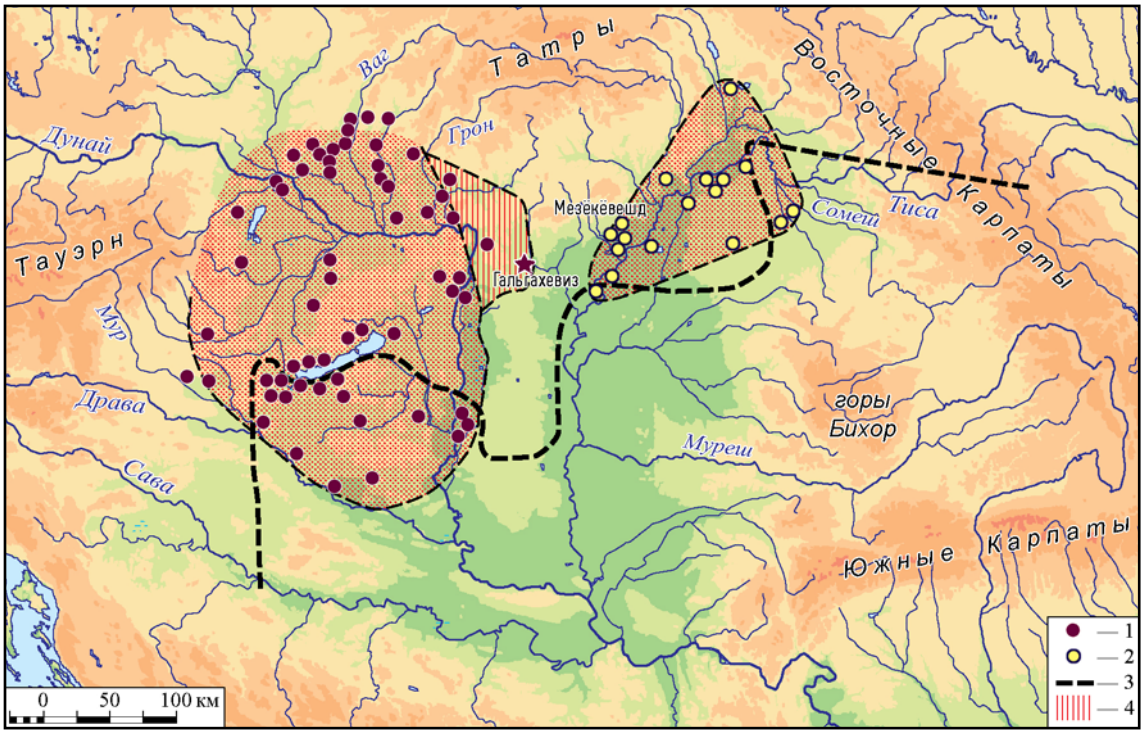

Рис. 71. Задунайская КЛЛК и ее распространение на восток от Дуная. 1 — памятники древнейшей задунайской (среднеевропейской) КЛЛК; 2 — памятники ранней Альфёльдской КЛЛК (Сатмар II); 3 — северная граница распространения комплекса Старчево-Кёрёш-Криш; 4 — новая область распространения древнейшей задунайской (среднеевропейской) КЛЛК на северо-восток (по новым памятникам).

Fig. 71. The Transdanubian LBK extending east of the Danube. 1 — sites of the earliest Transdanubian (Central-European) LBK; 2 — early Alföld LBK (Szatmár II) sites; 3 — northern border of the Starčevo-Körös-Cris complex; 4 — the new region of the spread of the earliest Transdanubian (Central-European) LBK towards north-east (according to new sites).

селений Кёрёш, равно как и переходных элементов, которые могли бы отражать контакты между группами с разным хозяйством, здесь меньше. Мы выявили два региона: западное Задунавье с Балатоном и северо-восточный край Альфёльда (Ньиршег), где контакты между местными охотниками-собирателями и носителями культуры Старчево — в первом случае — и Криш — во втором — являются весьма вероятными. Что касается процесса неолитизации северо-восточного Задунавья и региона вокруг Будапешта, то ситуация остается еще малопонятной, включая проблему спорадических памятников ранней КЛЛК, которые географически располагаются весьма близко к области Ясшаг, таким образом усложняя картину еще сильнее.

Второй вариант ответа исходит из гипотезы экологического барьера (Sümegi, Kertész 2001; Sümegi, Kertész, Hertelendi 2002; Bánffy, Sümegi 2012). Несмотря на иногда совершенно неправильное понимание и оценку этой идеи (Makkay 2003), гипотеза о наличии «Центральноевропейско-балканского агроэкологического барьера» (ЦЕБАЭБ) не подразумевает существование некой границы, которая бы разделяла население с разными способами ведения хозяйства друг от друга. Напротив, этот барьер означает, что климатическая ситуация все сильнее замедляла продвижение земледельцев с Балкан до тех пор, пока они не достигли региона, в котором некоторые элементы неолитического комплекса (включая отдельные виды флоры и фауны) не могли выжить. Таковыми, например, могли быть виды мелкого рогатого скота, которые, очутившись в атлантическом климате западного Задунавья, с влажными зимами, высоким и продолжительным снегом, имели мало шансов пережить зиму. В снегу коротконогое животное попросту утопало бы, что неминуемо приводило к различным внутренним заболеваниям, наподобие пневмонии. Это значит, что прибывающие с юга люди должны были остановиться или двигаться намного медленнее в северном и западном направлениях. Таков был отрицательный импульс. Но экологический барьер обладал и положительным воздействием на процесс неолитизации. Чем больше времени человеческие общины проводили в одной области, тем больше возможностей было у аборигенных малых

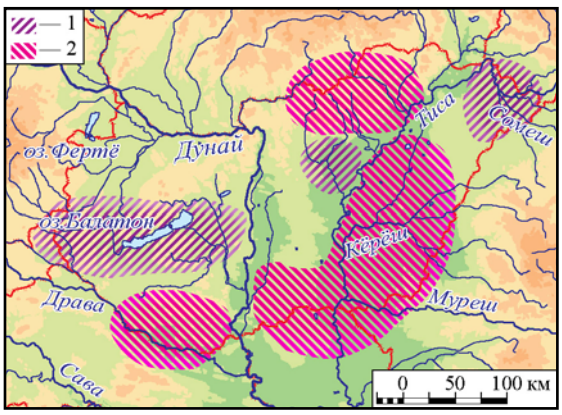

Рис. 72. Карпатский бассейн в середине VI тыс. до н.э.: вариации сценариев перехода к неолиту. 1 — территории с вероятным присутствием местных охотников-земледельцев; 2 — территории с преобладанием переселенцев — первых земледельцев с Северных Балкан.

Fig. 72. The Carpathian Basin at the mid-6th Millennium BC: variations on scenarios of the Neolihic transition. 1 — apparent local forager presence; 2 — stronger presence of first farmers from the North Balkan.

групп наладить более близкие личные, культурные и обменные контакты с пришельцами. Показательным для этого долговременного процесса является регион Балатона, где на это сосуществование указывает ряд прямых и косвенных аргументов из области не только археологии, но и естественных наук (Bánffy 2000b; 2004; 2005) (рис. 73).

Другие значительные отличия в процессе неолитизации могут быть прослежены между двумя основными регионами, Задунавьем и Альфёльдом. Эти отличия становятся еще более очевидными при рассмотрении характера расселения человеческих групп. Ареал двух культур КЛЛК на востоке оставался практически неизменным, не расширяясь на развитых фазах: от бассейна Тисы к бассейну Кёрёш и Парциуму. В Задунавье все происходило наоборот (рис. 74). За несколько десятилетий, т.е. за 80—120 лет, задунайские группы ранней КЛЛК, представляющие собой генетическую и культурную смесь местных охотников-собирателей и балканских земледельцев, заняли огромное пространство между Парижским бассейном и юго-восточной Польшей. За этими существенными различиями должны были стоять очень разные стратегии жизнеобеспечения.

Восточная группа предпочла наиболее интенсивную систему расселения и вела такое хозяйство, которое привело к образованию настоящих теллей. Этот процесс должен был сопровождаться повышением социальной стратификации, появлением наследственного социального ранга и интенсивным развитием символов и ритуалов, практически формируя предурбанистическое общество, как на Ближнем Востоке. Интересно, что эта модель предполагает намного более сложный способ ведения хозяйства, чем в предшествующие периоды. Земледелие и скотоводство играли основную роль, а их организация начала проводиться на неизвестном раннее уровне, судя по различиям в социальном ранге населения, которые образовались к концу неолита.

Выводы

Начало оседлого образа жизни и контакты между Задунавьем и Центральной Европой

В этой статье я попыталась описать контакты, существовавшие между областью происхождения (Задунавье) и областью назначения (лессовые территории внутренней Центральной Европы) на основе анализа ранней керамики Задунавья. Были отмечены значительные различия между керамическими комплексами поздних поселений Старчево в Западном Задунавье и Балатоне, с одной стороны, и памятников Южного Задунавья и далее к югу. Эти различия, отраженные в находках из Сентдьёрдьвёльдь-Питьердомб и ряда других памятников, скорее всего, могут быть приписаны культурному воздействию местных групп охотников-собирателей.

К подобному выводу приводит и анализ культовых находок. Появление неолитических предметов культа в комплексах переходного характера, как в Питьердомб, и более позднее распространение их копий также отражают определенную сторону взаимоотношений между этими двумя группами населения. Ни в Питьердомб, ни на других ранних поселениях, ни среди материалов с поверхности мы не находим следов того богатого разнообразия, которое было характерно для культуроопределяющего комплекса раннего неолита Балкан. Это может указывать на то, что некоторые из принадлежностей культа принимались и использовались общинами формативной КЛЛК, а другие нет. Также нельзя не принимать во внимание, что определенные элементы культового инвентаря перенимались или копировались, исходя из соображений престижа. Как и в случае других неолитических инноваций, возможно, это отражает проявление зачатков социального ранжирования в данных аборигенных сообществах. Я уверена, что присутствие местных копий культовых пред-

Рис. 73. Модель перехода к неолиту в Западном Задунавье (по Н. Калиц, М. Звелебил, Э. Банффи, З. Трингэм).

Fig. 73. Model of the Neolithic transition in Western Transdanubia (after N. Kalicz, M. Zvelebil, E. Bánffy, R. Tringham).

метов и резкое упрощение статуарного комплекса может объясняться культурным воздействием местных охотников-собирателей на смешанное население, формировавшее ранние общины КЛЛК.

Сохранение мезолитического образа жизни в переходное время может быть прослежено в каменном инвентаре. Богатые комплексы каменных орудий с Балатонской возвышенности часто отражают позднемезолитическую тарденуазскую микролитическую традицию. Тщательное рассмотрение этих артефактов обнаруживает следы специфического блеска на некоторых орудиях, появившегося в результате их использования в составе орудий типа серпа. Эта ситуация предполагает три возможных объяснения: использование орудий в мезолитическом растениеводстве, происхождение орудий в результате попадания с раннего, докласс сического поселения КЛЛК или сохранение мезолитического набора в неолитическом комплексе каменных орудий. В первом случае мы можем предположить наличие абори-

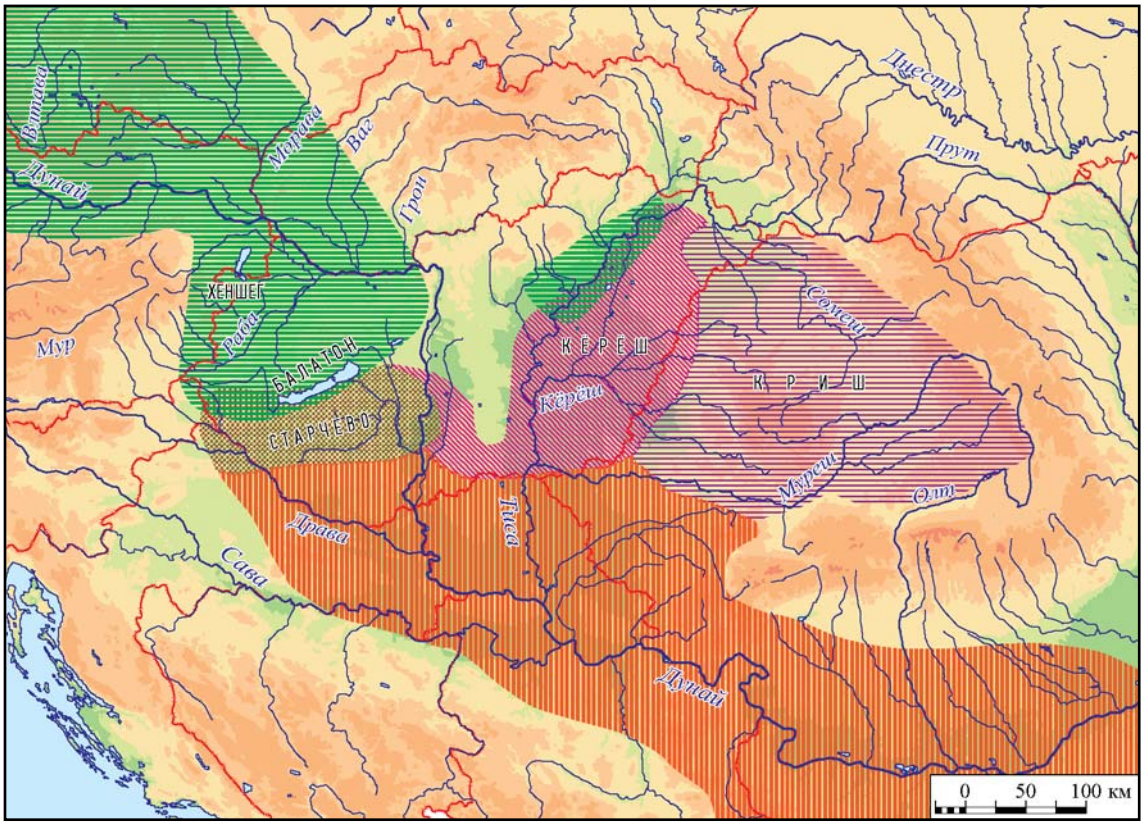

Рис. 74. Карпатский бассейн в середине VI тыс. до н. э. Распространение КЛЛК.

Fig. 74. The Carpathian Basin at the mid-6th Millennium BC. The spread of the LBK.

генной группы, в определенной степени уже знакомой с неолитическими инновациями, в то время как второй сценарий предполагает существование смешанного населения, которое по-прежнему практиковало охоту и рыболовство. Следовательно, мезолитический набор орудий сохранился в ранней КЛЛК. Интересно, что исчезновение данного набора совпало с изменениями в системе расселения и хозяйства в начале поздней фазы КЛЛК (фаза Кестей) — того самого периода, когда население задунайских поселений начинает использовать упрощенный набор орудий, классический для культур КЛЛК, а именно, пластины-вкладыши для серпов и некоторые другие типы.

Местные мезолитические группы определенно являлись частью подвижного охотничье-собирательского населения, известного по каменным орудиям и некоторым другим находкам в бассейне Важонь, в регионе Малого Балатона и в области Сентдьёрдьвёльдь. Взаимодействия между двумя группами населения, вероятно, означали, что представляемые ими два различных образа жизни и наборов ценностей выступали в качестве взаимных стимулов, что сводило к минимуму возможные конфликты, приводя к мирному сосуществованию или даже совместному проживанию на поселениях.

В свете вышеописанных долговременных процессов постепенных трансформаций становится понятным, что т. н. «неолитическая революция» (то есть радикальное изменение способа ведения хозяйства) наступила не в самом начале неолитического периода в Западном Задунавье, а на одну фазу позже. Это подтверждается наблюдаемым переходом к производящему хозяйству не на самой ранней фазе КЛЛК, а в начале классического этапа Кестей в Задунавье. Поселения перестают располагаться непосредственно у воды, а находятся выше, на террасах и холмах с достаточно плодородной лессовой почвой. Одной такой зоной является долина Марцаль, простирающаяся от Балатона в сторону Дуная, на высоких террасах которой известна плотная сеть поселений фазы Кестей культуры КЛЛК (рис. 75). Хотя большинство макроботанических находок с этого региона по-прежнему не опубликовано, данные палинологии четко указывают на широкомасштабную сельскохозяйственную культивацию растений. Следовательно, значительные изменения образа жизни и способа ведения хозяйства в Задунавье произошли не в начале нео-

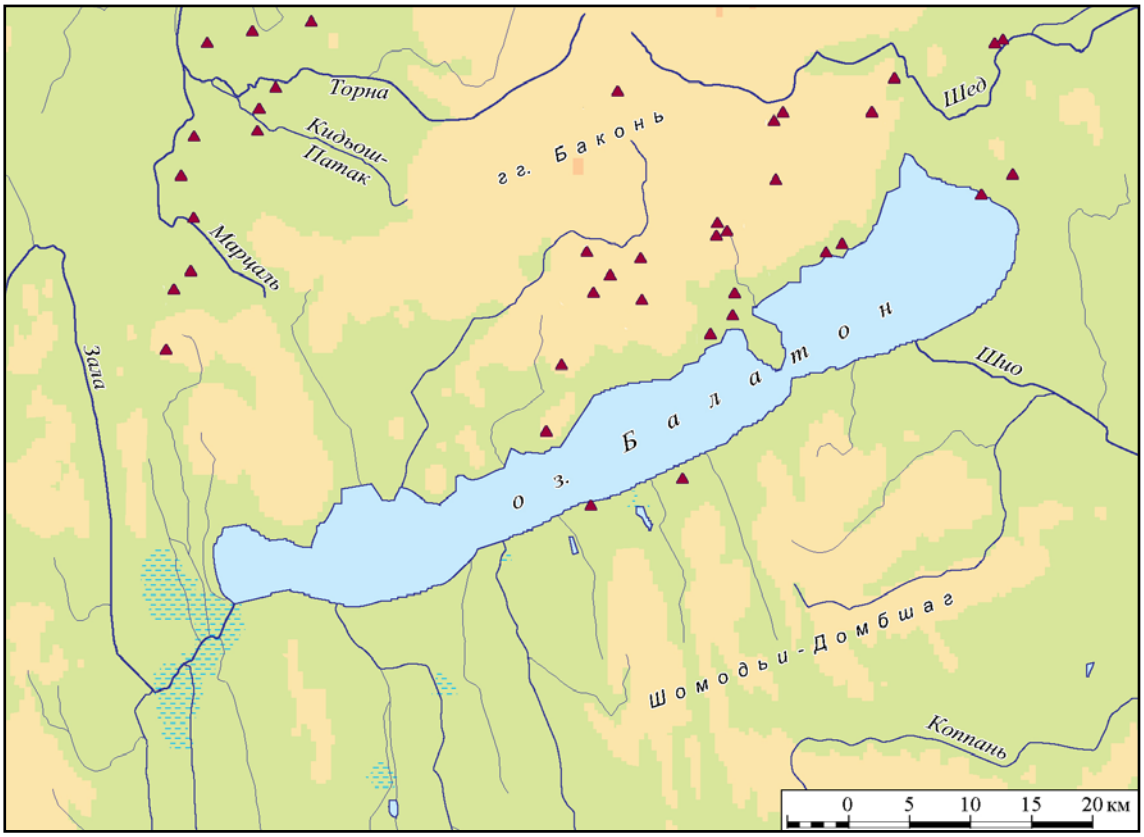

Рис. 75. Карта региона озера Балатон с указанием памятников поздней КЛЛК, расположенных на лессовых участках.

Fig. 75. Map of the Balaton region, indicating sites of the later LBK, settled on loess areas.

лита, как считалось ранее, а на три или четыре поколения позже.

Соль как возможная причина образования неолитической сети обмена между Трансильванией и Альфёльдом

Для объяснения причин столь быстрого распространения неолитических инноваций ключевыми, скорее всего, являются понятия культурного контакта и обмена на больших расстояниях. Помимо таких археологически прослеживаемых ценностей, как кремневое сырье, здесь следует рассмотреть еще один вид товара, археологически неуловимого, существование которого, однако, следует из логических соображений. Это соль.

В неолите пункты по добычи соли существовали к югу и к востоку от Карпат, прежде всего в Румынии, Болгарии, Сербии и Адриатическом Карсте (Nikolov 2008; Gaydarska, Chapman 2007; Tasic 2000; Montagnari-Kokelj 2007; Weller, Dumitroaia 2005). Археологические следы разработки соляных источников и степень их изученности варьируют от региона к региону. В некоторых случаях специализированная добыча соли на определенном памятнике весьма вероятна, или можно предполагать наличие определенных регионов, откуда начинались обменные связи. В то же время археологических находок, которые бы это подтверждали, очень мало.

Прямые свидетельства из ранних фаз неолита в Карпатском бассейне носят более чем гипотетичный характер. Но учитывая, что соль является необходимым для жизни человека продуктом, роль которого еще сильнее возрастает, когда доля мясного и рыбного протеина в питании уменьшается, а роль растительной пищи возрастает, добыча соли должна была иметь место. С появлением первых окультуренных растений, на заре перехода к неолиту, люди начали постепенно потреблять меньше пищи, происходящей от охоты и собирательства, и больше питаться злаковыми продуктами. Неолитический образ жизни также означает доместикацию животных. Овца, коза и крупный рогатый скот появились в Карпатском бассейне в уже одомашненном виде, так что кормить их солью было очень важно. Эти физиологические потребности дополнялись необходимостью использо-

вать соль для консервирования пищи, производства вещей из кожи или даже торжественного потребления еды общиной; другими словами, соль имеет также социальную функцию (Chapman, Gaydarska 2003: 203).

Таким образом, при отсутствии местного источника, соль нужно было откуда-то привозить. Для первичной попытки реконструкции возможных путей доставки соли целесообразен сбор данных по структурам расселения, а также других сведений из различных зон, в особенности из регионов, где имелись источники соли. Обменные сети могут стать ключевыми для понимания различных форм социального и культурного развития в VI и начале V тыс. cal. BC. В этом смысле резонно проследить их до начала неолита, точнее — до периода перехода к неолиту. Здесь следует выделить три вида деятельности, которые могут быть связаны с солью в неолите. Во-первых, имеет смысл искать те категории инвентаря, прежде всего фрагменты керамики, которые использовались для выпаривания соляного раствора в непосредственной близости от соляных источников. Вторым этапом является транспортирование соли к тем регионам, где ее мало. Выявление таких маршрутов возможно с помощью анализа других категорий импортируемых или экспортируемых находок, или же других индикаторов, таких, как местные сырье. Определение конкретного способа перевозки маловероятно, так как, скорее всего, для этого использовались не керамические сосуды, а сумки или мешки из кожи или ткани. Как и соль, они не оставляют археологических следов. В-третьих, пока не существует прямого археологического признака потребления соли. Разумно его искать в регионах, где соляные источники отсутствуют — например, в центральной части Карпатского бассейна. Здесь мы попытаемся предположить способ использования и направления перевозки соли, основываясь на вышеописанном трехсоставном подходе.

Сегодня есть четкие данные о начале эксплуатации соляных источников в Восточных Карпатах, на территории Румынии и исторической Молдавии уже около 6000 BC (Weller, Dumitroaia 2005; Weller et al. 2008; Danu et al. 2010; Munteanu et al. 2007). В Лунка-Пояна Слатиней, Калабатоайя и Кукуець встречается керамика культуры Криш, непосредственно у источников или недалеко от них (Cavruc, Chiricescu 2006: 195). Также существуют поселения раннего неолита, которые отражают четкую взаимосвязь с расположением соляных источников (Ursulescu 1984: 41). Далее, западнее, на территории Трансильвании, были исследованы неолитические памятники, которые могут быть связаны с разработкой соли (Ignat 1983; 2001; Lazarovici, Lazarovici 2012).

Одним из таких поселений является Гура Бачулуй возле Клужа. Памятник находится в непосредственной близости от соляных копей (Maxim 1999; Lazarovici, Maxim 1995) и был заселен на всем протяжении существования ранненеолитической культуры Криш, имея широкие связи в раннем неолите Восточных Карпат (Lazarovici, Maxim 1995: 346—352). По радиокарбонным данным, хронологическая колонка поселения составляет около 800 лет (Spataro 2008: 92). Не только археологи, работавшие на поселении, но и, например, Ненад Тасич считают, что памятник играл важную роль в добыче и торговле солью (Tasić 2000: 40).

Последние исследования распространения соли сосредоточены в еще более западном регионе, возле современной румыно-венгерской границы. Речь идет о группе Мехтелек, рассматриваемой в качестве регионального элемента культуры Кёрёш-Криш. Контактные пути, на наличие которых указывает ряд находок, включая своеобразные плоские «плитчатые» фигурки, типичные для группы Мехтелек, могут быть с уверенностью реконструированы между Восточной Венгрией, западнорумынской группой Кёрёш-Криш и соляными регионами Трансильвании и Молдавии. Сам Н. Калиц предположил, что, наряду с участием в обширной сети по распространению обсидиана, население группы Мехтелек могло участвовать в обмене соли, который играл ключевую роль в формировании этих маршрутов (Kalicz 2011; 2012: 121). В культуре Кёрёш, известны находки воронковидной, грубой керамики (как в Ибрань-Надьердё — Kalicz 2012: Fig. 3/10), которая, как считают некоторые специалисты, могла быть использована для выпаривания соли (Fries-Knoblach 2001, Taf. 6/1). В более поздние периоды аналогичные типы посуды интерпретируется в качестве брикетажей. Тем не менее, если считать, что брикетажи должны находиться только вблизи от соляных источников, нет смысла предполагать экспортирование такой посуды в бедные солью регионы.

Далее, можно предположить дальнейшее существование сети по доставке соли в ранней КЛЛК, судя по косвенным доказательствам, таким, как восстановление связей между Северным Альфёльдом и Трансильванией во время формирования поздних групп КЛЛК в последние столетия VI тыс. cal. BC.

После обозначения возможных дальних связей между Трансильванией и восточновен-

герскими памятниками Кёрёш, рассмотрим, каким образом могли получать соль общины Кёрёш на юге Венгрии.

Согласно картам распространения основных источников соли в Европе (Saile 2000; 2008; Tasic 2000; Fries-Knoblach 2001), в центральной части Карпатского бассейна (современная территория Венгрии) они полностью отсутствуют. Единственной возможностью добывать соль могла быть эксплуатация небольших солончаковых прудов в низменностях — например, из окрестностей Сарваша в Альфёльде, — но они могли с трудом обеспечить потребности даже одной земледельческой общины. Ближе к узкой заселенной территории вдоль Дуная (см. выше, обсуждение памятника №1), подобные пруды встречаются еще реже. В болотистых излучинах Дуная даже незначительное повышение уровня реки приводило либо к затоплению небольших пригодных для пахоты островков, либо к ограничению к ним доступа. Столь же важным был социальный фактор: эти группы оставались в изолированном положении без каких-либо видимых контактов с соседними группами Старчево на западе, с довольно пустым незаселенным пространством на севере и юге, а также с песчанистыми землями к востоку. Судя по всему, после попытки наладить жизнь у Дуная на протяжении нескольких поколений, этот «анклав» принял резонное решение вернуться на территорию Альфёльда, используя те же речные долины, по которым они пришли с территории Тисы и Кёреша. На новом месте они обнаружили не только более развитую общинную организацию и более крупные родовые структуры, но и более широкий доступ к жизненно важным товарам, таким, как соль.

Соль — двигатель перехода к неолиту в западной Венгрии и Центральной Европе?

Известно, что западная часть Карпатского бассейна, Задунавье, является регионом фактически без соляных источников. Даже ближайшие запасы соли, у города Тузла в Боснии (Tasic 2000), расположены достаточно далеко, в регионе, с которым первые задунайские земледельцы (носители культуры Старчево) не поддерживали каких-либо близких контактов. Также стало общепринятым предположение о зарождении КЛЛК в западной части Карпатского бассейна. Эти общины быстро распространились на территорию современной Австрии, в Моравию и Южную Германию вдоль Дуная, в регион Халле (у реки Заале) на севере и далее, на территорию Южной Польши. Примерно 150 лет спустя последовала вторая волна экспансии, в результате которой население обширных регионов Европы, от Парижского бассейна до Украины, переняло характерный для КЛЛК тип оседлой жизни и земледелия.

Миграция первых земледельцев во внутренние области Центральной Европы произошла так быстро, что не оставила каких-либо типологических различий в археологических данных (Quitta 1960; Lüning 1988). К тому же — по крайней мере, для начала экспансии — имеющиеся радиокарбонные датировки не позволяют выявить каких-либо чередующихся фаз (Lenneis et al. 1996; Lüning 2005: 60—62; Bánffy, Oross 2010). Недавно миграция КЛЛК из Задунавья была подтверждена другими методами: анализами ДНК и стабильных изотопов (Smrcka et al. 2008; Zvelebil, Pettitt 2008; Nehlich et al. 2009; Szécsényi et al. 2012; Haak et al. 2005; 2010; Ammerman et al. 2006).

Обсуждая возможные причины миграции, Дэвид Энтони представил несколько сценариев. С моей точки зрения, самым важным его наблюдением является то, что среди причин, приводящих к началу миграции, можно выделить отрицательные «выталкивающие» и положительные «притягивающие» силы (Anthony 1990: 898). Следовательно, некоторые из причин перемещения населения могут возникать в самой отправной точке миграции: перенаселение, ухудшение климатических условий, засуха, голод и социальное напряжение. При рассмотрении исторических примеров «притягивающих» сил замечено, что общей характерной чертой является предварительный контакт с целевым регионом. Низкая плотность населения, плодородные земли, близость к воде, хороший климат и источники сырья представляют собой факторы, которые делают новый регион привлекательным. Также, если существует возможность налаживания обменных отношений, область такого типа обычно привлекает поселенцев.

В случае с экспансией КЛЛК можно отвергнуть возможность таких «выталкивающих» сил, как перенаселение или ухудшение климата. Что касается «притягивающих» сил, то наоборот, существуют признаки практически каждой из них. Причины, повлекшие самую крупную экспансию в преистории, имеют особое значение. Очевидно, речь идет о совокупности разных причин, учитывая, что «миграция является социальной стратегией» (Anthony 1997: 22).

Присутствие радиолярита из Сентгаль в донеолитической Моравии и Южной Германии, а также находки дунайских раковин в той же Германии представляют собой некоторые скромные признаки существования таких связей в археологическом материале (Mateiciucová 2004; 2008; Bánffy 2004).

Позволим себе привести некоторые дополнительные аргументы в пользу идеи о том, что центрально-европейская экспансия может быть (помимо прочих причин) объяснена существованием контактных сетей. Как отметили Кэртис Раннелс и Тьерд ван Андел, неолитическую экспансию и сопутствующие ей инновации можно рассматривать как условие для торговли, формирующее основы благосостояния, достижение которого было весьма привлекательным (Runnels, van Andel 1988: 102). В Германии наиболее ранние, западные контакты мезолитического населения были также использованы ранними земледельцами, причем, судя по возрастающей интенсивности контактов, они, вероятно, улучшили и расширили эту сеть. Андреас Циммерманн убедительно доказал, что «центральные пункты» (*Zentrale Orte*), появление которых связано со скоплениями поселений (*Siedlungskammer*) (Zimmermann 1995: 61—62), являлись основной ареной для налаживания долгосрочного обмена. Общинная идентичность, поразительно однородная материальная культура и, скорее всего, сходная социальная структура остались неизменными на протяжении многих поколений. Это указывает, что контактные сети продолжали действовать до времени поздней КЛЛК в Задунавье и фазы Фломборн в Германии, или даже несколько дольше. Остается определить: какие взаимные интересы формировали основу для этих контактов? Какие товары могли циркулировать среди этих отдаленных друг от друга групп?

Реальный спектр товаров должен был быть гораздо шире, чем это представляется сегодня и, безусловно, включал товары, не оставившие археологических следов: шкуры, ткани, кожа, продукты питания. Здесь же следует упомянуть возможную циркуляцию мастеров, т. е. людей, которые привносили новые технологии в конкретный регион, а также брачные контакты и родственные связи между группами. Эти контакты, вероятно, не могут быть подтверждены иначе, кроме как исследованием намного большего количества некрополей КЛЛК, которые содержали бы хорошо сохранившиеся костные останки.

Идея, что товаром, получаемым в обмен на товары задунайского происхождения, могла быть соль, впервые пришла ко мне, когда я посетила поселение в Бад Наухайм-Нидермёрлен. Находки с этого памятника отражают на удивление сильные контакты с Задунавьем. Область Мёрленер Бухт богата гематитовыми отложениями (Schade-Lindig, Schwitalla 1999: 28), но этот красный минерал встречается не настолько редко, чтобы составить основу для обменных отношений. Однако Бад Наухайм находится в регионе, богатом солью. Раскопки в Нидермёрлен позволили открыть следы обширной добычи соли в железном веке и в римское время. Венделин Лайдингер, который исследовал следы добычи соли в неолите более северных регионов (Вестфалия), детально описал, как проходил этот процесс у носителей ранней КЛЛК в указанном районе (Leidinger 1983; 1996; 1997).

Таким образом, возможно, что этот легко транспортабельный товар, столь необходимый для питания, хранения пищи и здоровья животных, обменивался на товары из Дунайской долины. Н. Тасич считает соль и доступ к ее залежам (регионы с почвой с высоким содержанием соли и с соляными источниками) одним из основных факторов в неолитизации Балкан (Tasic 2000). Торговля солью также сыграла важную роль в культурном развитии этого региона и в его контактах с другими областями в более поздние периоды (Monah 1991).

Здесь следует, однако, учесть еще один фактор. Гальштатский регион в Зальцкаммергут, богатый солью, находится ближе к Задунавью чем все остальные указанные выше источники. Тогда почему же ранним земледельцам пришлось продвигаться так далеко за солью? Распространение поселений раннего неолита четко указывает, что маршрут миграции проходил вдоль северного берега Дуная, по Мюнхенскому бассейну в юго-западную Германию. Похоже, несмотря на их близость, соляные шахты из Гальштата были неизвестны в VI тыс. до н. э. и не могли быть возможным источником.

Существует возможность обнаружения соли (хлорида натрия) в матрице сосудов, использованных для ее производства (Horiuchi et al. 2011). Но в неолите брикетажи обнаруживаются только в местах, где добывалась соль, т. е. возле соляных источников. Сложно сказать, как транспортировалась соль из богатых в бедные солью области Карпатского бассейна, так как не только соль является невидимой с археологической точки зрения, но и какие-либо мешки или сумки, используемые для ее переноски.

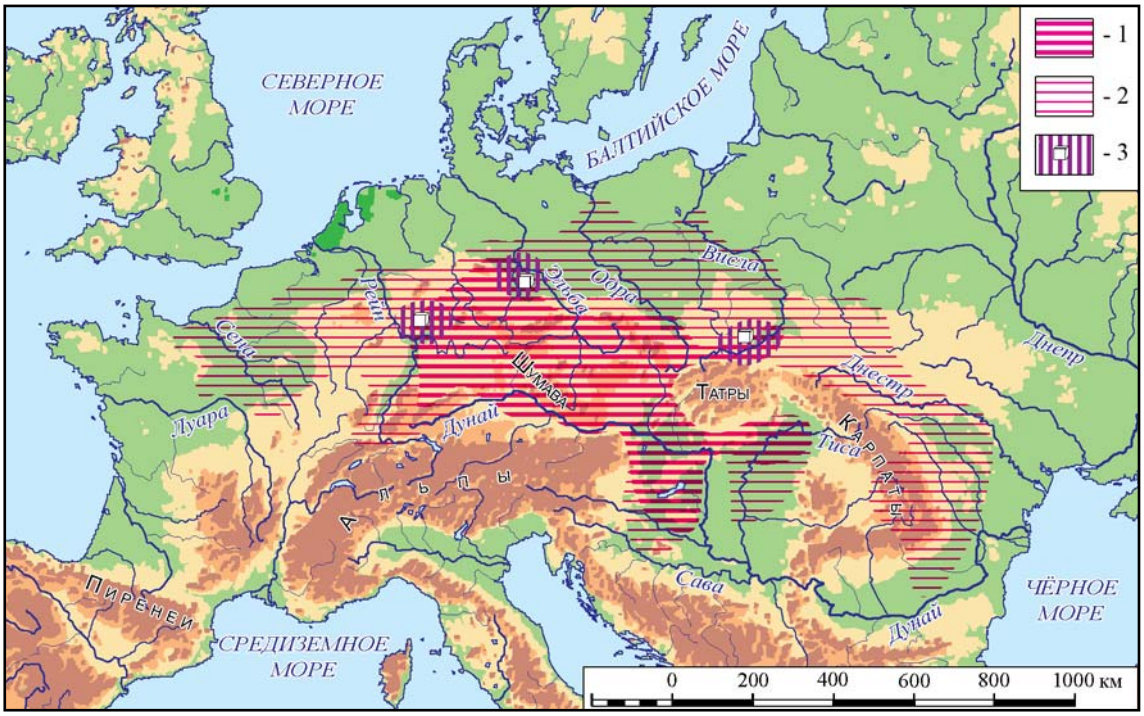

Рис. 76. Основные солевые регионы Центральной Европы и распространение первой волны КЛЛК. 1 — территория распространения памятников первой волны КЛЛК; 2 — территория распространения памятников второй волны КЛЛК; 3 — районы добычи соли.

Fig. 76. Primary salt regions of Central Europe, combined with the distribution of the first wave of LBK groups. 1 — spread of the first LBK wave sites; 2 — spread of the second LBK wave sites; 3 — salt extracting regions.

Рассмотрим карту распространения первых земледельцев в Центральной Европе (рис. 76). Область, выделенная более плотной штриховкой, показывает, как далеко продвинулась первая волна КЛЛК. Очевидно, что три крайних точки — западная Германия, регион Эльбы-Заале и Малая Польша — соответствуют трем богатым солью регионам. Могло ли это быть случайным?

Связь между солью и центральноевропейской миграцией начала неолита является сегодня не более чем гипотезой. Это неудивительно, учитывая скудость данных о переходе к неолиту и процессе неолитизации. В будущем новые методы исследования смогут подвергнуть проверке эту гипотезу.

Итоги

В данной работе некоторые регионы Карпатского бассейна были представлены в качестве сцен, на которых разворачивался широкий, мозаичный, с точки зрения как времени, так и пространства, процесс перехода к земледелию. В общих чертах я попыталась доказать, что культурное развитие на территории Альфёльда в Восточной Венгрии протекало достаточно стабильно, в то время как Задунавье на западе не только показало наличие определенного культурного (и, вероятно, генетического) смешения между балканскими земледельцами и местными охотниками-собирателями, но и быстрое распространение новообразованных групп (КЛЛК) по широким пространствам Европы. Также первые земледельцы, пришедшие с Балкан, поддерживали контакты с исходной областью миграции, причем на позднем этапе эти контакты являлись более стабильными. В некоторых случаях сеть обмена и культурных контактов продолжала функционировать в поздней КЛЛК, в последние столетия VI тыс. до н. э.

В настоящее время развертываются новые европейские (ERC) и немецкие (DFG) исследовательские программы, нацеленные на археогенетические исследования, изотопные анализы и уточнение радиокарбонной хронологии с помощью байесовского метода. Что касается перехода к неолиту и тех ранненеолитических групп, которые появляются столь неравномерно в небольших регионах восточной и западной Венгрии, то вопросов пока еще намного больше, чем ответов. Но даже эти вопросы нужно было сначала сформулировать. Данная работа, надеюсь, является небольшим шагом вперед, отражая нынешнее состояние исследований.

Литература / References

Ammerman et al. 2006: Ammerman A.J., Pinhasi R., Bánffy E. 2006. Comment on "Ancient DNA from the First European Farmers in 7500-Year-Old Neolithic Sites". *Science* 312, no. 5782, 30. June 2006, 1875—1877.

Anthony D.W. 1990. Migration in archaeology: the baby and the bathwater. *American Anthropologist* 92/4, 895—914.

Anthony D.W. 1997. Prehistoric migration as social process. In: Chapman J., Hamerow H. (eds.). *Migrations and Invasions in Archaeological Explanation.* BAR International Series 664. Oxford: Archaeopress, 21—32.

Bakay et al. 1966: Bakay J., Kalicz N., Sági K. 1966. *Magyarország régészeti topográfiája (Archaeological Topography of Hungary)* 1. *A keszthelyi és a tapolcai járás*. Budapest: Akadémiai Kiadó.

Bánffy et al. 1997: Bánffy E., Bíró K., Vaday A. 1997. Újkőkori és rézkori telepnyomok Kompolt 15. sz. lelőhelyen (Neolithic and Chalcolithic finds from Kompolt, site Nr. 15). *Agria* 23, 19—57.

Bánffy E. 1999. Kompolt-Kistér: újkőkori telep. Kompolt-Kistér, a Neolithic settlement. In: Vaday A., Bánffy E., Bartosiewicz L., Biró K., Gogaltan F., Horváth F., Nagy A. 1999. *Újkőkori, bronzkori, szarmata és avar lelőhely. Leletmentő ásatás az M3 nyomvonalán (A Neolithic, Bronze age, Sarmatian and Avar site. Rescue excavation at the M3 motorway)*. Eger: Dobó István Vármúzeum, 13—170.

Bánffy E. 2000a. Szilvásvárad-Töröksánc. A Bükki-kultúra leletei (Finds of the Bükk culture). *Agria* 35, 85—92.

Bánffy E. 2000b. The late Starčevo and the earliest Linear Pottery groups in Western Transdanubia. *Porocilo o Raziskovanju Paleolita, Neolita i Eneolita v Sloveniji* 27, 173—185.

Bánffy E. 2001. Neue Funde der Starčevo-Kultur in Südtransdanubien. In: Draşovean F. (ed.). *Festschrift für Gheorghe Lazarovici*. Timişoara: Mirton, 41—58.

Bánffy E. 2002. Notes on the connection between human and zoomorphic representations in the Neolithic. In: Biehl P., Bertemes F. (eds.). *The archaeology of cult and religion.* Budapest: Archaeolingua, 53—71.

Bánffy E. 2004. *The 6th Millennium BC boundary in Western Transdanubia and its role in the Central European transition (The Szentgyörgyvölgy-Pityerdomb settlement)*. Varia Archaeologica Hungarica 15. Budapest: Institute of Archaeology.

Bánffy E. 2005. Újkőkori és rézkori megtelepülés a Kerka völgyében (Neolithic and chalcolithic settling in the Kerka valley). *Zalai Múzeum* 13, 7—28.

Bánffy E. 2012. The main zones of the Körös culture 3.4. South Western zone. The Körös culture settlements in the Danube — Tisza interfluve. In: Anders A., Siklósi Zs. (eds.). *The First Neolithic Sites in Central/South-East European Transect* III. *The Körös Culture in Eastern Hungary.* BAR International Series 2334. Oxford: Archaeopress, 53—68.

Bánffy E. 2013a. Tracing the beginnings of sedentary life in the Carpathian Basin. On the formation of the LBK house. In: Hofmann D., Smyth J. (eds.). *Tracking the Neolithic house in Europe — sedentism, architecture and practice.* New York: Springer, 117—149.

Bánffy E. 2013b. On neolithic frontier zones in the Carpathian Basin. In: Anders A., Kulcsár G., Kiss V., Kalla G., Szabó, G (eds.). *Moments in time. Papers presented to Pál Raczky on his 60th birthday.* Prehistoric Studies 1. Budapest: L'Harmattan Kiadó, 35—45.

Bánffy E. в печати. *The Early Neolithic of the Danube-Tisza Interfluve, Southern Hungary. With contributors*. BAR-Archaeolingua Central European Series 7. Oxford: Archaeopress.

Bánffy et al. 2007: Bánffy E., Eichmann W.J., Marton T. 2007. Mesolithic foragers and the spread of agriculture in Western Hungary. In: Kozlowski J., Nowak M. (eds.). *Mesolithic-Neolithic interactions in the Balkans and in the Middle Danube Basin. Proceedings of the XV World Congress (Lisbon, 4—9 September 2006)* 6. BAR International Series 1726. Oxford: Archaeopress, 53—82.

Bánffy E., Oross K. 2010. The "earliest" and the "earlier" phase of the LBK in Transdanubia. In: Gronenborn D., Petrasch J. (eds.). *The spread of Neolithic to Central Europe*. RGZM Tagungen 2. Mainz: Verlag des RGZ, 255—272.

Bánffy et al. 2010: Bánffy E., Marton T., Osztás A. 2010. Early neolithic settlement and burials at Alsónyék-Bátaszék. First report. In: Kozlowski J.K., Raczky P. (eds.). *Neolithisation of the Carpathian Basin: Northernmost distribution of the Starcevo/Körös culture*. Kraków, Budapest: Polska Akademia Umiejętności, 37—51.

Bánffy E., Sümegi P. 2012. The early neolithic agro-ecological barrier in the Carpathian Basin: a zone for interaction. In: Anreiter P., Bánffy E., Bartosiewicz L., Meid W., Metzner-Nebelsick C. (eds.). *Archaeological, cultural and linguistic heritage: Festschrift for Erzsébet Jerem in honour of her 70th birthday.* Budapest: Archaeolingua, 57—69.

Berzsényi B., Dálnoki O. 2005. Plant cultivation and crop processing in the formative LBK settlement of Szentgyörgyvölgy-Pityerdomb in Transdanubia (6th Millennium BC). In: Bánffy E. (ed.). Archaeology and Settlement History in the Kerka Valley, South-West Hungary. *Antaeus* 28, 261—270.

Biró T.K. 1991. Mencshely-Murvagödrök kőanyaga (The lithic assemblage from Mencshely-Murvagödrök). *A Tapolcai Városi Múzeum Közleményei* 2, 51—60.

Biró T.K. 2005. The lithic finds from Szentgyörgyvölgy-Pityerdomb. In: Bánffy E. (ed.). Archaeology and settlement history in the Kerka valley, S-W Hungary. *Antaeus* 28: 217—251.

Biró K., Regenye J. 2007. Exploitation and workshop sites in the Bakony Mts.: study of the lithic material. In: Kozłowski J.K., Raczky P. (eds.). *The Lengyel, Polgár and related cultures in the Middle/Late Neolithic in Central Europe*. Kraków: Polska Akademia Umiejętności, 261—268.

Bogdanovic M. 1988. Architecture and structural features at Divostin. In: McPherron A., Srejovic D. (eds.). *Divostin and the Neolithic of Central Serbia.* Pittsburgh: University of Pittsburgh, 35—141.

Bognár-Kutzián I. 1977. Ausgrabungen in Szakmár-Kisülés im Jahre 1975. *Mitteilungen des Arch. Instituts der Ung. Akademie der Wissenschaften* 7, 13—17.

Brukner B. 1966. Die Tardenoisien Funde Peres bei Hajdukovo und aus Backa Palanka und das Problem der Beziehungen zwischen dem Mesolithikum und präkeramischen Neolithikum im Donaugebiet. *Archaeologia Iugoslavica* 7, 1—12.

Brukner B. 1974. Rani neolit (The early Neolithic period). In: Brukner B., Jovanović B., Tasić N. *Praistorija Vojvodine*. Novi Sad: Savez arheoloških društava Jugoslavije, 427—433.

Carneiro A., Mateiciucová I. 2007. Daub fragments and the question of structures. In: Whittle A. (ed.). *The Early Neolithic on the Great Hungarian Plain: investiga-*

tions of the Körös culture site of Ecsegfalva 23, County Békés. Varia Archaeologica Hungarica 21. Budapest: Institute of Archaeology, 255—285.

Cavruc V., Chiricescu A. (eds.). 2006. *Sarea, timpul şi omul*. Sfântu Gheorghe: Editura Angustia.

Chapman J., Gaydarska B. 2003. The provision of salt to Tripolje Mega-sites. In: *Tripolian settlement-giants*. International symposium materials. Kiev: Nacionalna Akademia Nauk Ukraini, 203—210.

Ciobotaru D. 1998. Plastica neolitică din aşezarea de la Foeni-Sălaş (jud. Timiş) (Neolithic artistic and cult artifacts from the Foeni-Sălaş site [Timiş County]). *Analele Banatului* 6, 73—82.

Cladders M. 1995. *Die Tonware der ältesten Bandkeramik. Untersuchung zur zeitlichen und räumlichen Gliederung*. PhD Thesis. Frankfurt/Main.

Coudart A. 1998. *Architecture et société néolithique. L'unité et la variance de la maison danubienne*. Documents d'archéologie Française 67. Paris: Maison des sciences de l'homme.

Csengeri P. 2003. Adatok a Bükki-kultúra kerámiaművességének ismeretéhez. A Felsővadász-várdombi település leletanyaga (Data to the pottery of the Bükk culture archaeological finds from the settlement at Felsővadász-Várdomb). *Hermann Ottó Múzeum Évkönyve* 40, 73—105.

Csengeri P. 2004. Adatok a Cserehát őskori településtörténetéhez (Data to the prehitoric settlements of the Cserehát). In: Nagy E., Dani J., Hajdú Zs. (eds.). *MΩMOS* II. Debrecen: Hajdú-Bihar Megyei Múzeumok Igazgatósága, 43—59.

Cserny T. 1992—93 (1999). Environmental geological investigations of Lake Balaton (Hungary). *Ann. Report of the Geological Institute* (MÁFI), 131—137.

Cserny T., Nagy-Bodor E. 2005. Geological-Palynological research at the foothills of the Alps. In: Bánffy E. (ed.). Archaeology and settlement history in the Kerka valley, S-W-Hungary. *Antaeus* 28, 155—174.

Danu M., Gauthier E., Weller O. 2010. Human impact and vegetation history on salt spring exploitation (Halabutoaia-Tolici, Petricani, Neamţ, Romania). *International Journal of Conservation Science* 1/3, 167—173.

Dimitrijevic St. 1974. Das problem der Gliederung der Starcevo-Kultur mit besonderer Rücksicht auf den Beitrag der südpannonischen Fundstellen zur Lösung dieses Problems. *Materijali* 10, 93—107.

Dobosi T.V. 1972. Mesolithische Fundorte in Ungarn — Mezolithikus lelőhelyek Magyarországon. In: Fitz J. (ed.). *Aktuelle Fragen der Bandkeramik*. Székesfehérvár: Fejér Megyei Múzeum, 39—60.

Domboróczki L. 1996. The excavation at Füzesabony-Gubakút. Preliminary report. In: Kertész R., Makkay J. (eds.). *From the Mesolithic to the Neolithic. Proceedings of the International Archaeological Conference held in the Damjanich Museum of Szolnok, Sept. 22—27, 1996*. Budapest: Archaeolingua, 193—214.

Domboróczki L. 1997. Füzesabony-Gubakút. Újkőkori falu a Kr. e. VI. évezredből (Neolithic village from the 6th Millennium BC) In: Raczky P., Kovács T., Anders A. (eds.). *Utak a múltba (Paths into the past)*. Az M3-as autópálya régészeti leletmentései. Rescue excavations on the M3 motorway. Budapest: Magyar Nemzeti Múzeum, 19—25.

Domboróczki L. 2003. The radiocarbon data from neolithic archaeological sites in Heves County (North-Eastern Hungary). *Agria* 39, 5—76.

Domboróczki L., Raczky P. 2010. Excavations at Ibrány and the northernmost distribution of the Körös culture in Hungary. In: Kozlowski J.K., Raczky P. (eds.). *Neolithisation of the Carpathian Basin: Northernmost distribution of the Starcevo/Körös culture*. Kraków; Budapest: Polska Akademia Umiejętności, 191—218.

Eichmann W., Kertész R., Marton T. 2010. The Mesolithic in the LBK (Linearbandkeramik) Heartland of Western Hungary. In: Gronenborn D. Petrasch J. (eds.). *The spread of Neolithic to Central Europe*. RGZM Tagungen 2. Mainz: Verlag RGZM, 211—233.

Füzes M. 1989. A földmívelés kezdeti szakaszának (neolitikum és rézkor) növényleletei Magyarországon. (Archeobotanikai vázlat). Die Pflanzenfunden in Ungarn der anfänglichen Entwicklungsphase des Ackerbaues (Neolithikum und Kupferzeit). Archäobotanische Skizze. *A Tapolcai Városi Múzeum Közleményei* I, 139—238.

Fries-Knoblach J. 2001. Gerätschaften, Verfahren und Bedeutung der eisenzeitlichen Salzsiederei in Mitteleuropa. *Leipziger Forschungen zur Ur- und frühgeschichtlichen Archäologie* 2. Leipzig, 1—46.

Gábori M. 1968. Mesolithischer Zeltgrundriss in Sződliget. *Acta Archaeologica Hungarica* 20, 33—36.

Gábori M. 1981. Az ősember korának kutatása Magyarországon (1969—1980) (Researching the period of Ancient Man in Hungary). *Papers from the II. class of the HASc.*, 99—109.

Gaydarska B.,. Chapman J. 2009. Salt research in Bulgaria. In: Monah D., Dumitroaia Gh., Weller O., Chapman J. (eds.). *L'exploitation du sel à travers le temps*. BMA XVIII. Piatra Neamţ: Constantin Mătasă, 147—160.

Gronenborn D. 1999. A variation on a basic theme: The transition to farming in Southern Central Europe. *Journal of World Prehistory* 13/2, 123—210.

Haak et al. 2005: Haak W., Forster P., Bramanti B., Matsumura S., Brandt G., Tänzer M., Villems R., Renfrew C., Gronenborn D., Alt K., Burger J. 2005. Ancient DNA from the First European farmers in 7500-year-old Neolithic sites. *Science* 310, 1016—1018.

Haak et al. 2010: Haak W., Balanovsky O., Sanchez J.J., Koshel S., Zaporozhchenko V., Adler Chr.J., Der Sarkissian C.S., Brandt G., Schwarz C., Nicklisch N., Dresely V., Fritsch B., Balanovska E., Villems R., Meller H., Alt K.W., Cooper A. Ancient DNA from European Early Neolithic Farmers Reveals Their Near Eastern Affinities. *PLOS Biology* 8/11.

Horváth F. 1989. A survey on the development of neolithic settlement pattern and house types in the Tisza region. In: Bökönyi S. (ed.). *Neolithic of Southeastern Europe and its Near Eastern Connections*. Varia Archaeologica Hungarica 2. Budapest: Institute of Archaeology, 85—101.

Horiuchi A., Ochiai N., Kurozumi H., Miyata Y. 2011. Detection of chloride from pottery as a marker for salt: A new analytical method validated using simulated salt-making pottery and applied to Japanese ceramics. *Journal of Archaeological Science* 38, 2949—2956.

Horváth I., Kelemen H.M., Torma I. 1979. *Magyarország régészeti topográfiája (Archaeological Topography of Hungary)* 5. *Esztergom és a Dorogi Járás*. Budapest: Akadémiai Kiadó.

Ignat D. 1983. Tipuri de locuinţe în aşezările aparţinând culturii Starcevo-Criş din Nord-Vestul României. *Crisia* 13, 9—16.

Ignat D. 2001. The early neolithic in North-West of Romania. In: Draşovean F. (ed.). Festschrift für Gheorghe Lazarovici. Timişoara: Mirton, 69—89.

Juhász I. 2002. *The palynographic reconstruction of the Late Glacial and the Holocene periods of County*

Zala, South West Hungary (Reconstruction palynographique de Tardiglaciaire et de l'Holocene de la région de Zala, Sudouest de la Hongrie). PhD dissertation. Marseille; Pécs.

Juhász I. 2005. Palynological evidences of Preneolithisation in South-Western Transdanubia. *Antaeus* 27, 213—225.

Kalicz N. 1965. Siedlungsgeschichtliche Probleme der Körös- und der Theiss-Kultur. *Acta Antiqua et Archaeologica* VIII. Szeged, 27—40.

Kalicz N. 1990. *Frühneolithische Siedlungsfunde aus Südwestungarn*. Inventaria P.H. Budapest: Hungarian National Museum.

Kalicz N. 1994. A Dunántúli (közép-európai) vonaldíszes kerámia legidősebb leletei és a korai Vinca-kultúra (Die ältesten Funde der transdanubischen (mitteleuropäischen Linienbandkeramik und die frühe Vinca-Kultur). In: Gábor L. (Hrsg.). *Von der Steinzeit bis zum Mittelalter. Studien zum 60. Geburtstag von Ottó Trogmayer*. Szeged: Megyei Múzeumok, 67—84.

Kalicz N. 1995. Die Älteste transdanubische (mitteleuropäische) Linienbandkeramik. Aspekte zur Ursprung, Chronologie und Beziehungen. *Acta Archaeologica Hungarica* 47, 23—59.

Kalicz N. 2000. Unterscheidungsmerkmale zwischen der Körös- und der Starcevo-Kultur in Ungarn. In: Hiller S., Nikolov V. (eds.). *Karanovo III. Beiträge zum Neolithikum in Südosteuropa*. Wien: Phoibos, 295—309.

Kalicz N. 2011. *Méhtelek. The First Excavated Site of the Méhtelek Group of the Early Neolithic Körös Culture in the Carpathian Basin*. BAR Archaeolingua Central European Series 6. Oxford: Archaeopress.

Kalicz N. 2012. Méhtelek-Nádas. The first excavated site of the Méhtelek fazies of the Early Neolithic Körös culture in the Crpathian Basin. In: Anders A., Siklósi Zs. (eds.). *The First Neolithic Sites in Central/South-East European Transect* III. *The Körös Culture in Eastern Hungary*. BAR IS 2334. Oxford: Archaeopress, 113—123.

Kalicz N., Koós J. 1997. Eine Siedlung mit ältestneolithischen Hausresten und Gräbern in Nordostungarn. In: *Antidoron. Completis LXV annis Dragoslavo Srejovic ab amicis collegis discipulis oblatum*. University of Belgrade, Faculty of Philosophy 17. Belgrade: University of Belgrade, 125—135.

Kalicz N., Koós J. 2000. Település a legkorábbi újkőkori sírokkal Északkelet-Magyarországról (Eine Siedlung mit ältestneolithischen Gräbern in Nordostungarn). *Herman Ottó Múzeum Évkönyve* 39, 45—76.

Kalicz N., Makkay J. 1972. Probleme des frühen Neolithikums der nördlichen Tiefebene. *Alba Regia* 12, 77—92.

Kalicz N., Makkay J. 1976. Frühneolithische Siedlung in Méhtelek-Nádas. *Mitteilungen des Archäologischen Instituts der Ungarischen Akademie der Wissenschaften* 6, 13—24.

Kalicz N., Makkay J. 1977. *Die Linienbandkeramik in der Großen Ungarischen Tiefebene*. Studia Archaeologica VII. Budapest: Akadémiai Kiadó.

Kalicz N., Virág M., Biró K. 1998. The northern periphery of the early neolithic Starcevo culture in south-western Hungary: a case study of an excavation at Lake Balaton. *Porocilo o Raziskovanju Paleolita, Neolita i Eneolita v Sloveniji* 25, 151—187.

Kalicz N., Biró K., Virág Zs. 2002. Vörs, Máriaasszony-sziget. In: Bencze Z. et al. (eds.). *Régészeti kutatások Magyarországon 1999 (Archaeological investigations in Hungary 1999)*. Budapest: Archaeological Institute, 15—26.

Kalicz N., Molnár S., Rózsás M. 2007. Az élelemtermelés kezdetei Somogy megyében a Kr.E. 7.-6. évezred fordulóján. *Communicationes Archaeologicae Hungariae*, 19—64.

Kalicz N., Kalicz-Schreiber R. 1992. Die erste neolithische Fundstelle in Budapest. *Balcanica* 23, 47—76.

Kalicz N., Raczky P. 1981. The precursors to the "horns of consecration" in the Southeast European Neolithic. *Acta Archaeologica Hungariae* 33, 5—20.

Karmanski J. 1977. *Katalog antropomorfne i zoomorfne plastike iz okoline Odzaka*. Odzaci: Arheološka Zbirka.

Karmanski J. 2005. *Donja Branjevina: A neolithic settlement near Deronje in the Vojvodina (Serbia)*. Trieste: Societá per la preistoria e protoistoria della regione Friuli-Venezia-Giulia.

Kertész R. 1994. The present state of the research of the Mesolithic in the Great Hungarian Plain. *Jász-Nagykun Megyei Múzeumok Közleményei* 49, 9—33.

Kertész R. 1996. The Mesolithic in the Great Hungarian Plain: A survey of evidence. In: Tálas L. (ed.). *At the fringes of three worlds. Hunter-gatherers and farmers in the Middle Tisza valley*. Szolnok: Damjanich Museum, 5—39.

Kertész R. 2002. Mesolithic Hunter-Gatherers in the Northwestern Part of the Great Hungarian Plain. *Praehistoria* 3, 281—304.

Knipl I., Sümegi P. (in print). Life at the interface of two distinct landscapes- relationship of humans and environment in the periphery of the Danube-Tisza Interfluve. *Central European Journal of Geosciences.*

Kurucz K. 1989. *A Nyíri Mezőség neolitikuma*. Jósa András Múzeum Kiadványai 28. Nyíregyháza: Jósa András Múzeum.

Kutzián I. 1944. *A Körös-kultúra (The Körös culture)*. Dissertationes Pannonicae II/23. Budapest: A Királyi Magyar Pázmány Péter Tudományegyetem Éremés Régiségtani Intézete.

Lazarovici Gh. 1979. *Neoliticul Banatului*. Bibliotheca Musei Napocensis 4. Cluj-Napoca: Muzeul de Istorie al Transilvaniei.

Lazarovici Gh., Maxim Z. 1995. *Gura Baciului*. Cluj-Napoca: Muzeul Naţional de Istorie a Transilvaniei.

Lazarovici Gh., Lazarovici C.-M. 2012. Some Salt Sources in Transylvania and their Connections with the Archaeological Sites in the Area. In: Alexianu M., Weller O., Curca R.-G. (eds.). *The archaeology and anthropology of salt. Proceedings of the International Colloquium, 1—5 October 2008*. Al.I. Cuza University (Iaşi, Romania). BAR IS 2198. Oxford: Archaeopress, 89—110.

Leidinger W. 1983. Frühe Salzgewinnung in Werl, Kreis Soest, Westfalen. *Archäologisches Korrespondenzblatt* 13, 269—274.

Leidinger W. 1996. Salzgewinnung an den Solquellen der Saline Werl. In: Just R., Meisner U. (eds.). *Das Leben in der Saline: Arbeiter und Unternehmer*. Schriften und Quellen zur Kulturgeschichte des Salzes 3. Halle/Saale: Technisches Halloren- und Salinemuseum, 189—215.

Leidinger W. 1997. Salzgewinnungen den Solquellen der Saline Werl. In: *Werl — Gestern-Heute*. Edited by the City of Werl. Werl: City of Werl, 1—27.

Leković V. 1988. Zlatara — Ruma. In: Srejovic D. (ed.). *The neolithic of Serbia*. Belgrade: Univerzitet o Beogradu, 108—109.

Leković V. 1995. Neolitska naselja — Neolithic settlements. In: Vaja Z. (Hrsg.). *Arheološka istraživanja duž autoputa kroz Srem (Archaeological investigations along the highway route in Srem)*. Novi Sad: Pokrajinski Zavod za Zaštitu Spomenika Kulture, 25—44.

Lenneis E. 1997. Houseforms of the Central European Linear Pottery cultur and the Balkan early neolithic —

a comparison. *Porocilo o Raziskovanju Paleolita, Neolita i Eneolita v Sloveniji* 24, 143—149.

Lenneis E. 1989. Zum Forschungsstand der ältesten Bandkeramik in Österreich. *Archäologisches Korrespondenzblatt* 19, 23—36.

Lenneis E. 2000. Hausformen der mitteleuropäischen Linearbandkeramik und des balkanischen Frühneolithikums im Vergleich. In: Hiller St., Nikolov V. (eds.). *Karanovo III. Beiträge zum Neolithikum in Südosteuropa*. Wien: Phobos, 383—388.

Lenneis E. 1995. Altneolithikum: Die Bandkeramik. In: Lenneis E., Neugebauer-Maresch Chr., Ruttkay E. (eds.). *Jungsteinzeit im Osten Österreichs*. St. Pölten: Verlag Niederösterreichisches Pressehaus, 11—56.

Lenneis E., Stadler P., Windl H. 1996. Neue ^{14}C-Daten zum Frühneolithikum in Österreich. *Préhistoire Européenne* 8, 97—116.

Lichardus J. 1972. Zur Entstehung der Linearbandkeramik. *Germania* 50, 1—15.

Lindig S., Schwitalla G. 1999. Das Steinzeitdorf von Hempler. *Denkmalpflege und Kulturgeschichte* 1, 26—32.

Lüning J. 1982. Forschungen zur bandkeramischen Besiedlung der Aldenhovener Platte im Rheinland. In: Pavúk J. (ed.). *Siedlungen der Kultur mit Linearkeramik in Europa.* Kolloquium Nové Vozokany. Nitra: Archäologisches Institut der Slowakischen Akademie der Wissenschaften, 125—156.

Lüning J. 1984. Neolithische Hausgrundrisse in Schwanfeld. *Das archaologische Jahr in Bayern 1983.* Stuttgart: Bayerisches Landesamt für Denkmalpflege und Gesellschaft für Archäologie in Bayern — Stuttgart, 31—32.

Lüning J. 1987. Ausgrabungen zur ältesten Bandkeramik. In: *Das archaologische Jahr in Bayern 1986.* Stuttgart: Bayerisches Landesamt für Denkmalpflege und Gesellschaft für Archäologie in Bayern — Stuttgart, 33—34.

Lüning J. 1988. Ausgrabungen zur altesten Bandkeramik im Nördlinger Ries, Schwaben. *Das archäologische Jahr in Bayern* 1987. Stuttgart: Bayerisches Landesamt für Denkmalpflege und Gesellschaft für Archäologie in Bayern — Stuttgart, 32—34.

Lüning J. 1997. Wohin mit der Bandkeramik? Programmatische Bemerkungen zu einem allgemeinen Problem am Beispiel Hessens. In: Becker C. et al. (eds.). *Chronos. Beiträge zur prähistorischen Archäologie zwischen Nord- und Südosteuropa.* Festschrift für Bernhard Hänsel. Espelkamp: Leidorf, 23—57.

Lüning J. 2005. Bandkeramische Hofplätze und absolute Chronologie in der Bandkeramik. In: Lüning J., Frirdich Chr., Zimmermann A. (eds.). *Die Bandkeramik im 21. Jahrhundert.* Symposium Brauweiler 2002. Rahden/Westfalen: Leidorf, 49—74.

Lüning J., Modderman P.J.R. 1982. Hausgrundrisse der ältesten Bandkeramik aus Schwanfeld, Unterfranken. *Das archaologische Jahr in Bayern 1981.* Stuttgart: Bayerisches Landesamt für Denkmalpflege und Gesellschaft für Archäologie in Bayern — Stuttgart, 66—67.

Makkay J. 1970. *A kőkor és a rézkor Fejér megyében. Fejér megye története I./1*. Székesfehérvár: Székesfehérvár Fejér megyei Tanács.

Makkay J. 1978. Excavations at Bicske. I. The Early Neolithic — the earliest Linear Band Ceramic. *Alba Regia* 16, 9—60.

Makkay J. 1982. *A magyarországi neolitikum rendszere és fejlődésének főbb vonásai (The system of the Hungarian Neolithic and the main features of its development)*. Budapest: Akadémiai Kiadó.

Makkay J. 2003. Ősrégészeti kutatások Magyarországon — az ujkőkor és a rézkor (Prehistoric archaeology in Hungary in recent years. The Neolithic and the Copper Age). *Jósa Andras Múzeum Évkönyve* 45, 27—60.

Manson J.L. 1995. Starcevo pottery and neolithic development in the Central Balkans. In: Barnett W., Hoopes J. (eds.). *The emergence of pottery*. Washington: Smithsonian Institution Press, 65—77.

Marton T. 2003. Mezolitikum a Dél-Dunántúlon — a somogyi leletek újraértékelése (Mesolithic in Southern Transdanubia — the Somogy finds re-evaluated). In: Lőrinczy G. (ed.). *Festschrift für István Fodor*. Móra Ferenc Múzeum Évkönyve — Studia Archaeologica 9. Szeged: Móra Ferenc Múzeum, 39—48.

Mateiciucová I. 2002. Silexartefakte aus der ältesten und älteren LBK. Fundstellen in Brunn am Gebirge in Niederösterreich (Vorbericht). In: Bánffy E. (ed.). *Prehistoric studies. In memoriam Ida Bognár-Kutzián. Antaeus* 25, 169—187.

Mateiciucová I. 2004. Mesolithic traditions and the origin of the Linear Pottery culture (LBK). In: Lukes A., Zvelebil M. (eds.). *LBK dialogues. Studies in the formation of the Linear Pottery culture*. BAR IS 1304. Oxford: Archaeopress: 91—107.

Mateiciucová I. 2008. *Talking stones: The chipped stone industry in Lower Austria and Moravia and the beginnings of the Neolithic in Central Europe (LBK), 5700—4900 BC*. Dissertationes Archaeologicae Brunenses/Pragensesque 4. Brno: Muni Press.

Maxim Z. 1999. *Neo-eneoliticul din Transilvania*. Biblioteca Musei Napocensis 19. Cluj-Napoca: Muzeul Naţional de Istorie a Transilvaniei.

Medzihradszky Zs. 2001. The holocene sequence of Keszthely-Úsztatómajor, Hungary. *Annales historico-naturales Musei nationalis hungarici* 93, 5—12.

Meier-Arendt W. 1989. Überlegungen zur Herkunft der linienbandkeramischen Langhauses. In: Bökönyi S. (ed.). *Neolithic of Southeastern Europe and its Near Eastern Connections*. Varia Archaeologica Hungarica 2. Budapest: Institute of Archaeology, 183—189.

Mészáros Gy. 1948. *A Vázsonyi-medence mezolit- és neolitkori települései (The mesolithic and neolithic settlements in the Vázsony Basin)*. Veszprém.

Minichreiter K. 1990. Ranoeneoliticka arhitektura sjeverne Hrvatske (Frühneolithische Architektur Nordkroatiens). *Porocilo o Raziskovanju Paleolita, Neolita i Eneolita v Sloveniji* 20, 17—26.

Modderman P.J.R. 1972. Die Hausbauten und Siedlungen der Linienbandkeramik in ihrem westlichen Bereich. In: Schwabedissen H. (ed.). *Die Anfänge des Neolithikums vom Orient bis Nordeuropa.* Köln; Wien: Böhlau, 77—84.

Monah D. 1991. L'exploitation du sel dans les Carpates orientales et ses rapports avec la culture de Cucuteni-Tripolje. In: Chirica V., Monah D. (ed.). *Le paléolithique et le néolithique de la Roumanie en contexte Européen.* Bibliotheca Archaeologica Iassiensis 4. Iaşi: Université « Al.I. Cuza », 387—400.

Montagnari-Kokelj E. 2007. Salt and the Trieste Karst (North-Eastern Italy). In: Monah D., Dumitroaia Gh., Weller O., Chapman J. (eds.). *L'exploitation du sel à travers le temps*. BMA XVIII. Piatra Neamţ: Constantin Mătasă, 161—189.

Munteanu R., Garvăn D., Nicola D., Preoteasa C., Dumitroaia Gh. 2007. Cucuieţi — Slatina Veche (Romania). Prehistoric exploitation of a salt resource. In: Monah D., Dumitroaia Gh., Weller O., Chapman J. (eds.). *L'exploitation du sel à travers le temps*. BMA XVIII. Piatra Neamţ: Constantin Mătasă, 57—70.

Nagy E. Gy. 1998. Az Alföldi Vonaldíszes kerámia kultúrá-

jának kialakulása (Die herausbildung der Alföld Linearbandkeramik I—II). *A Debreceni Déri Múzeum Évkönyve* 1995—96 (1998), 53—150.

Nagy-Bodor E. 1988. A Balaton pannóniai és holocén képződményeinek palynológiai vizsgálata. *MÁFI Évi Jelentes az* 1986, 535—568.

Nehlich et al. 2009: Nehlich O., Montgomery J., Evans J., Schade-Lindig S., Pichler S.L., Richards M.P., Alt K.W. 2009. Mobility or migration: a case study from the Neolithic settlement. *Journal of Archeological Science* 36, 1791—1799.

Nica M. 1977. Nouvelles données sur le néolithique ancien d'Olténie. *Dacia N.S.* 21, 13—54.

Nikolov V. 1989. Das frühneolithische Haus von Sofia-Slatina: eine Untersuchung zur vorgeschichtlichen Bautechnik. *Germania* 67, 1—49.

Nikolov V. (ed.) 2008. *Provadia-Solinstata prehistoric salt-production center. The 2005—2007 excavation seasons*. Sofia: BAN National Institute of Archaeology and Museum.

Oross K. 2007. The pottery from Ecsegfalva 23. In: Whittle A. (ed.). *The Early Neolithic on the Great Hungarian Plain: investigations of the Körös culture site of Ecsegfalva 23, County Békés.* Varia Archaeologica Hungarica 21. Budapest: Archaeological Institute, 491—620.

Oross K., Siklósi Zs. 2012. Relative and absolute chronology of the Early Neolithic in the Great Hungarian Plain. In: Anders, A., Siklósi Zs. (eds.). *The First Neolithic Sites in Central/South-East European Transect* III. *The Körös Culture in Eastern Hungary.* BAR International Series 2334. Oxford: Archaeopress, 129—159.

Paul I. 1995. *Vorgeschichtliche Untersuchungen in Siebenbürgen*. Bibliotheca Universitatis Apulensis. Alba Iulia: Universitatea 1 Decembrie.

Pavlu I. 1981. Altneolithische Häuser in Böhmen. *Archeologické Rhozledy* 33, 534—543.

Pavlu I., Vokolek V. 1992. Early Linear Pottery culture in the East Bohemian Region. *Památky archeologické* 83, 41—87.

Pavúk J. 1962. Gliederung der Volutenkeramik in der Slowakei. *Študijné Zvesti Archeologického Ústavu* 9, 5—20.

Pavúk J. 1972. Neolithisches Gräberfeld in Nitra. *Slovenská archeológia* 20, 5—105.

Pavúk J. 1973. Zur Chronologie und kulturellen Beziehungen der älteren Linearkeramik. *Actes du VIIIe congres international des sciences préhistoriques et protohistorique* II. Beograd, 273—281.

Pavúk J. 1980. Altere Linearkeramik in der Slovakei. *Slovenská archeológia* 28, 7—90.

Pavúk J. 1980a. Problem der Genese der Kultur mit Linearkeramik im Lichte ihrer Beziehungen zur Starcevo-Cris Kultur. In: Kozlowski J., Machnik J. (eds.). *Problemes de la néolithisation dans certaines régions de l'Europe. Actes du colloque international Krakow-Mogilany 1979*. Wrocław: Zakład Narodowy im. Ossolińskich, 163—174.

Pavúk J. 1994. Zur relativen Chronologie der älteren Linearkeramik. *JAMÉ Nyíregyháza* 36, 135—149.

Pavúk J. 1996. Zur Frage der Verbreitung des Neolithikums. In: Draşovean Fl. (ed.). *The Vinca culture, its role and cultural connections*. Timişoara: Mirton, 23—40.

Pavúk J. 2004. Early Linear Pottery culture in Slovakia and the Neolithisation of Central Europe. In: Lukes A., Zvelebil M. (eds.). *LBK dialogues. Studies in the formation of the Linear Pottery culture*. BAR IS 1304. Oxford: Archaeopress, 71—82.

Pavúk J., Farkas Z. 2013. Beitrag zut Gliederung der älteren Linearkeramik. In: Anders A., Kulcsár G., Kiss V., Kalla G., V Szabó, G. (eds.). *Moments in time. Papers presented to Pál Raczky on his 60th birthday.* Prehistoric Studies 1. Budapest: L'Harmattan Kiadó, 213—236.

Petrasch J. 2001. „Seid fruchtbar und mehret euch und füllet die Erde und machet sie euch untertan": Überlegungen zur demographischen Situation der bandkeramischen Landnahme. *Archäologisches Korrespondenzblatt* 31, 13—25.

Petrović J. 1985. Nasele Starcevacke kulture na Golokutu kod Vica. *Rad Vojvodanskog Muzeja* 29, 9—25.

Petrović J. 1976. Golokut — Vizić, praistorijsko naselje. *Arheoloski Pregled* 18, 11—22.

Pusztai R. 1957. Mezolitikus leletek Somogyból (Mesolithische Funde im Komitat Somogy). *Janus Pannonius Múzeum Évkönyve* 2, 95—105.

Quitta H. 1960. Zur Frage der ältesten Bandkeramik in Mitteleuropa. *Prähistorische Zeitschrift* 38, 1—38, 153—188.

Raczky P. 1976. A Körös-kultúra leletei Tiszajenőn (Funde der Körös-Kultur in Tiszajenő). *Archeológiai Értesítő* 103: 171—189.

Raczky P. 1977. Szajol-Felsőföld (ásatási jelentés) *Archeológiai Értesítő* 104, 263.

Raczky P. 1983. A korai neolitikumból a középső neolitikumba való átmenet kérdései a Közép- és Felső-Tiszavidéken (Questions of transition between the Early and Middle Neolithic in the Middle and Upper Tisza region). *Archeológiai Értesítő* 110, 161—194.

Raczky P. 1986. The cultural and chronological relations of the Tisza regionduring the Middle and the Late Neolithic, as reflected by the excavations of Öcsöd-Kováshalom. *Béri Balogh Ádám Múzeum Évkönyve* 13, 103—126.

Raczky P. 1986a. Megjegyzések az "alföldi vonaldíszes kerámia" kialakulásának kérdéséhez. In: *Folklór és Etnográfia* 24, 45—59.

Raczky P. 1987. Öcsöd-Kováshalom. In: Tálas L. (ed.). *The Late Neolithic of the Tisza region*. Budapest: Szolnok, 61—83.

Raczky P. 1988. *A Tiszavidék kulturális és kronológiai kapcsolatai a Balkánnal és az Égeikummal a neolitikum, rézkor időszakában. Újabb kutatási eredmények és problémák.* Szolnok Megyei Múzeumok Igazgatósága — ELTE. Szolnok.

Radovanovic I. 1996. Mesolithic/neolithic contacts: a case of the Iron Gates region. *Porocilo o Raziskovanju Paleolita, Neolita i Eneolita v Sloveniji* 23, 39—48.

Regenye J. 2008. A Starcevo-kultúra települése a Tihanyi-félszigeten (Settlement of the Starcevo culture in the Tihany peninsula). *Ősrégészeti Levelek — Prehistoric Newsletter*, 5—15.

Runnels C., van Andel T. 1988. Trade and the origins of agriculture in the Eastern Mediterranean. *Journal of Mediterranen Archaeology* 1, 83—109.

Saile Th. 2000. Salz im Ur- und frühgeschichtlichen Mitteleuropa — Eine Bestandaufnahme. *Bericht der Römisch-Germanischen Kommission* 81, 129—234.

Saile Th. 2008. Early salt-making in Central Europe: Patterns of salt production and trade in the Neolithic. *Analecta Archaeologia Ressoviensia* 3, 97—127.

Simon H. 1996. Ein neuer Fundort der Starcevo-Kultur bei Gellénháza (Kom. Zala, Ungarn) und seine südliche Beziehungen. In: Draşovean Fl. (ed.). *The Vinca culture, its role and cultural connections*. Timişoara: Mirton, 59—92.

Smrčka et al. 2008: Smrčka V., Bůzek F., Zocová J. C and N Stable Isotopes in a Set of 17 skeletons from the Vedrovice. *Anthropologie. International Journal of the Science of Man* 46, 227—231.

Smrčka et al. 2008a: Smrčka V, Erban V., Hlozek M., Gregerová M., Dockalová M. Reconstruction of mobility: comparison between the analysis of Sr isotopes in a set of Neolithic skeletons from the Vedrovice cemetery, and the petrographical analysis of pottery in graves. *Anthropologie. International Journal of the Science of Man* 46, 233—238.

Šparica M. 2007. Geographic and geological determinants of Brodsko Posavlje. In: Minichreiter K. *Galovo — Slavonski Brod, a settlement of the Starčevo culture.* Zagreb: Institute of Archaeology, 23—29.

Spataro M. 2008. Early neolithic pottery production in Romania: Gura Baciului and Seusa La Cararea Morii (Transylvania). In: Bailey D., Whittle A., Hoffmann D. (eds.). Living well together? Settlement and materiality of South East and Central Europe. Oxford: Oxbow, 91—100.

Stadler P. 1999. Die ältestlinearbandkeramische Fundstelle von Brunn am Gebirge, Flur Wolfholz (5620—5200 v. Chr.) *Führer zur Austellung in Brunn im August 1999,* 1—13.

Stadler P. 2005. Settlement of the Early Linear Ceramics Culture at Brunn am Gebirge, Wolfholz site. *Documenta Praehistorica* 32, 269—278.

Stadler et al. 2005: Stadler P., Carneiro A., Bánffy E. The radiocarbon dates for Szentgyörgyvölgy-Pityerdomb. In: Bánffy E. (ed.). Archaeology and settlement history of the Kerka valley microregion. *Antaeus 28,* 253—260.

Stadler P., Kotova N. 2010. Early neolithic settlement from Brunn-Wolfholz in Lower Austria and the problem of the origin of (western) LBK. In: Kozlowski J., Raczky P. (eds.). *Neolithisation at the Carpathian Basin: Northernmost distribution of the Starcevo culture.* Kraków; Budapest: Polska Akademia Umiejętności, 325—348.

Stanković S. 1989—1990. Bull representations in the Early Neolithic. *Starinar N.S.* 40—41, 35—42.

Starnini E. 1994. Typological and technological analysis of the Körös culture stone assemblages of Méhtelek-Nádas and Tiszacsege (North East Hungary). A preliminary report. *JAMÉ* 36, 101—110.

Stäuble H. 1994. *Häuser und absolute Datierung der ältesten Bandkeramik.* Unpublished PhD diss. Universität Frankfurt/Main.

Stäuble H. 1997. Häuser, Gruben und Fundverteilung. In: Lüning J. (ed.). *Ein Siedlungsplatz der ältesten Bandkeramik in Bruchenbrücken, Stadt Friedberg/Hessen.* Universitätsforschungen zur prähistorischen Archäologie. Bonn: Habelt, 17—150.

Sümegi P. 1998. Az utolsó 15000 év környezeti változásai és hatásuk az emberi kultúrákra Magyarországon. In: Ilon G. (ed.). *A régésztechnikusok kézikönyve*. Szombathely, 367—397.

Sümegi P. 1999. Reconstruction of flora, soil and landscape evolution, and human impact on the Bereg plain from late glacial up to the present, based on palaeoecological analysis. In: Hamar J., Sárkány-Kiss A. (eds.). *The Upper Tisza Valley*. Tiscia Monograph Series, Szeged: Tisza Klub, 173—204.

Sümegi P. 2003. Preneolitizáció — egy Kárpát-medencei, késő mezolitikum során bekövetkezet életmódbeli változás környezetrégészeti rekonstrukciója (Preneolitization — the environmental historical reconstruction of a change in lifestyle occurring during the late Mesolithic in the Carpathian Basin). *Momos* II, 21—32.

Sümegi P. 2004. Environmental Changes under the Neolithization Process in Central Europe: Before and After. *Antaeus* 27, 117—128.

Sümegi P. 2005. Császártöltés — Hajós-Kétvölgyi töltésen végzett régészeti geológiai feltárás eredményei. *Cumania* 21, 133—193.

Sümegi P., Gulyás S. (eds.) 2004. *The Geohistory of Bátorliget Marshland. An Example for the Reconstruction of Late Quaternary Environmental Changes and Past Human Impact from the Northeastern Part of the Carpathian Basin.* Budapest: Archaeolingua.

Sümegi P., Kertész R. 2001. Palaeogeographic characteristics of the Carpathian Basin — an ecological trap during the Early Neolithic? In: Kertész R., Makkay J. (eds.). *From the Mesolithic to the Neolithic. Proceedings of the International Archaeological Conference held in Szolnok 1996.* Budapest: Archaeolingua, 405—415.

Sümegi et al. 2002: Sümegi P., Kertész R., Hertelendi E. Environmental change and human adaptation in the Carpathian basin at the Late Glacial/Postglacial transition. In: Jerem E., Biró K. (eds.). *Archaeometry 98. Proceedings of the 31st symposium. Budapest, April 26 — May 3 1998.* Archaeolingua Central European Series 1. BAR IS 1043. Oxford: Archaeopress, 171—177.

Szakmány et al. 2004: Szakmány Gy., Gherdán K., Starnini E. Kora neolitikus kerámiakészítés Magyarországon a Körös és Starcevo kultúra kerámiáoinak összehasonlító archeometriai vizsgálata. *Archeometriai Műhely* (1), 28—31.

Szakmány et al. 2006: Szakmány Gy., Gherdán K., Starnini E. Early neolithic pottery production in Hungary: a comparative archeometrical study of Körös and Starcevo ceramics. *Proceedings of the 34th Symposium on archaeometry, 3—7 May 2004, Zaragoza, Spain, Insitución Fernando el Catolico (C.S.I.C.) Excma.* Zaragoza, 549—554.

Szalontai C. 2012. A Maty-ér szerepe és jelentősége Szeged környékének településtörténetében. Előzetes eredmények. In: Kreiter A., Pető Á., Tugya B. (eds.). *Environment — Human — Culture. Dialogue between applied sciences and archaeology. Proceedings of the conference held between 6th and 8th of October 2010 by the National Heritage Protection Centre of the Hungarian National Museum*. Budapest: Hungarian National Museum Centre for National Cultural Heritage, 125—138.

Szécsényi et al. 2012: Szécsényi A., Jakucs J., Keerl V., Bánffy E., Alt K.W. Ancient DNA from middle Neolithic Hungary suggests a common ancestry of LBK in Central Europe. Poster, *"First farmers" conference, Cardiff, May 2012.*

Tasić N. 2000. Salt use in the Early and Middle Neolithic of the Balkan Peninsula. In: Nikolova L. (ed.). *Technology, Style and Society. Contributions to the innovations between the Alps and the Black Sea in prehistory*. BAR International Series 854. Oxford: Archaeopress, 35—40.

Tichy R. 1998. The context of the early LBK-well at Mohelnice. In: Koschik H. (ed.). *Brunnen in der Jungsteinzeit. Internationaler Symposium in Erkelenz*. Köln: Rheinland, 45—50.

Torma I. (ed.) 1993. *Magyarország régészeti topográfiája (Archaeological Topography of Hungary) 9*. A Szobi és a Váci Járás. Budapest: Akadémiai Kiadó.

Tóth K. 1998. Homokmégy településtörténete a neolitikumtól a bronzkor végéig. In: Romsics I. (ed.). *Homokmégy. Tanulmányok Homokmégy történetéből és néprajzából.* Homokmégy: Homokmégy Homokmégyért Alapítvány, 59—71.

Tripković B. 2004. Obsidian deposits in the Central Balkans? Tested against archeological evidence. *Starinar* 53—54, 163—179.

Trogmayer O. 1968. Die Hauptfragen des Neolithikums der

Ungarischen Südtiefebene. *Móra Ferenc Múzeum Évkönyve*, 11—19.

Ursulescu N. 1984. *Evoluţia culturii Starcevo-Criş pe teritoriul Moldovei*. Suceava: Muzeul Judeţean Suceava.

Vadász E. 1967. *A kalocsi járás őskori településtörténete*. MA szakdolgozat, ELTE BTK.

Vértes L. 1962. Ausgrabungen in Szekszárd Palánk und die archäologischen Funde. *Swiatowit* 24, 159—202.

Weller O., Dumitroaia Gh. 2005. The earliest salt production in the world: an early Neolithic exploitation in Poiana Slatinei-Lunca, Romania. *Antiquity* 79/306, December 2005.

Weller O., Brigand R., Nuninger L., Dumitroaia Gh. 2008. Spatial Analysis of Prehistoric Salt Exploitation in Eastern Carpathians (Romania). In: Alexianu M., Weller O., Curcă R.-G. (eds.). *Archaeology and Anthropology of Salt: a diachronic approach*. BAR International Series 2198. Oxford: Archaeopress, 69—80.

Wicker et al. 2001: Wicker E., Kustár R., Horváth A. Régészeti kutatások Bács-Kiskun megyében (1990—1995). *Cumania* 17, 33—126.

Whittle A. 2010. The long and winding road: reflections on sixth millennium process. In: Kozlowski J.K., Raczky P. (eds.). *Neolithisation of the Carpathian Basin: Northernmost distribution of the Starcevo/Körös culture*. Kraków; Budapest: Polska Akademia Umiejętności, 91—102.

Whittle et al. 2002. Whittle A., Bartosiewicz L., Boric D., Pettitt P., Richards M. In the beginning: New radiocarbon dates for the early neolithic in Northern Serbia and South East Hungary. In: Bánffy E. (ed.). Prehistoric studies. In memoriam Ida Bognár-Kutzián. *Antaeus* 25: 63—117.

Whittle A., Bartosiewicz L. 2007. On the waterfront. In: Whittle A. (ed.). The Early Neolithic on the Great Hungarian Plain: investigations of the Körös culture site of Ecsegfalva 23, County Békés. Varia Archaeologica Hungarica 21. Budapest: Institute of Archaeology.

Willis et al. 1995: Willis K., Sümegi P., Braun M., Tóth A. The late quaternary environmental history of Bátorliget, NE Hungary. *Palaeogeography, Palaeoclimatology, Palaeoecology* 118, 25—47.

Willis et al. 2000: Willis K., Rudner E., Sümegi P. The full-glacial forests of central and south-eastern Europe: evidence from Hungarian palaeoecological records. *Quaternary research* 53, 203—213.

Yiouni P. 1996. The early neolithic pottery. Technology, Typology, Functional analysis. In: Wardle K.A. (ed.). *Nea Nikomedeia I: The excavation of an early neolithic village in Northern Greece 1961—1964, directed by R.J. Rodden. The excavation and the ceramic assemblage*. London: The British School at Athens, 55—193.

Zatykó et al. 2007: Zatykó Cs., Juhász I., Sümegi P. (eds.). *Environmental archaeology in Transdanubia*. Varia Archaeologica Hungarica 20. Budapest: Institute of Archaeology.

Zimmermann A. 1995. *Austauschsysteme von Silexartefakten in der Bandkeramik Europas*. UPA 26. Bonn: Habelt.

Zoffmann Zs. 2000. Az Alföldi Vonaldíszes Kerámia Felsővadász-Várdomb lelőhelyén feltárt kettős temetkezésének embertani leletei. *HOMÉ* 39, 103—115.

Zólyomi B. 1980. Landwirtschaftliche Kultur und Wandlung der Vegetation. *Phytocoenologia* 7: 121—126.

Zvelebil M. 1986. Mesolithic prelude and neolithic revolution. In: Zvelebil M. (ed.). *Hunters in transition. Mesolithic societies of temperate Eurasia and their transition to farming*. Cambridge: Cambridge University Press, 5—15.

Zvelebil M. 2000. The social context of the agricultural transition in Europe. In: Renfrew C., Boyle K. (eds.). *Archaeogenetics: DNA and the population of Europe*. McDonald Institute Monographs. Cambridge: McDonald Institute for Archaeological Research, 57—79.

Zvelebil M., Pettitt P. 2008. Human condition, life and death at an early neolithic settlement: bioarchaeological analyses of the Vedrovice cemetery and their biosocial implications for the spread of agriculture. *Anthropologie. International Journal of the Science of Man* 46, 195—218.

Статья поступила в номер 28 марта 2013 г.

Eszter Bánffy (Budapest, Hungary). Doctor. Institute of Archaeology, Hungarian Academy of Sciences[1].

Eszter Bánffy (Budapesta, Ungaria). Doctor. Institutul de arheologie, Academia de Ştiinţe a Ungariei.

Эстер Банффи (Будапешт, Венгрия). Доктор. Институт археологии, Венгерская Академия наук.

E-mail: banffy.eszter@btk.mta.hu

Address: [1] Országház St., 30, Budapest, H-1014, Hungary

М. Т. Товкайло

Неолитизация Юго-Западной Украины в свете новых исследований поселения Гард

Keywords: South-West Ukraine, Southern Bug basin, settlement Gard, Neolithic, Bug-Dniester culture, Neolithisation, chronology.

Cuvinte cheie: Ucraina de Sud-Vest, regiunea Bugului, așezarea de la Gard, neolitic, cultura Bugo-Nistreană, neolitizare, cronologie.

Ключевые слова: Юго-Западная Украина, Побужье, поселение Гард, неолит, буго-днестровская культура, неолитизация, хронология.

M. T. Tovkaylo

Neolithization of South-West Ukraine in the Light of New Researches of Gard Settlement

The article presents the results of new research (2006—2011) on the Neolithic settlement of Gard, located in the steppe zone of the Southern Bug river basin. The early and late Neolithic are characterized. Basing on the inventory of the strata, the key problems of the neolithisation of South-Western Ukraine, genesis of the Bug-Dniester culture and the so-called "steppe Neolithic" are discussed. A detailed analysis of the data about the chronology and periodisation of sites is aldo made. A special emphasis is drawn on the analysis of the Mediteranean and Balkan impulses and their influence on the process of the neolithisation of the region. Also, the aspects of the interrelations between local population and early farming communities of Starcevo-Criș, LBK and Precucuteni-Tripolye A are being discussed.

M. T. Tovkaylo

Neolitizarea Ucrainei de Sud-Vest în lumina noilor cercetări pe situl de la Gard

În articol sunt prezentate rezultatele noilor cercetări dintre anii 2006 şi 2011 pe situl neolitic de la Gard, amplasat în partea sudică a bazinului râului Bug. Sunt caracterizate straturile neoliticului timpuriu şi târziu, iar analiza inventarului acestor nivele este realizată în contextul problemelor cruciale ale neolitizării Ucrainei de Sud-Vest, genezei culturii Bugo-Nistrene şi aşa-numitului „neolitic stepic". Sunt prezentate datele privind cronologia şi periodizarea siturilor. O atenţie aparte este dedicată analizei influenţei impulsurilor culturale mediterane şi balcanice asupra procesului de neolitizare a regiunii. De asemenea, sunt discutate aspectele interrelaţiilor dintre populaţia autohtonă şi comunităţile agricultorilor timpurii Starcevo-Criş, cultura ceramicii liniare şi Precucuteni-Tripolie A.

М. Т. Товкайло

Неолитизация Юго-Западной Украины в свете новых исследований поселения Гард

В статье представлены результаты новых исследований 2006—2011 гг. неолитического поселения Гард, расположенного в Степном Побужье. Дана характеристика слоев раннего и позднего неолита, исходя из инвентаря которых рассматриваются ключевые проблемы неолитизации Юго-Западной Украины, генезиса буго-днестровской культуры и так называемого «степного неолита». Проведен разбор данных по хронологии и периодизации памятников. Особое внимание уделяется анализу влияния культурных импульсов из Средиземноморья и Балкан на процесс неолитизации региона. Также рассматриваются аспекты взаимодействия местного населения с раннеземледельческими обществами Старчево-Криш, КЛЛК и Прекукутень-Триполье А.

Введение

В 2006 г. возобновились исследования многослойного поселения и могильника Гард, открытого еще в 1930 г. Памятник расположен в степной зоне Южного Буга (Степном Побужье), географически относящейся к Северо-Западному Причерноморью. Новые исследования поселения кардинально изменили наше представление об этом памятнике. Особенно важными оказались материалы неолита — кроме обнаруженного ранее культурного слоя эпохи позднего неолита, исследован мощный ранненеолитический слой с многочисленными очагами, отражающий начальный этап неолитизации региона. По полноте и уровню исследования, объему добытых материалов Гард занимает ведущее место

© *Stratum plus*. Археология и культурная антропология.

© М. Т. Товкайло, 2014.

среди неолитических памятников Южной Украины, а его богатейший материал позволяет по-новому взглянуть и на процессы неолитизации Северо-Западного Причерноморья, Побужья и Среднего Поднестровья.

1. История исследований

Открытие памятника связано с работой Богесовской археологической экспедиции, организованной в связи с планами строительства в районе южнобужских порогов, между городами Первомайск и Вознесенск. До начала работ экспедиции этот район оставался фактически белым пятном на археологической карте Украины. По плану полевых работ экспедиции предполагалось поэтапно провести археологическую разведку в районе будущего затопления и развернуть разведывательные раскопки в местах выявления главных памятников (Козубовський 1933: 19). В 1930 г. правобережная группа, которую возглавил Т. Мовчанивский, открыла ряд разновременных и разнотипных археологических памятников, в том числе — в окрестностях знаменитого урочища Гард. Здесь, в трех местах, экспедицией были обнаружены разновременные археологические материалы (Козубовський 1933: 28—34):

1) между двумя байрачными балками в верхней части «Гардового клина»;

2) «на склоне к Гарду» — посредине клина между плёсом и верхним плато (возле «каменистых ворот»);

3) на краю ограниченного двумя балками террасовидного, частично подмытого рекой, составленного из отложений пролювия и делювия уступа правого берега реки. Именно здесь и находятся многослойное поселение и могильник, утвердившиеся в археологической литературе под названием «Гард», материалы которого рассматриваются в этой статье.

В нижней части террасовидного уступа были заложены три траншеи (№1—3). Схематическое расположение траншей зафиксировано на одном из планов поселения, сохранившихся в научном архиве Института археологии, опубликованного Ф.А. Козубовским: траншея №1 — у выхода на плёс с южной балки; участок №2 — в обрыве клина в устье Осокоровой балки; участок №3 — посередине Гардового клина, от плёса реки вверх по склону на 24 м. По моим подсчетам, сделанным по записям в дневнике Т. Мовчанивского, траншея 1 имела площадь 45 м², участок 2 — 6 м², участок 3 — 15 м² (НА ИА НАНУ. Ф. ВУАК. Д. 327/24). Во всех траншеях было добыто большое количество кремневых изделий, обломков керамики, костей животных и т.д., а на участке №2, кроме того, обнаружены остатки человеческого захоронения. Экспедиция зафиксировала в траншее №1 несколько скоплений камней (Козубовський 1933: 29—31; НА ИА НАНУ. Ф. ВУАК. Д. 327/24). Исходя из вполне фрагментарного напечатанного позже отчета, в 1930 г. в траншеях было обнаружено 2098 кремневых изделий. Кроме того, тогда же на «Гардовом плёсе и клине» было собрано еще несколько сот образцов кремневой индустрии и фрагментов посуды (Козубовський 1933: 29—31).

Все археологические материалы из раскопок и разведок экспедиции 1930 не сохранились. Кое-какие материалы из своих исследований, вместе с графическим и фотоматериалом, экспедиция подала на отчетную выставку в Одессе, которую впоследствии перевезли на Всеукраинскую археологическую выставку ВУАН (Козубовський 1933: 46). Последняя состоялась в августе — сентябре 1931 г. на территории музейного городка (НА ИА НАНУ. Ф. ВУАК. Д. 380. Л. 33—34). Согласно соглашению с Первомайским окружным исполкомом, экспедиция, после научной обработки материалов и использования для отчетных выставок, обязывалась передать их в Первомайский музей (Козубовський 1933: 19). Вероятно, после выставок они и были переданы Первомайскому музею. Дальнейшая судьба этих материалов неизвестна. В.Н. Даниленко считал, что материалы из раскопок Гарда и Миколиной Брояки (черноташлыкской стации) погибли во время Второй мировой войны (Даниленко 1969: 134, 140). Хотя они могли погибнуть и раньше, в середине 1930-х годов, во время погромов украинских музеев представителями коммунистической власти.

В 1931 г. раскопки поселения под руководством Т. Мовчанивского продолжил И.Н. Луцкевич. Раскоп размером 3×12 м пришелся уже на самый склон террасы (Козубовський 1933: 60). Материалы этого раскопа, а именно коллекция кремня, насчитывающая 852 изделия, и небольшая коллекция бугоднестровской, раннетрипольской и позднетрипольской керамики, костей животных и крупных рыб (Товкайло 2005: 63—64), хранятся в Национальном музее истории Украины (коллекция №А183).

Работами 1930 и 1931 гг. Богесовская экспедиция открыла новый этап в исследовании археологических памятников в Побужье: выявлен ряд разновременных и разнотипных памятников, позволивших по-новому взглянуть на древнюю историю Степного Побужья.

Важное место здесь занимает исследование многослойного поселения и могильника Гард. Уже тогда на Гарде был получен массовый археологический материал, установлен характер памятника, стратиграфия геологических и культурных наслоений. Большинство из полученных здесь материалов исследователи отнесли к неолиту, меньшую часть — к «энеолиту в репрезентации остатков трипольской эпохи» (Козубовський 1933: 31—32). Уделяя особое внимание раскопкам Гарда, авторы отчета отмечали его особую роль в «решении проблемы родового общества над Бугом» (Козубовський 1933: 60). Неолитический слой памятника они отнесли к типу поздненеолитических стоянок с определенными местными отличиями, проводя аналогию с такими неоднородными неолитическими памятниками, как Почайна-Куренивка в окрестностях Киева, Юркова Гора у Слободки и др. (Козубовський 1933: 34, 90).

Конечно, первые раскопки неолитических памятников Южного Буга не могли в полной мере выявить их культурную специфику, причиной чего был, в первую очередь, низкий уровень развития неолитоведения в целом в Северном Причерноморье. Поэтому продолжение археологических исследований на Буге, в том числе на Гарде, планировалось и в следующих 1932, 1933 и даже 1934 годах (НА ИА НАНУ. Ф. ВУАК. Д. 372. Л. 11; Козубовський 1933: 47). По результатам исследований археологической экспедиции НКО на территории Богеса между городами Первомайском и Вознесенском в 1931 г. готовился сборник статей, для которого Т.М. Мовчанивский должен был подать статью «Правим берегом р. Богу» (Товкайло 2007; НА ИА НАНУ. Ф. ВУАК. Д. 574), однако этим планам не суждено было осуществиться: в 1932 г. начался погром украинской археологической науки. Уже подготовленые к печати статьи были уничтожены, а сами исследователи репрессированы. Зато успела выйти в свет монография Ф.А. Козубовского «Археологічні дослідження на території Богесу» — фактически это печатный отчет экспедиции (НА ИА НАНУ. Ф. ВУАК. Д. 493-а. Л. 9; Козубовський 1933).

Из-за погрома украинской археологической науки и физического истребления самих археологов материалы по исследованиям Гарда не были должным образом опубликованы; изданный в 1933 г. отчет экспедиции является далеко не полным и, кроме того, содержит ошибки. Погибло и большинство материалов, чертежи и фотографии. Долгое время об исследовании Гарда нигде не упоминалось, а его материалы не использовались.

В 1949 г. В.Н. Даниленко, возглавив Бугскую экспедицию АН Украины, возобновил исследования Гарда, в ходе которых заложил траншею размером 1×10 м и провел сборы материалов на поверхности в береговой части поселения (Даниленко 1969: 140). Судя по коллекционной описи, в траншее было обнаружено 205 предметов; еще 75 предметов собрано на поверхности (материалы хранятся в фондах Института археологии, коллекционный №144).

Во всех своих хронологических построениях В.Н. Даниленко относил неолитический слой Гарда к поздней, савранской фазе БДК (Даниленко 1957: 48; 1969: 139—142), несмотря на найденные на поселении карандашевидные нуклеусы и вкладыши кукрекского типа (Даниленко 1969: 140), которые он, однако, не выделял из числа поздненеолитических изделий. И действительно, известная в то время буго-днестровская керамика и абсолютное большинство кремневого инвентаря из Гарда датируются именно поздним, савранским периодом БДК. Отдельные находки кремневых изделий кукрекского типа этого поселения отмечали и другие исследователи (Товкайло 2003: 197; 2005: 27, рис. 33: 9; Гаскевич 2005: 35). Поскольку до последнего времени на Гарде ранненеолитическая керамика не была известна, поздним периодом БДК датировал это поселение в своих работах и автор настоящей статьи (Товкайло 2003; 2005).

В 1980 г. началось систематическое исследование первобытных памятников Степного Побужья Николаевской новостроечной экспедицией Института археологии АН УССР, возглавляемой О.Г. Шапошниковой. Эти работы проводились в связи со строительством энергокомплекса Южно-Украинской АЭС и сооружением водохранилищ на Южном Буге и его притоке — Ташлыке. Еще в ходе разведочных работ 1980 г., которыми был открыт ряд поселений, относящихся к различным археологическим периодам, Николаевская экспедиция обследовала поселение Гард и собрала на его поверхности коллекцию материалов неолитического времени, состоящую из 212 кремневых изделий (табл. 1) и небольшого количества керамики (Товкайло 2003; 2005). В течение 1981—1988 гг. в урочище Гард и вокруг него экспедиция провела исследования многослойных поселений, в их числе поздненеолитических памятников Великий Остров (укр. Великий Острів), Пугач 1, Пугач 2, Гард 3, Гард 4, Клепана Балка, Ташлык 2, Ташлык 3, большую часть которых исследовал автор. В процессе этих работ, в 1985 г., автор также

произвел шурфование поселения Гард и сбор материалов на поверхности (Товкайло 2003; 2005). Неолитические материалы упомянутых поселений стали предметом диссертационного, а позже и монографического исследований автора, посвященных неолиту Степного Побужья (Товкайло 2005). В этих работах неолитические материалы Гарда, при отсутствии в то время ранненеолитической керамики, вслед за В.Н. Даниленко были отнесены к позднему периоду БДК (Товкайло 2005: 36).

В 2006 г. Николаевская экспедиция Института археологии, возглавляемая В.Н. Фоменко, возобновила раскопки поселения Гард в его прибрежной части, на так называемом «Гардовом клине» (работы автора). Возобновление раскопок было связано с поднятием весной 2006 г. уровня воды в Александровском водохранилище, в результате чего вода достигла подножия террасы, на которой расположено поселение и могильник Гард. Раскоп площадью 36 м², заложеный в северо-восточном конце террасы, принес неожиданные результаты, так как в нижней части культурного слоя было обнаружено несколько обломков ранненеолитической керамики, ранние формы трапеций и кремневые изделия кукрекского типа. И хотя соотношение этой керамики с группой кремневых изделий кукрекского типа оставалось неясным, новые исследования позволили отойти от сложившегося представления о датировке неолитических материалов Гарда исключительно поздним неолитом и выделить на поселении ранненеолитический горизонт (Товкайло 2008: 151).

В последующие 2007—2009 гг. работы были продолжены в юго-восточной и частично в центральной части террасы, где, кроме поздненеолитического, был обнаружен мощный ранненеолитический слой с многочисленными очагами (Фоменко и др. 2007; 2009а; 2009б). Как показали исследования, нижний слой характеризуется залеганием двух групп ранненеолитической буго-днестровской керамики с выразительными чертами культуры Старчево-Криш и кремневым инвентарем смешанного кукрекско-гребениковского типа, подтверждающего участие носителей кукрекской и гребениковской культур в процессе неолитизации Побужья (Товкайло 2010: 213).

Дальнейшие исследования Гарда 2010—2011 гг., с одной стороны, подтвердили предыдущие выводы по стратиграфии и культурной атрибуции поселения, а с другой — дали новые результаты. Особенно важными оказались стратиграфические данные поселения в центральной части террасы. Значительно возрос объем материалов эпохи неолита. Едва ли не важнейшим достижением исследований 2011 г. было открытие, впервые на Южном Буге, могильника мариупольского типа, залегающего под культурным слоем эпохи раннего неолита.

В течение 2006—2011 гг. мы исследовали 360 м² площади поселения. Около 120 м² было раскопано предшественниками. Общая исследованная площадь Гарда составляет, таким образом, около 480 м².

Итак, новые раскопки Гарда кардинально изменили наше представление об этом памятнике. По этим данным, неолитический памятник Гард представляет собой двухслойное поселение с материалами буго-днестровской культуры раннего и позднего периодов. По полноте и уровню исследования, объему добытых материалов, отражающих исторические процессы в течение эпохи неолита, Гард занимает ведущее место среди неолитических памятников Южной Украины. Исследования, проведенные в последнее десятилетие, дали богатейший материал, который позволяет по-новому взглянуть и на процессы неолитизации Побужья, Среднего Поднестровья и Северо-Западного Причерноморья.

2. Расположение, топография и стратиграфия, объекты

Многослойное поселение и могильник Гард находятся на правом берегу р. Южный Буг, на расстоянии в 2,5 км южнее с. Богдановка Доманевского района Николаевской области, напротив Клепаного (Гардового) острова, которым завершается один из крупнейших на Южном Буге порогов, и скалы Пугач, образующих как бы ворота в Гард. Памятник расположен в нижней части клиновидного склона, ограниченного двумя байрачными балками с ручьями, на краю террасовидного уступа правого берега реки, высотой 4—14 м над летним уровнем воды. Частично подмытый рекой уступ имеет вид наклонной к берегу (около 7°) площадки, длина которой от берегового края к подножию скалы около 75 м, ширина в средней части — 65 м. Поверхность террасы задернована.

Современные жители села Богдановка называют это место Сокури, с ударением на последнем слоге. В отчете Богесовской экспедиции одна из балок имеет названия Осокорова, а также Гардова. Авторы отчета предоставили новооткрытому поселению имя «Гард», хотя именно урочище Гард находится немного выше по Бугу и связывается с местоположением Старого, или Казацкого гарда (укр. Козацькій гард), находившегося напротив се-

верного конца Клепаного (Гардового) острова (Товкайло 2003).

В 2008 г. сотрудники Института географии НАН Украины — заведующий отделом палеогеографии, доктор географических наук Ж. Н. Матвиишина и научный сотрудник С. П. Дорошкевич — провели в археологических разрезах южной части поселения педологические исследования голоценовых отложений, включающие подробное макроморфологическое описание голоценовых почв и микроморфологический анализ шлифов грунта с ненарушенной структурой. По их выводам, терраса сложена из трех голоценовых почв, нижний из которых составлен на аллювиальных отложениях надпойменной террасы (рис. 1). Далее приводим описание отложений по результатам работ этих исследователей. Археологический возраст отложений определен автором.

1. Верхний голоценовый грунт (0—0,28 м) — дерновый грунт на песчаных отложениях с генетическими горизонтами Нд, Н, Pal, светло-серого и серого цвета, в верхней части задернованный, в нижней залегает слой мелкозернистого песка. Представлен маломощным слоем современного дернового легкосуглинистого грунта, сформированного на супесчаных делювиальных отложениях балки. Незначительная мощность профиля объясняется крутизной склона балки и постоянным поверхностным смывом материала. Он содержит отдельные материалы современности.

2. Второй голоценовый грунт (0,28—1,5 м) — дерново-луговой грунт, серая, темно-серая супесь (темная сверху, болем светлая внизу), слоистый. Сверху вниз прослеживаются генетические горизонты Н, Нр, Ph, P(h), Pgl. Переход между горизонтами постепенный. Этот грунт формировался на протяжении долгого временного интервала, а отдельные его генетические горизонты содержат остатки находок разновременных культур. В частности, в верхней части горизонта Н (0,28—0,6 м), который характеризуется как темно-серая неоднородная супесь, зернисто-комковатая, с обломками гранита, гравием и дресвой, с большим количеством остатков корешков и червоточинами, наполненными темным грунтовым материалом, залегают материалы XVII—XIX вв. и античного времени. С поверхности этого горизонта также была выкопана полуземлянка и погребальные ямы могильника, датируемые концом XVIII — первой половиной XIX вв.

В горизонте Нр (0,6—0,8 м) — коричневато-серая, рыхлая комковато-зернистая супесь

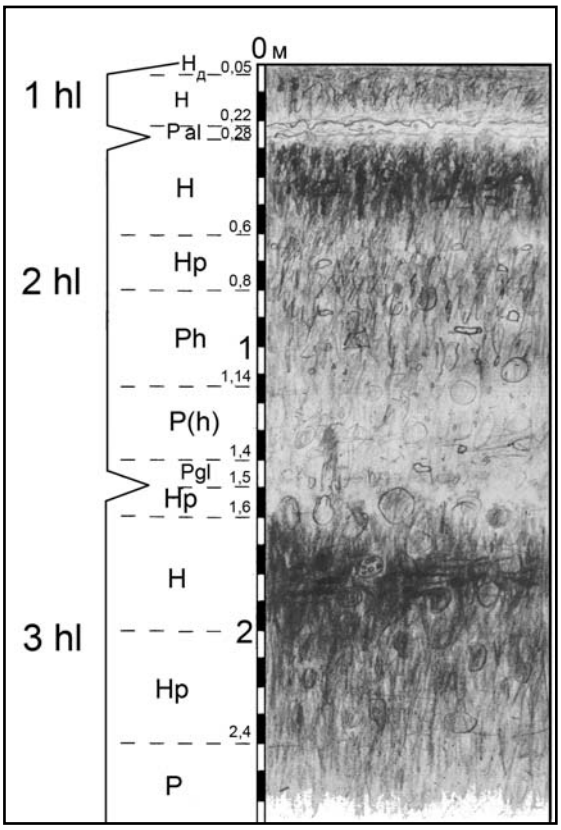

Рис. 1. Гард. Стратиграфический разрез (рисунок Ж. Н. Матвиишиной).

Fig. 1. Gard. Stratigraphic section (drawing by Zh. Matviishina).

с включением обломков гранитов и дресвы — залегают материалы эпохи бронзы (катакомбная, бабинская и сабатиновская культуры). В северной части террасы, на месте расположения могильника усатовского типа, этот горизонт достигает толщины до 0,3 м, вероятно, за счет погребальных сооружений этого могильника и возможных грунтовых насыпей над отдельными захоронениями.

В верхней части горизонта Ph (0,8—1,14 м), который характеризуется как светло-серый (значительно светлее предыдущего), горизонтально-слоистый, комковатый песок-супесь с включениями большого количества обломков гранита размером 1—5 см и дресвой, с многочисленными светлыми червоточинами, залегают материалы эпохи энеолита (культуры Триполье этапов В1, В2, С1, С2 и Средний Стог 2), в нижней — материалы эпохи позднего неолита — раннего энеолита (буго-днестровская культура и Триполье А).

Следующий горизонт P(h) (1,14—1,4 м) определен как буровато-светло-серый комковато-рассыпчатый, слоистый песок-супесь с отдельными крупными обломками гранита и дресвы. Под ним залегает горизонт Pgl

(1,4—1,5 м) — в сухом состоянии грязно-белесая, в свежем состоянии желтовато-светло-серая, рыхлая, комковато-рассыпчатая супесь, с червоточинами и отдельными обломками гранитов и дресвы. Это горизонт застоя вод и частичного оглеения. Переход постепенный, четко прослеживается в сухом состоянии.

Как показали дальнейшие раскопки поселения в 2009—2011 гг. на центральной части террасы, последние два горизонта выглядят очень выразительно, в целом достигая здесь толщины до 0,45—0,5 м. В направлении берегового края террасы они утончаются, а еще ближе к берегу — выклиниваются совсем. Мои наблюдения показали, что при формировании горизонтов P(h) и Pgl терраса не была заселена людьми. Однако эти грунтовые отложения не являются стерильными в археологическом отношении, поскольку в них в большом количестве встречаются находки керамики и кремня, проникших сюда из верхних культурных слоев по многочисленным норам грызунов. Подтверждением в пользу незаселенности террасы при формировании этих грунтовых отложений является отсутствие следов гумусации и артефактов культурного слоя в местах, где породы не были повреждены ходами грызунов. Итак, горизонты P(h) и Pgl, залегающие в нижней части второго голоценового грунта, разделяют культурные наслоения эпохи позднего и раннего неолита. По заключению исследователей, второй голоценовый грунт, сформировавшийся на супесчаном материале, относится к щелочно-дерновым.

3. Третий голоценовый грунт (1,5—2,7 м) — грунт с генетическими горизонтами Hp, H, Hp и P. В отложениях присутствуют остроугольные обломки подстилающих пород.

Hp (1,5—1,6 м) — гумусовый горизонт, который переработан материнской породой залегающей выше почвы: буровато-серый слабо уплотненный песок с дресвой и обломками гранитов. По поверхности грунта прослежены слои с угольками. Переход постепенный.

H (1,6—2,0 м) — буровато-темно-серая, комковато-рассыпчатая супесь с корнями растений. В толще двух последних отложений залегают материалы раннего периода бугоднестровской культуры, многочисленные очаги, вкрапления древесного угля, причем наибольшей интенсивностью отличается нижняя часть культурного слоя.

Hp (2,0—2,4 м) — желтовато-буровато-серая комковатая супесь с червоточинами и затеками гумуса. Переход постепенный. В этом горизонте залегают захоронения обнаруженного в 2011 г. могильника мариупольского типа.

P (2,4—2,7 м) — серовато-желтовато-бурая рыхлая скрытнослоистая супесь. Это аллювий террасы, на котором и сформирован грунт. В целом, третий голоценовый грунт является переходным между дерновыми и луговыми — дерново-луговым.

Все эти отложения и составили наклонную в сторону реки террасу, но их угол наклона разный: генетические горизонты первого и три верхние горизонта второго (H, Hp и Ph) голоценовых грунтов залегают под углом около 7° к линии горизонта; нижние горизонты (P(h) и Pgl) второго голоценового грунта в центральной части террасы имеют толщину до 0,5 м, в направлении береговой линии они выклиниваются; горизонты третьего голоценового грунта залегают под углом 3—4°.

Подытоживая стратиграфический очерк, отмечу, прежде всего, что в центральной части террасы на основе прямой стратиграфии удалось разделить отдельные культурные слои ранней и поздней поры неолита. Первый из них залегает в верхней части третьего голоценового грунта, второй в средней части второго голоценового грунта. Зато в прибрежной части террасы культурные слои ранней и поздней поры неолита залегают друг на друге. Поэтому здесь кремневые изделия эпохи неолита получены без формального разделения на ранне- и поздненеолитические. Конкретная принадлежность к ранненеолитическому или поздненелитическому периодам тех или иных изделий, кроме стратиграфических данных, установлена на основе типологии.

Несмотря на достаточно четкую стратиграфию литологических слоев и связанных с ними культурных наслоений, имеем некоторое смешивание разнокультурных и разновременных материалов. Преимущественно прослеживается «проваливание» в нижние литологические слои более поздних материалов, которые в стратиграфическом отношении залегают выше, и реже — наоборот. Это касается преимущественно мелких фрагментов керамики и мелких кремней. В частности, за редким исключением, не зафиксировано перемещения ранненеолитической керамики в верхние слои почвы.

Распыление находок по вертикали обусловлено несколькими факторами, среди которых не последнюю роль играют причины, связанные с природными процессами, и прежде всего с деятельностью землеройных животных, чьи многочисленные норы, а также скелеты самих животных, прослеже-

Таблица 1.

Сводная типолого-статистическая таблица сохранившихся кремневых изделий ранненеолитического (1) и поздненеолитического (2) слоев за 1931, 1949, 1980, 1985, 2006—2011 годы исследований

Номенклатура изделий	1931	1949	1980	1985	2006—2011	Всего
Нуклеусы: карандашевидные	2	1			23	26
конические	4	1		1	65	71
призматические	1			1	31	33
плоские и сплощенные	1				59	60
аморфные	3		1		34	38
дисковидные					12	12
Обломки нуклеусов	8	2	1		69	80
Нуклевидные обломки	4	3	1		37	45
Пластины, их обломки, сечения	88	41	33	30	5212	5404
Микропластины, их обломки, сечения	16	5	2	5	885	913
Отщепы и обломки кремня	547	108	146	111	12575	13487
Изделия с ретушью						
Кукрекские вкладыши	4				48	52
Абузовские острия					1	1
Фатьма-Кобинские острия					3	3
Пластинки с притупленным краем					15	15
Трапеции	1				86	87
Трапеции со строганой спинкой					21	21
Параллелограммы					16	16
Прямоугольники				1	3	4
Пластины со скошенным концом				1	32	33
Пластины с прямосрезанным концом					2	2
Микрорезцы					3	3
Сверла, проколки и развертки	4		1	1	139	145
Скребки на отщепах: округлые высокие					4	4
округлые обычные	4	2			92	92
подокруглые	15	4	2	3	313	337
стрельчатые	1	3	2	4	107	117
концевые	3	3	2	4	157	169
боковые	21	12	5	9	912	959
неустоявшейся формы, обломки скребков	13	2	4	16	394	429
Скребки концевые на пластинах	2				36	38
Резцы	5		2	2	26	35
Ножевидные пластины и микропластины с ретушью	95	8	3	5	1129	1240
Отщепы с ретушью	29	8	3	6	387	433
Пластины с выемками	1	1	4		69	75
Ретушеры	2				5	7
Всего	**874**	**204**	**212**	**200**	**23002**	**24492**

ны по всей площади раскопа. Такие норы, диаметром в 0,1—0,12 м, пронизывают всю толщу голоценовых отложений. Допускаем перемещение материалов и по склону террасы водными потоками, но оно менее выражено. Другими причинами нарушения стратиграфии и перемещения материалов были хозяйственная деятельность поселенцев и расположение на площади поселения могильников эпохи энеолита и позднего средневековья. Поэтому при культурном разделении добытых материалов, кроме данных стратиграфии, применен и типологический метод.

За все время раскопок на поселении добыто огромное количество разнообразных материалов, из которых материалы раскопок 1930 г. считаются утерянными. Из сохранившихся материалов самыми массовыми являются

кремневые изделия (24492 единицы), которые отражены в сводной типолого-статистической таблице 1. В эту таблицу не включены изделия с двусторонней сплошной ретушью (наконечники стрел, копий и дротиков, большинство которых относится уже к энеолиту).

3. Ранненеолитический культурный слой

Ранненеолитический культурный слой залегает в двух верхних генетических горизонтах третьей голоценовой почвы на различной глубине: от 1,5 до 2,0 м в центральной части и 0,9—1,2 м в прибрежной части террасы. Наибольшей интенсивностью отличается нижняя часть культурного слоя.

В культурном слое исследованы остатки 27 очагов, залегающих на разных глубинах и отражающих разные этапы существования поселения. На фоне почвы они выделяются красной или светло-коричневой окраской и комковатой структурой спекшейся почвы. По форме они бывают округлыми, диаметром в 0,2—0,4 м, или овальными, с размерами в 0,3—0,85×0,4—0,5 м. В зависимости от уровня температуры грунт бывает слабо прокаленным на глубину до 5—7 см, тогда он имеет красный цвет, при действии высоких температур почва спекается и образует в верхней части печину толщиной до 8 см, сверху белого или серого, а снизу ярко-красного цвета, при этом толщина линзы очага может достигать 0,1—0,15 м. В нескольких случаях вокруг очагов прослежены вкопанные на торец или положенные плашмя группы камней, которые могли использоваться для сидения.

3.1. Кремневые изделия

Для характеристики кремневых изделий ранненеолитического времени ценную информацию дают материалы, обнаруженные в западной части раскопа, где на основе данных стратиграфии удалось выделить ранненеолитический и поздненеолитический культурные слои. По этим данным к ранненеолитическому периоду отнесены кремневые изделия, залегавшие в толще двух верхних генетических горизонтов третьего голоценового грунта, за исключением отдельных изделий, попавших из верхних культурных слоев, которые удалось вычленить типологически.

Сырьем для их изготовления послужил местный кремень невысокого качества, однотипный, с различными оттенками, цветовая гамма которого колеблется от темно-серого до светло-серого, розового и красного цветов с белесыми вкраплениями, проявляющимися в большей или меньшей степени. Довольно много кремня (как заготовки, так и готовые орудия) пережжено в огне, после чего он приобретает светло-серый или молочный цвет, растрескивается и вылущивается. Встречаются также находки сильнопатинированных пластинчатых сколов позднепалеолитического облика, очевидно, занесенных из расположенного где-то поблизости позднепалеолитического местонахождения.

Подавляющее большинство нуклеусов имеет небольшие (3—5 см) размеры. Среди них выделяются конические с круговой огранкой или с односторонним скалыванием, обратная сторона которых сохраняет желвачную корку или обработана поперечными сколами (рис. 2: 1—9). Некоторые из них использовались в качестве отбойников, свидетельством чего являются забитые и залощенные конусная вершина и боковые грани ударной площадки. Карандашевидные нуклеусы представляют собой крайнюю степень износа конических нуклеусов (рис. 2: 10—18). Призматические и неправильнопризматические нуклеусы одноплощадочные, прямо- и косоплощадочные, с круговой огранкой и односторонние (рис. 3: 1—4). Производными от них являются плоские и уплощенные нуклеусы. Они использовались для изготовления широких призматических пластинок прямого профиля, поэтому имеют фронтальное скалывание. Они преимущественно одноплощадочные (рис. 3: 5—13), хотя встречаются и двухплощадочные. Тыльная сторона покрыта желвачной коркой или обработана поперечными сколами. Присутствуют дискообразные (рис. 2: 19—21) и аморфные нуклеусы с двумя или тремя смежными плоскостями и разнонаправленным скалыванием отщепов. Один из нуклеусов кубовидный по форме. Многие нуклеусы найдены в обломках. Изделия, отдаленно напоминающие нуклеусы, отнесены к группе нуклевидных обломков.

Среди сколов в коллекции преобладают отщепы. Пластинчастые сколы разделены на две категории: пластинки и микропластинки. К первой из них отнесены сколы шириной 0,9 см и больше, ко второй — шириной менее 0,9 см. Пластинки преимущественно правильно ограненные, с параллельными краями, трапециевидные и треугольные в сечении. Большинство из них найдено в обломках.

Обращаясь к характеристике изделий со вторичной обработкой отметим, что большинство из них изготовлено на отщепах.

Микролиты геометрических форм представлены трапециями (рис. 4: 14—63) и па-

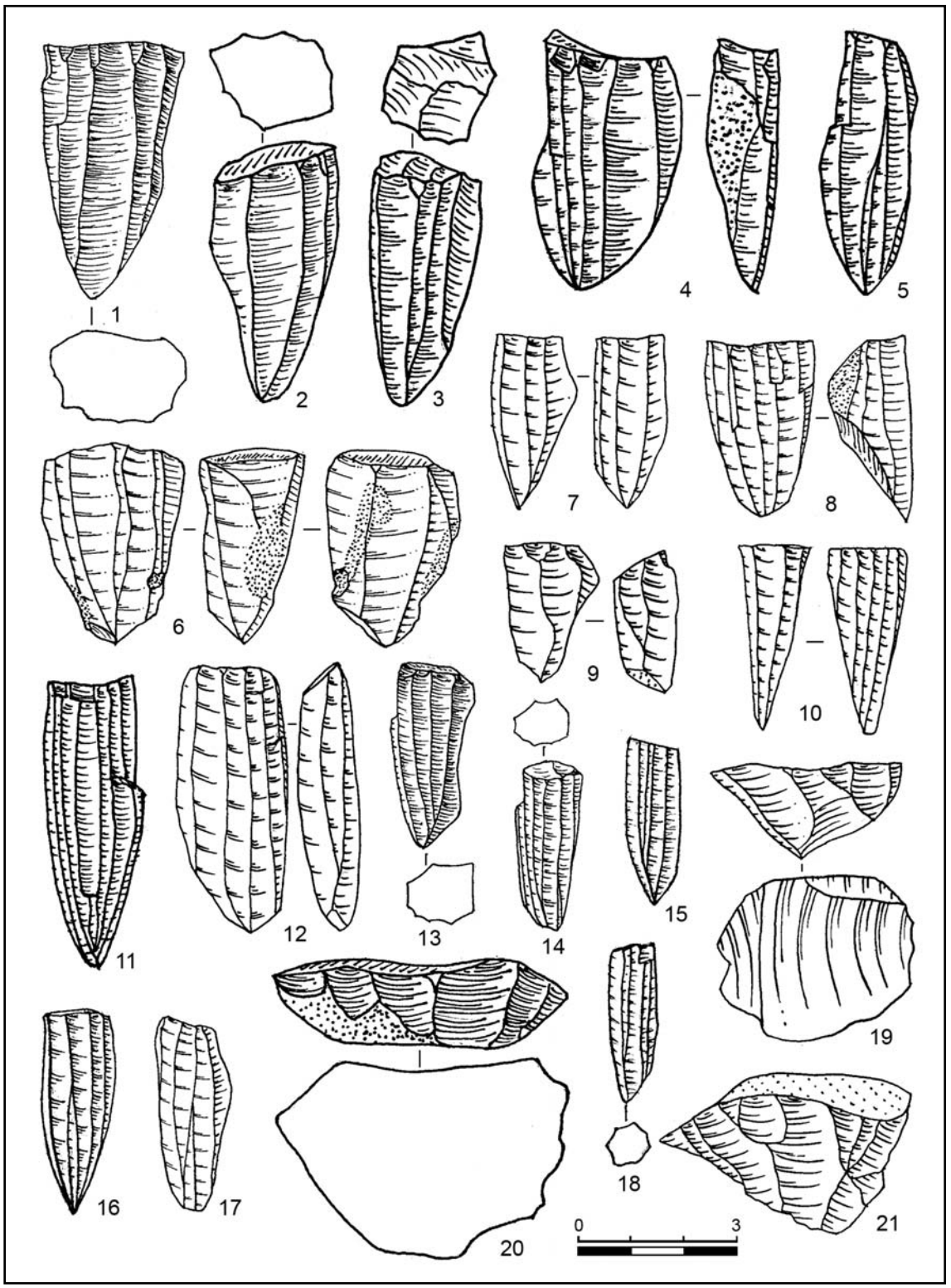

Рис. 2. Гард. Ранненеолитический культурный слой. Нуклеусы.

Fig. 2. Gard. Early Neolithic layer. Cores.

раллелограммами (рис. 4: 64—70). Среди трапеций преобладают средневысокие, симметричные, изготовленные из сечений пластинок шириной 0,9—1,5 см и оформленные крутой ретушью (рис. 4: 14—51). Меньшая часть изделий имеет более пологую ретушь (рис. 4: 40, 43, 44, 51). Асимметричные изделия встречаются реже (рис. 4: 52—63). В отдельных случаях ретушью дополнительно обработаны нижняя или верхняя основы трапеций (рис. 4:

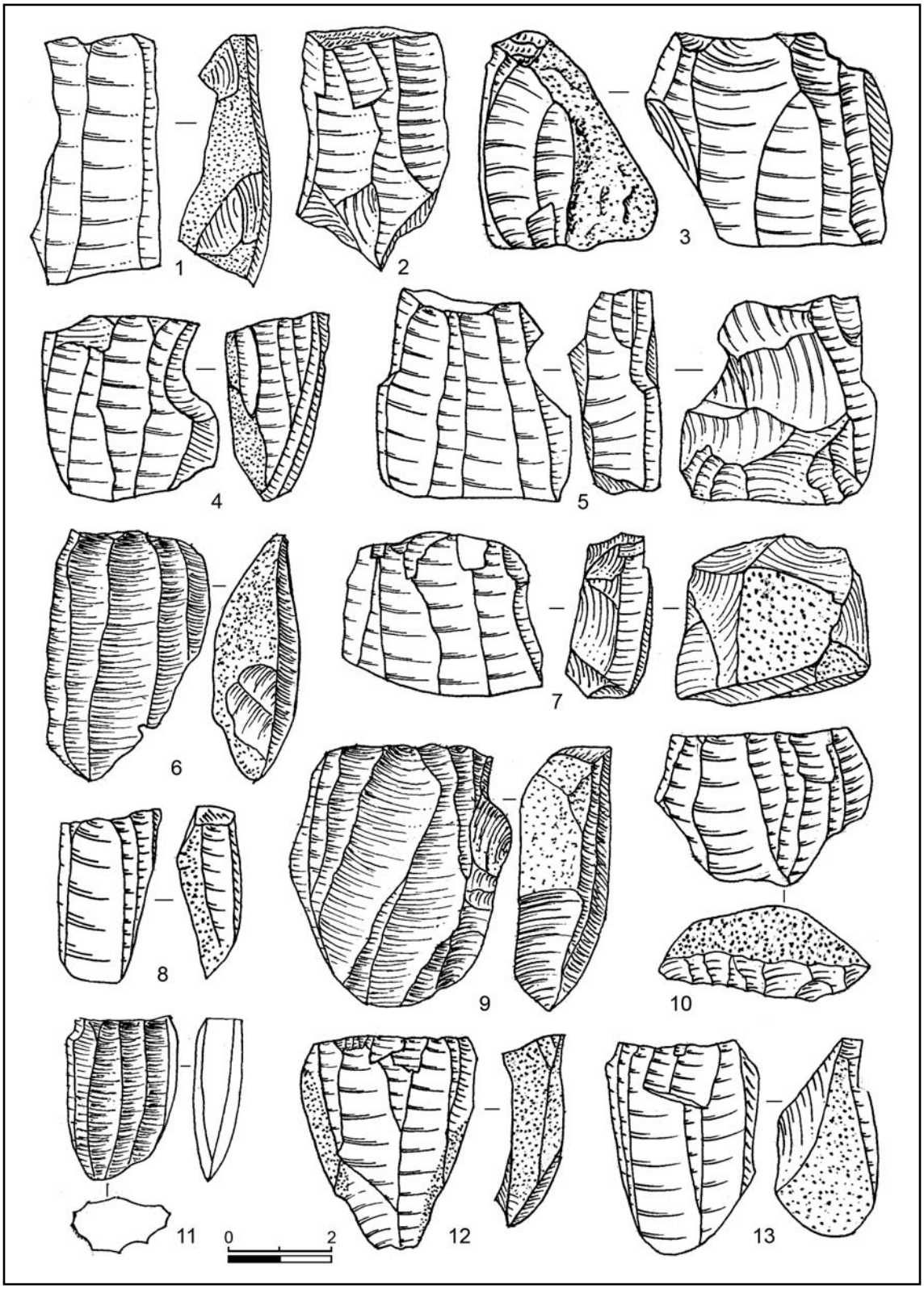

Рис. 3. Гард. Ранненеолитический культурный слой. Нуклеусы.

Fig. 3. Gard. Early Neolithic layer. Cores.

23, 24, 51, 53, 58, 59). Три трапеции имеют низкие формы (рис. 4: 23, 35, 48). Одна трапеция с вогнутыми боками изготовлена из массивной пластинки и обработана достаточно полого ретушью со спинки и брюшка (рис. 4: 53). Часть изделий повреждена: это макросколы на верхней основе (рис. 4: 15, 41, 49) или обломанные углы (рис. 4: 19, 21, 34—36, 42).

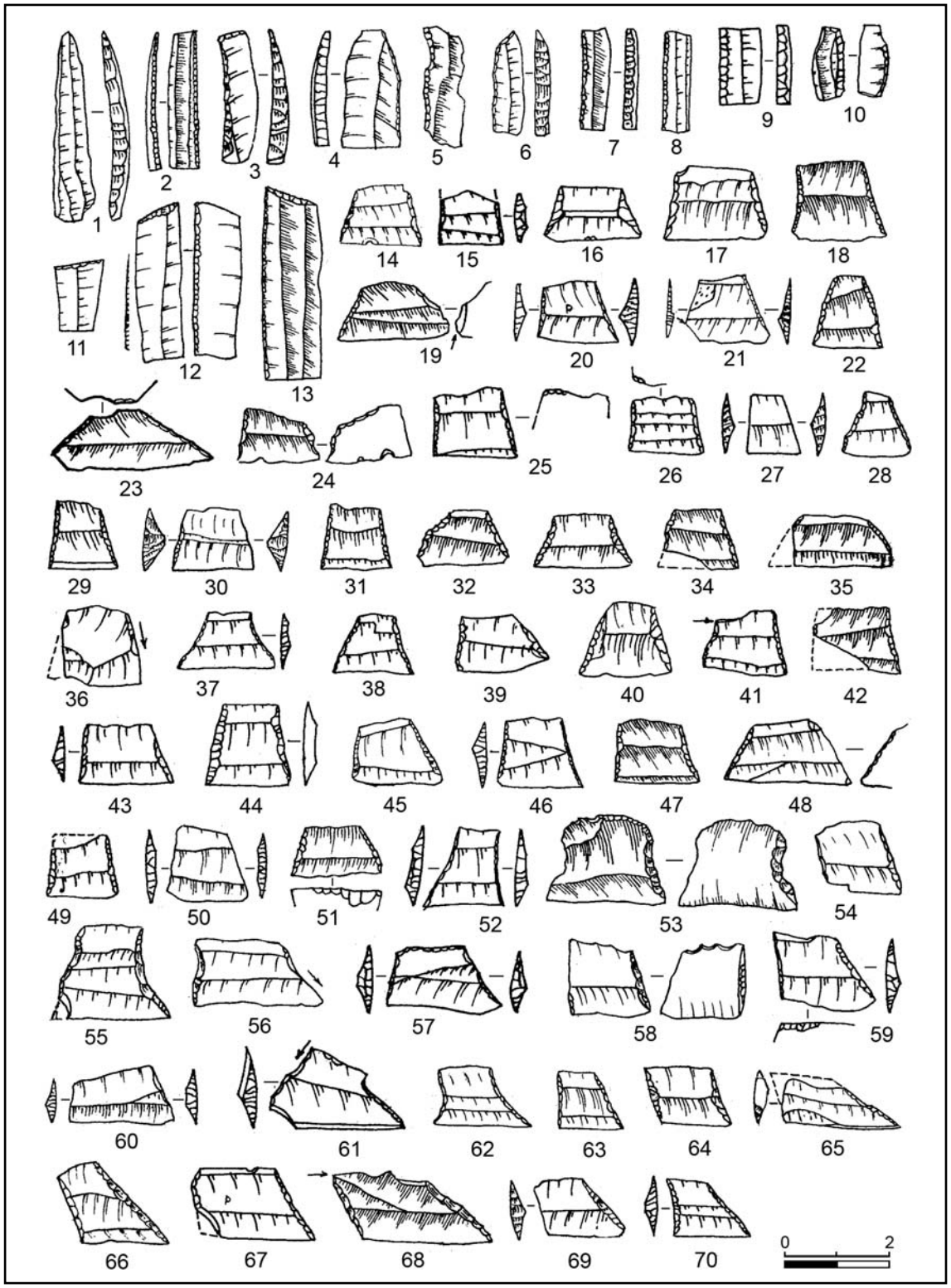

Рис. 4. Гард. Ранненеолитический культурный слой. Кремневые изделия.

Fig. 4. Gard. Early Neolithic layer. Flint artifacts.

Параллелограммы также оформлены крутой или полукрутой ретушью (рис. 4: 64—70).

Негеометрические микролиты представлены большой серией кукрекских вкладышей (рис. 5), пластинками с притупленным краем (рис. 4: 2—5, 7—10), абузовскими (рис. 4: 1, 6) и фатьма-кобинскими (рис. 4: 11—13) остриями и пластинками со скошенным или прямосрезанным концом (рис. 6: 1—13), часть кото-

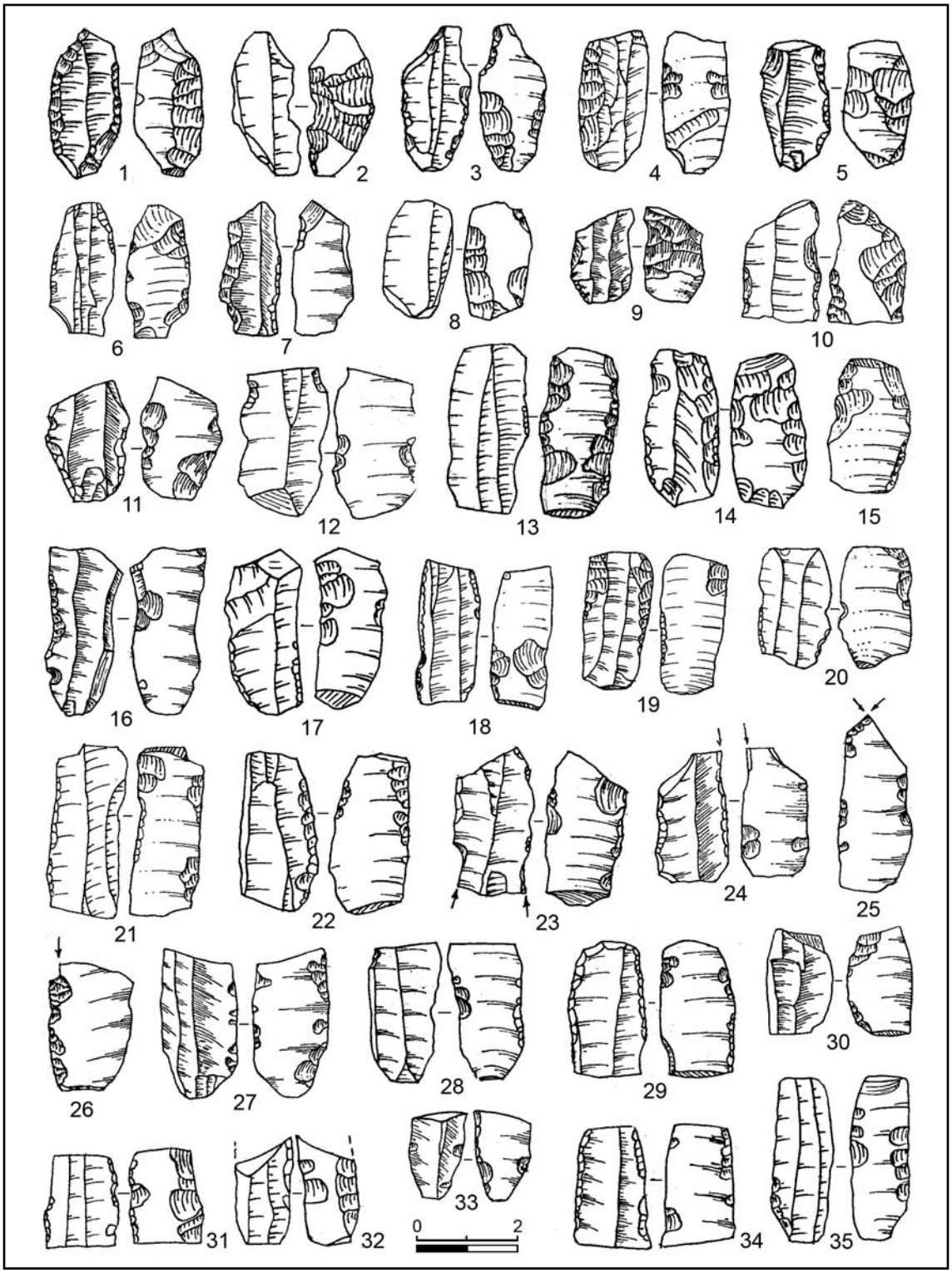

Рис. 5. Гард. Ранненеолитический культурный слой. Кремневые изделия.

Fig. 5. Gard. Early Neolithic layer. Flint artifacts.

рых, возможно, является заготовками или обломками трапеций.

Вероятно, в качестве вкладышей пазовых наконечников использовались и пластинки с вентральной ретушью, оформленные полукрутой ретушью, нанесенной с брюшка по одному или обоим краям. Изготовленные из узких пластинок, они напоминают пластинки с притупленным краем.

Скребки — самая многочисленная категория орудий со вторичной обработкой. Абсолютное большинство из них изготов-

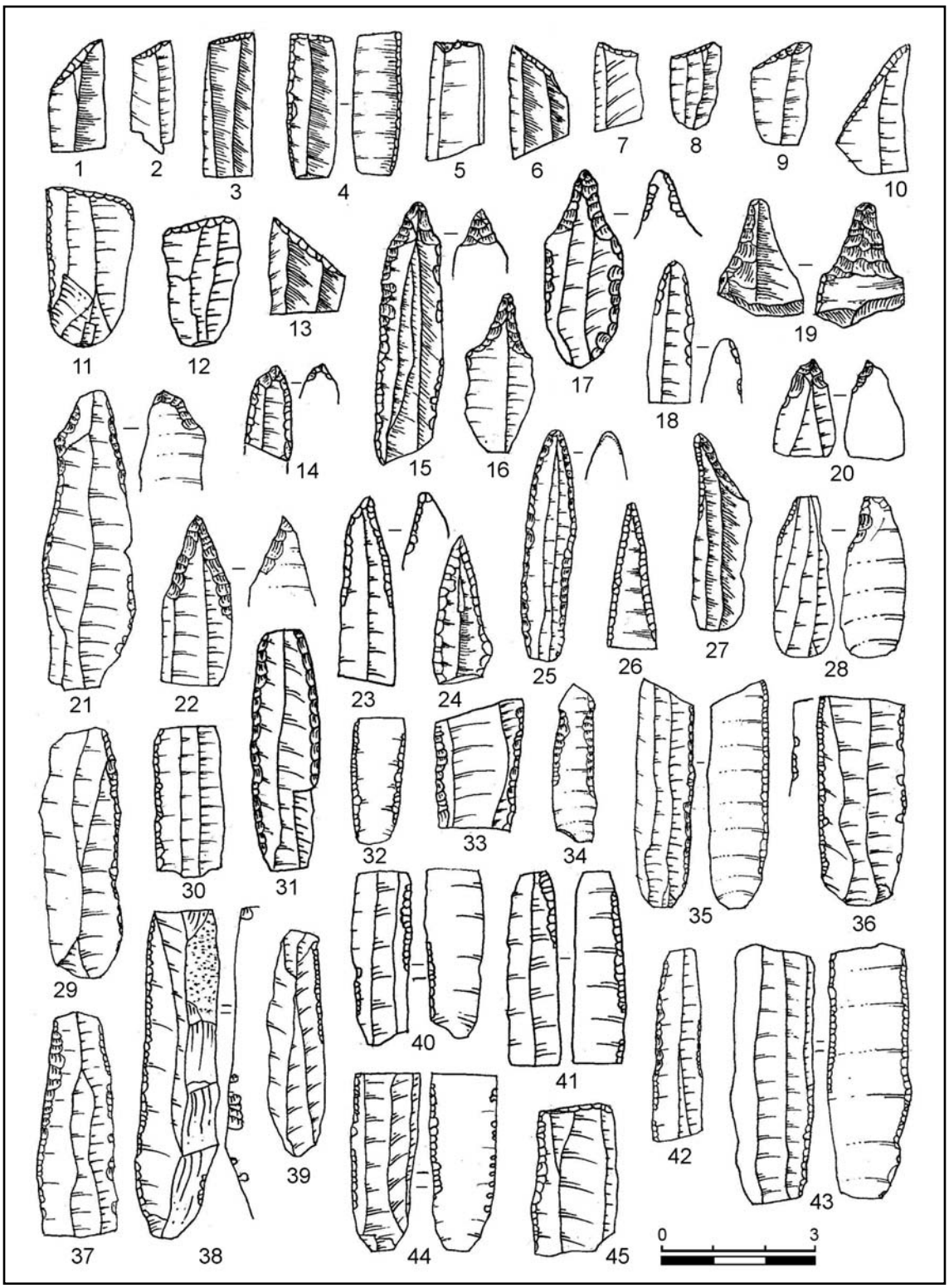

Рис. 6. Гард. Ранненеолитический культурный слой. Кремневые изделия.

Fig. 6. Gard. Early Neolithic layer. Flint artifacts.

лено на отщепах и пластинчатых отщепах и оформлено характерной скребковой ретушью, нанесенной, как правило, со стороны спинки. Изредка, при необходимости, рабочие лезвия этих орудий подтесывались и со стороны брюшка. Среди скребков встречаются округлые высокие и обычные (рис. 7: 10, 15—19), подокруглые, в том числе и миниатюрные (рис. 7: 11—13, 20—22), стрельчатые (рис. 7: 23—26), концевые (рис. 7: 31,

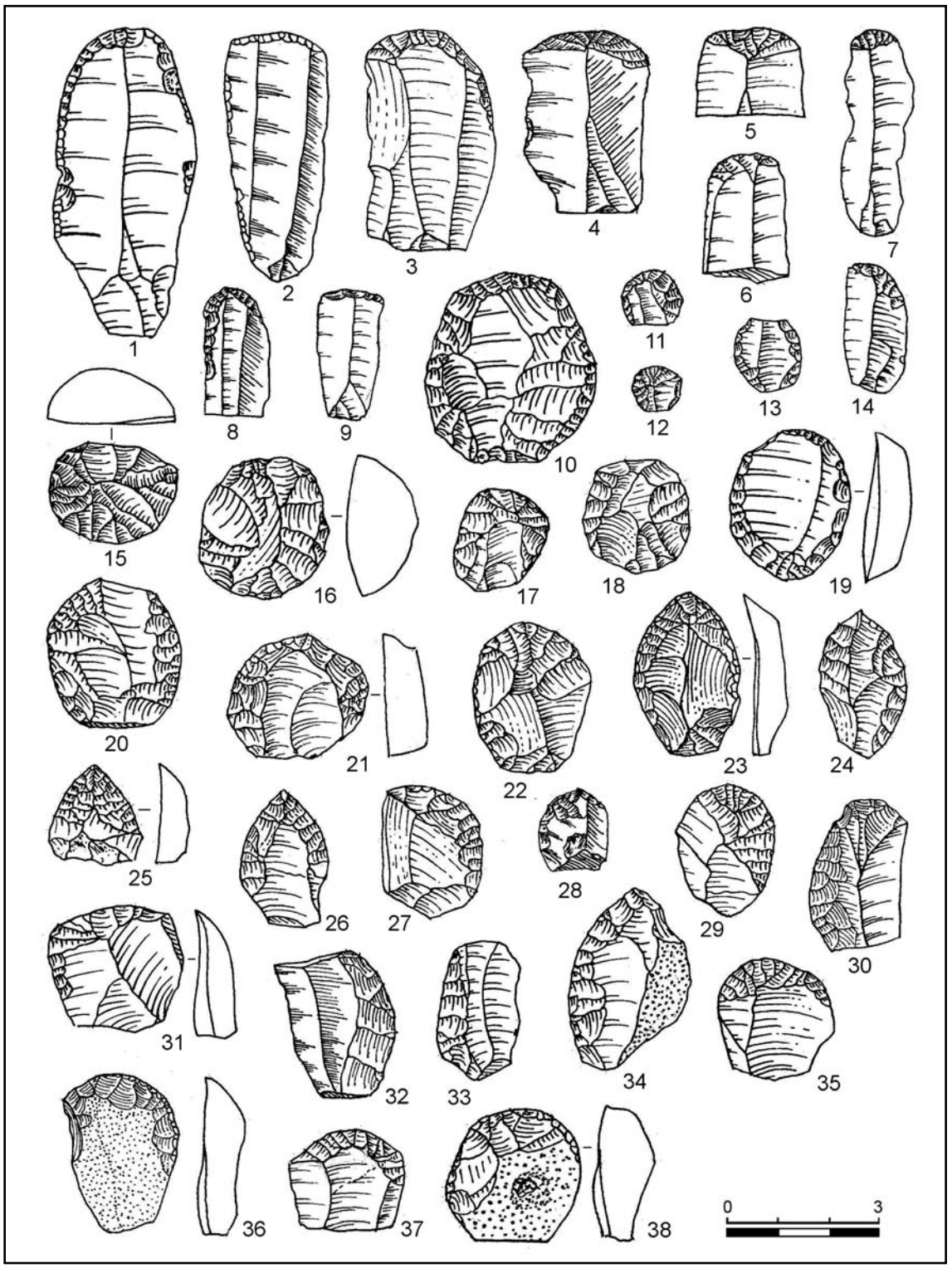

Рис. 7. Гард. Ранненеолитический культурный слой. Кремневые изделия.

Fig. 7. Gard. Early Neolithic layer. Flint artifacts.

35—38) и боковые (рис. 7: 27—30, 32—34). Часть скребков изготовлена на отщепах неустоявшейся формы, а многие орудия найдены в обломках.

Концевые скребки, изготовленные на пластинах, немногочисленны. В них скребковой ретушью, нанесенной со спинки, оформлен закругленный конец пластинки, а на части орудий ретушь заходит на боковые края пластинок (рис. 7: 1—9, 14).

Выразительные серии составляют ножевидные пластины и микропластины с ретуш-

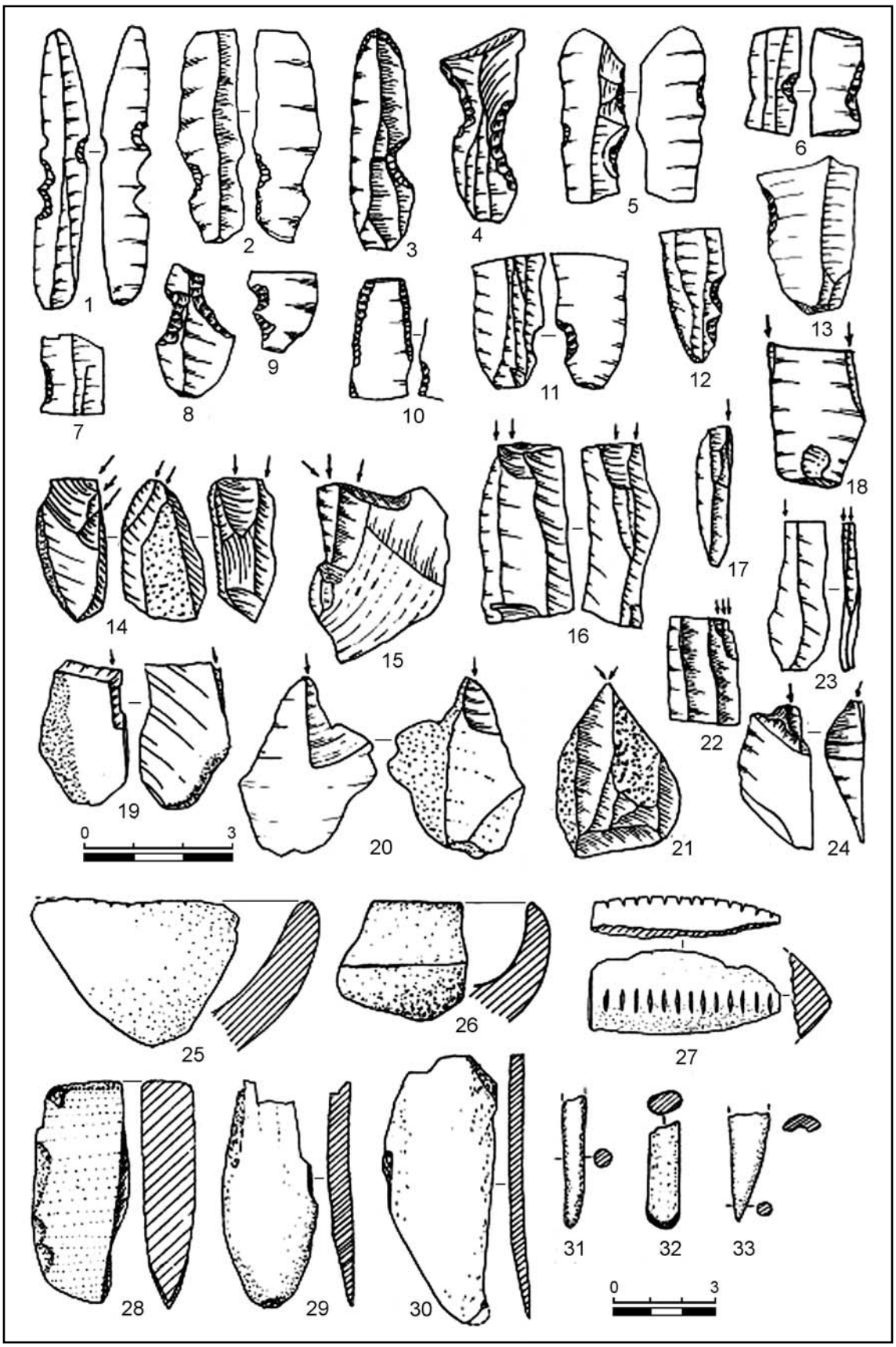

Рис. 8. Гард. Ранненеолитический культурный слой. 1—24 — кремневые изделия; 25—27 — обломки каменных сосудов; 28 — каменный топор; 25—27 — костяные изделия.

Fig. 8. Gard. Early Neolithic layer. 1—24 — flint artifacts; 25—27 — fragments of stone containers; 28 — stone axe; 29—33 — bone artifacts.

шью (рис. 6: 29—45), а также сверла, проколки и развертки (рис. 6: 14—28), абсолютное большинство которых изготовлено из пластин и редко — из отщепов. В части изделий невооруженным глазом видно зашлифованное жало. По способу оформления рабочего жала они делятся на несколько типов: с противолежащей ретушью (рис. 6: 21, 28), нанесенной со спинки (рис. 6: 16, 24, 25, 27) или брюшка (рис. 6: 26), со смежной ретушью (рис. 6: 14, 15, 17—20, 22, 23).

Пластинки с выемками (скобели) немногочисленны, но весьма разнообразны. Среди них изделия с одной, двумя или тремя отдельными выемками, нанесенными со спинки (рис. 8: 3, 4, 7, 8, 12, 13), с брюшка (рис. 8: 9—11), со спинки и брюшка (рис. 8: 1, 2, 5, 6).

Резцы немногочисленные и маловыразительные, среди них — угловые и боковые на пластинах (рис. 8: 17, 18, 22, 23), срединные и угловые на отщепах (рис. 8: 19—24) и отщеповые резцы кукрекского типа (рис. 8: 14, 15). Резцовые сколы имеют и некоторые кукрекские вкладыши (рис. 5: 23, 26).

Большую серию изделий составляют отщепы с ретушью.

В качестве отбойников и ретушеров использовались массивные пластины, сработанные нуклеусы или просто обломки кремневой гальки.

3.2. Изделия из других пород камня

Прежде всего, отметим уникальные для БДК находки двух обломков венчиков каменных сосудов неопределенных форм, изготовленных из мягкой породы. По округленному краю венчика одного из них нанесены поперечные насечки (рис. 8: 25). На другом сосуде венчик несколько заостренный (рис. 8: 26). Еще один ребристый обломок какого-то предмета с поперечными насечками (возможно, также сосуда) изготовлен из той же породы камня (рис. 8: 27). Широкое использование каменной посуды — характерная черта раннего периода сурской культуры (Телегин 1984; Тубольцев 2013). Находки каменной посуды на Гарде свидетельствуют о существовании контактов между ранненеолитическим населением Степного Побужья и Надпорожья.

Наиболее распространенными среди изделий из других пород камня является гранитная речная галька округлой или овальной формы, размером от 2—3 до 14,5 см, которая использовалась, вероятно, в качестве отбойников. На торцевых краях этих орудий прослеживаются следы использования в виде забитостей и мелких сколов. Некоторые из них расколоты на части. Встречаются также и плитковидные обломки гранитной породы толщиной от 1—1,5 до 4 см. Выявлен также обломок топора, изготовленный из глинистого песчаника (рис. 8: 28), и кусок сланца размером 7×6×2 см. Не исключено, что эти изделия могли попасть сюда из поздненеолитического культурного слоя.

3.3. Охра

Выявлено значительное количество кусков охры преимущественно вишневого цвета. В большинстве случаев они бесформенные, но есть два кусочка охры с несколькими сточенными гранями.

3.4. Изделия из кости

Со сколов больших трубчатых костей изготовлено два лощила, внешняя поверхность и острые сколы которых залощены (рис. 8: 29, 30), и две проколки с заостренными и зашлифованными концами (рис. 8: 31, 33). Найден также обломок тонкой кости со сточенным и закругленным концом (рис. 8: 32).

3.5. Буго-днестровская керамика

Выделены две технологические группы керамики. Количественное соотношение фрагментов керамики обеих груп и различных элементов орнамента выражено в таблице 2, разработаной на основе подсчета массовых материалов из раскопок 2006—2011 гг. Подавляющее большинство добытой керамики относится к *первой технологической группе*. Эта посуда изготовлена с примесью травы, песка и дресвы. Масса плотная. Наружная и внутренняя поверхности заглаженные, иногда подлощенные, темно-серого, серого, коричневого и красного цветов. В меньшей части посуды этой группы с внутренней стороны прослеживаются следы расчесов.

По форме выделяются сосуды с немного зауженными слабопрофилированными венчиками, край которых закругленный или прямосрезаный (рис. 10: 13; 12: 8; 11: 1) и горшки S-образного профиля (рис. 9: 9). Донышки плоские (рис. 10: 14) или немного вогнутые (рис. 9: 21). В одном случае зафиксировано острое донышко (рис. 9: 23).

В отделке посуды использовались линейный, накольчатый и защипный элементы орнамента и вовсе отсутствуют оттиски гребенчатого штампа. Количественное соотношение различных элементов орнамента и их сочетание отражено в таблице 2. Абсолютное

Таблица 2.

Соотношение элементов орнамента по количеству фрагментов разных групп ранне- и поздненеолитической буго-днестровской керамики из раскопок 2006—2011 гг.

Элементы орнамента	Ранненеолитическая керамика		Поздненеолитическая керамика				
	Группа 1	Группа 2	Группа 1			Группа 2	Группа 3
			1а	1б	1в		
Линейно-проглаженный	659	11	892	106	185	6	8
Гребенчатый			106	43	152	3	1
Накольчатый	40	2	73	57	45	4	8
Линейно-проглаженный и гребенчатый			17	5	11	14	47
Линейно-проглаженный и накольчатый	33	3	28	9	26	1	18
Гребенчатый и накольчатый				3	3		
Защипы	30						
Отпечатки края ракушки *Cardium*						7	
Без орнамента	410	10	826	121	263	173	
Всего фрагментов керамики	**1172**	**26**	**1942**	**344**	**685**	**208**	**82**

большинство из обнаруженной посуды орнаментировано исключительно проглаженными по сырой глине линиями — горизонтальными, вертикальными, косыми и волнистыми, которые, сочетаясь, образуют различные композиции, в том числе елочные (рис. 9: 1, 9, 16), паркетные (рис. 9: 22), диагональную сетку (рис. 9: 24) и другие. Орнамент также образует довольно сложные меандро-волютовые композиции в виде заштрихованных зон, границы которых очерчены лентами, состоящими из наколов округлого штампа, чередующихся с неорнаментированными зонами (рис. 10: 13). Такие же наколы штампа есть и по срезу венчика (рис. 10: 13). Подобное композиционное решение известно по находкам посуды в нижних слоях Базькова Острова (укр. Базьків Острів), Митькова Острова (укр. Митьків Острів), Сокольцев (укр. Сокільці) 1 и Сокольцев 2 (Даниленко 1969: рис. 24: 1, 4, 6; 34: 1; 42: 1; 43: 1, 6; 47: 7; 63: 1; 66). Сочетание прямых и волнистых линий образует отдельные центры с размещением в них ромбов, обозначенных вертикальной чертой (рис. 11: 1). Подобный способ орнаментации находим в ранненеолитической слое Сокольцев 2 (Даниленко 1969: рис. 41: 1). На одном из горшков орнамент образует композицию в виде вертикальных полос, состоящих из волнистых линий, дополненных в верхней части двумя рядами округлых наколов (рис. 11: 2).

Такие же сложные линейные композиции встречаем и на других сосудах из Гарда (рис. 9: 19, 20). В отделке посуды используется накольчатый орнамент, который образует ряды подтреугольных, подпрямоугольных или округлых оттисков, выполненных различными штампами по сырой глине (рис. 10: 1—7, 11). Довольно часто имеем сочетание линейного и накольчатого орнаментов (рис. 9: 8; 10: 8—10).

Часть посуды орнаментирована пальцевыми защипами или отпечатками ногтя, причем они могут образовывать как горизонтальные, так и вертикальные ряды (рис. 12: 1—7). Реконструирована верхняя часть горшка, орнаментированного горизонтальными рядами пальцевых защипов (рис. 12: 1), которые, судя по находке обломка придонной части (рис. 12: 7), вероятно, покрывали всю поверхность сосуда от венчика до дна.

Часть посуды дополнительно украшена рядами глубоких округлых ямок под венчиком (рис. 9: 2, 4, 6, 10, 14); иногда это сквозные отверстия (рис. 9: 1). Просверленные конусообразные отверстия (рис. 9: 12, 22), размещенные, как правило, в верхней части сосудов, являются результатом ремонта. Развал нижней части горшка с лощеной внешней поверхностью не орнаментирован (рис. 10: 14). Другие фрагменты лощеной керамики имеют схожие с описанными выше мотивы орнаментации.

Посуда второй группы изготовлена с примесью травы, песка и крупнотолченой ракушки. Наружная и внутренняя поверхности посуды заглаженные, часть керамики снаружи залощена. В орнаментации этой посуды использованы те же приемы и мотивы, в частности, линейно-ленточная композиция (рис. 12: 10, 11), елка (рис. 12: 8), округлые наколы (рис. 12: 9) или сочетания различных элементов (рис. 12: 12, 13).

Обе группы керамики принадлежат буго-днестровской культуре и относятся к ее

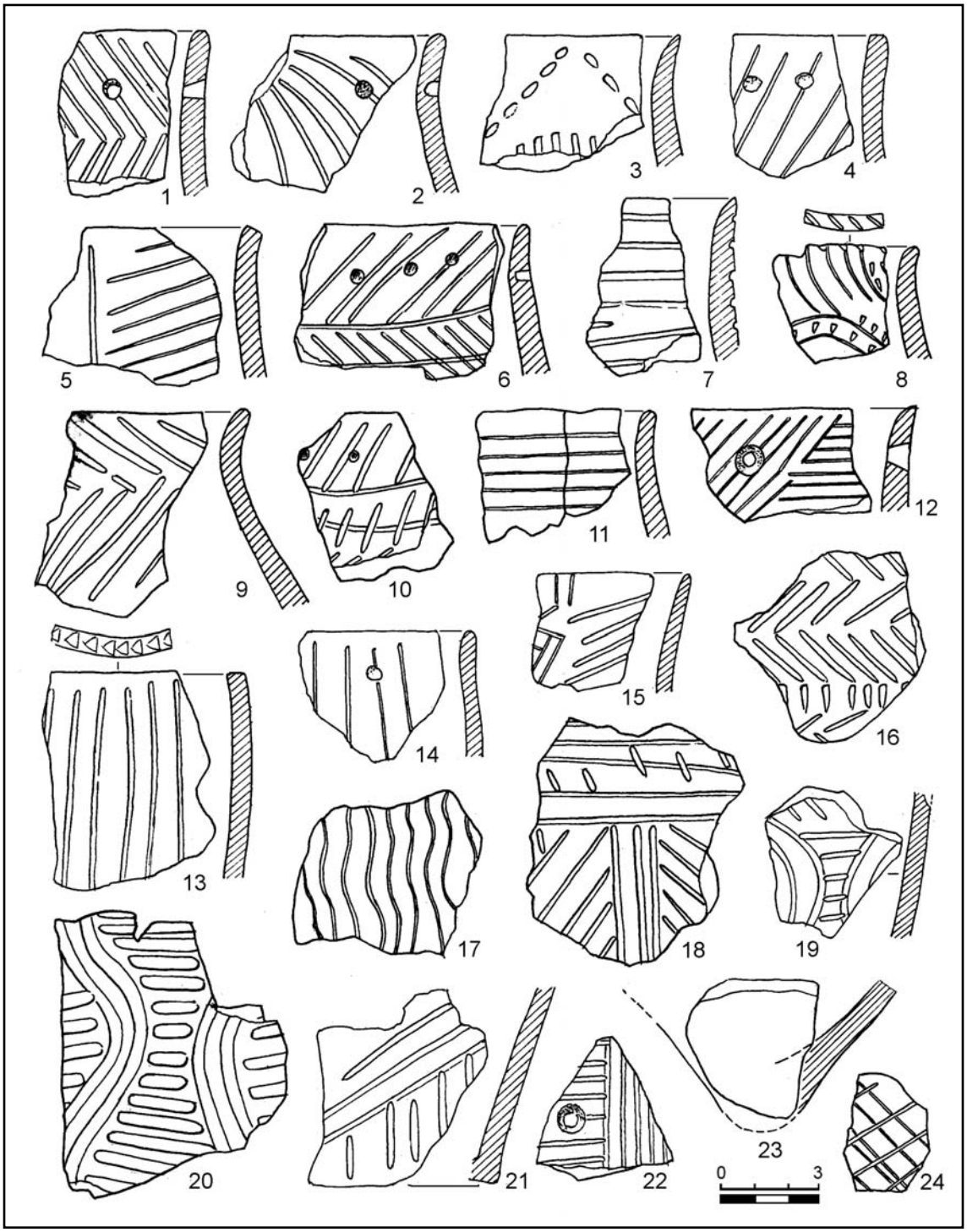

Рис. 9. Гард. Ранненеолитический культурный слой. Буго-днестровская керамика 1-й группы.

Fig. 9. Gard. Early Neolithic layer. Bug-Dniester pottery of 1 group.

раннему периоду, характерными признаками которого являются, в частности, примеси крупнотолченой ракушки и грубой растительной примеси, залощенность внешней поверхности посуды, абсолютное преимущество линейно-проглаженного и отсутствие гребенчатого орнамента. По форме и орнаментации данная посуда сопоставляется с керамикой ранненеолитических слоев поселений Южного Буга и Днестра, таких, как Базьков Остров, Митьков Остров, Сокольцы 2 и 6, Печера, Сороки 1, слой 1, горизонт б и Сороки 3. Эти памятники В.Н. Даниленко относил к скибинецкой, соколецкой и печерской фазам, В.И. Маркевич — ко второй и третьей фазам развития БДК Днестра.

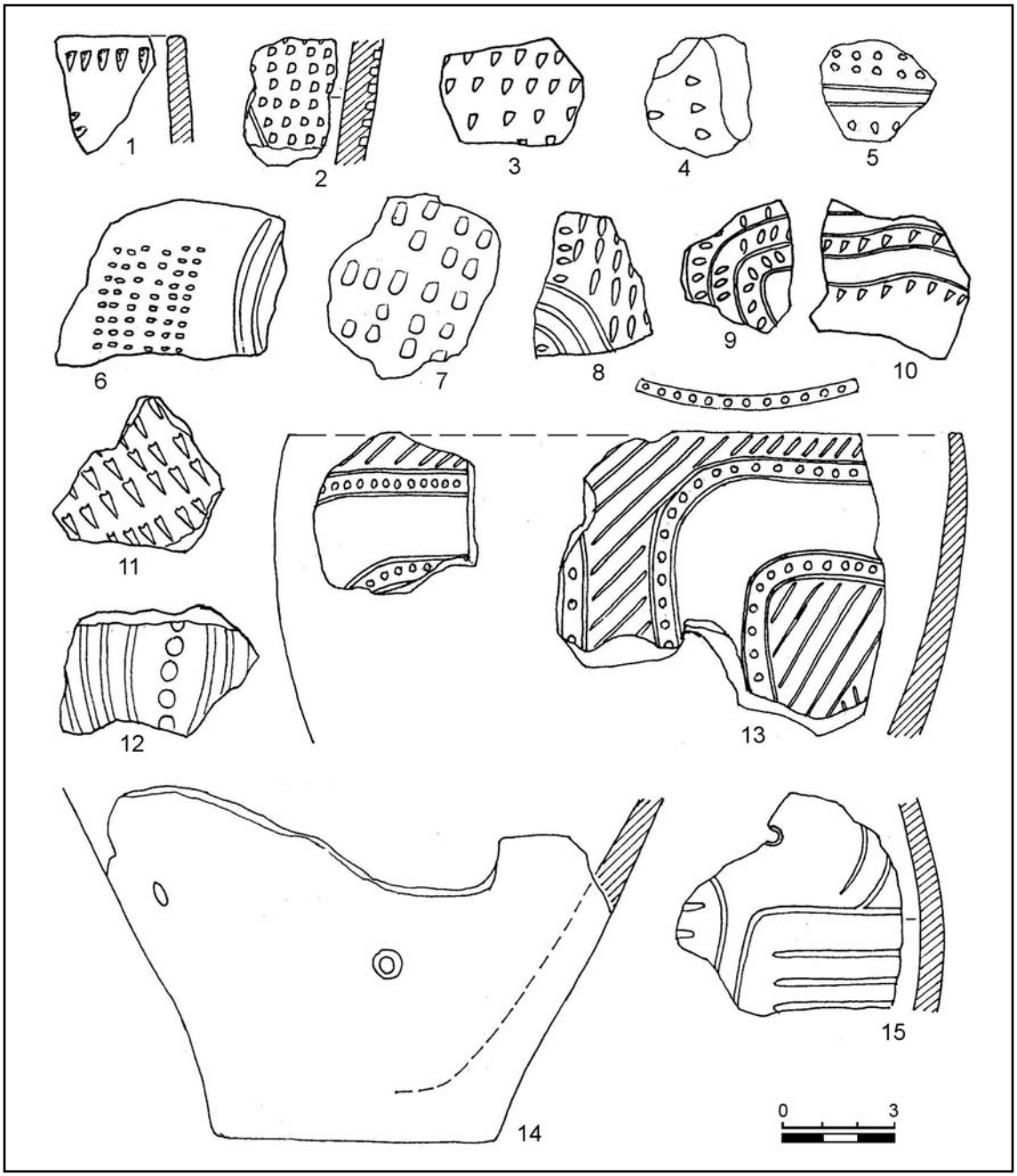

Рис. 10. Гард. Ранненеолитический культурный слой. Буго-днестровская керамика 1-й группы.

Fig. 10. Gard. Early Neolithic layer. Bug-Dniester pottery of 1 group.

Определенные различия наблюдаются разве что в соотношении между обеими группами керамики и в отсутствии на Гарде импортной посуды культуры Криш.

3.6. Посуда культуры линейно-ленточной керамики

В верхней части ранненеолитического слоя, но в том месте поселения, где культурные слои неолита не разделены грунтовыми горизонтами P(h) и Pgl, а залегают друг на друге, обнаружена чаша КЛЛК. Она шаровидной формы с невыделенным венчиком и небольшим невыразительным донышком, относится к столовой посуде, изготовлена из хорошо промешанной формовочной массы без видимых примесей. Поверхность посуды тщательно заглажена, пятнистая, серого и коричневого цветов. Орнамент углубленный, линейно-геометрический, дополненный углубленными ямками овальной формы («нотами»). Под венчиком нанесена сплошная горизонтальная линия, ниже которой дана ком-

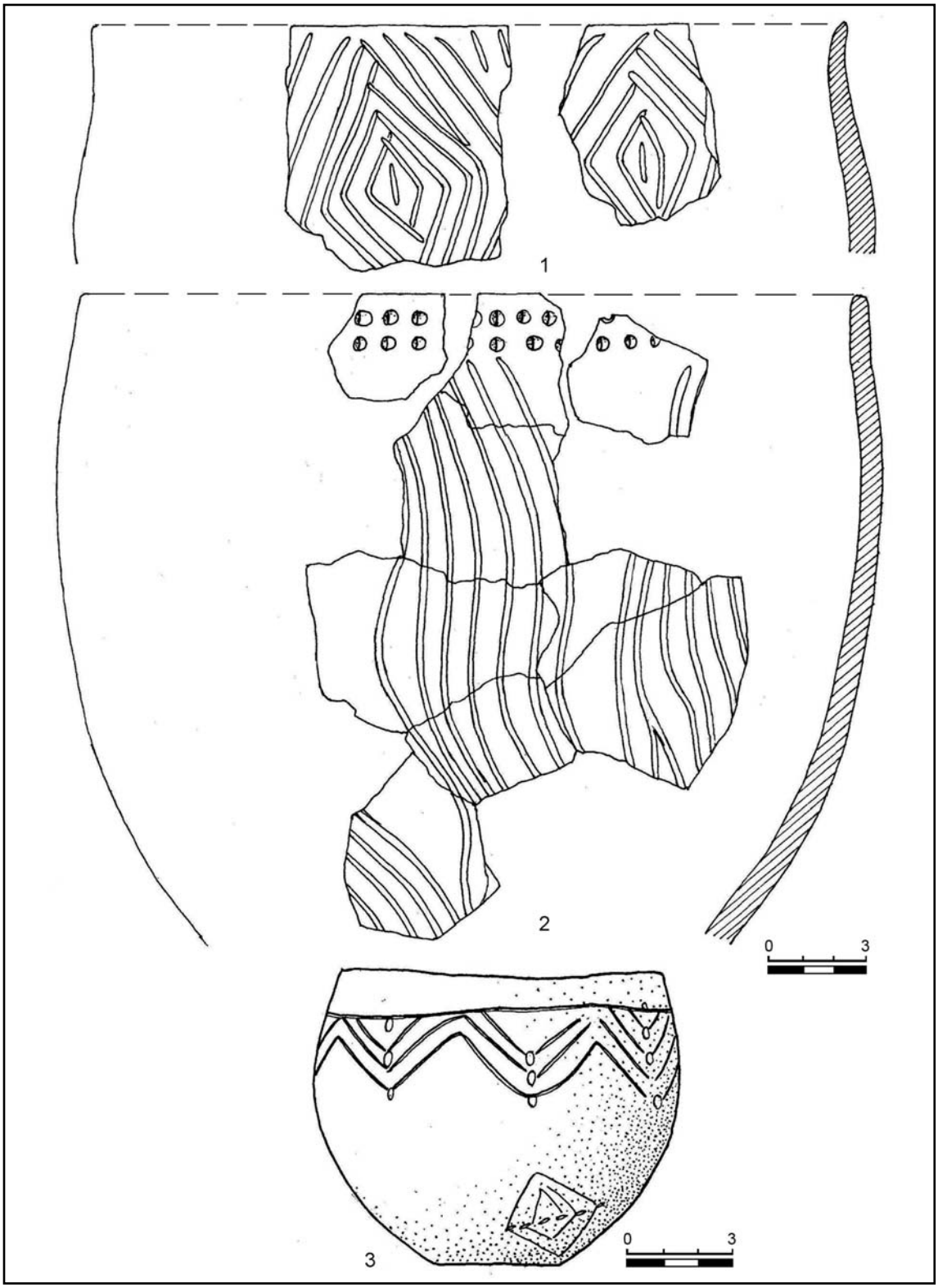

Рис. 11. Гард. Ранненеолитический культурный слой. Буго-днестровская керамика 1-й группы (1, 2) и керамика КЛЛК (3).

Fig. 11. Gard. Early Neolithic layer. Bug-Dniester pottery of 1 group (1, 2) and LBK pottery (3).

позиция в виде непрерывного пояса из 3 или 4 простых, соединенных вершинами углов, вписанных друг в друга. Ямками обозначены горизонтальная линия и вершины углов. Еще одна фигура из вписанных друг в друга ромбов, углы которых также обозначены ямками, нанесена на придонную часть чаши (рис. 11: 3).

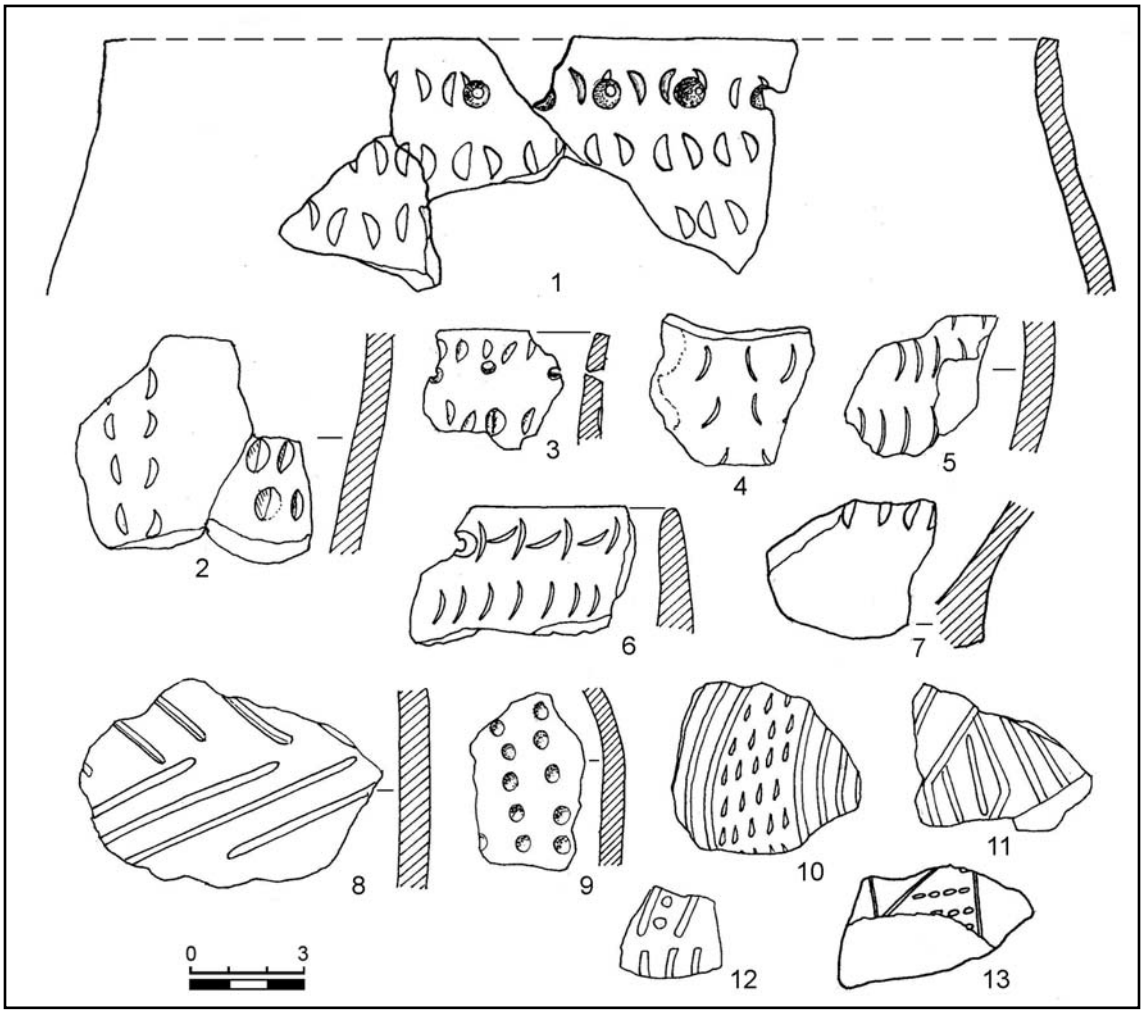

Рис. 12. Гард. Ранненеолитический культурный слой. Буго-днестровская керамика 1-й группы (1—7); 2-й группы (8—13).

Fig. 12. Gard. Early Neolithic layer. Bug-Dniester pottery of 1 group (1—7); pottery of 2 group (8—13).

Это единственная в Степном Побужье находка керамического импорта из области КЛЛК. Подобная посуда характерна для группы памятников типа Дэнчень, самой ранней в Пруто-Днестровском междуречье, определяющей первый этап освоения территории населением КЛЛК (Ларина 1999: 100). Нахождение такой керамики в верхней части ранненеолитического слоя Гарда подтверждает мнение румынских археологов о доживании позднекришского населения Карпато-Поднестровья до начального этапа заселения этой территории общинами пришлой КЛЛК, которые частично вытесняют, а частично ассимилируют местное население (Comşa 1987: 31; Marinescu-Bîlcu 1983: 122). В результате взаимодействий обеих этнических групп возникли взаимовлияния, что нашло отражение в кришской (Marinescu-Bîlcu 1983: 122) и линейно-ленточной керамике (Ursulescu 1984: 40). Кришское влияние в виде орнаментальных рядов пальцево-ногтевых защипов прослеживается и на керамике ряда поселений Пруто-Днестровского междуречья: Флорешть I, Гура Каменчий VI, Сынжерей I и XI (Ларина 1999: 70, рис. 50: 14), но, как считает О.В. Ларина, этот орнамент пришел в КЛЛК опосредованно через культуру Винча-Турдаш (Ларина 1999: 99). Впрочем, возможно, мы имеем дело с нарушением стратиграфии неолитических слоев Гарда, поскольку все имеющиеся до сих пор данные позволяли сопоставлять КЛЛК с самчинской и савранской фазами БДК.

Итак, нижний культурный слой эпохи неолита характеризуется залеганием двух групп ранненеолитической буго-днестровской керамики с выразительными чертами культуры Старчево-Криш и кремневого инвентаря смешанного кукрекско-гребениковского типа, свидетельствующего об участии носителей кукрекской и гребениковской культур в процессе неолитизации Побужья. Последний ха-

рактеризуется набором признаков, присущих как для памятников кукрекской культурной традиции, а именно, присутствием карандашевидных нуклеусов, кукрекских вкладышей, абузовских острий, пластинок с притупленным краем, отщеповых резцов с плоскими сколами, так и обязательным присутствием плоских или уплощенных призматических нуклеусов, симметричных трапеций и параллелограммов на средних пластинках, мелких ногтевидных скребков, которые присущи гребениковской культуре. Такое сочетание ранненеолитической буго-днестровской керамики и кремня смешанного кукрекско-гребениковского типа обнаружено на всех ранненеолитических памятниках Побужья с более-менее представительными коллекциями кремневого инвентаря. Это, прежде всего, Мельничная Круча (укр. Мельнична Круча), Печера (Даниленко 1969: 109, 116, рис. 76) и недавно открытая и полноценно исследованная группа стоянок Добрянка 1, 2 и 3 (Залізняк 2002; 2005; Залізняк, Манько 2004; Залізняк, Товкайло, Журавльов 2005: 96—116, рис. 3—7; Залізняк, Товкайло, Кухарчук 2005; Залізняк, Товкайло 2007; Залізняк, Товкайло, Степанчук, Вєтров 2007; Залізняк и др. 2013). Например, в Печере, ставшей эпонимным памятником, параллельно использовались уплощенные подпризматические и микролитические карандашевидные нуклеусы; серии кукрекских вкладышей и отщеповых резцов с плоскими сколами сочетаются с правильными трапециями, а скребки представлены как кукрекскими, так и гребениковскими формами (Зализняк, Товкайло, Журавлев 2005: 102—103, рис. 8). На других ранненеолитических поселениях Южного Буга, таких, как Базьков Остров и Гайворон-Полижок (укр. Гайворон-Поліжок) (Даниленко 1969: 66—69, 112, рис. 17; 21; 81), кукрекская составляющая представлена только кукрекскими вкладышами и карандашевидными нуклеусами, и опять же, здесь имеются симметричные трапеции и параллелограммы. Между тем, изделия кукрекского типа совсем не обнаружены в ранненеолитических комплексах Сокольцев 1, 2 и 6, Митькова Острова и других памятников, но все они имеют немногочисленные коллекции кремневого инвентаря.

4. Поздненеолитический культурный слой

Поздненеолитический культурный слой залегает в средней части второго голоценового грунта на глубине 0,9—1,14 м от поверхности. В центральной части террасы он отделен от ранненеолитического культурного слоя двумя генетическими горизонтами. Характерной особенностью культурного слоя является совместное залегание материалов буго-днестровской культуры и Прекукутень III — Триполье А. Никаких жилых или хозяйственных объектов не зафиксировано.

4.1. Кремневые изделия

Сюда включены кремневые изделия, сформировавшиеся в течение позднего периода буго-днестровской культуры, включая материалы раннего Триполья, которые невозможно отделить от собственно буго-днестровских. Большинство из них обнаружено в толще нижней части литологического горизонта Ph, горизонтов P(h) и Pgl, а также нижних и верхних литологических горизонтов, куда поздненеолитические материалы попали в результате деятельности людей и землеройных животных. Все эти материалы отражены в типолого-статистической таблице 1.

Характеристики кремневого сырья такие же, как и для нижнего ранненеолитического слоя, что удостоверяет использование в поздненеолитическом периоде БДК того же сырья, тогда как в технологии расщепления кремня и номенклатуре изделий происходят значительные изменения. Фактически выходят из употребления плоские и широкие нуклеусы с фронтальным скалыванием широких пластинок. Исчезают карандашевидные нуклеусы, употреблявшиеся раньше для получения микропластинок. Но в целом сохраняется характер индустрии, для которого свойственен высокий уровень пластинчатой техники при преимущественно одностороннем скалывании, что характерно как для позднего периода БДК, так и для раннего Триполья бассейна Южного Буга. Вместе с тем увеличиваются размеры самих нуклеусов. Среди них выявлены конусообразные с круговым скалыванием или скалыванием на 2/3 или 3/4 периметра (рис. 13: 1—6, 9, 10), призматические (рис. 13: 7, 8) и аморфные (рис. 13: 12). Как и ранее, нуклеусы использовались в качестве отбойников (рис. 13: 1). Какая-то часть нуклеусов обнаружена в обломках, один из которых переделан в скребок (рис. 13: 11). Как и в раннем неолите, среди сколов преобладают отщепы, и именно на них изготовлено большинство изделий со вторичной обработкой.

Среди микролитов геометрических форм обнаружены трапеции, параллелограммы и прямоугольники. Средневысокие трапеции, в основном симметричные, изготовлены из сечений пластинок шириной

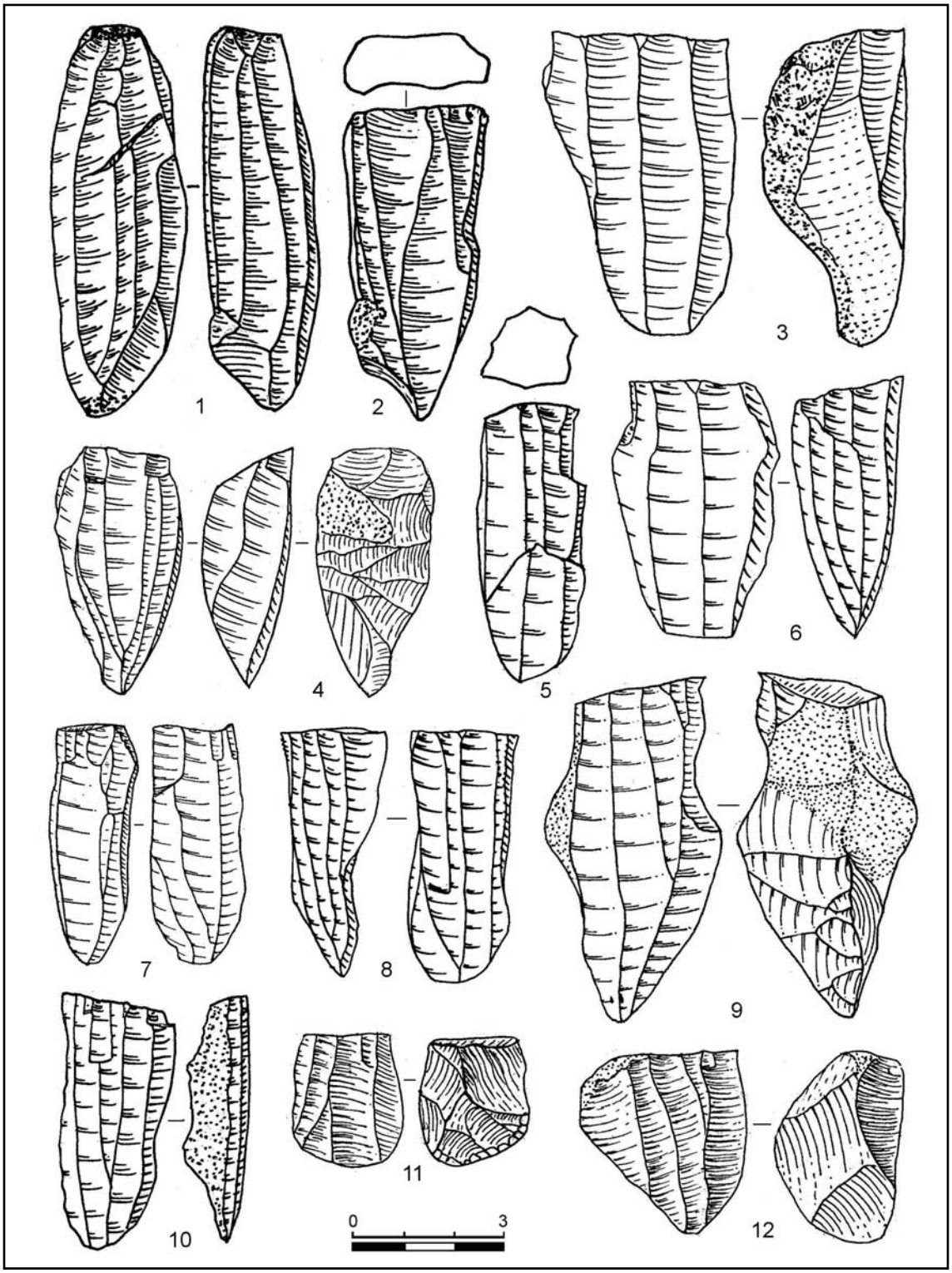

Рис. 13. Гард. Поздненеолитический культурный слой. Нуклеусы.

Fig. 13. Gard. Late Neolithic layer. Cores.

1,2—1,5 см и оформлены преимущественно пологой ретушью (рис. 14: 1—22), на других ретушь заходит на спинки (рис. 14: 23—31). Представительна серия трапеций со строганой спинкой (рис. 14: 32—50). Параллелограммы изготовлены из сечений широких пластинок и оформлены пологой ретушью (рис. 14: 51—55). Единичные прямоугольники изготовлены из тонких пластинок, ретушью со спинки или брюшка обработаны два боковых края и один из концов пластинок (рис. 14: 66). Изменения происходят

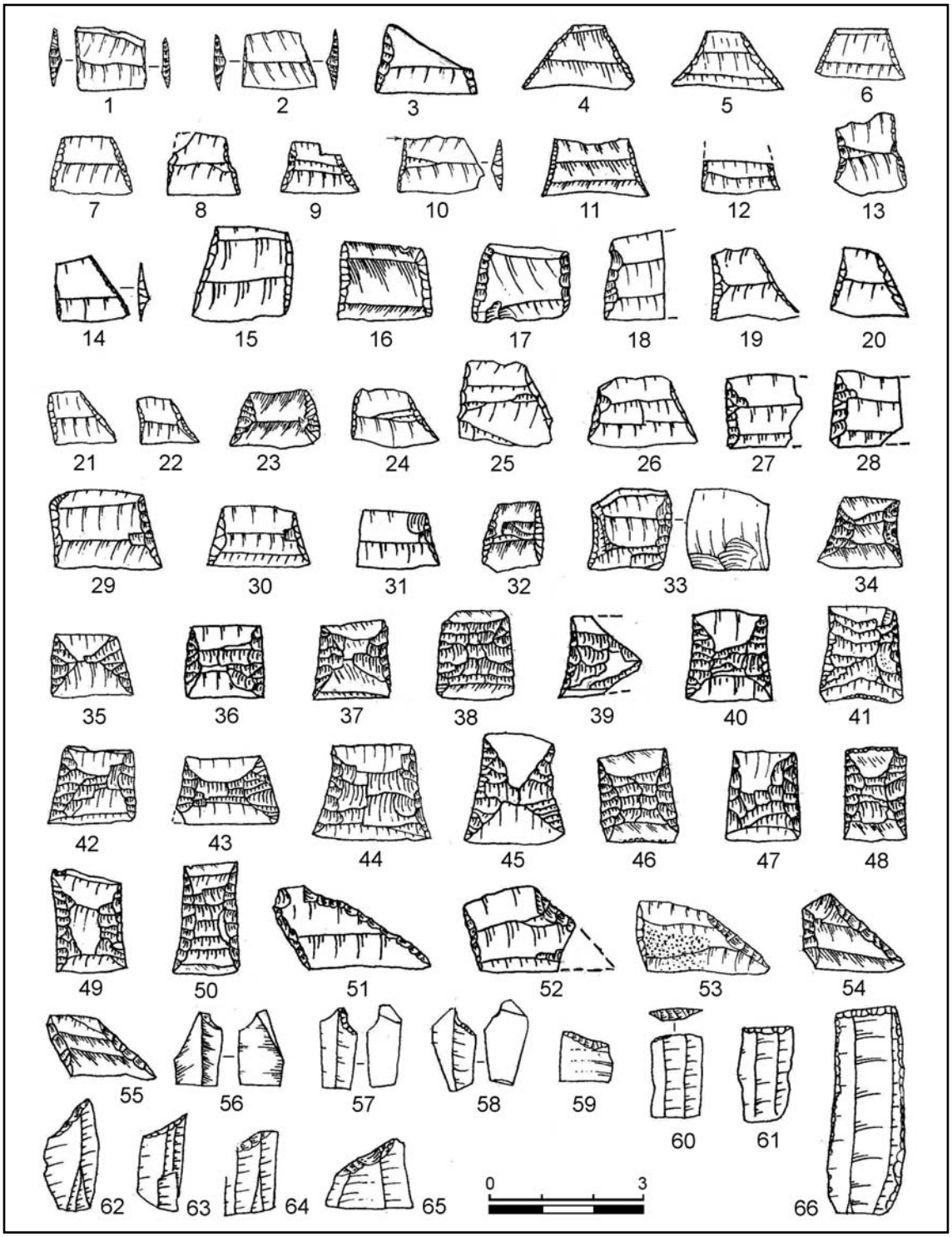

Рис. 14. Гард. Поздненеолитический культурный слой. Кремневые изделия.

Fig. 14. Gard. Late Neolithic layer. Flint artifacts.

и в составе негеометрических микролитов. Больше не применяются кукрекские вкладыши, пластинки с притупленным краем, абузовские и фатьма-кобинские острия, но продолжают бытовать пластинки с косо- или прямосрезанным концом (рис. 14: 59—65) и появляются микрорезцы (рис. 14: 56—58).

По-прежнему скребки являются самой многочисленной категорией орудий со вторичной обработкой. Все они изготовлены на отщепах и пластинчатых отщепах и оформлены характерной скребковой ретушью, нанесенной, как правило, со стороны спинки. Больше не применяются концевые

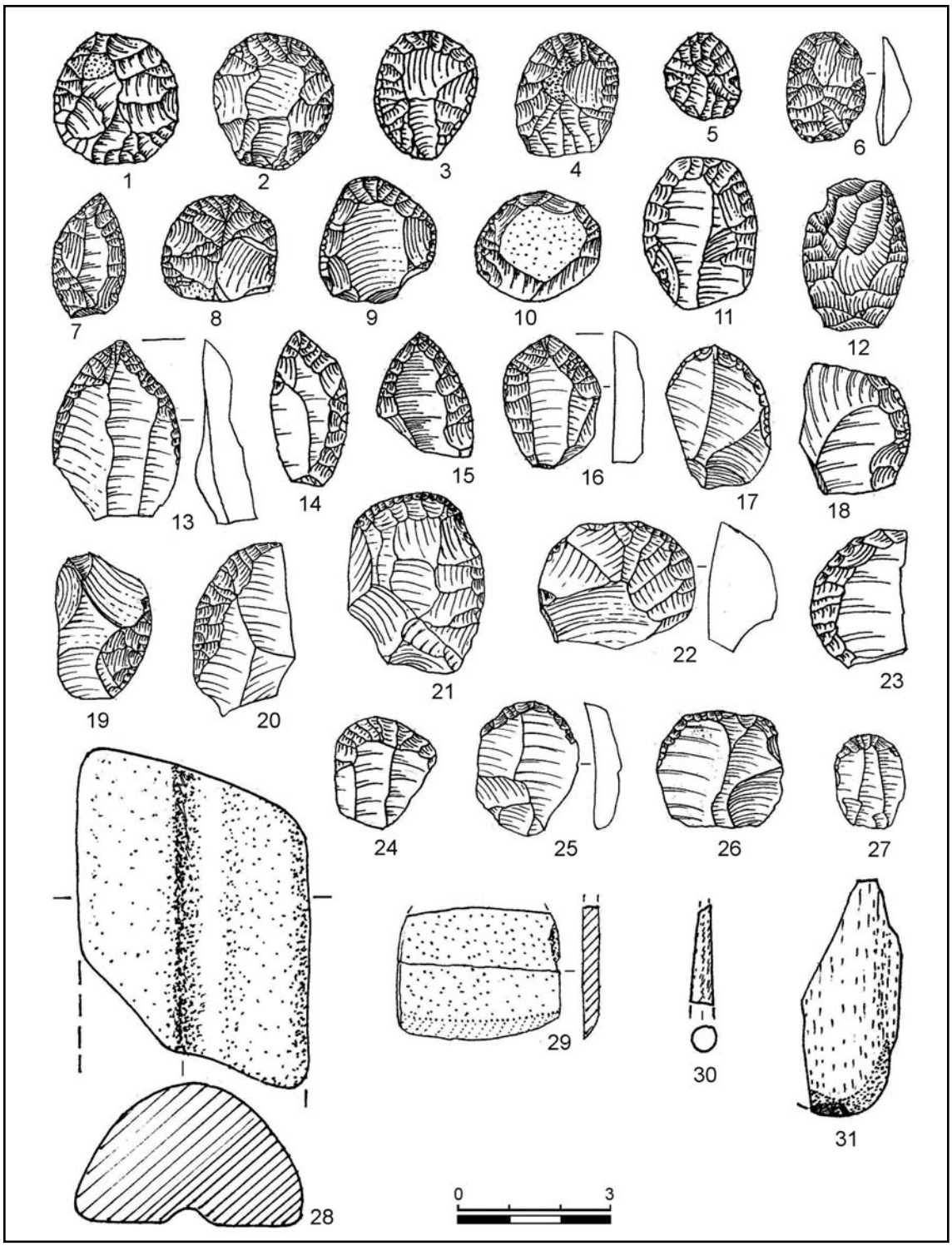

Рис. 15. Гард. Поздненеолитический культурный слой. Изделия из кремня (1—27), песчаника (28), сланца (29) и кости (30—32).

Fig. 15. Gard. Late Neolithic layer. Flint (1—27), sandstone (28), shale (29) and bone (30—32) artifacts.

скребки на пластинах. Среди скребков встречаются округлые (рис. 15: 1—6), подокруглые (рис. 15: 8—11), стрельчатые (рис. 15: 7, 14—17), концевые (рис. 15: 21, 22, 24—27) и боковые (рис. 15: 12, 18—20, 23). Часть скребков изготовлена на отщепах неустоявшейся формы, а многие орудия найдены в обломках.

Достаточно выразительные серии составляют ножевидные пластины и микропластины с ретушью (рис. 16: 14—21, 23—26). Широко употребляемыми являются пла-

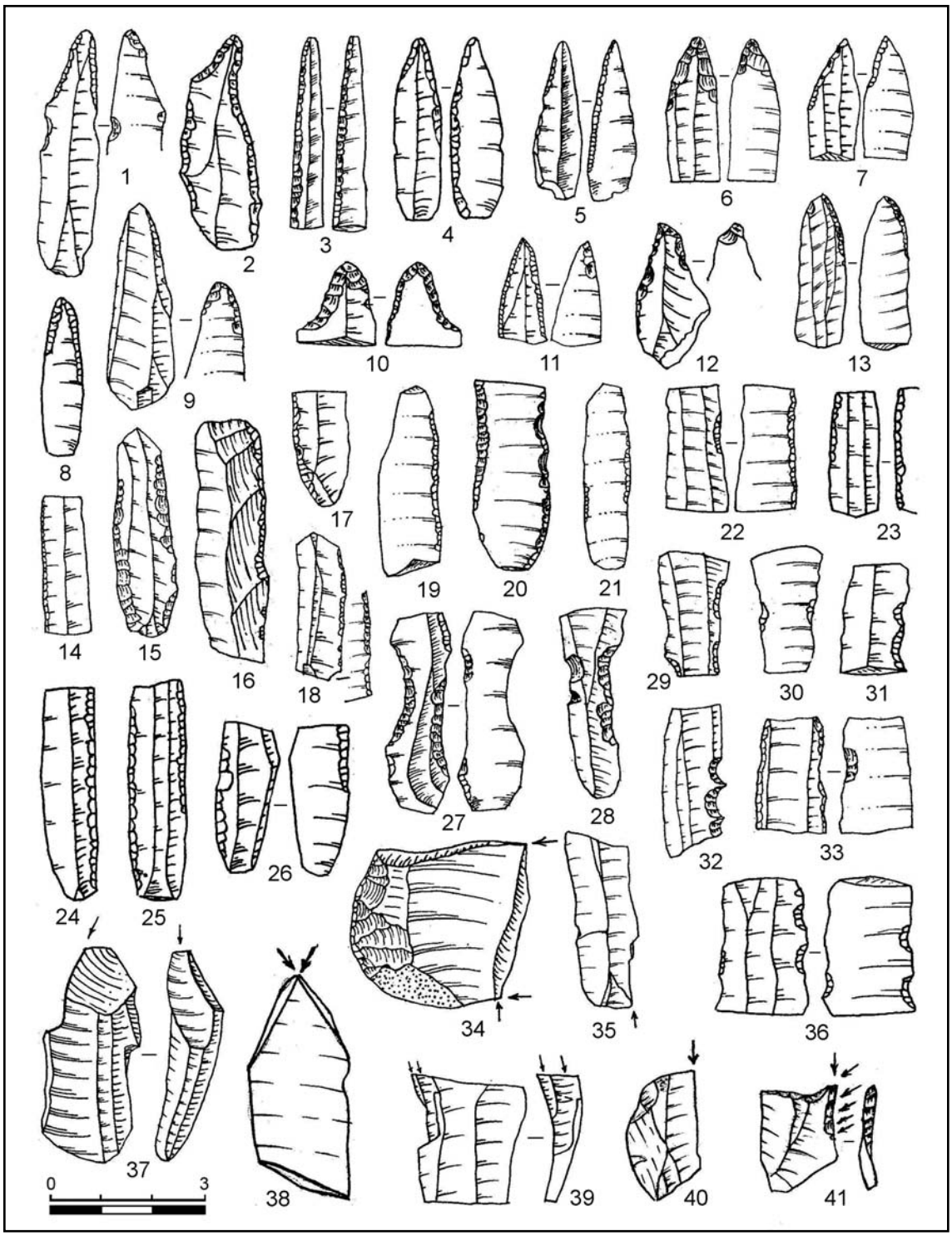

Рис. 16. Гард. Поздненеолитический культурный слой. Кремневые изделия.

Fig. 16. Gard. Late Neolithic layer. Flint artifacts.

стины с выемками (скобели), с несколькими отдельными выемками, нанесенными со спинки и брюшка (рис. 16: 22, 27—33, 35). Хорошо представлены сверла, проколки и развертки, в подавляющем большинстве изготовленные на пластинках (рис. 16: 1—13). Резцы малочисленные, угловые, боковые и срединные на пластинках и отщепах (рис. 16: 35, 37—41). Значительную серию изделий составляют отщепы с ретушью. Найден ретушер.

К позднему неолиту относится и несколько наконечников ромбической формы со срезанной основой, которые характерны как для

поздненеолитической БДК, так и для раннего Триполья.

4.2. Изделия из других пород камня

Коллекция изделий из других пород камня представлена, прежде всего, гранитной речной галькой. По форме и размерам она не отличается от таких же изделий из ранненеолитического слоя и также использовалась в качестве отбойников. Кроме галек, встречаются обломки гранитных плиток с заглаженными поверхностями, толщиной от 3,3 до 4,5 см. Их форма не определена, но один из них может происходить от плитки подромбической формы. Другую группу изделий составляют плитки песчаника с обточенными гранями. Выявлен также абразив, который имеет вид удлиненной плитки песчаника с одной плоской поверхностью и на ней желобком, шириной 1 см (рис. 15: 28). Найдено поврежденное в процессе эксплуатации сланцевое тесло (рис. 15: 29).

4.3. Охра

Как и в раннем неолите, продолжают использовать охру. Все найденные куски охры бесформенные, преимущественно вишневого цвета.

4.4. Изделия из кости

Обнаружен обломок стенки большой трубчатой кости с закругленным и заполированным с обеих сторон концом (рис. 15: 31). Подобные орудия, служившие лощилами, обнаружены на поздненеолитических поселениях гардовской группы. Кроме того, найден обломок костяного шила (рис. 15: 30).

4.5. Буго-днестровская керамика

Выделены три технологические группы керамики. К *первой группе* относится посуда, изготовленная с примесью растительности, песка, дресвы и графита. Масса плотная. Поверхность заглаженная, темно-серого, серого, темно-коричневого и серебристого цветов, на внутренней поверхности — горизонтальные следы расчесов. В рамках первой группы в соответствии с процентным содержанием дресвы, песка или графита при стабильной растительной примеси выделяются три подгруппы; отмечу, что между подгруппами нет четкого разделения. Критерием их выделения послужило относительное преобладание тех или иных примесей. Справедливость такого подхода подтверждается и другими данными (толщина стенок и формы посуды, система орнамента):

а) посуда, изготовленная с преобладающими примесями растительных волокон, дресвы, крупного и мелкого песка. Примесь графита незначительная или вовсе отсутствует. Толщина стенок 0,5—1 см (рис. 17; 18);

б) посуда, отличающаяся насыщенностью керамической массы графитом, отсутствием или скудным содержанием песка, тонкостенностью (0,3—0,8 см), тщательной обработкой поверхности и в целом сравнительно меньшими размерами сосудов (рис. 19; 20);

в) подгруппа «в» является переходной между вышеописанными: примеси песка и графита распределяются примерно поровну; грубые примеси отсутствуют. Толщина стенок 0,5—1 см (рис. 21; 22).

Для орнаментации посуды использовался исключительно углубленный узор в виде проглаженных линий, оттисков гребенчатого и ряда других накольчатых штампов. Количественное соотношение различных элементов орнамента и их сочетание выражено в таблице 2, в которой представлены массовые материалы из раскопок 2006—2011 гг.

Керамический материал очень измельченный, поэтому целых форм не удалось реконструировать. Для *подгруппы 1а* можем говорить только о больших широкогорлых плоскодонных горшках с отогнутым или прямым венчиком, край которого преимущественно закруглен (рис. 17: 1, 2, 5, 7, 9—11, 13—15, 19; 18: 1, 5, 6, 8, 9, 11, 12, 15, 22, 25, 26), прямо- или наискось срезан (рис. 17: 3, 12, 18; 18: 2—4, 10, 14). Встречается посуда с желобчатыми венчиками (рис. 18: 17, 23, 24) и гофрированным краем (рис. 18: 14, 17). Донышки плоские (17: 20) или несколько вогнутые (рис. 17: 16, 23; 18: 20). Один из сосудов имеет воротниковое утолщение венчика (рис. 18: 7).

Посуда подгруппы 1а орнаментирована преимущественно проглаженными линиями, составляющими горизонтальные, вертикальные и косые ряды (рис. 17: 2, 3, 9, 11, 15), дуги (рис. 17: 4, 5), диагональную сетку (рис. 17: 7), елочные (рис. 17: 14, 24) и паркетные (рис. 17: 17) композиции. Также распространены сложные композиции, которые сочетают различные мотивы (рис. 17: 8, 19, 25). Реже встречаются оттиски гребенчатого (рис. 18: 1—7) и накольчатого (рис. 18: 23—26, 28, 29) штампов, которые выступают иногда в сочетании с проглаженными линиями (рис. 18: 8—11, 14, 15, 18, 22, 27, 30). Есть сочетание оттисков гребенчатого штампа и горизонтальной полосы,

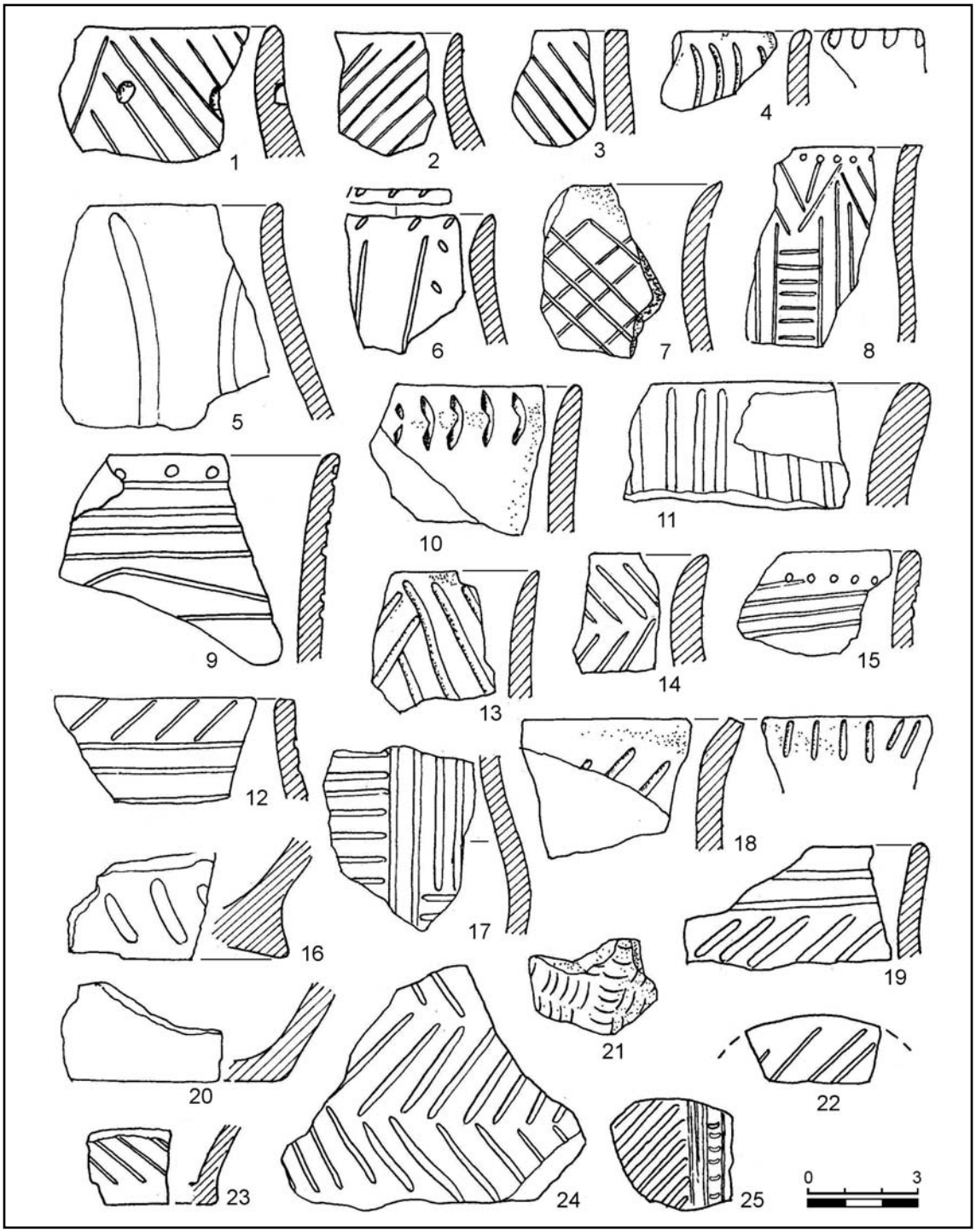

Рис. 17. Гард. Поздненеолитический культурный слой. Буго-днестровская керамика подгруппы 1а.

Fig. 17. Gard. Late Neolithic layer. Bug-Dniester pottery of 1a subgroup.

нанесенной тем же штампом (рис. 18: 12, 16). Встречается сочетание оттисков гребенчатого и накольчатого штампов, которое дополняется вертикальными насечками, нанесенными как с внутреннего, так и внешнего краев венчика, что придает венчику гофрированный вид (рис. 18: 17).

Для части посуды свойственна орнаментация внутреннего края венчика (рис. 17: 4, 18; 18: 7, 9, 12, 17). Поперечными или косыми насечками, оттисками гребенчатого и накольчатого штампов орнаментировался также срез венчика (рис. 17: 6; 18: 1, 2, 8—10, 4). Как и раньше, под венчиком иногда наносились ряды глубоких ямок округлой формы (рис. 17: 1).

Посуда *подгруппы 1б* отличается меньшей толщиной стенок и большим разнообразием

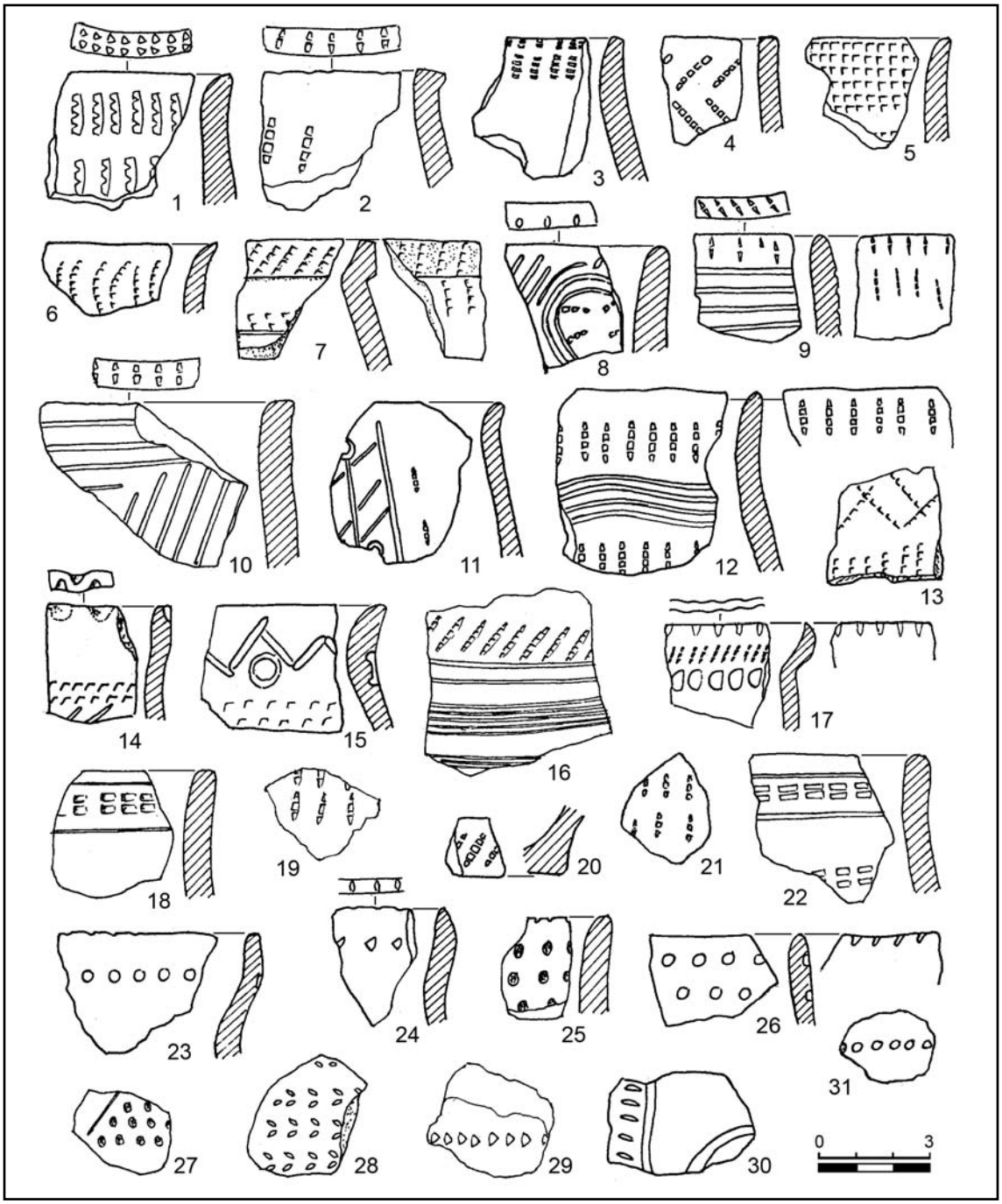

Рис. 18. Гард. Позднеолитический культурный слой. Буго-днестровская керамика подгруппы 1а.

Fig. 18. Gard. Late Neolithic layer. Bug-Dniester pottery of 1a subgroup.

форм. Венчики прямые или отогнутые с закругленным краем (рис. 19: 1, 5, 11, 12, 7, 13, 14), срезанные прямо или наискось (рис. 19: 2; 20: 6, 9, 15). Один сосуд имеет чуть утолщенные края в виде воротника (рис. 19: 14). Встречаются сосуды с гофрированными венчиками (рис. 20: 8, 12). Донышки — несколько вогнутые (рис. 19: 10). Найден обломок венчика миски (рис. 20: 21). Пять сосудов подражают форме раннетрипольского столового горшка (рис. 20: 1—5).

В целом, орнаментация этой посуды значительно богаче и разнообразнее: проглаженные линии (рис. 19: 1—10, 15), отпечатки гребенчатого (рис. 19: 13, 18, 20, 22) и накольчатого (рис. 20: 6—9, 11—16, 21—25) штампов, их сочетание с проглаженными линиями (рис. 19: 11, 14, 16, 17; 20: 17—19) или между собой (рис. 19: 12, 19, 23). Орнаментируется также и внутренний край (рис. 19: 1—5, 8; 20: 21) и срез (рис. 20: 10, 14, 15) венчика. Один из горшков не имеет орнамента (рис. 19: 21).

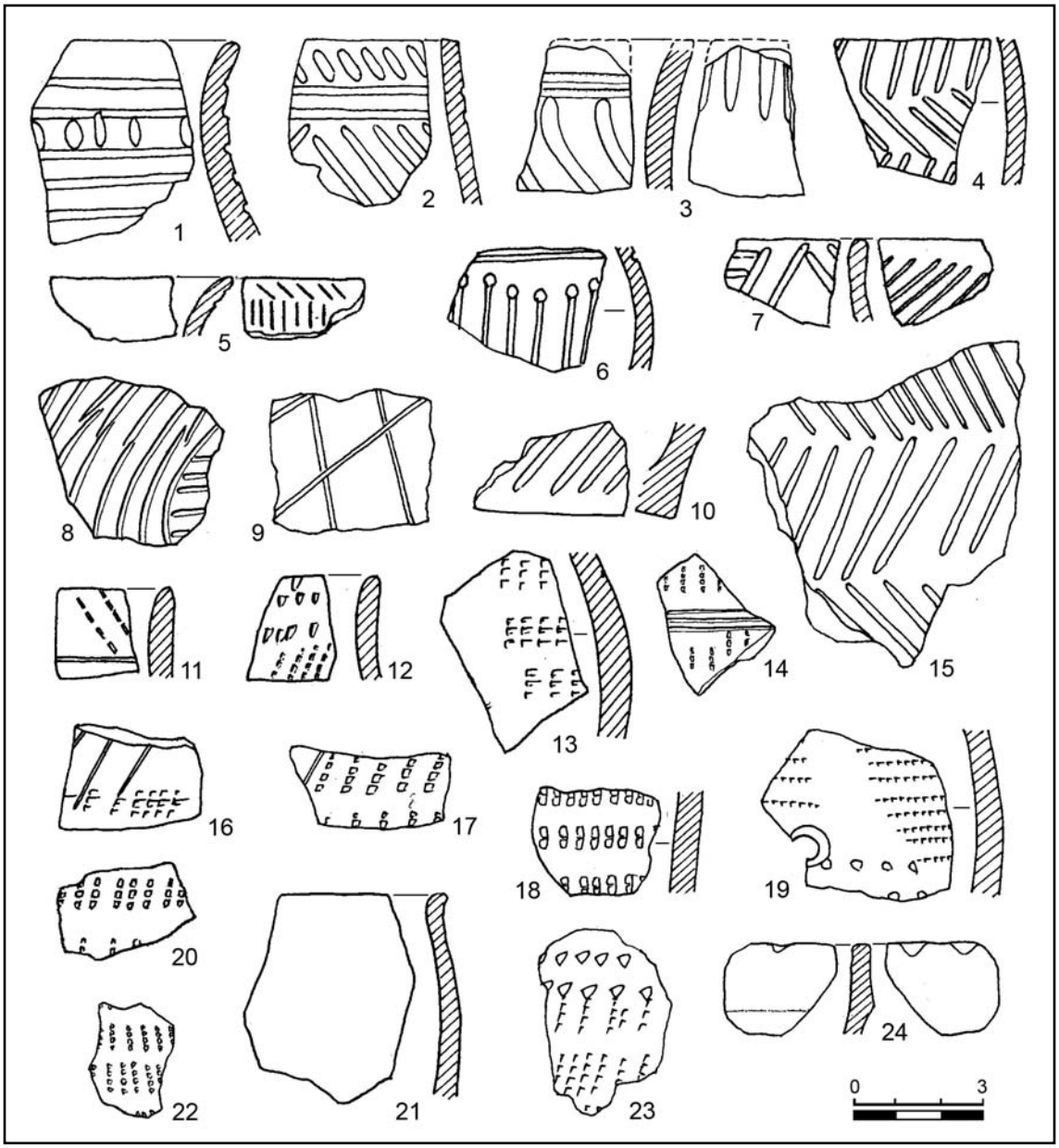

Рис. 19. Гард. Поздненеолитический культурный слой. Буго-днестровская керамика подгруппы 1б.

Fig. 19. Gard. Late Neolithic layer. Bug-Dniester pottery of 1б subgroup.

Для посуды *подгруппы 1в* (переходной) реконструированные формы также отсутствуют. В подавляющем большинстве венчики чуть отогнутые, а их край закругленный (рис. 21: 1—3, 6, 7, 16, 17, 20, 22; 22: 1, 2, 11, 15, 16), прямо (рис. 21: 8, 19; 22: 17—19) или косо (рис. 22: 6) срезанный. Реже встречаются сосуды с желобчатыми (рис. 21: 21) или гофрированными (рис. 22: 25) венчиками. Донышки плоские (рис. 22: 24) или немного вогнутые (рис. 21: 13, 15).

В орнаментации, как и в предыдущих подгруппах, преобладают проглаженные линии, составляющие различные композиции (рис. 21: 1—15), но чаще, по сравнению с группой 1а, используются отпечатки гребенчатого (рис. 21: 6—17) и накольчатого (рис. 22: 11—12, 20—22, 24, 27, 31) штампов. Проглаженные линии используются в сочетании с отпечатками гребенчатого (рис. 22: 1—9, 13, 14) и накольчатого (рис. 22: 16—19, 23, 28—30) штампа. Встречается сочетание гребенчатого и накольчатого штампов (рис. 22: 15, 25, 26). Орнамент переносят и на внутренний край венчика (рис. 21: 4, 25; 22: 3, 18, 28), а по его срезу наносят поперечные или диагональные насечки или отпечатки гребенки (рис. 21: 19; 22: 5, 6, 10, 19). Одно донышко покрыто рядами оттисков накольчатого штампа (рис. 22: 24). Посуда часто ремонтировалась,

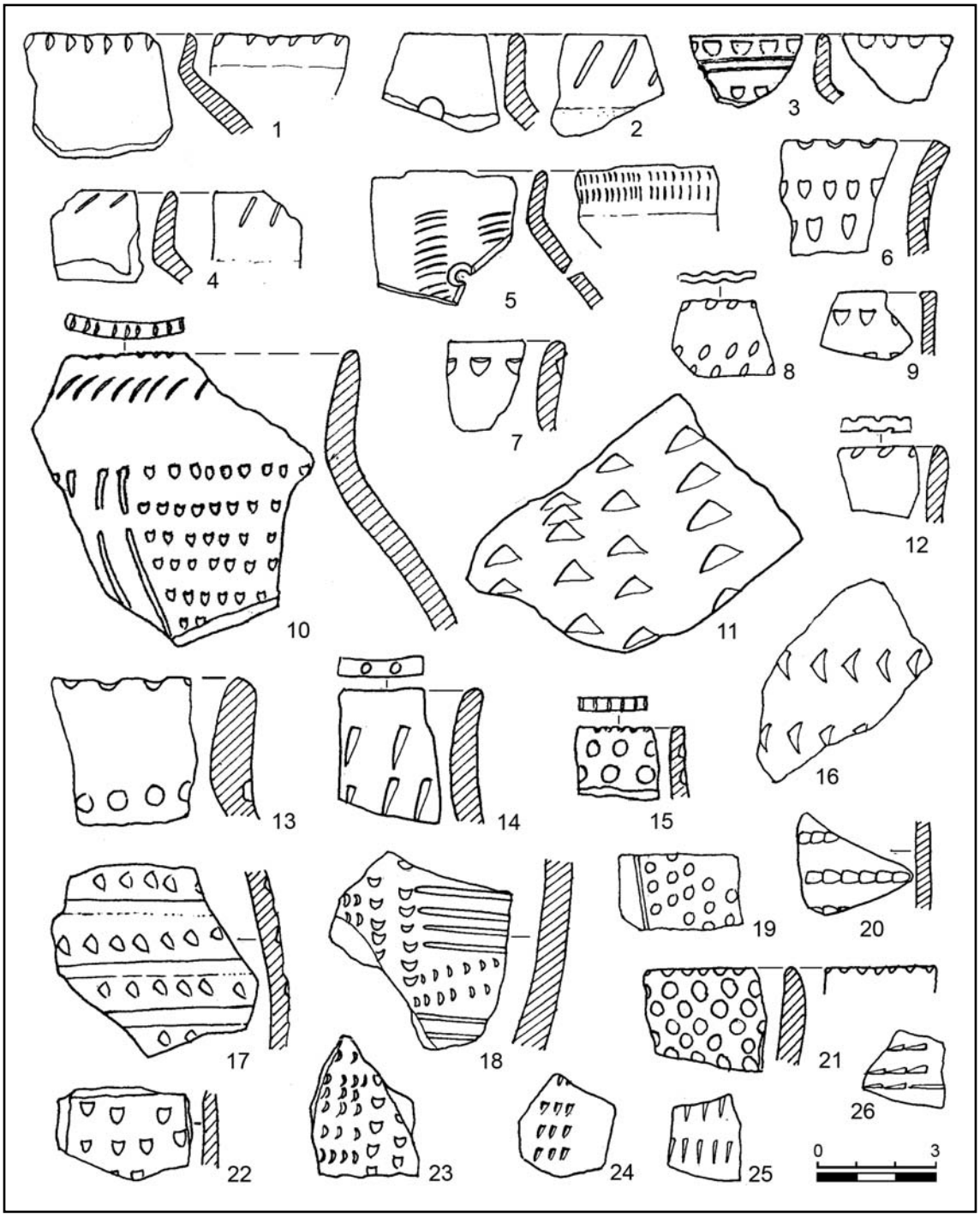

Рис. 20. Гард. Поздненеолитический культурный слой. Буго-днестровская керамика подгруппы 1б.

Fig. 20. Gard. Late Neolithic layer. Bug-Dniester pottery of 1б subgroup.

свидетельством чего являются многочисленные просверленные отверстия (рис. 21: 11).

В целом посуда 1 группы отражает продолжение местной традиции в керамическом производстве, появившейся еще в раннем периоде неолита (первая технологическая группа). В позднем неолите это наиболее отчетливо прослеживается в посуде подгруппы 1а. Однако на новом этапе развития в технологии керамического производства происходят значительные изменения: если в раннем периоде эта посуда заглажена и даже подлощена, то в позднем при обработке поверхностей, особенно внутренней, преимущественно применяются расчесы. Исключается из употребления керамика с примесью крупнотолченой ракушки (группа 2), зато в качестве отощителя широко используется графит. Появляются но-

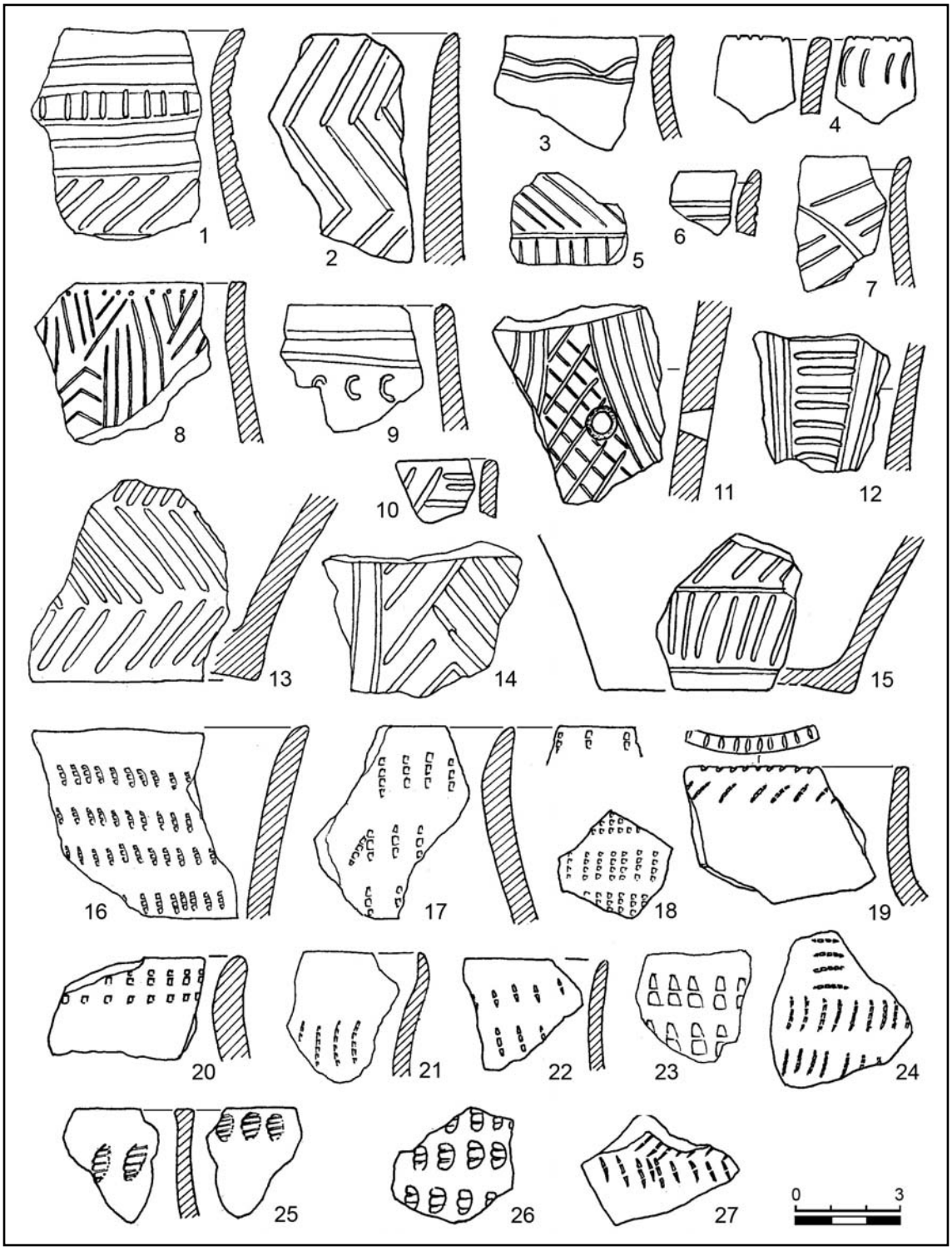

Рис. 21. Гард. Поздненеолитический культурный слой. Буго-днестровская керамика подгруппы 1в.

Fig. 21. Gard. Late Neolithic layer. Bug-Dniester pottery of 1в subgroup.

вые формы посуды, в частности, банки и миски. Распространяются сосуды с утолщенным в виде воротничка, желобчатым и гофрированным венчиками. Произошли изменения в орнаментации: больше не используются пальцевые защипы, исчезают ленточные композиции, орнаментируется внутренний край венчика. Широко используется гребенчатый орнамент.

По форме и орнаментации керамика первой группы имеет многочисленные аналогии среди соседних поздненеолитических поселений Гард 3, Гард 4, Пугач 1, Пугач 2, Лидина Балка (укр. Лідина Балка) и др. Вследствие воз-

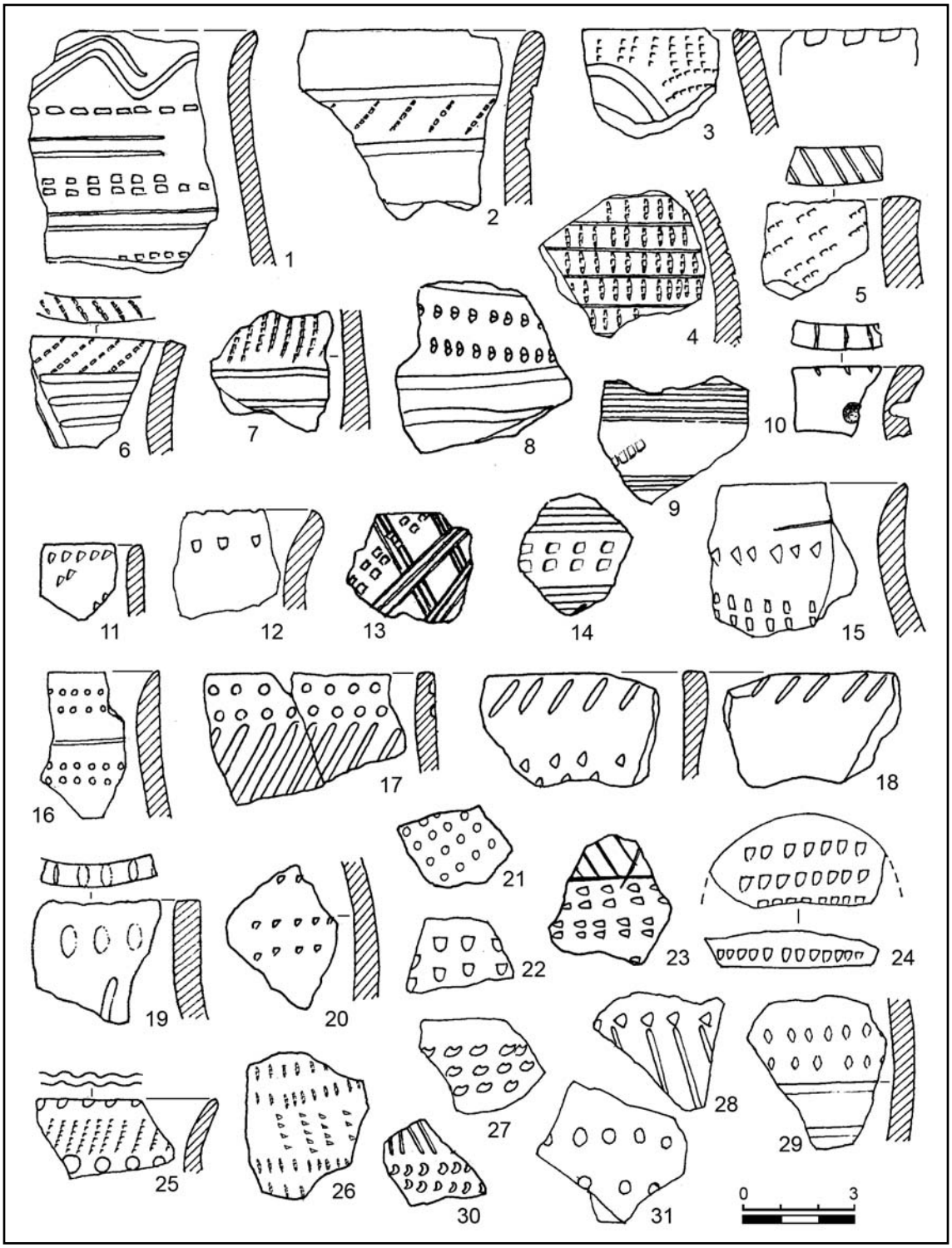

Рис. 22. Гард. Поздненеолитический культурный слой. Буго-днестровская керамика подгруппы 1в.

Fig. 22. Gard. Late Neolithic layer. Bug-Dniester pottery of 1в subgroup.

действий со стороны населения Надпорожья и Среднего Поднепровья она имеет определенную специфику. В целом же, это так называемая савранская керамика, характерная для всей БДК позднего периода.

Ко *второй группе* относится так называемая кардиумная (кардиальная) керамика, которая по составу формовочных масс радикально отличается от остальной поздненеолитической посуды и в орнаментации которой, наряду с другими штампами, использованы отпечатки морской ракушки *Cardium*. Кроме исследуемого поселения, такая керамика достаточно широко рас-

пространена на позднеолитических поселениях Гардовской группы (Пугач 1 и 2, Гард 3 и Гард 4), где она составляет от 4,4 до 11,5 %, и кроме того, по одному фрагменту обнаружено вне Степного Побужья на поздних буго-днестровских поселениях Саврань, Новорозановка (укр. Новорозанівка) 1 и в азово-днепровском слое Каменной Могилы (укр. Кам'яна Могила) (Товкайло 2012: 27). Это посуда, изготовленная из глиняной массы, перенасыщенной раковинами мелких ракушечных раков *Ostracoda* и их обломками, содержащая также незначительные примеси песка и растительности. Раковины *Ostracoda*, размером около 1 мм, можно наблюдать только под бинокуляром. Масса пористая. Поверхность с обеих сторон заглажена, иногда подлощена извне, от бурого до красного цветов. Толщина стенок 0,7—1,1 см. На изломе черепок с внешней стороны преимущественно красно-коричневого цвета, изнутри — от черного, темно-серого до темно-коричневого цветов. Другим признаком, отличающим посуду второй группы от остальной позднеолитической посуды, являются отпечатки по сырой глине волнистого края створки морской раковины семейства *Cardium*.

По форме выделяются банковидные сосуды с воротничковым утолщением венчика (рис. 23: 13) и горшки, которые имеют высокие, прямые и несколько утолщенные венчики (рис. 23: 1, 2, 7). Реконструирована форма большого горшка с невысоким прямым и несколько утолщенным венчиком (рис. 23: 14). Диаметр венчика и высота достигает 30 см, диаметр дна — 10 см.

Орнаментацию из отпечатков волнистого края створки морской раковины семейства *Cardium* имеет лишь часть посуды. Для орнаментации остальной керамики использовались гребенка и другие штампы. Отпечатки волнистого края раковины *Cardium* нанесены как под тупым углом к поверхности посуды (тогда, если поверхность посуды не затертая, их можно хорошо разглядеть), или под острым углом к поверхности (в таком случае они просматриваются очень плохо и их можно принять за отпечатки гребенчатого штампа).

Отпечатки волнистого края раковины *Cardium* образуют горизонтальные ряды (рис. 23: 1—3, 6, 12) и могут быть обрамленными с двух сторон такими же отпечатками, сложенными в одну линию (рис. 23: 2), или сочетаться с полосой линий, нанесенных тем же волнистым краем раковины (рис. 23: 1). В одном случае отпечатки волнистого края створки ракушки *Cardium* образуют елочную композицию в сочетании с такими же отпечатками ракушки, сложенными в несколько длинных линий (рис. 23: 4). Отпечатки гребенчатого штампа также образуют горизонтальные ряды (рис. 23: 5) или сочетаются с линейным орнаментом (рис. 23: 14). В ряде случаев, на наружную поверхность посуды нанесены горизонтальные ряды подтреугольных, круглых или овальных наколов (рис. 23: 8—11). Орнаментации подлежали внутренний край (рис. 23: 1, 2) и срез (рис. 23: 7, 13) венчика.

В 2008 г. по образцу керамики с остракодами в Киевской радиоуглеродной лаборатории М.М. Ковалюх получил дату: Ki-14793 6400 ± 90 BP (табл. 3).

Анализируя кардиумную керамику Степного Побужья, я пришел к выводу о ее позднеолитическом возрасте, то есть она существовала одновременно с посудой основной группы, изготовленной по традиционной технологии (Товкайло 2012: 30). Очевидно, что такая керамика возникла вне местной традиции и, более того, учитывая отсутствие в регионе перенасыщенного остракодами сырья, — вне Степного Побужья. Конечно, производить такую керамику могло население, которое было носителем культурной традиции импрессо, имело доступ к соответствующему сырью (залежей остракод и морских ракушек *Cardium*), имело тесные связи с позднеолитическими жителями Степного Побужья и в определенной степени находилось под их влиянием. По моему мнению, оно должно было проживать по соседству, на прилегающей с юга к Степному Побужью территории, вдоль лиманов Северного Причерноморья и морского побережья. Хотя ни одного неолитического поселения с кардиумной керамикой там еще не обнаружено (Товкайло 2012: 31, 34).

Третья группа керамики немногочисленна. Эта тонкостенная (0,3—0,6 см) керамика изготовлена с примесью песка. Внешняя поверхность заглажена, серого и серо-коричневого цвета. На внутренней поверхности следы полосчатого сглаживания. Реконструируется горшок с короткими и немного отклоненными венцами. Поочередные насечки из внутреннего и внешнего края венчика придают ему гофрированный вид. Верхняя часть горшка сплошь покрыта диагональными полосами, состоящими из нескольких рядов подтреугольных наколов, которые чередуются с такими же полосами проглаженных линий. Еще два ряда глубоких наколов нанесены тем же штампом на шейке (рис. 24: 1). Диаметр венчика — 16,5 см.

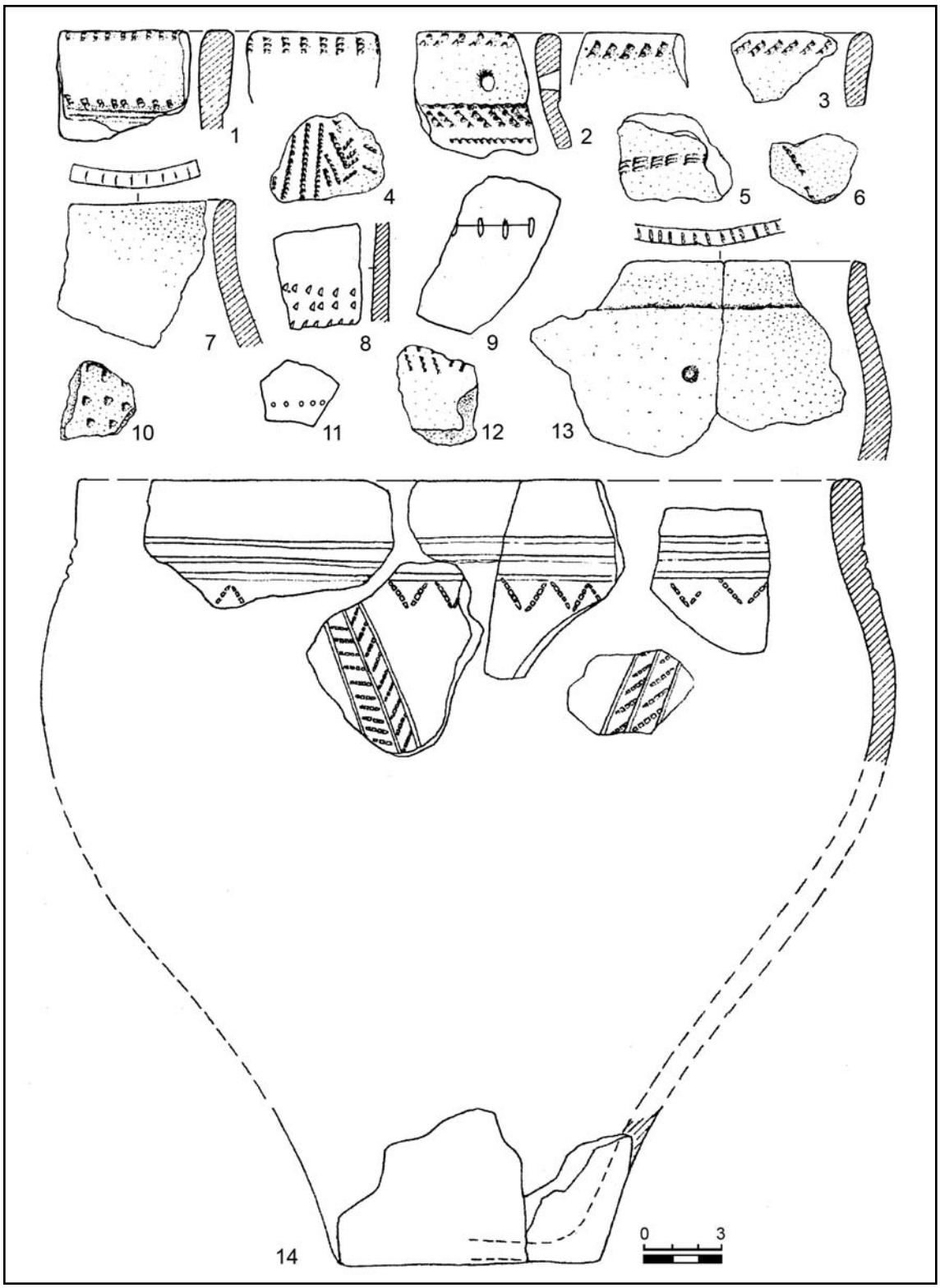

Рис. 23. Гард. Поздненеолитический культурный слой. Буго-днестровская керамика группы 2 (кардиумная).

Fig. 23. Gard. Late Neolithic layer. Bug-Dniester pottery of 2 group (cardial).

В орнаментации посуды использовались проглаженные линии и наколы подтреугольной, округлой и каплевидной формы (рис. 24: 5—9), обычным является сочетание накольчатого и линейного элементов орнамента, образующих сложные композиции (рис. 24: 2—4). Единичные фрагменты посуды, отнесенные к третьей группе, изредка встречались и на других поздненеолитических поселениях Степного Побужья.

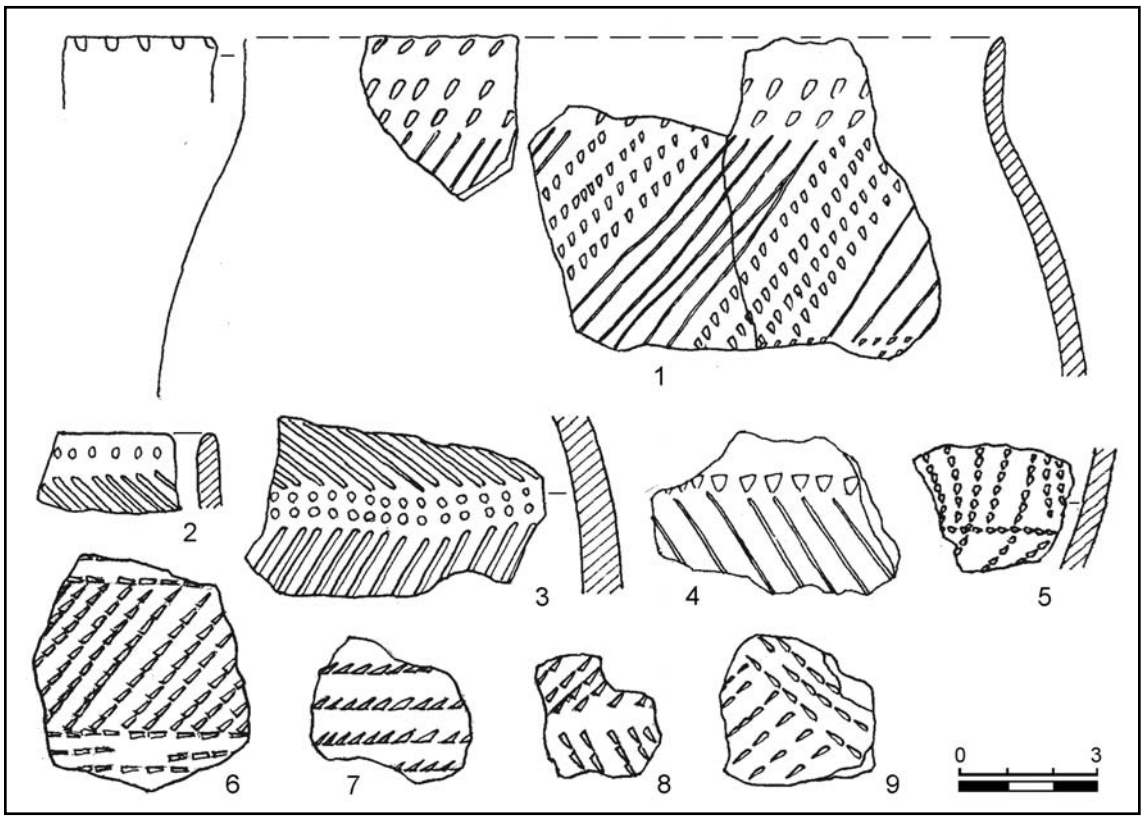

Рис. 24. Гард. Поздненеолитический культурный слой. Буго-днестровская керамика группы 3.

Fig. 24. Gard. Late Neolithic layer. Bug-Dniester pottery of 3 group (1—9).

В буго-днестровской среде такая керамика распространена лишь в Степном Побужье. Очевидно, ее распространение здесь можно рассматривать как свидетельство связей с населением Надпорожья, где подобная керамика распространена, в частности, в нижнем слое Стрильча Скеля, Никольском (укр. Микільском) могильнике и Среднем Стоге 1. В.Н. Даниленко относил ее ко второму этапу АДК, Д.Я. Телегин — к этапу 2 ДДК.

4.6. Раннетрипольская керамика

Для ряда неолитических памятников региона (Пугач 1, Пугач 2, Гард 3, Гард 4, Лидина Балка, Ташлык 2) характерно совместное залегание в одном слое савранских и раннетрипольских материалов типа Сабатиновка (укр. Сабатинівка) 2. Эти материалы, как и керамика раннетрипольских поселений Гайворон, Сабатиновка 2, Гребенюков Яр (укр. Гребенюків Яр), легли в основу доказательств синхронности и взаимодействия буго-днестровской и раннеотрипольской культур (Товкайло 2005). Поэтому приобщаем к анализу и раннетрипольскую керамику поселения Гард. По технологическим признакам она делится на две группы: условно кухонную и столовую. Это типичная для самых древних на Южном Буге раннетрипольских поселений керамика, ближайшие аналоги которой находим в Гайвороне и Сабатиновке 2.

Посуда *первой группы* (2172 обломка керамики, количество сосудов трудно определить) изготовлена из грубой комковатой массы с примесью песка и шамота, а также, в отдельных случаях, с примесью графита. Обжиг неравномерный. Толщина стенок 0,5—1,4 см. Внешняя поверхность неровная, со следами сглаживания пальцами, внутренняя — сглаженная и залощенная; снаружи сглаживались только шейка и придонная часть сосудов (рис. 25; 26).

Самым употрительным типом кухонной посуды является плоскодонный горшок средних размеров с диаметром венчика 24—25 см (рис. 25: 1), донышка — 8 см (рис. 26: 22). Орнаментация посуды достаточно однообразна. Это, зачастую, один, реже — два или три ряда пальцево-ногтевых защипов на плечиках (рис. 25: 2—8; 26: 11, 12, 19—21) или, вместо них, округлых ямок (рис. 25: 5, 10, 11; 26: 16), подтреугольных (25: 9; 26: 10) или продолговатых (25: 1, 16; 26: 15) оттисков, нанесенных каким-то острым предметом, а также декоративное сглаживание пальцами по сы-

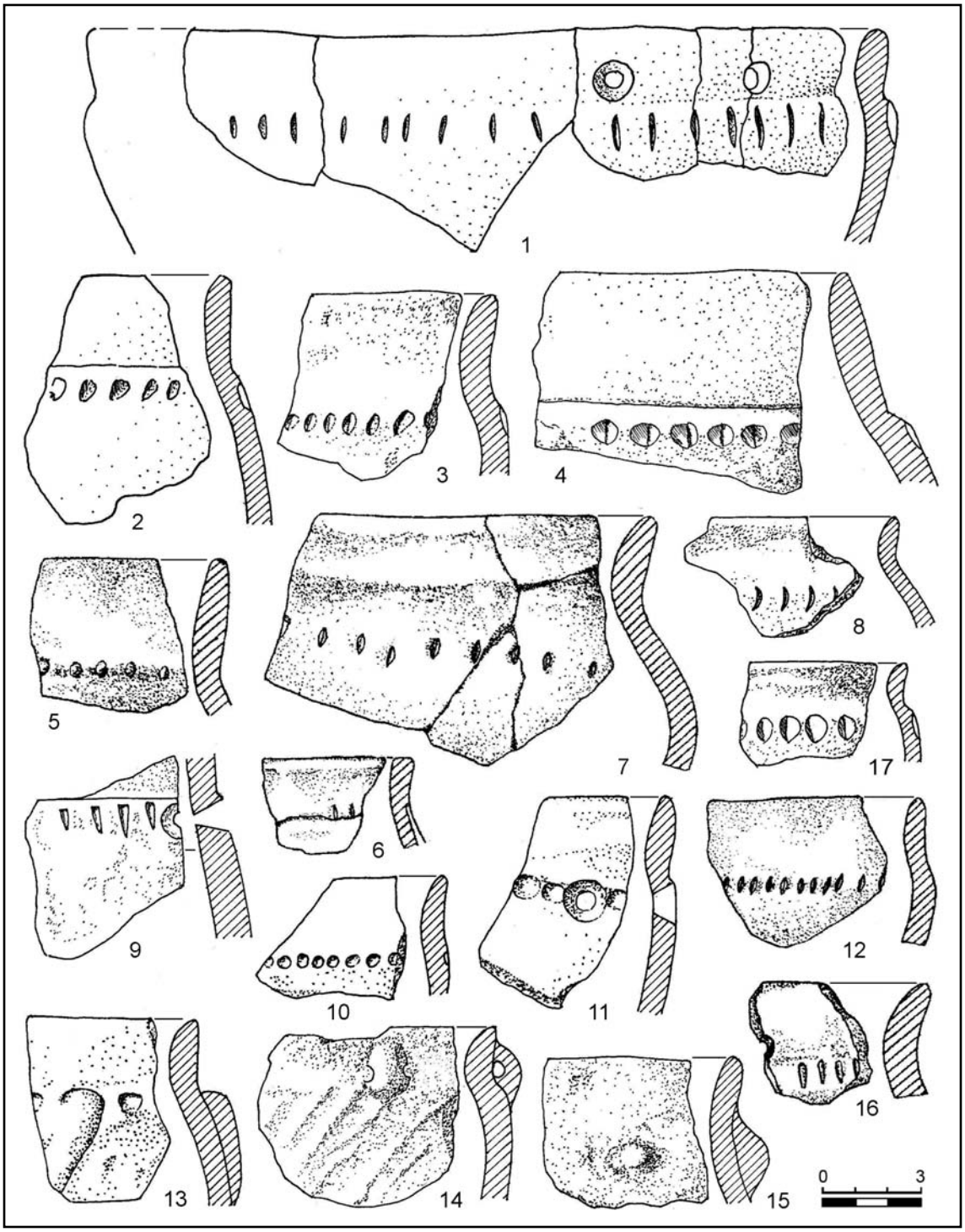

Рис. 25. Гард. Поздненеолитический культурный слой. Раннетрипольская керамика 1-й группы.

Fig. 25. Gard. Late Neolithic layer. Early Tripolian pottery of 1 group.

рой глине (рис. 25: 14). Используется и пластический орнамент в виде конических выступов-налепов, ручек, расположенных на плечиках (рис. 25: 13—15; 26: 13, 14).

Довольно часто находим обломки керамики с высверленными коническими отверстиями, появление которых можно объяснить потребностями ремонта посуды (рис. 25: 1, 11). Реже встречаются миски, которые украшались тем же способом, что и горшки (рис. 26: 1—8). Для мисок также характерен рельефный орнамент (рис. 26: 6, 8, 9).

Один из горшков орнаментирован косыми проглаженными линиями на плечиках (рис. 26: 17, 18), что является проявлением влияния буго-днестровской культуры.

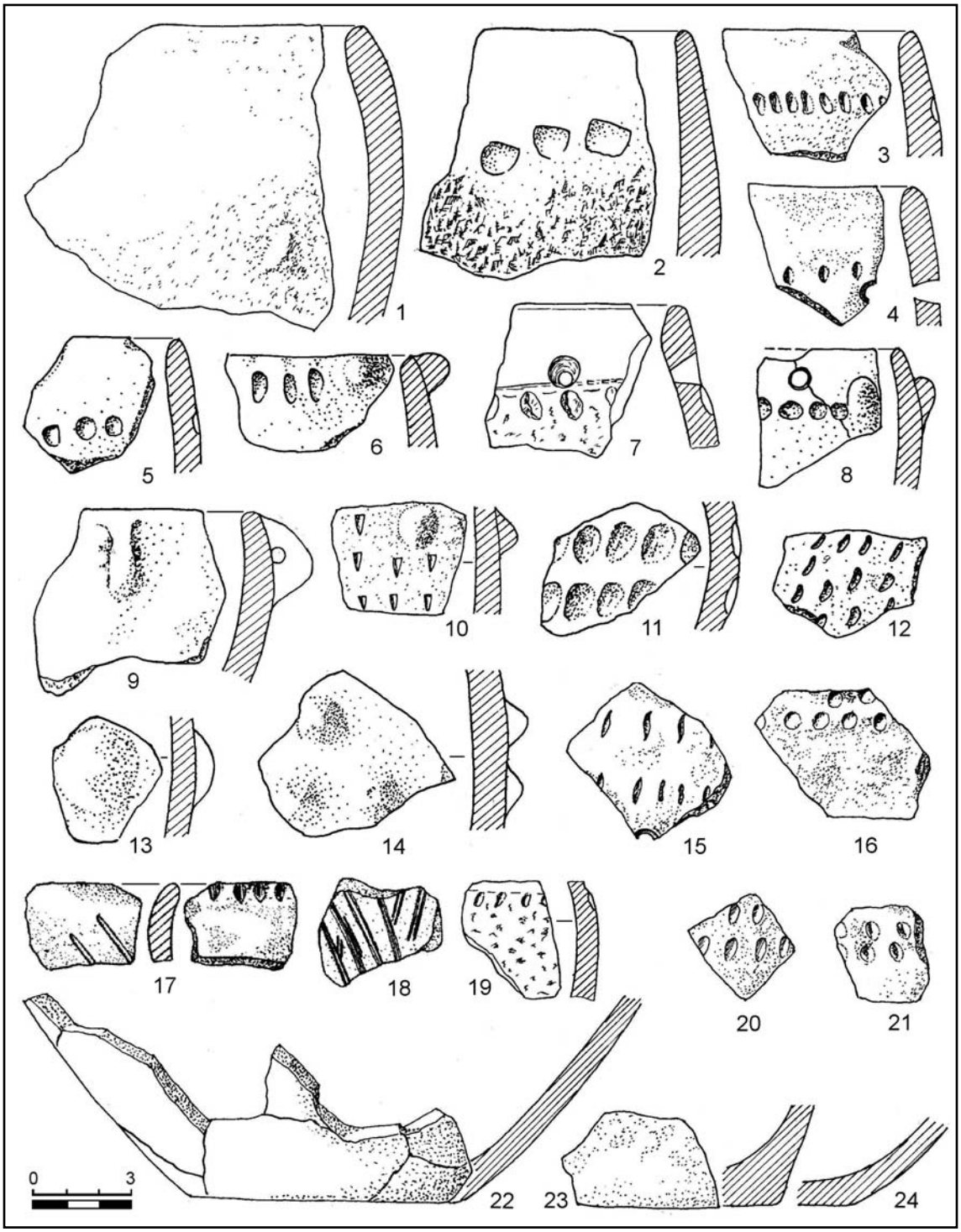

Рис. 26. Гард. Поздненеолитический культурный слой. Раннетрипольская керамика 1-й группы.

Fig. 26. Gard. Late Neolithic layer. Early Tripolian pottery of 1 group.

Посуда *второй группы* (1336 обломков керамики) изготовлена из хорошо вымешанной глины с примесями мелкоструктурного шамота. Почти треть посуды, кроме указанной, имеет примесь графита. Масса плотная. Посуда хорошо обожжена. Толщина стенок 0,25—0,7 см. Внутренняя и внешняя поверхность сосудов заглажена и залощена, черного, темно-серого и коричневого цвета (рис. 27; 28).

Количественно преобладают небольшие плоскодонные горшки с короткими (0,7—2 см) прямыми, немного отклоненными венчиками и округлым туловом (рис. 27: 1—17). Небольшие донышки плоские или немного вогнутые (рис. 28: 12, 22—26). Реже

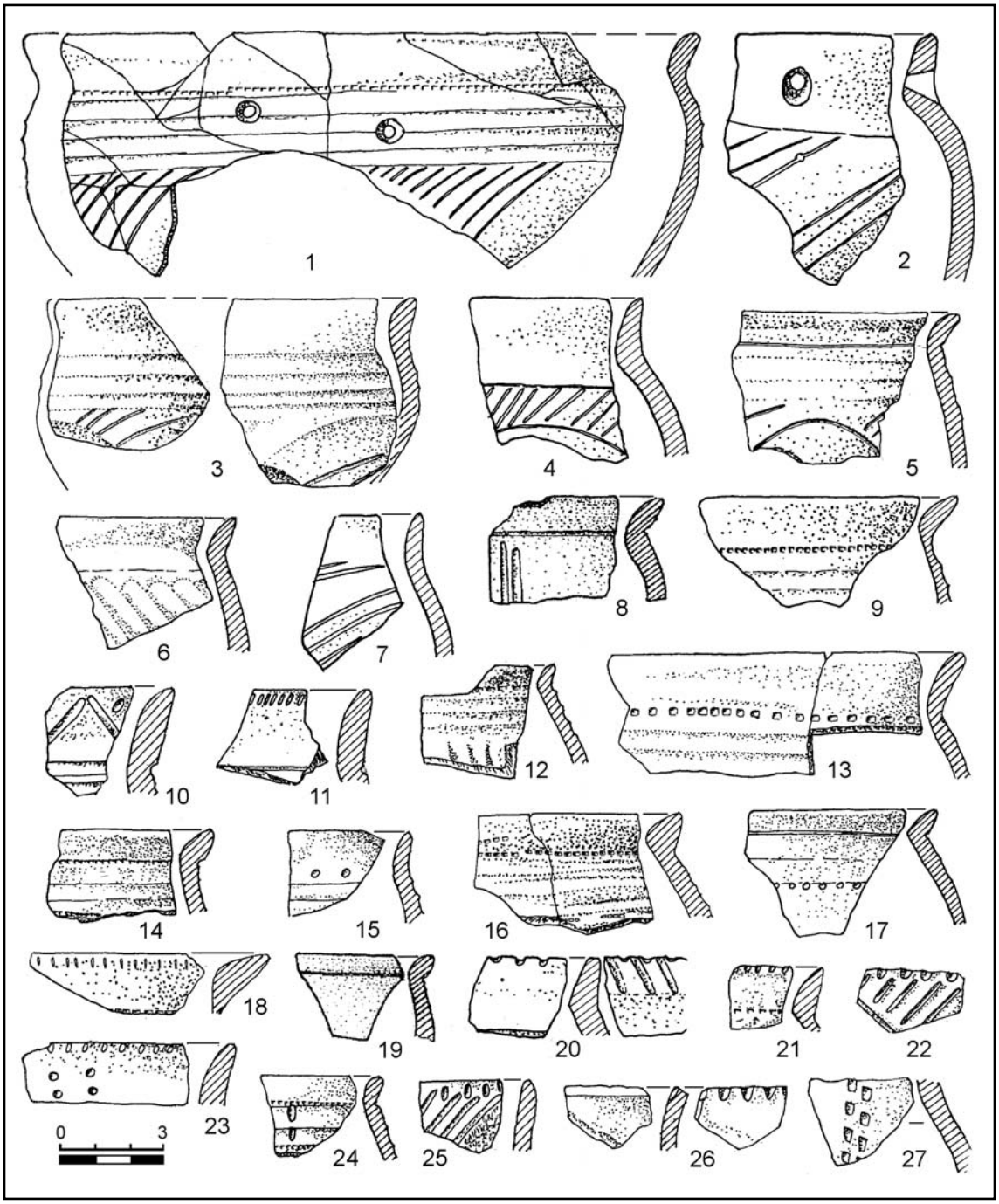

Рис. 27. Гард. Поздненеолитический культурный слой. Раннетрипольская керамика 2-й группы.

Fig. 27. Gard. Late Neolithic layer. Early Tripolian pottery of 2 group.

встречаются миски (рис. 28: 1, 2) и кувшины (рис. 28: 3, 5).

Посуда второй группы орнаментирована преимущественно узкими каннелюрами на шейке и плечиках, часто дополненными оттисками гребенчатого и накольчатого штампов (рис. 27: 1—3, 5, 6, 8, 12—17, 24; 28: 3—6, 10, 11, 15—17), насечками по внешнему краю венчика (рис. 27: 18, 21—23; 28: 2, 4), врезанными линиями, в т. ч. в виде лент (рис. 27: 4; 28: 24—26), лучей (рис. 27: 1), оттисками гребенчатого или накольчатого штампов, опоясывающих горшки в основании шейки или в придонной части (рис. 27: 1, 9, 14, 16, 21, 24; 28: 3—8, 23), фестонов (рис. 27: 3) или заштрихованных угловых композиций (рис. 27: 1; 28: 10), сосцевидными налепами (рис. 28: 15). Широко употребляется ямочный орнамент (рис. 27: 23; 28: 13, 20). В виде ручек сделаны рельефные налепы округлой формы

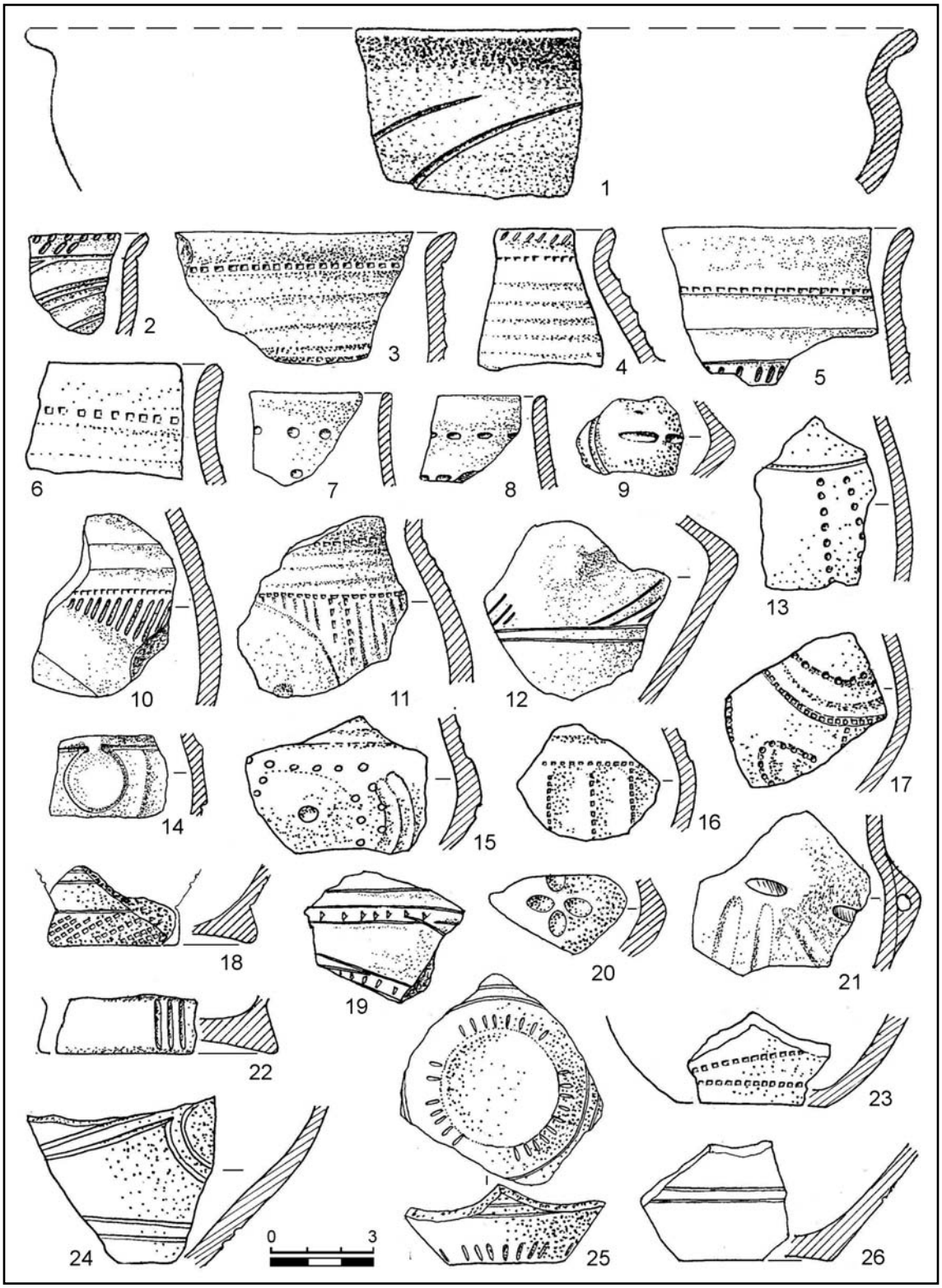

Рис. 28. Гард. Поздненеолитический культурный слой. Раннетрипольская керамика 2-й группы.

Fig. 28. Gard. Late Neolithic layer. Early Tripolian pottery of 2 group.

с проколотыми по горизонтали отверстиями (рис. 28: 21) или имитацией таких проколов (28: 9, 14).

Два фрагмента керамики, происходящие от различных сосудов, сформированы и орнаментированы несвойственным для раннего Триполья способом. В частности, первый из них происходит от горшка со слабо отогнутым наружу венчиком, край которого прямосрезанный и скошенный наружу, изну-

три он орнаментирован глубокими округлыми оттисками круглого штампа (рис. 27: 26). Такой способ часто используется при орнаментации буго-днестровской посуды на позднем этапе развития. Другой фрагмент горшка украшен парной полосой оттисков кольчатого штампа, расположенных по вертикали, что также свойственно буго-днестровской традиции (рис. 27: 27). Использование буго-днестровских мотивов в орнаментации посуды зафиксировано и на раннетрипольских поселениях Южного Буга. Особенно отчетливо это прослеживается в керамике раннетрипольских поселений Гайворон, Сабатиновка 2 и Гребенюков Яр (Товкайло 2004б: рис. 4: 5; 2005: рис. 75: 1—13). Выше говорилось о буго-днестровской посуде, которая при сохранении традиционной технологии ее изготовления (примеси растительности и графита) приобретает несвойственные ей раннетрипольские черты, проявляющиеся как в форме сосудов, так и в их орнаментации (рис. 20: 1—5). Подобную посуду раньше находили на поселениях Пугач 1, горизонт «б», и Пугач 2 (Товкайло 2005: рис. 47: 5, 15; 48: 10; 50: 4, 11). Итак, материалы Гарда также подтверждают сделанные ранее выводы о синхронности и взаимоотношении поздней буго-днестровской и раннетрипольской культур (Товкайло 2004а; 2005; 2008).

5. Дискуссия

Еще В. Н. Даниленко, рассматривая процесс становления неолита Северо-Западного Причерноморья, отмечал, что он имел характер сращивания гребениковских и кукрекских форм развития (Даниленко 1969: 61, 159). Совместное участие носителей кукрекской и гребениковской культур в формировании БДК отмечали и другие исследователи (Залізняк 1998: 183, 213; Котова 1997: 162; Гаскевич 2002: 98).

Конечно, многократное повторение керамических и кремневых комплексов с набором одних и тех же признаков не может быть случайным. Очевидно, такие комплексы отражают этап развития местных финальномезолитических групп населения, которые стали на путь неолитического развития. Однако не все так просто, ведь рядом с этими раннеолитическими памятниками со смешанным кукрекско-гребениковским кремневым инвентарем в регионе отмечены такие же синкретические памятники, но без керамики. К ним относят позднемезолитические стоянки Мирное (укр. Мирне), Зализничное (укр. Залізничне) и Фрумушику (Борзияк 1997: 24; Смынтына 2001—2002: 463; 2012: 207; Сапожников, Сапожникова 2005: 91). Из них первые два расположены на побережье Черного моря, а Фрумушика — в Среднем Поднестровье, то есть в районе распространения кришских и ранних буго-днестровских поселений с керамикой. От понимания особенностей взаимоотношений кукрекской и гребениковской культур зависит наше понимание процессов неолитизации Среднего Поднестровья, Побужья и Северо-Западного Причерноморья.

Между тем определить характер взаимоотношений кукрекской и гребениковской культур, как и их соотношение между собой и синкретическими памятниками по существующим данным довольно проблематично. Если отсутствие ранненеолитической керамики в Мирном и Зализничном еще можно объяснить тем, что в раннем неолите черноморское побережье оставалось вне зоны распространения керамических новаций, то отсутствие такой керамики во Фрумушике может свидетельствовать о ее более древнем времени, по сравнению с ранненеолитическими буго-днестровскими памятниками с керамикой, расположенными в Побужье и Поднестровье. Итак, факт наличия поселений со смешанным кукрекско-гребениковским инвентарем и керамикой заставляет говорить о хронологической неоднородности позднемезолитических поселений региона.

Гребениковская и кукрекская культуры отнесены большинством исследователей к позднему мезолиту (Телегин 1982; Станко 1991; Борзияк 1997; Коваленко, Цой 1999; Залізняк 2005). Контакты между обеими группами населения существовали с самого начала, свидетельством чего было наличие гребениковского кремневого инвентаря на кукрекских поселениях, и наоборот, кукрекского — на гребениковских. Даже в Гребениках, являющихся эпонимным памятником, который относится некоторыми исследователями к раннему мезолиту, ощутимо постороннее влияние, в частности, в коллекции кремневого инвентаря присутствуют кукрекские вкладыши, микропластины с притупленным краем и карандашевидные нуклеусы, соотношение которых с плоскими составляет 4:3 (Коваленко, Цой 1999: 259). Долгое время сосуществования на одной территории кукрекского и гребениковского населения привело к их смешиванию (Залізняк 1998: 183; 2005: 113; Коваленко, Цой 1999: 259, 262). Археологическим проявлением этого явления являются так называемые «синкретические» памятники. Едва ли не все исследователи мезолита отмечают, что «синкретические» памятники типа Мирного явля-

ются более поздними по отношению к «чистым» гребениковским (Борзияк 1997: 23—24; Сапожников, Сапожникова 2005: 89; 2011: 91, 94 и др.).

Абсолютное большинство памятников с гребениковским и кукрекским инвентарем в Северо-Западном Причерноморье представлено коллекциями кремня, собранными на поверхности, поэтому их состав может иметь вполне случайный характер, а сами материалы — разновременную и разнокультурную принадлежность. Поэтому до сих пор не создано единой убедительной хронологической шкалы позднемезолитических памятников, причиной чего является также малое количество датированных материалов, и те противоречивые. Например, по данным палинологии (Пашкевич 1982; Станко 1982: 100—101) и четырех новых радиокарбонных дат (Біаджі, Станко, Кіосак 2008: 34—35, табл. 1), Мирное датируется бореалом, хотя еще одна полученная раньше дата указывает на атлантический период его существования (Станко, Свеженцев 1988: 119).

Молдавские археологи в развитии позднего мезолита Республики Молдова выделяют два этапа (Борзияк 1997; Коваленко, Цой 1999), хотя их взгляды на культурно-исторические процессы в позднем мезолите региона не совпадают. В частности, И.А. Борзияк считал, что уже с начала позднего мезолита носители традиций анетовской (кукрекской) и гребениковской культур вступили в непосредственный контакт, а их дальнейшее совместное развитие привело к возникновению синкретических комплексов (Фрумушика, Мирное) и созданию долговременных поселений с элементами производящего хозяйства. На заключительном этапе, который фиксируется памятниками Сороки 2, слой 3, Лазо 5 и Лазовск 13, уже распространяются инновации, характерные для процесса неолитизации (Борзияк 1997: 3—24). Выделяют также «памятники переходного типа» (Ларина и др. 1997: 84, 93; Коваленко, Бодян 1999: 47), которые, сохраняя хронологическую близость к финальномезолитическим, отмечаются определенными неолитическими чертами. К таковым, прежде всего, относят Цариград 2, небольшие раскопки которого дали значительную коллекцию кремневого инвентаря и 6 обломков керамики с растительной примесью. Заключение о датировке поселения рубежом мезо-неолитической эпохи сделано на основе анализа кремневого инвентаря (Ларина и др. 1997: 93). Впрочем, наличие керамики (к сожалению, не стратифицированной и культурно не определенной) позволяет исследователям говорить даже о ранненеолитическом возрасте памятника (Ларина и др. 1997: 93). Кстати, Л.Л. Зализняк, сопоставив кремневые комплексы Добрянки 2 и Цариграда 2, пришел к выводу о сходстве последнего и добрянских ранненеолитических стоянок (Залізняк, Панченко 2007: 10—12).

Развернутую периодизацию памятников мезолита и неолита Северо-Западного Причерноморья, в которой часть гребениковских памятников датирована ранним мезолитом, другая часть — поздним мезолитом и даже ранним неолитом, предложил И.В. Сапожников (Сапожников, Сапожникова 2005: 89, 91, 92; 2011: 98—100). Некоторые положения этой схемы, в частности, датировка всего кремневого инвентаря и керамики стоянок Гиржево (укр. Гиржеве) и Карпово (укр. Карпове) ранним неолитом, вызывает сомнения.

Мезо-неолитическая стоянка Гиржево, вокруг которой идет больше всего научных дискуссий, является одной из наиболее исследованных в Северо-Западном Причерноморье (Станко 1965; 1966; 1967). Она стратифицированная. По данным В.Н. Станко, нижний мезолитический слой залегал в толще делювиального суглинка, верхняя часть которого была разрушена пахотой, а верхний неолитический слой, содержащий керамику самчинского типа и часть кремневых изделий, в том числе и трапеции со строганными спинками, залегал в почве и подпочве (Станко 1966: 97, 102). Зато В.Ф. Петрунь, исследовавший стратиграфию стоянки, первоначальное заселение стоянки мезолитическими охотниками связывал с началом формирования голоценового грунта (Петрунь 1967). Как и на большинстве гребениковских памятников, здесь присутствует относительно небольшая кукрекская примесь (3 карандашевидных нуклеуса, 1 кукрекский вкладыш и серия пластинок с притупленным краем) (Станко 1966: 97, 100, 102, рис. 1 и 2). Нижний культурный слой В.Н. Станко отнес к мезолитической гребениковской культуре; неолитическую керамику верхнего слоя и высокие трапеции, часть которых оформлена крутой притупляющей ретушью, а другая часть — плоской ретушью, заходящей на спинку, а также трапеции со строганой спинкой исследователь отнес к самчинской фазе БДК (Станко 1965: 7; 1966: 102; 1967: рис. 2: 77—99; 10: 1—7; 1982: 109). К гребениковской культуре относит нижний слой стоянки и большинство других специалистов (Телегин 1982; Залізняк 2005; Смольянинова 1990; Нужний 2008).

Культурную и хронологическую неоднородность кремневого инвентаря стоянки дока-

зал Д. Ю. Нужный, изучая геометрические микролиты. Основную группу трапеций он отнес к гребениковской культуре, а меньшую — к поздненеолитическому времени (Нужний 2008: 63). Анализируя трапеции из Гиржево, к таким же выводам пришла С. П. Смольянинова (2003—2004). Среди 224 трапеций и их обломков она выделила две типологические группы, отличающиеся между собой по характеру обработки, размерам и форме. К первой из них она отнесла абсолютное большинство изделий, оформленных преимущественно мелкой притупляющей ретушью, которые продатировала мезолитом. Вторая группа, состоящая из 6 трапеций со строганными спинками и еще 10 изделий, оформленных крупной приостряющей ретушью, продатирована финальной частью неолита. От мезолитических микролитов они отличаются не только характером обработки, но и своими большими размерами и большей симметрией (Смольянинова 2003—2004: 264—265).

Отнесение Гиржево к раннему неолиту И. В. Сапожниковым основывается на нескольких радиокарбонных датах, полученных по образцам керамики (табл. 3) и находках трапеций со строганными спинками. Между тем, В. Даниленко однозначно указывал, что неолитическая керамика стоянки типологически принадлежит к кругу памятников самчинского типа. Также самчинским временем датирует эту керамику Д. Л. Гаскевич (2010: 229). Поэтому, в соответствии с общей периодизацией БДК, она может датироваться средним, но не ранним неолитом. Я же хочу обратить внимание на сходство керамики Гиржево и поздненеолитических савранских памятников Степного Побужья и не исключаю возможной датировки этой керамики савранским периодом БДК. К примеру, соотношение савранской керамики и трапеций со строганными спинками зафиксировано для верхнего слоя Гарда, поздненеолитических поселений Пугач 1, Гард 3, Миколина Брояка (Товкайло 2005: 26) и верхнего слоя Добрянки 3 (Залізняк и др. 2013: рис. 21, 19, 20). Такие трапеции появляются только в позднем неолите (Даниленко 1969: 154—155; Нужний 2008: 73). Их распространение в степной зоне Южного Буга, то есть на восточной периферии БДК, сопровождалось углублением связей с населением Среднего Приднепровья и Надпорожья и усилением влияния со стороны поздней сурской и ранней азово-днепровской культур, в кремневых комплексах которых трапеции со строганными спинками занимают почетное место (Товкайло 1990: 49—54; 1998).

Итак, в случае с Гиржево налицо противоречие между хронологическими данными, полученными на основе типологического и физического методов. При таких обстоятельствах, по моему мнению, приоритет следует отдавать данным археологической науки.

Что касается стоянки Карпово, то она известна по сборам на поверхности микролитического кремня, насчитывающего 1464 изделия, находками двух невыразительных, вероятно, неолитических фрагментов керамики с растительной примесью, керамики трипольского времени и поздней бронзы (Красковский 1976; 1978: 57—58; Сапожников, Сапожникова 2005; 2011; Киосак 2013). Прежде всего, замечу, что стратиграфия стоянки фактически не исследована, соотношение кремневого инвентаря и неолитической керамики не прослежено, керамика же является маловыразительной, ее культурная принадлежность и датировка не установлены. Кремневый инвентарь стоянки неоднородный, какая-то его часть отличается от основной массы и, возможно, не относится к основному комплексу памятника (Киосак 2013: 286—287). Нуклеусы призматические, плоские и карандашевидные. Набор геометрических микролитов состоит из симметричных и нескольких асимметричных трапеций, двух трапеций со строганными спинками, параллелограмма, двух сегментов, треугольника. Среди негеометрических микролитов выделяются пластинки и микропластинки с притупленным краем, микроострия со скошенным концом (Сапожников, Сапожникова 2011: 100), микрорезцы и пластинки со скошенным ретушью концом. Среди других изделий с вторичной обработкой распространены микроскребки на пластинках и отщепах, овальные, округлые, подокруглые, концевые и боковые скребки на отщепах, концевые скребки и боковые на пластинках, ножевидные пластинки с ретушью, проколки, пластинчастые резцы и пластинки с выемками.

Между тем, в условиях отсутствия четкой стратиграфии и выразительных критериев разделения позднемезолитических и раннеолитических памятников на базе кремневого инвентаря, маловыразительности керамики, когда ее культурную принадлежность и датировку невозможно определить, было предпринято несколько попыток интерпретации этого памятника. В. И. Красковский датировал его поздним мезолитом (Красковский 1976: 161; 1978: 58). В. Н. Станко и Д. Я. Телегин относили Карпово к гребениковской культуре (Станко 1982; Телегин 1982: 92). Впоследствии В. Н. Станко выделил ее в особый

мезо-неолитический тип памятников (Stanko, Kiosak 2010: 71; Киосак 2013: 290). И.В. Сапожников относит кремневый инвентарь Карпово и Гиржево к гребениковской культуре, но уже «неолитической» фазы развития, и рассматривает эти памятники в рамках раннего периода степного варианта БДК (Сапожников, Сапожникова 2011: 49, 99—101). По его убеждению, кремневый инвентарь всех памятников степного варианта сформирован на базе гребениковских традиций (Сапожников, Сапожникова 2011: 101). Д.В. Киосак относит стоянку к позднему мезолиту и раннему неолиту, но при этом сопоставляет ее с поздненеолитическими поселениями Степного Побужья, такими, как Гард, Гард 4, Пугач (Киосак 2013: 290).

В последнее время количество памятников мезо-неолитического времени в степной зоне возросло. Все они расположены к востоку от Днестра на малых степных реках Кучурган (левый приток Днестра), Малый Куяльник и Свиная (обе впадают в Хаджибейский лиман). Прежде всего, это исследованые при слиянии Большого и Малого Куяльников и опубликованые И.В. Пиструилом стоянки Катаржино (укр. Катаржине) 1 и 2 с кремнем смешанного гребениковско-кукрекского типа и немногочисленными маловыразительными находками керамики. Архаический вид керамики обеих стоянок позволил исследователю связать ее с кремневыми комплексами (Піструіл 2011: 175, 177; 2013: 155). Отдельные обломки керамики вместе с кремнем микролитичного типа найдены недавно в долине р. Кучурган и Свиной (Киосак 2011; 2013). По мнению Д.В. Киосака, материалы «степного неолита» могут составлять особую мезо-неолитическую группу памятников, подобную памятникам Цариград II и Биличений Векь XII, расположенным в лесостепной части Республики Молдова (Киосак 2013: 292—293).

Конечно, дальнейшие исследования смогут прояснить характер мезо-неолитических памятников, расположенных в междуречье Днестра, Малого Куяльника и Хаджибейского лимана. Как представляется, большая часть кремневого комплекса Гиржево, Карпово, Катаржино 1 и 2 датируется поздним мезолитом, о чем свидетельствует также расположение этих памятников на высоких террасах, далеко от русел рек, тогда как все известные ранненеолитические поселения Поднестровья и Побужья расположены у воды, на низких надпойменных террасах или островах крупных рек. Расселяться на малые реки и осваивать верхние ярусы рельефа, а именно, приводораздельные участки высокого коренного берега, неолитические поселенцы начали только на позднем периоде своего развития (Товкайло 2005: 14). Поэтому меньшая часть кремневого инвентаря Гиржево и Карпово, что включает в себя трапеции со строгаными спинками, может иметь отношение именно к позднему, савранскому периоду БДК и датироваться не ранним, а поздним неолитом. И пусть нас не вводят в заблуждение ранние даты керамики Гиржево, которые следует признать ошибочными. Итак, стоянки Гиржево и Карпово являются многослойными памятниками, которые заселялись или посещались в разные исторические периоды — в эпоху позднего мезолита, позднего неолита, энеолита и поздней бронзы. На атрибуцию культурных отложений неолитического времени прямо указывает часть кремневого комплекса этих памятников и керамика Гиржево — это поздненеолитические памятники буго-днестровской культуры на позднем, савранском этапе их развития. Они возникли в результате расселения поздненеолитического населения из Степного Побужья в степную зону Хаджибейско-Днестровского региона. Вероятно, это касается и Катаржино 1, 2, и других памятников, известных по сборам микролитического кремня и невыразительных фрагментов неолитической керамики.

Территория между Карпатами и Днестром (румынская Молдова и Пруто-Днестровское междуречье) в раннем неолите стала крайней северо-восточной периферией большой этнокультурной общности Караново I—II — Старчево — Кёрёш — Криш. Возникнув в узком ареале, эти культуры быстро распространились в разных направлениях и в первой половине VI тыс. до н.э. охватили широкие области Балкан, Среднего и Нижнего Подунавья, Трансильванию, а на востоке Румынии вышли за пределы Карпатской дуги (Quitta 1971: 54, 55; Lazarovici 1979; Srejović 1988: 15, 17; Титов 1996: 193), причем распространение этой первой неолитической цивилизации между Карпатами и Днестром произошло уже на позднем этапе ее развития (Ursulescu 2000: 139).

На территории Румынии памятники культуры Криш хорошо исследованы: открыто более 50 местонахождений, многие из них раскопаны стационарно (Валя Лупулуй, Сучава, Трестиана и др.). Менее исследованы кришские памятники в междуречье Прута и Днестра, где носители культуры Старчево-Криш вступили во взаимодействие с местными финальномезолитическими племенами Поднестровья и Побужья.

Результатом этого процесса стало распространение в Буго-Днестровском междуречье новых прогрессивных форм хозяйствования и образования ранненеолитической буго-днестровской культуры. Из открытых в лесостепной зоне Республики Молдова более 10 поселений культуры Криш (Маркевич 1973: 22; Борзияк, Дергачев 1980: 36—37; Ларина и др. 1997: 70—73), наиболее исследованным является эпонимное поселения Сакаровка 1 (Dergachev, Sherratt, Larina 1991; Larina 1994a; 1994б; Дергачев 1999).

На территории между Карпатами и Днестром исследователи отмечают три варианта культуры Криш: южномолдавский, севeромолдавский и восточномолдавский (последний располагается между Прутом и Днестром), возникшие в результате неоднородности процесса неолитизации этого региона (Ursulescu 2000: 139—140). По мнению молдавских ученых, группа Сакаровка является синкретическим явлением, возникшим в результате смешения культурных традиций (и, соответственно, носителей этих традиций) пришельцев с запада и местного населения при ведущей роли «кришского» элемента (Ларина 1999: 98; Larina 1994: 51—66), а происхождение этих памятников связывают с переселением группы носителей кёрёшско-кришских традиций из Трансильвании и верховьев Тисы (Дергачев 1999: 175).

В развитии культуры Старчево-Криш на территории Молдовы румынские ученые выделяют три фазы (I—III), которые соответствуют подфазам IIIB, IVA и IVB общей периодизационной системы В. Милойчича, адаптированной для Румынии Г. Лазаровичем (Milojčić 1949: 70—71; Lazarovici 1979: 39—56, tab. 6; Ursulescu 2000: 210). В течение подфазы IIIB (фаза Глэвэнештий Векь по Е. Комше), общины этой культуры распространились на всю территорию Молдовы, а в зоне между Прутом и Днестром они установили прямые контакты с населением II (соколецкой) фазы БДК, что привело к смешению восточных буго-днестровских и западных кришских элементов, при преобладании первых из них (Comşa 1971: 385—386; 1978: 34—35; 1987: 28—30; Ursulescu 2000: 93, 136, 210; 2001: 62—63).

Подфаза IVA (фаза Валя Лупулуй по Е. Комше) — это время расцвета и распространения культуры Старчево-Криш на территории Молдовы (Ursulescu 2000: 94, 136, 210) и, одновременно, сильного влияния этой культуры в Поднестровье. Это время существования Сакаровки 1 и большинства поселений этого типа в Пруто-Днестровском междуречье. На Днестре с ними синхронизируются буго-днестровские поселения третьей фазы, на Южном Буге — памятники печерской фазы (Comşa 1971: 386; 1978: 34, 35; 1987: 30; Ursulescu 2000: 94, 136, 210; 2001: 63).

Подфазой IVB, или финальным этапом фазы Валя Лупулуй (Comşa 1978: 31), которая синхронизируется с IV (самчинской) фазой БДК, эволюция культуры Старчево-Криш в Молдове завершается (Comşa 1971: 386; 1978: 31; Ursulescu 2000: 94, 211; Ларина 1999: 105).

Расселение кришских неолитических общин в Пруто-Днестровское междуречье началось еще в третьей фазе культуры Старчево-Криш (Виишоара), однако большинство памятников этого региона, в том числе и Сакаровка 1, которую исследователи сопоставляют с румынским поселением Валя Лупулуй, отнесено к финальной, четвертой фазе этой культуры.

Сравнение кришской и буго-днестровской керамики показывает, что возникновение керамического производства БДК произошло под непосредственным влиянием культуры Криш, ведь, кроме следов кришских воздействий, на всех ранненеолитических поселениях Днестра (Сороки 1, слой 1б; Сороки 2, слой 1; Сороки 3) и многих поселениях лесостепного Побужья (Печера, Сокольцы 1, 2, 6, Митьков Остров и др.) обнаружено большое количество кришских керамических импортов, которые и стали основанием для синхронизации этих культур. Также, буго-днестровская посуда обнаружена и на кришских поселениях (Сакаровка 1 и др.). Понятно, что в зоне контактов культуры Криш и БДК зафиксировано наибольшее количество свидетельств их взаимопроникновения, что в свое время отмечал и В. И. Маркевич (1974: 134, табл. 2), и чем дальше на восток и запад от Днестра, таких свидетельств будет все меньше, примером чему является отсутствие кришской импортной посуды на наиболее удаленных от Днестра ранненеолитических поселениях Гард и Добрянка 1—3 (Товкайло 2010).

Сложнее обстоит дело с каменной индустрией. Как объяснить то, что во времени формирования керамического производства в Поднестровье и Побужье мы имеем различные типы кремневой индустрии? Ведь, как показывают материалы нижнего слоя Сороки 2, становление бескерамического неолита в Поднестровье происходило на синкретической гребениковско-кукрекской основе, но на стадии раннего неолита с керамикой (этапы 2 и 3) кукрекская составляющая уже не прослеживается. Такая ситуация вызвала различ-

ную трактовку генезиса сорокской группы памятников. Их происхождение В.И. Маркевич связывал с исследованными А.П. Чернышом (1975) на Среднем Днестре мезолитическими памятники Атаки 6 и Оселевка (укр. Оселівка) (Маркевич 1974: 131). На необоснованность такого утверждения указал Д.Я. Телегин, который находил генетические истоки сорокских докерамических и керамических стоянок среди фрумушикской группы мезолитических стоянок (Телегин 1977: 91). Но и такое сопоставление не было продуктивным, поскольку Фрумушика содержит значительную кукрекскую составляющую, чего нельзя сказать о ранненеолитических памятниках Днестра. Позже в качестве генетической подоплеки днестровского варианта БДК стали рассматривать верхнеднестровские памятники типа Раделичи (укр. Раделичі) 4 (Конопля 1996: 21), которые по составу кремневого инвентаря мало чем отличаются от гребениковских. Эту версию поддержали Д. Гаскевич (2002: 98) и Л. Зализняк (2005: 95, 127). Очевидно, ответ на этот вопрос следует искать в характере взаимоотношений культуры Криш и местного мезолита, Криш и БДК, учитывая глобальные процессы неолитизации, охватившие Юго-Восточную Европу, в том числе и Северо-Западное Причерноморье, Поднестровье и Побужье, в VIII—VI тыс. до н.э.

6. Процессы неолитизации в Среднем Поднестровье, Побужье и Северо-Западном Причерноморье

Исследователи культуры Криш в Румынии допускают возможное участие в ее образовании местных тарденуазских объединений, хотя изучение типичных изделий Криш не выявляет никаких элементов традиции тарденуазцев (Comşa 1978: 32—33; Ursulescu 2000: 102). При отсутствии следов контактов между тарденуазскими и кришскими общностями, Е. Комша пришел к выводу, что территория между Прутом и Восточными Карпатами должна была обжита населением, которое отличалось от предшествующего, а неолит Молдавии не был плодом какого-то долгого процесса, а скорее результатом быстрого становления в этой провинции объединений, принадлежавших пришлой неолитической культуре (Comşa 1978: 32—33). Не прослежена генетическая связь между гребениковской и кришской культурами и на поселении Саратены в Нижнем Попрутье, где, кроме гребениковских, залегали и материалы культуры Криш (Коваленко, Кетрару 1997: 58). Так же, в кремневом инвентаре кришских поселений Пруто-Днестровского междуречья отсутствуют и признаки кукрекских воздействий. Возможно, причиной отсутствия следов взаимоотношений между позднемезолитическими и кришскими ранненеолитическими жителями на территории между Днестром и Прутом являются очень быстрые темпы процессов неолитизации. Ведь, как показывают новейшие радиоуглеродные даты, полученные с ранненеолитических поселений Трансильвании, неолитизация Балканского полуострова произошла быстро и без каких-либо очевидных препятствий — широкую территорию, от долины Вардара в Македонии и Струмы в Болгарии до Великой Венгерской равнины и Трансильвании в Румынии, первые земледельцы пересекли достаточно быстро, в течение последних двух веков VII — первого века VI тыс. cal. BC (Biagi, Shennan, Spataro 2005: 45, fig. 5a, 5b). Перевалив через Восточные Карпаты, в течение следующих нескольких веков они не только достигли долины Днестра, но и втянули в орбиту своего влияния финальномезолитическое (протонеолитическое) население Поднестровья и Побужья, ускорив, таким образом, неолитизационные процессы в этом регионе и обеспечив окончательный переход к неолиту (Товкайло 2010: 217—218).

Еще В.И. Маркевич, сравнивая бескерамические комплексы сорокской группы и мезолитических памятников гребениковского и кукрекского типов Днестро-Прутского междуречья и прилегающих территорий, отмечал значительные различия и отсутствие генетических связей между ними, хотя и признавал слабое кукрекское влияние, которое он наблюдал в кремневом инвентаре нижнего слоя Сороки 3 (Маркевич 1974: 131, 156—157). Зато исследователь предполагал родство сорокского комплекса с мезолитическими памятниками типа Атаки-Оселевка (Маркевич 1974: 131, 157). Вместе с тем, существование на юге Балканского полуострова ранненеолитических комплексов без керамики, сходство бескерамических комплексов днестровского варанта БДК с материалами бескерамического слоя пещеры Червена Стена и открытых в районе Железных ворот на Дунае, как первоначально считалось, протонеолитических поселений типа Лепенский Вир, позволили В.И. Маркевичу (1974: 132—133, 157) высказаться в пользу существования связей между ними и сделать предположение, что неолитическое влияние проникло в Днестро-Прутский регион с Балканского полуострова.

Концептуально основные положения процесса неолитизации Северо-Западного Причерноморья разработаны в ряде работ Л. Л. Зализняка, часть которых написана в соавторстве с коллегами. Суть этой концепции заключается в следующем. Неолитизация Европы началась с распространения в VIII тыс. до Р. Х. на территории Греции, побережье и островах Восточного Средиземноморья протонеолитической совершенной отжимной техники обработки кремня, которой свойственны правильные пластинки, серии трапеций и пластинки с глубокими выемками (анкоши). В течение следующих VII—VI тыс. до н. э., она охватила все побережье Западного Средиземноморья (капсийская культура Алжира и Марокко, мезолит Каталонии и Прованса). Как минимум в середине VII тыс. до н. э. эта технология расщепления кремня распространилась и на территорию Северо-Западного Причерноморья вместе с населением позднемезолитической гребениковской культуры, генетические корни которой Л. Л. Зализняк находит в Балкано-Дунайском регионе. Здесь гребениковские мигранты смешались с автохтонным кукрекским населением, и именно на этой синкретической основе уже в VI тыс. до н. э. под влиянием культуры Криш возникает буго-днестровская неолитическая культура.

Еще до распространения керамики эта протонеолитическая миграционная волна середины VII тыс. до н. э. с Балкано-Дунайского региона достигла Подунавья (Лепенский Вир), территории Румынии (Рипичень, Извор, Лапош), Нижнего (Гребеники), Среднего (докерамические слои Сорок) и Верхнего Днестра (Раделичи, Мшана 10) и даже Приазовья (Каменная Могила, Матвеев Курган близ Таганрога). Совершенная техника оттиска правильных пластинок с уплощенных нуклеусов и многочисленные трапеции характерны и для докерамического неолита Фессалии (Аргисса, Сескло, Неа Никомедия). Она также присуща раннекерамическому неолиту Балкано-Дунайского региона второй половины VII — начала VI тыс. до н. э. (культуры Старчево, Криш, Кёрёш, Караново).

Вслед за протонеолитической гребениковской накатила новая волна уже неолитических мигрантов — культура Криш, которая существенно повлияла на формирование БДК (Залізняк 1998: 183; Залізняк, Манько 2004: 145; Залізняк 2005: 94—95, 104; Залізняк, Товкайло, Журавльов 2005: 103–104; Залізняк, Товкайло 2007: 151—153; Залізняк и др. 2013: 250, 251, 253).

Следовательно, становление ранненеолитических обществ в Северо-Западном Причерноморье, Поднестровье и Побужье вписывается в общую картину процесса неолитизации Юго-Восточной Европы. В середине — второй половине VII тыс. до н. э. на территорию Северо-Западного Причерноморья вместе с населением позднемезолитической гребениковской культуры распространяется протонеолитическая совершенная отжимная техника обработки кремня. Здесь гребениковские мигранты смешались с автохтонным кукрекским населением, в результате чего появились так называемые «синкретические» памятники типа Мирное, со смешанным кукрекско-гребениковским кремневым инвентарем. Впоследствии именно на этой синкретической основе, также под влиянием протонеолитического населения с Балкано-Дунайского региона, появляются памятники бескерамического неолита, которые от предыдущего времени отличаются первыми признаками производящего хозяйства — использованием домашних животных, стационарными поселениями с жилищами, расположенными вблизи рек на надпойменных террасах. Такими поселениями на Днестре являются, прежде всего, Сороки 2, слой 3, на Южном Буге — Зяньковцы (укр. Заньківці).

Во второй четверти — середине VI тыс. до н. э. территорию между восточными отрогами Карпат и Днестром заселяют раннеземледельческие племена культуры Криш, которые в Поднестровье сталкиваются с местным протонеолитическим населением. В результате взаимоотношений между обеими группами населения, при доминирующем влиянии культуры Криш, в Днестро-Бугском междуречье возникает керамическое производство, значительные изменения претерпевает кремневый комплекс и распространяются новые формы производящего хозяйства. Очень быстро, уже во второй четверти — середине VI тыс. до н. э., неолитизационные процессы достигают Степного Побужья (Гард) и верховьев Синюхи (Добрянка 1—3).

Поскольку Днестр стал восточной границей расселения кришских общин, эти изменения наиболее чувствительными были в Поднестровье, менее выразительны же они в Лесостепном Побужье и еще в меньшей степени прослеживаются в Степном Побужье. Это очень отчетливо проявляется на керамике: по мере удаления от Днестра, зоны непосредственных контактов между буго-днестровскими и кришскими общинами, количество импортной кришской посуды уменьшается, а на наиболее удаленных от Днестра ранненеолитических поселениях Гард и Добрянка 1—3 такая посуда вообще от-

сутствует. По моему мнению, этим можно объяснить и исчезновение кукрекских черт в кремневом инвентаре днестровских памятников одновременно с возникновением первой керамики. Зато в Лесостепном и Степном Побужье смешанный кукрекско-гребениковский инвентарь бытует и в дальнейшем, в течение всего ранненеолитического периода (скибинецкая, соколецкая и печерская фазы по Даниленко) и теряет свои кукрекские черты лишь во время перехода к самчинской фазе. Такую поэтапность изменений кремневого инвентаря бугодниестровских памятников по мере удаления от Днестра наблюдал и Д.Л. Гаскевич, объясняя это постепенностью процесса неолитизации, распространявшегося с запада на восток (Гаскевич 2005: 33—34).

7. Хронология и периодизация памятников

Прежде всего, кратко остановлюсь на существующих периодизационных схемах БДК, созданных разными авторами. Первую из них предложил в 1960-х годах В.Н. Даниленко, который в развитии БДК выделил семь культурно-хронологических фаз: заньковецкую (бескерамический неолит), скибинецкую и соколецкую (ранний неолит), печерскую и самчинскую (развитый неолит), савранскую и хмельникскую (поздний неолит) (Даниленко 1962: 23—24; 1969: 149—157, 216—218).

В.И. Маркевич в развитии БДК Поднестровья выделил пять последовательных хронологических фаз, соответствующих скибинецкой, соколецкой, печерской, самчинской и савранской фазам БДК Южного Буга. Отсутствие на Днестре памятников, которые бы соотносились со скибинецкой и хмельникской фазами, В.И. Маркевич объяснял особенностями местного неолита, период существования которого он определял в хронологических рамках середины VI — конца V тыс. до н.э. (Маркевич 1974: 131—141).

Свой взгляд на перидизацию БДК выразила Р. Трингхем, которая выделила три периода, синхронизируя их с культурами Криш, КЛЛК и Прекукутень III — Триполье А (Tringham 1971: 97, 98, 101, 167—168).

С критикой периодизационных схем В.Н. Даниленко и В.И. Маркевича выступил также Д.Я. Телегин, который, отрицая хронологическое членение досамчинских памятников на две (Маркевич) или три (Даниленко) фазы и выделение хмельникской фазы, предложил свою схему из трех основных этапов: раннего (досамчинского), среднего (самчинского) и позднего (савранского) (Телегин 1977: 90).

После исследований в степной зоне Южного Буга я также предложил периодизацию поздненеолитических памятников этого региона с выделением трех последовательных этапов (Товкайло 2005: 36—44).

В 1998 г. Киевской лабораторией Института геохимии и физики минералов НАН Украины по образцам из кости и рога было проведено изотопное датирование буго-днестровских комплексов с территории Украины, на основании которого время существования памятников БДК на Южном Буге определено хронологическими рамками середины VII — середины VI тыс. до н.э. (Видейко, Ковалюх 1998: 65—66). Опираясь на новые радиоуглеродные даты и собственное понимание стратиграфии Базькова Острова, Н.С. Котова предложила разделить БДК на два периода, из них первый период продатировала 6400—5900 гг. до н.э., второй — 5900—5300 гг. до н.э. (Котова 2002: 9—24). Первый период (памятники типа Печеры) исследовательница синхронизирует с III—II слоями поселения Донья Браньевина, вторым слоем Гура Бачулуй и слоем 3-а Лепенского Вира, а второй период, то есть памятники типа Самчинцы (Самчынци) и Саврань — с культурой Криш-Старчево-Кёрёш (Котова 2002: 39), что противоречит имеющимся археологическим данным. Ведь ранненеолитические памятники Южного Буга являются синхронными памятникам III-й и IV-й фаз культуры Старчево-Криш в Молдове, но в любом случае они не могут быть более ранними, как это утверждает Н.С. Котова. По Н.С. Котовой получается, что бугские памятки с кришскими чертами, которые, по ее определению, датируются 6400—5900 гг. до н.э., являются более ранними, чем ранний расписной и монохромный периоды культуры Старчево, или более ранними, чем культуры Пресескло и Импрессо А. Конечно, этого не может быть, ведь пальцевые защипы и отпечатки ногтя, которые являются одним из определяющих признаков культур Старчево-Криш, в неолите материковой Греции впервые фиксируются в Пресескло (Титов 1969: 112, рис. 48: 7; Srejović 1988: 15, 17), тогда как в бассейн Днестра и Южного Буга эти элементы орнамента попали значительно позже в процессе расселения кришских общин на территорию Пруто-Днестровского междуречья. В результате имеем несоответствие новых радиокарбонных дат БДК с датами для кришской, линейно-ленточной и раннетрипольской культур. Формальное применение новых радиокарбонних дат без учета

всего комплекса археологических данных породило и другую проблему, которая заключается в противоречии этих дат данным хронологии, полученным на основе традиционных археологических методов, в частности, относительной хронологии. Хронологические построения Н. С. Котовой и ее концепция неолитизации Украины не были восприняты многими специалистами по неолитической проблематике и вызвали заслуженную критику (Телегин, Титова, Пустовалов 2005; Товкайло 2004а; 2004б; 2005; Гаскевич 2005; 2007; 2012; Залізняк 2005; Зализняк, Панченко 2007; Залізняк, Товкайло 2007 и др.).

В середине 1990 годов в Лаборатории радиокарбона Института физики в г. Гливице (Польша) были получены даты для ранненеолитического поселения Сороки 3, которые также выходят за рамки хронологии неолита Пруто-Днестровья (Ларина и др. 1997: 109).

Впоследствии по образцам керамики и кости было получено несколько дат Добрянки 3 (Залізняк, Манько 2004), по образцам керамики — Гиржево (Манько 2006).

В 2008 г. в Киевской радиоуглеродной лаборатории по образцам керамики, кости и грунта из поселения Гард Н. Ковалюх получил ряд новых дат (Товкайло 2010). Отобранные на анализ образцы керамики происходят из нижнего и верхнего неолитических слоев поселения и принадлежат к разным типологическим группам: Ki-14790 — к первой группе, а Ki-14789 — ко второй группе ранненеолитической керамики; Ki-14791 — к группе 1а, Ki-14792 — к группе 1в, Ki-14793 — ко второй группе поздненеолитической керамики. Образцы Ki-14794 и Ki-14795 относятся к кухонной и столовой керамике культуры Прекукутень III-Триполье А, материалы которой залегают в верхнем неолитическом слое. Еще две даты (Ki-14796 и Ki-14797), вероятно, относятся к могильнику, залегающему под ранненеолитическим слоем (табл. 3). Новые даты Гарда поставили под сомнение радиокарбонное датирование буго-днестровских памятников, проведенное в этой же лаборатории ранее, по которому синхронные ранненеолитическому горизонту Гарда памятники (Базьков Остров, Сокольцы, Печера, Добрянка и др.) выглядят старше на полтысячи и более лет. С другой стороны, они более-менее коррелируют с датировкой культур Старчево-Криш, КЛЛК и Прекукутень III-Триполье А. Поэтому появление новых радиокарбонных дат БДК свидетельствует о начале преодоления существующих хронологических противоречий.

Сейчас по образцам кости, угля и керамики проведено изотопное датирование 17 комплексов буго-днестровской культуры и получено 48 радиоуглеродных дат (табл. 3).

Последняя из периодизационных схем неолита Северо-Западного Причерноморья принадлежит И. В. Сапожникову (Сапожников, Сапожникова 2005: 89, 91, 92; 2011: 98—100). Хочу высказать несколько замечаний к представленной этим исследователем хронологии памятников, которая также основывается на недостоверных и крайне противоречивых радиоуглеродных датах Киевской лаборатории и некоторых утверждениях Н. С. Котовой. К периоду докерамического или бескерамического неолита он отнес хорошо выраженные кукрекские памятники без керамики Абузова Балка, Траповка (укр. Трапівка), Конецполь (укр. Кінэцьпіль), Синюхин Брод (укр. Синюшін Брід) и др., хотя и оговорился, что некоторые из них могут оказаться и более ранними, то есть мезолитическими (Сапожников, Сапожникова 2011: 45), на том основании, что в кремневом инвентаре Абузовой Балки определены трасологически вкладыши серпов, а вкладыши к охотничьему оружию составляют всего 4,6—4,7% от общего состава выделенных на стоянке орудий труда, тогда как на Мирном, более раннем, чем Абузова Балка, их насчитывается 21,4% (Сапожников, Сапожникова 2011: 95). При этом делается вывод о том, что «для докерамического и ранних керамических фаз бугского варианта БДК присущ кукрекский кремневый инвентарь с незначительным включением трапеций, среди которых преобладают асимметричные, которых нет в ранних гребениковских памятниках» (Сапожников, Сапожникова 2011: 97). Прежде всего, отмечу, что Мирное исследовано стационарными раскопками, тогда как на Абузовой Балке материалы собраны на поверхности в разное время и разными исследователями, поэтому здесь выборка тех или иных категорий инвентаря может иметь вполне случайный характер, а сами орудия — разновременную и разнокультурную принадлежность, чего не исключает и сам автор (Сапожников, Сапожникова 2011: 134). Во-вторых, утверждение о преобладании в докерамической фазе асимметричных трапеций не соответствует действительности — все трапеции единственного в Побужье бескерамического слоя Зяньковцев и бескерамического слоев Сороки 1 и 2 являются симметричными (Даниленко 1969: рис. 48; Маркевич 1974: рис. 8: 7, 8, 10—14; 33: 1—4; 41: 1—4). Что касается ранних керамических фаз, то и здесь абсолютно преобладают симметричные трапеции, ярким примером чего является ранненеолитической слой поселения Гард (Товкайло

Таблица 3.

Абсолютные даты буго-днестровской культуры

Памятник	Индекс	BP	cal. BC	Материал	Источник
Даты, полученые до 1998 г.					
Сороки 2, слой 1	Bln-586	6825±150	5693±134	Уголь	Долуханов, Тимофеев 1972
Сороки 2, слой 2	Bln-587	7420±80	6262±92	Уголь	Долуханов, Тимофеев 1972
Сороки 2, слой 3	Bln-588	7515±120		Уголь	Долуханов, Тимофеев 1972
Сороки 5	Bln-589	6495±100	5409±89	Уголь	Долуханов, Тимофеев 1972
Сороки 3	Gd-11297	8430±90	7510—7410	Ракушка *Unio*	Ларина и др. 1997
Пугач 2	Ki-3030	5920±61	4790±80	Уголь	Телегин 2004
Даты, полученые в 1998 г. и после					
Гард 3	Ki-6687	6640±50	5531±41	Кость	Telegin et al. 2000
Гард 3	Ki-6655	6930±55	5761±68	Кость	Telegin et al. 2000
Пугач 2	Ki-6678	6520±60	5465±62	Кость	Telegin et al. 2000
Пугач 2	Ki-6679	6560±50	5473±41	Кость	Telegin et al. 2000
Пугач 2	Ki-6657	6810±60	5644±47	Кость	Telegin et al. 2000
Пугач 2	Ki-6656	6895±50	5728±57	Кость	Telegin et al. 2000
Саврань	Ki-6653	6920±50	5748±62	Кость	Telegin et al. 2000
Саврань	Ki-6654	6985±60	5806±77	Кость	Telegin et al. 2000
Базьков Остров, верхний слой	Ki-8169	6580±80	5498±58	Кость	Telegin et al. 2000
Базьков Остров, верхний слой	Ki-8168	6720±70	5581±59	Кость	Telegin et al. 2000
Миколина Брояка	Ki-8171	6520±70	5439±75	Кость	
Базьков Остров, нижний слой	Ki-6696	7215±55	6033±61	Кость	Telegin et al. 2000
Базьков Остров, нижний слой	Ki-8167	7270±70	6089±66	Кость	Telegin et al. 2000
Базьков Остров, нижний слой	Ki-8166	7410±65	6253±86	Кость	Telegin et al. 2000
Митьков Остров, нижний слой	Ki-6695	7375±60	6144±85	Кость	Telegin et al. 2000
Печера, нижний слой	Ki-8164	7205±70	6032±70	Кость	Котова 2002
Печера, нижний слой	Ki-6692	7260±65	6078±64	Кость	Telegin et al. 2000
Печера, нижний слой	Ki-6693	7305±50	6108±53	Кость	Telegin et al. 2000
Сокольцы 1, нижний слой	Ki-8165	7260±80	6081±73	Кость	Telegin et al. 2000
Сокольцы 2, нижний слой	Ki-6698	7405±55	6242±81	Кость	Telegin et al. 2000
Сокольцы 2, нижний слой	Ki-6697	7440±60	6287±68	Кость	Telegin et al. 2000
Зяньковцы 2, нижний слой	Ki-6694	7540±65	6336±76	Кость	Telegin et al. 2000
Добрянка 1	Ki-9830	6530±140	5620—5365	Керамика	Манько 2006
Добрянка 1	Ki-9834	63600±150	5480—5080	Керамика	Манько 2006
Добрянка 3	Ki-11103	7030±120	6010—5790	Кость	Манько 2006
Добрянка 3	Ki-11104	7320±130	6220—5990	Кость	Манько 2006
Добрянка 3	Ki-11105	7400±130	6395—6105	Кость	Манько 2006

Таблица 3 (окончание).

Памятник	Индекс	BP	cal. BC	Материал	Источник
Добрянка 3	Ki-11106	7070±150	6065—5775	Керамика	Манько 2006
Добрянка 3	Ki-11107	7050±170	6055—5740	Керамика	Манько 2006
Добрянка 3	Ki-11108	7260±170	6370—5920	Керамика	Манько 2006
Добрянка 3	OxA-222—33	7227±40		Человеческая кость	Залізняк та ін. 2013
Гиржево	Ki-11241	7280±170	6375—5930	Керамика	Манько 2006
Гиржево	Ki-11243	7200±220		Керамика	Манько 2006
Даты, полученые в 2008 г.					
Гард, могильник?	Ki-14796	7640±90	6590—6400	Кость	Товкайло 2010
Гард, могильник?	Ki-14797	6980±80	5920—5770	Грунт	Товкайло 2010
Гард, нижний слой	Ki-14790	6630±90	5630—5480	БДК, керамика 1-й группы	Товкайло 2010
Гард, нижний слой	Ki-14789	6480±80	5520—5360	БДК, керамика 2-й группы	Товкайло 2010
Гард, верхний слой	Ki-14791	6710±80	5720—5540	БДК, керамика подгруппы 1а	Товкайло 2010
Гард, верхний слой	Ki-14792	6520±80	5560—5460	БДК, керамика подгруппы 1б	Товкайло 2010
Гард, верхний слой	Ki-14793	6400±90	5480—5300	БДК, кардиумная керамика (2-я группа)	Товкайло 2010
Гард, верхний слой	Ki-14794	6360±80	5470—5260	Триполье А, кухонная керамика	Товкайло 2010
Гард, верхний слой	Ki-14795	6170±80	5260—4990	Триполье А, столовая керамика	Товкайло 2010

2010). И, в-третьих, памятники бескерамического неолита характеризуются несколькими чертами, а именно, стационарными поселениями с жилищами, расположенными вблизи рек на надпойменных террасах, развитым рыболовством и первыми признаками производящего хозяйства — примитивным животноводством и вкладышами для жатвенных ножей (Маркевич 1974: 128, 136). Из перечисленного здесь комплекса признаков в Абузовой Балке есть только вкладыши серпов. Более того, возникает вопрос: а что же случилось с позднемезолитическим населением, представленным во всем регионе «синкретическими» памятниками типа Мирного, разве оно не принимало никакого участия в неолитизации Северо-Западного Причерноморья? Ведь материалы бескерамического периода Днестра и раннеолитического периода Побужья, наоборот, указывают на участие смешанного кукрекско-гребениковского населения в неолитизационных процессах. Итак, отнесение к бескерамическому периоду неолита некоторых мезолитических стоянок, таких, как Абузова Балка, Траповка, Конецполь, Синюхин Брод и др. (Сапожников, Сапожникова 2011), считаю преждевременным, поскольку это не подтверждается археологическими материалами.

К раннему неолиту отнесены ранний комплекс Саврани, Гиржево, Карпово и ранний комплекс Гарда (Сапожников, Сапожникова 2011: 49) и сделан вывод о том, что «кремневый инвентарь всех памятников степного варианта сформирован на базе гребениковских традиций» (Сапожников, Сапожникова 2011: 101), чем оспорен предыдущий вывод о формировании бескерамического и ранних керамических фаз на кукрекской основе. Если ранний неолит формируется на гребениковской основе, то возникает вопрос: а что же произошло с памятниками предыдущего бескерамического периода с базовой

индустрией кукрекского типа? Они что, прекратили свое развитие и не переросли в керамический неолит, как того следовало бы ожидать? Но, прежде всего, удивляет выборочный подход к подбору памятников: для анализа привлечен нижний, самчинский горизонт Саврани и, в то же время, проигнорирован очень выразительный, действительно ранненеолитический комплекс Мельничной Кручи, расположенный всего в нескольких километрах от Саврани, но на противоположном берегу Южного Буга (Даниленко 1969: 107—111, рис. 77 и 78; Гаскевич 2012: рис. 1: 2, 5—7). Кстати, в верхнем горизонте Мельничной Кручи В.Н. Даниленко (1969: 107—108, рис. 73) выделял и самчинский культурный слой, аналогичный нижнему горизонту Саврани. Итак, вывод об отсутствии в Северо-Западном Причерноморье памятников ранних фаз БДК (Сапожников, Сапожникова 2011: 97) не соответствует действительности, ведь таковыми являются та же Мельничная Круча и нижний слой Гарда. С самчинским слоем Савранского поселения исследователь, вслед за Н.С. Котовой (2002: 181, рис. 57: 12), связывает и кукрекский вкладыш (Сапожников, Сапожникова 2011: 102). Однако дело в том, что этот вкладыш не имеет и, в принипе, не может иметь никакого отношения ни к самчинскому, ни, тем более, к савранскому слоям Саврани. Во-первых, как убедительно доказал Д.Л. Гаскевич, он найден на поверхности на значительном расстоянии от скоплений находок самчинского и савранского периодов, в той части поселения, где материалы являются переотложенными (Гаскевич 2005: 34), а во-вторых, ко времени перехода к памятникам самчинской фазы в составе кремневого инвентаря происходят значительные изменения, которые особенно отчетливо прослеживаются в наборе микролитов: если в составе микронабора памятников ранненеолитического периода важное место занимали пластинки с притупленным краем и вкладыши кукрекского типа, то на самчинской фазе такие изделия полностью выходят из употребления (Гаскевич 2002: 98; 2003: 5; 2005: 32; Товкайло 2003: 195; 2005: 48).

О Гиржево и Карпово я уже высказывался выше. Таким образом, в одной хронологической группе оказались разнотипичные, разновременные и, можно сказать, разнокультурные памятники, из которых достоверно ранненеолитическим является лишь Гард, представленный нижним слоем.

К среднему неолиту И.В. Сапожников отнес поздний комплекс Саврани, Гард 3 и Пугач 2, а к позднему — Миколину Брояку, поздний комплекс Гарда, поселение КЛЛК Майнова Балка, отдельные находки линейно-ленточной керамики на Новосельском городище и культуры Боян — на городище Карталь-Посад (Сапожников, Сапожникова 2011: 49, 23). Отрицание вызывает искусственное, ничем не аргументированное разделение на средне- и поздненеолитические однотипных поселений Гардовской группы, относящихся к позднему периоду БДК (Товкайло 2003; 2005). Так же, исключительно поздним неолитом, датируется и верхней культурный слой Саврани, давшим название савранской фазе развития БДК. И это утверждал не только В.Н. Даниленко (см. Даниленко 1969 и другие его работы), но и практически все исследователи буго-днестровской культуры. Да и сам И.В. Сапожников признает, что «вид материалов Саврани в целом совпадает с характеристикой памятников Степного Побужья (Миколина Брояка, Великий Остров, Гард, Гард III—IV, Пугач II и др.). ...Существующая публикация материалов не дает возможности отличить Саврань от этих и других памятников степного варианта буго-днестровской культуры...» (Сапожников, Сапожникова 2011: 102). Высказано четко и конкретно, но дальше следует вывод, перечеркивающий все сказанное ранее: «Впрочем, опубликованные даты Миколиной Брояки, Гарда III, Пугача II (от 6,9 до 6,5 ТЛ), позволяют говорить об их более позднем времени, чем сама Саврань, датированная около 7,0—6,9 ТЛ» (Сапожников, Сапожникова 2011: 102).

Таким образом, представленная И.В. Сапожниковым хронологическая схема неолитических памятников, построеная на формальном использовании радиоуглеродных дат, наполнена внутренними противоречиями. Она не отвечает, более того, противоречит археологическим данным и поэтому не может быть принята. В очередной раз пришлось убедиться, что использование в хронологических построениях радиоуглеродных дат без их критического анализа не достигает поставленной цели.

Предлагая собственную схему хронологического разделения БДК, я исхожу из данных хорошо стратифицированных поселений, какими являются Сороки 1 и 2, Гард, Гард 3 и 4, Пугач 1 и 2 и др., а также типологического анализа и тех радиоуглеродных дат, которые согласуются и не противоречат археологическим данным. Исходя из этого, к бескерамическому неолиту можно отнести слои 3 и 2 Сороки 2, слой 2 Сороки 1 и нижний слой Зяньковцов 2 (табл. 4). Судя по материалам нижнего слоя Сороки 2 и Зяньковцов, они воз-

Таблица 4.

Периодизация памятников буго-днестровской культуры

Периоды		Поднестровье	Лесостепное Побужье	Степное Побужье
Поздний неолит	3 этап	Гиржево; Цикиновка (укр. Цикінівка)	Жакчик; Зяньковцы 2, верхний слой	Гард, верхний слой; Гард 3; Миколина Брояка; Пугач 1, горизонт «б»
	2 этап	Сороки 5	Саврань, верхний слой; Владимировка; Базьков Остров, верхний слой; Митьков Остров, верхний слой; Сокольцы 6, верхний слой	Пугач 2; Пугач 1, горизонт «б»; Гард 4; Новорозановка 1 и 2
	1 этап		Чернятка; Ладыжин 1	Пугач 1, горизонт «а»; Великий Остров
Средний/развитый неолит		Сороки 1, слой 1, горизонт «а»	Самчинцы 2; Щуривцы; Жакчик; Завалля; Ладыжин 2; Саврань, нижний слой; Мельничная Круча, верхний слой	
Ранний неолит		Сороки 3; Сороки 1, слой 1, горизонт «б»; Тэтэрэука Ноуэ 14 (?)	Базьков Остров, нижний слой; Митьков Остров, нижние слои; Сокольцы 1, 2, 6, нижние слои; Печера, нижний слой; Мельничная Круча, нижний слой; Гайворон-Полижок и др.; Добрянка 1, 2, 3, нижние горизонты	Гард, нижний слой; Семеновка
Бескерамический неолит		Сороки 1, слой 2; Сороки 2, слой 2; Сороки 2, слой 3	Зяньковцы 2	

никают на основе «синкретических» памятников со смешанным кукрекско-гребениковским кремневым инвентарем под влиянием протонеолитического населения с Балкано-Дунайского региона. Не прибегая к их полной характеристике, отмечу, что от предыдущего времени они отличаются развитым рыболовством и первыми признаками производящего хозяйства: использованием домашних животных, вкладышей жатвенных ножей и наличием стационарных поселений, расположенных вблизи крупных рек на надпойменных террасах, с жилищами типа полуземлянок в Поднестровье и наземными жилищами в Побужье. По двум датам из Сороки 2 и Зяньковцов, этот период датируется серединой — второй половиной VII тыс. до н. э.

К раннему неолиту относятся нижние слои/горизонты поселений, которые В. Н. Даниленко датировал скибинецкой, соколецкой и печерской фазами, В. И. Маркевич — второй и третьей фазами, а также нижний слой Гарда и нижние горизонты Добрянки 1, 2 и 3 (табл. 4). Конкретные проявления тех или иных ранненеолитических черт в инвентаре отдельных памятников зависят от удаленности этих памятников от зоны непосредственного контакта населения культуры Криш и БДК, поэтому мы имеем значительные различия в инвентаре днестровских и бугских памятников, что и стало основанием для выделения В. И. Маркевичем двух вариантов буго-днестровской культуры. Общим для всей территории БДК является топография поселений, микролитический характер кремневой индустрии, а также распространение двух групп ранненеолитической буго-днестровской керамики с выразительными чертами культуры Криш.

Поселения расположены в поймах, на краю надпойменных террас вблизи речных русел и на островах. В Поднестровье продолжают бытовать жилища — полуземлянки с очагами и появляются первые наземные жилища легкой конструкции, в Побужье — в дальнейшем бытуют наземные жилища с очагами. Развивается скотоводство и возникают зачатки земледелия. Под влиянием культуры Криш кремневый инвентарь днестровских памятников теряет кукрекские черты, в Побужье он существенно не изменился. На всей территории БДК распространяется ранненеолитическая буго-днестровская керамика с выразительными чертами культуры Криш — это преимущественно плоскодонные горшки с овально-вытянутым туловом. Характерные для культуры Криш горшки шарообразных форм широко применяются в Поднестровье и меньше распространены в Побужье. Встречаются остродонные сосуды. Орнамент исключительно углубленный: это разнообразные проглаженые линии, иногда дополненные наколами, пальцево-ногтевые защипы, парные или одиночные отпечатки ногтя. Используются и пластические налепы: ручки, шишечки и валики. Чаши кришского типа распространены

в Поднестровье, но в Лесостепном Побужье они встречаются реже и не на всех памятниках, а в Степном Побужье и Буго-Днепровском междуречье неизвестны. Набор костяных орудий не меняется. На днестровских памятниках появляются характерные для культуры Криш каменные шлифованные топоры. В Степном Побужье (Гард) присутствует каменная посуда, удостоверяющая существование взаимоотношений с сурской культурой. В конце раннего периода неолита возникают первые контакты с носителями КЛЛК, которые в это время заселяют территорию Пруто-Днестровского междуречья и Запрутской Молдовы.

Несмотря на наличие значительного количества радиоуглеродных дат, для абсолютного датирования раннего периода БДК мы можем использовать только те, которые коррелируют с датировкой культур Старчево-Криш. Как уже говорилось выше, расселение кришских неолитических общин по территории между Прутом и Днестром началось во время третьей фазы бытования культуры Старчево-Криш, однако большинство памятников этого региона, в том числе и Сакаровку 1, исследователи отнесли к финальной, четвертой фазе этой культуры. В течение последнего десятилетия количество абсолютных дат культуры Старчево-Криш значительно пополнилось, в основном за счет румынских поселений, которые лишь уточняют предварительные датировки этих культур, а не пересматривают их, как в свое время было сделано в Украине для буго-днестровской культуры. По этим данным, кришские памятники фазы IIIa и IIIB датируются в пределах двух столетий — серединой VI тыс. BC (cal.), а памятники фазы IV — в пределах середины VI тыс. BC (cal.) (Biagi, Spataro 2005: 37, fig. 5; Biagi, Shennan, Spataro 2005: 42, fig. 2). Памятники типа Сакаровка датируют второй четвертью — серединой VI тыс. до н.э., чему не противоречит единственная радиоуглеродная дата Сакаровки 1: (Bln 2425): 6650±50 BP/5480—5440 cal. BC (Larina 1994: 51; 1994б; Ларина 1999: 98; Дергачев 1999: 174—175). В этот хронологический отрезок укладываются несколько дат ранненеолитических керамических слоев поселений Сороки 2 (5693±134 cal. BC), Гард (5630—5480 cal. BC; 5520—5360 cal. BC) и Добрянка 1 (5620—5365 cal. BC) (табл. 3). Итак, по современным данным, ранний период БДК может быть датирован второй четвертью — серединой VI тыс. cal. BC.

В то же время, как показывают материалы Гарда, возможно, уже в конце раннего неолита в среде БДК возникают первые контакты с населением начального этапа КЛЛК в Карпато-Поднестровье, под воздействием которого эволюция культуры Старчево-Криш в румынской Молдове и Пруто-Днестровском междуречье завершается (Comşa 1971: 386; 1978: 31; Ursulescu 2000: 94, 211; Ларина 1999: 105). Для украинских поселений нотного периода КЛЛК — Большовцы (укр. Більшівці) (Котова, Ковалюх 2002: табл. 10), Голышев (укр. Голишів) (Ковалюх и др. 2007: табл. 2) и Майнова Балка (Гаскевич 2007: 131, табл. 6) — Н.Н. Ковалюх получил серию дат, последовательность которых почти полностью охватывает вторую половину VI тыс. до н.э. Между тем, согласно общепринятым представлениям о возврасте КЛЛК Центральной Европы, в Украине, ее нотный период начинается не ранее 5350/5200 гг. до н.э. Абсолютный возраст КЛЛК в Республике Молдова, взаимоотношения между которой и БДК продолжаются в течение среднего и позднего неолита, определяется последней четвертью VI — началом V тыс. до н.э. (Ларина 1999: 104; Wechler 2001: 218).

К среднему (развитому) неолиту относятся памятники, которые В.Н. Даниленко датировал самчинской а В.И. Маркевич — IV фазой (табл. 4). В Степном Побужье отдельные культурные слои этого времени не прослеживаются, в то же время керамика с чертами самчинской фазы обнаружена на всех раскопанных поселениях поздненеолитического периода. Переход к среднему неолиту сопровождался значительными изменениями в материальной культуре. Главные признаки этих изменений такие: кремневый инвентарь полностью теряет кукрекские черты и приобретает унифицированный вид как на Днестре, так и в Побужье, а также радикальные изменения претерпевает керамика, которая теряет кришские черты (плоскодонность, чаши кришского типа, защипы и отпечатки ногтя, пластический орнамент). На смену плоскодонной посуде, которая теперь встречается реже, приходят круглодонные широкогорлые сосуды S-образного профиля. Меняется состав формовочных масс, керамика приобретает жесткость за счет большего добавления дресвы и песка, впервые появляется примесь графита. Происходят изменения и в способах орнаментации посуды, главным признаком которых становится повсеместное распространение оттисков зубчатых и гребенчатых штампов. Такие резкие изменения в керамике В.Н. Даниленко и В.И. Маркевич объясняли проникновением в регион носителей днепродонецкой культуры. Продолжаются контакты с носителями КЛЛК. Хотя расположение по-

селений не изменилось, бытуют только наземные жилища.

Вопрос абсолютного возраста среднего периода БДК также является сложным и неоднозначным. Есть только две калиброванные даты Киевской лаборатории для верхнего слоя Базькового Острова, со смешанными самчинскими и савранскими материалами: 5498±58 и 5581±59 (табл. 3), — которые тяготеют к середине VI тыс. до н. э. Для их проверки воспользуемся датировкой памятников типа Валя Лупулуй, относящихся к финальному этапу культуры Старчево-Криш Молдовы (субфаза IVB Милойчича-Лазаровича). По мнению румынских исследователей, эти памятники сформировались в результате значительных воздействий со стороны днепродонецкой культуры, поэтому они синхронизируются с IV (самчинской) фазой БДК (Comşa 1971: 386; Ursulescu 2000: 94, 211). По новым данным (Biagi, Spataro 2005; Biagi, Shennan, Spataro 2005), они датируются серединой — третьей четвертью VI тыс. до н. э. Принимая во внимание датирование КЛЛК, контакты с которой сохраняются, средний период БДК можно датировать не ранее середины — третьей четверти VI тыс. до н. э.

Поздний период БДК относится уже к переходной нео-энеолитической эпохе, когда продолжают существовать старые неолитические культуры и в то же время на территории Юго-Восточной Европы возникают первые энеолитические культуры, знаменующие начало новой фазы исторического развития, связанной со значительными сдвигами во всех сферах общественно-экономической жизни древнего населения. Характерной чертой этого периода было повышение роли миграций и интенсификация взаимоотношений между населением смежных и отдаленных территорий.

К позднему неолиту относятся поселения, датированные В. Н. Даниленко савранской, а В. И. Маркевичем — пятой фазой, а также все поселения гардовской группы, в том числе верхний слой Гарда, верхний горизонт Добрянки 3, верхний горизонт Гиржево и недавно открытое поселение Лидина Балка (Фоменко, Требух 2010: 94—95) (табл. 4). Характеризуя поздний неолит, В. Н. Даниленко и В. И. Маркевич отмечали, с одной стороны, наследственность основных черт предыдущего периода (главными признаками этого являются микролитический кремень, сохранение состава керамической массы и остродонных форм посуды, гребенчатая и накольчатая орнаментация), а с другой — восстановление традиционных черт культуры (широкое применение плоскодонной посуды и абсолютное преимущество линейно-проглаженного орнамента), происходивших в новых условиях возрождения балкано-дунайской ориентации культурно-экономических связей. В частности, в начале периода усиливаются взаимоотношения с КЛЛК, сопровождающиеся продвижением населения этой культуры на территорию БДК, о чем свидетельствует исследованное ранее в верховях Тилигула поселение КЛЛК Майнова Балка и недавно открытое в среднем течении Южного Буга поселение Камяне-Завалье (укр. Кам'яне-Завалля) (Бруяко и др. 2012).

Интенсивностью взаимоотношений между населением смежных и отдаленных территорий отличалось Степное Побужье, которое на рубеже неолитической и энеолитической эпох послужило контактной зоной для ряда культур Северо-Западного и Северного Причерноморья. Жители Степного Побужья в это время поддерживают отношения и ведут активный обмен с непосредственными и отдаленными соседями: общинами культуры линейно-ленточной керамики и Триполье А на западе и юго-западе; днепродонецкой этнокультурной общности, сурской, азово-днепровской и нижнедонской — на востоке и северо-востоке. Поэтому материальный комплекс памятников Степного Побужья, в отличие от других регионов БДК, сформировался в результате сильных воздействий, с одной стороны, раннетрипольского населения Южного Буга, а с другой — неолитического и ранненеолитического населения Среднего Поднепровья и Надпорожья.

В развитии позднего неолита этого региона удалось выделить три последовательных этапа. На первом этапе кремневая индустрия в определенной мере еще сохраняет черты развитого периода БДК и отмечается микролитическим характером изделий, количественным преобладанием аморфных и призматических нуклеусов, сравнительно высоким процентом пластинок. Среди орудий преобладают ножевидные пластинки, встречаются ромбоиды. Керамика в большинстве своем имеет уже вполне сформированный поздненеолитический вид. Небольшие поселения площадью до 0,2 га располагались на островах и надпойменных террасах главного течения Южного Буга, на высоте в 4—9 м над летним уровнем воды вблизи порогов и переправ.

Второй этап в целом характеризуется обновлением традиционных черт буго-днестровской культуры и усилением ее культурно-бытовой однородности. Расширяется география поселений, которые теперь, кроме

главного течения Южного Буга, размещаются на его небольших притоках у бродов и перевозов. Рядом с поселениями с традиционной топографией возникают поселения на краю плато (45—55 м над уровнем воды в реке). Значительно возрастают размеры самих поселений. Такие изменения в топографии и размерах памятников обусловлены, очевидно, как демографическими, так и хозяйственными причинами. Продолжают бытовать наземные жилища легкой конструкции, построенные с использованием камней, дерева и других недолговечных материалов, с очагами как внутри, так и за пределами жилищ. Происходят изменения в обработке кремневого сырья и номенклатуре кремневых изделий. Растет количество отщеповых заготовок, а основным типом нуклеуса становится конический, с круговой огранкой или односторонний. Используются симметричные и асимметричные трапеции, возникают неизвестные ранее вкладыши — пластинки подпрямоугольной формы с концевой и краевой ретушью. Появляются шлифованые кремневые топоры. Среди изделий из других пород камня распространены гранитные отбойники, песты, зернотерки и сланцевые тесла. Костяные орудия представлены роговыми и костяными мотыгами, проколками, ножами и лощилами. Буго-днестровская керамика характеризуется богатством форм и типов, доминирующими среди которых являются плоскодонные горшки S-образного профиля, хотя встречаются остродонные и круглодонные сосуды. В орнаментации совершенно преобладает линейно-проглаженный орнамент. Возникает неизвестная ранее кардиумная керамика, существующая и в течение следующего третьего этапа. На втором этапе Степное Побужье становится контактной зоной между БДК и ранним Трипольем, поэтому часть буго-днестровской керамики отмечена раннетрипольским воздействием. То же самое касается и раннетрипольской, древнейшей на Южном Буге керамики, отражающей начало проникновения в регион раннетрипольского населения. Сохраняются традиционные связи с культурами днепродонецкой этнокультурной области, сурской, азово-днепровской и линейно-ленточной керамики.

На третьем, заключительном этапе продолжается освоение новых территорий в восточном и южном направлении. Возникают новые поселения на таких притоках Южного Буга, как Синюха (Владимировка (укр. Володимирівка)), Черный Ташлык (Миколина Брояка), Ингул (Новорозановка 1 и 2), а также на малых реках Днестровско-Хаджибейского региона (Гиржево и Карпово). Топография поселений остается такой же, но продолжают расти размеры поселений, расположенных на краю плато. Продолжают строить наземные жилища легкой конструкции с очагами и мастерские для обработки кремня. Появляются ямы для хранения припасов.

На третьем этапе в технике обработки кремня сохраняется тенденция к увеличению отщеповых заготовок и пирамидальных нуклеусов. Используются те же типы кремневых орудий, а среди трапеций появляются образцы «со строганными спинками». Традиционными остаются изделия из других пород камня, в частности, гранитные отбойники, песты, скребки, зернотерки и сланцевые тесла. Богат и разнообразен набор костяных и роговых орудий: мотыги, проколки, лощила и т. п.

Значительные изменения происходят в керамике. В результате взаимовлияния буго-днестровской и раннетрипольской культур возникает синкретическая керамика. Значительный рост количества раннетрипольской керамики свидетельствует о постоянном притоке в регион раннетрипольского населения и его доминирующей роли в межкультурных взаимоотношениях. С другой стороны, усиливаются влияния из области Приднепровья, особенно азово-днепровской культуры, что привело к резкому уменьшению линейно-проглаженного и многократному росту гребенчатого и накольчатого элементов орнамента. Все эти изменения в материальной культуре отражают процессы ослабления культурно-бытовой однородности буго-днестровского этноса, вытеснения его части за пределы региона и постепенной ассимиляции.

Как уже отмечалось, для позднеолитических памятников имеем значительное количество противоречивых радиоуглеродных дат, буквальное применение которых не приведет к достижению цели — датировке позднего периода БДК. Казалось, для этого было бы достаточно использовать те из них, которые не противоречат датировке синхронных культур КЛЛК и Прекукутень III — Триполье А. Но дело в том, что радиоуглеродные даты этих культур также являются противоречивыми. В частности, абсолютный возраст КЛЛК в Пруто-Днестровском междуречье и между Карпатами и Прутом, взаимоотношения между носителями которой и БДК продолжаются и в течение позднего неолита, определяется последней четвертью VI — началом V тыс. до н. э. (Ларина 1999: 104;

Wechler 2001: 218). Основанием для такой датировки послужили, в частности, две даты для поселения Тырпешть в Румынии (Bln 800—4220±100 BC; Bln 801—4295±100 BC), которые после калибровки показали 5100—5000 гг до н. э. (Ларина 1999: 104). Между тем, полученные в Киевской лаборатории серии дат поселений нотного периода Большовцы (Котова, Ковалюх 2002: табл. 10), Голышев (Ковалюх и др. 2007: табл. 2) и Майнова Балка (Гаскевич 2007: 131) почти полностью охватывают вторую половину VI тыс. до н. э. Но, согласно общепринятым представлениям о возврасте КЛЛК Центральной Европы, в Украине нотный период КЛЛК начинается не ранее 5350/5200 гг. до н. э. Не менее спорными являются и определения для Прекукутень — Триполья А, которая на территории Румынии датируется 5050—4600 гг до н. э. (Mantu 1998: 119—180), а на территории Республики Молдова — первой половиной V тыс. до н. э. (Черныш 1982: 174, табл. 10; Бурдо, Видейко 1998: 24, 25, табл. 3). Однако с этими данными не согласуются даты Киевской лаборатории для украинских памятников культуры Триполье А — вторая половина VI — начало V тыс. до н. э. (Бурдо, Ковалюх 1998: 60—61, табл. 2).

Стоит также обратить внимание на два важных обстоятельства. Во-первых, судя по стратиграфии поселения Гард, между ранним и поздним неолитическими слоями был хронологических промежуток, возможно, соответствующий самчинской фазе, отдельные культурные слои которой прослежены в лесостепной части Южного Буга и Днестра, но не обнаружены в Степном Побужье. С другой стороны, часть керамики верхнего слоя Гарда и других поздненеолитических памятников Степного Побужья сохраняет самчинские черты. Так что, вполне возможно, она может синхронизироваться с поздними кришскими памятниками Пруто-Днестровского междуречье и румынской Молдовы, датируемыми серединой VI — третьей четвертью VI тыс. до н. э.

Итак, имея такой разнобой с датами БДК и синхронных ей линейно-ленточной и раннетрипольской культур, определить абсолютный возраст позднего неолита сегодня достаточно проблематично. Учитывая все обстоятельства, считаю возможным датировать поздний период буго-днестровского неолита последней третью VI — первой третью V тыс. до н. э. Это подтверждается несколькими датами верхнего слоя поселения Гард и других поздненеолитических поселений (табл. 3).

8. Выводы

Становление ранненеолитических обществ в Юго-Западной Украине вписывается в общую картину процесса неолитизации Юго-Восточной Европы. В середине — второй половине VII тыс. до н. э. на территорию Северо-Западного Причерноморья вместе с населением позднемезолитической гребениковской культуры распространяется протонеолитическая совершенная отжимная техника обработки кремня. Здесь гребениковские мигранты смешались с автохтонным кукрекским населением, в результате чего появились так называемые «синкретические» памятники типа Мирного, со смешанным кукрекско-гребениковским кремневым инвентарем. Впоследствии именно на этой синкретической основе, также под влиянием протонеолитического населения с Балкано-Дунайского региона, появляются памятники бескерамического неолита. Во второй четверти — середине VI тыс. до н. э. территорию между восточными отрогами Карпат и Днестром заселяют раннеземледельческие племена культуры Криш, которые в Поднестровье сталкиваются с местным финальномезолитическим (протонеолитическим) населением. В результате взаимоотношений между обеими группами населения, при доминирующем влиянии культуры Криш в Днестро-Бугском междуречье возникает керамическое производство, значительные изменения претерпевает кремневый комплекс и распространяются новые формы производящего хозяйства. Очень быстро, уже во второй четверти — середине VI тыс. до н. э., неолитизационные процессы достигают Степного Побужья и верховьев Синюхи.

Таким образом, ранненеолитическая буго-днестровская культура с начала ее формирования была прямо и непосредственно связана с неолитом Балкано-Дунайского региона, а ее развитие продолжалось параллельно с развитием распространенных здесь и на территории между восточными отрогами Карпат и Днестром культурами неолита — раннего энеолита: Старчево-Криш, Хаманджия, линейно-ленточной керамики, а также ранних фаз Прекукутень-Триполье А. С ними неолитические общины БДК поддерживают отношения и ведут активный обмен на продолжении всего неолита. Уже на начальных этапах БДК возникают взаимоотношения с восточными соседями, сначала с общинами сурской, а позже — азово-днепровской культуры и днепро-донецкой этнокультурной общно-

сти, которые наиболее ощутимы в восточном ареале культуры. Поэтому материальный комплекс памятников Степного Побужья, в отличие от других регионов БДК, сформировался в результате сильных воздействий, с одной стороны, раннетрипольского населения Южного Буга, а с другой — неолитического и раннеэнеолитического населения Среднего Поднепровья и Надпорожья. Впоследствии постоянный приток раннетрипольского населения и его доминирующая роль в межкультурных взаимоотношениях, а также усиливающиеся влияния из области Приднепровья, особенно со стороны азово-днепровской культуры, привели к ослаблению культурно-бытовой однородности буго-днестровского этноса, вытеснению его части за пределы региона и постепенной ассимиляции.

Литература

Біаджі П., Станко В.Н., Кіосак Д.В. 2008. Нові радіовуглецеві дати поселення Мирне. *Наукові праці* 96 (83), 33—37.

Борзияк И.А. 1997. Мезолит Молдовы: общий обзор. *ДСПК* VI, 19—24.

Борзияк И.А., Дергачев В.А. 1980. Новый тип неолитических памятников в Молдавии. В: Генинг В.Ф. (отв. ред.). *Археологические исследования на Украине в 1976—1979 гг. Тез. докл.* Днепропетровск, 36—37.

Борисковский П.И. 1966. Вопросы мезолита Чехословакии и Румынии. *МИА* 126, 132—136.

Борисковский П.И. 1975. Мезолитическая стоянка Казанка близ Кривого Рога. В: Кожин П.М., Кольцов Л.В., Зимина М.П. (отв. ред.). *Памятники древнейшей истории Евразии.* Москва: Наука, 55—62.

Бруяко и др. 2012: Бруяко І., Денисюк В., Кіосак Д. 2012. Поселення культури лінійно-стрічкової кераміки на Південному Бузі. В: Гуржуй О.І. (ред.). *Аркасівські читання*. Миколаїв: МНУ ім. В.О. Сухомлинського, 41—43.

Відейко М.Ю., Ковалюх М.М. 1998. Ізотопне датування пам'яток буго-дністровської (БДК) культури. *АВУ 1997—1998*, 65—66.

Гаскевич Д.Л. 2002. Дослідження крем'яного інвентарю неолітичних культур України. *АВУ 2000—2001*, 98—105.

Гаскевич Д.Л. 2003. *Крем'яний інвентар неолітичних культур України*. Автореф. дис. ... канд. істор. наук. Київ.

Гаскевич Д.Л. 2005. Крем'яні вироби кукрецької культурної традиції в інвентарі буго-дністровських пам'яток Побужжя. *Археологія* (3), 24—37.

Гаскевич Д.Л. 2007. Синхронізація буго-дністровського неоліту та неоліту Центральної Європи: Проблема радіовуглецевих дат. В: Gierlach M., Bakalarska L. (red.). *Wspólnota dziedzictwa archeologicznego ziem Ukrainy i Polski.* Warszawa: Krajowy Ośrodek Badań s Dokumentacji Zabytków, 115—147.

Гаскевич Д.Л. 2010. Северо-Понтийское импрессо: происхождение неолитической керамики с гребенчатым орнаментом на юге Восточной Европы. *Stratum plus* (2), 213—251.

Гаскевич Д.Л. 2012. Поселение Каменная Могила I и начало неолитизации Северного Причерноморья: гипотезы, аргументы, факты. *Stratum plus* (2), 45—62.

Даниленко В.М. 1949. *Звіт про дослідження неолітичних та ранньотрипільських пам'яток на Південному Бузі в 1949 році*. НА ИА НАНУ. 1949/25.

Даниленко В.М. 1957. Дослідження неолітичних пам'яток на Південному Бузі. *Археологія* 10, 36—49.

Даниленко В.Н. 1962. Археологические исследования в зонах строительства ГЭС на Южном Буге в 1959—1960 гг. *КСИА АН УССР* 12, 23—27.

Даниленко В.Н. 1969. *Неолит Украины: главы древней истории Юго-Восточной Европы.* Киев: Наукова думка.

Дворянинов С.А. 1972. К проблеме кукрекской культуры: по материалам позднемезолитических стоянок Южного Буга. В: Баран В.Д. (відп. ред.). *Результати польових археологічних досліджень 1970—1971 років на території України.* Тези пленарних і секційних доповідей XV наукової конференції Інституту археології АН УРСР. Одеса, 80—82.

Дергачев В.А. 1999. Особенности культурно-исторического развития Карпато-Поднестровья. *Stratum plus* (2), 169—221.

Долуханов П.М., Тимофеев В.И. 1972. Абсолютная хронология неолита Евразии. В: Колчин Б.А. (ред.). *Проблемы абсолютного датирования в археологии*. Москва: Наука, 28—75.

Залізняк Л. 1998. *Передісторія України X—V тис. до н.е.* Київ: Бібл. українця.

Залізняк Л.Л. 2002. Дослідження кукрецької стоянки Добрянка на Черкащині. *АДУ 2001*, 123—126.

Залізняк Л. 2005. Фінальний палеоліт і мезоліт континентальної України. Культурний поділ та періодизація. *КДУ* 8.

Залізняк Л.Л. 2005а. Чорноморський потоп та його археологічні наслідки. *Археологія* (3), 3—15.

Залізняк Л.Л., Манько В.О. 2004. Стоянки біля с. Добрянка на р. Тікич та деякі проблеми неолітизації Середнього Подніпров'я. *КДУ* 5, 137—168.

Залізняк Л.Л., Панченко Ю.В. 2007. Неолітизація Правобережної України: Балкани чи «Східний імпульс»? *МДАСУ* 7, 6—14.

Залізняк Л.Л., Товкайло М.Т., Журавльов О.П. 2005. Стоянка Добрянка 3 на р. Чорний Тікич та її місце у неоліті Буго-Дністровського межиріччя. *КДУ* 7, 96—116.

Залізняк Л.Л., Товкайло М.Т., Кухарчук Ю.В. 2005. Дослідження стоянок біля с. Добрянка на Черкащині археологічною експедицією НаУКМА у 2001, 2003, 2004 рр. *Магістеріум* 20, 6—17.

Залізняк Л.Л., Товкайло М.Т. 2007. Проблеми неолітизації Правобережної України за матеріалами розкопок стоянки Добрянка 3 у 2006 році. *КДУ* 10, 148—167.

Залізняк Л.Л., Товкайло М.Т., Степанчук В.М., Вєтров Д.О. 2007. Результати досліджень археологічної експедиції НаУКМА у 2006 році. *Магістеріум* 27, 4—14.

Залізняк та ін. 2013: Залізняк Л.Л., Товкайло М.Т., Манько В.О., Сорокун А.А. 2013. Стоянки біля хутора Добрянка та проблема неолітизації Буго-Дніпровського межиріччя. В: Заліз-

няк Л. Л., Степанчук В. М., Кухарчук Ю. В., Товкайло М. Т., Матвіїшина Ж. М., Манько В. О., Вєтров Д. О., Беленко М. М., Озеров П. І., Хоптинець І. М., Нездолій О. І., Дорошкевич С. П., Сорокун А. А., Шевченко Т. О. Найдавніше минуле Новомиргородщини. *КДУ* 15, 194—257.

Киосак Д. В. 2011. Новые материалы каменного века из долины р. Кучурган. *МАСП* 12, 252—277.

Киосак Д. В. 2013. Предварительные итоги археологических разведок памятников каменного века на Раздельнянской равнине и проблема «степного неолита» Северо-Западного Причерноморья. *Stratum plus* (2), 283—296.

Коваленко С. И., Кетрару Н. А. 1997. Новые данные о мезолитической стоянке Саратены в Нижнем Попрутье. In: Dergaciov V. (red. resp.). *Vestigii arheologice din Moldova*. Chişinău: Tipografia Academiei de Ştiinţe din RM, 36—59.

Коваленко С., Бодян С. 1999. Цариград II — поселение раннего неолита на р. Реут в Молдове. *Stratum plus* (2), 141—147.

Коваленко С. И., Цой В. Б. 1999. К вопросу о развитии позднемезолитических индустрий в Карпато-Днестровском регионе. *Stratum plus* (1), 257—262.

Ковалюх М. М., Котова Н. С., Охрименко Г. В. 2007. Новые данные о хронологии неолитических памятников Волыни. *МДАСУ* 7, 15—17.

Козубовський Ф. А. 1933. *Археологічні дослідження на території Богесу 1930—1932 рр.* Київ: ВУАН.

Конопля В. 1996. Дослідження пізньомезолітичного поселення Раделичі-4. В: В. Конопля (відп. ред.). *Археологічні дослідження на Львівщині у 1995 р.* Львів: ФІРА-люкс, 18—21.

Котова Н. С. 1997. Неолітична епоха. В: Березанська С. С., Гладилін В. М., Гладких М. І., Котова Н. С., Круц В. О. *Давня історія України* 1. *Первісне суспільство*. Київ: Наукова думка, 157—224.

Котова Н. С. 2002. *Неолитизация Украины*. Луганск: Шлях.

Котова Н. С., Ковалюх Н. Н. 2002. Каталог радиоуглеродных дат неолитических памятников Украины (Приложение 1). В: Котова Н. С. *Неолитизация Украины*. Луганск: Шлях, 85—105.

Красковский В. И. 1976. Карпово — новый памятник каменного века в долине р. Свинной. *МАСП* 8, 157—161.

Красковский В. И. 1978. *Памятники палеолита и мезолита Северно-Западного Причерноморья*. Киев: Наукова думка.

Ларина О. В. 1999. Культура линейно-ленточной керамики Пруто-Днестровского региона. *Stratum plus* (2), 10—140.

Ларина и др. 1997: Ларина О. В., Вехлер К.-П., Дергачев В. А., Коваленко С. И., Бикбаев В. М. 1997. Новые полевые исследования памятников мезолита и неолита Молдовы. In: Dergaciov V. (red. resp.). *Vestigii arheologice din Moldova*. Chişinău: Tipografia Academiei de Ştiinţe din RM, 62—110.

Манько В. О. 2006. Неоліт Південно-Східної України. *КДУ* 9.

Маркевич В. И. 1973. Памятники эпохи неолита и энеолита. *Археологическая карта МССР* 2. Кишинев: Штиинца.

Маркевич В. И. 1974. *Буго-днестровская культура на территории Молдавии*. Кишинев: Штиинца.

Нужний Д. Ю. 2008. *Розвиток мікролітичної техніки у кам'яному віці: удосконалення зброї первісних мисливців*. Київ: КНТ.

Пашкевич Г. А. 1982. Палеоботаническая характеристика поселения Мирное. В: Станко В. Н. *Мирное. Проблема мезолита Северного Причерноморья*. Киев: Наукова думка, 132—138.

Петренко В. Г. 2012. Гиржево: некоторые новые и малоизвестные данные. В: Пригарин А. А. (отв. ред.). *Человек в истории и культуре* 2. Одесса: СМИЛ, 228—239.

Петрунь В. Ф. 1967. Петрографо-минералогическое определение материалов из Гиржевской стоянки. *ЗОАО* II, 168—173.

Піструіл І. В. 2011. Дослідження стоянок кам'яного віку Катаржино 1 та Катаржино 2 на Одещині. *КДУ* 14, 172—181.

Пиструил И. В. 2013. Некоторые проблемы изучения мезолита Северо-Западного Причерноморья. В: Тощев Г. М., Михайлов Я. Б., Заматаєва О. В., Пеньова О. В. (ред. кол.). *Матеріали міжнародної наукової конференції «Північне Приазов'я в епоху кам'яного віку — енеоліту». До 100-річчя від дня народження В. М. Даниленка*. Мелітопіль, 154—158.

Сапожников І. В., Сапожникова Г. В. 2005. Хронологія поселень та культурна послідовність мезоліту й неоліту Північно-Західного Причорномор'я. *КДУ* 7, 87—95.

Сапожников И. В., Сапожникова Г. В. 2011. Каменный век Северо-Западного Причерноморья. *Stratum plus* (1), 15—149.

Смольянинова С. П. 1990. *Палеолит и мезолит Степного Побужья*. Киев: Наукова думка.

Смольянинова С. П. 2003—2004. О некоторых группах изделий с вторичной обработкой ряда мезолитических стоянок Северо-Западного Причерноморья. *Stratum plus* (1), 248—266.

Смынтына Е. В. 2001—2002. Поселение Зализничное и проблема сложения позднемезолитической культуры в Нижнедунайском регионе. *Stratum plus* (1), 452—463.

Смынтына Е. В. 2012. Палеогеография и обитатели поднемезолитической стоянки Зализничное в свете неолитизации Украинского Нижнего Подунавья. В: Пригарин А. А. (отв. ред.). *Человек в истории и культуре* 2. Одесса: СМИЛ, 206—210.

Станко В. Н. 1965. Гиржево — новая тарденуазская стоянка на Одесчине. *КС ОГАМ* 1963, 3—8.

Станко В. Н. 1966. Мезолитическая стоянка Гиржево в Одесской области. *СА* (2), 96—103.

Станко В. Н. 1967. Некоторые вопросы позднего мезолита Северо-Западного Причерноморья: по материалам стоянки Гиржево. *ЗОАО* II (35), 155—168.

Станко В. Н. 1977. Основные особенности и хронология памятников мезолита степей Северного Причерноморья. *КСИА* 149, 46—53.

Станко В. Н. 1982. *Мирное. Проблема мезолита степей Северного Причерноморья*. Киев: Наукова думка.

Станко В. Н. 1991. Культурно-исторический процесс в мезолите Северо-Западного Причерноморья. В: Ванчугов В. П. (отв. ред.). *Северо-Западное Причерноморье — контактная зона древних культур*. Киев: Наукова думка, 5—17.

Станко В. Н., Петрунь В. Ф., Максимюк Т. И. 1981. Позднемезолитическое местонахождение кукрекского типа на Южном Буге. В: Карышковский П. О.

(ред.). *Памятники древних культур Северо-Западного Причерноморья*. Киев: Наукова думка, 5—12.

Станко В.Н., Свеженцев Ю.С. 1988. Хронология и периодизация позднего палеолита и мезолита Северного Причерноморья. *БКИЧП* 57, 116—120.

Степанчук В.М. 2000. Новые памятники мезолитического времени на юге Черкасской области. *АВУ* 1994—1996, 145—146.

Телегін Д.Я. 1977. Рецензія на: Маркевич В.И. Бугоднестровская культура на территории Молдавии. *Археологія* 23, 89—91.

Телегін Д.Я. 1982. *Мезолітичні пам'ятки України*. Київ: Наукова думка.

Телегин Д.Я. 1984. К вопросу о территории распространения памятников сурской культуры. В: Телегин Д.Я. (отв. ред.). *Материалы каменного века на территории Украины*. Киев: Наукова думка, 36—43.

Телегин Д.Я. 2004. О хронологии и периодизации культур неолита и медного века Юго-запада Восточной Европы. Понятие о нео-энеолитическом времени региона. В: Тимофеев В.И., Зайцева Г.И. (отв. ред.). *Проблемы хронологии и этнокультурных взаимодействий в неолите Евразии*. Санкт-Петербург: ИИМК РАН, 106—121.

Телегін Д.Я., Титова О.М., Пустовалов С.Ж. 2004. Рецензія на книгу Н.С. Котової «Неолитизация Украины» (Луганск: Шлях, 2002, 123 с.). В: Титова О.М. (гол. ред.). *Праці центру пам'яткознавства* 5. Київ: Бізнесполіграф, 304—314.

Титов В.С. 1996. *Неолит Карпатского бассейна*. Москва: Наука.

Товкайло Н.Т. 1990. О восточных связях бугоднестровской культуры (по материалам поселения Пугач). В: Неприна В.И. (ред.). *Каменный век на территории Украины. Некоторые аспекты хозяйства и этнокультурных связей*. Киев: Наукова думка, 47—54.

Товкайло М.Т. 2003. Крем'яний інвентар пізньонеолітичних пам'яток Степового Побужжя. *КДУ* 2, 187—205.

Товкайло М.Т. 2004а. До проблеми взаємин населення буго-дністровської та ранньотрипільської культур. *Археологія* (1), 30—42.

Товкайло М.Т. 2004б. До проблеми датування буго-дністровського неоліту. *КДУ* 5, 236—246.

Товкайло М.Т. 2005. Неоліт Степового Побужжя. *КДУ* 6.

Товкайло М.Т. 2007. Репресована стаття П.В. Харламповича 1931 року — перша наукова праця з неоліту Побужжя. *КДУ* 10, 222—234.

Товкайло М.Т. 2008. Неолітичний ґард за даними нових досліджень. *КДУ* 11, 144—156.

Товкайло М.Т. 2010. Ранньонеолітичний горизонт поселення Ґард і проблема неолітизації Північно-Західного Надчорномор'я та Побужжя. *КДУ* 13, 208—228.

Товкайло М.Т. 2012. Неолітична кераміка з домішкою черепашкових рачків Ostrakoda (до проблеми походження кардіумної кераміки в Україні). *Археологія* (3), 27—36.

Тубольцев О.В. 2013. Типи знарядь з некрем'яних порід на поселеннях сурської культури. В: Тощев Г.М., Михайлов Я.Б., Заматаєва О.В., Пеньова О.В. (ред. кол.). *Матеріали міжнародної наукової конференції «Північне Приазов'я в епоху кам'яного віку — енеоліту» (до 100-річчя від дня народження В.М. Даниленка)*. Мелітопіль: смт. Мирне, 194—200.

Фоменко и др. 2007: Фоменко В.М., Товкайло М.Т., Требух О.О. 2007. Дослідження Миколаївської експедиції на Південному Бузі. *АДУ 2005—2007*, 405—408.

Фоменко и др. 2009а: Фоменко В.М., Товкайло М.Т., Требух О.О. 2009. Охоронно-рятівні археологічні дослідження на Південному Бузі. *АДУ 2006—2007*, 354—356.

Фоменко и др. 2009б: Фоменко В.М., Товкайло М.Т., Требух О.О. 2009. Дослідження Миколаївської експедиції в зоні добудови Ташлицької ГАЕС. *АДУ 2006—2007*, 445—448.

Фоменко В.М., Требух О.О. 2010. Багатошарове поселення Лідина Балка на Південному Бузі. В: Піскурьова І.М. (голова ред. кол.). *VIII Миколаївська обласна конференція. «Історія. Етнографія. Культура. Нові дослідження»*. Миколаїв: Можливості Кімерії, 93—95.

Черниш О.П. 1975. *Стародавнє населення Подністров'я в добу мезоліту*. Київ: Наукова думка.

Biagi P., Shennan S., Spataro M. 2005. Rapid Rivers and Slow Seas? New Data for the Radiocarbon Chronology of the Balkan Peninsula. In: Nikolova L., Fritz J., Higgins J. (eds.). *Prehistoric Archaeology & Anthropological Theory and Education.* Reports of Prehistoric Research Projects 6—7, 41—50.

Biagi P., Spataro M. 2005. New Observations on the Radiocarbon Chronology of the Starčevo-Criş and Körös Cultures. In: Nikolova L., Fritz J., Higgins J. (eds.). *Prehistoric Archaeology & Anthropological Theory and Education.* Reports of Prehistoric Research Projects 6—7, 35—40.

Brudiu M. 1974. *Paleoliticul superior şi epipaleoliticul din Moldova*. Bucureşti: Oficiul de informare şi documentare în ştiinţele sociale şi politice.

Comşa E. 1971. Unele date privind raporturile dintre culturile neolitice timpurii din estul României cu cele din sud-vestul U.R.S.S. *SCIV* 22 (3), 377—386.

Comşa E. 1978. Contribution à l'étude de la Culture Cris en Moldavie (le site de Glavanestii Vechi). *Dacia* NS XXII, 9—36.

Comşa E. 1987. *Neoliticul pe teritoriul României. Consideraţii*. Bucureşti: EARPR.

Dergachev V., Sherratt A., Larina O. 1991. Recent results of Neolithic research in Moldova (USSR). In: *Oxford Journal of Archaeology* 10 (1), 1—16.

Larina O. 1994а. Neoliticul pe teritoriul Republicii Moldova. *Thraco-Dacica* XV (1—2), 41—66.

Larina O. 1994б. *Culturi din epoca neolitică*. Chişinău: Ştiinţa.

Lazarovici Gh. 1979. *Neoliticul Banatului*. Cluj-Napoca.

Marinescu-Bîlcu S. 1983. În legătură cu cîteva opinii privind originea şi evoluţia neoliticului şi eneoliticului pe teritoriul Moldovei. *SCIV* 34 (2), 116—128.

Milojčić V. 1949. *Chronologie der jüngeren Steinzeit Mittel- und Südosteuropas*. Berlin: Verlag Gebr. Mann.

Păunescu I. 1970. *Evoluţia uneltelor şi armelor de piatră cioplită descoperite pe teritoriul României.* Bucureşti: EARPR.

Quitta H. 1971. Der Balkan als Mittler zwischen Vorderen Orient und Europa. In. Schlette F. (Hrsg.). *Evolution und Revolution im Alten Orient und in Europa.* Berlin: Akademie Verlag, 38—63.

Srejović D. 1988. The Neolithic of Serbia: A Review of Research. In: Srejović D., Kostić V. (eds.). *The Neolithic of Serbia. Archaeological Research 1948—1988*. Belgrade: University of Belgrade, 5—19.

Stanko V.N., Kiosak D. 2010. The Late Mesolithic Settlement of South-Western Ukraine. *Atti della Società*

per la Preistoria e Protoistoria della regione Friuli-Venezia-Giulia XVII, 27—100.

Telegin et al. 2000: Telegin D. Ja., Kovaliukh N. N., Potekhina I. D., Lillie M. 2000. Chronology of Mariupol type cemeteries and subdivision of the Neolithic-Copper Age Cultures into periods for Ukraine. In: *Radiocarbon and Archaeology* 1 (1), 59—74.

Tringham R. 1971. *Hunters, Fishers and Farmers of Eastern Europe: 6000—3000 B. C.* London: Hutchinson and Co. Ltd.

Ursulescu N. 1984. *Evoluţia culturii Starčevo-Criş pe teritoriul Moldovei*. Suceava: Muzeul Judeţean Suceava.

Ursulescu N. 2000. *Contribuţii privind neoliticul şi eneoliticul din regiunile est-carpatice ale României* 1. Iaşi: Editura Universităţii "Al. I. Cuza".

Ursulescu N. 2001. Local variants of the Starčevo-Criş culture in the Carpato-Nistrean area. In: Draşovean Fl. (ed.). *Festschrift für Gheorghe Lazarovici. Zum 60. Geburtstag*. Timişoara: Editura Mirton, 59—67.

Wechler K.-P. 2001. *Studien zum Neolithikum der osteuropäischen Steppe*. Ärchaologie in Eurasien 12. Mainz: von Zabern.

References

Biadzhi, P., Stanko, V. N., Kiosak, D. V. 2008. In *Naukovi pratsi (Scientific works)* 96 (83), 33—37 (in Ukrainian).

Borziac, I. A. 1997. In *Drevnosti stepnogo Prichernomor'ia i Kryma (Antiquities of the steppe zone in Northern pontic and Crimea)* VI, 19—24 (in Russian).

Borziac, I. A., Dergachev, V. A. In *Arkheologicheskie issledovaniia na Ukraine v 1976—1979 gg. (Archaeological researches in Ukraine in 1976—1979)*. Dnepropetrovsk, 36—37 (in Russian).

Boriskovsky, P. I. 1966. In *Materialy i issledovaniia po arkheologii SSSR (Materials and researces on the archaeology of USSR)* 126, 132—136 (in Russian).

Boriskovsky, P. I. 1975. In *Pamiatniki drevneishei istorii Evrazii (Monuments of the oldest history of Eurasia)*. Moscow: Nauka, 55—62 (in Russian).

Bruyako, I., Denisyuk, V., Kiosak, D. 2012. In *Arkasivs'ki chytannya (Arkasov readings)*. Nikolaev: MNU, 41—43 (in Ukrainian).

Videyko, M. Yu., Kovalyukh, M. M. 1998. In *Arkheolohichni vidkryttya v Ukraïni 1997—1998 (Archaeological investigations in Ukraine in 1997—1998)*, 65—66 (in Ukrainian).

Gaskevich, D. L. 2002. In *Arkheolohichni vidkryttya v Ukraïni 2000—2001 (Archaeological investigations in Ukraine 2000—2001)*, 98—105 (in Ukrainian).

Gaskevich, D. L. 2003. *Krem'yanyj inventar neolitychnykh kul'tur Ukraïny (Flint inventory of the Neolithic cultures in Ukraine)*. Kiev (in Ukrainian).

Gaskevich, D. L. 2005. In *Arkheolohiya (Archaeology)* (3), 24—37 (in Ukrainian).

Gaskevich, D. L. 2007. In *Wspólnota dziedzictwa archeologicznego ziem Ukrainy i Polski*. Warszawa: Krajowy Ośrodek Badań s Dokumentacji Zabytków, 115—147 (in Ukrainian).

Gaskevich, D. L. 2010. In *Stratum plus. Arkheologiia i kul'turnaia antropologiia (Stratum plus. Archaeology and Cultural Anthropology)* (2), 213—251 (in Russian).

Gaskevich, D. L. 2012. In *Stratum plus. Arkheologiia i kul'turnaia antropologiia (Stratum plus. Archaeology and Cultural Anthropology)* (2), 45—62 (in Russian).

Danilenko V. M. 1949. *Zvit pro doslidzhennya neolitychnykh ta rann'otrypil's'kykh pam'yatok na Pivdennomu Buzi v 1949 rotsi (Report on the investigations of Neolithic and early Tripolye sites in Southern Bug area in 1949)*. Naukovii arkhiv IA NANU (Scientific archive of IA NASU), 1949/25 (in Ukrainian).

Danilenko, V. M. 1957. In *Arkheolohiya (Archaeology)* 10, 36—49 (in Ukrainian).

Danilenko, V. N. 1962. In *Kratkie soobshcheniia Instituta arkheologii Akademii nauk Ukrainskoi SSR (Brief reports of the Institute of Archaeology of the Academy of Sciences of Ukrainian SSR)* 12, 23—27 (in Russian).

Danilenko, V. N. 1969. *Neolit Ukrainy: glavy drevnei istorii Iugo-Vostochnoi Evropy (Neolithic of Ukraine: chapters from the ancient history of South-Eastern Europe)*. Kiev: Naukova dumka (in Russian).

Dvoryaninov, S. A. 1972. In *Rezul'taty pol'ovykh arkheolohichnykh doslidzhen' 1970—1971 rokiv na terytorïï Ukraïny (Results of field archaeological investigations from 1970—1971 on the territory of Ukraine)*. Odesa, 80—82 (in Russian).

Dergachev, V. A. 1999. In *Stratum plus. Arkheologiia i kul'turnaia antropologiia (Stratum plus. Archaeology and Cultural Anthropology)* (2), 169—221.

Dolukhanov, P. M., Timofeev, V. I. 1972. In *Problemy absoliutnogo datirovaniia v arkheologii (Problems of absolute dating in archaeology)*. Moscow: Nauka, 28—75 (in Russian).

Zaliznyak, L. 1998. *Peredistoriya Ukraïny X—V tys. do n. e. (The prehistory of Ukraine in the X – V millennia BC)*. Kiev: Biblioteka ukraïntsya (in Ukrainian).

Zaliznyak, L. L. 2002. *In Arkheolohichni doslidzhennya v Ukraïni 2001 (Archaeological investigations in Ukraine 2001)*, 123—126 (in Ukrainian).

Zaliznyak, L. 2005. In *Kam'yana doba Ukraïny (Stone Age of Ukraine)* 8 (in Ukrainian).

Zaliznyak, L. L. 2005a. In *Arkheolohiya (Archaeology)* (3), 3—15 (in Ukrainian).

Zaliznyak, L. L., Manko, V. O. 2004. In *Kam'yana doba Ukraïny (Stone Age of Ukraine)* 5, 137—168 (in Ukrainian).

Zaliznyak, L. L., Panchenko, Yu. V. 2007. In *Materialy ta doslidzhennya z arkheolohiï Skhidnoï Ukraïny (Materials and researches in the archaeology of Eastern Ukraine)* 7, 6—14 (in Ukrainian).

Zaliznyak, L. L., Tovkaylo, M. T., Zhuravliov, O. P. 2005. In *Kam'yana doba Ukraïny (Stone Age of Ukraine)* 7, 96—116 (in Ukrainian).

Zaliznyak, L. L., Tovkaylo, M. T., Kukharchuk, Yu. V. 2005. In *Mahisterium (Magisterium)* 20, 6—17 (in Ukrainian).

Zaliznyak, L. L., Tovkaylo, M. T. 2007. In *Kam'yana doba Ukraïny (Stone Age of Ukraine)* 10, 148—167 (in Ukrainian).

Zaliznyak, L. L., Tovkaylo, M. T., Stepanchuk, V. M., Vetrov, D. O. 2007. In *Mahisterium (Magisterium)* 27, 4—14 (in Ukrainian).

Zaliznyak, L. L., Tovkaylo, M. T., Manko, V. O., Sorokun, A. A. 2013. In *Kam'yana doba Ukraïny (Stone Age of Ukraine)* 15, 194—257 (in Ukrainian).

Kiosak, D. V. 2011. In *Materialy po arkheologii Severnogo Prichernomor'ia (Materials on the archaeology of Northern Pontic area)* 12, 252—277 (in Russian).

Kiosak, D. V. 2013. In *Stratum plus. Arkheologiia i kul'turnaia antropologiia (Stratum plus. Archaeology and Cultural Anthropology)* 2, 283—296 (in Russian).

Covalenco, S. I., Chetraru, N. A. 1997. In *Vestigii arheologice din Moldova*. Chişinău: Tipografia Academiei de Ştiinţe din RM, 36—59 (in Russian).

Covalenco, S., Bodian, S. 1999. In *Stratum plus. Arkheologiia i kul'turnaia antropologiia (Stratum plus. Archaeology and Cultural Anthropology)* (2), 141—147 (in Russian).

Covalenco, S. I., Tsoi, V. B. 1999. In *Stratum plus. Arkheologiia i kul'turnaia antropologiia (Stratum plus. Archaeology and Cultural Anthropology)* 1, 257—262 (in Russian).

Kovalyukh, M. M., Kotova, N. S., Okhrimenko, G. V. 2007. In *Materialy ta doslidzhennya z arkheolohiï Skhidnoï Ukraïny (Materials and researches in the archaeology of Eastern Ukraine)* 7, 15—17 (in Russian).

Kozubovsky, F. A. 1933. *Arkheolohichni doslidzhennya na terytoriï Bohesu 1930—1932 rr. (Archaeological researches on the territory of Bohes in 1930—1932)* Kiev: VUAN (in Ukrainian).

Konoplya, V. 1996. In *Arkheolohichni doslidzhennya na L'vivshchyni u 1995 r. (Archaeological researches in Lvov region in 1995)*. Lviv: FIRA-lyuks, 18—21 (in Ukrainian).

Kotova, N. S. 1997. In *Davnya istoriya Ukraïny (Ancient history of Ukraine)* 1. *Pervisne suspil'stvo (Prehistoric society)*.

Kiev: Naukova dumka, 157—224 (in Ukrainian).
Kotova, N. S. 2002. *Neolitizatsiia Ukrainy (Neolithisation of Ukraine)*. Lugansk: Shliakh (in Russian).
Kotova, N. S., Kovaliukh, N. N. 2002. In *Neolitizatsiia Ukrainy (Neolithisation of Ukraine)*. Lugansk: Shliakh, 85—105 (in Russian).
Kraskovsky, V. I. 1976. In *Materialy po arkheologii Severnogo Prichernomor'ia (Materials on the archaeology of Northern Pontic area)* 8, 157—161 (in Russian).
Kraskovsky, V. I. 1978. *Pamiatniki paleolita i mezolita Severno-Zapadnogo Prichernomor'ia (Paleolithic and Mesolithic sites in the North-western Pontic area (an archaeological map)*. Kiev: Naukova dumka (in Russian).
Larina, O. V. 1999. In *Stratum plus. Arkheologiia i kul'turnaia antropologiia (Stratum plus. Archaeology and Cultural Anthropology)* (2), 10—140 (in Russian).
Larina, O. V., Vekhler, K.-P., Dergachev, V. A., Covalenco, S. I., Bikbaev, V. M. 1997. In *Vestigii arheologice din Moldova*. Chişinău: Tipografia Academiei de Ştiinţe din RM, 62—110 (in Russian).
Manko, V. O. 2006. In *Kam'yana doba Ukraïny (Stone Age of Ukraine)* 9 (in Ukrainian).
Markevich, V. I. 1973. In *Arkheologicheskaia karta MSSR (Archaeological map of Moldavian SSR)* 2. Kishinev: Shtiintsa (in Russian).
Markevich, V. I. 1974. *Bugo-dnestrovskaia kul'tura na territorii Moldavii (Bug-Dniester culture on the territory of Moldavia)*. Kishinev: Shtiintsa (in Russian).
Nuzhnyi, D. Yu. 2008. *Rozvytok mikrolitychnoï tekhniky u kam'yanomu vitsi: udoskonalennya zbroï pervisnykh myslyvtsiv (The development of microlithic technique in the Stone Age: у кам'яному віці: improvement of weapons of prehistoric hunters)*. Kiev: KNT (in Ukrainian).
Pashkevich, G. A. 1982. In *Mirnoe. Problema mezolita Severnogo Prichernomor'ia (Mirnoe. The problem of the Mesolithic of the steppes of the Northern Pontic area)*. Kiev: Naukova dumka, 132—138 (in Russian).
Petrenko, V. G. 2012. In *Chelovek v istorii i kul'ture (The man in history and culture)* 2. Odessa: SMIL, 228—239 (in Russian).
Petrun, V. F. 1967. In *Zapiski Odesskogo arkheologicheskogo obshchestva (Writings of the Odessa Archaeological Society)* II, 168—173 (in Russian).
Pistruil, I. V. 2011. In *Kam'yana doba Ukraïny (Stone Age of Ukraine)* 14, 172—181 (in Ukrainian).
Pistruil, I. V. 2013. In *Materialy mizhnarodnoï naukovoï konferentsiï «Pivnichne Pryazov'ya v epokhu kam'yanoho viku — eneolitu». Do 100-richchya vid dnya narodzhennya V. M. Danylenka (Materials of the international scientific conference „Northern Pontic region in Stone and Copper Age". To the anniversary of 100 years from the birth of V.N. Danilenko)*. Melitopol, 154—158 (in Russian).
Sapozhnikov, I. V., Sapozhnikova, H. V. 2005. In *Kam'yana doba Ukraïny (Stone Age of Ukraine)* 7, 87—95 (in Ukrainian).
Sapozhnikov, I. V., Sapozhnikova, G. V. 2011. In *Stratum plus. Arkheologiia i kul'turnaia antropologiia (Stratum plus. Archaeology and Cultural Anthropology)* (1), 15—149.
Smolyaninova, S. P. 1990. *Paleolit i mezolit Stepnogo Pobuzh'ia (Paleolithic and Mesolithic of Steppe Bug region)*. Kiev: Naukova dumka (in Russian).
Smolyaninova, S. P. 2003—2004. In *Stratum plus. Arkheologiia i kul'turnaia antropologiia (Stratum plus. Archaeology and Cultural Anthropology)* (1), 248—266 (in Russian).
Smyntyna, E. V. 2001—2002. In *Stratum plus. Arkheologiia i kul'turnaia antropologiia (Stratum plus. Archaeology and Cultural Anthropology)* (1), 452—463 (in Russian).
Smyntyna, E. V. 2012. In*Chelovek v istorii i kul'ture (Man in history and culture)* 2. Odessa: SMIL, 206—210 (in Russian).
Stanko, V. N. 1965. In *Kratkie soobshcheniia Odesskogo gosudarstvennogo arkheologicheskogo muzeia 1963 (Brief reports on the field archaeological investigations of Odessa State Archaeological Museum in 1963)*, 3—8 (in Russian).
Stanko, V. N. 1966. In *Sovetskaia Arkheologiia (Soviet Archaeology)* (2), 96—103 (in Russian).
Stanko, V. N. 1967. In *Zapiski Odesskogo arkheologicheskogo obshchestva (Writings of the Odessa Archaeological Society)* II (35), 155—168 (in Russian).
Stanko, V. N. 1977. In *Kratkie soobshcheniia Instituta arkheologii Akademii nauk SSSR (Brief reports of the Institute of Archaeology of the Academy of Sciences of USSR)* 149, 46—53 (in Russian).
Stanko, V. N. 1982. *Mirnoe. Problema mezolita stepei Severnogo Prichernomor'ia (Mirnoe. The problem of the Mesolithic of the steppes of the Northern Pontic area)*. Kiev: Naukova dumka (in Russian).
Stanko, V. N. 1991. In *Severo-Zapadnoe Prichernomor'e — kontaktnaia zona drevnikh kul'tur (North-West Pontic region – a contact zone between ancient cultures)*. Kiev: Naukova dumka, 5—17 (in Russian).
Stanko, V. N., Petrun, V. F., Maksimyuk, T. I. 1981. In *Pamiatniki drevnikh kul'tur Severo-Zapadnogo Prichernomor'ia (Sites of ancient cultures from the North-Western Pontic region)*. Kiev: Naukova dumka, 5—12 (in Russian).
Stanko, V. N., Svezhentsev, Yu. S. 1988. In *Biulleten' Komissii po izucheniiu chetvertichnogo perioda (Bulletin of the Commission fort he Study of the Quaternary Period)* 57, 116—120 (in Russian).
Stepanchuk, V. M. 2000. In *Arkheolohichni vidkryttya v Ukraïni 1994—1996 (Archaeological investigations in Ukraine in 1994—1996)*, 145—146 (in Russian).
Telegin, D. Ya. 1977. In *Arkheolohiya (Archaeology)* 23, 89—91 (in Ukrainian).
Telegin, D. Ya. 1982. *Mezolitychni pam'yatky Ukraïny (Mesolithic sites of Ukraine)*. Kiev: Naukova dumka (in Ukrainian).
Telegin, D. Ya. 1984. In *Materialy kamennogo veka na territorii Ukrainy (Stone Age materials on the territory of Ukraine)*. Kiev: Naukova dumka, 36—43 (in Russian).
Telegin, D. Ya. 2004. In *Problemy khronologii i etnokul'turnykh vzaimodeistvii v neolite Evrazii (Problems of chronology and ethno-cultural interactions in the Neolithic of Eurasia)*. Saint Petersburg: IIMK RAN, 106—121 (in Russian).
Telegin, D. Ya., Titova, O. M., Pustovalov, S. Zh. 2004. In *Pratsi tsentru pam'iatkoznavstva (Works of the centre for research of sites)* 5. Kiev: Biznespoligraf, 304—314
Titov, V. S. 1996. *Neolit Karpatskogo basseina (Neolithic of Carpathian Basin)*. Moscow: Nauka (in Russian).
Tovkaylo, N. T. 1990. In *Kamennyi vek na territorii Ukrainy. Nekotorye aspekty khoziaistva i etnokul'turnykh sviazei (Stone Age on the territory of Ukraine. Some aspects of economy and ethno-cultural connections)*. Kiev: Naukova dumka, 47—54 (in Russian).
Tovkaylo, M. T. 2003. In *Kam'yana doba Ukraïny (Stone Age of Ukraine)* 2, 187—205 (in Ukrainian).
Tovkaylo, M. T. 2004a. In *Arkheolohiya (Archaeology)* (1), 30—42 (in Ukrainian).
Tovkaylo, M. T. 2004b. In *Kam'yana doba Ukraïny (Stone Age of Ukraine)* 5, 236—246 (in Ukrainian).
Tovkaylo, M. T. 2005. In *Kam'yana doba Ukraïny (Stone Age of Ukraine)* 6 (in Ukrainian).
Tovkaylo, M. T. 2007. In *Kam'yana doba Ukraïny (Stone Age of Ukraine)* 10, 222—234 (in Ukrainian).
Tovkaylo, M. T. 2008. In *Kam'yana doba Ukraïny (Stone Age of Ukraine)* 11, 144—156 (in Ukrainian).
Tovkaylo, M. T. 2010. In *Kam'yana doba Ukraïny (Stone Age of Ukraine)* 13, 208—228 (in Ukrainian).
Tovkaylo, M. T. 2012. In *Arkheolohiya (Archaeology)* (3), 27—36 (in Ukrainian).
Tuboltsev, O. V. 2013. In *Materialy mizhnarodnoï naukovoï konferentsiï «Pivnichne Pryazov'ya v epokhu kam'yanoho viku — eneolitu» (do 100-richchya aid dnya narodzhennya V. M. Danylenka)*. Melitopil: smt. Myrne, 194—200 (in Ukrainian).
Fomenko, V. M., Tovkaylo, M. T., Trebukh, O. O. 2007. In *Arkheolohichni doslidzhennya v Ukraïni 2005—2007 (Archaeological researces in Ukraine in 2005—2007)*, 405—408 (in Ukrainian).
Fomenko, V. M., Tovkaylo, M. T., Trebukh, O. O. 2009. In *Arkheolohichni doslidzhennia v Ukraïni 2006—2007 (Archaeological researches in Ukraine in 2006—2007)*, 354—356.
Fomenko, V. M., Tovkaylo, M. T., Trebukh, O. O. 2009. In *Arkheolohichni doslidzhennia v Ukraïni 2006—2007*

(Archaeological researches in Ukraine in 2006—2007), 445—448 (in Ukrainian).

Fomenko, V. M., Trebukh, O. O. 2010. In *VIII Mykolaïvs'ka oblasna konferentsiya. «Istoriya. Etnohrafiya. Kul'tura. Novi doslidzhennya» (VIII Nikolaev regional conference „History. Ethnography. Culture. New investigations")*. Nikolaev: Mozhlyvosti Kimeriï, 93—95 (in Ukrainian).

Chernysh, O. P. 1975. *Starodavnye naselennya Podnistrov'ya v dobu mezolitu (Prehistoric population of the Dniester region in Mesolithic)*. Kiev: Naukova dumka (in Ukrainian).

Biagi, P., Shennan, S., Spataro, M. 2005. Rapid Rivers and Slow Seas? New Data for the Radiocarbon Chronology of the Balkan Peninsula. In: Nikolova L., Fritz J., Higgins J. (eds.). *Prehistoric Archaeology & Anthropological Theory and Education.* Reports of Prehistoric Research Projects 6—7, 41—50.

Biagi, P., Spataro, M. 2005. New Observations on the Radiocarbon Chronology of the Starčevo-Criş and Körös Cultures. In: Nikolova L., Fritz J., Higgins J. (eds.). *Prehistoric Archaeology & Anthropological Theory and Education.* Reports of Prehistoric Research Projects 6—7, 35—40.

Brudiu, M. 1974. *Paleoliticul superior şi epipaleoliticul din Moldova*. Bucureşti: Oficiul de informare şi documentare în ştiinţele sociale şi politice.

Comşa, E. 1971. Unele date privind raporturile dintre culturile neolitice timpurii din estul României cu cele din sud-vestul U.R.S.S. *SCIV* 22 (3), 377—386.

Comşa, E. 1978. Contribution à l'étude de la Culture Cris en Moldavie (le site de Glavanestii Vechi). *Dacia* NS XXII, 9—36.

Comşa, E. 1987. *Neoliticul pe teritoriul României. Consideraţii*. Bucureşti: EARPR.

Dergachev, V., Sherratt, A., Larina, O. 1991. Recent results of Neolithic research in Moldova (USSR). In: *Oxford Journal of Archaeology* 10 (1), 1—16.

Larina, O. 1994a. Neoliticul pe teritoriul Republicii Moldova. *Thraco-Dacica* XV (1—2), 41—66.

Larina, O. 1994б. *Culturi din epoca neolitică*. Chişinău: Ştiinţa.

Lazarovici, Gh. 1979. *Neoliticul Banatului*. Cluj-Napoca.

Marinescu-Bîlcu, S. 1983. În legătură cu cîteva opinii privind originea şi evoluţia neoliticului şi eneoliticului pe teritoriul Moldovei. *SCIV* 34 (2), 116—128.

Milojčić, V. 1949. *Chronologie der jüngeren Steinzeit Mittel- und Südosteuropas*. Berlin: Verlag Gebr. Mann.

Păunescu, I. 1970. *Evoluţia uneltelor şi armelor de piatră cioplită descoperite pe teritoriul României.* Bucureşti: EARPR.

Quitta, H. 1971. Der Balkan als Mittler zwischen Vorderen Orient und Europa. In. Schlette F. (Hrsg.). *Evolution und Revolution im Alten Orient und in Europa.* Berlin: Akademie Verlag, 38—63.

Srejović, D. 1988. The Neolithic of Serbia: A Review of Research. In: Srejović D., Kostić V. (eds.). *The Neolithic of Serbia. Archaeological Research 1948—1988*. Belgrade: University of Belgrade, 5—19.

Stanko, V.N., Kiosak, D. 2010. The Late Mesolithic Settlement of South-Western Ukraine. *Atti della Società per la Preistoria e Protoistoria della regione Friuli-Venezia-Giulia* XVII, 27—100.

Telegin, D.Ja., Kovaliukh, N.N., Potekhina, I.D., Lillie, M. 2000. Chronology of Mariupol type cemeteries and subdivision of the Neolithic-Copper Age Cultures into periods for Ukraine. In: *Radiocarbon and Archaeology* 1 (1), 59—74.

Tringham, R. 1971. *Hunters, Fishers and Farmers of Eastern Europe: 6000—3000 B.C.* London: Hutchinson and Co. Ltd.

Ursulescu, N. 1984. *Evoluţia culturii Starčevo-Criş pe teritoriul Moldovei.* Suceava: Muzeul Judeţean Suceava.

Ursulescu, N. 2000. *Contribuţii privind neoliticul şi eneoliticul din regiunile est-carpatice ale României* 1. Iaşi: Editura Universităţii "Al.I. Cuza".

Ursulescu, N. 2001. Local variants of the Starčevo-Criş culture in the Carpato-Nistrean area. In: Draşovean Fl. (ed.). *Festschrift für Gheorghe Lazarovici. Zum 60. Geburtstag.* Timişoara: Editura Mirton, 59—67.

Wechler, K.-P. 2001. *Studien zum Neolithikum der osteuropäischen Steppe*. Ärchaologie in Eurasien 12. Mainz: von Zabern.

Статья поступила в номер 1 ноября 2013 г.

Mykola Tovkaylo (Kiev, Ukraine). Candidate of Historical Sciences. Archaeology Institute of Ukraine National Academy of Sciences [1].

Mykola Tovkaylo (Kiev, Ucraina). Candidat în ştiinţe istorice. Institutul de arheologie al Academiei Naţionale de Ştiinţe a Ucrainei.

Товкайло Мыкола Тихонович (Киев, Украина). Кандидат исторических наук. Институт археологии Национальной Академии наук Украины.

E-mail: Mukolatovkaylo@ukr.net

Address: [1] Geroev Stalingrada Pr., 12, Kiev, 04210, Ukraine

А. Ф. Горелик, А. В. Цыбрий, В. В. Цыбрий

О чем поведали череп тура, топор и женские статуэтки?
(К проблеме начальной неолитизации Нижнего Подонья)

Keywords: Lower Don Basin, Middle East, Neolithic, neolithisation.

Cuvinte cheie: Bazinul Donului Inferior, Orientul Mijlociu, neolitic, neolitizare.

Ключевые слова: Нижнее Подонье, Передняя Азия, неолит, неолитизация.

A. F. Gorelik, A. V. Tsybriy, V. V. Tsybriy

What did the Skull of Aurochs, an Axe and Female Statuettes Tell Us about? (On the problem of the initial neolithisation on the Lower Don)

Basing on some new and reconsideration of older materials, arguments for the migratory nature of the neolithisation impulses in Lower Don region are presented in this paper. Zagros region is considered to be the "homeland" of the elements of Neolithic package. In the PPNB period, across the Caucasian shore of the Black and Azov seas, possibly, also by sea, there were connections established between Zagros and Lower Don regions. The penetration of the new reproducing economy, possibly, together with its bearers, took part between 8500—7000 BC. As early as in the Pre-Pottery Neolithic, here emerges a relative sedentism, together with stone and clay architecture, anthropomorphic and zoomorphic figurative art. The pottery first appears at the beginning of the 7th millennium BC. Of particular importance was the spread of new ways of stone tools production. Together with ceramics, we suppose the provenience of domesticated animals (cattle, swine, sheep/goat) from the territory of Zagros and adjacent regions of Iran. The existence of close contacts between the population of Neolithic sites in Lower Don region and some areas from the Fertile Crescent are confirmed by analogies for such inventory, as clay balls, adzes/axes of soft stone, specific "polishers", medallions, bone pendants with snake ornamentation, stone vessels and geometrical microlites.

A. F. Gorelik, A. V. Tsybriy, V. V. Tsybriy

Despre ce ne-au comunicat craniul unui bour, un topor și câteva figurine feminine? (Contribuții la problema neolitizării inițiale a Donului de Jos)

În baza analizei unor materiale noi și reexaminării altor informații mai vechi cu privire la neoliticul timpuriu, sunt aduse argumente în favoarea caracterului migraționist al impulsurilor de neolitizare în bazinul inferior al Donului. Drept „patria" elementelor pachetului neolitic este considerată regiunea Zagros, din care, în perioada PPNB, de-a lungul țărmului caucazian al mărilor Neagră și Azov, poate și pe cale maritimă, au fost stabilite legături cu Donul de Jos. Pătrunderea noilor forme de economie producătoare, posibil, împreună cu purtătorii acesteia, poate fi fixată între 8500—7000 ani î.Hr. Încă în perioada neoliticului aceramic, aici apare o oarecare formă de sedentarism, arhitectură cu utilizarea pietrei și lutului, plastica antropomorfă și zoomorfă. Apariția ceramicii se datează cu începutul mileniului VII î.Hr. Deosebit de importantă a fost și răspândirea noilor tehnici de șlefuire a pietrei și obținerea lamelor. Împreună cu ceramica, poate fi presupusă pătrunderea animalelor domesticate (vite cornute mari, porcine, ovicaprine) din Zagros sau teritoriile învecinate (din est) ale Iranului. Contactele strânse dintre populația primelor așezări neolitice de la Donul de Jos și populația regiunilor din componența Semilunei Fertile sunt susținute de unele analogii directe pentru asemenea categorii de piese, precum bile din lut, topoare/tesle din piatră moale, „șlefuitoare" de formă specifică, medalioane, pandantive din os decorate cu reprezentări de șerpi, vase din piatră și microliți geometrici.

А. Ф. Горелик, А. В. Цыбрий, В. В. Цыбрий

О чем поведали череп тура, топор и женские статуэтки? (К проблеме начальной неолитизации Нижнего Подонья)

В статье на основе анализа новых и пересмотра старых материалов по раннему неолиту приведены аргументы в пользу миграционной природы импульсов неолитизации в бассейне Нижнего Подонья. В качестве «прародины» элементов неолитического пакета рассматривается район Загроса, откуда в период PPNB, по кавказскому побережью Черного и Азовского морей, возможно, также морским путем, имели место связи с Нижним Подоньем. Время проникновения новых форм ведения хозяйства, возможно, вместе с носителями производящей экономики, фиксируется между 8500—7000 лет до н. э. Еще в период докерамического неолита здесь возникает относительная оседлость, архитектура с использованием камня и глины, антропоморфная и зооморфная пластика. Появление керамики относится к началу VII тыс. до н. э. Особое значение приобрело и распространение техники шлифовки мягких пород камня и ручного отжима пластин. Совместно с керамикой предполагается появление одомашненных животных (крупного рогатого скота, свиньи, овцы/козы) с территории Загроса и прилегающих к нему с востока районов Ирана. Тесные контакты обитателей первых неолитических поселений Нижнего Подонья и населения районов Плодородного Полумесяца подтверждаются прямыми аналогиями по таким изделиям, как глиняные шарики, тесла/топоры из мягкого камня, «утюжки», медальоны, костяные подвески, украшенные изображениями змей, каменные сосуды и геометрические микролиты.

© *Stratum plus*. Археология и культурная антропология.

© А. Ф. Горелик, А. В. Цыбрий, В. В. Цыбрий, 2014.

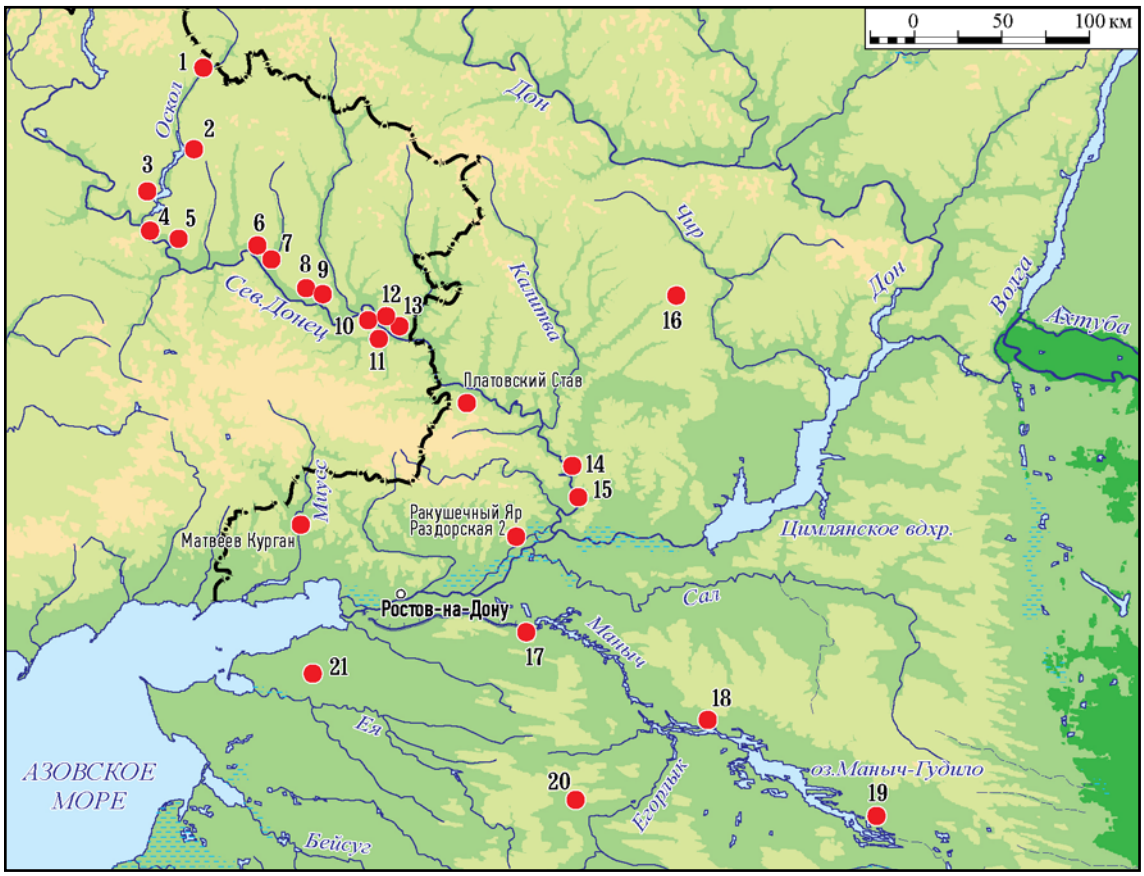

Рис. 1. Неолитические памятники бассейна Нижнего Дона. 1 — Пришиб; 2 — Александрия; 3 — Яремовка; 4 — Устье Оскола; 5 — Дробышево; 6 — Зеленая Горница; 7 — стоянки у с. Боровское; 8 — Ольховая 2, 5; 9 — Орехово-Донецкое; 10 — Должик; 11 — Мурзина Балка; 12 — Зеленополье; 13 — Зимовники; 14 — Нижнесеребряковская; 15 — Усть-Быстрая; 16 — Кременная 2; 17 — Красный Октябрь; 18 — Курганный; 19 — Цыганица; 20 — Рассыпная 1—6; 21 — Красная Балка. 1—9, 14, 15 — донецкая культура; 10—13, 16—21 — платовоставская культура (данные по Крижевская 1991; Котова 2002 и исследованиям авторов).

Fig. 1. Neolithic sites of the Lower Don basin. 1 — Pryshyb; 2 — Aleksandria; 3 — Yaremovka; 4 — mouth of Oskol; 5 — Drobyshevo; 6 — Zelenaya Gornitsa; 7 — sites near village Borovskoe; 8 — Olkhovaya 2, 5; 9 — Orekhovo-Donetskoe; 10 — Dolzhik; 11 — Murzina Balka; 12 — Zelenopol'e; 13 — Zimovniki; 14 — Nizhneserebriakovskaia; 15 — Ust'-Bystraia; 16 — Kremennaia 2; 17 — Krasnyi Oktiabr'; 18 — Kurgannyi; 19 — Tsyganitsa; 20 — Rassypnaia 1—6; 21 — Krasnaia Balka. 1—9, 14, 15 — Donets culture; 10—13, 16—21 — Platovskii Stav culture (data after Крижевская 1991; Котова 2002 and author's investigations).

Введение

При описании итогов раскопок 1960—1970-х годов ранненеолитического поселения Матвеев Курган 2 в Северо-Восточном Приазовье (рис. 1) руководитель работ Л. Я. Крижевская особое внимание уделила анализу и интерпретации культового захоронения черепа тура (Крижевская 1992: 23). С позиций современной археологии есть смысл еще раз вернуться к рассмотрению этого объекта и связанного с ним археологического контекста. Материалы матвеевокурганских поселений, датируемые концом VII тыс. до н. э.[1], необычны во многих отношениях. Они документируют довольно ранний для азово-черноморских степей переход к неолиту, здесь отсутствует типичная глиняная посуда; на фоне доминирующей дикой фауны, определены кости всех экономически основополагающих в неолите видов домашних животных: крупного рогатого скота, овцы/козы и свиньи (Крижевская 1992: 103—105; Benecke 1997: 638). Изучение поселений Приазовья и Нижнего Подонья, близких Матвееву Кургану, в частности, Ракушечного Яра (Белановская 1995) и особенно Раздорской 2 (Цыбрий, Цыбрий 2003; Цыбрий 2008) (рис. 1) подтвердило особый характер развития неолита данного региона, возникновение которого было отодвинуто к концу VIII—VII тыс. до н. э. (Aleksandrovsky et al. 2009: 95—96). Нам представляется умест-

[1] Все даты в тексте статьи даны в их калиброванном значении.

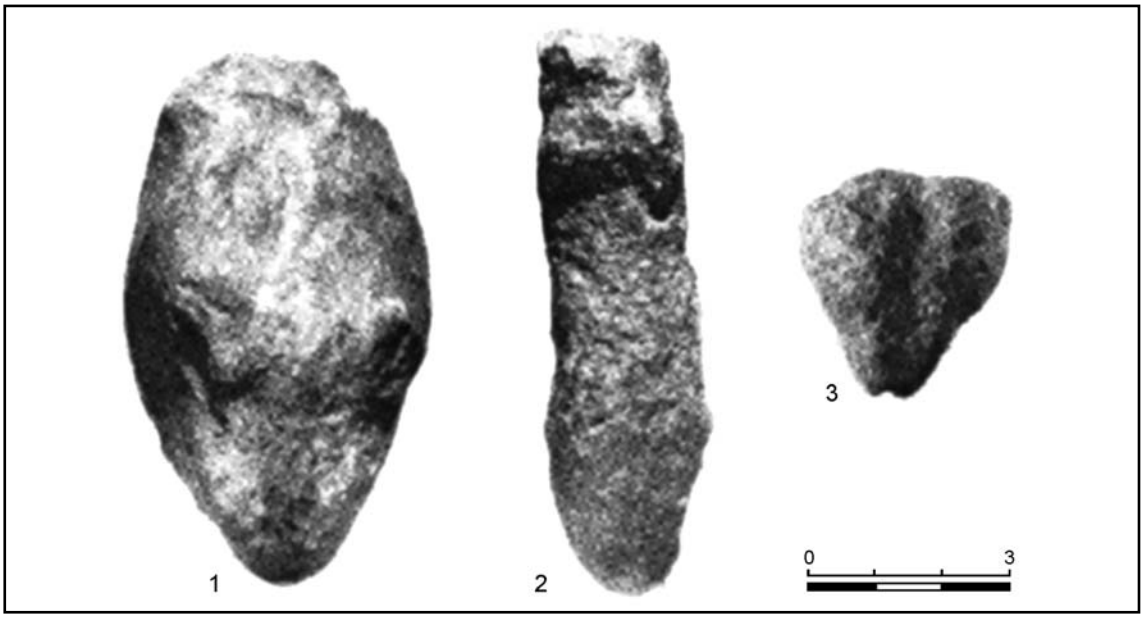

Рис. 2. Глиняные статуэтки из Матвеева Кургана (по Крижевская 1983: рис. 3): 1 — изображение женщины; 2 — голова животного; 3 — фрагмент статуэтки с изображением ног.

Fig. 2. Clay statuettes from the Matveev Kurgan Settlements (after Крижевская 1983: рис. 3): 1 — female image; 2 — head of the animal; 3 — fragment of a figurine with the representation of legs.

ным в связи с анализом ритуального захоронения на поселении Матвеев Курган 2 затронуть также более общие проблемы, в частности, выявить исторические корни нижнедонского-приазовского неолита, проследить пути проникновения сюда доместицированных животных, обозначить своеобразие неолитизации данного региона.

«Загадка» культового захоронения

По описаниям Л. Я. Крижевской, на одном из участков поверхности поселения Матвеев Курган 2, в очажной ямке размером 1×0,6×0,15 м, была захоронена часть черепа тура с одним рогом (Крижевская 1992: 28). Вокруг захоронения располагались остатки кострища с большим количеством бытовых отходов. Согласно определению В. И. Бибиковой, череп принадлежал очень крупной особи тура. Показательно, что среди фаунистических остатков поселения кости тура были единичны. По мнению Л. Я. Крижевской, добыча этого сильного и весьма опасного для охотника животного была большой редкостью (Крижевская 1992: 103). Вероятно, его сила, вероломство и непредсказуемость были основанием для культового почитания, что нашло отражение в характере захоронения *pars pro toto*, типичном для первобытного фетишизма. Не меньший интерес вызвал археологический контекст, сопровождающий этот культовый объект. В трех метрах от него было обнаружено **глинобитное** сооружение (выделено авторами) из двух останцов обожженной глины, абсолютно необычное для восточноевропейского неолита. Высота наибольшего останца составляла 0,47 м! Следует заметить, что на поселениях у Матвеева Кургана был многократно прослежен беспрецедентный для неолитических памятников северопонтийского региона характер использования глины. На Матвеевом Кургане 1 она применялась для обмазки внутренних и внешних стен жилища, пола, устьев очагов (Крижевская 1992: 13, 15, 16, 17). На поселении Матвеев Курган 2 были отмечены конструкции, напоминающие печи, яма с запасами строительной глины (Крижевская 1992: 24, 25). Среди находок, обнаруженных возле глинобитного сооружения, заслуживает внимание целый тщательно отшлифованный большой топор из аргиллита, который, по мнению Л. Я. Крижевской, также как и сооружение, находился в одном функционально-смысловом контексте с захоронением головы тура.

Семантика описанных выше объектов становится более понятной в свете находок на поселениях у Матвеева Кургана уникальных для азово-черноморского неолита статуэток из глины, две из которых — женские (рис. 2: 1, 3) а одна, как будто бы, передает голову кабана (рис. 2: 2) (Крижевская 1983: 62—63; Križevskaja 1981: 27). По мнению ис-

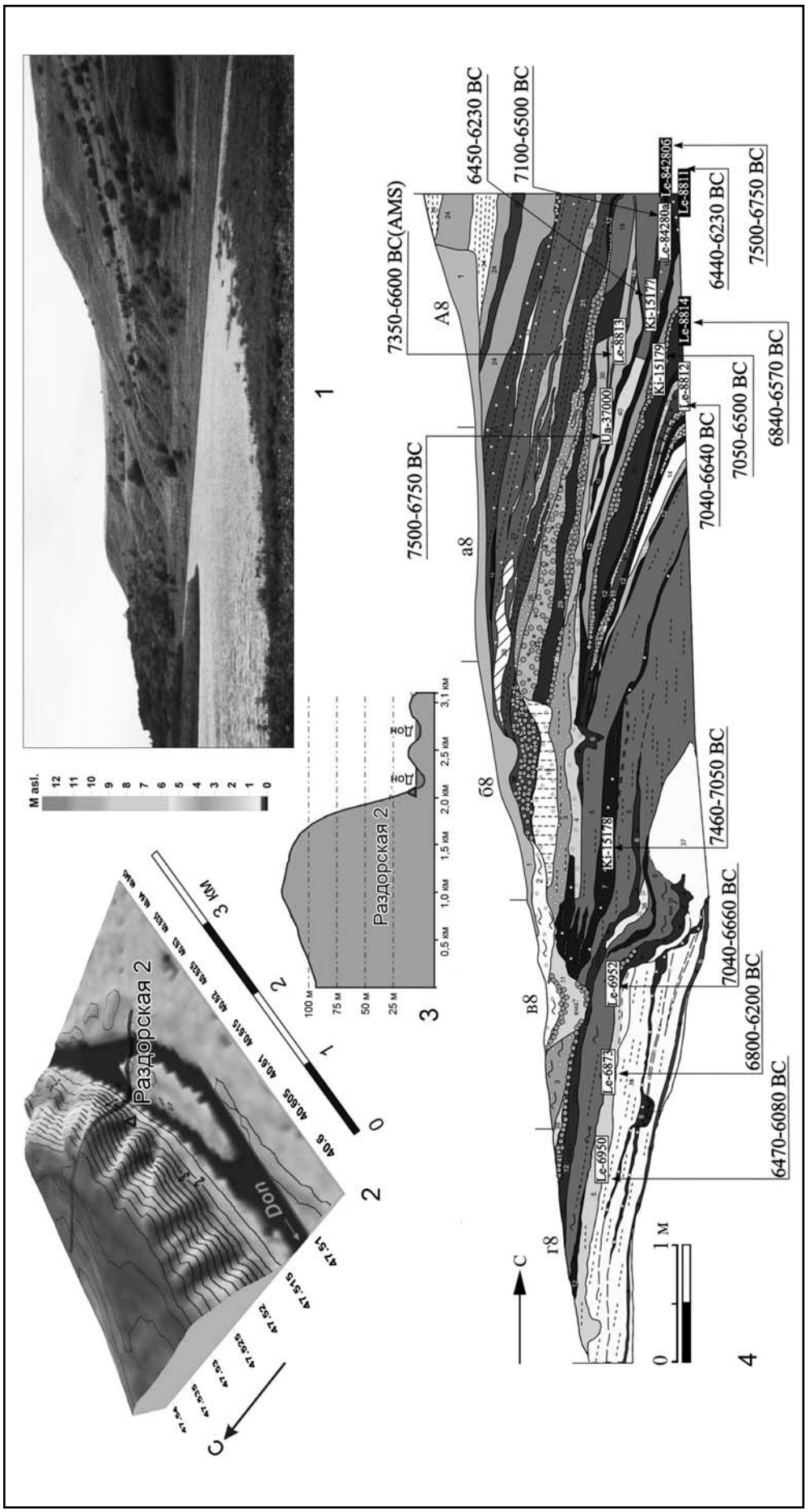

Рис. 3. Поселение Раздорская 2. Общий вид (1), топографический план (2) и профиль долины у места расположения памятника (3), разрез раскопа (4) (1, 4 — по Цыбрий 2010: рис. 4, 16; 2, 3 — по Aleksandrovsky et al. 2009: fig. 5; радиоуглеродные датировки по Цыбрий 2008: 92; 2010: 56; Aleksandrovsky et al. 2009: Table 4, 5).

Fig. 3. Settlement Razdorskaya 2. A view over the settlement (1), a topographic plan (2) and topographic profile (3) of the settlement, a profile of the excavation pit (4) (1, 4 — after Цыбрий 2010: рис. 4, 16; 2, 3 — after Aleksandrovsky et al. 2009: fig. 5; ^{14}C dating after Цыбрий 2008: 92; 2010: 56; Aleksandrovsky et al. 2009: Table 4, 5).

следовательницы, одно из изображений, лишенное головы, с ногами, сведенными на конус, изготовлено из тонкого глиняного стерженька, длиной 3,8 см (рис. 2: 1). Женская грудь у этой находки передана схематично, посредством рельефа, что указывает на половую принадлежность. На миниатюрном фрагменте (длиной 1,5 см) другой статуэтки изображены ноги, сведенные на конус (рис. 2: 3). Л.Я. Крижевская абсолютно справедливо обратилась к ближневосточным источникам в поиске параллелей некоторым феноменам, выявленным в Матвеевом Кургане. Она первой заметила, что характер утилизации глины на приазовских поселениях созвучен начальной, предшествующей изготовлению сосудов, фазе использования глины в Передней Азии, по Дениз Шмандт-Бессерат (Крижевская 1992: 91). В то же время, в итоге она отдала предпочтение версии независимого от ближневосточных источников развития неолитизации в причерноморских степях.

Сегодня возникновение нижнедонского неолита под влиянием импульсов из Передней Азии представляется более убедительной гипотезой. Она зиждется на многих аргументах. Если еще совсем недавно считалось, что даже на территории Европы имелось несколько центров первичной доместикации[2], то сегодня, главным образом, благодаря успехам палеогенетики, стало очевидно, что полученные данные все больше подкрепляют концепции, рассматривающие лишь зону Плодородного Полумесяца и соседние с ней регионы как центры доместикации (Cauvin 2000: 137; Zeder 2009: 1—63; Scheu 2012: 123; Geörg 2013: 119, 134). Поскольку центры первичной доместикации, релевантные для Европы, лежали в Передней Азии, возможно, в отдельных районах Кавказа, история неолитизации Европы, во многом, связана с поиском ответов на вопросы: когда, откуда и какими путями новая экономика, а вместе с нею и другие элементы неолитического пакета (Özdogan 2011: 28—30) проникали из Передней Азии в те или иные ее регионы?

Археологический контекст поселений у Матвеева Кургана оказался конгруэнтным, во многих отношениях, материалам ближневосточного неолита. Самая диагностичная и показательная его часть — это набор символов. Женское воплощение божества, зачастую в глиняной пластике, и бык — символ воинственного мужского начала, утвердившиеся в многообразной символике Леванта начиная с 9500 до н.э., в ходе «революции символов», стали, согласно концепции известного французского неолитоведа Жака Кове, идеологическим прологом неолитической революции (Cauvin 2000: 32). В период докерамического неолита B (PPNB), между 8600—7000 до н.э., в связи с массовым расселением носителей культуры неолита из их первичных очагов во вторичные, новые символы, транслируя воспринятые коллективным сознанием культурные ценности, прокладывали путь экономическим и социальным трансформациям. Поскольку не только женские статуэтки и различные изображения быка, но и многие обычные вещи были носителями новой символики, расселение носителей новых неолитических традиций сопровождалось распространением т.н. «неолитического пакета», включавшего, при всем региональном разнообразии комбинаций артефактов, как правило, полированные топоры. Мы исходим из того, что установленный на поселениях Матвеева Кургана набор, состоящий из женских глиняных статуэток, полированного топора, захоронения части быка, на фоне присутствия костей доместицированных животных, широкого использования глины как строительного материала и сырья для пластики, до начала массового производства глиняной посуды служат достаточными аргументами в пользу гипотезы о переднеазиатских источниках неолитизации в Приазовье.

Когда и какими путями неолитические традиции проникли в Нижнее Подонье и Приазовье? На эти вопросы помогают ответить данные многолетних исследований поселения Раздорская 2.

Характеристика исследований поселения Раздорская 2

Поселение Раздорская 2 (рис. 3) расположено между станицами Раздорская и Пухляковская на правом берегу Нижнего Дона, в 130 км от впадения реки в Азовское море, в 100 км к северу от Ростова-на-Дону (рис. 1). В окрестностях этого памятника были исследованы другие многослойные неолитические поселения, относящиеся к несколько более позднему времени: Ракушечный Яр (Белановская 1995) и Раздорское 1 (Кияшко 1987; 1984). Эти памятники были обнаружены в конце 1950-х годов местным краеведом Л.Т. Агарковым. Наиболее значимо поселение Ракушечный Яр, где была выявлена свита из 23 слоев неолита-энеолита и ранней

[2] Применительно к территории Украины, в наиболее парадоксальной форме идея местной доместикации целого ряда животных была недавно реанимирована Н. Котовой (2002: 77).

бронзы. Из них 19 неолитических слоев содержали, начиная с самых древних горизонтов, знаковые для неолита керамику и кости доместицированных животных (Белановская 1995). Неолитические слои были датированы по радиокарбону в рамках двух интервалов: более древнего — 7—6,5 тыс. лет до н. э. и более молодого — 6—5,5 тыс. лет до н. э. (Aleksandrovsky et al. 2009: 95—96).

В 1987 г. на поселении Раздорская 2 А. В. Кияшко, Н. С. Котова и Н. И. Ромащенко выявили размываемый культурный слой. В ходе последовавших раскопок поселения, которые уже в течение 13 лет ведутся под руководством В. В. и А. В. Цыбриев, было вскрыто 238 м² (Цыбрий 2008).

Поселение расположено на поверхности высокой поймы реки, на узком участке длиной около 70 м, который непосредственно примыкает к основанию высокой плиоценовой правобережной террасы Дона (рис. 3). Поселение образовалось вследствие аккумуляции многих культурных напластований, которые образовали здесь толщу свыше 2 м. Свита культурных наслоений перекрыта пачкой стерильных седиментов, состоящей из перемежающихся слоев песка и суглинка.

Культурные слои включают значительное количество раковин речных моллюсков, остатков терио- и ихтиофауны, угля, золы, прочих культурных отложений. Они залегают в седиментах аллювиально-делювиального характера, нижняя часть которых находится ниже современного уровня воды в реке. Это обстоятельство, а также значительные деформации, связанные, по всей видимости, с оползневыми, просадочными процессами, значительно усложнили условия археологического изучения памятника. Показательно, постседиментационное изменение угла наклона слоев в северной части поселения, лежащей у подошвы коренного берега. Наиболее полная и ясная картина стратиграфии поселения прослежена в его западной части, удаленной от реки (рис. 3: 4). Часть поселения, прилегающая к урезу воды в реке, менее выражена. Здесь не было компактных скоплений находок, а тонкая горизонтальная слоистость волнообразной формы, иловатые прослои, перемежаемые с песчаными, передают аллювиальный характер отложений.

Всего имеется 13 радиоуглеродных определений, выполненных в нескольких лабораториях для различных уровней свиты культурных напластований (рис. 4). Больше всего датировок получено для средней части свиты, изобилующей углистыми прослоями. Несколько дат получено для нижних слоев, а верх пачки датировать пока не удалось. Наиболее вероятное время возникновения памятника в пределах последней четверти VIII — первой четверти VII тыс. до н. э.. П. М. Долуханов считал возможным этот интервал даже сузить до 7200—7000 лет до н. э. (Aleksandrovsky et. al. 2009: 96).

При всей сложности стратиграфии памятника, удалось проследить функциональные зоны поселения, которые преемственно сохранялись на протяжении всей его истории. Так, на большем удалении от реки и ближе к подошве крутого склона, прослежены две чашевидные структуры, максимально насыщенные продуктами горения (рис. 5). Можно предположить, что это котлованы жилых сооружений. В них суглинистая поверхность пола маркировалась подсыпкой из раковин и следами обжига. Отмечены редкие столбовые ямки с остатками древесины в заполнении. В одном котловане прослежены очажные зоны. Они имели вид углисто-золистых масс с четкими границами, сопровождались находками камней. Скопления камней в одном из предполагаемых жилищ, по-видимому, связаны с остатками разрушенных очагов. В ряде случаев остатки рыб образовывали значительные по мощности скопления, в которых были встречены рыбьи скелеты в анатомическом порядке. Порой в таких скоплениях доминируют отдельные части рыб (плавники), что позволяет предположить наличие определенных мест по переработке улова. В прибрежной части поселения обнаружены около 50 ям (рис. 5). Они располагались полосой, возле уреза воды в реке, нередко прорезая друг друга. Ямы имели разные размеры: в диаметре 0,25—1,5 м, глубиной от 0,25 м до 1,2 м. Наиболее типичны ямы с подбоем с одной стороны или по окружности, диаметром 0,7 м и глубиной 1,2 м. Частыми находками в ямах были остатки рыб и раковины, каменные грузила и тяжелые камни, выступавшие, возможно, в роли якоря.

Хотя исследования поселения еще не завершены, количество находок, обнаруженных здесь, весьма внушительно. Всего выявлено около 53 000 артефактов, включая свыше 40 300 изделий из кремня, 10 700 из мягких пород камня, главным образом аргиллита и песчаника, включая 2000 законченных изделий, а также 1600 изделий из кости, 100 из керамики, 20 из створок моллюсков. В значительной коллекции костей животных и рыб, которая была частично определена Н. Бенеке, им были выявлены кости собаки, сайги, благородного

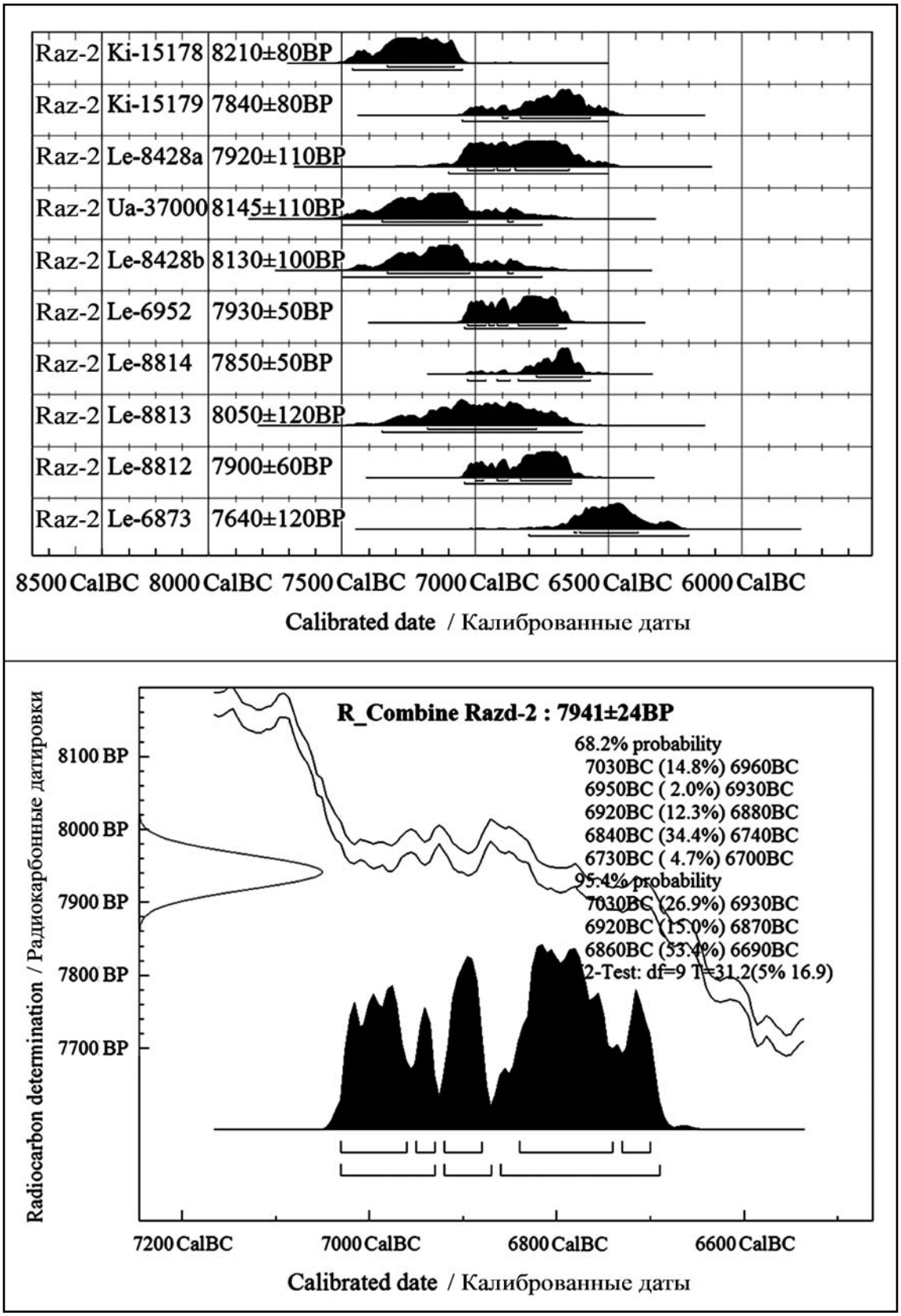

Рис. 4. Поселение Раздорская 2. Таблица и график радиокарбонных датировок с калиброванными значениями (данные по Цыбрий 2008: 92; 2010: 56; Aleksandrovsky et al. 2009: Table 4, 5).

Fig. 4. Settlement Razdorskaya 2: Radiocarbon dates with calibration and the scheme of frequencies of radiocarbon dates (data after Цыбрий 2008: 92; 2010: 56; Aleksandrovsky et al. 2009: Table 4, 5).

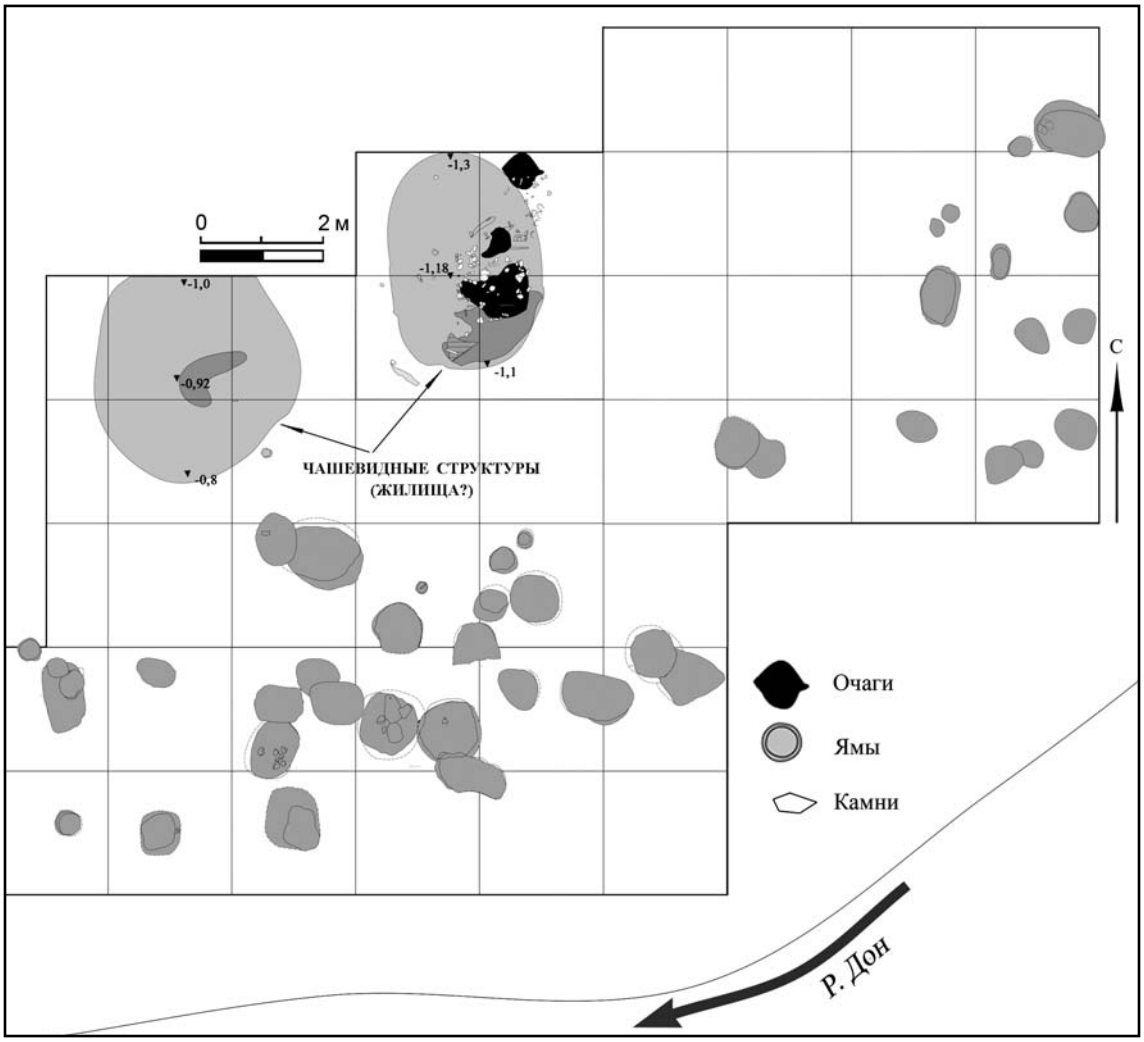

Рис. 5. Поселение Раздорская 2. Общий план раскопанной площади с основными объектами (по Цыбрий 2010: рис. 15).

Fig. 5. Settlement Razdorskaya 2: a general plan of the main features (after Цыбрий 2010: рис. 15).

оленя, косули, быка/зубра, лошади, свиньи, лисы, волка, куньих, бобра, черепахи, осетровых, карповых, сома, судака и щуки. За исключением собаки, по мнению автора определений, ни одна из костей животных не имела однозначных отчетливых следов морфологических изменений, связанных с доместикацией (Горелик и др. 2013, в печати).

Анализ каменной индустрии неолитического поселения Раздорская 2 показал, что она незначительно отличается от соответствующих материалов ранних неолитических слоев Ракушечного Яра и по ряду существенных признаков сходна с комплексами, удаленных от них на 150 км ранненеолитических поселений Матвеев Курган 1 и 2 (Цыбрий 2008: 57; Цыбрий и др. 2013). Раздорскую 2, с учетом датировки 7,2—7 тыс. лет до н. э., можно рассматривать в качестве древнейшей ступени в развитии ракушечноярского культурного феномена, еще не знакомой с производством глиняной посуды (Aleksandrovsky et. al. 2009: 89—98). Каменный инвентарь поселений Матвеев Курган 1 и 2 изготовлен с использованием традиций одного из ответвлений этого своеобразного культурного явления. Очень важными дополнительными индикаторами культурной близости указанных памятников являются приуроченность их к одной экологической нише (долинам рек бассейна Азовского моря) и эксплуатация сходного набора источников сырья. Показательно использование почти одинаковой хозяйственной стратегии, в которой, даже при наличии элементов производящей экономики, роль ее присваивающих форм, особенно, рыболовства, речного собирательства, охоты, оставалась решающей (Горелик и др. 2013, в печати).

Рассматриваемые поселения, с одной стороны, демонстрируют многие общие чер-

ты неолитического культурного феномена, с другой, выявляют его особенности, что может находить объяснение в их разновременности. Уже в материалах наиболее раннего поселения Раздорская 2 представлены такие черты «неолитического пакета», как отжимная технология получения правильных пластин, использование глины в качестве строительного и поделочного материала, богатейшая индустрия изделий из мягкого камня, с широким применением шлифования и сверления, наличие категории изделий символического значения, мало характерных для местного мезолита. В материалах последующей — матвеевокурганской, ступени раннего неолита Нижнего Подонья присутствуют существенные новшества — появление доместицированной фауны, первой глиняной посуды, сосудов из камня, антропоморфной глиняной пластики. Продолжается использование глины в качестве строительного материала. Неолитические слои Ракушечного Яра обращают на себя внимание появлением настоящей глиняной посуды, зачастую с орнаментацией.

Менее археологически выражен, но достаточно заметен, другой аспект неолитического образа жизни: усложнение, по сравнению с мезолитом и многими соседними мезонеолитическими культурами — донецкой, платовоставской (рис. 1), социальной организации. С нашей точки зрения, это проявилось в сохранении на протяжении многих столетий мало изменяемого уклада жизни, с ритмическим повторением одного и того же хозяйственного цикла, с контролем и использованием одних и тех же территорий. Свидетельством тому стал феномен многослойных поселений (своего рода нижнедонских «теллей») таких как Ракушечный Яр, Раздорская 2, Раздорская 1 и др., сосредоточенных на ограниченном отрезке течения Нижнего Дона, с их функционально своеобразным характером (Горелик и др. 2013).

В поисках источников импульса неолитизации

Отсутствие на территории юга Восточной Европы большинства природных предпосылок, необходимых для процесса доместикации, вынуждает нас искать его источники на других территориях. Можно предположить, что передача доместикатов, зафиксированных на Нижнем Дону на рубеже VII—VI тыс. до н. э. (cal. BC), могла сопровождаться другими элементами «неолитического пакета». Поскольку наиболее реальными путями передачи импульсов неолитизации из Передней Азии считаются Балканы, с одной стороны, а с другой, Кавказ, рассмотрим обоснованность каждой из этих точек зрения.

По мнению сторонников концепции формирования неолита Нижнего Подонья под влиянием гребенниковской мезолитической культуры (Крижевская 1992: 115), а также импульсов со стороны балканского неолита (Зализняк, Панченко 2007: 7), в пользу этой версии говорит сходство техники расщепления кремня, типологии геометрических микролитов, а также адекватное этой концепции хронологическое соотношение рассматриваемых культурных явлений. Нам представляется, что черты сходства наборов трапеций из Гребенников и ранних памятников буго-днестровской культуры, с одной стороны, и ранненеолитических комплексов Нижнего Подонья, с другой, имеют самый общий характер. Лишь несколько высоких трапеций с отчетливой асимметрией в инвентаре матвеевокурганских поселений могут более или менее определенно указывать на возможные взаимосвязи с каменными индустриями Северо-Западного Причерноморья (Wechler 2001: 238). Это культуры, противоположные по своей экономической модели (с одной стороны, мобильные степные охотники, с другой, оседлые рыболовы с вспомогательной ролью охоты), использующие во многом разные технологии обработки кремня. В Гребенниках (Мирном) индустрия нацелена на производство, помимо среднеширокихпластинок, микролитических вкладышей для оснащения костяных пазовых наконечников (Нужный 1992: 113). Трапеции здесь изготовлены иногда с помощью микрорезцовой техники (Нужный 1992: 82). В раннем неолите Нижнего Дона микрорезцовая техника не известна, микропластинки с притупленным краем, а также пазовые костяные наконечники отсутствуют; в качестве универсального орудия и заготовки использовалась среднеширокая пластина, а для охоты, помимо стрел с наконечниками из геометрических микролитов, использовались остроги из рога и кости, а также костяные наконечники веретенообразной формы. Гребенниковская культура была не знакома с индустрией сланца (аргиллита), игравшего в неолите Нижнего Дона такую заметную роль. С учетом того, что самые ранние ступени нижнедонского неолита датированы концом VIII тыс. до н. э. (cal. BC), а появление неолитических поселений с аграрной экономикой на Балканах относится лишь ко второй половине VII тыс. до н. э. (Krauß 2011: 121—122), трансляция начальных импульсов неолитизации с Балкан в Нижнее Подонье представляется невозможной. По-видимому, влияние

других центров ранней неолитизации для этого региона было более существенным.

Мы обратили внимание на то, что ранний неолит Нижнего Дона, который во многих отношениях мало чем принципиально отличается от более или менее синхронных культур юга Восточной Европы (Телегін 1981: 17), отмечен некоторыми чертами, которые выделяют его из круга неолита Восточноевропейского региона и сближают с памятниками Кавказа и Передней Азии. Остановимся на характеристике этих черт.

Использование глины до производства керамической посуды

В многочисленных материалах самого раннего неолитического поселения Нижнего Дона, Раздорская 2, керамическая посуда отсутствовала. Вопрос о том, изготовляли ли глиняную посуду обитатели поселений Матвеев Курган 1 и 2, нуждается в дополнительном изучении. Настораживает, что на матвеевокурганских памятниках фрагменты керамики были неорнаментированы, отсутствовали наиболее диагностичные части сосудов — венчики, донца (Крижевская 1992: 85, 86). Вместе с тем, в Раздорской 2, как и в матвеевокурганских поселениях, глина находила широкое применение. Сохранились фрагменты обмазки с отпечатками прутьев (рис. 6: 6—9), глина использовалась для обмазки полов, устьев очагов. Поделки из глины, обнаруженные в Раздорской 2 (рис. 6: 1—5), говорят об органичности присутствия глиняной пластики в ранненеолитических материалах Нижнего Подонья. Рассмотрим несколько наиболее ярких образцов, демонстрирующих это явление. Заслуживает внимания изделие из плохо обожженной глины, продолговатой формы, орнаментированное с двух сторон прочерченными геометрическими композициями в виде заштрихованных треугольных фестонов, дополненными, с одной стороны, спускающейся посередине дорожкой из густо посаженных наколов треугольной формы (рис. 6: 1). Можно высказывать разные мнения по поводу семантики этого изображения. Ее прочтению отчасти мешает позднее повреждение, косо срезающее один из концов. Возможно, что сохранившаяся, линзовидная в профиле, часть оконечности этого изделия с поперечным контуром в виде четырехчастного разновеликого зигзага передает очертание головы животного (из семейства кошачьих?) с выступающими заостренными ушками и легкой выпуклостью макушки.

Еще одна поделка из обожженной глины с орнаментацией имеет размеры 2,5 × 1,2 × 0,8 см, подпрямоугольную форму, скругленные концы, уплощена в сечении (рис. 6: 3). С одной стороны эта фигурка испещрена многочисленными, параллельно расположенными короткими скобковидными рисками, скомпонованными в «дорожку», пересекающую изделие по диагонали. Риски нанесены тонким острым инструментом (видимо, уголком кремневой пластины). С противоположной стороны нанесен дублированный зигзаг из параллельно прочерченных линий. Мотив лесенки, состоящей из слегка скошенно прочерченных рисок, отмечен на торце изделия.

Интерес представляет керамический стерженек с закругленными концами, круглый в поперечном сечении, размерами 4,4 × 1,3 × 1,2 см (рис. 6: 4). Одна его оконечность несколько у́же другой и фланкирована едва заметным поперечным кольцевым желобком, возможно, использованным для крепления изделия в перевязи. Поверхность поделки неровная, слабобугристая, иногда, с отпечатками пальцев. По сырой глине были нанесены четыре компактно расположенных накола.

Еще более загадочны по назначению шарики из плохо обожженной глины. Известно около 50 таких керамических шариков, которые изготовлены с разной степенью тщательности и варьируют по размерам (рис. 7). Имеются образцы с заглаженной поверхностью правильной сферической формы, а также изделия с разной степенью отклонения от нее. Большинство из них имеет в поперечнике 1,1—1,4 см, наиболее крупные достигают 2,2 см, наиболее мелкие менее 1 см. На восьми шариках отмечены ногтевидные вдавления, оттиски, вероятно, нанесенные тонким прутиком, а также бороздки (рис. 7: 4, 7, 9—11, 17), которые очень похожи на бороздки на глиняных шариках из переднеазиатского неолитического поселения Джармо (Braidwood et al. 1983: fig. 169: 1—3, 6—8). В литературе высказаны различные мнения об использовании этих изделий. Одни авторы полагают, что они применялись для удобства счета (Schmand-Besserat 1992: 195), другие считают возможным их применение для оснащения пращи или использование в качестве игрушки (Morales 1983: 389), также было высказано мнение о хотя бы частичном использовании шариков в качестве мобильных подставок для сосудов, разогреваемых на костре (Hamilton 1996: 232).

Помимо шариков, в культурном слое были обнаружены глиняные «лепешечки» (4 экз.),

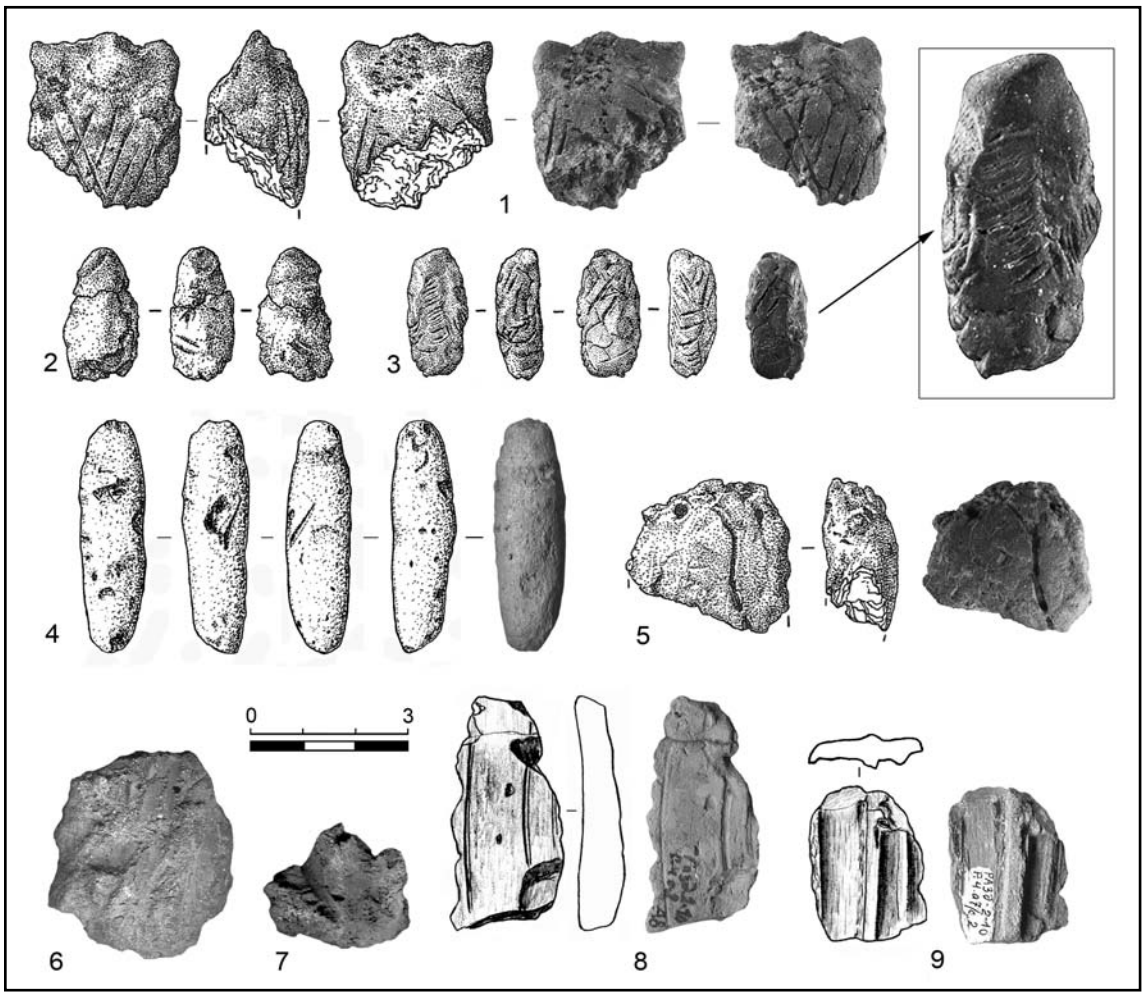

Рис. 6. Поселение Раздорская 2: 1—5 — поделки из глины; 6—9 — фрагменты обмазки (по Цыбрий 2010: рис. 36).

Fig. 6. Settlement Razdorskaya 2: 1—5 — clay plastic; 6—9 — clay plasters fragments (after Цыбрий 2010: рис. 36).

не имеющие устойчивой формы, с грубой, неровной, иногда растрескавшейся поверхностью (рис. 6: 5). На двух экземплярах встречены наколы подтреугольной формы. Их тесто рыхлое, комковатое, иногда со следами выгоревшей травы.

Характер использования глины, отмеченный на поселениях раннего неолита в Нижнем Подонье, не имеет аналогий в неолите юга Восточной Европы. Лишь отдельные его элементы были установлены при изучении неолитических памятников Кавказа. Например, с ранненеолитических поселений Западного Кавказа — Анасеули 1, Хорши, Чхортоли, происходят фрагменты глиняной обмазки, которая применялась в жилых конструкциях с использованием плетней (wattle and daub) (Кушнарева 1993: 25). Симптоматично отсутствие керамической посуды на указанных поселениях. При всем региональном и культурном многообразии кавказского неолита, существенной его чертой является отсутствие в материалах наиболее ранних поселений следов керамического производства (Небиеридзе 1972: 110; Гогитидзе 1978: 130; Бжания 1996: 75; Кушнарева 1993: 26; Kiguradze, Menabde 2004: 349—350). Глиняная антропоморфная и зооморфная пластика появляется на Кавказе в VI тыс. до н. э., позднее, чем на Нижнем Дону. Довольно разнообразный набор антропоморфных и зооморфных статуэток из глины отмечен в материалах культуры Шулаверi-Шомутепе, для ранних ступеней которой керамическое производство не было характерным (Kiguradze, Menabde 2004: 360; Arimura et al. 2010: 81). Однако, в женской глиняной пластике этой культуры имеется мало сходных черт с женскими статуэтками из Матвеева Кургана.

Если на Кавказе отмечены лишь отдельные элементы керамического комплекса раннего нижнедонского неолита, то в неолите Передней Азии эти черты представлены в полном наборе. В период докерамического неоли-

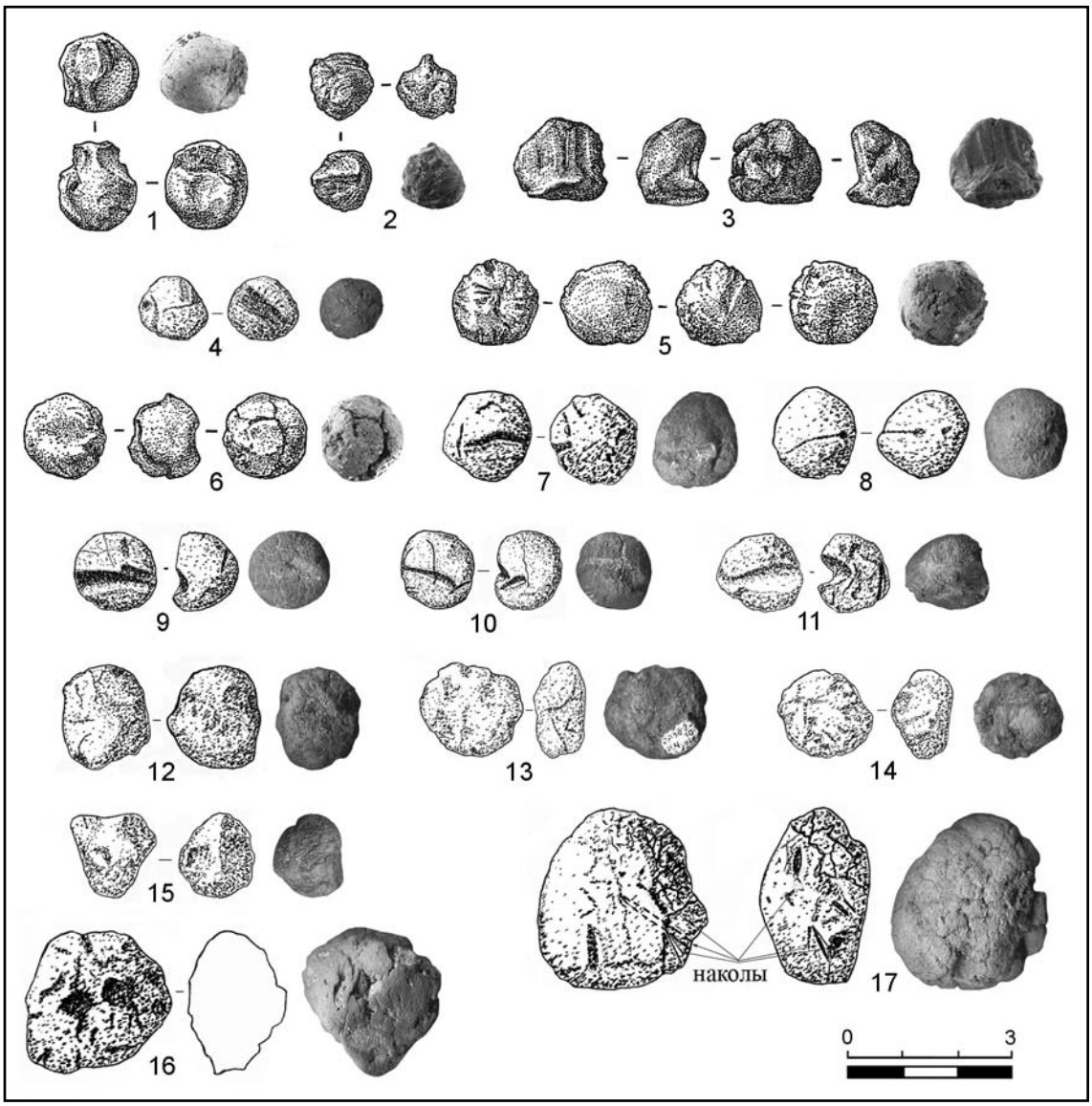

Рис. 7. Поселение Раздорская 2: 1—17 — шарики из глины (по Цыбрий 2010: рис. 37).

Fig. 7. Settlement Razdorskaya 2: 1—17 — clay pellets (after Цыбрий 2010: рис. 37).

та (PPNA и PPNB) в различных регионах переднеазиатского неолита — на территории Загроса, Леванта, в Анатолии, Месопотамии, Иране — в инвентаре поселений появляются изготовленные из глины антропоморфные и зооморфные статуэтки, мелкие поделки геометрической формы, фрагменты обмазки и т. п. (Kozlowski, Aurenche 2005: 27—31; Thissen 2007: 218—219). Согласно С. Козловскому и О. Ауренче, которые картографировали эти артефакты для различных периодов неолита (рис. 8), в докерамическом неолите Загроса, в особенности, наблюдается необъяснимая концентрация статуэток и шариков (Kozlowski, Aurenche 2005: 27, 30—31).

Использование мягких пород камня

Ни в одной из неолитических культур Юга Восточной Европы, за исключением сурской культуры в бассейне Нижнего Днепра (Даниленко 1969; Wechler 2001), мягкие породы камня (аргиллит, тальк, хлорит, песчаник) не играли такой существенной роли, как в рассматриваемой группе ранненеолитических поселений Нижнего Подонья. Преимущественно из аргиллита были изготовлены топоры, тесла, долота (стамески), грузила, утюжки, подвески и многое другое (рис. 9). Особенно богатый и разнообразный набор этих форм, сопровождавшийся отходами соответству-

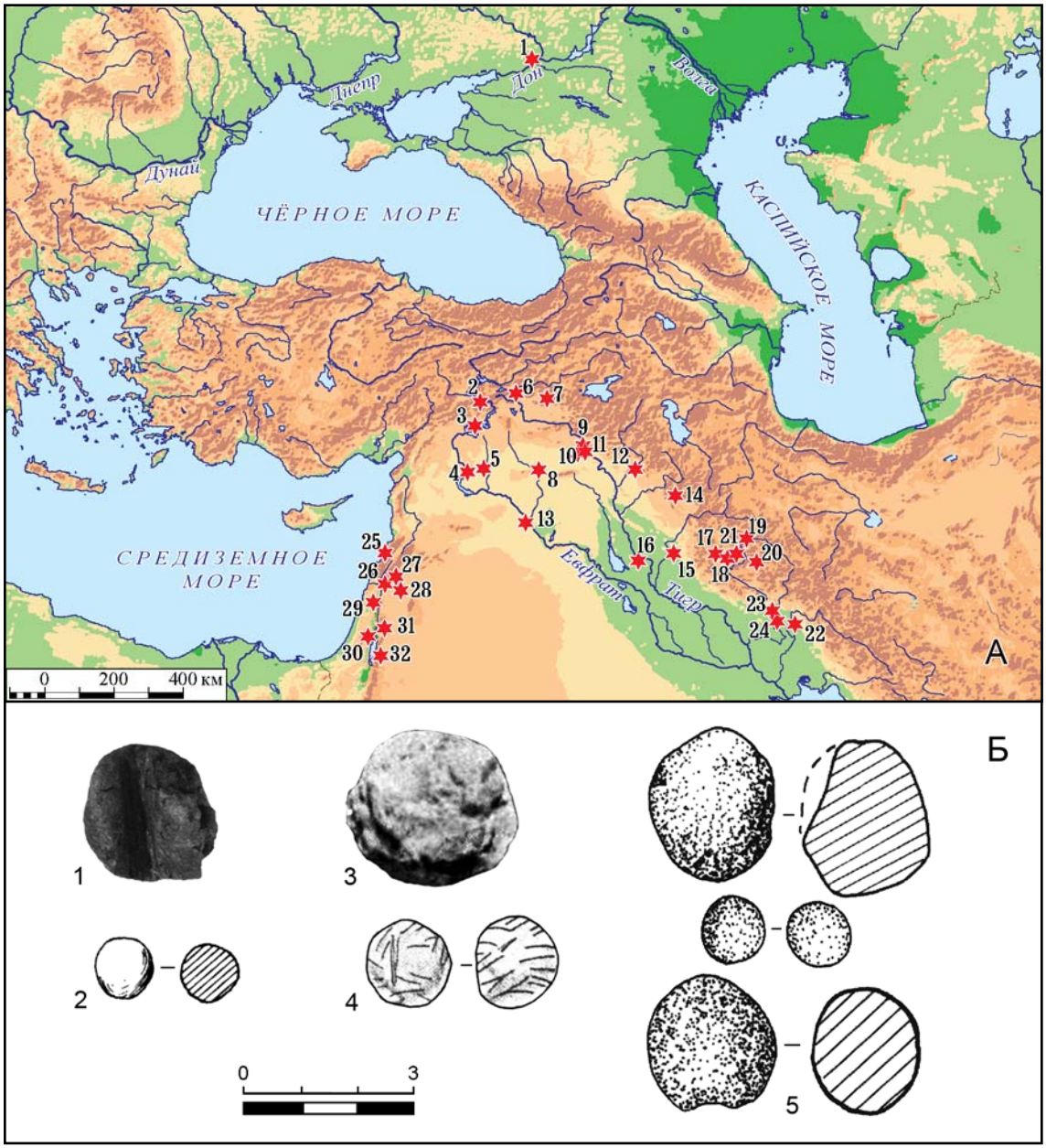

Рис. 8. Распространение неолитических памятников с находками глиняных шариков (данные по Kozlowski, Aurenche 2005).
Карта (А): 1 — Раздорская 2; 2 — Кафер; 3 — Гритилле; 4 — Лерф-эль-Ахмар; 5 — Саби-Абьяд I, II; 6 — Чайёню; 7 — Сумаки-Хёюк; 8 — Кашкашок; 9 — Немрик; 10 — Мазгалия; 11 — Талатат; 12 — Млефаат; 13 — Букрас; 14 — Джармо; 15 — Сонгор А; 16 — Савван; 17 — Сараб; 18 — Асиаб; 19 — Сех-Габи; 20 — Гандж-Дарех; 21 — Абдул-Хоссейн; 22 — Туладж; 23 — Чога-Сефид; 24 — Али-Кош; 25 — Библ; 26 — Рамад; 27 — Горайфе; 28 — Асвад; 29 — Мунхата; 30 — Иерихон; 31 — Айн-Газай; 32 — Эс-Сиффия.
Рисунки (Б): 1 — Сумаки-Хёюк (Erim-Özdoğan 2011); 2 — Млефаат (Kozlowski, Aurenche 2005); 3 — Магзалия (Бадер 1989); 4 — Джармо (Kozlowski, Aurenche 2005); 5 — Немрик (Kozlowski, Aurenche 2005).

Fig. 8. The distribution of the main Neolithic sites with clay pellets tokens (data after Kozlowski, Aurenche 2005).
Map (A): 1 — Razdorskaya 2; 2 — Cafer; 3 — Gritille; 4 — Lerf el Ahmar; 5 — Sabi Abyad I, II; 6 — Çayönü; 7 — Sumaki Höyük; 8 — Kashkashok; 9 — Nemrik; 10 — Mazgalia; 11 — Thalathat; 12 — M'lefaat; 13 — Buqras; 14 — Jarmo; 15 — Songor A; 16 — Sawwan; 17 — Sarab; 18 — Asiab; 19 — Seh Gabi; 20 — Ganj Dareh; 21 — Abdul Hossein; 22 — Tula'j; 23 — Choga Sefid; 24 — Ali Kosh; 25 — Byblos; 26 — Ramad; 27 — Ghoraife; 28 — Aswad; 29 — Munhata; 30 — Jericho; 31 — Ain Ghazai; 32 — Es-Siffiyah.
Drawings (Б): 1 — Sumaki Höyük (Erim-Özdoğan 2011); 2 — M'lefaat (Kozlowski, Aurenche 2005); 3 — Magzalia (Бадер 1989); 4 — Jarmo (Kozlowski, Aurenche 2005); 5 — Nemrik (Kozlowski, Aurenche 2005).

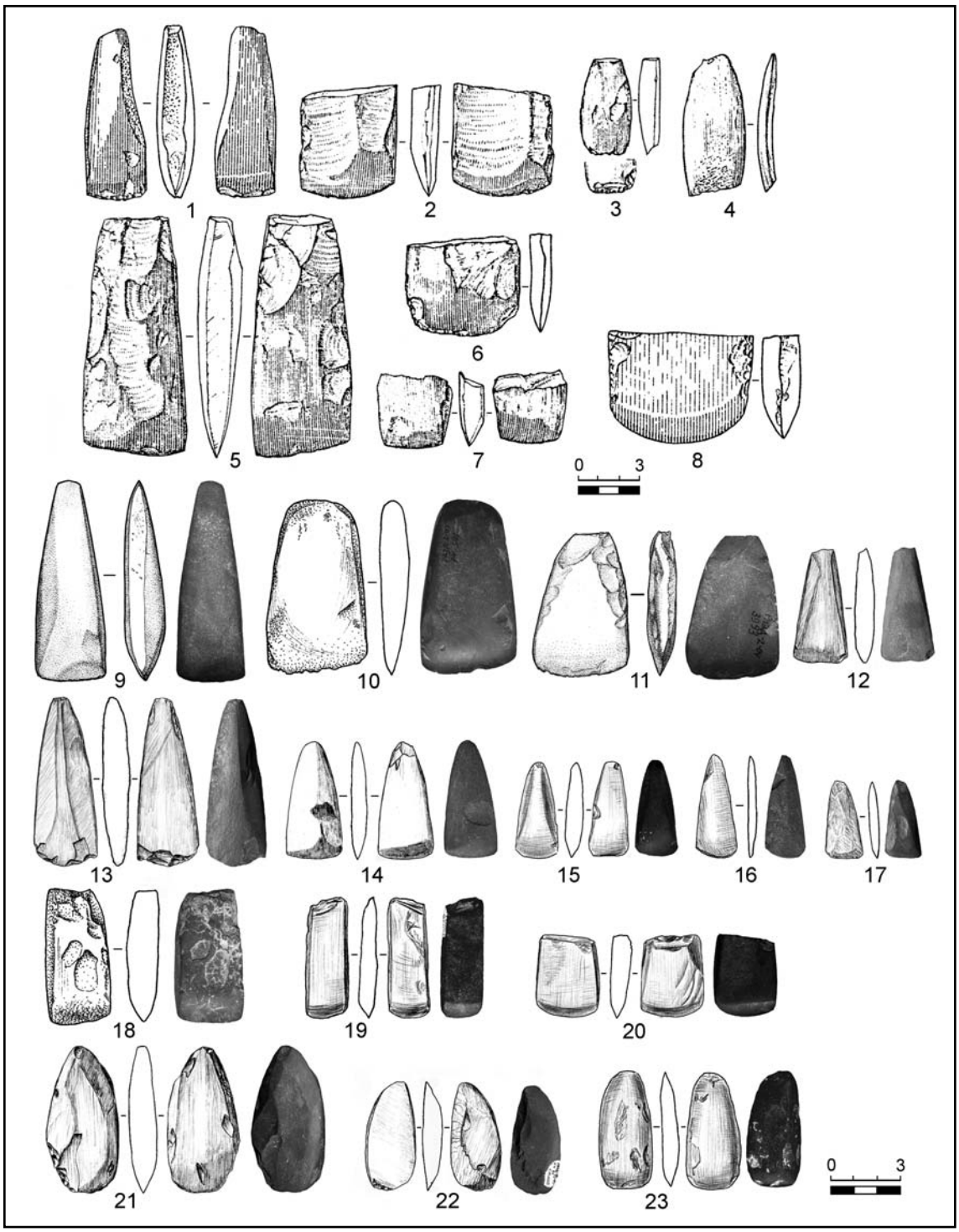

Рис. 9. Тесла и топоры из мягкого камня: 1—8 — поселения Матвеев Курган; 9—23 — Раздорская 2 (1—8 — по Крижевская 1991: рис. 28; 9—23 — по Цыбрий 2010: рис. 28).

Fig. 9. Ground stone axes and adzes: 1—8 — settlements near Matveev Kurgan; 9—23 — Razdorskaya 2 (1—8 — after Крижевская 1991: рис. 28; 9—23 — after Цыбрий 2010: рис. 28).

ющего производства, представлен в материалах поселения Раздорская 2 (Цыбрий 2008: 30—31, рис. 44, 45). Мы склонны думать, что выбор аргиллита, наряду с кремнем, был продиктован, не только наличием доступных видов каменного сырья вблизи поселений, но и определенной культурной традицией. Иначе трудно объяснить присутствие в бассейне Нижнего Дона памятников других неолитических культур (донецкой, платовоставской), где каменным сырьем служил, почти исключительно, кремень или кварцит

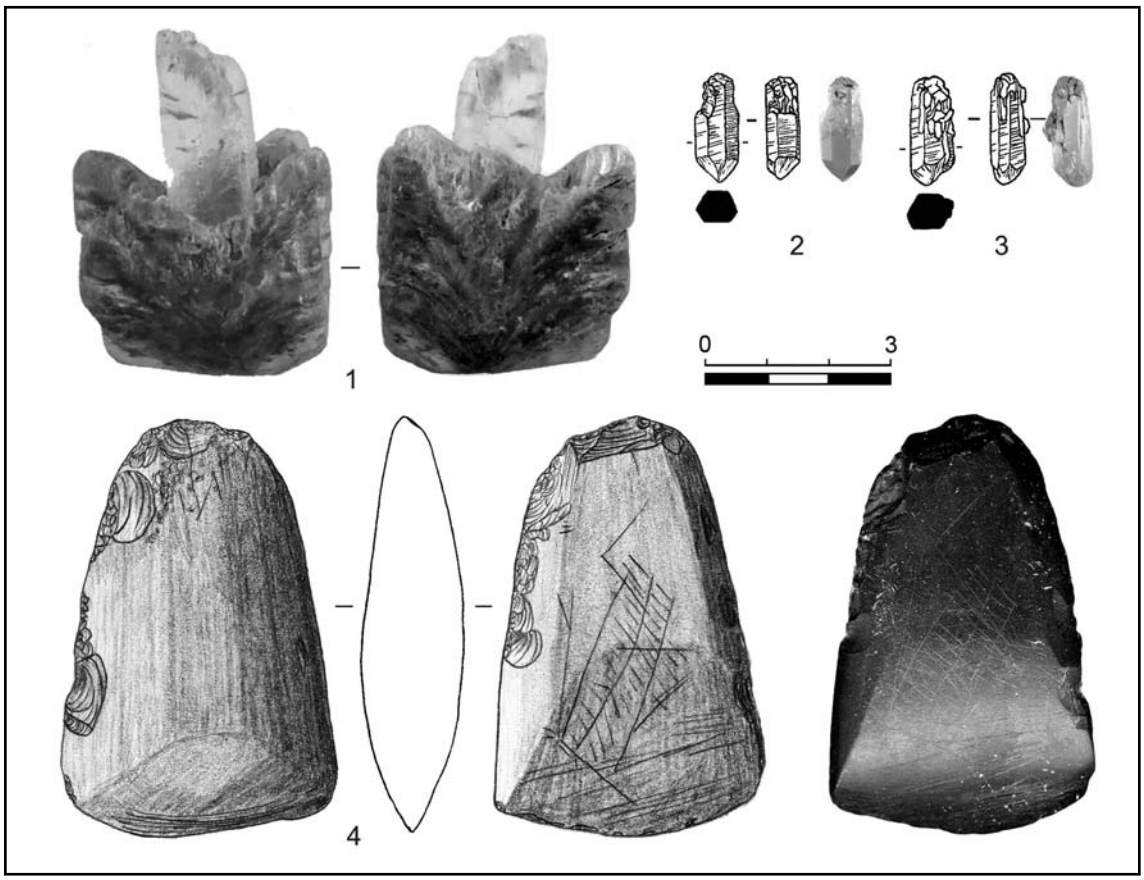

Рис. 10. Поселение Раздорская 2: 1 — топорик из друзы глинистого сланца; 2, 3 — подвески из горного хрусталя; 4 — граффити на топорике (по Цыбрий 2010: рис. 38, 39).

Fig. 10. Settlement Razdorskaya 2: 1 — small axe made of schist with a rock crystal; 2, 3 — pendants made of rock crystal; 4 — graffiti on the axe (after Цыбрий 2010: рис. 38, 39).

(Цыбрий, Цыбрий 2003: 281—298; Цыбрий 2008: 17—19, 36—39). Использование аргиллита, главным образом, для производства полированных топоров, тесел, долот и стамесок, было отмечено во многих неолитических памятниках Кавказа. Показательно присутствие этих орудий в ограниченном количестве (до 8 экз.) в материалах акерамических стоянок Причерноморской части Кавказа — Анасеули 1, Хорши и Хупынипшахва, а также поселений неолита с керамикой — Нижняя Шиловка, Одиши, Кистрик, Гурианта, Мамати, Махвилаури и Анасеули 2 (Небиеридзе 1972; Гогитидзе 1978; Формозов 1962; Бжания 1996). Вместе с тем, памятники Кавказа не могут сравниться ни по количеству (в Раздорской 2439 изделий, в Матвеевом Кургане — 31), ни по разнообразию типов топоров, тесел, долот (стамесок), с рассматриваемыми неолитическими комплексами Нижнего Дона (рис. 9). Выше мы уже отмечали символический статус полированного топора в поселениях Матвеева Кургана. В Раздорской 2, также имеются предметы, указывающие на символическое значение тесла-топора. Так, совершенно уникальна небольшая подвеска плоской, пришлифованной по лезвию с двух сторон топоровидной формы (рис. 10: 1). Она изготовлена из друзы глинистого сланца с выросшим из нее крупным кристалом горного хрусталя. Последний мог символизировать рукоять орудия. Сравнительно высокое статусное значение кристаллов горного хрусталя у жителей поселения подчеркивается наличием подвесок-украшений, из кристаллов значительно меньшей величины (рис. 10: 2, 3). На некоторых топорах были нанесены граффити (рис. 10: 4), что служит индикатором их особой роли, потому что на прочих изделиях из аргиллита граффити были чрезвычайно редки.

Сопоставимое с ранним неолитом Нижнего Подонья широкое использование типологически разнообразных рубяще-долбящих изделий, выполненных из мягких пород камня, мы находим в докерамическом и керамическом неолите Ближнего Востока (рис. 11). Плоские, подпрямоугольные в поперечном

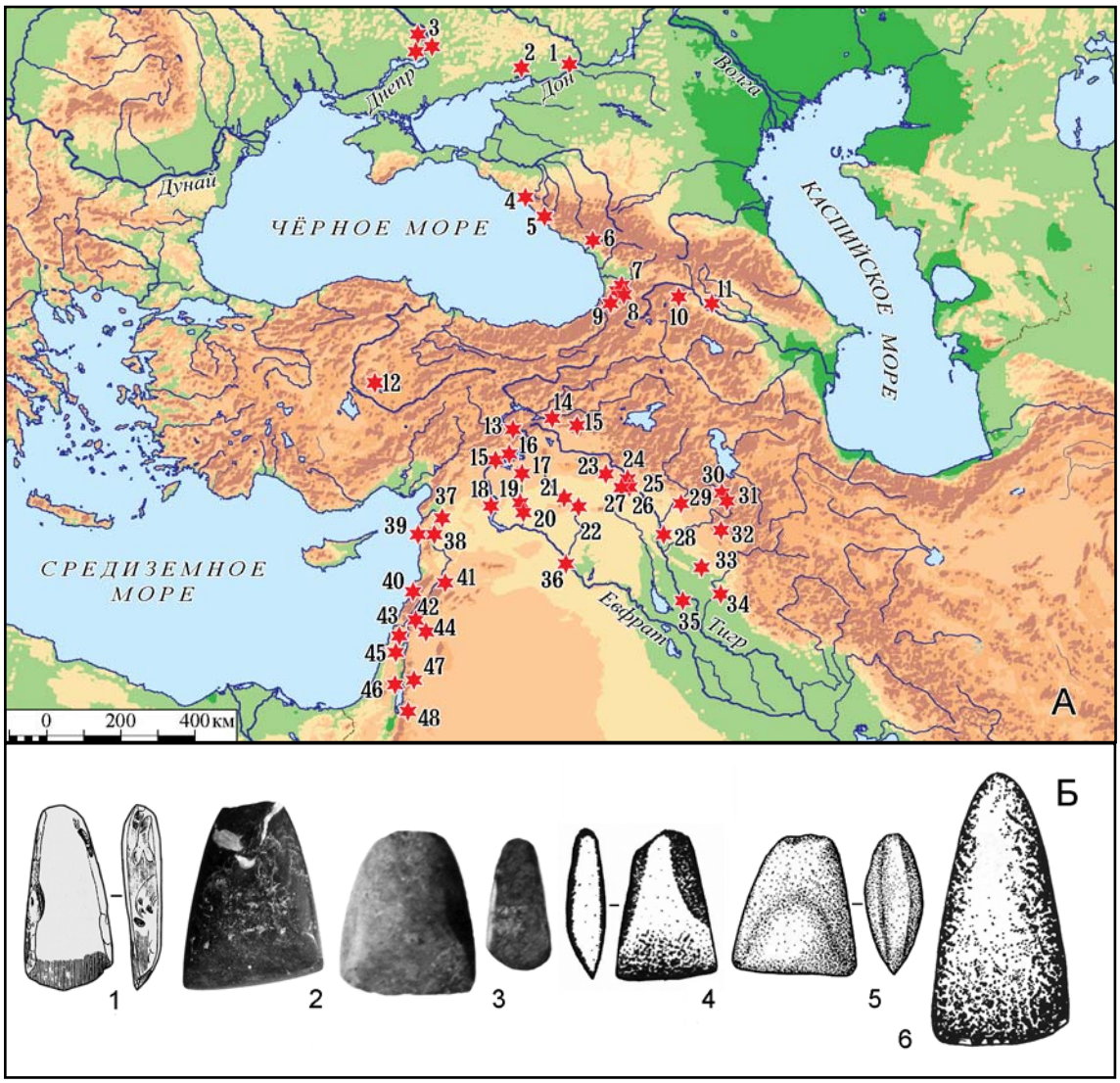

Рис. 11. Распространение неолитических памятников с большим количеством топоров/тесел из мягких пород камня (данные по Kozlowski, Aurenche 2005).
Карта (А): 1 — Ракушечный Яр, Раздорская 2; 2 — Матвеев Курган; 3 — памятники сурской культуры; 4 — Новая Шиловка; 5 — Кистрик; 6 — Одиши; 7 — Мамати; 8 — Анасеули 1, 2; 9 — Михвилаури; 10 — Шулаверисгора; 11 — Шомутепе; 12 — Ашикли; 12 — Кафер; 13 — Чайёню; 14 — Сумаки-Хоюк; 15 — Левзин; 16 — Невали-Чори; 17 — Гёбекли-Тепе; 18 — Халула; 19 — Саби-Абьяд I, II; 20 — Ассуад; 21 — Фейда; 22 — Кашкашок; 23 — Чагар-Базар; 24 — Немрик; 25 — Кул; 26 — Сотто; 27 — Магзалия; 28 — Хассуна; 29 — Млефаат; 30 — Банахилк; 31 — Зави Чеми Шанидар; 32 — Джармо; 33 — Матарра; 34 — Сонгор А; 35 — Савван; 36 — Буграс; 37 — Джудайда; 38 — Керх; 39 — Рас-Шамра; 40 — Библ; 41 — Лабуэ; 42 — Рамад; 43 — Бейсамун; 44 — Асвад; 45 — Мунхата; 46 — Иерихон; 47 — Эль-Хиам; 48 — Эс-Сиффия.
Рисунки (Б): 1 — Анасеули (Небиеридзе 1972); 2 — Гёбекли-Тепе (Lichter 2007, Kat. N178); 3 — Чайёню (Erim-Özdoğan 2011); 4 — Букрас (Kozlowski, Aurenche 2005); 5 — Джармо (Braidwood et al. 1983); 6 — Немрик (Mazurowski 1997).

Fig. 11. The distribution of the main Neolithic sites with many ground stone celts and adzes in collection (data after Kozlowski, Aurenche 2005).
Map (A): 1 — Rakushechnyi Yar, Razdorskaia 2; 2 — Matveev Kurgan; 3 — settlements of Surskaya culture; 4 — Novaya Shilovka; 5 — Kistrik; 6 — Odishi; 7 — Mamati; 8 — Anaseuli 1, 2; 9 — Mihwilauri; 10 — Shulaverisgora; 11 — Shomutepe; 12 — Aşikli; 12 — Cafer; 13 — Çayönü; 14 — Sumaki Höyök; 15 — Levzin; 16 — Nevali Çori; 17 — Göbekli Tepe; 18 — Halula; 19 — Sabi Abyad I, II; 20 — Assouad; 21 — Feyda; 22 — Kashkashok; 23 — Chagar Bazar; 24 — Nemrik; 25 — Kul; 26 — Sotto; 27 — Magzalia; 28 — Hassuna; 29 — M'lefaat; 30 — Banahilk; 31 — Zawi Chemi Shanidar; 32 — Jarmo; 33 — Matarrah; 34 — Songor A; 35 — Sawwan; 36 — Buqras; 37 — Judaidah; 38 — Kerkh; 39 — Ras Shamra; 40 — Byblos; 41 — Labweh; 42 — Ramad; 43 — Beisamun; 44 — Aswad; 45 — Munhata; 46 — Jericho; 47 — El-Khiam; 48 — Es-Siffiyah.
Drawings (Б): 1 — Anaseuli (Небиеридзе 1972); 2 — Göbekli Tepe (Lichter 2007, Kat. N178); 3 — Çayönü (Erim-Özdoğan 2011); 4 — Buqras (Kozlowski, Aurenche 2005); 5 — Jarmo (Braidwood et al. 1983); 6 — Nemrik (Mazurowski 1997).

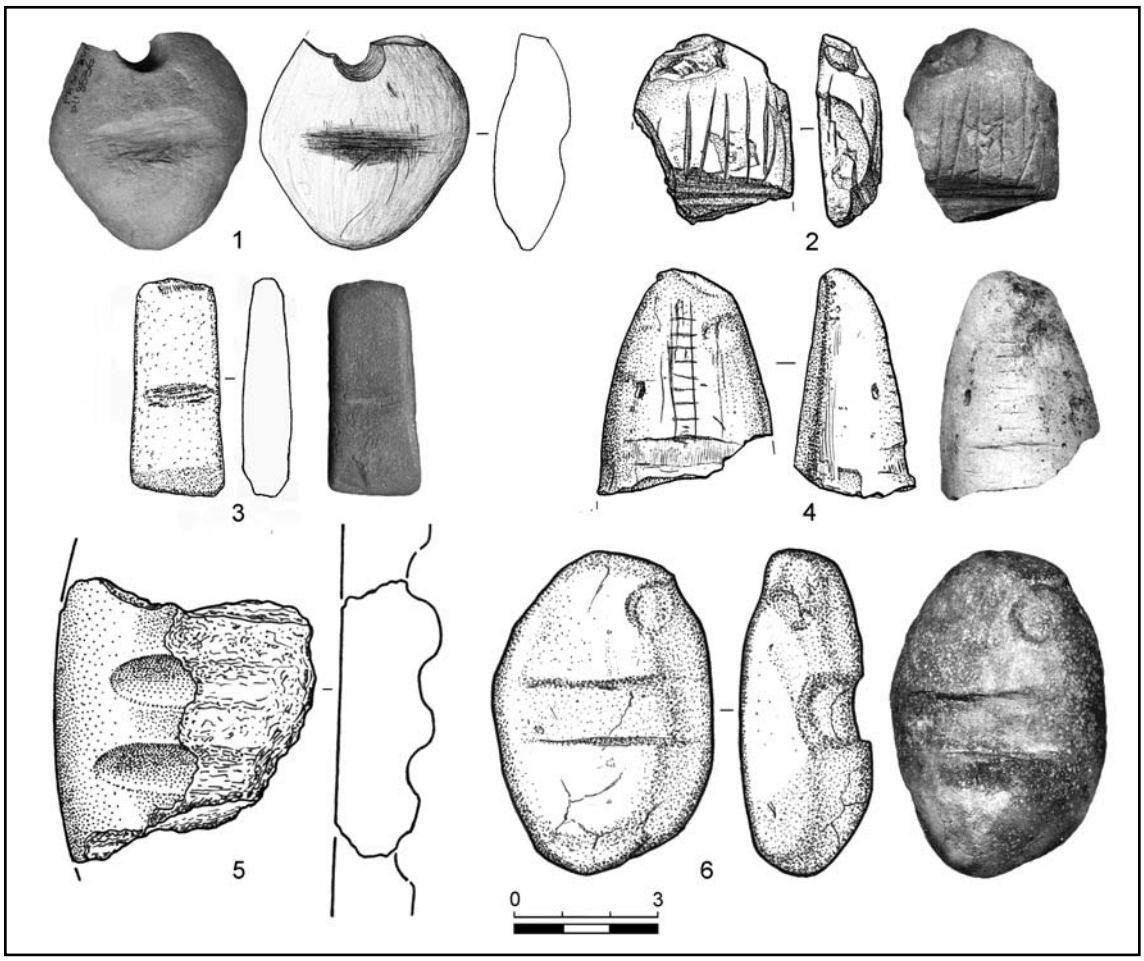

Рис. 12. Поселение Раздорская 2: 1—6 — каменные утюжки (1—3 — по Цыбрий 2010: рис. 42; 4—6 — по Цыбрий 2008: рис. 49).

Fig. 12. Settlement Razdorskaya 2: 1—6 — grooved stone implements (1—3 — after Цыбрий 2010: рис. 42; 4—6 — after Цыбрий 2008: рис. 49).

сечении, подтреугольные и подтрапециевидные в плане, двустороннеполированные тесла и топорики, типичные для Нижнего Подонья, встречены в материалах поселений докерамического неолита (PPN), а также керамического неолита Северного Ирака: Немрик, Млефаат, Джармо (Mazurowski 1997: 57—69), Юго-Восточной Анатолии — Кафер Хоуюк (Cauvin et. al. 2011: Fig. 9: 1—3; 16: 7; 23: 1, 2), Невали Чори (Kozlowski, Aurenche 2005: 166), Акарчай тепе (Özbasaran, Duru 2011: fig. 40).

Еще в большей степени, нежели тесла, стамески и топорики, роль индикатора культурных связей могут выполнять т.н. утюжки (полировальники). Этому виду изделий, предназначенному, скорее всего, для выравнивания и шлифовки древков стрел, посвящена огромная литература (Solecki, Solecki 1970; Wechler 1997; Усачева 2013). Утюжки широко, но не повсеместно, были распространены в ойкумене первобытности. На территории Азово-Черноморских степей они известны в отдельных памятниках мезолита, неолита и энеолита. Особенно многочисленны утюжки в низовьях Днепра, где в некоторых памятниках днепро-донецкой и сурской неолитической культур они, как правило, представлены одним-тремя экземплярами (Телегін 1968: 146—149). Исключение составила Вовнижская левобережная стоянка с 14 экз. (Гавриленко 2001). В Нижнем Подонье единичные утюжки ранненеолитического времени были встречены в 10-м слое Ракушечного Яра (Белановская 1995: 138), датируемом в интервале последней четверти VII — первой половины VI тыс. до н.э. (Цыбрий и др. 2013) и в 1-м слое поселения Раздорская 1 (Кияшко 1994: рис. 8, 7). 10 утюжков из культурного слоя поселения Раздорская 2 (рис. 12: 1—6) свидетельствуют не только о высокой роли охоты в функционировании этого поселения в начале неолита, но и об устойчивости тради-

ции использования этого вида изделий. На территории Азово-Черноморских степей, лишь два мезолитических памятника с утюжками, возможно, древнее Раздорской 2 — Игрень 8 (жилище 3 с датировкой 7990±70 до н. э. BLN 1797) (Телегін 2002: 51) и Каменная могила в Северо-Западном Приазовье (Даниленко 1969: 10). Как правило, эти ранние утюжки — плоские либо треугольные в поперечном сечении, овальной или остроовальной формы в плане. Они имеют один-два поперечных желобка, или вообще не орнаментированы, либо несут относительно простую орнаментацию в форме лесенки, параллельных линий или насечек по граням. Характерно, что в мезолите и в раннем неолите Крыма и Кавказа утюжки отсутствуют. Лишь один экземпляр в инвентаре ранненеолитической стоянки Анасеули 1 отдаленно напоминает эту категорию изделий (Небиеридзе 1972: табл. VI: 4). Даже в развитом неолите Кавказа, в культуре Шулавери-Шомутепе, единичные утюжки встречены лишь на нескольких памятниках: Имирис Гора, Шулаверис-Гора и Арташен (Kiguradze 1986: Abb. 18: 2; Abb. 20; 25; Arimura et al. 2010: 81).

Мир, примыкающий к Кавказским горам с юга, напротив, судя по инвентарю отдельных памятников (Чайоню, Карим-Шахир, Джармо, Джерф эл Ахмар, Кертик-тепе) изобиловал этими изделиями (рис. 13), однако, начиная с протонеолита, выделяются две зоны распространения утюжков разных типов (Kozlowski, Aurenche 2005: 24; Arimura et al. 2010: fig. 6). В одной из них, преимущественно в ЮВ Анатолии и на севере Сирии, доминировали утюжки, зачастую покрытые богатым орнаментом, с желобом, параллельным продольной оси изделия (Braidwood, Braidwood 1982: 110—111; fig. 3.12—3.13; Köksal-Schmidt, Schmidt 2007: 104), в другой, расположенной в горах Загроса, на территории Северного Ирака, были типичны утюжки с поперечным желобом, подобные предметам из Раздорской 2. В материалах поселения Карим-Шахир их количество, включая фрагменты, достигало 19 экз. (Braidwood et. al. 1983: 51). Впрочем, это деление не может считаться абсолютным, поскольку, например, в материалах анатолийских поселений PPNB Кафер Хоюк (поздний комплекс) и Кертик-тепе присутствовали утюжки с поперечными желобками (Cauvin et al. 2011: 12, fig. 32; Özkaya, Coşkun 2011: fig. 26), а в материалах поселений Загроса, Северного Ирака — например, в Зави-Чеми-Шанидар (Solecki, Solecki 1970: 832, fig. 1G), Немрик 9 (Mazurowski 1997: plate XXXVI: 12) — имелись отдельные утюжки с продольным желобком. Мы разделяем мнение В. Н. Даниленко, К. П. Вехлера и некоторых других авторов, что сходные типы утюжков, встреченные в Северном Ираке и на юге Днепро-Донского междуречья, представляют собой свидетельство контактов между этими районами в древности (Даниленко 1969: 186; Wechler 1997: 117).

Еще одна разновидность каменного инвентаря — круглые плоские медальоны с отверстием посредине, присутствующие в инвентаре Раздорской 2 (рис. 14), известны также на целом ряде поселений Ближнего Востока, начиная с протонеолита (Зави Чеми Шанидар) (Solecki 1980: plate 8: f, n) и, особенно широко, в докерамическом неолите В и в керамическом неолите (рис. 14). Серии этих изделий известны на поселениях ЮВ Анатолии — Сумаки Хёюк (Erim-Özdogan 2011: 32, fig. 35B), Чайоню (Davis 1982: 112, 113), Салат Ками Яни (Miyake 2011: fig. 24), а также Северного Ирака — Телль Магзалия (Бадер 1989: табл. 38: 1—8, 10—11), Телль Шимшара, Немрик 9 (Mazurowski 1997: plate XLVI: 6, 7; plate XXXV: 1, 7, 12, 15, 16) и Джармо (Moholy-Nagy 1983: 295, fig. 131: 15—17). Наиболее полную характеристику плоским круглым медальонам из камня с центрическим отверстием дал Р. Мазуровский (Mazurowski 1997: 117—119). Он привел различные гипотезы о назначении медальонов этого типа и данные экспериментального исследования возможностей применения колесиков-бегунков в сверлильном устройстве. Считается, что подобные изделия могли использоваться как беговое колесико в сверлильном устройстве или веретене, как украшение-подвеска, амулет, или пуговица, как печать или клеймо. В материалах Раздорской 2 можно найти данные, которые подкрепляют некоторые из указанных гипотез. Например, технический контекст каменной индустрии поселения указывает на беспрецедентное для неолита юга Восточной Европы развитие технологии сверления. Материалы поселения включают большой набор сверл, разверток разного диаметра из кремня, а также продукты сверления — огромную коллекцию грузил, подвесок и т. п. со сквозными сверлеными отверстиями для крепления (рис. 15). В контексте столь широкого производства, интерпретация медальонов как беговых колесиков сверлильного устройства выглядит правдоподобной. Не исключено и использование их как пряслиц в техническом комплекте веретена для прядения нитей или плетения сетей. В самом верхнем слое поселения Раздорская 2 был найден фрагмент глиняного пряслица. Возможно и использова-

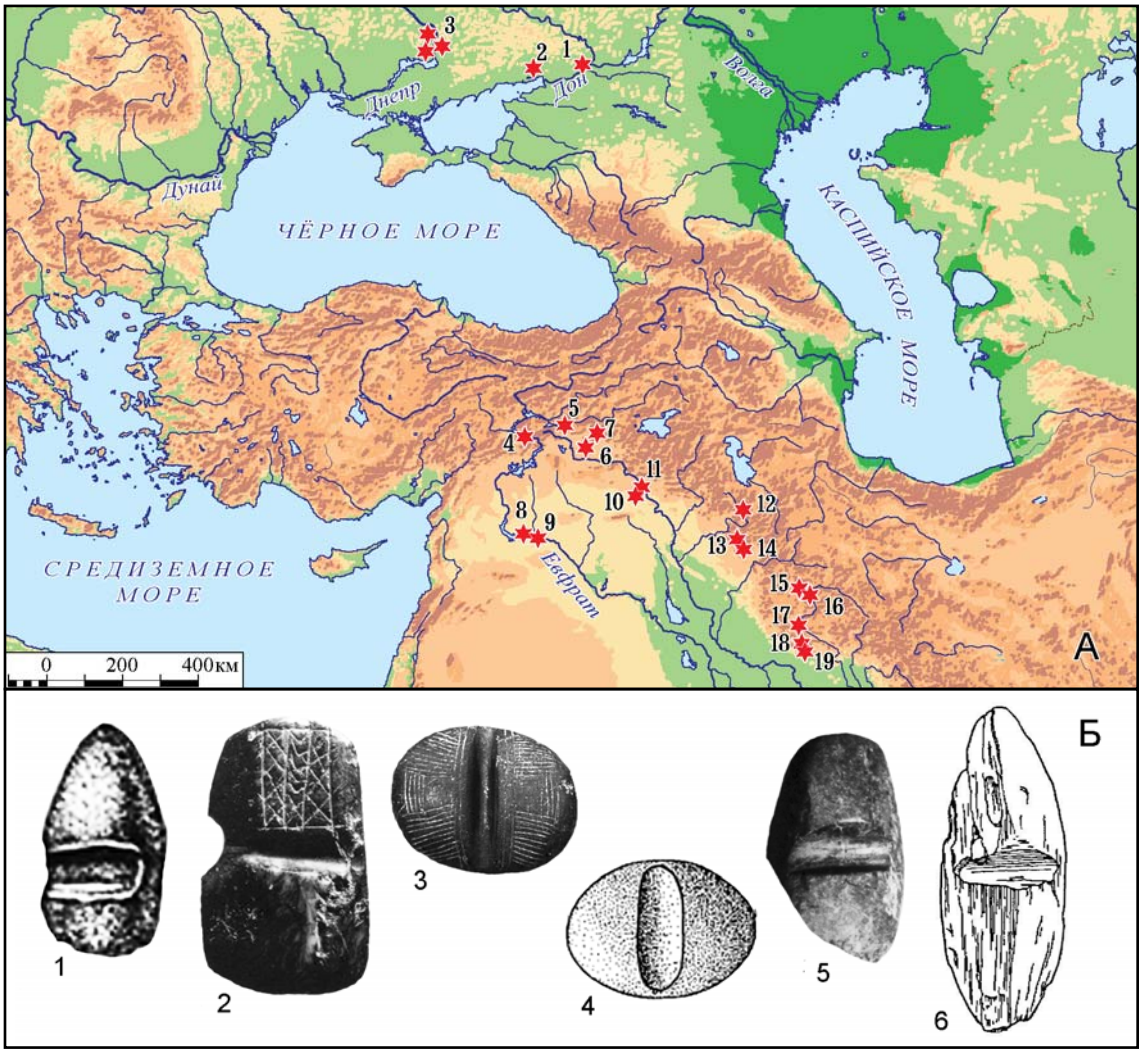

Рис. 13. Памятники мезолита-неолита с утюжками в нижнем Днепро-Донском междуречье и на территории Передней Азии (данные по Kozlowski, Aurenche 2005).
Карта (А): 1 — Ракушечный Яр, Раздорская 2; 2 — Матвеев Курган; 3 — памятники сурской культуры; 4 — Кафер; 5 — Чайёню; 6 — Кёртик-тепе; 7 — Халлан-Джеми; 8 — Абу-Хурейра; 9 — Мурейбет III; 10 — Магзалия; 11 — Немрик; 12 — Зави Чеми Шанидар; 13 — Джармо; 14 — Карим Шахир; 15 — Сараб; 16 — Асиаб; 17 — Горан; 18 — Чога-Сефид; 19 — Али-Кош.
Рисунки (Б): 1 — Игрень 8 (Телегин 2002); 2 — Кафер Хёюк (Cauvin et al. 2011); 3 — Кёртик-Тепе (Özkaya, Coşkun 2011); 4 — Джармо (Braidwood et al. 1983); 5 — Зави-Чеми-Шанидар (Solecki 1980).

Fig. 13. Mesolithic-Neolithic sites with grooved stone implements in the Lower Don and in the Lower Dnieper basin and in the Middle East (data after Kozlowski, Aurenche 2005).
Map (A): 1 — Rakushechnyi Yar, Razdorskaia 2; 2 — Matveev Kurgan; 3 — settlements of Surskaya culture; 4 — Cafer; 5 — Çayönü; 6 — Körtik Tepe; 7 — Hallan Cemi; 8 — Abu Hureyra; 9 — Mureybet III; 10 — Magzalia; 11 — Nemrik; 12 — Zawi Chemi Shanidar; 13 — Jarmo; 14 — Karim Shahir; 15 — Sarab; 16 — Asiab; 17 — Goran; 18 — Choga Sefid; 19 — Ali Kosh.
Drawings (Б): 1 — Igren 8 (Телегин 2002); 2 — Cafer Höyük (Cauvin et al. 2011); 3 — Körtik Tepe (Özkaya, Coşkun 2011); 4 — Jarmo (Braidwood et al. 1983); 5 — Zawi Chemi Shanidar (Solecki 1980).

ние их в качестве украшения, амулета. В пользу этого говорит неправильно ромбовидная фигура, прочерченная с двух сторон вокруг отверстия одного из полностью сохранившихся медальонов (рис. 14: Б, 8). Характерно отсутствие этого вида изделий в мезолите и раннем неолите Кавказа. Только в материалах культуры Шулавери-Шомутепе (поселение Арухло 1) отмечены единичные случаи присутствия медальонов. Их малочисленность, по-видимому, не случайна, она вытекает из определенной культурной традиции, что очевидно на фоне широкого распространения технологически сходных изделий из камня — сферических наверший (булав), изготовленных также при помощи центрического сверления (Kiguradze 1986: Abb. 57: 2). Можно предположить, что пути распространения медальонов из Ближнего Востока в Нижнее Подонье не затрагивали большую часть Кавказских гор.

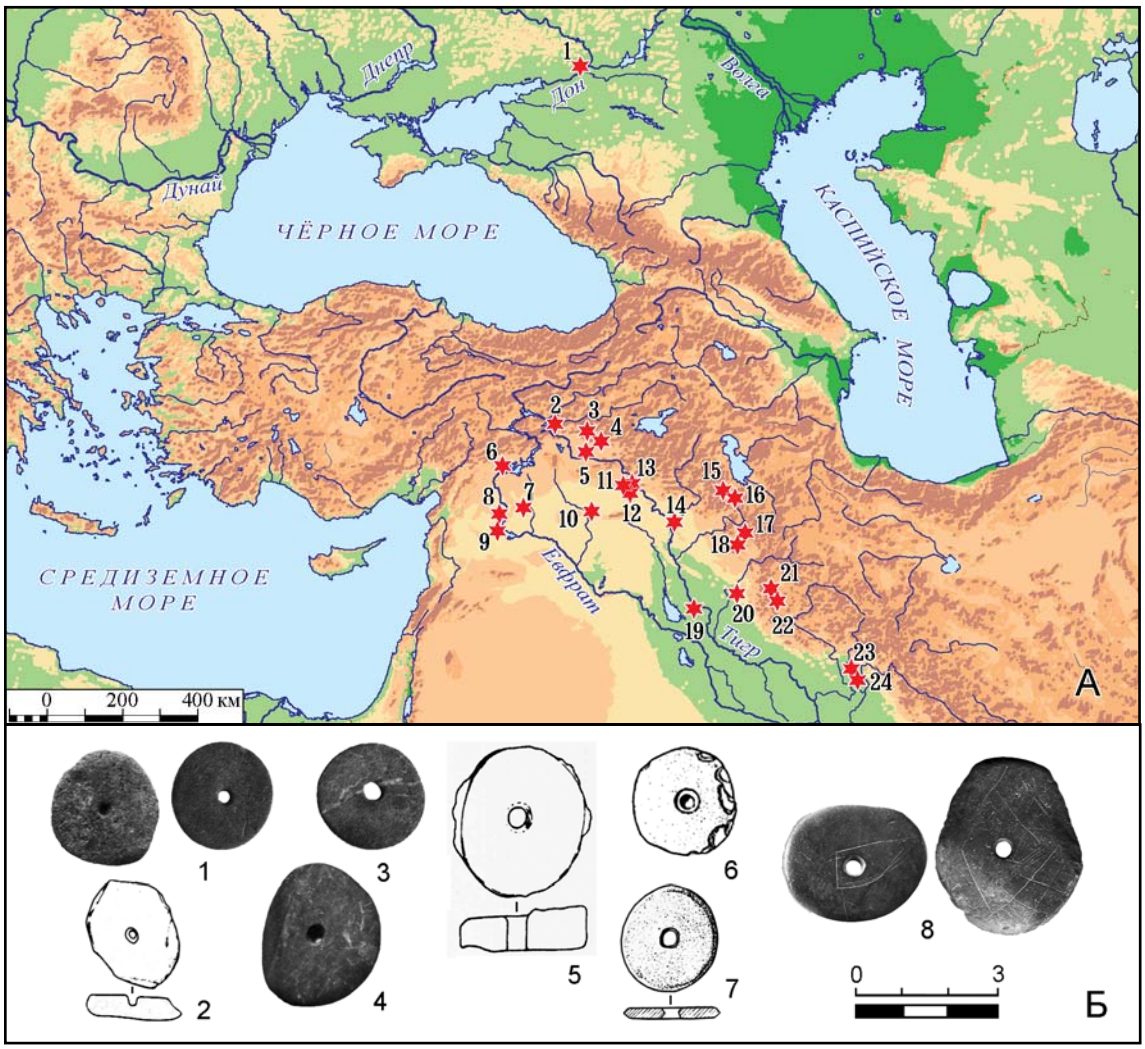

Рис. 14. Каменные медальоны из инвентаря поселения Раздорская 2 и неолитических поселений Передней Азии (данные по Kozlowski, Aurenche 2005).
Карта (А): 1 — Раздорская 2; 2 — Чайёню; 3 — Кёртик; 4 — Сумаки-Хёюк; 5 — Сафат-Ками-Яни; 6 — Кумар; 7 — Саби-Абьяд I, II; 8 — Халула; 9 — Мурейбет; 10 — Кашкашок; 11 — Магзалия; 12 — Сотто; 13 — Талатат; 14 — Хассуна; 15 — Банахилк; 16 — Зави Чеми Шанидар; 17 — Шимшара; 18 — Джармо; 19 — Савван; 20 — Сонгор А; 21 — Асиаб; 22 — Гуран; 23 — Чога-Сефид; 24 — Али-Кош.
Рисунки (Б): 1 — Сумаки-Хёюк (Erim-Özdoğan 2011); 2 — Чайёню (Erim-Özdoğan 2011); 3 — Салат-Ками-Яни (Miyake 2011); 4 — Зави-Чеми-Шанидар (Solecki 1980); 5 — Талатат (Solecki 1980); 6 — Джармо (Braidwood et al. 1983); 7 — Шимшара (Kozlowski, Aurenche 2005); 8 — Раздорская 2.

Fig. 14. Distribution of stone medallions from the settlement Razdorskaya 2 and from the main Neolithic sites of the Middle East (data after Kozlowski, Aurenche 2005).
Map (A): 1 — Razdorskaya 2; 2 — Çayönü; 3 — Körtik; 4 — Sumaki Höyük; 5 — Safat Cami Yani; 6 — Kumar; 7 — Sabi Abyad I, II; 8 — Halula; 9 — Mureybet; 10 — Kashkashok; 11 — Magzalia; 12 — Sotto; 13 — Thalathat; 14 — Hassuna; 15 — Banahilk; 16 — Zawi Cemi Shanidar; 17 — Shimshara; 18 — Jarmo; 19 — Sawwan; 20 — Songor A; 21 — Asiab; 22 — Guran; 23 — Choga Sefid; 24 — Ali Kosh.
Drawings (Б): 1 — Sumaki Höyük (Erim-Özdoğan 2011); 2 — Çayönü (Erim-Özdoğan 2011); 3 — Salat Cami Yani (Miyake 2011); 4 — Zawi Chemi Shanidar (Solecki 1980); 5 — Thalathat (Solecki 1980); 6 — Jarmo (Braidwood et al. 1983); 7 — Shimshara (Kozlowski, Aurenche 2005); 8 — Razdorskaya 2.

Еще один яркий тип изделий в инвентаре Раздорской 2 — подпрямоугольные, ланцетовидные подвески из кости и рога с билатерально расположенными сквозными сверленными отверстиями (рис. 15) — был распространен в X—VII тыс. до н. э. по территории всего Плодородного Полумесяца (Kozlowski, Aurenche 2005: 193). Здесь они изготовлены из камня, раковин и кости, иногда орнаментированы. Согласно С. Козловскому и О. Ауренче, к числу переднеазиатских памятников с такими подвесками, наиболее близко расположенных к Кавказу, относятся Халлан Чеми, Джармо, Ганий Даре. В этот список можно дополнительно включить протонеолитическое поселение Северного Загроса Зави-

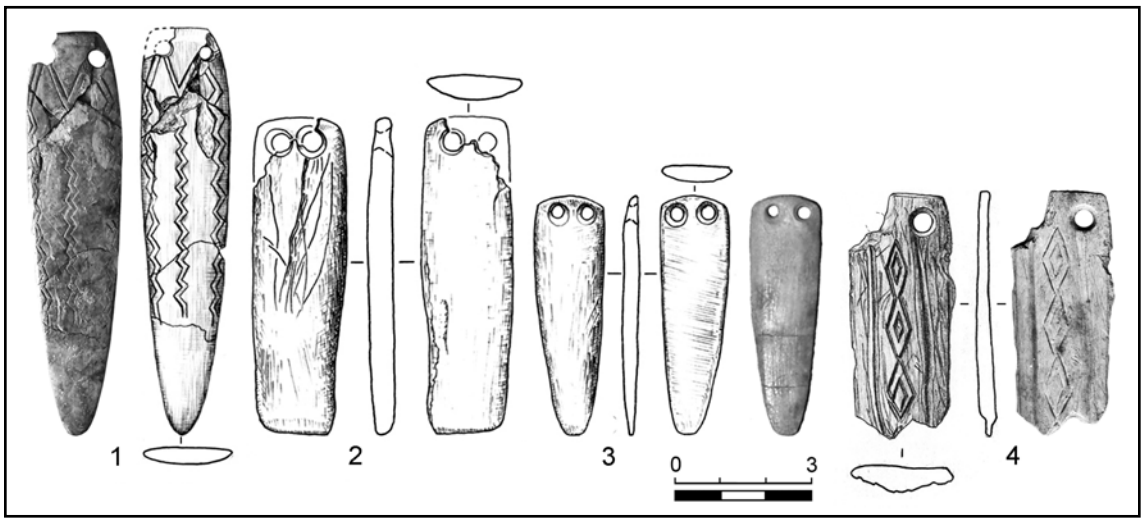

Рис. 15. Поселение Раздорская 2: 1—4 — подвески из кости и рога с двумя просверленными симметричными отверстиями (1—3 — по Цыбрий 2008: рис. 53; 4 — по Цыбрий 2010: рис. 45).

Fig. 15. Settlement Razdorskaya 2: 1—4 — pendants from bone and horn with two drilling symmetric openings (1—3 — after Цыбрий 2008: рис. 53; 4 — after Цыбрий 2010: рис. 45).

Чеми-Шанидар (Solecki 1980: plate 8: a, c, d; 15: m), поселение докерамического неолита В на севере Ирака Телль Магзалия (Бадер 1989: табл. 39: 4; 28; 30), а также поселение керамического неолита в бассейне верхнего Тигра — Сумаки Хёюк (Erim-Özdogan 2011: 32, fig. 35Ca) (рис. 16). В инвентаре поселения Раздорская 2 представлены восемь целых пластин-подвесок и свыше 10 в обломках. На целых экземплярах со стороны широкого конца изделия нанесены, как правило, два симметрично просверленных отверстия (рис. 15: 1—4), реже одно. Некоторые поделки украшены орнаментом или хаотично прочерченными линиями. Характерно отсутствие подобных изделий на территориях, непосредственно граничащих с Нижним Доном, в частности, на Кавказе.

Ближневосточные параллели в неолите Нижнего Подонья имеют не только некоторые изделия, но и символика, выгравированная на поделках из кости и камня. Мы обратили внимание на мотив змеи, довольно широко представленного в материалах докерамического неолита Передней Азии (Schmidt 2007: 91), но особенно выразительного в поразительных по обилию символического инвентаря поселения и могильника времени докерамического неолита А (XI—X тыс. до н. э. кал.) Кертик Тепе в ЮВ Анатолии (Özkaya, Coşkun 2011: 89—127). Мотив змеи, изображенной треугольно смоделированной головой вверх, с характерным изгибом вертикально вытянутого тела, переданным, порой многократно, зигзагообразными линиями, является одним из наиболее частых изображений на поверхности каменных сосудов из хлорита (Özkaya, Coşkun 2011: 96, fig. 17; 23), а также на удлиненных костяных пластинах с заостренным концом (Özkaya, Coşkun 2011: fig. 37). Данные символы культурного мира Передней Азии, распространенные в раннем голоцене (рис. 17), несколько позже удивительным образом нашли воплощение в символике неолитического населения степей Днепро-Донского междуречья. Так, мы видим параллели змеям из Кертик Тепе в трех змеевидных изображениях, выгравированных на одной из костяных пластин из Раздорская 2, завершающихся отверстием-глазом (?) (рис. 18: 5). В инвентаре поселения имеется фрагмент костяной пластины с менее выразительным стилизованным изображением змеи (рис. 18: 4). С ними перекликаются изображения змей на камне (стеле?)[3], обнаруженном у г. Ровеньки на востоке Украины (рис. 18: 3), который расположен в 150—200 км западнее станицы Раздорская (Красильников 1999: 11—12, 100), а также изображения на глиняных сосудах (рис. 18: 2) на стоянках Игрень 5 (Привалов 1994: рис. 1, 4) и Заваливка (Телегин 1968: рис. 13: 1), которые относятся, соответственно, к сурской и донецкой нео-

[3] Такие камни-стелы в украинской археологии традиционно датируются ямно-катакобным временем. Однако символика ровеньковской стелы отличается от традиционно распространенной на стелах бронзового века. В силу этого мы не видим никаких императивных ограничений против предположения о более раннем, неолитическом, времени нанесения изображения со змеями.

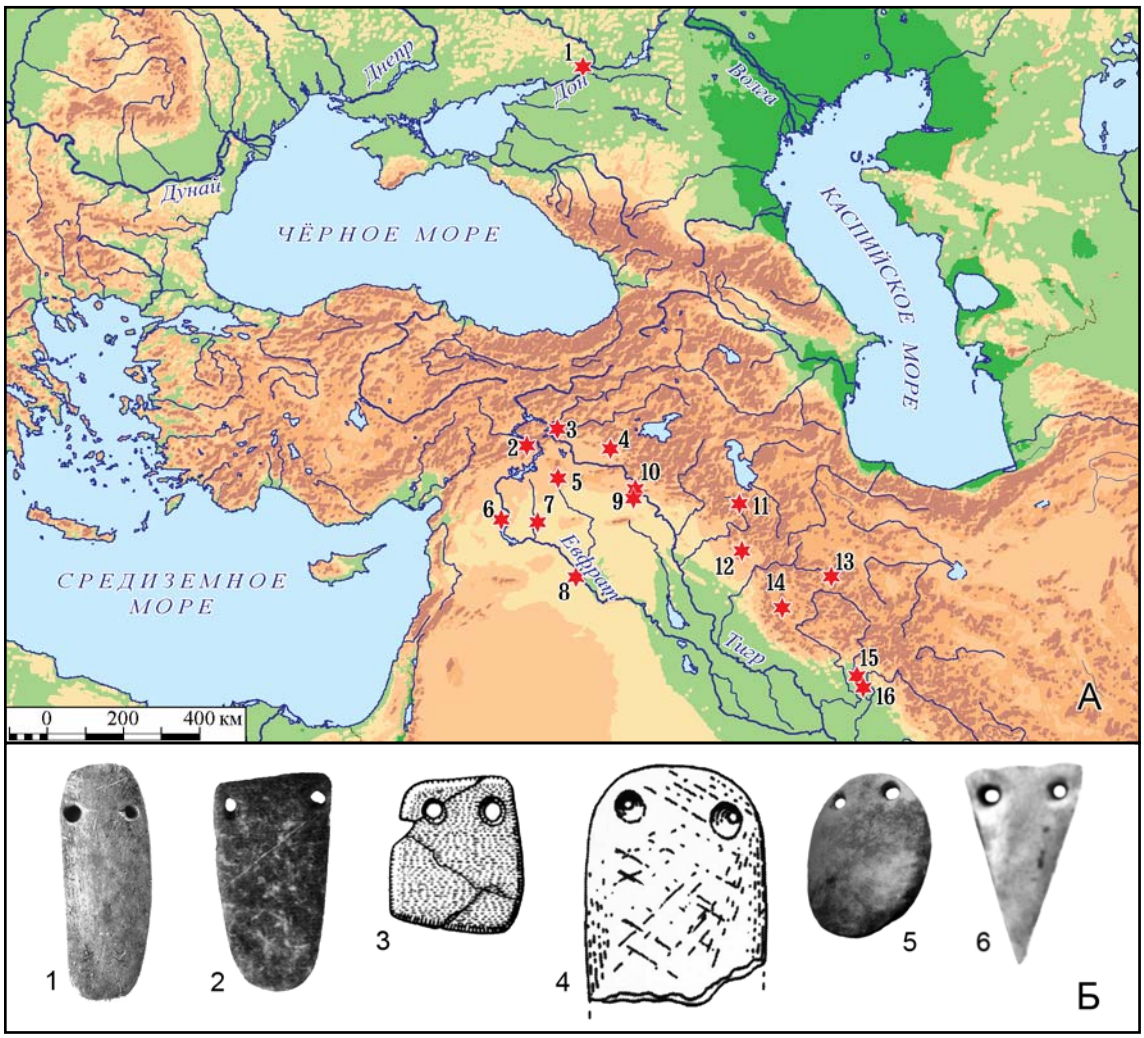

Рис. 16. Карта памятников раннего неолита с подвесками с двумя симметрично расположенными отверстиями для крепления (А) и рисунки наиболее выразительных находок (Б) (данные по Kozlowski, Aurenche 2005).
Карта (А): 1 — Раздорская 2; 2 — Кафер; 3 — Чайёню; 4 — Халлан-Джеми; 5 — Невали-Чори; 6 — Халула; 7 — Ассуад; 8 — Букрас; 9 — Магзалия; 10 — Немрик; 11 — верхний Зави-Чеми; 12 — Джармо; 13 — Гандж-Даре; 14 — Гуран; 15 — Чога-Сефид; 16 — Али-Кош.
Рисунки (Б): 1 — Чайёню (Köksal-Schmidt, Schmidt 2007); 2 — Сумаки-Хёйёк (Erim-Özdoğan 2011); 3 — Магзалия (Bader 1989); 4 — Халула (Kozlowski, Aurenche 2005); 5 — Зави-Чеми-Шанидар (Solecki 1980); 6 — Джармо (Braidwood et al. 1983).

Fig. 16. Map of the main Neolithic settlements with pendants with two symmetric openings for fastening (A) and drawings of some most important finds (Б) (data after Kozlowski, Aurenche 2005).
Map (A): 1 — Razdorskaya 2; 2 — Cafer; 3 — Çayönü; 4 — Hallan Cemi; 5 — Nevali Çori; 6 — Halula; 7 — Assouad; 8 — Bugras; 9 — Magzalia; 10 — Nemrik; 11 — Zawi Chemi upper; 12 — Jarmo; 13 — Ganj Dareh; 14 — Guran; 15 — Choga Sefid; 16 — Ali Kosh.
Drawings (Б): 1 — Çayönü (Köksal-Schmidt, Schmidt 2007); 2 — Sumaki Höyök (Erim-Özdoğan 2011); 3 — Magzalia (Bader 1989); 4 — Halula (Kozlowski, Aurenche 2005); 5 — Zawi Chemi Shanidar (Solecki 1980); 6 — Jarmo (Braidwood et al. 1983).

литическим культурам. Возможно, и в треугольном изображении, програвированном в сложной композиции на удлиненной костяной пластине из стоянки ранней сурской культуры Кизлевый 5 (Тубольцев 2005: рис. 6: 16) отразилась змеевидная символика Передней Азии, многократно трансформированная временем и расстоянием (рис. 18: 1). В пользу высокой вероятности подобной трансляции, помимо уже рассмотренных утюжков, говорят многочисленные сосуды из мягких пород камня (рис. 19), выполненные порой в туземной остродонной версии (Даниленко 1969: рис. 3: 33), как в неолите Нижнего Днепра, так и Нижнего Дона (Бодянский 1949; Даниленко 1950; 1969; Wechler 2001: taf. 16: 3—8; Крижевская 1992: рис. 27: 9; Белановская 1995: рис. XXVII: 2, 3).

Заслуживают внимание некоторые изобразительные средства в искусстве неолита Нижнего Дона, которые имеют параллели в неолите Кавказа и Передней Азии. Речь идет

Рис. 17. Карта памятников раннего неолита (А) с находками, украшенными декором и изображениями змей, (данные по Kozlowski, Aurenche 2005) и некоторые находки с этих памятников (Б).
Карта (А): 1 — Раздорская 2; 2 — Ровеньки; 3 — Игрень 5; 4 — Кизлевый 5; 5 — Сурской Остров; 6 — Чайёню; 7 — Кёртик-Тепе; 8 — Невали-Чори; 9 — Гёбекли-Тепе; 10 — Карахан; 11 — Мурейбет; 12 — Джерф эль-Ахмар; 13 — Немрик.
Рисунки (Б): 1 — Гёбекли-Тепе; 2 — Невали-Чори; 3 — Джерф эль-Ахмар; 4 — Чайёню; 5—8 — Кёртик-Тепе; 5 — Джерф эль-Ахмар (1—3 — Kozlowski, Aurenche 2005; 4 — Köksal-Schmidt, Schmidt 2007; 5—8 — Özkaya, Coşkun 2011).

Fig. 17. Map of the Neolithic settlements (A) with finds decorated with the snake representations and other ornaments (after Kozlowski, Aurenche 2005) and some finds from these settlements (Б).
Map (A): 1 — Razdorskaya 2; 2 — Roven'ki; 3 — Igren 5; 4 — Kizlevyj 5; 5 — Surskoy Ostrov; 6 — Çayönü; 7 — Körtik Tepe; 8 — Nevali Çori; 9 — Göbekli Tepe; 10 — Karahan; 11 — Mureybet; 12 — Jerf el Ahmar; 13 — Nemrik.
Drawings (Б): 1 — Göbekli Tepe; 2 — Nevali Çori; 3 — Jerf el Ahmar; 4 — Çayönü; 5—8 — Körtik Tepe (1—3 — Kozlowski, Aurenche 2005; 4 — Köksal-Schmidt, Schmidt 2007; 5—8 — Özkaya, Coşkun 2011).

о таких изобразительных элементах, как сверлины на камне и кости, скобочные и ямочные наколы на глиняной пластике. В материалах нижнедонских поселений Раздорская 2, Ракушечный Яр встречены изделия, где сверлины, как правило, несквозные, образуют линейную композицию, расположенную параллельными или одиночными рядами в попереч-

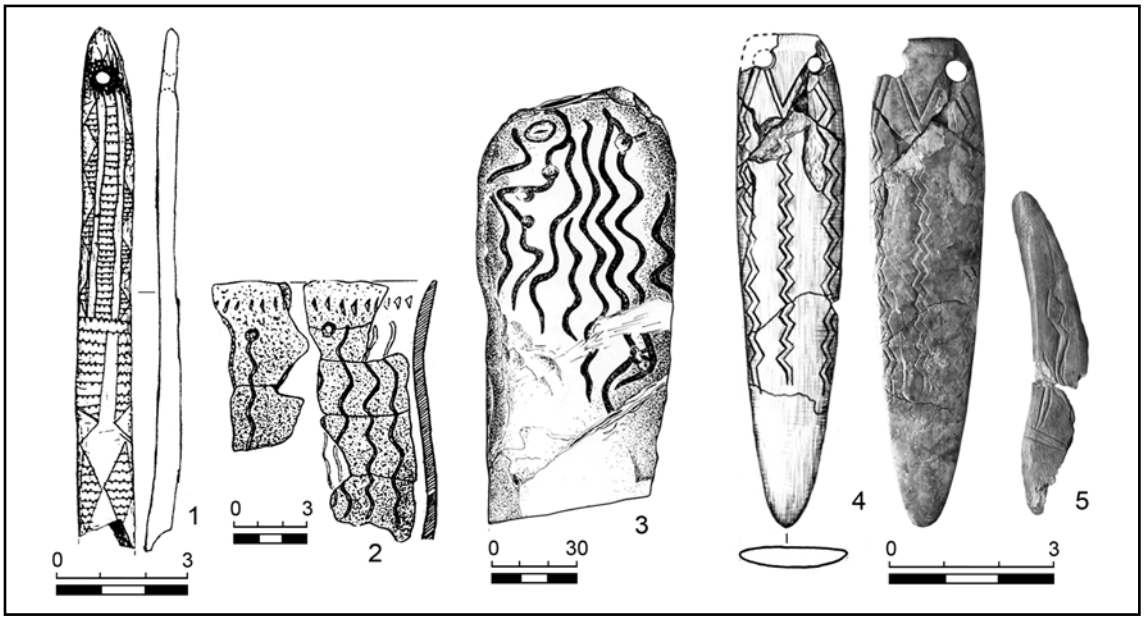

Рис. 18. Находки с изображениями змей по материалам памятников низовий Днепро-Донского междуречья: 1 — Кизлевый 5 (по Тубольцев 2005: рис. 6: 16); 2 — Игрень 5 (по Привалов 1994: рис. 1: 4); 3 — Ровеньки (по Красильников 1999: 11—12, 100); 4, 5 — Раздорская 2.

Fig. 18. Finds with the representations of snakes from the settlements of the Lower Dnieper and Lower Don basin: 1 — Kizlevyi 5 (after Тубольцев 2005: рис. 6: 16); 2 — Igren 5 (after Привалов 1994: рис. 1: 4);.3 — Rovenki (по Красильников 1999: 11—12, 100); 4, 5 — Razdorskaya 2.

ной либо в диагональной проекции (рис. 20). Особенно ярко это иллюстрируют подвески из кости овальной и яйцевидной форм («рыбки») в Ракушечном Яре (Белановская 1995: рис. XXVIII: 9, 16; XXIX: 8, 10). Частые скобковидные наколы, ногтевые вдавления, ямки в отступающей манере были отмечены нами выше на изделиях глиняной пластики в Раздорской 2 (рис. 6: 1, 3).

Использование сверлины как орнаментального приема на Ближнем Востоке (рис. 20) имеет глубокую традицию. Впервые оно было отмечено в натуфийской культуре (Noy 1991: 558, fig. 2: 1—4). Отдельные изделия, орнаментированные с помощью сверления, встречены в Джармо (Moholy-Nagy 1983: fig. 136: 25; 142: 15) и Кертик-Тепе (Özkaya, Coşkun 2011: fig. 21). Использование ямочных наколов на женских глиняных статуэтках замечено в материалах кавказского поселения Арухло неолитической культуры Шулаверi-Шомутепе (Hansen 2007: 199), а также на глиняной статуэтке из Невали Чори (Hauptmann 2011: fig. 18). Частые ногтевидные, скобочные вдавления присутствуют на поверхности статуэтки из Тепе Сараб возле Керманшаха (Melaart 1975: 88, fig. 39).

Еще одним традиционным аспектом сравнения каменных индустрий юга Восточной Европы, Кавказа и Передней Азии является техника расщепления кремня, а также типология геометрических микролитов. Характерной чертой ранненеолитической каменной индустрии поселений Нижнего Подонья, раннего неолита Кавказа, докерамического неолита Передней Азии является широкое использование техники ручного отжима пластин. Многие специалисты полагают, что эта техника зародилась в позднем палеолите на территории юга Сибири, в Монголии и Китае, откуда стала распространяться на запад (Inizan 2012: 18). Уже в IX—VIII тыс. до н. э., данная технология появляется в Центральной Азии, Каспийском бассейне, Загросе и Анатолии. В начале VII тыс. до н. э., во время культурной диффузии Млефатьена — одной из ранних неолитических культурных провинций в Северо-Западном Ираке — каменная индустрия, основанная на отжимной технике, становится типичной для памятников культуры Джейтун в Туркмении (Kozlowski 1999: 150). Уже в VIII—VII тыс. до н. э., индустрии с отжимным пластинчатым расщеплением появляются в некоторых районах Европы, близких к территориям Плодородного Полумесяца (Perles 2001: 46—47; Biagi, Kiosak 2010: 29—31). Действительно ли технология отжимного расщепления распространилась, как полагает М. Инизан (Inizan 2012: 22), из одного центра или имело место независимое ее появление в разных частях Старого Света (Нужний 1992: 172; Гиря 1997: 102—103)? Датировка

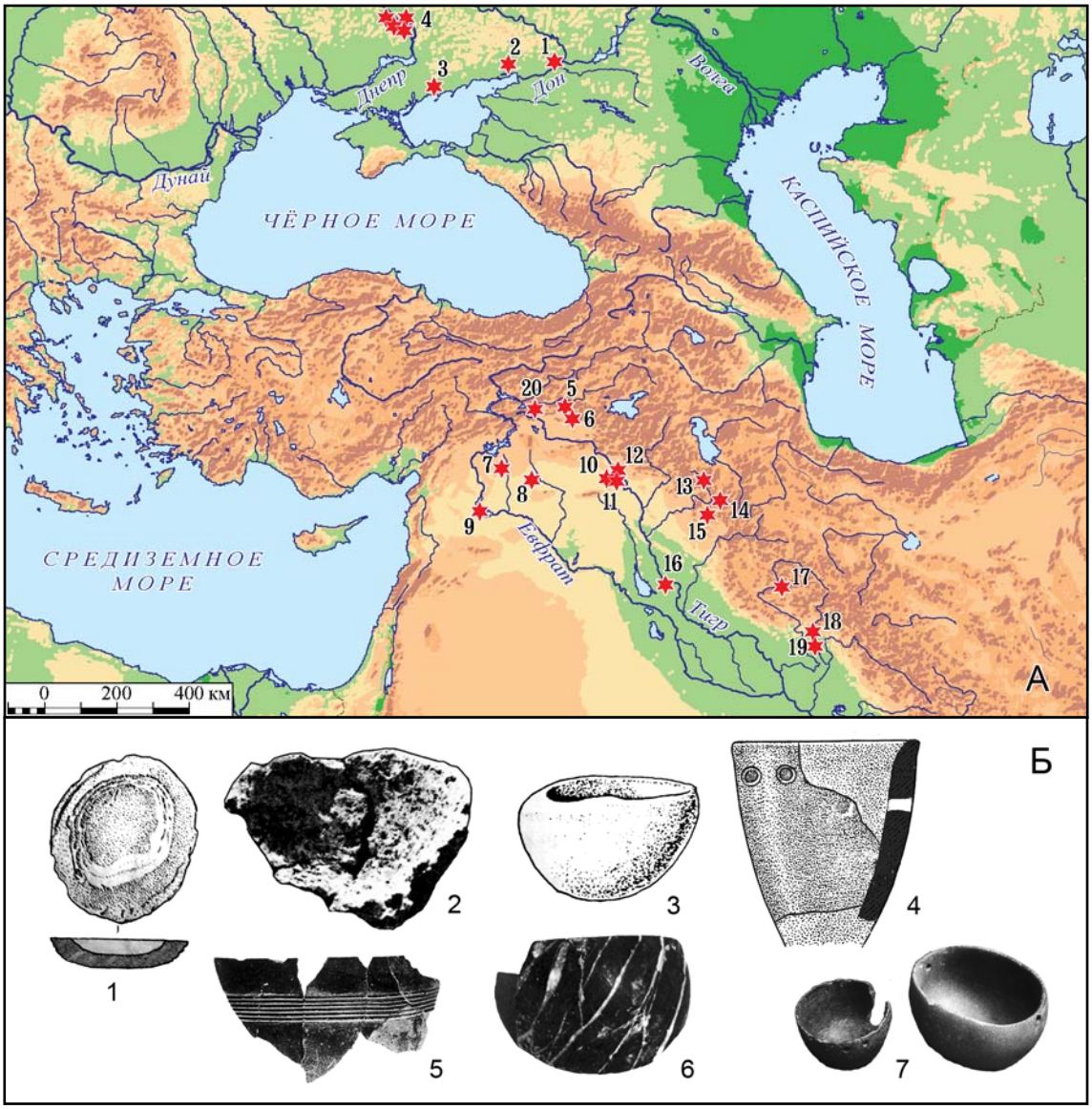

Рис. 19. Распространение находок сосудов из камня (А) на неолитических поселениях Нижнего Дона, Нижнего Днепра и Передней Азии (данные по Kozlowski, Aurenche 2005) и некоторые находки (Б).
Карта (А): 1 — Ракушечный Яр; 2 — Матвеев Курган; 3 — Каменная Могила; 4 — памятники сурской культуры; 5 — Халлан Чеми; 6 — Кёрлик; 7 — Гёбекли-Тепе; 8 — Ассуад; 9 — Мурейбет; 10 — Магзалия; 11 — Талатат; 12 — Немрик; 13 — Зави Чеми Шанидар; 14 — Шимшара; 15 — Джармо; 16 — Савван; 17 — Гуран; 18 — Чога-Сефид; 19 — Али-Кош; 20 — Чайёню.
Рисунки (Б): 1 — Матвеев Курган (Крижевская 1991); 2 — Магзалия (Бадер 1989); 3 — Ракушечный Яр (Белановская 1995); 4 — памятники сурской культуры (Тубольцев 2012); 5 — Чайёню (Erim-Özdoğan 2011); 6 — Джармо (Braidwood et al. 1983); 7 — Халлан Джеми (Rosenberg 2011).

Fig. 19. Distribution of stone vessels on the main Neolithic sites of the Lower Don, Lower Dnieper and in the Middle East (after Kozlowski, Aurenche 2005) and some finds (Б).
Map (A): 1 — Rakushechnyi Yar; 2 — Matveev Kurgan; 3 — Kamennaya Mogila; 4 — settlements of Surskaya culture; 5 — Hallan Çemi; 6 — Körlik; 7 — Göbekli Tepe; 8 — Assouad; 9 — Mureybet; 10 — Magzalia; 11 — Thalathat; 12 — Nemrik; 13 — Zawi Chemi Shanidar; 14 — Shimshara; 15 — Jarmo; 16 — Sawwan; 17 — Guran; 18 — Choga Sefid; 19 — Ali Kosh; 20 — Çayönü.
Drawings (Б): 1 — Matveev Kurgan (Крижевская 1991); 2 — Magzalia (Бадер 1989); 3 — Rakushechnyi Jar (Белановская 1995); 4 — Surskaia culture (Тубольцев 2012); 5 — Çayönü (Erim-Özdoğan 2011); 6 — Jarmo (Braidwood et al. 1983); 7 — Hallan Çemi (Rosenberg 2011).

второй половиной VIII тыс. до н. э. мезолитических памятников ряда культур Северного Причерноморья и Нижнего Поднепровья с отжимным пластинчатым расщеплением, таких, как Мурзак-Кобы (Ласпи 7), Гребенников (Мирное), Кукрека и Игрени 8, а также присутствие карандашевидных нуклеусов уже в инвентаре некоторых памятников финального палеолита этого региона заставляет обратить внимание на второй вариант. Однако

Рис. 20. Использование некоторых общих специфических изобразительных средств в символике поселений Раздорская 2, Ракушечный Яр и памятников каменного века Передней Азии (данные по Kozlowski, Aurenche 2005).
Карта (А): 1 — Ракушечный Яр, Раздорская 2; 2 — Арухло; 3 — Чайёню; 4 — Гёбекли-Тепе; 5 — Мурейбет; 6 — Нахал-Орен; 7 — Немрик; 8 — Джармо; 9 — Сараб; 10 — Ганйи Даре.
Рисунки (Б): 1 — Гандж Даре, Немрик (Kozlowski, Aurenche 2005); 2 — Ракушечный Яр; 3 — Раздорская 2; 4, 6 — Нахал-Орен (Noy 1991); 5 — Мурейбет (Noy 1991); 7 — Джармо; 8 — Чайёню (Köksal-Schmidt, Schmidt 2007); 9 — Сараб (Kozlowski, Aurenche 2005).

Fig. 20. Use of some common specific decorative art elements in the symbolic sphere of settlements Razdorskaya 2, Rakušečnyj Yar and in the Stone Age of the Middle East (after Kozlowski, Aurenche 2005).
Map (A): 1 — Rakushechnyi Yar, Razdorskaia 2; 2 —Arukhlo; 3 — Çayönü; 4 — Göbekli Tepe; 5 — Mureybet; 6 — Nahal Oren; 7 — Nemrik; 8 — Jarmo; 9 — Sarab; 10 — Ganj Dareh.
Drawings (Б): 1 — Ganj Dareh, Nemrik (Kozlowski, Aurenche 2005); 2 — Rakushechnyi Yar; 3 — Razdorskaya 2; 4, 6 — Nahal Oren (Noy 1991); 5 — Mureybet (Noy 1991); 7 — Jarmo; 8 — Çayönü (Köksal-Schmidt, Schmidt 2007); 9 — Sarab (Kozlowski, Aurenche 2005).

это не исключает версии проникновения технологии отжимного расщепления в бассейн Нижнего Дона кавказским или даже среднеазиатским путем.

Более диагностичные результаты дает поиск аналогий довольно специфическому и беспрецедентно многочисленному набору геометрических микролитов Раздорской 2 (рис. 21). Он включает три класса геометрических микролитов: трапеции (рис. 21: 1—11), сегменты (рис. 21: 12—15) и треугольники (рис. 21: 16—17) (Цыбрий 2008: 30). Трапеции чис-

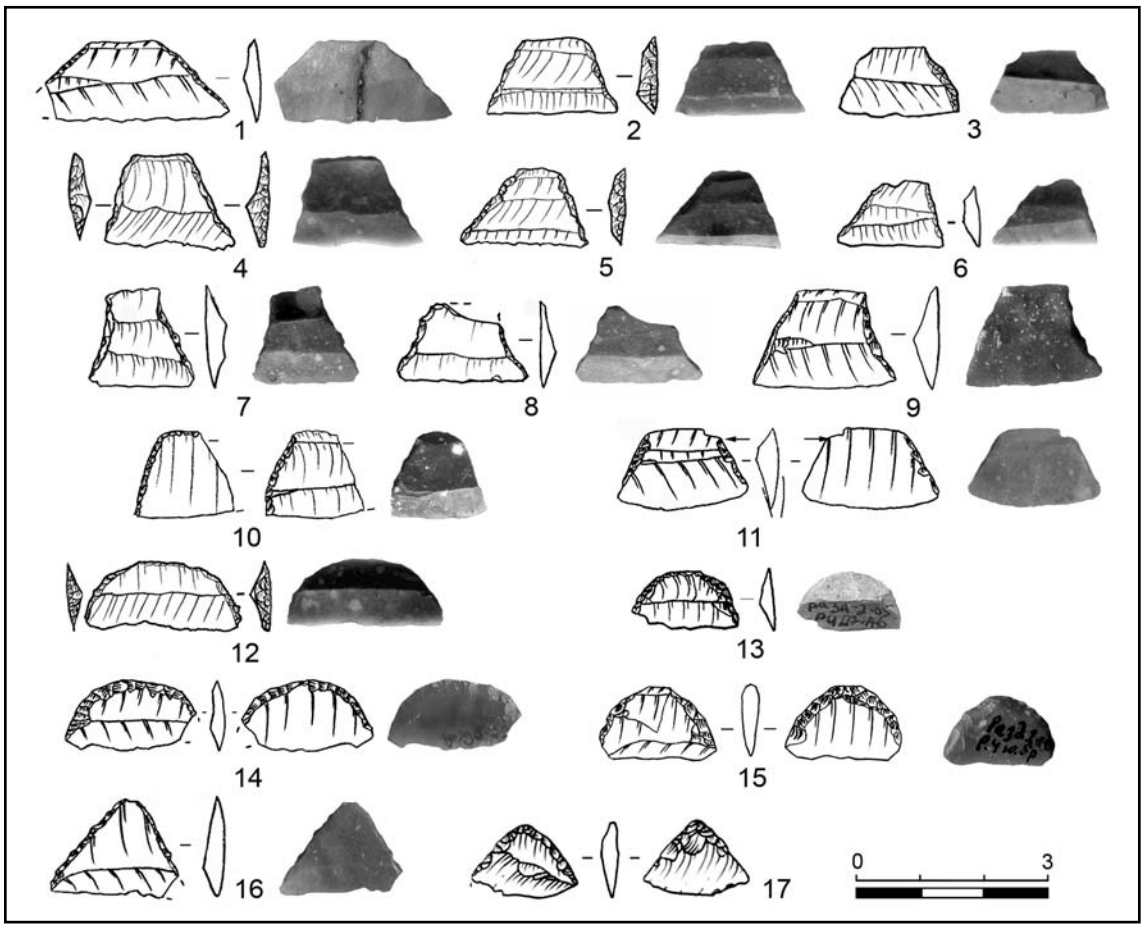

Рис. 21. Поселение Раздорская 2: геометрические микролиты (1—3, 5—17 — по Цыбрий 2008, рис. 53; 4 — по Цыбрий 2010: рис. 22).

Fig. 21. Settlement Razdorskaya 2: geometric microliths (1—3, 5—17 — after Цыбрий 2008, рис. 53; 4 — after Цыбрий 2010: рис. 22).

ленно преобладают (277 экз. с обломками). Большинство из них симметричны, имеют средневысокие пропорции, обработаны крутой ретушью по бокам. Вместе с тем, отмечены пять трапеций низких пропорций, несколько асимметричных трапеций, единичные трапеции с одной боковой стороной выпуклой, а противоположной — вогнутой, с обеими вогнутыми боковыми сторонами. Заслуживают внимание экземпляры, обработанные встречной и противолежащей ретушью. Сегменты (13 экз.) представлены разновидностями средневысоких и низких пропорций. Семь из них обработаны по дуге двусторонней ретушью, как правило, пологой, но в одном случае — крутой, встречной, гелуанского типа (рис. 21: 14). Треугольники (4 экз) представлены исключительно изделиями симметричных пропорций. Набор геометрических микролитов, встреченный в Раздорской 2, с учетом возраста памятника, не имеет прямых аналогий на Кавказе. В мезолите и раннем неолите Кавказа имело место значительное региональное разнообразие геометрических микролитов вообще и комбинации их отдельных классов и типов. Нам представляется, что наиболее близкие параллели комплексу Раздорской 2 имеются в двух кавказских регионах: на Северном Кавказе и на Черноморском побережье Западного Кавказа. На Северном Кавказе традиция изготовления сегментов с двусторонней (гелуанской?) ретушью прослежена в мезолите-неолите, начиная с финального палеолита. Уже в комплексе Губского навеса 7 (навес Сатанай), имеющем радиокарбонную датировку 11200 ВР, отмечен разнообразный набор трапеций в сочетании с сегментами с двусторонней ретушью по дуге (Формозов 1965: рис. 20; Амирханов 1987: 197; Леонова 2009: 105). Сегменты с гелуанской ретушью были встречены в более молодых мезолитических и, возможно, ранненеолитических слоях памятников Губского навеса, датированных в интервале 11—9,5 тыс. л. н. и несколько позже (Леонова 2009: 106). Трапеции и сегменты обычные, а также с двусторонней ретушью, были

встречены в комплексе навеса Цми в Северной Осетии в слоях мезолита-раннего неолита, датированных по радиокарбону серединой VII — началом VI тыс. cal. BC (Rostunov et al. 2009: 47—74). Конечно, бросается в глаза своеобразный технологический и типологический контекст указанных северокавказских индустрий, отличный от ансамбля Раздорской 2. В этом отношении значительно ближе к Раздорской 2 находится комплекс одной из самых выразительных причерноморских ранненеолитических стоянок Западного Кавказа — Анасеули 1, в котором типы трапеций (Небиеридзе 1972: табл. IV: 12—15) вполне сопоставимы с нижнедонскими, а также имеются сегменты (Бжания 1996: рис. 22, 32). Для корректности данного сопоставления важно заметить несравнимо меньшую численность коллекции Анасеули 1, а также наличие серии сегментов с гелуанской ретушью в соседней стоянке Анасеули 2.

На территории Передней Азии наборы геометрических микролитов были встречены лишь в инвентаре неолитических памятников отдельных регионов. Для большей части территорий Плодородного Полумесяца они не были характерны. Особенно перспективен для сопоставлений уже не раз упоминавшийся неолит Северного Загроса (рис. 22). Здесь, в культурной группе Млефатьен, по Ст. Козловскому (Kozlowski 1999: 51—75), в поздних акерамических — ранних керамических слоях поселения Джармо, датируемых от конца VIII тыс. до н. э., присутствует представительный ансамбль геометрических микролитов, включающий симметричные средневысокие трапеции (124 экз.), равнобедренные треугольники (12 экз.) и средневысокие сегменты (6 экз.) (Hole 1983: 237—238).

Дискуссия

Проведенный сравнительный анализ некоторых материалов ранненеолитических поселений Нижнего Дона с синхронными находками Кавказа, Ближнего Востока говорит о наличии многих параллелей между ними. Эти элементы сходства не только указывают на значимость южного вектора связей для возникновения и развития неолита Нижнего Дона. Выделенные для сопоставления некоторые параметры развития и типы изделий определяют его качественное своеобразие на фоне прочих культурных проявлений мезолита и неолита Восточной Европы. Совокупность установленных параллелей, их логическая взаимообусловленность, приуроченность к определенным пространственно-временным рамкам свидетельствуют против вероятности случайного совпадения. Напротив, они дают основание утверждать, что причиной возникновения выше указанных сходных черт и явлений археологического универсума являются исторически релевантные события и связи. У нас есть многочисленные основания локализовать, по меньшей мере, два региона, параллели с которыми неолита Нижнего Дона, особенно очевидны. Это территория Северного Загроса и причерноморское побережье Кавказа. Культурная группа Млефатьен, расположенная на территории Северного и Центрального Загроса, материалы которой во многом восходят к традициям Зарзи, имеет действительно много общего с неолитом Нижнего Дона. В X—VIII тыс. до н. э. здесь на основе дальнейшего развития охотничье-собирательской хозяйственной модели (стадия коллекторов) возникают многие проявления неолита — относительная оседлость, архитектура с использованием камня и глины, богатая глиняная и каменная пластика с антропоморфными и зооморфными сюжетами. Породы мягкого камня широко используются для производства всевозможных изделий: топоров, тесел, стамесок, выпрямителей древков стрел, посуды, медальонов и т. п. Функциональные группы рубяще-долбящих изделий, сверл, разверток (рис. 23; 24), наконечников стрел с использованием геометрических микролитов играют в орудийном наборе решающую роль. Очень рано распространяется техника полирования и шлифовки, ручного отжима правильных пластин, которые приобретают определяющую роль в качестве заготовок для орудий. С начала VII тыс. начинается использование глиняной посуды. Во многом сходный процесс имел место в развитии неолита Черноморского побережья Кавказа, который, к сожалению, не имеет датировок по радиокарбону. Здесь встречены такие элементы, родственные Млефатьену, как каменные шарики, в более поздних неолитических памятниках — посуда с плоским дном без орнамента (Формозов 1962: 136—147; 1965: 57—62). Возможно, под влиянием мезолита Северного Кавказа, появляются как на Нижнем Дону, так и в Западнокавказском неолите, сегменты и трапеции с двусторонней ретушью. Очерченные линии сходства явлений материальной и духовной культуры в Нижнем Подонье, на Черноморском побережье Кавказа, как и предполагали многие исследователи, начиная с В. Н. Даниленко (Даниленко 1969: 18; Формозов 1977: 47—48; Котова 2002: 76), могут быть объяснены в рамках миграционного сценария. Связи неолитического насе-

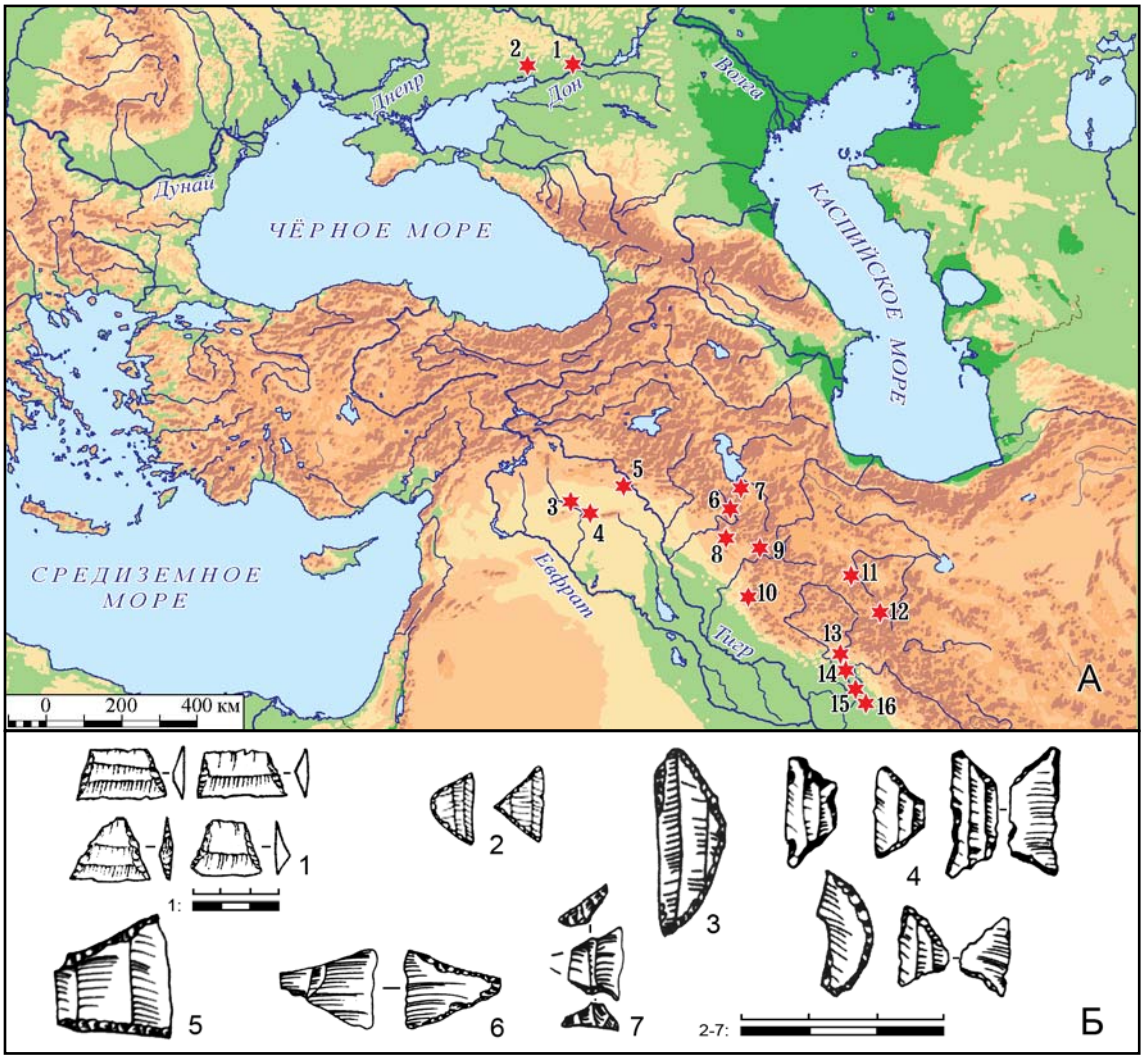

Рис. 22. Распространение различных типов геометрических микролитов на памятниках Нижнего Подонья и Передней Азии (данные по Kozlowski, Aurenche 2005).
Карта (А): 1 — Раздорская 2; 2 — Матвеев Курган; 3 — Секер; 4 — Кашкашок; 5 — Ярим II; 6 — Банахилк; 7 — Хаджи-Фируз; 8 — Джармо; 9 — Карим Шахир; 10 — Сондор В; 11 — Ше-Габиль С; 12 — Абдул-Хоссейн; 13 — Асиаб; 14 — Гуран; 15 — Чога-Сефид; 16 — Сабаз.
Рисунки (Б): 1 — Матвеев Курган (Крижевская 1991); 2 — Чога-Сефид; 3 — Сабаз; 4 — Джармо; 5 — Сондор В; 6 — Гуран; 7 — Асиаб (2—6 по Kozlowski, Aurenche 2005).

Fig. 22. Distribution of different types of geometric microliths on the settlements of Lower Don basin and the Middle East (data after Kozlowski, Aurenche 2005).
Map (A): 1 — Razdorskaya 2; 2 — Matveev Kurgan; 3 — Seker; 4 — Kashkashok; 5 — Yarim II; 6 — Banahilk; 7 — Hajji Firuz; 8 — Jarmo; 9 — Karim Shahir; 10 — Sondor B; 11 — She Gabil C; 12 — Abdul Hossein; 13 — Asiab; 14 — Guran; 15 — Choga Sefid; 16 — Sabaz.
Drawings (Б): 1 — Matveev Kurgan (Крижевская 1991); 2 — Choga Sefid; 3 — Sabaz; 4 — Jarmo; 5 — Sondor B; 6 — Guran; 7 — Asiab (2—6 after Kozlowski, Aurenche 2005).

ления Северного Загроса с Приазовьем могли установиться между 8500—7000 лет до н. э. в период докерамического неолита В (PPNB). Этот период был временем расселения, миграций из районов Плодородного Полумесяца в смежные регионы (Cauvin 2000: 135—207; Zeder 2009: 27).

Что побуждало обитателей Загроса мигрировать? Еще недавно были в ходу гипотезы, основанные на возможности аграрного перенаселения, вызванного развитием неолитической экономики (Cohen 1977). Эта идея не нашла подтверждения данными современной науки (Zeder 2009: 41). Более вероятна версия, связывающая возможную миграционную активность обитателей Загроса в конце PPNB с иссушением климата. Поиск благоприятной среды обитания в более влажных районах черноморского побережья с субтропическим климатом был, вероятно, логическим выходом из данной ситуации. Двигались ли переселенцы исключительно сухопутным путем по суб-

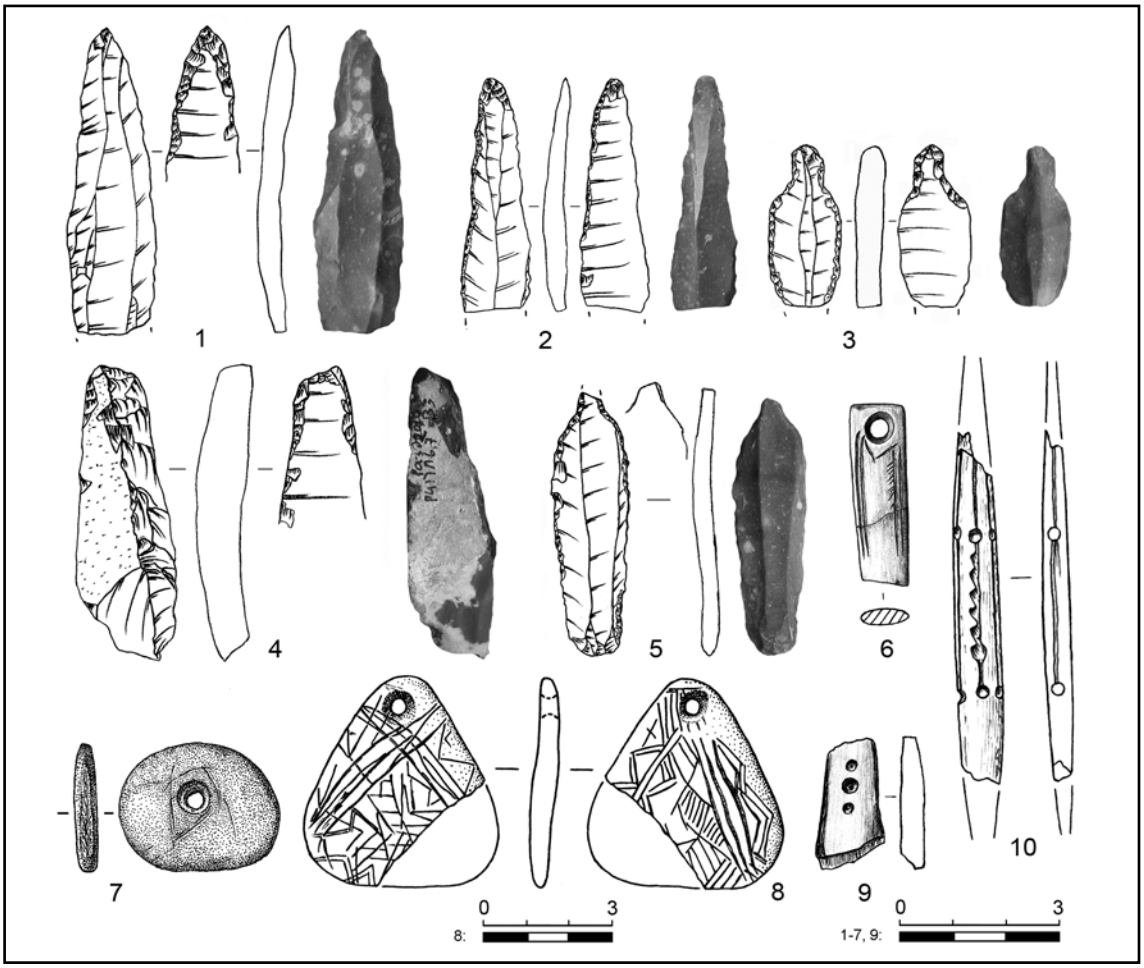

Рис. 23. Поселение Раздорская 2. Сверла и перфораторы (1—5) и находки со сверлением (6—10) (1—7, 9, 10 — по Цыбрий 2010: рис. 34; 8 — по Цыбрий 2008: рис. 48: 2).

Fig. 23. Settlement Razdorskaya 2. Drills and perforators (1—5), and artefacts with drilling (6—10) (1—7, 9, 10 — after Цыбрий 2010: рис. 34; 8 — after Цыбрий 2008: рис. 48: 2).

тропическому побережью Черного моря, а впоследствии и Азовского моря, или, как неолитические колонизаторы Эгейского моря, они использовали простейшие морские суда? Было ли это разовое передвижение или многократное? Очевидно, что однозначный ответ на эти вопросы в силу скудости наших сегодняшних знаний не возможен. Обитатели неолитических поселений Нижнего Подонья были, бесспорно, в состоянии изготавливать примитивные суда, но были ли они приспособлены для каботажного плавания? С учетом значительных различий между неолитом Нижнего Подонья и Западного Кавказа, речь должна, по всей видимости, идти о разных событиях. Парадоксален факт, что ранненеолитические поселения Черноморского побережья Кавказа, расположенные географически ближе к Загросу, имеют меньше черт сходства с неолитом данного региона, нежели неолит Нижнего Подонья. Это говорит в пользу множественных миграционных событий.

Наиболее актуальный вопрос настоящей статьи — было ли появление костей одомашненных животных: крупного рогатого скота, свиньи, овцы/козы в ранненеолитических коллекциях поселений у Матвеева Кургана, Ракушечного Яра и, возможно, в материалах ранненеолитического слоя навеса Даркветри в Грузии (Kiguradze, Menabde 2004: 350), частью переднеазиатского неолитического пакета? С учетом данных о ранней доместикации многих из этих животных на территории Загроса, а также в прилегающих к ним с востока районов Ирана (Zeder 2009: 34—36; Scheu 2012: 123; Geörg 2013: 119, 134) такая возможность не исключена, более того, она весьма вероятна. Сопровождался ли трансферт домашних животных доместицированными растениями? Вопрос, который еще в большей степени требует продолжения исследований. Для решения данных проблем необходимы палеогенетические и новые палезоологические исследования, наряду, конечно, с палео-

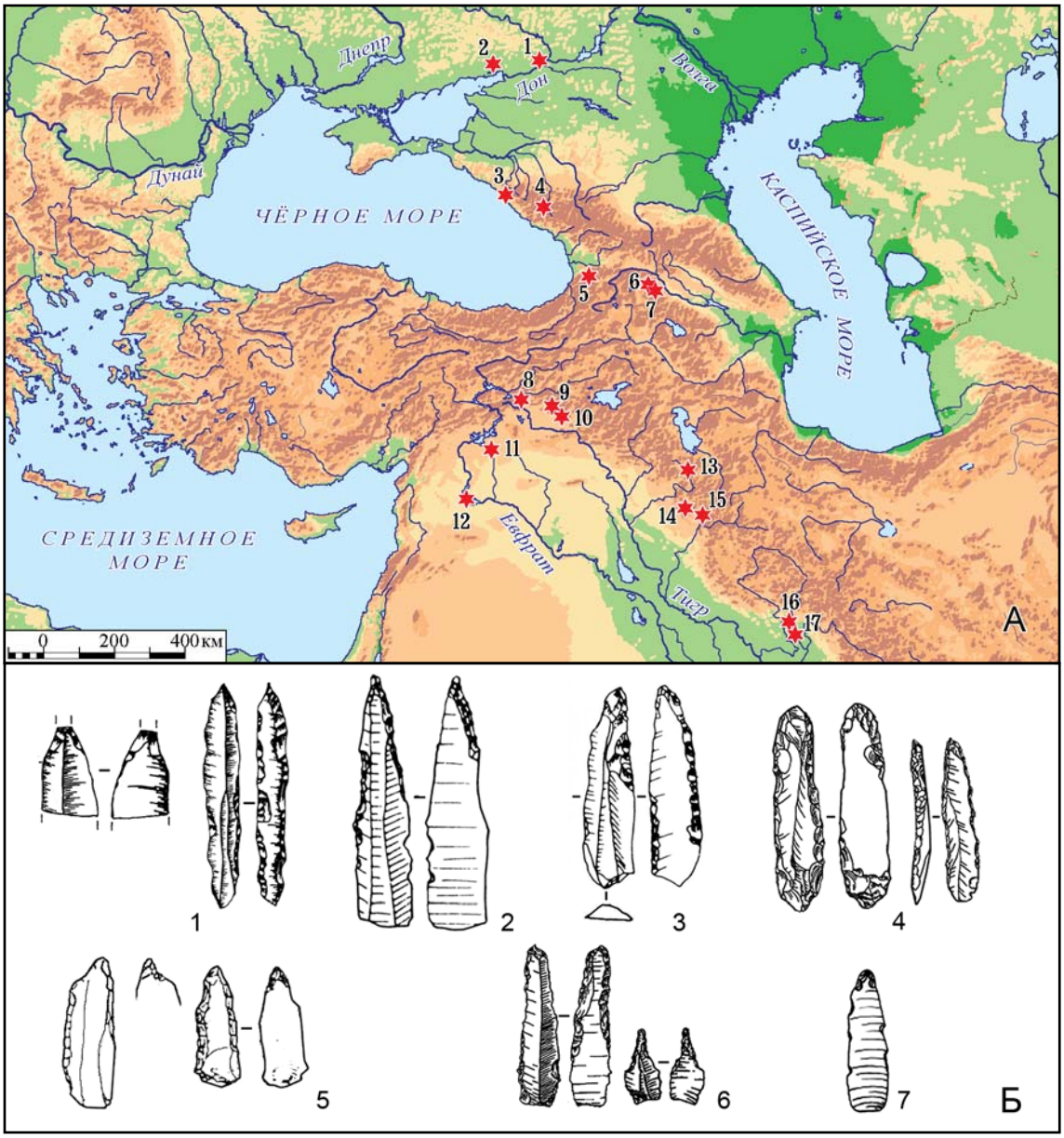

Рис. 24. Распространение сверл и перфораторов в главных памятниках неолита Кавказа и Передней Азии (данные по Kozlowski, Aurenche 2005).
Карта (А): 1 — Ракушечный Яр, Раздорская 2; 2 — Матвеев Курган; 3 — Нов. Шиловка; 4 — В. Ломса; 5 — Анасеули; 6 — Шулаверисгора; 7 — Имирисгора; 8 — Чайёню; 9 — Халлан Чеми; 10 — Кёртик; 11 — Гёбекли-Тепе; 12 — Кафер; 13 — Зави Чеми Шанидар; 14 — Джармо; 15 — Карим Шехир; 16 — Чога-Сефид; 17 — Али-Кош.
Рисунки (Б): 1 — Халлан-Чеми (Rosenberg 1994); 2 — Али-Кош (Hole 1994); 3 — Чайёню (Özdoğan 1994); 4 — Карим Шахир (Braidwood et al. 1983); 5 — Анасеули (Небиеридзе 1972); 6 — Джармо (Braidwood et al. 1983); 7 — Чога-Сефид (Hole 1977).

Fig. 24. Distribution of drills and perforators on the main Neolithic sites of the Caucasus and Middle East (after Kozlowski, Aurenche 2005).
Map (A): 1 — Rakushechnyi Yar, Razdorskaya 2; 2 — Matveev Kurgan; 3 — Novaya Shilovka; 4 — V. Lomsa; 5 — Anaseuli; 6 — Shulaverisgora; 7 — Imirisgora; 8 — Çayönü; 9 — Hallan Çemi; 10 — Körtik; 11 — Göbekli Tepe; 12 — Cafer; 13 — Zawi Chemi Shanidar; 14 — Jarmo; 15 — Karim Shahir; 16 — Choga Sefid; 17 — Ali Kosh.
Drawings (Б): 1 — Hallan Çemi (Rosenberg 1994); 2 — Ali Kosh (Hole 1994); 3 — Çayönü (Özdoğan 1994); 4 — Karim Shahir (Braidwood et al. 1983); 5 — Anaseuli (Небиеридзе 1972); 6 — Jarmo (Braidwood et al. 1983); 7 — Choga Sefid (Hole 1977).

ботаническими и антракологическими анализами образцов из слоев, вмещающих культурные отложения.

В чем же было своеобразие неолитизации Нижнего Подонья по сравнению с Ближним Востоком, Балканами и Центральной Европой? Нам представляется, самым важным отличием было то, что элементы новой экономической, социальной и идеологической модели были, по всей видимости, вос-

приняты местным мезолитическим населением таким образом, что это не привело к качественной, структурной трансформации общества. В данном случае «революция символов», имевшая отчасти место в Нижнем Подонье, оказалась бессильной. Мир докерамического неолита В, неолитических деревень, знакомый по Ближнему Востоку, Анатолии, Балканам и Центральной Европе, здесь так и не наступил. Неолит Нижнего Дона оставался еще длительное время, вероятно, до наступления эпохи энеолита, по своей сути, несколько более сложно организованным, но все же обществом охотников, собирателей и рыболовов. Остается загадкой: какую роль играло в нем появление животноводства и земледелия? Являлись они элементами престижа, социальной страховки, или, как считал Ж. Кове, символом победы человека над силами природы? Динамика развития неолита в этом регионе показывает, что значение южных связей то усиливалось, то затухало (Gorelik, Cybrij 2007: 37—39). По всей видимости, в распространении форм керамической посуды и приемов орнаментации в VII тыс. до н. э. и позднее могли играть важную роль восточные импульсы, например, со стороны Северного Прикаспия и елшанской культуры (Doluchanov et al. 2009: 10). Нельзя исключить и роль влияний западных соседей, например, буго-днестровской и сурской культур. Проблема вычленения субстратной части ранненеолитического сообщества представляется не менее сложной, нежели выделение ее суперстратной части. Обе эти задачи остаются актуальными для ближайшей перспективы научного изучения мезолита и неолита Нижнего Подонья.

Литература

Амирханов Х. А. 1987. *Чохское поселение. Человек и его культура в мезолите и неолите горного Дагестана*. Москва: Наука.

Бадер Н. О. 1989. Древнейшие земледельцы Северной Месопотамии. В: Мунчаев Р. М. (отв. ред.). *Исследования Советской археологической экспедиции в Ираке на поселениях Телль Магзалия, Телль Сотто, Кюльтепе*. Москва: Наука.

Белановская Т. Д. 1995. *Из древнейшего прошлого Нижнего Подонья*. Санкт-Петербург: Изд-во С.-Петербургского университета.

Бжания В. В. 1996. Кавказ. В: Ошибкина С. (отв. ред.). *Неолит Северной Евразии*. Археология с древнейших времен до средневековья в 20 томах. Москва: Наука, 73—86.

Бодянський О. 1949. Неолітична стоянка на острові Шулаевому. *Археологічні пам'ятки* II. Київ, 158—167.

Гавриленко І. М. 2001. «Човники» доби мезоліту-енеоліту та проблема іхнього призначення. *Восточноевропейский археологический журнал* 5 (12). URL: http://archaeology.kiev.ua/journal/txt/index.html. Дата обращения 10 октября 2013 г.

Гиря Е. Ю. 1997. Технологический анализ каменных индустрий. Методика микро-макроанализа древних орудий труда. *Археологические изыскания* 44. Санкт-Петербург.

Гогитидзе С. 1978. *Неолитическая культура Юго-Восточного Причерноморья*. Тбилиси: Мецниереба.

Горелик и др. 2013: Горелик А., Цыбрий А., Цыбрий В., Бенеке Н. 2013. *Проблемы экономико-археологического анализа материалов неолитического поселения Ракушечный Яр и синхронных поселений Приазовья*. Ростов-на-Дону: Изд-во Ростовского ун-та, в печати.

Даніленко В. М. 1950. До питання про ранній неолит Південної Наддніпрянщини. *Археологія* III, 119—147.

Даниленко В. Н. 1969. *Неолит Украины. Главы древней истории Юго-Восточной Европы*. Киев: Наукова думка.

Залізняк Л. Л., Панченко Ю. В. 2007. Неолітизація Правобережної України: Балкани чи «Східний імпульс»? *Матеріали та дослідження з археології Східної України* 7, 6—14.

Кияшко В. Я. 1987. Многослойное поселение Раздорское 1 на Нижнем Дону. *КСИА* 192, 73—80.

Кияшко В. Я. 1994. *Между камнем и бронзой (Нижнее Подонье в 5—3 тыс. до н. э.)*. Азов.

Котова Н. С. 2002. *Неолитизация Украины*. Луганск: Шлях.

Красильников К. И. 1999. *Древнее камнерезное искусство Луганщины*. Луганск: Шлях.

Крижевская Л. Я. 1983. Некоторые данные о древнейшей керамике степей Причерноморья. В: Крижевская Л. Я. (отв. ред.). *Изыскания по мезолиту и неолиту СССР*. Ленинград: Наука, 60—64.

Крижевская Л. Я. 1992. *Начало неолита в степях Северного Причерноморья*. Санкт-Петербург: ИИМК РАН.

Кушнарева К. Х. 1993. *Южный Кавказ в IX—II тыс. до н. э. Этапы культурного и социально-экономического развития*. Санкт-Петербург: Петербургское востоковедение.

Леонова Е. В. 2009. О хронологии и периодизации позднеплейстоценовых-раннеголоценовых памятников Северо-Западного Кавказа (по материалам последних исследований в Губском ущелье). *РА* 4, 94—107.

Небиеридзе Л. Д. 1972. *Неолит Западного Кавказа*. Тбилиси: Мецниереба.

Нужний Д. Ю. 1992. *Розвиток мікролітичної техніки в кам'яному віці*. Київ: Наукова думка.

Привалов А. И. 1994. Памятник сурско-днепровской культуры в Днепровском Надпорожье. *Донецкий археологический сборник* 5. Донецк: Донецкий университет, 104—114.

Телегін Д. Я. 1968. *Дніпро-донецька культура. До історії населення епохи неоліту — раннього металу Півдня Східної Європи*. Київ: Наукова думка.

Телегін Д. Я. 1981. Про неолітичні пам'ятки Подоння і Степового Поволжя. *Археологія* 36, 3—18.

Телегін Д. Я. 2002. *Ігренське поселення на Подніпров'ї та проблема житлобудування в мезоліті Східної Європи*. Луганськ: Шлях.

Тубольцев О. В. 2005. Неопубликованные материалы по раннему неолиту Надпорожья. *Старожитності степової України і Криму* XII, 28—49.

Усачева И.В. 2013. *«Утюжки» Евразии*. Новосибирск: Наука.

Формозов А.А. 1962. Неолит Крыма и Черноморского побережья Кавказа. *МИА* 102, 89—149.

Формозов А.А. 1965. *Каменный век и энеолит Прикубанья*. Москва: Наука.

Формозов А.А. 1977. *Проблемы этнокультурной истории каменного века на территории европейской части СССР*. Москва: Наука.

Цыбрий В.В., Цыбрий А.В. 2003. Неолитические памятники бассейна Нижнего Дона, Восточного и Северо-Восточного Приазовья (по материалам Ростовской области). *Археологический альманах* 13, 281—298.

Цыбрий В.В. 2008. *Неолит Нижнего Дона и Северо-Восточного Приазовья*. Ростов-на-Дону: Изд-во АПСН СКНЦ ВШ ЮФУ.

Цыбрий В.В. 2010. *Отчет о раскопках стоянки Раздорская 2 в 2010 г.* Архив ДАО. № 2010/Р.

Цыбрий и др. 2013: Цыбрий А., Цыбрий В., Горелик А.Ф. *Неолитическое поселение Ракушечный Яр в Нижнем Подонье: стратиграфия, хронология и культурное своеобразие*. Ростов-на-Дону: Изд-во Ростовского ун-та.

Aleksandrovsky et al. 2009: Aleksandrovsky A.L., Belanovskaya T.D., Dolukhanov P.M., Kiyashko VYa., Kremenetsky K.V., Lavrentiev N.V., Shukurov A.M., Tsybriy A.V., Tsybriy V.V., Kovalyukh N.N., Skripkin V.V., Zaitseva G.I. 2009. The Lower Don Neolithic. In: Dolukhanov P.M., Sarson G.R., Shukurov A.M. (eds.). *The East European Plain on the Eve of Agriculture*. BAR International Series S1964. Oxford, 89—98.

Arimura et al. 2010: Arimura M., Badalyan R., Gasparyan B., Chataigner C. 2010. Current Neolithic Research in Armenia. *Neo-Lithic* 1/10, 77—85.

Benecke N. 1997. Archaeozoological studies on the transition from the Mesolithic to the Neolithic in the North Pontic region. *Anthropozoologica* 25—26, 631—641.

Biagi P., Kiosak D. 2010. The Mesolithic of the northwestern Pontic region. New AMS dates for the origin and spread of the blade and trapeze industries in south eastern Europe. *Eurasia Antiqua* 16, 21—41.

Braidwood L.S., Braidwood R.J. (eds.). 1982. *Prehistoric Village Archaeology in South-Eastern Turkey. The eighth millennium B.C. site at Çayönü: its chipped and ground stone industries and faunal remains*. BAR International Series 138. Oxford.

Braidwood et al. 1983: Braidwood L.S., Braidwood R.J., Howe B., Reed Ch.A., Watson P. 1983. *Prehistoric archaeology along the Zagros flanks*. Chicago: The Oriental Institute of the University of Chicago.

Cauvin J. 2000. *The Birth of the Gods and the Origins of Agriculture*. Cambridge: University Press.

Cauvin et al. 2011: Cauvin J., Aurenche O., Cauvin M.-C., Balkan-Atli N. 2011. The Pre-Pottery Site of Cafer Höyük. In: Özdogan M., Başgelen N., Kuniholm P. (eds.). *The Neolithic in Turkey. New excavations & New Research. The Euphrates Basin*. Istanbul: Archaeology & Art Publication, 1—40.

Cohen M. 1977. *The Food Crisis in Prehistory: Overpopulation and the Origins of Agriculture*. New Haven: Yale University Press.

Davis M.K. 1982. The Çayönü ground stone. In: Braidwood L.S., Braidwood R.J. (eds.). *Prehistoric Village Archaeology in South-Eastern Turkey. The eighth millennium B.C. site at Çayönü: its chipped and ground stone industries and faunal remains*. BAR International Series 138. Oxford, 73—126.

Dolukhanov et al. 2009: Dolukhanov P.M., Shukurov A., Davison K., Sarson G., Gerasimenko N.P., Pashkevich G.A., Vybornov A.A., Kovalyukh N.N., Skripkin V.V., Zaitseva G.I., Sapelko T.V. 2009. The Spread of Neolithic in the South East European Plain: Radiocarbon Chronology, Subsistence, and Environment. *Radiocarbon* 51 (2), 1—11.

Erim-Özdoğan A. 2011. Sumaki Höyük. A New Neolithic Settlement in the Upper Tigris Basin. In: Özdoğan M., Başgelen N., Kuniholm P. (eds.). *The Neolithic in Turkey. New excavations & New Research. The Tigris Basin*. Istanbul: Archaeology & Art Publication, 19—60.

Geörg C. 2013. *Paläopopulationsgenetik von Schwein und Schaf in Südosteuropa und Transkaukasien. Menschen-Kulturen-Traditionen*. Rahden, Westf.: Leidorf.

Gorelik A.F., Cybrij A.V. 2007. Die spätneolithische Siedlung Kremennaja II am Unteren Don. *Eurasia Antiqua* 13, 21—42.

Hamilton N. 1996. Figurines, Clay Balls, Small Finds and Burials. In: Hodder J. (ed.). *On the surface: Çatalhüyük 1993—95*. Ankara: Mc Donald Institute, 215—264.

Hansen S. 2007. Kleinkunst und Großplastik Menschendarstellungen von Vorderasien-Anatolien bis in den Donauraum. In: Lichter Cl. (Hrsg.). *Vor 12.000 Jahren in Anatolien. Die ältesten Monumente der Menschheit*. Karlsruhe: Badisches Landesmuseum Karlsruhe, 192—206.

Hauptmann H. 2011. The Urfa Region. In: Özdoğan M., Başgelen N., Kuniholm P. (eds.). *The Neolithic in Turkey. New excavations & New Research. The Euphrates Basin*. Istanbul: Archaeology & Art Publication, 85—138.

Hole F. 1983. The Jarmo chipped stone. In: Braidwood L.S., Braidwood R.J., Howe B., Reed Ch.A., Watson P. (eds.). *Prehistoric archaeology along the Zagros flanks*. Chicago: The Oriental Institute of the University of Chicago, 235—290.

Inizan M.L. 2012. Pressure Debitage in the Old World: Forerunners Researchers, Geopolitics-Handing on the Baton. In: Desrosiers P.M. (ed.). *The Emergence of Pressure Blade Making. From Origin to Modern Experimentation*. Dordrecht; Heidelberg; London, 11—42.

Kiguradze T. 1986. Neolithische Siedlungen von Kvemo-Kartli, Georgien. *Materialien zur allgemeinen und vergleichenden Archäologie* 29. München: C.H. Beck.

Kiguradze T., Menabde M. 2004. The Neolithic of Georgia. In: Sagona A. (ed.). *View from the Highlands. Archaeological Studies in Honour of Charles Burney*. Leuven: Peeters, 345—398.

Köksal-Schmidt Ç., Schmidt Kl. 2007. Perlen, Steingefäße, Zeichentäfelchen. Handwerkliche Spezialisierung und steinzeitliches Symbolsystem. In: Lichter Cl. (Hrsg.). *Vor 12.000 Jahren in Anatolien. Die ältesten Monumente der Menschheit*. Karlsruhe: Badisches Landesmuseum Karlsruhe, 97—109.

Kozlowski S.K. 1999. *The Eastern Wing of the Fertile Crescent. Late Prehistory of Greater Mesopotamian lithic industries*. BAR International Series 760. Oxford.

Kozlowski S.K., Aurenche O. 2005. *Territories, Boundaries and Cultures in the Neolithic Near East*. BAR International Series 1362. Oxford.

Krauß R. 2011. On the Monochrome Neolithic in Southeast Europe. In: Krauß R. (Hrsg.). *Beginnings — New Research in the Appearance of the Neolithic between Northeast Anatolia and the Carpathian Basin. Papers of the International Workshop 8th—9th April 2009, Istanbul*. Rahden, Westf.: Marie Leidorf Gmbh, 109—125.

Križevskaja L.J. 1981. Der Übergang vom Mesolithikum

zum Neolithikum in den Steppen des nordöstlichen Schwarzmeergebietes. *Veröffentlichungen des Museums für Ur- und Frühgeschichte Potsdams* 14/15, 121—128.

Lichter Cl. (Hrsg.). 2007. *Vor 12.000 Jahren in Anatolien. Die ältesten Monumente der Menschheit.* Karlsruhe: Badisches Landesmuseum Karlsruhe.

Mazurowski R. F. 1997. *Nemrik 9. Pre-Pottery Neolithic Site in Iraq.* Vol. 3. *Ground and Pecked Stone Industry in the Pre-Pottery Neolithic of Northern Iraq.* Warsaw: Wydawnictwa Instytutu Archeologii.

Melaart J. 1975. *The Neolithic of the Near East.* London: Thames and Hudson.

Miyake Y. 2011. Salat Cami Yani. A Pottery Neolithic Site in the Tigris Valley. In: Özdogan M., Başgelen N., Kuniholm P. (eds.). *The Neolithic in Turkey. New excavations & New Research. The Tigris Basin*. Istanbul: Archaeology & Art Publication, 129—149.

Moholy-Nagy H. 1983. Jarmo artefacts of pecked and ground stone and of shell. In: Braidwood L. S., Braidwood R. J., Howe B., Reed Ch. A., Watson P. (eds.). *Prehistoric archaeology along the Zagros flanks.* Chicago: The Oriental Institute of the University of Chicago, 290—346.

Morales V. Br. 1983. Jarmo figurines and other clay objects. In: Braidwood L. S., Braidwood R. J., Howe B., Reed Ch. A., Watson P. (eds.). *Prehistoric archaeology along the Zagros flanks.* Chicago: The Oriental Institute of the University of Chicago 369—394.

Noy T. 1991. Art and decoration of the Natufian at Nahal Oren. In: Bar-Yosef O., Valla Fr. R. (eds.). *The Natufian Culture in the Levant.* Ann-Arbor: International Monografs in Prehistory, 557—568.

Özbasaran M., Duru G. 2011. Akarçay Tepe, A PPNB and PN Settlements in Middle Euphrates-Urfa. In: Özdogan M., Başgelen N., Kuniholm P. (eds.). *The Neolithic in Turkey. New excavations & New Research. The Euphrates Basin.* Istanbul: Archaeology & Art Publication, 165—202.

Özdogan M. 2011. An Anatolian Perspective on the Neolithization Process in the Balkans. New Questions, New Prospects. In: Krauß R. (Hrsg.). *Beginnings — New Research in the Appearance of the Neolithic between Northeast Anatolia and the Carpathian Basin. Papers of the International Workshop 8th—9th April 2009, Istanbul.* Rahden, Westf.: Marie Leidorf GmbH, 23—34.

Özkaya V., Coşkun A. 2011. Körtik Tepe. In: Özdogan M., Başgelen N., Kuniholm P. (eds.). *The Neolithic in Turkey. New excavations & New Research. The Tigris Basin*. Istanbul: Archaeology & Art Publication, 89—127.

Perles C. 2001. *The Early Neolithic in Greece. The first farming communities in Europe*. Cambridge: University Press.

Rosenberg M. 2011. Hallançemi. In: Özdoğan M., Başgelen N., Kuniholm P. (eds.). *The Neolithic in Turkey. New Excavations & New Research. The Tigris Basin.* Istanbul: Archaeology&ArtPublication, 61—78.

Rostunov u. a. 2009: Rostunov V., Ljachov S., Reinhold S. 2009. Cmi — eine freilandfundstelle des Spätmesolithikums und Frühneolithikums in Nordosseti-en (Nordkaukasus). *Archäologische Mitteilungen aus Iran und Turan*. 41, 47—74.

Scheu A. 2012. Palaeogenetische Studien zur Populationsgeschichte von Rind und Ziege mit einem Schwerpunkt auf dem Neolithikum in Südosteuropa. In: Gerlach I., Raue D. (Hrsg.). *Menschen-Kulturen-Traditionen* 4. Rahden, Westf.: Leidorf.

Schmandt-Besserat D. 1992. *Before Writing* 1. *From Counting to Cuneiform*. Austin: University of Texas Press.

Schmidt Kl. 2007. Die Steinkreise und die Reliefs des Göbekli Tepe. In: Lichter Cl. (Hrsg.). *Vor 12.000 Jahren in Anatolien. Die ältesten Monumente der Menschheit*. Karlsruhe: Badisches Landesmuseum Karlsruhe, 83—96.

Solecki R. L., Solecki R. S. 1970. Grooved Stones from Zawi Chemi Shanidar, a Protoneolithic Site in Northern Iraq. *American Anthropologist* 72, 831—841.

Solecki R. L. 1980. *An Early Village Site at Zawi Chemi Shanidar*. Malibu, CA: Undena Publications.

Thissen L. C. 2007. Die Anfänge der Keramikproduktion. In: Lichter Cl. (Hrsg.). *Vor 12.000 Jahren in Anatolien. Die ältesten Monumente der Menschheit.* Karlsruhe: Badisches Landesmuseum Karlsruhe, 218—229.

Wechler K.-P. 1997. Poliroval'niki und das Neolithikum der Steppe und Waldsteppe Osteuropas. In: Becker C. u. a. (Hrsg.). *Chronos. Beiträge zur prähistorischen Archäologie zwischen Nord- und Südosteuropa. Festschrift für Bernhard Hänsel.* Espelkamp, 107—117.

Wechler K.-P. 2001. *Studien zum Neolithikum der osteuropäischen Steppe.* Archäologie in Eurasien 12. Mainz: von Zabern.

Zeder M. A. 2009. The Neolithic Macro-(R)Evolution: Macroevolutionary Theory and the Study of Culture Change. *Journal of Archaeological Research* 17, 1—63.

References

Amirkhanov, Kh. A. 1987. *Chokhskoe poselenie. Chelovek i ego kul'tura v mezolite i neolite gornogo Dagestana (The settlement of Choh. Man and his culture in the Mesolithic and Neolithic of the montane Daghestan).* Moscow: Nauka (in Russian).

Bader, N. O. 1989. In *Issledovaniia Sovetskoi arkheologicheskoi ekspeditsii v Irake na poseleniiakh Tell' Magzaliia, Tell' Sotto, Kiul'tepe (Earliest farmers of Northern Mesopotamia. Investigations of the Iraq Soviet exoedition on Tell Mazgalia, Tell Sotto, Kültep).* Moscow: Nauka (in Russian).

Belanovskaya, T. D. 1995. *Iz drevneishego proshlogo Nizhnego Podon'ia (From the oldest history of Lower Don region).* Saint Petersburg: SPbGU (in Russian).

Bzhaniya, V. V. 1996. In *Neolit Severnoi Evrazii. Arkheologiia s drevneishikh vremen do srednevekov'ia v 20 tomakh (Archaeology from Prehistory to Middle Age in 20 volumes).* Moscow: Nauka, 73—86 (in Russian).

Bodyanskyj, O. 1949. In *Arkheolohichni pam'yatky (Archaeological sites* I*)* II. Kiev, 158—167 (in Ukrainian).

Gavrilenko I. M., 2001. In *Vostochnoevropeiskii arkheologicheskii zhurnal (East-European archaeological journal)* 5 (12). URL: http://archaeology.kiev.ua/journal/txt/index.html. Date of access 10.10.2013 (in Ukrainian).

Girya, E. Yu. 1997. In *Arkheologicheskie izyskaniia (Archaeological investigations)* 44. Saint Petersburg (in Russian).

Gogitidze, S. 1978. *Neoliticheskaia kul'tura Iugo-Vostochnogo Prichernomor'ia (Neolithic culture of South-Eastern Black Sea region).* Tbilisi: Metsniereba (in Russian).

Gorelik, A., Tsybriy, A., Tsybriy, V., Beneke, N. 2013. *Problemy ekonomiko-arkheologicheskogo analiza materialov neoliticheskogo poseleniia Rakushechnyi Iar i sinkhronnykh poselenii Priazov'ia (Problems of economical-archaeological analysis of the materials from the Neolithic settlement of Rakushechnyi Yar and synchronous settlements of the Azov region).* Rostov-on-Don: Izdatel'stvo Rostovskogo universiteta, in print (in Russian).

Danilenko, V. M. 1950. In *Arkheolohiya (Archaeology)* III, 119—147 (in Ukrainian).

Danilenko, V. N. 1969. *Neolit Ukrainy. Glavy drevnei istorii Iugo-Vostochnoi Evropy (Neolithic of Ukraine. Chapters from the ancient history of South-Eastern Europe).* Kiev: Naukova dumka (in Russian).

Zaliznyak, L. L., Panchenko, Yu. V. 2007. In *Materialy ta doslidzhennya z arkheolohii Skhidnoi Ukrainy (Materials and researches in the archaeology of Eastern Ukraine)* 7, 6—14 (in Ukrainian).

Kiyashko, V. Ya. 1987. In *Kratkie soobshcheniia Instituta arkheologii Akademii nauk SSSR (Brief reports of the Institute of Archaeology of the Academy of Sciences of USSR)* 192, 73—80 (in Russian).

Kiyashko, V. Ya. 1994. *Mezhdu kamnem i bronzoi (Nizhnee Podon'e v 5—3 tys. do n. e.) (Between stone and bronze (Lower Don region in 5th—3th millennia BC))*. Azov (in Russian).

Kotova, N. S. 2002. *Neolitizatsiia Ukrainy (Neolithisation of Ukraine)*. Lugansk: Shliakh (in Russian).

Krasilnikov, K. I. 1999. *Drevnee kamnereznoe iskusstvo Luganshchiny (Ancient stone-cutting art of Lugansk region)*. Lugansk: Shliakh (in Russian).

Krizhevskaya, L. Ya. 1983. In *Izyskaniia po mezolitu i neolitu SSSR (Researches on Mesolithic and Neolithic of USSR)*. Leningrad: Nauka, 60—64 (in Russian).

Krizhevskaya, L. Ya. 1992. *Nachalo neolita v stepiakh Severnogo Prichernomor'ia (Beginning of Neolithic in the steppes of Northern Pontic region)*. Saint Petersburg: IIMK RAN (in Russian).

Kushnareva, K. Kh. 1993. *Iuzhnyi Kavkaz v IX—II tys. do n. e. Etapy kul'turnogo i sotsial'no-ekonomicheskogo razvitiia (Southern Caucasus in the 9th—2nd millennia BC. Stages of cultural and socio-economic development)*. Saint Petersburg: Peterburgskoe vostokovedenie (in Russian).

Leonova, E. V. 2009. In *Rossiiskaia Arkheologiia (Russian Archaeology)* 4, 94—107 (in Russian).

Nebieridze, L. D. 1972. *Neolit Zapadnogo Kavkaza (Neolithic of Western Caucasus)*. Tbilisi: Metsniereba (in Russian).

Nuzhnyi, D. Yu. 1992. *Rozvytok mikrolitychnoï tekhniky v kam'yanomu vitsi (The development of microlithic technique in the Stone Age: improvement of weapons of prehistoric hunters)*. Kiev: Naukova dumka (in Ukrainian).

Privalov, A. I. 1994. In *Donetskii arkheologicheskii sbornik (Donetsk archaeological compilation)* 5. Donetsk: Donetskii universitet, 104—114 (in Russian).

Telegin, D. Ya. 1968. *Dnipro-donets'ka kul'tura. Do istori naselennya epokhy neolitu-rann'oho metalu Pivdnya Skhidnoi Evropy (Dnepr-Donetsk culture. To the history of the Neolithic – Early Metal Age population of the South of Eastern Europe)*. Kiev: Naukova dumka (in Ukrainian).

Telegin, D. Ya. 1981. In *Arkheolohiya (Archaeology)* 36, 3—18 (in Ukrainian).

Telegin, D. Ya. 2002. *Ihrens'ke poselennya na Podniprov'i ta problema zhytlobuduvannya v mezoliti Skhidnoi Evropy (Igren settlement on Dnieper and the problem of dwelling construction in the Mesolithic of Eastern Europe)*. Lugansk: Shlyakh (in Ukrainian).

Tuboltsev, O. V. 2005. *Starozhytnosti stepovoi Ukrainy i Krymu (Antiquities of the steppe zone in Northern pontic and Crimea)* XII, 28—49 (in Russian).

Usacheva, I. V. 2013. *«Utiuzhki» Evrazii „Polishers" of Eurasia*). Novosibirsk: Nauka (in Russian).

Formozov, A. A. 1962. In *Materialy i issledovaniia po arkheologii SSSR (Materials and researces on the archaeology of USSR)* 102, 89—149 (in Russian).

Formozov, A. A. 1965. *Kamennyi vek i eneolit Prikuban'ia (Stone Age and Eneolithic of the Kuban region)*. Moscow: Nauka (in Russian).

Formozov, A. A. 1977. *Problemy etnokul'turnoi istorii kamennogo veka na territorii evropeiskoi chasti SSSR (Problems of ethno-cultural history of the Stone Age on the territory of European part of USSR)*. Moscow: Nauka (in Russian).

Tsybriy, V. V., Tsybriy, A. V. 2003. In *Arkheologicheskii almanakh (Archaeological almanac)* 13, 281—298 (in Russian).

Tsybriy, V. V. 2008. *Neolit Nizhnego Dona i Severo-Vostochnogo Priazov'ia (Neolithic of Lower Don and North-Eastern Azov region)*. Rostov-on-Don: APSN SKNTs VSh IuFU (in Russian).

Tsybriy V. V. 2010. *Otchet o raskopkakh stoianki Razdorskaia 2 v 2010 g. (Report on the excavations of the Razdorskaya 2 site in 2010)*. Arkhiv Donskogo arkheologicheskogo obshchestva (Archive of the Don Archaeological Society). No. 2010/R.

Tsybriy, A., Tsybriy, V., Gorelik, A. F. 2013. *Neoliticheskoe poselenie Rakushechnyi Iar v Nizhnem Podon'e: stratigrafiia, khronologiia i kul'turnoe svoebrazie (Neolithic settlement of Rakushechnyi Yar in Lower Don region: stratigraphy, chronology and cultural peculiarity)*. Rostov-on-Don: Izdatel'stvo Rostovskogo universiteta (in Russian).

Aleksandrovsky, A. L., Belanovskaya, T. D., Dolukhanov, P. M., Kiyashko, V Ya., Kremenetsky, K. V., Lavrentiev, N. V., Shukurov, A. M., Tsybriy, A. V., Tsybriy, V. V., Kovalyukh, N. N., Skripkin, V. V., Zaitseva, G. I. 2009. The Lower Don Neolithic. In: Dolukhanov, P. M., Sarson, G. R., Shukurov, A. M. (eds.). *The East European Plain on the Eve of Agriculture.* BAR International Series S1964. Oxford, 89—98.

Arimura, M., Badalyan, R., Gasparyan, B., Chataigner, C. 2010. Current Neolithic Research in Armenia. *Neo-Lithic* 1/10, 77—85.

Benecke, N. 1997. Archaeozoological studies on the transition from the Mesolithic to the Neolithic in the North Pontic region. *Anthropozoologica* 25—26, 631—641.

Biagi, P., Kiosak, D. 2010. The Mesolithic of the northwestern Pontic region. New AMS dates for the origin and spread of the blade and trapeze industries in south eastern Europe. *Eurasia Antiqua* 16, 21—41.

Braidwood, L. S., Braidwood, R. J. (eds.). 1982. *Prehistoric Village Archaeology in South-Eastern Turkey. The eighth millennium B. C. site at Çayönü: its chipped and ground stone industries and faunal remains*. BAR International Series 138. Oxford.

Braidwood, L. S., Braidwood, R. J., Howe, B., Reed, Ch. A., Watson, P. 1983. *Prehistoric archaeology along the Zagros flanks.* Chicago: The Oriental Institute of the University of Chicago.

Cauvin, J. 2000. *The Birth of the Gods and the Origins of Agriculture*. Cambridge: University Press.

Cauvin, J., Aurenche, O., Cauvin, M.-C., Balkan-Atli, N. 2011. The Pre-Pottery Site of Cafer Höyük. In: Özdogan, M., Başgelen, N., Kuniholm, P. (eds.). *The Neolithic in Turkey. New excavations & New Research. The Euphrates Basin.* Istanbul: Archaeology & Art Publication, 1—40.

Cohen, M. 1977. *The Food Crisis in Prehistory: Overpopulation and the Origins of Agriculture*. New Haven: Yale University Press.

Davis, M. K. 1982. The Çayönü ground stone. In: Braidwood L. S., Braidwood R. J. (eds.). *Prehistoric Village Archaeology in South-Eastern Turkey. The eighth millennium B. C. site at Çayönü: its chipped and ground stone industries and faunal remains.* BAR International Series 138. Oxford, 73—126.

Dolukhanov, P. M., Shukurov, A., Davison, K., Sarson, G., Gerasimenko, N. P., Pashkevich, G. A., Vybornov, A. A., Kovalyukh, N. N., Skripkin, V. V., Zaitseva, G. I., Sapelko, T. V. 2009. The Spread of Neolithic in the South East European Plain: Radiocarbon Chronology, Subsistence, and Environment. *Radiocarbon* 51 (2), 1—11.

Erim-Özdoğan, A. 2011. Sumaki Höyük. A New Neolithic Settlement in the Upper Tigris Basin. In: Özdoğan M., Başgelen N., Kuniholm P. (eds.). *The Neolithic in Turkey. New excavations & New Research. The Tigris Basin*. Istanbul: Archaeology & Art Publication, 19—60.

Geörg, C. 2013. *Paläopopulationsgenetik von Schwein und Schaf in Südosteuropa und Transkaukasien. Menschen-Kulturen-Traditionen.* Rahden, Westf.: Leidorf.

Gorelik, A. F., Cybrij, A. V. 2007. Die spätneolithische Siedlung Kremennaja II am Unteren Don. *Eurasia Antiqua* 13, 21—42.

Hamilton, N. 1996. Figurines, Clay Balls, Small Finds and Burials. In: Hodder, J. (ed.). *On the surface: Çatalhüyük 1993—95*. Ankara: Mc Donald Institute, 215—264.

Hansen, S. 2007. Kleinkunst und Großplastik Menschendarstellungen von Vorderasien-Anatolien bis in den Donauraum. In: Lichter Cl. (Hrsg.). *Vor 12.000 Jahren in Anatolien. Die ältesten Monumente der Menschheit*. Karlsruhe: Badisches Landesmuseum Karlsruhe, 192—206.

Hauptmann, H. 2011. The Urfa Region. In: Özdoğan, M., Başgelen, N., Kuniholm, P. (eds.). *The Neolithic in Turkey. New excavations & New Research. The Euphrates Basin.* Istanbul: Archaeology & Art Publication, 85—138.

Hole, F. 1983. The Jarmo chipped stone. In: Braidwood, L. S., Braidwood, R. J., Howe, B., Reed, Ch. A., Watson, P. (eds.). *Prehistoric archaeology along the Zagros flanks*. Chicago: The Oriental Institute of the University of Chicago, 235—290.

Inizan, M. L. 2012. Pressure Debitage in the Old World: Forerunners Researchers, Geopolitics-Handing on the Baton. In: Desrosiers P. M. (ed.). *The Emergence of Pressure Blade Making. From Origin to Modern Experimentation*. Dordrecht; Heidelberg; London, 11—42.

Kiguradze, T. 1986. Neolithische Siedlungen von Kvemo-Kartli, Georgien. *Materialien zur allgemeinen und vergleichenden Archäologie* 29. München: C. H. Beck.

Kiguradze, T., Menabde, M. 2004. The Neolithic of Georgia. In: Sagona A. (ed.). *View from the Highlands. Archaeological Studies in Honour of Charles Burney*. Leuven: Peeters, 345—398.

Köksal-Schmidt, Ç., Schmidt, Kl. 2007. Perlen, Steingefäße, Zeichentäfelchen. Handwerkliche Spezialisierung und steinzeitliches Symbolsystem. In: Lichter Cl. (Hrsg.). *Vor 12.000 Jahren in Anatolien. Die ältesten Monumente der Menschheit*. Karlsruhe: Badisches Landesmuseum Karlsruhe, 97—109.

Kozlowski, S. K. 1999. *The Eastern Wing of the Fertile Crescent. Late Prehistory of Greater Mesopotamian lithic industries*. BAR International Series 760. Oxford.

Kozlowski, S. K., Aurenche, O. 2005. *Territories, Boundaries and Cultures in the Neolithic Near East*. BAR International Series 1362. Oxford.

Krauß, R. 2011. On the Monochrome Neolithic in Southeast Europe. In: Krauß R. (Hrsg.). *Beginnings — New Research in the Appearance of the Neolithic between Northeast Anatolia and the Carpathian Basin. Papers of the International Workshop 8th—9th April 2009, Istanbul*. Rahden, Westf.: Marie Leidorf Gmbh, 109—125.

Križevskaja, L. J. 1981. Der Übergang vom Mesolithikum zum Neolithikum in den Steppen des nordöstlichen Schwarzmeergebietes. *Veröffentlichungen des Museums für Ur- und Frühgeschichte Potsdams* 14/15, 121—128.

Lichter Cl. (Hrsg.). 2007. *Vor 12.000 Jahren in Anatolien. Die ältesten Monumente der Menschheit.* Karlsruhe: Badisches Landesmuseum Karlsruhe.

Mazurowski, R. F. 1997. *Nemrik 9. Pre-Pottery Neolithic Site in Iraq*. Vol. 3. *Ground and Pecked Stone Industry in the Pre-Pottery Neolithic of Northern Iraq*. Warsaw: Wydawnictwa Instytutu Archeologii.

Melaart, J. 1975. *The Neolithic of the Near East*. London: Thames and Hudson.

Miyake ,Y. 2011. Salat Cami Yani. A Pottery Neolithic Site in the Tigris Valley. In: Özdogan M., Başgelen N., Kuniholm P. (eds.). *The Neolithic in Turkey. New excavations & New Research. The Tigris Basin*. Istanbul: Archaeology & Art Publication, 129—149.

Moholy-Nagy, H. 1983. Jarmo artefacts of pecked and ground stone and of shell. In: Braidwood, L. S., Braidwood, R. J., Howe, B., Reed, Ch. A., Watson, P. (eds.). *Prehistoric archaeology along the Zagros flanks.* Chicago: The Oriental Institute of the University of Chicago, 290—346.

Morales, V. Br. 1983. Jarmo figurines and other clay objects. In: Braidwood, L. S., Braidwood, R. J., Howe, B., Reed, Ch. A., Watson, P. (eds.). *Prehistoric archaeology along the Zagros flanks.* Chicago: The Oriental Institute of the University of Chicago 369—394.

Noy, T. 1991. Art and decoration of the Natufian at Nahal Oren. In: Bar-Yosef, O., Valla, Fr. R. (eds.). *The Natufian Culture in the Levant*. Ann-Arbor: International Monografs in Prehistory, 557—568.

Özbasaran, M., Duru, G. 2011. Akarçay Tepe, A PPNB and PN Settlements in Middle Euphrates-Urfa. In: Özdogan, M., Başgelen, N., Kuniholm, P. (eds.). *The Neolithic in Turkey. New excavations & New Research. The Euphrates Basin.* Istanbul: Archaeology & Art Publication, 165—202.

Özdogan, M. 2011. An Anatolian Perspective on the Neolithization Process in the Balkans. New Questions, New Prospects. In: Krauß, R. (Hrsg.). *Beginnings — New Research in the Appearance of the Neolithic between Northeast Anatolia and the Carpathian Basin. Papers of the International Workshop 8th—9th April 2009, Istanbul*. Rahden, Westf.: Marie Leidorf GmbH, 23—34.

Özkaya, V., Coşkun, A. 2011. Körtik Tepe. In: Özdogan, M., Başgelen, N., Kuniholm, P. (eds.). *The Neolithic in Turkey. New excavations & New Research. The Tigris Basin*. Istanbul: Archaeology & Art Publication, 89—127.

Perles, C. 2001. *The Early Neolithic in Greece. The first farming communities in Europe*. Cambridge: University Press.

Rosenberg, M. 2011. Hallançemi. In: Özdoğan M., Başgelen N., Kuniholm P. (eds.). *The Neolithic in Turkey. New Excavations & New Research. The Tigris Basin.* Istanbul: Archaeology&ArtPublication, 61—78.

Rostunov, V., Ljachov, S., Reinhold, S. 2009. Cmi — eine freilandfundstelle des Spätmesolithikums und Frühneolithikums in Nordossetien (Nordkaukasus). *Archäologische Mitteilungen aus Iran und Turan*. 41, 47—74.

Scheu, A. 2012. Palaeogenetische Studien zur Populationsgeschichte von Rind und Ziege mit einem Schwerpunkt auf dem Neolithikum in Südosteuropa. In: Gerlach, I., Raue, D. (Hrsg.). *Menschen-Kulturen-Traditionen* 4. Rahden, Westf.: Leidorf.

Schmandt-Besserat, D. 1992. *Before Writing* 1. *From Counting to Cuneiform*. Austin: University of Texas Press.

Schmidt, Kl. 2007. Die Steinkreise und die Reliefs des Göbekli Tepe. In: Lichter Cl. (Hrsg.). *Vor 12.000 Jahren in Anatolien. Die ältesten Monumente der Menschheit*. Karlsruhe: Badisches Landesmuseum Karlsruhe, 83—96.

Solecki, R. L., Solecki, R. S. 1970. Grooved Stones from Zawi Chemi Shanidar, a Protoneolithic Site in Northern Iraq. *American Anthropologist* 72, 831—841.

Solecki, R. L. 1980. *An Early Village Site at Zawi Chemi Shanidar*. Malibu, CA: Undena Publications.

Thissen, L. C. 2007. Die Anfänge der Keramikproduktion. In: Lichter, Cl. (Hrsg.). *Vor 12.000 Jahren in Anatolien. Die ältesten Monumente der Menschheit*. Karlsruhe: Badisches Landesmuseum Karlsruhe, 218—229.

Wechler, K.-P. 1997. Poliroval'niki und das Neolithikum der Steppe und Waldsteppe Osteuropas. In: Becker C. u. a. (Hrsg.). *Chronos. Beiträge zur prähistorischen Archäologie zwischen Nord- und Südosteuropa. Festschrift für Bernhard Hänsel*. Espelkamp, 107—117.

Wechler, K.-P. 2001. *Studien zum Neolithikum der osteuropäischen Steppe*. Archäologie in Eurasien 12. Mainz: von Zabern.

Zeder, M. A. 2009. The Neolithic Macro-(R)Evolution: Macroevolutionary Theory and the Study of Culture Change. *Journal of Archaeological Research* 17, 1—63.

Статья поступила в номер 19 января 2014 г.

Alexander Gorelik (Bochum, Germany). Candidate of Historical Sciences.

Alexander Gorelik (Bochum, Germania). Candidat în ştiinţe istorice.

Горелик Александр Феликсович (Бохум, Германия). Кандидат исторических наук.

E-mail: gorelik_alexander@hotmail.com

Andrei Tsybriy (Rostov-on-Don, Russia). Candidate of Historical Sciences. The Don Archaeological Society[1].

Andrei Tsybriy (Rostov-pe-Don, Rusia). Candidat în ştiinţe istorice. Societatea pentru arheologia Donului.

Цыбрий Андрей Витальевич (Ростов-на-Дону, Россия). Кандидат исторических наук. Донское археологическое общество.

E-mail: tsybriya@mail.ru

Victor Tsybriy (Rostov-on-Don, Russia). Candidate of Historical Sciences. The Don Archaeological Society[2].

Victor Tsybriy (Rostov-pe-Don, Rusia). Candidat în ştiinţe istorice. Societatea pentru arheologia Donului.

Цыбрий Виктор Витальевич (Ростов-на-Дону, Россия). Кандидат исторических наук. Донское археологическое общество.

E-mail: rostspec@mail.ru

Address: [1, 2] M. Gorky St., 95A, Rostov-on-Don, 44082, Russia

Трипольский мир в европейской преистории

The tripolian world in European prehistory
Lumea tripoliană în preistoria Europei

№2. 2014

Й. Мюллер, Р. Хофманн, К. Рассманн, К. Мишка, М. Ю. Видейко, Н. Б. Бурдо

Майданецкое: исследования по обновленному плану поселения

Keywords: Tripolian Culture, Eneolithic, Maydanetskoe, magnetic prospection.

Cuvinte cheie: cultura Tripolie, eneolitic, Maidanetskoe, prospecțiuni geomagnetice.

Ключевые слова: трипольская культура, энеолит, Майданецкое, магнитная съемка.

J. Müller, R. Hofmann, K. Rassmann, C. Mischka, M. Yu. Videyko, N. B. Burdo

Maydanetskoe: Investigations, Based on Updated Plan

After more than two decades, fieldwork has been renewed in Maydanetskoe — one of the largest settlements in the area of the Tripolian Culture between the Southern Bug and Dnieper, which was earlier excavated between 1971 and 1991. According to the new results of geomagnetic survey carried out in 2011—2012, the settlement has an area of about 210 hectares. The main objective of the new excavations was the field validation of the anomalies from the geomagnetic plan, which earlier were not identifiable with a certain complex type — pits with usual filling or filled with burnt daub remains. Some of the discovered complexes could have been bound with ritual activities. Also, we have studied the remains of a wattle-and-daub construction with a thick clay floor plastering. The results of the campaign justify the necessity of further investigations of the site.

J. Müller, R. Hofmann, K. Rassmann, C. Mischka, M. Yu. Videyko, N. B. Burdo

Maidanetskoe: cercetări în baza noului plan al așezării

După mai mult de două decenii, au fost reluate cercetările arheologice din Maidanetskoe, pe una dintre cele mai mari așezări ale culturii Tripolie dintre Bug și Nipru, care a fost cercetată între 1971 și 1991. Conform noilor date ale cercetării geomagnetice din anii 2011—2012, suprafața sitului constituie aproape 210 hectare. Scopul noilor cercetări de teren a fost validarea arheologică a unor anomalii geomagnetice, care nu puteau fi identificate cu un oarecare tip de complex; în primul rând, numim aici gropile cu umplutură simplă sau cu o cantitate mare de lipitură. Unele dintre complexele descoperite puteau avea un caracter ritual. De asemenea, au fost cercetate resturile unei construcții cu un strat gros de lutuială a podelii. Rezultatele cercetărilor justifică necesitatea continuării lucrărilor pe sit.

Й. Мюллер, Р. Хофманн, К. Рассманн, К. Мишка, М. Ю. Видейко, Н. Б. Бурдо

Майданецкое: исследования по обновленному плану поселения

Спустя более чем два десятилетия были возобновлены исследования в Майданецком, на одном из самых крупных поселений трипольской культуры в междуречье Южного Буга и Днепра, которое раскапывалось между 1971 и 1991 гг. По уточненным данным магнитной съемки 2011—2012 гг., площадь памятника составляет около 210 гектаров. Целью возобновленных полевых исследований была проверка выявленных в ходе съемки аномалий, которые ранее не идентифицировались с определенным типом объектов; прежде всего, речь идет о ямах с обычным заполнением или содержащих большое количество обмазки. Некоторые из открытых комплексов могли иметь культовый характер. Также были исследованы остатки постройки с толстой плитчатой обмазкой пола. Полученные результаты подтвердили необходимость продолжения работ на поселении.

Спустя более двух десятилетий были возобновлены исследования в Майданецком — на одном из самых крупных поселений трипольской культуры в междуречье Южного Буга и Днепра, начатые еще в 1971 году и продолжавшиеся до 1991 г. Его площадь, по уточненным данным, составляет около 210 гектаров. Одним из поводов для возобновления полевых исследований стало составление нового плана поселения по данным магнитной съемки, проведенной в 2011—2012 годах в ходе работы совместной экспедиции Римско-Германской комиссии, Института археологии НАН Украины и заповедника «Трипольская куль-

© *Stratum plus*. Археология и культурная антропология.
© Й. Мюллер, Р. Хофманн, К. Рассманн, К. Мишка, М. Ю. Видейко, Н. Б. Бурдо, 2014.

тура» (рис. 1: 1). Она не только подтвердила в целом план поселения, составленный под руководством В.П. Дудкина в 1971—1974 гг., но и позволила обнаружить много неизвестных ранее объектов (подробнее см.: Бурдо и др. 2012). Среди них особый интерес представляли аномалии от ям, а также точечных объектов диаметром 2—4 м. Относительно последних, выявленных во время съемки в Тальянках, было высказано предположение, что они представляют собой остатки гончарных горнов (Круц и др. 2011: 66; рис. 12). Однако все эти данные магнитной съемки, а также основанные на них предположения требовали проверки раскопками.

Исследования в августе-сентябре 2013 г. проводились совместной германско-украинской экспедицией в соответствии с протоколом о сотрудничестве между Римско-Германской комиссией Германского археологического института, Институтом пра- и протоисторической археологии университета Христиана-Альбрехта в Киле (Германия) и Института археологии Национальной Академии наук Украины при участии заповедника «Трипольская культура».

Для раскопок был выбран участок в юго-западной части поселения, на котором в 2011—2012 г. была проведена повторная магнитная съемка (рис. 1). Он расположен на склоне долины ручья, впадающего в р. Тальянку, в урочище Широкий берег (рис. 2). Данные о раскопах и обнаруженных в них объектах изложены в таблице 1. Нумерация раскопов была установлена начиная с №50, чтобы отличить новые места раскопок от исследований 1971—1991 гг., когда была принята иная система нумерации раскопов.

На поселении были исследованы следующие объекты: остатки постройки (раскоп 51; рис. 3—9) и яма напротив ее короткой стороны (раскоп 52; рис. 14); яма рядом с комплексом «И», исследованном в 1984 г. (раскоп 50; рис. 10—13), а также яма рядом с центральным овалом построек (раскоп 60; рис. 15—16). При этом выбор объектов в раскопах 50 и 60 был основан на данных магнитной съемки. В этой связи было высказано предположение, что они, как и подобные им упоминавшиеся выше объекты на поселении Тальянки, представляют собой остатки гончарных горнов. Однако в процессе раскопок было установлено, что оба объекта представляют собой ямы, заполненные остатками сожженных построек в виде фрагментов обмазки в сопровождении фрагментов керамики и костей животных. Кроме того, были заложены небольшие раскопы, размером от 1×5 до 1×7 м, над аномалиями от сожженных построек, расположенных в различных рядах застройки поселения на данном участке (раскопы 70—79; рис. 2).

Раскоп 51. Остатки постройки

Остатки постройки прослежены в последнем, внешнем овале поселения. Расположение и ориентация объекта определены дополнительно проведенной магнитной съемкой, а также раскопом размером 10×20 м, который был

Таблица 1.

Майданецкое, раскопки 2013 г. Общие данные

№ раскопа	Наименование объекта	Размер (м)	Площадь (кв. м)	Максимальная глубина (м)
50	Яма с обожженной обмазкой в заполнении	6×10	60	3
51	Остатки постройки, участки культурного слоя	10×20	200	1,3
52	Яма	3×3	18	2,4
60	Яма с обожженной обмазкой в заполнении	6×7	42	2,6
70	Стратиграфический шурф, фрагмент керамики эпохи бронзы (?)	3×1,5	4,5	2
71	Остатки постройки — обмазка	2×1	2	1
72	Остатки постройки — обмазка	3×1	3	1,4
73	Остатки постройки — обмазка	5×1	5	1,5
74	Остатки постройки — обмазка	5×1	5	1
75	Остатки постройки — обмазка	3×1	3	1
76	Остатки постройки — обмазка	6×1	6	1
77	Остатки постройки — обмазка	3×1	3	0,7
78	Остатки постройки — обмазка	2×1	2	0,5
79	Остатки постройки — обмазка	3×1	3	1
Всего			356,5	

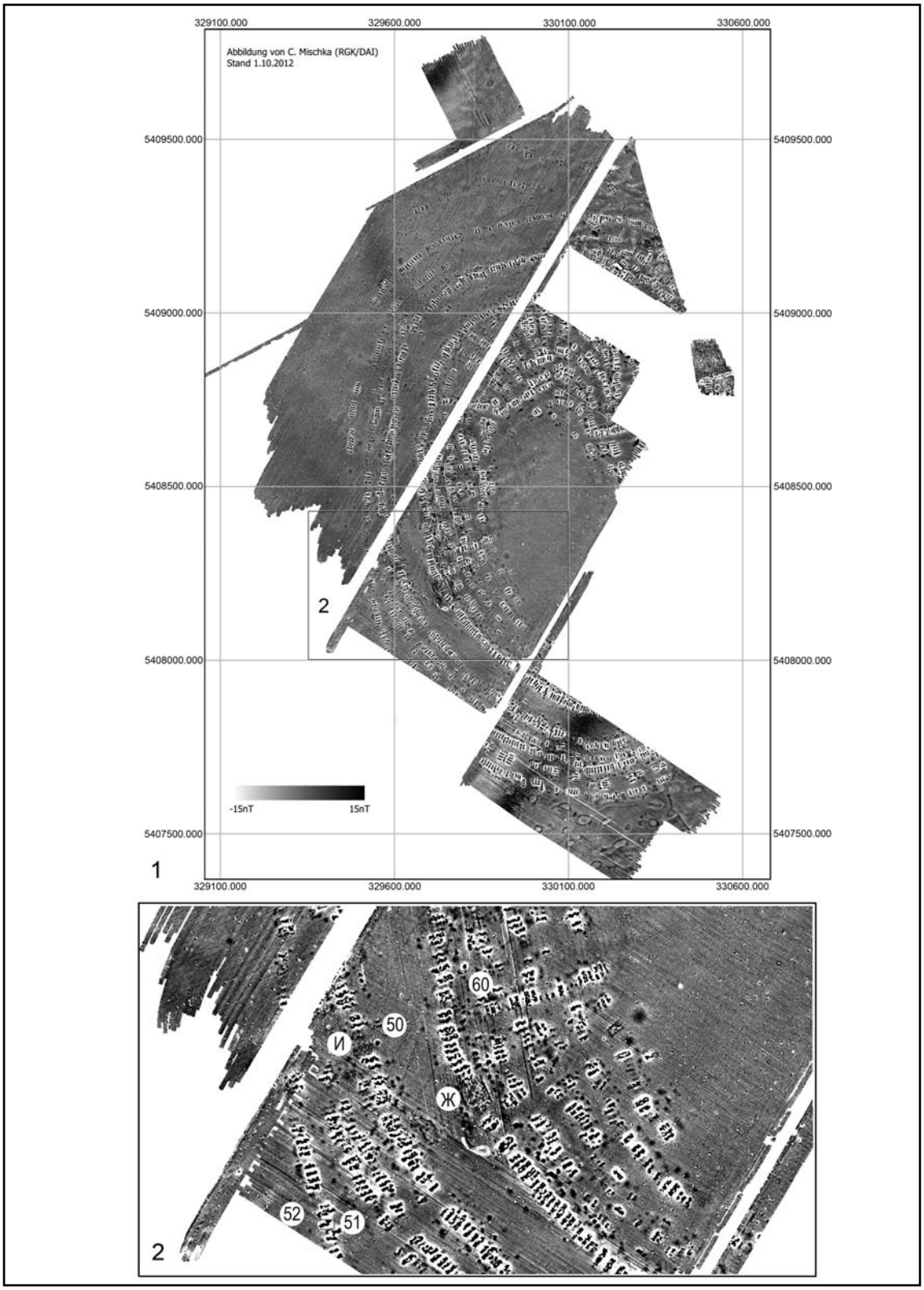

Рис. 1. Майданецкое, исследования 2013 года. План поселения и расположение раскопов: 1 — план поселения по данным магнитной съемки 2011—2012 гг. Цифрой 2 на плане обозначен район проведения исследований 2013 года; 2 — фрагмент плана поселения по данным магнитной съемки — район исследований 2013 г. Условные обозначения: 50, 51, 52, 60 — номера раскопов 2013 г.; Ж, И — места раскопок, проведенных экспедицией под руководством Н.М. Шмаглия в 1974—1984 гг.

Fig. 1. Maydanetskoe, 2013. Plan with location of trenches and objects explored: 1 — new plan according to geomagnetic survey 2011—2012, number 2 indicates location of the excavation area in 2013; 2 — fragment of the settlement plan according to geomagnetic survey, excavation area of 2013 with location of old (И, Ж), N.M. Shmagliy's expedition of 1974—1984, and new (50, 51, 52, 60) trenches.

Рис. 2. Майданецкое, исследования 2013 года. Вид на место проведения раскопок с юго-запада (со стороны урочища «Широкий берег»). Цифрами обозначены места расположения раскопов и шурфов.

Fig. 2. Maydanetskoe, 2013. View on place of excavations from other south-west side of the valley (stow "Shirokiy bereg") . Figures indicate location of trenches.

заложен исходя из этих данных. Впоследствии оказалось, что объект несколько длиннее, чем предполагалось, в связи с чем раскоп был расширен еще на 2 м. Исследования и фиксация велись по сетке 1×1 м с оставлением одного продольного и двух поперечных разрезов. В ходе раскопок подготавливался фотоплан, который составлялся послойно, по мере исследования завала и углубления раскопа (рис. 3: 1).

В период проведения раскопок часть завала обмазки в северо-восточном секторе раскопа еще на стадии расчистки была разрушена кладоискателями, вследствие чего приблизительно 30% объекта было утрачено для дальнейших исследований. Приведенные далее описания (за исключением общих данных о размерах объекта) относятся к оставшейся части развалин постройки.

Размеры компактного завала обмазки соответствовали данным магнитной съемки и составили 15×4 м (рис. 3; 4; 6). С учетом мелких фрагментов обмазки, рассеянных за его пределами, длина объекта составила около 17 м, ширина местами до 5 м. При этом следует отметить, что края завала залегали на 20—30 см ниже центра, который находился на глубине 0,5—0,6 м от современной поверхности. Хотя его верхняя часть была повреждена пахотой, в целом сохранность остатков постройки была удовлетворительной: были прослежены два слоя обмазки, причем верхний сохранился почти по всей площади завала (рис. 4). Исключение составил участок над вымосткой из плитчатой обмазки, где верхний слой был почти полностью утрачен (рис. 7: 2).

После фиксации верхний слой обмазки был снят по всей площади. На большей части залегания сделать это было легко, так как нижний слой состоял преимущественно из довольно крупных фрагментов «плитчатой» обмазки, в отличие от верхнего, представленного обмазкой с примесью половы и отпечатками деревянных конструкций из колотого дерева. Направление этих отпечатков — поперек длинной оси постройки с незначительными отклонениями в разные стороны.

После снятия верхнего слоя обмазки была проведена фиксация нижнего уровня и расположенных на нем объектов. Нижний слой обмазки представлял собой компактное залегание с неровными краями того же размера, что и верхний слой (рис. 6). Подчеркнем еще раз, что он состоял главным образом из «плитчатой» обмазки, нанесенной, как показала его разборка, на массивный слой с примесью половы и отпечатками деревянных конструкций на нижней стороне. Его толщина достигала 3—5 см, и выполнен он был из глины без примеси половы, обожженной да красного цвета.Лишь вдоль края завала с обеих сторон плитчатый слой отсутствовал. Он отсутствовал и на участке размерами 2×2 м с северо-восточного края завала.

Здесь были расчищены остатки вымостки из глины без примесей (рис. 7: 2). Ее верхняя часть состояла из слоя мелких «кубиков» размерами 3×3—4×5 см, толщиной 2—3 см, смешанных с землей, расчистка которого была затруднена. Ниже шел более массивный слой обмазки толщиной 15—20 см также из глины без примесей. Под ним в процессе разборки был обнаружен дополнительный

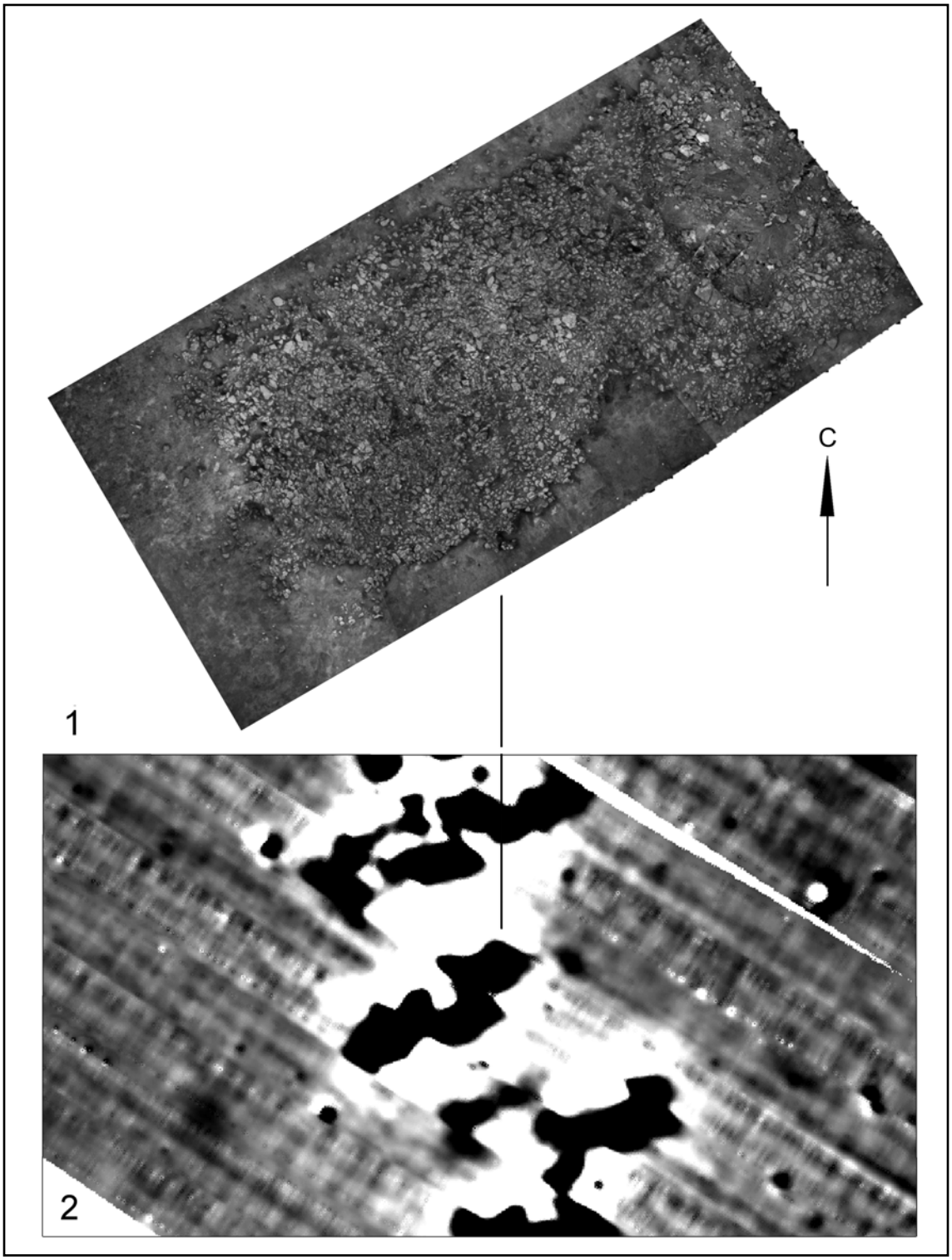

Рис. 3. Майданецкое, исследования 2013 года, раскоп 51: 1 — фотоплан остатков постройки (на уровне нижнего слоя обмазки); 2 — план участка раскопок по данным магнитной съемки.

Fig. 3. Maydanetskoe, 2013, trench 51: 1 — photo plan of remains of structure (lower level of daub); 2 — plan of excavation area according to geomagnetic survey.

прослой обмазки с примесью половы и отпечатками дерева на обороте. Направление этих отпечатков — поперек длинной оси постройки. Эта вымостка, вероятно, была основанием очага.

Вдоль противоположной (юго-западной) стороны расчищены остатки фрагментированного подиума из глины с растительной примесью, покрытого выравнивающим слоем из глины без примесей, но со следами окраски. Его

Рис. 4. Майданецкое, исследования 2013 года, раскоп 51. Общий вид остатков постройки на уровне расчистки верхнего слоя обмазки: 1 — вид с юго-запада; 2 — вид с северо-востока.

Fig. 4. Maydanetskoe, 2013, trench 51. General view of remains of burnt house on the upper layer: 1 — view from south-west; 2 — view from north-east.

остатки прослежены на участке протяженностью около 4 м в длину и до 0,4 м шириной, а его края находились в 0,8—1 м от края завала (рис. 5: 1—2).

Напротив очажной вымостки располагались остатки конструкции интерьера, дошедшие до нас в сильно разрушенном виде. Кроме того, часть из них была повреждена или разрушена кладоискателями. Здесь было расчищено сооружение с бортиками высотой до 10—15 см, выполненными из глины с растительной примесью, покрытой выравнивающим слоем и, вероятно, окрашенной (рис. 8). Вероятно, вблизи подиума распола-

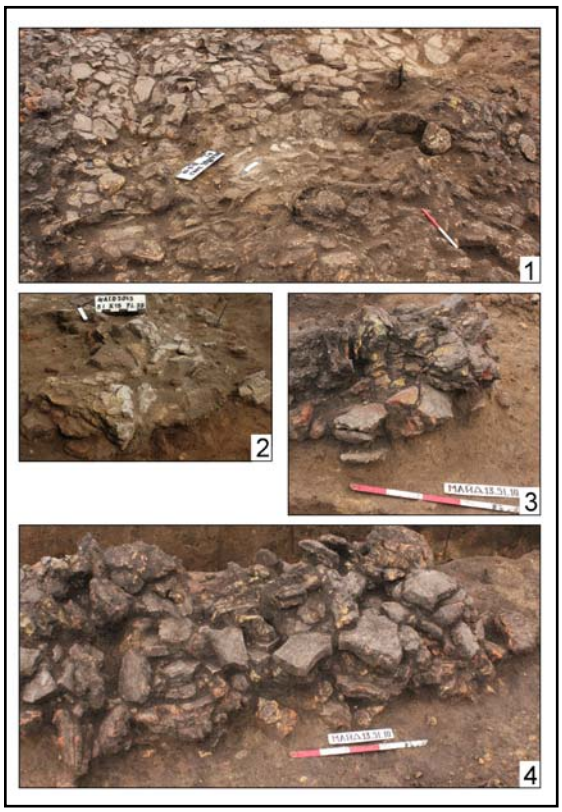

Рис. 5. Майданецкое, исследования 2013 года, раскоп 51. Остатки постройки: 1—2 — после расчистки от верхнего слоя обмазки, участок с остатками подиума; 3—4 — профиль завала с остатками конструкций интерьера, вид с северо-запада.

Fig. 5. Maydanetskoe, 2013, trench 51. Remains of burnt house: 1—2 — after removing of the upper layer of daub, area with remains of platform; 3—4 — profile of debris with remains of interior details, view from north-west.

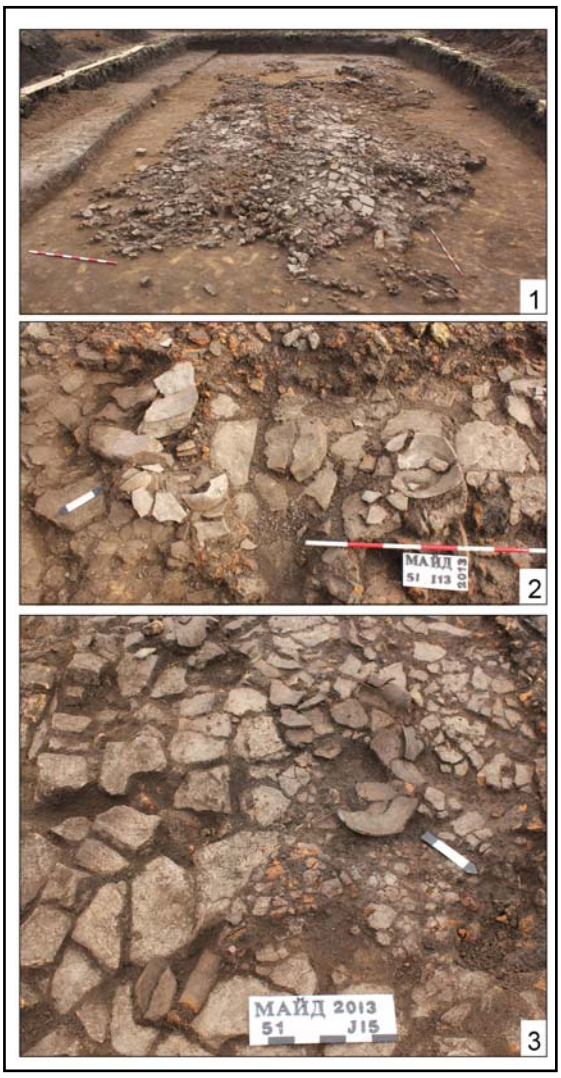

Рис. 6. Майданецкое, исследования 2013 года, раскоп 51. Остатки постройки после расчистки от верхнего слоя обмазки: 1 — общий вид с юго-запада; 2 — участок с шлифовальным камнем и развалами сосудов, вид с северо-запада; 3 — развал сосуда на нижнем слое обмазки, вид с северо-востока.

Fig. 6. Maydanetskoe, 2013, trench 51. Remains of burnt house after removing of the upper layer of daub: 1 — view from south-west; 2 — area with grinding stone and remains of vessels, view from north-west; 3 — remains of vessel on the lower layer of daub, view from north-east.

галось еще одно аналогичное сооружение, обнаруженное в сильно фрагментированном виде. В этом месте зафиксировано круглое отверстие в плитчатой обмазке, вероятно, связанное со столбовой конструкцией. Среди обмазки у торца подиума обнаружен развал «пифоса» — тарного сосуда, изготовленного из глины с растительной примесью, с поверхностью, покрытой облицовкой, со следами красной краски (рис. 5: 2—3).

В северо-восточной части завала был расчищен участок с залеганием штукатурки, нанесенной на обмазку с примесью половы. На некоторых фрагментах хорошо сохранился слой красной краски, причем были видны следы кисти, которой она наносилась. При этом фрагменты со штукатуркой лежали как вниз, так и вверх красочным слоем. Вероятно, допустимо отнести часть из них к потолку или стенам, части — к облицовке конструкций интерьера. Здесь отмечены также многочисленные участки обмазки, ошлакованной под воздействием высокой температуры. Подобные ошлакованные участки связаны с местами, где толщина завала обмазки была наибольшей.

На нижнем слое обмазки и под ним зафиксированы развалы различных сосудов, а также целые кубки небольших размеров (рис. 6: 2, 3; 9). Вблизи места находки остатков «корыт» и пифоса расчищено скопление крупных биконических сосудов, несколько кубков и сосудов меньших размеров, связанных с нижним слоем обмазки. Вероятно, они были оставлены рядом с указанными элементами интерьера. Еще одно скопление сосудов расчищено

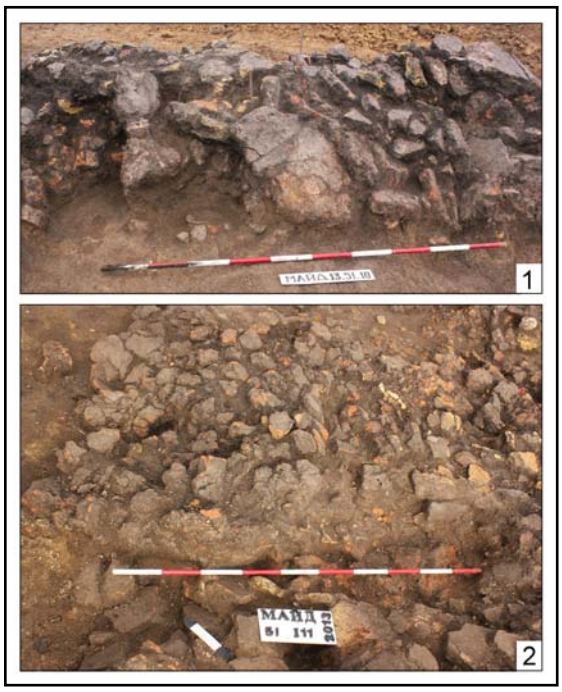

Рис. 7. Майданецкое, исследования 2013 года, раскоп 51. Остатки постройки после расчистки от верхнего слоя обмазки: 1 — поперечный разрез (фрагмент), вид с северо-востока; 2 — участок вымостки и переход от нее к нижнему слою обмазки, вид с юго-востока.

Fig. 7. Maydanetskoe, 2013, trench 51. Condition of remains of burnt house after removing of the upper layer of daub: 1 — cross-section (fragment), view from north-east; 2 — part of causeway, transition from it to lower layer of daub, view from south-east.

Рис. 8. Майданецкое, исследования 2013 года, раскоп 51. Остатки постройки в процессе расчистки: 1, 2 — остатки конструкции — «корыта» на нижнем слое обмазки.

Fig. 8. Maydanetskoe, 2013, trench 51. Remains of burnt house in the process of their cleaning: 1, 2 — remains of construction — "bins" on the lower layer of daub.

под завалом северо-восточного края постройки. Оно включало кратеровидный и биконический сосуды, а также два кубка (рис. 9: 2, 5). Еще одна большая миска расчищена под завалом в районе очажной вымостки (рис. 9: 3).

На нижнем слое обмазки, кроме керамики, найдено несколько камней с плоскими сторонами (зернотерки и шлифовальные камни), а также несколько круглых пестов диаметром 7—9 см (рис. 6: 2).

Вдоль краев завала, за его пределами, зафиксированы преимущественно фрагменты сосудов, иногда довольно крупные, а также кости животных, иногда образовывавшие компактные скопления (рис. 9: 4). Всего в раскопе 51 найдено 150 костей животных, преимущественно за пределами завала обмазки.

Раскоп 52, яма рядом с постройкой (раскоп 51)

Место для исследований выбрано по данным магнитной съемки, которая показала наличие здесь слабой аномалии. Проверка с помощью бурения показала наличие ямы с темным заполнением, глубина которой превышал 2 м от уровня современной поверхности. Раскоп был разделен на три части бровками для фиксации профиля ямы (рис. 14). В плане темное заполнение ямы удалось проследить с глубины 1 м от современной поверхности.

Яма округлой формы, воронкообразная в профиле, в поперечнике в верхней части до 3—4 м. В ее северо-западной части при выборке заполнения удалось проследить уступ высотой 0,4—0, 5 м. Нижняя часть ямы впущена в глину, верхняя проходит через лессовидный суглинок. В заполнении на глубине свыше 1 м найдены редкие фрагменты керамики и кости животных.

Вероятно, яма была вырыта для получения строительных материалов при сооружении постройки в раскопе 51, а впоследствии в нее попали в небольшом количестве отбросы, связанные с жизнедеятельностью ее обитателей.

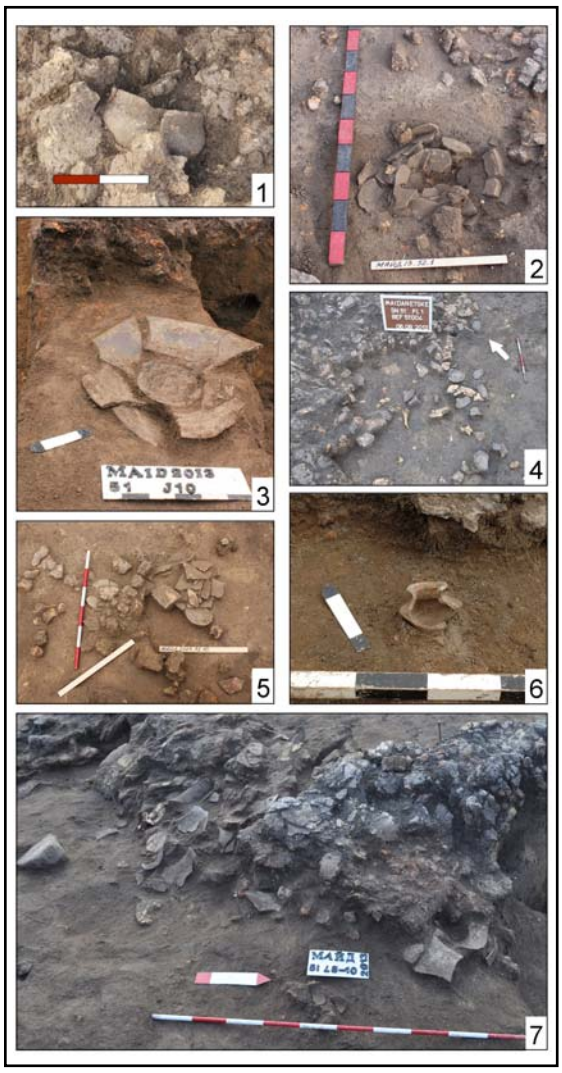

Рис. 9. Майданецкое, исследования 2013 года, раскоп 51. Остатки постройки и развалы сосудов после расчистки: 1 — горшок на нижнем слое обмазки; 2 — развал кратеровидного сосуда на земле, под завалом обмазки; 3 — развал миски на земле, после расчистки от завала обмазки; 4 — скопление фрагментов керамики и костей животных у юго — восточного края остатков постройки; 5 — развалы биконического и кубковидного сосудов, заваленные обмазкой, на земле; 6 — фрагмент кубка на земле, после расчистки от обмазки; 7 — скопление развалов сосудов и северо-восточного края остатков постройки.

Fig. 9. Maydanetskoe, 2013, trench 51. Remains of burnt house and remains of pottery after cleaning: 1 — pot on the lower layer of daub; 2 — remains of vessel on the ground, under daub; 3 — remains of bowl after cleaning; 4 — concentration of pottery and animal bones at south-east fringe of the house; 5 — remains of biconical vessel and beaker under daub; 6 — fragment of beaker on the groud after cleaning; 7 — concentration of pottery at north-east fringe of the house.

Следует отметить, что за время существования постройки должно было образоваться гораздо больше мусора, чем его найдено в яме раскопа 52.

Раскоп 50, яма с «погребенной постройкой»

Раскоп 50 располагался вблизи места, где в 1984 г. были исследованы остатки постройки «И» (рис. 10). Он был заложен на месте сильной аномалии округлой формы диаметром около 4 м, на удалении в несколько метров к северо-востоку от старого раскопа, хорошо видимого на плане по данным магнитной съемки (рис. 10: 2). Постройка «И» была сложным сооружением больших размеров, от которого сохранились остатки в виде завала обожженной глины (рис. 10: 3).

Исследования проводились по секторам с углублением по всей площади слоями по 0,2 м, с расчисткой находок и фиксацией на фотоплане каждого горизонта. В процессе исследований оставлялись бровки между секторами для получения профилей. Раскоп 50 был доведен до глубины 3 м, что соответствует дну исследованного объекта. Он оказался ямой, заполненной обожженной обмазкой, среди которой выявлены фрагменты керамики, три изделия из кремня, одно из камня, два фрагмента статуэток, а также многочисленные кости животных (484, включая два черепа быков). Находки выбирались из заполнения послойно (рис. 10—12).

Большинство находок керамики и костей было сконцентрировано в нижней части заполнения ямы, в слое на 0,2 м выше дна. В это скопление (рис. 12) входили два черепа быка, разрозненные кости, в том числе челюсти и кости конечностей, а также частично сохранившиеся развалы сосудов.

Расположение находок создавало впечатление, что они были разложены целенаправленно. Основу композиции составили два черепа с частично сохранившимися рогами. Сосуды представлены расписной керамикой, в том числе коническими мисками, фрагментами биконических сосудов, частью развала крышки, кубковидным сосудом. На том же уровне расчищены крупные фрагменты обмазки, располагавшиеся между костями и керамикой. Вероятно, предметы были расставлены на дне ямы, а затем засыпаны остатками сгоревшей постройки — обмазкой с примесью половы. На многих фрагментах обмазки сохранились отпечатки колотого дерева.

После прокопки оставшегося слоя толщиной 0,2 м, состоявшего из желтого суглинка, было расчищено дно ямы со следами разводившихся на нем костров. По этой причине поверхность приобрела красный цвет и оказалась прокалена на 1—2 см.

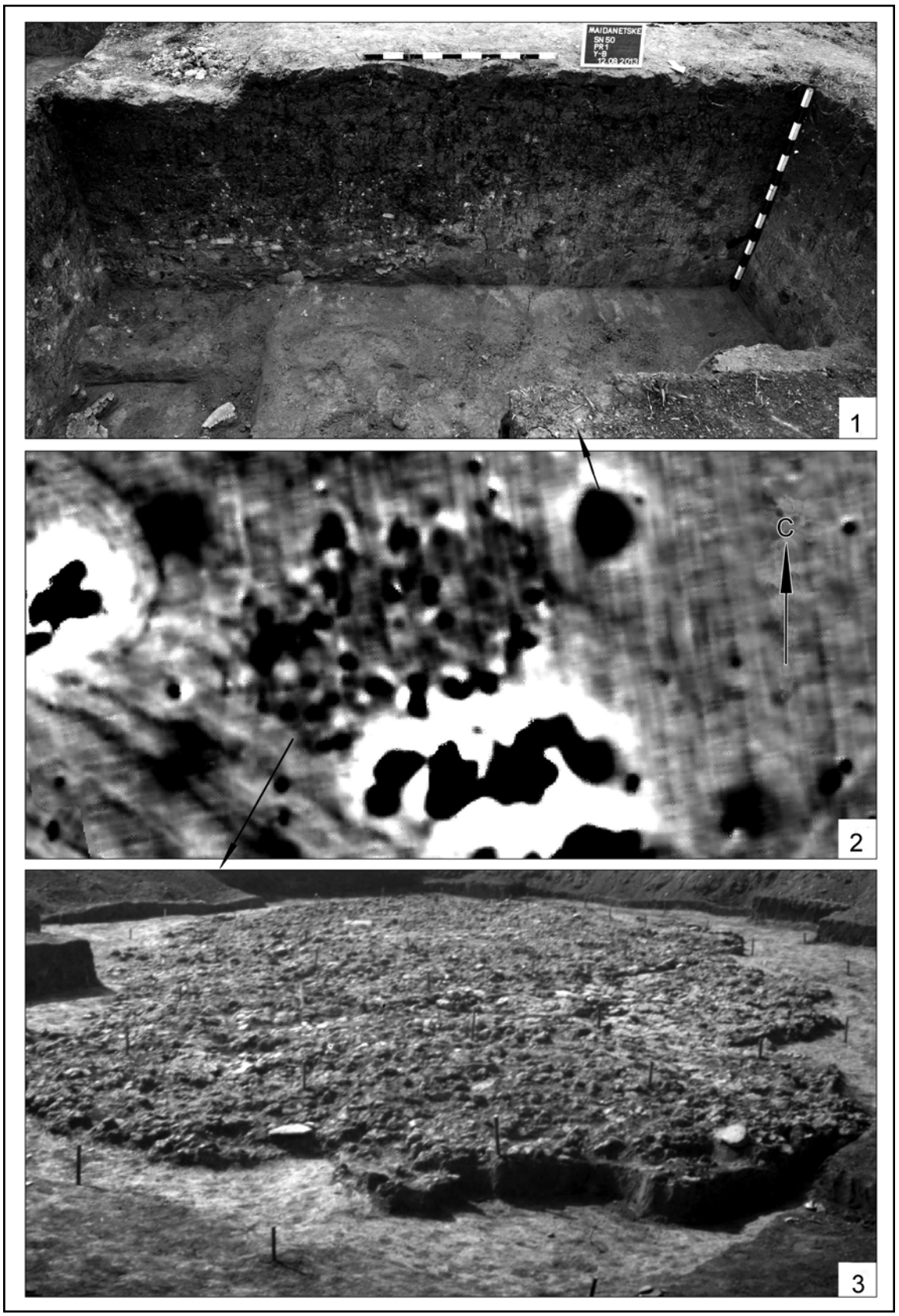

Рис. 10. Майданецкое, исследования 2013 г., раскоп 50. Расположение объектов: 1 — вид раскопа 50 в процессе исследований; 2 — участок раскопа по данным магнитной съемки; 3 — общий вид остатков постройки «И», раскопанной в 1984 г.

Fig. 10. Maydanetskoe, 2013, trench 50. Layout of structures: 1 — view of trench 50 under excavation in 2013; 2 — area according to geomagnetic survey; 3 — view of remains of house "И", explored in 1984.

Рис. 11. Майданецкое, исследования 2013 года, раскоп 50: 1 — план на уровне начала заполнения ямы обмазкой; 2 — профиль с видом заполнения.

Fig. 11. Maydanetskoe, 2013, trench 50: 1 — plan of the pit at the initial level of daub filling; 2 — profile of the pit.

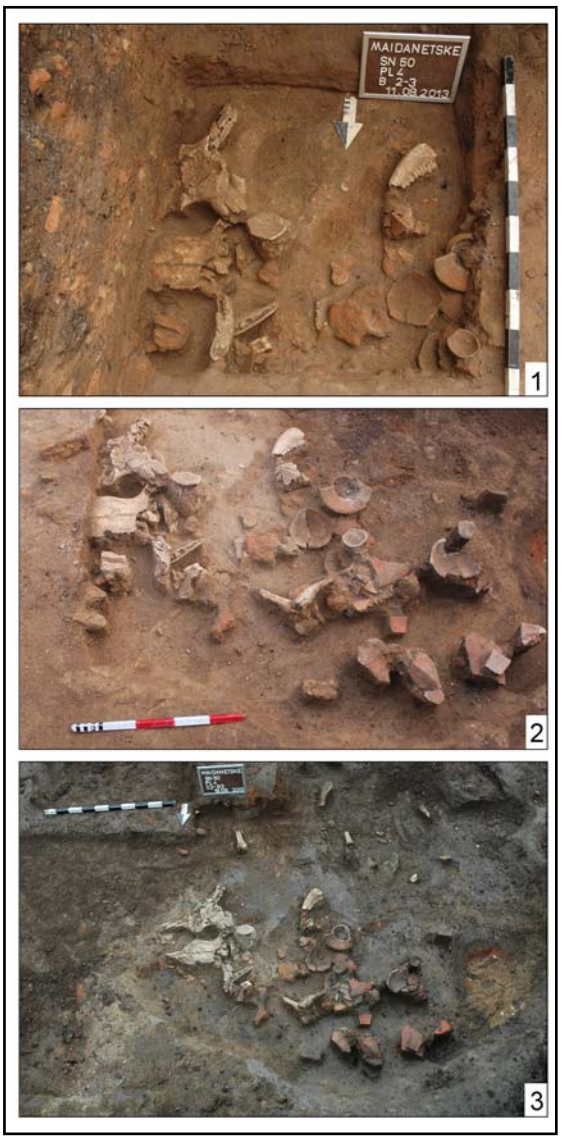

Рис. 12. Майданецкое, исследования 2013 года, раскоп 50. Расчистка заполнения придонной части ямы на уровне залегания черепов быков и посуды.

Fig. 12. Maydanetskoe, 2013, trench 50. Excavation of part close to bottom of the pit on the level of bull skulls and pottery.

Исследования предоставили возможность реконструировать в общих чертах процесс заполнения ямы. Вначале на ее дне был разведен огонь. Затем поверхность присыпали слоем суглинка толщиной до 0,2 м. На выровненной поверхности были положены черепа, кости животных, расставлена посуда. Затем яма была заполнена остатками сожженной постройки (обмазкой с отпечатками дерева). Из того обстоятельства, что в заполнении куски обмазки перемежались с суглинком, можно доаустить его происхождение из менее обожженной части постройки.

Раскоп 60, яма с «погребенной постройкой»

К северо-востоку от раскопа 50, внутри центрального овала застройки, на плане поселения был выбран еще один объект с мощной круговой аномалией, которая предположительно могла быть остатками гончарного горна. Она располагалась между рядами аномалий от построек, а вблизи отмечены также довольно сильные аномалии небольших размеров и неправильной формы (рис. 15: 2).

В раскопе, на глубине 0,5 м от современной поверхности, было выявлено залегание обожженной обмазки округлой в плане формы (рис. 15: 1). Его изучение после зачистки велось по секторам с оставлением стратиграфических бровок (рис. 16: 2, 3).

Скопление обмазки состояло из кусков различных размеров и формы. Преобладала глиняная масса с примесью половы, хотя также встречались фрагменты без примесей. На некоторых кусках зафиксированы отпечатки колотого и округлого дерева. Изредка встречались отпечатки жердей диаметром 3—5 см. На поверхности некоторых кусков обмазки с примесью половы сохранился выравнивающий слой из глины со следами окраски красного цвета.

Рис. 13. Майданецкое, исследования 2013 года, раскоп 50. Вид дна ямы с обожженными участками.

Fig. 13. Maydanetske, 2013, trench 50. Part of the bottom of the pit with traces of fire.

Рис. 14. Майданецкое, исследования 2013 года, раскоп 52. Вид ямы рядом с остатками постройки в раскопе 51: 1 — план; 2 — профиль.

Fig. 14. Maydanetskoe, 2013, trench 52. View of the pit next to debris in trench 51: 1 — plan; 2 — profile.

По набору обмазки исследованное скопление представляет собой весь спектр строительных остатков, включая части перекрытий, вымосток, в том числе и очажных, деталей интерьера.

В завале также встречены фрагменты керамики, преимущественно расписной от различных форм сосудов. Среди них кубки, миски, амфорки, биконические и кратеровидные сосуды. В небольшом количестве найдены фрагменты кухонной керамики (рис. 17). Кроме фрагментов керамики в завале найдены кости животных — 102 экз., отщеп кремня и камень зернотерки.

В полученных профилях четко обозначился воронковидный, с уступами, профиль ямы, заполненной обмазкой и перечисленными выше находками. Ее глубина достигала 1,8—1,9 м от современной поверхности. Придонная часть имела темное заполнение с включениями костей и фрагментов керамики (рис. 16: 2—3).

Процесс заполнения может быть реконструирован следующим образом: на протяжении какого-то промежутка времени он шел естественным путем, в том числе за счет процессов смыва и грунтообразования, затем на образовавшуюся прослойку были сброшены остатки сожженной постройки, не только заполнившие яму доверху, но и образовавшие возвышавшуюся над дневной поверхностью кучу.

Раскопы 70—79, остатки построек и стратиграфические шурфы

Для получения почвенных разрезов, а также материалов для датировок были заложены девять шурфов и раскопов (номера с 70 по 79) по соседству с описанными выше раскопами (рис. 2). Общие данные о них содержатся в таблице 1.

В шурфе 70, который находился на склоне долины в урочище «Широкий берег», за пределами поселения (по данным магнитной съемки — в 40—50 м от внешнего ряда построек) на глубине 0,6—0,8 м был обнаружен фрагмент венчика лепного сосуда, украшенный прочерченным орнаментом, рядом с фрагментом кости животного. По массе, форме и декору он может быть отнесен к эпохе бронзы (рис. 19: 8). Мелкие фрагменты обожженной обмазки встречены на глубинах

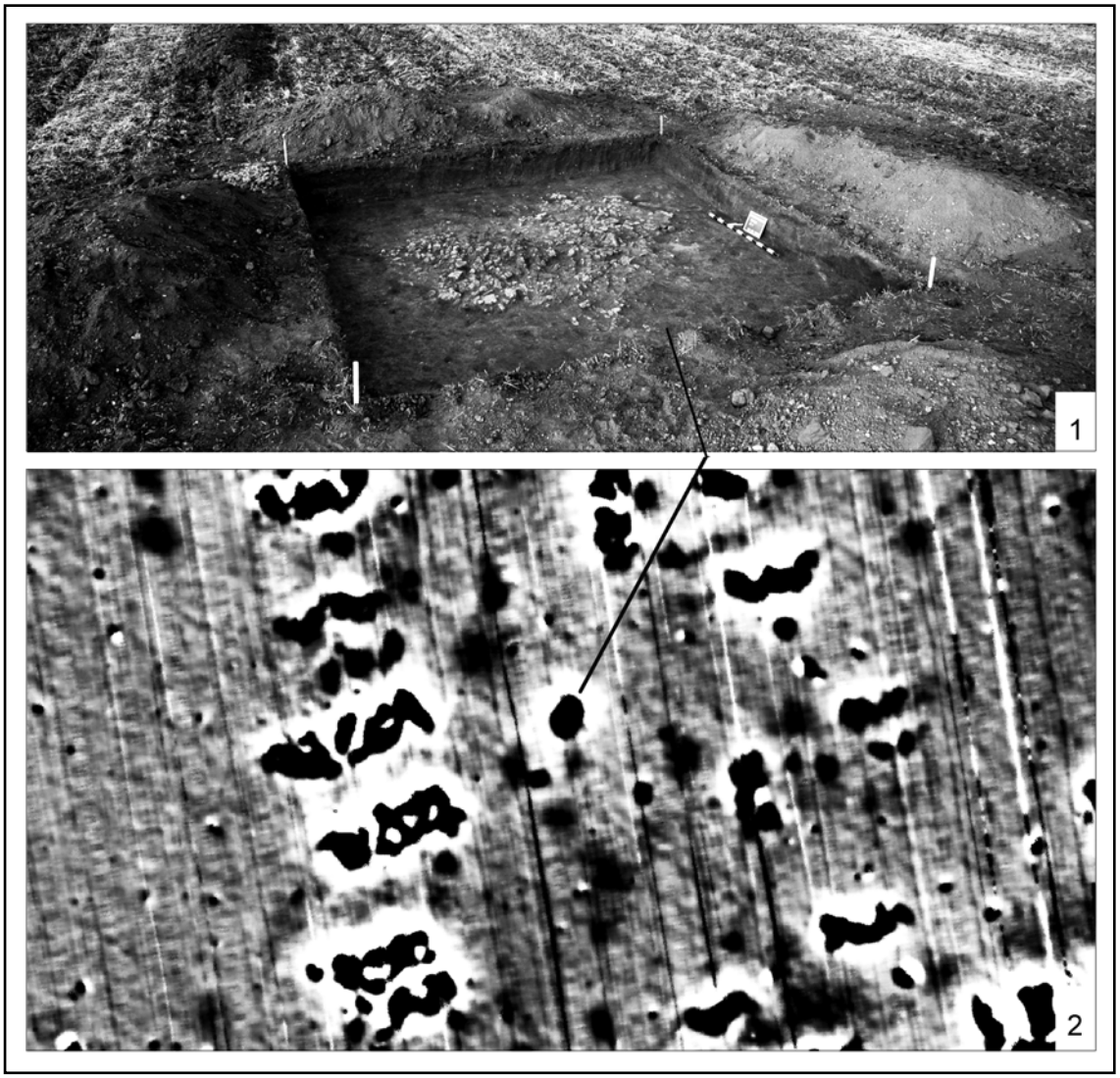

Рис. 15. Майданецкое, исследования 2013 года, раскоп 60: 1 — общий вид; 2 — положение и вид аномалии от объекта в раскопе 60 на плане по данным магнитной съемки.

Fig. 15. Maydanetske, 2013, trench 60: 1 — general view; 2 — part of plan with anomaly of structure in trench 60, magnetic survey.

0,1—0,3 м и связаны, вероятно, с процессом пахоты, занесены с территории поселения.

В остальных шурфах обнаружены остатки сгоревших построек в виде скопления обожженной обмазки толщиной от 0,1 до 0,3 м. Среди обмазки и под ней обнаружены фрагменты керамики, целые небольшие сосуды-кубки, части развалов различных сосудов. Кроме того, найдено от 1 до 9 костей животных, а в четырех (71—73 и 77) — камни от зернотерок. Все шурфы, кроме 78, дали также образцы угля.

Общие выводы

В 2013 году в течение короткого полевого сезона в Майданецком были предприняты раскопки как изучавшегося ранее типа объектов (постройка в раскопе 51), так и довольно редких для трипольских поселений ям с остатками сожженных построек (раскопы 50 и 60). Количество обмазки в яме (округлой формы) превышало по массе остатки гончарного горна и было, таким образом, вполне достаточным для получения соответствующей аномалии.

Ранее в Майданецком подобный объект — яма с обмазкой — был обнаружен лишь в 1987 году на участке, перекрытом остатками сгоревшей постройки (Шмаглий, Видейко 2001—2002: 82, рис. 19; Видейко 2013: рис. 77: 1). Поскольку места раскопок 2013 и 1987 годов удалены друг от друга на расстояние более километра по прямой, можно сделать вывод, что такие объекты встречаются в разных частях поселения. Они содержат остатки по-

Рис. 16. Майданецкое, исследования 2013 года, раскоп 60: 1 — общий вид объекта — ямы с «погребенными» остатками постройки; 2, 3 — профили ямы, заполненной остатками сожженной постройки.

Fig. 16. Maydanetskoe, 2013, trench 60: 1 — general view of the top part of object; 2, 3 — profiles of pit with burnt daub.

Рис. 17. Майданецкое, исследования 2013 года. Фрагменты керамики из раскопа 60.

Fig. 17. Maydanetskoe, 2013. Pottery from trench 60.

строек, которые были перемещены с места, на котором те сгорели (или были сожжены). Судя по расположению ям со строительными остатками, события эти происходили во время жизни поселения, причем в различных его частях. Данные для решения вопроса относительно синхронности этих событий в настоящее время отсутствуют. Типологически керамика из ям не отличается от находок, сделанных среди остатков построек, в том числе расположенных рядом, либо, как в случае с раскопками 1987 года, их перекрывавших.

Яма в раскопе 50 дала уникальную для трипольских поселений этого времени культовую сцену, в которой были использованы два черепа быков. Расположение обрядовой ямы раскопа 50 рядом с постройкой «И», выделявшейся среди соседних сооружений своими размерами и планировкой, может быть не случайным. Следует отметить наличие с противоположной стороны этой постройки еще одной аномалии, но более слабой, вероятно от обычной ямы, не имевшей в заполнении такого количества обмазки (рис. 10: 2). Для прояснения ситуации было бы интересно провести исследования всех близлежащих объектов на данном участке поселения.

Появление таких ям, как уже предполагалось ранее, связано, вероятно, с проведением определенных обрядов. Находка большого числа костей в ямах раскопов 50 (484) и 60 (102) может быть связана с употреблением мяса во время обрядов. Количественная разница в находках может быть показателем вероятного числа участников этих событий.

Остатки постройки в раскопе 51 типичны для Майданецкого поселения. Следует отметить хорошую сохранность завала, в том числе наличие двух слоев обмазки с отпечатками дерева. Интересной особенностью конструкции пола на нижнем слое обмазки является покрытие его необычно толстым (3—5 см) слоем глины. Подобная конструкция пола обнаружена еще в нескольких постройках, исследованных в близлежащих шурфах. Следует отметить, что полы с толстой плитчатой обмазкой в Майданецком ранее были обнаружены лишь в постройке «Я-1», где они покрывали лишь пространство во входной части (Шмаглий, Видейко 2001—2002: 81). Возможно, у разных групп населения крупного поселка существовали различные традиции в сооружении и оформлении деталей и частей построек.

Представляет интерес наличия в разрезах достаточно мощного (0,3—0,4 м) культурного слоя за пределами постройки, в особенно-

Рис. 18. Майданецкое, исследования 2013 года. Фрагменты керамики из раскопа 50.

Fig. 18. Maydanetskoe, 2013. Pottery from trench 50.

сти вдоль ее длинных сторон, в промежутке между ней и соседними сооружениями. Аналогичная ситуация зафиксирована ранее в этом сезоне на поселении трипольской культуры этапа BII у с. Небелевка.

Керамический комплекс из постройки в раскопе 51 в целом соответствует находкам из других частей поселения как по набору форм, так и по орнаментации расписной посуды; то же касается и находок в раскопах 50 и 60 (рис. 17—20).

В результате исследований с помощью шурфов были выполнены планы по получению материалов для датировки отдельных построек в данной части поселения.

Возобновление раскопок по данным нового плана поселения дало возможность провести полевую проверку аномалий, ранее не идентифицировавшихся с определенными объектами, прежде всего, речь идет о ямах с различным заполнением — обычным и с большим количеством обмазки. Полученные результаты подтвердили необходимость продолжения работ в этом направлении. Высокая точность обнаружения объектов позволила планировать и осуществлять раскопки с наибольшей отдачей от вложенных усилий. Полученные результаты позволили открыть новые, порой неожиданные подробности относительно жизни поселения и его истории в целом.

Рис. 19. Майданецкое, исследования 2013 года. Фрагменты керамики и миниатюрные глиняные шарики из раскопа 51 (1—7) и шурфа 70 (8).

Fig. 19. Maydanetskoe, 2013. Pottery and small clay objects from trench 51 (1—7) and from trench 70 (8).

Рис. 20. Майданецкое, исследования 2013 года. Кубки из раскопа 51.

Fig. 20. Maydanetskoe, 2013. Small vessels from trench 51.

Литература

Бурдо и др. 2012: Бурдо Н. Б., Видейко М. Ю., Чабанюк В. В., Рассман К., Гаусс Р., Петерс Д., Лютц Ф. 2012. Широкомасштабная геомагнитная съемка в Майданецком: современные технические решения в изучении трипольских мегапоселений. *Stratum plus* (2), 265—286.

Видейко М. Ю. 2012. Комплексное изучение поселений трипольської культуры: 1971—2011. *Stratum plus* (2), 225—264.

Видейко М. Ю. 2013. *Комплексное изучение крупных поселений трипольської культуры. V—IV тысячелетия до н. э.* Саарбрюккен: Lambert publishing.

Відейко и др. 2012: Відейко М., Чабанюк В., Рассманн К., Бурдо Н., Гаусс Р., Петерс Д. 2012. Уточнення меж і планування пам'яток заповідника «Трипільська культура». В: *АДУ 2011 р.*, 471—473.

Відейко и др. 2013: Відейко М., Рассман К., Мішка К., Бурдо Н. 2013. Дослідження планування посе-

лень трипільської культури у басейні річок Тальянка та Ревуха. В: *АДУ 2012 р.*, 21—22.

Круц и др. 2011: Круц В.А., Корвин-Пиотровский А.Г., Рассманн К., Петерс Д. 2011. Тальянки: перезагрузка. Геомагнитная съемка три десятилетия спустя после работ В.П. Дудкина. В: Корвин-Пиотровский А., Менотти Ф. (ред). *Трипольское поселение-гигант Тальянки. Исследования 2011 г.* Киев: ИА НАНУ, 60—85.

Шмаглий Н.М., Видейко М.Ю. 2001—2002. Майданецкое — трипольский протогород. *Stratum plus* (2), 44—140.

References

Burdo, N.B., Videyko, M.Yu., Chabaniuk, V.V., Rassman, K., Gauss, R., Peters, D., Liutts, F. 2012. In *Stratum plus. Arkheologiia i kul'turnaia antropologiia* (*Stratum plus. Archaeology and Cultural Anthropology*) (2), 265—286 (in Russian).

Videyko, M.Yu. 2012. In *Stratum plus. Arkheologiia i kul'turnaia antropologiia* (*Stratum plus. Archaeology and Cultural Anthropology*) (2), 225—264 (in Russian).

Videyko, M.Yu. 2013. *Kompleksnoe izuchenie krupnykh poselenii tripol'skoi kul'tury. V—IV tysiacheletiia do n. e. (Complex investigation of the large settlements of the Tripolie culture. 5th—4th millennia BC).* Saarbrücken: Lambert publishing (in Russian).

Videyko, M.Yu., Chabanyuk, V., Rassmann, K., Burdo, N., Hauss, R., Peters, D. 2012. In *Arkheolohichni doslidzhennya v Ukraïni 2011 r.* (*Archaeological investigations in Ukraine in 2011*), 471—473 (in Ukrainian).

Videyko, M., Rassman, K., Mishka, K., Burdo, N. 2013. In *Arkheolohichni doslidzhennya v Ukraïni 2011 r.* (*Archaeological researches in Ukraine in 2011 r.*), 21—22 (in Ukrainian).

Kruts, V. A., Korvin-Piotrovskii, A. G., Rassmann, K., Peters, D. 2011. In *Tripol'skoe poselenie-gigant Tal'ianki. Issledovaniia 2011 g.* (*Talianki settlement-giant of the Tripolian culture. Investigations in 2011*), 60—85 (in Russian).

Shmaglii, N.M., Videyko, M.Yu. 2001—2002. In *Stratum plus. Arkheologiia i kul'turnaia antropologiia* (*Stratum plus. Archaeology and Cultural Anthropology*) (2), 44—140 (in Russian).

Статья поступила в номер 29 ноября 2013 г.

Johannes Müller (Kiel, Germany). Prof. Doctor. Institute for Pre- and Protohistory of Christian-Albrechts University [1].

Johannes Müller (Kiel, Germania). Prof. Doctor. Institutul pentru pre- şi protoistorie al Universităţii Christian-Albrecht.

Мюллер Йоханнес (Киль, Германия). Профессор, доктор. Институт пре- и протоисторической археологии Университета Христиана-Альбрехта.

E-mail: johannes.mueller@ufg.uni-kiel.de

Robert Hofmann (Kiel, Germany). Doctor. Institute for Pre- and Protohistory of Christian-Albrechts University [2].

Robert Hofmann (Kiel, Germania). Doctor. Institutul pentru pre- şi protoistorie al Universităţii Christian-Albrecht.

Хофманн Роберт (Киль, Германия). Доктор. Институт пре- и протоисторической археологии Университета Христиана-Альбрехта.

E-mail: robert.hofmann@ufg.uni-kiel.de

Knut Rassmann (Frankfurt am Main, Germany). Doctor. German Archaeological Institute, Roman-Germanic Commission [3].

Knut Rassmann (Frankfurt pe Main, Germania). Doctor. Comisia Romano-Germană a Institutului Arheologic German.

Рассманн Кнут (Франкфурт-на-Майне, Германия). Доктор. Германский археологический институт, Римско-Германская комиссия.

E-mail: knutrassmann@googlemail.com

Carsten Mischka (Kiel, Germany). Doctor. Institute for Pre- and Protohistory of Christian-Albrechts University [4].

Carsten Mischka (Kiel, Germania). Doctor. Institutul pentru pre- şi protoistorie al Universităţii Christian-Albrecht.

Мишка Карстен (Киль, Германия). Доктор. Институт пре- и протоисторической археологии Университета Христиана-Альбрехта.

E-mail: c.mischka@ufg.uni-kiel.de

Mykhailo Videyko (Kiev, Ukraine). Candidate of Historical Sciences. Archaeology Institute, National Academy of Sciences of Ukraine [5].

Mykhailo Videyko (Kiev, Ucraina). Candidat în ştiinţe istorice. Institutul de arheologie al Academiei Naţionale de Ştiinţe a Ucrainei.

Видейко Михаил Юрьевич (Киев, Украина). Кандидат исторических наук. Институт археологии Национальной Академии наук Украины.

E-mail: wideiko@gmail.com

Nataliia Burdo (Kiev, Ukraine). Candidate of Historical Sciences. Archaeology Institute, National Academy of Sciences of Ukraine [6].

Nataliia Burdo (Kiev, Ucraina). Candidat în ştiinţe istorice. Institutul de arheologie al Academiei Naţionale de Ştiinţe a Ucrainei.

Бурдо Наталия Борисовна (Киев, Украина). Кандидат исторических наук. Институт археологии Национальной Академии наук Украины.

E-mail: nbburdo@gmail.com

Addresses: [1, 2, 4] Johanna-Mestorf-Straße, 2—6, Kiel, D-24098, Germany; [3] Palmengartenstraße, 10—12, Frankfurt am Main, 60325, Germany; [5, 6] Geroev Stalingrada Pr., 12, Kiev, 04210, Ukraine

№2. 2014

А. Г. Никитин

Генетические корни трипольцев: что мы узнали после восьми лет исследований

Keywords: Tripolian culture, Podolye, Verteba Cave, Neolithic, Eneolithic, genetics, mitochondrial DNA.

Cuvinte cheie: cultura Tripolie, Podolia, peștera de la Verteba, neolitic, eneolitic, genetică, ADN mitocondrial.

Ключевые слова: трипольская культура, Подолье, пещера Вертеба, неолит, энеолит, генетика, митохондриальная ДНК.

A. G. Nikitin

The Genetic Roots of Tripolians: Summarizing Eight Years of Research

In 2005, for the first time in the history of Tripolian culture research, samples to study genetic lineages of Tripolians were obtained from the Verteba Cave in the Podolye region (Ternopol Oblast, Ukraine). Five years later, our research team presented the results of this analysis to the scientific community. Three years after, our conclusions about the genetic roots of Tripolians received confirmation from a phylogenetic comparative analysis of the Neolithic predecessors of Tripolians from Central Europe and the Balkans. Tripollians, like their Balkan ancestors, carried maternal genetic lineages characteristic to all Neolithic farming ecumene, rooted in the lands of Asia Minor, the birthplace of European agriculture. However, the dominating lineage in the Tripolian remains studied so far is one that existed on the territory from the Carpathians to the northern Black Sea shores before farmers arrived there. Thus, based on the available information to date, we can reach a conclusion that genetic canvas of Tripolian inhabitants of the Podolye region contained elements of farming genetic lineages with autochthonous foundation in local, pre-Neolithic, maternally-derived genetic types.

A. G. Nikitin

Rădăcinile genetice ale populației tripoliene: ce am aflat după opt ani de cercetare

În anul 2005, pentru prima dată în istoria cercetării culturii Tripolie, din peștera de la Verteba în Podolia (regiunea Ternopol, Ucraina) au fost prelevate probe pentru analize genetice. Cinci ani mai târziu, echipa noastră a introdus în circuitul științific primele rezultate ale acestor analize. Încă trei ani mai târziu, concluziile noastre despre rădăcinile genetice ale tripolienilor au fost susținute de către analiza comparativă filogenetică a originii precursorilor neolitici ai tripolienilor din Europa Centrală și Balcani. Populația tripoliană, ca și strămoșii lor balcanici, purtau linii maternale genetice tipice pentru toată oicumena agricultorilor neolitici, cu rădăcinile în Asia Mică, teritoriul de origine a economiei agricole europene. În același timp, linia ce predomină în resturile osoase tripoliene cercetate până acum este cea, care a existat în regiunea dintre Carpați și spațiul Nord-pontic încă înainte de pătrunderea agricultorilor. Astfel, putem trage concluzia, că spectrul genetic al populației tripoliene din Podolia era compus din elemente, provenite de la populația agricolă, și gene autohtone, care aparțineau liniilor genetice locale de proveniență preneolitică.

А. Г. Никитин

Генетические корни трипольцев: что мы узнали после восьми лет исследований

В 2005 году из пещеры Вертеба на Подолье (Тернопольская область, Украина) были получены первые за историю изучения трипольской культуры образцы для генетического анализа. Пять лет спустя наша исследовательская группа представила научной общественности первые результаты этого анализа. Спустя еще три года наши выводы о генетических корнях трипольцев получили подтверждение в результате сравнительного анализа филогенетических истоков неолитических предшественников трипольцев в Центральноевропейском — Балканском регионе. Трипольцы, так же, как и их балканские предки, несли в себе материнские генетические линии, характерные для всей земледельческой неолитической ойкумены, уходящие корнями на территорию Малой Азии, прародину европейского сельского хозяйства. Тем не менее, доминирующей в останках трипольского населения линией, из изученных на данный момент образцов, является та, которая существовала в районе от Карпатских гор до Северного Причерноморья еще до прихода туда земледельцев. Таким образом, на сегодняшний день можно сделать вывод, что генетическая палитра трипольского населения Подолья состояла из земледельческих элементов и автохтонных генов, которые относятся к местным генетическим линиям донеолитического происхождения.

История изучения генетического наследия первых земледельцев Европы началась еще в середине 90-х годов прошлого века, когда была сформулирована концепция распространения маркеров митохондриальной ДНК (мтДНК) по Евразийскому континенту за последние 40 000 лет. Митохондриальные органеллы, содержащие мтДНК, передаются по материнской линии. Тогда как последовательность нуклеотидов, составляющих

© *Stratum plus*. Археология и культурная антропология.
© А. Г. Никитин, 2014.

двойную спираль мтДНК, остается практически неизменной от поколения к поколению, случайные изменения (мутации) происходят в этой последовательности, в среднем, раз в 5000 лет. Если такая мутация случается, то все потомки женщины с такой мутацией ее наследуют.

Принимая во внимание, что все живущие на планете люди, так или иначе, связаны между собой происхождением, и что происхождение каждой популяционной группы можно свести к общему предку (как мужскому, так и женскому), а также и тот факт, что вариаций последовательностей нуклеотидов в мтДНК существует довольно ограниченное количество, и то, что эти вариации имеют географическую привязку, генетиками было высказано предположение, что историю расселения человечества по земному шару можно проследить по процентному соотношению вариаций мтДНК (называемых также гаплогруппами) в различных географических регионах. Например (в упрощенной форме), если в регионе Z мы находим гаплогруппы A, B и C, в то время как в регионе Y присутствуют только A и B, а в регионе X — только A, то вывод таков, что группа A возникла в регионе X, откуда распространилась в регион Y и Z, и что группа B возникла в регионе Y, откуда была принесена в регион Z, где возникла группа C. Этот пример не принимает во внимание локальные вымирания групп и обратные миграции, которые невозможно проследить, изучая современную мтДНК. Такие детали можно понять только изучая мтДНК останков древних людей. Несмотря на это, основные предположения теории миграций митохондриальных гаплогрупп в эпоху неолита, полученные на основании изучения современной мтДНК, в общих чертах подтвердились при изучении мтДНК из костных останков представителей европейского неолита.

Картина этих миграций такова. До наступления неолита Европа была заселена почти исключительно носителями одной митохондриальной разновидности — гаплогруппы U и ее ответвлений. В начале неолита в Европе появляются представители других гаплогрупп, таких, как J, T, I, N1a и H. Последняя на сегодняшний день является наиболее распространенной гаплогруппой в Европе. Эти новые гаплогруппы появляются в Европе сначала на Балканах, в северном Средиземноморье и на Иберийском полуострове, откуда, с течением времени, проникают на территорию Центральной и Северной Европы. Данной экспансии сопутствует постепенное исчезновение представителей гаплогруппы U в тех местах, куда проникают новые виды мтДНК, и к концу неолита гаплогруппа U практически исчезает с генетической карты Европы. Эти генетические изменения хорошо сопоставимы с экономическими и культурными изменениями и согласуются с археологическими выводами по поводу направления продвижения сельского хозяйства по территории Европы во время неолита. Также вариации гаплогрупп J и N1a, которые преобладают в европейском неолите, являются ведущими и у современного населения Малой Азии, при практически полном отсутствии в других регионах мира (Haak et al. 2005). Таким образом, выводы генетики и археологии о происхождении сельского хозяйства в Европе, а именно из района Анатолии, совпадают. Тот факт, что к концу неолита группа U практически исчезла с территории Европы, говорит о том, что земледельцы физически вытесняли носителей присваивающего хозяйства. Сегодня мы можем с уверенностью сказать и то, куда именно были вытеснены эти европейские охотники и рыболовы. Однако, это тема для отдельной статьи.

На сегодняшний день археогенетикой достоверно установлено, что неолитические земледельцы из Анатолии принесли в Европу специфический «набор» митохондриальных линий (J-T2-HV/V-N1a), который практически не отличается ни по составу, ни по пропорциям отдельных гаплогрупп в различных неолитических популяциях Европы, особенно ее центральной части (Brandt et al. 2013). Генетический анализ мтДНК останков носителей энеолитической трипольской культурно-исторической общности (ТКИО) из пещеры Вертеба на Подолье (рис. 1), который проводится нашей научной группой с 2005 года, согласуется с общей генетической композицией линий мтДНК земледельческих культур Центральной Европы (Nikitin 2010; Nikitin et al. 2010; табл. 1). Четыре энеолитических образца из Вертебы, полученных нами в процессе исследований, относятся к характерным для неолитической экспансии анатолийских земледельцев гаплогруппам, HV/V, J и T2. Вариант гаплогруппы T2, обнаруженный в Вертебе, совпадает с генетическими признаками современных популяций Италии и Греции (Pala et al. 2012). С другой стороны, по нашим последним данным, 44,4% образцов из Вертебы относятся к гаплогруппе H, что в процентном соотношении превышает содержание этой группы в неолитических останках из Центральной Европы

и приближает Вертебу к доисторическим популяциям европейского юго-запада, существовавшим еще до появления там сельского хозяйства (Brandt et al. 2013).

Следует отметить, что высокое процентное содержание гаплогруппы H в доисторических популяциях на территории Украины наблюдается не только в Карпатских предгорьях, но и в регионе Северного Причерноморья. Так, у представителей неолитической днепродонецкой культурно-исторической общности (ДДКИО) содержание группы H составляло 42,9% (Nikitin et al. 2012 и неопубликованные материалы). Сложно судить, связано ли это сходство частот гаплогруппы H с общими для ТКИО и ДДКИО популяционными процессами, но ясно то, что население территории от Днепровских порогов до Восточных Карпат в период неолита и энеолита отличалось по процентному соотношению линий мтДНК от своих соседей-земледельцев в Центральной Европе и на Балканах.

Гаплогруппа H начинает распространяться по Европе только с начала неолита, и ее частоты значительно варьируют в разных неолитических земледельческих культурах. Тем не менее, происхождение этой группы сложно привязать к Малой Азии. Наиболее приемлемая в западных научных кругах гипотеза связывает происхождение основных подразделений группы H с доледниковым периодом во Франко-Кантабрийском регионе, откуда они распространились по Европе в период голоцена, совпадая с неолитическим продвижением производящего хозяйства (Pala et al. 2012). Эта гипотеза не лишена смысла, но требует задаться вопросом о том, почему именно носители этой гаплогруппы были подхвачены неолитической земледельческой волной, и почему именно из Франко-Кантабрии.

Еще до появления археогенетических данных исследователи неоднократно указывали на доледниковое происхождение гаплогруппы H на территории Европы (Achilli et al. 2004). Не вызывает сомнения и то, что некоторые носители этой группы пережили ледниковый период в так называемых ледниковых убежищах, обладавших более мягким климатом, позволявшим перенести суровые условия глобального обледенения. По общепринятым представлениям, такими зонами являлись северо-западная часть Пиренейского полуострова и Крымский полуостров, а также, по нашему убеждению, и Карпатский регион (Nikitin et al. 2009). Последнее объясняет одну из самых высоких в Европе частоту гаплогруппы H у современных жителей горных районов Карпат и высокое процентное содержание этой группы у трипольского населения Подолья. Характерно и то, что сублинии гаплогруппы H из Вертебы не принадлежат к таким ее ответвлениям, как H1 и H3, экспансию которых в период голоцена можно с достоверностью связать с Франко-Кантабрийским регионом. Это подчеркивает возможность экспансии отдельных ответвлений группы H с территории современной Украины в постледниковый период (Nikitin et al. 2009; Pala et al. 2012). Что касается преимущественного преобладания группы H над U в контексте «выживания» местного населе-

Рис. 1. Расположение пещеры Вертеба на карте региона.

Fig. 1. Location of the Verteba cave on the map of the region.

Таблица 1.

Генетические линии (гаплогруппы) мтДНК человеческих останков ТКИО из пещеры Вертеба*

Образец	^{14}C дата, BP	^{14}C дата, cal BC (2σ)	Гаплогруппа
Среднее ребро	4180±90 (Ki 12694)	3 006—2 488	J
Нижняя челюсть	4550±90 (Ki 13388)	3 619—2 936	H2a
Лучевая кость	4580±50 (Ki 14947)	3 511—3 099	R0
Фрагмент черепа	4680±40 (Ki 15039)	3 628—3 366	HV/V
Фаланга	4680±60 (Ki 14307)	3 634—3 358	H*
Среднее ребро	4720±70 (Ki 15051)	3 638—3 370	T2a1b
Позвоночная кость	—	—	H*

* По Nikitin et al. 2010.

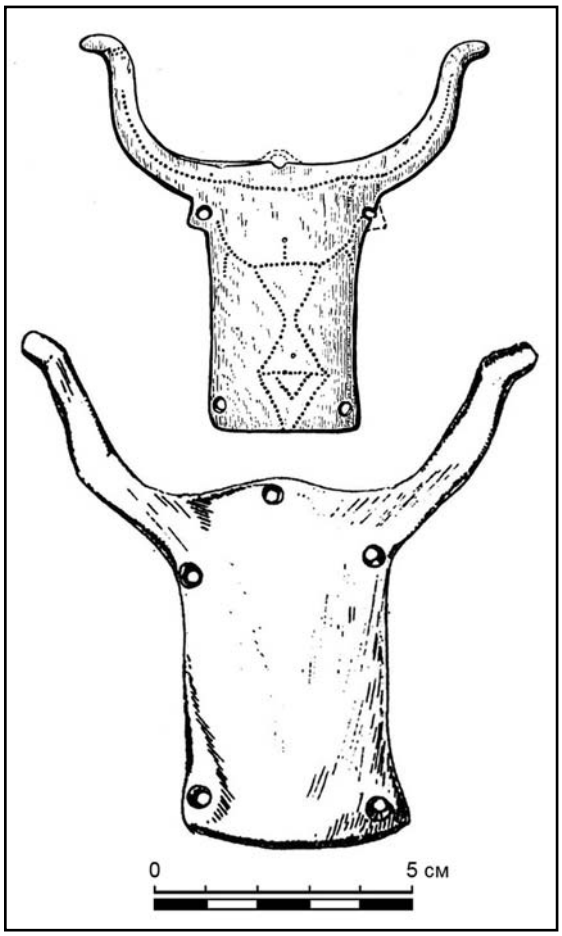

Рис. 2. Две костяные пластины, изображающие головы крупного рогатого скота, из пещеры Вертеба.

Fig. 2. Two bovid-head shaped bone plates found at Verteba Cave.

ния под напором земледельцев, то это можно объяснить исходным численным преобладанием носителей группы H над носителями группы U, особенно в местах, близких к зонам ледниковых убежищ (Карпаты, Крым и Юго-Западная Европа).

Высокое процентное содержание гаплогруппы H в Вертебе можно также объяснить и спецификой выборки энеолитических останков людей, захороненных в этой пещере. Мы уже обращали внимание на тот факт, что некоторые специфические предметы, найденные в Вертебе, указывают на возможное наличие культа дикого тура, практиковавшегося в этой местности (Nikitin 2010; Nikitin et al. 2010). Речь идет о форме изгиба рогов на стилизованных изображениях голов крупного рогатого скота на пластинах из кости (рис. 2). Лирообразный изгиб рогов, особо подчеркнутый на этих знаменитых предметах, характерен именно для дикого тура, а не одомашненной коровы (van Vuure 2005). Рога этого животного часто встречаются во время раскопок в Вертебе, особенно возле скопления человеческих останков. В рамках поклонения дикому, а не домашнему животному, культы могли отправляться жрецами с донеолитическими, местными корнями, чьи останки, по всей видимости, и преобладают на этом культовом памятнике.

Таким образом, после восьми лет исследований генетических корней трипольцев на основании изучения останков из пещеры Вертеба, сегодня можно сделать следующие выводы. У трипольского населения, проживавшего на территории Подолья, несомненно, присутствовал характерный для малоазиатских земледельцев генетический элемент, но доминирующая материнская генетическая группа относится к местному, донеолитическому варианту. Насколько эта картина характерна для других районов трипольского ареала, судить пока невозможно, по причине малочисленности человеческих останков трипольцев в археологических материалах и их недоступности для генетических исследований на данный момент.

Литература / References

Achilli et al. 2004: Achilli A., Rengo C., Magri C., Battaglia, V., Olivieri A., Scozzari R., Cruciani F., Zeviani M., Briem, E., Carelli V., Moral P., Dugoujon J., Roostalu U., Loogväli E., Kivisild T., Bandelt H., Richards M., Villems R., Santachiara-Benerecetti A.S., Semino O., Torroni A. 2004. The molecular dissection of mtDNA haplogroup H confirms that the Franco-Cantabrian glacial refuge was a major source for the European gene pool. *American Journal of Human Genetics* 75, 910—918.

Brandt et al. 2013: Brandt G., Haak W., Adler C.J., Roth C., Szécsényi-Nagy A., Karimnia S., Möller-Rieker S., Meller H., Ganslmeier R., Friederich S., Dresely V., Nicklisch N., Pickrell J.K., Sirocko F., Reich D., Cooper A., Alt K.W., The Geographic Consortium. 2013. Ancient DNA reveals key stages in the formation of Central European mitochondrial genetic diversity. *Science* 342, 257—261.

Haak et al. 2005: Haak W., Forster P., Bramanti B., Matsumura S., Brandt G., Tänzer M., Villems R., Renfrew C., Gronenborn D., Alt K.W., Burger J. 2005. Ancient DNA from the first European farmers in 7500-year-old Neolithic sites. *Science* 310, 1016—1018.

Nikitin et al. 2009: Nikitin A.G., Kochkin I.T., June C.M., Willis C.M., McBain I., Videiko M.Y. 2009. Mitochondrial DNA sequence variation in Boyko, Hutsul and Lemko populations of Carpathian highlands. *Human Biology* 81, 43—58.

Nikitin A.G. 2010. The origin of agriculture east of the Carpathians: Cultural diffusion or demic influence? *Praehistorica* XXIX, 247—254.

Nikitin et al. 2010: Nikitin A.G., Sokhatsky M.P., Kovali-

ukh M.M., Videiko M.Y. 2010. Comprehensive site chronology and ancient mitochondrial DNA analysis from Verteba Cave — a Trypillian culture site of Eneolithic Ukraine. *Interdisciplinaria Archaeologica* 1: 9—18.

Nikitin et al. 2012: Nikitin A.G., Newton J.R., Potekhina I.D. 2012. Mitochondrial haplogroup C in ancient mitochondrial DNA from Ukraine extends the presence of East Eurasian genetic lineages in Neolithic Central and Eastern Europe. *Journal of Human Genetics* 57**,** 610—612.

Pala et al. 2012: Pala M., Olivieri A., Achilli A., Accetturo M., Metspalu E., Reidla M., Tamm E., Karmin M., Reisberg T., Hooshiar Kashani B., Perego U.A., Carossa V., Gandini F., Pereira J.B., Soares P., Angerhofer N., Rychkov S., Al-Zahery N., Carelli V., Sanati M.H., Houshmand M., Hatina J., Macaulay V., Pereira L., Woodward S.R., Davies W., Gamble C., Baird D., Semino O., Villems R., Torroni A., Richards M.B. 2012. Mitochondrial DNA signals of late glacial recolonization of Europe from near eastern refugia. *American Journal of Human Genetics* 90, 915—924.

Vuure C. van. 2005. *Retracing the Aurochs: History, Morphology and Ecology of an extinct wild ox*. Sofia; Moscow: Pensoft.

Статья поступила в номер 28 ноября 2013 г.

Alexey Nikitin (Allendale, USA). Ph.D. Grand Valley State University[1].

Alexey Nikitin (Allendale, SUA). Doctor. Universitatea de Stat din Grand Valley.

Никитин Алексей Геннадьевич (Аллендейл, США). Доктор. Государственный университет Грэнд Вэлли.

E-mail: nikitin@gvsu.edu

Address: [1] Biology Department, 1 Campus Drive, Allendale, Michigan, 49401, USA

К.-Э. Урсу, К. Апараскивей

Сосуды со стилизованными антропоморфными изображениями из ареала Прекукутень-Триполье А. Некоторые соображения

Keywords: Precucuteni-Tripolye A, Baia-În Muchie, anthropomorphic representations, symbolism.

Cuvinte cheie: Precucuteni-Tripolie A, Baia-În Muchie, reprezentări antropomorfe, simbolistică.

Ключевые слова: Прекукутень-Триполье А, Байя-Ын Мукие, антропоморфные изображения, символизм.

C.-E. Ursu, C. Aparaschivei

A Few Considerations on Some of the Ceramic Vessels Decorated with Stylized Anthropomorphic Representations, from Precucuteni-Tripolye A Area

Following the study of some of the vessels uncovered during the archaeological excavations at Baia-În Muchie (Suceava County, Romania), vessels which, in fact, are similar to others that have been recovered from Precucuteni-Tripolye A area, and which are also decorated with stylised anthropomorphic representations, it can be argued that the spiritual life of those communities was full of significant rituals, which can even be regarded as "myths". The use of these pots as cult objects is suggested by the way in which their decorum and symbolic elements were organized, but also by their liquid volumes, which are always multiple of 0,5. The approach of symbols in relation to the history of religion, suggests that those communities lived in a world believing in lunar cults, which, in fact, is a common belief in the 4th millennium BC.

C.-E. Ursu, C. Aparaschivei

Vase cu reprezentări antropomorfe stilizate din arealul Precucuteni-Tripolie A. Câteva considerații

Analiza asupra unor vase descoperite la Baia-În Muchie (jud. Suceava), similare cu altele din arealul Precucuteni-Tripolie A, decorate cu reprezentări antropomorfe stilizate, conduc la ipoteza că viața spirituală a acestor comunități era plină de semnificații rituale, poate adevărate "mituri". Folosirea lor ca artefacte cu rol cultic este sugerată de dispunerea decorului, elementele simbolice cu care au fost înfrumusețate şi, nu în ultimă instanță, volumele, care sunt multiplu de 0,5 l. Abordarea simbolurilor în corelație cu istoria religiilor sugerează o lume bazată pe culte lunare, firească de altfel în mileniul IV BC.

К.-Э. Урсу, К. Апараскивей

Сосуды со стилизованными антропоморфными изображениями из ареала Прекукутень-Триполье А. Некоторые соображения

В данной статье производится анализ серии сосудов, обнаруженных на поселении в Байя-Ын Мукие (уезд Сучава, Румыния), с орнаментом в виде стилизованных антропоморфных изображений. Эти сосуды имеют аналогии на некоторых других памятниках Прекукутень-Триполье А. Мы считаем, что духовная жизнь этих общин была наполнена ритуальными смыслами — возможно, настоящими «мифами». Культовое назначение рассматриваемых сосудов исходит из расположения декора, наличия символических элементов в орнаменте и, что примечательно, объема посуды, который всегда кратен 0,5 л. Анализ символов на исследуемой керамике в контексте истории религий указывает на существование в IV тыс. до н.э. системы идеологических представлений, основанной на лунарных культах.

Частью керамического комплекса ареала Прекукутень — Триполье А являются антропоморфные сосуды или сосуды с антропоморфными элементами. Их не очень много, и большинство относится к подэтапу Прекукутень III (см., в хронологическом порядке, сосуды в: Marinescu-Bîlcu 1974a: fig. 84: 3, 6; Бурдо 2004: 388; Збенович 1989: рис. 51: 12, 63: 2, рис. 70: 9; Vulpe 1957: 107, рис. 79: 5; Черниш 1959: табл. VII: 10, 14; Бибиков 1953: рис. 7, 26, pl. 47: а, 57, 59: з, 73: а; Маркевич 1970, рис. 14: 1; Бурдо 1989: рис. 4: 11, 5: 10, 8: 27; Marinescu-Bîlcu 1981: fig. 90: 7—9, 120: 1a-b, 2a-b, 3a-b; Ursulescu et al 2005: fig. 10: a-d;

© *Stratum plus*. Археология и культурная антропология.

© К.-Э. Урсу, К. Апараскивей, 2014.

© Перевод статьи с румынского языка: С.В. Церна, 2014.

Бурдо, Відейко 1985: рис. 3: 12, 17)[1]. В большинстве случаев антропоморфизм передан пластично (формой сосуда или налепными элементами), и лишь в Новых Русештах I он образован сочетанием декора.

В 1994 году, Д. Я. Телегин, анализируя два сосуда— из Слободки Западной и Тимково, выделяет новый тип антропоморфного орнамента — стилизованные изображения «змееви дной богини, оберега зерновых запасов трипольцев». Автор привлекает и аналогичную находку из Траян-Дялул Вией, отметив более высокий уровень стилизации изображений на этом сосуде по сравнению с первыми двумя (Телегин 1994: 74). К этим находкам можно добавить также фрагменты керамики из Трудешть-Гигоешть (рис. 4: 2; Marinescu-Bîlcu 1974a: fig. 39: 9), Александровки (рис. 4: 4; Burdo 2011: fig. 5: 4) и Слободки Западной (рис. 4: 3; Burdo 2011: fig. 5: 1).

Превентивные археологические исследования 2012 и 2013 гг. на поселении Байя-Ын Мукие (уезд Сучава, Румыния) позволили обнаружить значительное количество целых или фрагментированных сосудов с орнаментом, аналогичным декору, на который обратил в свое время внимание Д. Я. Телегин. Контекст их обнаружения и детальный анализ могут предоставить новые данные относительно назначения данного типа археологического инвентаря, а также духовной жизни общин Прекукутень-Триполье А.

С самого начала уточним, что мы не согласны с интерпретацией этих находок как сосудов с изображением «змееликой богини» и будем называть их сосудами со стилизованными антропоморфными изображениями.

Сосуды из Байя-Ын Мукие. Контекст и описание

За исключением одного фрагмента (из комплекса 3/2012[2]), все остальные находки происходят из жилищ: четыре целых или восстанавливаемых сосудов и 8 фрагментов были найдены в жилище №1/2012[3], один сосуд в жилище №2/2012 и еще один в жилище №3/2013[4]. В жилище №1/2012 большинство сосудов было обнаружено вдоль его северной и северо-западной границ. Отметим, что у северной границы жилища также находилось скопление разбитых зернотерок. Еще один сосуд находился приблизительно в центре сооружения, непосредственно возле очага. Сосуд из сильно потревоженного поздними нарушениями жилища №2/2012 располагался у его восточной границы. Наконец, сосуд из жилища №3/2013 находился возле одного из внутренних очагов[5] (см. схему расположения находок на рис. 5).

Обстоятельства местонахождения, размеры и данные о вторичном обжиге рассматриваемых здесь сосудов представлены в табл. 1.

Ниже мы приводим данные о технических характеристиках сосудов и фрагментов из Байя-Ын Мукие, таких как состав теста, обработка поверхности, обжиг, цвет и др.[6]

№1 (рис. 1: 1)

Сосуд изготовлен из глины хорошего качества с примесью мелкого песка и шамота[7], тесто в изломе пористое, текстура шероховатая, ангобирован. Обжиг окислительный, что определило красновато-кирпичный цвет поверхности сосуда. В результате разрушения жилища огнем сосуд был вторично обожжен, что привело к деформации поверхности, частичному отслоению ангоба, неравномерности цвета, расширению отдельных частиц из состава теста (слюды?) и последующему образованию белесых пятен.

№2 (рис. 1: 2)

Сосуд изготовлен из глины хорошего качества с примесью мелкого и крупного песка и шамота, тесто компактное с шероховатой текстурой, ангобирован перед нанесением декора. Первичный обжиг был произведен

[1] Д. Богиан (Boghian 2012) выделяет на данном этапе и другую серию сосудов, антропоморфизм которых состоит в изображении груди и пупка, но мы не согласны с подобной интерпретацией.

[2] Скопление фрагментированной керамики.

[3] Часть фрагментов, бесспорно, относится к одному и тому же сосуду: см. фрагменты, приведенные на рис. 3: 3, 4 и, вероятно, рис. 3: 7.

[4] Обработка керамики из раскопок 2013 года еще не завершена. По этой причине мы привлекли лишь один сосуд из материалов этого сезона.

[5] В 2013 году это жилище больших размеров было раскопано неполностью.

[6] Номера сосудов даны в соответствии с табл. 1.

[7] Можно отметить широкое использование отощителей в тесте, в частности, шамота (технологический недостаток или утилитарная необходимость?), что привело к формированию пористой, неоднородной внутренней структуры керамики. Это определило и низкий уровень прочности посуды, фрагменты которой начали стираться по линии излома за время нахождения в земле. Эти характеристики относятся почти ко всем сосудам и фрагментам, рассматриваемым в настоящей работе.

Таблица 1.

Параметры сосудов из Байя-Ын Мукие

№	Рисунок	Сооружение	Глубина	Размеры (см)*	Примечания
1	1: 1	Жилище №1/2012	–0,55 м	в=10,5; мд=12,4; дг=7; до=5,7; тс=0,5	вторичный обжиг
2	1: 2	Жилище №1/2012	–0,55 м	в=34; мд=37,5; дг=25,5; до=14,5; тс=0,8	вторичный обжиг
3	2: 1	Жилище №2/2012	–0,55 м	в=48,5; мд=51; дг=30,5; до=19,5; тс=0,8—1,05	деформирован вторичным обжигом
4	2: 2	Жилище №1/2012	–0,55 м	тс=0,7	восстанавливаемый, в процессе реставрации; вторичный обжиг
5	3: 1	Жилище №1/2012	–0,60 м	тс=0,9	вторичный обжиг, недеформирован
6	3: 2	Жилище №3/2013	–0,34—0,38 м	тс=0,8	восстанавливаемый, в процессе реставрации; вторичный обжиг
7	3: 3	Жилище №1/2012	–0,60 м	тс=1,2	деформирован вторичным обжигом
8	3: 4	Жилище №1/2012	–0,60 м	тс=1,3	деформирован вторичным обжигом
9	3: 5	Жилище №1/2012	–0,60 м	тс=0,6	сильный вторичный обжиг
10	3: 6	Комплекс №3/2012	–0,65 м	тс=0,7—0,8	
11	3: 7	Жилище №1/2012	–0,60 м	тс=1,9—2	деформирован вторичным обжигом
12	3: 8	Жилище №1/2012	–0,60 м	тс=1,2	вторичный обжиг
13	3: 9	Жилище №1/2012	–0,60 м	тс=1,1	вторичный обжиг
14	3: 10	Жилище №1/2012	–0,60 м	тс=1,4	вторичный обжиг
15	3: 11	Жилище №1/2012	–0,55 м	тс=0,9	

* в = высота; мд = максимальный диаметр; дг = диаметр горла; до = диаметр основания; тс = толщина стенки сосуда.

в полувосстановительных условиях, определивших неравномерный цвет поверхности, от черного к серому. Воздействие вторичного обжига вследствие возгорания жилища привело к появлению на поверхности красноватых пятен.

№ 3 (рис. 2: 1)

Сосуд изготовлен из глины с примесью песка, камушков и шамота, тесто компактное с шероховатой текстурой, ангобирован. Обжиг окислительный, что определяет красновато-кирпичный цвет поверхности сосуда. В результате разрушения жилища огнем сосуд был вторично сильно обожжен, что привело к появлению на поверхности черных и сероватых пятен, а также к сильной деформации отдельных фрагментов.

№ 4 (рис. 2: 2)

Сосуд изготовлен из глины хорошего качества с примесью мелкого песка и шамота, тесто пористое, текстура смешанная, шероховатая и мелкозернистая, ангобирован после нанесения декора. Поверхность хорошо заглажена. Обжиг окислительный, неполный, определил неравномерный цвет поверхности, от красноватого до серого. И в этом случае есть следы вторичного обжига, который, однако, не особенно сильно повлиял на состояние керамики.

№ 5 (рис. 3: 1)

Сосуд изготовлен из глины с примесью песка, камешков и шамота, тесто компактное, текстура грубая, ангобирован перед нанесением декора. Обжиг окислительный, неполный, что определяет неравномерный цвет поверхности, от красноватого до серого.

№ 6 (рис. 3: 2)

Сосуд изготовлен из глины хорошего качества с примесью мелкого песка и шамота, тесто компактное, текстура мелкозернистая, ангобирован после нанесения декора. Обжиг окислительный, неполный, определил неравномерный цвет поверхности, от красноватого до серого. Есть следы вторичного обжига, который деформировал некоторые участки поверхности сосуда. Вторичным воздействием огня также образованы отложения продуктов горения черного цвета внутри сосуда.

№ 7—8 (рис. 3: 3, 4)

Фрагменты сосуда, изготовленные из глины с примесью песка и шамота. Тесто компакт-

ное, с внутренней мелкозернистой и внешней шероховатой текстурой. Ангобированы после нанесения орнамента. Обжиг окислительный, цвет равномерный красноватый. На черепках следы вторичного обжига, который привел к их деформированию.

№ 9 (рис. 3: 5)

Фрагмент сосуда, изготовленный из глины с примесью песка и шамота. Тесто компактное, текстура мелкозернистая с внешней и внутренней стороны. Ангобирован после нанесения орнамента. Первичный обжиг был произведен в окислительных условиях, цвет красновато-кирпичный. Есть следы сильного вторичного обжига, приведшего к деформированию фрагмента, вздутию теста и изменениям в цвете до черно-серого.

№ 10 (рис. 3: 6)

Фрагмент сосуда, изготовленный из глины с примесью мелкого песка. Тесто компактное, текстура шероховатая с внешней и внутренней сторон. Ангобирован после нанесения орнамента. Обжиг был произведен в неполных окислительных условиях, цвет неравномерный, варьирует от красновато-кирпичного до пепельного.

№ 11 (рис. 3: 7)

Фрагмент сосуда, изготовленный из глины с примесью песка и шамота. Тесто компактное, текстура шероховатая с внешней и внутренней сторон. Ангобирован после нанесения орнамента. Первичный обжиг был произведен в окислительных условиях, цвет красновато-кирпичный. Есть следы сильного вторичного обжига, приведшего к вздутию теста.

№ 12 (рис. 3: 8)

Фрагмент сосуда, изготовленный из глины с примесью мелкого песка и шамота. Тесто пористое, с внутренней мелкозернистой и внешней шероховатой текстурой. Ангобирован после нанесения орнамента. Обжиг был произведен в неполных окислительных условиях, цвет неравномерный красновато-желтоватый на внешней и сероватый на внутренней поверхности. Есть следы вторичного обжига.

№ 13—14 (рис. 3: 9, 10)

Фрагменты сосуда, изготовленного из глины с примесью мелкого песка и шамота. Тесто компактное, с внутренней мелкозернистой и внешней шероховатой текстурой. Ангобирован после нанесения орнамента. Обжиг был произведен в неполных окислительных условиях, цвет неравномерный, варьирует от красновато-кирпичного до пепельного. Есть следы вторичного обжига, приведшего к деформированию фрагментов.

№ 15 (рис. 3: 11)

Фрагмент сосуда, изготовленный из глины с примесью мелкого песка и шамота. Тесто пористое, с внутренней мелкозернистой и внешней шероховатой текстурой. Ангобирован после нанесения орнамента. Обжиг был произведен в неполной окислительной атмосфере, цвет неравномерный красновато-желтоватый.

Объемы целых сосудов, в литрах жидкости и в килограммах зерна с влажностью 14% (при которой зерно обычно хранится), представлены в табл. 2[8].

Особенности построения орнамента

Во всех случаях форма рассматриваемой посуды[9] соответствует типу баночных сосудов по типологии С. Маринеску-Былку (1974), который встречается достаточно редко в ареале Прекукутень-Триполье А. На всех сосудах орнамент расположен тектонично, в трех (один случай) или четырех вертикальных метопах. Для более четкой идентификации общих или индивидуальных элементов декора мы решили произвести тектонический анализ построения орнамента на ряде сосудов[10] (горловина, плечо, тулово). По такому же принципу произведен анализ антропоморфных изображений.

Горловина сосудов либо не орнаментирована (рис. 1: 1; 2: 1; 3: 2; 4: 1, 5, 6), либо покрыта декором в виде групп вертикальных коротких врезных линий (рис. 1: 2; 2: 2; 3: 1).

Плечо сосудов

Траян-Дялул Вией (Румыния, уезд Нямц), Прекукутень I (рис. 4: 1а):

— угловые апексы, образованные короткими линиями и треугольниками;

[8] Выражаем нашу благодарность Сабину Адриану Лука за его ценные замечания; хотим поблагодарить также инженера Тибериу Полокошериу за его помощь в расчете объема.

[9] Наш анализ основывается на целых или археологически целых сосудах, а также на фрагментах с частично сохранившимся профилем.

[10] Мы не подвергли анализу сосуды, приведенные на рис. 2: 2 и 3: 2, так как их реставрация еще не закончена, а данные, во многом, соответствуют другим описанным сосудам.

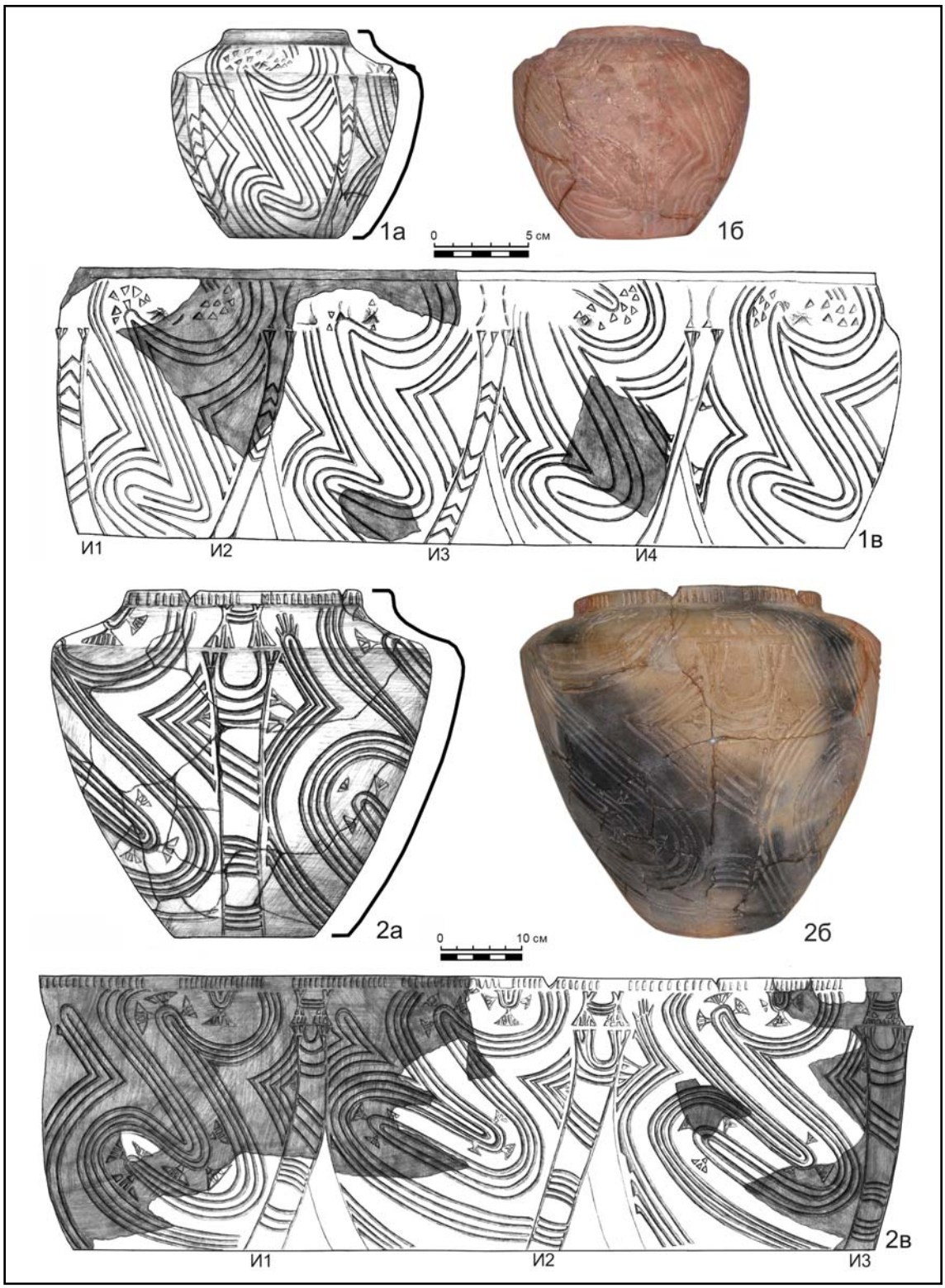

Рис. 1. Баия-Ын Мукие, сосуды из жилища №1/2012: 1 — №1; 2 — №2.

Fig. 1. Baia-În Muchie, pottery from building 1/2012: 1 — no. 1; 2 — no. 2.

— окончания меандр с апексами;

— два окончания изолированных меандр в виде «кубков» с ручками из линий с треугольным окончанием и ножкой, типа «меноры».

Байя (Румыния, уезд Сучава), Прекукутень I финальный — Триполье А (рис. 1: 1в):

— треугольные апексы из врезных точек;

— завитки круговых меандров;

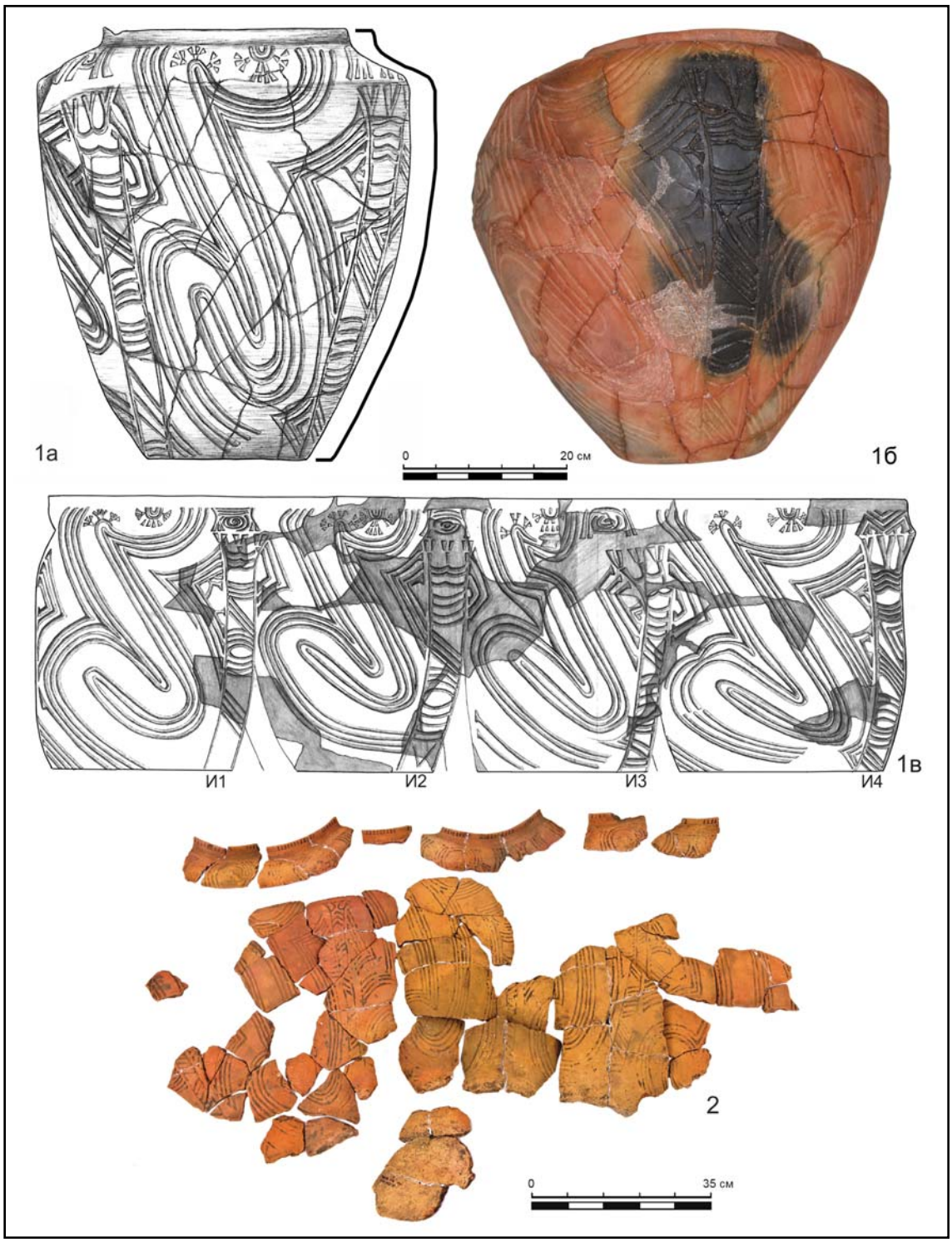

Рис. 2. Баия-Ын Мукие, сосуды из жилищ №2/2012 (1) и жилища №1/2012 (2). 1 — №3; 2 — №4.

Fig. 2. Baia-În Muchie, pottery from building 2/2012 (1) and building 1/2012 (2). 1 — no.3; 2 — no.4.

— окончание меандра с треугольными апексами;

— четыре небольших налепа.

Байя (Румыния, уезд Сучава), Прекукутень I финальный — Триполье А (рис. 1: 2в):

— окончания меандров с треугольными линейными врезными апексами;

— окончания изолированных меандров в виде «кубков» с ручками из линий с треугольным окончанием и ножкой, типа «меноры»;

— схематический линейный декор (возможные варианты его прочтения: зооморфное изображение, две соединенные пары тан-

Рис. 3. Баия-Ын Мукие, фрагменты сосудов из жилища №1/2012 (1, 3—5, 7—11), жилища №3/2013 (2) и комплекса №3/2012 (6). 1 — №5; 2 — №6; 3 — №7; 4 — №8; 5 — №9; 6 — №10; 7 — №11; 8 — №12; 9 — №13; 10 — №14; 11 — №15.

Fig. 3. Baia-În Muchie, fragments of pottery from building 1/2012 (1, 3—11) and 3/2013 (2). 1 — no.5; 2 — no.6; 3 — no.7; 4 — no.8; 5 — no.9; 6 — no.10; 7 — no.11; 8 — no.12; 9 — no.13; 10 — no.14; 11 — no.15.

цовщиц, два соединенных плуга (см.: Черныш 1982: 233, fig. 18), головной убор).

Байя (Румыния, уезд Сучава), Прекукутень I финальный — Триполье А (рис. 2: 1в):

— окончания меандров с треугольными линейными врезными апексами;

— окончания изолированных меандров в виде «кубков» с ручками из линий с треугольным окончанием и ножкой, типа «меноры»;

— линейный декор, построенный вокруг спирального завитка, или угловой геометрический орнамент (возможные варианты его прочтения: головной убор, зооморфное изображение, две соединенные пары танцовщиц, два соединенных плуга — см.: Черныш 1982: 233, fig. 18);

Таблица 2.

Объём сосудов

Памятник, датировка	№ рисунка	Объем по жидкости (л)	Объем по зерну пшеницы с влажностью 14% (кг)	Кратность объема по отношению к минимальному значению (объем / 0,37 кг)*
Траян-Дялул Вией (Румыния, уезд Нямц) Прекукутень I	рис. 4: 1	25	18,75	50,675
Байя (Румыния, уезд Сучава) Прекукутень I финальный — Триполье А	рис. 1: 1	0,5	0,37	1
Байя (Румыния, уезд Сучава) Прекукутень I финальный — Триполье А	рис. 1: 2	15	11,25	30,405
Байя (Румыния, уезд Сучава) Прекукутень I финальный — Триполье А **	рис. 2: 1	32	24	64,864
Тимково (Украина, Одесская обл., Кодымский район) Триполье А III/1 — Прекукутень III	рис. 4: 6	75	56,25	152,027
Слободка-Западная (Украина, Одесская обл., Александровский район) Триполье А III/1 — Прекукутень III	рис. 4: 5	80	60	162,162

* Во всех случаях цифра после запятой является в периоде — напр.: 50,(675).
** Сосуд деформирован вследствие вторичного обжига.

— угловой орнамент (возможно, изображение головного убора).

Байя (Румыния, уезд Сучава), Прекукутень I финальный — Триполье А (рис. 3: 1):

— окончания меандров с треугольными линейными врезными апексами;

— окончания изолированных меандров в виде «кубка» типа «меноры»;

— линейный декор в виде двух концентрических полукругов (возможно, изображение головного убора).

Тимково (Украина, Одесская обл., Кодымский район), Триполье AIII/1 — Прекукутень III (рис. 4: 6):

— окончания меандров с апексами;

— линейный декор (возможно, изображение головного убора);

— небольшие налепы.

Слободка Западная (Украина, Одесская обл., Александровский район), Триполье AIII/1 — Прекукутень III (рис. 4: 5):

— окончания меандров с апексами;

— небольшие налепы;

— угловой декор, образующий ромбовидную фигуру (возможно, изображение головного убора).

Тулово сосудов

Траян-Дялул Вией (Румыния, уезд Нямц), Прекукутень I (рис. 4: 1а):

— четыре реестра;

— четыре стилизованных антропоморфных изображения;

— руки переданы угловыми параллельными линиями, иногда снабженными апексами;

— два угловых меандра, один из которых стыкуется нижним окончанием с другим, украшенным апексами на углах и окончаниях.

Байя (Румыния, уезд Сучава), Прекукутень I финальный — Триполье А (рис. 1: 1в):

— четыре реестра;

— четыре стилизованных антропоморфных изображения;

— руки переданы двумя и тремя линиями;

— два угловых меандра, один из которых стыкуется нижним окончанием с другим.

Байя (Румыния, уезд Сучава), Прекукутень I финальный — Триполье А (рис. 1: 2в):

— три реестра;

— три стилизованных антропоморфных изображения (лишь одно из них сохранилось полностью);

— руки переданы четырьмя линиями, правая (?) рука с раскрытой ладонью;

— два угловых меандра, один из которых стыкуется нижним окончанием с другим; каждый из меандров снабжен тремя угловыми апексами на углах и окончаниях;

— фигура из четырех параллельных линий в нижней части силуэта, вероятно, изображающих некое одеяние (длинное платье?).

Байя (Румыния, уезд Сучава), Прекукутень I финальный — Триполье А (рис. 2: 1в):

— четыре реестра;

— четыре стилизованных антропоморфных изображения;

— руки переданы тремя и четырьмя линиями;

— два угловых меандра, один из которых стыкуется нижним окончанием с другим;

— у трех из четырех силуэтов присутствует в нижней части, под антропоморфным изображением, декор из двух или четырех параллельных линий, который может изображать какое-то одеяние (длинное платье?).

Байя (Румыния, уезд Сучава), Прекукутень I финальный — Триполье А (рис. 3: 1):

— вероятно, четыре реестра;

— сохранившиеся руки силуэтов переданы двумя или тремя линиями;

— два угловых меандра, без апексов, переданные четырьмя параллельными линиями.

Тимково (Украина, Одесская обл., Кодымский район, Триполье AIII/1 — Прекукутень III (рис. 4: 6):

— четыре реестра;

— четыре стилизованных антропоморфных изображения, каждое из которых имеет по одной руке, переданной с помощью трех и четырех линий;

— два угловых меандра, углы одного из них орнаментированы апексами;

— в нижней части одного из антропоморфных изображений присутствует декор из четырех параллельных линий, который может изображать какое-то одеяние (длинное платье?).

Слободка Западная (Украина, Одесская обл., Александровский район), Триполье AIII/1 — Прекукутень III (рис. 4: 5):

— четыре реестра;

— четыре стилизованных антропоморфных изображения;

— руки переданы тремя линиями;

— два угловых меандра, каждый из них снабжен тремя апексами, один из меандров стыкуется нижним окончанием с другим;

— в нижней части одного из антропоморфных изображений присутствует угловой декор, который может изображать какое-то одеяние (длинное платье?).

Анализ стилизованных антропоморфных изображений

Траян-Дялул Вией (Румыния, уезд Нямц), Прекукутень I (рис. 4: 1а).

— *Голова*: И1 [11], И2 — передана двумя треугольниками; И3, И4 — передана тремя треугольниками.

— *Тело*: И1, И2 — длинный силуэт, полностью покрыт горизонтальными короткими линиями; И3 — длинный силуэт, полностью покрыт горизонтальными короткими линиями, в нижней части присутствует орнамент из угловых линий; И4 — длинный силуэт, верхняя часть украшена треугольниками, лежащими основой на контуре силуэта, нижняя часть покрыта короткими линиями.

— *Руки*: И1 — переданы тремя и четырьмя линиями, расположенными под углом, «за спиной»; И2 — переданы четырьмя и пятью линиями, расположенными под углом; апексом обозначен локоть; одна рука направлена вверх, другая вниз; И3 — переданы пятью и шестью линиями, расположенными под углом; апексами обозначены локти; руки направлены вниз; И4 — переданы тремя и четырьмя линиями, расположенными под углом, «за спиной»; апексами обозначены локти.

— *Возможные аксессуары*: расположенные у локтя апексы, возможно, изображают завязки или украшения. Форма окончаний рук И2 и И3 может указывать на широкие рукава одеяния. Угловой орнамент в нижней части И3 может изображать декор одеяния (платья?). Горизонтальная линия, соединяющая границы в верхней части силуэта И4 может являться изображением какого-то украшения (колье?).

Байя (Румыния, уезд Сучава), Прекукутень I финальный — Триполье А (рис. 1: 1в).

— *Голова*: И1, И4 — передана группами из двух треугольников; И3 — передана тремя треугольниками.

— *Тело*: И1 — длинный силуэт, украшенный в верхней части (шея?) группой из трех параллельных угловых линий, после которой следует наклонная линия, направленная вправо, и еще одна группа из трех наклонных линий, направленных влево; И2 — длинный силуэт, украшенный группой их трех угловых линий, направленных углами вниз; в нижней части два врезных треугольника подчеркивают контур силуэта; И3 — длинный силуэт, орнаментированный тремя группами, составленными каждая из трех угловых линий, причем первая и третья группы направлены вверх, а вторая вниз; орнамент посередине образовывает ромбовидную (?) фигуру; И4 — длинный силуэт, украшенный в верхней части наклонной линией, слева (изображение шеи?).

— *Руки*: на всех изображениях одна рука длиннее, передана тремя параллельными линиями (возможно, подразумевается положение ладони за головой), другая короче, передана двумя линиями, с условной «ладонью»

[11] И = стилизованное антропоморфное изображение.

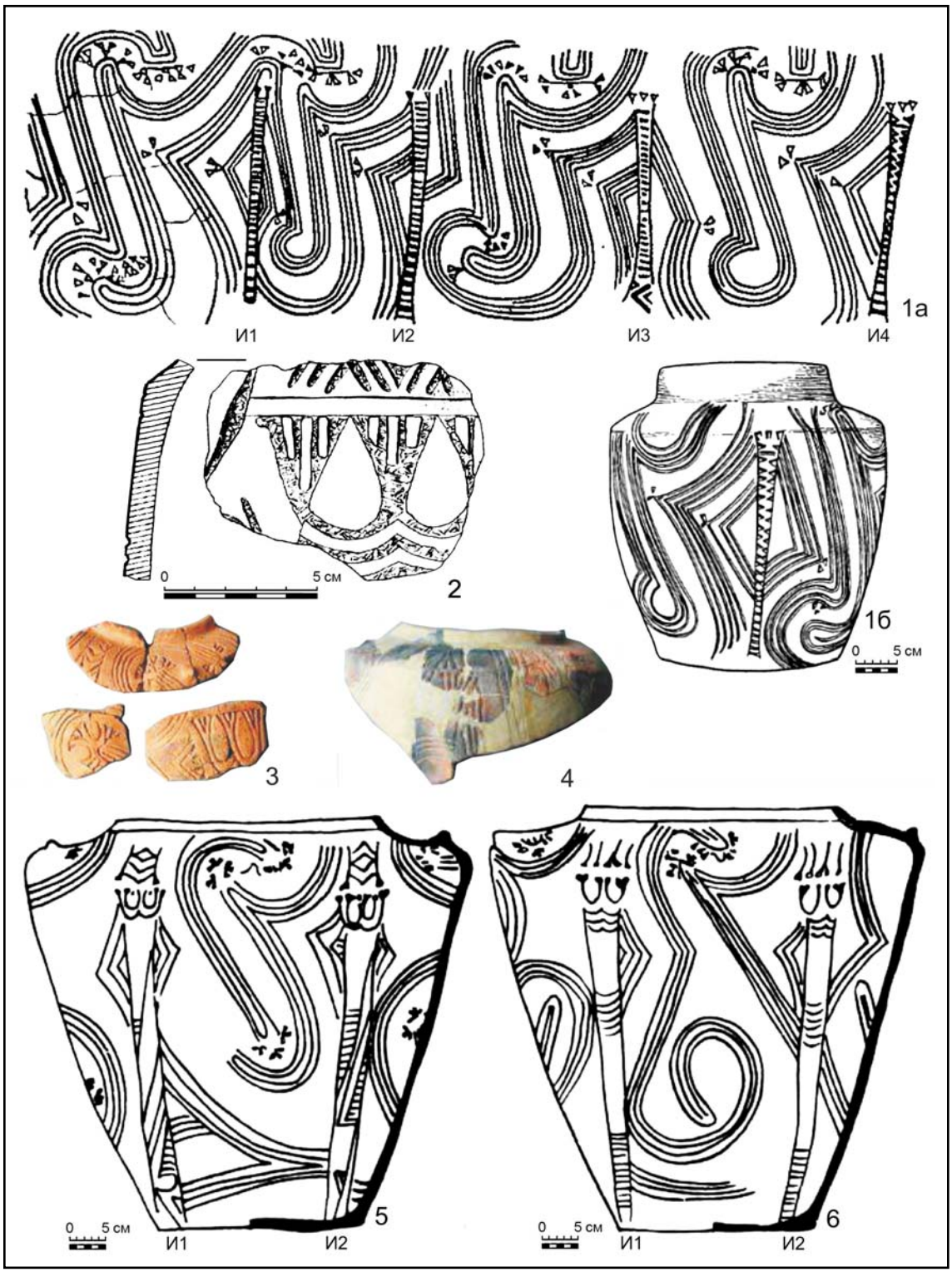

Рис. 4. Орнаменты на керамике: 1а, 1b — Траян-Дялул Вией; 2 — Трудешть-Гигоешть; 3, 5 — Слободка-Западная; 4 — Александровка; 6, Тимково (1 — по Черныш 1982: табл. LIV:18; 2 — по Marinescu-Bîlcu 1974: fig. 39: 9; 3—4 — по Burdo 2011: fig. 5: 1, 4; 5—6 — по Бурдо 1989: рис. 5: 10, 11).

Fig. 4. Decor on ceramic: 1a, 1b — Traian-Dealui Viei; 2 — Trudeşti-Ghigoieşti; 3, 5 — Slobodka-Zapadnaia; 4 — Alexandrovka; 6 — Timkovo (1 — after Черныш 1982: tab. LIV: 18; 2 — after Marinescu-Bîlcu, 1974: fig. 39: 9; 3—4 — after Burdo 2011: fig. 5: 1, 4; 5—6 — after Бурдо 1989: fig. 5: 10, 11).

за спиной или на бедре; во всех случаях в центральной части присутствуют углы, которые могут передавать локти.

— *Возможные аксессуары*: И1 — группа из трех угловых линий в верхней части силуэта может изображать какое-то украшение. И2,

ИЗ — орнамент верхних групп угловых линий может изображать какой-то аксессуар или декор одеяния в районе груди. ИЗ — группа из угловых линий в нижней части может изображать элемент одеяния (платья?). Наклонная линия между центральным треугольником головы и левым контуром силуэта может изображать украшение. И4 — короткая наклонная линия в верхней части силуэта, возможно, является изображением украшения.

Байя (Румыния, уезд Сучава), Прекукутень I финальный — Триполье А (рис. 1: 2в).

— *Голова*: И2, передана двумя концентрическими овальными полукругами, внешний из которых имеет разведенные концы в виде двух треугольников.

— *Тело*: И1 — длинный силуэт, украшен в нижней части двумя группами параллельных слегка изогнутых линий (четыре в первой группе и три во второй), расположенных друг напротив друга, окончаниями вовнутрь; И2 — длинный силуэт, украшенный в верхней части (у шеи) двумя параллельными слегка изогнутыми линиями, окончаниями вверх; далее, ниже, присутствует группа из четырех параллельных наклонных линий, направленных вправо, затем две группы параллельных слегка изогнутых линий (первая группа включает пять и вторая четыре линии), расположенные друг напротив друга, окончаниями вовнутрь.

— *Руки*: И2 является единственным целиком сохранившимся изображением. Одна рука передана четырьмя угловыми параллельными линиями и двумя треугольными точками, которые, вероятно, маркируют пятую линию; орнамент построен так, что условная «ладонь» располагается либо за спиной, либо на бедре. Вторая рука, переданная четырьмя угловыми линиями (вероятно, углы изображают локоть), оканчивается раскрытой ладонью с пятью пальцами; положение пальцев указывает, что «персонаж» был изображен с лицевой стороны — в таком случае, речь идет об изображении левой руки. Левое плечо передано двумя линиями и двумя треугольными точками, расположенными раздельно.

— *Возможные аксессуары*: И1 — группа из четырех линий, расположенная в нижней части силуэта, может изображать элемент одеяния (длинное платье?). И2 — группа из двух изогнутых линий в верхней части может изображать какое-то украшение (колье?). Продолжение вниз линий, составляющих левую руку, может отображать элемент одеяния (длинное платье?). Одна из линий левой руки заканчивается углом, передающим, вероятно, рукав.

Байя (Румыния, уезд Сучава), Прекукутень I финальный — Триполье А (рис. 2: 1в).

— *Голова*: И1 — передана тремя короткими линиями, над каждой из которых находятся другие две линии, расположенные под углом. Под этой композицией присутствуют три параллельные линии, которые образуют две дуги, направленные окончаниями вверх, которые, вероятно, маркируют контуры лица и шеи; ИЗ — сохранилась фрагментарно, орнамент аналогичен И1, с единственным отличием, что лишь две линии образуют дуги; И4 — передана тремя линиями с разведенными концами; под этим орнаментом группа из двух широких дуг составлена из четырех линий.

— *Тело*: И1 — длинный силуэт, орнаментированный группами параллельных линий, составленных, сверху вниз, из: четырех круговых линий окончаниями вверх; четырех круговых линий окончаниями вниз; еще четырех круговых линий окончаниями вверх; наклонных линий, направленных вправо; И2 — длинный фрагментарный силуэт, сохранились группы параллельных линий, составленных, сверху вниз, из: наклонной линии, направленной вправо; четырех круговых линий окончаниями вниз; трех круговых линий окончаниями вверх; трех наклонных линий, направленных вправо; ИЗ — длинный силуэт, украшенный группами параллельных линий, составленных, сверху вниз, из: четырех круговых линий окончаниями вверх; трех наклонных линий, направленных вправо; овальная фигура, составленная из четырех круговых линий, расположенных окончаниями вниз, и трех круговых линий, направленных окончаниями вверх, может изображать пупок (?);далее — три наклонные линие, направленные вправо; три параллельные, слегка круговые линии, окончаниями вниз; И4 — длинный силуэт, украшенный группами параллельных линий, составленных, сверху вниз, из: четырех круговых линий, окончаниями вверх; трех угловых линий, углом налево; пяти линий, наклоненных вправо; четырех круговых линий окончаниями вниз; четырех круговых линий окончаниями вверх; четырех линий, наклоненных вправо.

— *Руки*: И1 — одна рука составлена из четырех параллельных угловых линий, окончания которых соединяются с телом, внутри линий присутствует некая линейная, угловая или простая композиция. Другая рука передана тремя параллельными линиями, расположенными в той же манере, вероятно, обозначавшие локоть. ИЗ — одна рука передана тремя параллельными угловыми линиями,

и четвертой небольшой угловой фигурой; линия, проведенная между основными тремя линиями и силуэтом может также относиться к этой группе. Другая рука передана тремя параллельными линиями, расположенными в той же манере — вероятно, они обозначают локоть. И4 — одна рука передана четырьмя угловыми параллельными линиями, с окончаниями, соединенными с телом, внутри линий присутствует некая линейная, угловая или простая композиция. Пятая линия представлена небольшой угловой фигурой. Другая рука обозначена тремя параллельными угловыми линиями.

— *Возможные аксессуары*: И2, И3, И4 — группа из двух или четырех линий в нижней части, возле силуэта, может изображать элемент одеяния (длинное платье?). И1, И3, И4 — группы из двух, трех или четырех изогнутых линий в области шеи могут изображать украшения (колье?).

Декор силуэтов И1, И2, И3, практически идентичный, может отображать схожий тип одеяния. Различия орнамента фигуры И4 могут указывать на персонаж другого статуса. И1, И3, И4 — линейные композиции вокруг рук, составленные из четырех линий, могут изображать детали одеяния.

Байя (Румыния, уезд Сучава), Прекукутень I финальный — Триполье А (рис. 3: 1).

— *Голова*: И1, И2, передана группами линий, с окончаниями в виде врезных треугольников, расположенных по краям двух полуовалов, направленных окончаниями вверх.

— *Тело*: И1 — длинный силуэт, орнаментированный в верхней части группой из трех горизонтальных параллельных линий; И2 — не сохранилось.

— *Руки*: И1 — одна рука составлена из двух угловых линий с окончаниями в виде небольших треугольников; вторая составлена из трех аналогичный линий. И2 — частично сохранилась только одна рука, состоящая из двух угловых линий.

— *Возможные аксессуары*: не сохранились.

Тимково (Украина, Одесская обл., Кодымский район, Триполье А III/1 — Прекукутень III (рис. 4: 6).

— *Голова*: И1, И2 — передана двумя полукругами с направленными вверх окончаниями в виде двух точек. Под этой композицией присутствуют по три параллельные линии, образующие две дуги, с окончаниями, направленными вверх; вероятно, они обозначают шею.

— *Тело*: И1 — длинный силуэт, украшенный группами из параллельных линий, каждая группа составлена, сверху вниз, из: шести круговых линий окончаниями вверх; двенадцати горизонтальных линий у основания силуэта; И2 — длинный силуэт, украшенный группами параллельных линий, составленных, сверху вниз, из: шести круговых линий окончаниями вверх и, вероятно, двенадцати горизонтальных, расположенных у основания силуэта.

— *Руки*: И1 — одна рука (левая?) состоит из четырех угловых параллельных линий, окончания которых соединены с телом. И2 — одна рука (правая?) передана тремя угловыми параллельными линиями. Предполагаемая вторая рука начинается тремя линиями у тела, затем образует угол и поднимается наверх, где композиция снабжена дополнительной, четвертой линией.

— *Возможные аксессуары*: И1 — группа из четырех линий, расположенная в нижней части, у силуэта, может изображать деталь одеяния (длинное платье?). И1, И2 — группы из трех изогнутых линий в области шеи могут изображать украшения (колье?). И1, И2 — группы из шести линий каждая, расположенные примерно посередине силуэтов, могут изображать пояса.

Слободка Западная (Украина, Одесская обл., Александровский район), Триполье А III/1 — Прекукутень III (рис. 4: 5).

— *Голова*: И1 — передана двумя полукругами с направленными вверх окончаниями в виде точек; внутри каждого из полукругов расположено по другой точке, которые, скорее всего, обозначают глаза; таким образом, изображение является лицевым. В нижней части этих двух полукругов присутствует по одной линии с двумя завитками, окончания которых также обозначены в виде точек. И2 — передана в схожей манере, но без «глаз», каждая из круговых линий оканчивается точкой.

— *Тело*: И1 — длинный силуэт, украшенный группами одиночных или параллельных линий, составленных, сверху вниз, из: трех коротких горизонтальных линий, расположенных в углу, образованном краем силуэта и простой линией; наклонной линии, направленной влево; трех наклонных параллельных линий, направленных влево, расположенных на неравном расстоянии друг от друга; линии, параллельной предыдущим, которая продолжается направо, проходя по краю фигуры из пяти коротких, слегка круговых линий, над образованным таким образом полукругом, и еще одной угловой линии, расположенной снизу. И2 — длинный силуэт с линейным декором: три наклонные линии, направленные влево, по обоим краям которых присутствует группа из десяти параллельных гори-

зонтальных линий в нижней части, другая горизонтальная линия подчеркивает эту фигуру. Нижнее окончание силуэта украшено двумя угловыми линиями, которые расположены на другой, наклоненной влево.

— *Руки*: И1, И2 — переданы группами из трех угловых линий, которые, вероятно, маркируют локти.

— *Возможные аксессуары*: И1 — простая линия, у окончания которой находится группа из трех наклонных линий, может изображать предмет типа котомки. И2 — группа из трех наклонных линий, расположенных на правой руке, может изображать элемент одеяния. И2 — композиция из наклонных и горизонтальных линий, расположенная приблизительно посередине силуэта, может изображать элемент одеяния (передник?).

Интерпретация

Прежде чем перейти непосредственно к анализу интересующих нас изображений в контексте истории религий, хотелось бы уточнить следующее. Наиболее полной, по нашему мнению, является концепция истории религий у Мирчи Элиаде; другие последующие работы лишь подтвердили действенность его построений[12]. С другой стороны, мы следуем концепции Рене Генона, согласно которому «существуют символы, являющиеся общими для самых разных и далеких друг от друга традиционных форм, и это происходит не в результате “заимствований”, зачастую невозможных, а потому, что эти символы на самом деле относятся к первичной традиции, из которой и произошли все эти формы, прямым или непрямым путем» (Guenon 2008: 40). Впрочем, схожую точку зрения выразил и М. Элиаде: «мифы деградируют, а символы становятся светскими, но не исчезают никогда... Символы и мифы имеют слишком долгую историю: они являются частью человеческой сущности, и их невозможно не найти в любой экзистенциальной ипостаси человека в Космосе» (Eliade 1994: 31, 32; та же идея выражена в работе: Herea 2013: 31). Впрочем, все больше исследователей считают, что ряд божеств классического греческого и месопотамского пантеона, равно как и некоторые сюжеты греческой и/или анатолийской мифологии, имеют свои корни в балканском нео-энеолите (Lévêque 1972: 145—179; Marinescu-Bîlcu 1977: 42; Ursulescu, Batariuc 1987: 309—312; Monah 1997: 27—28, 212—215; 2012: 35, 242; Ursulescu, Tencariu 2006: 59; Ursulescu 2011: 199, 211; Zugravu 2013: 68—70 и сл.).

Теперь обратимся к интерпретации сосудов со стилизованными антропоморфными изображениями. Здесь могут быть выдвинуты следующие наблюдения и предположения.

1. Тектоническое расположение декора может отображать мифическое разделение окружающего мира на две части — хтоническую и ураническую. Следует отметить и единство формы сосудов — все они относятся к одному типу. Эти два обстоятельства, равно как и своеобразная орнаментация, могут указывать, как мы считаем, на культовое назначение этой посуды. Вероятно, их орнамент иллюстрирует один из «мифов» носителей раннетрипольской культуры; возможно, этот миф связан с плодородием, в широком смысле данного понятия. Как пишет Элиаде, «Периодическое “спасение” человека прямо соотносится с обеспечением еды на следующий год (освящение урожая). Для архаического человека жизнь является абсолютной реальностью и, в этом качестве, священной» (Eliade 2008: 63; та же идея: Eliade 1978: 41—42, 50; 2008a: 265). В этом контексте заслуживают упоминания ритуальные погребения в сосудах-горшках, известные в балканском нео-энеолите. Их значение хранилища/утробы отображает акт создания, подтверждая связь: захоронение/смерть — погребение/злаки — плодородие/перерождение (Eliade 2003: 27; 2008a: 357—359; Bacvarov 2004: 152; 2004a: 47; 2006: 102). Отметим здесь и гипотезу Гоче Наумова, который, рассматривая статуэтки — модели жилищ, пишет: «свойство сосудов принимать и содержать привело к уравнению сосудов с функциями женщины: ее способность кормить и снова порождать» (Naumov 2008: 99).

2. Все «силуэты» орнаментированы, в целом, в схожем стиле (одежда, позиция), что представляет собой дополнительный аргумент в пользу их культовой роли (Garfinkel

[12] В своей недавней работе Нелу Зуграву утверждает, что «мы не можем не подписаться под правомерными точками зрения тех специалистов, которые обнаружили “серьезные методологические” неопровержимые недостатки у румынского историка религий — “произвольный и упрощенный взгляд” на “религиозные документы”, “неполное знакомство с источниками”, “ошибочные ссылки”, отсутствие критического, аналитического подхода и “полное пренебрежение историческим и этнографическим контекстом” — что влияет отрицательно на исследование религиозных феноменов — “произвольные обобщения”, “сомнительные интерпретации” и “субъективная герменевтика”» (Zugravu 2013: 64, nota 11). Во многом мы разделяем точку зрения ясского исследователя, но все же рекомендуем ознакомиться с рецензиями на два цитированных им источника: Gheorghiu 2003: 28—29; Berzovan 2009: 403—407.

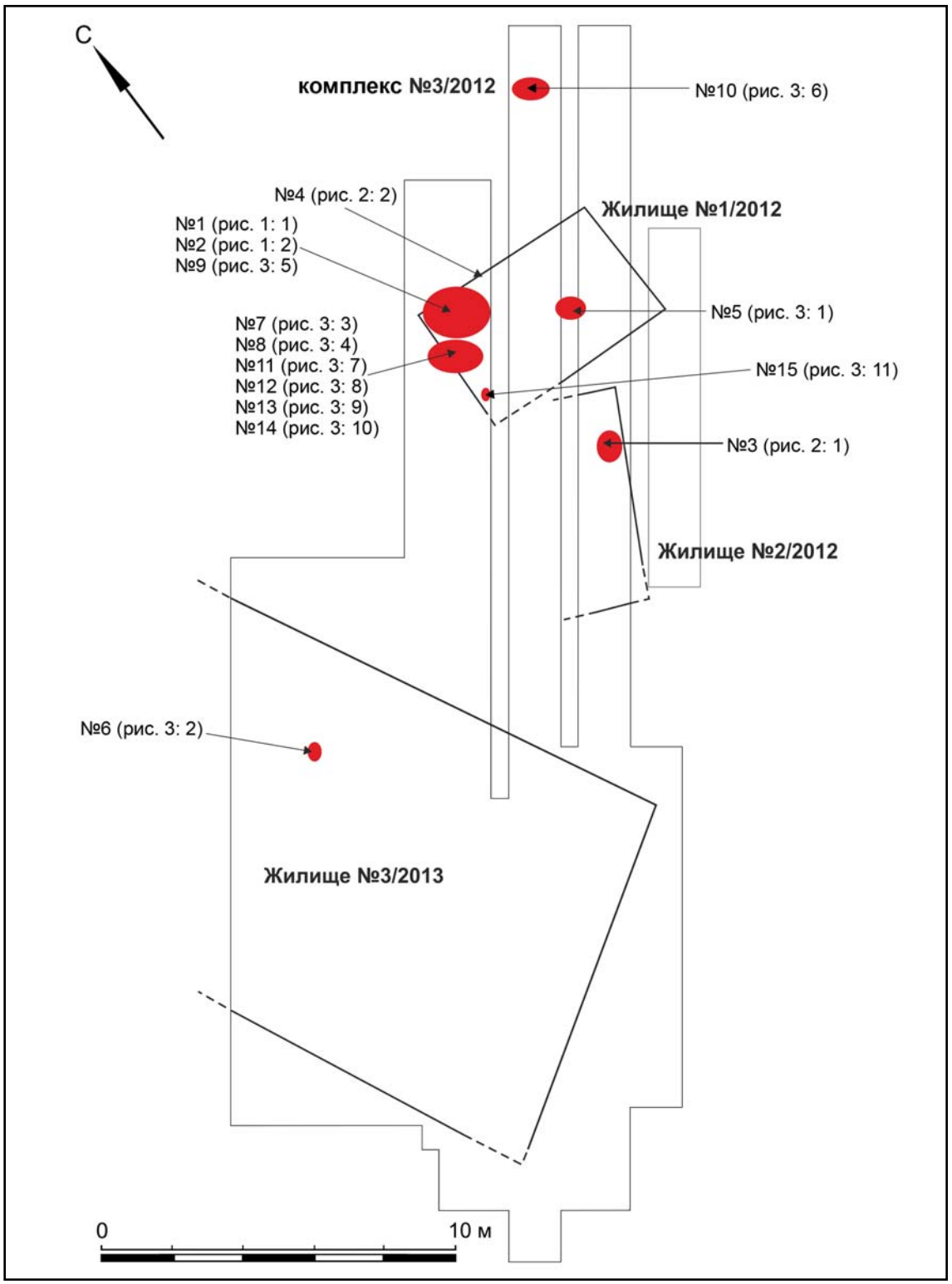

Рис. 5. Байя-Ын Мукие. Распределение сосудов со стилизованными антропоморфными изображениями по комплексам.

Fig. 5. Baia-În Muchie. The distribution of ceramic objects decorated with stylized anthropomorphic representations.

2003: 99). Однако, во всех случаях выделяется одна фигура — либо наличием дополнительных элементов декора, либо присутствием орнамента над головой (на плече сосуда), который, как мы считаем, не обязательно должен означать аксессуар для головы (убор), а может представлять собой знак «роли» и «функции» персонажа в рамках «мифа» (Niculescu 2011:

35—36)[13]. Ни в одном случае нам не удалось выявить какое-либо змеиное изображение (ср. Телегин 1994: 74).

3. Во всех случаях голова передана различными сочетаниями полукругов, треугольников или точек, что может отображать разные ипостаси одного и того же персонажа. Нельзя исключать и гипотезу Д. Я. Телегина о возрасте персонажей (Телегин 1994: 74). В приблизительно схожей манере была передана голова одного антропоморфного изображения из слоя Караново I телля Азмак (Garfinkel 2003: 212, fig. 10.18: b-c), что может указывать на южное происхождение раннетрипольского «пантеона» (Boghian 2012: 115; та же точка зрения относительно сосудов типа «хора»: Niţu 1970: 95; Marinescu-Bîlcu 1974: 176) и влияние культуры Старчево на некоторые элементы антропоморфных фигур (Popuşoi 2008: 19).

4. Силуэты изображены лицом к зрителю, на что указывает положение ладони левой руки на сосуде № 2 (рис. 1: 2) или наличие глаз на фигуре (рис. 4: 5). Было высказано предположение, что подобная позиция фигур вызвана их ролью «охранителей» содержимого сосудов (Телегин 1994: 74).

5. Вероятно, силуэты переданы в танце, с одной рукой за спиной и второй либо направленной вверх, либо сведенной к бедру. Антропоморфные изображения с руками, расположенными аналогичным образом, известны еще в ранней преистории Анатолии (Garfinkel 2003: 28—29, fig. 2.1, типы D1—2 и H), а в ареале культуры Кукутень-Триполье присутствуют в росписи керамики поздних этапов (Бурдо 2010а: рис. 2: 16). Танец обладает сакральным характером во все времена, во всех религиях, вплоть до сегодняшнего дня. Мирча Элиаде писал, что «в основе своей все танцы являлись сакральными..., танцы всегда отображают архетипичный жест или отмечают некий мифический момент» (Eliade 2008: 33; см. также анализ танца: Garfinkel 2003: 86, 87 и сл.). В додинастическом Египте сцены танца предполагали присутствие различных божеств и сопутствовали культам плодородия (Baumgärtel 1960: 144—148, по Garfinkel 2003: 93[14]). В отношении энеолита Центральной Анатолии идею о том, что орнаментированная керамика представляла собой символическую долговременную среду для налаживания и поддерживания социальных связей посредством ритуальных действий, мы находим и у Бурчина Эрдогу (Erdogu 2009: 135). Без того, чтобы вдаваться в детали, отметим, что сосуды-подставки типа «хора» могли обладать схожей символической нагрузкой; примечательно, что они появляются в Прекукутень II — Триполье А (Ларга Жижия — см. Marinescu-Bîlcu 1974a: fig. 86: 3), вероятно, вследствие импульса из культуры Петрешть А, и распространяются относительно широко на этапе Кукутень А (Monah 2012: 182). Антон Ницу считал, что персонажи подставок-«хора» являлись либо предками-прародительницами, либо женскими божествами, связанными с четырьмя или шестью пространственными направлениями (Niţu 1970: 94, 95). Анализ этих сосудов привел С. Маринеску-Былку к выводу о том, что «ритуальный танец производился по случаю жертвоприношений — возможно, первых плодов земли и животных» (Marinescu-Bîlcu 1974: 177). Пьер Левек считает танец «фундаментальной литургией», широко распространений в архаических сообществах (цит. по: Monah 2012: 187).

6. Число линий, которыми переданы руки «силуэтов», может обозначать связь между персонажами или, не исключено, их трансформацию во время «мифа», до возвращения к первоначальному состоянию, в *illo tempore*; «человек всего лишь повторяет акт Создания; его религиозный календарь празднует на протяжении одного года все космогонические фазы, произошедшие *ab origine*» (Eliade 2008: 28; та же идея: Eliade 1978: 19; 1994: 88; 2008a: 353). В то же время, эти линии могут иметь значение связок или узлов (Eliade 1994: 137, 140; 1995: 180).

7. Все персонажи носят длинное одеяние, возможно, с подолом или «шлейфом». Эта деталь обращает наше внимание на антропоморфную пластику; мы не исключаем, что фигурки с изображением одежды отображали другой «миф», чем неорнаментированные, обнаженность которых являлась символом су-

[13] Подобным образом распределяются персонажи и в рамках мифологического сюжета, изображенного на модели жилища предводителя индейского племени хайда XIX столетия (Gombrich 2012: 49, fig. 26).

[14] Й. Гарфинкель (Garfinkel 2003: 93) считает — как нам представляется, необоснованно, — что «все фигуры функционировали в качестве простых человеческих существ, а не сверхъестественных сил», а мифологические сцены появились лишь позже, в Месопотамии IV тыс. до н. э. Мы сомневаемся, что в нео-энеолите мастера занимались искусством ради искусства, и следуем за мнением М. Элиаде, который писал: «архаический человек склонен жить в *священном* или возле священных предметов как можно большее количество времени», потому что священное обозначало «*силу* и, в конце концов, *реальность*» (Eliade 2007: 14).

ществования вневременной модели, которая не подвержена «износу» от времени (Eliade 2003: 28; 2007: 103; Monah 2012: 232). С нашей точки зрения, все рассматриваемые в данной работе изображения являются женскими (Eliade 2003: 18). Помимо одежды, такая трактовка подтверждается наличием изображений ромба — символа вульвы (Eliade 2008a: 180, 182) и очищения (Eliade 2008a: 96), или пупка (рис. 1: 2в; 2: 1в), который символизирует центр вселенной, одним из атрибутов которого является плодородие (Eliade 2008a: 243—245).

8. Почти на всех антропоморфных фигурах, в области шеи, присутствуют изображения возможных украшений, которые придают особый статус этим персонажам. Отметим, что в антропоморфной пластике Прекукутень — Триполья А подобные украшения являются редкими [15].

9. Расположение и сочетание меандров на тулове сосуда, которые развертываются отдельно от тектоники орнамента, может отображать связь между двумя мирами, хтоническим и уранического, иерогамию между Небом и Землей для космического созидания (Eliade 2008: 290; 2008a: 254), «божественный союз [обеспечивающий] плодородие на земле. Мир регенерирует каждый раз, когда имитируется иерогамия» (Eliade 2008: 31). Окончание меандров, которое всегда превращается в кубок типа «меноры» на плече сосуда, может отображать преемственность — вероятно, плодородия, — от одного времени года к другому, цикл «от начала до конца». Мы не исключаем, что треугольные апексы могут символизировать «семя» в различных ипостасях — это может быть дождь, семенная жидкость или смерть для возрождения (Eliade 2003: 27; 2008a: 357—358). В то же время, распределение меандров напоминает изображение лабиринта (иногда связанного с телом Матери-Земли, ср. Eliade 2008b: 178), «места предварительных испытаний, [которое] может быть лишь путем к инициации и, в то же время, преградой, запрещающей приближение [неподготовленным] профанам» (Guénon 2008: 246). Лабиринт иногда имеет значение лестницы (Eliade 1994: 61—63), в смысле восхождения (Eliade 2008a: 119, 120; по Guénon 2008: 402, лестница является «аксиальным» символом) и/или космического дерева — символа жизни (Eliade 2008a: 279, 291), придавая божеству смысл «неиссякаемого источника космического плодородия» (Eliade 2008a: 292). Кубок, равно как и сосуд, также обладает символическим значением — сосуда изобилия (Chevalier, Gheerbrandt 2009: 315) и сердца (Guénon 2008: 23), эти два символических значения дополняли друг друга. В этом контексте упомянем недавнее томографическое изучение ряда кукутень-трипольских фигурок; на одной из них, из Руджиноаса, был выявлен камушек, преднамеренно включенный в тесто статуэтки на место сердца (Pavel et al 2013: 326, fig. 8). Добавим, что у египтян обозначающий сердце иероглиф представлял собой изображение сосуда (Guénon 2008: 110, nota 17). С другой стороны, «наполненный сосуд» всегда связан с «растением жизни» (Eliade 2008a: 294); в архаической Греции, как злаки, так и тела мертвых помещались в глиняные сосуды (Eliade 2008a: 359). Сосуд также представляет собой сочетание глины и воды, т. е. фундаментальных элементов сотворения (Boghian 2012: 117, nota 59). Часто его интерпретируют в качестве архетипичного женского символа, где основная символическая нагрузка содержится во внутренней части сосуда[16] (Neumann 1974: 39—40). Интересен орнамент на плече сосуда из Траян-Дялул Вией: два окончания меандров соединяются, соответственно, одной и двумя линиями с т. н. кубком типа «меноры», в то время как остальные два окончания меандров обрываются и не соединены с «кубками». Примечательно, что «кубки», не соединенные с меандрами, располагаются — вероятно, не без основания — между «силуэтом» с орнаментом над головой и остальными двумя, головы которых показаны в виде двух треугольников, а одеяние передано другим сочетанием декора. Обозначает ли эта композиция некий цикл? Или «путь» до «наполненного сосуда» и иерогамическую связь Неба и Земли? Отметим, что все эти символы дополняют друг друга.

10. Орнамент на плечах сосудов. Над «силуэтом», изображенным на сосуде №2 (рис. 1: 2а-в), присутствует линейный декор, который изображает либо зооморфную фигуру, либо две соединенные пары танцовщиц, либо два соединенных плуга [17].

[15] Так, украшения присутствуют лишь на нескольких фигурках этого этапа: из Бернашевки (Збенович 1980: fig. 80), три расписные фигурки из «собрания богинь» в Подурь (Monah et al 2003: 107), а также из Исакова II (Sorokin 2000: fig. 2: 12), Берново Луке (Pogoševa 1985: nr. 124, 142, 144) и Луки Врублевецкой (Pogoševa 1985: nr. 261).

[16] Американский исследователь приходит к формуле: «женщина = тело = сосуд = вселенная» (Neumann 1974: 43).

[17] См. изображение плуга из рога оленя (Черныш 1982: 233, рис. 18).

Считаем, что третий вариант является самым предпочтительным: плуг представляет собой мужской, уранический символ (Eliade 2008a: 268). Орнаментация силуэтов на сосуде №3 (рис. 2: 1а-в) является более сложной. Над головами трех персонажей присутствуют композиции из спиральных волют, включенных в линейные фигуры (может, тоже соединенные плуги?); над головой четвертого — линейный геометрический рисунок. Спираль, лунный поливалентный символ, часто — изображение раковин (Eliade 1994: 176—178) имеет значение плодородия и может маркировать цикл свет — тьма (Eliade 2008a: 173, 174, 203) или рождение — жизнь (Eliade 1994: 178). Эволюция спирали является цикличной, что роднит ее с лабиринтом (Chevalier, Gheerbrandt 2009: 853). Следует отметить, что все три спиральные волюты переданы по-разному. Вероятно, это может указывать на их различное значение в рамках «мифа» (фазы луны? времена года? различный возраст? этапы цикла?). Орнамент над четвертым «силуэтом», возможно, включает ромбические фигуры, что может являться символом беременности, учитывая, что этот символ появляется и на сосуде из Слободки Западной (рис. 4: 5); определенно, этот орнамент обозначает совершенно отличную «функцию» персонажа. На одном из фрагментированных сосудов (№5) орнамент на плече (рис. 3: 1) состоит из двух концентрических полукругов, расположенных окончаниями вниз, над которыми находятся четыре вертикальные линии; вся композиция отмечена двумя концевыми линиями. В нижней части как концевые линии, так и полукруги украшены небольшими врезными треугольниками — возможно, композиция является изображением пупка, символа центра (Eliade 2008a: 296). Невозможно с точностью определить, является ли орнамент на сосуде №1 (рис. 1: 1а-в), завершенным или преследовалась лишь цель маркирования «роли» персонажей; определенной является лишь разница между округленными с внешней стороны линиями, которые сохранились у двух «силуэтов» (над головой третьей сохранившейся фигуры какой-либо орнамент отсутствовал). Та же ситуация отмечается и на сосуде из Тимково (рис. 4: 6) — четыре вертикальные, слегка изогнутые линии направлены, по две, наружу. Близка этому изображению и композиция из Траян-Дялул Вией: лишь один «силуэт», с одной рукой, направленной вниз, и другой — направленной вверх, имеет орнамент из четырех наклонных линий над головой. Декор на плече сосуда из Слободки Западной (рис. 4: 5) отсылает к фигуре ромба и ее символике.

11. Интересен и анализ объемов рассматриваемых сосудов, учитывая достаточно широкий ареал их распространения (рис. 6). Все они кратны объему в 0,5 л (см. табл. 2). Мы не исключаем, что данное наблюдение отражает наличие неких сакральных единиц измерения, а сосуды служили для религиозной практики общин Прекукутень — Триполье А (Ursulescu 2011: 198; Niculescu 2011: 37).

12. Присутствие, в большинстве случаев, четырех «силуэтов» может указывать на наличие лунного культа. Луна (известная тем, что у нее четыре фазы), является «универсальным инструментом измерения» (Eliade 2008a: 172), будучи, без сомнения, «светилом жизненных ритмов», которое управляет водой, дождем, растительностью, плодородием (Eliade 2008a: 171), «познавая смерть в качестве отдыха и возрождения, а ни в коем случае не конца» (Eliade 2008: 179, 186—189).

Перечисленные выше возможные интерпретации, дополненные известными нам данными об антропоморфной пластике, бóльшая часть которой изображает женщин, приводят нас к мысли, что для нео-энеолита характерны лишь лунные культы. Редкие солярные элементы связаны с женскими символами плодородия (Eliade 2008a: 108; Ursulescu 2011: 199). Впрочем, уранические культы становятся независимыми, когда, помимо роли в плодородии, они сохраняют за собой значение «гарантов мирового порядка, охранителей норм и воплощения Закона» (Eliade 2008a: 110). Мы считаем, что от палеолита (Chirica et al. 2012: 50—52) и до перехода к эпохе бронзы женский «пантеон» доминировал, в различных формах, во всей Малой Азии, Анатолии и Юго-Восточной Европе (Fedele 2008: 46), где «плодородие земли соответствует женскому плодородию» — возможно, и вследствие таинственности тех процессов, которые ведут к смерти и возрождению семени (Eliade 2008a: 172; 2011: 52—53; Mitrevski 2001: 91; Boghian 2012: 116). Возможно, слом данной системы произошел после прихода индоевропейцев (Gimbutas 1989: 117), с их специфическим мировоззрением и небесной сакральностью (Eliade 2008c: 23, 24). После этих трансформаций начинают развиваться две мифологические системы (Fedele 2008: 47), причем отзвуки нео-энеолитической системы мы находим в эгейском мире (Platon 1988: III, 151—157), в элевсинских мистериях (Briant 2009: 50 и сл.) или в религии Месопотамии (Zugravu 2013: 71, 72, nota 54). Из нео-энеолитического субстрата сохранились концепты Великой

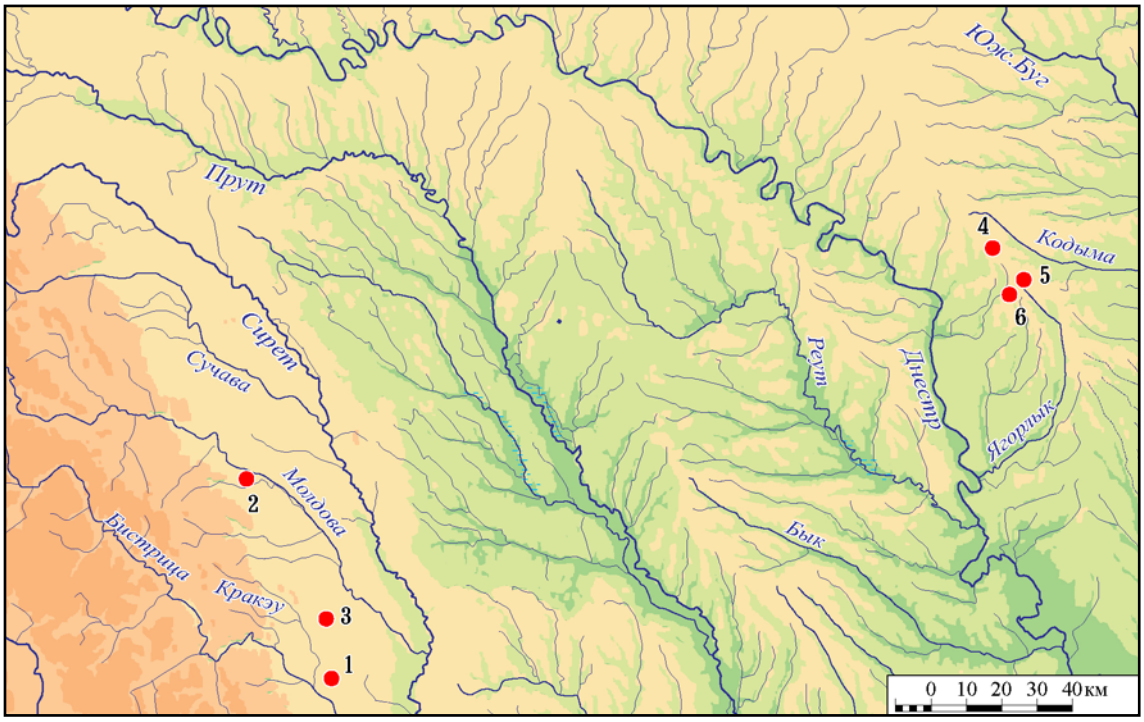

Рис. 6. Картирование сосудов со стилизованными антропоморфными изображениями. 1 — Траян-Дялул Вией; 2— Байя; 3 — Гигоешть-Трудешть; 4 — Александровка; 5 — Слободка Западная; 6 — Тимково.

Fig. 6. Mapping of vessels decorated with stylized anthropomorphic representations. 1 — Traian-Dealul Viei; 2— Baia; 3 — Ghigoeşti-Trudeşti; 4 — Aleksandrovka; 5 — Slobodka Zapadnaya; 6 — Timkovo.

Матери, Богини Земли, рожденной из Хаоса Геи, «сильной и дающей жизнь всему, что проживает и произрастает на ее теле» (Kun s.a.: 7; Eliade 2008a: 252). Достаточно быстро эти идеи теряют свою значимость в пользу солярных божеств, место Геи занимает Деметра (Eliade 2008a: 272). На Ближнем Востоке, Великая Мать представлена еще с IV тысячелетия Инанной/Иштар (Groneberg 2007: 319 и сл.; Westenholz 2007: 333 и сл.; Zugravu 2013: 71, 72, nota 54). Тем не менее, «женские культы» доживают, занимая более или менее важное место, до христианства; здесь интересно отметить ряд земледельческих ритуалов, которые сохраняются и по сей день (Eliade 2011: 62), а также роль «богинь» из области фольклора (феи, святые дней недели, вещуньи, старухи, старая мать и т.д.) (Taloş 2001: 15, 71, 178, 179, 190—192; Ghinoiu 2001: 12, 89, 90, 200—202, 214). Возможно, эти мифологические фигуры также выросли на неоэнеолитическом субстрате.

Заключение

Сосуды со стилизованными антропоморфными изображениями из ареала Прекукутень — Триполье А представляют собой стандартизированную и ритуальную категорию изделий, связанных с плодородием — возможно, в рамках некоего лунного культа[18]. Ряд ритуалов, которые могли проводиться в общине (Garfinkel 2003: 92; Erdogu 2009: 136), в отдельных моментах, был изображен на этих сосудах. В этом смысле соединенные в мистическом танце богини могли охранять определенные сакральные объемы зерна (Телегин 1994: 74) в холодный период, или же на протяжении целого аграрного цикла. В этом контексте отметим, что, за одним исключением (№10, рис. 3: 6), все сосуды из Байя были обнаружены в пределах жилищ. Впрочем, мы находим сочетание злаков с женскими божествами и в области антропоморфной пластики: так, в Луке Врублевецкой в тесте ряда антропоморфных статуэток содержались зерна и/или мука (Бибиков 1953: 206—209; Пассек 1953: 49; 1961: 50; Зиньковская 1976: 162; Погожева 1983: 115, 116) — скорее всего, этот признак является наследием КЛЛК (Höckmann 1987: 90, 91). Интерпретируется этот ритуал как возможная трансфигурация доктрины перевоплощения (Monah 2012: 236). Ассоциация

[18] Считаем, что «теория повторяемости» Лаи Орфанидис, выраженная ею в отношении фессалийской антропоморфной пластики (Orphanidis 2011: 56), применима и к рассматриваемым нами в данной статье сосудам.

зерен/муки и теста фигурок прослеживается вплоть до конца этапа Кукутень А (Monah 2012: 74).

Примечательно большое количество сосудов со стилизованными антропоморфными изображениями в Байя-Ын Мукие по сравнению с другими указанными в статье поселениями. Исследования на памятнике продолжаются, и мы пока не будем касаться причин наличия столь большого количества такой посуды именно в Байя. Все же отметим некоторые интересные аспекты: до сих пор на памятнике была обнаружена лишь одна фрагментированная антропоморфная статуэтка (над жилищем 2/2012); количество найденных костей крайне незначительно; из жилищ происходит большое количество зернотерок; в течение двух сезонов раскопок на площади в 374,37 кв. м. не было прослежено ни одной хозяйственной ямы. Возможно, выявленные на данный момент особенности памятника и большое количество сосудов со стилизованными антропоморфными изображениями как-то взаимосвязаны; однако, мы воздержимся от более пространных комментариев до окончания работ на поселении.

Литература

Бибиков С. Н. 1953. *Поселение Лука-Врублевецкая*. МИА 38. Москва: АН СССР.

Бурдо Н. Б. 1989. Александровская группа раннетрипольских памятников. В: Патокова Е. Ф., Петренко В. Г., Бурдо Н. Б., Полищук Л. Ю. *Памятники трипольской культуры в Северо-Западном Причерноморье*. Киев: Наукова думка, 5—29.

Бурдо Н. Б. 2004. Олександрівка. В: Відейко М. (гл. ред.). *Енциклопедія трипільської цивілізації* II. Київ: Укрполіграфмедіа, 386—389.

Бурдо Н. Б., Відейко М. Ю. 1985. Ранньотрипільське поселення Тимкове в Одеській області. *Археологія* 52, 78—85.

Збенович В. Г. 1980. *Поселение Бернашевка на Днестре (к происхождению трипольской культуры)*. Киев: Наукова думка.

Збенович В. Г. 1989. *Ранний этап трипольской культуры на территории Украины*. Киев: Наукова думка.

Зиньковская Н. Б. 1976. Антропоморфная пластика раннетрипольского поселения Александровка. *МАСП* 8, 161—169.

Маркевич В. И. 1970. Многослойное поселение Новые Русешты I. *КСИА* 123, 56—68.

Пассек Т. С. 1953. Раскопки трипольских поселений на Среднем Днестре. *КСИИМК* 51, 46—59.

Пассек Т. С. 1961. *Раннеземледельческие (трипольские) племена Поднестровья*. МИА 84.

Погожева А. П. 1983. *Антропоморфная пластика Триполья*. Новосибирск: Наука.

Телегин Д. Я. 1994. Образ змееликой богини в Трипольe. В: Яровой Е. В. (ред.). *Древнейшие общности земледельцев и скотоводов Причерноморья V тыс. до н. э. — V в. н. э.* Тирасполь: НИЛ «Археология» ПГУ, 73—74.

Черныш К. К. 1959. *Ранньотрипільське поселення Ленківці на Середньому Дністрі*. Київ: Академія наук Української РСР.

Черныш Е. К. 1982. Энеолит Правобережной Украины и Молдавии. В: Массон В. М., Мерперт Н. Я., Мунчаев Р. М., Черныш Е. К. *Энеолит СССР*. Москва: Наука, 165—347.

Băčvarov K. 2004. The Birth-Giving Pot Neolithic jar burials in southeast Europe. In: Nikolov V., Băčvarov K., Kalchev P. (eds.). *Prehistoric Trace*. Stara Zagora: Institute of Archaeology with Museum — BAS, Regional Museum of History, 151—160.

Băčvarov K. 2004a. Neolithische Bestattungen aus Westbulgarien. In: Nikolov V., Băčvarov K. (eds.). *Von Domica bis Drama. Gedenkschrift für Jan Lichardus*. Sofia: Archäologisches Institut mit Museum der Bulgarischen Akademie der Wissenschaften, 43—52.

Bacvarov K. 2006. Early Neolithic jar burials in southeast Europe: a comparative approach. *Documenta Praehistorica*, XXXIII, 101—106.

Baumgartel E. L. 1960. *The Cultures of Prehistoric Egypt* II. London; Oxford University.

Berzovan A. 2009. Recenzie: Dan Dana, Zalmoxis de la Herodot la Mircea Eliade. Istorii despre un zeu al pretextului, Editura Polirom, Iaşi, 2008, 486 p. *Terra Sebus* 1, 403—407.

Boghian D. 2012. Unele consideraţii asupra vaselor cucuteniene antropomorfe şi antropomorfizate. *ArhMold* XXXV, 107—136.

Briant M. 2009. *Misteriile din Eleusis. Originea şi natura lor. Ritualul de iniţiere*. Bucureşti: Herald.

Burdo N. 2011. Late Neolithic cultural elements from the Danube and Carpathian regions of Precucuteni-Trypilia A culture. *Documenta Praehistorica* XXXVIII, 357—371.

Chevalier J., Gheerbrant A. (coord.). 2009. *Dicţionar de simboluri. Mituri, vise, obiceiuri, gesturi, forme, figuri, culori, numere*. Iaşi: Polirom.

Chirica et al. 2012: Chirica V., Bodi G., Chirica V.-C. 2012. Teme iconografice, reprezentate în creaţia artistică preistorică. *ArhMold* XXV, 47—73.

Eliade M. 1978. *Aspecte ale mitului*. Bucureşti: Univers.

Eliade M. 1994. *Imagini şi simboluri*. Bucureşti: Humanitas.

Eliade M. 1995. *Mefistofel şi androginul*. Bucureşti: Humanitas.

Eliade M. 2003. *Mitul reintegrării*. Bucureşti: Humanitas.

Eliade M. 2007. *Sacrul şi profanul*. Bucureşti: Humanitas.

Eliade M. 2008. *Mitul eternei reîntoarceri*. Bucureşti: Univers Enciclopedic.

Eliade M. 2008a. *Tratat de istorie a religiilor*. Bucureşti: Humanitas.

Eliade M. 2008b. *Mituri, vise şi mistere*. Bucureşti: Univers Enciclopedic.

Eliade M. 2008c. *Făurari şi alchimişti*. Bucureşti: Humanitas.

Eliade M. 2011. *Istoria credinţelor şi ideilor religioase*. I. *De la epoca de piatră la misterele din Eleusis*. Iaşi: Polirom.

Erdogu B. 2009. Ritual symbolism in the early chalcolithic period of Central Anatolia. *Journal for Interdisciplinary Research on Religion and Science* 5, 129—151.

Fedele F. 2008. Religiile din preistorie. In: Filoramo G. (ed.). *Istoria religiilor.* I. *Religiile antice*. Iaşi: Polirom, 17—58.

Garfinkel Y. 2003. *Dancing at the dawn of agriculture*. Austin: University of Texas.

Gheorghiu M. 2003. Universul obsesional al lui Daniel Dubuisson. Daniel Dubuisson — Mitologii ale secolului XX, Polirom 2003. *România literară* 31, 28—29.

Ghinoiu I. 2001. *Panteonul românesc. Dicţionar*. Bucureşti: Editura Enciclopedică.

Gimbutas M. 1989. *The Language of the Goddess*. San Francisco: Harper & Row.

Gombrich E. H. 2012. *Istoria artei*. Bucureşti: Art.

Groneberg B. 2007. The role and function of goddesses in Mesopotamia. In: Leick G. (ed.). *The Babylon World*. New York: Routledge, 319—331.

Guénon R. 2008. *Simboluri ale ştiinţei sacre*. Bucureşti: Humanitas.

Herea G. 2013. *Mesajul eshatologic al spaţiului liturigic creştin. Arhitectură şi icoană în Moldova secolelor XV—XVI*. Suceava: Karl A. Romstorfer.

Höckmann O. 1987. Gemeinsamkeiten in der Plastik der Linearkeramik und der Cucuteni-Kultur. In: Petrescu-Dîmboviţa M., Ursulescu N., Monah D., Chirica V. (eds.). *La civilisation de Cucuteni en contexte européen*. Bibliotheca Archaeologica Iassiensis I. Iaşi: Institut de istorie şi arheologie „A. D. Xenopol", 89—97.

Kun N. A. s. a. *Legendele şi miturile Greciei antice*. Bucureşti: Lider.

Lévêque P. 1972. Formes et structures méditéranéennes dans la genése de la religion grecque. *Praelectiones Patavinae* IX, 145—179.

Marinescu-Bîlcu S. 1974. «Dansul ritual» în reprezentările plastice neo-eneolitice din Moldova. *SCIVA* 25, 2, 167—179.

Marinescu-Bîlcu S. 1974a. *Cultura Precucuteni pe teritoriul României*. Bucureşti: Ed. Academiei.

Marinescu-Bîlcu S. 1977. Unele probleme ale plasticii antropomorfe neo-eneolitice din România şi relaţiile ei cu Mediterana Orientală. *Pontica* X, 37—43.

Marinescu-Bîlcu S. 1981. *Tîrpeşti. From Prehistory to History in Eastern Romania*, Oxford: BAR International Series 107.

Mitrevski D. 2001. *The Prehistory of FYROM*. In: *The Balkans in Prehistory*. Athens: "Open Science" — Lecture Series, 87—100.

Monah D. 1997. *Plastica antropomorfă a culturii Cucuteni-Tripolie*. Bibliotheca Memoriae Antiquitatis III. Piatra-Neamţ: Muzeul de Istorie Piatra Neamţ.

Monah D. 2012. *Plastica antropomorfă a culturii Cucuteni-Tripolie*. Bibliotheca Memoriae Antiquitatis XXVII. Piatra-Neamţ: Constantin Matasă.

Monah et al. 2003: Monah D., Dumitroaia Gh., Monah F., Preoteasa C., Munteanu R., Nicola D. 2003. *Poduri — Dealul Ghindaru. O Troie în Subcarpaţii Moldovei*, Bibliotheca Memoriae Antiquitatis XIII. Piatra-Neamţ: Constantin Matasă.

Naumov G. 2008. The Vessel as a Human Body: neolithic anthropomorphic vessels and their reflection in later periods. In: Berg I. (ed.). *Breaking the Mould: Challenging the Past through Pottery*. Oxford: BAR International Series 1861, 93—101.

Neumann E. 1974. *The Great Mother. An Analysis of the Archetype*. New Jersey: Princeton University Press.

Niculescu A. 2011. Multiperspectivitate în interpretarea simbolisticii plasticii antropomorfe din Neolitic şi Eneolitic. *Terra Sebus* 3, 25—61.

Niţu A. 1970. Reprezentări feminine dorsale pe ceramica neo-eneolitică carpato-balcanică. *MemAntiq* II, 75—100.

Orphanidis L. 2011. *Figurines of Neolithic Thessaly* II. Athens: Academy of Athens. Research Centre for Antiquity.

Pavel et al. 2013: Pavel C., Suciu C., Constantin Fl., Burgoi R. 2013. X-ray computed tomography investigations of Cucuteni ceramics statuettes. *Documenta Praehistorica* XL, 323—332.

Platon N. 1998. *Civilizaţia egeeană* I—IV. Bucureşti: Meridiane.

Pogoševa A. P. 1985. Die Statuetten der Tripolje-Kultur. *Beiträge zur allgemeinen und vergleichenden Archäologie* 7. Berlin, 95—242.

Popuşoi E. 2008. Elemente plastice Starcevo-Criş regăsite în plastica culturilor Precucuteni şi Cucuteni. *Acta Musei Tutovensis* III, 16—24.

Sorokin V. 2000. Cercetări arheologice în aşezarea precucuteniană Isacova II. *Tyragetia* IX, 51—62.

Taloş I. 2001. *Gândirea magico-religioasă la români. Dicţionar*. Bucureşti: Ed. Enciclopedică.

Ursulescu N. 2011. Civilizaţia cucuteniană: credinţe religioase sau sistem religios? *Zargidava* X, 197—221.

Ursulescu N., Batariuc P.-V. 1987. L'idole androgyne de Mihoveni (dép. Suceava). In: Petrescu-Dîmboviţa M., Ursulescu N., Monah D., Chirica V. (eds.). *La civilisation de Cucuteni en contexte européen.* Bibliotheca Archaeologica Iassiensis I. Iaşi: Institut d'Histoire et d'Archéologie „A. D. Xenopol", 309—312.

Ursulescu N., Tencariu F. A. 2006. *Religie şi magie la est de Carpaţi acum 7000 de ani*. Iaşi: Demiurg.

Ursulescu et al. 2005: Ursulescu N., Tencariu F. A., Merlan V., Kogălniceanu R., Chirilă L., Bodi G., Solcan L., Robu I., Tencariu L., Gheorghiţă M., Cozma M. 2005. Isaiia, com. Răducăneni, jud. Iaşi. Punct: Balta Popii. *Cronica cercetărilor arheologice din România. Campania 2004*. Bucureşti: CIMEC, 188—189, nr. 123.

Vulpe R. 1957. *Izvoare. Săpăturile din 1936—1948*. Bucureşti: Ed. Academiei.

Westenholz J. G. 2007. Inanna and Ishtar in the Babylonian world. In: Leick G. (ed.). *The Babylon World*. New York: Routledge, 332—347.

Zugravu N. 2013. Puncte de vedere ale unui clasicist pe marginea unor opinii privitoare la religiile pre- şi protoistorice. *Cercetări Istorice* XXXII, 61—94.

References

Bibikov, S. N. 1953. *Poselenie Luka-Vrublevetskaia (Settlement of Luka-Vrublevetskaia)*. Materialy i issledovaniia po arkheologii SSSR (Materials and researces on the archaeology of USSR) 38. Moscow: AN SSSR (in Russian).

Burdo, N. B. 1989. In *Pamiatniki tripol'skoi kul'tury v Severo-Zapadnom Prichernomor'e (Tripolye sites in the Northwestern Pontic region)*. Kiev: Naukova dumka, 5—29 (in Russian).

Burdo, N. B. 2004. In *Entsyklopediya trypil's'koï tsyvilizatsiï (Enciclopedy of Trypillian civilization)* II. Kiev: Ukrpolihrafmedia, 386—389 (in Ukrainian).

Burdo, N. B., Videyko, M. Yu. 1985. In *Arkheolohiya (Archaeology)* 52, 78—85 (in Ukrainian).

Zbenovich, V. G. 1980. *Poselenie Bernashevka na Dnestre (k proiskhozhdeniiu tripol'skoi kul'tury) (The settlement of Bernashevka on the Dniester (to the origins of Tripolye culture))*.

Kiev: Naukova dumka (in Russian).

Zbenovich, V. G. 1989. *Rannii etap tripol'skoi kul'tury na territorii Ukrainy (The early stage of the Tripolye culture on the territory of Ucraine)*. Kiev: Naukova dumka (in Russian).

Zinkovskaya, N. B. 1976. In *Materialy po arkheologii Severnogo Prichernomor'ia (Materials on the archaeology of Northern Pontic area)* 8, 161—169 (in Russian).

Markevich, V. I. 1970. In *Kratkie soobshcheniia Instituta arkheologii Akademii nauk SSSR (Brief reports of the Institute of Archaeology of the Academy of Sciences of USSR)* 123, 56—68 (in Russian).

Passek, T. S. 1953. In *Kratkie soobshcheniia Instituta istorii material'noi kul'tury (Brief reports of the Institute for the History of Material Culture)* 51, 46—59 (in Russian).

Passek, T. S. 1961. *Rannezemledel'cheskie (tripol'skie) plemena Podnestrov'ia (Early agricultural (Tripolye) tribes of the Dniester region)*. Materialy i issledovaniia po arkheologii SSSR (Materials and researces on the archaeology of USSR) 84 (in Russian).

Pogozheva, A. P. 1983. *Antropomorfnaia plastika Tripol'ia (Tripolye anthropomorphic plastic art)*. Novosibirsk: Nauka (in Russian).

Telegin, D. Ya. 1994. In *Drevneishie obshchnosti zemledel'tsev i skotovodov Prichernomor'ia V tys. do n. e. — V v. n. e. (The most ancient communities of farmers and stockbreeders of the Northern Pontic (5th millennium BC — 5th century AD))* Tiraspol: NIL "Arkheologiia" PGU, 73—74 (in Russian).

Chernysh, K. K. 1959. *Rann'otrypil's'ke poselennya Lenkivtsi na Seredn'omu Dnistri (Early Trypillian settlement of Lenkivtsi in Middle Dniester region)*. Kiev: Akademiya nauk Ukraïns'koï RSR (in Ukrainian).

Chernysh, E. K. 1982. In *Eneolit SSSR (Eneolithic of USSR)*. Moscow: Nauka, 165—347 (in Russian).

Băčvarov, K. 2004. The Birth-Giving Pot Neolithic jar burials in southeast Europe. In: Nikolov V., Băčvarov K., Kalchev P. (eds.). *Prehistoric Trace*. Stara Zagora: Institute of Archaeology with Museum — BAS, Regional Museum of History, 151—160.

Băčvarov, K. 2004a. Neolithische Bestattungen aus Westbulgarien. In: Nikolov V., Băčvarov K. (eds.). *Von Domica bis Drama. Gedenkschrift für Jan Lichardus*. Sofia: Archäologisches Institut mit Museum der Bulgarischen Akademie der Wissenschaften, 43—52.

Bacvarov, K. 2006. Early Neolithic jar burials in southeast Europe: a comparative approach. *Documenta Praehistorica* XXXIII, 101—106.

Baumgartel, E. L. 1960. *The Cultures of Prehistoric Egypt* II. London; Oxford University.

Berzovan, A. 2009. Recenzie: Dan Dana, Zalmoxis de la Herodot la Mircea Eliade. Istorii despre un zeu al pretextului, Editura Polirom, Iaşi, 2008, 486 p. *Terra Sebus* 1, 403—407.

Boghian, D. 2012. Unele consideraţii asupra vaselor cucuteniene antropomorfe şi antropomorfizate. *ArhMold* XXXV, 107—136.

Briant, M. 2009. *Misteriile din Eleusis. Originea şi natura lor. Ritualul de iniţiere*. Bucureşti: Herald.

Burdo, N. 2011. Late Neolithic cultural elements from the Danube and Carpathian regions of Precucuteni-Trypilia A culture. *Documenta Praehistorica* XXXVIII, 357—371.

Chevalier, J., Gheerbrant, A. (coord.). 2009. *Dicţionar de simboluri. Mituri, vise, obiceiuri, gesturi, forme, figuri, culori, numere*. Iaşi: Polirom.

Chirica, V., Bodi, G., Chirica, V.-C. 2012. Teme iconografice, reprezentate în creaţia artistică preistorică. *ArhMold* XXV, 47—73.

Eliade, M. 1978. *Aspecte ale mitului*. Bucureşti: Univers.

Eliade, M. 1994. *Imagini şi simboluri*. Bucureşti: Humanitas.

Eliade, M. 1995. *Mefistofel şi androginul*. Bucureşti: Humanitas.

Eliade, M. 2003. *Mitul reintegrării*. Bucureşti: Humanitas.

Eliade, M. 2007. *Sacrul şi profanul*. Bucureşti: Humanitas.

Eliade, M. 2008. *Mitul eternei reîntoarceri*. Bucureşti: Univers Enciclopedic.

Eliade, M. 2008a. *Tratat de istorie a religiilor*. Bucureşti: Humanitas.

Eliade, M. 2008b. *Mituri, vise şi mistere*. Bucureşti: Univers Enciclopedic.

Eliade, M. 2008c. *Făurari şi alchimişti*. Bucureşti: Humanitas.

Eliade, M. 2011. *Istoria credinţelor şi ideilor religioase*. I. *De la epoca de piatră la misterele din Eleusis*. Iaşi: Polirom.

Erdogu, B. 2009. Ritual symbolism in the early chalcolithic period of Central Anatolia. *Journal for Interdisciplinary Research on Religion and Science* 5, 129—151.

Fedele, F. 2008. Religiile din preistorie. In: Filoramo, G. (ed.). *Istoria religiilor*. I. *Religiile antice*. Iaşi: Polirom, 17—58.

Garfinkel, Y. 2003. *Dancing at the dawn of agriculture*. Austin: University of Texas.

Gheorghiu, M. 2003. Universul obsesional al lui Daniel Dubuisson. Daniel Dubuisson — Mitologii ale secolului XX, Polirom 2003. *România literară* 31, 28—29.

Ghinoiu, I. 2001. *Panteonul românesc. Dicţionar*. Bucureşti: Editura Enciclopedică.

Gimbutas, M. 1989. *The Language of the Goddess*. San Francisco: Harper & Row.

Gombrich, E. H. 2012. *Istoria artei*. Bucureşti: Art.

Groneberg, B. 2007. The role and function of goddesses in Mesopotamia. In: Leick, G. (ed.). *The Babylon World*. New York: Routledge, 319—331.

Guénon, R. 2008. *Simboluri ale ştiinţei sacre*. Bucureşti: Humanitas.

Herea, G. 2013. *Mesajul eshatologic al spaţiului liturgic creştin. Arhitectură şi icoană în Moldova secolelor XV—XVI*. Suceava: Karl A. Romstorfer.

Höckmann, O. 1987. Gemeinsamkeiten in der Plastik der Linearkeramik und der Cucuteni-Kultur. In: Petrescu-Dîmboviţa, M., Ursulescu, N., Monah, D., Chirica, V. (eds.). *La civilisation de Cucuteni en contexte européen*. Bibliotheca Archaeologica Iassiensis I. Iaşi: Institut de istorie şi arheologie „A. D. Xenopol", 89—97.

Kun, N. A. s. a. *Legendele şi miturile Greciei antice*. Bucureşti: Lider.

Lévêque, P. 1972. Formes et structures méditéranéennes dans la genése de la religion grecque. *Praelectiones Patavinae* IX, 145—179.

Marinescu-Bîlcu, S. 1974. «Dansul ritual» în reprezentările plastice neo-eneolitice din Moldova. *SCIVA* 25, 2, 167—179.

Marinescu-Bîlcu, S. 1974a. *Cultura Precucuteni pe teritoriul României*. Bucureşti: Ed. Academiei.

Marinescu-Bîlcu, S. 1977. Unele probleme ale plasticii antropomorfe neo-eneolitice din România şi relaţiile ei cu Mediterana Orientală. *Pontica* X, 37—43.

Marinescu-Bîlcu, S. 1981. *Tîrpeşti. From Prehistory to History in Eastern Romania*, Oxford: BAR International Series 107.

Mitrevski, D. 2001. *The Prehistory of FYROM*. In: *The Balkans in Prehistory*. Athens: "Open Science" — Lecture Series, 87—100.

Monah, D. 1997. *Plastica antropomorfă a culturii Cucuteni-Tripolie*. Bibliotheca Memoriae Antiquitatis III. Piatra-Neamţ: Muzeul de Istorie Piatra Neamţ.

Monah, D. 2012. *Plastica antropomorfă a culturii Cucuteni-Tripolie*. Bibliotheca Memoriae Antiquitatis XXVII. Piatra-Neamţ: Constantin Matasă.

Monah, D., Dumitroaia, Gh., Monah, F., Preoteasa, C., Munteanu, R., Nicola, D. 2003. *Poduri — Dealul Ghindaru. O Troie în Subcarpaţii Moldovei*, Bibliotheca Memoriae Antiquitatis XIII. Piatra-Neamţ: Constantin Matasă.

Naumov, G. 2008. The Vessel as a Human Body: neolithic anthropomorphic vessels and their reflection in later periods. In: Berg I. (ed.). *Breaking the Mould: Challenging the Past through Pottery*. Oxford: BAR International Series 1861, 93—101.

Neumann, E. 1974. *The Great Mother. An Analysis of the Archetype*. New Jersey: Princeton University Press.

Niculescu, A. 2011. Multiperspectivitate în interpretarea simbolisticii plasticii antropomorfe din Neolitic şi Eneolitic. *Terra Sebus* 3, 25—61.

Niţu, A. 1970. Reprezentări feminine dorsale pe ceramica neo-eneolitică carpato-balcanică. *MemAntiq* II, 75—100.

Orphanidis, L. 2011. *Figurines of Neolithic Thessaly* II. Athens: Academy of Athens. Research Centre for Antiquity.

Pavel, C., Suciu, C., Constantin, Fl., Burgoi, R. 2013. X-ray computed tomography investigations of Cucuteni ceramics statuettes. *Documenta Praehistorica* XL, 323—332.

Platon, N. 1998. *Civilizația egeeană* I—IV. Bucureşti: Meridiane.

Pogoşeva, A.P. 1985. Die Statuetten der Tripolje-Kultur. *Beiträge zur allgemeinen und vergleichenden Archäologie* 7. Berlin, 95—242.

Popuşoi, E. 2008. Elemente plastice Starcevo-Criş regăsite în plastica culturilor Precucuteni şi Cucuteni. *Acta Musei Tutovensis* III, 16—24.

Sorokin, V. 2000. Cercetări arheologice în aşezarea precucuteniană Isacova II. *Tyragetia* IX, 51—62.

Taloş, I. 2001. *Gândirea magico-religioasă la români. Dicționar*. Bucureşti: Ed. Enciclopedică.

Ursulescu, N. 2011. Civilizația cucuteniană: credințe religioase sau sistem religios? *Zargidava* X, 197—221.

Ursulescu, N., Batariuc, P.-V. 1987. L'idole androgyne de Mihoveni (dép. Suceava). In: Petrescu-Dîmbovița, M., Ursulescu, N., Monah, D., Chirica, V. (eds.). *La civilisation de Cucuteni en contexte européen*. Bibliotheca Archaeologica Iassiensis I. Iaşi: Institut d'Histoire et d'Archéologie „A.D. Xenopol", 309—312.

Ursulescu N., Tencariu F.A. 2006. *Religie şi magie la est de Carpați acum 7000 de ani*. Iaşi: Demiurg.

Ursulescu et al. 2005: Ursulescu N., Tencariu F.A., Merlan V., Kogălniceanu R., Chirilă L., Bodi G., Solcan L., Robu I., Tencariu L., Gheorghiță M., Cozma M. 2005. Isaiia, com. Răducăneni, jud. Iaşi. Punct: Balta Popii. *Cronica cercetărilor arheologice din România. Campania 2004*. Bucureşti: CIMEC, 188—189, nr. 123.

Vulpe R. 1957. *Izvoare. Săpăturile din 1936—1948*. Bucureşti: Ed. Academiei.

Westenholz J.G. 2007. Inanna and Ishtar in the Babylonian world. In: Leick G. (ed.). *The Babylon World*. New York: Routledge, 332—347.

Zugravu N. 2013. Puncte de vedere ale unui clasicist pe marginea unor opinii privitoare la religiile pre- şi protoistorice. *Cercetări Istorice* XXXII, 61—94.

Статья поступила в номер 22 декабря 2013 г.

Constantin-Emil Ursu (Suceava, Romania). Bucovina Museum[1].
Constantin-Emil Ursu (Suceava, România). Muzeul Bucovinei.
Урсу Константин-Эмиль (Сучава, Румыния). Музейный комплекс «Буковина».
E-mail: ursuce@yahoo.com

Constantin Aparaschivei (Suceava, Romania). Bucovina Museum[2].
Constantin Aparaschivei (Suceava, România). Muzeul Bucovinei.
Апараскивей Константин (Сучава, Румыния). Музейный комплекс «Буковина».
E-mail: costi_costi0@yahoo.com

Address: [1, 2] Stefan cel Mare St., 33, Suceava, 72003, Romania

Исследования и публикации

Research and publications
Cercetări şi publicaţii

№2. 2014

И. С. Никитенко, С. Д. Лысенко

Результаты минералого-петрографического анализа изделий из камня могильника Малополовецкое-3 и поселения Малополовецкое-2А (Киевская область)

Keywords: Kiev region, Late Bronze Age, Tshinetskiy cultural circle, stone goods, archeological petrography.

Cuvinte cheie: regiunea Kiev, epoca bronzului târziu, cercul cultural Tșinețk, piese din piatră, petrografie arheologică.

Ключевые слова: Киевская область, эпоха поздней бронзы, тшинецкий культурный круг, каменные изделия, археологическая петрография.

I. S. Nikitenko, S. D. Lysenko

Results of the Mineralogical and Petrographic Analysis of Stone Goods from the Burial Ground Malopolovetskoye-3 and the Settlement Malopolovetskoye-2A (Kiev Region)

The article presents the results of the petrographic study of selected stone goods from the complexes belonging to the Malopolovetskiy and Belogrudovskiy horizons of Kievo-Cherkasskaya group of Tshinetskiy cultural circle. The origin of the raw material was determined. A considerable part of the raw stones was delivered from the territory of neighboring regions and modern Dnepropetrovsk region. Conclusions were drawn about the peculiar uses of the rocks. For the production of the most types of goods certain raw stones were used. This could be rocks of the following types: dolerite, granitoid, tectonite, sandstone, amphibolite, quartz rock, limestone, soapstone. It has been suggested that the population of the Kievo-Cherkasskaya group of Tshinetskiy cultural circle led exchange trade with neighboring regions, in order to obtain stone products or raw material.

I. S. Nikitenko, S. D. Lysenko

Rezultatele analizei mineralogico-petrografice a pieselor din piatră din necropola Malopolovețkoe-3 și de pe așezarea Malopolovețkoe-2A (regiunea Kiev)

În articol sunt prezentate rezultatele cercetării petrografice a unei colecții de piese din piatră, provenite din complexe ce aparțin orizonturilor Malopolovețk și Belogrudovo din cadrul grupului Kievo-Cerkassk al cercului cultural Tșinețk. A fost determinată originea materiei prime, o mare parte din aceasta fiind adusă de pe teritoriile învecinate și actuala regiune Donețk. Au fost făcute mai multe observații privind particularitățile utilizării rocilor montane pentru executarea diferitor tipuri de piese. Astfel, majoritatea tipurilor erau realizate dintr-o materie primă anumită, selectată în funcție de caracterul produsului finit. Această materie primă putea aparține următoarelor tipuri de rocă: dolerit, granitoid, tectonit, gresie, amfibolit, rocă de cuarț, piatră calcaroasă, steatit. A fost presupus, că reprezentanții grupului Kievo-Cerkassk al cercului cultural Tșinețk întrețineau relații comerciale de schimb cu populația din regiunile învecinate, în scopul obținerii pieselor din piatră sau a materiei prime.

И. С. Никитенко, С. Д. Лысенко

Результаты минералого-петрографического анализа изделий из камня могильника Малополовецкое-3 и поселения Малополовецкое-2А (Киевская область)

В статье представлены результаты петрографического исследования коллекции каменных изделий, происходящих из объектов малополовецкого и белогрудовского горизонтов киево-черкасской группы тшинецкого культурного круга. Определено происхождение сырья, значительная часть которого была привезена с территории соседних регионов и современной Днепропетровской области. Сделаны выводы относительно особенностей использования горных пород для изготовления различных изделий. Так, для изготовления большинства видов изделий использовалось определенное каменное сырье. Это могли быть породы следующих групп: долериты, гранитоиды и тектониты, песчаники, амфиболиты, кварцевые породы, известняки, тальковая порода. Было предположено, что представители киево-черкасской группы тшинецкого культурного круга вели обменную торговлю с соседними регионами с целью получения каменных изделий или сырья.

© *Stratum plus*. Археология и культурная антропология.
© И. С. Никитенко, С. Д. Лысенко, 2014.

Памятники Малополовецкого археологического комплекса (МАК), и в первую очередь могильник Малополовецкое-3 и поселение Малополовецкое-2, расположенные в Фастовском районе Киевской области, занимают одну из ключевых позиций при изучении киево-черкасской группы тшинецкого культурного круга (ТКК) эпохи поздней бронзы. Начиная с 1991 года (Лысенко 1998: 95—117), исследования комплекса проводятся Фастовской археологической экспедицией, продолжаясь до настоящего времени.

Особое внимание при обработке материалов комплекса уделяется анализу отдельных категорий артефактов. Ранее был проведен металлографический и спектральный анализ бронзовых изделий (Гошко 2011: 48—52, 99—101), исследованы орудия из кости (Панковський 2005; Панковский 2010) и кремня (Разумов 2005). Настоящая статья посвящена изучению сырьевой базы изделий из камня.

Наибольшее количество каменных изделий МАК происходит из ритуально-погребальных кострищ малополовецкого горизонта (МП-II, 1600—1500 ВС) Малополовецкого могильника. Здесь обнаружено более 80 целых и фрагментированных растирателей, гладильников, отбойников, наковаленок, абразивов, а также 3 цилиндрических кубка и 2 фрагмента литейных форм (?) из талькового сланца. Изделия из камня были зафиксированы также в объектах белогрудовского горизонта (МП-V, 1200—1000 ВС) поселения Малополовецкое-2А.

Для проведения настоящего исследования было отобрано 47 каменных изделий[1], найденных в результате археологических раскопок могильника Малополовецкое-3 (образцы №1, 3—44) и поселения Малополовецкое-2А (образцы №2, 45—47). Изделия представлены гладильниками (№1, 4, 6, 7, 13, 17, 18, 19, 22, 23, 24, 28, 29, 30, 34, 38, 39, 41, 43, 44) (рис. 1), абразивами (№12, 14, 15, 16, 20, 42, 45, 47) (рис. 2), растирателями (2, 3, 9, 11, 32, 35, 40), в том числе курантами правильных геометрических форм (№8, 10, 36, 37), наковаленками-гладильниками (№25, 26, 33), отбойниками (?) (№5, 31), «утюжком» (№27), лезвийной частью топорика (№46) (рис. 3), тальковой кружкой (№21) (рис. 4).

Из материала всех образцов были изготовлены шлифы для петрографического изучения. Также был проведен рентгеноструктурный анализ сырья тальковой кружки в лаборатории Украинского государственного химико-технологического университета (аналитик А. С. Баскевич).

В результате проведенного исследования было установлено, что исследуемые породы представлены долеритами, гранитоидами и тектонитами, песчаниками, амфиболитами, кварцевыми породами, известняками и породой тальковой.

Долериты

Данные породы составляют значительную группу среди образцов исследованной коллекции: из них изготовлена почти треть артефактов. К ним относятся образцы №1, 5, 6, 7, 13, 18, 24, 28, 30, 32, 33, 34, 39, 41, 43 и 46.

Все указанные артефакты, кроме образца №46, имеют очень близкие минералого-петрографические особенности, отличаясь лишь размером кристаллов. Так, в отличие от микрозернистых образцов №1, 5, 6, 13, 18, 24, 28, образцы №7, 30, 32, 33, 34, 39, 41, 43 являются более крупнозернистыми. Образец №46, который относится не к могильнику Малополовецкое-3, а к поселению Малополовецкое-2А, можно определить как долерит измененный.

Долериты первой группы, кроме мелкого размера зерен, имеют следующие петрографические особенности. Их средний минеральный состав: плагиоклаз — 54%, клинопироксен — 45%, магнетит — 1%, биотит — доли процента, гетит — дисперсная примесь. Присутствуют единичные зерна микропегматита. Структура пород микроофитовая и микродолеритовая (рис. 5).

Главными минералами измененного долерита (№46) являются плагиоклаз (55%) и клинопироксен (35%). Плагиоклаз на отдельных участках соссюритизирован и пелитизирован. По пироксену развит уралит, составляющий около 1% породы. Рудный минерал представлен частично окисленным магнетитом (3%). Среди вторичных минералов может присутствовать незначительный процент (<1%) хлорита. Порода отличается мандельштейновой текстурой. Миндалины имеют очень малый размер, выполнены кальцитом и составляют от 3 до 5% объема породы. Структура породы офитовая.

Происхождение. Долериты являются распространенными на Украинском щите породами. Обе разновидности могут происходить с различных его блоков. Ближе всего к месту проведения раскопок долериты обнажаются в северной части Житомирской

[1] Ведомость изделий, отобранных на анализ, представлена в таблице 1.

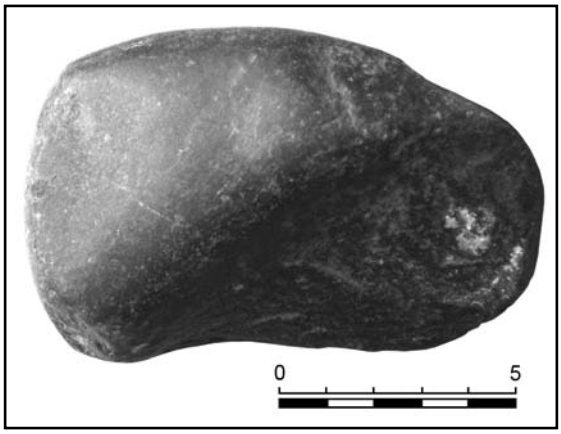

Рис. 1. Гладильник (образец №22).

Fig. 1. Burnisher (specimen 22).

Рис. 2. Абразивный камень (образец №16).

Fig. 2. Abrasive stone (specimen 16).

Рис. 3. Лезвийная часть топорика (образец №46).

Fig. 3. The edge part of axe (specimen 46).

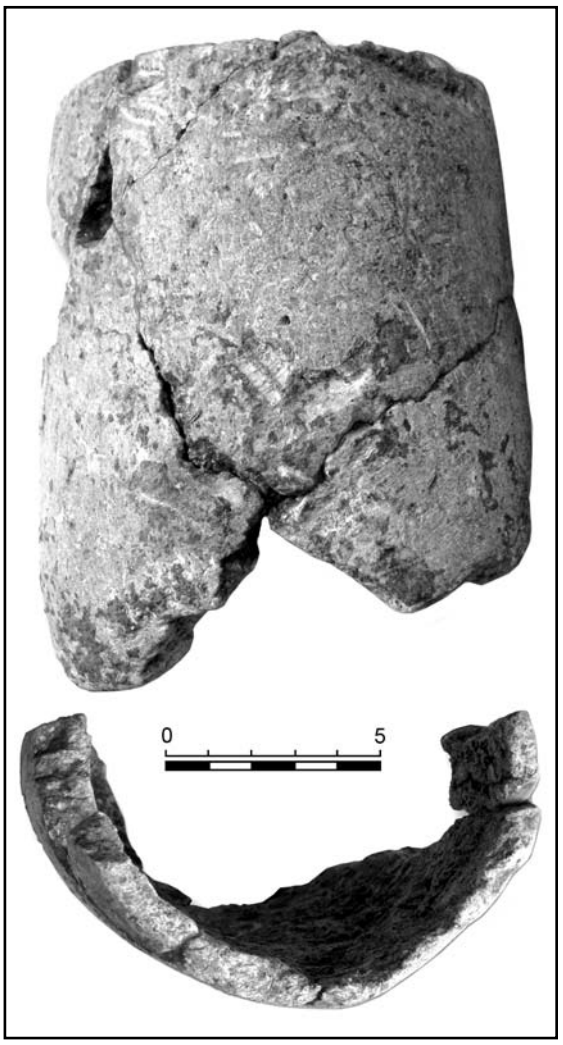

Рис. 4. Тальковая кружка (образец №21).

Fig. 4. A talc mug (specimen 21).

области. В частности, микрозернистые разновидности обнажаются в Емильчинском районе (с. Яблоновка и др.), а крупнозернистые — в районе с. Рудне-Ивановского, того же района, и в окрестностях г. Коростышева. Однако крупнозернистые долериты этого района не изменены (Лучицкий, Лебедев 1934: 42—44), в отличие от образца №46. Среди прочих проявлений долеритов ближайшими являются выходы данных пород на территории Днепропетровской области (р. Базавлук, Мокрая Сура, Днепр, Саксагань, Ингулец и др.) (Усенко 1952: 10). Таким образом, микрозернистые долериты могильника Малополовецкое-3 могут происходить с территории Житомирской области, а образец №46 с поселения Малополовецкое-2А, вероятно, был привезен из зоны распространения пород Среднеприднепровского мегаблока Украинского щита.

Гранитоиды и тектониты

Наибольшее число образцов данной группы представлено гранитами (№8, 10, 11, 26, 36, 40), три образца — тектонобластитами (№17, 35, 44), два образца — аплитами (№9, 29) и один — катаклазитом (№37).

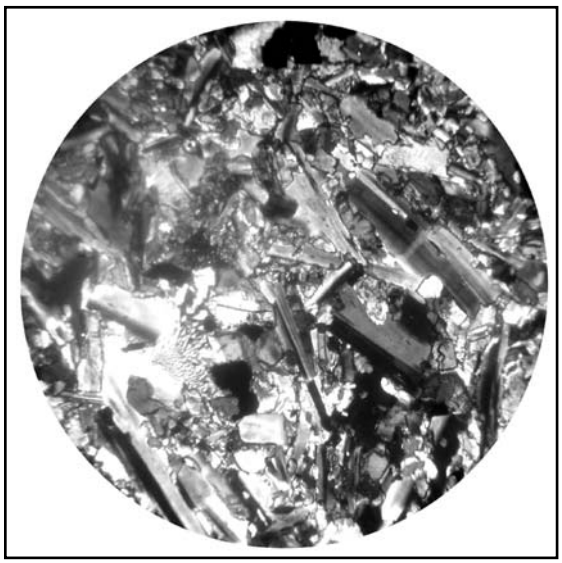

Рис. 5. Долерит микрозернистый (образец №1). Продолговатые призматические кристаллы с двойниковым погасанием — плагиоклаз, кристаллы неправильной формы, заполняющие пространство между ними — клинопироксен. Левее от центра расположено зерно микропегматита. Свет проходящий, николи (+), увеличение 90×.

Fig. 5. Micrograin dolerite (specimen 1). Oblong prismatic crystals with a twin blackout — plagioclase, conformal crystals that fill the space between them — clinopyroxene. To the left of the centre the grain of micropegmatite is located. Transmitted light, nicols (+), 90×.

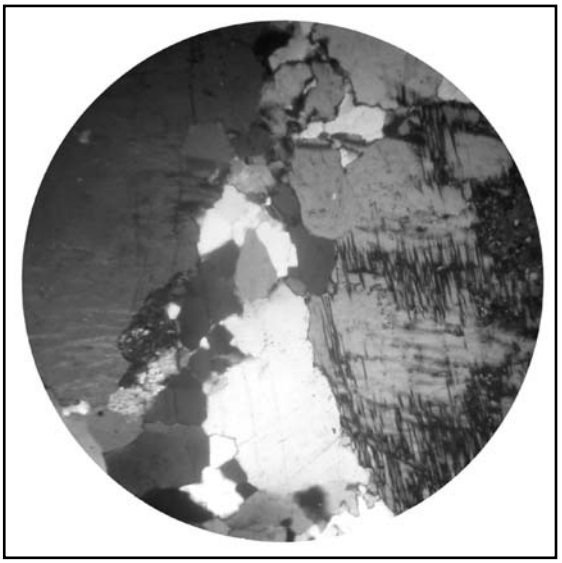

Рис. 6. Гранит лейкократовый (пегматоидный) (образец №36). Крупные кристаллы справа и слева — микроклин, кристаллы неправильной формы внизу и в центре снимка — кварц. Свет проходящий, николи (+), увеличение 47×.

Fig. 6. Leucocratic granite (pegmatoid) (specimen 36). Big crystals at the left and at the right sides — microcline, conformal crystals at the foot and in the centre of the picture — quartz. Transmitted light, nicols (+), 47×.

Граниты исследованной коллекции относятся к двуполевошпатовым разновидностям с преобладанием плагиоклаза либо микроклина. Во всех образцах содержится биотит, в образцах №8, 10, 11 и 40 также присутствует незначительное количество мусковита. Содержание рудного минерала во всех образцах незначительно.

По петрографическим особенностям граниты можно разделить на группы. К первой из них можно отнести образцы №8 и 10, представленные гранитами с биотитом. В обеих породах преобладает плагиоклаз, составляя 60—70% их объема, микроклин занимает всего 5—7%. Кварца содержится 25—27%. Образец №8 содержит 3% биотита, образец №10 — 1%, при этом биотит окислен. Обе породы содержат около 1% мусковита, при этом, в образце №10 его содержится немного менее процента. Рудный минерал в обеих породах составляет <1% и окислен. Плагиоклаз слабо и умеренно замещен вторичным серицитом. Структура пород аллотриоморфнозернистая.

Во вторую группу можно объединить схожие по составу образцы №11, 26 и 40, представленные биотитовыми гранитами. Все они содержат близкое количество микроклина и плагиоклаза — 30—35% и 25—35% соответственно. Кварц составляет 25—30%. В породах присутствует 3—4% биотита, а в образцах 11 и 40 — до 1% мусковита. Содержание рудного минерала незначительно — до 1%, биотит окислен. Полевые шпаты в образце 11 серицитизированы, в образце 40 плагиоклаз серицитизирован и соссюритизирован. Также в образце 40 наблюдаются пертитовые и антипертитовые включения. Структура пород аллотриоморфнозернистая. В граните образца 40 присутствуют отдельные идиоморфные кристаллы микроклина.

Особняком среди исследуемых гранитов стоит образец 36. Он отличается резким преобладанием микроклина (50—55%) над плагиоклазом (10—15%). В породе также присутствует большое количество кварца — 30—35%. Биотит содержится в незначительном количестве как вторичный минерал, слабо развитый по плагиоклазу. Также полевые шпаты слабо замещены серицитом. Незначительное количество рудного минерала окислено. Структура породы гипидиоморфнозернистая, порфировидная, отличается крупными выделениями микроклина (рис. 6).

Тектониты. Все образцы *тектонобластитов* петрографически схожи. Породы состоят из кварца и минералов ряда эпидот-клиноцоизит. Кварц представлен матрик-

сом мелких зерен неправильной формы. На фоне основной массы выделяются крупные кристаллы кварца и их скопления с резко выраженным зональным угасанием. Присутствуют единичные крупные кристаллы плагиоклаза. Эпидот представлен криптокристаллической примесью в мелкозернистой кварцевой массе, а также более крупными кристаллами и их скоплениями. Клиноцоизит отличается синей аномальной интерференционной окраской. Образцы №17 и 35 идентичны, №44 отличается от них меньшим количеством крупных выделений кварца. Также в нем присутствует жила, выполненная кристаллами кварца неправильной формы. *Катаклазит* (№37) отличается от прочих тектонитов более крупным обломочным материалом и отсутствием минералов ряда эпидот-клиноцоизит, а также зерен полевых шпатов.

Оба образца ***аплитов*** по минеральному составу отличаются. Так, образец №9 преимущественно сложен микроклином (50—55%), плагиоклаз и кварц составляют по 20—25% соответственно. Порода содержит < 1% окисленного биотита и доли процента мусковита. По полевым шпатам развит гетит, плагиоклаз также соссюритизирован и серитизирован. Структура породы аллотриоморфнозернистая (аплитовая).

Образец №29 является более мелкозернистым, чем предыдущий, также он отличается тем, что полевой шпат в нем полностью представлен плагиоклазом (60—65%), который, так же, как и в образце №9, соссюритизирован и гетитизирован. Кварца содержится больше — 35—40%. В породе присутствует <1% рудного минерала, содержатся единичные зерна сфена и циркона. Структура породы паналлотриоморфнозернистая (аплитовая).

Происхождение. Район г. Фастова, где проводились раскопки, является территорией распространения мигматитов, проявленных по рекам Ирпень и Унава. Здесь встречаются как граниты, так и аплитовые жилы (Усенко и др. 1975: 110, 111). Тектониты являются породами, характерными для комплексов мигматитов. Граниты данного района относятся к фастовскому комплексу и характеризуются присутствием двух полевых шпатов и биотита, часто замещенного мусковитом. Кроме того, для данных пород характерны пертитовые вростки (Степанюк и др. 2000: 118). Исходя из этого, а также из непосредственной близости проявлений гранитоидов к месту раскопок, наиболее вероятным является местное происхождение данной группы пород.

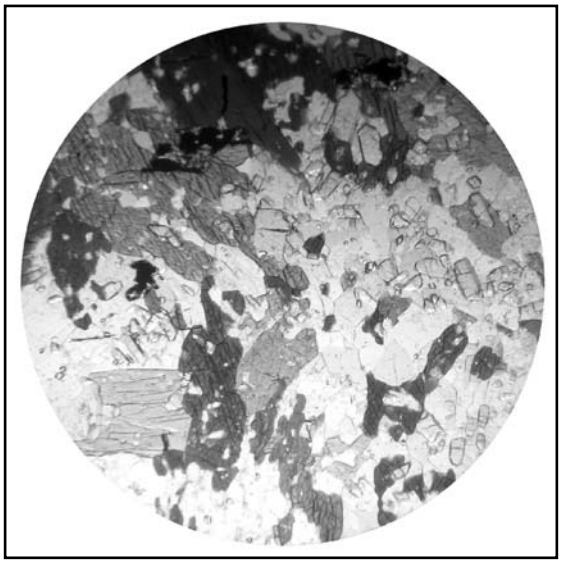

Рис. 7. Амфиболит кварцевый лейкократовый (образец №27). Кристаллы темно-серого цвета — роговая обманка, прозрачные кристаллы с низким рельефом — плагиоклаз и кварц, на их фоне выделяются прозрачные кристаллы эпидота, имеющие более высокий рельеф. Свет проходящий, николи (–), увеличение 47×.

Fig. 7. Quartz leucocratic amphibolite (specimen 27). Dark gray crystals — hornblende, transparent crystals with a low relief — plagioclase and quartz, the same kind transparent crystals of epidote stand out against the background owing to their higher relief. Transmitted light, nicols (–), 47×.

Амфиболиты

В исследованной коллекции данные породы представлены образцами №22 и 27. По петрографическим особенностям породы отличаются. Образец №22 имеет высокое содержание роговой обманки (70—75%), из-за чего его можно определить как меланократовый. В образце №27 амфибола содержится немного более 50% (рис. 7), а также присутствует кварц в количестве 5—6%. Таким образом, данный образец можно определить как амфиболит кварцевый лейкократовый. Содержание роговой обманки в обоих образцах обратно пропорционально содержанию плагиоклаза — 15—20% в образце №22 и 40—45% в образце №27. В образце №22 по плагиоклазу развит вторичный хлорит. Рудного минерала в образце №22 содержится больше — 3—4%, тогда как в образце №27 — около 1%. Обе породы содержат эпидот — 1% в образце №22 и 2—3% в образце №27. Среди отличий можно назвать присутствие в образце №22 1% биотита, а в образце №27 — сфена, вторичного по рудному минералу. Структура амфиболитов гломерогранобластическая.

Происхождение. Ближайшими от места проведения раскопок проявлениями мета-

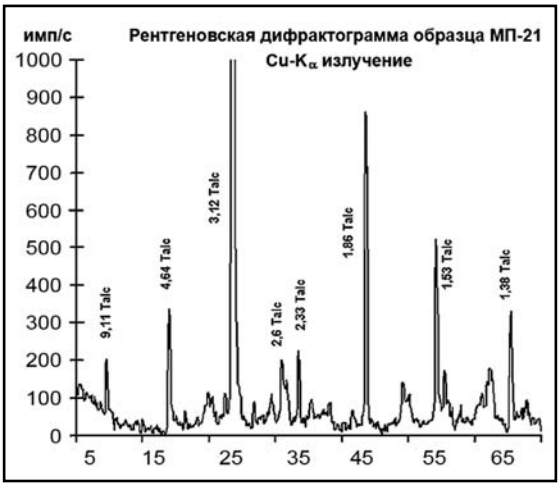

Рис. 8. Рентгеноструктурная дифрактограмма образца 21. Все главные пики представлены межплоскостными расстояниями талька.

Fig. 8. X-ray structural diffraction pattern of specimen 21. All the main peaks are presented by the interplanar spacings of talc.

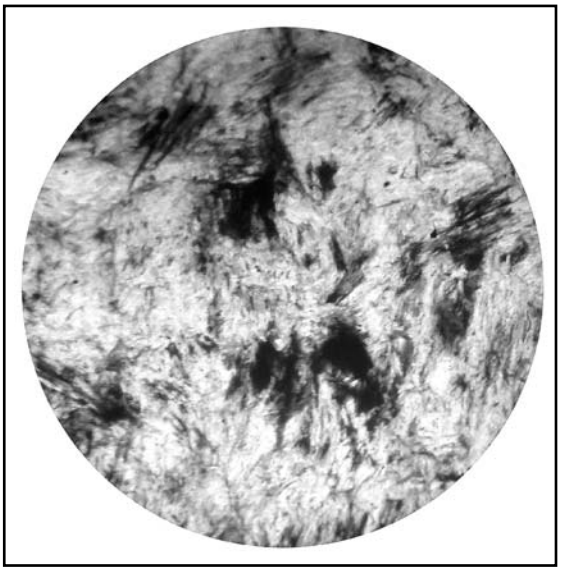

Рис. 9. Порода тальковая (образец №21). На фоне полупрозрачной микрочешуйчатой массы талька выделяются непрозрачные агрегаты окисленного рудного минерала, продукты окисления которого окрашивают небольшие зоны вокруг них. Свет проходящий, николи (–), увеличение 47×.

Fig. 9. Talc rock (specimen 21). Non-transparent aggregates of an oxidized ore mineral stand out against the microsealy talc background. Oxidation product tincture little zones around the ore mineral aggregates. Transmitted light, nicols (–), 47×.

базитов являются выходы по рекам Горный и Гнилой Тикич, а также по реке Случь. От метабазитов р. Случи данные породы отличаются, поскольку в амфиболитах данного района полевой шпат представлен ортоклазом. Породы Горного и Гнилого Тикича имеют несколько разновидностей. Для амфиболитов данного района тоже характерно наличие кварца, биотита, сфена (титанита), минералов группы эпидота. Похожие породы встречаются в Среднем Приднепровье и Приазовье (Усенко 1953: 23—30). Таким образом, наиболее вероятным является происхождение образцов амфиболитов из района течения рек Горный и Гнилой Тикич, но возможен также привоз данных орудий из других регионов.

Кварцевые породы

При изучении образца породы вне геологического контекста очень трудно определить, является он кварцитом или жильным кварцем. К данной группе относятся два образца (№2 и 3). Обе породы практически полностью сложены кварцем. В образце №2 также присутствуют единичные чешуи серицита, а в образце №3 — доли процента мусковита и менее 1% гетита, который, возможно, развился по биотиту. Кварц в образце №2 представлен крупными кристаллами со взаимным прорастанием. Образец №3 менее крупнозернистый, чешуи слюды часто расположены внутри зерен кварца. Структура гранобластическая (если породы относятся к кварцитам).

Происхождение. В районе проведения раскопок данные породы могут встречаться в виде жильных образований в гранитоидах. Но возможно и привозное происхождение артефактов, также с территории Украинского щита.

Порода тальковая

В исследуемой коллекции представлена одним образцом (№21). Порода почти полностью сложена тальком (96%), что подтверждено результатами рентгеноструктурного анализа (рис. 8). Содержит чешуи сильно окисленного биотита в количестве менее 1%. Рудный минерал (магнетит) окислен, слагая около 3% породы, гетит окрашивает значительные зоны вокруг окисленных агрегатов рудного минерала. Структура породы лепидобластическая (рис. 9).

Происхождение. В районе проведения раскопок тальковые породы не проявлены. Их обнажения характерны для зоны распространения пород Среднеприднепровского и Приазовского мегаблоков Украинского щита. В Приазовье обнажений существенно тальковых пород на сегодняшний день не существует. В Приднепровье наибольшими проявлениями тальковых пород являются об-

нажения по р. Чертомлык и на Криворожье (Усенко 1953: 6, 10, 58, 59; Половинкина 1955: 5, 6). Также существенно тальковые породы обнажаются по Днепру выше г. Запорожья, а тальковая порода, обогащенная биотитом, упоминается в отчете по геологической съемке А. А. Зайцева в долине р. Сухая Сура недалеко от впадения ее в Мокрую Суру. Исходя из этого, наиболее вероятными районами происхождения сырья образца 21 являются Надпорожье либо Криворожье.

Песчаники

Данные породы составляют значительную группу среди исследованных артефактов. К ним относятся образцы №4, 12, 14, 15, 16, 19, 20, 25, 31, 42, 45. Все песчаники являются кварцевыми, содержащими незначительную примесь обломков других минералов и пород. Цемент пород кремнистый, глинистый и железистый. Часты переходные формы от опала к халцедону и от халцедона к кварцу. Наряду с чисто глинистым и железистым цементом присутствуют глинисто-железистые и железисто-глинистые разновидности. Образцы, имеющие данные два типа цементов, в исследованной коллекции относятся к мелкозернистым алевритистым разновидностям. Образец №4 — кварцевый песчаник с халцедоновым цементом — по крупности зерен относится к гравелитистым.

Образцы №4, 12, 14, 15, 20 можно объединить в группу кремнистых песчаников. Образец №14 имеет поровый опаловый цемент, в образце №20 базально-поровый опаловый цемент частично переходит в халцедоновый. Цемент образца №15 заполняет поры и полностью представлен халцедоном (рис. 10). В образце №4, из-за плотной упаковки, на некоторых участках поровый халцедоновый цемент отсутствует. В образце №12 халцедоновый цемент присутствует в виде реликтов в отдельных порах, халцедон крупночешуйчатый, переходящий в кварц, цемент же основной массы породы регенерационный кварцевый либо отсутствует вследствие плотной упаковки.

Кварц всех кремнистых песчаников представлен зернами разной степени окатанности и конформности. Образец №4 более крупнозернистый (присутствуют обломки размером до 4,5 мм), образец №20 более мелкозернистый (алевритовая примесь размером 0,07—0,1 мм). Остальные образцы группы сложены зернами размером от 0,1 до 0,9 мм, основная масса — 0,2 мм. Образцы №4 и 14 содержат единичные обломки полевых шпатов, по морфологии

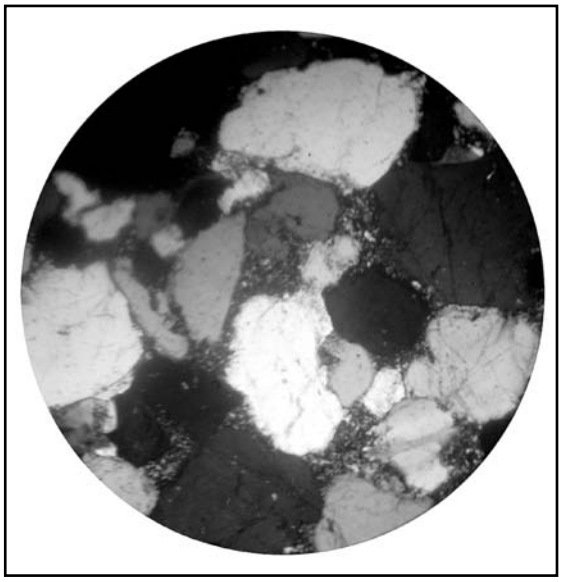

Рис. 10. Песчаник кварцевый с халцедоновым цементом (образец №15). Зерна цвета оттенков серого — обломки кварца, микрочешуйчатая масса между ними — халцедоновый цемент. Свет проходящий, николи (+), увел. 47×.

Fig. 10. Quartz sandstone with chalcedony cement (specimen 15). Shades of gray colors grains — quartz debris, microsealy substance between them — chalcedony cement. Transmitted light, nicols (+), 47×.

не отличающихся от зерен кварца. Также в образце 4 содержатся агрегаты углистого вещества.

Вторую группу песчаников составляют породы, цемент которых сложен глинистыми минералами и оксидами железа. К ним относятся образцы №16, 19, 25, 31, 42, 45, 47. Цемент образца №31 — глинистый, образца №42 — железистый, остальные песчаники группы имеют смешанный железисто-глинистый (№16, 25, 45, 47) и глинисто-железистый (№19) цемент.

Песчаники с железисто-глинистым цементом, составляющие большинство в данной группе, имеют и сходный обломочный состав. При этом образцы №45 и 47, которые происходят с поселения Малоположецкое-2А, являются идентичными. Кроме зерен кварца, в данных породах в незначительном количестве (<1%) содержатся плагиоклаз и мусковит. В образце №25 также присутствует биотит, составляющий доли процента, а в образцах №45 и 47 — единичные зерна кремня.

Цемент данных песчаников поровый, занимает 10% породы. Глинистые минералы заполняют поры между зернами кварца. Гетит присутствует в виде крупных агрегатов и окрашивает глинистые минералы. В цементе он составляет 2—3% объема породы. Значительная часть зерен кварца непосредственно контакти-

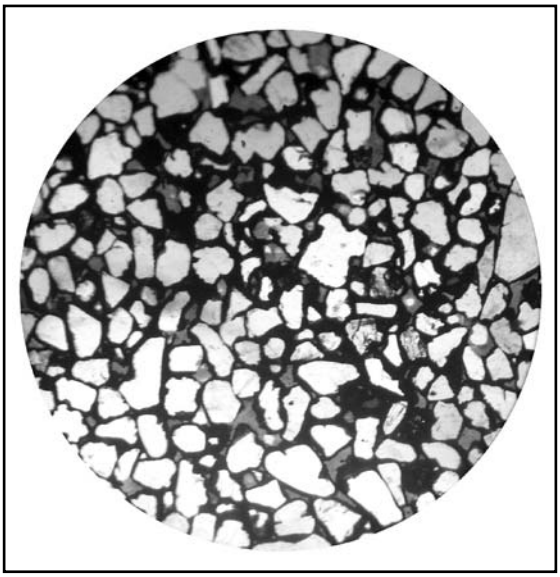

Рис. 11. Песчаник кварцевый с гетитовым цементом (образец №42). Прозрачные зерна — обломки кварца, бурая масса между ними — гетитовый цемент. Свет проходящий, николи (–), увеличение 47×.

Fig. 11. Quartz sandstone with goethite cement (specimen 42). Transparent grains — quartz debris, brown substance between them — goethite cement. Transmitted light, nicols (–), 47×.

рует с соседними зернами, из-за чего на многих участках цемент отсутствует.

В образцах №19, 31 и 42, кроме кварца, также присутствуют единичные обломки кремня, в образцах №19 и 42 — зерна микроклина, а в №19 и 31 — единичные чешуи мусковита. В образце №42 также содержатся единичные неокатанные зерна плагиоклаза, а в образце №19 обнаружены единичные зерна циркона.

Цемент образца №19 поровый глинисто-железистый, занимает 10% объема породы. Гетит заполняет поры, часто содержится в смеси с глинистыми минералами. На некоторых участках цемент отсутствует вследствие плотной упаковки. В образце №31 цемент сложен глинистыми минералами. Он очень тонкий, окаймляет зерна кварца частично (поровый), реже — полностью (базальный). Иногда заполняет отдельные крупные поры, прорастают зерна катаклазированного кварца. В цементе содержатся агрегаты углистого вещества. Образец 42 имеет гетитовый базальный цемент, на некоторых участках присутствуют незаполненные поры, здесь цемент ближе к корковому, иногда — к контактовому (рис. 11). В породе имеются крупные зоны, заполненные гетитом.

Из всех песчаников группы образцы №16, 25 и 45 являются наиболее мелкозернистым (присутствуют алевритовые зерна размером 0,03—0,1 мм). Алевритовая примесь в меньшем количестве содержится и в образцах 19 и 20. В остальных образцах обломочный материал представлен зернами размером от 0,1 до 0,9 мм, основная масса — 0,2 мм. Обломки имеют разную степень окатанности, очень часто сдавлены, конформны, катаклазированы. Обломки полевых шпатов и кремня по размеру и морфологии соответствуют зернам кварца.

Происхождение. Ближайшими к месту проведения раскопок крупными проявлениями песчаников являются выходы в районе Канева (Горбачевский и др. 1963: 63—65; Головатый и др. 1965: 41—45). Там встречаются как кварцитовидные разновидности, так и песчаники с железистым цементом. Однако, в Киевской, Житомирской и Черкасской областях развиты песчаные отложения полтавской серии, в которых в виде линз и глыб проявлены песчаники всех указанных выше разновидностей (Горбачевский и др. 1963: 62—63; Рубан, Беседин 1965: 89—90; Головатый и др. 1965: 41—42; Зосимович и др. 1975: 112; Цымбал 1981: 17—19). Таким образом, происхождение данных пород может быть более близким к месту проведения раскопок.

Известняки

К данной группе относятся образец №23 — известняк органогенный и образец №38 — известняк органогенный песчанистый. Порода образца №23 сложена кальцитом, представленным микрокристаллической массой, а также более крупными кристаллами. В общей структуре породы читаются отпечатки раковин, часто выполненные более крупными кристаллами кальцита. В известняке содержится примесь песчинок кварца неокатанной формы, составляющая менее 1% объема породы. Среди отпечатков органики узнаются обломки раковин моллюсков, фораминиферы, иглы морских ежей и др. Образец №38 отличается наличием примеси песчинок кварца (7%) и глауконита (1%), также в породе содержится незначительная (<1%) примесь углистого вещества. Кварцевые песчинки имеют неокатанную форму, глауконит представлен округлыми агрегатами. В породе наблюдаются отпечатки фауны, выполненные более крупными кристаллами кальцита, чем основная масса. Среди них — обломки раковин, округлые зоны. Также присутствуют целые отпечатки раковин фораминифер, остракоды (?).

Происхождение. В районе проведения раскопок известняки не встречаются. Ближайшие проявления известняков находятся на юго-

Таблица 1.

Изделия из камня могильника Малоположецкое-3 и поселения Малоположецкое-2А, исследованные в 2012—2013 гг.

№	Полевой шифр	Объект	Наименование; размер, см	Порода
1	МП-3, раскоп Е-1994, кв. Б', гл. 0,75—1 м, №291	комплекс 4	гладильник из черного камня; 6,5×6×4,5	долерит
2	МП-2-1995, п/м; №486		растиральник из серого камня; 6×6×1,5	кварцит (или жильный кварц)
3	МП-3, раскоп И-1995, кв. А-Д/6', гл. 0—0,25 м, №756	комплекс 2	растиральник из серого камня; 8×7×4	кварцит (или жильный кварц)
4	МП-3, раскоп И-1995, кв. Б-Д/7', гл. 0,25—0,5 м; №805	комплекс 2	гладильник из темно-серого камня, пережжен; 9×8,5×6,5	песчаник кварцевый крупнозернистый, гравелитистый
5	МП-3, раскоп И-1995, кв. IБ/1'-3', гл. 0,5—0,75 м, №857	комплекс 2	отбойник (?) из черного камня, фр.; 7,5×5,5×2,5	долерит
6	МП-3, раскоп И-1995, кв. В/6'-7', гл. 0,15—0,5 м, №956	комплекс 2	гладильник из черного камня, фр.; 6,5×6×3	долерит
7	МП-3, раскоп И-1995, кв. IГ/6'-7', гл. 0,25—0,5 м, №997	комплекс 2	гладильник из черного камня; 7×7×6	долерит
8	МП-3, раскоп И-1995, кв. IА-IГ/8', гл. 0,5—0,75 м, №1016	комплекс 2	курант подкубической формы из серого камня; 6×5×5	гранит биотитовый двуполевошпатовый
9	МП-3, раскоп И-1995, кв. IА-IГ/8', гл. 0,5—0,75 м, №1017	комплекс 2	растиральник из серого камня, фр.; 8×8×7	аплит
10	МП-3, раскоп И-1995, кв. А/8'-9', гл. 1,0—1,25 м, №1127	комплекс 2	курант подкубической формы из серого камня; 6,5×5,5×5	гранит лейкократовый
11	МП-3, раскоп И-1995, кв. IА/9', у развала 8, №1131	комплекс 2	растиральник из серого камня, фр.; 8×5×4	гранит биотитовый
12	МП-3, раскоп И-1995, кв. А/9', №1132	комплекс 2	абразив из желтовато-серого камня; 8,5×4×4	песчаник кварцевый мелкозернистый
13	МП-3, раскоп И-1995, кв. А/9', №1133	комплекс 2	гладильник из черного камня; 7×6×5	долерит
14	МП-3, раскоп И-1995, кв. А/9', №1134	комплекс 2	абразив из серого камня; 8,5×7×1,5	песчаник кварцевый с опаловым цементом
15	МП-3, раскоп И-1995, кв. А/9', №1135	комплекс 2	абразив из серого камня; 7,5×6×1,5	песчаник кварцевый с халцедоновым цементом
16	МП-3, раскоп И-1995, кв. А/9', гл. 0,5—0,75 м, №1136	комплекс 2	абразив; 11×10×3	песчаник кварцевый алевритовый с железисто-глинистым цементом
17	МП-3, раскоп И-1995, кв. А/10', гл. 0,75—1 м, №1163	комплекс 2	гладильник из зеленоватого камня; 8×5×5	тектонобластит
18	МП-3, раскоп И-1995, кв. А/10', гл. 0,75—1 м, №1164	комплекс 2	гладильник из черного камня; 10×5,5×3	долерит
19	МП-3, раскоп И-1995, кв. Б/10' (?), гл. 0,28 (?), №1198	комплекс 2	гладильник (?) из серого камня; 10×5×4,5	песчаник кварцевый алевритистый с глинисто-железистым цементом
20	МП-3, раскоп И-1995, кв. А/9', гл. 0,25—0,75 м, №1210	комплекс 2	абразив из серого камня; 6,5×4×2	песчаник кварцевый с халцедон-опаловым цементом
21	МП-3, раскоп И-1995, кв. А/10', развал 14, №1225	комплекс 2	кружка из серого талькового сланца, фрагментирована; высота — 12; диаметр — 9,5; толщина стенок 0,7—1,5	порода тальковая
22	МП-3, раскоп И-1995, кв. IВ/10', гл. 0,75—1 м, №1227	комплекс 2	гладильник из черного камня; 9,5×7×5,5	амфиболит меланократовый
23	МП-3, раскоп И-1995, кв. IА/12', гл. 0,85 м, №1228	комплекс 2	гладильник из серого камня; 10,5×9,5×7	известняк органогенный
24	МП-3, раскоп И-1995, кв. IВ/10', гл. 0,75—1 м, №1229	комплекс 2	гладильник из черного камня; 6,5×4,5×4,5	долерит
25	МП-3, раскоп И-1995, кв. IВ/10', гл. 0,75—1 м, №1263	комплекс 2	наковаленка-гладильник из коричневатого камня; 12×8×4	песчаник кварцевый алевритовый с железисто-глинистым цементом
26	МП-3, раскоп И-1995, кв. IВ/10', гл. 0,75—1 м, №1264	комплекс 2	наковаленка-гладильник из красновато-серого камня; 11×9×4,5	гранит биотитовый (катаклазированный), возможно, мигматит
27	МП-3, раскоп К-1996, кв. А/6, гл. 0,5 м, №277	комплекс 4	«утюжок»; 7×6,5×6	амфиболит кварцевый лейкократовый
28	МП-3, раскоп К-1996, кв. В/8, №278	комплекс 5	гладильник из черного камня; 10×8,5×6	долерит
29	МП-3, раскоп К-1996, кв. Б/8, гл. 0,48 м, №280	комплекс 5	гладильник из светло-коричневого камня; 10×6×4,5	аплит
30	МП3-1996, п/м, №281		гладильник из темно-серого камня; 8×8×6	долерит

Таблица 1 (окончание).

№	Полевой шифр	Объект	Наименование; размер, см	Порода
31	МП-3, раскоп К-1996, кв. А/4, гл. 0,25—0,5 м, №355	комплекс 4	отбойник (?) из розовато-серого камня; 6,5×5,5×4	песчаник кварцевый с глинистым цементом
32	МП-3, раскоп К-1996, кв. Е-И/7, гл. 0—0,25 м, №398	комплекс 5	растиральник; 9,5×7×3,5	долерит
33	МП-3, раскоп К-1996, кв. З/9, гл. 1 м, №529	комплекс 5	гладильник-наковаленка из черного камня; 12×7×4,5	долерит
34	МП-3, раскоп К-1996, кв. З/9, гл. 1 м, №530	комплекс 5	гладильник из черного камня; 7,5×6,5×6	долерит
35	МП-3, раскоп К-1996, кв. Е/5, гл. 1—1,5 м, №533	комплекс 5	растиральник; 7,5×7×3,5	тектонобластит
36	МП-3, раскоп К-1996, кв. Е/8, гл. 0,75—1 м	комплекс 5	курант подкубической формы из серого камня; 7×6×5,5	гранит лейкократовый (пегматоидный)
37	МП-3, раскоп М-1996, кв. В-Ж/4, гл. 0—0,15 м, №634	комплекс 4	курант шаровидной формы из серого камня; d — 5,5	тектонит (катаклазит)
38	МП-3, раскоп К-1996, кв. Е-Ж/12, гл. 0,75—1 м, №709	комплекс 5	гладильник подпрямоугольной формы из светло-серого камня; 13×9×4	известняк органогенный песчанистый
39	МП-3, раскоп К-1996, кв. Ж/9, гл. 0—0,5 м, №713	комплекс 5	гладильник из черного камня; 10×7×5	долерит
40	МП-3, раскоп К-1996, кв. В-Г/11, гл. 0,75—1 м, №715	комплекс 5	растиральник из серого камня; 7×6×4,5	гранит биотитовый
41	МП-3, раскоп К-1997, кв. Б/6	комплекс 5	гладильник из черного камня; 9,5×7×3,5	долерит
42	МП-3, раскоп К-1997, кв. Д-Е/14, гл. 0,5—0,75 м	комплекс 5	абразив; 5,5×5,5×2	песчаник кварцевый с гетитовым цементом
43	МП-3, раскоп К-1997, кв. Ж/13	комплекс 5	гладильник из черного камня (№1); 7,5×6×4,5	долерит
44	МП-3, раскоп К-1997, кв. Ж/13	комплекс 5	гладильник из зеленоватого камня (№2); 5,5×5×4,5	тектонобластит
45	МП-2А-2006	объект 16	абразив из песчаника; 8×6×1	песчаник кварцевый алевритовый с железисто-глинистым цементом
46	МП-2А-2006	объект 16	лезвийная часть топорика из черного камня; 3,5×3,5×2	долерит измененный
47	МП-2А-2006	объект 16	абразив из песчаника; 9,5×3,5×2	песчаник кварцевый алевритовый с железисто-глинистым цементом

западе Житомирской области, где в ряде мест обнажаются сарматские известняки (Рубан и др. 1965: 91). Далее, проявления известняков разных возрастов встречаются на территории Западной Украины. Крупные проявления известняков, датируемые неогеном, находятся на юге Украины. Самыми северными их проявлениями являются выходы в долинах рек Орель и Самара на Левобережье Днепра, а также на правом берегу Днепра ниже широты г. Кривого Рога (Дідковський, Носовський 1975: 57—66; Зосимович 1975: 126—128; Зосимович и др. 1975: 116—117).

Таким образом, можно сделать вывод, что сырье каменных изделий могильника Малополовецкое-3 и поселения Малополовецкое-2А имеет как местное, так и привозное происхождение. Вероятнее всего, местное происхождение имеют все породы группы гранитоидов, аналоги которых распространены в Фастовском районе. Вместе с ними могли быть добыты образцы кварцевых пород. Близкое к месту проведения раскопок происхождение могут иметь все исследованные песчаники, наиболее вероятно относящиеся к отложениям полтавской серии. Ближайшие проявления данных пород известны в Киевской, Черкасской и Житомирской областях.

Вероятно, более удаленное происхождение у амфиболитов. Исследованные образцы имеют аналоги во многих зонах Украинского щита. Ближайшие похожие породы обнажаются в долинах рек Горный и Гнилой Тикич. Долериты, составляющие наибольшую группу среди исследованных артефактов, по происхождению могут отличаться. Так, микрозернистые разновидности, скорее всего, происходят с территории Житомирской области, хотя имеются проявления данных пород и на территории Днепропетровской области. Образец долерита с поселения Малополовецкое-2А не имеет аналогов на Житомирщине и, наиболее вероятно, был привезен с юга. Как и долериты, известняки имеют два варианта происхождения, их ближайшие проявления находятся в западной части Украины, начиная с юго-запада Житомирской области, и на юге страны, начиная с левобережья и юга Днепропетровской области. Однозначно привозное происхождение имеет кружка из таль-

кового сланца. Похожие по составу породы встречаются в Надпорожье и Криворожье, где в эпоху поздней бронзы велась их разработка для изготовления литейных форм.

Относительно особенностей использования горных пород для изготовления определенных видов изделий было установлено, что большинство гладильников исследованной коллекции (12 из 20) были изготовлены из долеритов. Меньше для изготовления этих орудий применялись тектониты и известняки (по 2 образца, соответственно), также было использовано по одному образцу аплита и амфиболита. Что касается сырья для растиральников, то какого-либо предпочтения в выборе пород не прослеживается. Для их производства применялись долерит, кварц, гранит, тектонит и аплит. Материалом курантов правильной геометрической (шаровидной или подкубической) формы были породы группы гранитоидов — три образца гранита и один образец тектонита. Все абразивные камни исследованной коллекции были изготовлены из песчаников. Сырьем для наковаленок-гладильников послужили песчаник, гранит и долерит, два исследованных отбойника были изготовлены, соответственно, из долерита и песчаника. Материал кружки был определен как порода тальковая, а топорика с поселения Малополовецкое-2А — как долерит измененный.

Исходя из приведенных данных, мы можем констатировать, что с целью получения каменного сырья либо каменных изделий представители киево-черкасской группы тшинецкого культурного круга вели обменную торговлю с соседними регионами, как с близкими в культурном отношении (киево-житомирская, волынская, подольская группы ТКК), так и с инокультурными (бережновско-маёвская срубная, сабатиновская культуры). Юго-восточное направление связей подтверждается и смешанным керамическим комплексом Малополовецкого могильника (Лисенко 1996: 108—110). Различные виды каменного сырья зачастую применялись для производства определенных видов изделий.

Благодарность. Авторы выражают искреннюю признательность геологу, с.н.с. В.И. Ганоцкому за ценные консультации.

Литература

Головатый и др. 1965: Головатый Ф.М., Горбачевский Г.Е., Калинин Г.Н., Муштенко И.Ф., Шапочкина А.А. 1965. *Строительные материалы Киевской области*. Киев: Госстройиздат УССР.

Горбачевский и др. 1963: Горбачевский Г.Е., Калинин Г.Н., Муштенко И.Ф., Шапочкина А.А. 1963. *Строительные материалы Черкасской области*. Киев: Госстройиздат УССР.

Гошко Т.Ю. 2011. *Металообробка у населення Правобережної Лісостепової України за доби пізньої бронзи*. Київ: ІА НАН України.

Дідковський В.Я., Носовський М.Ф. 1975. Причорноморська западина. Міоцен. В: Дідковський В.Я. (відп. ред.). *Стратиграфія УРСР*. Т.10. *Неоген*. Київ: Наукова думка, 32—70.

Зосимович В.Ю. 1975. Дніпровсько-Донецька западина. В: Дідковський В.Я. (відп. ред.). *Стратиграфія УРСР*. Т.10. *Неоген*. Київ: Наукова думка, 118—131.

Зосимович и др. 1975: Зосимович В.Ю., Куліченко В.Г., Молявко Г.І., Савронь Е.Б. 1975. Український щит. В: Дідковський В.Я. (відп. ред.). *Стратиграфія УРСР*. Т.10. *Неоген*. Київ: Наукова думка, 111—117.

Лисенко С.Д. 1996. Керамічний комплекс могильника Малополовецьке-3. В: Усачук А.Н. (отв. ред.). *Северо-восточное Приазовье в системе евразийских древностей (энеолит — бронзовый век)*. Ч.1. Донецк: ДонГУ, 108—110.

Лучицкий В.И., Лебедев П.И. 1934. *Петрография Украины*. Ленинград: АН СССР.

Лысенко С.Д. 1998. Результаты исследования могильника Малополовецкое-3 на Киевщине в 1993—1997 годах. In: Kośko A., Czebreszuk J. (red.). *„Trzciniec" — system kulturowy czy interkulturowy proces?* Poznań: Wydawnictwo Poznańskie, 95—117.

Панковский В.Б. 2010. Новые данные о костяной индустрии тшинецкого культурного круга. В: Лисенко С.Д. (відп. ред.). *Археологічні пам'ятки Фастівщини: матеріали та дослідження. До 75-річчя Н.М. Кравченко*. Фастів: Прес-музей, 42—50.

Панковський В.Б. 2005. До проблеми кістяної індустрії тшинецького культурного кола (Малополовецьке-3). В: Лисенко С.Д. (відп. ред.). *Проблеми археології Середнього Подніпров'я: До 15-річчя заснування Фастівського державного краєзнавчого музею*. Київ; Фастів: Прес-музей, 120—142.

Половинкина Ю.И. 1955. Тальковые сланцы Кривого Рога, их генезис и стратиграфическое положение. *Петрографический сборник ВСЕГЕИ* (1), 5—42.

Разумов С.Н. 2005. Предварительные итоги изучения кремневых изделий среднего и позднего бронзового века могильника Малополовецкое на Фастовщине. В: Лисенко С.Д. (відп. ред.). *Проблеми археології Середнього Подніпров'я: До 15-річчя заснування Фастівського державного краєзнавчого музею*. Київ; Фастів: Прес-музей, 143—151.

Рубан Н.И., Беседин Л.И. 1965. *Строительные материалы Житомирской области*. Киев: Будівельник.

Степанюк и др. 2000: Степанюк Л.М., Єсипчук К.Ю., Бойченко С.О., Скобєлєв В.М., Довбуш Т.І., Щербак Д.М. 2000. Про час формування гранітів басейну річок Тетерів та Ірпінь. *Мінералогічний журнал* (1), 115—118.

Усенко и др. 1975: Усенко И.С., Есипчук К.Е., Личак И.Л., Слипченко В.А., Цуканов В.А. 1975. *Справочник по петрографии Украины. Магма-*

тические и метаморфические породы. Киев: Наукова думка.

Усенко І.С. 1952. Про жильні породи Українського кристалічного масиву. *Геологічний журнал* XII (4), 3—21.

Усенко И.С. 1953. *Архейские матабазиты и ультрабазиты Украинского кристаллического массива*. Киев: АН УССР.

Цымбал С.Н. 1981. Обломочные породы Украинского щита. Неоген. В: Ткачук Л.Г. (отв. ред.). *Обломочные породы Украины*. Киев: Наукова думка, 17—21.

References

Golovatyi, F.M., Gorbachevskiy, G.Ye., Kalinin, G.N., Mushtenko, I.F., Shapochkina, A.A. 1965. In *Stroitelnyye materialy Kiyevskoy oblasti (Building materials of Kiev region)*. Kiev: Gosstroyizdat USSR (in Russian).

Gorbachevskiy, G. Ye., Kalinin, G.N., Mushtenko, I.F., Shapochkina, A.A. 1963. In *Stroitelnyye materialy Cherkasskoy oblasti (Building materials of Cherkassy region)*. Kiev: Gosstroyizdat USSR (in Russian).

Goshko, T. Yu. 2011. *Metaloobrobka i naselennia Pravoberezhnoi Lisostepovoi Ukrainy (Metal working of the population of the Right-Bank Forest-Steppe Ukraine)*. Kiev: IA NAN Ukrainy (in Ukrainian).

Didkovskyi, V.Ya., Nosovskyi, M.F. 1975. In *Stratyhrafiia URSR (Stratigraphy of Ukrainian SSR)*. Vol. X. *Neogene*. Kiev: Naukova dumka, 32—70 (in Ukrainian).

Zosimovich, V.Yu. 1975. In *Stratyhrafiia URSR (Stratigraphy of Ukrainian SSR)*. Vol. X. *Neogene*. Kiev: Naukova dumka, 118—131 (in Ukrainian).

Zosimovich, V.Yu., Kulichenko, V.G., Moliavko, H.I., Savron, E.B. 1975. In *Stratyhrafiia URSR (Stratigraphy of Ukrainian SSR)*. Vol. X. *Neogene*. Kiev: Naukova dumka, 111—117 (in Ukrainian).

Luchitskiy, V.I., Lebedev P.I. 1934. In *Petrografiya Ukrainy (Petrography of Ukraine)*. Leningrad: Izdatelstvo AN SSSR (in Russian).

Lysenko, S.D. 1996. In *Severo-vostochnoye Priazovye v sisteme Yevraziyskih drevnostey (eneolit — bronzovyy vek)* (*Northeast Transazovia in the system of Eurasian antiquities (Eneolith — Bronze Age)*. P. 1. Donetsk: Izdatelstvo DonGU, 108—110 (in Russian).

Lysenko, S.D. 1998. In *"Trzciniec" — system kulturowy czy interkulturowy proces ("Tshinets" — cultural system or intercultural process)*. Poznań, 95—117 (in Russian).

Pankovskyi, V.B. 2005. In *Problemy arkheolohii Serednioho Podniprovia: Do 15-richchia zasnuvannia Fastivskoho derzhavnoho kraieznavchoho muzeiu (Issues of the archeology of the Middle Transdnepria: For the 15th anniversary of the founding of Fastov State Museum of Regional Studies)*. Kiev; Fastov, 120—142 (in Ukrainian).

Pankovskiy, V.B. 2010. In *Arkheolohichni pamiatky Fastivshchyny. Materialy ta doslidzhennia: Do 75-richchia N.M. Kravchenko. Pres-muzei (26—27) (Archeological sites of Fastov district: materials and studies. To the 75th anniversary of N.M. Kravchenko. Press-museum (25—26)*. Fastov, 42—50 (in Russian).

Polovinkina, Yu.I. 1955. In *Petrograficheskiy sbornik VSEGEI (Petrographic collected articles of the All-USSR Geological Institute)* (1), 5—42 (in Russian).

Razumov, S.N. 2005. In *Problemy arkheolohii Serednioho Podniprovia: Do 15-richchia zasnuvannia Fastivskoho derzhavnoho kraieznavchoho muzeiu (Issues of the archeology of the Middle Transdnepria: For the 15th anniversary of the founding of Fastov State Museum of Regional Studies)*. Kiev; Fastov, 143—151 (in Russian).

Ruban, N.I., Besedin, L.I. 1965. In *Stroitelnyye materialy Zhytomirskoy oblasti (Building materials of Zhytomir region)*. Kiev: Budivelnyk (in Russian).

Stepaniuk, L.M., Yesypchuk, K. Yu., Boichenko, S.O., Skobieliev, V.M., Dovbush, T. I, Shcherbak, D.M. 2000. In *Mineralohichnyi zhurnal (Mineralogical magazine)* (1), 115—118 (in Ukrainian).

Usenko, I.S., Yesipchuk, K.E., Lichak, I.L., Slipchenko, V.A., Tsukanov, V.A. 1975. In *Spravochnik po petrografii Ukrainy. Magmaticheskiye i metamorficheskiye porody (Reference book on petrography of Ukraine. Igneous and metamorphic rocks)*. Kiev: Naukova dumka (in Russian).

Usenko, I.S. 1952. In *Heolohichnyi zhurnal (Geological magazine)* XII (4), 3—21 (in Ukrainian).

Usenko, I.S. 1952. In *Arkheyskiye metabazity i ultrabazity Ukrainskogo kristallicheskogo massiva (Archean metabasites and ultrabasites of Ukrainian crystalline massif)*. Kiev: Izdatelstvo AN USSR (in Russian).

Tsymbal, S.N. 1981. In *Oblomochnyye porody Ukrainy (Fragmental debris of Ukraine)*. Kiev: Naukova dumka, 17—21 (in Russian).

Статья поступила в номер 27 ноября 2013 г.

Ihor Nikitenko (Dnepropetrovsk, Ukraine). Candidate of Geological Sciences. State Institution of Higher Education "National Mining University"[1].

Ihor Nikitenko (Dniepropetrovsk, Ucraina). Candidat în ştiinţe geologice. Instituţia de stat de studii superioare „Universitatea minieră naţională".

Никитенко Игорь Святославович (Днепропетровск, Украина). Кандидат геологических наук. Государственное высшее учебное заведение «Национальный горный университет».

E-mail: ihornikitenko@gmail.com

Sergey Lysenko (Kiev, Ukraine). Candidate of Historical Sciences. Archaeology Institute, National Academy of Sciences of Ukraine[2].

Sergey Lysenko (Kiev, Ucraina). Candidat în ştiinţe istorice. Institutul de arheologie, Academia Naţională de Ştiinţe a Ucrainei.

Лысенко Сергей Дмитриевич (Киев, Украина). Кандидат исторических наук. Институт археологии Национальной Академии наук Украины.

E-mail: suraganga@yandex.ru

Addresses: [1] Karl Marx Pr., 19, Dnepropetrovsk, 49600, Ukraine; [2] Geroev Stalingrada Pr., 12, Kiev, 04210, Ukraine

С. Н. Кореневский, С. Б. Бурков

Погребения эпохи энеолита и начала бронзового века из раскопок в Чеченской Республике 1988 и 1991 гг.

Keywords: Caucasus, Eneolithic, Early Bronze Age, Maikop culture, Leilatepe culture, Caucasian chronology, tumular graves, cult objects, symbolic meaning.

Cuvinte cheie: Caucaz, eneolitic, epoca timpurie a bronzului, cultura Maikop, cultura Leilatepe, cronologia Caucazului, piese de cult, semnificație simbolică.

Ключевые слова: Кавказ, энеолит, ранний бронзовый век, майкопская культура, лейлатепинская культура, кавказская хронология, культовые предметы, символическое значение.

S. N. Korenevskiy, S. B. Burkov

Copper and Early Bronze Age burials from the excavations carried out in 1988 and 1991 in Chechen Republic

The article publishes the materials from several tumuli in the Chechen Republic dated to the Copper and Early-Middle Bronze Ages. Some interesting elements of burial rite were uncovered in the graves of Samashkinsky necropolis, namely the unnatural position of palms of the deceased. Such a trait was observed in several burials dating from the Eneolithic to the Middle Bronze Age. Reasons for such an unusual position of palms are unclear. This is a unique case with no analogies anywhere in the Caucasus during the Bronze Age. At the same time, this small detail in the funeral practice of the local population allows to address the very important problem of population continuity, embedded in the local burial rite in tumuli. It is reflected in standard positions of the buried individuals, which is slightly contracted on one side, with one hand extended, and another one bent in the elbow. The abidance of this canon is traced within centuries, despite appreciable change of material culture from Eneolithic, through Early Bronze Age and to the Middle Bronze Age. Such a unique posture of the deceased allows us to suggest the existence of purely local burial customs among the population of the Terek Basin, and more concretely, of the valley of Sunzha river.

S. N. Korenevskiy, S. B. Burkov

Morminte din epoca cuprului şi bronzului timpuriu descoperite în timpul săpăturilor arheologice din anii 1988 şi 1991 de pe teritoriul Republicii Cecene

Articolul introduce în circuitul ştiinţific rezultatele săpăturilor unor complexe tumulare din eneolitic, bronzul timpuriu şi mijlociu, efectuate în anii 1988 şi 1991 în Cecenia. Cercetările au permis evidenţierea unor elemente interesante ale ritului funerar în necropola Samaşkinsk, anume poziţia improprie a palmei mâinii unor defuncţi. Această trăsătură a fost urmărită în mai multe morminte din eneolitic până la bronzul mijlociu. Deocamdată, nu ne putem pronunţa pe marginea cauzelor unei asemenea plasări a palmei defuncţilor. Ea poate fi considerată unică, deoarece nu cunoaştem nici o analogie printre alte complexe ale epocii bronzului. Acest aparent minor detaliu al ritului funerar local permite să ne adresăm problemei extrem de importante a continuităţii populaţiei din necropolele tumulare din această zonă, care se reflectă şi în poziţia tipică a defuncţilor (slab chircită pe o parte, un braţ este întins, altul îndoit din cot). Respectarea acestui canon poate fi urmărită de-a lungul veacurilor, necătând la schimbările culturii materiale din eneolitic până la bronzul mijlociu. Localizarea restrânsă a ritului cu poziţia improprie a palmelor ne permite să urmărim tradiţiile exclusiv locale ale populaţiei bazinului râului Terek şi, mai concret, a văii râului Sunja.

С. Н. Кореневский, С. Б. Бурков

Погребения эпохи энеолита и начала бронзового века из раскопок в Чеченской Республике 1988 и 1991 гг.

В статье приводятся результаты раскопок нескольких курганных погребений эпохи энеолита, раннего и среднего бронзового века, проведенных в 1988 и 1991 гг. в Республике Чечня. Некоторые интересные элементы погребального обряда были выявлены в захоронениях Самашкинского могильника, в первую очередь, неестественное положение

Supported by the Russian Foundation for Basic Research, "The population of Caucasus and the steppes of the European part of Russia in the early metal age (according to archaeological, paleogenetical and anthropological data)", no. 13-06-00792 A ■ Studiul apare cu suportul Fundaţiei ruse pentru cercetări fundamentale, „Populaţia din Caucaz şi stepele părţii europene a Rusiei în epoca timpurie a metalelor (după datele arheologiei, paleogeneticii şi antropologiei)", nr. 13-06-00792 A ■ Работа выполнена при поддержке Российского фонда фундаментальных исследований, «Население Кавказа и степей европейской части России в эпоху раннего металла (по данным археологии, палеогенетики и антропологии», № 13-06-00792 А.

© *Stratum plus*. Археология и культурная антропология.

© С. Н. Кореневский, С. Б. Бурков, 2014.

кисти руки у некоторых погребенных. Этот признак был прослежен в нескольких погребениях от энеолита до средней бронзы. Мы оставляем вопрос о причинах столь редкого способа размещения кисти рук покойных открытым. Он может считаться уникальным, так как нигде более в комплексах бронзового века не наблюдался. Вместе с тем, отмеченная деталь в погребальной практике местного населения позволяет затронуть очень важную проблему преемственности населения, запечатленную в местных курганных могильниках. Это нашло свое отражение в стандартной позе погребенных (слабо скорчено на боку, одна рука вытянута, другая согнута в локте). Соблюдение такого канона прослеживается на протяжении веков, несмотря на заметное изменение материальной культуры от эпохи пережиточного энеолита, через период ранней бронзы к среднему бронзовому веку. Узкая локализация обряда с нестандартным положением рук позволяет говорить о сугубо местных обычаях населения Терского бассейна и, более конкретно, долины р. Сунжи.

Целью настоящей публикации является введение в научный оборот материалов энеолита и раннего периода бронзового века из раскопок археологической экспедиции лаборатории Чеченского государственного университета, которая в 1988 и 1991 году вела исследования в районе села Бамут и станицы Ассиновской (рис. 1: А). Раскопки у ст. Ассиновской проводились по открытому листу С.Б. Буркова, в то время руководителя Арчхой-Мартановского отряда. Отчет по этим работам в 1991 г. сдать в Отдел полевых исследований не удалось. Но в чрезвычайной ситуации 1991 года полевая документация была спасена автором раскопок. В настоящую публикацию вошли материалы из раскопок кургана 14 могильника Орджоникидзевский и курганов 1, 2 и 3 могильника Самашкинский.

Могильник Орджоникидзевский (раскопки 1988 г.)

Могильник Орджоникидзевский находился примерно в 1,5 км на северо-восток от с. Арчхой Мартан (Бамут). ***Курган 14*** имел высоту 4,35—4,7 м от современной поверхности и диаметр около 46 м. Его меганасыпь состояла из 5 насыпей. С уровня погребенной почвы было прослежено два погребения: 33 и 29[1] (рис. 1: Б).

Первая насыпь. Погребение 33. Высота первой насыпи составляла около 1 м при диаметре 8 м. Погребение 33 было смещено к югу более чем на 3 м от центра кургана, обозначенного более поздним кромлехом. Пятно заполнения могилы не фиксировалось. Захоронение было совершено с уровня древнего горизонта. Никаких следов выкида, в том числе на поверхности полы первичной курганной насыпи, в ходе полевых работ не прослежено. Нивелировка дна захоронения: 423—438 см от центрального репера (далее — РЦ) (рис. 2: 1).

Форма погребального сооружения не фиксировалась. Погребенный лежал скорченно, на правом боку, головой на восток, лицевой частью черепа к северу. Руки сильно согнуты в локтевых суставах. Локтевые и лучевые кости обеих рук лежали почти параллельно туловищу. Несохранившаяся кисть правой руки находилась первоначально у лица. Кисть левой руки располагалась у локтевой кости правой руки. Ноги согнуты в коленных суставах, не совмещены, бедренная кость левой ноги лежала на бедренной и большой берцовой костях правой ноги, ступни сведены вместе. Костяк не полный, отсутствовали часть черепа с верхней челюстью, кости кистей обеих рук, обе ключицы, левая лопатка, кости грудины, позвонки, часть ребер. Кости рук и стоп обеих ног лежали во фрагментах, общая сохранность костей плохая, окончания большинства длинных костей превратились в тлен.

У окончания костей правой руки зафиксирован участок меловой подсыпки. На нем, на расстоянии 25 см к северу и 5 см к западу от точки №1 был зачищен костяной стержень, подработанный в верхней части в форме «лопаточки». Длина предмета 19,6 см, ширина «лопаточки» 1,65 см, толщина 0,6 см, диаметр стержня 0,6 мм (рис. 2: 2).

У коленных суставов покойного найден предмет из органики темно-коричневого цвета, удлиненно-подовальной формы. Его размеры: длина — 10 см, ширина в средней части — 3 см, толщина — 1,6 см, распался при снятии. Других находок нет.

Погребение 29 принадлежало ребенку в возрасте инфантилис (до 3 лет). Поза скелета не определяется.

Вторая насыпь. Погребение 21. Вторая насыпь увеличила курган в высоту на 0,8 м и в диаметре до 11 м. Она была обнесена кромлехом. Основным погребением для второй насыпи было погребение 21. Очертания могильной ямы не прослежены. Остатки погребения представлены двумя скелетами взрослых людей — №1 и №2. Кости сохранились плохо. Позы покойных одинаковые. Они были уложены в могилу на правый бок, скорчено. Сгиб

[1] Погребение 29 принадлежало ребенку в возрасте инфантилис (до 3 лет). Поза скелета не определяется. В настоящее время место погребения 29 по сохранившейся документации точно не восстанавливается.

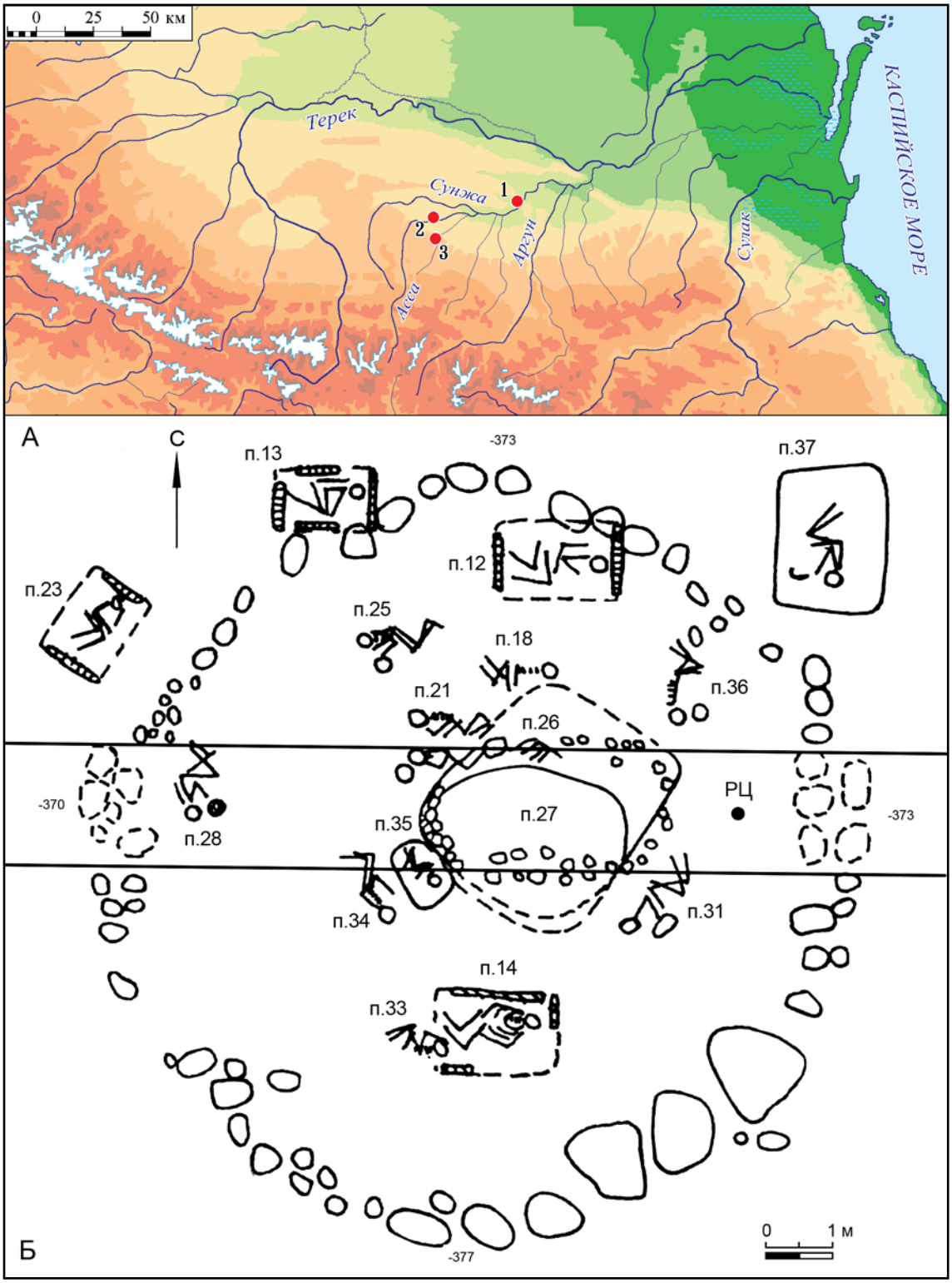

Рис. 1. А — карта памятников у ст. Ассиновской и с. Бамут: 1 — г. Грозный; 2 — ст. Ассиновская; 3 — с. Бамут; Б — могильник Орджоникидзевский, курган 14 (фрагмент).

Fig. 1. А — Archaeological sites near Assinovskaia und Bamut: 1 — Grozny; 2 — Assinovskaia; 3 — Bamut; Б — Ordzhonikidzevskiy necropolis, kurgan 14 (fragment).

ног в коленных суставах не сильный, около 45 градусов. Руки были согнуты в локтевых суставах, обе кисти находились у лицевых костей черепов (рис. 2: 3).

В области кистей рук скелета №1 зафиксирован сосуд с плоским дном, грушевидным туловом и вытянутым горлом, охристого цвета, средней величины (высота — 21 см).

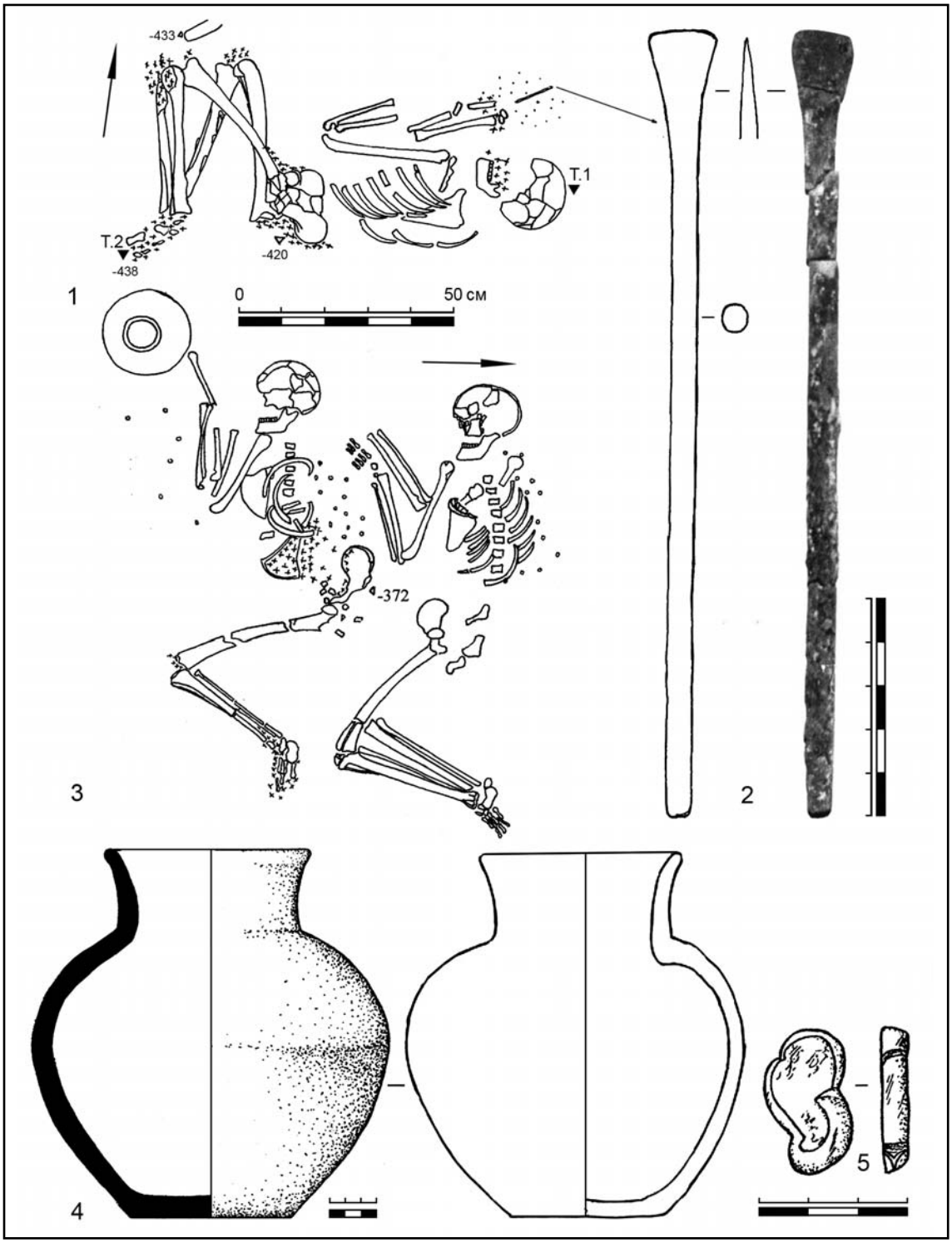

Рис. 2. Могильник Орджоникидзевский, курган 14. 1 — погребение 33; 2 — костяная булавка (п. 33); 3 — погребение 21; 4 — сосуд (п. 21); 5 — альчик (п. 21).

Fig. 2. Ordzhonikidzevskiy necropolis, kurgan 14. 1 — burial 33; 2 — bone pin (b. 33); 3 — burial 21; 4 — vessel (b. 21); 5 — astragal (b. 21).

По типу он относится к керамике долинского варианта майкопско-новосвободненской общности, а именно, к сосудам с шаровидно-грушевидным туловом без ручек, с горлом средней высоты (Кореневский 1993: 67) или группы ШГ-4Б по классификации 2004 года (Кореневский 2004: табл. 3: 24) (рис. 2: 4). В сосуде находился подработанный с боков альчик барана (рис. 2: 5).

Третья насыпь. Погребение 27. Третья насыпь увеличила размеры кургана до 2,8 м в высоту при диаметре 13 м и перекрыла кромлех.

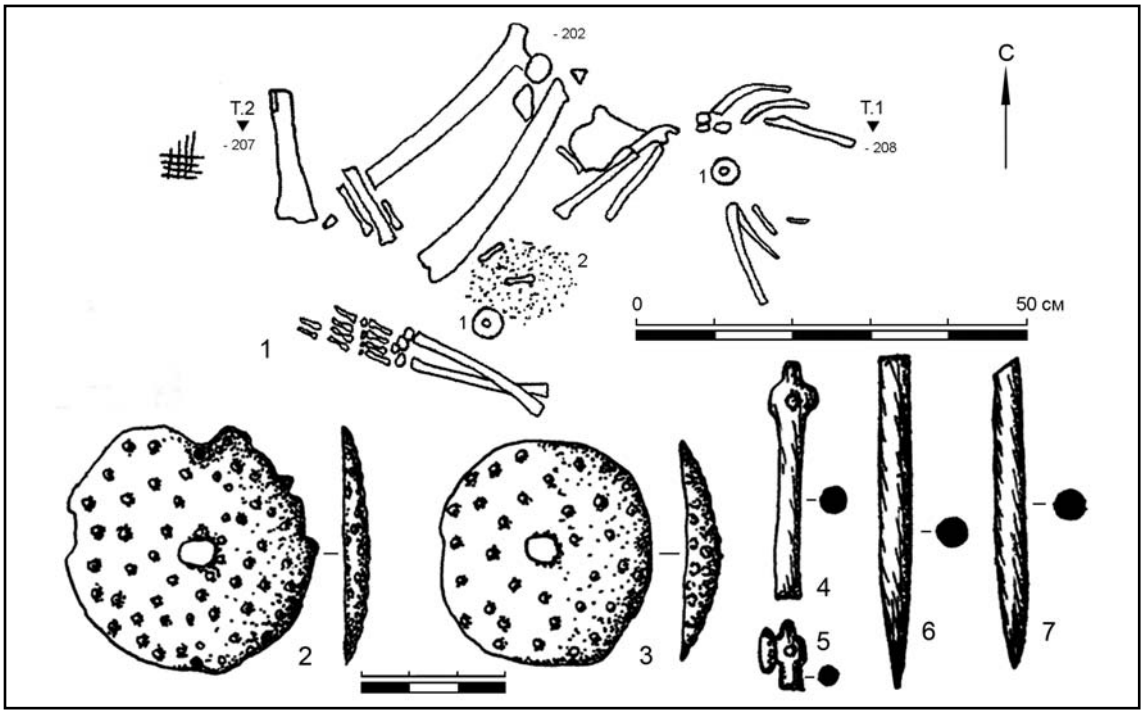

Рис. 3. Могильник Орджоникидзевский, курган 14. 1 — погребение 27; 2, 3 — бронзовые бляхи; 4—7 — части костяных булавок. На чертеже погребения: 1 — бронзовые бляхи; 2 — обломки булавок в пятне охры.

Fig. 3. Ordzhonikidzevskiy necropolis, kurgan 14. 1 — burial 27; 2, 3 — bronze plates; 4—7 — fragments of bone pins. On the burial drawing: 1 — bronze plates; 2 — fragments of bone pins in a dab of ochre.

Основным погребением для третьей насыпи было погребение №27. Оно врезалось в центр насыпи 2. Погребение 27 было сильно разрушено. Яма имела размер примерно 3×2,2 м и была вытянута с запада на восток. По краям и по дну она была обложена крупной галькой. Дно ямы находилось на уровне погребенной почвы. Другой документации о ней не сохранилось.

Далее в кургане располагались погребения эпохи среднего бронзового века. В центр кургана было впущено погребение 26 (рис. 3: 1). Оно тоже было разрушено в древности. Судя по остаткам костяка, покойный лежал скорчено на левом боку, головой на восток. При нем был найден набор вещей, характерный для начала эпохи средней бронзы в Предкавказье: обломки двух молоточковидных булавок из кости и две кованые бронзовые слабовыпуклые бляхи с пунсоном (рис. 3: 2—7).

Могильник Самашкинский (раскопки 1991 г.)

Самашкинский могильник находится в 1,5 км к юго-западу от ст. Ассиновской.

Курган 1 имел высоту от напольной части от 0,29 м до 0,8 м, при диаметре около 27 м (рис. 4). Он содержал три насыпи и три погребения.

Насыпь 1 была возведена над погребением 4. Ее сохранившаяся высота составила около 1 м. По периметру она была обнесена кромлехом из гальки шириной 2 м.

Погребение 4 было совершено с уровня погребенной почвы на глубине 0,92—0,95 м в яме с заплечиками. Яма подпрямоугольной формы ориентирована длинной осью в направлении северо-восток — юго-запад. Размеры ямы составляли по внешнему контуру 4×3 м, по внутреннему контуру камеры 2,4×1,4 м. Дно ямы находилось на глубине 1,9 м. Оно было выложено галькой, так же, как стенки ступеньки ямы. Вокруг ямы была сооружена галечная выкладка размером 7×5,4 м. Покойный лежал в камере на галечной выкладке в скорченном положении на правом боку, головой на юг. Руки были согнуты в локтях. Правая рука сохранилась без кисти, которая должна была находиться у головы. Обращает на себя внимание положение левой руки. От нее сохранились только лучевая и локтевая кости вместе с кистью. *Кисть руки неестественно развернута в запястье, почти под прямым углом по отношению к длинным костям*[2] (рис. 5). Находок нет.

[2] Благодарим за консультацию по анатомии кисти руки док. ист. наук М. Б. Медникову.

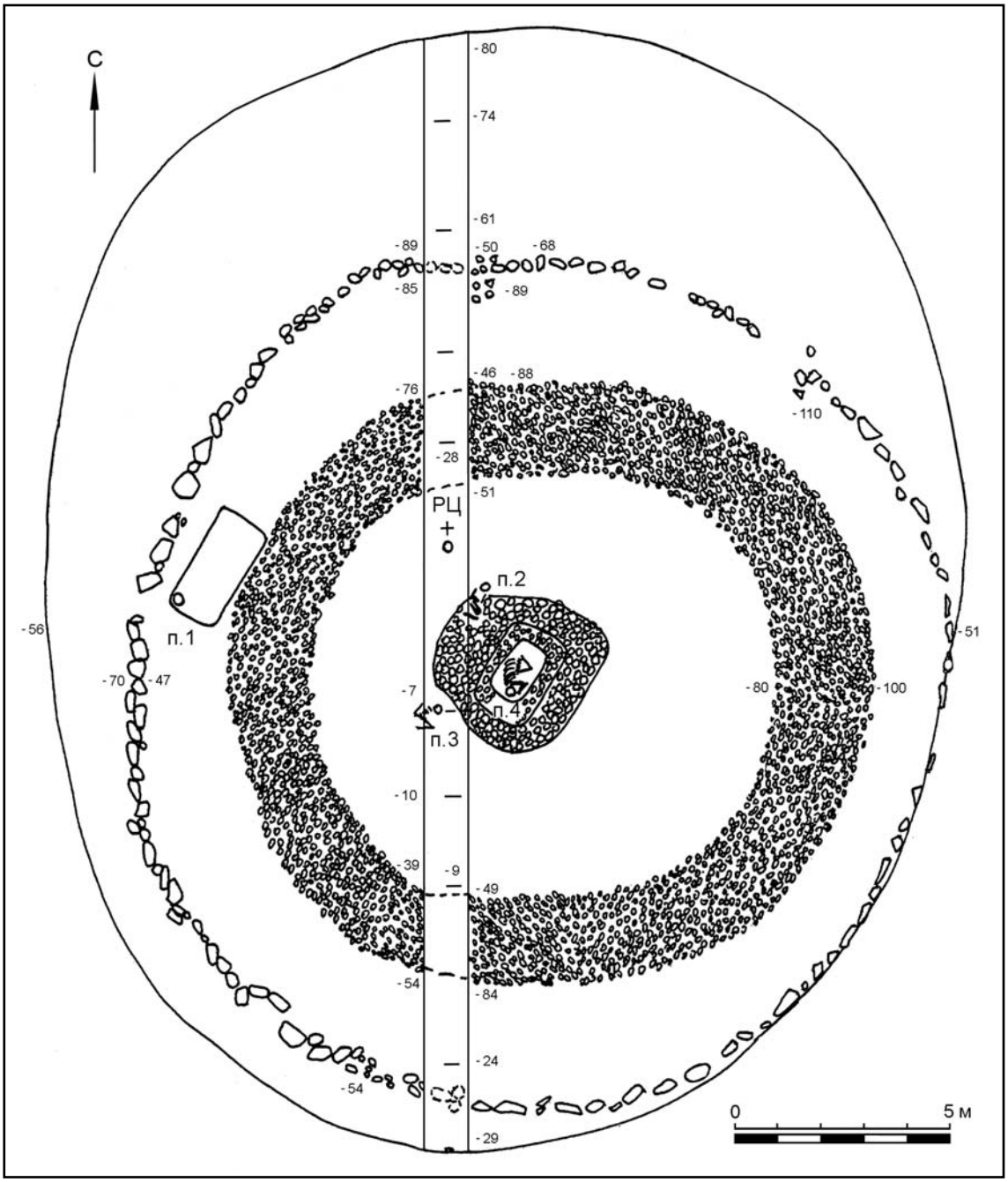

Рис. 4. Могильник Самашкинский, курган 1.

Fig. 4. Samashkinskiy necropolis, kurgan 1.

Курган 2 имел высоту около 2 м от уровня погребенной почвы и диаметр 32 м. Он содержал две насыпи и 37 погребений (рис. 6).

Первая насыпь. Погребение 34, основное для первой насыпи, было сооружено с уровня погребенной почвы, в яме с заплечиками подпрямоугольной формы. Размеры ямы 215×160 см, глубина по дну — 304—307 см от центрального репера. Яма ориентирована по оси запад-восток (рис. 7: 2).

Покойный, взрослый человек, лежал на левом боку в скорченном положении, головой на восток. Сгиб ног в коленных суставах составлял около 30 градусов. Левая рука вытянута вдоль туловища, правая согнута в локте под прямым углом. *Обращает на себя внимание неестественно развернутое под прямым углом положение кисти правой руки, направленной пальцами к ногам.* Под костяком зафиксирован органический тлен.

Вдоль туловища, между костями левой руки и областью груди и живота, лежала каменная зернотерка длиной 28 см и шириной 10 см (рис. 8: 1, 2). На ней находилась правая

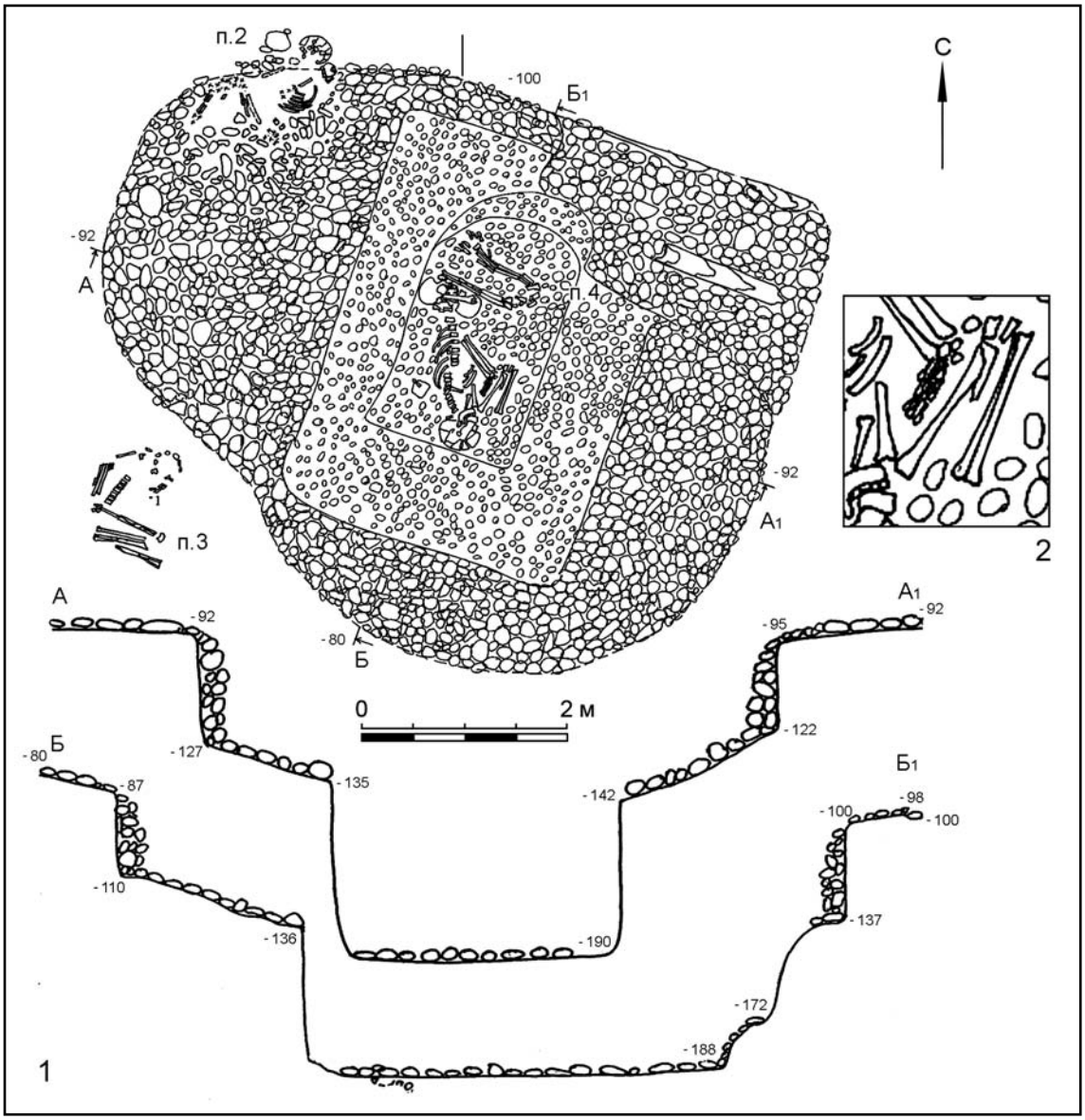

Рис. 5. Могильник Самашкинский, курган 1 погребение 4. 1 — план и профили погребения; 2 — увеличенное изображение кисти левой руки.

Fig. 5. Samashkinskiy necropolis, kurgan 1, burial 4. 1 — plan and profiles of the burial; 2 — magnified drawing of the left hand.

кисть руки покойного в положении плашмя, ладонью вниз (рис. 8: 2, 3). На фотографии (рис. 8: 2) хорошо видно, что лучевая и локтевая кости правой руки лежат на зернотерке под углом, в естественном положении. Сустав руки у кисти находится на зернотерке. Кисть примыкает к лучевой и локтевой костям в положении *in situ*. Видимых нарушений сочленения не наблюдается. Погребение 34 было частично перекрыто погребением 31.

Погребение 31 было совершено в яме подпрямоугольной формы, размерами 165×118 см. Дно находилось на глубине 254 см от РЦ. Яма ориентирована по оси юго-запад — северо-восток. Погребение 31 перекрыло угол ямы погребения 34. Скелет не сохранился. Зафиксирована лишь часть берцовой кости человека. Дно погребения 31 устилал толстый слой желтой материковой глины (рис. 7: 1). Выкладка дна могилы желтой глиной известна в погребальной практике долинского варианта МНО[3] и зафиксирована в погребении 5 кургана 6 III курганной группы могильника у с. Кишпек (Бетрозов, Нагоев 1984: 39).

Над погребением 31 была сооружена первая насыпь высотой около 1 м и диаметром около 15 м.

[3] Здесь и далее аббревиатура МНО обозначает «майкопско-новосвободненская общность».

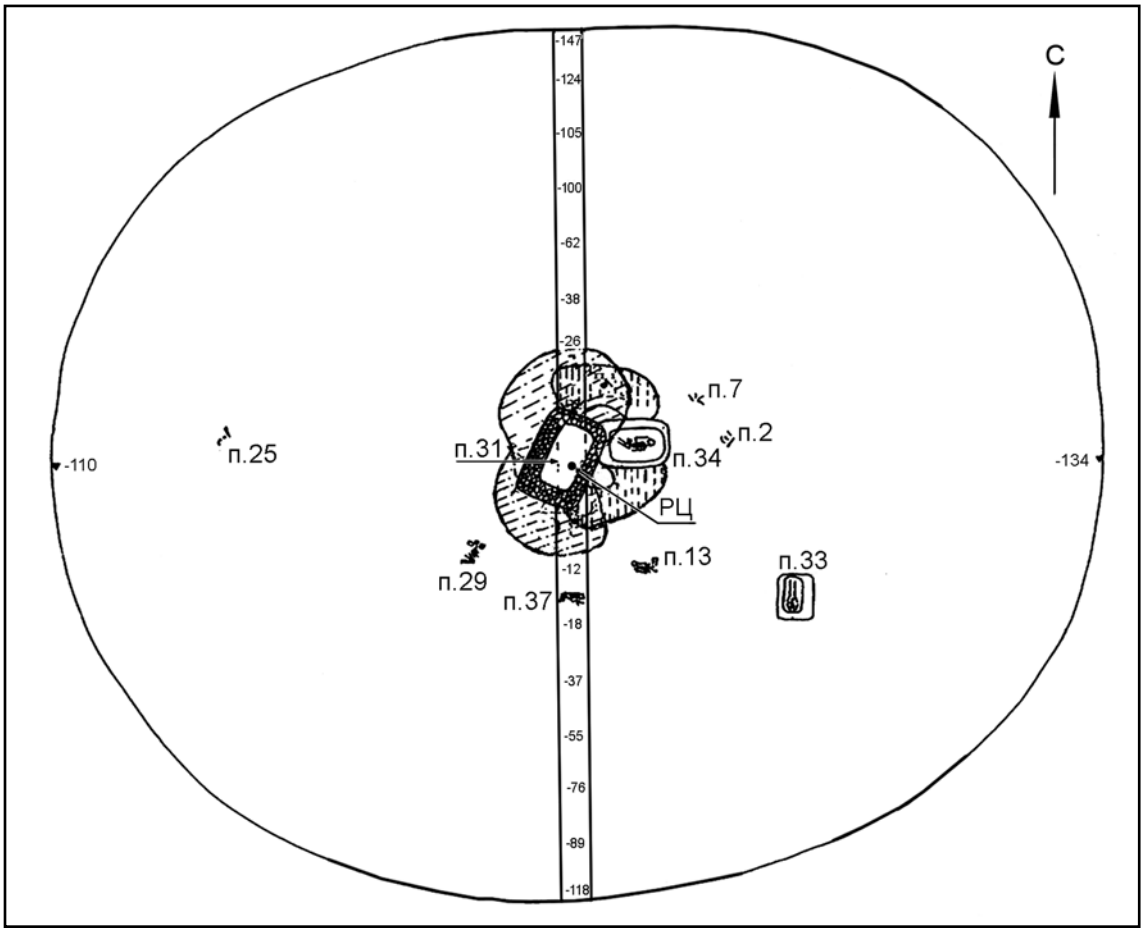

Рис. 6. Могильник Самашкинский, курган 2.

Fig. 6. Samashkinskiy necropolis, kurgan 2.

Курган 3 имел овальную форму и размеры 45×36 м. Высота сохранившейся насыпи составляла 1,4 м от уровня погребенной почвы, размеры — 36×24 м. Меганасыпь состояла из двух насыпей. В кургане было открыто более 40 захоронений разных эпох. В основании кургана 3 находились три погребения: 23, 43, 44 (рис. 9). Они были перекрыты насыпью 1, высотой около 1,3 м от уровня погребенной почвы при диаметре 20 м.

Погребение 23 было открыто на глубине 238—240 см от уровня древнего горизонта. Оно совершено в катакомбе с камерой, по форме напоминающей восьмерку. Входная яма размерами 1,4×0,6 м была зафиксирована начиная с уровня –238 см от РЦ. Переход к камере осуществлялся по наклонному дну с перепадом глубин –298—302 см от РЦ. Далее в камеру вели две ступени. Дно находилось на глубине –362 см от РЦ. Форма камеры овальная, зауженная посередине. Ее длина 163 см, ширина в самом узком месте 70 см (рис. 10: 1).

Скелет взрослого человека находился в скорченном на спине положении, головой на восток. На подобное положение указывают подтянутые к тазу и согнутые в коленных суставах кости ног, поставленные стопами плашмя на землю. Кости рук были вытянуты вдоль туловища, кисти располагались по обеим сторонам от таза. Под костями скелета найден органический тлен, у черепа зафиксировано пятно охры и фрагмент лепной керамики.

Погребение 43 было обнаружено в материковом слое, на уровне –236 см от РЦ. Форма ямы подпрямоугольная, с заоваленными углами. Яма ориентирована длинной осью по линии юго-восток — северо-запад. Глубина дна –309 см. Костяк взрослого человека лежал на дне на глубине –287—309 см, головой на юго-восток. Он сохранился не полностью. Погребенный был размещен в скорченном на левом боку положении, с небольшим разворотом на спину. Череп лежал на левой височной доле и был направлен на юго-восток, нижняя челюсть была слегка смещена вниз, к головке плечевой кости левой руки. Кости левой руки лежали вдоль тела, прямо. Правая рука была подогнута в локтевом суставе. *Кисть резко согнута в суставе, лежала в положении*

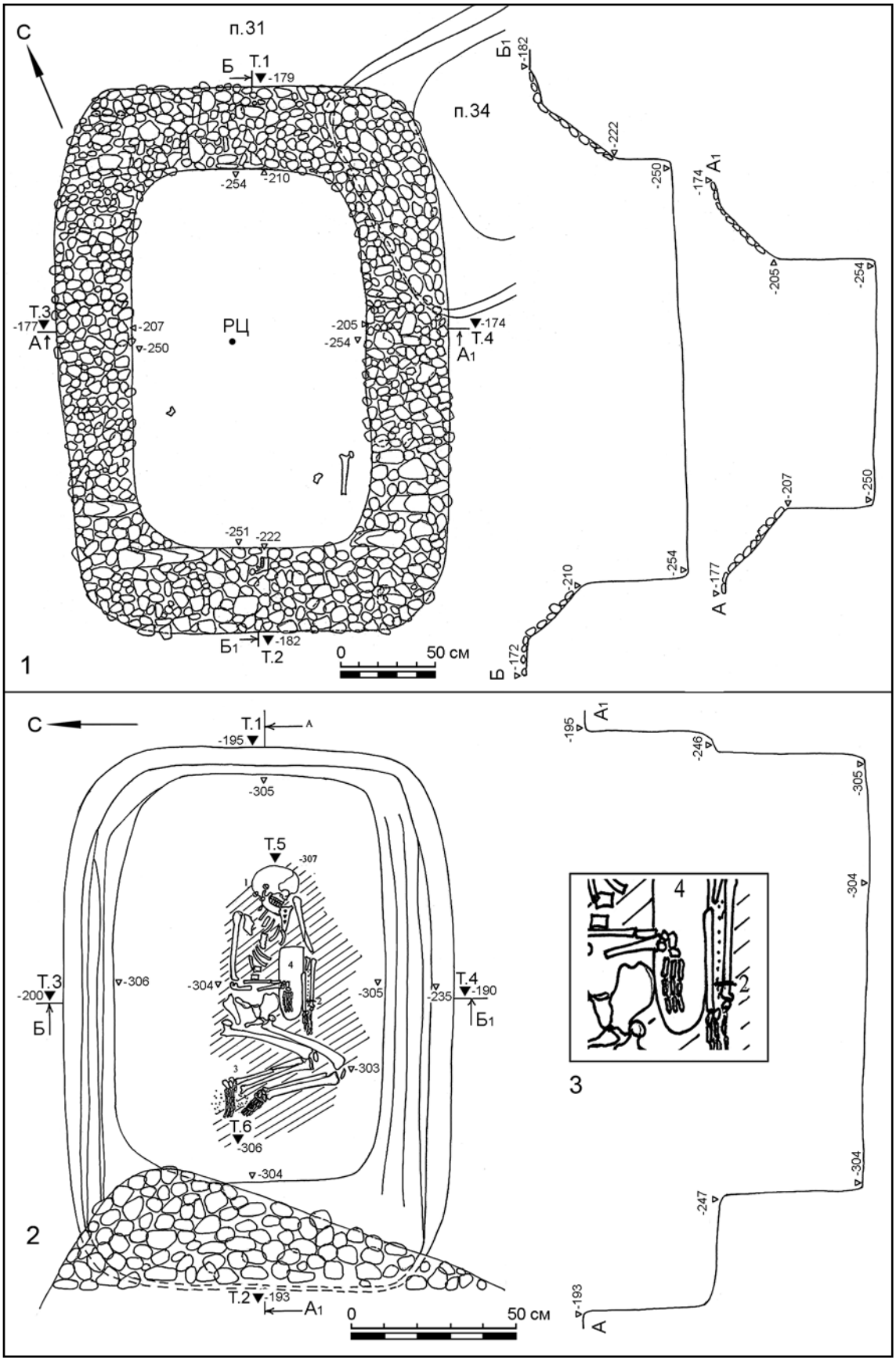

Рис. 7. Могильник Самашкинский, курган 2. 1 — погребение 31; 2 — погребение 34; 3 — увеличенное изображение кистей рук из погр. 34.

Fig. 7. Samashkinskiy necropolis, kurgan 2. 1 — burial 31; 2 — burial 34; 3 — magnified drawing of hands from burial 34.

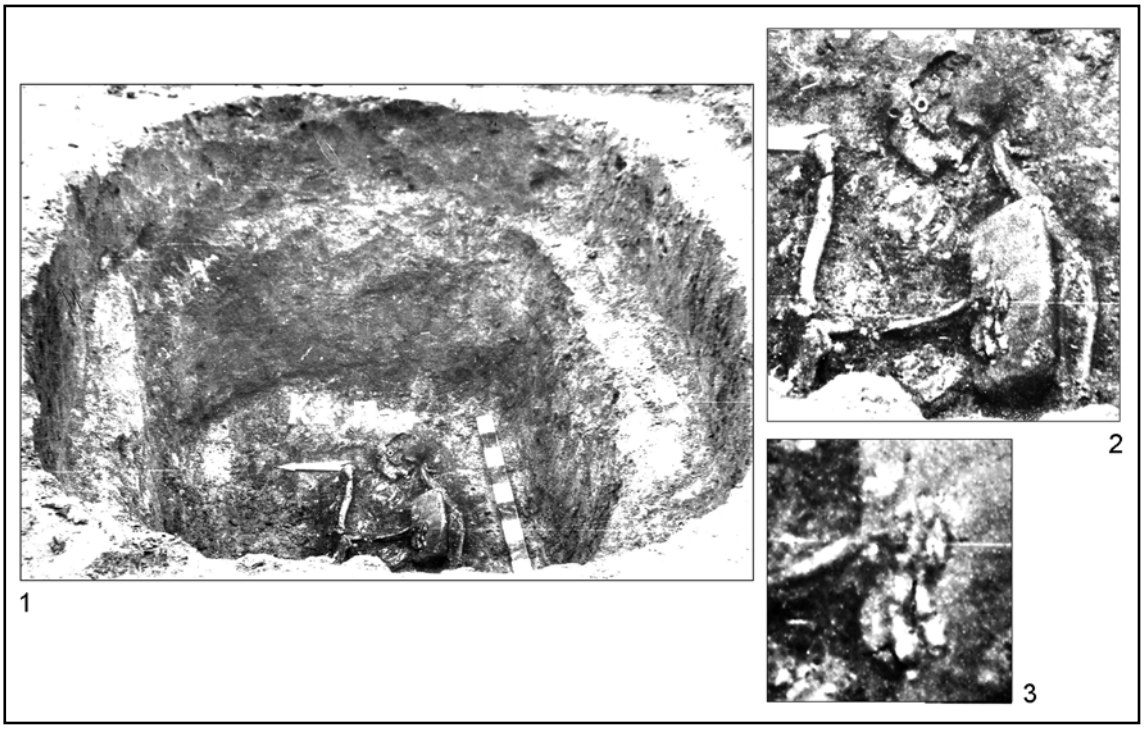

Рис. 8. Могильник Самашкинский, курган 2, погребение 34. 1 — общий вид погребения; 2 — кисть правой руки лежит плашмя на зернотерке; 3 — кисть правой руки (фото С.Б. Буркова, 1991 г.).

Fig. 8. Samashkinskiy necropolis, kurgan 2, grave 34. 1 — general view of the burial; 2 — the wrist of the right hand lays flat on a millstone; 3 — the wrist of the right hand (photos by S.B. Burkov, 1991).

ладонью плашмя (рис. 11: 1, 2). Ноги были согнуты под углом около 30°. В районе черепа, верхней части грудной клетки, вдоль плечевой кости левой и возле верхней части плечевой кости правой руки, а также в районе пяточных костей правой ноги отмечалась обильная посыпка охры красного цвета.

На крупном плотном комке охры неправильно-подпрямоугольной формы (№4), расположенном возле верхней части левой плечевой кости, размещалось кремневое орудие (№5) и кремневый нож (№1). Напротив локтевого сгиба левой руки лежали медное тесло (№2) и крупный кусок минерала желтоватого цвета подпрямоугольной в плане формы. В районе черепа и за черепом были зафиксированы угольки. Ниже приводится описание находок.

№1. Кремневый нож. Изготовлен на слегка изогнутой пластине из качественного кремня бежево-коричневого цвета. Края подработаны в технике отжимной ретуши, основание выделено, слегка подработано. Размеры: 15,2×1,9 см, ширина проксимального конца 1,3 см (рис. 10: 3).

№2. Медное тесло. Лезвийная часть выделена, подтрапециевидной формы, края неровные, лезвие сработано, слегка деформировано, в сечении — уплощенно-подпрямоугольной формы. Размеры: общая длина 5 см, ширина лезвия 2,2 см, ширина в средней части 1,4 см, толщина в нижней части 0,4 см, в средней — 0,25 см (рис. 10: 5).

№3. Фрагмент минерала, 3,5×2×2,3 см.

№4. Кусок охры, 19×9×3,8 см.

№5. Кремневое орудие (фрагмент реберчатого скола, подтреугольного в сечении). Качество и цвет — как у находки №1. Форма изделия неправильно-подпрямоугольная, изогнутая в средней части, один край подработан в технике мелкой отжимной ретуши, другой — более крупными сколами. Размеры: 5,3×2,3×1,1 см (рис. 10: 4).

Погребение 44 открыто на уровне древнего горизонта (рис. 12: 1; 13). Дно погребения находилось на глубине –212—205 см. Контуры могильной ямы не прослежены. Скелет взрослого человека лежал на левом боку, скорченно, головой на восток-юго-восток. Кости ног согнуты в коленных суставах под углом около 30°, левая рука вытянута, правая рука согнута в локте под углом 50—55°. *Кисть правой руки неестественно развернута (вывернута) под прямым углом к локтевой и плечевой костям.* Хорошо сохранились четыре длинных пальца и отстоящая от них фаланга большого пальца. Фаланги отражают положение кисти ладонью вверх, что совершенно не соответ-

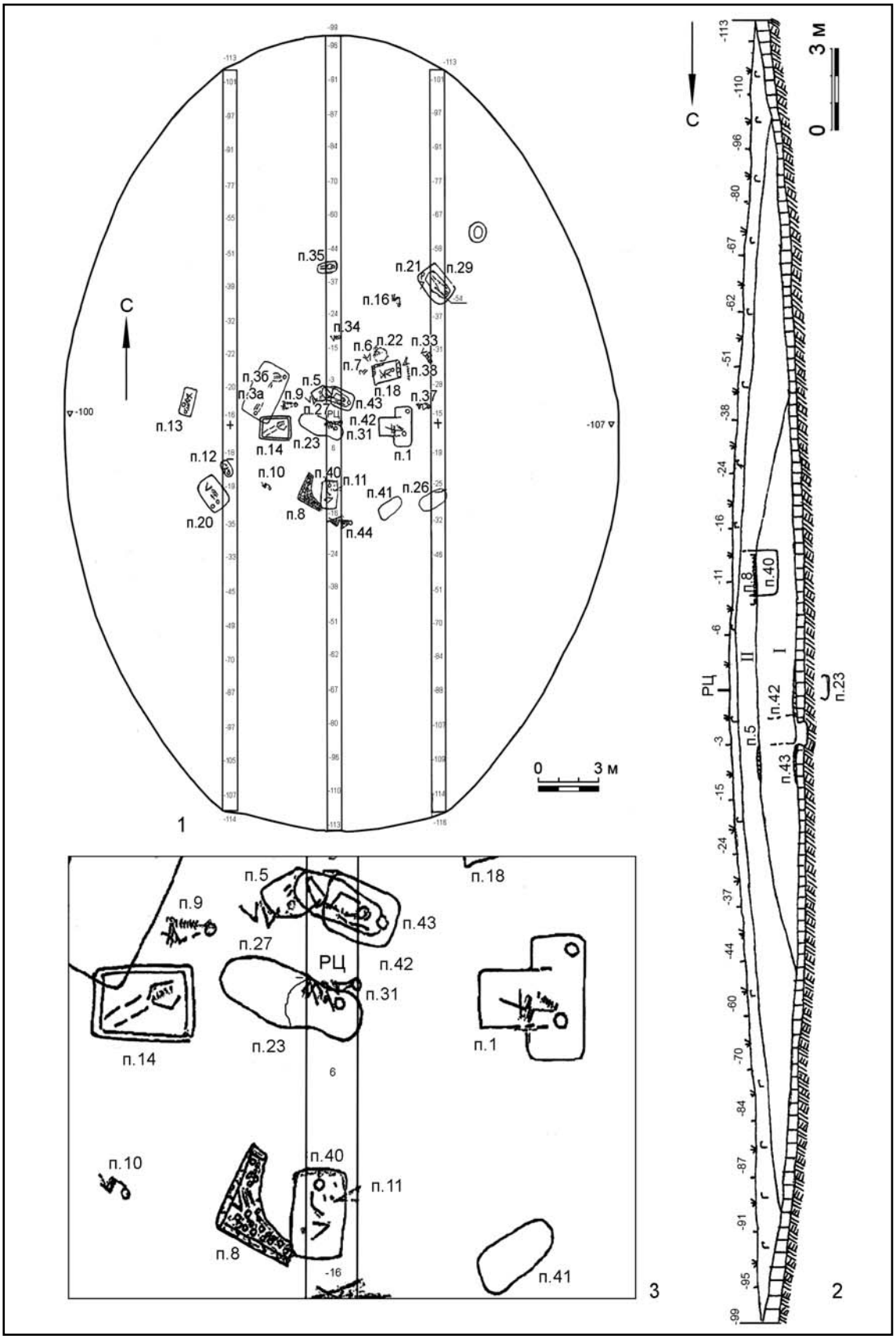

Рис. 9. Могильник Самашкинский, курган 3. 1 — план кургана; 2 — западный профиль кургана; 3 — фрагмент центрального участка плана кургана.

Fig. 9. Samashkinskiy necropolis, kurgan 3. 1 — the barrow plan; 2 — the western profile of the barrow; 3 — fragment of the central part of the plan of the barrow.

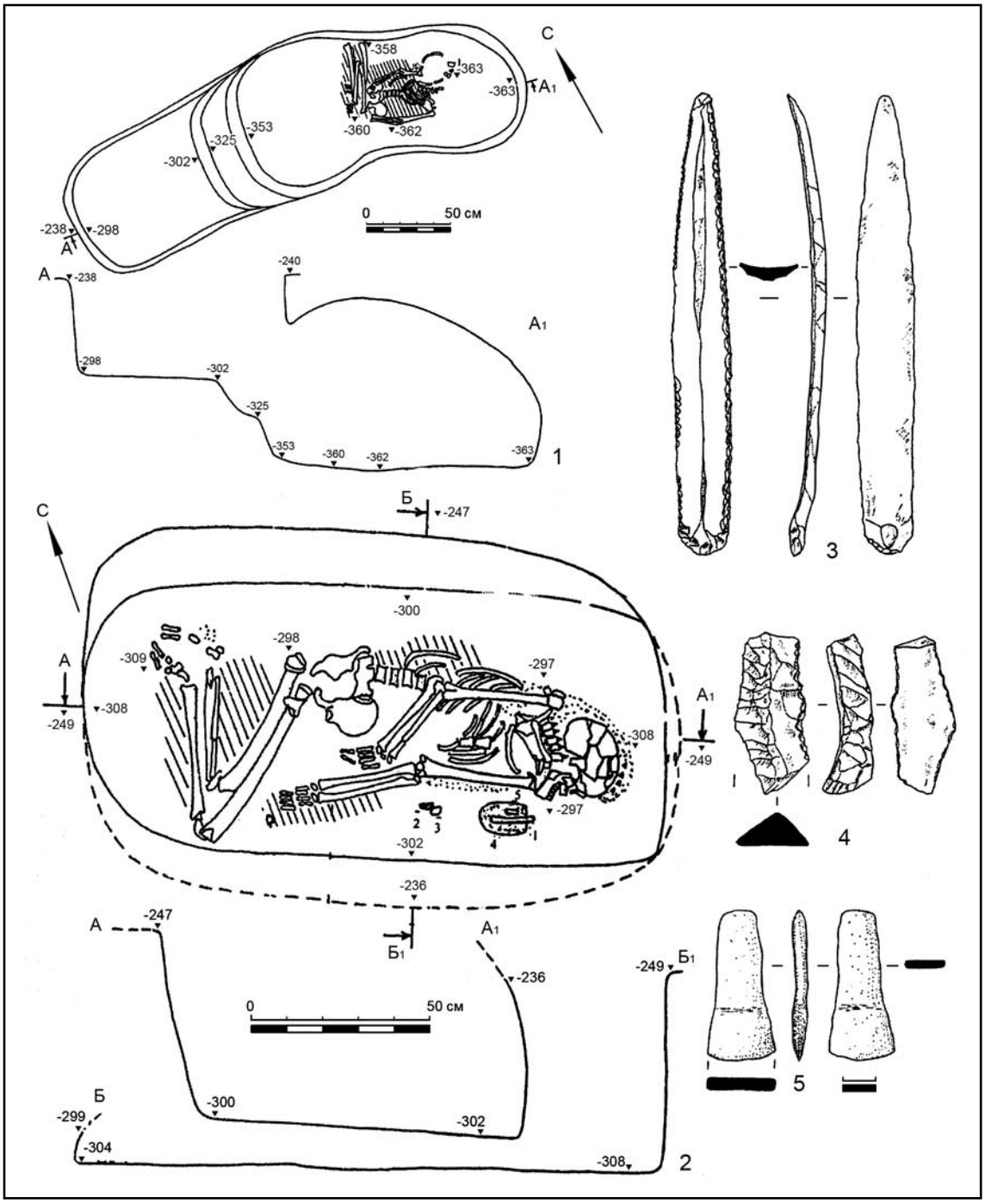

Рис. 10. Могильник Самашкинский, курган 3. 1 — погребение 23; 2 — погребение 43; 3—5 — инвентарь погребения 43: 3 — кремневая пластина; 4 — кремневое орудие; 5 — медное тесло.

Fig. 10. Samashkinskiy necropolis, kurgan 3. 1 — burial 23; 2 — burial 43; 3—5 — inventory of the burial 43: 3 — silex blade; 4 — silex tool; 5 — copper adze.

ствует обычной анатомии сустава (рис. 13: 2). Кисть левой руки согнута в кулак (рис. 13: 3). Такое положение кисти не характерно для покойного человека, если только здесь не имела место патология или предсмертный жест.

За спиной покойного расчищены два камня. Они имеют вытянутую пирамидальную форму и похожи на песты.

Насыпь 2. Погребение 8 — основное для насыпи 2. Оно было сооружено на вершине насыпи 1. Большая его часть была разрушена впускной могилой №40. Погребение 8 имело прямоугольную форму и было обложено деревянными плахами. Сохранившаяся ширина захоронения 1,5 м, неполная длина 1,5 м. Дно выстлано галькой на глубине –1,01 м.

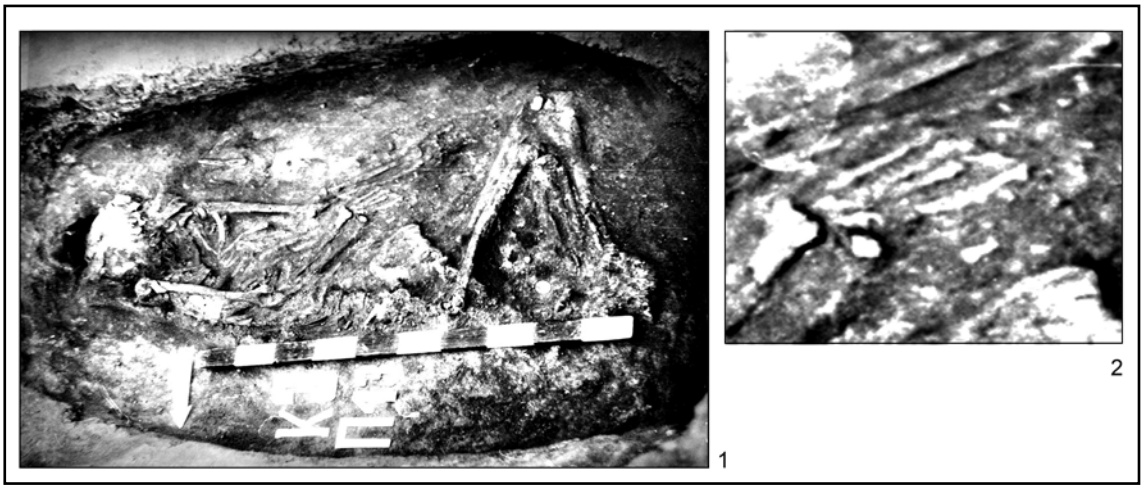

Рис. 11. Могильник Самашкинский, курган 3, погребение 43. 1 — общий вид погребения; 2 — кисть правой руки (фото С.Б. Буркова, 1991 г.).

Fig. 11. Samashkinskiy necropolis, kurgan 3, burial 43. 1 — general view of the burial; 2 — the wrist of the right hand (photos by S.B. Burkov, 1991).

Погребение ориентировано длинной осью по линии запад-северо-запад — восток-юго-восток (рис. 12: 2). У западной стенки находились невыразительные остатки скелета, лежащего в скорченном положении на правом боку. Руки были согнуты в локтях, кистями у лица. При нем найден согнутый в петлю шестигранный медный стержень с подостренными концами. Размеры петли 6 см. Форма согнутого стержня напоминает носовое бычье кольцо долинского варианта МНО, но отличается от него сечением. Все носовые бычьи кольца круглые, здесь сечение граненое (рис. 12: 3).

Погребение 42 непосредственно перекрыло захоронение 43. Оно было впущено в насыпь 2 и совершено в яме размером 130×90 см, ориентированной по линии запад-северо-запад — восток-юго-восток. Могильная яма прослеживалась с глубины –178 см, глубина дна –242 см. Скелет был расположен в скорченном положении на левом боку, головой на восток-юго-восток. Левая рука вытянута вдоль туловища, правая рука согнута в локте почти под прямым углом**.** *Кисть правой руки развернута под прямым углом к лучевой и локтевой костям. Пальцы кисти вытянуты, сохранились плохо. Кисть левой руки сохранилась фрагментарно и лежала, по-видимому, в положении ладонью верх. Зафиксирован сгиб (скрюченность) окончаний пальцев* (рис. 16: 1, 2). Под покойником находился органический тлен.

В погребении были найдены украшения, характерные для эпохи среднего бронзового века: височные подвески округлой формы в 1,5 оборота с приплюснутыми и заостренными концами, медальоны, привески, бронзовые и пастовые бусы в составе ожерелья (рис. 15).

Подведем итоги. Наиболее раннюю группу, судя по аналогиям находкам и деталям погребального обряда, составляют захоронения 23 и 43 кургана 3 Самашкинского могильника. Они оба совершены с уровня погребенной почвы. Погребение 23 является небольшой катакомбой. Скелет в ней лежал в слое охры в скорченном положении на спине, головой на восток, ногами в сторону входа. Аналогичный обряд погребения в катакомбе с таким редким сочетанием признаков наблюдался в могильнике Мухин 2, в кургане 5, погребение 9. Оно принадлежало женщине, уложенной на спину скорчено, ногами к входу (Беспалый, Беспалый 2002; Котова 2006: 243, рис. 70: 3). Поэтому погребение 23 можно отнести к комплексам предкавказского энеолита, по своим истокам восходящего к предмайкопскому периоду.

Другое погребение в этом кургане, №43, скорее всего, было совершено в подбойной могиле. Скелет лежал в положении скорчено на левом боку, левая рука вытянута, правая согнута в локте. Кисть её неестественно расположена под прямым углом к лучевой и локтевой костям. Область черепа была усыпана охрой. Инвентарь содержал длинную ножевидную пластину, характерную для погребений эпохи энеолита, комплексов новоданиловского типа и древнейших подкурганных захоронений второй половины V тыс. до н. э.

Дополнительно к ножевидной пластине было положено маленькое медное тесло длиной 5 см. По своим узким пропорциям оно оригинально и не очень похоже на тес-

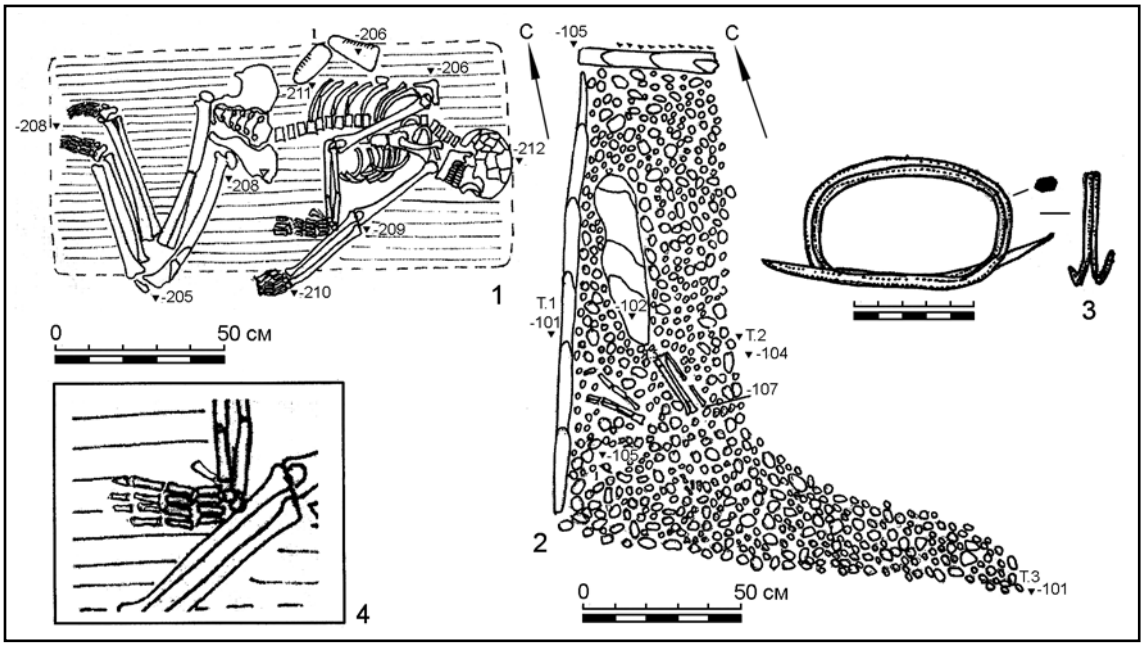

Рис. 12. Могильник Самашкинский, курган 3. 1 — погребение 44; 2 — погребение 8, каменная кладка; 3 — бронзовое кольцо из погр. 8; 4 — увеличенное изображение кисти правой руки из погр. 44.

Fig. 12. Samashkinskiy necropolis, kurgan 3. 1 — burial 44; 2 — stone setting of the burial no. 8; 3 — bronze ring from b. 8; 4 — magnified photo of the right hand from burial 44.

ла майкопско-новосвободненской общности (Кореневский 2011: 266—267). Весь инвентарь был расположен перед покойным. Ножевидная пластина лежала на комке охры перед плечом. Тесло и кремневое орудие (фрагмент реберчатого скола, подтреугольного в сечении) находились напротив локтя (рис. 10: 2).

Скорченное на боку положение, особое положение рук (одна вытянута, другая согнута), расположение инвентаря перед грудью совершенно не имеют параллелей в круге памятников предкавказского и восточно-европейского энеолита времени Триполья BI—BI/BII, для которых типично скорченное на спине положение.

Все эти признаки более характерны для обрядности долинского варианта МНО. Но для памятников МНО мы не имеем примеров положения в могилу длинных кремневых пластин и тесел столь малых размеров и удлиненных пропорций.

По этим причинам датировку и культурную принадлежность рассматриваемого комплекса весьма сложно определить в рамках эпох энеолита и раннего бронзового века Предкавказья. Условно отнесем его пока к эпохе энеолита, с надеждой, что хронология этого комплекса уточниться в будущем.

Какое из двух погребений было совершено раньше, 23 или 43, сказать невозможно, так же, как и ответить на вопрос, над каким из них была совершена первая насыпь.

Ранний период бронзового века представлен погребениями 33 и 21 кургана 14 могильника Орджоникидзевский, погребением 4 кургана 1, погребениями 34 и 31 кургана 2, погребениями 44 и 8 кургана 3 Самашкинского могильника.

Поза покойного из погребения 33 кургана 14 могильника Орджоникидзевский типична для обрядов раннего бронзового века: скорченно на боку, руки согнуты в локтях, кисти у лица. Интересен костяной предмет в виде стержня с головкой в форме лопаточки. Аналогии ему многочисленны среди так называемых костяных булавок лейлатепинской культуры, которые встречаются в слоях ее поселений, например, Беюк Кесик (Мусеибли 2007: 176, рис. 17: 2). Подобные булавки могут иметь отверстие в головке или не иметь его. В среде МНО такая костяная «булавка» с головкой в виде лопаточки была найдена в погребении 1 кургана 1 могильника Кудахурт (Кореневский и др. 2008: 147, рис. 8: 9) и в кургане 13 Усть-Джегутинского могильника. Р.М. Мунчаев отметил аналогию этой последней булавочке в слое поселения Арслантепе (Мунчаев 1994: 198; Frangipane, Palmieri 1983: fig. 63: 1). Такие булавки в Арслантепе не единичны, но и нечасты (Frangipane 1993: fig. 7: 3), и происходят из слоя Арслантепе VIA.

Дата погребения 1 кургана 1 могильника Кудахурт располагается в диапазоне

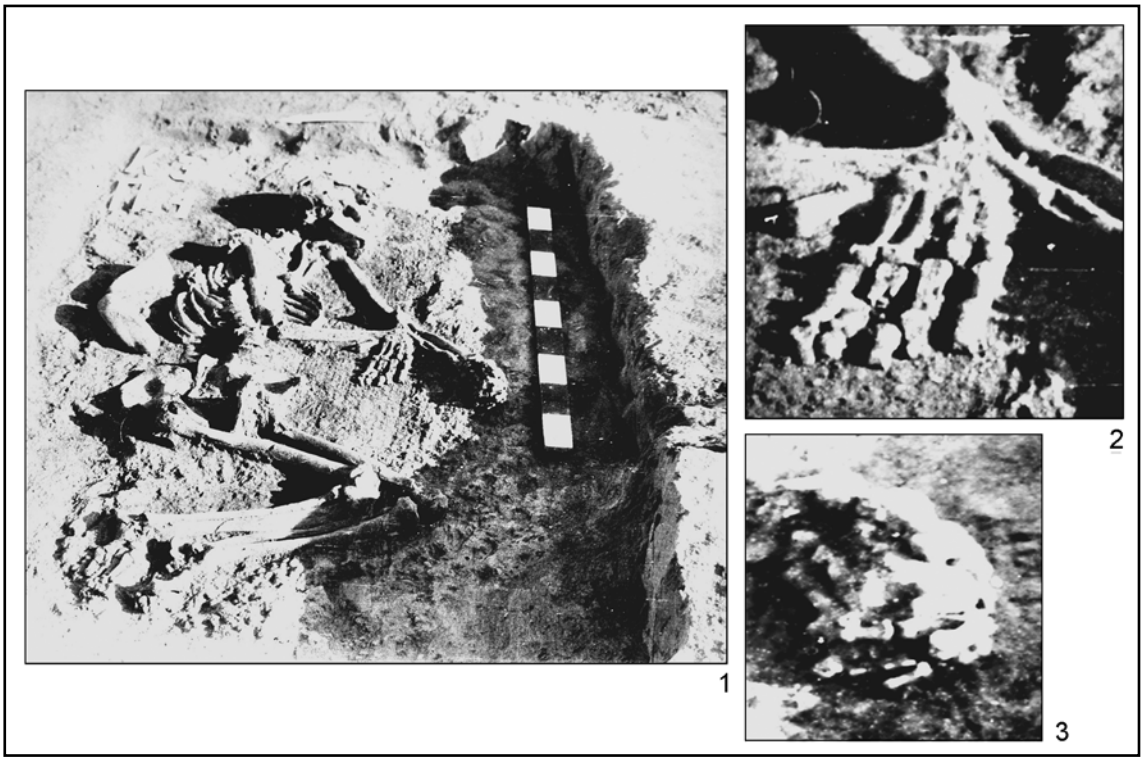

Рис. 13. Могильник Самашкинский, курган 3, погребение 44. 1 — общий вид погребения; 2, 3 — кистей рук (фото С.Б. Буркова, 1991 г.).

Fig. 13. Samashkinskiy necropolis, kurgan 3, burial 44. 1 — general view of the burial; 2, 3 — wrists of hands (photos by S.B. Burkov, 1991).

4920±70 BP или 3773—3644 BC (Кореневский 2008: 85). То есть, такой тип булавок в Предкавказье безусловно связан с ранним майкопским периодом, памятниками галюгаевско-серегинского или раннего псекупского вариантов. Не противоречат этому и даты с поселения Беюк Кесик, которые относят данный памятник к XLII—XXXVIII вв. до н.э. (Мусеибли 2007: 150). Культурная принадлежность погребения 33 может быть связана с раннемайкопским этапом МНО; отсутствие керамики затрудняет более точное определение. В этом захоронении имеются черты как майкопской культуры, так и лейлатепинской (судя по булавке).

Погребение 33 было перекрыто погребением 21 с сосудом долинского варианта МНО. Здесь еще раз подтверждается хронологическая последовательность периодов МНО и ее этапов. Памятники долинского варианта на Тереке явно моложе памятников галюгаевского варианта.

К погребениям МНО можно отнести безинвентарный комплекс погребения 4 кургана 1 могильника Самашкинский. В пользу такой интерпретации свидетельствует типично майкопское оформление могилы галькой как на дне, так и по периферии захоронения.

Основное погребение 24 кургана 2 могильника Самашкинский не содержало керамики. Но находка редкого предмета для погребальной практики бронзового века Предкавказья — зернотерки, позволяет сблизить его с майкопским погребением 8 кургана 1 могильника Ассиновский (Кореневский 1993: 158, рис. 56: 1). В этом погребении найдены два типичных сосуда долинского варианта МНО (Кореневский, 1993: рис. 40: 4; рис. 43: 1), что указывает на его относительно «позднемайкопский» возраст. Перекрывшая погребение 24 могила 31, несмотря на разграбленность, содержит также признаки обрядов долинского варианта МНО в виде обмазки дна желтой глиной, как уже упоминалось выше.

В кургане 3 могильника Самашкинский группу из двух ранних погребений под насыпью 1 перекрыли могила 44 со скорченным на левом боку костяком и могила 8 на галечной выкладке с бронзовым кольцом для управления быком. Это позволяет связывать два этих комплекса с долинским вариантом МНО на Тереке. Аналогичные кольца найдены в погребении 18 могильника Марьинский-5, которое датируется XXXIV в. до н.э. (3350 г. до н.э., дендродата) (Канторович, Маслов 2009: 115).

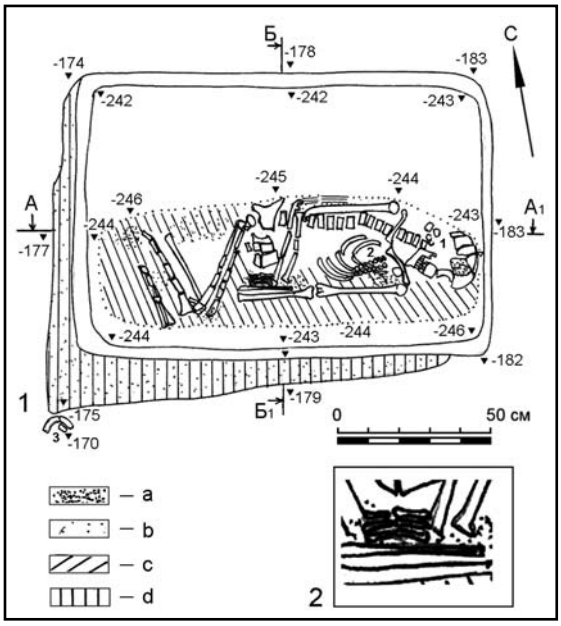

Рис. 14. Могильник Самашкинский, курган 3, погребение 42. 1 — план; 2 — увеличенное изображение кисти правой руки. Условные обозначения: a — охра; b — мел; c — тлен; d — следы перекрытия. Цифрами на плане обозначены: 1 — височные подвески; 2 — ожерелье; 3 — остатки черепа.

Fig. 14. Samashkinskiy necropolis, kurgan 3, burial 42. 1 — plan of the burial; 2 — magnified drawing of the right hand. Legend: a — ochre; b — chalk; c — dust; d — traces of the covering. The numbers on the plan mark: 1 — temple pendants; 2 — necklace; 3 — remnants of the skull.

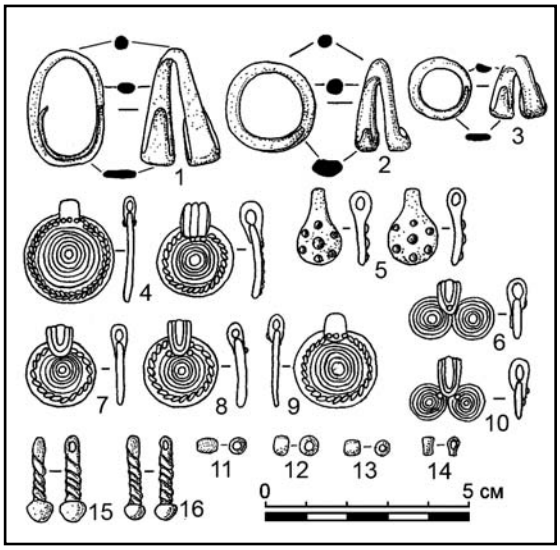

Рис. 15. Могильник Самашкинский, курган 3, погребение 42. Вещи из захоронения.

Fig. 15. Samashkinskiy necropolis, kurgan 3, burial 42. Finds from the burial.

Рассматриваемые захоронения раннего бронзового века дважды перекрывались погребениями более позднего времени — эпохи средней бронзы. В одном случае это было погребение 27 кургана 14 могильника Орджоникидзевский со скорченным на боку костяком, молоточковидными булавками и слабо выпуклыми бляхами. В другом случае им оказалось погребение 42 кургана 3 могильника Самашкинский со скелетом, уложенным скорчено на левый бок, и сопровождавшим его набором украшений, характерным для среднего периода бронзового века. По инвентарю оба эти захоронения, казалось бы, тяготеют к северокавказской культуре (Марковин 1960), но на самом деле вопрос об их культурной атрибуции выглядит несколько сложнее (Кореневский 2006: 9—11). В современном понимании проблемы эпохи средней бронзы в Предкавказье (Кореневский 2006: 7—13), погребальный обряд северокавказской культуры связан с вытянутым на спине, а не скорченным на боку положением.

Скорее всего, здесь мы имеем дело с каким-то местным вариантом среднебронзовых северокавказских племен на территории бассейна Сунжи, которые использовали в своих ритуалах молоточковидные булавки и кованые бляхи с пуансоном. По этим особенностям они отличаются от погребений в скорченном на боку положении с Т- и У-образными булавками, зафиксированных на территории Северной Осетии и Кабардино-Балкарии (Кореневский 2006: 10). Однако тема погребений среднего бронзового века — это не главный сюжет нашей публикации.

Публикуемые погребальные комплексы интересны еще одной особенностью. В пяти погребениях Самашкинского могильника отмечено аномальное расположение руки с кистью, согнутой перпендикулярно к лучевой и локтевой костям. Таковы погребение 43 кургана 3 с чертами местного энеолита и ранней бронзы, погребение 4 кургана 1, погребение 34 кургана 2, погребение 44 эпохи раннего бронзового века, а также погребение 42 кургана 3 эпохи среднего бронзового века.

В одном случае (погребение 4 кургана 1) деформированная кисть принадлежала левой руке, в остальных — правой.

Все случаи с таким положением кисти руки исключительно узко локализованы. Они, как отмечалось выше, зафиксированы в трех курганах одного и того же Самашкинского могильника, причем в кургане 3 они отмечены трижды для разных эпох, что свидетельствует о длительном использовании кургана в качестве родового некрополя, несмотря на смену археологических эпох и культур.

Пока нам трудно однозначно сказать, с чем связано такое аномальное положение

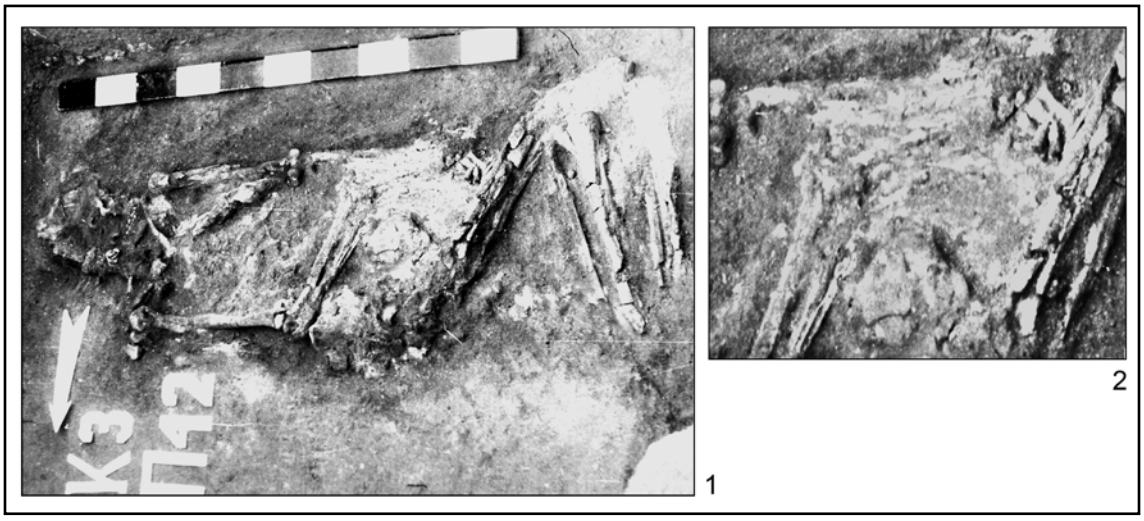

Рис. 16. Могильник Самашкинский, курган 3, погребение 42. 1 — общий вид погребения; 2 — кисти рук (фото С.Б. Буркова, 1991 г.).

Fig. 16. Samashkinskiy necropolis, kurgan 3, burial 42. 1 — plan of the burial; 2 — wrists of hands (photos by S.B. Burkov, 1991).

кисти. Отражают ли эти случаи редкую патологию сустава или суставов рук, которая дополняется расположением вывернутой кисти под необычным углом или в неестественном виде? Не ясны и причины фиксации левой руки со сгибом или скрюченностью пальцев в комплексах погребений 42 и 44 кургана 3. Может быть, здесь сыграла роль некая обрядовая традиция, хотя на огромном количестве наблюдений за положением рук покойных разных эпох от энеолита до средневековья подтверждающих ее аналогов не обнаружено. Поэтому мы оставляем вопрос о причинах столь редкого явления открытым. Оно уникально, так как нигде более для эпохи бронзового века не наблюдалось.

Вместе с тем, отмеченная, казалось бы, мелкая деталь в погребальной практике местного населения позволяет затронуть очень важную проблему преемственности в местных курганных могильниках. Она нашла свое отражение в стандарте позы погребенного (слабо скорченное на боку, одна рука вытянута, другая согнута в локте). Соблюдение такого канона прослеживается через века, несмотря на заметное изменение материальной культуры от эпохи пережиточного энеолита, через эпоху ранней бронзы к эпохе среднего бронзового века. Узкая локализация обряда с нестандартным положением рук позволяет говорить о сугубо местных обычаях населения Терского бассейна и, более конкретно, долины р. Сунжи.

Литература

Беспалый Е.Н., Беспалый Г.Е. 2002. Курганный могильник Мухин. В: Власкин М.В. (ред.). *Аксайские древности*. Ростов-на-Дону: АНИБ, 19—110.

Бетрозов Р.Ж., Нагоев А.Х. 1984. Курганы эпохи бронзы у селений Чегем 1, Чегем 11 и Кишпек (1-я и 3-я группы). В: Марковин В.И. (ред.). *Археологические исследования на новостройках Кабардино-Балкарии в 1972—1979 гг*. Нальчик: Эльбрус, 7—87.

Канторович А.Р., Маслов В.Е. 2009. Раскопки погребения майкопского вождя в кургане близ станицы Марьинской (предварительная публикация). В: Белинский А.Б. (ред.). *Материалы по изучению историко-культурного наследия Северного Кавказа* IX. Ставрополь: Наследие, 83—116.

Кореневский С.Н. 1993. *Древнейшее оседлое население на среднем Тереке*. Москва: Знание.

Кореневский С.Н. 2004. *Древнейшие земледельцы и скотоводы Предкавказья (майкопско-новосвободненская общность, проблемы внутренней типологии)*. Москва: Наука.

Кореневский С.Н. 2006. К проблеме исследования памятников бронзового века. В: Воронин К.В., Малашев В.Ю. *Погребальные памятники эпохи бронзы и раннего железного века равнинной зоны Республики Ингушетия*. Москва: ИА РАН, 7—12.

Кореневский С.Н. 2008. Современные проблемы изучения майкопской культуры. В: Мерперт Н.Я., Кореневский С.Н. (ред.). *Археология Кавказа и Ближнего Востока*. Москва: Таус, 71—122.

Кореневский С.Н. 2011. *Древнейший металл Предкавказья. Типология. Историко-культурный контекст*. Москва: Таус.

Кореневский С.Н., Атабиев Б.Х., Аккизов А.Я., Хашироков А.Х. 2008. Майкопские погребения кургана 1 на р. Кудахурт в Балкарии. В: Маммаев М.М. (ред.). *Древности Кавказа и Ближнего*

Востока. Москва: Эпоха, 123—155.

Котова Н.С. 2006. *Ранний энеолит степного Поднепровья и Приазовья*. Луганск: ВНУ.

Марковин В.И. 1960. *Культура племен Северного Кавказа в эпоху бронзы (II тыс. до н.э.)***.** МИА 63.

Мунчаев Р.М. 1994. Майкопская культура. В: Кушнарева К.Х., Марковин В.И. (отв. ред.). *Эпоха бронзы Кавказа и Средней Азии. Ранняя и средняя бронза Кавказа*. Археология СССР. Москва: Наука, 158—225.

Мусеибли Н.А. 2007. *Энеолитическое поселение Беюк Кесик*. Баку: Nafta-Press.

Frangipane M., Palmieri A. 1983. A Protourban centre of the Late Uruk period. The Pottery of Period Via. Metal Objects. Small Finds. *Origini* XII (2a), 287—454.

Frangipane M. 1993. Local components in the development of centralized societies in Syro-Anatolian regions. In: Frangipane M. et al. (eds.). *Between the Rivers and the Mountains*. Roma: La Sapienza, 133—161.

References

Bespalyi, E. N., Bespalyi, G. E. 2002. In *Aksaiskie drevnosti (Aksay antiquities)*. Rostov-on-Don: ANIB, 19—110 (in Russian).

Betrozov, R. Zh., Nagoev, A. Kh. 1984. In *Arkheologicheskie issledovaniia na novostroikakh Kabardino-Balkarii v 1972—1979 gg*. (*Salvage archaeological investigations in Kabardino-Balkaria in 1972—1979).* Nalchik: Elbrus, 7—87 (in Russian).

Kantorovich, A. R., Maslov, V. E. 2009. In *Materialy po izucheniiu istoriko-kul'turnogo naslediia Severnogo Kavkaza (Research materials on the historical and cultural heritage of Northern Caucasus*) IX. Stavropol: Nasledie, 83—116 (in Russian).

Korenevskiy, S. N. 1993. *Drevneishee osedloe naselenie na srednem Tereke (The most ancient sedentary population in middle Terek region)*. Moscow: Znanie (in Russian).

Korenevskiy, S. N. 2004**.** *Drevneishie zemledel'tsy i skotovody Predkavkaz'ia (maikopsko-novosvobodnenskaia obshchnost', problemy vnutrennei tipologii) (The ancient farmers and cattle breeders of the Northern Caucasus (Maikop culture, the problems of internal typology))*. Moscow: Nauka (in Russian).

Korenevskiy, S. N. 2006. In *Pogrebal'nye pamiatniki epokhi bronzy i rannego zheleznogo veka ravninnoi zony Respubliki Ingushetiia (Bronze and Early Iron Age funerary sites of the plain zone of Ingushetia Republic)*. Moscow: IA RAN, 7—12 (in Russian).

Korenevskiy, S. N. 2008. In *Arkheologiia Kavkaza i Blizhnego Vostoka (Archaeologz of Caucasus and Near East)*. Moscow: Taus, 71—122 (in Russian).

Korenevskiy, S. N. 2011. *Drevneishii metall Predkavkaz'ia. Tipologiia. Istoriko-kul'turnyi kontekst (The ancient metal in the Fore-Caucasus. Typology, historical and cultural aspect)*. Moscow: Taus (in Russian).

Korenevskiy, S. N., Atabiev, B. Kh., Akkizov, A. Ia., Khashirokov, A. Kh. 2008. In *Drevnosti Kavkaza i Blizhnego Vostoka (Archaeologz of Caucasus and Near East)*. Moscow: Epokha, 123—155.

Kotova, N. S. 2006. *Rannii eneolit stepnogo Podneprov'ia i Priazov'ia (Early Copper Age of the steppe Dnieper and Azov regions)*. Luhansk: VNU (in Russian).

Markovin, V. I. 1960. *Kul'tura plemen Severnogo Kavkaza v epokhu bronzy (II tys. do n. e.)***.** Materialy i issledovaniia po arkheologii SSSR **(***Culture of the tribes of Northern Caucasus in the Bronze Age (II millennium BC)***.** Materialy i issledovaniia po arkheologii SSSR (Materials and researches on the archaeology of USSR) 63 (in Russian)**.**

Munchaev, R. M. 1994. In *Arkheologiia SSSR (*Epokha bronzy Kavkaza i Srednei Azii. Ranniaia i sredniaia bronza Kavkaza*) (Archaeology of USSR (Bronze Age of Caucasus and Central Asia. Early and Middle Bronze Age of Caucasus))*. Moscow: Nauka, 158—225 (in Russian).

Museibli, N.A. 2007. *Eneoliticheskoe poselenie Beiuk Kesik (Copper Age settlement of Beiuk Kesik*). Baku: Nafta-Press (in Russian).

Frangipane, M., Palmieri, A. 1983. A Protourban centre of the Late Uruk period. The Pottery of Period Via. Metal Objects. Small Finds. *Origini* XII (2a), 287—454.

Frangipane, M. 1993. Local components in the development of centralized societies in Syro-Anatolian regions. In: Frangipane M. et al. (eds.). *Between the Rivers and the Mountains*. Roma: La Sapienza, 133—161.

Статья поступила в номер 5 января 2013 г.

Sergey Korenevskiy (Moscow, Russia). Doctor of Historical Sciences. Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences[1].

Sergey Korenevskiy (Moscova, Rusia). Doctor în ştiinţe istorice. Institutul de arheologie al Academiei de Ştiinţe a Rusiei.

Кореневский Сергей Николаевич (Москва, Россия). Доктор исторических наук. Институт археологии Российской Академии наук.

E-mail: skorenevskiy@yandex.ru

Sergey Burkov (Kislovodsk, Russia).

Sergey Burkov (Kislovodsk, Rusia).

Бурков Сергей Борисович (Кисловодск, Россия).

E-mail: sergeyburkov@front.ru

Address: [1] Dmitry Ulyanov St., 19, Moscow, 117036, Russia

Список сокращений

АВЕС — Археология восточно-европейской степи. Саратов.
АВУ — Археологічні відкриття в Україні. Київ.
АДУ — Археологічні дослідження в Україні. Київ.
АИМ — Археологические исследования в Молдавии. Кишинев.
АИУ — Археологические исследования на Украине. Киев.
АК МССР — Археологическая карта Молдавской ССР. Кишинев.
АН Арм. ССР — Академия наук Армянской ССР.
АН СССР — Академия наук СССР.
АН УССР — Академия наук Украинской ССР.
АСГЭ — Археологический сборник Государственного Эрмитажа. Ленинград.
БАН — Болгарская Академия наук.
БКИЧП — Бюллетень Комиссии по изучению четвертичного периода. Москва.
ВГПУ — Воронежский государственный педагогический университет.
ВСЕГЕИ — Всероссийский научно-исследовательский геологический институт им. А.П. Карпинского. Санкт-Петербург.
ВУАК — Всеукраинская археологическая комиссия.
ГИМ — Государственный исторический музей. Москва.
ДГУ — Днепропетровский государственный университет.
ДНУ — Днепропетровский национальный университет.
ДонГУ — Донецкий государственный университет.
ДонНУ — Донецкий национальный университет.
ДСПК — Древности степного Причерноморья и Крыма. Запорожье.
ЗОАО — Записки Одесского археологического общества. Одесса.
ИИМК — Институт истории материальной культуры. Санкт-Петербург.
КДУ — Кам'яна доба України. Київ.
КС ОАО — Краткие сообщения Одесского археологического общества. Одесса.
КС ОГАМ — Краткие сообщения о полевых археологических исследованиях Одесского государственного археологического музея. Одесса.
КСИА — Краткие сообщения Института археологии АН СССР. Москва; Ленинград.
КСИИМК — Краткие сообщения Института истории материальной культуры. Ленинград / Санкт-Петербург.
КСИА АН УССР — Краткие сообщения Института археологии АН УССР. Киев.
КуйбГПИ — Куйбышевский государственный педагогический институт.
МАСП — Материалы по археологии Северного Причерноморья. Одесса.
МГОУ — Московский государственный областной университет.
МДАСУ — Матеріали та дослідження з археології Східної України. Луганськ.
МИА — Материалы и исследования по археологии СССР. Москва; Ленинград.
НИЛ — Научно-исследовательская лаборатория.
НКО — Народний комісаріат освіти.
ПГКУ — Приднестровский государственный корпоративный университет.
ПГУ — Приднестровский государственный университет.
РА — Российская археология. Москва.
РАН — Российская Академия наук.
СА — Советская археология. Москва.
САИ — Свод археологических источников. Москва.
СамГПУ — Самарский государственный педагогический университет.
СамГУ — Самарский государственный университет.
СГПИ — Саратовский государственный педагогический институт.
ССПК — Старожитності степового Причорномор'я і Криму. Запоріжжя.
ФДКМ — Фастівський державний краєзнавчий музей.
AM — Arheologia Moldovei. Bucureşti.
ArhMold — Arheologia Moldovei. Iaşi.
BAR IS — British Archaeological Reports. International Series. Oxford.
BMA — Bibliotheca Memoriae Antiquitatis. Piatra-Neamţ.
ELTE BTK — Eötvös Loránd Tudományegyetem Bölcsészettudományi KAr. Budapest.

HASc. — Hungarian Academy of Sciences.
HOMÉ — Herman Ottó Múzeum Évkönyve. Miskolc.
JAMÉ — Jósa András Múzeum Évkönyve. Nyíregyháza.
MA szakdolgozat — Master szakdolgozat.
MÁFI — Magyar Állami Földtani Intézet. Budapest.
MemAntiq — Memoria Antiquitatis. Acta Musei Petrodavensis. Piatra Neamţ.
PAS — Prähistorische Archäologie in Südosteuropa. München.
PBF — Prähistorische Bronzefunde. München.
SCIV — Studii şi cercetări de istorie veche şi arheologie. Bucureşti.
SCIVA — Studii şi cercetări de istorie veche şi arheologie. Bucureşti.
UPA — Universitätsforschungen zur Urgeschichtlichen Archäologie. Bonn.

Stratum plus. № 2 (2014)
Археология и культурная антропология.
2014. — 383 стр.

Подписано к печати 07. 04. 2014 г.

Университет «Высшая антропологическая школа»,
«Stratum plus» P. P.:
Адрес: ул. Зимбрулуй, 10а, Кишинев, MD-2024,
Республика Молдова

Формат 60×84 1/8. Бумага офсет №1. Печать офсетная.
Гарнитура «Liberation». Тираж 300 экз. Заказ № 2724.
Отпечатано в Г.П. ИПФ «Центральная типография»:
Адрес: ул. Флорилор 1, Кишинев, MD-2068,
Республика Молдова

Stratum plus. No. 2 (2014)
Archaeology and Cultural Anthropology.
2014. — 383 pp.

Endorsed for print Aprile 07, 2014.

High Anthropological School University,
“Stratum plus” Journal:
Address: Zimbrului St., 10a, Kishinev, MD-2024,
Republic of Moldova

Format 60×84 1/8. Offset paper no. 1. Offset print.
Font “Liberation”. 300 copies. Order no. 2724.
Printed by State Owned Publisher “Tipografia Centrala”:
Address: Florilor St., 1, Kishinev, MD-2068,
Republic of Moldova